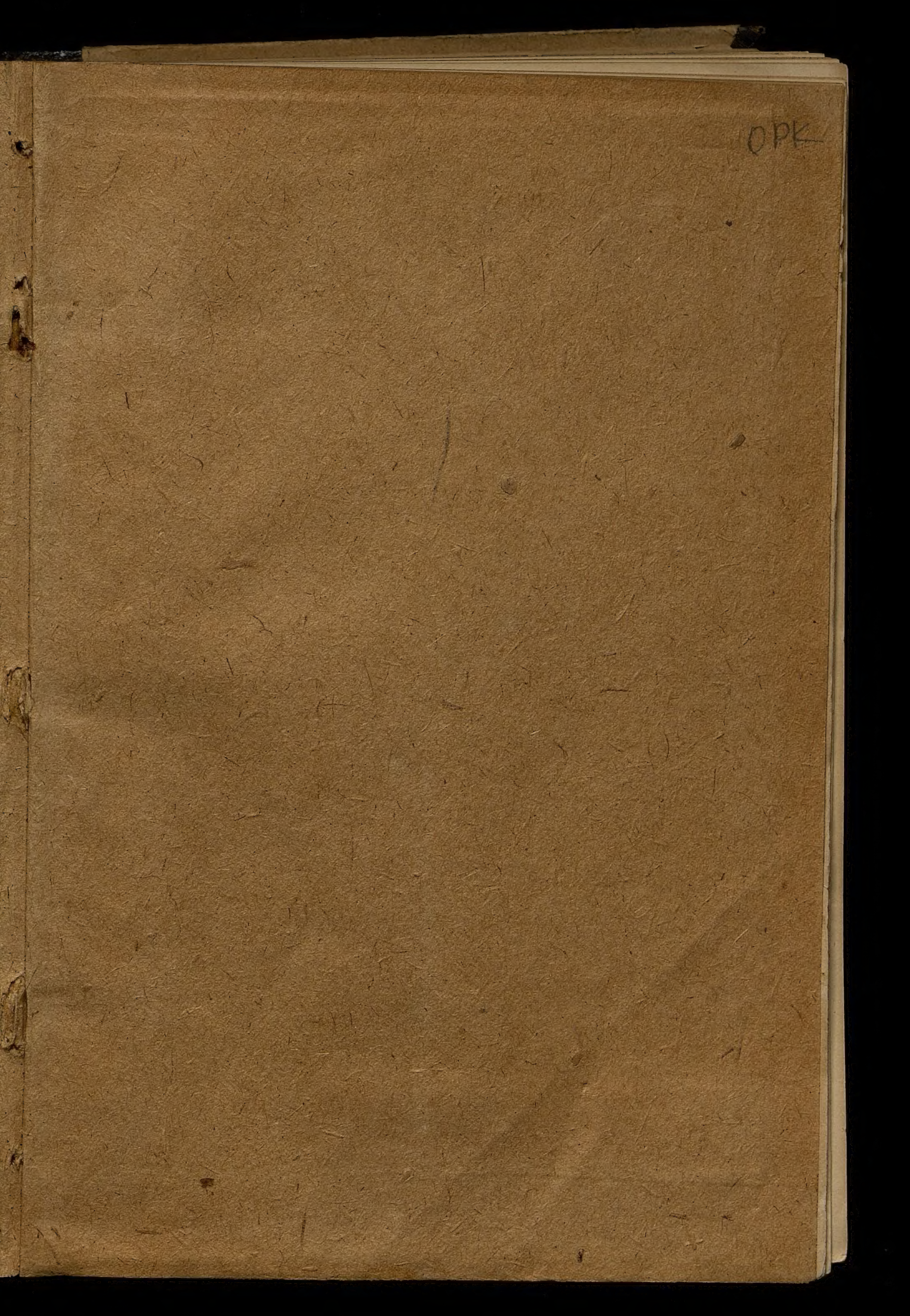
Реклю, Э.

Земля и люди.

Всеобщая география

2

OPK

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

VIII.

ИНДІЯ и ИНДО-КИТАЙ.

Съ 67 рисунками
и картою на 2 листахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ А. ИЛЬИНА.
(На углу Екатерингофск. просп. и Б. Мастерской, д. № 11/43).
1886.

Типографія Министерства путей сообщенія (А. Бенке), Фонтанка, 99.

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 8 декабря 1885 г.

Болѣе половины предпринятаго изданія вышло въ свѣтъ. Оканчивая этотъ восьмой томъ, я вижу ясно передъ собою, что̀ мнѣ остается еще сдѣлать, и могу съ довѣріемъ продолжать мой трудъ. Какъ не припомнить въ эту минуту съ глубокою благодарностью имена тѣхъ, кто помогалъ мнѣ присылкой замѣтокъ, классификаціей источниковъ и документовъ, аннотаціей рукописи или корректурныхъ листовъ? Въ особенности вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность благодарить за ихъ любезное сотрудничество гг. Льва Мечникова, моего брата Эли Реклю, Гюстава Лефрансе, Роода-фанъ-Эйзинга, Эрнеста Дежардена, Шарля Шиффера, Дютрейль-де-Рена, Польгера, путешественника Жоржа Бертрана, гг. Скинна изъ Калькутты, Андерсона изъ Коломбо, Роберта Гордона изъ Рангона. Гг. Перронъ и Сломчинскій продолжали оказывать мнѣ свое содѣйствіе, составляя со своею обычною тщательностью карты, входящія въ этотъ томъ. Прошу также гг. Тэйлора, Вюилье, Шрадера, Сируи, Ронжа, Терона, Прянишникова, Фрителя, которые своими рисунками такъ много способствовали благосклонному пріему, оказанному публикой *Новой Всеобщей Географіи*, принять выраженіе моей личной признательности.

ИНДІЯ И ИНДО-КИТАЙ.

Глава первая.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ.

„Индія“ — одно изъ тѣхъ географическихъ именъ, которыя имѣли много различныхъ значеній въ теченіе вѣковъ. Сначала оно примѣнялось только къ той области, по которой протекаетъ, по выходѣ изъ горныхъ ущелій, рѣка Синду, извѣстная у западныхъ народовъ подъ названіемъ Инда, а потомъ его распространили послѣдовательно на всѣ восточныя страны, которыя посѣтили или о которыхъ слышали древніе. Къ бассейну Синда прибавился, какъ часть Индіи, бассейнъ Ганга; полуостровъ Декана, затѣмъ восточныя земли, лежащія по ту сторону Ганга, тоже получили это общее наименованіе. Острова, разсѣянные на юго-востокѣ азіатскаго континента, также были причислены къ индійской области, равно какъ всѣ отдаленные архипелаги Малезіи, гдѣ арабы опередили европейцевъ въ своихъ торговыхъ экспедиціяхъ. У средневѣковыхъ писателей Индія заключала въ себѣ также Аравію и Эѳіопію; въ ихъ воображеніи она обнимала всѣ „земли Солнца“, то-есть, страны Востока и Юга, рѣзко отличающіяся своими произведеніями и климатомъ отъ областей умѣреннаго пояса [1]. Наконецъ, когда Христофоръ Колумбъ поплылъ на западъ, чтобы отыскать крайнюю Азію съ другой стороны нашей планеты, острова и континентальные берега, открытые испанцами въ Новомъ Свѣтѣ, были, естественно, названы великимъ мореплавателемъ именемъ тѣхъ земель, къ которымъ, какъ онъ полагалъ, пристали его корабли. Новая „Индія“, то-есть, Антильскіе острова и сосѣдняя Твердая земля (Costa ferma), сохранила названіе, данное ей Колумбомъ; по крайней мѣрѣ, для отличія отъ восточной, или Остъ-Индіи, ее называютъ

[1]) *Chr. Lassen* „Indische Alterthumskunde“.

западной, или Вестъ-Индіей, тогда какъ, по прискорбной географической сбивчивости понятій, первобытныя племена Америки все еще обозначаются именемъ „индѣйцевъ“, принадлежащимъ съ гораздо бо̀льшимъ правомъ жителямъ полуострова по сю сторону Ганга. Географическое выраженіе „Индія“ получило, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую точность; но если это имя примѣняется въ тѣсномъ значеніи къ двумъ восточнымъ полуостровамъ Южной Азіи, то оно обнимаетъ также, въ болѣе общемъ смыслѣ, архипелаги, простирающіеся на юго-востокъ по направленію къ Австраліи, между Японскимъ моремъ и Индійскимъ океаномъ [1]). Исключая тѣ случаи, гдѣ окажется нужнымъ изложить общія соображенія, относящіяся къ сравнительной географіи, настоящій томъ будетъ трактовать только о континентальной Индіи и объ островахъ, непосредственно къ ней принадлежащихъ.

Во многихъ отношеніяхъ Восточная Индія представляетъ страну, гдѣ картины природы имѣютъ наиболѣе грандіозный характеръ. На сѣверѣ равнинъ Инда и Ганга высятся громады горъ, самыхъ высокихъ на нашей планетѣ, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ мы не увидимъ, чтобы продолжался на болѣе обширныхъ пространствахъ контрастъ блистающихъ своими снѣжными вершинами величественныхъ пиковъ съ однообразнымъ моремъ зелени, подъ которымъ исчезаютъ нижнія выпуклости рельефа почвы. По ту сторону сѣвернаго ската Гималайскаго хребта тянутся одна за другой безводныя, лишенныя растительности, пустыни на массивѣ тибетскихъ плоскогорій, прерываемыя тамъ и сямъ глубокими впадинами или долинами, гдѣ текутъ ручьи, гдѣ пріютились деревья и люди; на полуденномъ склонѣ, напротивъ, земля понижается уступами до равнинъ, обильно орошаемыхъ и необыкновенно богатыхъ органическою жизнью. Внутри гористой области открываются, въ видѣ обширныхъ цирковъ, роскошныя долины, какъ, напримѣръ, Кашмирская,—долины, въ которыхъ народное воображеніе видѣло земной рай, гдѣ жило человѣчество во времена своего золотаго вѣка, и которыя, дѣйствительно, представляютъ благословенныя мѣстности, почти неимѣющія равныхъ себѣ по здоровости климата, плодородію почвы, прелести и великолѣпію пейзажей, отражающихся въ зеркальной поверхности озеръ и текущихъ водъ, наконецъ, по блеску неба, которое развернулось исполинскимъ куполомъ надъ амфитеатромъ снѣговыхъ горъ. На другой оконечности Восточной Индіи, въ архипелагахъ, принадлежащихъ къ Азіи, могущество творческихъ силъ обнаруживается явленіями иного рода. Тамъ большія горы не проникаютъ въ высшія пространства атмосферы, гдѣ влажность падаетъ всегда въ состояніи снѣжныхъ кристалловъ, но онѣ поднимаются надъ очагами вѣчно кипящей лавы, которые продолжаются на

---

[1]) *Carl Ritter* „Asien“; *Alfred R. Wallace* „The Malay Archipelago“.

тысячи верстъ; ни въ какой другой странѣ вулканическіе конусы, окруженные поясами зелени, не слѣдуютъ одинъ за другимъ съ такою правильностью на разсѣлинахъ почвы. Тамъ твердыя лавы, на которыхъ не можетъ произрастать ни одно растеніе, широкія площади грязи, пропасти, откуда съ шумомъ вырывается паръ, безмолвные цирки, или котловины, наполненныя негоднымъ для дыханія воздухомъ, составляютъ рѣзкій контрастъ съ лѣсами самой могучей растительности, гдѣ деревья переплетаются стволами и вѣтвями, переполненными растительнымъ сокомъ, который превращается въ камедь, въ ароматическія вещества, въ яды. Было время, когда вулканическія явленія, подобныя наблюдаемымъ нынѣ на Сондскихъ островахъ или даже превосходившія ихъ по силѣ дѣйствія, происходили также и въ собственной Индіи. Груды лавы, разсѣянныя во множествѣ на плоскихъ возвышенностяхъ Декана, свидѣтельствуютъ о чрезвычайно сильной дѣятельности, которую нѣкогда проявляли подземные вулканическіе очаги полуострова; но въ настоящее время почва континентальной Индіи находится въ состояніи покоя и обнаруживаетъ лишь вѣковыя колебанія, подобныя тѣмъ, какія испытываютъ всѣ берега материковъ. Въ равнинахъ Конкана, къ востоку отъ Бомбея, еще видны кое-гдѣ эруптивныя жерла [1]); но на деканскихъ земляхъ теперь существуетъ только одна кратерообразная котловина, та, которую наполняетъ на половину озеро Лунаръ, и гдѣ незамѣтно никакихъ слѣдовъ изверженія лавы. Единственный, бывшій въ недавнее время, вулканическій взрывъ, если онъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, произошелъ въ морѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ береговъ Пондишери. На полуостровѣ по ту сторону Ганга, правда, найдены конусы изъ лавы съ правильнымъ кратеромъ, какъ, напримѣръ, Паппа-лунгъ, между Арраканомъ и Пагамомъ, на р. Иравади; но эти вулканы погасли еще во времена міоценовой эпохи. Единственныя изверженія, о которыхъ разсказываетъ исторія,—это изверженія многочисленныхъ грязныхъ вулкановъ, находящихся на островахъ Рамри, Чедуба и на сосѣднемъ материкѣ, отъ Джиттатонга до устьевъ Иравадди [2]). Нѣкоторые островки, лежащіе къ востоку отъ Андаманскихъ и которые могутъ быть разсматриваемы, какъ гребень подводной горной цѣпи, параллельной этой группѣ, Барренъ-Айлендъ и Наркандамъ, извергаютъ по временамъ пепелъ и лаву.

Подъ небомъ Индіи атмосферныя явленія отличаются бо́льшею силой и буйностью, чѣмъ гдѣ-либо. Отъ холодныхъ плоскогорій Тибета до знойныхъ береговъ полуострововъ и отъ береговъ Индійскаго океана до береговъ Китайскаго моря, разности температуры, степени влажности воздуха, атмосфернаго давленія, напряженности электричества бываютъ

[1]) *Clark* „Records of the Geological Survey of India“, vol. XIII, part. I, 1880.

[2]) *Buist* „Volcanoes in India“, „Journal of the Geographical Society in Bombay“, vol. X; *R. Mallet* „Records of the Geological Survey of India“, vol. XI, 1878.

*

иногда столь значительны, что правильная перемѣна вѣтровъ недостаточна для возстановленія равновѣсія: разражаются ураганы, не менѣе сильные, чѣмъ ураганы Антильскихъ и Маскаренскихъ острововъ, но болѣе страшные по производимымъ ими опустошеніямъ, такъ какъ они проходятъ надъ мѣстностями, болѣе богатыми и болѣе населенными; часто путь индійскаго урагана былъ отмѣченъ разрушеніемъ городовъ, гдѣ цѣлыя населенія были погребены подъ развалинами зданій. Хотя омываемый океаномъ западный полуостровъ Индіи имѣетъ, однако, свои пустыни, но на скаты его горъ льются наиболѣе обильные дожди, какіе только были гдѣ-либо измѣрены до сихъ поръ: въ иномъ округѣ Индустана выпадаетъ дождя, среднимъ числомъ, въ двадцать разъ болѣе, чѣмъ на равной поверхности Франціи, имѣющей, сравнительно, сырой климатъ. Рѣки заключаютъ въ своихъ руслахъ жидкую массу, соразмѣрную обилію выпадающей дождевой воды; не смотря на относительно небольшую длину и узкій бассейнъ, индійскіе потоки, какъ, напримѣръ, Брамапутра, могутъ быть поставлены на ряду съ самыми могучими рѣками земнаго шара, и огромнымъ количествомъ своихъ наносовъ они способствуютъ быстрому измѣненію очертанія береговъ; хотя они изливаются въ океанъ съ приливами, такъ что отливъ дважды въ сутки прочищаетъ ихъ устья, тѣмъ не менѣе, однако, большая часть главныхъ рѣкъ Индіи и Индо-Китая выдвинула свои дельты на большія разстоянія въ море. Даже по рельефу морскаго дна и по явленіямъ, происходящимъ въ глубинахъ моря, Индія отличается отъ другихъ областей земли. Южныя моря, воды Антильскихъ и Багамскихъ острововъ имѣютъ свои коралловыя кольца; но никакой архипелагъ Мадрепоровыхъ острововъ не можетъ сравниться съ „десятью тысячами острововъ" Мальдивскаго архипелага, замѣчательнаго необыкновенною правильностью своихъ кольцеобразныхъ рифовъ, состоящихъ изъ другихъ „атолловъ", которые, въ свою очередь, подраздѣляются на подводные камни точно такой же формы, едва выступающіе надъ поверхностью моря своими обломанными скалами.

Часть человѣчества, живущая въ Восточной Индіи, и особенно въ собственно такъ-называемомъ Индустанѣ, есть одна изъ тѣхъ, которыя, по важности своей исторической роли, начиная съ первыхъ временъ цивилизаціи, могутъ оспаривать первое мѣсто у народовъ запада. Уже самая численность обезпечиваетъ ей видное мѣсто между группами націй, такъ какъ болѣе одной пятой человѣческаго рода, 300 милліоновъ людей, скучено на двухъ полуостровахъ, отъ устьевъ Инда до Сингапурскаго пролива; слѣдовательно, обитатели этихъ странъ въ четыре или въ пять разъ болѣе сближены другъ съ другомъ, чѣмъ жители остальной земли, и въ нѣкоторыхъ, особенно счастливыхъ въ этомъ отношеніи областяхъ, каковы, напримѣръ, равнины Ауда и Бенгаліи, земля населена такимъ большимъ числомъ людей, какого не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ,

за исключеніемъ большихъ городовъ. Правда, значеніе и дѣла націй измѣряются не густотой ихъ населенности; но именно между общими предками нынѣшнихъ индусовъ и ихъ сосѣдей на сѣверномъ склонѣ Гинду-куша историки отыскали, между первыми воспитателями цивилизованнаго человѣчества, тѣхъ, которые всего болѣе приближаются къ западнымъ народамъ по языку и генію и которые оставили намъ въ наиболѣе чистомъ состояніи начатки нашей первобытной образованности.

Еще въ прошломъ столѣтіи ученые, задавшіеся цѣлью отыскать начало и происхожденіе европейской культуры, обращали взоры преимущественно къ Греціи и Малой Азіи; они выпытывали также у древняго Египта и у Халдеи ихъ историческія тайны; но открытіе сокровищъ, которыми нынѣшній міръ обязанъ отдѣленнымъ отъ него длиннымъ рядомъ вѣковъ первобытнымъ человѣческимъ обществамъ Верхняго Пенджаба, принадлежитъ искателямъ недавнихъ и современныхъ намъ поколѣній. На разстояніи болѣе чѣмъ 3.000 лѣтъ почтенныя слова ведъ, произнесенныя ришіями, или „мудрецами", представляются людямъ нашихъ дней какъ бы пѣснями ихъ дѣтства: имъ кажется, какъ будто они слышали ихъ въ колыбели, повторяли ихъ въ сновидѣніи, въ грезахъ,— до такой степени онѣ вызываютъ въ ихъ умѣ знакомыя впечатлѣнія; они какъ будто узнаютъ глубоко запечатлѣнную память ихъ собственнаго прошлаго въ исторіи этого общества отдаленныхъ временъ. Культъ ведическихъ племенъ, поселившихся на берегахъ „Семи рѣкъ", тотъ же самый, который ребенокъ воспроизводитъ инстинктивно, трепеща передъ грозой, взывая, словно къ божеству, къ солнцу и дождю, олицетворяя всѣ предметы природы, деревья, ручьи и облака. Простые миѳы этой первобытной религіи арійскихъ пахарей переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ культа въ культъ, и послѣ тысячи измѣненій, которымъ они подвергались вслѣдствіе примѣси различныхъ элементовъ, ихъ можно различить и теперь еще; даже имена древнихъ боговъ не забыты. Иная сказка, которую гдѣ-нибудь въ Тюрингіи, въ Абруццахъ или въ Лимузенѣ старая поселянка разсказываетъ въ длинные зимніе вечера, походитъ, какъ двѣ капли воды, на разсказы, которые можно услышать по вечерамъ въ хижинахъ Деккана или Раджпутаны; отъ устья Меконга до мысовъ Финастерре Европы, тотъ или другой суевѣрный обрядъ всегда соблюдается крестьяниномъ въ важныхъ обстоятельствахъ его жизни, хотя первоначальный смыслъ этого обряда ему совершенно неизвѣстенъ.

И въ то время, какъ этотъ общій капиталъ, общій запасъ знаній сохранялся въ народномъ умѣ, отъ одного до другаго конца Стараго Свѣта, успѣхи, достигнутые въ высшихъ сферахъ мысли, у родственныхъ націй, раздѣленныхъ „индійскимъ Кавказомъ", шли путемъ соотвѣтственной эволюціи. Индусскіе философы затрогивали великія проблемы жизни съ такою же смѣлостью и такою же широтою взглядовъ, какъ это

дѣлали позднѣе метафизики Греціи и западныхъ странъ; въ то же время рапсоды воспѣвали дѣянія героевъ, и мало-по-малу образовались дивныя эпопеи, отдаленный отголосокъ которыхъ мы находимъ въ Иліадѣ; басни и сказки обратили въ пословицу „мудрость Индіи“; появилась драма, смѣшанная въ началѣ съ гимнами храмовъ, и вскорѣ стала развиваться съ полною свободой, чтобы достигнуть такой силы чувства и выраженія, которая никогда не была превзойдена. Да и самый языкъ, на которомъ были написаны эти чудныя творенія, не связанъ ли онъ самымъ близкимъ родствомъ съ „арійскими“ языками, которые постепенно получили преобладаніе въ Европѣ и которыми въ Новомъ Свѣтѣ и въ Австраліи говорятъ теперь болѣе ста милліоновъ человѣкъ? Между флексивными языками есть ли болѣе богатые, болѣе гибкіе, болѣе звучные, чѣмъ этотъ прекрасный санскритъ, гдѣ филологи, страстно изучающіе его, отыскиваютъ съ радостью корни и первобытныя формы ихъ собственныхъ европейскихъ языковъ? Черезъ рѣчь, то-есть, черезъ живую, воплотившуюся въ словѣ мысль, многіе народы дошли до познанія своего истиннаго родства. Индія—родная сестра Европы; съ тѣхъ поръ, какъ она была, такъ сказать, вновь открыта научной критикой, она доставила западнымъ изслѣдователямъ болѣе, чѣмъ всякая другая страна, элементы, которые позволили имъ признать и классифицировать три новыя науки: сравнительную филологію, сравнительную миѳологію и сравнительную юриспруденцію [1]). Не индусамъ ли также мы обязаны десятичной системой счисленія и употребленіемъ нуля? [2]) Исключая изобрѣтенія финикійскаго письма, отъ котораго ведутъ свое происхожденіе какъ индійскіе алфавиты, такъ греческая и латинская азбуки, есть ли хоть одно открытіе, которое содѣйствовало бы болѣе, чѣмъ этотъ способъ нумераціи, успѣхамъ, достигнутымъ человѣчествомъ въ познаніи планеты и эксплуатаціи ея сокровищъ [3])?

Тѣмъ не менѣе, однако, „арійскій“ міръ, который начинается на полуденномъ склонѣ Гинду-куша, бассейномъ Инда, всегда оставался совершенно самобытнымъ, отличнымъ отъ родственныхъ націй запада. Индія совершенно отдѣлена, если не на сѣверо-востокѣ, со стороны Китая, то, по крайней мѣрѣ, на западѣ и на сѣверо-западѣ, со стороны Персіи, безводными пространствами, дикими, необработанными плоскогорьями, высокими, покрытыми снѣгомъ горами. Эти географическія границы начертаны природой такъ рѣзко и опредѣленно, что онѣ не

---

[1]) *H. Sumner Maine* „Effects of the observation of India on modern European thought“; *Angelo de Gubernatis* „Memoria intorno a'viaggiatori Italiani nelle Indie Orientali“.

[2]) *Chézy et I. L. Burnouf* „Vajnadattabada“; *Reinaud* „Mémoire sur l'Inde“; *E. E. Thomas* „Ancient Indian Numerals“.

[3]) *Fr. Kopp* „Bilder und Schriften der Vorzeit“; *Albrecht Weber* „Indische Skizzen“.

могли не сдѣлаться въ то же время и этнологическими границами, не смотря на экспедиціи завоевателей и временныя присоединенія земель: съ той и другой стороны различные родственные по языку народы слѣдовали въ своемъ историческомъ развитіи каждый своимъ отдѣльнымъ путемъ. Однако, пороги горныхъ цѣпей, черезъ которые арійскіе предки обоихъ склоновъ поддерживали взаимныя сношенія, не на столько высоки и не на столько завалены снѣгами, чтобы могло когда-либо прерываться сообщеніе между Восточной Индіей и передней Азіей. Арміи и караваны знали дорогу черезъ Баміанскій перевалъ и другіе горные проходы Гинду-куша и умѣли спускаться къ равнинамъ Индіи историческимъ путемъ, проложеннымъ по берегамъ рѣки Кабулъ. Если народы Европы прерывали въ разныя времена сношенія, прямыя или косвенныя, съ Индустаномъ, то причиной тому были завоевательныя войны и нашествія, воздвигавшія преграду между двумя оконечностями арійскаго міра.

Въ своей совокупности, земли, извѣстныя подъ именемъ Восточной Индіи, не представляютъ географическаго цѣлаго, столь же опредѣленно ограниченнаго, какъ европейскій континентъ, и вслѣдствіе того, исторія не имѣетъ тамъ того же характера единства. Правда, что Индія по сю сторону Ганга, разсматриваемая отдѣльно, есть одна изъ тѣхъ странъ, которыя отличаются наибольшею геометрическою точностью въ своихъ внѣшнихъ очертаніяхъ. Море и горы ограничиваютъ ее въ видѣ площади многоугольника, почти правильной; но Индія по ту сторону Ганга далеко не имѣетъ столь же опредѣленныхъ контуровъ на своихъ континентальныхъ границахъ. Напротивъ, горныя цѣпи и рѣчныя долины расположены тамъ такимъ образомъ, что отъ Барманіи, Лаоса и Аннама до провинцій Срединной имперіи вездѣ находится поясъ постепеннаго перехода; какъ показываетъ самое имя „Индо-Китай", предложенное впервые Мальтъ-Бреномъ[1]) и общепринятое со временъ знаменитаго французскаго географа для юго-восточнаго полуострова Азіи, эта земля принадлежитъ, какъ географически, такъ и исторически, къ двумъ сосѣднимъ мірамъ. Что касается острововъ и архипелаговъ, то самая разбросанность ихъ среди морей дѣлаетъ изъ нихъ столько же отдѣльныхъ областей, особыхъ мірковъ, и нѣкоторые изъ этихъ острововъ рѣдко посѣщаются или по причинѣ рифовъ, которыми они защищены, какъ неприступною стѣной, или по причинѣ вулканическихъ изверженій, которыя ихъ опустошаютъ, или, наконецъ, по причинѣ непроходимыхъ лѣсовъ, покрывающихъ ихъ поверхность. Даже на материкѣ многія мѣстности Индіи усѣяны стоячими водами и покрыты джунглями, которые заставляютъ путешественниковъ дѣлать большіе обходы.

Раздѣленная такимъ образомъ на рѣзко обособленныя части,

[1]) „Géographie universelle", tome V.

Восточная Индія не можетъ, понятно, сравниться съ Европой по объему историческаго движенія. Въ Индіи никогда не возникало имперіи, подобной, по размѣрамъ, колоссальному римскому міру, который обнималъ почти весь бассейнъ Средиземнаго моря и былъ ограниченъ на сѣверѣ только волнами Атлантическаго океана и обширными лѣсами Германіи, на югѣ только пустынями Африки. Хотя громадный „римскій миръ" былъ разстроенъ, и Европа раздѣлена теперь на множество государствъ, иногда враждующихъ между собою, однако, націи почти всего европейскаго континента морально и интеллектуально достаточно близки другъ къ другу, чтобы считать себя происходящими отъ одной и той же расы, говорить языками одинаковаго происхожденія, черпать въ одномъ и томъ же источникѣ миѳовъ и идей, быть причастными общей цивилизаціи, мѣстныя уклоненія и различія которой уменьшаются съ каждымъ днемъ. Въ Индіи, напротивъ, расовыя отличія остались до настоящей минуты очень опредѣленными; даже въ собственно такъ-называемомъ Индустанѣ существуетъ не менѣе пяти отдѣльныхъ расъ, вполнѣ разграниченныхъ одна отъ другой, какъ наружнымъ видомъ, такъ нравами и языкомъ. Раса, имѣющая преобладающее вліяніе—раса „арійцевъ", чистые представители которой живутъ въ верхнемъ бассейнѣ Ганга, въ виду священныхъ горъ Джамнотри и Ганготри, заключаетъ въ себѣ, вѣроятно, не болѣе десяти милліоновъ индивидуумовъ, если принимать въ разсчетъ только тѣхъ ея представителей, которые носятъ имя брамановъ; но не смотря на учрежденіе кастъ, которое, впрочемъ, возникло въ позднѣйшее время, послѣ эпохи нашествій, и дѣйствіе котораго буддизмъ пріостановилъ на нѣсколько вѣковъ, арійцы побѣдители разнообразно смѣшались съ коренными жителями страны. Подвергаясь сами индійскому вліянію, они въ то же время аріанизировали постепенно туземные народцы полуострова; въ сѣверныхъ и среднихъ областяхъ Индіи и на островѣ Цейлонѣ насчитываютъ не менѣе 170 милліоновъ жителей, говорящихъ индійскими нарѣчіями. Полуденная Индія составляетъ, въ своей совокупности, другую глоссологическую область, именно область дравидскихъ идіомовъ. Въ центральныхъ провинціяхъ народности еще полудикія, каковы кόлы, санталы, мундахи, гонды и разныя другія племена, которыя происходятъ, вѣроятно, отъ древнѣйшихъ владѣтелей полуострова, оттѣсненныхъ мало-по-малу къ гористымъ и лѣсистымъ мѣстностямъ внутренней Индіи, говорятъ діалектами третьяго семейства, которое вообще называютъ коларійскимъ, по имени одного изъ главныхъ народовъ этой группы первобытнаго населенія. Другое племя, хази или хазіа, живущее въ гористой области, между бассейномъ Брамапутры и бассейномъ Иравадди, составляетъ само по себѣ четвертое семейство, совершенно отличное по языку отъ всѣхъ сосѣднихъ семействъ. Наконецъ, идіомы бодъ или тибето-барманскіе,

господствующіе на Гималайскихъ горахъ и въ Западномъ Индо-Китаѣ, нарѣчія тай, или сіамской группы мой, или аннамской группы, и многочисленные говоры, извѣстные подъ общимъ именемъ малайскаго языка, представляютъ столько же ясно различающихся между собою дѣленій, свидѣтельствующихъ о чрезвычайномъ разнообразіи происхожденій. Кюстъ насчитываетъ въ Восточной Индіи не менѣе 243 различныхъ языковъ, представляющихъ всевозможные переходы отъ моносиллабическихъ (односложныхъ) говоровъ Индо-Китая до богатыхъ флексивныхъ нарѣчій Индустана, происшедшихъ отъ санскритскаго языка [1]).

Область религій, которыя получили начало въ сѣверныхъ равнинахъ Индіи, распространилась, благодаря пропагандѣ, гораздо далѣе, чѣмъ область арійскихъ языковъ, и эти культы всюду принесли съ собою соотвѣтственную цивилизацію. Что бы ни говорили, брамаизмъ, смѣнившій древнія ведическія обрядности, стремился, какъ и всѣ другія религіи, покорить себѣ міръ; онъ распространилъ свои завоеванія даже на островъ Яву и на сосѣдніе съ нимъ острова Бали и Ломбокъ, гдѣ до сихъ поръ еще можно найти его вліяніе въ нарѣчіи, преданіяхъ, нравахъ, искусствахъ, политическихъ учрежденіяхъ. Всѣ языки Восточной Индіи сохранили, по крайней мѣрѣ, слѣды миѳовъ и эпопей, которымъ ихъ научили индусскіе миссіонеры; даже у языческихъ народцевъ на Малайскихъ островахъ и въ лѣсахъ Индо-Китая можно встрѣтить религіозныя церемоніи, напоминающія нѣкоторыми чертами обряды, которые нѣкогда практиковались въ странѣ индійскаго Семирѣчья. Но пропаганда учениковъ Будды была несравненно болѣе дѣятельна, чѣмъ пропаганда браманскихъ религій. Съ рвеніемъ, которое никогда и никѣмъ не было превзойдено, глашатаи „великаго ученія“ пошли на поиски всѣхъ народовъ, варварскихъ и цивилизованныхъ, чтобы проповѣдывать имъ благую вѣсть о равенствѣ, самоотверженіи, справедливости и братской любви. Они перешли даже за границы Восточной Индіи и, перебравшись черезъ Гинду-кушъ, Памиръ, Гималаи, пытались осуществить грандіозный планъ нравственнаго завоеванія всѣхъ странъ, которыя простираются за этими горами до Тихаго океана. Ихъ вѣра покорила себѣ населенія Тибета, Монголіи, Китая, Японіи, и вліяніе ея проявилось, въ формѣ шаманства, даже на берегахъ полярныхъ водъ, у чукчей, тунгусовъ и самоѣдовъ; еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія, до великихъ китайскихъ революцій и до изумительнаго размноженія бѣлой расы въ Европѣ и въ Новомъ Свѣтѣ, религія Будды имѣла гораздо болѣе значительное число послѣдователей, чѣмъ католическій культъ и различныя секты, прикрывающіяся именемъ Іисуса Христа. Но въ то время, какъ буддизмъ распространялся такимъ образомъ за предѣлами своего отечества, принося

[1]) *Robert Cust* „Les Religions et les Langues de l'Inde“.

съ собою индусскія идеи и, во многихъ странахъ, знаніе его священнаго языка, пали, и „божественнаго“ письма, нагари, онъ терялъ мало-по-малу свое владычество въ самомъ Индустанѣ и даже былъ тамъ и самъ грубо оттѣсненъ въ верхнія долины горъ; кастовый духъ, представляемый различными культами браманскаго происхожденія, опять взялъ верхъ. Впослѣдствіи явилась третья религія, религія ислама, принесенная изъ Западной Азіи путемъ пропаганды и оружія, и замѣчательно, что новая вѣра получила наиболѣе важное значеніе именно въ священной странѣ „Семи рѣкъ“, превратившейся теперь въ Пенджабъ, или „Пятирѣчье“: такъ, однѣ религіи смѣняются другими на одной и той же почвѣ, подобно тому, какъ въ одномъ и томъ же лѣсу древесныя породы мѣняются изъ вѣка въ вѣкъ въ извѣстномъ порядкѣ, по закону естественнаго кругооборота. Слѣдуя съ арабскими кораблями по большимъ торговымъ путямъ, магометанство распространилось также въ архипелагахъ Юго-восточной Азіи, гдѣ оно образовало новый слой на основѣ различныхъ мѣстныхъ религій. Что касается христіанства, то оно стало господствующей религіей только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно было навязано силой, какъ, напримѣръ, недавно въ Калькуттѣ и на островѣ Цейлонѣ; но во всѣхъ этихъ округахъ католицизмъ скоро утратилъ свое кажущееся преобладаніе надъ національными культами, переставъ быть государственною религіей.

Начиная съ отдаленной эпохи арійскихъ переселеній, народы Индіи всегда играли пассивную роль въ исторіи войнъ и завоеваній. Съ нравственной точки зрѣнія, экспансивная сила индусскаго генія была весьма значительна, какъ это доказываютъ торжество буддизма во всей Восточной Азіи и глубокое вліяніе, которое идеи, традиціи и миѳы индійскаго происхожденія оказывали на философовъ и теологовъ передней Азіи, Египта и Греціи, въ теченіи періода, подготовившаго восшествіе христіанства. Но, съ матеріальной точки зрѣнія, индусскіе народы, еще не достигшіе до созданія и утвержденія своего собственнаго политическаго единства, не могли помышлять о вторженіи въ сосѣднія страны. Да и какая земля могла бы казаться имъ заманчивой въ сравненіи съ ихъ родиной, столь богатой произведеніями всякаго рода, такой прекрасной, съ ея обильными текучими водами, лѣсами и горами? Сопредѣльныя земли, на сѣверо-востокѣ холмы, населенные разбойничьими племенами, на сѣверѣ нездоровые лѣса и снѣговыя горы, на западѣ дикія ущелья и угрюмая пустыня, были для нихъ страшными пространствами, куда отваживались проникать только купцы, ходившіе караванами. За исключеніемъ таинственныхъ цыганъ, которыхъ считаютъ потомками джатовъ, или банджари, прогнанныхъ съ береговъ Синда арабами, въ восьмомъ и девятомъ столѣтіяхъ, но которые соединились съ другими изгнанниками или выходцами изъ Индіи—можетъ быть, съ тою кастой странствующихъ котельниковъ, которые ввели бронзу въ западныхъ странахъ—въ историческія

времена не было ни одного примѣра массовой эмиграціи индусскихъ населеній; никакой завоевательный походъ не имѣлъ исходной точки въ равнинахъ Индустана, чтобы направиться за горы въ Западную Азію. Хотя Индія съ трехъ сторонъ окружена моремъ и общее протяженіе ея береговъ составляетъ около 6,000 километровъ, однако, индусы никогда не были великими мореплавателями, и выселеніе изъ отечества было даже воспрещено двумъ высшимъ кастамъ. Правда, индусы банигъ-яна, или баніаны, по большей части выходцы изъ Гудзерата и съ сосѣдняго морскаго берега, встрѣчаются во всѣхъ портовыхъ городахъ Аравійскаго моря; но во всѣ времена, начиная съ эпохи Гирама и Соломона до путешествія Васко-де-Гамы, наибольшая часть внѣшней торговли полуострова производилась черезъ посредство арабовъ.

Но сколько честолюбивыхъ государей, сколько полководцевъ, жаждавшихъ славы и возвышенія, пытались завоевать эту Индію, самое имя которой сдѣлалось синонимомъ безконечныхъ и неисчерпаемыхъ богатствъ! Оттуда привозились драгоцѣнныя ткани, оружіе съ богатыми украшеніями изъ накладной работы, рѣзныя издѣлія изъ слоновой кости, жемчугъ, алмазы и золото; западные народы приписывали этой странѣ чудесъ всѣ сокровища сказочныхъ царствъ. Уже Семирамида посылала свои арміи до Синда; Киръ самъ ходилъ съ войскомъ къ границамъ Индіи, и легенда говоритъ, что на возвратномъ пути всѣ, сопровождавшіе персидскаго завоевателя, погибли въ пустыняхъ Гедрозіи, то-есть, Южнаго Белуджистана. Дарій, сынъ Гистаспа, возобновилъ планы Кира; около начала пятаго столѣтія старой эры, первая исторически достовѣрная экспедиція персовъ, подготовленная, какъ разсказываетъ Геродотъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ географическою рекогносцировкой, произведенной Скилаксомъ Каріандскимъ, была предпринята въ области, расположенныя по теченію Синда, какъ о томъ свидѣтельствуютъ древнія персидскія надписи [1]). Побѣдитель персовъ, Александръ Македонскій, не хотѣлъ остаться позади ихъ подвиговъ; онъ рѣшился даже превзойти ихъ, „открывая націямъ извѣстнаго міра,—говоритъ Квинтъ-Курцій,—страны, которыя природа долго скрывала“. Онъ перешелъ въ самомъ дѣлѣ черезъ Индъ; слѣдуя на юго-востокъ, въ направленіи, параллельномъ первымъ отрогамъ Гималайскаго хребта и, безъ сомнѣнія, мало отличномъ отъ той „царской дороги“, удвоенной теперь желѣзнымъ путемъ, которая во всѣ времена была главнымъ трактомъ отъ хребтовъ и перераловъ Гиндукуша къ равнинамъ Ганга, онъ форсировалъ переходъ черезъ рѣку Гидаспъ, или Джиламъ, вѣроятно, верстахъ въ тридцати ниже того мѣста, гдѣ въ наши дни стоитъ городъ того же имени [2]). Видъ мѣстъ вполнѣ

[1]) *Lassen; Oppert; Vivien de Saint-Martin.*

[2]) *Burnes* „Voyage à Boukhara“; *Cunningham* „Ancient Geography of India“; *Carl Ritter* „Asien“.

подтверждаетъ описанія древнихъ авторовъ; такъ, напримѣръ, тамъ отыскали боковую долину, по которой Александръ-Великій пробирался ночью, чтобы напасть неожиданно на войска царя Пора, и гора, господствующая съ сѣверной стороны надъ всею страной, до сихъ поръ носитъ еще имя „горы Солнца“, или Бальнатъ-ка-тила, какъ въ то время, когда Поръ вопрошалъ тамъ оракула. За Джиламомъ македонскій герой переправился послѣдовательно черезъ двѣ другія рѣки Пятирѣчья, Ацезинъ (Чинабъ) и Гидраотъ (Рави); но его армія, уставшая покорять міръ, заставила его остановиться на берегу рѣки Гифазисъ, гдѣ онъ воздвигъ двѣнадцать жертвенниковъ своей собственной славѣ: высоты, расположенныя на сѣверѣ, въ землѣ Манди, и теперь еще извѣстны въ краѣ подъ названіемъ Сикандаръ-ка-даръ, или „Александровыхъ горъ“ [1]). Тамъ долгое время находились границы извѣстнаго міра, какъ это указываетъ таблица Пейтингера: „далѣе ужъ нѣтъ ничего, кромѣ рѣки Океана, которая окружаетъ весь материкъ, то-есть, весь свѣтъ“ [2]). Вернувшись тѣмъ же путемъ къ мѣсту своей побѣды, на берега Джилама, гдѣ онъ велѣлъ построить, съ одной стороны, городъ Никею, а съ другой—городъ Буцефалъ, Александръ-Великій спустился затѣмъ внизъ по теченію Гидаспа до Инда, потомъ по этой рѣкѣ до моря, изслѣдуя рѣчные рукава, устья и гавани и основывая города на удобныхъ для этого мѣстахъ, съ цѣлью установить постоянныя сообщенія между востокомъ и западомъ [3]). Такъ было положено начало научному изслѣдованію Индіи. Съ этой эпохи дороги на полуостровъ не были забыты западными азіатцами, и до временъ Юстиніана купцы изъ Рима, Византіи или Александріи ѣздили прямымъ путемъ въ Индію, по слѣдамъ македонскаго царя. Одинъ посолъ Селевка-Никатора, Мегасѳенъ, проникъ гораздо далѣе внутрь Индустана, такъ какъ онъ посѣтилъ городъ Палиботру, въ нижней равнинѣ Ганга. Царь Сандрокоттъ, принимавшій его при своемъ дворѣ, былъ, безъ сомнѣнія, не кто иной, какъ знаменитый Чандрагупта индусскихъ лѣтописей; это первая историческая личность, о которой упоминаютъ въ одно и то же время повѣствованія греческихъ историковъ и разсказы индійскихъ писателей.

Послѣ похода Александра Македонскаго первое большое нашествіе было вторженіе мусульманъ. Съ начала восьмаго столѣтія арабы приходили въ долину Инда, и въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ восьмисотъ лѣтъ, до основанія могущественнаго магометанскаго царства, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ имперіи „Великаго Могола (Монгола)“, сѣверо-западная граница Индустана оставалась почти всегда открытою чуже-

[1]) *Moocroft; Vigne; Vivien de Saint-Martin* „Etude sur la géographie grecque et latine de l'Inde“, 2-e mémoire.
[2]) *Ernest Desjardins*, рукописныя замѣтки.
[3]) *Carl Ritter* „Asien“; *Ernest Desjardins*, рукописныя замѣтки.

БАНДЕРПУНЧЪ ИЛИ ДЖАМНОТРИ.

земнымъ завоевателямъ. Но султанъ Баберъ, покоритель Сѣверной Индіи, еще не переходилъ черезъ перевалы, ведущіе изъ Туркестана въ бассейнъ Синда, какъ уже европейскіе мореплаватели, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, отняли у горныхъ тропинокъ Гинду-куша большую часть ихъ исторической важности для торговли и для войны; совершивъ плаваніе кругомъ Стараго Свѣта, португальскіе корабли, такъ сказать, заставили Европу сдѣлать поворотъ фронта; вмѣсто того, чтобы смотрѣть на востокъ черезъ Египетъ и Персію, она должна была повернуться лицомъ къ югу, чтобы вступить въ сношеніе съ Индіей. Теперь Лиссабонъ занялъ мѣсто Венеціи и сдѣлался раздавателемъ сокровищъ, привозимыхъ съ полуострова Ганга: равновѣсіе міра вдругъ измѣнилось. Съ этого времени морскія державы Европы были ближе къ Индіи, чѣмъ государства центральной Азіи, если не по разстоянію, то, по крайней мѣрѣ, по времени путешествія, и, слѣдовательно, располагали выгодами, превосходящими тѣ преимущества, какими пользовались прежніе завоеватели. Португальцы не довольствовались мѣновой торговлей съ малабарскими городами: они скоро сами водворились на полуостровѣ, но немного времени спустя явились уже соперники, чтобы оспаривать у нихъ и чтобы увеличить завоеванную территорію. Голландцы, англичане, датчане, французы приходили послѣдовательно основывать свои торговыя конторы на индійской почвѣ, и одно время можно было даже надѣяться, что Дюплэ пріобрѣтетъ для Франціи Деканскую имперію; но, оставленные безъ поддержки метрополіей, маленькіе французскіе отряды были уничтожены войсками англійской остъ-индской компаніи, и эта послѣдняя, захвативъ въ свои руки всѣ главныя торговыя мѣста и всѣ стратегическіе пункты, сдѣлалась самодержавной властительницей страны. Въ началѣ текущаго столѣтія, въ 1803 году, англичане овладѣли столицей Великаго Монгола и низвели преемника султана Акбара на степень простаго пенсіонера „компаніи"; затѣмъ, послѣдовательно, они подчинили своей власти всѣхъ раджей полуострова или даже просто присоединили ихъ владѣнія къ Англо-индійской имперіи. Теперь индійская императрица управляетъ непосредственно или косвенно слишкомъ 260 милліонами подданныхъ въ Индустанѣ; она владѣетъ также самою богатою частью Барманіи и повелѣваетъ почти всѣми царьками Малакскаго полуострова; на самой оконечности этого полуострова, въ томъ мѣстѣ, гдѣ необходимо должны проходить всѣ корабли, огибающіе юго-востокъ азіатскаго континента, она открыла всемірной торговлѣ большой рынокъ—Сингапуръ. Съ своей стороны, Франція взяла въ Кохинхинѣ и въ Камбоджѣ область болѣе значительную, чѣмъ были, въ прошломъ столѣтіи, ея владѣнія въ Индустанѣ. Наконецъ, китайцы, не присоединивъ непосредственно къ „Цвѣтущему царству" ни малѣйшаго мыска, ни малѣйшаго островка индійскихъ земель, извлекаютъ изъ этихъ странъ больше выгодъ, чѣмъ многія изъ

европейскихъ державъ: по промышленности, торговлѣ, колонизаціи, они должны быть считаемы истинными завоевателями; можно сказать, что Сіамъ, въ экономическомъ отношеніи, принадлежитъ имъ больше, чѣмъ самимъ сіамцамъ. На всемъ пространствѣ Восточной Индіи дѣйствительно независимыми народами можно считать только населенія Непала и Бутана, да племена полуцивилизованныя или дикія, живущія въ гималайскихъ долинахъ, въ индо-китайскихъ лѣсахъ и на нѣкоторыхъ Малайскихъ островахъ.

Если исключить нѣкоторыя области на тибетской границѣ, каковы Бутанъ и Верхній Ассамъ, полуостровъ Индустана уже хорошо извѣстенъ съ точки зрѣнія географическаго рельефа, и карты нѣкоторыхъ изъ его провинцій въ отношеніи точности не уступаютъ картамъ западноевропейскихъ странъ; что же касается Индіи по ту сторону Ганга, то тамъ правильныя изслѣдованія производились только въ англійскихъ и французскихъ владѣніяхъ, да вдоль морскаго прибрежья. Замѣчательный контрастъ существуетъ въ этомъ отношеніи между берегами Индо-Китая и его внутренними землями. Въ то время, какъ тысячи судовъ проходятъ каждый годъ въ Малакскомъ проливѣ, большая часть областей Лаоса и Сѣверной Барманіи остаются до сихъ поръ внѣ маршрутовъ европейскихъ путешественниковъ, и даже долины большихъ рѣкъ еще не вездѣ обслѣдованы. Но это состояніе невѣдѣнія относительно странъ, столь любопытныхъ, которыя отдѣляютъ Бенгальскій заливъ отъ верхней долины Янтсекіанга, не можетъ быть продолжительнымъ. Побуждаемые интересами торговли, народы стараются вездѣ сближаться другъ съ другомъ прямыми путями, оставляя прежніе длинные объѣзды вокругъ полуострововъ. Подобно тому, какъ, отправляясь изъ Марсели въ Бомбей, путешественники предпочитаютъ кратчайшій путь черезъ Суэзскій перешеекъ продолжительному плаванію вокругъ Африки, и какъ они современемъ будутъ слѣдовать изъ Европы въ Азію по той или другой изъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ Константинополь и долину Евфрата или черезъ Кавказъ и Хайберъ, такъ точно Калькутта, рано или поздно, соединится съ городами Восточнаго Китая различными сухопутными дорогами, и именно черезъ мѣстности, почти совершенно неизвѣстныя въ наши дни, будетъ проложенъ одинъ изъ главныхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ путей нашей планеты. Индія и Китай, двѣ самыя многолюдныя страны въ свѣтѣ, заключающія вмѣстѣ цѣлую половину земнаго населенія, не имѣютъ еще дороги, которая соединяла бы ихъ непосредственно,—фактъ, какъ нельзя лучше подтверждающій ту истину, что человѣкъ едва только начинаетъ вступать во владѣніе и пользованіе земнымъ шаромъ, котораго онъ величаетъ себя хозяиномъ и господиномъ.

Глава вторая.

ИНДУСТАНЪ.

I.

Общій видъ страны.

Это имя персидскаго происхожденія; Индустанъ, или „Земля индусовъ", есть въ нѣсколько измѣненной формѣ то же самое, что и древнее названіе „Индія", примѣняемое къ полуострову Ганга уже со временъ, предшествовавшихъ исторіи. Откуда произошло это слово, которое во времена великихъ географическихъ открытій, ознаменовавшихъ пятнадцатое и шестнадцатое столѣтія, было употребляемо для всѣхъ странъ тропическаго пояса и которымъ до сихъ поръ еще обозначаютъ Антильскіе острова и прибрежныя земли Караибскаго моря, точно такъ же, какъ полуострова и острова Юго-восточной Азіи? По толкованію большинства комментаторовъ, это имя есть не что иное, какъ названіе рѣки Синду, передѣланное западными народами въ Инду, Индосъ, Индусъ или Indus [1]): весь полуостровъ, какъ они полагаютъ, былъ

[1]) Большія трудности, какія представляла географическая номенклатура Индустана, отнынѣ устранены окончательнымъ принятіемъ способа транскрипціи, который предложилъ Гунтеръ, по методѣ Станислава Жюльена, и который теперь принятъ лондонскимъ географическимъ обществомъ, различными учеными обществами и большинствомъ журналовъ и картъ Индіи, мѣстными администраціями и правительствомъ. Правда, что точное воспроизведеніе индусскихъ звуковъ европейскими буквами не возможно, такъ какъ санскритъ имѣетъ 50 знаковъ, но новая метода имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то драгоцѣнное преимущество, что она передаетъ приблизительно имена, оставляя буквамъ нормальный звукъ, который они имѣютъ почти во всѣхъ европейскихъ языкахъ и особенно въ самихъ діалектахъ Индустана. Такимъ образомъ, исчезнетъ мало-по-малу странная путаница, которую представляли географическія карты и документы, гдѣ иной городъ носилъ до одиннадцати различныхъ именъ, болѣе или менѣе оправдываемыхъ произношеніемъ туземцевъ въ различныхъ нарѣчіяхъ страны. Въ этомъ томѣ мы будемъ неизмѣнно придерживаться способа транскрипціи, введеннаго Гунтеромъ.

названъ по имени главнаго потока, который орошалъ поля первобытныхъ арійцевъ. Но эта этимологія показалась ужь слишкомъ простой, что и помѣшало ей сдѣлаться общепринятой. Уже буддійскій пилигримъ Гіуэнъ-Тсанъ производилъ имя страны отъ словъ *инъ-ту*, означающихъ „луну", на томъ основаніи, что жрецы просвѣщали свое отечество, отражая, какъ мѣсяцъ, свѣтъ солнца. Другіе видятъ въ названіи Индіи имя бога Индры, рука котораго также управляетъ движеніемъ луны на небесахъ, такъ что, слѣдовательно, Индустанъ есть по преимуществу „подлунный міръ". Полуостровъ Ганга носитъ также разныя поэтическія наименованія: это Сударсана, или „Вьюнокъ", Бхарата-варша, „Плодородная страна", „Цвѣтокъ лотоса", или, наконецъ Джамбу-двипа, „Ямбозовый островъ", названный такъ въ честь одного красиваго индійскаго дерева изъ семейства миртовыхъ—ямбозы или евгеніи (Eugenia jambolana); на одной изъ горъ Гималайскаго хребта стоитъ одно изъ этихъ деревъ, „святое, безсмертное, достающее небесъ, обремененное плодами, которые падаютъ на землю съ оглушительнымъ шумомъ и выпускаютъ изъ себя цѣлыя рѣки сока" [1]). Что касается названій Арія-варта, Арія-бхуми, Арія-деса, „земля, область или край арійцевъ", данныхъ странѣ расой завоевателей, то они могли примѣняться только къ мѣстностямъ, занятымъ арійцами, то-есть, къ бассейну „Семирѣчья" и къ равнинамъ, простирающимся на востокъ до Джамны. Исторія ведійскихъ арійцевъ останавливается на той эпохѣ, когда эти выходцы съ сѣверо-запада пришли на берега Ганга [2]). Но ихъ преемники, привилегированные члены высшей касты, безъ сомнѣнія, имѣли притязаніе на всю обитаемую ими страну, считая ее какъ бы своимъ частнымъ владѣніемъ; Гіуэнъ-Тсангъ, между другими именами нынѣшней Индіи, упоминаетъ также названіе „царства поломсновъ", то-есть, брамановъ.

Естественныя границы Индустана такъ ясно очерчены, что единство полуострова, даже принадлежащаго различнымъ расамъ и раздѣленнаго на многія враждебныя другъ другу государства, было сознаваемо во всѣ времена; какъ нѣкогда Италія, Индія всегда имѣла значеніе „географическаго выраженія". На протяженіи около 12.000 километровъ [3]) море и горы совершенно опоясываютъ страну, громадную территорію, поверхность которой заключаетъ не менѣе 3.750.000 квадр. километровъ, то-есть, въ двѣнадцать слишкомъ разъ превышаетъ площадь Британскихъ острововъ, или составляетъ болѣе трети Европы, и которая простирается отъ экваторіальныхъ областей до 12 слишкомъ

[1]) „Maha Bharata, Bhishma Parva", *stances 272 à 277, traduction d'Hippolyte Fauche.*

[2]) *Chr. Lassen; Vivien de Saint-Martin; Cunningham; Marius Fontanes* „L'Inde védique".

[3]) Метръ, десятимилліонная часть четверти парижскаго меридіана, равенъ 1,4 аршина или 3.281 фута. Километръ или 1.000 метровъ равенъ 0,937 версты.

градусовъ внутрь умѣреннаго пояса. Пространство Индустана, включая сюда французскія и португальскія владѣнія, а также Непалъ, Бутанъ, маленькія независимыя государства въ Гималайскихъ горахъ и Сиппо, но безъ Манипура, Джиттатонга и англійской Барманіи, исчисляется въ 3.753.358 квадр. километровъ. Пространство Индустана, съ о. Цейлономъ, островами Малдивскими, Лакедивскими и островками Чагосъ, опредѣляютъ въ 3.826.034 квадр. километра. Правда, что браманскіе ученые и европейскіе географы, увлеченные маніей условныхъ дѣленій, хотѣли-было принять теченіе Инда за сѣверо-западный предѣлъ Индустана; но не измѣнчивое ложе рѣкъ, а горы съ ихъ климатическими поясами, съ ихъ населеніями, ведущими образъ жизни совершенно отличный отъ образа жизни обитателей равнинъ, составляютъ истинныя границы между странами. Туземцы бассейна Инда никогда не ошибались на этотъ счетъ; во всѣ времена они понимали контрастъ, существующій между „теплою областью“, гдѣ находятся ихъ города, и „холодною областью“ плоскогорій и возвышенныхъ долинъ, населенныхъ теперь афганцами, и на горы, извѣстныя въ наши дни подъ именами Сефидъ-кохъ, Сулейманъ-дагъ, Хиртаръ, они всегда смотрѣли и смотрятъ, какъ на естественную границу своего отечества. Если брамины, ревниво оберегающіе чистоту своей вѣры, запретили поклонникамъ Брамы переходить за Индъ, то этотъ запретъ, явившійся въ относительно недавнее время, былъ вызванъ магометанскими нашествіями, которыя имѣли слѣдствіемъ перемѣну религій въ сѣверо-западной части Индіи. Тогда какъ браманскія общины встрѣчаются еще въ довольно большомъ числѣ во всѣхъ частяхъ Пятирѣчья, лежащихъ къ востоку отъ Инда, онѣ очень рѣдки на западѣ отъ этой рѣки.

Съ самаго начала историческихъ временъ индусы знали истинную форму обитаемаго ими полуострова; когда геометры экспедиціи Александра Македонскаго прибыли на берега Инда, свѣдѣнія, которыя имъ дали и которыя были подтверждены впослѣдствіи посланникамъ сирійскихъ царей, позволили имъ составить карту, совершенно точную въ ея общихъ контурахъ. По Эратосеену, который утилизировалъ собранныя греческими изслѣдователями данныя, Индія имѣетъ форму неравносторонняго четыреугольника, и длина, которую онъ даетъ различнымъ сторонамъ, приблизительно совпадаетъ съ истинными размѣрами. Но хотя окружность полуострова далеко не отличается геометрическою правильностью, однако, прекрасное равновѣсіе страны, симметрически расположенной между двумя морями, которыя омываютъ ее на востокѣ и на западѣ, и у подножія величественныхъ горъ, которыя господствуютъ надъ нею на сѣверѣ, естественно должно было увлечь индусскихъ ученыхъ къ преувеличеніямъ относительно ритма внѣшнихъ очертаній ихъ отечества. Разбирая описаніе земли, составленное индійскимъ мудрецомъ

Санджаей[1]), ученые комментаторы пришли къ тому заключенію, что Индустанъ представлялся ему въ видѣ равносторонняго треугольника, совершенно правильнаго, раздѣленнаго на четыре второстепенныхъ треугольника, равныхъ между собою[2]), но въ томъ же самомъ разсказѣ Санджая сравниваетъ также, болѣе поэтично, хотя и менѣе вѣрно, „кругъ Джамбу-двипы" (Ямбозоваго острова) съ военнымъ дискомъ, потомъ съ четырелепестнымъ лотосомъ. Это послѣднее сравненіе страны съ „священнымъ цвѣткомъ" было, повидимому, самое обыкновенное, общепринятое, и о немъ упоминаютъ буддійскіе пилигримы, приходившіе изъ Китая. Астрономы шестаго столѣтія христіанской эры опять берутъ, для сравненія, фигуру лотоса, чтобы раздѣлить Индію на девять частей, соотвѣтствующихъ центру цвѣтка и восьми лепесткамъ, имя которыхъ, впрочемъ, нѣсколько разъ мѣнялось. Даже весь свѣтъ былъ сравниваемъ съ огромнымъ цвѣткомъ, состоящимъ то изъ четырехъ, то изъ семи или девяти лепестковъ, соотвѣтствующихъ такому же числу *двипъ*, „острововъ" или полуострововъ, расположенныхъ концентрическими кругами вокругъ Меру, „золотой горы", которая служила мѣстопребываніемъ боговъ. Каждый изъ этихъ круговъ земель былъ окруженъ отдѣльнымъ океаномъ, образованнымъ колеей колесницы Прійвата[3]).

Послѣ Александра-Великаго и Селевкидовъ, истинная форма Индустана была забыта греками, и ученые комментаторы, овладѣвъ старинными документами, мало-по-малу исказили ихъ, придавая имъ смыслъ, совершенно отличный отъ того, который они имѣли на самомъ дѣлѣ. Въ географіи Птоломея Индія по сю сторону Ганга уже утратила форму полуострова; очень расширенная по направленію отъ востока къ западу, она, напротивъ, съуживается по направленію отъ сѣвера къ югу, и нѣкоторые изъ ея мысовъ получаютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ мысъ Коморинъ; не смотря на составленную сѣть широтъ и долготъ, форма Индіи была такъ искажена александрійскимъ географомъ, какъ она не была искажена даже мистической фигурой цвѣтка лотоса. Градусы, означенные на картахъ, послужили только къ тому, чтобы увѣковѣчить ошибочное представленіе, которое и продолжало господствовать до той эпохи, когда португальскіе мореплаватели могли обслѣдовать истинное положеніе индійскихъ береговъ. Со времени знаменитаго путешествія Васко-де-Гамы истинная форма полуострова Ганга постепенно возстановилась для географовъ, и французскій географъ д'Анвиль могъ резюмировать всѣ наблюденія своихъ предшественниковъ въ своей превосходной картѣ, которая вышла въ свѣтъ въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія; но первыя топографическія съемки явились только въ 1763 году,

---

[1]) „Maha Bharata, Bhishma Parva", *stances 1 à* 494.

[2]) *Colebrocke; Wilford; Cunningham* „The ancient Geography of India".

[3]) *Muir* „Original Sanscrit Texts on the Religion and Institutions of India", vol. 1.

вмѣстѣ съ изслѣдованіями Реннеля, „отца индійской географіи", относительно равнинъ по нижнему теченію Ганга. Около сорока лѣтъ спустя, въ 1802 году, Лембтонъ началъ отъ Мадраса, какъ исходнаго пункта, работы по тріангуляціонной съемкѣ, которая въ 1882 году еще не была вполнѣ окончена. Правда, что это трудъ громадный, и препятствія и лишенія всякаго рода, которыя приходится преодолѣвать и переносить его исполнителямъ, лихорадки, постоянно свирѣпствующія въ джунгляхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ, дѣлаютъ его болѣе опаснымъ для человѣческой жизни, чѣмъ даже поле сраженія; смертность всегда была менѣе сильна среди индійскихъ солдатъ въ походѣ и на войнѣ, нежели среди географовъ топографической бригады [1]). Въ настоящее время геодезическія операціи продолжаются по ту сторону Соломоновой горы (Сулейманъ-дагъ), въ Афганистанѣ и Белуджистанѣ; на сѣверѣ онѣ проникаютъ въ долины и на гребни Гималайскихъ горъ, въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ продолжать черезъ Тибетъ измѣреніе „большой дуги" меридіана, которая начинается на мысѣ Коморинъ и должна со временемъ окончиться на сибирскихъ мысахъ, въ Ледовитомъ океанѣ; на востокѣ сѣть треугольниковъ проникаетъ изъ Ассама въ Верхнюю Барманію и соединяется съ Банкокомъ черезъ бассейны рѣкъ Иравадди и Салуэнъ. Окончательная карта, состоящая изъ 177 листовъ, которая должна резюмировать результаты изслѣдованія Индіи, а также западныхъ береговъ Индо-Китая и полуострова Малакки, уже составлена на двѣ трети, и тысячи спеціальныхъ картъ и плановъ раскрываютъ передъ нами всѣ географическія детали страны.

Въ совокупности своего рельефа, Индія по сю сторону Ганга состоитъ изъ двухъ областей треугольной формы, имѣющихъ общее основаніе и рѣзко отличающихся одна отъ другой; эти двѣ области—Южная Индія и сѣверная индо-гангесская равнина, которыя Карлъ Риттеръ, въ своихъ мемуарахъ по географіи, сравнивалъ съ Апеннинскимъ полуостровомъ и съ равнинами по теченію По, окаймленными полукруговымъ валомъ Альпійскихъ горъ. Дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ конфигурація земель на азіатскомъ континентѣ напоминаетъ контуры Европы. Каждая изъ этихъ двухъ частей свѣта разрѣзана на югѣ на три полуострова, имѣющіе общее сходство по нѣкоторымъ своимъ чертамъ. Индія — это азіатская Италія [2]). Но пока истинная причина этихъ отдаленныхъ аналогій между континентальными формами Европы и Азіи намъ неизвѣстна, достаточно указать на нихъ, не пытаясь искать въ этомъ фактѣ, какъ это часто дѣлали, какое-то мистическое соотвѣтствіе между различными частями земнаго шара.

[1]) *Clements Markham* „A memoir on the Indian Surveys".
[2]) *Carl Ritter* „Asien".

Полуденный треугольникъ Индіи, берега котораго тянутся отъ устья р. Нарбады до устья р. Маханадди, представляетъ возвышенность, область горныхъ цѣпей и плоскогорій: это та половина Индустана, которой слѣдовало бы оставить спеціально названіе „Полуострова“. Центральная часть этой территоріи, Деканъ, прежде Декшинъ или Дакшина-пата, то-есть, „Югъ“ или „земля, лежащая по правую руку“ (когда смотришь на востокъ), представляетъ страну неравной высоты, среднее возвышеніе которой надъ уровнемъ моря отъ 300 до 1.000 метровъ и которая въ цѣломъ имѣетъ покатость по направленію отъ запада къ востоку. Деканъ состоитъ, почти на всемъ своемъ протяженіи, изъ плоскогорья, образованнаго изъ гнейса и переходныхъ формацій, которое нѣкогда составляло почти островную группу, въ ту эпоху, когда Сѣверная Индія была частью покрыта водами океана. Но эти первые или основные пласты Декана покрыты, на пространствѣ слишкомъ 500.000 квадр. километровъ,—то-есть, на пространствѣ, равномъ площади всей Франціи,—застывшими потоками базальтовыхъ траповъ большой толщины, имѣющими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мощность въ нѣсколько сотъ и даже болѣе тысячи метровъ; тамъ и сямъ на плато изъ лавъ перерѣзанные оврагами крутые утесы, возвышающіеся въ видѣ холмовъ, указываютъ конечный откосъ потоковъ лавы, вышедшихъ въ жидкомъ состояніи изъ вулканическихъ кратеровъ, давно уже изгладившихся и не оставившихъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Эти вулканическія изліянія происходили въ теченіе мѣловаго періода и даже въ первыя времена эоценовыхъ вѣковъ; но съ той эпохи почва Декана пребываетъ въ состояніи покоя, и періодическое чередованіе дождей, вѣтровъ, жаровъ и холодовъ, исполняя свою работу обнаженія формацій, разрушило во многихъ мѣстахъ обшивку изъ лавъ, которая нѣкогда занимала гораздо болѣе значительное протяженіе, чѣмъ въ наши дни. Кромѣ того, поверхность траповъ разложилась подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей и преобразовалась въ слой латерита. горной породы, которая, можетъ быть, внѣ Индустана и Индо-Китая не встрѣчается нигдѣ, кромѣ мыса Доброй Надежды: это желѣзистая глина, образующая слой толщиною отъ 10 до 60 метровъ и продолжающаяся въ видѣ безконечныхъ равнинъ, сѣрыхъ или красноватыхъ, покрытыхъ скудною растительностью; эта глина испещрена, словно лентами, полосами ржаваго цвѣта, которыя часто придаютъ ей видъ яшмы; въ другихъ мѣстахъ подумаешь, что стоишь на лавѣ. Дождевая вода тотчасъ же исчезаетъ въ скважинахъ этой горной породы, и поверхностная земля, впрочемъ очень тонкая, остается всегда сухой и жадно впитываетъ влагу. Цѣлые, довольно толстые слои этой формаціи, смѣшанные съ обломками всякаго рода, съ гравіемъ и пескомъ, были увлекаемы съ плоскогорій и переносимы вѣтрами и дождями въ нижнія долины и равнины; даже на берегу моря можно встрѣтить эти латериты, передвигаемые и округляемые

волнами. Они принадлежатъ, по большей части, недавней эпохѣ. и вѣроятно, эта горная порода образуется еще и въ наши дни [1]).

Треугольное плоскогорье Декана съ трехъ сторонъ ограничено краевыми горными цѣпями. Самая правильная изъ нихъ — это цѣпь западныхъ Гатскихъ горъ, называемая также горами Сагіадри, особенно около сѣверной ея оконечности. Прерываемыя тамъ и сямъ брешами и даже широкими порогами, Гатскія горы образуютъ въ цѣломъ рядъ параллельныхъ кряжей, идущихъ по направленію отъ запада къ востоку и соединяющихся своимъ западнымъ краемъ. Съ морскаго прибрежья онѣ представляются въ видѣ непрерывнаго выступа, крутые скаты котораго тянутся параллельно берегу на пространствѣ около 1.300 километровъ, отъ береговъ р. Тапти до мыса Коморинъ. Только узкая полоса ровныхъ земель, занятыхъ тамъ и сямъ короткими потоками, раздѣляетъ горы и море; это область „нагорныхъ береговъ“ или конкановъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высокіе мысы съ обрывистыми стѣнами, выдвигаясь изъ массы плоскогорья, омываютъ свои утесы въ пѣнистыхъ водахъ Аравійскаго моря. Изъ портовъ или бухточекъ прибрежья ясно видны вдали вырѣзки синеватыхъ горъ, черезъ которыя путешественники могутъ перебраться на противоположный склонъ; зеленѣющія террасы, по которымъ взбираются крутыми извилинами и зигзагами обыкновенныя и желѣзныя дороги, кажутся издали какъ бы ступенями монументальной „лѣстницы“: отсюда и названіе *ghat*, данное этимъ горамъ. Надъ горными проходами высятся валы изъ лавы, оканчивающіеся кругообразными выступами, естественныя крѣпости, которыя государи Декана обставили башнями и превратили въ неприступныя твердыни.

Среднее возвышеніе западныхъ Гатскихъ горъ всего только около 1.000 метровъ; во многихъ частяхъ своего протяженія онѣ не достигаютъ даже половины этой высоты, но нѣкоторыя вершины превышаютъ 1.400 метровъ, а въ 350 километрахъ отъ конечнаго выступа краевая цѣпь, соединенная съ другими отрогами, поднимается на значительную высоту и образуетъ массивъ изъ гнейса и порфира, получившій, подобно многимъ другимъ собраніямъ горныхъ вершинъ, имя Ниль-гири, или „Голубыхъ горъ“. Къ югу отъ этой группы, высшая точка которой лежитъ на 2.650 метровъ слишкомъ надъ уровнемъ океана, стѣна Гатскихъ горъ вдругъ прерывается широкою брешью, долиной Паль-гатъ, которая, повидимому, нѣкогда была морскимъ проливомъ и надъ которой господствуетъ, съ южной стороны, самый высокій массивъ Индіи въ собственномъ смыслѣ, называемый Анамалахъ, или „Слоновой горой“. Анамуди, или „Чело слоновъ“, высочайшая вершина этой гористой области, почти островной, превышаетъ метровъ на тридцать Додабетту,

[1]) *Medlicott* and *Blanford* „Manual of the Geology of India“.

главную вершину Голубыхъ горъ (Ниль-гири); всего только лѣтъ тридцать тому назадъ, именно въ 1851 году, англичанинъ Микель (Michael), посланный на поиски тековыхъ лѣсовъ, такъ сказать, впервые открылъ эту прекрасную горную страну, эту „дравидійскую Швейцарію“; до того времени только издали видѣли ея гнейсовыя и порфировыя вершины, обрисовывающіяся на болѣе свѣтломъ фонѣ неба, такъ какъ подступъ къ ней прегражденъ поясомъ болотистыхъ лѣсовъ, часто посѣщаемыхъ лихорадкой. Слоновыя горы развѣтвляются на юго-востокъ, по направленію къ острову Цейлону, выдѣляя изъ себя цѣпь Пальни, высота которой еще превышаетъ два километра, и затѣмъ продолжается на югъ менѣе возвышенной грядой, названной, по имени главнаго ея продукта, „Кардамоновыми горами“. Эта цѣпь оканчивается пологимъ скатомъ на Камари, или Коморинѣ, „мысѣ Дѣвы“, куда и до сихъ поръ еще, какъ во времена первыхъ греческихъ мореплавателей, приходятъ купаться, въ честь богини Дурги, въ смѣшанныхъ водахъ двухъ морей. Вся полуденная часть Индіи, къ югу отъ пролома Паль-гатъ и долины Кавери, можетъ быть разсматриваема, какъ независимый массивъ: природа какъ будто пытается образовать тамъ другой островъ Цейлонъ по рельефу и контурамъ, да и самый Цейлонъ, на половину соединенный съ континентомъ подводными скалами „Моста Рамы“, принадлежитъ геологически къ цѣпи Гатскихъ горъ.

Краевая цѣпь восточныхъ Гатскихъ горъ начинается лишь на сѣверѣ отъ пониженія гребня или долины, гдѣ бѣгутъ извилистой линіей воды рѣки Кавери. Также какъ и западная цѣпь, восточныя Гатскія горы тянутся въ направленіи, параллельномъ сосѣднему морскому берегу; но, расположенныя на низкомъ склонѣ плоскогорья, который имѣетъ общую покатость по направленію отъ запада къ востоку, онѣ въ среднемъ менѣе высоки и раздѣлены на множество отрывковъ широкими долинами и ущельями рѣкъ. Можно сказать, что восточные Гаты, среднее возвышеніе которыхъ всего только около 500 метровъ, состоятъ изъ отдѣльныхъ массивовъ и отроговъ, составляющихъ просто внѣшніе края или борты Декана. На югѣ первый изъ этихъ массивовъ—горная масса Шиварай, господствующая надъ низменными равнинами Пондишери; на сѣверѣ рядъ горныхъ цѣпей оканчивается въ Ориссѣ группой, называемой Ниль-гири, или „Голубыми горами“, какъ и группа полуденной Индіи, но только вдвое менѣе высокой. Выступы, господствующіе надъ плоскогорьемъ, соединяются разнообразно съ горами морскаго прибрежья и образуютъ тамъ и сямъ цѣлые лабиринты долинъ, которые до этого послѣдняго времени считались недоступными.

Сѣверная граница возвышенностей Декана обозначена не одной только краевою цѣпью: двѣ внѣшнія гряды горъ и многія группы вершинъ, подобныя выдвинутымъ веркамъ крѣпости, составляютъ этотъ

раздѣльный поясъ между плоскогорьями юга и равнинами сѣвера Индіи. Собственно краевою цѣпью слѣдуетъ считать ту, которая тянется съ запада на востокъ, къ югу отъ долины рѣки Тапти: ея высшая точка, около географическаго центра полуострова, находится въ массивѣ Магадео, или „Великаго Бога“. Другая, параллельная цѣпь идетъ между рѣками Тапти и Нарбадой: это гряда Сатпура, которой западная часть, совершенно вулканическаго происхожденія, сливается на востокѣ своими хребтами изъ метаморфическихъ породъ съ изрѣзаннымъ оврагами плоскогорьемъ центральныхъ провинцій; продолжаясь по направленію къ приганскимъ равнинамъ, эта цѣпь оканчивается базальтовыми холмами Раджмагаль, покрытыми, какъ и часть Декана, пластомъ латерита, и священными горами Параснатъ. Этотъ естественный рубежъ Деканскаго плоскогорья составляетъ въ то же время и этнографическую границу: на сѣверѣ останавливаются населенія арійскихъ языковъ, тогда какъ на югѣ отъ гористаго пояса, окаймленнаго полосой нездоровыхъ и мало обитаемыхъ джунглей, вездѣ живутъ дравидійскія народности [1]).

При внимательномъ изученіи карты Индустана не трудно убѣдиться, что краевая цѣпь полуостровнаго плоскогорья продолжалась нѣкогда на востокъ къ горамъ Гарро и другимъ массивамъ, ограничивающимъ съ восточной стороны долину Брамапутры: очевидно, двѣ большія рѣки, Гангъ и Брамапутра, проложили себѣ путь черезъ какую-нибудь разсѣлину древней цѣпи и мало-по малу размыли ее, унеся обломки въ Бенгальскій заливъ; проломъ, раздѣляющій теперь два отрывка горной массы, имѣетъ не менѣе 200 километровъ ширины. Притомъ, горная цѣпь южнаго Ассама, которая тянется съ запада на востокъ и сѣверовостокъ, также находится въ геологической связи съ этими горами и напоминаетъ своимъ образованіемъ передовыя цѣпи, которыя въ сѣверозападныхъ провинціяхъ ограничиваютъ невысокія плато, расположенныя при основаніи снѣговыхъ горъ. Также какъ и эти высоты, Ассамскія горы состоятъ въ большой части изъ третичнаго песчаника и раковистаго известняка, залегающихъ на болѣе древнихъ формаціяхъ [2]). Средняя ихъ высота отъ 1.200 до 1.500 метровъ, а высшій пикъ, Шиллонгъ, поднимается на 1.962 метра надъ уровнемъ моря. Различныя части этого горнаго вала, который на востокѣ примыкаетъ къ хребтамъ бирманской границы, носятъ различныя названія, по имени живущихъ тамъ племенъ: это горы Гарро, Хази, Джайнтіа, Качаръ, Нага. Англичане часто называютъ ихъ общимъ именемъ Ассамскихъ холмовъ (Assam hills).

На сѣверѣ отъ рѣки Нарбады, которую иногда принимаютъ за раз-

[1]) *George Campbell* „Mittheilungen von Petermann“, 1868 г., № 1.

[2]) *Medlicott; Godwin Austen* „Journal of the Geographical Society of London“, 1873 г.

дѣльную линію между двумя половинами Индіи, другія цѣпи, означаемыя болѣе спеціально подъ именемъ горъ Виндіа,—именемъ, которое вообще приписывалось древними поэтами также всей совокупности горной перегородки Индустана,—направляются отъ западныхъ береговъ полуострова къ равнинамъ по теченію рѣки Джамны; но онѣ не образуютъ въ цѣломъ географической границы: ни одна изъ ихъ вершинъ не возвышается болѣе чѣмъ на 150 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ земель. На западной оконечности горъ Виндіа, одинъ передовой массивъ, извѣстный подъ именемъ Раджпутскихъ горъ, выдѣляетъ изъ себя въ сѣверо-восточномъ направленіи скалистую цѣпь Аравалли, тогда какъ одна вершина, почти уединенная, гора Абу, увѣнчанная нѣкоторыми изъ самыхъ знаменитыхъ святилищъ Индустана, поднимается надъ пустынными равнинами, продолжающимися далеко по направленію къ Инду. Почти всѣ горныя породы средней части Индіи принадлежатъ къ очень древнимъ формаціямъ, и эти-то породы заключаютъ въ себѣ важнѣйшіе каменноугольные пласты, равно какъ богатѣйшія рудныя мѣсторожденія. Въ группѣ горъ Чалчиръ, между Ориссой и центральными провинціями, геологи наблюдали глины глетчернаго происхожденія и скалы, испещренныя полосами или бороздами и отшлифованныя; это еще одинъ лишній примѣръ, прибавленный къ многимъ другимъ фактамъ того же рода, свидѣтельствующимъ о существованіи ледянаго періода въ странахъ тропическаго пояса, лежащихъ на незначительномъ возвышеніи надъ уровнемъ моря. Точно также сходство, которое представляетъ ископаемая флора каменноугольныхъ пластовъ Южной Индіи и Австраліи, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что эти земли, теперь удаленныя одна отъ другой почти на 9.000 километровъ, составляли въ давнія времена часть одного и того же материка [1]).

Большая треугольная равнина сѣвера Индіи, образуемая двумя нижними бассейнами Инда и Ганга и промежуточными пространствами, занимаетъ въ ширину протяженіе около 2.400 километровъ, равное разстоянію отъ Парижа до Москвы: это страна, которой персы дали спеціально имя Индустана,—названіе, которое теперь примѣняется къ цѣлому полуострову. Эта область, хотя менѣе обширная, нежели область плоскогорій и горныхъ цѣпей Южной Индіи, и хотя занятая частью, между горами Аравалли и рѣкою Индомъ, безплодными, совершенно необитаемыми пространствами, есть, однако, самая многолюдная изъ двухъ половинъ Индіи; 160 милліоновъ жителей скучены въ орошаемыхъ мѣстностяхъ равнины, тогда какъ Деканъ и географически принадлежащіе къ нему округи населены только сотней милліоновъ людей. Вслѣдствіе контраста, который представляютъ эти двѣ области, исторія населеній

[1]) *Henry Blanford* „Quarterly Journal of the Geological Society“, nov. 1, 1875.

ВИДЪ СЪ ГОРЫ АБУ

должна была слѣдовать съ той и другой стороны совершенно различнымъ теченіямъ. Сѣверный бассейнъ, нивеллируемый и оплодотворяемый рѣками, которыя черезъ него протекаютъ, естественно сдѣлался большимъ притягательнымъ фокусомъ для окружающихъ націй. Земледѣльцы сгруппировались въ этихъ плодоносныхъ мѣстностяхъ; тамъ возникли многочисленные города и рынки, центры торговаго движенія, промышленность быстро развилась, цивилизація совершила свои чудеса. Но тамъ же, въ этой области, послѣдовательныя нашествія чужеземцевъ вызывали самыя сильныя столкновенія народностей, и потому тамъ всего чаще перемѣнялись или обновлялись расы. Обширный бассейнъ, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе возвышенными областями, индо-гангская равнина была, такъ сказать, заранѣе выставлена, подобно Сѣверной Италіи, вторженіямъ всѣхъ своихъ сосѣдей. На западѣ афганцы и даже завоеватели, приходившіе изъ-за Гинду-куша, находили широко раскрытыя двери, чтобы спускаться съ горъ къ этимъ богатымъ плодороднымъ равнинамъ и этимъ пышнымъ городамъ, которые наполняются сокровищами въ теченіе самаго короткаго періода мира; на сѣверѣ воинственные народцы горныхъ цѣпей были отдѣлены отъ земледѣльцевъ равнины только узкимъ поясомъ болотистыхъ пространствъ; также и на востокѣ дикія племена горъ, откуда вытекаетъ Брамапутра, видѣли передъ собою дороги, удобныя для ихъ разбойничьихъ экспедицій. Въ теченіе вѣковъ чужеземные набѣги возобновлялись безпрестанно, то на одномъ, то на другомъ пунктѣ, и иногда эти вооруженныя посѣщенія принимали характеръ настоящихъ переселеній. Такимъ образомъ, въ продолженіе историческаго періода масса населенія не переставала измѣняться и обновляться въ равнинахъ Инда и Ганга. Древнія расы, языки былыхъ временъ не встрѣчаются болѣе въ этихъ краяхъ, которые такъ часто были опустошаемы огнемъ и мечемъ, тогда какъ плоскогорья и лѣсныя долины полуденной Индіи могли сохранить въ ихъ первобытной чистотѣ многія племена, имѣющія до сихъ поръ ту же физическую внѣшность, тотъ же языкъ, тѣ же нравы и обычаи, какъ двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ; но эти народцы должны были роиться, когда ихъ ульи переполнялись, и въ какую же сторону должны были направляться преимущественно ихъ эмигранты, воинственные или мирные, если не къ прекраснымъ городамъ равнины, которые манили ихъ своими золотыми, ярко блестѣвшими куполами? Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ на полуостровѣ Индіи контрастъ, подобный тому, какой представляетъ Франція, впрочемъ въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Обѣ эти страны имѣютъ на сѣверѣ свой фокусъ притяженія, на югѣ свой центръ разсѣянія. Но выходцы съ плоскогорій и горъ не только спускались къ сѣвернымъ равнинамъ; они направлялись также по самой окружности полуострова, вдоль береговъ Карамандельскаго и Малабарскаго. Отъ внутреннихъ, болѣе возвышенныхъ областей

народонаселеніе постепенно увеличивается численно по направленію къ морскому прибрежью, гдѣ слѣдуютъ одни за другими непрерывнымъ рядомъ города и деревни, утопающіе въ зелени. Совершенно естественно также, что въ Южной Индіи военныя кампаніи, передвиженія народовъ, образованія государствъ, словомъ, все историческое движеніе, происходили, главнымъ образомъ, на той покатости, которая наклонена къ Бенгальскому заливу, такъ какъ въ этомъ направленіи тянутся болѣе пологіе склоны горъ, открываются широкія долины и текутъ большія рѣки; западный склонъ Декана круче, чѣмъ восточный.

Гималай, который иногда разсматриваютъ, какъ часть Индустана, есть въ дѣйствительности особый міръ, индійскій—по своему основанію, по растительности, по климату и по вытекающимъ изъ него рѣкамъ, тибетскій—по громадной выпуклости земнаго рельефа, которой онъ составляетъ полуденный край. Но этотъ хребетъ есть въ то же время продолженіе горба Азіи. Названіе „кровля міра“, которое обыкновенно примѣняютъ къ одному Памиру, принадлежитъ въ дѣйствительности всѣмъ плоскогорьямъ и всѣмъ горнымъ цѣпямъ, которыя занимаютъ центръ континента, отъ Гинду-куша до Сечуанскихъ Альпъ и отъ Тянь-шаня до Ассамскихъ горъ. Эти раздѣльные хребты, имѣющіе общее протяженіе въ нѣсколько тысячъ километровъ, составляютъ, такъ сказать, особый континентъ, поставленный на материкъ нижней Азіи. Главныя территоріальныя дѣленія этой части свѣта, естественно, тѣ, которыя очерчены этими могучими горными массами. На сѣверо-западѣ бассейнъ Аму-Дарьи начинаетъ собою обширную низменность русской Азіи; на сѣверо-востокѣ таримскія пустыни продолжаются невысокими плоскогорьями Монголіи и равнинами Китая; на сѣверо-западѣ Гинду-кушъ прикрываетъ Афганистанъ и Персію, тогда какъ на югѣ и на юго-западѣ открываются глубокіе бассейны Инда и Ганга.

Изъ всѣхъ этихъ частей развѣтвленнаго горба Азіи, самая возвышенная, если не по всей совокупности своей массы, то, по крайней мѣрѣ, по высшимъ выступамъ своего гребня, есть, вѣроятно, Гималай; но съ полною увѣренностью мы еще не можемъ этого сказать, такъ какъ высшія точки Тибетскаго плоскогорья и Западнаго Сечуана и даже отчасти высшія точки загималайской цѣпи ожидаютъ еще изслѣдователя, который измѣрилъ бы ихъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія, англичане, видя высокія, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ вершины Гималая, подымающіяся надъ равнинами Ганга, не знали еще относительной важности этихъ горъ въ планетномъ рельефѣ; со времени изслѣдованій Бугера и Кондамина въ экваторіальныхъ Андахъ стали смотрѣть на Чимборасо, какъ на гиганта между горами земнаго шара, хотя эта гора не имѣетъ права на первенство даже въ предѣлахъ южно-американскаго конти-

нента. Однако, Вильямъ Джонсъ, въ 1784 году, составляя мемуаръ, который былъ изданъ въ свѣтъ только двадцать лѣтъ спустя, высказалъ мнѣніе, что Гималайскія горы—„самыя высокія на всей землѣ". Въ 1805 году, Крауфордъ, первый, измѣрилъ высоту нѣкоторыхъ изъ колоссовъ, господствующихъ надъ долинами Непала, и указалъ на нихъ географамъ, какъ на горы, далеко превосходящія, по высотѣ, южно-американскія Анды; но между его соотечественниками нашлись люди, оспаривавшіе справедливость его выводовъ, и такъ какъ его путевой журналъ затерялся, то вопросъ былъ окончательно рѣшенъ лишь сорокъ лѣтъ спустя, въ 1845 году, когда производилась, подъ управленіемъ Эндрью Уога, топографическая съемка западнаго Гималая и горъ Сиккима [1]). Уогъ первый обслѣдовалъ и измѣрилъ, на общей границѣ Тибета и Непала, ту „Лучезарную" гору, Гауризанкаръ, вершина которой поднимается выше всѣхъ другихъ до нынѣ измѣренныхъ выступовъ рельефа земнаго шара надъ поверхностью морей, именно почти на 9 километровъ, то-есть, достигаетъ высоты, въ два раза превосходящей высоту Монъ-Розы. Замѣчательно, что тоже на глубинѣ около 9 километровъ была открыта, кораблемъ „Tuscarora", въ Тихомъ океанѣ, противъ восточныхъ береговъ Японіи, величайшая, извѣстная до сихъ поръ морская бездна; общая разность неровностей земнаго рельефа, между высшей точкой Азіи и самой глубокой впадиной ея морей, составляетъ около 17 съ половиной километровъ (вотъ точныя цифры: высота Гауризанкара 8.840 метр., глубина пучины, открытой кораблемъ „Тускарора", 8.573 метра, разстояніе между этими двумя точками, по вертикальной линіи, 17.413 метровъ). Эти неровности вполнѣ ощутительныя относительно размѣровъ нашей планеты; выступъ рельефа, образуемый Гауризанкаромъ, представляетъ около 720-й части земнаго радіуса.

Среди санскритскихъ и тибетскихъ названій, которыя носятъ различныя вершины Гималайскихъ горъ, это англійское имя Эверестъ, которое Уогъ далъ, въ память своего предшественника, „Лучезарной" горѣ, кажется страннымъ и даже шокирующимъ; но не справедливо ли, чтобы дѣятельное и плодотворное участіе, принятое европейской наукой въ дѣлѣ изслѣдованія Индіи, было замѣтно хоть сколько-нибудь въ географической номенклатурѣ, и чтобы какое-либо опредѣленное наименованіе, хотя бы и чужеземное, замѣнило тѣ буквы и цифры, которыя инженеры-топографы, незнавшіе туземныхъ названій, должны были употреблять на первыхъ порахъ? Хотя индусы, безъ сомнѣнія, знали всѣ большіе массивы, которые высятся на южномъ краю Тибетскаго плоскогорья; хотя они воспѣвали ихъ въ своихъ поэмахъ, прославляли въ своихъ молитвахъ; хотя они перечислили тысячи безплотныхъ духовъ, которые кружатся

[1]) *Clements Markham* „A memoir on the Indian Surveys".

надъ ихъ вершинами въ блескѣ утреннихъ лучей солнца, тѣмъ не менѣе, они, кажется, не имѣли точнаго понятія объ истинной формѣ Гималая; всецѣло погруженные въ обожаніе, они не могли, конечно, профанировать своего культа строгими наблюденіями. Трудно отождествить различныя горы, имена которыхъ встрѣчаются у древнихъ авторовъ, и совершенно невозможно согласить ихъ описанія съ истиннымъ рельефомъ страны, такъ какъ они старались вездѣ отыскать симметрію формъ, которой не существуетъ въ дѣйствительной архитектурѣ горныхъ цѣпей и въ расхожденіи долинъ. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что главными массивами Гималая они считали не тѣ, которымъ новѣйшіе изслѣдователи придаютъ первенствующее значеніе. Подобно тому, какъ путешественники центральной Европы, слѣдуя по теченію большихъ рѣкъ, Рейна, Роны, Тессина, были, такъ сказать, направляемы въ своемъ движеніи къ центральной группѣ Сенъ-Готарда, и, естественно, принимали его за хребетъ или горбъ нашего континента, такъ точно индійскіе пилигримы, поднимаясь по теченію своихъ рѣкъ, Синду, Сетледжа, Джамны, Ганга, и видя передъ собой неприступныя горы, возвышающіяся между истоками этихъ священныхъ водъ, вообразили, что тамъ возсѣдаютъ безсмертные боги, созерцающіе бездны міра; тамъ высятся Меру, „золотая гора“, и Сринга-ватъ, „окованный всѣми металлами“, Кайласъ, „сложенный изъ драгоцѣнныхъ камней“, Нила, „сдѣланный изъ лазурика“ [1]). Легенды, относящіяся къ этой таинственной странѣ, росли и множились изъ вѣка въ вѣкъ, такъ что, наконецъ, всякая дѣйствительность исчезла подъ густой тканью, сплетенной изъ басень. Такъ, въ седьмомъ столѣтіи, когда китайскій пилигримъ Гіуэнъ-Тсангъ странствовалъ по Индустану, гора Анеута, или Сумилу, то-есть, гора, „образованная изъ четырехъ драгоцѣнныхъ вещей“, была представляема какъ опирающаяся на золотое колесо и омываемая водами обширнаго моря. Съ ея склоновъ низвергается „безсмертный океанъ“, раздѣленный на четыре священныя рѣки, которыя кружатся въ концентрическихъ долинахъ, чтобы оставаться подольше вблизи матери—горы: это остатки бороздъ, проведенныхъ сохой боговъ [2]).

Подъ вліяніемъ естественнаго чувства благоговѣнія ко всему, что не имѣетъ себѣ равнаго, люди, созерцающіе Гималайскія горы, заранѣе расположены приходить въ восторгъ при видѣ несравненной красоты ярко блистающихъ на солнцѣ исполинскихъ снѣговыхъ вершинъ, за которыми разстилаются угрюмыя плоскогорья Тибета. Но если бы даже онѣ уступали по высотѣ Андамъ или Кавказу, горныя цѣпи, образующія хребетъ Азіи, представляли бы, тѣмъ не менѣе, одну изъ самыхъ поразительныхъ картинъ земнаго шара по многочисленности и величе-

[1]) „Maha-Bharata, Bhishma-Parva“, trad. *Hipp. Fauche.*

[2]) *Wilford* „Asiatic Researches“; *Stanislas Julien* „Histoire de la vie de Hiouen-thsang“.

ственной формѣ вершинъ, которыя ясно видны съ равнинъ Индустана, подернутыя синеватой дымкой и являющіяся въ мягкихъ очертаніяхъ, такъ что издали ихъ можно скорѣе принять за переливы свѣта, чѣмъ за громады изъ скалъ. Почти всѣ прославленныя мѣста, куда отправляются путешественники, чтобы наслаждаться общимъ видомъ на значительную часть цѣпи, сами уже очень высоки; они находятся на трети или даже на половинѣ высоты вершинъ, ограниченныхъ лазурью отдаленнаго небосклона; но у подножія этихъ обсерваторій открываются глубокія долины. Отъ лѣсовъ субтропическаго пояса, которые виднѣются далеко внизу, какъ бы на днѣ пропасти, взоръ можетъ постепенно подниматься къ склонамъ, одѣтымъ растительностью умѣренныхъ поясовъ, затѣмъ къ альпійскимъ пастбищамъ и къ снѣгамъ, которымъ Гималай обязанъ своими многочисленными именами, какъ-то: Гимаватъ, Гимадри, Гимачала, Гимодайя (Acmodus, Imaus). Въ необозримомъ амфитеатрѣ горъ, который развертывается отъ одной до другой стороны горизонта, пики и куполы, высотой съ европейскій Монъ-Бланъ, имѣютъ еще, въ теченіе извѣстной части года, сѣрый цвѣтъ отъ каменныхъ обломковъ или зеленый отъ дерноваго ковра; но уже на небольшомъ разстояніи выше снѣгъ покрываетъ склоны круглый годъ. На громадномъ цоколѣ зеленѣющихъ или каменистыхъ Альпъ высятся другія Альпы, вѣчно бѣлыя, исключая тѣхъ промежутковъ времени, когда солнце позлащаетъ ихъ своими лучами, или когда тѣнь набрасываетъ на нихъ синеватый покровъ, и господствуя надъ всѣмъ этимъ скопленіемъ снѣжныхъ пирамидъ, высоко поднимаются конечныя верхушки, куда еще не ступала нога человѣка, и которыя кажутся тѣмъ болѣе высокими, что напередъ знаешь ихъ недоступность. Съ вершины этихъ пиковъ, если когда-нибудь удастся взобраться туда, совершившій это смѣлое восхожденіе можетъ созерцать одновременно плоскогорья Тибета и равнины Индіи, долину, которую вырылъ себѣ Цангбо, и равнины, по которымъ протекаютъ извилистой линіей Гангъ и Джамна.

Раздѣльная граница между Гималаемъ, Каракорумомъ и Гиндукушемъ, которые вмѣстѣ образуютъ „Каменный поясъ земли"—чисто условная. Въ самомъ дѣлѣ, обширная область, около 600.000 квадр. километровъ, которую ограничиваютъ плоскогорья Памира и Тибета, равнины Ярканда и Пенджаба, на всемъ своемъ протяженіи уставлена высокими горными цѣпями; за исключеніемъ нѣсколькихъ озерныхъ бассейновъ, частью еще наполненныхъ водой, частью уже пустыхъ, и глубокихъ ущелій, гдѣ текутъ рѣки, все это пространство есть не что иное, какъ лабиринтъ массивовъ и отроговъ, которые разнообразно соединяются съ главными хребтами, расположенными на окраинахъ; здѣсь три орографическія системы, такъ сказать, переплетаются и проникаютъ одна другую, будучи связаны либо геологической природой горныхъ породъ, либо

формой рельефа или среднимъ направленіемъ грядъ. Однако, можно сказать вообще, что Гималайскія горы останавливаются на южной сторонѣ долины Гильгитской [1]); онѣ не переходятъ за Индъ и ущелье, чрезъ которое эта рѣка вырывается изъ нагорныхъ долинъ, находится почти на томъ же меридіанѣ, какъ и горный узелъ, гдѣ цѣпь Гинду-куша развѣтвляется, чтобы образовать хребты Каракорума и Куэнь-луня. Тогда какъ къ западу отъ Инда нормальное направленіе горныхъ осей идетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, гребни горъ, лежащихъ къ востоку отъ этой рѣки, тянутся какъ разъ въ противоположномъ направленіи, то-есть, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, параллельно верхнимъ долинамъ Инда и его притоковъ. Что касается восточныхъ границъ гималайской системы, то вопросъ о нихъ еще не рѣшенъ. Большинство писателей, принимая гипотезу Реннеля о тождествѣ рѣкъ Цангбо и Брамапутры, продолжаютъ Гималаи до пролома, чрезъ который, будто бы, эта рѣка уходитъ по направленію къ Индустану; но это не болѣе, какъ предположеніе, прибавленное къ другимъ предположеніямъ того же рода, такъ какъ изслѣдователи еще не посѣтили этихъ странъ и до сихъ поръ мы еще не знаемъ ничего положительнаго относительно хода рѣкъ, которыя черезъ нихъ протекаютъ, и направленіе горныхъ цѣпей, которыя надъ ними господствуютъ. Достовѣрно только то, что въ Восточномъ Бутанѣ хребты, пройденные путешественникомъ Наинъ-Сингомъ, принадлежатъ къ системѣ Гималая и что въ 500 километрахъ далѣе къ востоку, на берегахъ Лутце-кіанга или Салуена, горы, направляющіяся съ сѣвера на югъ, составляютъ часть уже другой орографической системы. Географическія изслѣдованія или даже завоеванія, которыя, безъ сомнѣнія, не заставятъ долго ждать себя въ этихъ невѣдомыхъ пространствахъ, объяснятъ намъ, какимъ образомъ хребты Гималая и хребты Восточнаго Тибета соединяются промежуточными массивами.

Разсматриваемая въ цѣломъ, цѣпь горъ, окаймляющая съ внѣшней стороны Тибетское плоскогорье, тянется „въ формѣ палаша“ на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ Индустана, обращая свою выпуклость къ равнинамъ. Общая длина ея навѣрно превышаетъ 2.200 километровъ, а средняя ширина, отъ предгорій равнины Ганга до глубокой долины Тибета, въ которой протекаетъ рѣка Цангбо, никакъ не менѣе 250 километровъ. Слѣдовательно, пространство, покрываемое этими горами, гораздо больше площади всей Франціи; распредѣленная однообразно по всей поверхности материковъ, масса Гималайскихъ горъ, считая среднюю ея высоту только въ 4.000 метровъ, образовала бы слой толщиной въ 18-ть слишкомъ метровъ. Но въ этомъ исчисленіи еще не взята въ разсчетъ собственно краевая цѣпь высокаго плоскогорья Хачи. Эта цѣпь, какъ извѣстно, про-

[1]) *Frelawney Saunders* „Sheffield meeting of the British Association“, 1879.

должаетъ собою, слѣдуя параллельно Гималаю, гряду горъ Каракорумъ, и подъ разными именами тянется на сѣверѣ отъ истоковъ Сатледжа и долины Цангбо, затѣмъ, на югѣ отъ озера Тенгри-норъ сливается съ массивомъ Нинджинъ-тангъ-ла: это тотъ самый хребетъ, который многіе географы, со временъ Клапрота, означаютъ подъ именемъ Гангъ-дисъ-ри. Одна изъ горъ, наиболѣе прославленныхъ въ индійской миѳологіи, пирамида Кайласа, снѣжный вѣнецъ которой отражается въ водахъ озера Мансарауръ, есть одна изъ вершинъ этой цѣпи Гангъ-дисъ-ри, и слѣдовательно, находится уже внѣ предѣловъ гималайской системы, начертанныхъ географами; а между тѣмъ, въ поэтической и религіозной исторіи Индіи это самая священная гора, и имя ея смѣшивается съ именемъ неба.

Гималай, безъ Гангъ-дисъ-ри, состоитъ изъ двухъ параллельныхъ цѣпей, собственно Гималая, т. е. южной гряды, которая поднимается непосредственно надъ равнинами Инда, и Загималайскаго хребта, который ограниченъ на сѣверѣ пониженіемъ или широкой долиной, гдѣ течетъ рѣка Цангбо. Изъ этихъ двухъ цѣпей, послѣдняя, т. е. Загималайская, должна быть разсматриваема, какъ линія водораздѣла, хотя ея главныя вершины, или *лангуръ*, не достигаютъ, можетъ быть, высоты вершинъ южнаго Гималая. На пространствѣ около 800 километровъ Загималайскія горы тянутся непрерывно, не оставляя между собою ни одной бреши, черезъ которую могли бы уходить воды средняго пониженія, находящагося между двумя цѣпями. Напротивъ, южная гряда, та, надъ которой господствуютъ колоссы Чамалари, Кинчинджинга, Гауризанкаръ, Давалагири, перерѣзана глубокими долинами и ущельями, дающими проходъ многочисленнымъ притокамъ Ганга, рѣкамъ Косси, Гандакъ, Карнали, Кали, и верхнимъ притокамъ, Алакнанда и Багирати-ганга. Такимъ образомъ, эта цѣпь разрѣзана на многочисленные отрывки или массивы, изъ которыхъ иные имѣютъ видъ совершенно отдѣльныхъ группъ и которые не тянутся по прямой линіи съ правильностью обыкновенныхъ гребней [1]). Непосредственно на западѣ отъ истоковъ Ганга открывается проломъ, болѣе глубокій, чѣмъ предыдущіе, и проходящій не только черезъ Гималай, но также и черезъ сѣверную параллельную цѣпь; горный валъ перерѣзанъ по всей ширинѣ теченіемъ Сатледжа, который въ началѣ слѣдуетъ общему направленію гималайской оси, съ юго-востока на сѣверо-западъ, а затѣмъ черезъ рядъ узкихъ поперечныхъ долинъ выходитъ изъ горъ, чтобы идти къ юго-западу на соединеніе съ Индомъ. Далѣе, за этимъ притокомъ Чинабъ, менѣе могучій, чѣмъ Сатледжъ, беретъ начало между двумя параллельными цѣпями, такъ что ему нужно перейти только черезъ южную гряду Гималайскихъ горъ; то же самое нужно сказать о Джиламѣ, который зарождается въ Кашмирскомъ бас-

[1]) *Herbert; Strachey; Medlicott* „Memoirs of the Geological Survey of India", 1865.

сейнѣ; но Индъ получаетъ свои первыя воды на самомъ плоскогорьѣ Тибета, на сѣверѣ отъ всей гималайской системы. Какъ и Сетледжъ, онъ течетъ сначала въ сѣверо-западномъ направленіи, чтобы отыскать себѣ выходъ; однако, нигдѣ не встрѣчаетъ бреши до того мѣста, гдѣ онъ приближается къ полуденнымъ контрфорсамъ Гинду-куша. Шайокъ, или „женскій Индъ", который соединяется съ „мужскимъ Индомъ" на большомъ разстояніи выше пролома, принадлежитъ уже, по своимъ сѣвернымъ притокамъ, къ области Каракорума, къ цѣпи „Черныхъ обваловъ".

Такимъ образомъ пробитыя водами бреши или промоины разрѣзали весь западный скатъ Тибета на отдѣльныя гряды, вообще оріентированныя въ ту же сторону, какъ Гималайскія и Загималайскія горы; но эти хребты такъ многочисленны и ихъ развѣтвленія до такой степени переплетаются между собой, что трудно опредѣлить вездѣ съ достовѣрностью ихъ нормальное направленіе. Гималай въ собственномъ смыслѣ продолжается по сторону Сетледжа горами, которыя ограничены на сѣверѣ обвалами и песчаными откосами долины рѣки Спити; затѣмъ, далѣе, онъ образуетъ хребетъ южнаго Лагула и хребетъ Панджаль, который господствуетъ на югѣ надъ Кашмирской равниной. Это та цѣпь, которую Куннингамъ называетъ, взятую въ цѣломъ, среднимъ Гималаемъ и которую сопровождаетъ на югѣ, въ одной части ея протяженія, гряда Даоладаръ, или „Бѣлыхъ горъ". Что касается Загималайской цѣпи, то она продолжается хребтомъ Бара-лача, или Занскаръ, затѣмъ, по сю сторону ущелій Инда, опять поднимается, чтобы образовать величественную пирамиду Нанга-Парбатъ или Діармиръ, сѣверо-западную границу Индустана. Въ западной части системы первенство относительно высоты вершинъ принадлежитъ Загималайскимъ горамъ. На сѣверѣ отъ этой цѣпи другой хребетъ, который можно бы назвать „Лехскими горами", по имени города, лежащаго при южной его подошвѣ, тянется въ видѣ длиннаго, почти островнаго выступа, ограниченнаго съ одной стороны Индомъ, съ другой—Шайокомъ, Панконгомъ и притокомъ этого озера съ солоноватой водой. Наконецъ, и самый Каракорумъ, котораго цѣпи и отроги были отдѣлены отъ однообразной массы плоскогорья и, такъ сказать, изсѣчены размывающимъ дѣйствіемъ водъ, походитъ на параллельныя гряды Гималая формой и оріентированіемъ своего рельефа: только его пики гораздо выше вершинъ западнаго Гималая, снѣга и льды, отъ которыхъ онъ получилъ имя Мустагъ, или „Снѣговыхъ горъ", покрываютъ гораздо болѣе обширную поверхность и переходъ черезъ него труднѣе. Одна изъ горъ Каракорума, Дапсангъ, уступаетъ по высотѣ только Гауризанкару, она превосходитъ даже Кинчинджингу; среднимъ числомъ, извѣстные пороги, чрезъ которые путешественники проникаютъ изъ долины Инда въ долину Кара-каша, или Яркандъ-дарьи, поднимаются не менѣе, какъ 5.700 метровъ надъ уровнемъ океана, тогда какъ проходы Гималай-

скаго и Загималайскаго хребтовъ открываются на высотѣ 5.425 метровъ, то-есть, на высотѣ, превосходящей на 600 метровъ высоту европейскаго Монъ-Блана [1]. Какъ водораздѣльный хребетъ покатостей между бассейнами Инда и Тарима, Каракорумъ тѣмъ самымъ сдѣлался истинной границей Индустана. Вся область горъ и овраговъ, продолжающая на сѣверо-западѣ угрюмыя плоскорья Большаго Тибета и часть которой иногда означается подъ именами „Малаго", „Абрикосоваго", „Кашмирскаго" Тибета, вошла въ кругъ притяженія индійской исторіи и находится подъ британскимъ владычествомъ черезъ посредство кашмирскаго раджи; Индустанъ, какъ группа политическихъ государствъ, подвластныхъ Англіи, сдѣлался такимъ образомъ сопредѣльнымъ китайскому Туркестану черезъ пороги Каракорума. Но на востокѣ отъ кашмирскихъ провинцій граница англійской Индіи, Непала и Бутана, обозначена въ большей части ея протяженія не сплошной цѣпью Загималайскихъ горъ, но отрывочными массивами Гималая въ собственномъ смыслѣ.

Бреши, черезъ которыя уходятъ рѣки, слишкомъ загромождены скалами, слишкомъ изрѣзаны пропастями, чтобы дороги могли слѣдовать вдоль ихъ теченія, и потому къ цоколю, поддерживающему двѣ Гималайскія цѣпи, нужно подниматься почти единственно черезъ проходы, открывающіеся между снѣговыми вершинами; самые низкіе пороги между противоположными склонами находятся то на Гималайскихъ, то на Загималайскихъ горахъ или даже въ промежуточномъ пространствѣ. Эти перевалы, менѣе возвышенные сравнительно съ проходами Каракорума, представляютъ путешественникамъ еще и ту выгоду, что они лежатъ подъ болѣе южной широтой (отъ 6 до 8 градусовъ ближе къ экватору); но, тѣмъ не менѣе, большая часть ихъ совершенно непереходимы въ періодъ юго-западнаго муссона, когда вѣтеръ поднимаетъ снѣжные вихри. Разница климатовъ между плоскогорьями и нижними равнинами такъ велика, что жители тѣхъ и другихъ странъ были бы менѣе раздѣлены другъ съ другомъ, если бы между ними проходилъ широкій рукавъ океана. Земледѣльцы Индіи никогда не имѣли причины опасаться набѣговъ со стороны бодовъ или тибетцевъ, обитателей возвышенностей; имъ приходилось защищаться только отъ воинственныхъ народцевъ, живущихъ на склонахъ горъ и въ долинахъ, до высоты 2.000 или 3.000 метровъ; выше простирается почти необитаемый поясъ камней, дерна и снѣга. Одни только путешественники, привыкшіе уже, либо по образу жизни, либо благодаря частымъ восхожденіямъ, дышать воздухомъ высокихъ горъ, могутъ отваживаться на переходъ черезъ Гималайскія вершины; разрѣженность воздуха дѣлаетъ тамъ малѣйшій физическій трудъ крайне тягостнымъ; путешественники изъ туземцевъ разсказываютъ,

---

[1] *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien".

будто бы при восхожденіи на высокія горы человѣкъ отравляется испареніями *биса* или *сорана*, подъ которымъ они понимають то цвѣтокъ,—преимущественно одинъ видъ аконита [1]),—то особенный горный воздухъ. Въ 1855 году, Адольфъ и Робертъ Шлагинтвейты, первые между европейскими путешественниками, перешли черезъ перевалъ Иби-Гаминъ, высота котораго равняется возвышенію, какое имѣлъ бы Пюй-де-Домъ, поставленный на Монъ-Бланъ. Впослѣдствіи Джонстонъ взобрался еще гораздо выше: вершина, на которую онъ совершилъ восхожденіе, имѣетъ не менѣе 6.900 метровъ. До настоящаго времени ни одинъ путешественникъ, если не считать тѣхъ, которые поднимались на аэростатахъ въ воздушныя пространства, не достигалъ болѣе значительныхъ высотъ.

Система Гималайскихъ горъ, повидимому, не можетъ быть признана столь же древней, какъ Куэнь-лунь, въ исторіи земли. Насколько можно судить по тѣмъ наблюденіямъ, которыя были сдѣланы рѣдкими путешественниками относительно части Куэнь-луня, сосѣдней съ Хотаномъ средній хребетъ азіатскаго континента есть въ то же время первоначальный выступъ его рельефа; этотъ хребетъ состоитъ изъ древнихъ формацій, тогда какъ всѣ горныя цѣпи, слѣдующія одна за другой по направленію съ сѣвера на югъ отъ этой первой гряды, представляютъ складки земной коры, образовавшіяся въ болѣе близкую къ намъ эпоху. Граниты въ собственномъ смыслѣ рѣдки въ Гималайскихъ горахъ [2]). Кристаллическія горныя породы, составляющія центральную массу, суть, по большей части, гнейсы и метаморфическіе сланцы; нѣкоторыя области Гималая въ міоценовую эпоху, по всей вѣроятности, мало возвышались надъ уровнемъ моря и пользовались климатомъ столь же умѣреннымъ, какъ и центральная Европа: въ Тибетѣ нашли ископаемые остатки бегемота на высотѣ слишкомъ 4.850 метровъ [3]). Впрочемъ, различные изслѣдователи открыли въ пластахъ этой цѣпи окаменѣлости, принадлежащія къ цѣлому ряду геологическихъ образованій, начиная съ силурійской эпохи [4]); тамъ и сямъ нѣкоторыя плутоническія формаціи пробились на свѣтъ божій черезъ налегавшіе на нихъ верхніе пласты, но нигдѣ не найдено слѣдовъ существованія вулканическихъ кратеровъ. Каковъ бы ни былъ возрастъ этихъ двухъ цѣпей, Гималайской и Загималайской, слои, которые отложились на полуденныхъ склонахъ горъ, обращенныхъ къ равнинамъ Индустана, несомнѣнно принадлежатъ къ послѣднимъ періодамъ третичныхъ вѣковъ. Расположенныя въ видѣ цѣпей, параллельныхъ главной оси горба Азіи, предгорья, извѣстныя у геологовъ

---

[1]) *Wallich; Hamilton* „An account of Nepal".

[2]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien", Bd. II

[3]) *Alfred R. Wallace* „Proceedings of the Geographical Society of London", sept. 19, 1877.

[4]) *Theobald; Lyddeker; Stoliczka; Godwin Austen.*

подъ именемъ Субъ-Гималая (Подгималая) или Нижняго Гималая, состоятъ почти всѣ изъ массивныхъ песчаниковъ, соединенныхъ разнообразно съ конгломератами и съ глинами. Отъ береговъ Брамапутры до береговъ Инда, эти цѣпи слѣдуютъ одна за другой въ правильномъ порядкѣ по направленію къ западу, затѣмъ къ сѣверо-западу, прерываемыя только, въ разныхъ пунктахъ своего протяженія, такъ называемыми „воротами“, которыя тамъ открыли себѣ горные потоки, чтобы найти выходъ изъ продольныхъ долинъ, проточенныхъ водами у основанія верхнихъ горъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ масса воды, которая льется съ верхнихъ ледниковъ и образуетъ блуждающія рѣчки, попеременно то соединяющія, то раздѣляющія свои каменистыя русла, была достаточна, чтобы смыть на обширныхъ пространствахъ холмы передовой цѣпи.

Самая знаменитая и самая правильная изъ этихъ цѣпей Нижняго Гималая—хребетъ Сиваликъ, который тянется, отъ юго-востока къ сѣверо-западу, на пространствѣ слишкомъ 300 километровъ, между воротами Ганга, у Гардвара, и воротами Біаса, одной изъ „пяти рѣкъ“ Пенджаба. Рѣки Джамна и Сетледжъ разрѣзываютъ эту цѣпь на отрывки, неравные по размѣрамъ, но похожіе одинъ на другой свойствомъ горныхъ породъ и формой крутыхъ скатовъ и овраговъ. Такъ называемые *дуны*, подобные *доарамъ* Бутана и *мари* Сиккима, то-есть, продольныя долины, отдѣленныя отъ равнинъ Индіи цѣпью Сиваликъ, средняя высота которой около тысячи метровъ, были нѣкогда озерами. Опорожненныя мало-по-малу вытекающими изъ нихъ рѣками, нѣкоторыя изъ этихъ долинъ имѣютъ слишкомъ узкое дно и слишкомъ загромождены джунглями, чтобы представлять живописныя картины; но другія, напротивъ, превратились въ очаровательныя мѣстности, которыя напоминаютъ англичанамъ ландшафты ихъ родины богатствомъ зелени, живописной красотой лѣсковъ, разсѣянныхъ по берегамъ ручьевъ и на бывшихъ островныхъ пригоркахъ, граціознымъ контуромъ холмовъ, увѣнчанныхъ селеніями. Въ былыя времена воды замкнутыхъ озеръ часто выбрасывали на свои берега тѣла большихъ млекопитающихъ, кости которыхъ теперь находятъ въ слояхъ песчаника цѣпи Сиваликъ или Сивалай. Между этими животными, изъ которыхъ иныя были открыты въ первый разъ въ этой области Индіи, самое замѣчательное—исполинскій сиватерій, которому дано такое названіе, какъ и самымъ холмамъ, по имени Сивы, бога, безпрестанно разрушающаго и преобразующаго землю новыми твореніями.

Въ цѣломъ Гималайскія горы отличаются нѣкоторымъ однообразіемъ внѣшняго вида. Онѣ болѣе поражаютъ своей массой, громадой, чѣмъ ласкаютъ взоръ разнообразіемъ своихъ пейзажей. Одни только путешественники, проникающіе далеко вглубь „Области вѣчныхъ снѣговъ“ и съ невѣроятнымъ трудомъ взбирающіеся на какую-нибудь вершину, равную

по высотѣ колоссамъ европейскихъ Альпъ, могутъ составить себѣ понятіе о ясномъ, спокойномъ величіи этихъ исполинскихъ горъ, которыя жителямъ равнинъ представляются не болѣе, какъ металлическими пластинками, блистающими вдали на горизонтѣ подъ лучами солнца. Среди необозримыхъ пустынь на высотахъ, превышающихъ на цѣлыя сотни, даже на тысячи метровъ самые возвышенные пункты, гдѣ встрѣчаются человѣческія жилища, видны еще вершины, высоко поднимающіяся изъ-за ряда другихъ, болѣе низкихъ горъ и господствующія надъ безпредѣльнымъ пространствомъ, наполненнымъ облаками, льдами и скалами; нигдѣ морены и ледники, снѣжныя и фирновыя поля, обвалы, зубчатые гребни и остроконечныя верхушки пирамидъ, пики, нагроможденные одинъ на другой, не являются въ болѣе грандіозномъ видѣ. Какъ справедливо говорятъ Веды, это „третій міръ", совершенно отличный отъ двухъ другихъ міровъ, то-есть, нижнихъ долинъ и равнины. Но между областью снѣговъ и областью лѣсовъ почти вездѣ видишь голыя сѣрыя скалы, лежащія одна на другой неровными уступами; снѣжныя лавины, горные потоки вездѣ сглаживаютъ и шлифуютъ поверхность скалы, позволяя только въ рѣдкихъ мѣстахъ расти дерну, подобному травѣ, покрывающей верхніе склоны Альпъ. Цѣлыя горы, отъ подошвы до вершины, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ въ вертикальномъ направленіи, представляютъ правильный скатъ, едва исцарапанный тамъ и сямъ: словно видишь передъ собой тусклую, испещренную полосами грань какого-то колоссальнаго кристалла. Такъ, гора Ракипошъ, одна изъ западныхъ вершинъ Мустага, подпимается въ видѣ громадной каменной стѣны почти въ 6 километровъ высотой, надъ ущельями, гдѣ соединяются рѣки Гильгитъ и Гунза.

Въ верхнихъ слояхъ Гималайскихъ горъ, выше 5.000 метровъ (16.405 футовъ), наибольшая часть влажности, осаждающейся изъ облаковъ, состоитъ изъ снѣжныхъ хлопьевъ, и всѣ вершины главнаго гребня постоянно покрыты снѣгомъ и льдомъ. Но ниже юго-западный муссонъ приноситъ обыкновенно только проливные дожди; даже на высотѣ 4.330 метровъ рѣдко бываетъ, чтобы падалъ снѣгъ на Сиккимскихъ горахъ во время лѣтнихъ мѣсяцевъ. Только на высотѣ 2.000 метровъ (6.560 футовъ) можно видѣть, въ серединѣ зимы, снѣжные кристаллы, смѣшанные съ дождевыми каплями; въ Катманду, главномъ городѣ Непала, лежащемъ на высотѣ 1.327 метровъ, „снѣгъ выпадаетъ такъ, что никто объ этомъ и не знаетъ", то-есть, съ восходомъ солнца тотчасъ же разстаиваетъ легкій бѣловатый слой, покрывающій траву и листья [1]). Нижній предѣлъ снѣговъ спускается ниже на склонахъ восточнаго Гималая, нежели на скатахъ западныхъ горъ, несмотря на то, что эти послѣднія лежатъ гораздо сѣвернѣе. Причина тому—несравненно большее

[1]) *Hermann von Schlagintweit*, цитированное сочиненіе.

РАЗМЫТЫЯ РѢКОЮ СПИТИ СКАЛЫ

обиліе влажности, которое получаютъ части цѣпи, сосѣднія съ Бенгальскимъ заливомъ. Значительная часть этихъ паровъ падаетъ изъ атмосферы въ видѣ снѣга, который не успѣваетъ растаять совершенно въ теченіе года; новые снѣжные слои прибавляются къ старымъ и превращаются постепенно въ фирны. Тогда какъ въ среднемъ Гималаѣ, на горахъ Кумаона, высота нижняго предѣла вѣчныхъ снѣговъ не превышаетъ 4.800 метровъ [1],—что уже равно высотѣ Монъ-Блана,—тотъ же самый предѣлъ въ Кашмирскихъ горахъ лежитъ, по меньшей мѣрѣ, на высотѣ 5.650 метровъ; въ октябрѣ мѣсяцѣ братья Жераръ нашли только свѣжій снѣгъ на высотѣ 5.910 метровъ, на одной изъ горъ тибетской границы, Поргіалѣ; даже на высотѣ 6.150 метровъ, на одной сосѣдней вершинѣ, почва была голая, безъ снѣжнаго покрова. Само собою разумѣется, что всего меньше снѣга на склонахъ, обращенныхъ къ сѣверу; влажные вѣтры, задерживаемые на противоположной покатости, приносятъ имъ лишь рѣдкіе хлопья, увлекаемые вихремъ бурь. Нѣкоторыя промежуточныя второстепенныя цѣпи, менѣе высокія, чѣмъ внѣшніе горные валы, совершенно лишены снѣговъ.

Ледники Гималайской цѣпи по протяженію уступаютъ только ледникамъ горъ Гренландіи и другихъ полярныхъ странъ. Наиболѣе благопріятныя условія для образованія и развитія значительныхъ глетчеровъ встрѣчаются въ циркахъ или котловинахъ и долинахъ Западнаго Гималая, то-есть, именно въ тѣхъ горахъ, гдѣ нижній предѣлъ постояннаго снѣга находится на наибольшей высотѣ надъ морскимъ уровнемъ. Причина тому—быстрое таяніе снѣговъ въ Гималайскихъ странахъ, ближайшихъ къ экватору; снѣжные слои тамъ, правда, толще и относительно обширнѣе, но они прямо превращаются въ жидкіе потоки, не переходя черезъ промежуточныя формы обширныхъ фирновыхъ полей и длинныхъ ледниковъ. Кромѣ того, сѣверо-западныя цѣпи, съ ихъ многочисленными промежуточными долинами, имѣющими незначительный скатъ, долинами, гдѣ скопленія снѣга постоянно остаются подъ защитой отъ солнечныхъ лучей, гораздо лучше расположены, чѣмъ крутые склоны Восточнаго Гималая, чтобы удерживать въ своихъ углубленіяхъ медленные потоки ледниковъ. Цѣпь Занскаръ, или Бара-Лача, которая направляется на сѣверо-западъ къ Кашмиру между притоками Инда и притоками Чинаба, наверху кругомъ обложена, словно бахрамой, ледниками, изъ которыхъ очень многіе имѣютъ около 25 верстъ въ длину, и слѣдовательно, превосходятъ, по протяженію, Алечскій глетчеръ, самый значительный въ Европѣ. Но и эти исполинскія ледяныя рѣки, въ свою очередь, далеко уступаютъ по величинѣ громаднымъ кристаллическимъ потокамъ Балтистана, которые спускаются со склоновъ Каракорума въ нагорныя долины, впадающія въ долины рѣкъ Шайока и Инда. Ледники, или *гансе*, Сайчаръ, Балторо,

---

[1]) *Strachey; Al.* et *J. Gerard; Al. Cunningham*; *Fr. Drew.*

Біафо, Чого имѣютъ каждый около 50 верстъ въ длину, считая отъ начальной котловины, гдѣ скопляется снѣгъ, до фронтальной морены, и каждый изъ нихъ принимаетъ въ себя десятки второстепенныхъ глетчеровъ, имѣющихъ, по меньшей мѣрѣ, такіе же размѣры, какъ самыя обширныя ледяныя поля швейцарскихъ Альпъ; если бы идти по верхней линіи фирновъ и ледниковъ, то, вѣроятно, можно бы не покидать области сплошнаго льда на пространствѣ 150 километровъ. Всѣ явленія, наблюдаемыя на замерзшихъ рѣкахъ центральной Европы, замѣчаются и на Гималайскихъ горахъ, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. И тамъ тоже наблюдатели могутъ изучать трещины продольныя и поперечныя, выступы ледяной массы, иногда принимающіе видъ различныхъ фигуръ, колодцы или такъ называемыя мельницы, морены срединныя, боковыя и фронтальныя или конечныя. Точно также, какъ на Альпахъ, многія рѣки, вытекающія изъ гималайскихъ ледниковъ, низвергаются на вольный воздухъ черезъ ворота съ дугообразнымъ сводомъ, которыя придаютъ ихъ выходу на свѣтъ Божій нѣчто героическое и тріумфальное; въ виду этой шумящей рѣки, которая вырывается изъ-подъ темной аркады и высокихъ хрустальныхъ стѣнъ, изборожденныхъ трещинами, указывающими на давленіе движущейся ледяной массы, легко понимаешь чувство обожанія, которое испытываютъ пилигримы, падающіе на колѣни передъ этими грандіозными картинами природы. Что всего болѣе отличаетъ ледники Гималая и Каракорума отъ ледниковъ европейскихъ Альпъ,—это необычайное обиліе каменныхъ обломковъ, которое несутъ первые, по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ, такое обиліе, что нижнее теченіе ледяной рѣки покрыто почти сплошнымъ слоемъ камней; груды обломковъ, скрывающія ледъ, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ глубокія трещины разверзли свои пропасти, сами, въ свою очередь, покрыты землей, гдѣ растетъ трава, цвѣтутъ многочисленныя растенія; поле ледника превратилось въ садъ [1]). Ледникъ Балторо, одна вѣтвь котораго беретъ начало въ фирнахъ Дапсанга, въ нижней своей части сплошь покрытъ обломками, такъ что поверхность его представляетъ цѣлое море камней, образуемое соединеніемъ пятнадцати моренъ изъ скалъ различно окрашенныхъ, сѣрыхъ, коричневыхъ, желтыхъ, красныхъ, синеватыхъ, которыя тянутся въ видѣ параллельныхъ линій на потокѣ ледяной рѣки [2]).

Нижнія долины Гималайскихъ горъ сохранили еще слѣды ледниковъ, гораздо болѣе значительныхъ, чѣмъ нынѣшніе. Тамъ и сямъ встрѣчаются боковыя морены на террасахъ, возвышающихся надъ рѣчнымъ ложемъ на нѣсколько сотъ метровъ; фронтальныя морены—менѣе многочисленны, потому что онѣ были, по большей части, смыты горными ручьями—тож

[1]) *Andrew Wilson* „The Abode of Snow".
[2]) *Montgomerie* „Mittheilungen von Petermann", II, 1863.

сохранились во многихъ долинахъ на высотѣ не болѣе 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря. Ледяныя рѣки, спускавшіяся съ Каракорума, разливались до Кашмирскаго бассейна, оканчиваясь на разстояніи 200 слишкомъ километровъ отъ фирновыхъ полей, гдѣ онѣ получали свое начало [1]); такъ, глетчеръ Нубра, данникъ льдовъ Шайока, или женскаго Инда, имѣлъ не менѣе 1.300 или 1.400 метровъ толщины, при сліяніи двухъ долинъ, теперь усѣянныхъ живописными деревеньками [2]). Точно также въ южной части Гималайскаго хребта долина Кангра, по которой течетъ рѣка Біасъ, покрыта эрратическими камнями глетчернаго происхожденія, до высоты всего только 600 метровъ; центральный ледяной потокъ этой долины, питаемый другими второстепенными ледниками, спускавшимися съ кристаллической цѣпи Бѣлыхъ горъ, или Даола-даръ простирался въ длину болѣе, чѣмъ на 190 километровъ, т. е. около 175 верстъ [3]). Но слѣды древняго ледянаго періода исчезаютъ въ Гималайскихъ горахъ скорѣе, чѣмъ во всѣхъ почти другихъ гористыхъ странахъ земнаго шара, по причинѣ быстраго хода процесса размыванія и вывѣтриванія въ долинахъ, несущихъ свои воды въ Индъ и Гангъ. Кремнистыя слои высокихъ вершинъ и среднихъ склоновъ, песчаники Подгималайскихъ горъ очень рыхлы, разсыпчаты и легко уступаютъ дѣйствію воды; гнейсы, растрескавшіеся, также раскалываются быстро подъ чередующимся дѣйствіемъ морозовъ, оттепелей, солнечной теплоты и дождей; что касается каменныхъ обломковъ, накопленныхъ нѣкогда глетчерными ручьями, то они подхватываются снова каждымъ наводненіемъ и переносятся далѣе, все ближе и ближе къ выходу долинъ. Русла, которыя рѣки Гималайской цѣпи вырыли себѣ въ кучахъ мелкаго камня или даже въ живой скалѣ, достигаютъ во многихъ мѣстахъ глубины 900 метровъ ниже древнихъ береговъ, и малѣйшіе притоки должны были постепенно проточить гору на толщинахъ пятисотъ и шестисотъ метровъ, чтобы соединиться съ главнымъ потокомъ. Сетледжъ въ своемъ верхнемъ теченіи по плоскогорьямъ Тибета и ниже въ землѣ Лодакъ, Индъ и различные его гималайскіе притоки, Гангъ выше Гардвара, представляютъ замѣчательные примѣры этихъ глубокихъ промоинъ въ видѣ узкихъ пропастей, спускающихся почти на тысячу метровъ ниже плоскости ихъ прежняго ложа, остатки котораго и теперь еще виднѣются тамъ и сямъ на боковыхъ террасахъ [4]). Мало странъ въ свѣтѣ, гдѣ бы было такъ необходимо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ легко устроивать на рѣкахъ висячіе мосты, ибо многія разсѣлины, хотя глубину ихъ нужно считать

---

[1]) *Hooker* „Himalayen Journals“; *Godwin Austen* „Journal of the Geographical Society“, 1867; *Theobald* „Memoirs of the Geological Survey of India“.

[2]) *Frederic Drew* „Jummoo and Kashmir Territories“.

[3]) *Theobald* „Records ot the Geological Survey of India“, vol VII, 1874.

[4]) *Drew*, *Andrew*, *Wilson*, цитированныя сочиненія; *Robert von Schlagintweit* „Ueber Erosionsformen der indischen Flüsse“.

сотнями метровъ, имѣютъ очень незначительную ширину, такую, что, стоя на одномъ берегу, можно добросить камнемъ до другого. Въ индійскихъ долинахъ Гималайскаго хребта нѣкоторые снаряды для переправы, подобные употребляемымъ въ Восточномъ Тибетѣ, состоятъ изъ простыхъ *чука*, то-есть, веревокъ, по которымъ скользитъ кольцо, переносящее путешественника съ одного берега на другой; но большая часть висячихъ мостовъ, или *джула*, сплетены изъ свитыхъ изъ древесной коры или изъ ліанъ канатовъ, качаемыхъ вѣтромъ, но достаточно крѣпкихъ для того, чтобы путешественники, не подверженные головокруженію, могли безбоязненно пускаться по такому мосту и даже для того, чтобы переправлять козъ и овецъ; эти джулы служатъ, среднимъ числомъ, впродолженіи трехъ лѣтъ. Образовавшіеся вслѣдствіе размыванія откосы, часто вновь проточенные дождевыми потоками или засыпанные обвалами, слѣдуютъ одинъ за другимъ вдоль рѣкъ, въ видѣ сѣрыхъ или красноватыхъ конусовъ, которые въ сумерки или издали похожи на ряды гигантскихъ палатокъ.

Въ песчаниковыхъ скалахъ Подгималайскихъ горъ работа размыванія проявляется не столько образованіемъ откосовъ, сколько образованіемъ вертикальныхъ стѣнъ; цѣлыя плоскости или грани склона отдѣляются и обваливаются разомъ, придавая утесамъ видъ цитаделей, построенныхъ рукой человѣка, съ правильными башнями, оградами, террасами. Ни кубическія массы „саксонской" Швейцаріи, ни прямоугольныя каменныя глыбы нѣкоторыхъ частей Новой Мехики и Колорадо не имѣютъ большей симметріи въ своихъ формахъ, чѣмъ многія скалы Подгималайской цѣпи. Нѣкоторыя изъ этихъ высотъ, съ гладкими, точно обрѣзанными стѣнами, представляютъ поверхность не менѣе ровную, чѣмъ поверхность бѣлыхъ безплодныхъ холмовъ (causses) въ Южной Франціи. Другія каменныя массы, поверхность которыхъ заключаетъ нѣсколько сотень или даже тысячъ квадратныхъ километровъ, состоятъ изъ лежащихъ одинъ на другомъ пластовъ, постепенно съуживающихся кверху, и представляютъ со всѣхъ сторонъ видъ пирамиды съ громадными ступенями.

Большіе обвалы, слѣды которыхъ видны повсюду въ Гималайскихъ горахъ, также принадлежатъ къ текущему геологическому періоду. Современная исторія Инда, Чинаба, Сетледжа даетъ замѣчательные примѣры этого явленія. Часто случается, что эти три рѣки, задержанныя въ своемъ верхнемъ теченіи паденіемъ ледяныхъ массъ и камней, превращаются въ озера, тогда какъ ниже этой временной плотины русла ихъ мало-по-малу высыхаютъ; но, послѣ нѣсколькихъ дней или даже недѣль остановки, задержанныя озера, наконецъ, переходятъ черезъ запруду, и вскорѣ массы обломковъ и грязи, смѣшанныя съ водами наводненія, страшнымъ потокомъ низвергаются на ниже лежащія земли, опустошая прибрежныя мѣстности, снося дома, вырывая съ корнемъ

деревья[1]). Когда эти запруды отъ обваловъ образуются въ верхнихъ долинахъ, ручьи и рѣчки, ниже впадающіе въ главную долину, продолжаютъ питать рѣку, и прибрежные жители болѣе низменныхъ мѣстностей узнаютъ о событіи только по незначительному пониженію уровня воды въ рѣкѣ; но иногда случается, что паденіе снѣжныхъ массъ и скалъ произошло въ ущельяхъ, близкихъ къ равнинѣ, и тогда рѣка вдругъ изсякаетъ совершенно. Изслѣдователь Годуинъ Аустенъ и его спутники, неожиданно застигнутые прорывомъ такой запруды, образовавшейся вслѣдствіе обвала, едва успѣли убѣжать съ мѣста катастрофы, извѣщенные объ опасности громомъ обрушившихся и ударяющихся одна о другую скалъ. Лавина или, какъ ее называютъ туземцы, *шва* камней, грязи и воды устремляется въ долины въ видѣ высокой, прямой стѣны, съ которой летятъ въ ту и другую сторону камни, точно бомбы съ вала движущейся крѣпости: отрывки разбившихся скалъ отлетаютъ очень далеко, тогда какъ на высокихъ берегахъ самыя большія каменныя глыбы кружатся, затѣмъ низвергаются въ черный потокъ[2]).

Эти явленія размыванія имѣли то слѣдствіе, что они сообщили потокамъ и рѣкамъ Гималайской цѣпи нормальную кривую и уничтожили водопады и озера, которые нѣкогда прерывали ихъ теченіе. Въ этомъ отношеніи индійскія горы составляютъ рѣзкій контрастъ съ европейскими Альпами: первыя, если можно такъ выразиться, утратили свою молодость, такъ какъ первоначальныя черты ихъ долинъ давно уже изгладились. Выступы скалъ, задерживавшіе воды въ озерныхъ бассейнахъ и съ которыхъ потоки лились каскадами, были постепенно разрушены дѣйствіемъ воды; въ то время, какъ озера опоражнивались, катаракты понижались. Въ настоящее время собственно Гималайская цѣпь сохранила лишь небольшое число этихъ льющихся водяныхъ столбовъ, которые придаютъ столько прелести горнымъ странамъ, и большая часть тамошнихъ водопадовъ суть не что иное, какъ временные каскады, простыя струи воды, образующіяся изъ тающаго подъ лучами лѣтняго солнца снѣга и обращающіяся въ паръ въ воздухѣ, гдѣ они клубятся. Единственныя большія озера Гималая находятся на сѣверѣ цѣпи, въ пониженіи, отдѣляющемъ эту цѣпь отъ Загималайскихъ горъ, и на западѣ въ многочисленныхъ параллельныхъ долинахъ Ладака и Кашмира. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ этихъ западныхъ областяхъ многія озера уменьшились въ протяженіи, не по причинѣ постепеннаго углубленія ихъ истока, но вслѣдствіе постепеннаго осушенія страны. Нѣкоторыя изъ озеръ этой части Гималайскаго хребта утратили всякое истеченіе, и сдѣлавшись замкнутыми

[1]) *A. Cunningham* „Ladak"; *Shaw* „High Tartary, Yarkand and Kashgar"; *Drew* „Jummoo and Kashmir Territories"; *Medlicott* and *Blanford* „Manual of the Geology of India".

[2]) *Godwin Austen* „Journal of the Geographical Society of London", 1864.

бассейнами, мало-по-малу превратились въ резервуары соленой воды. Обширныя равнины, нѣкогда покрытыя прѣсной водой, теперь имѣютъ лишь кое-гдѣ маленькія „горькія озера", окруженныя солянымъ налетомъ, сливающимся иногда съ площадью снѣговъ.

Поясы растительности на склонахъ Гималайскихъ горъ, естественно, соотвѣтствуютъ поясамъ температуры. Черезъ каждые 200 метровъ (656 футовъ), въ вертикальномъ направленіи, степень тепла уменьшается на одинъ градусъ, и въ то же время измѣняются всѣ климатическія условія; тропическія или полу-тропическія растенія, которыя мы находимъ у подошвы горъ, замѣняются выше растеніями умѣреннаго пояса, затѣмъ растеніями арктическаго пояса. Но кромѣ этихъ главныхъ дѣленій климатическихъ и ботаническихъ, сходныхъ съ дѣленіями этого рода, наблюдаемыми на скатахъ всѣхъ другихъ горныхъ цѣпей, въ Гималайскихъ горахъ существуютъ еще, у основанія и на первыхъ возвышеніяхъ этой системы, другіе поясы мѣстности, рѣзко разграниченные между собой свойствомъ почвы и произведеніями и обязанные своими контрастами не различію высоты, но расположенію поверхностныхъ слоевъ и истеченію водъ; эти поясы, хорошо извѣстные во всѣ времена туземнымъ жителямъ, которые гоняютъ свои стада коровъ и буйволовъ въ нижнія долины Гималайской цѣпи, слѣдуютъ одна за другой параллельно оси горъ, отъ нижнихъ равнинъ до первыхъ кручъ. Крайняя южная полоса—это полоса земли, называемой *терай*, *тарай*, *тари*, или *моронгъ*, то-есть, „сырая страна", болотистая область, покрытая джунглями, камышами и купами деревьевъ, которые задерживаютъ дуновеніе вѣтровъ, вслѣдствіе чего тамъ постоянно стоитъ туманъ изъ міазмовъ, поддерживаемый испареніемъ влажной почвы; если вѣрить туземцамъ, нѣкоторыя части терая заключаютъ атмосферу, до того удушливую, что дикіе звѣри и птицы не могутъ дышать тамошнимъ воздухомъ. Однако, къ сѣверо-западу полоса земли, составляющая продолженіе терая, съуживается мало-по-малу, и въ Пенджабѣ это уже не болѣе, какъ песчаное пространство, гдѣ вода быстро исчезаетъ въ почвѣ, и которое на извѣстныхъ разстояніяхъ изрѣзано многочисленными оврагами и рытвинами; высокія травы, среди которыхъ прячется антилопа, замѣняють тамъ чащи джунглей и камышей, покрывающія собственный терай. Второй параллельный поясъ, который тянется между болотами и основаніемъ песчаниковыхъ скалъ Подгималая, рѣзко отличается отъ терая сухостью почвы: это такъ-называемый *бхаверъ*, *бхабхаръ* или *джхари*, лѣсная область, почти сплошь покрытая шореями (shorea robusta), красивыми раскидистыми деревьями, обвитыми ліанами, которыя соединяютъ ихъ между собой и съ растеніями подлѣсья. Продольныя долины *дунъ*, *мари* или *доаръ*, продолжающіяся параллельно двумъ предъидущимъ поясамъ, тераю и бхаверу, отъ которыхъ ихъ отдѣляетъ выступъ песчаниковыхъ скалъ

(гряда Сиваликъ или Сивалай), первое, едва обозначившееся ребро громаднаго скелета Гималайскихъ горъ, тоже принадлежатъ къ нездоровымъ мѣстностямъ въ большой части своего протяженія. Путешественники не безъ опасности проѣзжаютъ, во всю скачь своихъ верховыхъ животныхъ, три, слѣдующія одна за другою, полосы терая, бхавера и дуновъ, чтобы пробраться изъ прибрежныхъ равнинъ Ганга въ область горъ, выше вредныхъ тумановъ, которые стелются по нижнимъ склонамъ до средней высоты 1.200 метровъ (около 3.940 футовъ); указываютъ многочисленные примѣры англичанъ, которые сдѣлались жертвою злокачественной лихорадки, схваченной во время быстраго переѣзда черезъ поясъ терай. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ контрастъ терая и области культуръ такъ же рѣзокъ, какъ противоположность земли и моря вдоль отвѣснаго берега [1]).

Нездоровость этихъ низменныхъ областей объясняется легко. Воды, задерживаемыя въ дунахъ выступами опоясывающихъ ихъ песчаниковыхъ предгорій, скопляются тамъ въ видѣ стоячихъ площадей; ниже, бхаверъ, который состоитъ изъ гравіевой почвы, очень сухъ, напротивъ, благодаря рыхлости грунта, но крупный песокъ тамъ залегаетъ на слоѣ непропускающей воду глины, и пары, поднимающіеся съ земли послѣ паденія дождей, остаются запертыми подъ густыми вѣтвями деревьевъ; наконецъ, въ полосѣ терая, водяная скатерть, которая скользила по глинистому слою подъ гравіемъ бхавера, снова появляется на поверхности и разливается въ видѣ болотъ среди джунглей. Въ этомъ низменномъ поясѣ спускающіяся съ Гималая рѣки, которыя передъ тѣмъ прошли черезъ область бхавера по глубокимъ и вполнѣ опредѣленнымъ русламъ, широко разливаются въ тераѣ, передвигая съ мѣста на мѣсто мелкіе камни и пески, перенося стволы деревьевъ и остатки всякаго рода; всѣ эти препятствія образуютъ тамъ и сямъ естественныя плотины, выше которыхъ рѣчная вода разливается направо и налѣво въ видѣ болотъ, постоянныхъ или временныхъ. Средство улучшить это положеніе дѣлъ, то-есть, ассенизировать край, то же самое, какое примѣняется съ успѣхомъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ Европы; оно состоитъ въ урегулированіи стока водъ, въ расчисткѣ и обработкѣ почвы. Уже многія семьи переселенцевъ, доставляемыхъ сопредѣльнымъ населеніемъ, которому, впрочемъ, *ауаль*, или малярія (болотная лихорадка), менѣе опасна, нежели европейскимъ путешественникамъ, начали тамъ и сямъ расчищать подъ пашни наиболѣе здоровыя лѣсныя прогалины въ полосахъ терая и бхавера. Съ другой стороны, пастухи на зиму спускаются съ горъ со своими семьями и стадами, чтобы, по мѣстному выраженію, „кормиться солнцемъ", и вслѣдъ затѣмъ на мѣстахъ ихъ стоянки появляются пашни и селенія. Такимъ образомъ, эти распаханныя прогалины, число которыхъ

[1]) *Hooker* „Himalayan Journals".

возрастаетъ съ каждымъ годомъ, прибавляются къ относительно здоровымъ пространствамъ, прерывающимъ во многихъ мѣстахъ, преимущественно на югѣ Сиккима, опасные поясы терая и бхавера. Дорога, ведущая съ береговъ Ганга въ Дарджилингъ, давно уже потеряла свои ужасы. Напротивъ, было время, когда населеніе равнины нарочно давало разростаться полосѣ терая на счетъ своихъ культурныхъ земель, чтобы расширить такимъ образомъ „мархію", которая отдѣляла ихъ отъ ихъ враговъ, разбойничьихъ горныхъ народовъ.

Въ сѣверо-западномъ углу Индіи, вся верхняя область Пятирѣчья (Пенджаба), между передовыми горами Гималайскаго хребта и Сулейманъ-дагомъ, занята невысокими плоскогорьями и небольшими отрогами, замѣчательными геометрическою правильностью ихъ линіи протяженія. Тогда какъ Панджалъ, послѣдняя Гималайская цѣпь, огибаемая на западѣ рѣкою Джиламъ при выходѣ ея изъ Кашмирской долины, слѣдуетъ нормальному направленію всей системы, т. е. отъ юго-востока къ сѣверо-западу, отроги области Хазара и верхняго Пенджаба расположены, по большей части, перпендикулярно къ оси Гималая, по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ. Высшая точка этой Заджиламской области, гора Марри, еще одна изъ большихъ вершинъ внѣшняго Гималая, такъ какъ она достигаетъ высоты 2.272 метровъ; но къ югу отъ этого межеваго столба, поставленнаго между двумя различными областями, плоскогорья имѣютъ среднюю высоту, постепенно уменьшающуюся, отъ 500 до 300 метровъ, и гребни холмовъ поднимаются надъ ними почти на такую же высоту. Слишкомъ мало возвышенные, чтобы поражать народное воображеніе, эти каменные выступы земнаго рельефа не имѣютъ точныхъ географическихъ наименованій. Они называются по имени живущихъ на нихъ племенъ, близъ лежащихъ городовъ или деревень, горныхъ проходовъ, служащихъ перевалами для путешественниковъ, крѣпостей, господствующихъ на той или другой возвышенности, или по какой-нибудь мѣстной особенности [1]). Наиболѣе извѣстныя названія примѣняются къ цѣлымъ областямъ: таково наименованіе Потваръ, даваемое всему гористому плоскогорью Раваль-Пинди.

На поверхности нашей планеты нѣтъ каменныхъ массъ, которыя были бы болѣе изгрызены стихіями, чѣмъ хребты Потвара и другихъ горныхъ цѣпей страны по сю и по ту сторону Инда; многіе изъ нихъ оканчиваются на верхушкѣ острыми клинками, до того тонкими и мѣстами до того разорванными, что можно подумать, что это это искусственная ажурная рѣзьба на камнѣ.

Всѣ части скалы, легко раскалывающіяся и вывѣтривающіяся, были

[1]) *Medlicott* and *Blanford* „A. Manual of the Geology of India".

унесены дождевыми водами: остался только скелетъ горы; такъ какъ поверхностные обломки всѣ снесены водой, то геологъ можетъ съ перваго взгляда опредѣлить свойство горныхъ породъ, составлявшихъ первоначальное ядро; но нѣкоторые гребни отличаются такою изумительною правильностью формъ, что тамъ легко смѣшать произведенія природы съ дѣломъ рукъ человѣческихъ: иная гора показана на картѣ генеральнаго штаба съ крѣпкимъ замкомъ на вершинѣ, хотя въ дѣйствительности стѣны и бастіоны этой твердыни суть не что иное, какъ продуктъ разрушительной силы атмосферныхъ дѣятелей [1]). Въ этомъ отношеніи одна изъ самыхъ замѣчательныхъ горныхъ цѣпей та, которая ограничиваетъ съ южной стороны эти изрытыя оврагами плоскогорья Пятирѣчья и которая получила отъ англичанъ названіе Salt-range, или „Соляной цѣпи“. Она тянется съ востока на западъ между Джиламомъ и Индомъ, теченіе котораго она съуживаетъ въ Калабагскомъ дефилеѣ, затѣмъ продолжается за Индомъ подъ разными именами: Чичали, Шингаръ, Кафиръ-котъ, Шейкъ-будинъ. Она была нѣкогда южной границей азіатскаго континента, и ея крутые склоны, подточенные при основаніи водами моря, и теперь еще представляютъ тамъ и сямъ видъ высокихъ береговыхъ утесовъ. Соляная цѣпь — одна изъ самыхъ любопытныхъ возвышенностей Индіи по образованію ея пластовъ, такъ какъ тамъ можно изучать горныя породы, принадлежащія всѣмъ геологическимъ вѣкамъ; силурійскіе слои представлены въ этой горной массѣ, также какъ каменноугольная формація, тріасъ, юра, мѣлъ; наконецъ, пласты третичной эпохи прикрываютъ другія геологическія образованія, и между этими пластами особенно часто встрѣчаются залежи нуммулитовыхъ или раковистыхъ известняковъ; даже діориты показываются кое-гдѣ поверхъ осадочныхъ слоевъ. Разнообразіе рудныхъ мѣсторожденій въ этой цѣпи не менѣе велико, чѣмъ разнообразіе горныхъ породъ; до сихъ поръ тамъ открыты, въ различныхъ количествахъ, золото, мѣдь, свинецъ, желѣзо, также какъ сѣра, квасцы, селитра, нефть, каменный уголь, и во многихъ мѣстахъ изъ земли бьютъ горячіе минеральные ключи. Гипсъ находится тамъ въ изобиліи, а соли такъ много, что англичане совершенно справедливо дали этимъ горамъ названіе Соляной цѣпи [2]). Слои каменной соли, бѣлые, сѣрые, красноватые, и различные по степени чистоты, какъ и по цвѣту, имѣютъ до 30 метровъ (100 футовъ) мощности, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ солекопы могутъ разработывать скалу самородной соли толщиною въ 150 слишкомъ метровъ (70 саженъ). Въ одной части Пенджабской цѣпи есть соляные пласты, представляющіе, по измѣреніямъ Уинна, массу въ 28 куб. километровъ, — количество, достаточное для удовлетворенія нужды всѣхъ людей въ теченіе тысячъ лѣтъ.

[1]) *Wynne* „Memoirs of the Geological Survey of India“, vol. XI. 1875
[2]) *Benj. Lyman; Medlicott* and *Blanford; Wynne*, etc.

Точно также на продолженіи цѣпи къ западу отъ Инда холмы въ большей части состоятъ изъ каменной соли, и мѣстами тамъ встрѣчаются огромныя глыбы въ 40 метровъ (130 футовъ) высоты, сплошь образованныя изъ соляныхъ кристалловъ. Просачиваніе воды сквозь горныя породы, дѣйствіе дождей на внѣшнія стѣны соли и давленіе верхнихъ пластовъ имѣли слѣдствіемъ сгибы, разрывы и перемѣщенія ниже лежащихъ слоевъ и произвели провалы и опрокидыванія, которые часто сбиваютъ съ толку геологовъ. Между достопримѣчательностями этой интересной горной цѣпи встрѣчаются также большіе гранитные валуны, которые носятъ на себѣ явные слѣды дѣйствія ледниковъ. Одинъ валунъ изъ краснаго гранита, мѣсторожденіе котораго на Гималаѣ до сихъ поръ еще не могли открыть, былъ найденъ Теобальдомъ въ Соляной цѣпи и доставленъ въ калькуттскій музей; шлифованыя полосы и борозды на его поверхности не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его происхожденія. Вся поверхность плоскогорья, простирающагося на сѣверъ отъ Соляныхъ горъ, покрыта гравіемъ и пескомъ, среди которыхъ разсѣяны во множествѣ эрратическіе камни; кромѣ того, валуны встрѣчаются также въ большомъ числѣ на берегахъ всѣхъ рѣкъ, особенно на берегахъ Согана и Инда до Аттока и даже ниже. Въ теченіе новѣйшаго геологическаго періода произошли значительныя перемѣны въ гидрографіи страны; весьма вѣроятно, что почти вся она была покрыта озеромъ.

На западѣ отъ Инда, разныя горныя цѣпи, составляющія географическую границу Индустана, суть, какъ и Гималай, краевые хребты плоскогорья, а не отдѣльныя, независимыя горы, исключая, однако, грядъ, которыя продолжаютъ на востокѣ цѣпь Сафидъ-кохъ, или „Бѣлыхъ горъ“, и которыя раздѣляютъ, перпендикулярно къ теченію Инда, два бассейна, нѣкогда озерные, Пешавера и Банну. Главная цѣпь за Индомъ, носящая турецкое имя Сулейманъ-дагъ (Соломонова гора) или Кохъ-и-Сурхъ, то-есть, „Красная цѣпь“, прилегаетъ на западѣ къ возвышенностямъ страны племени вазири; она перерѣзана, черезъ извѣстные промежутки, брешами, откуда вытекаютъ во время дождей вòды горныхъ рѣчекъ, получающихъ начало на скатахъ одной параллельной цѣпи, которую можно было бы назвать западнымъ Сулейманъ-дагомъ или Джадрамомъ, по имени племенъ, живущихъ въ ея долинахъ. Изъ всѣхъ потоковъ, проходящихъ черезъ восточный Сулейманъ, только одинъ Курамъ достигаетъ Инда, не теряясь совершенно по дорогѣ въ пескахъ; другіе ручьи и рѣчки, направляющіеся къ главной рѣкѣ, откуда бы они ни вытекали, изсякаютъ у основанія горы, въ своихъ каменистыхъ ложахъ, которыя перемѣщаются и перепутываются при каждомъ новомъ наводненіи. На сѣверѣ хребетъ Соломоновыхъ горъ примыкаетъ къ высокому массиву Сафидъ-кохъ (Бѣлыя горы), который отдѣленъ отъ предгорій Гинду-куша глубокой долиной рѣки Кабулъ; на востокѣ Сулейманъ-дагъ тоже соединяется, по-

средствомъ боковыхъ отроговъ, съ массивами высотъ, принадлежащихъ къ продолженію Соляной цѣпи; но на югѣ отъ рѣки Курамъ Соломоновы горы отдѣляются отъ другихъ возвышенностей и образуютъ правильный хребетъ, который тянется по направленію съ сѣвера на югъ. Если смотрѣть съ равнины Инда, эти горы представляютъ величественный видъ: высшая вершина ихъ, гора Биргулъ (3.560 метровъ), находится въ землѣ вазирійцевъ; самая знаменитая вершина, извѣстная подъ именемъ, столь часто встрѣчающимся въ магометанскихъ странахъ, Тахтъ-и-Сулейманъ, или „Соломоновъ тронъ", немного ниже предъидущей; она достигаетъ 3.343 метровъ. Всѣ скалы ея крутыхъ склоновъ состоятъ изъ голаго камня, лишеннаго всякой растительности: бѣлыя днемъ, онѣ кажутся прозрачными въ вечернемъ воздухѣ.

Постепенно понижаясь къ югу, цѣпь Соломоновыхъ горъ исчезаетъ въ при-индской равнинѣ, пройдя пространство длиною около 600 километровъ, и Индъ, который незадолго передъ тѣмъ принялъ въ себя воды „Пяти рѣкъ", огибаетъ на югѣ послѣдніе утесы хребта, послѣ чего ударяется объ основаніе другой краевой цѣпи, ограничивающей на востокѣ плоскую возвышенность Белуджистана, населенную племенемъ брагуи. Эта цѣпь, означенная на большей части картъ подъ именемъ Гала, которое примѣняется только къ одному перевалу, и вообще называемая туземцами Хиртаръ, слѣдуетъ, какъ и Сулейманъ-дагъ, по направленію меридіана; она составлена изъ нѣсколькихъ параллельныхъ хребтовъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, подобно грядамъ Синда, изъ нуммулитоваго известняка. Даже на восточной сторонѣ Инда нѣкоторые каменистые выступы рельефа, окруженные либо наносами рѣки, либо песками пустыни, принадлежатъ къ той же формаціи и могутъ быть разсматриваемы, какъ часть той же самой орографической системы. Менѣе высокій, чѣмъ Сулейманъ-дагъ, хребетъ Хиртаръ достигаетъ только 2.100 метровъ своей высшей точкой; большинство же его остроконечныхъ вершинъ едва превышаетъ 1.800 метровъ. Въ южной своей части онъ постепенно понижается и представляетъ не болѣе, какъ рядъ холмовъ высотой около 600 метровъ, затѣмъ простое повышеніе почвы надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Однако, этотъ выступъ рельефа страны сохраняется до мыса Монзъ, географической и политической границы Индустана, и даже продолжается въ морѣ скалистымъ островомъ Чурна. Подобно Сулейманъ-дагу, хребетъ Хиртаръ перерѣзанъ рѣкой, которая беретъ начало на западѣ, на плоскогорьяхъ, и изливается въ Индъ: это Гаджъ, долина которой представляетъ удобный проходъ для путешественниковъ, отправляющихся съ равнинъ Инда на возвышенности Белуджистана [1]). Прежде думали, что горныя цѣпи, окаймляющія съ западной стороны долину

[1]) *Medlicott* and *Blanford* „A Manual of the Geology of India".

Инда, противопоставляли почти непреодолимое препятствіе проходу каравановъ и войскъ, и что только небольшое число ущелій между горами могли быть переходимы. Перевалы Хайберскій и Пайварскій на сѣверѣ Сулейманъ-дага, Гумульскій и Сангарскій по серединѣ, Боланскій на югѣ, были, какъ тогда полагали, единственные проломы этого горнаго вала. Изслѣдованія, сдѣланныя недавно англійскими геометрами, доказали, что краевыя цѣпи, напротивъ, перерѣзаны большимъ числомъ удобныхъ для перехода брешей: Маркгамъ насчитываетъ тамъ болѣе пятидесяти проходовъ [1]). Не трудности перехода, а затрудненія относительно продовольствія ограничивали во всѣ времена нѣсколькими наиболѣе удобными горными дорогами сообщенія между двумя сопредѣльными странами. Каменистыя поля, пески, безводныя, лишенныя всякой растительности, пространства гораздо болѣе, чѣмъ трудныя для подъема крутизны скалъ, составляютъ съ этой стороны истинную оборонительную границу.

Текучія воды распредѣлены весьма неравномѣрно въ Индустанѣ, что зависитъ отъ хода вѣтровъ, направленія и обилія дождей. Разсматривая индійскую гидрографію въ цѣломъ, находимъ, что покатость Бенгальскаго залива орошается количествомъ воды, гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ покатость Аравійскаго моря; даже можно сказать съ полной увѣренностью, что сѣверная оконечность этого залива получаетъ болѣе половины водъ полуострова. Приходя съ противоположныхъ сторонъ, одна съ запада, другая съ востока, двѣ большія рѣки, Гангъ и Брамапутра, соединяютъ въ своихъ ложбинахъ всѣ второстепенныя рѣки и рѣчки, получающія начало въ Гималайскихъ горахъ, на протяженіи болѣе 2.000 километровъ, и изливаютъ ихъ въ море сотнями блуждающихъ каналовъ, которые образовались между холмами Раджамагалъ и горами Гарро. Черезъ эту брешь утекаетъ жидкая масса, по малой мѣрѣ вчетверо большая той, которую вся Франція даетъ Средиземному морю и Атлантическому океану. Область общей дельты переплетающихся безчисленныхъ рукавовъ этихъ двухъ рѣкъ, кажется, какъ будто принадлежитъ двумъ стихіямъ, землѣ и морю: берега, острова едва выступаютъ изъ-подъ воды, а илистыя или песчаныя мели поднимаются почти до самой поверхности водъ; деревья корнями принадлежатъ въ водяному царству, тогда какъ слой грязи, скопившійся вокругъ стволовъ, указываетъ уже на близкіе захваты материка. Въ другомъ углу Индустана, главная рѣка, названіе которой сдѣлалось именемъ всей Индіи, соотвѣтствуетъ симметрически Гангу и Брамапутрѣ; она питается снѣгами Западнаго Гималая, смѣшанными со снѣгами Гинду-куша, Каракорума, Загималайской цѣпи и даже Тибетскаго плоскогорья; площадь ея бас-

[1]) „Proceedings of the Geographical Society of London“, jan. 1879

ЛѢСЪ ВЪ СИКИМѢ.

сейна навѣрно превышаетъ милліонъ квадр. километровъ; но, протекая черезъ страны съ климатомъ гораздо болѣе сухимъ, нежели Бенгалія и Ассамъ, она катитъ количество воды несравненно меньшее, чѣмъ двѣ восточныя рѣки, и даже значительная часть ея области истеченія состоитъ изъ безводныхъ песчаныхъ пустынь; тѣмъ не менѣе, однако, она служитъ воднымъ путемъ, которымъ пользуются суда, и образуетъ, вмѣстѣ съ Гангомъ и моремъ, линію судоходства, доставившую Индустану имя „Полуострова", которымъ эта страна часто обозначается. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Индъ, который обыкновенно сравниваютъ съ Гангомъ, какъ двухъ близнецовъ, представляетъ поразительный контрастъ со своимъ братомъ. Тогда какъ послѣдній, то-есть, Гангъ, течетъ преимущественно съ запада на востокъ, слѣдуя вдоль южныхъ предгорій Гималая, первый течетъ, главнымъ образомъ, съ сѣвера на югъ, по выходѣ изъ области горъ. Индъ, также какъ и его главный притокъ, Сетледжъ, беретъ начало на задней, обращенной къ материку, сторонѣ собственно Гималайской цѣпи, въ тибетскихъ областяхъ; наконецъ, въ своемъ нижнемъ теченіи онъ не получаетъ болѣе притоковъ: онъ уже, такъ сказать, окончательно сформировался, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ Ганга, который соединяется въ низовьяхъ съ могучей Брамапутрой. Вообще нужно сказать, что черты сходства, которыя индусскіе поэты, а по ихъ слѣдамъ и многіе современные географы, хотѣли установить между двумя священными рѣками Индіи, какъ будто между ними существуетъ нѣчто въ родѣ мистическаго родства, по большей части не что иное, какъ игра воображенія.

Рѣки, протекающія въ полуостровной Индіи, на югѣ отъ перегородки изъ горъ и холмовъ, образуемой цѣпью Виндіа, представляютъ также, отъ одной до другой покатости, замѣчательный контрастъ. Съ одной стороны, двѣ рѣки-близнецы, Нарбада и Тапти, берущія начало недалеко отъ географическаго центра Индустана, текутъ параллельно одна другой и изливаются въ одинъ и тотъ же заливъ Аравійскаго моря; хотя устья у нихъ отдѣльныя, однако, онѣ какъ будто принадлежатъ къ одной и той же гидрографической системѣ. Но эти двѣ рѣки—единственныя на всемъ западномъ берегу имѣющія нѣкоторую важность; вездѣ въ другихъ мѣстахъ скатъ Гатскихъ горъ слишкомъ узокъ, чтобы могъ образоваться значительный бассейнъ. Всѣ большія рѣки системы Гатской цѣпи, какъ восточной, такъ и западной, Маганадди, Годавери, Кришна, двѣ рѣки Панаръ, Кавери, спускаются къ Бенгальскому заливу, раскладывая свои наносы въ формѣ широкихъ дельтъ передъ своими устьями. Мало рѣкъ въ свѣтѣ, которыя представляли бы болѣе правильное, болѣе ритмическое чередованіе между періодами мелководья и полноводья: всѣ колебанія уровня этихъ индійскихъ рѣкъ регулируются движеніями атмосферы; прежде чѣмъ появиться на поверхности земли, эти потоки обра-

зуются уже въ воздушныхъ пространствахъ: они прежде всего составляютъ метеорологическое явленіе. Ни въ какой другой странѣ земнаго шара земледѣльцы не заботятся такъ много о сбереженіи своихъ рѣкъ, чтобы не зависѣть отъ перемѣны времени года; это вопросъ жизни или смерти для многочисленнаго сельскаго населенія, скученнаго густыми массами въ прибрежныхъ мѣстностяхъ. Тогда какъ въ Сѣверной Индіи незначительное паденіе рѣкъ сдѣлало необходимымъ, для орошенія земель, прорытіе длинныхъ каналовъ, развѣтвляющихся до безконечности въ равнинахъ, неровный характеръ почвы на плоскогорьяхъ Декана и на покатости Коромандельскаго берега заставилъ жителей прибѣгать къ устройству запасныхъ резервуаровъ; они возстановили, такъ сказать, первобытное состояніе страны, какимъ оно было въ то время, когда рѣки, не успѣвъ еще урегулировать свое русло, текли уступами, спускаясь изъ одного озернаго бассейна въ другой порогами или водопадами; такимъ образомъ, человѣческая индустрія воспроизвела въ полуденной Индіи виды мѣстности, напоминающіе, по крайней мѣрѣ рельефомъ, ландшафты Скандинавіи. Нѣкоторыя изъ этихъ 35.000 озеръ, реставрированныхъ земледѣльцами Декана и Коромандельскаго берега, имѣютъ площадь, измѣряемую сотнями квадратныхъ километровъ; это самые обширные озерные бассейны, какіе встрѣчаются въ Индустанѣ, внѣ области Гималайскихъ горъ. Вòды резервуаровъ, сберегаемыя для сухаго времени года, удерживаются при помощи плотинъ, называемыхъ *anicuts* англо-индійцами; излишекъ воды, выливающійся черезъ порогъ *калингалъ* (calingalas), служитъ для наполненія лежащаго ниже втораго пруда, и такимъ образомъ, отъ уступа къ уступу, рядъ бассейновъ обозначаетъ линію ирригаціонныхъ каналовъ, отъ начальной до конечной ихъ точки, какъ узлы на нервной сѣткѣ. Во время большихъ дождей часто случается, что аникуты, или плотины, плохо поддерживаемыя въ періодъ угнетенія, войны или народнаго обѣднѣнія, уступаютъ на какомъ-нибудь пунктѣ напору воды; тогда резервуаръ разомъ опоражнивается; вòды, смѣшанныя съ камнями, съ грязью, съ обломками всякаго рода, захваченными на ихъ берегахъ, устремляются въ слѣдующій, ниже лежащій прудъ; послѣдній тоже не выдерживаетъ напора, стѣны его разрываются, и жидкая масса, переходя съ уступа на уступъ и на пути постоянно увеличиваясь въ объемѣ, изливается на низменности въ видѣ страшныхъ наводненій.

Въ Индустанѣ можно наблюдать весь рядъ земныхъ температуръ, слѣдующихъ одна за другой съ юга на сѣверъ, отъ береговъ Цейлона, лежащаго въ сосѣдствѣ съ экваторомъ, до вѣчныхъ снѣговъ Каракорума, покрывающихъ, на разстояніи около 3.500 километровъ (3.290 верстъ) отъ равноденственной линіи, горы, поднимающіяся отъ 6.000 до 8.600 метровъ (отъ 20.000 до 28.200 футовъ) надъ уровнемъ океана. Тогда какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Полуострова воздухъ, которымъ дышешь,

кажется раскаленнымъ, есть другія мѣстности, гдѣ человѣкъ не можетъ жить, или куда онъ не могъ бы даже взобраться, по причинѣ холода и разрѣженности атмосферы. Однако, если разсматривать горный валъ, возвышающійся надъ равнинами Инда и Ганга, какъ составляющій часть особой географической области, то оказывается, что поясы средней температуры слѣдуютъ одинъ за другимъ довольно правильно, отъ Цейлона и мыса Коморина до первыхъ Гималайскихъ долинъ. Въ своей совокупности Полуостровъ по сю сторону Ганга, не будучи знойнымъ, какъ нѣкоторыя области центральной Африки, есть, тѣмъ не менѣе, одна изъ самыхъ жаркихъ странъ земнаго шара: экваторъ наибольшей средней теплоты проходитъ непосредственно на югѣ отъ Полуострова, и даже изотермическая линія 24 градусовъ изгибается въ сѣверныхъ равнинахъ такъ, что идетъ вдоль первыхъ возвышенностей Гималайской цѣпи. Разность средней годовой температуры отъ одного до другаго конца Индіи, на пространствѣ болѣе 3.000 километровъ (2.811 верстъ) по ширинѣ, составляетъ всего только 5 градусовъ стоградуснаго термометра, если, не принимая въ разсчетъ различія высоты мѣстъ, приведемъ всѣ станціи къ уровню моря. Въ разныя времена года разности среднихъ температуръ въ обратную сторону болѣе значительны, около 8 градусовъ во время жаровъ и 10 градусовъ въ періодъ прохлады; но это небольшія уклоненія сравнительно съ обширнымъ протяженіемъ страны. Болѣе 250 метеорологическихъ станцій, учрежденныхъ во всѣхъ частяхъ Полуострова, даютъ возможность изучать всѣ колебанія климата Индіи и изображать ихъ графически съ такою точностью, какой еще не достигли во многихъ странахъ Западной Европы.

Наибольшая равномѣрность температуры поддерживается естественно въ областяхъ полуденной Индіи, благодаря сосѣдству экватора и умѣряющему вліянію морскихъ водъ и вѣтровъ (бризъ). Такъ, въ Коломбо, на островѣ Цейлонѣ, измѣненіе температуры отъ одного мѣсяца до другаго не превышаетъ двухъ градусовъ, колеблясь между 26° и 28° Ц.; на Малабарскомъ берегу, между Мангалоромъ и Кочиномъ, варіація термометра не достигаетъ даже 4 градусовъ; но по мѣрѣ удаленія отъ моря, неравенства температуры по временамъ года становятся все значительнѣе: въ теплый сезонъ, именно съ марта по май, жары гораздо сильнѣе на плоскогорьяхъ Декана, нежели на берегахъ Малабарскомъ и Коромандельскомъ; однако, воздухъ тамъ въ то же время суше, и ощущеніе удушливости, которое испытываешь на этихъ возвышенностяхъ, менѣе тягостно; на морскомъ же берегу кажется, что дышешь стоя противъ устья огромной пылающей печи, особенно, когда прекращается морская бриза и начинаетъ дуть „земной вѣтеръ“, то-есть, вѣтеръ съ материка. Само собою разумѣется, разность температуры между различными временами года увеличивается съ юга на сѣверъ, пропорціонально воз-

растанію географической широты, и горная цѣпь Сатпуры, составляющая какъ бы перегородку Индустана, можетъ быть также разсматриваема, съ метеорологической точки зрѣнія, какъ второстепенная граница между Сѣверной Индіей и Деканомъ. Такъ, въ Пенджабѣ, въ городѣ Дера-Измаилъ-ханъ, который находится далеко внутри материка и почти въ 1.000 километрахъ (937 верстъ) къ сѣверу отъ тропической линіи, разность между температурой самаго холоднаго мѣсяца, января (9°), и температурой самаго теплаго, іюля (35°,4) составляетъ около 26 градусовъ. Это область Индіи, гдѣ жара лѣтомъ самая сильная; въ это время года термическій экваторъ изгибается къ сѣверу такъ, что проходитъ надъ Пятирѣчьемъ; температура тамъ бываетъ тогда такъ же высока, какъ въ самыхъ жаркихъ странахъ земнаго шара, не исключая даже Сахары [1]). Что касается крайностей тепла и холода, которыя случалось наблюдать въ разныя эпохи, то онѣ представляютъ въ Пенджабѣ общую разность немного болѣе 50 градусовъ между точкой замерзанія и исключительными жарами, доходившими до 50 и 52 градусовъ стоградуснаго термометра. Въ Мадрасѣ, имѣющемъ климатъ экваторіальный и морской, длинный рядъ термометрическихъ наблюденій, производившихся начиная съ первыхъ временъ занятія страны англичанами, показываетъ въ разностяхъ температуръ амплитуду вдвое меньшую между 17 градусами Цельзія, крайностью холода или низшей температурой, и 42°,5, крайностью тепла или высшей температурой.

Среднія и крайнія температуры нѣкоторыхъ городовъ Индустана, по направленію съ сѣвера на югъ:

Станціи.	Широта.	Средняя температура.	Самый теплый мѣсяцъ (іюль).	Самый холодный мѣсяцъ (январь).	Разность.
Пешаверъ	34° 1′45″	22°,7	33°,2	11°,3	21°,9
Дера-Измаилъ-ханъ.	31°39′36″	24°,6	35°,3	9°,4	25°,9
Лагоръ.	31°31′10″	23°,9	33°,4	11°,3	22°,1
Амбалла	30°21′24″	23°,5	32°,8	12°,5	20°,3
Дели	28°38′54″	23°,2	32°,8	12°,8	20°,0
Агра	27°10′12″	25°,6	34°,9	14°,2	20°,7
Лакнау.	26°51′12″	24°,3	32°,5	15°,6	16°,9
Аджмиръ	26°27′12″	26°,4	34°,6	16°,5	18°,1
Патна	25°37′12″	25°,3	36°,6	16°,0	20°,6
Аллагабадъ . . .	25°26′	27°,2	36°,4	17°,9	18°,5
Бенаресъ	25°18′24″	26°,6	35°,2	16°,7	18°,5
Дакка	23°42′42″	25°,8	29°,5	18°,7	10°,8
Джабальпуръ. . .	23° 9′42″	24°,6	32°,9	16°,0	16°,9
Калькутта. . . .	22°33′	25°,7	29°,6	18°,7	10°,9

[1]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien“.

Станціи.	Широта.	Средняя температура.	Самый теплый мѣсяцъ (іюль).	Самый холодный мѣсяцъ (январь).	Разность.
Джиттатонгъ . . .	22°20′30″	24°,4	28°,3	17°,6	10°,7
Барода.	22°16′	26°,9	34°,8	20°,7	14°,1
Пагпуръ	22°10′	27°,6	35°,7	21°,9	13°,8
Ахмаднагаръ. . .	19° 6′	25°,6	30°,8	21°,2	9°,6
Бомбей.	18°53′30″	26°,8	29°,8	23°,6	6°,2
Махабалешваръ. .	17°54′24″	19°,2	23°,6	17°,3	6°,3
Визагапатамъ . .	17°41′	28°,3	34°,1	22°,4	11°,7
Беллари	15° 8′54″	26°,8	30°,8	23°,1	7°,7
Бангалоръ . . .	12°57′36″	23°,4	27°,0	20°,6	6°,4
Аркотъ	12°54′18″	27°,5	31°,1	22°,8	8°,3
Мангалоръ . . .	12°51′42″	27°,2	30°,1	25°,5	4°,6
Пондишерри . . .	11°56′	29°,2	30°,6	26°,7	3°,9
Кананоръ. . . .	11°51′12″	27°,1	29°,4	25°,7	3°,7
Утакамундъ . . .	11°23′42″	13°,3	16°,0	10°,8	5°,2
Каликутъ	11°15′12″	27°,4	29°,7	25°,9	3°,8
Карикалъ	11° 5′	28°,0	31°,5	24°,8	6°,7
Коимбатуръ . . .	11° 1′	24°,8	27°,6	22°,6	5°,0
Тришинополи . .	10°49′48″	29°,3	32°,6	25°,3	7°,3
Кошинъ	9°58′ 6″	26°,9	29°,3	25°,1	4°,2
Мадрасъ	9°55′18″	27°,8	30°,9	24°,4	6°,5
Канди	7°17′	22°,7	23°,7	21°,4	2°,3
Коломбо	6°56′	26°,8	28°,0	25°,6	2°,4
Пойнтъ-де-Галь . .	6° 2′30″	27°,1	28°,1	26°,1	2°,0

Арійцы, поселившіеся въ равнинахъ сѣвера Индіи, раздѣлили годъ на шесть временъ: это „шесть юношей“ древней миѳологіи, которые вертятъ колесо года, увлекая непрерывно кругъ всего живущаго и всѣхъ міровъ! [1]) Но это дѣленіе года, которое, подъ вліяніемъ пѣсенъ и священныхъ поэмъ, было принято въ Индустанѣ и даже на холодныхъ плоскогорьяхъ Тибета [2]), не можетъ быть одинаково примѣнено ко всѣмъ областямъ Полуострова, въ особенности потому, что времена года не смѣняются такимъ образомъ, чтобы представлять на югѣ, какъ и на сѣверѣ, одинъ и тотъ же характеръ и одинаковую продолжительность. Весна, или *васанта*, которая соотвѣтствуетъ мѣсяцамъ марту и апрѣлю, есть пора любви и наслажденія, воспѣтая поэтами: воздухъ ясенъ, небо чисто, безоблачно, вѣтерокъ, дующій съ полудня, тихо шелеститъ листьями деревьевъ и приноситъ въ хижины опьяняющее благоуханіе цвѣтовъ ман-

[1]) *Магабгарата, Ади-Парва.*
[2]) *Hermann von Schlagintweit*, цитированное сочиненіе.

говой пальмы; тяжелыя полевыя работы кончены; настало время для свадебъ и праздниковъ въ честь боговъ. Но вскорѣ приходитъ *гришма*, „время пота“, въ сопровожденіи облаковъ пыли, поднимающейся съ дорогъ и полей, въ сопровожденіи частыхъ пожаровъ, вспыхивающихъ среди изсохшей травы и бамбуковъ: это знойные мѣсяцы май и іюнь. Въ воздухѣ тихо, но уже собирается гроза; черныя тучи мало-по-малу скопляются на горизонтѣ; вотъ, наконецъ, блеснула молнія и ударилъ громъ, возвѣщая о появленіи муссона, который начинается съ наступленіемъ *варши*, періода дождей: рѣки широко разливаются и орошаютъ прибрежныя равнины; природа обновляется, посѣянное зерно проростаетъ на запаханныхъ поляхъ. За этими двумя мѣсяцами, іюлемъ и августомъ, слѣдуетъ четвертый сезонъ, *шарадъ*, осень, продолжающаяся два мѣсяца, сентябрь и октябрь, во время которой вызрѣваютъ плоды, подъ вліяніемъ тепла, еще влажнаго отъ дождей предыдущаго періода. *Гиманта*, или зима, соотвѣтствующая двумъ послѣднимъ мѣсяцамъ европейскаго года, отличается холодными ночами и утренниками, но великолѣпными, ясными днями, во время которыхъ производится жатва на поляхъ и земледѣльцы молотятъ и собираютъ свое зерно. Затѣмъ идетъ *саси* или *сисира*, послѣднее время года, періодъ росы и тумановъ, который оканчивается февралемъ мѣсяцемъ западныхъ народовъ. Послѣ того циклъ года снова начинается въ томъ же порядкѣ [1]).

Въ дѣйствительности рѣзко разграниченныя дѣленія климата для всего Индустана сводятся къ тремъ временамъ года—теплому, дождливому и холодному. Великій годовой кризисъ, метеорологическая драма, о которой повѣствуютъ древнія поэмы и которая получила капитальную важность въ миѳологіи индусовъ, это—наступленіе дождливаго муссона; какъ показываетъ буквальный смыслъ его арабскаго названія *моссимъ*, муссонъ есть „сезонъ“ по преимуществу, важнѣйшее время года. Большія жары, сопровождающія шествіе солнца, которое мечетъ вертикально свои лучи надъ Индустаномъ, расширяютъ атмосферу страны и заставляютъ ее подниматься столбами въ верхнія области; вся Индія превращается въ громадную пылающую печь съ сильною тягой; стоящія надъ океаномъ воздушныя массы, насыщенныя водяными парами, приходятъ въ движеніе и устремляются къ Полуострову. На берегахъ Малабарскомъ, Конканскомъ, Бомбейскомъ воздушный токъ дождливаго муссона идетъ съ юго-запада и движется прямо въ противоположномъ направленіи съ сѣверо-восточными пассатными вѣтрами. Можно подумать, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ противопассатамъ или обратнымъ пассатамъ, спускающимся изъ верхнихъ областей атмосферы, чтобы дуть на поверхности земли; вѣроятно, однако,

[1]) *Benjamin Heine* „Tracts, Historical and Statistical on India“.

что его слѣдуетъ считать, по крайней мѣрѣ отчасти, продолженіемъ пассатныхъ вѣтровъ южнаго полушарія, привлекаемыхъ на сѣверъ сильно нагрѣваемою поверхностью Индіи и постепенно отклоняемыхъ къ сѣверо-востоку вращеніемъ земнаго шара на оси. Наблюденія, сдѣланныя въ разныхъ метеорологическихъ станціяхъ Полуострова, равно какъ на бортѣ кораблей [1]), доказываютъ, что воздушныя волны южнаго муссона обязаны своимъ происхожденіемъ также мѣстному отливу атмосферы надъ Индійскимъ океаномъ: часто бываетъ, что поясъ штилей и неправильныхъ вѣтровъ, занимающій экваторіальныя моря, совершенно раздѣляетъ поясъ юго-восточнаго пассата и поясъ южнаго муссона. Что касается направленія этого послѣдняго вѣтра, то нельзя сказать, чтобы оно было однообразное, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, на всѣхъ берегахъ Индіи; часто онъ движется прямо съ юга на сѣверъ. Въ долинѣ Инда, въ долинѣ Иравадди, на берегахъ Сандербанда и Ориссы, на сѣверной сторонѣ Бенгальскаго залива воздушный потокъ направляется перпендикулярно къ притягивающимъ его морскимъ берегамъ; иногда онъ приходитъ съ юго-востока [2]). Тогда какъ пассатные вѣтры представляютъ явленіе космическаго порядка, зависящее отъ движенія планеты и ея положенія относительно солнца, муссоны происходятъ отъ неравномѣрнаго распредѣленія материковъ на поверхности земнаго шара; пусть земли и моря распредѣлятся какъ-нибудь иначе, и этого будетъ достаточно, чтобы измѣнилась вся географія муссоновъ.

Не смотря, однако, на свой отчасти мѣстный или областной характеръ, муссонъ есть, безспорно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашей земли по своей силѣ и по величественности своего наступленія. Съ Матерана, близъ Бомбея, съ Магабалешвара или съ какого-нибудь другаго мыса западной Гатской цѣпи, откуда видны разомъ море, берега и ущелья горъ, можно обнять взоромъ во всей его совокупности грандіозное зрѣлище, представляемое появленіемъ этого метеора. Съ 6 по 18 іюня, смотря по годамъ, скопляются первыя грозовыя облака, предвѣстники муссона. На одной сторонѣ небосклона мѣднокрасные пары скучиваются въ видѣ башенъ, группируются въ формѣ „слоновъ", по мѣстному выраженію [3]), затѣмъ медленно придвигаются къ землѣ; туча сгущается, растетъ и, наконецъ, покрываетъ половину неба, тогда какъ другая половина не имѣетъ ни одного пятнышка на своей великолѣпной лазури. Съ одной стороны мракъ окутываетъ скоро горы и долины, тогда какъ вдали очертаніе береговъ обрисовывается съ поразительною ясностью, и море, рѣки, похожія на серебряныя ленты, поля

[1]) *Brault* „Cartes de la Direction et de l'Intensité probable des vents dans la mer des Indes".
[2]) *Mühry* „Zeitschrift für Meteorologie von Carl Jelinek", 1867, № 21.
[3]) *Thévenot* „Voyage au Levant".

и деревни, разсѣянные тамъ и сямъ города кажутся сверкающими какимъ-то сверхъестественнымъ блескомъ. Вотъ, наконецъ, послышались первые громовые удары; тучи ударяются о крутые склоны Гатскихъ горъ и буря разражается, молніи слѣдуютъ безъ перерыва одна за другою, громъ гремитъ безпрестанно и перекатывается въ пространствѣ, дождь льетъ потоками. Затѣмъ въ толщѣ тучъ образуется разрывъ, свѣтъ возвращается мало-по-малу, природа снова озаряется подъ лучами заходящаго солнца, и отъ всѣхъ этихъ массъ, обрушившихся съ неба, не осталось ничего, кромѣ легкаго тумана, поднимающагося вверхъ по долинамъ, или повисшаго въ видѣ бахромы на верхушкахъ деревьевъ. Такова обыкновенно первая гроза муссона, предшествующая правильнымъ дождямъ; но бываетъ и такъ, что появленіе дождевыхъ тучъ не сопровождается громомъ; темнота вдругъ охватываетъ пространство и начинается ливень. Иногда облака дефилируютъ впродолженіи одного или двухъ дней вдоль мысовъ, точно военные корабли, проходящіе въ открытомъ морѣ мимо крѣпости; огибая мысъ, каждое облако посылаетъ изъ себя молнію и громъ; можно подумать, что небо ведетъ войну съ горами [1]).

Правильность явленія муссоновъ, продолжающагося съ іюня по сентябрь, конечно, имѣла, такъ сказать, регулирующее вліяніе на работы и заботы живущихъ внутри материка племенъ, точно такъ же, какъ она долгое время опредѣляла движенія торговли вдоль береговъ Полуострова. Пока не были введены пароходы на Индійскомъ океанѣ, времена года служили точными регуляторами для прихода и отхода судовъ на берегахъ Малабарскомъ и Коромандельскомъ. Задолго до Неарха арабы, привозившіе богатства Индіи въ порты Краснаго моря, познакомились съ ходомъ правильныхъ вѣтровъ, мѣняющихся отъ одного берега до другаго; это явленіе періодической перемѣны направленія воздушныхъ теченій должно было поразить мореходовъ съ самыхъ первыхъ временъ мореплаванія; оно дало имъ смѣлость распускать свои паруса при попутныхъ вѣтрахъ, въ полной увѣренности, что будущій муссонъ позволитъ имъ благополучно вернуться въ отечество. Но какъ ни велико было вліяніе муссона на торговыя сношенія Азіи, оно, однако, представляется второстепеннымъ въ сравненіи съ его важностью для орошенія почвы, безъ котораго не было бы ни культуры, ни заселенія страны. Лѣтній муссонъ приноситъ проливные дожди съ грозой. Сѣверо-восточный пассатъ, который спускается съ плоскихъ возвышенностей Тибета, послѣ того, какъ онъ прошелъ черезъ пустыни центральной Азіи, не даетъ никакой влажности; рѣдкіе зимніе дожди, падающіе на равнины Сѣверной Индіи въ теченіе періода, когда господствуетъ этотъ вѣтеръ, про-

[1]) „Times“, january 9, 1880.

исходятъ отъ мѣстныхъ круговращеній воздуха и отъ облаковъ, которыя приносятъ съ Бенгальскаго залива противо-пассаты или верхніе пассаты, дующіе въ пространствѣ надъ нижними воздушными потоками. Лѣтніе дожди, приносимые муссономъ, питаютъ рѣки Индустана, вызываютъ къ жизни пышную растительность въ лѣсахъ и на поляхъ, поддерживаютъ земледѣліе; давая хлѣбъ населенію, они тѣмъ самымъ были главнымъ дѣятелемъ и двигателемъ цивилизаціи на Полуостровѣ. Это безпрестанно повторяютъ первыя пѣсни Риши, взывающія къ Индрѣ, который разсѣкаетъ тучу, чтобы освободить небесныя стада и пролить на своихъ обожателей богатство и изобиліе. „Дождь ниспосылаютъ намъ боги—говоритъ Магабгарата—онъ даетъ намъ растенія, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе людей“ [1]).

Количество дождей, приносимыхъ лѣтнимъ муссономъ, неодинаково по годамъ: въ одинъ годъ бываетъ больше, въ другой меньше, и притомъ оно сильно разнится въ разныхъ областяхъ Индустана. На западныхъ склонахъ Гатскихъ горъ выпадаетъ такая масса дождевой воды, что впродолженіи года она образовала бы слой толщиною въ нѣсколько метровъ, или, среднимъ числомъ, около $3^1/_2$ саженъ (въ Петербургѣ годовое количество дождевой воды составило бы слой только въ 10 вершковъ). Гонимыя вѣтромъ на крутизны и въ узкія долины этихъ горъ, составляющихъ внѣшній край Декана, облака превращаются въ потоки, которые быстро спускаются къ морю, совершая такимъ образомъ въ нѣсколько дней полный кругооборотъ воды, происходящій между океаномъ, атмосферой и материкомъ; но въ своемъ короткомъ переходѣ вóды западной покатости Индіи вызываютъ къ жизни на своихъ берегахъ густую, пышную растительность и обновляютъ кормилицу-землю прибрежныхъ мѣстностей, принося ей обломки обрушившихся лавъ. Эти-то проливные дожди, извергаемые муссономъ на западный бокъ Гатской цѣпи, и придали этимъ горамъ такой разорванный видъ; они разрѣзали ихъ на башни и остроконечныя пирамиды, размыли въ толщѣ ихъ ущелья и глубокія пропасти. Но далѣе, за выступами, вѣнчающими валъ Гатскаго хребта, облака, приносимыя муссономъ, являются уже облегченными отъ большей части своей влажности, и сильные дожди выпадаютъ только на самыхъ высокихъ вершинахъ холмовъ, которые поднимаются тамъ и сямъ надъ общимъ уровнемъ возвышенностей Декана. Тогда какъ среднее годовое паденіе дождей превышаетъ 7 метровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западнаго ската Гатскихъ горъ, оно составляетъ только 4 метра въ Меркарѣ, на холмистомъ плато Кургъ; далѣе на востокъ оно еще меньше. Даже на одной и той же горѣ разница весьма значительна между противоположными склонами; такъ,

[1]) *Магабгарата, Ади-Парва*, двустишія 1720, 1721.

напримѣръ, на горѣ Чамбрѣ, принадлежащей къ цѣпи Гатскихъ горъ и возвышающейся на западѣ отъ цѣпи Нильгири, западные скаты получаютъ впродолженіи года, среднимъ числомъ, 472 сантиметра дождевой воды, почти на цѣлый метръ больше, нежели восточные. И не только пропорція падающей изъ воздуха воды уменьшается отъ запада къ востоку въ области Гатскихъ горъ, она убываетъ также, начиная отъ Бомбея, по направленію съ сѣвера на югъ, что происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ постепеннаго съуженія полуостровнаго тѣла и уменьшенія, вслѣдствіе того, собирательной силы, обнаруживаемой нагрѣтою атмосферою въ отношеніи прилегающихъ воздушныхъ массъ. Такъ, въ низменныхъ равнинахъ Траванкорскихъ среднее годовое паденіе дождей не болѣе 2 метровъ (2,8 аршина), а на мысѣ Коморинѣ, на южной оконечности Полуострова, оно не превышаетъ одного метра (1,4 арш.) [1]). Замѣчательно, что количество дождевой воды, совершенно достаточное въ болѣе умѣренныхъ странахъ, чтобы поддерживать богатую лѣсную растительность, не довольно велико въ полуденной Индіи, чтобы питать большія деревья. Подобно тому, какъ въ Россіи и въ Сѣверной Америкѣ большее или меньшее количество дождевой воды производитъ контрастъ лѣсовъ и луговъ, такъ точно въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Кавери густой лѣсъ чередуется пропорціонально паденію дождей съ бамбуковыми порослями; гдѣ средній годовой слой дождевой воды достигаетъ толщины отъ 3 до 3,75 метровъ, тамъ развивается во всей силѣ и пышности непроницаемый тропическій лѣсъ; напротивъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ паденіе дождей измѣняется отъ полутора до двухъ съ половиною метровъ, скаты холмовъ представляютъ лишь чащу бамбуковъ, усѣянную небольшими деревцами [2]).

На сѣверѣ Индустана обиліе дождей уменьшается въ обратномъ порядкѣ, т. е. по направленію отъ востока къ западу. У подошвы Сулейманъ-дага и въ пустыняхъ, простирающихся на востокъ отъ Инда до основанія горы Абу, ливни рѣдки и паденіе ихъ не имѣетъ правильнаго характера: сплошной сезонъ дождей замѣненъ тамъ періодомъ засухъ, чередующихся съ грозами. Даже въ Пятирѣчьи, у подошвы предгорій Гималайской цѣпи, земледѣльцы часто обращаютъ взоры къ небу въ ожиданіи желаннаго дождя, и горячія молитвы, которыя древніе арійцы возсылали богамъ-громовержцамъ, доказываютъ, что въ ту эпоху, когда они населяли эту страну, облака были, какъ и въ наши дни, слишкомъ скупы на свою плодотворную влагу [3]). Но на востокѣ муссонъ Индійскаго моря, правильно отклоняемый къ сѣверо-

[1]) *Clements R. Markham* „Journal of the Geographical Society of London", vol. XXXVI, 1866.

[2]) *Bidie*, тотъ же сборникъ, томъ XXXIX, 1869 г.

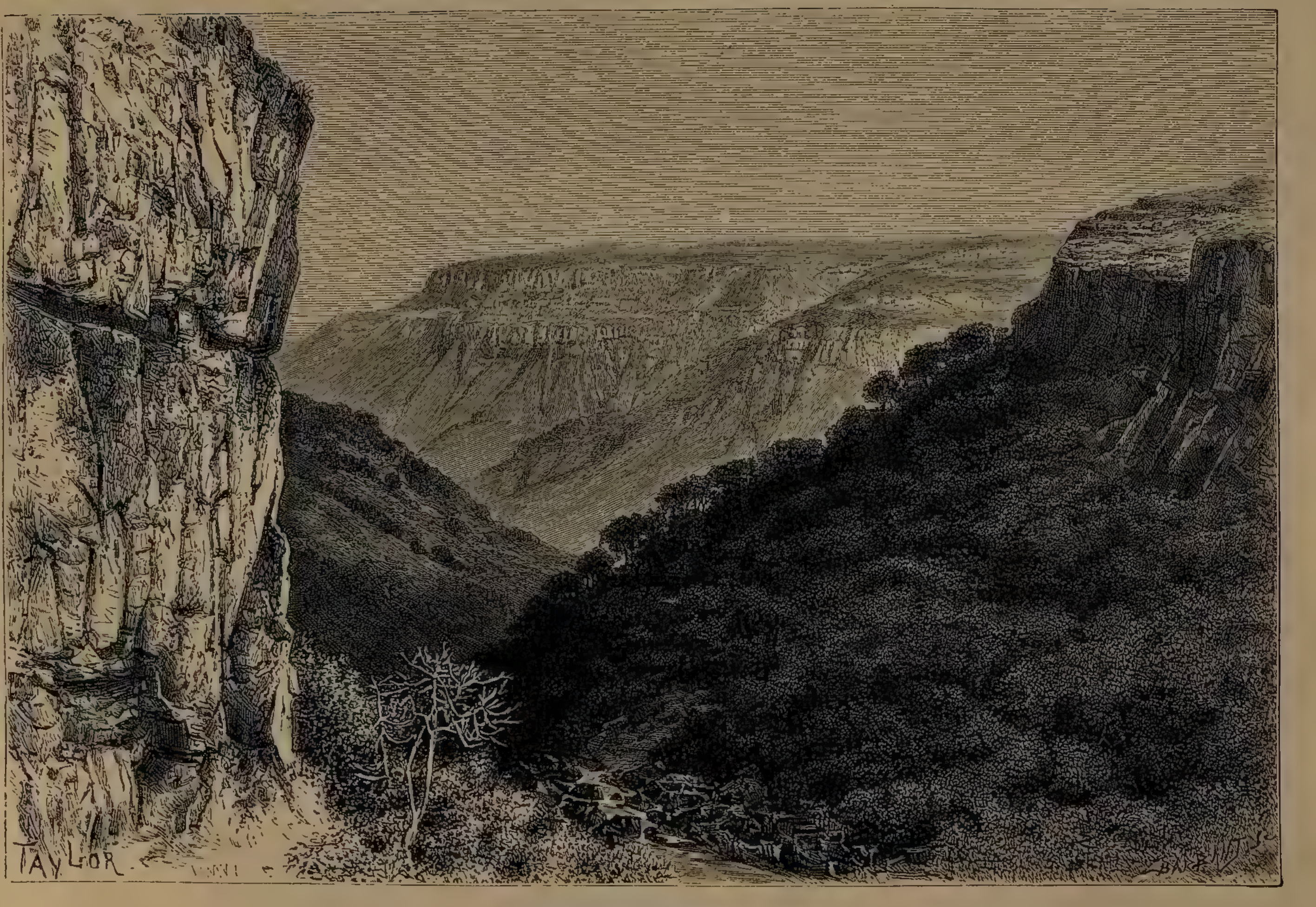
[3]) *Oldham*, „Calcutta Review", july 1874.

востоку, изливаетъ на землю свою тяжелую ношу дождей, паденіе которыхъ совпадаетъ какъ разъ съ таяніемъ снѣговъ, ручьи и рѣки растутъ и разливаются одновременно отъ притока водъ, приносимыхъ вѣтромъ, и отъ притока водъ, посылаемыхъ горами. Какъ ни значительна, за цѣлый годъ, осадка атмосферной влажности, въ видѣ снѣга и дождя, на склонахъ Гималайскихъ горъ, особенно въ Сиккимѣ, это количество, однако, гораздо меньше, нежели паденіе воды на сѣверо-востокѣ Индустана, въ глухой горной котловинѣ, куда низвергается, какъ въ пропасть, лѣтній муссонъ. Тогда какъ въ Калькуттѣ, въ низменныхъ равнинахъ Ганга, дождевыя облака изливаютъ на землю только 2 метра (2,8 арш.) воды въ средній годъ, они приносятъ жидкую массу, почти вдесятеро большую, на горы Гарро и Хази, образующія выступъ или мысъ надъ мѣстностями по теченію Брамапутры. Станція Черапонджи, въ одной долинѣ горъ Хази, занимаетъ первое мѣсто въ свѣтѣ по количеству атмосферныхъ осадковъ, которые представляютъ тамъ годовой слой дождевой воды, наиболѣе значительный, какой до сихъ поръ случалось наблюдать метеорологамъ: въ среднемъ выводѣ, толщина этого слоя равняется 16 метрамъ (почти 7½ саженъ); въ 1861 году она достигла даже 20,44 метровъ (болѣе 9½ саженъ), такъ что въ тѣхъ странахъ иногда выпадаетъ больше дождевой воды въ двѣнадцать мѣсяцевъ, чѣмъ, напримѣръ, въ Шампани впродолженіи пятидесяти лѣтъ. Притомъ, еще весьма вѣроятно, что эта огромная масса падающей изъ атмосферы воды бываетъ иногда превзойдена въ нѣкоторыхъ воронкахъ или котловинахъ долинъ, лучше расположенныхъ для принятія облаковъ и превращенія ихъ въ дожди, льющіе ручьями. По словамъ Гукера, одинъ только ливень, который можно было сравнить съ обрушеніемъ морскаго смерча, покрылъ землю жидкимъ слоемъ толщиною въ 760 миллиметровъ, т. е. такимъ слоемъ, какой во Франціи выпадаетъ впродолженіи цѣлаго года. Также, какъ и западный склонъ Гатской цѣпи, горы Ассама, принимающія ударъ проливныхъ дождей, изрѣзаны глубокими оврагами и загромождены обвалами: нигдѣ во всемъ свѣтѣ скалы не носятъ на себѣ болѣе явныхъ знаковъ постоянной работы разрушенія, производимой атмосферными дѣятелями и преимущественно дождями.

Малѣйшая неправильность въ годовыхъ колебаніяхъ климата, зависящая отъ перемѣны атмосфернаго давленія, хода вѣтровъ и облаковъ, имѣетъ чрезвычайно важныя послѣдствія въ Индустанѣ. Когда дождей нѣтъ или они недостаточны и, вмѣсто обильнаго поливанія почвы, только слегка спрыскиваютъ ее, когда рѣки пересохли и каналы изсякли, голодъ неизбѣженъ, и милліонамъ людей грозитъ смерть отъ истощенія вслѣдствіе недостатка пищи. Всего чаще нужно опасаться неурожаевъ и голодовокъ въ Синдѣ и Пенджабѣ, въ равнинахъ Гангскаго бассейна и на восточныхъ берегахъ Полуострова, т. е. въ областяхъ, гдѣ среднее

годовое количество дождевой воды отъ 1 до $1^1/_2$ метра; эти страны должны были бы подвергаться періодически обезлюдненію, если бы не ирригаціонные каналы, позволяющіе восполнять недостатокъ дождей; искусственныя орошенія считаются безполезными только въ тѣхъ мѣстностяхъ Индіи, гдѣ количество атмосферныхъ осадковъ достигаетъ 2 метровъ (2,8 аршина) въ годъ. Метеорологи полагаютъ, что существуетъ постоянное соотношеніе между учащеніемъ пятенъ на солнцѣ и колебаніями дождей; по ихъ наблюденіямъ, циклъ этихъ двухъ порядковъ явленій одинъ и тотъ же, именно онъ обнимаетъ одиннадцатилѣтній періодъ, такъ что, слѣдовательно, зная напередъ время наступленія опасности, можно было бы предотвратить ее, по крайней мѣрѣ отчасти; но намъ кажется, что полная утилизація текучихъ водъ, берущихъ начало по большей части въ областяхъ, гдѣ дожди выпадаютъ въ обиліи, есть единственное средство обезпечить успѣхъ урожаевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и существованіе сельскаго населенія въ Синдѣ и во всѣхъ мѣстностяхъ восточной покатости Индіи.

Менѣе опасные въ дѣйствительности, нежели недостатокъ дождей, циклоны внушаютъ, однако, больше страха, потому что ихъ дѣло разрушенія совершается внезапно, быстро, и сцены гибели, раздирающія душу катастрофы, оставляемыя ими на своемъ пути, выказываются сразу во всемъ ихъ ужасѣ. Притомъ же, если отъ неурожая и голода гибнутъ иногда милліоны индусовъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то и циклоны нерѣдко потопляютъ болѣе сотни тысячъ людей въ нѣсколько часовъ, и эпидеміи, мѣстныя голодовки тоже являются неизбѣжными слѣдствіями этихъ страшныхъ метеоровъ. Въ моряхъ Индіи, къ сѣверу отъ экватора, большинство циклоновъ развертываютъ свою спираль на сѣверѣ отъ Андаманскихъ островов, между берегами Ориссы и берегами Арракана; но они потрясаютъ воды также у Коромандельскаго берега и, по другую сторону Полуострова, въ Аравійскомъ морѣ. Эти ураганы происходятъ либо въ началѣ, либо, еще чаще, въ концѣ періода лѣтняго муссона. Обыкновенно, нарушенію равновѣсія атмосферы предшествуетъ затишье, сопровождаемое барометрическимъ давленіемъ, почти одинаковымъ на значительномъ пространствѣ. Нагрѣтые водяные пары, поднимающіеся въ этихъ моряхъ, не находя въ верхнихъ слояхъ атмосферы выхода, который позволялъ бы имъ разливаться вправо и влѣво, снова сгущаются, скрытая теплота освобождается и холодный воздухъ устремляется со всѣхъ сторонъ къ этому очагу высокой температуры; такимъ образомъ, отъ столкновенія воздушныхъ массъ и рождается вихрь. Самыя ужасныя катастрофы, естественно, имѣютъ мѣсто на низменныхъ берегахъ, гдѣ внезапные приливы, поднимающіеся всего только на нѣсколько метровъ выше средняго уровня морскихъ

МАХАБАЛЕХВАРЪ.

водъ, достаточны для того, чтобы опустошить равнины и поля, простирающіяся на необозримое пространство внутрь твердой земли.

Всего больше разрушили циклоны человѣческихъ поселеній, всего больше потопили народу при устьяхъ рѣкъ Кистны, Годавери, Магануди, Ганга и Брамапутры. Самый страшный ураганъ, о которомъ повѣствуютъ лѣтописи земнаго шара, тотъ, который разразился въ 1876 году надъ восточною областью Сандербанда, по обоимъ берегамъ рѣки Мегны; онъ извѣстенъ подъ названіемъ „Бакерканджскаго циклона", даннымъ ему по имени округа, который онъ опустошилъ. Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября, около полуночи, три слѣдовавшія одна за другой волны, отъ 3 до 6 метровъ общей высоты, подступили къ берегамъ устья, и въ нѣсколько часовъ три большіе острова, сосѣдніе островки и около 60.000 гектаровъ (54.900 десятинъ) суши были покрыты водами, болѣе полумилліона людей были въ то же время внезапно застигнуты потокомъ. Несчастные, которые искали спасенія на крышахъ своихъ хижинъ, были унесены волной вмѣстѣ съ хижинами. Только тѣ, которые успѣли взобраться на деревья, растущія небольшими рощами вокругъ селеній, и спаслись отъ неминуемой смерти, да и эти счастливцы могли спуститься изъ своего убѣжища лишь на другой день подъ вечеръ. Почти всѣ деревья были смыты до основанія, весь домашній скотъ погибъ, и первоначальныя, на-скоро собранныя статистическія свѣдѣнія о размѣрахъ катастрофы исчисляли цифру человѣческихъ жертвъ слишкомъ въ 200.000 душъ. Почти вездѣ, гдѣ прошла страшная волна наводненія, осталась только треть, въ иныхъ мѣстахъ даже четверть жителей; затѣмъ гніеніе огромной массы труповъ породило холеру, и остальное, уцѣлѣвшее отъ потопа, населеніе было еще истреблено болѣе чѣмъ на десятую часть развившеюся эпидеміей. До сихъ поръ еще только на незначительной части низменныхъ береговъ Сандербанда приступлено къ сооруженію оборонительныхъ валовъ, которые могли бы помѣшать повторенію подобныхъ ужасающихъ бѣдствій.

Съ своими различными климатами, отъ горъ Ассама, гдѣ дожди льютъ потоками, до безводныхъ пустынь Синда, Индустанъ представляетъ въ своей флорѣ значительное разнообразіе растеній, но онъ не составляетъ особенной, совершенно самостоятельной области въ отношеніи растительности. Не будучи центромъ разсѣянія или распространенія растительныхъ формъ, какъ Южная Африка, Малезія, Австралія, онъ есть, напротивъ, общая почва, гдѣ соприкасаются и смѣшиваются флоры сопредѣльныхъ странъ; за исключеніемъ нѣсколькихъ видовъ, которые индивидуализировались подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, но роды которыхъ встрѣчаются также и въ другихъ странахъ, растенія, которыя мы находимъ въ Индіи, принадлежатъ къ растительнымъ областямъ или флорамъ Персіи,

бассейна Средиземнаго моря, Египта, Малезіи, Китая, центральной Азіи [1]). Въ совокупности индійской растительности, эти различные элементы, комбинируясь между собою, образуютъ четыре отдѣльныя области, соотвѣтствующія различію климатовъ: область гималайскихъ склоновъ, бассейнъ Инда, почти не получающій дождей, Ассамъ, гдѣ атмосферная влага выпадаетъ въ чрезмѣрномъ обиліи, и наконецъ полуостровная Индія въ собственномъ смыслѣ, область безъ крайностей въ отношеніи засухи и дождей.

Гималайская флора, особенно въ Кашмирскихъ горахъ, заключаетъ въ себѣ наибольшую пропорцію европейскихъ видовъ: во многихъ долинахъ путешественникъ, пріѣхавшій съ дальняго Запада, изъ Европы можетъ подумать, что находится все еще на родинѣ, видя окружающія его травы и деревья. Заключенныя нѣкогда въ одной и той же области, затѣмъ постепенно удаленныя другъ отъ друга перемѣнами климата, растенія Европы и растенія Гималайскихъ горъ сохранили, не смотря на раздѣляющее ихъ теперь огромное разстояніе, свою первоначальную физіономію и свое родство. Сосны, ели, можжевельники, тисы и другія хвойныя деревья, которыя составляютъ большіе лѣса Гималаевъ до высоты 3.600 метровъ, очень похожи на сродные виды европейской флоры; великолѣпный деодаръ, „дерево боговъ", который растетъ на Кашмирскихъ и Кумаонскихъ горахъ и который теперь введенъ въ паркахъ и въ лѣсахъ Западной Европы, есть кедръ, мало отличающійся отъ кедровъ Ливана и атлантическихъ береговъ, особенно когда онъ достигъ полнаго роста. Въ восточной части Гималайскаго хребта представленные роды, какъ-то: магнолія, аукуба, абелія, принадлежатъ преимущественно къ синическому (китайскому) поясу, и чайное деревцо, растущее въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ Ассама, есть не что иное, какъ разновидность китайскаго растенія.

Сѣверо-западная область Индустана, не получающая достаточнаго количества атмосферной влаги, естественно менѣе богата растительными видами, и существующіе тамъ представители растительнаго царства составляютъ часть флоры, которую мы находимъ по другую сторону Сулейманъ-дага, въ Персіи, въ Аравіи, въ Египтѣ. Болѣе девяти десятыхъ растительности Синда встрѣчаются въ туземной флорѣ Африки; джунгли, прилегающіе къ пустынѣ, состоятъ почти исключительно изъ тѣхъ же колючихъ кустарниковъ, какіе мы находимъ на пескахъ передней Азіи, и евфратскій тополь (populus euphratica), растущій по берегамъ оросительныхъ каналовъ, есть то же самое дерево, что и знаменитыя плакучія или „вавилонскія ивы", на которыхъ евреи, во время плѣненія, вѣшали свои арфы. Растеніе „арійское" по преимуществу, асклепія (asclepias acida) или саркостема (sarcostema viminalis), которая производила „божественный" *гомъ*, *гома* или *сома*, столько же персидское, сколько

[1]) *Dyer* „Encyclopaedia Britannica".

индійское, и мудрецы Зендавесты прославляли его съ такимъ же восторгомъ, какъ и риши Ведъ; но опьяняющій сокъ гома давно уже перестал быть священнымъ напиткомъ, питьемъ жизни и безсмертія; теперь ужь не ходятъ собирать это растеніе при лунномъ свѣтѣ, чтобы выдавливать изъ него сокъ подъ священнымъ камнемъ и примѣшивать его къ очищенному коровьему маслу и къ чистой мукѣ [1]); ни одинъ поклонникъ не взываетъ уже къ нему, какъ къ божеству. Культъ сомы уступилъ мѣсто культу вина, возливаемаго въ честь новыхъ боговъ.

Флора областей Индустана, имѣющихъ влажный климатъ, рѣзко отличается отъ флоры Синда своею силой и блескомъ. Возвышенная равнина Ассама, поясъ болотистыхъ пространствъ, которыя тянутся вдоль основанія Гималайской цѣпи, долины горъ Хази, нижняя Бенгалія, прибрежье Конкана и Малабарскаго берега, островъ Цейлонъ и другія. обильно орошаемыя земли Индіи хотя заключаютъ не совершенно одинакіе виды, но общая физіономія ихъ растительности точно такая же: природа въ этихъ странахъ представляетъ съ такимъ же богатствомъ растительныя формы, которыя мы встрѣчаемъ на Полуостровѣ по ту сторону Ганга и на островахъ Зондскаго архипелага. Это поясъ, который производитъ, по крайней мѣрѣ въ самыхъ теплыхъ своихъ частяхъ, перечное и коричное дерево, кардамонъ, камедистыя деревья, и откуда европейцы получили нѣкоторыя изъ своихъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній въ растительномъ мірѣ, хлопокъ, индиго, сахаръ и многочисленныя лекарственныя растенія; лѣса его доставляютъ салъ и текъ, наиболѣе цѣнимые сорты дерева, употребляемаго для построекъ. Различныя породы пальмъ, прямыхъ и твердыхъ, „словно дротики, пущенные съ неба“, которыя удовлетворятъ всѣ потребности населенія, давая ему пищу, питье, одежду, мебель и всякую утварь, необходимую для домашняго обихода, растутъ преимущественно вдоль морскихъ береговъ; внутри материка, особенно въ долинахъ притоковъ Ганга, широколистная мхова (bassa latifolia) осыпаетъ землю миріадами своихъ цвѣтковъ, которые служатъ пищей людямъ и животнымъ и которые нерѣдко, въ періоды неурожая и безхлѣбицы, спасали отъ голодной смерти цѣлыя населенія [2]). Тамъ растутъ также различныя разновидности священнаго дерева, смоковницы. которая можетъ укрыть подъ своею тѣнью цѣлыя толпы народа, собравшіяся на праздникъ, на рынокъ или на религіозныя церемоніи, и которой одно дерево разростается въ цѣлый лѣсъ, такъ какъ отростки ея вѣтвей пускаютъ корни въ землю вокругъ первоначальнаго ствола и обвиваются иногда вокругъ сосѣднихъ пальмъ или другихъ деревьевъ. Постепеннымъ переходомъ типъ тропической флоры перемѣшивается съ ти-

[1]) *Ball* „Jungle Life in India“.
[2]) *Rig Veda; Windischmann* „Somacultus der Arier“.

номъ, который представляетъ болѣе умѣренная растительность внутреннихъ областей полуострова и растительность склоновъ горъ, характеризуемая деревьями медленнаго роста, но съ крѣпкимъ или душистымъ волокномъ, какъ желѣзнякъ (желѣзное дерево) или сандалъ. Бамбукъ (индійскій тростникъ) покрываетъ почву густыми порослями тамъ, гдѣ годовое количество дождей недостаточно для развитія лѣсныхъ деревъ, и замѣняетъ всѣ эти деревья въ домашнемъ обиходѣ жителей. Индусы удивляются, какъ могутъ существовать цивилизованные народы въ тѣхъ обездоленныхъ странахъ, гдѣ не растетъ бамбукъ [1]).

Но распашка новыхъ земель, искусственное орошеніе, всѣ заботы, посвящаемыя человѣкомъ воздѣлыванію почвы, измѣняютъ съ каждымъ годомъ естественныя границы поясовъ растительности. Земледѣльцы успѣли даже собирать жатвы зерноваго хлѣба на высотахъ, почти достигающихъ линіи вѣчнаго снѣга. Такъ, въ странѣ Ладакъ сѣютъ ячмень, въ нѣкоторыхъ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ, на высотѣ слишкомъ 4.500 метровъ (болѣе 4 верстъ) надъ уровнемъ океана; на высотѣ 4.000 и 4.200 метровъ находятся деревни, населеніе которыхъ всецѣло зависитъ отъ успѣшнаго сбора этого хлѣба [2]). Почти всѣ группы человѣческихъ жилищъ въ верхней долинѣ рѣки Сетледжа, до высоты 3.400, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до высоты 4.000 метровъ ($3^3/_4$ версты) окружены ивами и абрикосовыми деревьями, къ которымъ тамъ и сямъ присоединяется можжевельникъ высокій (juniperus excelsa), священное дерево буддистовъ [3]). Въ Гималаяхъ верхній предѣлъ обработанныхъ полей и дикорастущихъ растеній возвышается постепенно отъ внѣшнихъ скатовъ, спускающихся въ равнину, къ склонамъ, господствующимъ надъ долинами въ сердцѣ горъ. Иное дерево, которое останавливается на высотѣ 2.000 метровъ (6.562 фута) къ югу отъ Дарджилинга, поднимается до высоты 2.200, затѣмъ до высоты 2.500 метровъ на сѣверѣ отъ этого города, въ жаркой и влажной теплицѣ, которую образуетъ долина Сиккима, окруженная со всѣхъ сторонъ высокими горами [4]).

Подобно флорѣ, и животное царство Индустана не отличается отъ фауны сопредѣльныхъ странъ; оно сходствуетъ, смотря по границамъ, съ одной стороны, съ областью Тибета и Китая, съ другой—съ областью передней Азіи, Индо-Китая и Малезіи [5]).

Полуденный склонъ Гималайскихъ горъ, естественно, населенъ тѣми же видами животныхъ, какъ долины Загималайской цѣпи и плоско-

[1]) *Yule* „The book of ser Marco Polo".
[2]) *Frederic Drew* „Jumoo and Kashmir".
[3]) *Stoliczka* „Mittheilungen von Petermann" 1870, № 1.
[4]) *Forbes Royle* „Botany and Natural History of the Himalaya mountains"; *Hooker*, „Himalayan Journals";
[5]) *Blanford* „Quarterly Journal of the Geographical Society", nov. 1875.

горья Тибета; границу распространенія для каждаго животнаго, въ направленіи нижнихъ долинъ, составляютъ тѣ препятствія, какія противополагаютъ ему климатическія условія, на различныхъ высотахъ. Такъ, вся богатая фауна Тибета, яки дикіе и домашніе, антилопы, газели, серны, кабарги, косули, овцы, ослы, джигетаи, медвѣди, волки бѣлые, черные и красные, шкалы, лисицы, дикія собаки, встрѣчаются либо въ снѣжныхъ областяхъ, либо въ лѣсахъ Гималайскихъ склоновъ; но эта фауна не переходитъ за предѣлы сухой области: тамъ, гдѣ начинаются лѣса, питаемые влажнымъ воздухомъ Сиккима, останавливаются горные звѣри [1]). У подошвы большихъ горъ лѣсная полоса области терая составляетъ вмѣстѣ съ лѣсными чащами Ассама и гористой страны, отдѣляющей Бенгалію отъ Бирманіи, главное убѣжище дикихъ животныхъ Индіи; даже нѣкоторые виды, истребленные въ остальной части Полуострова, встрѣчаются только въ этомъ поясѣ; таковъ, напримѣръ, маленькій кабанъ (porculia salviania), который вѣситъ не болѣе 5 килограммовъ (12 фунтовъ) и ростомъ бываетъ не выше 25 сантиметровъ.

Слонъ — одно изъ животныхъ, которыя могли сохраниться въ большомъ числѣ въ области терая и въ горахъ Ассама, защищаемыя лѣсными чащами и болотами. Онъ былъ выгнанъ почти изъ всѣхъ другихъ областей Индустана; въ другихъ мѣстахъ, кромѣ сейчасъ указанныхъ, его находятъ только въ землѣ Кондъ, въ дѣвственныхъ лѣсахъ Курга, Майсура, Траванкора и на островѣ Цейлонѣ. Индійскій слонъ не живетъ въ равнинахъ, какъ африканскій; его убѣжища находятся обыкновенно въ холмистыхъ мѣстностяхъ, и даже въ гористыхъ областяхъ онъ предпочитаетъ крутые гребни [2]); быть можетъ, это недавняя перемѣна въ условіяхъ существованія, вынужденная сосѣдствомъ человѣка. Въ Сиккимѣ онъ бродитъ по лѣсамъ до высоты 1.200 метровъ; однажды даже охотники поймали одного слона на высотѣ болѣе 3.000 метровъ, затѣмъ, приручивъ его, отвели въ Лассу черезъ перевалы Гималайскихъ и Загималайскихъ горъ [3]). Слонъ, вѣроятно, скоро исчезъ бы изъ лѣсовъ Индіи, еслибы охота на него не была строго ограничена и еслибы ловля въ ямы, прикрытыя вѣтвями деревьевъ, не была безусловно воспрещена. Остъ-индское правительство оставило за собою право собственности на всѣхъ слоновъ Полуострова, какъ *макна*, т. е. неимѣющихъ бивней, такъ и *ганда*, т. е. вооруженныхъ длинными клыками. Хотя избранные въ домашнія животныя Ганезы, бога мудрости, бѣдные слоны такъ неблагоразумны, что даютъ охотникамъ загонять себя въ загороди, окруженныя крѣпкимъ частоколомъ, которыя должны служить имъ тюрьмой. Тамъ ихъ мало-по-малу укрощаютъ голодомъ, затѣмъ приручаютъ

[1]) *Гукеръ*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Hunter* „Gazetteer of India“.
[3]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien“, vol. II.

при помощи товарищей, уже обращенныхъ въ домашнее состояніе. Такимъ способомъ излавливаютъ каждый годъ нѣсколько сотъ слоновъ, которые почти всѣ употребляются на работы при постройкѣ дорогъ или на перевозку лѣса въ кораблестроительныхъ верфяхъ или пушечныхъ лафетовъ въ арсеналахъ. Князья и знатныя особы въ Индіи тоже не могли бы справлять празднествъ, ни выѣзжать на охоту безъ того, чтобы въ кортежѣ ихъ не находилось нѣсколькихъ слоновъ, покрытыхъ богато убранными чепраками и несущихъ на спинѣ *гауды*, или балдахины, украшенные драгоцѣнными металлами, шелкомъ и бархатомъ.

Носорогъ, другой представитель древней фауны, тоже сталъ рѣдкимъ въ Индустанѣ, хотя тамъ существуютъ еще четыре разновидности его, съ однимъ или съ двумя рогами. Это животное водится, главнымъ образомъ, въ лѣсахъ Джиттатонга, къ востоку отъ устья Мегны, и въ болотистыхъ земляхъ Сандербанда, гдѣ онъ любитъ валяться въ грязи. Въ лѣсахъ и джунгляхъ центральной Индіи, Ассама и пограничныхъ съ Бирманіей мѣстностяхъ рыскаютъ также страшные звѣри изъ отряда жвачныхъ, какъ-то: гаялъ, гауръ (bos gaurus), обыкновенно называемый охотниками „бизономъ", и дикій буйволъ. Охота на этихъ животныхъ не менѣе опасна, чѣмъ охота на тигра или на слона. Особенно опасенъ буйволъ; онъ одинъ только изъ всѣхъ дикихъ животныхъ Индустана, за исключеніемъ тигра, привыкшаго къ человѣческому мясу, яростно бросается на человѣка, преимущественно на европейца; даже прирученные буйволы выказываютъ сильное отвращеніе къ бѣлокожимъ чужеземцамъ. Что касается кабана, то онъ рѣдко нападаетъ на человѣка, но это самое ненавистное для земледѣльцевъ животное, по причинѣ вреда, какой онъ наноситъ полямъ; въ немъ видятъ врага по преимуществу, и во многихъ областяхъ Индіи тигра считаютъ въ нѣкоторомъ родѣ покровителемъ земледѣлія, потому что онъ избавляетъ крестьянина отъ дикихъ свиней и другихъ опустошителей посѣвовъ.

Тигръ, прозванный „королевскимъ" за его страшную силу и свирѣпость—кровожадный звѣрь, который лучше всѣхъ другихъ хищниковъ сохранилъ свое господство во всѣхъ частяхъ Индіи, какъ въ равнинахъ, такъ и въ долинахъ горъ, до довольно большой высоты на склонахъ Гималаевъ. Онъ нападаетъ преимущественно на газелей, антилопъ, косуль, кабановъ и на всѣхъ мелкихъ лѣсныхъ животныхъ; когда онъ находитъ эту дичь въ достаточномъ количествѣ, онъ рѣдко дѣлаетъ нападенія на домашній скотъ. Но когда лѣса начинаютъ пустѣть, когда ихъ населеніе перевелось, или когда сами тигры, сдѣлавшись старыми или немощными, не въ состояніи больше гоняться за оленемъ или газелью, они принимаются за стада земледѣльцевъ и за самихъ поселянъ; разъ отвѣдавъ человѣческаго мяса, они ужь не ищутъ другаго. Какъ въ отдаленные доисторическіе вѣка, борьба между хищными звѣрями и человѣ-

комъ продолжается до сихъ поръ, и во многихъ округахъ Индіи еще недавно побѣда принадлежала кошачьему роду. Одна только тигрица въ землѣ Чанда, въ центральныхъ провинціяхъ, пожрала 132 человѣка въ 1867 и 1868 годахъ [1]). Про другого такого же „людоѣда" разсказываютъ, что его годовой паекъ состоялъ изъ 80 человѣкъ; жители тѣхъ мѣстъ видѣли въ немъ нѣчто въ родѣ бога, соединившаго въ своихъ членахъ силу всѣхъ своихъ жертвъ. Сосѣдства такихъ тигровъ достаточно, чтобы прекратилось всякое сообщеніе по большимъ дорогамъ, пролегающимъ черезъ мѣстности, гдѣ они обитаютъ; одинъ изъ этихъ страшныхъ хищниковъ наводилъ такой страхъ на все окрестное населеніе, что тринадцать деревень были покинуты жителями, и пространство земли въ 650 квадр. километровъ оставалось заброшеннымъ безъ всякой обработки. Леопардъ, извѣстный обыкновенно подъ именемъ „пантеры", еще болѣе страшенъ охотнику, чѣмъ самый тигръ; онъ храбрѣе, проворнѣе, ловче, что̀ вознаграждаетъ, и даже съ излишкомъ, его сравнительно меньшую силу мускуловъ. Когда онъ отвѣдалъ человѣческой крови, онъ становится истиннымъ бичемъ края; ему безпрестанно нужны новыя человѣческія жертвы, такъ какъ онъ ограничивается тѣмъ, что высасываетъ изъ нихъ кровь [2]). Другой видъ леопарда, *чита*, родина котораго Деканъ, сдѣлался союзникомъ человѣка, какъ соколъ; онъ сопровождаетъ охотника въ погонѣ за газелью и преслѣдуетъ эту дичь съ такою быстротой, что глазъ едва успѣваетъ слѣдить за нимъ.

Кромѣ сейчасъ названныхъ, въ джунгляхъ Индустана рыскаютъ еще многіе другіе виды кошачьяго семейства, но самый большой изъ всѣхъ тотъ, котораго народное воображеніе возвеличило какъ болѣе могущественнаго, чѣмъ самый тигръ, левъ, съ начала нынѣшняго столѣтія совершенно исчезъ въ континентальной области Индіи; еще въ 1810 году охотились на этого звѣря въ Пятирѣчьи; въ настоящее же время единственные представители индійскаго льва, отличающагося отъ африканскаго отсутствіемъ гривы, живутъ въ скалахъ Гиръ, около южной оконечности полуострова Катіаваръ; туземцы называютъ его „верблюдо-тигромъ". Близь этой же области, въ сосѣдствѣ Раппа, нашелъ себѣ убѣжище дикій оселъ; нильгау или антилопа пестрая (portax pictus), которую, впрочемъ, встрѣчаютъ и въ другихъ частяхъ Индустана, до Гималайскихъ горъ, тоже старается избѣгать охотниковъ, бродя по окраинамъ этого пустыннаго края. Что касается волковъ, то они удержались во всѣхъ открытыхъ мѣстностяхъ Полуострова, и хотя ихъ меньше боятся, однако, они дѣлаютъ больше опустошеній, чѣмъ тигры; нѣкоторыя дикія племена почитаютъ ихъ, какъ боговъ, и ждутъ себѣ величайшихъ бѣдъ,

---

[1]) *Grant* „Central Provinces".
[2]) *Forsyth* „The Highlands of Central India".

когда кровь этихъ животныхъ была пролита на ихъ территоріи какими-нибудь чужими охотниками. Гіены тоже очень опасны для стадъ, а въ голодное время и для дѣтей поселянъ. Шакалы, очень обыкновенные, по ночамъ оглашаютъ воздухъ своими завываніями; они такіе же ловкіе, всюду пробирающіеся бродяги и хищники, какъ европейская лисица, и эти качества доставили имъ мѣсто въ индійскихъ басняхъ, гдѣ они играютъ роль хитрыхъ совѣтниковъ и составителей заговоровъ. Дикія собаки, или *доле*, тоже часто встрѣчаются въ лѣсныхъ областяхъ; онѣ рыскаютъ цѣлыми стаями, не подавая голоса, и не боятся нападать даже на тигра; какова бы ни была преслѣдуемая дичь, она никогда не уйдетъ отъ нихъ; погоня можетъ продолжаться по цѣлымъ днямъ, но въ концѣ-концовъ собаки настигаютъ свою добычу и разрываютъ ее. Летяги (pteromys), или „летучія лисицы", какъ ихъ называютъ англичане, бѣлки, у которыхъ кожа на бокахъ, широко растянутая, образуетъ какъ бы парашютъ, висятъ массами на вѣтвяхъ деревьевъ. Что касается обезьянъ, то виды ихъ очень многочисленны, и въ нѣкоторыхъ округахъ онѣ сдѣлались настоящими хозяевами страны, благодаря благоговѣнію, которое туземцы питаютъ къ семейству бога Ганумана; онѣ проникаютъ въ дома, накладываютъ руку на все, что имъ понравится. Чтобы сохранить провизію отъ этихъ непрошеныхъ гостей, жители принуждены прикрывать ее вѣтками колючаго терновника.

Статистическіе сборники, издаваемые въ разныхъ провинціяхъ Полуострова, даютъ списокъ, все еще неполный, большихъ плотоядныхъ убиваемыхъ и людей, пожираемыхъ въ теченіе года. Благодаря преміямъ, предлагаемымъ правительствомъ, и легкому способу отравленія, который даетъ стрихнинъ, число лютыхъ звѣрей, отъ которыхъ избавляются индусы, увеличивается, тогда какъ число человѣческихъ жертвъ уменьшается. Такъ, въ шестилѣтіе съ 1870 по 1875 годъ въ Бенгаліи было убито плотоядныхъ животныхъ 18.196, въ томъ числѣ 7.278 тигровъ, 5.668 леопардовъ, 1.671 бабръ (felis onça), 1.388 волковъ; людей, растерзанныхъ звѣрями за тотъ же шестилѣтній періодъ времени, насчитывали 13.416, изъ нихъ 4.218 было пожрано тиграми, 4.287 волками, и т. д. Гораздо труднѣе защититься отъ змѣй, которыя проползаютъ въ щели хижинъ и обвиваются вокругъ вѣтвей деревьевъ. Ни въ какой другой странѣ земнаго шара ядовитыя змѣи не опасны такъ, какъ въ Индіи. Каждый годъ оффиціальная статистика сообщаетъ о тысячахъ смертныхъ случаевъ, происшедшихъ отъ ужаленія этими животными: по Фэйреру [1]). ежегодное число жертвъ нужно считать слишкомъ въ 20.000. Въ 1877 г. людей, умершихъ отъ укушенія змѣй, насчитывали 16.777, число убитыхъ змѣй, за которыхъ выданы назначенныя преміи, въ этомъ году прости-

[1]) „Thanatophidia of India".

ралось до 127.295. Въ 1880 году общее число человѣческихъ жертвъ, погибшихъ отъ змѣй и большихъ плотоядныхъ, опредѣляли въ 21.990. Зоологъ Гунтеръ насчитываетъ во всей Индіи 79 видовъ ядовитыхъ змѣй, изъ которыхъ, впрочемъ, болѣе половины принадлежатъ къ солоноводнымъ животнымъ; виды, живущіе въ морѣ или въ прибрежныхъ лагунахъ, имѣютъ желѣзки, содержащія ядъ, тогда какъ прѣсноводныя змѣи безвредны [1]). Между пресмыкающимися съ ядовитыми зубами есть такія, какъ, напримѣръ, кобра, дабойя, офіофагъ (змѣеѣдъ), укушеніе которыхъ почти неминуемо смертельно. Кобра или „очковая змѣя" (naga tripudians), которой португальскіе завоеватели дали названіе „cobra di capello", оттого, что у нея на шеѣ кожа вытянута въ складки, образующія родъ капюшона,—самый опасный изъ всѣхъ этихъ гадовъ; въ то же время это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ; по словамъ медика Никольсона, въ Бангалорскомъ округѣ этихъ змѣй найдешь, по меньшей мѣрѣ, до 400 штукъ на каждомъ квадратномъ километрѣ. Кобра—змѣя, которую преимущественно приручаютъ заклинатели змѣй, иногда даже не вырвавъ у нея ядовитыхъ зубовъ или давъ имъ вновь вырости. Страшный змѣй мѣрно раскачивается изъ стороны въ сторону подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ, обвивается вокругъ рукъ и туловища своего господина, дѣлаетъ видъ, какъ будто жалитъ его, ласкаясь; но часто бываетъ, что эти милыя ласки, эти граціозныя игрушки оканчиваются смертью заклинателя. Кобра—священное животное; это представитель бога разрушенія, и какъ таковой, оно имѣетъ право на почитаніе со стороны людей. Когда благочестивый индійскій браминъ открываетъ этого гада въ щели своего жилища, онъ не только не потревожитъ его, напротивъ, онъ приноситъ ему молока, преклоняется передъ нимъ, почитаетъ его, какъ домашнее божество; если, по несчастью, кобра заплатитъ неблагодарностью за оказываемый ей почетъ и ужалитъ ребенка, то отецъ семейства ограничивается тѣмъ, что относитъ смертоносное пресмыкающееся куда-нибудь въ поле и извиняется, удаляясь отъ него. Если какой-нибудь нечестивецъ убьетъ священнаго змѣя, то браминъ покупаетъ его смертные останки и сжигаетъ ихъ съ религіозными церемоніями. Такъ продолжается до сихъ поръ древній культъ змѣй, который предшествовалъ въ Индіи браминскимъ религіямъ и который мы находимъ подъ разными формами во многихъ другихъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта [2]). Змѣй, выползающій изъ трещинъ скалы, долженъ былъ казаться первобытному человѣку выходящимъ изъ мрака, какъ представитель подземнаго міра и адскихъ силъ. Это драконъ легендъ, изрыгающій огонь и дымъ, чудовище, схватывающее злыхъ и ввергающее ихъ въ горящія бездны пре-

¹) „On the Reptiles of British India".
²) *Fergusson* „Tree and Serpent Worship".

исподней; въ то же время это—священное животное, которое носитъ драгоцѣнный камень, спрятанный въ складкахъ его чела [1]), обладатель тайнъ, сокрытыхъ въ глубинахъ невѣдомаго подземнаго міра. Искусство магіи и заключается, главнымъ образомъ, въ умѣньи исторгнуть у него эти

Вишну, охраняемый змѣемъ. — Изваяніе въ храмѣ Джайна, въ Садри (Удайпуръ).

тайны, чтобы открыть драгоцѣнныя руды въ нѣдрахъ земли, узнать цѣлебныя травы и коренья, излечивающіе болѣзни, или даже угадать средство сдѣлаться сильнымъ и богатымъ. Въ индійской миѳологіи мы встрѣ-

[1]) *Плиній* „Естественная исторія"; *Troyer* „Radjatarangini, Histoire des rois de Kachmir"; *Fritsche* „Hitopadesa, Eine indische Fabelsammlung".

чаемъ много божествъ, которыя взяли змѣю за аттрибутъ своего могущества, дабы тѣмъ засвидѣтельствовать о своемъ глубокомъ знаніи сокровенныхъ тайнъ міра. Діадема, которую носитъ Сива, составлена изъ семи головъ кобры, соединенныхъ между собою и вытягивающихся впередъ, какъ бы грозящихъ своими жалами поклонникамъ бога. Индусы поклоняются также богу Вишну, охраняемому тысячеглавымъ змѣемъ. Почти во всѣхъ индійскихъ пагодахъ можно встрѣтить это символическое изображеніе, первоначальный смыслъ котораго постепенно утратился и которое, наконецъ, сдѣлалось простымъ украшеніемъ. Дождевые и солнечные зонтики, которые въ началѣ употреблялись только знатными людьми, имѣютъ форму, напоминающую форму змѣй бога Сивы.

Фауна Индустана заключаетъ также нѣсколько страшныхъ звѣрей изъ отряда ящерицъ, каковы два вида крокодила и гангскій гавіалъ; но число этихъ пресмыкающихся быстро уменьшается съ тѣхъ поръ, какъ фабриканты стали утилизировать ихъ кожу и жиръ, и какъ начали употреблять, для истребленія ихъ, средства, предоставляемыя современною индустріей въ распоряженіе охотниковъ. Въ этой неустанной работѣ человѣка по приспособленію природы къ его потребностямъ или прихотямъ, ему легче уничтожать или порабощать большихъ животныхъ, чѣмъ бороться съ несмѣтными массами вредныхъ насѣкомыхъ или мелкихъ грызуновъ. Тогда какъ онъ истребляетъ льва, воюетъ съ тигромъ, порабощаетъ слона, населяетъ Гималайскіе лѣса дичью, привезенною изъ Англіи, и наполняетъ сѣверными рыбами садки или пруды въ горахъ Ниль-гири, онъ остается столь же безсильнымъ, какъ были его предки, противъ стай саранчи, полчищъ крысъ, муравьевъ и всѣхъ тѣхъ тучъ непримѣтныхъ и неуловимыхъ враговъ, которые нападаютъ на посѣвы, уничтожая ихъ въ плодѣ или въ цвѣту. Въ борьбѣ съ этими противниками ему нужно разсчитывать на помощь другихъ маленькихъ или микроскопическихъ животныхъ, которыя кишатъ или исчезаютъ, смотря по колебаніямъ климата и перемѣнамъ погоды. По крайней мѣрѣ, онъ имѣетъ въ безконечномъ мірѣ птицъ вѣрныхъ союзниковъ, избавляющихъ его отъ всякихъ органическихъ остатковъ, которые, разлагаясь, могли бы породить чуму въ городахъ. Между различными видами коршуновъ особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи два, *gyps indicus* и *gyps bengalensis*, которые по справедливости заслужили себѣ спеціальное прозвище „чистильщиковъ"; ихъ называютъ „философами" или „адъютантами" за ихъ важную осанку. Въ Калькуттѣ вы увидите безчисленное множество этихъ большихъ пернатыхъ, съ длиннымъ клювомъ, съ плѣшивой головой, фіолетовымъ зобомъ, черными крыльями, меланхолически сидящихъ на стѣнахъ. Большія денежныя пени защищаютъ этихъ общественныхъ благодѣтелей отъ всякаго нападенія. Домашняя птица у индусовъ та же самая, какъ и у европейцевъ, и сверхъ того, во многихъ провинціяхъ

Индіи, между прочимъ въ Синдѣ, еще сохранился обычай, давно уже исчезнувшій въ Европѣ, дрессировать сокола для охоты. Птица, которую жители центральной Индіи воспитываютъ съ наибольшею любовью,—это видъ скворца (acridotheres tristis), который дѣлается очень ручнымъ и котораго пріучаютъ выговаривать разныя слова, между прочимъ, имя бога Кришны; но пѣвчія птицы гораздо болѣе рѣдки въ индійскихъ лѣсахъ, чѣмъ въ лѣсахъ Запада. Воробей послѣдовалъ за англичаниномъ въ долины Гималайскихъ горъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ племенъ неизвѣстнаго происхожденія, принимаемыхъ за первобытныхъ коренныхъ жителей страны, по незнанію ихъ дѣйствительной генеалогіи, расы Индіи, какъ извѣстно, состоятъ въ родственной связи съ сопредѣльными этнологическими областями. Также какъ виды растительнаго и животнаго царствъ, индійскіе народы принадлежатъ къ центрамъ образованія болѣе обширнымъ, чѣмъ Полуостровъ, на которомъ они встрѣчаются и перемѣшиваются въ наши дни. Арійцы, имѣющіе сознаніе своей общей цивилизаціи, признаютъ другъ друга братьями по языку и мысли по обѣ стороны индійскаго Кавказа; на западѣ постепенные переходы расы, языковъ и преданій соединяютъ магометанскія населенія Ирана и Индіи; точно также на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ, родство легко узнается, отъ народца къ народцу, между долинами полуденной покатости и долинами, спускающимися къ восточной Азіи. Наконецъ, и сами дравидійцы, хотя оттѣсненные теперь съ индійскихъ равнинъ къ южнымъ плоскогорьямъ, кажется, пришли съ сѣверо-запада, и, какъ полагаютъ, въ Белуджистанѣ сохранились слѣды ихъ прохода, такъ какъ нарѣчію брагуи приписывается дравидійское происхожденіе, и древній мидійскій языкъ былъ признанъ принадлежащимъ къ той же группѣ глоссологическихъ семействъ. Найденныя въ Бегистанѣ треязычныя надписи, разсказывающія исторію персидскаго царя Дарія Гистаспа, доставили переводчикамъ неоспоримыя свидѣтельства древняго родства дравидійскихъ идіомовъ съ языками „скиѳскими", представляемыми въ наши дни, главнымъ образомъ, финскими діалектами [1]).

Впрочемъ, древность переселеній и перемѣны, которыя совершаются въ словарѣ и строеніи языковъ, тѣмъ быстрѣе, чѣмъ народы менѣе цивилизованы и болѣе подвижны, объясняютъ тѣ значительныя различія, которыя произошли въ племенахъ и націяхъ съ тѣхъ поръ, какъ они перестали быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ между собою. Къ доказательствамъ, извлеченнымъ изъ самой исторіи, прибавились безчисленныя находки археологовъ, свидѣтельствующія о древности пребыванія че-

[1]) *Rask; Max Muller; Vinson; Caldwell* „Grammar of the Dravidian languages".

МОСТЪ НА ПРИТОКѢ РАНДЖИТЪ.

ловѣка на индійскомъ полуостровѣ. Такъ же, какъ Европа, Индія имѣетъ свои дольмены и менгиры, свои камни, выдолбленные въ видѣ чашки, свои кучи обдѣланныхъ кремней; изслѣдователи отыскали тамъ весь рядъ доисторическихъ вѣковъ, протекшихъ въ эпохи каменнаго періода [1]. Даже именно здѣсь, въ Индустанѣ, найдены древнѣйшіе слѣды пребыванія человѣка на землѣ: къ востоку отъ Гоа геологи открыли, на половину зарытый подъ слоемъ базальта и латерита, цѣлый лѣсъ пальмъ и хвойныхъ деревьевъ, превратившихся въ кремнеземъ, и нѣкоторыя изъ этихъ окаменѣлыхъ стволовъ еще носятъ на себѣ явные знаки топора, которымъ они были срублены [2]. Изъ этого видно, что дровосѣки уже занимались своимъ промысломъ въ ту эпоху, когда потоки лавы выливались еще изъ кратеровъ Декана, такъ давно уже закрывшихся и неузнаваемыхъ; по всей вѣроятности, существованіе этихъ обитателей Западной Индіи восходитъ къ эоценовымъ вѣкамъ, быть можетъ, даже къ концу мѣловаго періода. Слѣдовательно, населенія страны имѣли достаточно времени для того, чтобы разнообразно смѣшиваться и сливаться между собою, образуя и преобразовывая первоначальныя группы.

Однако, устойчивость расъ гораздо больше въ Индустанѣ, нежели па европейскомъ континентѣ, что отчасти объясняется относительно массивными контурами Гангесскаго полуострова, если сравнивать его съ совокупностью острововъ и полуострововъ, которая составляетъ сѣверозападную область Стараго Свѣта; впрочемъ, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, земледѣльческія населенія должны быть тѣмъ менѣе осѣдлыми, чѣмъ легче имъ перемѣнять климатъ и чѣмъ сама окружающая природа подвижнѣе и разнообразнѣе. Во многихъ отношеніяхъ индусы представляютъ элементъ почти неподвижный въ сравненіи съ европейцами; въ теченіе того же самаго двадцати-трехъ вѣковаго періода, въ который большинство варварскихъ племенъ Запада поднялось на высшую ступень цивилизаціи, какая когда-либо была достигаема, жители Индіи, кажется, оставались почти на той же точкѣ развитія, почти нисколько не подвинулись впередъ. Суммарныя описанія народа, оставленныя первыми трактовавшими о тѣхъ краяхъ иностранными писателями, и теперь еще примѣняются къ жителямъ Полуострова; даже институтъ кастъ, отмѣненный-было, по крайней мѣрѣ отчасти, буддизмомъ, снова появился, подобно тому, какъ истинный цвѣтъ ткани опять показывается, когда смоешь поверхностную краску. Благодаря этому замѣчательному постоянству, типы различныхъ племенъ, націй и расъ, находящихся во взаимномъ соприкосновеніи въ провинціяхъ Индустана, отличаются боль-

---

[1] *Foote* „Proceedings of the Geological Society“, june 17, 1868; *Balle* „Jungle Life in India“.

[2] *Marchesetti* „Bollettino delle scienze naturali“, № 2, годъ II.

шею опредѣленностью, чѣмъ типы западныхъ народовъ, безпрестанно смѣшивающихся между собою.

Такимъ образомъ, каждой особой области Индіи принадлежатъ населенія, еще отличныя отъ другихъ, дикія или цивилизованныя, которыя нужно описывать каждое отдѣльно. Въ слѣдующихъ главахъ мы попытаемся принимать во вниманіе, на сколько возможно, группировку жителей одинаковаго происхожденія, изучая вмѣстѣ съ тѣмъ самую страну сообразно ея естественнымъ дѣленіямъ, грубо измѣненнымъ тамъ и сямъ завоеваніями и административными дѣленіями.

II.

ЗАПАДНЫЙ ГИМАЛАЙ.

НАГОРНЫЯ ДОЛИНЫ „ПЯТИРѢЧЬЯ“.

КАШМИРЪ, ВОСТОЧНЫЙ ДАРДИСТАНЪ, ГАЗАРА, ЧАМБА, КАНГРА; ГОСУДАРСТВА ВЪ ВЕРХОВЬЯХЪ СЕТЛЕДЖА.

Въ своей совокупности, эта гористая земля есть нейтральное пространство, непринадлежащее географически ни къ Тибету, ни къ Индіи, ни къ Туркестану. Господствующіе надъ нею горные хребты составляютъ продолженіе тибетскихъ возвышенностей, а промежуточныя долины служатъ продолженіемъ пониженій плоскогорья; если теченіе водъ происходитъ по направленію къ равнинамъ Синда и къ Аравійскому морю, то глубокія ущелья, по дну которыхъ бѣгутъ горные потоки, крутизны и перевалы, которые нужно пройти, чтобы отправиться въ верхніе бассейны, совершенно раздѣляютъ двѣ области—область равнины и область горъ, точно такъ же, какъ и эта послѣдняя отдѣлена отъ области льдовъ; по выраженію древнихъ индійскихъ поэтовъ, „три міра“ лежатъ одинъ надъ другимъ въ этой странѣ. Почти всѣ населенія Кашмира и сопредѣльныхъ долинъ тоже рѣзко отличаются по происхожденію отъ жителей равнинъ Пенджаба. Въ первые историческіе вѣка страна арійцевъ оканчивалась съ этой стороны у подошвы горъ, и часто Кашмиръ испытывалъ политическія судьбы, отличныя отъ судебъ „Пятирѣчья“. Еще въ 1819 году онъ находился подъ владычествомъ афганцевъ; магараджа Сринагарскій сталъ признавать надъ собою верховную власть Великобританіи лишь съ 1846 года. Впрочемъ, политическіе предѣлы его владѣній совпадаютъ довольно точно съ естественными границами; на сѣверѣ, гребни Каракорума и его снѣговыя бреши, столь трудныя для перехода, отдѣляютъ Кашмиръ отъ китайскаго Туркестана, тогда какъ на югѣ послѣдніе параллельные выступы Гималайскихъ горъ указываютъ границы королевства съ этой стороны; только узкая полоса земли, шириной отъ 5 до 30 километровъ, захватываетъ область рав-

ншнъ: это поясъ, который называютъ персидскимъ именемъ Даманъ-и-Кохъ, что̀ значитъ „Подгорье“. Такимъ образомъ, каждая изъ естественныхъ областей страны получила общее наименованіе. Цѣпь предгорій, какъ въ Чамбѣ и Спити, такъ и въ Кашмирѣ, называется Канти, или „окраина“; за этою цѣпью, всѣ внутреннія холмистыя или гористыя земли носятъ названіе Пагаръ, или „Горы“ [1]).

Пространство и народонаселеніе Западнаго Гималая:

	Пространство квадр. килом.	Население въ 1872 г. душъ.	На 1 квадр. километръ жителей.
Кашмиръ	178.558	1.535.000	8,6
Дардистанъ, независимый. .	35.700	400.000 (?)	10,6
Газара	7.342	367.200	50
Чамба	8.329	130.000	15
Кангра	23.278	743.900	32
Государства на верхнемъ Сетледжѣ	20.623	729.700	35
Всего. . .	273.830	3.905.800 (?)	15,0

Наибольшая часть этой обширной области верхняго бассейна Пяти-Рѣкъ состоитъ изъ необитаемыхъ пространствъ. Понятно, что такъ и должно быть въ странѣ, представляющей въ цѣломъ наклонную плоскость, верхній край которой возвышается на 6.000 метровъ (почти 20.000 футовъ, или болѣе пяти съ половиной верстъ) надъ уровнемъ моря. Среднюю высоту всей этой области нужно считать слишкомъ въ 4.000 метровъ ($3^3/_4$ версты); очень немногіе изъ альпійскихъ пиковъ Европы превосходятъ эту высоту своими вершинами. Вся сѣверо-восточная часть страны образуетъ даже обширное плоскогорье, высотой около 5.000 метровъ (16.405 футовъ), которое можно разсматривать какъ принадлежащее еще географически къ Тибету, ибо горы поднимаются тамъ лишь въ видѣ относительно небольшихъ выступовъ надъ уровнемъ плоскихъ возвышенностей, и эти послѣднія представляютъ на значительныхъ пространствахъ совершенно ровную поверхность. Въ этой области континентальнаго хребта, какъ показали изслѣдованія Адольфа Шлагинтвейта и Могамеда Амина, Джонсона, Геварда, Шау, Кэйли, Столички, Дрю, Лидеккера и другихъ англійскихъ путешественниковъ, встрѣчаются обширныя равнины, неимѣющія даже ската, необходимаго для того, чтобы ихъ воды, образующіяся отъ таянія снѣга, могли течь либо на югъ къ Шайоку, либо на сѣверъ къ Кара-кашу. Къ такимъ совершенно горизонтальнымъ пространствамъ, безъ исключенія, принадлежатъ равнины Лингцитанга, называемыя также Чангченмо, и

[1]) *Frederic Drew* „The Jummoo and Kashmir territories“.

плато, которому англійскій изслѣдователь Дрю далъ названіе „Куэнь-люньскихъ равнинъ“ (Kuenlun Plains), отъ горнаго вала, образующаго сѣверный край этого плоскогорья; всѣ вмѣстѣ эти горизонтальныя пространства занимаютъ площадь, по меньшей мѣрѣ, въ 18.000 квадратныхъ километровъ.

Эти промежуточныя плоскогорья между Каракорумомъ и Куэньлунемъ составляютъ западное продолженіе тибетскаго Хачи. Невысокій хребетъ, состоящій изъ богатыхъ окаменѣлостями горныхъ породъ, Локзунгъ, который раздѣляетъ эти плато на двѣ совершенно отличныя одна отъ другой равнины, вытянулъ линію своихъ вершинъ въ направленіи отъ востока къ западу, потомъ въ сѣверо-западномъ. Немногіе путешественники, проходившіе черезъ эту область, даютъ описаніе ея, совершенно сходное съ описаніемъ плоскогорій восточнаго Бодъ-юла (Тибета), которое мы находимъ у Найнъ-Синга, Гюка, Пржевальскаго. Въ серединѣ лѣта, единственнаго времени года, когда путешественники отваживались вступать въ эту „страну смерти“, снѣгъ, правда, почти вездѣ растаялъ, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ его скопилось такъ много, что образовались фирновыя поля или даже кристаллическія массы безъ движенія, похожія издали на кучи или площади соли. Земля, бѣлая или сѣроватая, простирается на необозримое пространство, не представляя препятствій шествію каравана, но рѣдкость воздуха, нестерпимая жара во время дня, сильный вѣтеръ, притекающій каждый день послѣ полудня къ плоскогорью, затѣмъ быстрое охлажденіе вечеровъ подъ вліяніемъ лучеиспусканія земной поверхности, дѣлаютъ всякое усиліе чрезвычайно тягостнымъ. Миражи, которые безпрестанно возобновляются въ дрожащемъ воздухѣ, показывая всюду фантастическія озера, страшно утомляютъ путниковъ, заставляя ихъ дѣлать безполезные переходы. Животныя каравана, пони, яки, вьючные бараны и овцы, должны нести не только кладь и всѣ необходимыя принадлежности для устройства становища, но также и собственный кормъ, потому что на этихъ безплодныхъ плато почти или совсѣмъ нѣтъ растительности; только кое-гдѣ, на разстояніи 15 или 20 километровъ отъ одного мѣста до другого, встрѣчаются пучки эвроціи (eurotia) или полоски лишаевъ, которыя годны только для разведенія костра, а мѣста пастьбы для скота раздѣлены промежутками въ сотню верстъ. Однако, кое-какія животныя, яки, дикіе ослы, антилопы, бродятъ еще въ этихъ пустыняхъ, хотя въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ можно было бы предполагать, судя по многочисленнымъ слѣдамъ ихъ копытъ, такъ какъ эти слѣды сохраняются на землѣ по цѣлымъ годамъ [1]).

---

[1]) *Frederic Drew* „The Jummoo and Kashmir territories“; *Henderson* „From Lahore to Yarkand, etc“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что плоская возвышенность Линцгитанъ и „Куэньлуньскія равнины" были нѣкогда покрыты водами. Почва тамъ, очевидно, состоитъ изъ аллювіальной (наносной) земли, и въ ней можно различить тонкія пластинки растительнаго происхожденія, которыя отлагались на днѣ вмѣстѣ съ иломъ. Промоины, образовавшіяся на краяхъ плоскогорья, позволяютъ догадываться, какъ совершилось постепенное засыпаніе озерныхъ бассейновъ. Нѣкогда они должны были составлять двойное море, ибо песчаные берега видны даже на порогѣ горъ Локцунгъ, между двухъ равнинъ; затѣмъ водная площадь раздѣлилась и два обширныя озера мало-по-малу высохли; отъ нихъ осталось только нѣсколько лужъ, частью постоянныхъ, частью временныхъ, окруженныхъ соляными налетами и оставляющихъ послѣ себя дно изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, которая затвердѣваетъ въ „сухарь" отъ дѣйствія вѣтра и солнца. Англійскій изслѣдователь Дрю полагаетъ, что истеченіе озеръ происходило на сѣверъ черезъ рѣку Кара-кашъ, на югѣ черезъ рѣку Чанченмо. Смотря по высотѣ запрудъ, образуемыхъ снѣжными лавинами и ледниками, вòды могли даже выливаться то съ одной стороны, то съ другой, или даже съ двухъ сторонъ разомъ. На этомъ обширномъ хребтѣ линія раздѣла между двумя покатостями Азіи могла быть измѣняема паденіемъ скалы или обваломъ песчанаго откоса. Можно съ полною увѣренностью сказать, что въ этомъ мѣстѣ своего протяженія Каракорумъ и Куэньлунь не имѣютъ ничего похожаго на горную цѣпь. Тибетское названіе этой возвышенности то же самое, какъ и названіе другихъ горъ Бодъ-юла—Ниджни-тангле, что̀ значитъ „Степной проходъ Большой Пустыни" [1]).

Рупшу, составляющій юго-восточный уголъ Кашмирскаго королевства, на границахъ Тибета, походитъ нѣкоторыми чертами своего рельефа на сѣверо-восточныя плоскогорья. Менѣе возвышенный, такъ какъ средняя высота лощинъ около 4.500 метровъ, онъ пересѣченъ болѣе многочисленными гребнями, изъ которыхъ одни параллельны, другіе перпендикулярны или косвенны къ оси Гималая, и которые вездѣ поднимаютъ свои вершины въ видѣ неправильныхъ массивовъ. Тѣмъ не менѣе, Рупшу можетъ быть разсматриваемъ, какъ родъ плоскогорья; это цоколь, поддерживающій горныя цѣпи разной высоты и разрѣзанный на краяхъ верхнимъ Индомъ, его притокомъ Занскаромъ и его притоками Сетледжа: тамъ находится водораздѣлъ между Индомъ и главной рѣкой Пенджаба. Также какъ Линцгитанъ и Куэньлуньскія равнины, Рупшу былъ нѣкогда покрытъ въ большой части своего протяженія озерами, отъ которыхъ до сихъ поръ осталось еще нѣсколько бассейновъ, гдѣ вода стала соленой или, по крайней мѣрѣ, солоноватой.

[1]) *Shaw*; *Verchère; Emil von Schlagintweit.*

Таковы два озера, называемыя одно „Прѣсноводнымъ“, другое „Солянымъ“, которыя занимаютъ углубленіе на сѣверо-западѣ возвышенности Рупшу, и обширный резервуаръ Тсо-Морири, наполняющій на югѣ впадину плоскогорья. Въ 100 метрахъ (328 фут.) надъ Солянымъ озеромъ ясно видны старые берега, которые омывались водами этого бассейна, бывшаго въ то время притокомъ Занскара. Точно также Тсо-Морири, лежащій выше, по меньшей мѣрѣ, на 16 метровъ, изливался прежде черезъ рѣку Пару въ Сетледжъ; запруда, задерживающая теперь его воды, есть не что иное, какъ дельта изъ мелкихъ камней, нанесенныхъ рѣкой Ирсой, которая иногда впадаетъ въ озеро, иногда течетъ прямо въ Пару или посылаетъ ей свои воды подземнымъ потокомъ, пробирающимся черезъ слой гравія [1]); озеро, удерживаемое этою плотиной изъ каменныхъ обломковъ, имѣетъ всего только 75 метровъ глубины въ наиболѣе впалой части своего бассейна; близь западнаго берега лежитъ островокъ, надъ которымъ кружатся стаи чаекъ. Другія углубленія этого плоскогорья тоже заняты озерами или солянымп болотами; повсюду, отъ Куэньлуня до Гималая, равно какъ въ Тибетской области, гдѣ находится озеро Панконгъ, можно замѣтить слѣдствія перемѣны климата, сдѣлавшагося болѣе сухимъ въ теченіе настоящаго періода; вездѣ воды понизились, обмелѣли, и соляныя вещества, хлористый натрій, соли магнезіи, углекислый натръ сконцентрировались на днѣ бассейновъ; въ этой странѣ существуютъ также залежи сѣры и буры, разработываемыя для кашмирскаго магараджи [2]). Когда Куннингамъ посѣтилъ Ганле въ 1847 году, довольно большое прѣсноводное озеро занимало часть равнины; семнадцать лѣтъ спустя, въ 1864 году, эта водная площадь совершенно исчезла.

За исключеніемъ верхней долины Шайока, по которой поднимается тропа, ведущая на перевалъ черезъ Каракорумъ, наиболѣе посѣщаемый купцами между Кашмирскимъ государствомъ и китайскимъ Туркестаномъ, вся сѣверная область бассейна Инда загромождена ледниками, почти непроходимыми. На протяженіи, по крайней мѣрѣ, 300 километровъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, на сколько можно судить по результату частныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, Каракорумъ или Мустагъ, какъ его иначе называютъ въ Кашмирѣ, поднимается въ видѣ сплошнаго вала, заваленнаго льдами, которые спускаются на 40 и до 50 километровъ къ югу отъ гребня; въ первое время, когда началось изслѣдованіе страны, Тюилье (Thuillier) и другимъ офицерамъ остъ-индскаго топографическаго бюро удалось только издали и посредствомъ многочисленныхъ визированій обслѣдовать и

[1]) *Frederic Drew* „The Jummoo and Kashmir territories“.
[2]) *Ferd. Stoliczka* „Memoirs of the Geological Survey of India“, V, 1866.

измѣрить большинство снѣговыхъ гигантовъ этой цѣпи. Самыя высокія вершины ея были уже съ давнихъ поръ указываемы туземцами: это трехглавый Машербрумъ, Гушербрумъ и двурогій пикъ, окруженный съ западной стороны пропастями глубиной въ 1.000 слишкомъ метровъ; послѣдній долгое время означался на картахъ просто буквой и цифрой въ видѣ показателя степени. Эта гора, K^2, извѣстная теперь подъ именемъ Дапсанга, поднимается до высоты 8.660 метровъ (28.415 фут.); она занимаетъ, слѣдовательно, второе мѣсто между высочайшими вершинами земнаго шара. Туземцы изъ племени балти иногда переходили черезъ Мустагъ на западѣ отъ этого пика, обходя трещины ледника Балторо; но этимъ проходомъ можно пользоваться только въ продолженіи короткаго лѣтняго періода, да и тогда путешествіе сопряжено съ большими опасностями: люди идутъ гуськомъ, привязанные одинъ къ другому веревкой, а маленькихъ яркандскихъ лошадокъ, которыя сопровождаютъ своихъ господъ, нужно переносить черезъ трещины. Ни одинъ европеецъ не переходилъ черезъ этотъ опасный перевалъ Мустага, а туземцы, какъ кажется, пользовались имъ въ послѣдній разъ въ 1863 году. Остановленные туманомъ, одинъ изъ братьевъ Шлагинтвейтъ, затѣмъ Годуинъ Аустенъ тщетно пытались достигнуть этого порога[1]).

Ледники, спускающіеся съ вершинъ Каракорума на его южные склоны и занимающіе цѣлую половину бывшаго государства Балтистанъ, суть, какъ извѣстно, самые обширные въ Азіи и во всемъ свѣтѣ, кромѣ полярныхъ странъ. Замѣчательно, что горная цѣпь Лехъ, поднимающаяся въ видѣ островнаго массива между глубокими долинами Инда и Шайока, едва окаймлена нѣсколькими маленькими глетчерами, тогда какъ съ одной стороны горы Каракорума, съ другой—Занскарскій хребетъ изливаютъ въ свои долины такія огромныя ледяныя рѣки. Хотя средняя высота ея вершинъ превышаетъ 5.000 метровъ, а мѣстами даже 6.000 метровъ (около 20.000 футовъ), цѣпь Лехъ—впрочемъ, очень узкая—немного ниже Занскарскаго хребта; оттого дождливые вѣтры, поднимающіеся съ моря и съ равнинъ, проходятъ надъ ней, омывая своими парами лишь самыя высокія ея вершины; доля дождей, не упавшая на Занскарскія горы, остается для высокаго вала Каракорума, о который ударяется облачное теченіе. Эта противоположность относительно выпадающаго въ продолженіи года количества атмосферныхъ осадковъ, т. е. дождя и снѣга, и слѣдовательно относительно обилія льдовъ, между двумя сосѣдними цѣпями, цѣпью Лехъ и цѣпью верхняго Балтистана, имѣетъ также результатомъ большое различіе въ видѣ растительности. Въ горахъ Лехъ почти всѣ долины безплодны и каменисты; встрѣчающіяся тамъ и сямъ площади зелени,

[1]) „Journal of the Geographical Society of London"; *Frederic Drew,* цитированное сочиненіе.

обязанныя своимъ происхожденіемъ человѣческой индустріи, окружены со всѣхъ сторонъ голыми скалами и песками, непріятно поражающими зрѣніе рѣзкостью контраста [1]). На скатахъ горъ растетъ лишь мелкій кустарникъ да кое-гдѣ пучки травы; на верхушкахъ кое-какія ароматическія растенія и мелкіе злаки прерываютъ своими сѣроватыми цвѣтами болѣе свѣтлый фонъ скалъ. Въ долинахъ Каракорума, напротивъ, густо поросшіе луга, украшенные весной разнообразнѣйшими цвѣтками, разстилаются до основанія моренъ, и даже выше, на боковыхъ скатахъ; кипарисы, ивы и березы растутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ледяными массами, и такъ же, какъ въ швейцарскихъ Альпахъ, здѣсь можно встрѣтить воздѣланныя земли у самой подошвы глетчеровъ [2]).

Нижній предѣлъ льдовъ въ нагорномъ Балтистанѣ, по измѣреніямъ различныхъ наблюдателей, лежитъ на высотѣ около 3.000 метровъ (9.845 футовъ). Ледникъ Біафо спускается, близъ деревни Асколи, до уровня немного меньшаго этой высоты; верхняя граница пояса деревьевъ поднимается, по крайней мѣрѣ, метровъ на 500 выше его нижняго конца. По причинѣ большаго протяженія этихъ ледниковъ, изъ которыхъ одинъ, Балторо, имѣетъ не менѣе 56 километровъ длины между пріемной котловиной, гдѣ скопляется снѣгъ, и фронтальной мореной, ихъ среднее паденіе незначительно: оно не превышаетъ 2 градусовъ на ледникѣ Аранду, какъ это констатировалъ англійскій изслѣдователь Дрю, поднимавшійся слишкомъ на 25 километровъ вверхъ отъ конечной ледяной арки изъ подъ которой вытекаетъ рѣка Баша. Во многихъ мѣстахъ воды, задерживаемыя между льдами и сосѣдними скалами, образовали озера; но, подобно швейцарскому озеру Мериль, на краю Алечскаго глетчера, эти бассейны иногда вдругъ опоражниваются, когда движеніе и таяніе нижнихъ ледяныхъ массъ открываетъ напору воды глубокія трещины и галлереи. Такъ же, какъ европейскіе глетчеры, ледники Каракорума представляютъ явленія попеременнаго движенія поступательнаго и отступательнаго (т. е. сверху внизъ и обратно). Такъ, морены ледника Аранду постепенно надвигаются на горныя пастбища, поднимая поросшую травой землю, словно сошникъ исполинскаго плуга; точно также морены Пальмы, между двумя ледяными потоками Біафо и Балторо, находятся въ періодѣ возростанія или прогрессированія, тогда какъ морены Тапсы, къ западу отъ Біафо, покинуты въ долинѣ отступающими льдами. Но каковы бы ни были нынѣшнія перемѣны въ движеніи передней части или фронта ледниковъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ предшествующую эпоху эти замерзшія рѣки спускались гораздо ниже въ долины: всѣ путешественники разсказываютъ о старыхъ моренахъ въ видѣ вала или

[1]) *Shaw* „Visits to High Tartary".
[2]) *Lydekker* „Records of the Geological Survey of India", vol. XIV. part. I, 1881.

запруды, о шлифованныхъ и исцарапанныхъ боковыхъ граняхъ скалъ, объ изборожденныхъ на днѣ лощинахъ, которыя они находили гораздо ниже пояса, до котораго спускаются льды въ настоящее время. Обильные теплые ключи бьютъ изъ земли въ большомъ числѣ въ возвышенныхъ долинахъ Балтистана, по близости кристаллическихъ рѣкъ, или даже открываются широкія дымящіяся воронки посреди пространствъ, покрытыхъ льдомъ или фирномъ.

Западная часть Мустага, которая сливается съ массивомъ, гдѣ раздѣляются Гинду-кушъ и Куэньлунь, принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ областямъ Азіи. Населенная племенами, живущими въ войнѣ со своими болѣе цивилизованными сосѣдями, обитателями нижнихъ долинъ, эта страна не могла еще быть изслѣдованною, и изданныя до сихъ поръ карты ея составлены лишь на основаніи болѣе или менѣе неопредѣленныхъ описаній туземцевъ и профилей горъ, снятыхъ съ дальняго разстоянія англійскими путешественниками. Но достовѣрно извѣстно, что эта область тоже очень богата ледяными потоками, въ особенности около истоковъ рѣкъ Гунзы и Нагара, которыя сообщили свои имена двумъ маленькимъ государствамъ, лежащимъ по ихъ теченію. Эти двѣ рѣки, притоки Инда черезъ Гильгитъ, обходятъ на сѣверо-западный Балтистанъ и такимъ образомъ отдѣляютъ его отъ горъ, составляющихъ краевую цѣпь Большаго Памира; но рѣка Гильгитъ течетъ въ долинѣ, составляющей непосредственное продолженіе, въ сѣверо-западномъ направленіи, долины, по дну которой проходитъ Индъ: отъ Кайласа до Гинду-куша, на протяженіи по прямой линіи около 1.100 километровъ (1.030 верстъ), Индъ и Гильгитъ, идущіе на встрѣчу другъ другу, указываютъ своимъ теченіемъ на существованіе впадины, быть можетъ, линіи излома параллельной выступамъ Каракорума и Гималайскихъ цѣпей. Ниже сліянія Индъ дѣлаетъ крутой поворотъ и протекаетъ, переходя изъ ущелья въ ущелье, черезъ область горъ, надъ которой господствуетъ колоссъ, извѣстный у индусовъ подъ именемъ Нанга-Парбатъ, а у туземныхъ жителей подъ именемъ Діярмира.

Въ Кашмирѣ горная цѣпь Занскаръ или Бара-лача (Бара-лаце), получившая это послѣднее названіе отъ бреши, глубоко врѣзывающейся въ гребень, почти соперничаетъ съ горами Балтистана въ отношеніи обилія снѣговъ и льдовъ. Не смотря на нѣкоторыя неправильности своего хода и расположенія, эта цѣпь можетъ быть разсматриваема, какъ продолженіе Загималайскаго хребта, западную границу котораго составляетъ Ральдангъ-Кайласъ, одна изъ тѣхъ горъ изъ чистаго золота и изумруда, которыя, по индійской миѳологіи, служатъ колоннами, поддерживающими небесный сводъ. Но у подошвы этой горы открываются глубокіе разрѣзы или ущелья Сетледжа и его притока Пары, изъ которыхъ одинъ спускается съ Тибетскаго плоскогорья, а другой съ воз-

вышенностей Рупшу. Ущелья, которыми эти рѣки вырываются изъ верхнихъ, горныхъ областей, чтобы спуститься въ равнины, представляютъ страшное зрѣлище. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сетледжъ, болѣе извѣстный въ краѣ подъ его тибетскимъ именемъ Сангпо—тѣмъ же, которое носитъ главная рѣка Восточнаго Тибета — соединяется съ рѣкой Спити, выходящей изъ тѣснинъ, надъ которыми господствуетъ высокая скала Данкаръ, путешественникъ можетъ лишь съ большимъ трудомъ разглядѣть сліяніе водъ съ высоты какого-нибудь выступа склоновъ; со всѣхъ почти пунктовъ тропинки, извивающейся по краю высокихъ террасъ, видишь одно пустое пространство между чрезвычайно крутыми, мѣстами даже совершенно вертикальными стѣнами утесовъ; знаешь только, что гдѣ-то далеко внизу, на днѣ пропасти, скользятъ два потока, на глубинѣ 350 метровъ ниже краевъ разрѣза, постепенно проточеннаго въ сланцевыхъ массахъ горы [1]).

Тотчасъ же на западъ отъ страшныхъ ущелій Сетледжа гребень горъ, профиль котораго тянется въ сѣверо-западномъ направленіи, поднимаетъ свои горделивыя вершины на высоту болѣе 6.000 метровъ (около 20.000 футовъ), и изъ каждой его бреши изливаются массы снѣга и льда; но только по ту сторону горнаго прохода Бара-лаченскаго, близъ котораго берутъ начало Чандра и Бага, два верхніе притока рѣки Чандра-Бага или Чинабъ, Занскарская цѣпь является во всемъ своемъ дикомъ величіи, драпируясь съ каждой стороны въ свое ледяное одѣяніе. Горы этой цѣпи, состоящія изъ гнейсовъ, порфировъ, сланцевъ и кварцевыхъ конгломератовъ, не имѣютъ себѣ соперниковъ во всемъ Гималаѣ по яркости красокъ, горделивости линій, причудливой и величавой архитектурѣ цѣлаго; разнообразіе формъ тамъ безконечно: куполы, остроконечные шпицы или иглы, башни, зубцы, обелиски и пирамиды слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ въ кажущемся безпорядкѣ, и каждый уступъ, каждый выступъ имѣетъ свой спеціальный оттѣнокъ зеленаго, пурпурнаго, желтаго или какого-нибудь другого цвѣта, блистающій на солнцѣ или прерывающій однообразіе тѣней. Но между путешественниками мало находится охотниковъ предпринимать продолжительныя и крайне утомительныя экспедиціи въ тѣ края вѣчнаго холода, чтобы насладиться созерцаніемъ этихъ грандіозныхъ картинъ природы. Два ручья, текущіе въ противоположномъ направленіи у сѣвернаго основанія этихъ горъ и образующіе своимъ сліяніемъ рѣку Занскаръ, притокъ верхняго Инда, орошаютъ поля и пастбища, лежащія, среднимъ числомъ, на высотѣ 4.000 метровъ (13.125 футовъ) надъ уровнемъ моря; поселки, хижины которыхъ прикрыты сверху хворостомъ, защищающимъ срубъ отъ дѣйствія сухости воздуха, едва отличаются отъ окружающей почвы. Все

[1]) *Andrew Wilson* „The Abode of Snow“.

населеніе этой области состоитъ изъ какихъ-нибудь двухъ или трехъ тысячъ жителей, разсѣянныхъ на пространствѣ болѣе 200 километровъ (около 185 верстъ) въ длину; удаленный отъ естественныхъ торговыхъ путей, Занскаръ могъ бы заселиться лишь въ томъ случаѣ, если бы мѣсторожденія мѣдной руды, отъ которыхъ страна и получила свое названіе[1]) и которыя даютъ иногда горнымъ потокамъ огромныя глыбы, катящіяся среди мелкихъ камешковъ[2]), были серьезно разработываемы кашмирцами. На другой сторонѣ цѣпи, гора Спити, или, вѣрнѣе, Пити по произношенію туземцевъ, не менѣе высока, чѣмъ Занскаръ. Средняя высота мѣстоположенія селеній на этой горѣ около 3.900 метровъ, и на всемъ окружающемъ ихъ пространствѣ взоръ почти нигдѣ не встрѣчаетъ деревьевъ; туземцы показывали Вильсону, какъ нѣчто чудесное, единственное абрикосовое дерево, растущее въ ихъ долинѣ. Ущелья, которыми ручей выходитъ изъ горъ, совершенно неприступны, и потому попасть въ долину можно не иначе, какъ черезъ хребты съ страшно крутыми скатами; Бабехскій перевалъ сообщается на югѣ съ долиной Сетледжа, но имъ нельзя пользоваться въ періодъ юго-западнаго муссона, по причинѣ сильныхъ грозъ, разражающихся тамъ въ эту пору года; Манирунгскій проходъ, лежащій на гораздо большей высотѣ, часто бываетъ заваленъ снѣгомъ. Но на западѣ отъ Спити область Дарша менѣе, чѣмъ смежныя страны, заслуживаетъ санскритскаго имени Лагулъ, или „Дикое мѣсто", подъ которымъ она вообще извѣстна; самая верхняя часть ея лежитъ на высотѣ отъ 3.000 до 3.300 метровъ, но затѣмъ мѣстность постепенно понижается къ сѣверо-западу, и всѣ селенія этой области окружены деревьями и пашнями.

Разрѣзанная на своей восточной оконечности широкими долинами и развѣтвляясь на боковые отроги, съ одной стороны къ Инду, съ другой— къ Кашмирской равнинѣ, Занскарская цѣпь снова поднимается, чтобы образовать массивъ, надъ которымъ господствуютъ двѣ равныя горы Нунъ и Кунъ, увѣнчанныя правильными пирамидками. Съ этого массива тоже спускаются многочисленные ледники, на югѣ въ долину Вардванскую, на сѣверѣ въ долины рѣкъ Суру и Драсъ; но къ сѣверо-западу гребень все болѣе и болѣе понижается, представляя многочисленные пороги путешественникамъ, которые отправляются изъ Кашмирской равнины въ верхнюю долину Инда; горный проходъ, посвященный богу Сивѣ, называемый кашмирцами Зоджи-балъ, а тибетцами Зоджи-ла, т. е. перевалъ Зоджи или Драсъ, которымъ вдругъ поднимаешься съ равнинъ юга въ холодныя земли сѣвера, имѣетъ всего только 3.444 высоты; за исключеніемъ размытыхъ водой разрѣзовъ, чрезъ которые проходятъ горные по-

---

[1]) *Al. Cunningham* „Ladak".

[2]) „Memoirs of the Geology of India".

токи, какъ, напримѣръ, верхній Сетледжъ, это наименѣе высокая брешь во всей Загималайской цѣпи; одинъ сосѣдній ледникъ, называемый Мечигой, спускается до линіи 3.300 метровъ, гораздо ниже верхняго пояса пашень [1]). Эта область горъ едва-ли не превосходитъ всѣ другія части Гималайской цѣпи по обилію выпадающихъ снѣговъ. Снѣжные хлопья падали тамъ почти безпрерывно съ октября 1877 года до мая 1878 года, и на перевалѣ Зоджи находили еще въ августѣ мѣсяцѣ много мѣстъ, гдѣ слой снѣга имѣлъ не менѣе 45 метровъ (21 сажень) толщины [2]).

Главный хребетъ, средняя высота котораго отъ 4.500 до 5.000 метровъ (отъ 14.660 до 16.405 футовъ), тянется по сѣверной сторонѣ долины рѣки Киншанъ-ганга или Кришна-ганга (рѣка Кришны), главнаго притока Джилама, и выдѣляетъ изъ себя на сѣверъ многочисленныя отрасли, изъ которыхъ одна служитъ краевою цѣпью широкому плоскогорью Деосай; эта нагорная равнина образуетъ бассейнъ, высотой отъ 3.600 до 4.000 метровъ, наполненный мелкими камнями и крупнымъ пескомъ, которые нѣкогда были отложены ледниковыми потоками, спускавшимися съ окружающихъ горъ; въ настоящее время почти всѣ эти горы уже не достигаютъ своими вершинами границы постоянныхъ снѣговъ. Нѣсколько озеръ разсѣяно въ углубленіяхъ поверхности Деосая, и рѣка Шигаръ, притокъ Инда черезъ Суру, вырывается изъ области горъ на юго-восточномъ углу плато, смывая и унося въ своихъ водахъ гальки, къ которымъ примѣшиваются золотыя блестки. Легко переходимый въ лѣтнюю пору, Деосай, т. е. „Чертово плоскогорье", очень опасенъ зимой, по причинѣ снѣжныхъ бурановъ; растительности на этой возвышенной равнинѣ нѣтъ никакой, кромѣ короткой травы, растущей въ углубленіяхъ ея поверхности, въ лощинахъ и оврагахъ; человѣческаго жилья тоже нигдѣ не встрѣтишь; даже животныя тамъ рѣдки, исключая сурковъ, похожихъ на тарбагановъ центральной Азіи и полуденной Сибири. Эти маленькіе звѣрьки сидятъ на сторожѣ у дверей своихъ норокъ и быстро, со свистомъ, прячутся внутрь жилища при приближеніи путешественниковъ, но какъ только тѣ пройдутъ мимо, тотчасъ же появляются на своемъ наблюдательномъ посту и съ любопытствомъ разглядываютъ незнакомцевъ.

Глубокія долины рѣки Астора, или Газоры, и его притоковъ отдѣляютъ плоскогорье Деосай отъ массива Нанга-Парбатъ, составляющаго какъ бы угольный межевой столбъ Индійской имперіи. Эта гора, одинъ изъ колоссовъ азіатскаго континента, кажется тѣмъ болѣе высокой, что вся западная часть Загималайскаго хребта, за горами Нунъ и Кунъ, не достигаетъ границы постоянныхъ снѣговъ. „Голая гора" — таковъ буквальный смыслъ гиндскихъ словъ Нанга-Парбатъ — или Діярмиръ,

[1]) *Frederic Drew*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Lyddeker* „Report on the Meteorogical Department of India", 1877—1878.

СПИТИ.

возвышается на 2.000 метровъ (6.562 фута) надъ окружающими горами; а съ двухъ сторонъ, восточной и южной, склоны ея, до того крутые, что на нихъ не можетъ задерживаться снѣгъ, развѣ только кое-гдѣ въ углубленіяхъ между скалъ, поднимаются почти вертикальною стѣной надъ ледниками. Почти со всѣхъ горныхъ вершинъ Кашмира колоссъ Нанга-Парбатъ является взорамъ наблюдателя какъ царь пространства; онъ хорошо видѣнъ также и съ равнины черезъ всѣ промежуточные хребты и отроги; изъ Рамнагара, въ Пятирѣчьи, съ разстоянія 330 километровъ (около 310 верстъ) по прямой линіи, Куннингамъ могъ еще различить его на горизонтѣ, въ воздухѣ, очищенномъ отъ пыли водяными парами. Одинъ изъ ледниковъ, изливаемыхъ на сѣверъ снѣжными полями исполина Нанга-Парбатъ, спускается въ долину Астора, близь деревни Таршингъ, до черты 2.865 метровъ; изъ всѣхъ ледяныхъ потоковъ Гималайской системы эта кристаллическая рѣка, вѣроятно, наиболѣе приближается къ уровню равнинъ [1]. Таршинскій ледникъ, питаемый съ той и другой стороны второстепенными глетчерами, а также грудами ледяныхъ обломковъ, сваливающихся, въ видѣ лавинъ, съ выше лежащихъ скалъ, встрѣчаетъ, у своей нижней оконечности, основаніе горы, о которую и опирается вся его масса. Въ 1850 году эта исполинская ледяная рѣка, находившаяся въ то время на гораздо бо́льшей высотѣ, чѣмъ въ наши дни, удерживала въ верхней своей части озеро, имѣвшее слишкомъ 2 километра (около 2 верстъ) въ длину и 90 метровъ (42 сажени) наибольшей глубины. Туземцы, понимая грозящую имъ опасность, поставили караульныхъ у ледника; какъ только показались признаки разрыва ледяной плотины, задерживавшей озеро, всѣ жители убѣжали на сосѣднія высоты, но дома были снесены, поля опустошены хлынувшимъ потокомъ, и вся топографія Асторской долины совершенно измѣнилась послѣ этого потопа. Поверхность льдовъ, на столько плотная до обвала, что по ней можно было даже ѣздить на лошадяхъ, покрылась широкими трещинами и сдѣлалась совершенно непроходимою; но давленіе сверху снова сжимаетъ разошедшіяся части ледяной массы, и рано или поздно образованіе новаго озера, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ имѣть слѣдствіемъ новый потопъ. Когда подготовляется подобная катастрофа, верхніе прибрежные жители увѣдомляютъ нижнихъ о грозящей бѣдѣ посредствомъ посланій, написанныхъ на древесной корѣ [2].

Съ боковъ того же колосса Нанга-Парбатъ въ 1841 году обвалилась цѣлая грань или стѣна горы и совершенно остановила теченіе Инда. Годуинъ Аустенъ, Шау и нѣкоторые другіе путешественники полагали, что эта задержка рѣки происходитъ, вѣроятно, отъ запруды, образован-

[1]) *Frederic Drew*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Henderson* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", III, 1859.

ной ледникомъ Шайока, но такое препятствіе не помѣшало бы Инду, Гильгиту и столькимъ другимъ притокамъ наполнять русло низовья, гдѣ въ то время вода текла маленькимъ ручейкомъ, который прибрежные жители переходили въ бродъ [1]). Какъ вскорѣ послѣ того доказали Монтгомери и Бичеръ [2]), подобное явленіе пересыханія большой рѣки не могло произойти ни отъ чего другаго, какъ только отъ образованія громаднаго завала ниже всѣхъ большихъ верхнихъ притоковъ, т. е. на югѣ отъ рѣки Гильгитъ, и дѣйствительно, тамъ именно, въ мѣстности Гаторъ-Пиръ, близь деревни Горъ, туземцы показывали путешественнику Дрю остатки огромной хаотической груды камней. Когда чудовищный потокъ воды, мелкаго камня и грязи, объемъ котораго Куннингамъ исчисляетъ въ 600 слишкомъ милліоновъ кубич. метровъ, хлынулъ изъ верхнихъ ущелій, небольшая армія сейховъ стояла лагеремъ на берегахъ почти высохшаго ложа Инда, въ сосѣдней съ Аттокомъ части равнины Чачъ. Болѣе пятисотъ человѣкъ были унесены громадною волной потопа, достигавшей 10 метровъ (14 аршинъ) высоты, всѣ селенія, расположенныя на высокихъ берегахъ Инда, были смыты до основанія, теченіе рѣки Кабула было отброшено назадъ верстъ на тридцать вверхъ отъ устья, и вся равнина покрылась слоемъ грязи толщиною болѣе фута.

Горы Чамба и горы Южнаго Кашмира, заключенныя между двумя долинами Сетледжа и Инда и отдѣленныя отъ высокихъ цѣпей внутренней части страны пониженіями, гдѣ текутъ рѣки Чинабъ и Джиламъ, представляютъ не болѣе, какъ второстепенные хребты въ сравненіи съ горами Занскарскими и съ колоссомъ Нанга-Парбатъ. Первые выступы, которые служатъ естественными границами страны, надъ равниной Пятирѣчья, поднимающіеся всего только на 330 до 360 метровъ, представляютъ не болѣе, какъ высокіе холмы, составляющіе продолженіе гряды Сивалика; дикія и каменистыя, перерѣзанныя узкими долинами и оврагами, размытыми горными потоками, во многихъ мѣстахъ лишенныя всякой растительности и вообще нигдѣ не имѣющія никакихъ деревьевъ, кромѣ акацій и ююбы, перемѣшанныхъ съ колючимъ кустарникомъ,— эти непривѣтливыя высоты очень затруднительны для перехода вездѣ, гдѣ нѣтъ еще хорошихъ дорогъ новѣйшей постройки, и современные путешественники повторяютъ тѣ же жалобы, какія высказывалъ Берньє, сопровождавшій императора Ауренгзеба во время его путешествія. Ряды уступовъ или отвѣсныя стѣны образуютъ со стороны дуновъ крутые склоны этихъ внѣшнихъ цѣпей, тогда какъ на сѣверѣ скаты горъ относительно пологи и правильны, т. е. постепенно понижаются; покрывающая ихъ растительность принадлежитъ уже умѣренному поясу, и во

---

[1]) *A. Cunningham* „Ladak".
[2]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal", III, 1859.

время зимы всѣ вершины убѣлены снѣгомъ; тамъ мы вступаемъ въ новый поясъ и путешественникамъ, пріѣхавшимъ изъ Европы, кажется, что они опять очутились въ своемъ отечествѣ; особенно лѣса склоновъ, обращенныхъ на сѣверъ, напоминаютъ растительность западнаго міра [1]). Эти горы, составляющія западное продолженіе Гималая въ собственномъ смыслѣ и разрѣзанныя долинами рѣкъ Сетледжа, Рави, Чинаба, Джилама на неравные отрывки, поднимаютъ свои острокопечныя вершины до средней высоты отъ 3.000 до 4.500 метровъ (отъ 9.840 до 14.660 футовъ); онѣ достигаютъ, слѣдовательно, почти такой же высоты, какъ европейскія Альпы. Панджалъ, т. е. „гора", ограничивающая на югѣ Кашмирскій озерный бассейнъ, составляетъ часть этой цѣпи; она перерѣзана большимъ числомъ проходовъ, которымъ обыкновенно даютъ названіе *Пиръ*, по имени „святыхъ" пустынниковъ, которые поселились у самаго порога переваловъ, чтобы одѣлять благословеніями проходящихъ путниковъ въ обмѣнъ за кое-какіе подарки и остатки отъ жертвоприношеній, совершаемыхъ въ этомъ мѣстѣ въ честь горнаго духа [2]).

Поперечный хребетъ соединяетъ цѣпь Панджалъ съ горами Вардвана, а черезъ нихъ и съ системой Занскара. На западѣ и на сѣверозападѣ горы Каджнагскія и горы, которыя огибаетъ долина рѣки Кишанъ-ганга, дополняютъ амфитеатръ снѣговыхъ вершинъ и горныхъ склоновъ, черныхъ отъ хвойнаго лѣса или зеленыхъ отъ лиственныхъ деревьевъ, пастбищъ, луговъ и полей, которые окружаютъ этотъ земной рай, называемый Кашмиромъ; по мнѣнію геолога Вернера, это по большей части потухшіе вулканы. Только на сѣверной сторонѣ громаднаго овала нѣкоторыя горы достигаютъ границы вѣчныхъ снѣговъ. Самая замѣчательная изъ этихъ горъ—Гарамукъ, откуда можно созерцать одновременно высоко поднимающіяся надъ горизонтомъ снѣговъ двѣ пирамиды колоссовъ Нанга-Парбатъ и Дапсангъ, и далеко внизу, въ подернутой легкимъ паромъ равнинѣ, гладкія, какъ скатерть, окрестности Сринагара, съ ихъ зеленѣющими рощицами, съ ихъ рѣками, извивающимися серебристою лентой, съ ихъ озерами, отражающими небо въ своей зеркальной поверхности. Далѣе горы прерываются долиной рѣки Кишанъ-ганга, затѣмъ долиной Кунгара, потомъ ущельями Инда; но вся страна, за исключеніемъ этихъ разрѣзовъ, уставлена высокими горами, поднимающимися слишкомъ на 4.000 или 5.000 метровъ (13.120 или 16.400 футовъ) надъ уровнемъ моря. На западѣ отъ Инда эти горы тянутся параллельно этой рѣкѣ и ея притоку Сватъ и оканчиваются массивомъ Магабанъ, который, если смотрѣть на него съ равнины, кажется почти уединеннымъ.

---

[1]) *Medlicott* „Memoirs of the Geological Survey of India", vol. III, 1865.
[2]) *Vigne* „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo".

Высота главныхъ горъ и проходовъ Западнаго Гималая, а также высота мѣстоположенія нѣкоторыхъ городовъ:

Раки-Пошъ	7.787	метр.	Нунъ-Кунъ	7.146	метр.
Дапсангъ (Мустагъ) .	8.660	„	Аттокъ, городъ . . .	271	„
Гушарбрумъ	7.840	„	Пиръ-Панджалъ, проходъ.	3.436	„
Проходъ Санги . . .	6.696	„	Банигалъ, проходъ. .	2.806	„
Каракорумскій проходъ	5.654	„	Саджумъ	6.102	„
Гильгитъ, городъ . .	1.515	„	Раваль-Пинди . . .	529	„
Нанга-Парбатъ . . .	8.116	„	Ратанъ-Пиръ. . . .	2.500	„
Каджнагъ.	4.342	„	Брама-Сукулъ . . .	4.711	„
Каргиль, городъ. . .	2.710	„	Джамму	400	„
Гангъ-ла	5.273	„	Чамба	1.003	„
Гарамукъ	4.855	„	Бара-лача.	4.944	„
Магабанъ	2.275	„	Ганле, городъ . . .	4.351	„
Зоджи, проходъ . .	3.444	„	Гіа	7.603	„
Лехъ, городъ. . . .	3.452	„	Лео-Поргіалъ . . .	6.774	„
Сринагаръ, городъ . .	1.595	„			

Кашмирская равнина, какъ извѣстно, одна изъ прекраснѣйшихъ странъ на землѣ; поэты индійскіе и персидскіе воспѣли ее, какъ восхитительное мѣсто, какъ земной рай, и самое имя Кашмира, хорошо извѣстное во всемъ цивилизованномъ мірѣ Запада черезъ литературное преданіе, сдѣлалось синонимомъ страны чудесъ и красотъ природы. Современные путешественники, располагающіе всѣми элементами сравненія, которые имъ даетъ изслѣдованіе, почти полное, поверхности нашей планеты, подтверждаютъ то, что̀ говорили поэты объ этой чудной странѣ, и притомъ, хотя бы даже Кашмирская долина имѣла многочисленныхъ соперниковъ, равныхъ ей по великолѣпію горизонтовъ, люди, обладающіе чувствомъ природы, знаютъ, что нѣтъ страны въ мірѣ, красота которой, вѣрно понятая, не превосходила бы всѣхъ ея описаній, сдѣланныхъ туристами и поэтами, всѣхъ ея картинъ, нарисованныхъ художниками. Впечатлѣніе, испытываемое при видѣ этой роскошной равнины, тѣмъ сильнѣе и глубже, чѣмъ больше контрастъ съ окружающими странами. Исключая того случая, когда проникаешь въ Кашмиръ черезъ живописныя тѣснины, куда низвергается рѣка Джиламъ, въ эту райскую долину можно войти не иначе, какъ трудными, утомительными дорогами, либо переходя черезъ дикія кручи Панджала, либо спускаясь съ сѣверныхъ горъ и плоскогорій, заваленныхъ снѣгами, льдами и каменьями, разметаемыми страшнымъ вѣтромъ, который иногда превращается въ бураны. Послѣ цѣлыхъ недѣль или даже мѣсяцевъ подобнаго странствованія по дикимъ ущельямъ и переваламъ безъ дорогъ, послѣ тяжелаго испытанія непрерывныхъ трудовъ и безпокойствъ, послѣ всевозможныхъ лишеній и

страданій, которыя приходится терпѣть въ становищахъ отъ холода, а подчасъ и отъ голода, вдругъ вступаешь въ этотъ благодатный уголокъ земли, гдѣ, наконецъ, можно будетъ насладиться давно желаннымъ отдыхомъ. Путешественникъ избавляется тамъ даже отъ ходьбы. Достигнувъ береговъ Бегата, — подъ этимъ именемъ извѣстенъ у кашмирцевъ Джиламъ, Витаста арійцевъ, Гидаспъ грековъ, — остается только, чтобы попасть въ городъ Сринагаръ, предоставить себя на волю теченія рѣки. Тогда-то, во время этого плаванія, роскошная Кашмирская долина и показывается во всей своей красѣ. Джиламъ разливается тамъ и сямъ въ видѣ широкаго озера; сквозь занавѣски или группы растущихъ по берегамъ лиственныхъ деревьевъ, платановъ, вязовъ съ широко раскинутыми вѣтвями, высокихъ, стройныхъ тополей, виднѣются поля и разсѣянныя деревеньки, осѣненныя орѣшникомъ и другими фруктовыми деревьями; каждая извилина рѣки перемѣняетъ точку зрѣнія, и всегда вдали на горизонтѣ обрисовывается профиль громады высокихъ горъ и ихъ контрфорсовъ, съ безконечнымъ разнообразіемъ ихъ лѣсовъ и снѣговъ. Города, дворцы, сады повсюду напоминаютъ о пребываніи человѣка, а развалины языческихъ храмовъ или крѣпкихъ замковъ, стоящія на островныхъ пригоркахъ и холмахъ, прибавляютъ къ картинѣ настоящаго перспективу протекшихъ вѣковъ.

Климатъ Кашмира—единственный въ Индіи и походитъ на климатъ Западной Европы, только съ меньшимъ непостоянствомъ. Весна здѣсь наступаетъ быстро, но такъ же, какъ на берегахъ сѣверной части Атлантическаго океана, она сопровождается рѣзкими возвратами внезапныхъ ливней и вѣтра. Самое благодатное время года — это лѣто, продолжающееся съ мая по сентябрь. Даже когда юго-западный муссонъ разражается надъ равнинами Индіи и надъ Гималайскими горами, небо остается чистымъ надъ Кашмиромъ; вдали на горизонтѣ видны дождевыя облака, окутывающія верхушки горъ, но на равнину ливни падаютъ только вслѣдствіе отраженія вѣтровъ, или иногда, послѣ очень жаркаго дня, въ видѣ внезапныхъ грозъ. Лѣтняя температура здѣсь, вообще говоря, выше, чѣмъ въ атлантической Франціи, и въ сосѣдствѣ озеръ и болотъ тучи москитовъ часто увеличиваютъ тягостное чувство, нѣкоторое изнеможеніе, обыкновенно испытываемое иностранцами отъ теплой сырости воздуха. Но большинство европейскихъ резидентовъ, число которыхъ ограничено дипломатическою конвенціей (напримѣръ, на 1882 годъ число это было опредѣлено въ 350), удаляются на лѣто въ какую-нибудь долину окружающихъ горъ, поселяясь среди усѣянныхъ цвѣтами луговъ, гдѣ извиваются прозрачные ручьи. Снѣгъ, граница котораго къ концу осени постепенно понижается на склонахъ горъ, покрываетъ равнину бѣлою пеленой не ранѣе декабря, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ попеременно таетъ и снова появляется; въ эту пору года надъ полями

Кашмира часто стелется густой туманъ; когда смотришь съ высоты холмовъ, образующихъ окружность амфитеатра, носящійся надъ долиной туманъ кажется волнующимся моремъ, словно поверхность обширнаго озера, которое нѣкогда покрывало всю страну. Обычная тишина воздуха составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій кашмирскаго климата; отсюда и происходитъ это удивительное спокойствіе водъ, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражается почти всегда съ совершенною отчетливостью картина деревьевъ, горъ и неба [1]).

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эта равнина дѣйствительно была въ геологическія времена озернымъ резервуаромъ, простиравшимся верстъ на 100 въ длину и верстъ на 60 въ ширину, главная ось котораго шла съ юго-востока, въ томъ же направленіи, какъ и Гималайская система. Впрочемъ, преданія кашмирцевъ и легенды, которыя они разсказываютъ объ исчезновеніи этого древняго озера, не имѣютъ никакого происхожденія въ исторіи и объясняются совершенно естественно самою очевидностью геологическаго факта. Жители равнины, подобно всѣмъ другимъ народамъ земнаго шара, увлеклись въ этихъ преданіяхъ и легендахъ до того, что указываютъ точную эпоху и связываютъ съ именемъ одного героя событіе, которое въ дѣйствительности есть результатъ медленной работы вѣковъ. Почва Кашмира состоитъ изъ аллювіальныхъ земель, смѣшанныхъ съ вулканическимъ пепломъ, продуктомъ изверженія кратеровъ, давно уже потухшихъ, которые господствуютъ надъ одною частью громаднаго амфитеатра [2]). На всей окружности равнины виднѣются геологическіе свидѣтели уровня первобытныхъ береговъ: это такъ называемыя *каревы*, террасы въ 75 до 100 метровъ (около 47 саженъ) средней высоты надъ поверхностью бассейна, опирающіяся, съ одной стороны, на гору, изборожденныя со стороны равнины рытвинами и промоинами, проточенными временными потоками или постоянными ручьями. Барамульское ущелье, черезъ которое вырываются вòды Джилама, представляетъ на своихъ скатахъ подобныя же террасы, т. е. крутые берега древней рѣки, ложе которой было тогда гораздо выше. Въ настоящее время озеро опорожнено: болотистые рвы, сообщающіеся съ рѣкой, маленькое озеро Сринагарское, представляющее попеременно то притокъ Джилама, то резервуаръ для его водъ въ періоды разлива, бассейнъ Манасъ-балъ, защищенный одиноко стоящимъ холмомъ, у подошвы котораго вòды вырыли себѣ впадину въ 14 метровъ глубины, и обширная водная площадь Валара, неопредѣленные берега которой, на югѣ и востокѣ, продолжаются камышами, скрывающими миріады плавающей птицы,—вотъ единственные остатки древняго Кашмирскаго моря. На западѣ и на сѣ-

---

[1]) *Drew; Andrew Wilson*, etc.

[2]) *Verchère* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", III, 1866.

верѣ бассейнъ Валаръ, глубина котораго не превышаетъ 3 или 4 метровъ, омываетъ основаніе горъ и принимаетъ видъ альпійскаго озера, въ родѣ Лемана. Рѣка Джиламъ, несущая въ своихъ водахъ аллювіальную грязь, съ каждымъ годомъ продолжаетъ свои болотистые берега все далѣе и далѣе внутрь озера; безъ всякаго сомнѣнія, верхній потокъ, воздвигающій справа и слѣва плотины своихъ новыхъ береговъ, рано или поздно достигнетъ выходнаго русла, черезъ которое уходитъ истокъ, направляющійся сначала къ Барамульскому ущелью, затѣмъ спускающійся съ порога на порогъ къ равнинамъ Пятирѣчья, лежащимъ на 1.200 метровъ ниже и на разстояніи болѣе 300 километровъ, слѣдуя по теченію рѣки. Мало найдется долинъ болѣе живописныхъ, чѣмъ эти ворота Кашмира, съ ихъ отвѣсными скалами, большими деревьями, крутыми поворотами и шумящими водами.

Населеніе Западнаго Гималая распредѣляется сообразно покатости почвы и теченію рѣкъ. Тогда какъ сѣверо-восточные и сѣверные округа, по причинѣ слишкомъ высокаго положенія ихъ надъ уровнемъ моря, почти совершенно необитаемы, а если гдѣ и обитаемы, то все населеніе ихъ состоитъ изъ рѣдкихъ кочевниковъ, среднія области, гдѣ снѣгъ лежитъ лишь въ продолженіи нѣкоторой части года, имѣютъ уже нѣсколько городовъ и значительныхъ мѣстечекъ въ низинахъ; но жители группируются въ большомъ числѣ только въ Кашмирской равнинѣ и въ широкихъ долинахъ, открывающихся на югъ къ Пятирѣчью.

Вся восточная область, принадлежащая географически еще къ Тибету по высотѣ своихъ плоскогорій и долинъ, принадлежитъ къ нему также по происхожденію своихъ жителей, по языку, которымъ они говорятъ, и по религіи, которую они исповѣдуютъ. Одинъ изъ этихъ народцевъ, до того малочисленный, что въ другихъ странахъ о немъ даже не стоило бы и упоминать, извѣстенъ только своею изолированностью на громадной территоріи. Это племя хампа или чампа, живущее на плоской возвышенности Рупшу. Все населеніе этой области, раскинувшейся на пространствѣ около 10.000 квадр. километровъ (8.880 квадр. верстъ) состоитъ много-много, что изъ 500 душъ кочевниковъ, которые мѣняютъ пастбища четыре раза въ годъ, сообразно перемѣнѣ временъ года, и которые проводятъ зиму въ долинѣ верхняго Инда; главное ихъ становище—деревня Дора, близь тибетской границы, лежащая на высотѣ 4.200 метровъ надъ уровнемъ моря Эти номады, промышляющіе перевозкой товаровъ между Тибетомъ и Ладакомъ, отличаются, какъ и ихъ соплеменники, обитающіе на Тибетскомъ плоскогорьи, веселымъ, ровнымъ характеромъ, хорошимъ расположеніемъ духа, равнодушіемъ и терпѣливостью въ трудахъ и лишеніяхъ, въ нуждѣ и голодѣ; въ мѣстахъ, лежащихъ ниже 3.300 метровъ (10.800 футовъ), они уже чувствуютъ себя

не такъ легко, какъ въ своей родной стихіи: низкая тяжелая атмосфера душитъ ихъ. Кучка будистскихъ монаховъ живетъ также въ монастырѣ Ганле, построенномъ на высотѣ 4.595 метровъ, на крутомъ гребнѣ горъ, который господствуетъ надъ болотистою равниной того же имени; послѣ золотопромывальнаго завода Токъ-ялунъ въ Тибетѣ, это, вѣроятно, самый возвышенный пунктъ Азіи, обитаемый постояннымъ образомъ.

Ладакцы, живущіе въ странѣ Лехъ, на Шайокѣ, верхнемъ Индѣ и Занскарѣ, прибрежные жители по рѣкѣ Сетледжъ, въ Кунаварѣ, обитатели области Спити и большинство жителей Лагула суть, подобно племени хампа или чампа, чистые боды, или тибетцы. Какъ и ихъ соплеменники въ Бодъ-юлѣ (Тибетѣ), ладакцы почти всѣ малорослы и коренасты, съ широкими лицами, выдавшимися скулами, скошенными глазами; они тоже отличаются добродушіемъ, веселостью, трудолюбіемъ, гостепріимствомъ. Такъ же, какъ и прочіе тибетцы, они даютъ господствовать надъ собою ламамъ и строютъ для нихъ монастыри, кумирни и *мани*, украшенныя священною надписью; однако, кажется, въ эти послѣдніе годы пополненіе рядовъ духовенства стало затруднительнѣе, и многіе монастыри опустѣли. Незначительное протяженіе земель задерживаетъ въ Ладакѣ, какъ и въ верхнемъ или нагорномъ Тибетѣ, возрастаніе народонаселенія, и поліандрическіе (многомужніе) браки очень распространены: одна жена служитъ хозяйкой и помощницей въ работѣ сразу нѣсколькимъ братьямъ, сдѣлавшимся наслѣдниками еще при жизни своихъ родителей. Въ самой низкой части страны есть много метисовъ тибетскихъ и другихъ расъ, и до 1871 года они были невольниками правительства; благодаря ходатайству геолога Дрю, они были освобождены, и теперь ничѣмъ не отличаются отъ остальнаго населенія. Единственные люди, которыхъ общественное мнѣніе оставляетъ еще въ состояніи парій и съ которыми брачные союзы воспрещены,—это музыканты и кузнецы; особенно послѣдніе въ большомъ презрѣніи, между тѣмъ какъ во многихъ другихъ странахъ они, напротивъ, составляютъ одну изъ высшихъ кастъ. Безъ сомнѣнія, причину этого презрѣнія ладаковъ къ людямъ, обрабатывающимъ желѣзо, нужно искать въ старинной расовой враждѣ.

Впрочемъ, вліяніе индусовъ на тибетцевъ Ладака обнаруживается уже во многихъ отношеніяхъ; такъ, напримѣръ, послѣдніе теперь уже не выставляютъ своихъ покойниковъ на скалахъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, но сожигаютъ ихъ тѣла, продержавъ трупъ нѣсколько дней подлѣ себя [1]). Что касается ладакскаго языка, то хотя онъ и принялъ въ себя нѣкоторое число словъ санскритскаго происхожденія, но такъ мало отличается отъ тибетскаго, что туземцы обѣихъ странъ не встрѣчаютъ ни малѣйшаго затрудненія при бесѣдѣ другъ съ другомъ; даже

[1]) *Frederic Drew*, цитированное сочиненіе.

нищіе племени халиба, приходящіе изъ провинціи Хамъ, съ восточной окраины собственнаго Тибета, безъ труда объясняются съ ладакцами. Жители области Спити тоже говорятъ чистымъ тибетскимъ языкомъ, но въ провинціи Лагулъ различные идіомы борются изъ за преобладанія съ этимъ языкомъ; въ нѣкоторыхъ долинахъ общеупотребительный діалектъ— бунанъ, приближающійся къ тибетскому нарѣчію, которымъ говорятъ въ верхней долинѣ Сетледжа, но имѣющій свою собственную грамматику; въ другихъ мѣстахъ говорятъ нарѣчіемъ манчатъ, т. е. тибетскимъ языкомъ съ примѣсью идіома гинди и словъ неизвѣстнаго происхожденія; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ господствуетъ тинанъ, образовавшійся, подобно „франкскому языку", изъ смѣшенія различныхъ элементовъ [1]). Въ Лагулѣ ламайской вѣрѣ уже грозитъ сильная опасность со стороны браманскихъ культовъ; большинство ламъ—жрецы только по имени; въ 1878 году только семеро изъ нихъ, на тысячу слишкомъ, занимались религіозными дѣлами. Чтобы умилостивить боговъ, туземцы обращаются къ браминамъ, также какъ и къ ламамъ; въ то же время они молятся деревьямъ и змѣямъ и совершаютъ спеціальные обряды, чтобы призвать на помощь себѣ демоновъ [2]). Христіанство тоже одинъ изъ культовъ, исповѣдуемыхъ въ Лагулѣ съ того времени, какъ въ Кайланѣ, въ одной изъ нагорныхъ долинъ Занскара, поселилась миссія моравскихъ братьевъ (гернгутеровъ) изъ Германіи. Народное образованіе въ Кашмирѣ болѣе распространено между тибетцами, чѣмъ между другими жителями края; большинство тибетцевъ грамотны; они легко чертятъ грубыя карты и служатъ отличными проводниками для англійскихъ топографовъ; одна монахиня лагульскаго монастыря научилась даже, по словамъ Гаркура, вычислять время наступленія солнечныхъ и лунныхъ затмѣній.

Племя балти, или балти-па, живущее къ западу отъ Тибета по рѣкамъ Шайоку, Инду и его притоку Суру, по мнѣнію большинства путешественниковъ, посѣтившихъ мѣста его поселенія, имѣетъ то же происхожденіе, что и ладакцы: балты, или балтистанцы, также говорятъ тибетскимъ діалектомъ, мало отличающимся отъ другихъ, и, что̀ еще важнѣе съ точки зрѣнія расовыхъ признаковъ, они имѣютъ вообще такую же форму тѣла и лица, какъ и жители Ладака, именно выдавшіяся скулы и скошенныя вѣки. Главныя отличія, замѣчаемыя между балтистанцами и ихъ сосѣдями, ладакскими тибетцами, происходятъ, вѣроятно, отъ болѣе теплаго климата, въ которомъ они живутъ, и отъ обращенія ихъ въ магометанство, бывшаго причиной глубокихъ измѣненій въ образѣ жизни. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что было также смѣшеніе расъ и что арійскій элементъ сильно представленъ у балтистанцевъ; г. Уйфальви

---

[1]) *Wilson* „Abode of Snow"; *Harcourt* „Journal of the Geographical Society of London", vol. XLI, 1871.

[2]) *Harcourt*, цитированное сочиненіе.

даже встрѣчалъ тамъ туземцевъ, принадлежащихъ, какъ онъ полагаетъ, къ арійской расѣ менѣе смѣшанной, чѣмъ сопредѣльныя племена, дарду или дардистанцы[1]). Какъ бы то ни было, у балтистанцевъ носъ менѣе приплюснутый, чѣмъ у жителей Ладака, и борода гуще обросла волосами; они выше ростомъ и менѣе коренасты. Смѣшеніе крови разныхъ расъ проявляется также и въ характерѣ балтовъ: у нихъ нѣтъ трогательной кротости, добродушія и неизмѣнной веселости тибетцевъ; они менѣе великодушны и болѣе ловки, болѣе изворотливы, хотя, впрочемъ, далеко не обладаютъ такимъ сильнымъ развитымъ духомъ торговли, какъ кашмирцы, и даже въ своемъ собственномъ отечествѣ даютъ себя эксплуатировать эмигрантамъ этой націи. Они очень любятъ сильныя тѣлесныя упражненія, и въ ихъ странѣ, также какъ въ Дардистанѣ, предаются со страстью игрѣ поло (недавно введенной и въ Англіи), въ которой всадники, вооруженные лаптами, перебрасываютъ другъ другу мячикъ. Магараджа кашмирскій набираетъ большое число своихъ солдатъ въ Балтистанѣ, и одинъ изъ его полковъ состоитъ исключительно изъ уроженцевъ этого края, одѣтыхъ по шотландски. Обращенные въ магометанскую вѣру миссіонерами изъ Хорассана, балтистанцы принадлежатъ къ шіитской сектѣ ислама, но къ нимъ закрались также многіе обычаи и обряды индусовъ; такъ, напримѣръ, у нихъ существуютъ рѣзко разграниченныя касты—каста духовныхъ, или муллъ, каста земледѣльцевъ и каста ремесленниковъ[2]). Многомужіе у нихъ не въ обычаѣ, но, какъ и всѣ другіе магометане, они приняли многоженство, и женщина, пользующаяся такою свободой въ Ладакѣ, порабощена и ходитъ подъ покрываломъ въ Балтистанѣ. Узкія долины недостаточны для прокормленія скученнаго въ нихъ населенія, живущаго въ большой нуждѣ; вслѣдствіе этого, каждый годъ большое число балтовъ принуждены покидать родину и искать заработковъ на чужбинѣ, въ китайскомъ Туркестанѣ, въ Сринагарской равнинѣ, даже въ Пенджабѣ, и особенно въ Симлѣ и ея окрестностяхъ, вездѣ, гдѣ англичане нуждаются въ каменьщикахъ, землекопахъ, чернорабочихъ. Они отправляются въ отхожій промыселъ цѣлыми партіями, неся грузы сушеныхъ абрикосовъ, которые и распродаютъ по дорогѣ; затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда на чужбинѣ, когда заработаютъ маленькую деньгу, они возвращаются на родину съ новою ношей товаровъ, большею частью мѣдной посуды, которая очень цѣнится въ Балтистанѣ.

Внизъ отъ Балтистана лежитъ страна племени дарду, или дардистанцевъ, которые живутъ въ долинѣ Инда, на всемъ протяженіи кривой, которую эта рѣка описываетъ вокругъ массива Нанга-Парбатъ; они населяютъ на сѣверо-западѣ бассейнъ Гильгита и по ту сторону отро-

[1]) „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1881; „Bulletin de la Société de la Geographie", 1882.

[2]) *Biddulph*, цитированное сочиненіе.

говъ Гинду-куша, на покатости рѣки Кабулъ, области Мастуджъ и Читраль; кромѣ того, они занимаютъ, разсѣянные колоніями, верхнюю долину рѣки Кишанъ-ганга и нѣкоторыя части береговъ Инда и область Драсъ въ предѣлахъ Балтистана; даже въ окрестностяхъ Леха многія деревни населены дардами, происходящими изъ Гильгита, по ихъ собственному преданію. Путешественники и антропологи единогласно причисляютъ къ такъ называемымъ „арійскимъ" народностямъ различныя племена Дардистана, каковы бы ни были ихъ политическое устройство, ихъ нравы и религіозная секта, къ которой они принадлежатъ; но кажется маловѣроятнымъ, чтобы всѣ народцы этой страны состояли между собою въ близкомъ племенномъ родствѣ, какъ это допускалъ Лейтнеръ, первый изслѣдователь Гильгитской долины [1]); ибо между ними есть такіе, которые значительно разнятся внѣшнимъ видомъ, и ихъ языки, хотя „арійскаго" происхожденія, тѣмъ не менѣе весьма различны [2]). Однако, дардистанцы, извѣстные у ихъ сосѣдей тибетскаго происхожденія подъ именемъ Брокъ-па, т. е. „жители возвышенностей", или „горцы", составляютъ совершенно опредѣленную этнографическую группу. Разсматриваемые вообще, они по большей части средняго роста, сильны, хорошо сложены; лобъ у нихъ прямой, носъ орлиный, черты лица грубоваты, но представляютъ европейскій овалъ. Дарды не уступаютъ балтамъ ни смышленостью, ни мужествомъ и, сверхъ того, отличаются большою любовью къ независимости.

Раздѣленіе народа на касты сохранилось еще въ полной силѣ въ Дардистанѣ и, также какъ въ собственной Индіи, первоначальное происхожденіе этого порядка нужно, конечно, искать въ томъ фактѣ, что обыкновенно народы завоеватели образовали новый слой населенія, возвышавшійся надъ завоеванными народами. Самая почетная каста—это каста роновъ, уважаемая наравнѣ съ царствующими фамиліями въ различныхъ государствахъ Дардистана, гдѣ они имѣютъ пребываніе преимущественно въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Гильгитъ, или Гилитъ; туземные государи, или раджи, обыкновенно выбираютъ своихъ министровъ изъ среды этой касты. За ронами слѣдуютъ, по степени важности и почета, шины, которые составляютъ большинство въ прибрежныхъ государствахъ Инда, лежащихъ къ западу отъ массива Нанга-Парбатъ, и въ одной части верхняго теченія Гильгита, но которые вездѣ въ другихъ мѣстахъ малочисленны, тѣмъ не менѣе, отъ нихъ вся страна получила названіе Шинкари, т. е. „земли шиновъ"; по всей вѣроятности, это тѣ же самые шины, о которыхъ упоминаютъ законы Ману и Магабгарата [3]) и которыхъ старинные европейскіе комментаторы этихъ памятниковъ смѣ-

[1]) „The Languages and Races of Dardistan".
[2]) *Biddulph*, цитированное сочиненіе.
[3]) *Vivien de Saint-Martin*; *Rawlinson*; *Yule*.

шивали съ китайцами (по созвучію ихъ имени со словомъ China, Китай). Нѣкогда они обитали ниже въ долинѣ Инда, но затѣмъ были мало-помалу оттѣснены къ области снѣговъ; нѣкоторыя территоріи, лежащія внизъ отъ округовъ, населенныхъ въ настоящее время шинами и не имѣющихъ другихъ жителей, кромѣ племенъ афганской расы, все еще считаются составляющими часть страны Шинкари. Гордые своимъ происхожденіемъ, шины никогда не унижаются до ремесла носильщика и смотрятъ на земледѣліе и охоту, какъ на единственныя достойныя ихъ занятія; говорятъ, они до крайности скупы: почти всякій изъ нихъ имѣетъ свое потаенное мѣстечко въ горахъ, куда и относитъ украдкой цѣнныя вещи, монеты, мѣдные сосуды, женскія украшенія. Хотя магометане, они никогда не ѣдятъ ни говядины, ни мяса птицъ, не пьютъ коровьяго молока, не употребляютъ коровьяго масла и даже ни за что не прикоснутся къ сосуду, содержащему молоко или масло; это воздержаніе есть, быть можетъ, остатокъ браманскихъ обычаевъ; но, вмѣсто того, чтобы уважать корову, какъ это дѣлаютъ индусы, они питаютъ къ ней нѣчто въ родѣ ужаса, чувство, подобное тому, какое испытываетъ магометанинъ въ отношеніи поросенка; по ихъ вѣрованію, если кто-нибудь положитъ коровью кожу въ источникъ, то непремѣнно разразится буря. До новорожденныхъ телятъ они дотрогиваются не иначе, какъ палкой, а многіе даже отдаютъ корову и ея сосуна на все время кормленія молокомъ своимъ сосѣдямъ низшей касты. Эти послѣдніе, яшкупы или ешкуны, называющіе сами себя буришами, буришасками, уришками, образуютъ огромное большинство дардовъ; они составляютъ почти все населеніе Гунзы, Нагара, Ясина и превосходятъ численностью всѣ другія касты въ земляхъ Гильгитъ, Дарель и Асторъ; масса земледѣльческаго населенія состоитъ изъ яшкуновъ. Въ то время, какъ шины могутъ жениться на яшкунскихъ дѣвушкахъ, яшкуны не имѣютъ права искать себѣ женъ въ высшей кастѣ [1]); оттого у нихъ семьи наименѣе смѣшаны. Четвертая каста, такъ называемые кремины, соотвѣтствуетъ индусскимъ судрамъ; между ними встрѣчаются гончары, мельники, ремесленники всякаго рода, впрочемъ, вообще немногочисленные въ этой дикой странѣ, они, вѣроятно, происходятъ отъ туземцевъ, которые всего легче покорились господству завоевателей. Что касается касты думовъ, которая встрѣчается подъ разными наименованіями во всѣхъ владѣніяхъ Кашмирскаго магараджи, то они до сихъ поръ еще остаются, передъ другими жителями, на положеніи побѣжденныхъ. Кузнецы и живодеры принадлежатъ къ этой кастѣ; но, какъ музыканты, они увеселяютъ всѣ празднества: это мѣстные цыганы.

За исключеніемъ ладакскихъ дардовъ, сдѣлавшихся буддистами,

[1]) *Leitner*, цитированное сочиненіе.

ЖЕНЩИНЫ ТИБЕТСКАГО ЛАДАКА.

какъ и ихъ сосѣди, всѣ народцы, носящіе это имя, принадлежатъ къ исламу; но въ то время, какъ одни исповѣдуютъ суннитство, другіе придерживаются шіитскаго толка или являются послѣдователями секты моллай, т. е. „божественныхъ"; кромѣ того, остатки древняго идолопоклонства сохранились еще въ очень многихъ селеніяхъ, особенно въ полуденной области Дардистана, близъ афганской границы. Чиласы, живущіе на западныхъ склонахъ массива Нанга-Парбатъ, говорятъ, въ качествѣ новообращенныхъ, наибольшіе фанатики изъ магометанъ этой страны; ревностные сунниты, они отрубаютъ головы попавшимся въ ихъ руки шіитамъ; они не довольствуются обращеніемъ въ рабство своихъ плѣнниковъ изъ иновѣрцевъ, какъ это дѣлаетъ большинство другихъ независимыхъ племенъ Дардистана. Что касается раджей Ясина и Гунзы, въ верхнемъ бассейнѣ Гильгита, то они не только порабощаютъ своихъ военноплѣнныхъ, но еще ведутъ торгъ людьми, и за неимѣніемъ чужеземцевъ, продаютъ своихъ собственныхъ подданныхъ или обмѣниваютъ ихъ на собакъ [1]); бадахшанскіе торговцы уводятъ плѣнниковъ за Гиндукушъ, въ земли по Аму-Дарьѣ; по словамъ Биддульфа, можно безъ преувеличенія сказать, что изъ числа жителей, достигшихъ 40-лѣтняго возраста, почти половина служила, въ качествѣ невольниковъ, впродолженіи значительной части своего существованія. Эти войны, предпринимаемыя спеціально съ цѣлью захвата людей въ плѣнъ, и большія экспедиціи кашмирскихъ армій, иногда побѣдоносныя, иногда отражаемыя, имѣли слѣдствіемъ обезлюдненіе страны. Въ провинціи Гильгитъ, населеніе которой теперь не превосходитъ 4.500 душъ, въ прежнее время число жителей должно было быть въ шесть или семь разъ болѣе значительнымъ, если судить по распаханнымъ террасамъ, нынѣ заброшеннымъ, которыя видны повсюду на склонахъ горъ [2]). Многочисленныя надписи (еще не разобранныя), вырѣзанныя на скалахъ съ обѣихъ сторонъ долины, свидѣтельствуютъ о древней цивилизаціи гильгитской земли, а выше, въ области Ясинъ, встрѣчаются сложенные кругами камни, въ родѣ тѣхъ, какіе находятъ въ Бретани. Между гималайскими странами мало такихъ, которыя имѣли бы болѣе благодатный климатъ и были бы отъ природы болѣе плодоносны, чѣмъ долина рѣки Гильгитъ. Прибрежныя равнины, средняя высота которыхъ не превышаетъ 1.500 метровъ, даютъ всѣ произведенія умѣреннаго пояса, и кромѣ того, тамъ воздѣлываютъ кукурузу, хлопчатникъ, фиговое, гранатовое, шелковичное дерево. Гильгитскія шелковыя ткани, чистыя или съ примѣсью шерсти или бумаги, отличаются большою прочностью.

Съ 1847 года, эпохи, въ которую англійскіе офицеры Юнгъ и

---

[1]) *Becher* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", III, 59.
[2]) *Biddulph*, цитированное сочиненіе.

Ванс-Эгню перешли черезъ Индъ у Бунджи, иначе Бованджи, Гильгитская долина стала извѣстна европейцамъ; Лейтнеръ, Дрю, Биддульфъ прошли ее въ разныхъ направленіяхъ или даже жили тамъ нѣкоторое время. Другой путешественникъ, Гейвардъ, былъ убитъ тамъ, въ 1870 году, близъ деревушки Даркотъ, и тѣло его, выкупленное его соотечественниками, похоронено подъ группой деревьевъ, подлѣ стѣнъ Гильгита. Въ настоящее время кашмирскія крѣпостцы, похожія на средневѣковыя феодальныя сооруженія Запада, съ ихъ зубчатыми стѣнами, четырехугольными башнями и башенками, командуютъ деревнями Бунджи, Сай, Гильгитъ, Шеръ, ихъ полями и фруктовыми садами; но живущія далѣе, за этими укрѣпленіями, дардскія племена платятъ лишь незначительную дань магараджѣ, или даже совершенно независимы въ политическомъ отношеніи. На сѣверѣ, нагарское племя, живущее на полночной сторонѣ массива Раки-Пошъ, не съумѣло заставить уважать себя и находится въ зависимости отъ своихъ болѣе воинственныхъ сосѣдей; заключенное между жителями Гильгита, на югѣ, и жителями Гунзы, на сѣверѣ, оно не дерзаетъ защищаться и платитъ обоимъ сосѣдямъ дань, состоящую изъ золотаго песку и абрикосовъ. Напротивъ, Гунзы, которые занимаютъ долины Гинду-куша, до границъ Сириколя, въ китайскомъ Туркестанѣ, славятся своею храбростью, но въ то же время наводятъ страхъ своими разбойничьими привычками; они грабятъ караваны, которые не платятъ имъ транзитной пошлины, и часто дѣлаютъ набѣги на сопредѣльныя территоріи. На сѣверо-западѣ Пуніала, данника кашмирскаго магараджи, Ясинъ, защищенный своими почти непроходимыми ущельями и своими дикими горами, почти во всѣ времена сохранялъ самостоятельное политическое существованіе, но подъ тяжелымъ деспотизмомъ раджи. Въ этой области Гималая двѣ державы, оспаривающія другъ у друга господство надъ мусульманскою Азіей, англійская Индія и Россія, наиболѣе приближаются одна къ другой своими вассальными владѣніями. Цѣпь горъ да нѣсколько узкихъ долинъ составляютъ въ этомъ мѣстѣ раздѣльный поясъ между двумя имперіями.

Дардскія племена, живущія на неизслѣдованныхъ еще берегахъ Инда, между сліяніемъ этой рѣки съ ея притокомъ Асторомъ и землей Газарой, какъ кажется, всего лучше сохранили старые нравы и преданія, хотя многія изъ нихъ бѣжали сюда изъ афганскихъ долинъ. Территорія ихъ получила названіе Ягестана, т. е. „непокорной“ страны, за то, что никогда не подчинялась ничьей власти [1]). Племена или роды чиласи, коли, гербанди, сазини, паласи, на восточной сторонѣ рѣки, гудари, дарели, тангири, кандіа, сео, путтунъ, на западной сторонѣ, и многія другія составляютъ столько же маленькихъ республикъ; одна изъ такихъ

[1]) *Biddulph*, цитированное сочиненіе.

вольныхъ общинъ состоитъ всего изъ семи дворовъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Биддульфомъ, англійскимъ резидентомъ въ Гильгитѣ, общее число способныхъ къ работѣ жителей мужскаго пола во всемъ Ягестанѣ простирается до 63.600 человѣкъ, такъ что все населеніе можно считать, по меньшей мѣрѣ, въ 300.000 душъ. Мужчины каждаго селенія, старые и молодые, созываемые барабаннымъ боемъ, собираются на мірской сходъ, или *сига*, и обсуждаютъ всѣ общія дѣла; громкій свистокъ возвѣщаетъ конецъ собранія, и толпа расходится по домамъ, оставляя *джуштеровъ*, или выборныхъ, опредѣлить подробности исполненія принятыхъ рѣшеній схода; граждане, неявившіеся на собраніе, должны платить штрафъ. Если хоть одинъ изъ присутствующихъ протестуетъ противъ общаго рѣшенія, обсуждаемый вопросъ откладывается до другого раза; сколько-нибудь важныя рѣшенія должны быть постановляемы единогласно. Когда рѣчь идетъ о дѣлахъ, касающихся всей республики или вольной общины, совѣщательное собраніе состоитъ изъ выборныхъ отъ деревень; но эти джуштеры обязаны докладывать о принятомъ рѣшеніи мірскимъ сходамъ въ важныхъ обстоятельствахъ. Въ случаѣ нашествія чужеземцевъ, общины соединяются противъ врага. Такъ какъ главное богатство этихъ горцевъ состоитъ въ стадахъ овецъ, то они часто бываютъ вынуждены водить свой скотъ на пастбища, принадлежащія другимъ племенамъ, именно въ землю Ясинъ, и должны платить за это дань, состоящую изъ соли, табаку, золотаго песку или животныхъ; но эта плата за право пользованія не влечетъ за собою никакой зависимости. Такъ, Тангиръ, состоящій въ частыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Ясиномъ, хвалится тѣмъ, что онъ служитъ мѣстомъ убѣжища для всѣхъ царьковъ этой страны, лишившихся власти вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ, но самъ онъ всегда отражалъ съ успѣхомъ набѣги, предпринятые на его территорію, и тангирцы не позволяютъ своимъ дѣвушкамъ вступать въ бракъ съ ясинцами, по причинѣ рабства, господствующаго въ землѣ послѣднихъ. Въ нагорныхъ долинахъ Свата, извѣстныхъ болѣе спеціально подъ именемъ Когистана, которое иногда даютъ и всей „Непокорной“ землѣ въ совокупности, главные кланы, торвалики и бушкары также принадлежатъ къ племени дарду, но они не сохранили своей политической независимости, какъ ихъ единоплеменники, обитающіе въ дикихъ прибрежныхъ долинахъ Инда. Магометане шіитскаго или суннитскаго толка, дарды, какъ покоренные, такъ и непокорные, имѣютъ еще много обычаевъ, несогласныхъ съ шаріатомъ. Такъ, женщины ходятъ съ открытымъ лицомъ и пользуются большою свободой. Точно также муллы, на обязанности которыхъ лежитъ и отправленіе правосудія, должны сообразоваться, при разбирательствѣ дѣлъ, съ національными преданіями. Убійства, составляющія, впрочемъ, очень рѣдкое явленіе, не наказуются общиной; право возмездія предоставляется родственникамъ жертвы, которые должны сами

*

пролить кровь за кровь. У большинства племенъ мужчины и женщины держатся совершенно особнякомъ другъ отъ друга съ мая по сентябрь; это сезонъ военныхъ экспедицій, и по общераспространенному понятію у воинственныхъ народовъ, до эллиновъ и албанцевъ включительно, побѣда всегда принадлежитъ наиболѣе цѣломудреннымъ [1]).

Различныя племена имѣютъ каждое свой особенный діалектъ или областное нарѣчіе, связанное съ кашмирскимъ языкомъ говорами населеній западнаго Джилама; одинъ только языкъ, буришки, которымъ говорятъ въ Гунзѣ, Нагарѣ, Ясинѣ — „туранскаго“ происхожденія, по Биддульфъ не думаетъ, чтобы его можно было причислить къ тюркскимъ идіомамъ. У всѣхъ дардовъ пушту афганцевъ сдѣлался цивилизованнымъ языкомъ. На югѣ Путтуна, самой цвѣтущей республики Ягестана, пушту есть единственный языкъ, который тамъ употребляютъ; населеніе всей земли Бонеиръ, также какъ и населеніе нижней долины Свата, чисто афганское, а потому и языкъ мало отличается отъ того, которымъ говорятъ въ Кабулистанѣ. Нельзя сказать того же о лѣвомъ берегѣ Инда. Жители этой области ущелій, выше „Воротъ“, или Дербента, извѣстны подъ именемъ гимча, или „метисовъ“, и чистокровные афганцы отказываются вступать въ бракъ съ ихъ дочерьми или брать ихъ союзниками въ своихъ военныхъ экспедиціяхъ. Одна колонія на правомъ берегу, называемая Палоса или Паруса, состоитъ изъ непримиримыхъ враговъ Англіи, вагабитовъ, пришедшихъ изъ Индіи и содержимыхъ на счетъ ихъ единовѣрцевъ. Въ числѣ около пятисотъ человѣкъ, они упражняются въ искусствѣ владѣть оружіемъ, строютъ укрѣпленія, посылаютъ своихъ лазутчиковъ и пророковъ во всѣ части мусульманской Азіи [2]). Такимъ образомъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ англійской границы, внѣшніе враги, предпринявшіе нападеніе на Индію, нашли бы союзниковъ въ „Непокорной“ землѣ. Недавно духовный глава суннитскихъ клановъ Свата, носящій титулъ ахунда, пріобрѣлъ-было почти неоспоримый авторитетъ надъ своими единовѣрцами въ Афганистанѣ и въ областяхъ по теченію Инда; къ нему являлись посольства изъ всѣхъ частей Индіи и даже изъ Константинополя.

Верхняя долина Гидаспа или Джилама имѣетъ, какъ и другіе рѣчные бассейны этой области Гималайскихъ горъ, свое особенное населеніе. Кашмирцы, которые дали свое имя всему царству, но которые теперь сами повинуются иноплеменнымъ властителямъ, населяютъ озерную равнину, черезъ которую протекаетъ Гидаспъ выше Барамульскаго ущелья, и встрѣчаются лишь немногочисленными колоніями за предѣлами этой узкой области. Съ физической точки зрѣнія, кашмирцы или кашури, какъ

[1]) *Frederic Drew; Biddulph*, цитированныя сочиненія.
[2]) *Biddulph*, цитированное сочиненіе.

они сами себя называютъ, едва ли не самые красивые изъ индусовъ: средняго роста, хорошо сложенные, статные, ловкіе и сильные, они въ то же время имѣютъ, вообще говоря, черты лица правильныя, лобъ высокій, носъ слегка орлиный, губы тонкія, глаза каріе и кроткіе. Что бы ни говорилъ Жакмонъ, кашмирскія женщины, заслуживающія репутацію красоты, которою онѣ пользуются во всей Индіи, очень многочисленны; онѣ отличаются въ особенности благородствомъ и чистотой чертъ лица, которыя онѣ сохраняютъ даже въ старости. Понятливость, умъ, остроуміе, вкусъ кашмирцевъ извѣстны во всей Индіи; но какъ бѣдный, угнетенный народъ, живущій въ равнинѣ, куда завоеватели могутъ безпрепятственно спускаться со всѣхъ окружающихъ горъ, они не имѣютъ, для защиты своей независимости, инаго оружія, кромѣ оружія слабыхъ — хитрости и лести: они пресмыкаются передъ своими господами, которые едва оставляютъ имъ изъ всего сбора плодовъ земныхъ долю необходимую, чтобы спасти ихъ отъ голодной смерти.

Индусы по расѣ, кашмирцы говорятъ языкомъ „арійскаго“ происхожденія, словарь котораго на двѣ трети состоитъ изъ словъ персидскаго и санскритскаго происхожденія, тѣмъ не менѣе, иностранцы съ трудомъ выучиваются этому языку; непосредственную связь онъ имѣетъ лишь съ идіомами, которыми говорятъ на юго-востокѣ, въ верхней долинѣ Чинаба; только черезъ ихъ посредство можно признать родственныя черты между сринагарскимъ парѣчіемъ и пенджабскими говорами [1]). Впрочемъ, кашмирцы усвоиваютъ съ величайшею легкостью діалекты своихъ повелителей; почти всѣ они говорятъ языкомъ догри, или индостанскимъ, многіе знаютъ персидскій, который на Востокѣ играетъ такую же роль, какъ французскій на Западѣ, и со временъ Великаго Могола сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ кашмирскаго двора. Одна только каста этой страны сохранила, вмѣстѣ съ своею религіей, воспоминаніе о своемъ происхожденіи: это каста брамановъ, которыхъ обыкновенно называютъ „пандитами“, какъ будто бы они заслуживали этого наименованія, присвоеннаго ученымъ собственной Индіи; по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ публичные писаря или писцы въ правительственныхъ учрежденіяхъ; другіе занимаются торговлей, но земледѣльца или чернорабочаго между ними нѣтъ ни одного. Несмотря на обращеніе огромнаго большинства народа въ магометанскую вѣру, кастовый порядокъ сохранился для различныхъ профессій; но здѣсь онъ далеко не такъ строго соблюдается, какъ въ браманской Индіи, что происходитъ, можетъ быть, оттого, что арійская иммиграція имѣла мѣсто ранѣе строгаго раздѣленія классовъ у народовъ Индустана [2]). Одна только каста считается совер-

[1]) *Frederic Drew*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Hunter* „Annals of Rural Bengal“.

шенно нечистою—каста баталовъ; если бы баталъ дерзнулъ призвать имя Аллаха, то на это посмотрѣли бы, какъ на богохульство. Это, вѣроятно, какъ и думы въ Дардистанѣ, потомки побѣжденныхъ аборигеновъ. Говоръ ткачей шалей тоже представляетъ, какъ говоритъ Лейтнеръ, значительный запасъ словъ, происходящихъ отъ идіома, предшествовавшаго другимъ языкамъ Сѣверо-западнаго Индустана [1]).

На западѣ и юго-западѣ Кашмирской равнины гористая область, по которой протекаетъ рѣка Гидаспъ, или Джиламъ, соединенная съ Кишанъ-гангой, населена преимущественно чибалами, т. е. раджпутскими эмигрантами, принявшими магометанство. Религія и различныя перемѣны, бывшія ея слѣдствіемъ, даютъ основаніе отличать чибаловъ отъ ихъ восточныхъ сосѣдей догровъ, браманскаго культа, живущихъ у подошвы горъ на обоихъ берегахъ Чинаба, въ странѣ, которая по ихъ имени называется Дугаръ. Идіомы этихъ двухъ племенъ, чибали и догра, принадлежащіе тотъ и другой къ семьѣ индусскихъ языковъ, немного разнятся между собою, но сливаются, отъ округа къ округу, постепенными переходами. Не смотря на равенство, провозглашаемое исламомъ, чибалы сохранили даже касты, происхожденіе которыхъ нужно искать либо въ племенной враждѣ, либо въ различіи профессій. Масса земледѣльцевъ до сихъ поръ состоитъ изъ порабощенныхъ джатовъ, потомковъ прежнихъ обладателей страны, тогда какъ другія племена, переселившіяся въ край послѣ завоеванія его, все еще считаются какъ бы имѣющими нѣкоторое преимущество, привилегированными. Господствующій классъ, раджпуты, гордящіеся своими воинственными привычками, гнушаются, по большей части, всякаго ручнаго труда, ремесла или торговли; они предпочитаютъ служить либо въ качествѣ солдатъ, либо въ качествѣ чиновниковъ, и вообще они внушаютъ къ себѣ страхъ своимъ буйствомъ или ненависть своимъ чванствомъ. Впрочемъ, они во многихъ отношеніяхъ перемѣнились со времени своего переселенія въ край изъ Раджпутаны и давно уже ихъ не обвиняютъ болѣе въ практикованіи обычая дѣтоубійства, именно умерщвленія новорожденныхъ дѣвочекъ. Что касается раджпутовъ магометанъ, то они мало ревнуютъ о вѣрѣ; въ прежнее время нерѣдко бывали случаи, что они женились на индускахъ, позволяя имъ приносить съ собою своихъ домашнихъ идоловъ; нѣкоторыя святыя мѣста, куда ходятъ на богомолье, посѣщаются одинаково какъ индусами, такъ и мусульманами. Еще недавно исламъ, говорятъ, мало-по-малу распространялся между населеніями Даманъ-и-Коха; теперь, кажется, происходитъ скорѣе обратное явленіе: браманскія вліянія опять получаютъ перевѣсъ [2]).

На востокѣ и юго-востокѣ отъ Кашмирской равнины, различныя

---

[1]) „Anjuman-i-Punjab", jan. 4, 1882; „Allen's Indian Mail", febr. 27.
[2]) *Frederic Drew*, цитированное сочиненіе.

долины, имѣющія скатъ къ Чинабу, и берега этой рѣки тоже населены племенами, у которыхъ разнородные этническіе элементы расположились одинъ надъ другимъ въ видѣ кастовыхъ наслоеній; эти племена извѣстны у ихъ сосѣдей подъ общимъ именемъ пагари, или „горцевъ". Чертами лица и станомъ пагари походятъ на пенджабскихъ индусовъ, но образъ жизни, который они ведутъ, сдѣлалъ ихъ болѣе сильными и болѣе выносливыми; нарѣчія, которыми они говорятъ,—впрочемъ, непонятныя, дограмъ и другимъ жителямъ сосѣдней равнины,—указываютъ на переходъ между кашмирскимъ и пенджабскими языками. Въ каждой долинѣ свой особенный говоръ, такъ что „горцы", живущіе на разстояніи какихъ-нибудь 30 километровъ, уже не понимаютъ другъ друга.

Кромѣ осѣдлыхъ народцевъ, живущихъ земледѣліемъ и садоводствомъ, въ Пагарѣ, или „Горной" области, есть также племена, которыя регулярно мѣняютъ свое мѣстопребываніе, смотря по времени года. Таковы гадды, пастухи, держащіе стада овецъ и козъ; ихъ постоянныя селенія находятся въ горахъ, но лѣтомъ они спускаются со своими стадами на внѣшніе холмы, къ границамъ равнины. Гуджары, напротивъ, живущіе въ низменныхъ мѣстностяхъ, гоняютъ свои стада буйволовъ къ горнымъ пажитямъ на нѣсколько мѣсяцевъ лучшаго времени года. Дровосѣки, которые рубятъ бревна деодара (гималайскаго кедра) въ лѣсахъ и сплавляютъ ихъ по теченію Чинаба, тоже ведутъ кочевую жизнь, спускаясь періодически изъ верхнихъ холодныхъ областей въ равнины Пятирѣчья. Нѣкоторыя группы „горцевъ" принадлежатъ къ исламу; на сѣверо-востокѣ небольшое число семействъ осталось буддистами, какъ ихъ сосѣди, жители Лагула; но огромное большинство племенъ придерживается индусскихъ культовъ, сохранивъ, однако, многіе обряды древнихъ религій. Въ Падарѣ, на верхнемъ Чинабѣ, до сихъ поръ еще воздвигаются храмы *нагъ-девтамъ*, „богамъ-змѣямъ", почитаемымъ наравнѣ съ другими божествами индійскаго пантеона. Въ Драгарскихъ горахъ, возвышающихся на западѣ отъ Чинаба, желѣзоплавильщики никогда не пробуютъ плавильную печь безъ того, чтобы не воздвигнуть предварительно на какомъ-нибудь сосѣднемъ пригоркѣ жертвенникъ богу Драгару, для сожиганія въ честь его очищеннаго коровьяго масла; они оставляютъ на жертвенникѣ ложки, употребляемыя при жертвоприношеніи, и окружаютъ его желѣзными трезубцами и камнями причудливыхъ формъ [1]).

Въ Ладакѣ нѣтъ городовъ, за исключеніемъ Леха, столицы бывшаго королевства, присоединеннаго теперь къ Индійской Имперіи, подъ „медіатизированнымъ" управленіемъ кашмирскаго магараджи. Лехъ лежитъ на высотѣ 3.500 метровъ, не на самомъ берегу Инда, а въ 3 или 4 ки-

[1]) *Frederic Drew*, цитированное сочиненіе.

лометрахъ къ сѣверу отъ рѣки, при выходѣ долины, откуда выступаетъ откосъ изъ обвалившихся обломковъ, широко раскинувшійся и покрытый пашнями. Дворецъ или за̀мокъ, служащій въ то же время цитаделью, возвышаетъ надъ городомъ, на послѣднемъ контрфорсѣ горъ, свои высокія бѣлыя стѣны, опирающіяся на вогнутый цоколь, по правиламъ тибетской архитектуры. Старые кварталы, съ узкими, извилистыми улицами, лѣпятся у подножія за̀мка, тогда какъ базаръ новѣйшей постройки занимаетъ нижнюю часть города въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается сринагарская дорога; кругомъ города, по скатамъ откоса, тянутся сады, поля, засѣянныя хлѣбами, и нѣсколько рощицъ ивъ и тополей. Лехъ важенъ какъ средоточіе торговли Кашмира съ китайскими территоріями Тибета и Тянь-Шань-Нанлу; здѣсь составляется многочисленный ежегодный караванъ, который отвозитъ въ Лассу шелковыя ткани, шали, шафранъ, англійскій мануфактурный товаръ и беретъ въ обмѣнъ китайскій чай, шерстяныя издѣлія и бирюзу. Внѣшняя торговля Ладака въ 1873 году, по свѣдѣніямъ, собраннымъ путешественникомъ Дрю, простиралась до 2.380.000 франковъ по привозу и до 2.060.000 франковъ по вывозу, всего на сумму 4.440.000 франковъ. Весной, во время отхода каравана, и въ началѣ зимы, при возвращеніи его, яркандцы, кашмирцы, носильщики всевозможныхъ національностей собираются сюда въ большомъ числѣ, располагаясь станомъ вокругъ города. Загороди луговъ тянутся непрерывнымъ рядомъ во всѣхъ благопріятныхъ мѣстахъ вдоль тропъ, по которымъ слѣдуютъ купцы. Тамъ и сямъ остатки крѣпостей, гдѣ прежде агенты ладакскаго раджи собирали транзитныя пошлины, господствуютъ надъ проходами, черезъ которые должны слѣдовать караваны. Такъ, ниже Леха, фортъ Халси командуетъ деревяннымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ ущелье Инда, который въ этомъ мѣстѣ имѣетъ только 30 метровъ (14 саженъ) ширины. Въ 30 километрахъ къ югу отъ Леха, въ одной долинѣ, среди горъ, находится самый большой въ томъ краю монастырь, гдѣ живутъ около восьмисотъ ламъ и монахинь; вездѣ встрѣчаются буддійскіе памятники и во многихъ мѣстахъ на стѣнахъ скалъ изсѣчены гигантскія фигуры Шакіа-Муни [1]).

На сѣверо-западѣ отъ Леха, Скарду (Искардо), столица Балтистана, которую жители сосѣднихъ странъ знаютъ подъ именемъ Балора или Палора [2]), не заслуживаетъ даже названія города; это просто группа маленькихъ селеній, расположенная на высотѣ (средней) 2.267 метровъ, въ каменистой равнинѣ, перерѣзанной ирригаціонными каналами, которые проведены изъ Инда и окаймлены по сторонамъ фруктовыми садами. Двѣ скалы, высотою около 300 метровъ, отшлифованныя древними ледяными потоками, высятся одна противъ другой по обѣ стороны рѣки, и

---

[1]) *Bellew* „Kashmir and Kashgar“; *A. Cunningham* „Ladak“.
[2]) *Biddulph* „Tribes of the Hindoo-Koosh“.

ДХИЛАМСКІЙ МОСТЪ ВЪ СРИННАГАРѢ.

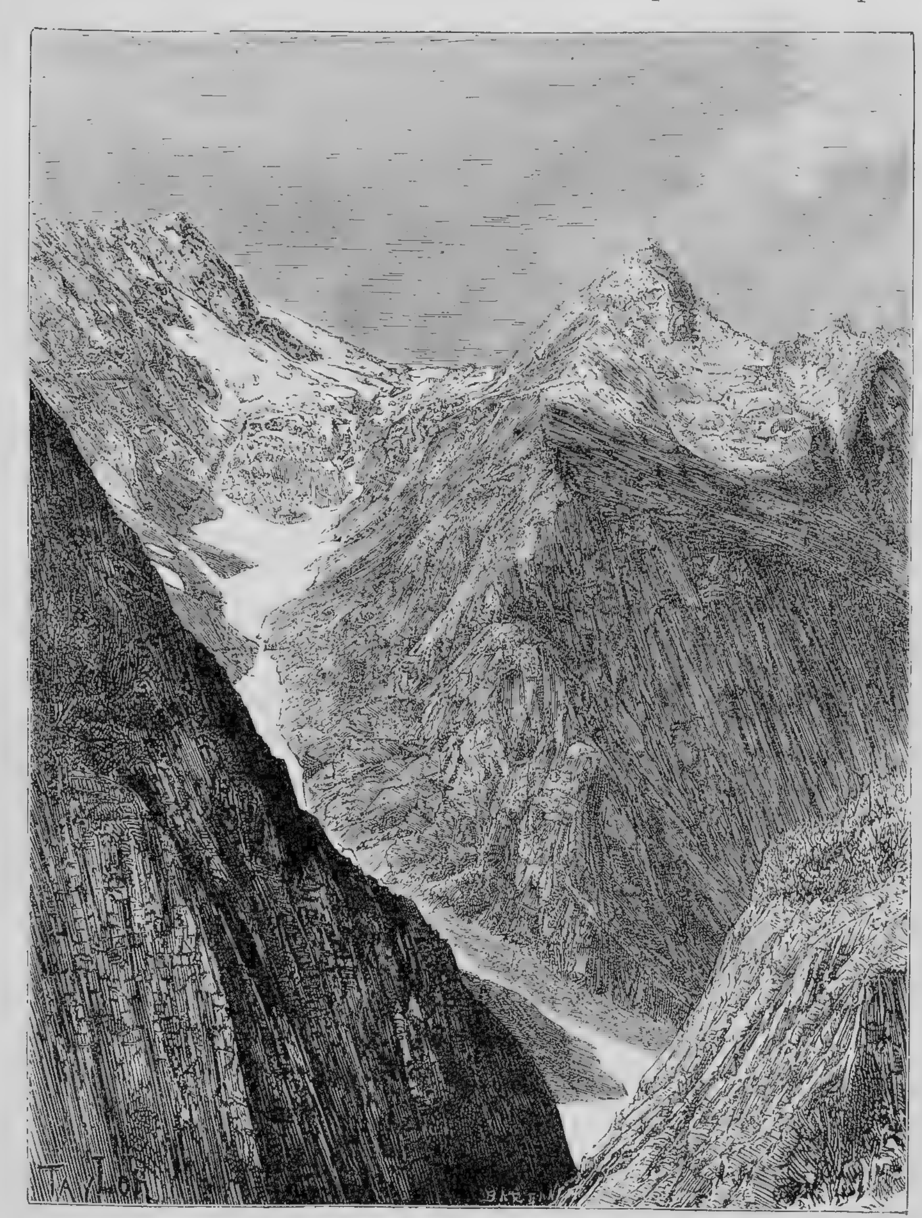
на одной изъ нихъ расположены недавно возведенныя укрѣпленія, на другой видны развалины старой цитадели. Почти всѣ дома съ плоскими крышами и имѣютъ на террасѣ маленькое строеніе изъ глины, смѣшанной съ соломой, которое служитъ лѣтнимъ жилищемъ; на этихъ крышахъ сушатся на солнцѣ абрикосы, которые составляютъ богатство страны и отъ которыхъ она даже получила названіе Сури-Бутанъ [1]), т. е. „абрикосовый Тибетъ". Въ торговомъ отношеніи мѣстоположеніе Скарду одно изъ самыхъ счастливыхъ и въ менѣе холодномъ климатѣ оно обезпечивало бы городу значительную важность. Двѣ долины Инда и Шайока (по туземному Цу-фо, или „мужская рѣка", и Цу-мо, или „женская рѣка") соединяются выше этой страны, тогда какъ прямо противъ Скарду открывается плодоносная Шигарская долина, украшенная текучими водами, густыми тѣнистыми платановыми лѣсами и видомъ ледниковъ. Черезъ Скарду проходятъ многочисленные купеческіе караваны; въ городѣ живетъ много ткачей, переселившихся изъ Кашмира, которые занимаются тканьемъ матерій изъ дорогой шерсти, называемой *пашмъ* и привозимой сюда съ тибетскихъ плоскогорій. Золотоискатели находятъ также въ окрестностяхъ самородки золота, преимущественно въ пескѣ ледниковыхъ ручьевъ; у туземцевъ есть повѣрье, что золото образовалось отъ тренія ледяныхъ массъ о камни [2]). На юго-востокѣ отъ Скарду, въ долинахъ притоковъ Инда, по которымъ идетъ дорога изъ Сринагара въ Лехъ, живописныя группы деревень, Каргиль и Драсъ, тоже имѣютъ нѣкоторую важность, какъ торговые пункты и мѣста роздыха для каравановъ. Тропа, спускающаяся съ нагорнаго Балтистана въ „золотоносный лугъ" и въ Сринагарскую равнину, есть та самая, которая ведетъ черезъ проходъ Зоджи, гдѣ возсѣдаетъ Сива на своемъ тронѣ изъ вѣчныхъ снѣговъ.

Городъ Исламабадъ, „Жилище ислама", былъ извѣстенъ у кашмирцевъ подъ именемъ Анатъ-нагъ или Анантъ-нагъ, т. е. „Озеро змѣя бога Вишну",—имя, напоминающее древній культъ змѣй,—это главный городъ Восточнаго Кашмира. Суда, плывущія вверхъ по Гидаспу, останавливаются въ небольшомъ разстояніи ниже Исламабада, тамъ, гдѣ начинаются расходящіяся на подобіе вѣера нагорныя долины, по дну которыхъ бѣгутъ шумящіе потоки; со всѣхъ сторонъ, выше города, вытекаютъ изъ трещинъ известняка обильные источники, осѣненные платанами, отражающіе въ своихъ водахъ храмы или загородные домики и павильоны; одинъ изъ этихъ источниковъ, Вернагъ, образуетъ маленькое озеро, воспѣтое поэтами; другой вытекаетъ изъ „грота Безсмертія". Будучи естественною исходною точкой для купцовъ, отправляющихся въ бассейнъ верхняго Чинаба, Исламабадъ имѣетъ нѣкоторую важность,

---

[1]) *Vigne* „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo".
[2]) *Biddulph*, цитированное сочиненіе.

какъ торговый и промышленный городъ, особенно по производству шафрана, которое достигло довольно значительныхъ размѣровъ. На одной изъ переднихъ террасъ, возвышавшихся надъ древнимъ Кашмирскимъ

Горный проходъ Зоджи.

озеромъ, видны издалека развалины Мартандской пагоды, посвященной солнцу и сооруженной, какъ гласитъ легенда, сыновьями Панду, героями эпопеи Магабгараты; постройка этого зданія, окруженнаго изящною

колоннадой, украшеннаго фризами и барельефами, относится, очевидно, къ той эпохѣ, когда индусскіе зодчіе стали подражать греческому искусству, которое Селевкиды принесли съ собою въ страну [1]); это прекраснѣйшій архитектурный памятникъ Кашмира, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ на всемъ Востокѣ, и уединенное положеніе, которое онъ занимаетъ на выступѣ террасы, высоко надъ Кашмирскою равниной, въ виду снѣговыхъ горъ Панджала, придаетъ ему въ глазахъ путешественниковъ еще болѣе величественный видъ; ключъ, бьющій близь храма, не имѣетъ другаго имени, кромѣ какъ „Баванъ", или источникъ; это родникъ божественной воды по преимуществу. Спускаясь по теченію Джилама, черезъ Биджбагару, бывшій главный городъ долины, видишь остатки храмовъ той же эпохи, у деревни Авантипуръ и въ Падрантанѣ, тамъ, гдѣ стоялъ старый Сринагаръ; въ Кашмирѣ насчитываютъ болѣе 70 религіозныхъ зданій, построенныхъ въ томъ же греко-бактрійскомъ стилѣ, какъ и Мартандскій храмъ.

Нынѣшняя столица Кашмирской равнины, „Градъ Солнца", унаслѣдовавшая имя разрушеннаго города, построена на обоихъ берегахъ Джилама (довольно быстраго въ этой части своего теченія), соединенныхъ семью деревянными мостами, у которыхъ каждый устой состоитъ изъ стержня камней, удерживаемыхъ положенными одно на другое бревнами. Многочисленные каналы извиваются среди города, и одинъ изъ нихъ, „Яблоновый каналъ," запертый шлюзами, сообщается съ озеромъ, или *даль*, которое развѣтвляется на восточной сторонѣ Сринагара на бухты и проливы, имѣющіе, среднимъ числомъ, отъ 2 до 3 метровъ глубины. Вереницы барокъ и лодокъ, напоминающія гондолы, снуютъ по всѣмъ направленіямъ этой „индійской Венеціи", и на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой большія лѣстницы, или *гаты*, омываютъ свои ступени въ водахъ рѣки. Хотя окруженный водой, городъ, однако, весь лежитъ выше уровня наводненій. Высокіе каменные кубы, о которые разбивается сила выступившихъ изъ береговъ водъ, составляютъ цоколи, на которыхъ стоятъ дома, каменные или деревянные, обрамленные снаружи стѣнками изъ тонкихъ бревенъ или жердей, которые дрожатъ во время землетрясеній, довольно частыхъ въ этой странѣ, но противостоятъ имъ лучше, чѣмъ всякая другая постройка [2]). Каждый домъ стоитъ особнякомъ и расположенъ безъ правильнаго плана, либо въ сосѣдствѣ съ другими строеніями, либо посреди большихъ деревьевъ. Подобно тому, какъ было прежде въ городахъ Грузіи, въ Сринагарѣ на большей части домовъ кровли покрыты дерномъ, который весной бываетъ усѣянъ цвѣтами; съ вершины холма Гари (Гари-Парбатъ), господствующаго надъ

[1]) *A. Cunningham; Vigne; Burgess; Fergusson; Lejean* etc.
[2]) *Frederic Drew*, цитированное сочиненіе.

городомъ съ восточной стороны, Сринагаръ похожъ на громадный висячій садъ, раскинувшійся на необозримое пространство. Сринагаръ, самый многолюдный городъ гималайскихъ областей, богатъ храмами и дворцами. Въ настоящее время этотъ „Городъ Солнца“ служитъ лѣтнею резиденціей кашмирскаго магараджи; но онъ часто бывалъ и столицей государства, со времени его основанія въ началѣ шестаго столѣтія христіанской эры. Одинъ изъ „Великихъ Моголовъ“, Іегангиръ, построилъ тамъ, для своего лѣтняго пребыванія, дворцы, которые и теперь еще, благодаря обилію текучихъ водъ, фонтановъ и густой тѣни, даваемой развѣсистыми чинарами, по справедливости считаются однимъ изъ чудесъ „Долины розъ“. На юго-востокѣ, между нынѣшнимъ Сринагаромъ и Падрантаномъ, старою столицей, высится „Тронъ Соломона“ (Тахтъ-и-Сулейманъ), на вершинѣ котораго видны остатки древнѣйшаго храма Кашмира, построеннаго, какъ говорятъ живущіе въ этой долинѣ браманы, въ теченіе третьяго столѣтія до Рождества Христова. Съ этой трапповой горы картина Кашмирской равнины, съ ея сверкающими водами, ея широкими аллеями, обсаженными большими, тѣнистыми деревьями, ея дворцами и храмами, представляется во всей красѣ и великолѣпіи.

Сринагаръ—промышленный городъ. Окрестныя поля утилизируются до послѣдняго комка земли, а огородники придумали даже устраивать на озерѣ плавучіе сады и огороды, длинные плоты изъ корней водяныхъ растеній, связанныхъ пучками и покрытыхъ землей, на которой разводятъ, главнымъ образомъ, дыни и огурцы [1]); средняя цѣна этихъ плавучихъ камышевыхъ цыновокъ, пригвожденныхъ къ дну озера съ помощью свай, отъ 2 до 3 франковъ за площадку въ 10 метровъ (14 аршинъ) длины, при 2 или 3 метрахъ ширины. Корни ненуфара (кувшинчики) и сѣмена водяного каштана (trapa bispinosa), размолотые въ муку, служатъ хлѣбомъ для большей части народонаселенія. И теперь еще главную мануфактурную промышленность Сринагара составляетъ выдѣлка *дюшаля*, или шалей, которыя ткутъ изъ козьяго пуха (*пишма*, *пашмина* или *пашмъ*), привозимаго изъ Ладака, Тибета и китайскаго Туркестана. Тысячи несчастныхъ, поденная плата которыхъ не превышаетъ, среднимъ числомъ, 15 сантимовъ, трудятся въ грязныхъ мастерскихъ надъ тканьемъ тѣхъ узкихъ полосокъ шерсти, изъ которыхъ выдѣлываются великолѣпныя кашмирскія шали, такъ высоко цѣнимыя въ Европѣ, и особенно во Франціи; еще недавно четыре пятыхъ этихъ индійскихъ тканей продавались въ Парижѣ, но конкурренція нѣкоторыхъ мануфактурныхъ городовъ Пятирѣчья, съ которою теперь приходится бороться сринагарцамъ, и въ особенности измѣнчивость моды на Западѣ, сильно повредили кашмирской промышленности, и въ послѣднія десять лѣтъ городъ много по-

[1]) *Bernier*; *Vigne*; *Hügel*; *Lejean*; *Wilson* etc.

терялъ въ этомъ отношенiи. Въ перiодъ съ 1860 до 1870 года ежегодная цѣнность шалей, выдѣлываемыхъ въ Сринагарѣ, простиралась до 3.250.000 франк., и изъ этого количества вывозилось въ Европу на сумму 2.250.000 франк. Въ Сринагарѣ есть, кромѣ того, шелкопрядильни, фабрики филиграновъ (плетеная золотая или серебряная работа), мастерскiя разрисованныхъ издѣлiй изъ папье-маше и много другихъ промышленныхъ заведенiй, гдѣ занимаются фабрикацiей предметовъ, требующихъ ловкости въ ручной работѣ и вкуса въ выборѣ красокъ и оттѣнковъ. Торговля Сринагара, хотя пришедшая въ упадокъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, все еще значительна; но, не взирая на законы и ихъ запреты, одну изъ „статей" экспорта до сихъ поръ составляютъ дѣвочки, увозимыя контрабанднымъ путемъ съ самой нѣжной юности въ большiе города Сѣвернаго Индустана. На западѣ равнины два города служатъ мѣстами роздыха купцамъ, отправляющимся изъ Сринагара въ Пенджабъ: Сопуръ, „Золотой городъ", гдѣ оканчивается каналъ, огибающiй на югѣ болотистые берега озера Валаръ, и Барамула, лежащiй у входа въ ущелья, которыми Гидаспъ уходитъ изъ горъ; надъ этимъ послѣднимъ городомъ еще видны развалины буддiйской ступы.

Въ гористой области полуденнаго Кашмира и Газары, гдѣ поселились народности индусскаго происхожденiя, находятся многiе города, важные по своему положенiю на историческихъ дорогахъ, но между этими городами мало такихъ, которые имѣли бы значительное число жителей. Музафарабадъ, крѣпость котораго господствуетъ надъ слiянiемъ Джилама и Кишанъ-ганги, расположенъ у выхода главной дороги Кашмира изъ Барамульскихъ ущелiй, и имѣетъ удобное сообщенiе съ Аттокомъ и Пешаверомъ. Мари, на англiйской территорiи Газара, и у горы, отъ которой онъ получилъ свое имя, есть одинъ изъ тѣхъ лѣтнихъ или „санитарныхъ" городовъ (sanatories, villes de santé), которые англичане построили на предгорьяхъ Гималаевъ; его дома, отели, казармы разсѣяны на желѣзняковомъ хребтѣ, поднимающемся до 2.200 метровъ средней высоты. Абботтабадъ, далѣе на западѣ, недалеко отъ границы, важенъ только, какъ военная станцiя; расположенные въ немъ полки должны наблюдать за „непокорными" племенами Ягестана, живущими на западѣ въ долинахъ притоковъ Инда. Военный постъ находился прежде южнѣе въ Гарипурѣ, городѣ, лежащемъ уже въ равнинѣ, внѣ области Гималайскихъ горъ; неподалеку оттуда стоитъ Торбела, при выходѣ изъ тѣснинъ Инда. Самое дикое мѣсто ущелья сохранило турецкое имя Дербендъ, или „Ворота".

Панчъ или Пончъ (Punch), лежащiй на высотѣ 1.000 метровъ (3.280 футовъ), въ прекрасной равнинѣ, при слiянiи двухъ горныхъ потоковъ, воды которыхъ бѣгутъ на югъ къ Гидаспу, есть на юго-западѣ наиболѣе выдвинутый, ближайшiй къ границѣ городъ Кашмирскаго государства; онъ ведетъ торговлю съ Сринагаромъ черезъ перевалы Пиръ-

Панджалъ и Ратанъ-Пиръ. Мирпуръ, въ области невысокихъ холмовъ, лежитъ въ сосѣдствѣ съ важною станціей Джиламъ, на пенджабской желѣзной дорогѣ, и его негоціанты монополизировали вывозъ хлѣба, производимаго этою областью. Бимбаръ былъ исходнымъ пунктомъ Великихъ Моголовъ на кашмирской дорогѣ и каждый этапъ этого пути сохранилъ дворецъ, гдѣ государи отдыхали во время проѣзда, и теперь еще магараджи Кашмира оставили за собою исключительное право пользованія этою дорогой, и европейцы не могутъ ѣздить по ней; имъ назначены четыре другіе пути. Изъ всѣхъ мѣстъ роздыха на старой императорской дорогѣ самое многолюдное—городъ Раджаори, переименованный нынѣшними государями въ Рампуръ. Въ этой странѣ, которая такъ часто мѣняла властителей, нѣтъ почти ни одного холма, на вершинѣ котораго не стоялъ бы какой-нибудь крѣпкій замокъ, напоминающій феодальныя твердыни Запада. Большинство этихъ крѣпостей имѣетъ еще гарнизонъ, состоящій теперь изъ догровъ, въ одно и то же время жандармовъ и таможенныхъ стражниковъ, которые ходятъ патрулемъ по тропинкамъ окрестныхъ горъ.

Городъ Ахнуръ имѣетъ стратегическое значеніе, какъ стражъ Чинаба, и его крѣпость, защищающая входъ этой рѣки въ равнины Пенджаба, есть одно изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ сильныхъ укрѣпленій этой страны. У подножія ея зубчатыхъ бастіоновъ быстрая рѣка несетъ весной множество бревенъ гималайскаго кедра и сосны, сбрасываемыхъ лѣсорубами въ водопады верхняго теченія. Въ сезонъ сплавки почти всѣ жители Ріасси, Ахнура и сосѣднихъ деревень, выше и ниже по рѣкѣ, только тѣмъ и занимаются, что ходятъ на рѣку ловить сплавляемый лѣсъ и связывать его въ плоты. Здѣшній дебардеръ не нуждается въ лодкѣ или паромѣ; опираясь на *сарну*, надутый воздухомъ мѣхъ изъ козьей кожи или бурдюкъ, котораго заднія лапы связаны въ формѣ ушка, куда можно просовывать ноги, онъ скользитъ по водѣ, ударяя по ней руками, и отдавая себя на волю теченія, снуетъ безпрестанно взадъ и впередъ, таская на буксирѣ стволы деревьевъ.

Джамму, оффиціальная столица владѣній „великаго короля" (магараджи) кашмирскаго, не можетъ сравниться съ Сринагаромъ ни по красотѣ мѣстоположенія и пріятности климата, ни по промышленной дѣятельности, ни по числу жителей; онъ даже не занимаетъ въ государствѣ центральнаго положенія, приличествующаго резиденціямъ правительства. Джамму находится на крайней южной границѣ подвластной ему территоріи. Продавая Кашмиръ Гулабъ-Сингу за 18.750.000 франк., остъ-индская компанія была рада удержать своего союзника въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ англійскими укрѣпленными лагерями Пятирѣчья; магараджа пользуется царскою властью въ своей землѣ, но

онъ постоянно видитъ на южной сторонѣ горизонта столбы пыли, поднимаемой марширующими британскими полками. Расположенный на послѣдней грядѣ холмовъ, на самомъ рубежѣ равнины, Джамму построенъ въ 60 или 80 метрахъ отъ горнаго потока Тави, извивающагося къ востоку отъ города по каменистому полю; съ сѣверной стороны онъ ограниченъ горнымъ циркомъ, надъ которымъ господствуютъ три остроконечныя вершины Трекотты, „трезубца бога Сивы“ [1]); лѣсъ акацій и густыхъ джунглей, въ которыхъ водится много дичи, защищенной отъ браконьеровъ строгими законами, окружаетъ холмъ Джамму и окаймляетъ берега рѣчки Тави. Благодаря своимъ высокимъ дворцамъ и храмамъ съ позолоченными крышами, городъ видѣнъ съ далекаго разстоянія, но путешественники рѣдко заглядываютъ туда. Джамму лежитъ въ сторонѣ отъ торговыхъ путей и жизнь въ немъ, подъ сѣнію пышныхъ дворцовъ, мѣстопребыванія утопающихъ въ роскоши раджей, очень дорога. Кромѣ того, городъ не имѣетъ другой воды для питья и варки, исключая воды изъ цистернъ; впрочемъ, каналъ, отведенный изъ Чинаба, долженъ въ близкомъ будущемъ приносить ему въ изобиліи чистую воду этой рѣки; вскорѣ онъ будетъ также соединенъ вѣтвью съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Индіи.

Изъ другихъ городовъ юго-восточной части королевства, ни одинъ не имѣетъ сколько-нибудь важнаго значенія по численности населенія; Рамнагаръ, на верховьяхъ Тави — бывшая столица, нѣкогда цвѣтущій городъ, нынѣ пришедшій въ упадокъ; Басоли, на правомъ берегу рѣки Рави, при выходѣ ея долины изъ горъ, тоже развѣнчанный городъ, и рыжія обезьяны, обитательницы сосѣдняго священнаго лѣса, смѣло прыгаютъ и рѣзвятся на самыхъ колоннадахъ опустошеннаго дворца раджей. Только одно мѣсто въ томъ краю кишитъ, разъ въ годъ, пришлымъ народомъ: это, на сѣверѣ отъ города Джамму, святыня Пармандаль, куда вѣрующіе стекаются толпами смывать свои грѣхи въ водахъ, которыя бьютъ ключемъ у основанія песчаниковыхъ скалъ. Часто вода, слишкомъ низкая, не выступаетъ на поверхность, и тогда странники должны рыть землю, чтобы увидѣть, какъ просачивается спасительная влага, почитаемая почти столь же святою, какъ и вода въ Гардварѣ, у „воротъ“ Ганга. Въ области горъ, черезъ которую протекаетъ на сѣверо-востокъ верхній Чинабъ, самый оживленный городъ — Бадервахъ или Брадаваръ, „Твердыня Будды“, дома котораго, построенные изъ гималайскаго кедра, живописно расположены среди фруктовыхъ деревьевъ и чинаровъ, на берегу рѣки Брадаваръ, лежитъ на высотѣ около 1.650 метровъ; офицеры изъ племени гурка, служащіе въ англійскихъ полкахъ, пріѣзжаютъ туда съ семействами подышать воздухомъ, такимъ

---

[1]) *Goblet d'Alviella* „Inde et Himalaya“.

же чистымъ, какъ воздухъ ихъ долинъ въ Непалѣ. Киштваръ, или, какъ его называютъ кашмирцы, Картаваръ, лежащій на такой же высотѣ, какъ Бадервахъ, въ цвѣтущей равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ амфитеатромъ высокихъ, покрытыхъ лѣсами и снѣгомъ, горъ, считается главнымъ городомъ долины Чинаба, который описываетъ въ этомъ мѣстѣ одинъ изъ самыхъ крутыхъ своихъ поворотовъ; но въ дѣйствительности эта деревня обязана своимъ важнымъ значеніемъ лишь соединенію тропъ, которыя спускаются сюда изъ Лагула, изъ Вардванской долины и изъ Кашмирской равнины. Изъ Киштвара видна на юго-западѣ, по другую сторону ущелья въ 400 метровъ (187 саженъ) глубины, разсѣлина скалы, откуда низвергается потокъ послѣдовательными прыжками или уступами съ общей высоты 760 метровъ (почти 355 саженъ); это самый высокій водопадъ, извѣстный въ Гималайскихъ горахъ. Изъ города, отстоящаго версты на три, слышенъ ревъ падающей воды, и по утрамъ, когда взойдетъ солнце, видны брызги, блистающіе всѣми цвѣтами радуги; это, говорятъ горцы, „поясы волшебницъ, купающихся въ струяхъ потока“.

Главные города Кашмирскаго королевства и Газары, съ приблизительнымъ числомъ ихъ жителей:

Сринагаръ, въ 1869 г.	135.000	жит.	Исламабадъ	5.650	жит.
Джамму, въ 1872 г. .	41.800	„	Барамула	4.500	„
Мирпуръ	10.000	„	Бадервахъ	3.000	„
Мари	9.400	„	Лехъ	3.000	„

Государство Чамба, которое обнимаетъ область горъ, лежащихъ къ востоку отъ округовъ Джамму и Киштваръ, въ верхней долинѣ рѣки Рави и въ части долины Чинаба или Чандра-Баги, не отличается отъ страны пагари, или горцевъ, по происхожденію своихъ жителей; населеніе ея также состоитъ изъ индусовъ раджпутовъ, земледѣльцевъ такаровъ, пастуховъ-кочевниковъ гуджаровъ и гадди; число прокаженныхъ пропорціонально весьма значительно въ землѣ Чамба. Со времени заключенія трактата 1846 года, эта территорія тоже составляла часть владѣній магараджи Кашмирскаго, но вскорѣ послѣ того она была взята у него обратно остъ-индскою компаніей и передана другому государю, имѣющему лишь тѣнь власти. Главный городъ этого маленькаго государства носитъ то же названіе, какъ и вся страна; онъ построенъ на берегахъ рѣки Рави, на высотѣ 924 метровъ, и жары въ немъ бываютъ почти такіе же сильные, какъ и въ сосѣдней равнинѣ; но англійское правительство основало на юго-западѣ, на одномъ изъ выступовъ или мысовъ послѣдней Гималайской цѣпи, дачный городъ для своихъ чиновниковъ и военныхъ, названный Дальгузи (по имени бывшаго вице-короля Индіи, маркиза Дальгузи). Съ этой обсерваторіи, лежащей на

высотѣ 2.243 метровъ, взорамъ открывается великолѣпная панорама, обнимающая прекрасную долину рѣки Рави, горы Кангра, съ ихъ черными склонами, покрытыми хвойнымъ лѣсомъ, и бѣлыми вершинами, опоясанными полосами снѣга, и равнина сѣрая или зеленѣющая, смотря по времени года, простирающаяся далеко по направленію къ Амрицару и Лагору. На юго-востокѣ, на одномъ изъ отроговъ Даола-Дара, или „Бѣлой Горы“, расположены загородные дома или дачи Дармсалы, разсѣянные, на высотѣ отъ 1.350 до 1.950 метровъ, по скатамъ горы. Этотъ другой лѣтній городъ, основанный на мѣстѣ древней браманской святыни,—откуда и самое имя его Дармсала,—сдѣлался главнымъ пунктомъ всего Кангрскаго округа и многочисленныхъ чайныхъ плантацій, которыми покрыты всѣ обращенные на полдень склоны горъ. Изъ этихъ двухъ городовъ, Дальгузи и Дармсала, служащихъ въ одно и то же время дачными мѣстопребываніями и военными наблюдательными постами, англичане господствуютъ надъ двумя важнѣйшими индусскими городами долины Біаса, на западѣ надъ пришедшимъ въ упадокъ городомъ Нурпуръ, или „Городъ Свѣта“, нѣкогда населеннымъ кашмирскими ткачами [1]), и на югѣ Кангры, надъ древнимъ городомъ Нагаркотъ, храмъ котораго, дважды разграбленный мусульманами, все еще одинъ изъ богатѣйшихъ храмовъ Индіи. Нѣкоторыя изъ окрестныхъ скалъ увѣнчаны крѣпостями грандіозпаго вида, которыя считались неприступными до недавнихъ преобразованій и усовершенствованій въ искусствѣ осадной войны. Скоро локомотивы появятся у входа въ долину Кангра, въ Патанкотѣ, который желѣзная дорога должна соединить съ городомъ Амрицаромъ.

Верхняя долина Біаса составляетъ округъ Кулу, состоящій подъ непосредственнымъ управленіемъ англичанъ, тогда какъ область невысокихъ горъ и внѣшнихъ холмовъ, передъ входомъ рѣки въ Кангру, занята медіатизированными государствами Манди и Сукетъ и другими маленькими княжествами, раджи которыхъ пользуются фиктивною независимостью. Имя Кулу, сокращенное изъ Кулу-Питъ, значитъ „Конецъ Свѣта“ [2]), хотя за нимъ находятся еще болѣе возвышенныя страны, Лагулъ, Спити, и хотя далѣе, за этими областями, тянутся необитаемыя пространства Хачи. Но уже Кулу должно казаться индусамъ равнины землей, не имѣющей выхода, концомъ міра. На сѣверѣ цѣпь горъ Ротангъ, составляющая продолженіе собственно Гималайскаго хребта, поднимается своими вершинами до высоты 5.500 метровъ; на западѣ, горы Бара-Бангахалъ, съ которыхъ спускается нѣсколько ледниковъ въ верхнюю долину Рави, достигаютъ такой же высоты и соединяются съ цѣпью

---

[1]) *Vigne* „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo“.
[2]) *Harcourt* „Journal of the Geographical Society of London“, 1871.

Даоло-Даръ, вершины которой превышають еще 3.300 метровъ. Другія горы ограничиваютъ страну съ восточной стороны, и многочисленные отроги дѣлятъ ее на цѣлую сѣть узкихъ долинъ, трудно доступныхъ, но представляющихъ грандіознѣйшіе виды: много-много, что двадцать пятая часть страны могла быть приспособлена для цѣлей земледѣлія; въ среднемъ, высота воздѣланныхъ полей навѣрно достигаетъ 1.500 метровъ, а нѣкоторыя селенія лежатъ выше 3.300 метровъ, т. е. на высотѣ Маладетты. А между тѣмъ, черезъ Кулу проходитъ одинъ изъ главныхъ торговыхъ путей, проложенныхъ черезъ возвышенности Азіи. Изъ Амрицара въ Яркандъ дорога, поднимающаяся по долинѣ Біаса, проходитъ черезъ Ротангскій перевалъ, на высотѣ 4.114 метровъ (почти 4 версты), затѣмъ пересѣкаетъ землю Лагулъ среди горныхъ обваловъ и льдовъ, чтобы достигнуть одного изъ притоковъ верхняго Инда, рѣки Запскаръ, черезъ горный проходъ Бара-Лача. Въ 1863 году, горцы, въ числѣ семидесяти двухъ человѣкъ, застигнутые страшнымъ бураномъ на Ротангскомъ перевалѣ, были погребены въ снѣгахъ.

Жители Кулу принадлежатъ, какъ и обитатели сосѣднихъ областей, къ различнымъ расамъ, которыя послѣдовательно поселились въ этой странѣ. Кулусы, судя по тѣмъ субъектамъ, которыхъ случалось наблюдать путешественникамъ, вообще малорослы, очень длинноголовы, съ гладкими скулами, но съ выдающимися скуловыми выпуклинами: это индусы раджпуты и пагари (горцы), но между ними встрѣчаются также индивидуумы очень смуглаго типа, вѣроятно, остатокъ болѣе древнихъ племенъ. Господствующія нарѣчія края—пагари, а у самаго образованнаго класса—индустани; кромѣ того, въ языкѣ кулусовъ есть нѣкоторое количество тибетскихъ словъ, которыя либо сохранились, какъ наслѣдіе первобытнаго населенія страны, либо занесены торговцами, странствующими изъ долины въ долину. Старинные нравы и обычаи всего лучше сохранились въ Сіораджѣ, полуденной области Кулу, мало посѣщаемой чужеземцами; поліандрическій бракъ существуетъ тамъ до сихъ поръ, какъ и въ Тибетѣ; нѣсколько мужчинъ, обыкновенно родные братья, не желающіе дѣлить отцовское наслѣдство, вступаютъ въ супружество съ одною женщиной, и всѣ ихъ сбереженія идутъ на покупку ей перстней, браслетовъ, ожерельевъ, серегъ и другихъ драгоцѣнныхъ украшеній изъ золота и серебра; между этими украшеніями нерѣдко можно встрѣтить издѣлія замѣчательно искусной работы [1]). Художественныя произведенія искусства встрѣчаются еще въ большомъ числѣ, кромѣ дворцовъ и храмовъ, въ домахъ поселянъ области Кулу и другихъ долинъ Западнаго Гималая. У многихъ хозяекъ на берегахъ Біаса, Чинаба, Гидаспа котлами и кувшинами для воды служатъ мѣдныя вазы съ

---

[1]) *Calvert* „Kulu, The Silver Country and Vaziri rupi“.

великолѣпными украшеніями и покрытыя персидскими надписями, произведенія искусства, насчитывающія отъ двухсотъ до трехсотъ лѣтъ существованія и отличающіяся такою тонкою, изящною работой, что въ настоящее время ничего подобнаго не можетъ быть сдѣлано въ странѣ [1].

Оффиціально религія жителей Кулу примыкаетъ къ браманскимъ культамъ, но въ странѣ не встрѣтишь ни одного храма индусскаго основанія, который, по времени постройки, предшествовалъ бы восемнадцатому столѣтію. Древнія святилища всѣ напоминаютъ формой буддійскіе храмы Тибета, и въ преддверіяхъ большинства ихъ и теперь еще можно увидѣть длинные шесты съ хоругвями, въ родѣ тѣхъ, какія развѣваются на святыхъ мѣстахъ бодской страны. Культъ змѣи тоже не совсѣмъ еще исчезъ. Въ дѣйствительности, каждая деревня сохранила свое мѣстное божество, украшенное какимъ-нибудь индусскимъ именемъ, принесеннымъ раджутами; обитатели земли Кулу обожаютъ еще „бога-чорта“ подъ видомъ кресла [2]. Горячіе ключи, довольно многочисленные въ томъ краю, тоже составляютъ предметъ благоговѣйнаго почитанія, и туземцы ходятъ, въ качествѣ пилигримовъ, купаться въ ихъ священныхъ водахъ. Теперь новыя перемѣны вносятся въ жизнь кулусовъ подъ вліяніемъ другихъ этническихъ элементовъ. Англійскіе спекулянты уже проникли въ нижнюю долину, чтобы завести тамъ, какъ въ Кангрѣ, плантаціи чайнаго дерева, и кое-гдѣ видны уже дома англо-индусской конструкціи, рядомъ съ туземными хижинами, построенными изъ чередующихся слоевъ дерева и камня и съ крышами въ видѣ навѣса.

Прежній главный городъ земли Кулу, который еще носитъ имя Нагаръ, или „Городъ“ — простая деревня. Нынѣшняя столица страны, Султанпуръ, лежащая ниже Нагара, но все еще на высотѣ болѣе 1.200 метровъ, на правомъ берегу Біаса и при устьѣ другого ручья, хотя она немного побольше старой, тоже представляетъ незначительное мѣстечко съ тѣсно скученными домами, заключенными въ узкой оградѣ городскихъ стѣнъ. Муловая дорога, недавно проложенная, поднимается изъ Султанпура на западъ и проходитъ черезъ „Бѣлую Гору“ на перевалѣ Бабба (3.150 метровъ), затѣмъ спускается въ вассальное государство Манди, значительно сокращая путь, такъ какъ иначе нужно бы было дѣлать длинный обходъ долиной Біаса. Главный городъ этого заключеннаго между другими владѣніями княжества, также носящій имя Манди, или „Рынокъ“, больше и имѣетъ болѣе новый видъ, чѣмъ Султанпуръ; въ немъ есть даже висячій мостъ на Біасѣ и колесныя дороги, правильно проложенныя. Въ сосѣдствѣ находятся желѣзные рудники, а также соляныя копи, открытыя въ скалахъ Подгималая. Цѣпь, ограни-

---

[1]) *De-Ujfalvy* „Bulletin de la Société de Géographie“, 1881; „Nature“, 6 мая 1882.

[2]) *Calvert*, цитированный мемуаръ.

чивающая на западѣ долины Манди и Сукета, отдѣляя ихъ отъ области невысокихъ холмовъ, есть знаменитый хребетъ, извѣстный подъ именемъ Сикандаръ-ка-дхаръ, или „Горы Александра"; на этихъ горахъ видны какія-то развалины, въ которыхъ Винь, какъ онъ полагаетъ, отыскалъ слѣды алтарей, воздвигнутыхъ Александромъ Македонскимъ своей славѣ, когда онъ предпринялъ обратный путь на западъ. Неподалеку отъ этихъ холмовъ, на берегахъ Біаса, изъ разсѣлины скалъ выходитъ пламя, и пары, вылетающіе густыми клубами, образуютъ маленькое озеро минеральной воды. Около пятидесяти тысячъ пилигримовъ стекаются сюда ежегодно, чтобы очиститься въ священной водѣ Джаваламуки, или „Огня-бога" [1]).

На востокъ отъ Кулу и Спити, бассейнъ Сетледжа, между тибетскою территоріей и низменною равниной, занятъ многочисленными маленькими государствами, впрочемъ, лишенными всякой политической независимости. Самое важное изъ этихъ государствъ—Башахръ (Буссагиръ), простирающійся по обоимъ скатамъ рѣки, отъ тѣснинъ внѣшняго Гималая до границъ Китая; раджпутскій раджа, который имъ управляетъ, подъ надзоромъ англійскаго резидента, насчитываетъ въ своей генеалогіи 120 предшественниковъ. Все его царство заключается въ узкомъ оврагѣ, къ которому сходятся другія разсѣлины, какъ, напримѣръ, лощины Спити, и нѣсколько широкихъ тѣнистыхъ долинъ, какъ, напримѣръ, долина рѣки Баспы. Въ этомъ узкомъ, длинномъ корридорѣ, который тянется на 200 километровъ, не считая извилинъ, можно наблюдать всевозможные климаты; тогда какъ послѣднія населенныя мѣста, сосѣднія съ Тибетомъ, окружены тощимъ кустарникомъ, не боящимся холода, Чини, около середины долины, на высотѣ 2.700 метровъ, имѣетъ виноградники, производящіе отличный виноградъ, изъ котораго выдѣлываютъ вина, очень богатыя содержаніемъ алкоголя; наконецъ, около 1.500 метровъ высоты растетъ уже фиговое дерево, баніанъ, появляются уже многіе виды растеній, свойственные тропической флорѣ. Но во всѣхъ этажахъ этой долины дыханіе затруднительно; воздухъ недостаточно обновляется вѣтрами; лѣтомъ, жара, усиливаемая отраженіемъ лучей солнца отъ голыхъ скалъ, рѣшительно невыносима. Истребленіе лѣсовъ на склонахъ горъ имѣло слѣдствіемъ ухудшеніе мѣстнаго климата: перемѣны температуръ, крайности тепла и холода сдѣлались болѣе рѣзкими, и боковыя террасы, на которыхъ находятся деревни и пашни или сады, не представляютъ уже такого же сопротивленія ливнямъ; онѣ быстро размываются дождевыми потоками, покрываются рытвинами, растительная земля уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается, понятно, и населеніе.

Что касается жителей, нарѣчій, культовъ, то и въ этомъ отношеніи замѣчаются, сверху внизъ долины, переходы, подобные тѣмъ, какіе пред-

---

[1]) *Carl von Hügel* „Kashmir und das Reich der Siek".

ДОРОГА ИЗЪ ТИБЕТА ДОЛИНОЮ СЕТЛЕДЖА.

ставляетъ климатъ. Въ верхней области живутъ населенія тибетскаго происхожденія, говорящія тибетскимъ языкомъ и исповѣдующія буддійскую религію; въ нижнюю часть, напротивъ, проникли индусы, идіомъ которыхъ происходитъ отъ „арійскаго" корня и которые по вѣроисповѣданію тоже походятъ на обитателей береговъ Ганга. Можно сказать, что долина Сетледжа есть не что иное, какъ поперечная разсѣлина, идущая отъ Индустана къ Тибету, и британское правительство занимается теперь обращеніемъ этой трещины въ торговый трактъ. Раджи долины должны были отказаться отъ права взиманія транзитныхъ пошлинъ съ провозимыхъ товаровъ, и отъ англійской станціи Симла, находящейся на раздѣльномъ хребтѣ между бассейномъ Сетледжа и бассейномъ Джамны, проводится большая дорога, которая извилистою линіей огибаетъ бока горъ на половинѣ высоты, чтобы подняться постепенно до самыхъ границъ Тибета; уже въ 1876 году этотъ новый путь, гдѣ путешественники находятъ, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, хорошо содержимыя гостиницы, былъ построенъ на протяженіи 252 километровъ [1]). Рано или поздно онъ достигнетъ Лассы, столицы Тибета. Безъ всякаго сомнѣнія, современемъ отъ этой дороги будетъ проведена также вѣтвь вверхъ по долинѣ Пары, на сѣверъ отъ Лео-Пор҇іала, поднимающаяся къ плоскогорью Рупшу, по направленію къ верхнему Инду, Панконгу и Каракоруму; это будущая дорога центральной Азіи. Почти никакихъ препятствій не представляется на этомъ естественномъ пути, который всегда избираютъ перелетныя птицы, отправляясь съ равнинъ Индустана въ китайскій Туркестанъ [2]). Тѣмъ не менѣе, единственныя вьючныя животныя, употребляемыя нынѣ въ верхней долинѣ Сетледжа, — овцы, которыя, послѣ стрижки ихъ на рампурскомъ рынкѣ, возвращаются въ Тибетъ нагруженныя хлѣбомъ [3]).

Въ верхней долинѣ Сетледжа нѣтъ ни одного города, есть только деревни или поселки. То же самое нужно сказать о долинѣ ея притока Спити. Главный пунктъ этой гималайской провинціи, Данкаръ или вѣрнѣе, Драпхаръ, „Холодный фортъ", вполнѣ заслуживаетъ свое названіе: это орлиное гнѣздо, свитое на вершинѣ скалы, на высотѣ 300 метровъ надъ рѣчкой Спити, на высотѣ 3.894 метровъ надъ уровнемъ моря. Но въ нижней части долины Сетледжа, Рампуръ, „городъ Рамы", который, ради его титула столицы государства, можно, пожалуй, причислить къ городамъ, имѣетъ довольно важное значеніе, какъ очень оживленный и посѣщаемый пріѣзжими купцами рынокъ, особенно для продажи шерсти, привозимой изъ Тибета. Биласпуръ, столица другого туземнаго княжества, лежащій уже у входа въ равнину, на 500 метровъ

[1]) *Andrew Wilson* „The Abode of Snow"
[2]) *Hunter* „Gazetteer of India".
[3]) *Stoliczka* „Mittheilungen von Petermann", 1870, № 1.

ниже Рампура и на высотѣ 446 метровъ надъ уровнемъ океана, тоже торговый городъ. Въ 1762 году Сетледжъ, задержанный обваломъ скалъ въ ущельяхъ, находящихся къ сѣверу отъ Симлы, совершенно пересталъ течь. Выше этой запруды образовалось озеро глубиной до 120 метровъ (56 саженъ), воды котораго текли обратно почти до самаго Рампура. Послѣ сорокадневнаго перерыва рѣка вдругъ опять появилась въ видѣ чудовищной волны, вздымавшейся слишкомъ на 30 метровъ (14 саженъ); она смыла до основанія городъ Биласпуръ, и ниже, въ Пенджабѣ, измѣнила весь гидрографическій порядокъ равнины.

Главные города Западнаго Гималая отъ рѣки Рави до Сетледжа:

Нурпуръ.	7.150 жит.	Биласпуръ	4.900 жит.
Кангра	6.350 „	Дармсала	2.860 „
Чамба.	5.000 „	Дальгузи	2.000 „

III.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГИМАЛАЙ.

ПОКАТОСТЬ ДЖАМНЫ И ГАНГА, СИМЛА, ГАРВАЛЬ, КУМАОНЪ, НЕПАЛЪ.

На востокъ отъ Инда и Сетледжа, которые перерѣзываютъ насквозь Гималайскую систему и тѣмъ самымъ позволили раджпутскимъ завоевателямъ, такъ сказать, зайти въ тылъ горамъ, чтобы овладѣть Западнымъ Тибетомъ, верхнія долины Джамны и различныхъ гангъ, соединяющихся въ теченіи Ганга, даютъ доступъ только до вершины Загималайской цѣпи; въ самомъ дѣлѣ, эта именно раздѣльная линія служила политическою границей индусскимъ государствамъ, затѣмъ общей наслѣдницѣ всѣхъ этихъ государствъ, Индо-британской имперіи. Даже далѣе на востокѣ, полуденный скатъ Загималайскаго хребта не весь принадлежитъ индійскому государству Непалъ; Китайская имперія, представляемая гарнизонами, частью тибетскими, распространила съ этой стороны господство до горъ собственнаго Гималая и такимъ образомъ владѣетъ истоками и верховьями многихъ рѣкъ, спускающихся, черезъ Коси, къ Гангу и Бенгальскому заливу. Тѣмъ не менѣе, однако, естественная область гангесской покатости Гималая имѣетъ довольно точныя границы въ политическомъ отношеніи; около трехъ четвертей этой полосы земли составляетъ даже отдѣльное государство, Непалъ, связанное съ Англо-индійскою имперіей только дипломатическою фикціей. Наибольшая часть этой гималайской покатости необитаема; на сѣверѣ снѣга и ледники, на югѣ болотистые лѣса области терай задерживаютъ распространеніе поселеній, и отъ одного пояса до другого поперечные отроги и хребты, параллельные Гималаю, образуютъ цѣлый лабиринтъ скалъ и высокихъ склоновъ, гдѣ невозможна никакая культура. Сравнительно съ незначительнымъ

протяженіемъ земель, которыя человѣкъ можетъ утилизировать вдоль рѣкъ и на первыхъ террасахъ горъ, этотъ край населенъ довольно густо, по крайней мѣрѣ въ англійскихъ округахъ, ибо относительно Непала не существуетъ никакой статистики, и хотя различные писатели опредѣляютъ населеніе этой страны отъ двухъ до пяти милліоновъ душъ, но это исчисленіе совершенно гадательное, сдѣланное безъ всякихъ точныхъ данныхъ.

Пространство и населеніе индійской покатости центральнаго Гималая:

	Пространство въ квадр. килом.	Населеніе въ 1872 г. Жителей.	На 1 квадр. километръ. Жителей.
Симла	47	34.000	721
Гарваль независимый . . .	10.826	150.000	14
Кумаонъ и Гарваль, подвластные англичанамъ. . . .	29.784	743.600	25
Непалъ	146.795	3.000.000 (?)	20
Всего. . .	187.452	3.500.000 (?)	19

Городъ Симла, окруженный десятками двумя маленькихъ индусскихъ княжествъ, сохранившихъ еще кое-какія формы независимости и границы которыхъ болѣе перепутаны, чѣмъ границы государствъ бывшаго „Германскаго Союза", занимаетъ особенную область между западными и центральными провинціями Гималая. Основанъ онъ недавно, но выгоды его мѣстоположенія и капризъ одного вице-короля Индіи сдѣлали изъ него лѣтнюю столицу для всей имперіи: какъ только наступаетъ сезонъ жаровъ, дороги, ведущія изъ равнины къ Симлѣ, покрываются обозами и экипажами, перевозящими въ „дачный городъ" высшихъ калькуттскихъ сановниковъ, за которыми слѣдуетъ большинство ихъ чиновниковъ; нѣкоторыя изъ главныхъ государственныхъ учрежденій ежегодно переселяются изъ одной столицы въ другую. Естественно, что англичане, столь удаленные отъ своего отечества, должны были искать въ Индустанѣ мѣстъ, напоминающихъ имъ родной климатъ; имъ нужны были, на передовыхъ выступахъ Гималая, мѣстности, гдѣ они могли бы возстановлять крѣпость и гибкость мускуловъ, утраченную въ знойныхъ равнинахъ Инда и Ганга. Вслѣдствіе этого, цѣлый кордонъ новыхъ городовъ, составляющихъ нѣчто въ родѣ индійской Англіи, вытянулся на гималайскихъ предгорьяхъ, на высотѣ, среднимъ числомъ, около 2.000 метровъ; нигдѣ овладѣніе землей, сдѣланное западными завоевателями, не совершается болѣе разительнымъ образомъ, какъ въ этихъ городахъ, столь мало похожихъ внѣшнимъ видомъ на города, которыхъ зубчатыя стѣны и блистающіе на солнцѣ храмы виднѣются далеко въ равнинѣ. Самый большой изъ всѣхъ этихъ англійскихъ городовъ, Симла, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый важный

по своему географическому положенію: это не только мѣсто дачной жизни, городъ отдохновенія и увеселеній, какъ можно бы подумать, присутствуя на его балахъ и гуляньяхъ или на его *дарбарахъ*, гдѣ представляются раджи десятками. Возвышаясь на горномъ хребтѣ между Сетледжемъ и однимъ изъ притоковъ Джамны, онъ стоитъ какъ разъ въ вершинѣ треугольника, образуемаго двумя бассейнами Инда и Ганга; онъ наблюдаетъ за единственнымъ относительно легкимъ входомъ изъ Тибета и Китайской имперіи, наконецъ, онъ расположенъ между двумя большими государствами, Кашмиромъ и Непаломъ, и посредствомъ многочисленныхъ военныхъ лагерей, разсѣянныхъ на холмахъ и въ сосѣдней равнинѣ, держитъ въ повиновеніи населенія, нѣкогда столь воинственныя, сейховъ и раджпутовъ.

Первый англійскій домъ появился въ 1819 году на гребнѣ Симла, открытомъ, такъ сказать, за два года передъ тѣмъ братьями Жераръ, но этотъ новый поселокъ получилъ свое настоящее имя только въ 1826 году; когда Жакмонъ посѣтилъ его въ 1831 году, тамъ насчитывалось не болѣе шестидесяти домовъ. Только въ 1864 году Симла возвысился на степень второй столицы Индустана. Построенный на вершинѣ и по скатамъ холма въ формѣ полумѣсяца, развертывающагося съ запада на востокъ, онъ раскинулъ свои отели, дворцы, виллы и дачи на пространствѣ около 10 километровъ, и оканчивается на восточной сторонѣ округленною горой Джако, покрытой богатою растительностью, деодарами, дубами и рододендронами; городъ сдѣлался уже такъ обширенъ и многолюденъ, что мѣстные источники оказываются недостаточными для снабженія его водой, и до сихъ поръ еще не провели изъ какого-нибудь гималайскаго потока отводнаго канала, который наполнялъ бы городскіе резервуары. Къ югу отъ этой лѣтней столицы, защищенной съ западной стороны батареями Джатока, множество другихъ „санаторій", или дачныхъ городовъ, лѣпятся одинъ надъ другимъ по скатамъ или пріютились на вершинахъ холмовъ. Субату, Касаоли, Дагшай, Калка — преимущественно военныя станціи или посты, обороняющіе издали симленскую позицію; но вся гористая область, надъ которой на востокѣ господствуетъ пирамидальная вершина Чаура, обросшая густымъ лѣсомъ, образуетъ почти уединенный массивъ между Сивакикомъ и Гималаемъ; съ каждой верхушки передъ взорами путешественника развертывается грандіозная панорама обширныхъ лѣсовъ и снѣговъ, отъ Гарваля до величественныхъ горъ, гдѣ зарождаются первыя воды рѣки Джамны.

Эта область истоковъ есть одна изъ священныхъ мѣстностей индусской миѳологіи: тамъ высятся, извѣстныя теперь подъ другими именами, многія изъ горъ, прославленныхъ древними поэтами. Группа Джампотри, откуда вытекаютъ верхніе потоки священной рѣки, не достигаетъ, однако,

высоты вершинъ главнаго гребня; Бандерпунчъ и Саргаройнъ, двѣ самыя высокія вершины этого массива, не превышаютъ 6.250 метровъ и съ ихъ боковъ не спускаются ледники. Впрочемъ, Джамна, о которой легенда разсказываетъ, какъ о зарождающейся въ непосредственномъ сосѣдствѣ Ганга, получаетъ свое начало не на скатѣ главнаго хребта, Загималая; она принадлежитъ скорѣе къ неправильной грядѣ горъ Гималая въ собственномъ смыслѣ. Если бы имена рѣкамъ давали по обилію ихъ водъ, то не верхняя Джамна должна была бы сохранить названіе нижней рѣки; главная рѣка—это Тонса, которая зарождается на сѣверномъ скатѣ массива Джамнотри, или Бандерпунчъ, и которая, описавъ обширный полукругъ въ западномъ направленіи, соединяется съ Джамной близь входа ея въ равнины. Если, однако, эта послѣдняя, а не Тонса, сохранила священное имя, то она, вѣроятно, обязана этимъ тому обстоятельству, что въ небольшомъ разстояніи отъ ея истоковъ, на высотѣ 2.984 метровъ, изъ земли бьютъ горячіе ключи, мѣсто собранія пилигримовъ; точно также въ европейскихъ Альпахъ одинъ теплый источникъ далъ свое имя большому потоку, выходящему изъ Ронскаго ледника. Въ маленькомъ озерѣ, образовавшемся изъ горячихъ ключей Джамны, богъ-обезьяна Ганйманъ, какъ гласитъ легенда, однажды потушилъ свой загорѣвшійся хвостъ; съ того времени вода такъ и осталась горячею; таково происхожденіе имени горы Бандерпунчъ, которое буквально значитъ „Обезьяній хвостъ". Термальные источники Джамнотри—самые горячіе на всемъ Гималаѣ: температура ихъ 89 градусовъ стоградуснаго термометра, менѣе чѣмъ на 2 градуса ниже точки кипѣнія на этой высотѣ [1]).

Населеніе Гарваля спеціально индусское; если и встрѣчаются еще кое-какіе тибетскіе элементы между хасіями, т. е. раджпутами края, утратившими свою касту вслѣдствіе смѣшенія расъ, то эти черты все болѣе и болѣе сглаживаются, такъ какъ часть населенія безпрестанно обновляется приходомъ пилигримовъ и переселенцевъ съ юга. Въ былыя времена феодальные владѣтели оспаривали другъ у друга обладаніе долинами. На каждомъ выступѣ горъ видны еще старинные крѣпкіе замки, или *гары*, отъ которыхъ страна и получила свое настоящее имя. При феодальномъ порядкѣ Гарваль не могъ процвѣтать; но жители сдѣлались еще гораздо болѣе несчастными въ началѣ текущаго столѣтія, со времени завоеванія края гурками изъ Непала. Истребляемые войной и продаваемые въ рабство, хасіи уменьшались въ числѣ; теперь населеніе опять возрастаетъ, и земледѣліе захватываетъ все большее и большее количество непочатыхъ земель; изъ году въ годъ пустующія горныя пажити и джунгли равнинъ и полосы терая уменьшаются въ протяженіи. Но до сихъ поръ

[1]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien".

нѣтъ еще ни одного индусскаго города въ верхней долинѣ Джамны. И здѣсь также всѣ городскія поселенія британскаго происхожденія; это въ одно и то же время лѣтніе города, санаторіи, и мѣста стоянки войска, военные лагери, откуда англичане могутъ удобно надзирать за окрестными населеніями, пользуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, чистымъ горнымъ воздухомъ и наслаждаясь великолѣпіемъ горизонтовъ.

Одинъ изъ этихъ городовъ есть Чакрата, построенный на высотѣ 2.190 метровъ на узкомъ плато, господствующемъ надъ полукругомъ долинъ, который образуютъ Тонса и Джамна выше ихъ сліянія. Другой лѣтній городъ, важнѣйшій послѣ Симлы во всемъ центральномъ Гималаѣ,—Массури, который тянется въ длину на 6 километровъ, расположенный почти на такой же высотѣ, какъ Чакрата, на совершенно правильномъ хребтѣ, у подошвы котораго разстилается равнина Дера или Дерадунъ. Немного восточнѣе, на повышеніи хребта, расположены казармы и госпитали военнаго поста Ландуръ, составляющаго съ Массури одинъ городской округъ. На сѣверѣ предгорья мѣшаютъ видѣть большую цѣпь тибетской границы, но *дунъ* (продольная долина) Дера, самая широкая, самая правильная во всей Индіи, и однообразный горный валъ цѣпи Сиваликъ, типъ другихъ цѣпей Подгималая (нижняго Гималая), представляютъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ картинъ: съ одной стороны, на западѣ, видишь ворота Джамны, съ другой, на югѣ—ворота Ганга; обѣ бреши, размытыя теченіемъ рѣкъ, показываются разомъ. Между станціями или санитарными городами этихъ горъ городъ Массури представляетъ большія выгоды по равномѣрности температуры и незначительной разницѣ ея между лѣтомъ и зимой, между днемъ и ночью; но въ періодъ дождей онъ выставленъ всей ярости муссона и испытываетъ во всей силѣ приносимыя имъ непогоды; одинъ нѣмецкій путешественникъ Гюгель, разсказываетъ, что ему пришлось, въ 1835 году, видѣть дождь, продолжавшійся 85 дней сряду [1]). Оттого многіе изъ англійскихъ резидентовъ предпочли поселиться внизу, въ долинѣ Дера, болѣе жаркой, правда, но за то гораздо лучше защищенной отъ вѣтровъ и дождей. Этотъ прелестный городокъ, лежащій всего только на высотѣ 700 метровъ, не англійскаго основанія; онъ возникъ въ семнадцатомъ столѣтіи вокругъ храма, построеннаго однимъ сейхскимъ проповѣдникомъ, который приписывалъ себѣ способность умирать и воскресать по произволу. Храмъ существуетъ до сихъ поръ; высокій порталъ и эмальированный куполъ составляютъ главную красу этого замѣчательнѣйшаго зданія долины. Англійскій кварталъ, расположенный за чертой индусскаго города, обставленъ по бокамъ казармами, какъ всѣ другія мѣстопребыванія, выбранныя европейцами. Здѣсь же, въ Дерѣ, Остъ-индское триго-

[1]) *Carl von Hügel* „Kashmir und das Reich der Siek".

нометрическое бюро установило свою главную квартиру, важнѣйшій центръ для изученія географіи Индустана и Гималайскихъ горъ.

Городъ Дера, хотя лежащій уже на покатости истеченія Ганга, находится въ очень близкомъ разстояніи отъ водораздѣльнаго хребта или порога долины *дунъ*, и вòды, поворачивая мало-по-малу свои русла, такъ чтобы течь параллельно цѣпи Сиваликъ, спускаются между лѣсистыми холмами, съ одной стороны къ Гангу, съ другой—къ Джамнѣ. Прекрасная долина съ двойнымъ скатомъ, совершенно отдѣленная отъ остальнаго Индустана цѣпью Сиваликъ и сообщающаяся съ равнинами лишь двумя „воротами" рѣкъ и брешами горъ, не могла не получить важнаго значенія въ индусской миѳологіи; эпопеи сдѣлали ее мѣстомъ убѣжища сыновей Панду; туда же Рама ходилъ на покаяніе; безчисленныя легенды связываютъ съ каждою горкой, съ каждымъ источникомъ, съ каждымъ лѣскомъ этой долины какое-нибудь воспоминаніе о богѣ змѣй, о Сивѣ, Индрѣ или другихъ божествахъ. Здѣсь же находится одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Индіи, свидѣтельствующій о святости этого края: это большой эрратическій камень (кварцъ), лежащій на террасѣ, господствующей надъ правымъ берегомъ Джамны, недалеко отъ сліянія ея съ Тонсой. Эта знаменитая скала, извѣстная подъ названіемъ „камня Калси" (по имени одной сосѣдней деревни), носитъ на себѣ изображеніе слона и скрижали буддійскаго закона, начертанныя, по повелѣнію императора Асоки, за 2150 лѣтъ до нашей эпохи. Очевидно, мѣсто, гдѣ Джамна, усиливаемая Тонсой, проникаетъ въ долину дунъ, считалось тогда рубежемъ Индіи. Брешь, гораздо болѣе доступная, черезъ которую Джамна окончательно вступаетъ въ равнину, пройдя передъ тѣмъ дуну и принявъ въ себя вытекающія изъ нея вòды, кажется, далеко не имѣла такой важности, какъ священное мѣсто. Тамъ до сихъ поръ видны еще, на берегу рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ развѣтвляется вокругъ лѣсистыхъ острововъ, остатки Бадшахъ-Магала, загороднаго охотничьяго дворца Великаго Могола. Въ наши дни, какъ и во времена Акбара и Джехангира, сосѣднія горы служатъ убѣжищемъ слонамъ, тиграмъ, леопардамъ и другимъ животнымъ дикой фауны.

Сдѣлавшись однимъ изъ центровъ британскаго вліянія въ Индустанѣ, долина Дера-дунъ снова пріобрѣла, съ точки зрѣнія земледѣлія, ту важность, которую она утратила - было при господствѣ гурковъ; каналы, перерѣзывавшіе во всѣхъ направленіяхъ долину, были возстановлены или замѣнены другими, джунгли расчищены во второй разъ, и подъ сѣнію манговыхъ рощъ, вокругъ которыхъ тѣмъ временемъ успѣли уже разростись большіе пустынные лѣса, опять появились хижины. Въ краѣ были введены нѣкоторыя новыя культуры, между прочимъ, разведеніе чайнаго дерева, и переселенцы изъ всѣхъ сосѣднихъ провинцій, даже изъ Афганистана, стекаются на эти плантаціи. Съ 1815 года,

эпохи изгнанія гурковъ, число жителей утроилось, и новые элементы прибавились къ прежнему населенію браманскому и раджпутскому. Тамъ и сямъ встрѣчаются еще кое-какіе остатки племенъ мера и думъ, которые, какъ полагаютъ, и были аборигенами страны. Мера боязливо держатся особнякомъ въ глуши лѣсовъ близъ Ганга, тогда какъ думъ, чернокожіе, съ курчавыми волосами [1]), были распространены во всѣхъ частяхъ долины, гдѣ они работали, какъ невольники. Изъ ненависти къ своимъ бывшимъ угнетателямъ, индусамъ, нѣкоторые изъ нихъ перешли въ магометанскую или въ христіанскую вѣру.

Верхній бассейнъ Ганга, болѣе обширный, чѣмъ бассейнъ Джамны, начинается на тибетской границѣ, на южномъ склонѣ Загималайской цѣпи; сѣверная вѣтвь, Бхагирати-ганга, получаетъ даже изъ Бодъ-юла (Тибета), черезъ страшныя Нилапскія ущелья, свой самый значительный притокъ, Джаневи. Потокъ, который считаютъ истинною Гангой или Гангомъ, хотя онъ катитъ не наибольшее количество воды, вытекаетъ на высотѣ 4.206 метровъ изъ-подъ передней арки ледника, оканчивающагося потрескавшимися стѣнами высотой около 100 метровъ (47 саженъ); это и есть тотъ „ротъ Коровы“, о которомъ говорятъ легенды, но котораго, быть можетъ, ни одинъ изъ его обожателей не видѣлъ до тѣхъ поръ, пока Годгсонъ, въ 1817 году, и другіе европейскіе путешественники, взбираясь надъ пропастями, по глубокимъ снѣгамъ и обваламъ, не взошли на самый ледникъ истока священной рѣки; тамъ-то и находится первая ступень трона Сивы, ибо пять большихъ горъ, которыя ограничиваютъ горизонтъ на сѣверо-востокѣ и на востокѣ, превознесены, въ индусской миѳологіи, надъ всѣми вершинами, какъ спеціальный престолъ Маха-Део, или „Великаго Бога“. Съ этихъ горъ Кайласъ или Рудру-Гималахъ, изъ которыхъ одна достигаетъ высоты 6.725 метровъ, спускаются снѣга въ громадный циркъ, высовывая въ каждую долину ледяной языкъ и груды обломковъ. На югѣ горы еще выше. Гора Кидарнатъ, или Махапантъ, вершина которой тоже посвящена богу Сивѣ, достигаетъ высоты 6.959 метровъ. Другая вершина, Тарласагаръ, или гора Моира, уединенная въ своемъ величіи, не уступаетъ по высотѣ предъидущимъ, и многія другія вершины этой цѣпи, огибаемой на западѣ рѣкой Бхагирати-ганга, превышаютъ 6.000 метровъ (почти 20.000 футовъ); три послѣднія вершины, окутанныя бѣлоснѣжнымъ покровомъ, получили названіе Трикапта, или „Триглавая гора“. Робертъ фонъ-Шлагинтвейтъ тщетно пытался перейти черезъ цѣпь Кидарнатъ, на югѣ отъ Ганготри; ледяное море, по которому онъ пустился, оказалось до такой степени изрѣзаннымъ широкими и глубокими трещинами, что не было никакой возможности продолжать путь.

[1]) *Hunter* „Imperial Gazetteer of India“.

Святое мѣсто Ганготри, въ верхней долинѣ рѣки Бхагирати-ганга, есть самый высокій пунктъ, гдѣ браманы, поклонники богини, могли поселиться, и хотя никакое пилигримство не считается болѣе достохвальнымъ и богоугоднымъ, однако, сюда всего рѣже ходятъ на богомолье; трудности и безпокойства путешествія останавливаютъ главную массу пилигримовъ на берегахъ священной рѣки, у менѣе возвышенныхъ святынь. Въ прежнее время вѣрующіе, отправлявшіеся въ эти святыя мѣста, несли знамя Ямы, „ведущее къ смерти", и называли сами себя *аниварттина*, т. е. „людьми, которымъ не суждено вернуться" [1]). Въ послѣдней части дороги приходится пробираться дикими узкими проходами между горъ и взлѣзать на вертикальныя стѣны при помощи шаткихъ лѣстницъ, сдѣланныхъ изъ кольевъ, вбитыхъ въ скалу надъ бѣгущимъ внизу потокомъ. Одна изъ этихъ лѣстницъ виситъ на перпендикулярной стѣнѣ утесовъ, при сліяніи двухъ рѣкъ Бхагирати и Джаневи, которыя обѣ текутъ въ страшныхъ ущельяхъ. Пилигримы, отправляющіеся къ святынѣ Ганготри, должны совершить свои первыя омовенія въ соединенныхъ водахъ этихъ двухъ горныхъ потоковъ; они получаютъ тутъ изъ рукъ брамана освященный хлѣбъ и бросаютъ въ струю теченія пучекъ травы, который, безъ сомнѣнія, служитъ символомъ ихъ грѣховъ [2]). Ниже по теченію, каждый этапъ, каждый источникъ, каждый выступъ горы тоже представляетъ священное мѣсто, гдѣ вѣрующіе совершаютъ свои пріуготовительные обряды и церемоніи, прежде чѣмъ придти къ главному святилищу, къ храму на истокахъ Ганга.

Рѣка Алакнанда, хотя менѣе священная, чѣмъ Бхагирати-ганга въ мнѣніи индусовъ, есть, однако, главная вѣтвь Ганга; она почти вдвое шире [3]), и горы, посылающія ей первыя ея воды, превосходятъ высотою горы Ганготри. Гора Иби-Гаминъ, съ снѣжныхъ боковъ которой льются направо и налѣво высокіе потоки, образующіе рѣку Алакнанда, поднимаетъ свой верхній куполъ на высоту 7.781 метра; изъ всѣхъ горъ Загималайской цѣпи это самая высокая, какая до сихъ поръ была измѣрена; ея тибетское имя, которое буквально значитъ „Великая мать снѣговъ", показываетъ, что жители Бодъ-юла не знаютъ ей равныхъ въ этой части страны. Индусскіе брамины посвятили ее одному изъ своихъ божествъ, какъ и всѣ другіе пики той мѣстности, и вообще даютъ ей имя Нанда-Парбатъ, „Гора богини Нанды", тогда какъ на большей части англійскихъ картъ она носитъ названіе Каметъ. На западной сторонѣ этой вершины, перевалъ Иби-Гаминъ, который братья Шлагинтвейты, Адольфъ и Робертъ, перешли въ 1856 году,—самая высокая изъ гима-

[1]) *Troyer* „Radjatarangini, Исторія Кашмирскихъ магараджей".
[2]) *James Baillie Fraser* „Tour of the Himalah-Mountains; *Hodgson* „Survey", 1817; *Carl Ritter* „Asien".
[3]) *R. Strachey* „Journal of the Geographical Society of London", 1851.

лайскихъ брешей, переходимыхъ пастухами; высота его 6.236 метровъ. Даже наиболѣе посѣщаемые пороги этой области водораздѣла, на западѣ перевалъ Мана, или Чирбиттіа-ла, на востокѣ перевалъ Нити, или Чинду, превосходятъ каждый на нѣсколько сотъ метровъ высоту Монъ-Блана. Ботіи, племя тибетскаго происхожденія, хотя считающіе себя индусами и говорящіе обоими языками, индусскимъ и тибетскимъ — единственные посредники между двумя скатами; лѣтомъ ихъ всегда встрѣтишь цѣлыми партіями на тропинкахъ переваловъ, гдѣ они гонятъ передъ собою навьюченныхъ барановъ. Общее число ботіевъ опредѣляютъ, приблизительно, въ 3.000 душъ.

Самый знаменитый и наиболѣе посѣщаемый храмъ во всей области горъ Гарваля и Кумаона—Бадринатская пагода, обогащаемая приношеніями пилигримовъ, которые каждый годъ являются туда десятками тысячъ. Черезъ каждыя двѣнадцать лѣтъ, когда планета Юпитеръ вступаетъ въ знакъ Водолея, къ этой святынѣ стекаются отъ сорока до пятидесяти тысячъ правовѣрныхъ индусовъ, и окружающія ее пастбища, надъ которыми высится на западѣ величественная пирамида горы Бадринатъ, превращаются временно въ обширное ярмарочное поле. Игосиматъ или Джгосиматъ, Вишнупраягъ, на Алакнандѣ, и Кидарнатъ, на одномъ притокѣ этой рѣки, тоже святыя мѣста, куда приходитъ масса богомольцевъ и гдѣ живутъ припѣваючи общины брамановъ, но гражданскаго населенія, сгруппированнаго въ значительныя городскія поселенія, въ краѣ почти нѣтъ. Единственный городъ, достойный этого имени, называемый Сринагаромъ, или „Городомъ Солнца“, также какъ столица Кашмира, находится недалеко отъ выхода долины рѣки Алакнанды; онъ не носитъ титула главнаго мѣста, который присвоенъ деревнѣ Паори, лежащей на югѣ, въ мѣстности съ болѣе свѣжимъ воздухомъ.

Мѣсто слiянія Бхагирати и Алакнанды, гдѣ двѣ соединенныя рѣки принимаютъ общее имя Ганга, не могло, разумѣется, не сдѣлаться священнымъ въ мнѣніи индусовъ: это „божественное Сліяніе“, или Деопрейагъ, и тамъ тоже существуетъ храмъ, привлекающій массы богомольцевъ. Однако, самая знаменитая, наиболѣе посѣщаемая пилигримами, група святилищъ находится ниже по теченію: это Гардваръ, или Гаридвара, т. е. „ворота Вишну“, иначе называемый также „Гара-двара“, или „ворота Сивы“, ибо сектаторы каждаго культа приписываютъ своему богу главную честь открытія „воротъ Ганга“. Вѣроятно, впрочемъ, что храмы стояли уже въ ущельи гораздо ранѣе той эпохи, когда жители стали поклоняться Сивѣ и Вишну; многія изваянія, открытыя между развалинами Майапура, города, существовавшаго на этомъ мѣстѣ до Гардвара и который былъ посѣщенъ буддійскимъ пилигримомъ Гіуенъ-цангомъ, очевидно, относятся ко временамъ, предшествовавшимъ появленію нынѣшнихъ формъ индусскихъ религій. Въ этомъ мѣстѣ своего те-

ченія „божественная Ганга“ является уже вполнѣ сформированною рѣкой. По выходѣ изъ области горъ, въ небольшомъ разстояніи ниже сліянія, она прошла черезъ область дуновъ и приняла въ себя съ той и другой стороны ручьи, посылаемые ей этими боковыми долинами; чтобы войти въ равнину Индустана, ей остается только проникнуть въ брешь горъ, которая, впрочемъ, имѣетъ нѣсколько верстъ въ ширину и гдѣ рѣка можетъ дѣлиться на извилистые рукава вокругъ лѣсистыхъ острововъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина расширяется въ формѣ воронки со стороны равнины, городъ раскинулъ свои храмы вдоль праваго берега Ганга, напротивъ другого священнаго зданія, вѣнчающаго холмъ противоположнаго берега. На югъ тянется красивый кварталъ Кункуль, принадлежащій богатымъ браманамъ и негоціантамъ изъ всѣхъ частей Индіи. Обезьяны во множествѣ прыгаютъ и рѣзвятся на деревьяхъ садовъ.

Посѣщенія пилигримовъ начинаются въ половинѣ марта и продолжаются почти цѣлый мѣсяцъ. Первые англійскіе путешественники, Гардвикъ, Реперъ и другіе, исчисляли постоянно смѣняющуюся толпу въ храмахъ Гардвара въ два слишкомъ милліона человѣкъ,— число, которое Джонсонъ, въ 1827 году, находилъ еще ниже дѣйствительности; въ 1867 году лагерь пилигримовъ занималъ пространство въ 57 квадр. километровъ. Это объясняется тѣмъ, что масса собирающагося здѣсь народа состоитъ не только изъ правовѣрныхъ, которые приходятъ за тѣмъ, чтобы поцѣловать слѣдъ ноги бога Вишну, выкупаться въ священномъ прудѣ или въ водахъ Ганга; она заключаетъ въ себѣ также купцовъ всѣхъ расъ и кастъ, съѣзжающихся сюда, чтобы торговать вокругъ храмовъ. Если только прежнія исчисленія не были лишены всякаго серьезнаго основанія, число пилигримовъ, какъ приходящихъ на богомолье, такъ и являющихся ради торговли, сильно убавилось противъ прежняго времени, хотя народонаселеніе Индіи постоянно возрастало. Устройство хорошихъ дорогъ и рельсовыхъ путей сосредоточило движеніе торговаго обмѣна въ большихъ городахъ, и религіозный жаръ ослабѣлъ; теперь рѣдко случается, чтобы число посѣтителей превышало 70.000; только въ праздникъ Водолея, повторяющійся черезъ двѣнадцать лѣтъ, число это бываетъ значительно больше. Вмѣшательство англійской полиціи, принимающей мѣры къ изолированію больныхъ во время эпидеміи, къ болѣе правильному размѣщенію лагерей пилигримовъ, къ поддержанію порядка среди многочисленной толпы у входовъ въ храмы, тоже не могло не повліять на уменьшеніе прилива правовѣрныхъ. Въ 1819 году напоръ массы народа, устремившейся къ мѣсту купанья, былъ такъ великъ, что 430 человѣкъ потонули въ священныхъ водахъ, затоптанные другими купающимися. Иногда возгорались ожесточенныя побоища между соперничающими сектами; говорятъ, что въ 1760 году восемнадцать тысячъ труповъ покрывали землю вокругъ святилищъ. Но, утративъ отчасти свою преж-

ную важность, какъ духовный центръ, Гардваръ пріобрѣлъ первостепенное значеніе въ экономической жизни Индустана, въ поднятіи его земледѣльческой производительности: у этого города начинается большой ирригаціонный каналъ Доаба, отведенный, не смотря на оппозицію брамановъ, изъ священныхъ водъ Ганга.

Другая ганга беретъ начало въ горахъ Кумаона, лежащихъ на югъ отъ Алакнанды: это Рамъ-ганга, которая течетъ на протяженіи 660 километровъ и затѣмъ соединяется съ Гангомъ въ равнинѣ. Столица Кумаона, Альмора, лежитъ въ бассейнѣ этой рѣки, на горномъ хребтѣ, съ котораго открывается обширный видъ. Старинная крѣпость, часто выдерживавшая осады и переходившая изъ рукъ въ руки во время мѣстныхъ войнъ, Альмора сдѣлалась, благодаря высотѣ своего мѣстоположенія (1.650 метровъ) и свѣжести горнаго воздуха, однимъ изъ городовъ, которымъ англичане отдаютъ предпочтеніе за ихъ здоровый климатъ. Какъ санаторій, съ Альморой соперничаетъ новый городъ Ранихетъ, лежащій на 165 метровъ выше, на плоскогорьѣ, которое предоставляетъ строителямъ все, чего недостаетъ почти во всѣхъ другихъ городахъ Гималая: воду въ изобиліи, ровную почву и превосходные строительные матеріалы, камень и дерево. Предлагали замѣнить Симлу, какъ центръ расквартированія выздоравливающихъ солдатъ, Ранихетомъ, гдѣ воздухъ здоровѣе; многія основанныя здѣсь въ послѣднее время военныя учрежденія уже придаютъ этому городу значеніе крѣпости, надзирающей за границей Непала. Но большинство досужихъ людей, посѣщающихъ страну во время лѣтнихъ жаровъ, слѣдуютъ за аллагабадскимъ губернаторомъ, который избралъ резиденціей болѣе возвышенный городъ, Найниталь (1.945 метровъ), получившій это названіе отъ озера, посвященнаго богинѣ Найни, той же самой, что̀ и Парватти, индійская Венера. Въ 1815 году въ этомъ мѣстѣ стоялъ только одинъ храмъ, окруженный нѣсколькими лачугами; теперь тутъ выросъ прелестный городъ, развертывающій свои извилистыя улицы въ узкой равнинѣ, которая продолжаетъ озеро на сѣверо-западѣ; красивыя зданія возвышаются на всѣхъ мысахъ, и виллы и дачи разсѣяны въ обширномъ амфитеатрѣ зелени до самыхъ вершинъ горъ. Окружающая природа нигдѣ не представляетъ грандіознаго зрѣлища: самые высокіе изъ окрестныхъ гребней не превосходятъ 2.500 метровъ, но мало найдется на Гималаѣ мѣстоположеній, которыя болѣе походили бы на природу умѣренной Европы; это-то и составляетъ главную прелесть этого мѣста въ глазахъ англійскихъ резидентовъ Индіи. На юго-востокъ отъ Найни-таля многіе бассейны горы тоже наполнены маленькими озерами, или *талями*, и вытекающіе изъ этихъ озеръ ручьи всѣ впадаютъ въ рѣку Гола близь входа ея въ великую индійскую равнину. Но между этими прѣсноводными резервуарами нѣтъ ни одного значительнаго. Площадь главнаго изъ нихъ, Найни-таля,

СИМЛА.

меньше двадцати десятинъ, а наибольшая глубина его не достигаетъ 30 метровъ (14 саженъ); Бимъ-таль, или „озеро Сивы“, самое обширное послѣ Найни-таля, имѣетъ 1.200 метровъ въ длину, но оно уже озера Найни. Самое существованіе этихъ маленькихъ резервуаровъ есть одно изъ замѣчательныхъ явленій этой области Гималая, и геологи часто спорили между собою относительно способа ихъ образованія. Обвалы часто случаются въ этой части Кумаона: въ 1880 году масса камней и глины, размытая глубокими источниками, отдѣлилась отъ восточныхъ холмовъ и засыпала часть города Найни-таль, причемъ болѣе 180 человѣкъ были погребены подъ грудами обвалившейся земли.

Рѣка Кали, иначе Сарджу, Сарда или Гогра, одинъ изъ самыхъ обильныхъ потоковъ центральнаго Гималая, была взята въ 1816 году англичанами, какъ граница ихъ имперіи и Непала. Также какъ Алакнанда, эта рѣка гангесской системы получаетъ свои первыя вòды съ горъ Загималайской цѣпи, на тибетской границѣ, и каждый изъ ея верхнихъ притоковъ питается ледникомъ. „Богиня Нанда“, или Нанда-деви, наиболѣе чтимая изъ всѣхъ мѣстныхъ божествъ Кумаона, властвуетъ надъ этою областью льдовъ и скалъ. Когда ботіямъ случается переходить черезъ опасный перевалъ въ виду этой царицы снѣговъ—„высочайшей горы во всемъ свѣтѣ“, говорили они еще недавно [1]); они каждый разъ приносятъ ей въ жертву козъ, но при этомъ строго наблюдается, чтобы ни одинъ невѣрный не осквернилъ церемоніи жертвоприношенія своимъ нечестивымъ взоромъ; въ подобномъ случаѣ Адольфъ Шлагинтвейтъ долженъ былъ спрятаться за скалу [2]). Вершина Нанда-деви поднимается на 7.823 метра и ближайшій къ границѣ горный проходъ, Кіунгаръ, имѣетъ не менѣе 5.280 метровъ высоты, т. е. на 470 метровъ болѣе, чѣмъ Монъ-Бланъ. Этимъ переваломъ очень часто пользуются, не смотря на трудность восхожденія по дикой долинѣ рѣки Гори-ганга и черезъ трещины Миламскаго ледника. Деревня того же имени (Миламъ), лежащая на высотѣ 3.429 метровъ, близь конечной морены ледянаго потока, бываетъ переполнена путешественниками во время короткаго періода торговаго движенія. Но съ октября мѣсяца она совершенно покидается жителями, также какъ Мартоли и другія селенія, лежащія ниже; все населеніе удаляется тогда въ нижнія долины. Знаменитый пандитъ Найнъ-сингъ, тотъ самый, который такъ много сдѣлалъ для изслѣдованія Загималайской цѣпи и плоскогорій Тибета, можно даже сказать, сдѣлалъ больше, чѣмъ всякій другой изъ новѣйшихъ путешественниковъ, былъ долгое время школьнымъ учителемъ въ Миламѣ.

---

[1]) *Reg. Heber* „Journey through the upper provinces of India“.
[2]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien“; *Strachecy* „Journal of the Geographical Society“, 1851.

Главные города засетледжскихъ государствъ, Гарваля и Кумаона, съ ихъ населеніемъ въ 1872 году, не считая временныхъ резидентовъ:

Симла.	15.025	жит.	Альмора	6.250	жит.
Массури и Ландуръ.	8.000	„	Найни-таль	6.000	„
Дера	7.320	„	Чакрата	1.250	„

Непалъ—это одна изъ „невѣдомыхъ странъ" Индустана. Хотя король этой страны призналъ верховную власть британскаго правительства, какъ „сюзеренной державы", и хотя англійскій резидентъ имѣетъ право пребывать въ столицѣ края, подъ охраною сипаевъ, однако, доступъ въ предѣлы Непала строго воспрещенъ обыкновеннымъ путешественникамъ, равно какъ инженерамъ-топографамъ; если нѣкоторые изслѣдователи, именно одинъ изъ братьевъ Шлагинтвейтъ, Германъ, могли посѣтить непальскую столицу Котманду и осмотрѣть ея окрестности, то это удалось лишь послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ. Измѣренія колоссовъ Гималая, возвышающихся въ центрѣ Непала, пришлось по необходимости производить съ равнинъ Индіи, при помощи визированій, дѣлаемыхъ черезъ предгорья, и чтобы получить точные маршруты внутреннихъ областей, нужно было посылать индусскихъ пандитовъ, странствовавшихъ съ разными переодѣваніями, подъ видомъ купцовъ или монаховъ. Что касается исторіи языковъ и населеній Непала, то они могли быть лучше изучены, благодаря изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ англійскихъ резидентовъ, дипломатовъ или медиковъ, подолгу проживавшихъ въ Котманду.

Существованіе Непала, какъ особаго, отдѣльнаго отъ остальной Индіи государства объясняется географическимъ положеніемъ этой страны. Нигдѣ нельзя лучше констатировать того факта, что такъ называемыя „естественныя дѣленія", проводимыя единственно по рѣчнымъ бассейнамъ, оказываются иногда чисто условными. Многія большія рѣки гангесской системы, Карнали, Гандакъ, Коси, перерѣзываютъ Непалъ съ сѣвера на югъ, отдѣленныя одна отъ другой высокими горами; даже самыя высокія вершины земнаго шара поднимаются между рѣками Ботіа—Арунъ и Коси, впадающими въ одинъ и тотъ же притокъ Ганга, и однакоже, не предѣлы этихъ рѣчныхъ бассейновъ служатъ рубежами Непалу. Это царство, обширный прямоугольникъ, который тянется съ запада на востокъ на пространствѣ 700 слишкомъ километровъ и котораго средняя ширина всего только 125 километровъ, провело свои границы поперегъ долинъ этихъ рѣкъ. Тогда какъ верхняя часть рѣкъ принадлежитъ Китайской имперіи, нижнее теченіе ихъ находится въ Британской Индіи. На сѣверѣ, естественную границу Непала составляютъ обширныя пустынныя плоскогорья между Гималаемъ и Загималаемъ; на югѣ, болотистый лѣсъ пояса терай образуетъ барьеръ, этнологическій и

политическій, между областью долинъ и областью равнины. Населеніе каждой долины Непала, заключенной между снѣгами горъ и болотами терая, стремится образовать отдѣльное политическое тѣло; завоеваніе сгруппировало ихъ въ одно государство, но не могло перейти за границы, начертанныя, такъ сказать, кривыми уровня. Разсматриваемый въ цѣломъ, Непалъ состоитъ изъ поясовъ растительности, расположенныхъ одинъ надъ другимъ по склонамъ центральнаго Гималая; климатъ, а не скатъ истеченія водъ обусловливаетъ его географическое единство. Войны, иноземныя нашествія, трактаты неоднократно и разнообразно видоизмѣняли политическія границы; таможни тибетской границы должны были много разъ выдвигать или отодвигать свои посты; точно также, отряды непальскихъ солдатъ могли, въ силу договоровъ съ Англіей, возводить новую бамбуковую изгородь и ставить каменные межевые столбы дальше отъ основанія горъ; но, не смотря на всѣ эти измѣненія окружности, географическій контрастъ съ его слѣдствіями въ жизни народовъ существуетъ по прежнему. Въ началѣ настоящаго столѣтія прямоугольникъ Непала продолжался даже гораздо далѣе на западъ; онъ занялъ бы всю область гималайскихъ отлогостей, если бы слишкомъ большое протяженіе территоріи въ длину и происходящая отъ того трудность сообщеній не уменьшали силу сцѣпленія всѣхъ частей цѣлаго. Такъ точно Италія, „единая“ по формѣ своей территоріи и по языку своихъ народовъ, оставалась долгое время раздробленною на множество отрывковъ; въ подобныхъ же условіяхъ находится, напримѣръ, Чили, въ Южной Америкѣ, которое навѣрно распалось бы на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, если бы море не сближало его береговъ.

Извѣстно, что Непалъ есть та страна, гдѣ выступы земной коры представляютъ наибольшій рельефъ, наибольшую выпуклость; между самыми низкими точками и самыми высокими вершинами этой области вертикальное разстояніе превышаетъ 8 километровъ; на снѣговыхъ куполахъ горныхъ колоссовъ воздухъ не имѣетъ даже половины тяжести атмосферы, омывающей нижнія поля и равнины. Подобно Западному Гималаю, непальскія горы отдѣлены отъ равнины первою грядой высотъ, состоящихъ изъ третичныхъ горныхъ породъ, какъ и Сиваликъ, котораго онѣ составляютъ продолженіе. Эта подгималайская цѣпь, перерѣзанная въ разныхъ точкахъ своего протяженія горными потоками, носитъ названіе Черріагати. На сѣверѣ, по другую сторону продольнаго пониженія, образуемаго дунами или мари, высятся переднія горы Гималая въ собственномъ смыслѣ, поднимаясь постепенно отъ хребта къ хребту до самыхъ верхнихъ массивовъ.

Въ Западномъ Непалѣ высится, почти уединенно, надъ глубокою долиной одной изъ „семи“ рѣкъ Гандакъ, массивъ Нараяны, или „Сына Человѣческаго“, т. е. Вишну; надъ этою группой господствуетъ вершина

*

Давала-гири (Даоло-гири), или „Бѣлая гора", которую долгое время, почти впродолженіи полустолѣтія, считали высочайшимъ пикомъ земнаго шара; на востокѣ, горы Моршіади, Бараторъ, Ясса соперничаютъ высотою и величественнымъ видомъ съ непальскимъ Монъ-Бланомъ. Массивъ Госаинтанъ, или Киронгъ, самыя горделивыя вершины котораго—Деорали и Даябангъ, на 1.000 метровъ ниже Давалагири, но его чтутъ больше, безъ сомнѣнія, потому, что онъ находится ближе къ цивилизованнымъ населеніямъ. Изъ разсѣлинъ его скалъ бьютъ три священные каскада, образующіе озеро Нильхіатъ, т. е. озеро „бога съ синею шеей"; это резервуаръ, откуда вытекаетъ рѣка Трисуль-ганга, получившая это названіе отъ трезубца Сивы, который извелъ ее изъ скалы[1]). Отнынѣ первое мѣсто по высотѣ принадлежитъ Гауризанкару или Чингопамари, величественной горѣ Восточнаго Непала, посвященной божественной четѣ, Сивѣ, богу Силы, и Парватти, богинѣ Красоты. Кинчинджинга, окруженная пятью обширными снѣговыми полями, отъ которыхъ она и получила свое имя, означающее „Пять блистающихъ ледниковъ", тоже принадлежитъ Непалу; она возвышается между этимъ государствомъ и Сиккимомъ, у сѣверной оконечности поперечной цѣпи Сингалила. Многіе другіе пики страны, не считая переднихъ горъ главныхъ вершинъ, переходятъ за высоту 7.000 метровъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Загималайская цѣпь, которая образуетъ водораздѣльный хребетъ между бассейномъ Цангбо и бассейномъ Ганга, но которая находится въ большей части своего протяженія, увѣнчана пиками, соперничающими съ колоссами Гималая или почти неуступающими имъ высотою. Пандитъ, который обошелъ вокругъ всего массива Гауризанкаръ въ 1871 году, но не могъ, однако, разглядѣть этой горы, скрывавшейся отъ него за другими вершинами, говоритъ, что все время видѣлъ на сѣверѣ очень высокія вершины, которыя показались ему нисколько не ниже колоссовъ Гималая въ собственномъ смыслѣ. Изъ всѣхъ горъ этой области та, которая показалась ему самою высокою, принадлежитъ Загималайской цѣпи; она господствуетъ надъ обширнымъ пространствомъ, на сѣверо-востокѣ большой равнины, называемой Дингри-Майданъ, или „Площадь Дингри" (Тингри)[2]).

Понятно, что при такихъ крайне рѣзкихъ различіяхъ рельефа страны сообщенія между долинами и плоскогорьемъ, равно какъ изъ одной долины въ другую, должны быть весьма затруднительны. Большинство рѣкъ, спускающихся изъ Тибета, проходитъ черезъ переднюю стѣну Гималая ущельями, до того глубокими, и съ боками, до такой степени крутыми, что путешественникамъ невозможно пускаться въ эти страшныя тѣснины. Продолжать путь въ тѣхъ мѣстахъ можно не иначе, какъ взбираясь на

[1]) *Oldfield* „Sketches from Nipal".
[2]) *Montgomerie* „Journal of the Geographical Society of London", vol. XLV, 1875.

сосѣдніе отроги черезъ цѣлый рядъ перевалов, возвышающихся слишкомъ на 4.000 метровъ. Есть даже въ этой цѣпи совершенно неприступныя бреши, которыя нужно обходить съ правой или лѣвой стороны, дѣлая крюкъ верстъ въ 50. Въ другихъ мѣстахъ тропинки проложены въ самыхъ ущельяхъ, но такъ проложены, что воспользоваться ими не отваживается ни одинъ путешественникъ, кромѣ горцевъ. Ниже Чоксама, гдѣ черезъ могучую рѣку Ботіа-Коси перекинутъ мостикъ меньше десяти саженъ длиною, тропинка состоитъ изъ 775 каменныхъ ступенекъ, шириною отъ 25 до 45 сантиметровъ, положенныхъ на желѣзные бруски, вбитые въ скалу; потокъ реветъ на глубинѣ 450 метровъ (210 саженъ) подъ этою лѣстницей, висящею въ пустотѣ. Рѣдко бываетъ, чтобы овцы или козы отважились послѣдовать за человѣкомъ по этимъ опаснымъ ступенямъ.

Изъ проломовъ, которыми торговцы могутъ пользоваться, чтобы попасть съ одного склона на другой, только немногіе открыты торговлѣ строгими агентами тибетскаго таможеннаго вѣдомства, тѣмъ болѣе подозрительными, что проходъ черезъ границу какого-нибудь лазутчика или миссіонера былъ бы вмѣненъ имъ въ уголовное преступленіе. На западной оконечности королевства перевалъ Ніало или Такла-харъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ, потому что черезъ него можно добраться до береговъ озера Мансарауръ и водораздѣльнаго порога между рѣками Сетледжъ и Цангбо; тамъ находится та область, священная по преимуществу, гдѣ, по сказанію легенды, таинственные звѣри, скрывавшіеся въ пещерахъ Кайласа, изрыгали четыре рѣки Индіи; по крайней мѣрѣ Сетледжъ, Цангбо, Карнали, всѣ три берутъ начало вокругъ массива Гурла-Мандгата, а Индъ вытекаетъ въ небольшомъ разстояніи на сѣверъ отъ Кайласа. Перевалъ Поту, откуда путешественники, поднявшись по долинѣ рѣки Кали-Гандакъ до самаго истока, направляются къ Тадамскому монастырю и этапу,—тоже одинъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ горныхъ проходовъ Непала. Далѣе на востокъ перевалъ Но-ла, высота котораго около 5.000 метровъ, представляетъ болѣе трудный проходъ. Лучшая дорога, царская, такъ сказать,—это та, которая поднимается изъ Катманду къ сѣверу долиной р. Трисуль, самой восточной въ бассейнѣ Гандакъ, и пройдя черезъ Джонка-джонгъ, вступаетъ на востокѣ въ пониженіе, занятое частью большимъ тибетскимъ озеромъ Пальгу; но до сихъ поръ еще ни одному изъ пандитовъ, которые были посылаемы на развѣдки остъ-индскими офицерами-геодезистами, не удалось пробраться на эту дорогу, наименѣе трудную изъ всѣхъ тамошнихъ путей сообщенія; она предоставлена въ исключительное пользованіе важныхъ особъ, за которыми, когда они отправляются въ путь, слѣдуютъ навьюченныя лошади. Въ 1792 году китайцы спустились черезъ эту брешь внутрь Непала. Обыкновенные купцы проходятъ переваломъ Тунгъ-ла, иначе Кути или Ниламъ-джонгъ,

къ которому они поднимаются по страшнымъ ущельямъ рѣки Ботіа-Коси. Наконецъ, въ восточной части Непала тоже есть нѣсколько переваловъ, какъ-то: Гатіа, Типта-ла, Нила-ла, Тинки-ла, Данго-ла, которые позволяютъ переходить черезъ различные хребты, отдѣляющіе покатость Ганга отъ покатости Цангбо.

Высота главныхъ горъ и наиболѣе посѣщаемыхъ горныхъ проходовъ центральнаго Гималая:

Симла, городъ	2.160 метр.	Джумла, городъ	2.444 метр.
Джамнотри	6.250 „	Поту-ла	4.599 „
Кидарнатъ	6.960 „	Но-ла	5.000 „
Кайласъ	6.700 „	Давалагири	8.180 „
Иби-Гаминъ	7.780 „	Морпіади	7.557 „
Бадринатъ	7.074 „	Тунгъ-ла	4.526 „
Масури, городъ	2.267 „	Дайябангъ	7.247 „
Нанда-деви	7.823 „	Тунгъ-ла	4.526 „
Гурла-Мандгата	7.686 „	Чамлангъ	6.771 „
Перевалъ Ніало	4.500 „	Котманду, городъ	1.327 „
Апи	6.907 „	Кинчинджинга	8.483 „
Альмора	1.650 „	Гауризанкаръ (Эверестъ)	8.845 „
Найни-таль	1.945 „		

Изъ всѣхъ текучихъ водъ, пересѣкающихъ Непалъ, потокъ Арунъ (Аранъ), главная вѣтвь рѣки Саптъ-Косики, или „Семь Коси“, имѣетъ самый значительный бассейнъ и принимаетъ въ себя наибольшее число ледниковыхъ ручьевъ. Онъ образовался изъ двухъ порядочныхъ рѣкъ, которыя берутъ начало въ пониженіи между Гималаемъ и Загималаемъ и текутъ на встрѣчу одна другой. На пространствѣ, по меньшей мѣрѣ, 200 километровъ, продольная долина, раздѣляющая два главные хребта гималайской системы, служитъ русломъ этимъ текучимъ водамъ, извѣстнымъ подъ именемъ Дингри-чу и Тинки-джонгъ. Главная рѣка, соединяющая ихъ въ своемъ теченіи и получающая воды отъ таянія снѣга на двухъ главныхъ колоссахъ Гауризанкарѣ и Кинчинджингѣ, низвергается въ глубокія ущелья, на 6.000 метровъ (около пяти съ половиною верстъ) ниже горныхъ громадъ, которыя высятся надъ нею справа и слѣва; затѣмъ, прежде чѣмъ выйти изъ предѣловъ Непала, смѣшиваетъ свои воды съ водами рѣкъ Коси и Тамру или Тамбуръ. Нѣкогда эти горные потоки изливались въ большое озеро, параллельное Гималаю и цѣпи предгорій, но выходившій изъ этого бассейна истокъ давно уже вырылъ себѣ русло и размылъ на широкихъ пространствахъ скалы изъ песчаника и конгломератовъ, задерживавшія его теченіе. По всей вѣроятности, это исчезновеніе озера Семи Коси (Саптъ-Косики) случилось задолго до исторической эпохи, хотя индусскія легенды разсказываютъ о

его высыханіи. Также точно рѣки Сапть-Гандаки, или „Семь Гандакъ", наполняли обширный резервуаръ, прежде чѣмъ пробить внѣшнюю цѣпь горъ. При видѣ этого бассейна и многочисленныхъ другихъ *таровъ*, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ долинахъ рѣкъ Непала, невозможно не признать тотчасъ же ихъ озернаго происхожденія. Но почти всѣ резервуары были опорожнены напоромъ воды; за исключеніемъ озеръ Пакра, находящихся въ бассейнѣ Света-Гандакъ, остались лишь пруды, да кое-гдѣ въ сосѣдствѣ пояса терай болотистыя пространства[1]). До выхода изъ области горъ паденіе потоковъ очень сильно, вслѣдствіе чего въ этой части теченія судоходство совершенно неудобно. Прибрежные жители пользуются ими только для орошенія полей и садовъ и для сплава лѣса.

Населеніе Непала, само собою разумѣется, распредѣлено неравномѣрно, полосами; очень рѣдкое въ возвышенныхъ долинахъ, сосѣднихъ съ границей, постепенно возрастающее по направленію съ сѣвера на югъ, оно вдругъ уменьшается при приближеніи къ поясу терай. Стѣсненные въ своей гористой странѣ, жители, располагая малымъ количествомъ удобныхъ для культуры земель, не ограничиваются обработкой ровныхъ пространствъ, представляемыхъ бывшими ложами высохшихъ озерныхъ бассейновъ или таровъ, и пологихъ покатостей, окаймляющихъ долины, они умѣютъ также строить искусственныя террасы на слишкомъ наклонныхъ скатахъ; подобно тому, какъ горы по рѣкѣ Ардешъ (во Франціи), предгорья ломбардскихъ Альпъ и холмы по берегамъ Рейна, крутые склоны средняго Непала преобразованы въ рядъ уступовъ, въ гигантскія лѣстницы, каждая ступень которой представляетъ поле, засѣянное хлѣбными злаками. На пологихъ косогорахъ и на ровной почвѣ долинъ фруктовыя деревья растутъ густыми чащами, окружая селенія своею зеленью и наполняя воздухъ благоуханіемъ. Выше, лѣса, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ хвойныхъ деревъ, занимаютъ всю среднюю область горъ. Англичане легко могли бы найти въ Непалѣ сотни мѣстоположеній, благопріятныхъ для постройки лѣтнихъ городовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе они основали въ Гарвалѣ и Кумаонѣ; однако, непальскія санаторіи имѣли бы то неудобство, что они были бы отдѣлены отъ равнинъ Ганга чрезвычайно опасною въ санитарномъ отношеніи областью терая, гдѣ лихорадки сильно истребляютъ населеніе и гдѣ тысячи людей поражены зобомъ. Жители горныхъ мѣстностей тоже страдаютъ этою болѣзнью. Причину ея Гукеръ приписываетъ общераспространенной въ краѣ привычкѣ поддерживать ношу при помощи ремней, повязанныхъ на лбу, и такимъ образомъ переносящихъ усиліе на

[1]) *H. von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien"; *Oldfield* „Sketches from Nipal".

мускулы шеи. Вьючныя овцы и козы, у которыхъ вьюки тоже частью поддерживаются ремнемъ, обвязаннымъ вокругъ шеи, также имѣютъ зобъ [1]).

Разнообразіе расъ еще весьма велико въ Непалѣ, благодаря тому обстоятельству, что семьи, живущія въ долинахъ, сохраняются въ первоначальной чистотѣ отъ всякой примѣси иноплеменной крови, развѣ только во времена воинственныхъ набѣговъ; нигдѣ, исключая приморскихъ портовъ, не увидишь такъ много представителей различныхъ народностей, какъ въ городахъ Непала. На западѣ Гандака преобладающею расой являются индійскіе „арійцы". Такъ же, какъ въ Кумаонѣ, раджпутскіе завоеватели овладѣли страной, — около одиннадцатаго столѣтія, говорятъ преданія,—а по ихъ слѣдамъ пришли переселенцы съ юга, преимущественно брамины, бѣжавшіе отъ мусульманскаго фанатизма и постепенно видоизмѣнявшіе первоначальное населеніе; они не дали покорить себя въ свою очередь, и непальцы суть единственные жители Индіи, государство которыхъ не было основано поборниками ислама. Обитатели Западнаго Непала носятъ индусскія имена и говорятъ нарѣчіями, происходящими отъ общаго санскритскаго корня; въ то же время они причисляютъ себя къ двумъ высшимъ кастамъ — браманамъ и кшатріямъ. Въ дѣйствительности, раса въ этой странѣ очень смѣшанная, и у многихъ изъ непальскихъ раджпутовъ черты лица чисто тибетскія; вѣрнѣе было бы помѣстить ихъ между ботіями, въ касту побѣжденныхъ, чѣмъ признать въ нихъ представителей побѣдившей расы; но они тѣмъ упорнѣе претендуютъ на чистокровность своей расы, что, въ противномъ случаѣ, несмѣшанныя индусскія касты могли бы сторониться отъ нихъ, какъ отъ недостойныхъ. Тогда какъ въ собственной Индіи дѣти принимаютъ касту матери, въ Непалѣ они принадлежатъ къ сословію отца; этимъ и объясняется существованіе такого многочисленнаго населенія брамановъ и кшатріевъ въ долинахъ Карнали и семи рѣкъ Гандакъ [2]).

Языкъ, которымъ говоритъ огромное большинство парбаттіевъ, или „горцевъ", жителей Западнаго Непала, называется, по имени ихъ, парбаттіа; его называютъ также хасъ, по имени того воинственнаго племени, которое его употребляетъ. Даже на востокѣ отъ рѣки Кали до рѣки Трисули (Трисуль-ганга), онъ такъ же распространенъ, какъ діалекты тибетскаго происхожденія; сдѣлавшись идіомомъ властителей страны, онъ, благодаря господствующей роли тѣхъ, которые имъ говорятъ, пріобрѣлъ исключительное вліяніе. Это, впрочемъ, языкъ ясный, сильный, краткій, вполнѣ приличествующій воинственному народу, но имѣющій очень бѣдную литературу. Совершенно „арійскій" по грамматическому

---

[1]) *Hooker* „Journal of the Asiatic Society", may 1849.

[2]) *Hermann v. Schlagintweit*, цитированное сочиненіе.

строю, парбаттіа заключаетъ въ себѣ еще пятую часть словъ, принадлежащихъ нарѣчіямъ аборигеновъ; въ отношеніи языка, какъ и въ отношеніи расы, тибетскіе элементы индіанизировались [1]).

Хасы,—которыхъ чаще называютъ гурхами, но совершенно ошибочно, ибо имя гурха примѣняется къ жителямъ всякой расы, которые населяютъ округъ, лежащій вокругъ города Гурха [2]), — не допускаютъ никакихъ сомнѣній относительно ихъ индусскаго происхожденія и принадлежности къ кастѣ кшатріевъ; но есть другія военныя племена, которыя, называя себя индусами, гораздо лучше сохранили свои преданія и нравы: это—магары, или магіары, и гурунги, живущіе на сѣверѣ отъ Гурха, въ различныхъ долинахъ, орошаемыхъ притоками рѣки Трисульганга. Со своими господами они говорятъ нарѣчіемъ хасъ, но между собою они всегда употребляютъ собственный языкъ тибетскаго корня; точно также, если они и соблюдаютъ нѣкоторыя брамапскія обрядности, то дѣлаютъ это совсѣмъ не по усердію. Вмѣстѣ съ хасами изъ Гурхи, магары, гурунги и лимбу изъ восточныхъ округовъ составляютъ почти всю вооруженную силу Непала; но этого недостаточно для ихъ военныхъ инстинктовъ: подобно швейцарцамъ былыхъ временъ, они уходятъ въ чужіе края служить въ качествѣ наемниковъ. Эти непальцы, извѣстные подъ общимъ именемъ „гурховъ", очень многочисленны въ индобританской арміи, гдѣ ихъ очень цѣнятъ за ихъ храбрость, выносливость, ловкость и быстроту. Истые воины, они питаютъ глубочайшее презрѣніе къ сборищу мадхезіевъ, т. е. жителей равнины, и съ радостью перебили бы мятежниковъ. Легко пріучаемые къ дисциплинѣ, они, быть можетъ, были бы не менѣе опасны противъ ихъ собственнаго отечества, если бы когда-нибудь вспыхнула война между Англо-индійскою имперіей и Непаломъ.

Лимбу, киранти, яха, живущіе, въ числѣ около 250.000 душъ, въ долинахъ Восточнаго Непала, на границахъ Сиккима, представляютъ, можетъ быть, коларійскія племена въ Гималайскихъ горахъ, ибо по наружному виду, нравамъ, обычаямъ, кое-какимъ слѣдамъ религіозныхъ вѣрованій и нѣкоторымъ особенностямъ языка они близко подходятъ къ племени коль, живущему въ Чота-Нагпурѣ и Ориссѣ [3]). Другія племена центральной и восточной полосы государства сохранили еще чисто тибетскій типъ по чертамъ лица, нравамъ, нарѣчіямъ, религіи. Почти всѣ жители этой части страны имѣютъ гораздо болѣе бѣлый цвѣтъ кожи, чѣмъ индусы; голова и лицо у нихъ шире; глаза сближены и немного скошены, носъ сдавленный при основаніи, широкій на концѣ, съ боль-

[1]) *Brian H. Hogdson* „Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet".

[2]) *Oldfield* „Sketches from Nipal".

[3]) *Hogdson*; *Dalton* „Ethnology of Bengal".

шими круглыми ноздрями; они малорослы, но сильны и коренасты. Въ нихъ нѣтъ той живости ума и характера, которою отличается индусъ, но нѣтъ также и его хитрости; вообще нравъ у нихъ кроткій и веселый. Они дѣлятся не на касты, какъ переселенцы съ равнины, а на племена, которыя, будучи сходны между собою нравами и образомъ жизни, пастушескимъ или земледѣльческимъ, отличаются одно отъ другого нарѣчіями, мѣстными обычаями, преданіями, и никогда не смѣшиваются черезъ браки. Гогдсонъ насчитываетъ въ Непалѣ не менѣе двѣнадцати тибетскихъ діалектовъ или говоровъ, изъ которыхъ каждый употребляется только однимъ племенемъ, совершенно ясно отличающимся отъ другихъ племенъ. Ремесленниковъ между этими восточными непальцами очень мало; ремесленныя корпораціи представлены группами илотовъ, которые наружнымъ видомъ нисколько не отличаются отъ своихъ господъ, но къ которымъ послѣдніе относятся съ глубокимъ презрѣніемъ: гончары, корзинщики, плотники, каменьщики, кузнецы, ювелиры, портные, стиральщики бѣлья, цирульники, музыканты—всѣ эти ремесленники, необходимые общинѣ, живутъ, тѣмъ не менѣе, внѣ ея, что, повидимому, указываетъ на первоначальное различіе расы. Рабство въ собственномъ смыслѣ тоже существуетъ въ Непалѣ: отецъ можетъ продать своихъ дѣтей въ неволю и такимъ образомъ лишить ихъ національности и сословныхъ правъ и преимуществъ.

Между непальскими племенами тибетскаго происхожденія самое цивилизованное—это невары, живущіе въ равнинѣ Котманду, на берегахъ Багмати, между бассейнами рѣкъ Трисуль-ганга и Коси. Ихъ языкъ, невари, есть единственный въ Непалѣ тибетскій діалектъ, имѣющій собственную письменность и литературу, въ которой, впрочемъ, замѣтно очень сильное вліяніе санскритскихъ образцовъ. Это племя, гораздо лучше, чѣмъ хасы и гурки, представляетъ національный элементъ между двумя противоположными силами, дѣйствующими одновременно на страну. Съ одной стороны, индійскіе нравы и политика, съ другой—тибетскіе равно стремятся овладѣть Непаломъ. На югѣ и на западѣ индусы взяли верхъ; на сѣверѣ же и на востокѣ Китайская имперія получила перевѣсъ надъ Индіей, и гималайскія племена Непала соединяются съ племенами Бодъ-юла нечувствительными переходами. Но неаары, которые занимаютъ центральную часть страны и на территоріи которыхъ находится столица государства, сохранили нѣкоторую оригинальность, не позволяющую смѣшивать ихъ ни съ индусами, ни съ тибетцами. Говорятъ, у нихъ сохранились даже кое-какіе остатки древняго главенства матери; по словамъ Килькпатрика [1]), неварскія женщины имѣютъ право брать себѣ сколько угодно мужей и прогонять ихъ подъ

[1]) „An account of the Kingdom of Nepal“.

самымъ ничтожнымъ предлогомъ. Начиная со второго столѣтія христіанской эры, многіе ревностные буддисты, спасаясь отъ преслѣдованія брамановъ, приходили искать убѣжища у неваровъ, и взамѣнъ оказаннаго имъ гостепріимства, приносили этимъ послѣднимъ свои книги и вообще знаніе искусствъ и наукъ Индустана; нѣкоторыя драгоцѣнныя сочиненія той эпохи, которыя были извѣстны только по имени, отысканы Гогдсономъ въ книгохранилищахъ Непала. Благодаря этимъ наставникамъ, пришедшимъ изъ Индіи, цивилизація неваровъ развивалась мало-по-малу; но они не забывали своего роднаго языка и ограничивались введеніемъ въ него „арійскихъ" терминовъ, соотвѣтствовавшихъ новымъ для нихъ понятіямъ и предметамъ. Подобно тому и религія, преподанная имъ этими выходцами, видоизмѣнилась мало-по-малу. Около двухъ третей неваровъ еще буддисты, по крайней мѣрѣ по имени; но въ то время, какъ сосѣднія племена, на сѣверѣ и на востокѣ, имѣютъ ламъ, какъ тибетцы, и придерживаются шаманства, у непальцевъ въ собственномъ смыслѣ нѣтъ никакихъ монастырей и ихъ обрядности приближаются къ обрядностямъ индусскихъ культовъ; въ ихъ храмы вошли браманскіе боги и символы. Древніе монастыри существуютъ, но они давно уже обращены на пользу ремесленныхъ корпорацій. Невары буддисты приняли даже кастовый порядокъ; ихъ жрецы, званіе которыхъ сдѣлалось наслѣдственнымъ, принадлежатъ къ сословію банровъ, соотвѣтствующему кастѣ брамановъ; у нихъ есть также касты купцовъ и ремесленниковъ; но, исповѣдуя религію существенно миролюбивую, они не имѣютъ касты кшатріевъ или воиновъ. Когда возникаетъ между буддистами какой-либо споръ, относящійся къ кастамъ, они обращаются за разрѣшеніемъ къ раджъ-гуру, великому жрецу брамановъ, какъ къ своему духовному главѣ; они не состоятъ ни въ какой зависимости отъ тибетскаго далай-ламы. Буддизмъ вымираетъ въ Непалѣ, и „лѣтъ черезъ сто, — говоритъ Ольдфильдъ, — онъ, вѣроятно, исчезнетъ изъ долины Котманду, какъ исчезъ изъ Индустана". Архитектура двухъ тысячъ храмовъ или святилищъ, воздвигнутыхъ въ этой долинѣ, свидѣтельствуетъ о борьбѣ между вліяніями сѣвера и юга, и смѣшеніе двухъ стилей совершилось тамъ съ нѣкоторою оригинальностью: первоначальныя украшенія, изваянныя или вырѣзанныя индусскими художниками, очень напоминаютъ орнаменты, которые мы видимъ въ пагодахъ на берегахъ Ганга, но употребленіе дерева въ постройкѣ, выступъ верхнихъ ярусовъ, надставка крышъ — все это несомнѣнныя черты китайской архитектуры.

Если есть въ Непалѣ племена, сдѣлавшія успѣхи въ цивилизаціи, то есть и другія, которыя, бывъ оттѣснены въ лѣса и въ возвышенныя долины иноземными нашествіями, снова впали въ дикое состояніе. По словамъ Гогдсона, чепанги и кусунда, живущіе въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ на западъ отъ Котманду, принадлежатъ къ числу этихъ

племенъ, нѣкогда стоявшихъ на извѣстной степени образованности, но низведенныхъ завоеваніемъ опять въ состояніе варварства. По крайней мѣрѣ они сохранили свою независимость; они не обработываютъ землю въ пользу господина, не служатъ въ войскахъ, не платятъ никакихъ податей. Чепанги, маджи, кумбары питаются дикими ягодами и добычей охоты, но ихъ раздутый животъ и сухопарое тѣло свидѣтельствуютъ о недостаточности и грубости ихъ пищи; жилищемъ имъ служатъ шалаши, сплетенные изъ древесныхъ вѣтвей. Нѣкоторые другіе народцы, менѣе дикіе, тоже живутъ особнякомъ, совершенно въ сторонѣ отъ другихъ непальцевъ, благодаря поясу болотъ, который защищаетъ ихъ отъ захватовъ ихъ сосѣдей; это обитатели жаркихъ низменныхъ долинъ и терая. Эта область, по климату смертоносная для всѣхъ другихъ индусовъ или тибетцевъ, нисколько не опасна для этихъ туземцевъ; оттого имъ часто даютъ прозвище ауліа (лихорадочные), потому что они не боятся ауля, или маларіи (болотной лихорадки). Уже въ теченіи несчетнаго числа поколѣній они живутъ на этихъ сырыхъ, болотистыхъ земляхъ, гдѣ они сѣютъ хлѣбъ въ лѣсныхъ прогалинахъ и занимаются разными другими промыслами, между прочимъ охотой на слона; но это огромное животное становится рѣдко [1]); еще недавно дворъ непальскаго короля требовалъ ихъ по пятисотъ головъ ежегодно, но теперь этотъ налогъ или ясакъ уже не можетъ быть уплачиваемъ въ такомъ количествѣ.

Прежде племена нижняго Непала говорили разными нарѣчіями; въ настоящее время они употребляютъ одинъ общій языкъ, именно хасъ, и называютъ себя индусами, хотя и не придерживаются браманскихъ обрядностей. У денваровъ обязанности жреца въ каждомъ семействѣ исполняютъ зятья и сыновья сестры. Во многихъ отношеніяхъ эти народцы непальскаго терая, кажется, составляютъ этнологическій переходъ между коларійскими народностями центральной Индіи и гималайскими тибетцами [2]). Въ ближайшемъ къ англійскимъ владѣніямъ поясѣ терая преобладающими колоніями являются поселенія племенъ тару и мечъ; представители послѣдняго сами себя называютъ бодо или боро, и, безъ сомнѣнія, стоятъ въ близкой родственной связи съ націей бодовъ или качаровъ-кочевниковъ, разсѣянныхъ по всей Сѣверо-восточной Индіи до границъ Барманіи [3]). Они быстро индіанизируются вездѣ, гдѣ находятся въ соприкосновеніи съ индусами, и придерживаются культа Сивы, примѣшивая, однако, къ нему свои собственныя суевѣрія. Они продаютъ своихъ дочерей въ замужество своимъ сосѣдямъ и этимъ способомъ обогащаются, такъ какъ женщины изъ племени мечъ слывутъ красавицами.

---

[1]) *Oldfield*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Brian H. Hogdson*, цитированное сочиненіе.
[3]) *Dalton* „Ethnology of Bengal".

Котманду, главный городъ долины, давшей свое имя всему Непалу, и столица королевства, лежитъ на высотѣ 1.327 метровъ надъ уровнемъ моря, при сліяніи двухъ рѣкъ Вишнумати и Багмати, соединенныя воды которыхъ спускаются прямо на югъ къ равнинамъ Индустана. Очень неправильно расположенный вдоль высокихъ обрывистыхъ береговъ, этотъ городъ имѣетъ форму „меча Божія", какъ говорятъ туземцы. Извилистыя улицы въ иныхъ мѣстахъ загромождены грудами обломковъ и мусора, и

Котманду.—Двери Ганумана во дворцѣ раджи.

большая часть домовъ, построенныхъ изъ краснаго кирпича, кажутся настоящими вертепами; многіе вытянулись въ два или три этажа, но настоящей лѣстницы у нихъ нѣтъ, а есть только приставныя лѣсенки, сообщающіяся посредствомъ траповъ или опускныхъ дверей. Королевскій дворецъ состоитъ изъ группы разбросанныхъ въ безпорядкѣ низенькихъ зданій съ портиками, испещренными причудливыми изваяніями. Вездѣ бросаются въ глаза пагоды, высоко поднимающія свои куполы, башенки, колокольни, пирамиды или кровли, покрытыя блестящею чере-

лицей или позолоченною бронзой, и увѣшанныя на углахъ, какъ китайскія кумирни, колокольчиками, звонящими при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Когда смотришь издали, многіе кварталы кажутся одною обширною пагодой; повсюду открываются маленькія святилища, забрызганныя кровью приносимыхъ въ жертву животныхъ, пѣтуховъ или утокъ, козъ или буйволовъ; тамъ и сямъ стоятъ монолиты, поддерживающіе статуи государей или боговъ, защищаемыхъ бронзовымъ змѣемъ съ угрожающею головой. Верстахъ въ пяти къ востоку отъ города находится Баднатъ, самый обширный буддійскій храмъ Непала, громадный куполъ въ формѣ ступы, увѣнчанный башней, на которой нарисована фигура бога, и пирамидой со ступеньками, оканчивающейся чѣмъ-то въ родѣ папской тіары. Это пагода тибетскихъ ламъ, которые посѣщаютъ Непалъ каждый годъ зимой; они заботливо поддерживаютъ и ремонтируютъ эту кумирню.

Прекрасный овалъ равнины, длиною около двадцати верстъ съ сѣвера на югъ, окруженный со всѣхъ сторонъ горами, которыя возвышаются отъ 300 до 2.000 метровъ надъ уровнемъ бывшаго озернаго дна, усѣянъ городами, деревнями и храмами, утопающими въ зелени. Вилла англійскаго резидента, расположенная на горкѣ, къ сѣверу отъ Котманду, занимаетъ одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстоположеній этого очаровательнаго края [1]); особенно сѣверные склоны холмовъ и горъ покрыты великолѣпными лѣсами. Чтобы созерцать ласкающее взоръ море зелени и живописную картину города, увѣнчаннаго златоглавыми пагодами, всходятъ также на Дареру, пустую внутри колонну очень красивыхъ размѣровъ, которая возвышается на 75 метровъ. Рынки непальской столицы принадлежатъ къ лучшимъ въ Азіи, по богатству и разнообразію цвѣтовъ, фруктовъ и овощей, приносимыхъ окрестными поселянами. По исчисленію Керкпатрика, населеніе всей долины Котманду въ началѣ настоящаго столѣтія было 180.000 душъ; Ольдфильдъ полагаетъ, что теперь оно превышаетъ четверть милліона.

Въ 3 километрахъ къ юго-востоку отъ Котманду, городъ Патнъ или Патанъ, — т. е. какъ и Патна на Гангѣ, „городъ“ по преимуществу,—и въ 13 километрахъ къ востоку, Батгаунъ или Батгонгъ еще богаче столицы храмами эпохъ, слѣдовавшихъ за введеніемъ индусскихъ религій; но большинство этихъ зданій сильно повреждено временемъ и на многихъ изъ нихъ къ скульптурнымъ украшеніямъ прибавились естественные орнаменты изъ пучковъ травы и кустовъ, пробивающихся изъ трещинъ памятника. Въ восьмомъ столѣтіи нашей эры, въ эпоху основанія Котманду, Патанъ былъ уже значительнымъ городомъ; онъ и теперь еще второй городъ въ государствѣ и главное средоточіе неваровъ буддистовъ, которые находятся тамъ въ наибольшемъ числѣ. Котманду,

---

[1]) *Wright* „History of Nepaul“; *Oldfield* „Sketches from Nipal“.

какъ резиденція раджи, есть, естественно, сборное мѣсто для гурковъ и другихъ туземцевъ воинственной расы; однако, большинство и тутъ состоитъ изъ неваровъ; браманы живутъ преимущественно въ Батгаунѣ. На западѣ долины, на небольшомъ холмѣ, возвышающемся метровъ на сто надъ окружающими полями, находится другой городъ, теперь почти разрушенный, Киртипуръ; онъ былъ болѣе ста лѣтъ оплотомъ національной независимости неваровъ, и гуркамъ удалось овладѣть имъ только посредствомъ измѣны. Чтобы отмстить за долгое сопротивленіе осажденныхъ, гурки отрѣзали носы и уши всѣмъ жителямъ, пощадивъ лишь грудныхъ дѣтей, и Киртипуръ долгое время былъ извѣстенъ подъ именемъ Наскатпуръ, или „города отрѣзанныхъ носовъ“ [1]).

На сѣверо-западъ отъ Котманду, Наякотъ или Наокотъ построенъ въ кратерообразной котловинѣ, открывающейся на вершинѣ горы, господствующей надъ сліяніемъ рѣки Трисуль-ганга и ея маленькаго притока. Этотъ городъ прежде былъ зимнею резиденціей непальскихъ раджей, но теперь дворецъ покинутъ, и Наякотъ утратилъ свою торговую важность; однако, и теперь еще ежегодно бываетъ ярмарка у подошвы горы, среди садовъ, славящихся своими превосходными произведеніями, особенно рисомъ, сахаромъ, ананасами, мангами; апельсины изъ Наякота и западныхъ округовъ, лежащихъ вокругъ Гурка, считаются безподобными. Сады Наякота расположены на высотѣ 700 метровъ. До этой высоты спускались китайцы и тибетцы въ 1792 году, во время ихъ побѣдоноснаго похода противъ гурковъ.

Во всей западной части королевства, ограниченной рѣкой Трисульганга и распадавшейся нѣкогда на сорокъ шесть маленькихъ феодальныхъ княжествъ, Байси-раджъ, или „двадцать два царства“, и Чаубисіараджъ, или „двадцать четыре царства“, нѣтъ большихъ городовъ; главныя скопленія жителей—это бурги, окруженные стѣнами, какъ Джамла или Джумла, столица Байси-раджъ, торговыя мѣстечки, какъ Ломантангъ (Мастангъ, по Ольдфильду), на тропѣ, поднимающейся къ проходу Поту-ла, или, наконецъ, святыя мѣста, часто посѣщаемыя пилигримами, какъ Муктинатъ. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, лежащемъ на высотѣ 3.439 метровъ, на скатѣ высокихъ снѣговыхъ горъ, бьютъ изъ земли горячіе сѣрные ключи, иногда, по разсказамъ туземцевъ, сопровождаемые пламенемъ [2]). Самый торговый городъ на тибетскихъ границахъ—Киронгъ, лежащій къ сѣверу отъ Котманду, на высотѣ 2.775 метровъ, въ долинѣ, надъ которой господствуетъ, съ восточной стороны, массивъ Госаинтанъ; тамъ еще сѣютъ пшеницу и ячмень, но рисъ привозится туда изъ нижнихъ равнинъ.

---

[1]) *Oldfield*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Montgomerie* „Journal of the Geographical Society of London“, 1875.

Торговля Непала сильно стѣснена таможенными строгостями. Пошлины съ товаровъ взимаются не только на границахъ, но также во многихъ внутреннихъ станціяхъ; какъ государство военное, угрожаемое двумя сосѣдними, болѣе могущественными, чѣмъ онъ, имперіями, Непалъ можетъ защищаться лишь таможенными тарифами да паспортами, но, не смотря на свое нерасположеніе къ иностраннымъ комерсантамъ, онъ принужденъ пускать ихъ въ свои предѣлы. Тибетцы приходятъ покупать опіумъ, чтобы ввозить его контрабанднымъ путемъ, сотни индусовъ являются на ярмарки въ Котманду, и англійскіе товары, которые все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе между непальцами и дѣлаются для нихъ необходимою потребностью, должны быть оплачиваемы мѣстными продуктами, каковы дерево и смола *катешю*, или кашу, строевой лѣсъ, желѣзо и мѣдь, шерсть, лошади (маленькія неприхотливыя и неутомимыя животныя), соль и золотой песокъ, разныя руды, бирюза, бура, привозимыя съ тибетскихъ плоскогорій. Мало того, Непалъ, представляемый десятками пятью крупныхъ торговцевъ, можетъ даже посылать англо-индійцамъ произведенія своей мануфактурной промышленности, именно одѣяла и бумагу, выдѣлываемую изъ волоконъ растенія *daphne cannabina* и по прочности неуступающую пергаменту. Не смотря на все свое желаніе держаться особнякомъ, правительство Непала не можетъ помѣшать націи вступать въ сношенія со своими сосѣдями въ Индіи, сношенія, которыя дѣлаются все болѣе и болѣе частыми; оно должно содержать пути сообщенія, уже существующіе, и даже открывать новые; наконецъ, оно даже устроило почты на дорогахъ страны, поручивъ завѣдываніе этимъ дѣломъ браманамъ; но дорога, ведущая изъ Котманду въ Сигаули, станцію желѣзнаго пути, идущаго вдоль границы, все еще не болѣе, какъ простая тропа, пересѣкающая широкій поясъ терая и пролегающая чрезъ два горные прохода, Сизагари и Чандрагири, которые поднимаются до 1.960 и 2.190 метровъ высоты [1]). Непальцы эмигрируютъ въ большомъ числѣ въ равнины Индустана, особенно въ Бенаресъ, и возвращаясь въ свое отечество, приносятъ съ собою новые идеи и нравы, которые все болѣе и болѣе преобразовываютъ Непалъ въ индійскую страну. Даже большинство богатыхъ землевладѣльцевъ терая имѣетъ постоянное пребываніе на англо-индійской территоріи.

Что касается политической независимости Непала, то ей не угрожаетъ никакой опасности. Совсѣмъ напротивъ: катмандусское правительство всегда встрѣчаетъ величайшую любезность и предупредительность со стороны вице-короля Индій, который исполняетъ всѣ его желанія и даже соглашается держать подъ стражей непальскихъ государственныхъ преступниковъ въ своей крѣпости Чапаръ, на Гангѣ. Это

---

[1]) *Eastwick*, „Handbook of the Bengal Presidency".

ИСТОЧНИКЪ ГАНГА.

объясняется тѣмъ, что раджа Непальскій располагаетъ стотысячною арміей, славящейся своею храбростью и значительная часть которой вооружена по европейски и снабжена превосходнымъ боевымъ матеріаломъ. Драгоцѣнный союзникъ, Непалъ былъ бы очень опаснымъ врагомъ.

Населеніе нѣкоторыхъ городовъ Непала:

Котманду, по Ольдфильду	70.000	жителей.
Патанъ, „ „	60.000	„
Батгаунъ „ „	50.000	„
Гурка, „ „	10.000	„
Киртипуръ, „ „	5.000	„

IV.

ВОСТОЧНЫЙ ГИМАЛАЙ.

ВЕРХНІЯ ДОЛИНЫ ПРИТОКОВЪ БРАМАПУТРЫ, СИККИМЪ И БУТАНЪ.

Восточная часть Гималая, хотя ближайшая къ Калькуттѣ и самая доступная посредствомъ судоходныхъ путей, доходящихъ до основанія горныхъ цѣпей, остается наименѣе извѣстною; много долинъ, населенныхъ дикими народцами, не были еще изслѣдованы научнымъ образомъ и не знаютъ даже, какія рѣки по нимъ протекаютъ; только нѣкоторыя вершины горъ, видимыя съ равнинъ, съ разстоянія отъ 100 до 150 километровъ, были измѣрены и служатъ первою опорною точкой для точныхъ начертаній будущихъ картъ. Безъ сомнѣнія, первая причина того полнаго невѣдѣнія, въ которомъ мы находимся еще относительно этихъ восточныхъ областей гималайской системы, состоитъ въ чрезмѣрномъ изобиліи дождей, приносимыхъ южнымъ муссономъ. Эти тропическіе ливни превращаютъ въ большія рѣки потоки, которые въ другомъ климатѣ оставались бы простыми ручейками; растительность, питаемая изобильною влажностью, покрываетъ всю страну густыми чащами деревьевъ, обвитыхъ ліанами, гдѣ человѣкъ можетъ пробираться лишь съ величайшимъ трудомъ; просачиваніе водъ въ почву причиняетъ частые обвалы, и въ малѣйшихъ углубленіяхъ земли скопляются болота. Силы природы слишкомъ могущественны въ этой области, чтобы цивилизованный человѣкъ могъ пытаться подчинить ихъ своей волѣ. Только дикіе народцы, легко прилаживающіеся ко всѣмъ условіямъ окружающей среды, незнакомые съ потребностями, какія развиты у цивилизованныхъ населеній равнины, одни могутъ жить въ этихъ странахъ, и въ прежнее время страхъ, внушаемый этими дикарями, удерживалъ путешественниковъ отъ посѣщенія ихъ долинъ.

Однако, часть гималайской покатости, спускающаяся къ Брамапутрѣ, присоединена къ непосредственнымъ владѣніямъ Индійской

имперіи, и англичане даже распространили предѣлы своей медіатизированной провинціи Сиккимъ до Загималайскаго хребта; верхній бассейнъ рѣки Арунъ, самой важной въ Непалѣ, обозначенъ на многихъ картахъ какъ принадлежащій Англіи, хотя, будучи совершенно безлюднымъ, ненаселеннымъ, онъ въ дѣйствительности не составляетъ ничьего владѣнія. Британскіе посты, военные и торговые, расположены тамъ и сямъ между двумя туземными государствами, Непаломъ и Бутаномъ. На востокѣ, англичане, не завоевывая Бутана, по крайней мѣрѣ присоединили къ своей имперіи восемнадцать *доаровъ*, которые зависятъ отъ него естественно, т. е. восемнадцать „воротъ“ Гималаевъ, единственныя мѣстности страны, произведенія которыхъ имѣютъ цѣнность и гдѣ жители сгруппировались въ значительномъ числѣ; впрочемъ, чтобы обезпечить спокойствіе своей границы, англійское правительство назначило бутанскому раджѣ ежегодную субсидію, регулярная выдача которой зависитъ отъ благоразумія пенсіонера. На восточной своей оконечности Бутанъ ограниченъ землей Товангъ, торговою дорогой, которую Тибетъ захватилъ въ свои руки, благодаря вліянію ламъ, которые играютъ тамъ въ одно и то же время роль жрецовъ, политическихъ властителей и купцовъ; но и здѣсь англичане овладѣли „горными воротами“ (доаръ), сосѣдними съ равниной, и двѣ имперіи, Индія и Китай, сдѣлались сопредѣльными. Далѣе на востокъ начинается неизслѣдованная область дикихъ племенъ которымъ ассамскіе плантаторы, поднимающіеся все выше и выше въ долинахъ, вынуждены платить, черезъ свое правительство, извѣстную субсидію, во избѣжаніе ихъ разбойничьихъ набѣговъ. Относительно общаго числа жителей, населяющихъ гималайскую покатость, заключенную между Кинчинджингой и восточными горами, можно высказать лишь предположенія; вѣроятно, оно не достигаетъ даже полумилліона, судя по тому, что извѣстно о западной части этой области.

	Пространство.	Населеніе.		На 1 кв. километръ.
Округъ Дарджилингъ .	3.196 кв. килом.	157.000 ж.	въ 1881 г.	49 ж.
Сиккимъ.	6.589 „	60.000 „	(?)	9 „
Бутанъ	35.200 „	100.000 „	(?)	3 „
Земля Товангъ . . .	3.850 „	15.000 „	(?)	4 „
Земли восточн. племенъ	45.000 „	100.000 „	(?)	2 „
Всего . . .	93.835 кв. килом.	432.000 жит.		4,6 ж.

Рѣка Тиста или Трисрота, т. е. „Три истока“, верхній бассейнъ которой извѣстенъ подъ именемъ Сиккима, могла бы быть разсматриваема до извѣстной степени какъ главная вѣтвь всей гангетической системы, такъ какъ она спускается прямо на югъ къ Бенгальскому заливу, слѣдуя по линіи наиболѣе быстраго истеченія. Напротивъ, Гангъ и Бра-

мапутра, идущіе на встрѣчу другъ другу, текутъ параллельно основанію Гималаевъ, и только вступая въ равнину, уже выровненную водами блуждающей Тисты, эти двѣ большія рѣки Индіи принимаютъ южное направленіе. Въ періодъ современной исторіи Тиста соединялась то съ однимъ, то съ другимъ изъ этихъ двухъ большихъ потоковъ; мало извѣстно примѣровъ рѣкъ, которыя такъ часто мѣняли бы русло. И теперь еще одинъ рукавъ Тисты соединяется съ Мага-надди, притокомъ Ганга, сохранившимъ до сихъ поръ имя „Великой рѣки", которое онъ получилъ за обиліе своихъ водъ. Точно также, по преданію, сообщаемому Фергюсономъ, рѣка Коси, которая въ настоящее время составляетъ одинъ изъ притоковъ Ганга, нѣкогда текла на юго-востокъ и впадала въ Брамапутру. Въ этой обширной аллювіальной равнинѣ рѣки, такъ сказать, совершаютъ качанія на подобіе маятника, пересѣкая своими новыми излучинами слѣды прежнихъ извилинъ.

Бассейнъ верхней Тисты совершенно ограниченъ амфитеатромъ высокихъ горъ. На востокѣ высится исполинская масса Кинчинджинги, состоящая изъ пластовъ гнейса, легко узнаваемыхъ издали по ихъ покрытымъ снѣгомъ карнизамъ [1]). Опираясь на свои снѣговые контрфорсы, она продолжается на югъ Куброй и другими вершинами, отдѣленными глубокимъ разрѣзомъ отъ цѣпи Сингалила, или „Буковой горы", составляющей естественную границу между Сиккимомъ и Непаломъ. Жители этихъ двухъ странъ могутъ сообщаться между собою не иначе, какъ черезъ горные проходы, имѣющіе, по меньшей мѣрѣ, 2.600 метровъ высоты. На сѣверо-востокъ отъ Кинчинджинги (Ламбутсинга, по Жюлю Ремп) продолжается собственно Гималайскій хребетъ, на которомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ колоссы Чоміомо, Кинчинджау, Донкіа, заключающіе между своими вершинами наполненныя снѣгомъ котловины и небольшіе озерные бассейны, гдѣ берутъ начало самые возвышенные истоки Тисты. Менѣе высокій, чѣмъ Кинчинджинга, Донкіа, однако шире и важнѣе, какъ горный узелъ въ совокупности системы; онъ соединяется посредствомъ поперечнаго отрога съ Загималайскимъ хребтомъ, тогда какъ на востокѣ очень высокія горы соединяютъ его съ Чамаларп, остроконечная пирамида котораго еще превосходитъ его высотой; наконецъ, на югъ отъ Донкіа тянется хребетъ, болѣе высокій, чѣмъ цѣпь Сингалила, и поднимающійся на цоколѣ, усѣянномъ небольшими озерами; хребетъ этотъ, надъ которымъ господствуютъ крутыя горы, Гнаріамъ, Чола, Гипмочи, отдѣляетъ Сиккимъ отъ длинной полосы территоріи, которою Тибетъ владѣетъ въ этомъ мѣстѣ на полуденной покатости. Предгорья, постепенно понижающіяся къ равнинѣ, по которыхъ послѣднія вершины возвышаются еще на 1.800 и 2.000 метровъ, ограничиваютъ

[1]) *Sherwill* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1853, № VII.

*

съ южной стороны длинный прямоугольникъ, образуемый верхнимъ бассейномъ Тисты, и эта рѣка не можетъ найти себѣ инаго выхода, какъ черезъ узкую поперечную долину, называемую Сивокъ-гола. Внутри обширной ограды горъ, обнимающей Сиккимъ и англійскій округъ Дарджилингъ, второстепенные кряжи, отдѣляющіеся отъ главныхъ хребтовъ и развѣтвляющіеся, въ свою очередь, на отроги, перерѣзанные во всѣхъ направленіяхъ промоинами, образуютъ запутанный лабиринтъ, гдѣ лишь съ трудомъ можно отыскать первоначальное расположеніе выступовъ рельефа, оріентированныхъ съ востока на западъ, параллельно гималайской оси.

Чрезвычайная сырость климата, частые дожди и туманы не позволяютъ путешественникамъ пускаться далеко отъ Дарджилинга на высокіе склоны Кинчинджинги и Кинчинджау. Очень рѣдко выдаются такіе дни, когда можно видѣть ясно обрисовывающуюся на чистомъ небѣ профиль всѣхъ большихъ вершинъ. Во время лѣтняго муссона дожди почти не прерываются, и даже зимой, когда сѣверо-восточные пассатные вѣтры господствуютъ въ воздушномъ пространствѣ и спускаются вдоль гребней, нижнее влажное теченіе, идущее изъ Бенгальскаго залива, направляется обратно къ долинамъ Сиккима. Послѣ проливныхъ дождей, туманъ поднимается надъ лѣсами, словно дымъ, и ползетъ по всѣмъ горамъ; часто слои паровъ, застилающіе въ видѣ однообразной завѣсы все небо, имѣютъ нѣсколько верстъ въ толщину, и пейзажи, которые кажутся освѣщенными скорѣе луннымъ свѣтомъ, чѣмъ лучами солнца, принимаютъ фантастическій видъ: вы видите не горы, а призраки горъ, тѣмъ болѣе высокіе, что пары воздуха отдаляютъ ихъ еще больше. Въ этой влажной атмосферѣ, при температурѣ почти всегда равной, вѣтры дуютъ рѣдко и не сильно, даже на высокихъ верхушкахъ горъ; только когда облачныя завѣсы разрываются и горы показываются на ясномъ небѣ, мѣстные фокусы теплоты притягиваютъ окружающій воздухъ, и тогда снизу видѣнъ снѣгъ поднимающійся въ видѣ пучковъ на вершинахъ горъ.

Край съ такимъ сырымъ климатомъ, каковъ Сиккимъ, понятно, принадлежитъ къ числу странъ, наименѣе привлекающихъ населеніе. Даже ходить тамъ трудно, по причинѣ глинистаго свойства почвы, которая отъ дождя превращается въ вязкую грязь, и въ періодъ дождей, исключая самыхъ сильныхъ ливней, путешественники, проходящіе черезъ лѣса, на высотѣ отъ 1.200 до 2.500 метровъ [1]), не могутъ избѣгнуть укушеній безчисленныхъ піявокъ, похожихъ на маленькія волокна, которыя падаютъ со всѣхъ листьевъ. Узкія долины Тисты и ея притоковъ, въ которыя низвергаются воды проливныхъ дождей, составляютъ настоящія воронки, гдѣ невозможно устраивать какія-либо человѣческія жилища, въ

[1]) *Sherwill* „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1853, № VI.

виду постоянно угрожающей опасности внезапныхъ наводненій; самыя удобныя мѣстоположенія для постройки деревень—это высокіе выступы горъ или мысы, откуда вода быстро утекаетъ во всѣхъ направленіяхъ. Необычайное богатство и обиліе растительности, которая развивается съ неимовѣрною быстротой во влажной атмосферѣ, при постоянныхъ дождяхъ и туманахъ, тоже составляетъ большое препятствіе работамъ человѣка и даже заглушаетъ часто его культурныя растенія, которыя, къ тому же, по большей части нуждаются въ продолжительныхъ промежуткахъ хорошей погоды. Тропическая флора, развивающаяся подъ вліяніемъ южныхъ вѣтровъ, поднимается на горахъ Сиккима выше, чѣмъ въ какой-либо другой части земнаго шара, лежащей подъ тою же широтой: тамъ увидишь еще пальмы и бананы на высотѣ 2.100 метровъ (около двухъ верстъ), на скатахъ, обращенныхъ на полдень. Въ лѣсахъ Дарджилинга растенія жаркаго пояса перемѣшиваются съ растеніями умѣреннаго; орѣховое дерево растетъ рядомъ съ пальмами; рододендроны составляютъ яркій контрастъ съ древовидными папоротниками; чужеядныя орхидеи прицѣпляются къ вѣтвямъ дуба. Особенно папоротники представлены многочисленными видами въ этомъ тропическомъ поясѣ горъ; Гукеръ насчиталъ ихъ около тридцати на одной только горѣ Сенчаль, на юго-востокъ отъ Дарджилинга. Эти растенія овладѣваютъ всѣми прогалинами лѣса или оспариваютъ ихъ у пучковъ страшной „исполинской крапивы"; едва только дерево повалится, какъ на его стволѣ тотчасъ же поднимаются граціозныя стрѣлки папоротника. Надъ полосой, гдѣ смѣшиваются два пояса, простирается большой лѣсъ лиственныхъ деревьевъ, между которыми преобладаютъ дубъ, магнолія, каштанъ, орѣховое дерево; но въ этой области лѣса едва ли могутъ давать какіе-либо съѣдобные плоды, за исключеніемъ орѣха; яблоко едва вызрѣваетъ; груша и персикъ только завязываются. Слишкомъ обильные дожди обиваютъ здѣсь всѣ плоды. Фосфоресценція лѣсовъ—очень обыкновенное явленіе въ этой влажной области: въ дождливое время года лѣса постоянно озарены блѣднымъ сіяніемъ [1]).

Сосны занимаютъ почти исключительно склоны, лежащіе выше пояса, который соотвѣтствуетъ умѣреннымъ странамъ Европы; но не эти деревья поднимаются всего выше; нѣкоторыя ивы видны еще на высотѣ европейскаго Монъ-Блана. Рододендронъ, одно изъ древовидныхъ растеній, которое всего чаще встрѣчаешь въ Сиккимѣ и которое нигдѣ не является въ болѣе красивыхъ разновидностяхъ, окаймляетъ своими чащами почти всѣ горные потоки, но онъ не приближается на столько, какъ ива, къ границѣ вѣчныхъ снѣговъ. Даже на высокихъ горныхъ проходахъ, черезъ которые производится сообщеніе между Сиккимомъ и Тибетомъ, путешественникъ находитъ густые газоны изъ явнобрачныхъ

[1]) *Hooker* „Himalayan Journals".

растеній, замѣняющихъ мхи и лишаи европейскихъ горъ; Гукеръ собралъ такихъ растеній 200 слишкомъ видовъ на перевалѣ Кангра-лама (4.791 метръ), къ западу отъ Кинчинджау; на высотѣ 5.500 метровъ, на Бомсто, онъ нашелъ ихъ еще восемнадцать видовъ, и—странная вещь—эти растенія, нечувствительныя къ холоду, говорятъ, не защищены шерстистымъ пушкомъ, какъ растенія европейскихъ Альпъ [1]). За водораздѣльными гребнями начинаются солончаковыя пустыни нагорья; тогда какъ на полуденной покатости лѣса простираются непосредственно подъ снѣжною линіей, на сѣверѣ видны только голыя скалы, синія или красноватыя, зловѣщаго вида. Нѣтъ страны, болѣе пустынной и непривѣтливой на всемъ земномъ шарѣ, однако, жвачныя животныя водятся тамъ массами, привлекаемыя солончаковыми степями.

Населеніе Сиккима почти совершенно тибетское. Племя лепча, самое многочисленное въ краѣ, но мало-по-малу исчезающее, какъ чистая раса [2]), ничѣмъ не отличается отъ своихъ соплеменниковъ бодовъ, обитающихъ на высокихъ плоскогорьяхъ, кромѣ того только, что у жителей Сиккима, подъ вліяніемъ дождливаго климата, кожа необыкновенно гладкая и лоснящаяся; ихъ мускулы, хотя очень сильные, почти не выдаются изъ подъ верхней кожицы [3]). Въ сравненіи съ индусами, всегда сдержанными, недовѣрчивыми и вѣжливыми, веселые лепчи, довѣрчивые, откровенные, непринужденные въ разговорѣ, кажутся англичанамъ самыми пріятными товарищами въ дорогѣ; флейта—ихъ любимый инструментъ, и игра ихъ отличается большою мягкостью и прелестью; въ ихъ нарѣчіяхъ, рѣзко отличающихся въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ языковъ Индіи, нѣтъ ни одного ругательнаго выраженія [4]). Діалекты различныхъ племенъ Сиккима разнятся между собою, но всѣ они принадлежатъ къ тибетскому корню; точно также нравы и религіи здѣсь тѣ же самые, какъ у тибетцевъ, жителей долины Цангбо. Священная формула или молитва *„онъ мани падми гумъ“* раздается во всѣхъ селеніяхъ Сиккима, какъ и на другомъ склонѣ Гималаевъ, и вездѣ вырѣзана на камняхъ, по краямъ тропинокъ. Около двадцати ламайскихъ монастырей разсѣяны въ лучшихъ мѣстностяхъ страны, и молодые люди, бѣгущіе отъ притѣсненія раджей, поступаютъ въ духовное званіе, чтобы пользоваться спокойною жизнью, не имѣя надобности платить подати и налоги и отправлять натуральныя повинности; около 800 человѣкъ живутъ въ этихъ обителяхъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ монастырей Сиккима—Пеміонгчи, расположенный на высотѣ 2.100 метровъ, на вершинѣ террасы, откуда

[1]) *Hooker*, цитиров. сочиненіе; „Mittheilungen von Petermann“, 1861, № 2.

[2]) „Bengal Governement Selections, Bengal Census“, 1872.

[3]) *Hooker*, цитированное сочиненіе; *Herman v. Schlagintweit*, цитированное сочиненіе.

[4]) *Hooker*; *Campbell*; *Sherwill*; „The Indian Alps, by a Lady Pioneer“.

зритель видитъ у себя надъ головой колоссальную массу Кинчинджинга, а подъ ногами долину рѣки Большой Ранджитъ, притока Тисты; прежде тутъ находился главный городъ Сиккима [1]. Нынѣшняя резиденція раджи, Тамлунгъ, лежитъ въ восточной части страны, на крутизнѣ въ 1.636 метровъ высоты, у основанія которой протекаетъ одинъ изъ притоковъ Тисты. Въ періодъ дождей эта столица частью пустѣетъ, такъ какъ раджа на это время уѣзжаетъ съ главными сановниками на китайскую территорію, въ тибетскую долину Чумби, которая открывается на востокѣ, защищенная отъ проливныхъ дождей цѣпью горъ.

Дарджилингъ, главный городъ округа, который англичане отдѣлили себѣ изъ бывшаго государства Сиккимъ, съ обязательствомъ уплачивать ежегодную ренту въ размѣрѣ 7.500 франковъ, получилъ исключительную важность, какъ временная столица Калькуттской провинціи. Основанный въ 1835 году, вскорѣ послѣ уступки этой территоріи остъ-индской компаніи, городъ, котораго тибетское имя означаетъ „Святое Мѣсто", расположенъ на узкомъ хребтѣ горы въ видѣ полумѣсяца, на высотѣ отъ 2.000 до 2.250 метровъ, откуда видно, на 1.800 метровъ ниже, подъ лѣсистыми скатами, ущелье, черезъ которое убѣгаютъ воды Большаго Ранджита. Дарджилингъ, какъ и всѣ другіе лѣтніе города въ Гималаяхъ, окруженъ съ боковъ казармами и батареями, но общій его видъ производитъ впечатлѣніе многочисленной группы дворцовъ, виллъ и дачъ. Въ сравненіи съ Симлой и другими англійскими городами Западнаго Гималая, онъ представляетъ большія невыгоды, по причинѣ его слишкомъ сыраго климата; но въ утренніе часы, пока еще тучи не заволокли неба, чтобы пролить на землю обычный каждодневный дождь, можно часто любоваться въ Дарджилингѣ чудною панорамой Гималайскихъ горъ, отъ неясно обрисовывающейся на дальнемъ горизонтѣ остроконечной верхушки Гауризанкара до колоссальныхъ массивовъ Донкіа и Чамалари; въ центрѣ, Кинчинджинга, гордо поднимающая къ самому небу свои двѣ по виду равныя главы, кажется средоточіемъ, куда сходятся всѣ хребты; верхушка этого исполина всегда, при ясной погодѣ, точно кратеръ вулкана, увѣнчана полосой облаковъ, которая изгибается къ востоку отъ дуновенія верхняго обратнаго пассата [2]. На югѣ виднѣется лѣсистая вершина Сенчаля, обрисовывающая свой профиль на фонѣ подернутыхъ дымкой равнинъ Ганга.

Центръ англійскаго владычества въ Гималаяхъ, занимающій, къ тому же, замѣчательно выгодное географическое положеніе, при вершинѣ угла, образуемаго водораздѣломъ между притоками Ганга и притоками Брамапутры, Дарджилингъ, естественно, долженъ былъ сдѣлаться очень

---

[1] *Jules Rémy* „Pélerinage d'un curieux au monastère bouddhique de Pemmiantsi".
[2] „The Indian Alps, by a Lady Pioneer"; *Kuntze* „Aus allen Welttheilen" 1881.

дѣятельнымъ рынкомъ, какъ посредникъ между индусами и тибетцами. Сиккимъ отправляетъ по своимъ горнымъ потокамъ много строеваго лѣса въ Дарджилингскій округъ; Тибетъ посылаетъ въ самый городъ шерсть и рога, а Непалъ доставляетъ преимущественно домашнихъ животныхъ, въ обмѣнъ на товары англійскаго происхожденія. Въ 1877 году отпускъ изъ Дарджилинга въ Сиккимъ простирался на 354.100 франк., а привозъ изъ Сиккимы въ Дарджилингъ на 2.006.625 франк., слѣдовательно, общая сумма торговаго движенія равнялась 2.360.725 франк. Но тибетскія границы такъ хорошо охраняются, что Сиккимъ не можетъ продать въ Лассу ни малѣйшей части ежегоднаго сбора чая, который производится съ 1856 года на плантаціяхъ въ окрестностяхъ Дарджилинга (въ 1875 году во всемъ Дарджилингскомъ округѣ насчитывали 121 чайную плантацію; ежегодный сборъ чая опредѣляется въ 2.000.000 килограм. листьевъ). Въ этомъ округѣ разведено также хинное дерево; въ 1875 году въ первый разъ снимали кору съ деревьевъ и приготовляли изъ нея хининъ. Плантаторы дѣлали также попытки разведенія въ сосѣднихъ лѣсахъ ипекакуаны, кардамона, а опытный садъ доставляетъ имъ другія тропическія растенія Новаго Свѣта; кромѣ того, каменноугольныя копи и залежи желѣзной и мѣдной руды составляютъ для англійскаго города рессурсы въ запасѣ, и безъ всякаго сомнѣнія, современемъ успѣхи мѣстной промышленности позволятъ ему эксплуатировать эти рессурсы. И теперь уже Дарджилингъ имѣетъ передъ всѣми другими гималайскими станціями то важное преимущество, что онъ находится въ прямомъ сообщеніи съ сѣтью индійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Обыкновенный желѣзный путь приводитъ путешественниковъ въ Пункабарри, у подошвы горъ, а оттуда рельсовая линія, съ сильными рампами въ 4 и даже 5 сантиметровъ на метръ подъема, и съ крутыми поворотами въ 21 до 22 метровъ, поднимается съ гребня на гребень до высоты 2.225 метровъ, на вершину, гдѣ раскинулся новый городъ. Далѣе, многочисленныя грунтовыя дороги, проходящія черезъ чайныя и хинныя плантаціи, извиваются по бокамъ горъ и оканчиваются въ селеніяхъ Сиккима. Въ Дарджилингѣ похороненъ венгерскій путешественникъ Чома Керешъ, который такъ много сдѣлалъ для изученія тибетскаго языка.

Дарджилингъ имѣетъ, какъ и Симла, свою „большую дорогу въ Тибетъ". Эта дорога спускается на востокъ, въ долину Тисты, переходитъ черезъ эту рѣку по прекрасному висячему мосту и поднимается по гребнямъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Джайлапскому горному проходу, на сѣверѣ отъ Гипмочи. Эта брешь, представляющая сравнительно легкій подъемъ, такъ какъ она имѣетъ всего только 3.960 метровъ высоты, даетъ доступъ въ тибетскую долину Чумби; но эта долина, какъ и Сиккимъ, принадлежитъ къ индійскому склону Гималаевъ, и вѣроятно, китайцы еще не скоро рѣшатся продолжить англійскую

дорогу на свою территорію черезъ гребни Гималайской и Загималайской цѣпей. Впрочемъ, тамъ именно и открывается одинъ изъ удобнѣйшихъ путей между противоположными склонами, тотъ путь, которымъ слѣдовали, въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, англійскіе посланники при тибетскомъ дворѣ, Богль, Тернеръ и Маннингъ.

Лишенный теперь своихъ восемнадцати доаровъ, или воротъ, открывающихся на равнины Бенгаліи и Ассама, Бутанъ, или вѣрнѣе, Бутъ-антъ, т. е. „оконечность земли Бутъ или Ботъ“ [1]), заключаетъ только узкія горныя долины, отдѣленныя одна отъ другой высокими кряжами, черезъ которые ведутъ труднопроходимыя тропинки. Самая западная долина, именно долина рѣки Турсы, ограниченная на сѣверѣ тибетскою территоріей Чумби, почти совершенно отдѣлена отъ остальнаго Бутана и принадлежитъ ему политически только благодаря любезности англичанъ. Первая долина вполнѣ бутанская—это долина рѣки Чинъ-Чу, которая беретъ начало на бокахъ Чамалари; въ этой долинѣ находится и главный городъ страны. Санкосъ, горный потокъ, параллельный рѣкѣ Чинъ-Чу, тоже питается снѣгами Гималаевъ, и одна изъ горъ, которыя господствуютъ надъ этою частью хребта, еще неизслѣдованная, развѣ только измѣрительными инструментами инженеровъ-топографовъ, по высотѣ превосходитъ даже колоссальную пирамиду Чамалари. Но на востокѣ исполинская стѣна Гималаевъ пробита, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, размытою водами долиной, по которой протекаетъ рѣка Манасъ, получающая начало въ широкомъ пониженіи горной массы, которое раздѣляетъ двѣ главныя цѣпи гималайской системы.

Бутанцы (бутіа) принадлежатъ къ той же расѣ, какъ и тибетцы, и самое имя, которое они носятъ, происходитъ отъ того же корня, какъ названіе народа бодъ (тибетцевъ), жителей нагорья, и племени ботіа, обитателей полуденнаго склона, въ Непалѣ и Кумаонѣ; имъ даютъ также общее наименованіе ло. Они вообще малорослы, но крѣпкаго тѣлосложенія и могли бы считаться одною изъ лучшихъ расъ Индіи, если бы пропорція зобатыхъ не была такъ велика между ними. Едва ли найдется также народъ болѣе угнетенный, чѣмъ эти бутіа; они не имѣютъ никакой собственности и участь ихъ зависитъ отъ прихоти господъ или монаховъ, которые ими управляютъ. Англійскіе посланники, посѣтившіе ихъ край, описываютъ положеніе бутанцевъ въ высшей степени жалкимъ и бѣдственнымъ; земля, которую они обработываютъ, не принадлежитъ имъ, и государство наслѣдуетъ всякое пріобрѣтенное ими имущество; они сохраняютъ изъ полученнаго ими сбора плодовъ земныхъ только долю, строго необходимую для того, чтобы пріобрѣсти

[1]) *Latham* „Descriptive Ethnology“; *Dalton* „Ethnology of Bengal“.

нѣсколько листьевъ бетеля и не умереть съ голоду; остальное забирается губернаторами, которые не получаютъ никакого содержанія, но которымъ присвоено право удерживать въ свою пользу часть собраннаго налога. Чтобы пользоваться мирно и безбоязненно плодомъ своихъ трудовъ, тысячи бутанцевъ эмигрируютъ каждый годъ въ провинціи Индійской имперіи и преимущественно въ британскій Сиккимъ, гдѣ ихъ считаютъ вообще далеко уступающими лепчамъ въ отношеніи веселости характера, откровенности и трудолюбія.

Неудивительно, что при такомъ порядкѣ страна обѣднѣла. Торговля, составляющая монополію правительства, осталась маловажною или даже уменьшилась, хотя Бутанъ обладаетъ большими естественными богатствами и имѣетъ отличную породу лошадей, хорошенькихъ и необыкновенно выносливыхъ пони. Торговое движеніе между Бутаномъ и англійскою Индіей въ 1877 году простиралось въ общей суммѣ на 785.000 франк., въ томъ числѣ по привозу на 260.000 и по вывозу на 525.000 франк. Когда они не имѣютъ причины бояться, что у нихъ отнимутъ плодъ ихъ работы, бутанцы трудолюбивы; они старательно воздѣлываютъ террасы, расположенныя уступами одна надъ другой по бокамъ холмовъ, ткутъ прочныя матеріи, фабрикуютъ очень красивыя желѣзныя и мѣдныя издѣлія, превращаютъ кору растенія *diah* или *daphne papyrifera* въ писчую бумагу и даже въ родъ атласа, дѣлаютъ рѣзныя украшенія изъ дерева, нелишенныя вкуса, строютъ просторные и удобные шалаши, довольно похожіе на шале швейцарскихъ Альпъ. Во многихъ городахъ есть богатыя пагоды китайской архитектуры. Цѣпной мостъ, который англійскій посланникъ Тернеръ видѣлъ въ Чукѣ, на рѣкѣ Чинъ-Чу, показался ему чудомъ строительнаго искусства, и прошло много лѣтъ прежде чѣмъ Европа могла похвастать подобнымъ сооруженіемъ; бутанцы и сами приписываютъ этотъ памятникъ рукѣ бога [1]).

Правительство страны организовано по образцу тибетскаго, съ тою разницею, что китайскіе министры, истинные блюстители власти въ Бодъ-юлѣ, не появлялись въ Бутанѣ. Духовный государь, нѣчто въ родѣ великаго ламы, носитъ названіе *чойгіалъ*, по санскритски *дармараджа*, т. е. „царь закона". Когда этотъ будда умираетъ, совѣтъ министровъ *(ленехенъ)* ищетъ, впродолженіи года или двухъ, ребенка, въ котораго богъ изволилъ воплотиться, и находитъ его обыкновенно въ семействѣ одного изъ высшихъ сановниковъ государства. Рядомъ съ духовнымъ государемъ царствуетъ другой раджа, по имени *дебъ*, который тоже назначается совѣтомъ министровъ, или, лучше сказать, партіей, которая въ то время располагаетъ властью; въ принципѣ, правленіе деба не должно бы продолжаться болѣе трехъ лѣтъ, но онъ всегда можетъ удер-

---

[1]) *Samuel Turner* „Account of an Embassy to the Court of the Teshoo-Lama".

жаться на тронѣ, если пользуется расположеніемъ вельможъ. Главными губернаторами, или *пенло*, считаются губернаторы Западнаго Бутана и Восточнаго Бутана, изъ которыхъ первый имѣетъ мѣстопребываніе въ городѣ Паро, а послѣдній—въ городѣ Тонгсо [1]).

Столица Бутана—городъ Тасисудонъ (Тасичо-сонгъ), расположенный въ циркѣ горъ, на берегу рѣки Чинъ-Чу. Зимняя резиденція свѣтскаго раджи, Папаха или Пупаха, находится на востокѣ въ другой долинѣ, уже очень низкой (530 метровъ), хотя и въ центрѣ горъ. Дворецъ раджи окруженъ манговыми и апельсинными деревьями; можно было бы подумать, что находишься гдѣ-нибудь среди равнинъ Бенгаліи, если бы на сѣверѣ не подымались исполинскою стѣной крупные склоны снѣговыхъ горъ. Паро, главный городъ Западнаго Бутана, расположенъ въ другой долинѣ, на западъ отъ Тасисудона. Что касается главнаго мѣста восточной провинціи Тонгсо, то это не болѣе, какъ деревушка, которая сообщается съ территоріями Ассама черезъ горный проходъ Руду (3.668 метровъ), часто заваленный снѣгомъ.

Власть „царя закона“ не распространяется на востокъ за бассейнъ Манаса, и даже нѣкоторые восточные притоки этой рѣки не принадлежатъ къ его юрисдикціи. Между государствомъ, оффиціально признающимъ его власть, и независимыми племенами Восточнаго Гималая расположены владѣнія ламъ-раджей, или „жрецовъ-царьковъ“, которые называютъ себя вассалами далай-ламы, но которые въ дѣйствительности совершенно независимые владѣтельные князья, благодаря ихъ отдаленности отъ Лассы и трудности сообщеній черезъ гималайскіе гребни; они даже ведутъ иногда войны между собою и, смотря по исходу борьбы на полѣ битвы, измѣняютъ границы своихъ владѣній, не считая нужнымъ увѣдомлять объ этой перемѣнѣ своего сюзерена [2]). Не смотря на эти распри маленькихъ владѣтельныхъ князьковъ, земля Хампо-Ботъ, т. е. „монастырскихъ“ или „игуменскихъ“ ботовъ, имѣетъ довольно важное значеніе, какъ торговый путь между Тибетомъ и Ассамомъ. Такъ какъ весь восточный поясъ Гималаевъ, населенный дикими племенами, недоступенъ для каравановъ, то послѣдніе принуждены слѣдовать по окраинѣ этой территоріи черезъ городъ Товангъ. На сѣверъ отъ этого торговаго мѣста, лежащаго на высотѣ 3.133 метровъ, почти вся страна зависитъ отъ тибетскаго монастыря Чона-джонгъ, тогда какъ на югѣ долины принадлежатъ товангскимъ ламамъ, до самой англійской границы; прежде даже часть округовъ, присоединенныхъ теперь къ Индійской имперіи, была подъ властью монаховъ. По приказанію кето, или правительствующаго совѣта монастыря, тибетскіе караваны должны останав-

[1]) *Ashley Eden; Ware Edgar; Boileau Pemberton* „Official Records“.
[2]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien“.

ливаться въ Чона-джонгѣ, откуда жители этого края переносятъ товары въ Ассамъ, платя пошлины монастырю. Эта тибетская дорога, идущая мимо большихъ озеръ, пролегаетъ черезъ горные проходы, достигающіе отъ 4.000 до 5.000 метровъ (отъ 13.125 до 16.405 футовъ) высоты [1]).

Военный постъ Девангири, завоеванный англичанами, лежитъ на высотѣ 450 метровъ, на послѣднемъ контрфорсѣ горы Тасгонгъ (4.200 метровъ) и наблюдаетъ въ одно и то же время за населеніемъ Восточнаго Бутана, и за „монастырскими" ботами; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣетъ и торговое значеніе, такъ какъ въ немъ ежегодно бываетъ ярмарка, одна изъ самыхъ большихъ въ Ассамѣ. На другой оконечности Бутана старинная крѣпость Букса, построенная на платформѣ или площади скалъ, выровненной руками человѣка, играетъ такую же наблюдательную роль по отношенію къ западнымъ бутанцамъ. Часто поднимался вопросъ о томъ, чтобы направить движеніе европейской колонизаціи въ прилегающія къ этимъ укрѣпленнымъ пунктамъ Гималаевъ мѣстности, на склоны доаровъ, посредствомъ дароваго отвода переселенцамъ земель и освобожденія ихъ отъ податей и земельныхъ налоговъ; но до настоящей минуты эти предпріятія такъ и остаются въ состояніи проектовъ. Въ области терая, окаймляющей эти доары, или „ворота", обширныя территоріи принадлежали нѣкогда различнымъ владѣльцамъ, смотря по времени года: съ іюля по ноябрь они были занимаемы ассамитами и племенемъ мечъ; въ остальное же время года онѣ становились собственностью бутанцевъ.

На востокъ отъ маленькихъ государствъ съ часто мѣняющимися границами, управляемыхъ настоятелями буддійскихъ монастырей, территорія раздѣлена, какъ извѣстно, между различными племенами, которыя до сихъ поръ еще не пускаютъ къ себѣ ни китайца, ни индуса, ни англичанина, но которыя, изъ опасенія потерять субсидію, платимую имъ британскимъ правительствомъ, не дѣлаютъ болѣе разбойничьихъ набѣговъ на прибрежныя мѣстности Брамапутры. Ахинцы (аха), занимающіе, въ числѣ около милліона душъ, западную часть этой территоріи, сами себя называютъ хруссо; они теперь уже не заслуживаютъ тѣхъ прозвищъ, которыя прежде давали ихъ племенамъ: хазари-хоа, или „пожиратели тысячи пепелищъ", и каппачоръ, или „похитители хлопка". Одинъ изъ ихъ клановъ даже принялъ уступленныя ассамскимъ правительствомъ земли, лежащія въ равнинѣ, и теперь индусскія обрядности мало-по-малу вытѣсняютъ у этихъ поселенцевъ обычаи фетишизма. Еще недавно ахинцы не умѣли даже обработывать землю и не знали никакого промысла, кромѣ скотоводства; однако, какъ большая часть дикарей Индіи, они не любятъ

[1]) *Nain Singh* „Journal of the Geographical Society of London", 1877.

ХРАМЫ ПРОТИВЪ ДВОРЦА ВЪ КОТМАНДУ.

молока и никогда не пьютъ его [1]). Гессельмейеръ говоритъ, что языкъ ихъ походитъ на языкъ племени шанъ и жителей Манипура; эту послѣднюю страну онъ и считаетъ ихъ первоначальною родиной. На сѣверъ отъ ахинцевъ долины заняты народомъ миджи, о которомъ почти ничего неизвѣстно [2]). На востокѣ живутъ различныя племена, которымъ жители равнины даютъ общее наименованіе дапла или дафла, но которыя сами себя называютъ бангни, т. е. „люди". Прежде это были самые страшные изъ грабителей, но затѣмъ они распались на множество народцевъ, которые не съумѣли дать дружнаго совокупнаго отпора плантаторомъ, поддерживаемымъ англійскими солдатами. Въ 1872 году число начальниковъ племенъ, независимыхъ одинъ отъ другого, которымъ правительство платило выкупъ въ вознагражденіе за отказъ отъ права дѣлать разбойничьи набѣги, простиралось до 258; правда, что каждый изъ нихъ получалъ не болѣе одного фунта стерлинговъ въ годъ. Такъ же, какъ и ахинцы, даплы доставляютъ теперь ассамскимъ плантаторамъ значительное и постоянно возрастающее число работниковъ и мало-по-малу проникаются идеями своихъ сосѣдей индусскаго происхожденія. Подобно своимъ сосѣдямъ, жителямъ Тибета, они допускаютъ у себя всѣ формы брачнаго союза, какъ многомужіе, обычное между бѣдными, такъ и многоженство, практикуемое обыкновенно богатыми [3]).

Падамцы или пагдамы, называемые ассамитами общимъ именемъ аборъ или абаръ, т. е. „дикари", населяютъ, вмѣстѣ съ мирами, долины, въ которыхъ протекаютъ рѣки Дихонгъ и Дибонгъ, въ Восточныхъ Гималаяхъ. Принадлежа къ той же этнографической группѣ тибетскаго происхожденія, какъ даплійцы и ахинцы, и говоря нарѣчіями, сходными съ діалектами этихъ племенъ, они лучше сохранили свою независимость, но и они также получаютъ отъ своихъ могущественныхъ сосѣдей ежегодные подарки, залогъ ихъ покорности. Въ 1853 году, когда миссіонеръ Крикъ проникъ въ ихъ край, они впустили его не прежде, какъ покрывъ его листьями,—вѣроятно, для того, чтобы преобразить его въ лѣснаго человѣка,—и заставивъ его пройти подъ аркадой, унизанной луками и стрѣлами. Въ ихъ сосѣдствѣ живутъ миры или мирійцы, т. е. „посредники"—имя, вполнѣ соотвѣтствующее ихъ промыслу, такъ какъ они и въ самомъ дѣлѣ занимаются посредничествомъ въ мѣновой торговлѣ между жителями равнины и горцами. Падамцы называютъ себя старшими братьями мирійцевъ и вообще считаютъ себя спеціально привилегированными между племенами. И дѣйствительно, они счастливѣе, благодаря своей независимости. Они не признаютъ надъ собою никакихъ политическихъ господъ. Всѣ мужчины по праву суть члены общиннаго

[1]) *Dalton* „Ethnology of Bengal".
[2]) *Hesselmeyer* „Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1868, ч. II, № IV.
[3]) *Robinson*, тотъ же сборникъ, 1851 г., № II; *Dalton* „Ethnology of Bengal".

собранія, которое сходится каждый вечеръ и обсуждаетъ всѣ вопросы, интересующіе большую семью; совѣтъ выборныхъ долженъ только обнародовать рѣшенія, принятыя совокупностью гражданъ. Но добровольная дисциплина тамъ вполнѣ образцовая. Послѣ совѣта, молодые парни обходятъ деревню, выкрикивая дневной порядокъ на завтра, и всѣ подчиняются этому рѣшенію, что бы ни было опредѣлено—идти ли на охоту или рыбную ловлю, работать на поляхъ или справлять какой-нибудь праздникъ. Въ важныхъ обстоятельствахъ избираютъ делегатовъ, которые собираются въ деревнѣ Боръ-Аборъ, по имени которой иногда называютъ и все племя; но результатъ ихъ совѣщанія получаетъ силу только по утвержденіи его общинами. Селенія отличаются замѣчательною чистотой и опрятностью, общественный домъ, гдѣ ночуютъ холостые парни и который служитъ рукодѣльней въ ненастные дни, содержится въ величайшемъ порядкѣ, дороги обсажены по бокамъ фруктовыми деревьями, мосты изъ индійскаго тростника сдѣланы очень красиво и прочно, превосходно воздѣланные сады и поля могли бы служить образцами ассамскимъ плантаторамъ. У аборовъ есть жрецы, но это званіе не наслѣдственно; ихъ выбираютъ среди стариковъ, предсказанія которыхъ всего чаще оправдывались событіемъ и которые успѣшно исцѣляли больныхъ, „принуждали демоновъ возвращать недужнымъ душу, уже взятую ими". Падамцы татуируются, причемъ крестъ служитъ главнымъ украшеніемъ, которымъ они отмѣчаютъ себѣ лобъ и носъ. Женщины имѣютъ тотъ же знакъ на губахъ и икрахъ; онѣ украшаютъ себя также ожерельями, браслетами и тяжелыми желѣзными серьгами, которыя, вытянувъ мочку уха, ложатся на плечахъ. Эти украшенія привозятся изъ Тибета, также какъ латы мужчинъ и ихъ металлическіе шлемы, украшенные птичьимъ клювомъ или на-крестъ расположенными клыками кабана [1]).

Наименѣе изслѣдованная область горъ, гдѣ берутъ начало воды Дибонга и Брамакунда, населена народомъ мишми, которыхъ Дальтонъ считаетъ единоплеменниками китайскихъ міаоце и одно племя которыхъ удивительно походитъ чертами лица, формой тѣла, развитіемъ икоръ на японцевъ простолюдиновъ во всей средней части главнаго острова [2]). Тѣ мишми, съ которыми ассамскіе англичане имѣютъ сношенія, очень ловкіе коммерсанты; они приносятъ на рынки равнины мускусъ, аконитъ (волчій корень или царь-зелье), разныя лекарственныя снадобья и даже прочныя матеріи, которыя они ткутъ изъ волоконъ крапивы. У большинства мишми цвѣтъ кожи желтоватый и лицо плоское; однако, многіе изъ нихъ имѣютъ черты лица почти арійскія, что сами они объясняютъ какъ слѣдствіе смѣшенія съ индусскими пилигримами, приходящими

[1]) *Krick* „Relation d'un voyage au Thibet".
[2]) *Левъ Мечниковъ*, рукописныя замѣтки.

каждый годъ въ Брамакундъ; одѣты они въ какой-то мѣшокъ, ниспадающій до колѣнъ. Религія мишміевъ есть не что иное, какъ искусство колдованья и заклинаній; ихъ жрецы, какъ шаманы тунгусовъ, умѣютъ изгонять чертей и исцѣлять недуги своими кривляньями, изступленными плясками, битьемъ въ бубны. Мишми придерживаются многоженства, и гордость начальниковъ племенъ состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ какъ можно больше женъ, цѣна которымъ сильно разнится—отъ одной свиньи до двадцати быковъ. Послѣ женъ, главное богатство мишми составляетъ скотъ; особенно цѣнятъ они одинъ видъ быка, называемый митунъ (bos frontalis), который живетъ почти въ дикомъ состояніи, но который всегда тотчасъ же прибѣгаетъ на голосъ хозяина, если тотъ предложитъ ему полизать соли. Огромные дома, изъ которыхъ каждый вмѣщаетъ въ себѣ сотню и больше обитателей, украшены внутри рогами митуна и трофеями животныхъ, убитыхъ на охотѣ. Слово „голова" употребляется у мишми для всѣхъ вещей, составляющихъ предметъ мѣны [1]). Причину этого не слѣдуетъ искать въ охотѣ на людей, которою они нѣкогда занимались.

Но изъ многочисленныхъ народцевъ племени мишми пока извѣстны только тѣ, которые живутъ въ сосѣдствѣ равнинъ. Остальныхъ же, обитающихъ внутри горной области, знаютъ лишь по имени, и если вѣрить разсказамъ купцовъ, пройдетъ еще много лѣтъ прежде, чѣмъ дороги проникнутъ въ территорію этихъ дикарей. Къ одному изъ этихъ горскихъ народцевъ, живущему по берегамъ рѣки Дихонгъ, можно, говорятъ, пробраться не иначе, какъ дорогой, проложенной по карнизу скалъ, которая въ одномъ мѣстѣ прерывается гладкою отвѣсною стѣной съ пробитыми въ ней дырами для рукъ и ногъ путешественниковъ [2]). Выяснить географію этихъ странъ будетъ тѣмъ труднѣе, что селенія тамъ не имѣютъ собственныхъ названій, а обозначаются по именамъ начальниковъ клановъ [3]).

V.

МАГОМЕТАНСКАЯ ИНДІЯ.

ПЯТИРѢЧЬЕ, ИНДЪ И ПУСТЫНЯ, ПЕНДЖАБЪ, ДЕРАДІАТЪ, БАГАВАЛЬПУРЪ, ЗАПАДНАЯ РАДЖПУТАНА, СИНДЪ И КАЧЪ.

Вся страна четырехугольной формы, заключенная между кашмирскимъ Гималаемъ, краемъ афганскаго и белуджистанскаго плоскогорій, моремъ и горами Раджпутаны, представляетъ естественную область, совершенно отличную отъ остальной Индіи. Нѣкогда морской заливъ, какъ

[1]) *Cooper* „New routes for Commerce".
[2]) *Dalton* „Ethnology of Bengal".
[3]) *Cooper* „New routes for Commerce".

о томъ свидѣтельствуютъ найденные въ разныхъ мѣстахъ ископаемые остатки морскихъ животныхъ, Пенджабъ и Синдъ орошаются теперь рѣками, вытекающими изъ однѣхъ и тѣхъ же снѣговыхъ горъ и соединяющимися въ одинъ рѣчной бассейнъ. На востокъ отъ нижняго Инда вся территорія, въ настоящее время почти безводная, которая простирается до горы Абу и до цѣпи Аравали, тоже была орошаема этими рѣками, и теперь еще видны слѣды старыхъ руслъ, маленькія извилистыя озера или болота, окаймленныя дюнами. Рѣка Луни, спускающаяся къ заливу Качскому (Раннъ), параллельно Инду, прежде была связана съ сѣтью гималайскихъ потоковъ. Въ этой странѣ большихъ лѣтнихъ жаровъ всѣ посѣвы и культуры, а слѣдовательно и человѣческія поселенія, зависятъ отъ распредѣленія водъ. Когда какая-нибудь рѣка высохнетъ или перемѣнитъ русло, населеніе прилегающихъ къ ней мѣстностей должно неизбѣжно выселиться или погибнуть гораздо вѣрнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы страна подверглась нашествію цѣлой арміи кровожадныхъ истребителей. Такимъ-то образомъ почти всѣ жители Сѣверо-западнаго Индустана принуждены были сгруппироваться въ территоріи Пятирѣчья и вдоль западнаго берега Инда, до самаго моря; только малочисленныя колоніи поселились на восточной сторонѣ рѣки вдоль каналовъ и въ сырыхъ низменныхъ мѣстахъ. По бо́льшей мѣрѣ только половина этого края населена, и хотя нѣкоторыя части Пенджаба усѣяны городами, но общая плотность народонаселенія гораздо меньше въ этой странѣ, разсматриваемой въ цѣломъ, нежели въ остальной Индіи. Бассейнъ Инда отдѣленъ отъ Полуострова безводною пустыней; эти двѣ области связаны между собою въ торговомъ и политическомъ отношеніи лишь поясомъ воздѣланныхъ земель, идущимъ вдоль основанія Гималайскаго хребта, между бассейномъ Ганга и Пятирѣчьемъ. Легко понять, какъ велика, съ стратегической точки зрѣнія, важность этой полосы земли, соединяющей съ Англо-индійскою имперіей область почти внѣшнюю рѣчнаго бассейна, имя котораго, однако, сдѣлалось именемъ всей Индіи. По самому своему положенію, сѣверо-западныя провинціи, по которымъ протекаетъ Синдъ, были наиболѣе уязвимою частью Индустана, и ихъ политическія судьбы часто измѣнялись. Брешь, образуемая долиной Кофена или рѣки Кабулъ, часто позволяла завоевателямъ проникать въ Индію. Черезъ этотъ проломъ пришли и сами арійцы, оттѣсненные мало-по-малу къ востоку потокомъ новыхъ переселеній. Съ западныхъ плоскогорій спустились древне-персидскіе завоеватели, затѣмъ греки Александра Македонскаго, далѣе арабы, турки подъ предводительствомъ Великаго-Монгола, афганцы, и въ эту же сторону постоянно обращаютъ взоры нынѣшнія населенія Индіи, задавая себѣ вопросъ: не собираются ли и русскіе, въ свою очередь, спуститься къ нимъ?

Пространство и населеніе бассейновъ Инда и Луни и острововъ Качскаго залива:

	Площадь въ кв. километр.	Населеніе въ 1872 г.	Населеніе километрическое.
Пенджабъ (безъ Дели) . . .	257.347	15.695.075 жит.	61 жит.
Вассальныя государства равнины (Сиргиндъ, Капуртала, Бахавальпуръ) . . .	61.309	2.952.100 „	48 „
Западная Раджпутана (Марваръ и Биканиръ) . . .	199.285	6.885.000 „	36 „
Синдъ, Хаирпуръ и Качъ .	160.356	2.810.070 „	18 „
Всего . . .	678.297	28.342.245 жит.	40 жит.
Вѣроятная цифра народонаселенія въ 1882 году		30.000.000 жит.	44 жит.

Имя Пенджабъ или Панджабъ, — по санскритски Панддшанада, — или „Пять Рѣкъ“, смѣнившее прежнее названіе Сапта Синдхава, или „Семь большихъ потоковъ“, доказываетъ, что гидрографія сѣверо-западной равнины Индустана измѣнилась уже во времена историческія. Нѣкоторыя рѣки высохли, „пропали“ по народному выраженію; обширныя пространства земли, нѣкогда густо населенныя, превратились въ безлюдныя пустыни; песчаныя дюны, гонимыя вѣтромъ, поглотили многіе города, зданія которыхъ теперь откапываютъ подъ землей. Климатъ сдѣлался, вѣроятно, суше, и слѣдовательно, почва безплоднѣе. Правда, что уже и въ ту эпоху, когда первые арійцы поселились въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ „семью“ рѣками, имъ часто приходилось терпѣть отъ продолжительныхъ засухъ, и они то и дѣло взывали къ Индрѣ, умоляя его „пролить дождь для жертвоприносителя“; но пустынное пространство, или „царство смерти“, было тогда менѣе обширно, и области, оплодотворяемыя текучими водами, занимали болѣе значительную площадь. Постепенное высыханіе озеръ Гималайскаго хребта, большинство которыхъ превратилось въ соляныя водныя поверхности, свидѣтельствуетъ о совершившемся измѣненіи климата, которое, естественно, должно было проявиться также и въ равнинахъ; въ то время, какъ умалялось количество выпадающаго снѣга на вершинахъ горъ, уменьшались и дожди въ низменныхъ мѣстностяхъ.

Гидрографія Пенджаба должна была измѣняться также просто вслѣдствіе блужданія горныхъ потоковъ, которые, по выходѣ изъ гималайскихъ „воротъ“, должны искать себѣ покатости на почвѣ почти ровной и горизонтальной; плоскій песчаный или покрытый мелкимъ булыжникомъ берегъ, уступающій на томъ или другомъ пунктѣ напору воды, стволъ дерева, уносимый теченіемъ, достаточны для того, чтобы русло

потока перемѣстилось; рѣчка или рѣка принимаетъ новое направленіе и иногда къ другому бассейну. Водораздѣльная равнина, высотой около 250 метровъ, отдѣляющая теченіе Сетледжа отъ теченія Джамны, съ виду совершенно горизонтальна, и дѣйствительно, подъемъ ея такъ малъ, что промежуточный порогъ, находящійся въ 144 километрахъ къ западу отъ Джамны, всего только на 20 метровъ (28 аршинъ) возвышается надъ среднимъ стояніемъ водъ этой рѣки. Большинство рѣкъ, спускающихся съ передней цѣпи Гималая, до такой степени въ уровень одна съ другою и съ равниной, что онѣ соединяются между собою каналами, естественными и искусственными, образуя цѣлую сѣть потоковъ въ мѣсяцы наводненія; рукава ихъ развѣтвляются на подобіе вѣтвей опахала, образуя среди плантацій и лѣсовъ равнины родъ дельты, которая теряется не въ Океанѣ, а въ пустынѣ; какъ на примѣръ этого явленія развѣтвленій на рукава, можно указать на Гола-нади, рѣку, гдѣ течетъ излишекъ водъ Кумаонскихъ озеръ. Есть основаніе думать, что Джамна, нынѣ главный притокъ Ганга, направлялась нѣкогда къ Инду, принося плодородіе странамъ Западной Раджпутаны, въ наши дни пустыннымъ. Съ другой стороны, рѣка Сарасвати, которая теперь теряется въ пескахъ между Джамной и Сетледжемъ, перечисляется въ Магабгаратѣ, какъ одинъ изъ притоковъ Ганга [1]).

Незначительный временный потокъ, который въ настоящее время остается отъ Сарасвати или Сарсути, повидимому, совсѣмъ не заслуживалъ тѣхъ пѣснопѣній, которыя слагали въ честь его древніе арійскіе поэты. Вытекая изъ предгорій Гималая, онъ приноситъ въ равнину, на порогъ, отдѣляющій Джамну отъ Сетледжа, лишь дождевыя вòды, обильныя только послѣ ливней; въ обыкновенное же время эта рѣчка, отводимая справа и слѣва въ оросительные каналы, скоро изсякаетъ; даже нужно задерживать ее запрудами, чтобы приходящіе пилигримы могли смывать свои грѣхи въ ея священныхъ водахъ [2]); на мѣстѣ сліянія „Семи Сарасвати“, о которомъ говоритъ Магабгарата, теперь остался только прудъ, наполненный грязною водой. Сарасвати не можетъ болѣе соединяться съ параллельною ей рѣкой, Гаггаръ, съ которою она текла прежде, либо въ Индъ [3]), либо прямо въ море, къ Качскому заливу. Исчезновеніе Сарасвати должно было совершиться въ эпоху, уже очень отдаленную отъ насъ, такъ какъ древнія индійскія поэмы упоминаютъ объ этомъ событіи и тысячи мѣстныхъ легендъ связаны съ преданіемъ о бѣгствѣ богини. Ниже послѣднихъ лужъ, гдѣ вода Сарасвати показывается еще въ пескахъ, видна мѣстами та широкая ложбина, въ которой нѣкогда извивалось ея теченіе, ложбина, окаймленная по сторонамъ давно поки-

[1]) *Ади-Парва*, двустишіе 6455.
[2]) *Login* „Quarterly Journal of the Geographical Society“, may 1, 1872.
[3]) *Vivien de Saint-Martin* „Géographie du Véda“.

нутыми селеніями и обрушившимися плотинами; инженеры-топографы прослѣдили и обслѣдовали эту ложбину до самаго Багавальпура, верстъ на триста далѣе мѣстечка Батнеръ, крайняго южнаго пункта, до котораго она теперь достигаетъ въ періодъ разлива. Безъ сомнѣнія, арійцы, обитавшіе на берегахъ Сарасвати, придавали особенную, исключительную важность этой рѣкѣ, которая долгое время служила имъ границей; но какъ бы ни было велико ихъ желаніе прославлять священный потокъ, они не могли бы описывать его такъ, какъ они описывали, если бы онъ дѣйствительно не былъ значительною рѣкой. Самое имя, которое они ему дали, „Многоводная рѣка", стало впослѣдствіи примѣняться къ морю. Ригъ-Веда изображаетъ рѣку Сарасвати, какъ „прекраснѣйшую, достойную любви и наиболѣе почитаемую изъ семи сестеръ"; она (т. е. Сарасвати) „быстрѣе колесницы", и „защищаетъ своихъ, какъ желѣзная стѣна"[1]); это огромный потокъ, пробивающій горы и превосходящій всѣ другія рѣки своими шумящими волнами[2]). Невозможно, конечно, объяснить контрастъ между нынѣшнею, лѣниво текущею рѣчкой и тогдашнимъ стремительнымъ потокомъ прорытіемъ каналовъ, уносящихъ воды Сарасвати на прибрежныя равнины, ибо и другія рѣки въ такой же мѣрѣ доставляютъ необходимую воду для орошенія полей и плантацій. Точно также нельзя объяснять обмелепіе Сарасвати измѣненіемъ климата или обезлѣсеніемъ горъ, такъ какъ тѣ же причины одинаково дѣйствовали во всемъ бассейнѣ Инда. Слѣдовало бы допустить, что нынѣшняя Сарасвати не та рѣка, о которой говорятъ древне-индійскіе поэты,—предположеніе, которое не согласовалось бы съ общею географіей страны, какъ ее изображаетъ Веда; или нужно было бы видѣть въ исчезновеніи могучей рѣки слѣдствіе одного изъ тѣхъ перемѣщеній, которыя такъ часто происходили у „воротъ" Гималая. Подобно тому, какъ Тиста, вмѣсто того, чтобы течь къ Брамапутрѣ, спускалась прежде къ Гангу, такъ и Сетледжъ, или одинъ изъ его рукавовъ, не впадалъ непосредственно въ Индъ и не соединялся съ Біасомъ; протекая южнѣе, онъ принималъ въ себя рѣки Гаггаръ и Сарасвати. Это онъ, вѣроятно, и наполнялъ ту широкую безводную ложбину, которая теперь видна въ пустынѣ, и такимъ образомъ составлялъ продолженіе „священной" рѣки[3]). Фергюсонъ, напротивъ, полагаетъ, что древняя Сарасвати была не что иное, какъ одинъ изъ рукавовъ Джамны[4]).

Какъ бы то ни было, вся страна Пятирѣчья изборождена по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ рѣчными ложами, изъ которыхъ одни наполнены водой, другія опорожнены, вполнѣ или отчасти, и къ

---

1) „Rig Veda", trad. Langlois, tome III.
2) *Langlois*; *Vivien de Saint-Martin*; *Zimmer*, „Altindisches Leben".
3) *Oldham* „Notes on the lost Rivers of the Indian Desert".
4) *Medlicott and Blanford* „Manual of the Geology of India".

*

которымъ примѣшиваются тамъ и сямъ искусственные каналы, превращенные разливами въ живые потоки. Иная рѣка принадлежала послѣдовательно къ двумъ различнымъ бассейнамъ; другая, бывъ сначала главною вѣтвью, снизошла впослѣдствіи на степень простаго притока. Оттого-то преданія и историческія свидѣтельства, противорѣчащія одно другому относительно многихъ пунктовъ, не позволяютъ установить съ полною достовѣрностью тожество всѣхъ чертъ этой гидрографической сѣти, безпрестанно видоизмѣнявшейся въ теченіе вѣковъ; единственныя неизмѣнныя, неподвижныя точки—это бреши, открытыя между массивами холмовъ верхняго Пенджаба. Благодаря этимъ дефилеямъ, „Пять Рѣкъ", не смотря на всѣ перемѣщенія ихъ нижняго русла, не удалились отъ своихъ верхнихъ долинъ со времени похода Александра Македонскаго. Комментаторы нисколько не сомнѣваются относительно синонимін древнихъ и новыхъ именъ этихъ рѣкъ, „свято чтимыхъ матерей", которыя сходятъ съ неба и которымъ земля обязана своимъ плодородіемъ. Вотъ эти имена.

Рѣки Пенджаба, съ запада на востокъ:

Имена санскритскія.	Греческія.	Нынѣшнія.
Витаста.	Гидаспесъ, Бидаспесъ.	Джиламъ, Бегатъ, Бедаста.
Асикни, Чандра-Бага.	Акесинесъ.	Чинабъ, Чандра-Бага.
Парушни, Иравати, „Обильная".	Гидраотесъ.	Рави, Рава, Равати.
Випаса.	Гифазисъ, Гипазисъ, Бипазисъ.	Біасъ, Бейахъ.
Сатадру, Сутудри (сто рукавовъ).	Зададросъ.	Сетледжъ, Гарра, Газа и пр.

Изъ всѣхъ этихъ рѣкъ самая значительная, какъ по длинѣ теченія, такъ и по обилію водъ—Сатлеждъ, или Сетледжъ, зарождающійся близь Тибетскаго Кайласа, въ сосѣдствѣ истоковъ Инда, Ганга и Цангбо. Соединяясь въ наши дни съ Біасомъ, уже въ верхней области Пенджаба, онъ течетъ прямо на юго-западъ и сливается съ большимъ потокомъ Тринабъ, или „Трехъ Рѣкъ", образуемымъ рѣками Чинабъ, Джиламъ и Рави. Эти соединенныя пять рѣкъ, за которыми различные писатели удерживаютъ имена Сетледжъ или Чинабъ, тогда какъ другіе употребляютъ названіе Панджнадъ, впадаютъ въ Индъ, объемъ котораго онѣ удвоиваютъ и который продолжаетъ ихъ въ юго-западномъ направленіи. Мѣсто сліянія лежитъ только на 79 метровъ выше уровня Аравійскаго моря.

Стокъ (объемъ протекающей въ секунду воды) рѣкъ Пенджаба въ сезонъ мелководья, при выходѣ изъ горъ, по Бекеру, Коннингаму Нэпиру и др.

Сетледжъ .	89 куб. метр. въ сек.	Чинабъ .	131 куб. метр. въ сек.
Біасъ. . .	86 „ „ „	Джиламъ .	112 „ „ „
Рави . . .	75 „ „ „		

Стокъ Пенджаба, или Пяти Рѣкъ, принимая въ разсчетъ испареніе	336 куб. метр.
„ Инда во время мелководья, при сліяніи	420 „ „
„ двухъ соединенныхъ рѣкъ, въ мелководье . .	756 „ „
„ средній Инда, при сліяніи.	4.498 „ „

Въ періодъ половодья Сетледжъ и другія рѣки имѣютъ очень внушительный видъ; онѣ разливаются на версту, мѣстами на нѣсколько верстъ въ ширину, и на столько глубоки, что по нимъ могутъ ходить большія суда; пароходы поднимаются тогда по Сетледжу до Фирозпура, ниже устья Біаса. Въ это время, т. е. въ сезонъ наводненій, рѣки Пенджаба вполнѣ заслуживаютъ сравненія индійскихъ поэтовъ, которые показываютъ намъ кортежъ Инда, какъ блестящую свиту царя, окруженнаго военачальниками на быстрыхъ коняхъ [1]). Но въ періодъ засухи тѣ же самыя рѣки являются въ видѣ узкихъ и мелководныхъ потоковъ, извивающихся между острововъ и песчаныхъ мелей; воды въ нихъ въ это время такъ мало, что даже сплавлять лѣсъ не всегда возможно. Часто прибрежные жители переходятъ ихъ въ бродъ, не имѣя надобности опираться на носимые съ собою и употребляемые для переправы мѣшки изъ буйволовой кожи, которые издали походятъ на самихъ животныхъ, такъ что караваны путниковъ, нагруженныхъ этими курьезными челноками, представляютъ странное зрѣлище. Изъ года въ годъ кровопусканія, дѣлаемыя пенджабскимъ рѣкамъ, чтобы отнять у нихъ излишекъ водъ разлива въ пользу требующихъ искусственнаго орошенія полей, уменьшаютъ стокъ, и соотвѣтственно тому, безплодныя пространства *доабовъ*, т. е. земель „между двумя рѣками", постоянно уменьшаются въ размѣрахъ. Выходя изъ горъ, рѣка Рави катитъ вдвое больше воды, чѣмъ у Лагора, втрое больше, чѣмъ у Мультана; безъ сомнѣнія, ни одна изъ пяти рѣкъ не достигала бы моря отдѣльно; каждая терялась бы въ пескахъ, какъ Сарасвати, если бы не доходила до Инда [2]).

На югъ отъ этихъ дефилеевъ, еще такъ мало извѣстныхъ, въ которые онъ вступаетъ, обойдя массивъ Нанга-Парбатъ, могучій Индъ или Аба-Синдъ, т. е. „Отецъ Рѣкъ", входитъ въ Пенджабъ какъ бы черезъ тріумфальныя ворота; отсюда турецкое имя Дербендъ, данное этому проходу, надъ которымъ съ запада господствуютъ Магабанскія горы. Эти ворота, черезъ порогъ которыхъ путешественники не отваживались пере-

[1]) „Rig Veda", X, 75; *Vivien de Saint-Martin* „Géographie grecque et latine de l'Inde".

[2]) *Adolph von Schlagintweit* „Mittheilungen von Petermann", 1857, № 7.

ходить, считались прежде „истоками Инда“, хотя рѣка находится въ этомъ мѣстѣ на разстояніи слишкомъ 1.300 километровъ отъ своего дѣйствительнаго начала и хотя она совершила уже около половины своего теченія до моря. По выходѣ изъ горъ, Индъ разливается сначала въ широкомъ руслѣ, среди обширной равнины, бывшей нѣкогда озеромъ, и соединяется съ рѣкой Кабулъ, по виду такой же могучей, какъ онъ самъ, и гораздо болѣе важной съ исторической точки зрѣнія, такъ какъ по этой рѣкѣ направляется главный путь Индіи, которымъ слѣдовали во всѣ времена переселенія народовъ, торговое движеніе и арміи завоевателей. На небольшомъ разстояніи внизъ отъ сліянія двухъ потоковъ, Индъ ударяется о скалы, отъ которыхъ городъ, защищающій переходъ черезъ рѣку, получилъ имя Аттокъ, или „Задержка“; устроенный въ этомъ мѣстѣ плавучій мостъ замѣненъ теперь желѣзнодорожнымъ путеводомъ о четырехъ пролетахъ. Затѣмъ рѣка снова должна пробираться длиннымъ рядомъ ущелій между крутыхъ каменныхъ стѣнъ; на пространствѣ около 160 километровъ горы и холмы заставляли путешественниковъ сворачивать или на сѣверъ, или на югъ, чтобы переправиться черезъ Индъ. При такихъ условіяхъ Аттокская позиція не могла не сдѣлаться обязательнымъ мѣстомъ перехода въ исторіи міра; крѣпости, слѣдовавшія одна за другою въ этомъ мѣстѣ, наблюдаютъ за путемъ, спускающимся съ Гинду-куша къ Гангу. Прежде Индъ часто называли Аттокомъ или Нилабомъ, по имени форта, стоящаго ниже Аттока, при одной тѣснинѣ рѣки. Чтобы лучше защитить свою границу со стороны Афганистана и имѣть возможность, въ случаѣ надобности, двинуть параллельно двѣ арміи въ направленіи Кабула, англичане построили къ югу отъ Аттока вторую желѣзнодорожную линію, которая подойдетъ къ рѣкѣ у Кушалъ-Гара и впослѣдствіи будетъ продолжена къ Когату и полуденному склону хребта Сефидъ-Кохъ.

По выходѣ изъ ущелья Калабахскаго (Карабахскаго), или „Чернаго Сада“, Индъ окончательно покидаетъ область горъ, и снова очутившись на свободѣ, змѣится длинными извилинами по равнинѣ, окаймленной боковыми потоками или рукавами и ложными рѣками, указывающими прежнія русла главной рѣки. Получая только одинъ постоянный притокъ съ западной стороны, Курамъ, онъ постепенно уменьшается отъ испаренія до Митанкота, гдѣ принимаетъ въ себя Панджнадъ, образовавшійся изъ сліянія „Пяти Рѣкъ“. Въ этой области, гдѣ сталкиваются теченія двухъ большихъ рѣкъ, капризы выступившей изъ береговъ рѣки опаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Самый Митанкотъ былъ разрушенъ въ 1863 году разливомъ Инда, вслѣдствіе чего принуждены были перенести городъ верстъ за восемь отъ нынѣшняго берега, на возвышенное мѣсто, защищенное отъ наводненій. Оборонительные валы, воздвигаемые инженерами съ той и другой стороны для защиты береговъ, оставляютъ рѣчнымъ водамъ сред-

ную ширину въ 8 километровъ, еще недостаточную въ дождливое время года. Но уровень разливовъ постоянно уменьшается по направленію къ низовью; тогда какъ въ Аттокскомъ дефиле вода въ рѣкѣ поднимается на 16 метровъ (около $7^1/_2$ саженъ) выше зимняго стоянія, въ проходѣ Рори повышеніе уровня составляетъ только 5 метровъ (7 аршинъ).

Въ этомъ мѣстѣ, т. е. у Рори, рѣка съуживается, чтобы пройти маленькую цѣпь известковыхъ холмовъ, которая немного нарушаетъ горизонтальность равнины. Береговой утесъ, на которомъ расположенъ городъ Рори, поднимается на 13 метровъ надъ среднимъ уровнемъ воды, и лежащій по срединѣ рѣки скалистый островокъ Баккаръ (Буккуръ), на которомъ высятся стѣны крѣпкаго зàмка, прерываетъ теченіе; этотъ естественный устой, такъ сказать, напередъ указывалъ мѣсто для постройки моста черезъ рѣку, который дѣйствительно и сооружается тутъ, но еще не окончень. Основываясь на геологическомъ изслѣдованіи почвы, а также на словахъ преданія,—не опирающагося, впрочемъ, на какія-либо историческія свидѣтельства,—можно заключить съ большою вѣроятностью, что Индъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣчаетъ известковую цѣпь Рори, поворачивалъ прежде на югъ и направлялся прямо къ Качскому Ранну, соединяясь съ рѣкой, которая, какъ полагаютъ, составляла нѣкогда продолженіе Сетледжа и Сарасвати черезъ каналъ Гакра или Вагиндъ, нынѣ высохшій. Ложбина древняго рѣчнаго русла извѣстна обыкновенно подъ именемъ „Восточной“ Нарры, или просто Нарры (рѣка), и въ сезонъ дождей она дѣйствительно даетъ проходъ временной рѣкѣ, разливающейся мѣстами въ озера и болота. Обыкновенно на картахъ Восточная Нарра представлена какъ простой истокъ Инда, какъ верхняя вѣтвь его дельты; но въ наши дни очень рѣдко такъ бываетъ. Въ настоящее время сообщеніе между Индомъ и ложбиной Нарры установляется при помощи канала, запертаго шлюзами. Только при исключительно высокихъ разливахъ вòды главной рѣки переливаются черезъ береговыя плотины въ восточную пустыню и теряются въ равнинахъ Патъ или даже въ солончаковыхъ пространствахъ Ранна. Но если бассейнъ Нарры теперь почти независимъ отъ Инда, то онъ несомнѣнно не былъ такимъ еще въ недавнюю историческую эпоху. До сихъ поръ еще видно широкое русло, извѣстное подъ именемъ Райнъ, которое несло воды главной рѣки въ Нарру и о которомъ преданіе говоритъ, какъ о главномъ руслѣ Инда. Другіе каналы, широкіе и глубокіе, вырытые ниже въ пустынѣ, свидѣтельствуютъ о безпрестанныхъ блужданіяхъ рѣки, искавшей наиболѣе удобнаго пути къ морю. По словамъ Борнса, одинъ рукавъ Инда, носившій названіе Пурана, или „Древній“, протекалъ еще въ 1672 году на разстояніи около 200 километровъ къ востоку отъ нынѣшняго устья. Всѣ признаки, обнаруженные изученіемъ страны, указываютъ на тотъ фактъ, что великая индійская рѣка постоянно подвигалась все далѣе и

далѣе отъ востока къ западу или въ силу качательнаго движенія почвы въ этомъ направленіи, или вслѣдствіе вращенія земнаго шара, заставляющаго рѣки сѣвернаго полушарія уклоняться вправо отъ нормальнаго направленія. Это постепенное перемѣщеніе Инда къ западу имѣетъ то слѣдствіе, что сосѣднія, лежащія на востокъ отъ него, мѣстности все болѣе и болѣе изсушаются, и многіе прѣсноводные потоки, отдѣляясь отъ главной рѣки, превращаются въ соляныя озера. Работы по регулированію водъ, производимыя англійскими инженерами, имѣли подобныя же слѣдствія. Въ одной части своего теченія Восточная Нарра задѣваетъ песчаные берега пустыни Таръ, и еще очень недавно развѣтвлялась между дюнами многочисленными параллельными бухтами, напоминавшими своею формой длинные, соединяющіеся съ рѣкой, каналы, которые раздѣляютъ бугры на Каспійскомъ прибрежьи. Эти заливы, имѣвшіе одинаковое направленіе къ сѣверо-востоку, сообразно расположенію дюнъ, превращались въ озера въ сухое время года, когда Нарра переставала питать ихъ; многіе изъ нихъ становились тогда резервуарами соленой воды, такъ что дикія животныя обѣгали ихъ; другіе же, остававшіеся прѣсноводными бассейнами, дѣлались сборнымъ мѣстомъ газелей и всякой водяной птицы. Чтобы употребить до послѣдней капли, для орошенія, драгоцѣнную воду рѣки, инженеры запрудили входъ въ бухты, вслѣдствіе чего эти послѣднія, по большей части, высохли и превратились въ пласты соли. Такимъ образомъ, первоначальный видъ этой странной бахромы изъ озеръ совершенно измѣнился.

Дельта Инда начинается въ 150 километрахъ отъ моря и образуетъ треугольникъ величиною въ 8.000 квадр. километровъ, основаніе котораго тянется на пространствѣ 200 километровъ вдоль берега Аравійскаго моря. Однако, бо̀льшая часть сплетенія развѣтвляющихся лимановъ, разрѣзывающаго морское побережье между главнымъ рукавомъ и портомъ Карачи, неточно обозначается именемъ „устьевъ Инда“ и должна быть разсматриваема, какъ совершенно независимая отъ рѣки сѣть водъ. Правда, эти мнимые рукава получаютъ, особенно въ періодъ разливовъ, кое-какіе маленькіе истоки дельты, но почти всѣ они имѣютъ соленую воду и проникаютъ внутрь материка подъ напоромъ вѣтра и морскаго прилива [1]): это океаническіе лиманы, въ родѣ тѣхъ, какіе мы встрѣчаемъ въ очень многихъ мѣстахъ на берегахъ Гвинеи. Однако, весьма вѣроятно, что эти заливчики, не имѣющіе сообщенія съ рѣкой, были въ разныя времена вѣтвями Инда; доказательствомъ служатъ многочисленныя излучины, засыпанныя тамъ и сямъ пескомъ, которыя развѣтвляются и взаимно пересѣкаются между рѣкой и моремъ; повсюду почва, очевидно, состоитъ изъ рѣчныхъ наносовъ, переработанныхъ теченіями; даже тамъ, гдѣ

[1]) *Tremenheere* „Journal of the Geograhical Society of London“, 1867.

МУЖСКІЕ И ЖЕНСКІЕ ТИПЫ БУТАНЦЕВЪ.

бывшіе рукава не оставили послѣ себя лужъ, которыя свидѣтельствовали бы о ихъ проходѣ, рощицы тамарисковъ и мимозъ и, вблизи моря, извилистыя шпалеры изъ корнепусковъ указываютъ издали берега прежнихъ руслъ, теперь засыпанныхъ. Въ теченіе этого столѣтія главное устье уже много разъ перемѣняло мѣсто; въ 1800 году главнымъ русломъ былъ рукавъ Багаръ, который извивался въ западномъ направленіи и отъ котораго теперь остались только кое-какіе слѣды. Его смѣнилъ рукавъ Сата или Ваніани; въ 1819 году одинъ изъ южныхъ рукавовъ, Кедевари, сдѣлался главнымъ входомъ для плывущихъ съ моря судовъ; затѣмъ настала очередь Какайвари, протока, который открылся къ югу отъ предъидущаго, бывъ передъ тѣмъ простымъ заливчикомъ или временнымъ потокомъ. Въ 1867 году этотъ каналъ тоже, въ свою очередь, обмелѣлъ и былъ занесенъ иломъ и пескомъ. Въ настоящее время истиннымъ русломъ рѣки сдѣлался рукавъ Гаджапро, вѣтвь дельты, гдѣ еще около половины нынѣшняго столѣтія могли пробираться только маленькіе челноки. Подтачиваніе и размываніе высокихъ береговъ происходитъ, во время разливовъ, такъ быстро, что иногда впродолженіе одной минуты слышенъ нѣсколько разъ шумъ отъ слѣдующихъ одинъ за другимъ обваловъ берега, словно громъ пушечной пальбы, раздающійся на полѣ сраженія.

Число рѣчныхъ устій невозможно опредѣлить съ точностью, такъ какъ оно мѣняется отъ каждаго періода засухи до слѣдующаго періода половодья и такъ какъ многіе изъ временныхъ боковыхъ потоковъ развѣтвляются на измѣнчивые рукава; среднимъ числомъ, вѣтви, судоходныя для барокъ, мѣняются отъ двухъ до десяти въ теченіе года. Торговые города, стоящіе на томъ или другомъ изъ временныхъ рукавовъ, по необходимости должны были переноситься на другое мѣсто, сообразно блужданіямъ рѣки, если не хотѣли обречь себя на неминуемый упадокъ. Такъ, Шахъ-Бундаръ, или „Царскій портъ", нѣкогда мѣстопребываніе военныхъ флотовъ, остался далеко внутри материка, къ востоку отъ нынѣшняго теченія Инда; точно также городъ Гора-Бари или Виккаръ, на рукавѣ Гаджапро, въ 1848 году былъ покинутъ рѣкой, которая удалилась отъ него; Кети выстроился ниже на берегу новаго русла, но вскорѣ послѣ того жители принуждены были перенести свой городъ немного дальше. Въ свою очередь, и этотъ второй Кети утратилъ свою важность съ тѣхъ поръ, какъ постройка желѣзной дороги къ порту Карачи, на сѣверѣ дельты, позволила движенію товарныхъ грузовъ миновать измѣнчивое теченіе рѣки; вообще, какъ только торговля не удерживаетъ ихъ, жители поспѣшно бѣгутъ съ этихъ низменныхъ земель, болѣе опасныхъ, чѣмъ Понтинскія болота[1]). Въ часы отлива, бары,

[1]) *Richard Burton* „Sind revisited".

заграждающіе входъ во всѣхъ устьяхъ Инда, оставляютъ судамъ весьма незначительную глубину, измѣняющуюся отъ одного до двухъ метровъ; средняя высота большаго прилива, во время новолунія и полнолунія, около 3 метровъ.

Столь мало доступный большимъ судамъ, Индъ есть, тѣмъ не менѣе, по обилію своихъ водъ, одна изъ значительныхъ рѣкъ Азіи; однако, и въ этомъ отношеніи его много превосходятъ другія южно-азіатскія большія рѣки, Янтсекіангъ, Меконгъ, Иравадди, Брамапутра, Гангъ; говорятъ, онъ уступаетъ даже Шатъ-эль-Арабу, но, вообще говоря, въ немъ больше воды, чѣмъ въ Гоанъ-го, или Желтой рѣкѣ (Индъ катитъ въ секунду времени: въ періодъ половодья 17.500 куб. метровъ; въ періодъ мелководья 1.156 куб. метр.; среднимъ числомъ, 5.550 куб. метр.). Это одна изъ самыхъ мутныхъ рѣкъ въ свѣтѣ; вода ея содержитъ каменныхъ обломковъ и землистыхъ частицъ, илу и песку въ пропорціи (средней) отъ 2 до 3 тысячныхъ, и вычислено, что эти осадки могли бы образовать въ теченіе года островъ пространствомъ въ 166 квадр. километровъ и въ одинъ метръ глубины [1]). При каждой новой съемкѣ приходится наносить на морскія карты островки и песчаныя мели недавняго образованія. Тѣмъ не менѣе, однако, дельта Инда мало выступаетъ за нормальную линію берега, что̀, безъ сомнѣнія, должно быть приписано дѣйствію береговаго морскаго теченія. Подойдя къ материку, приливная волна, гонимая юго-западнымъ муссономъ, принуждена изгибаться и идти вдоль побережья, направляясь на сѣверъ къ Карачи. Это теченіе захватываетъ приносимыя Индомъ землистыя частицы и разбрасываетъ ихъ вдоль морскаго берега, какъ о томъ свидѣтельствуетъ составъ слюдяпаго песку, совершенно тождественный съ пескомъ, который рѣка отлагаетъ на своихъ берегахъ. Наносы, которые не увлекаются далеко береговымъ теченіемъ, бо̀льшею частью теряются на югѣ въ глубокой подводной долинѣ, открывающейся непосредственно на югъ отъ рѣчныхъ устій, и дна которой лотъ недостаетъ даже на глубинѣ 400 метровъ. Эта пучина, извѣстная у англійскихъ моряковъ подъ именемъ *swatch*, составляетъ совершенный географическій pendant, па̀рникъ подводной впадины того же имени, вырытой по другую сторону Полуострова, противъ дельты Ганга [2]).

Восточная часть низменности или котловины, простирающейся до горъ Аравали, занята въ бо̀льшей части пустыней; пустынныя пространства начинаются уже въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ пояса городовъ и воздѣланныхъ земель, идущаго вдоль основанія Гималайскихъ предгорій. Замедляемыя въ своемъ теченіи горизонтальностью почвы, истощаемыя ирригаціонными каналами, рѣки, вытекающія изъ горъ, про-

---

[1]) *Tremenheere*, цитированный мемуаръ.
[2]) *Tremenheere*, цитированный мемуаръ.

ходятъ довольно короткій путь; подвигаясь впередъ, онѣ постепенно уменьшаются, затѣмъ дробятся на лужи, а еще далѣе не имѣютъ даже столько воды, чтобы увлажнять песокъ. Дожди удлиняютъ ихъ теченіе на нѣсколько миль къ югу; засухи заставляютъ ихъ снова отступать къ сѣверу. Однако, эти рѣки продолжаютъ сочиться въ нижнихъ слояхъ почвы на нѣкоторое разстояніе внизъ отъ того мѣста, гдѣ онѣ дѣлаются невидимыми на поверхности земли, и колодцы, копаемые на линіи ихъ подземнаго теченія, даютъ воду на глубинѣ 30, затѣмъ 60, даже 100 метровъ; въ Джайсальмирѣ воду находятъ только на глубинѣ 170 метровъ (около 80 саженъ). Далѣе водяная скатерть совершенно изсякаетъ; до самаго Индійскаго океана, на пространствѣ около 500 километровъ, не существуетъ болѣе ни одного потока, видимаго или скрытаго, за исключеніемъ бывшихъ истоковъ Инда и Луни, или „Соляной рѣки", спускающейся съ горъ Раджпутаны; здѣсь мы уже вступаемъ въ страшную пустыню, извѣстную подъ именемъ Индійской или Таръ.

Эта область вовсе не однообразная равнина, какъ ее часто представляютъ. Это страна дюнъ, обширное песчаное море, волны котораго, подобныя волнамъ Атлантическаго океана, вздымаемымъ пассатными вѣтрами, слѣдуютъ одна за другою въ видѣ непрерывнаго ряда повышеній и пониженій почвы. Борнсъ говоритъ, что около Джайсальмира эти горки тянутся по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку [1]); но на картахъ, составленныхъ инженерами-топографами англійскаго правительства, общая оріентировка песчаныхъ холмовъ показана съ юго-запада на сѣверо-востокъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ страны съ юга на сѣверъ; но вездѣ они сохраняютъ въ своемъ направленіи почти геометрическую правильность. Всѣ эти дюны обращены крутымъ скатомъ на юго-востокъ или на востокъ, а пологимъ на сѣверо-западъ или на западъ. Какъ объяснить происхожденіе этихъ песчаныхъ горокъ? Если предположить, что онѣ были нанесены вѣтромъ, то нужно было бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, допустить, что воздушный токъ, вздымавшій песокъ и образовавшій изъ него гряды пустыни Таръ, двигался отъ сѣверо-запада, т. е. какъ разъ подъ прямымъ угломъ къ атмосфернымъ теченіямъ, господствующимъ тамъ въ наши дни, сѣверо-восточному пассату и юго-западному муссону; но нельзя думать, чтобы общее направленіе воздушныхъ токовъ могло различествовать до такой степени отъ нынѣшнихъ движеній атмосферы, такъ какъ эти движенія происходятъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе вращенія нашей планеты на своей оси. Быть можетъ, вѣрнѣе было бы видѣть во всѣхъ этихъ песчаныхъ холмахъ не дюны, нанесенныя и прямолинейно расположенныя вѣтромъ, а бугры, образовавшіеся вслѣдствіе дрожанія почвы, столь часто колеблющейся въ области Инда; это было бы явле-

---

[1]) *A. Burnes* „Journal of the Geographical Society of London", 1834.

ніе, аналогичное тѣмъ фигурамъ, которыя смычекъ физиковъ производитъ на вибрирующихъ пластинкахъ и которыя извѣстны подъ именемъ хладніевыхъ. Притомъ же, правильныя горки пустыни Таръ неподвижны, какъ обыкновенныя дюны, развѣ стада потопчутъ ихъ поверхность или люди срѣжутъ растущій на нихъ кустарникъ и травы; тогда вѣтеръ подхватываетъ верхнія песчинки, кружитъ ихъ въ воздухѣ и переноситъ на другіе холмы. Самыя высокія изъ этихъ грядъ поднимаются надъ окружающими равнинами на 130 метровъ (около 60 саженъ), превышая почти на цѣлую треть самые возвышенные песчаные холмы французскихъ ландъ; но средняя высота индійскихъ песчаныхъ горокъ всего только около 50 метровъ (23 сажени), а во многихъ частяхъ Тара она еще менѣе значительна. Вокругъ пояса дюнъ разстилается равнина, извѣстная подъ именемъ Патъ, обширная степь, желтая или красная, испещренная тамъ и сямъ бѣлыми пятнами и полосами соляныхъ эффлоресценцій.

Хотя Таръ обыкновенно называется, въ разговорной рѣчи и въ документахъ всякаго рода, „пустыней“, онъ, однако, не совсѣмъ необитаемъ; переселенцы, приходящіе изъ сосѣднихъ, переполненныхъ народомъ, мѣстностей, стараются извлечь изъ его неплодородной почвы хоть какой-нибудь скудный урожай. Въ среднемъ выводѣ, дожди не превышаютъ 15 сантиметровъ въ этой части Индіи; къ тому же, они очень неправильны, и иногда проходятъ годы безъ того, чтобы южный вѣтеръ принесъ хоть одинъ ливень. Въ такія эпохи бездождія флора Тара походитъ на флору Аравіи; кое-какіе колючіе кустарники и растенія почти безъ листьевъ, но съ длинными разстилающимися корнями, составляютъ почти всю растительность; рѣдкія стада едва находятъ себѣ скудный кормъ въ лощинахъ и оврагахъ, гдѣ всего долѣе сохраняется сырость. За исключеніемъ билей, коренныхъ обитателей края, и немногочисленныхъ потомковъ индусовъ, которые нѣкогда удалились въ пустыню Таръ, чтобы не быть обращенными въ магометанскую вѣру, всѣ жители переселяются въ болѣе гостепріимныя области Инда или горъ Аравали; никто не рискуетъ, изъ опасенія получить солнечный ударъ, оставаться въ этой странѣ раскаленныхъ песковъ. Но какъ только дожди освѣжатъ почву, тотчасъ же является множество временныхъ колонистовъ: пастухи изъ сосѣднихъ областей приходятъ пасти свой скотъ на отличной травѣ, быстро выростающей изъ песка и покрывающей роскошнымъ ковромъ дно долинъ и даже скаты дюнъ; растительность такъ дѣятельна, что можно даже накосить сѣна про запасъ, на время безкормицы. Скотоводство, разведеніе крупнаго рогатаго скота, овецъ, верблюдовъ получило большую важность въ этой области, повидимому, совершенно безплодной и ни къ чему непригодной. Одна бѣда: стадамъ наносятъ страшный вредъ волки, которые рыскаютъ здѣсь стаями и отличаются необыкновенною хитростью и ловкостью, такъ что очень рѣдко удается напасть на нихъ

врасплохъ. Единственное средство избавиться отъ этихъ опасныхъ хищниковъ—это преслѣдовать ихъ въ самую знойную пору года, подъ вертикальными лучами полуденнаго солнца. Тогда песокъ до такой степени раскаленъ, что животныя, такъ сказать, „обжигаютъ себѣ лапы"; они не могутъ бѣжать, и охотники изъ племени биль, у которыхъ ноги, для защиты отъ жгучаго песку, обвернуты въ свѣжія овечьи шкуры, легко настигаютъ свои жертвы[1]).

Весьма вѣроятно, что въ близкомъ будущемъ часть Тара, этой области, столь слабо населенной въ сравненіи съ ея протяженіемъ, сдѣлается земледѣльческою страной, составляющей продолженіе хлѣбныхъ полей сѣвернаго Пенджаба. Если дождь не выпадаетъ здѣсь въ количествѣ, достаточномъ для питанія растеній, то большія рѣки, Сетледжъ, Чинабъ, Индъ, катятъ въ море обильный потокъ, который могъ бы быть щедро утилизованъ для орошенія земель. Первая изъ этихъ рѣкъ, Сетледжъ, во всякое время года несетъ, по меньшей мѣрѣ, 150 куб. метровъ воды въ секунду, и эту воду легко было бы задержать при выходѣ изъ горъ; въ сезонъ же разливовъ онъ иногда изливаетъ въ Индъ до 6.000 куб. метровъ въ секунду,—огромная масса, которую слѣдовало бы направить посредствомъ отводнаго канала къ центру степи Таръ, гдѣ параллельныя гряды дюнъ представляютъ исключительныя удобства для устройства обширныхъ водохранилищъ. Не только Сетледжъ, но также и Джамна могла бы посылать въ пустыню излишекъ своихъ водъ въ періодъ разлива; покатость почвы позволяетъ возстановить каналъ, вырытый въ 1351 году между Верхнею Джамной и старымъ русломъ Сарасвати. Эти канализаціонныя работы частью уже возобновлены; устроена запруда, задерживающая Сетледжъ у Рупара, т. е. при выходѣ изъ „воротъ" Гималая, и заставляющая часть его теченія изливаться въ каналъ, который развѣтвляется на югѣ въ мѣстностяхъ, еще недавно безводныхъ; подобныя же работы производятся и ниже по рѣкѣ въ Фирозпурѣ. Такъ возстановляется, подъ другою формой, теченіе „блистательной" Сарасвати, нѣкогда наиболѣе прославляемой изъ всѣхъ рѣкъ; старыя аллювіальныя (наносныя) земли, извѣстныя подъ именемъ *бангаръ*, гдѣ повсюду видны слѣды культуръ и другихъ человѣческихъ работъ, начинаютъ снова покрываться тамъ и сямъ селеніями и нивами. Однако, это вторичное завоеваніе почвы для заселенія и культуры пока еще окончено только въ земляхъ, называемыхъ *хадуръ*, образовавшихся изъ наносовъ прибрежныхъ долинъ Пенджаба и Инда. Въ одномъ только Бахавальпурѣ канализаціонная сѣть заключаетъ слишкомъ 7.000 километровъ оросительныхъ канавокъ: въ пять лѣтъ, съ 1867 по 1871 годъ, размѣры земледѣльческой производительности болѣе чѣмъ удвоились, и новые

[1]) *Bartle Frere* „Journal of the Geographical Society of London", 1870.

города выросли среди вновь завоеванныхъ пространствъ. Одинъ изъ этихъ городовъ, построенный, въ 1868 году, на берегу большаго канала Фордвахъ, носитъ смѣшанное, полу-индійское, полу-англійское, имя Минчинабадъ, данное ему въ честь англичанина, мистера Минчинъ, подъ управленіемъ котораго была предпринята реставрація оросительныхъ каналовъ [1]). Послѣ каждаго сбора хлѣба, болѣе десяти тысячъ рабочихъ, приходящихъ преимущественно изъ раджпутскихъ государствъ, прилегающихъ къ пустынѣ Таръ, бываютъ заняты расчисткой ирригаціонныхъ канавъ, на половину заволакиваемыхъ наносною грязью.

Область, простирающаяся на югъ отъ страны дюнъ, представляетъ не менѣе странное явленіе, чѣмъ песчаная степь Таръ: это — обширное пространство, которое ни земля, ни море и которое въ одно и то же время похоже и на пустыню, и на болото. Называется оно Качскій Раннъ (т. е. „Пустыня“), по имени гористаго, имѣющаго форму полумѣсяца, острова, который ограничиваетъ его на югѣ. Открытый со стороны моря узкимъ проливомъ, Раннъ продолжается на западъ на пространствѣ около 240 километровъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣетъ до 100 километровъ протяженія отъ одного берега до другаго. Къ западу отъ острова Качъ, другой проливъ сообщаетъ Сѣверный Раннъ съ пространствомъ того же рода, которое на югѣ соединяется съ низменными берегами Качскаго залива. Въ цѣломъ, Раннъ—это не что иное, какъ солончаковая равнина, совершенно однообразная и вполнѣ горизонтальная на видъ; самыя возвышенныя пространства, находящіяся около центра бассейна, поднимаются выше общаго уровня не болѣе, какъ на 30 или 60 сантиметровъ. Зимой и въ сухое время года почва Ранна, тамъ и сямъ испещренная бѣлыми полосами солянаго налета, представляетъ гладкую, какъ зеркало, поверхность, твердую и звенящую подъ ногами; дожди, не находя ската истеченія ни въ какомъ направленіи, образуютъ временныя лужи, которыя вѣтеръ гонитъ передъ собою, окаймленныя поясомъ бѣлой пѣны. Никакой растительности не видно нигдѣ во всемъ громадномъ кругѣ горизонта, развѣ только на югѣ Ранна, на землѣ, называемой Банни, которая почти всегда выдается изъ подъ воды и на которой растутъ тамъ и сямъ купы акацій, дающія скудную тѣнь стадамъ и пастухамъ. Нѣкоторыя низменныя островныя пространства и окружность скалистыхъ острововъ, изъ которыхъ одинъ—самый возвышенный во всемъ Качскомъ архипелагѣ (438 метровъ), также покрываются густою травой въ періодъ дождливаго муссона. Животныя обѣгаютъ эту безводную и лишенную всякой растительности равнину; только дикіе ослы, той же породы, какъ и куланы туркестанскихъ степей, бродятъ днемъ въ этихъ пустыняхъ, чтобы имѣть передъ собою

[1]) *Barns* „Journal of the Geographical Society of London“, 1872.

открытое поле для бѣгства; по ночамъ они ходятъ пастись въ джунгли и болота морскаго прибрежья. Раннъ—область миража по преимуществу; малѣйшій предметъ, оставленный на землѣ, камень, остовъ верблюда, видѣнъ, благодаря зеркальности воздуха, на разстояніи многихъ верстъ, не въ дѣйствительной своей формѣ, но съ фантастическими контурами; часто онъ высится въ видѣ башни или разлагается на плавающіе въ воздухѣ образы, которые кажутся привязанными къ землѣ только нитью, колеблемой вѣтромъ. Селенія отдаленныхъ полуострововъ или острововъ показываются надъ горизонтомъ, примыкая въ воздушномъ пространствѣ къ перевернутымъ дворцамъ и храмамъ. По словамъ легенды, цѣлый городъ, населенный праведниками, носится въ воздухѣ надъ Ран-

Видъ болотистой степи Раннъ-Качъ.

номъ, но не могъ еще подняться до неба, и этотъ-то воздушный городъ и производитъ явленіе миража.

Съ наступленіемъ дождливаго времени года видъ Ранна совершенно измѣняется: тогда вòды моря, гонимыя юго-западнымъ вѣтромъ, проникаютъ внутрь земель черезъ двое воротъ, которыя имъ открыты на сѣверѣ и на югѣ острова Качъ, и окружаютъ этотъ островъ со всѣхъ сторонъ, также какъ и острововидные отрывки горныхъ породъ юрской формаціи, лежащія на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ. Обширная равнина, гдѣ еще недавно не видно было ни одной капли воды, покрывается на всемъ своемъ протяженіи водяною скатертью, около метра толщиною, и даже немного болѣе глубокою на краяхъ, такъ какъ поверхность Ранна слегка выпукла къ серединѣ. Въ это время года обширный лиманъ

получаетъ также прѣсныя воды, приносимыя ему рѣками Банасъ, Луни, Наррой и восточными рукавами дельты Инда. Тѣмъ не менѣе, сообщенія не прерываются и въ періодъ дождей между противоположными берегами; совершенная горизонтальность почвы позволяетъ караванамъ во всякое время года смѣло пускаться черезъ Раннъ, бывающій попеременно то озеромъ, то пустыней. Однако, очень рѣдко случается, чтобы путешествіе черезъ эту область совершалось днемъ: съ одной стороны, страшная жара, усиливаемая отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ водяной равнины или отъ гладкой, какъ зеркало, поверхности земли, съ другой—обманы миража, могли бы, въ концѣ концевъ, довести до безумія и людей, и животныхъ; ослѣпленные проводники не съумѣли бы даже различить мѣсто солнца въ безмѣрно раскинувшемся, объятомъ пламенемъ пространствѣ; скоро караванъ сталъ бы, незамѣтно для себя, кружиться на одномъ и томъ же мѣстѣ, и гибель всѣхъ людей и животныхъ стала бы неизбѣжною. Оттого-то переходы черезъ Раннъ всегда дѣлаются ночью: направляя свой путь по звѣздамъ, путешественники, которымъ нужно перейти черезъ равнину на востокѣ отъ западнаго пролива, разсчитываютъ свой ходъ такимъ образомъ, чтобы можно было сдѣлать привалъ на одномъ изъ промежуточныхъ острововъ. Весьма вѣроятно, что въ близкомъ будущемъ прямая желѣзная дорога изъ Бомбея въ Гайдерабадъ пройдетъ черезъ восточную часть Ранна.

Какъ объяснить происхожденіе этой солончаковой равнины? Очевидно, она была нѣкогда затоплена моремъ; это можно предполагать уже на основаніи солености почвы, но есть и прямыя доказательства, именно остатки морскихъ судовъ, извлеченные изъ ила въ разныхъ мѣстахъ близь прибрежныхъ деревень; даже на восточной окраинѣ Ранна, около Нагаръ-Паркара, показываютъ старинные порты. Если вѣрить смутному преданію, отступленіе моря имѣло мѣсто въ началѣ четвертаго столѣтія. Но какимъ образомъ выступленіе этого пространства изъ подъ воды могло совершиться съ такою удивительною правильностью? Обыкновенныя аллювіальныя земли, образовавшіяся изъ наносовъ морскихъ или рѣчныхъ, никогда не представляютъ такой почти геометрической горизонтальности на пространствѣ десятковъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этой равнинѣ, единственной въ мірѣ по особенности своего геологическаго образованія, продуктъ осѣданія почвы? Эта область Индіи есть, какъ извѣстно, одна изъ тѣхъ, которыя всего чаще испытываютъ колебанія вслѣдствіе внутреннихъ сотрясеній. Въ 1819 году землетрясеніе, которое было ощущаемо на пространствѣ, по меньшей мѣрѣ, 250.000 квадр. километровъ, увеличило, говорятъ, на значительное протяженіе площадь Ранна; это землетрясеніе сопровождалось проваломъ рисовыхъ полей около Лахпата, составлявшихъ предметъ спора между мѣстными правительствами Синда и Кача; башня Синдри,

которую занималъ гарнизонъ таможенной стражи, была вдругъ окружена озеромъ, простиравшимся во всѣ стороны не менѣе, какъ на 25 километровъ, тогда какъ на сѣверѣ одинъ старый рукавъ Инда, съ которымъ нѣкогда соединялась Восточная Нарра, былъ загороженъ поперечною дюной, имѣющей около 50 километровъ въ длину, нѣсколько километровъ въ ширину и отъ 3 до 6 метровъ въ вышину. Мѣстные жители дали этому песчаному валу имя Аллахъ-бундъ, или „Божья запруда", чтобы отличить его отъ плотинъ, воздвигнутыхъ рукой человѣка поперегъ боковыхъ рукавовъ Инда [1]. „Божья плотина", черезъ которую со времени землетрясенія 1819 года проложилъ себѣ дорогу потокъ, постепенно размывшій песчаную запруду, совершенно походитъ на дюны пустыни Таръ, и также, какъ они, представляетъ выступъ рельефа, оканчивающійся, съ одной стороны, крутымъ откосомъ, а съ другой—длиннымъ, пологимъ скатомъ; разорванная дѣйствіемъ подземныхъ силъ, поверхность почвы сохранила цѣлый свой слой на одномъ фасѣ дюны [2]. Вѣроятно, оба явленія, образованіе большой совершенно горизонтальной равнины и образованіе параллельныхъ бугровъ или дюнъ пустыни Таръ должны быть приписаны одной и той же причинѣ—вибраціи или сотрясенію почвы. Смотря по напряженности и направленію подземныхъ ударовъ, иная часть почвы выравнивается, тогда какъ другая переламывается и принимаетъ видъ бугорчатой поверхности.

По преданію, многочисленныя землетрясенія, потрясавшія область Инда, ниспровергли многіе города и обезлюдили край. Къ числу этихъ разрушенныхъ городовъ принадлежитъ, между прочимъ, Бальмиръ, на южной окраинѣ пустыни Таръ; но самый знаменитый изъ нихъ—это Браманабадъ, который стоялъ въ 80 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ нынѣшняго города Гайдерабада, на старомъ руслѣ Инда, къ западу отъ ложбины, въ которую теперь изливается Восточная Нарра, въ дождливое время года. Вслѣдствіе роковаго подземнаго удара, рѣка, омывавшая стѣны города, передвинулась на другое мѣсто, и развалины были покинуты среди пустыни; это обстоятельство и было причиною того, что Браманабадъ не отстроился и не заселился вновь, хотя нѣкоторыя изъ его зданій остались почти невредимыми. Эта старая столица имѣла не менѣе 7 километровъ въ окружности и обширныя предмѣстья соединяли ее съ двумя другими городами, изъ которыхъ одинъ былъ резиденціей короля, а другой резиденціей великаго визиря. Раскопки, производившіяся въ развалинахъ разрушенныхъ городовъ, доказали, что жители ихъ были искусные мастера по части выдѣлки глиняной посуды, живописи на стеклѣ, рѣзьбы изъ слоновой кости, шлифовки драгоцѣнныхъ камней [3].

---

[1] *Burnes; Mac Murdo; Lyell* „Principles of Geology".
[2] *Bartle Frere* „Journal of the Geographical Society of London", 1870.
[3] *Bellassis* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", V.

Коннингамъ видитъ въ Брамапабадѣ или, вѣрнѣе, Браманѣ древній городъ брамановъ, которымъ Александръ Македонскій овладѣлъ во время спуска по теченію Инда [1]; по мнѣнію Рейно, истинное имя города, Бахмана, — персидскаго происхожденія [2]. Постигшее его бѣдствіе, отъ котораго погибли его жители, „въ наказаніе за преступленія ихъ царя", повидимому, имѣло мѣсто въ одиннадцатомъ столѣтія. Различныя преданія говорятъ также о вулканическихъ изверженіяхъ, происходившихъ нѣкогда въ той странѣ, но геологическое изслѣдованіе мѣстности не подтвердило этихъ разсказовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на островѣ Качъ траппы и другія горныя породы огненнаго происхожденія, блистающія на солнцѣ самыми яркими цвѣтами, пробились наружу черезъ мѣловые и юрскіе пласты въ предшествовавшіе геологическіе вѣка. Многіе геологи ошибочно приняли за вулканъ холмъ Денодуръ, возвышающійся на 327 метровъ въ западной части этого острова [3].

Большинство жителей, населяющихъ Пятирѣчье и области по нижнему теченію Инда, принадлежатъ къ магометанской вѣрѣ, но нельзя сказать, чтобы всѣ мусульмане этой страны были представители завоевательныхъ расъ, спустившихся съ плоскогорій Афганистана, чтобы отнять землю у ея прежнихъ владѣльцевъ. Такъ, область, лежащая вдоль основанія Гималая, имѣетъ въ составѣ своего населенія, между прочимъ, авановъ и гаккаровъ, въ которыхъ хотѣли видѣть потомковъ явана, или іонійцевъ и грековъ, и которые, во всякомъ случаѣ, населяли страну уже задолго до мусульманскихъ нашествій. Во всѣхъ частяхъ Пенджаба, исключая округовъ, лежащихъ по ту сторону Инда, и на холмистыхъ плоскогорьяхъ Потвара, коренное населеніе состоитъ изъ джатовъ, которые приняли исламъ вездѣ, гдѣ господствуютъ магометане, но въ другихъ мѣстахъ остались индусами по обрядностямъ культа, или примыкаютъ къ сейхамъ, смотря по преобладанію того или другого мѣстнаго элемента. Джаты, которые, очевидно, представляютъ этнографическіе элементы весьма различнаго происхожденія,—это, можетъ быть, потомки аборигеновъ, предшествовавшихъ вторженію арійцевъ, но они въ сильной степени смѣшались съ другими племенами и нисколько не походятъ на тѣхъ дасіу, чернокожихъ и толстогубыхъ людей, съ которыми воевали прибрежные жители „Семирѣчья" и которыхъ они, въ концѣ концовъ, обратили въ рабство. Племенная вражда постепенно ослабѣла въ теченіи вѣковъ; только и до сихъ поръ джаты причисляются браманами, всѣ огуломъ, къ кастѣ судра. Въ числѣ свыше двадцати милліоновъ, они представляютъ большое разнообразіе, отъ плоскихъ возвышенностей Белуджи-

[1] „The Ancient Geography of India".
[2] „Fragments asiatiques".
[3] *Wynne* „Memoirs of the Geological Survey of India", 1872.

стана до береговъ Аравійскаго моря; одни изъ нихъ почти черные, другіе имѣютъ желтоватую кожу и едва отличаются цвѣтомъ лица отъ раджпутовъ и брамановъ. Есть между ними такіе, на которыхъ смотрятъ, какъ на дикарей или варваровъ: таковы, напримѣръ, пастухи, живущіе въ пустыняхъ Тара; другіе, напротивъ, имѣютъ живой умъ и осмысленныя черты лица. Въ Белуджистанѣ имя джатъ принимается въ смыслѣ „воръ"; въ Синдѣ оно синонимъ слова банджари и примѣняется къ народностямъ, которыя походятъ на европейскихъ цыганъ [1]); на берегахъ средняго Инда оно означаетъ „землевладѣльца"; на границахъ Раджпутаны его употребляютъ въ значеніи „метиса", помѣси, происшедшей отъ раджпута и судра [2]). Однако, взятое въ цѣломъ, джатское населеніе, кажется, представляетъ ясно однѣ и тѣ же этническія черты и можетъ быть причислено къ арійской расѣ; вѣроятно, оно спустилось въ Индію черезъ Белуджистанъ. Воздержные въ образѣ жизни, дѣятельные, изобрѣтательные, очень храбрые, не смотря на завоеванія и гнетъ, которому ихъ подвергали послѣдовательно столько чужеземныхъ господъ, джаты, взятые въ массѣ, составляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ этнографическихъ элементовъ Полуострова [3]); это изъ ихъ среды вышли тѣ неустрашимые воины сейхи, которые съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ оспаривали у англичанъ обладаніе Сѣверо-западнымъ Индустаномъ.

Сейхи, т. е. „ученики", бывшіе въ началѣ просто группой послѣдователей новой религіозной секты, образовали изъ себя съ теченіемъ времени особый народъ. Религія ихъ возникла въ Пенджабѣ, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія; было вполнѣ естественно, что въ этой странѣ, гдѣ магометане и послѣдователи индусскихъ культовъ живутъ вездѣ бокъ-о-бокъ, явился новаторъ, попытавшійся примирить и согласить двѣ религіи. Нанакъ, основатель новой секты и составитель первыхъ главъ Гранта, или „Книги", по преимуществу, которую сейхи чтутъ, какъ свое евангеліе, не проповѣдывалъ почти никакихъ догматовъ, кромѣ вѣры въ единаго Бога, и отвергалъ бо́льшую часть обрядовъ, свойственныхъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ; но для того, чтобы соединить мусульманъ, индусовъ и джатовъ, недостаточно было показать имъ основное единство ихъ религій, нужно было, кромѣ того, сблизить ихъ другъ съ другомъ, уничтоживъ всякія расовыя и кастовыя различія. Самъ индусъ и кшатріа, Нанакъ провозгласилъ равенство людей. Однако, не желая быть зачисленными въ толпу людей, не имѣющихъ предковъ, „ученики" новой вѣры должны были возвести себя въ благородное званіе, чтобы остаться

---

[1]) *Richard Burton* „Sind Revisited".

[2]) *Peter Minas* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1868, № III.

[3]) *Tolbort* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1871, № I; *Campbell* „Ethnology of India"; *Louis Rousselet* „Tableau des races de l'Inde centrale" („Revue d'Anthropologie").

*

свободными, и всѣ они теперь считаютъ себя кшатріями; это имя или титулъ они сами себѣ дали, чтобы установить свое равенство. Впрочемъ, они съумѣли завоевать его себѣ своею храбростью во всѣхъ междоусобныхъ войнахъ, опустошавшихъ Пятирѣчье, и къ концу семнадцатаго столѣтія новая секта сдѣлалась могущественною. Закаленные борьбой, избавленные отъ ложныхъ единовѣрцевъ преслѣдованіемъ, гордые своимъ общимъ участіемъ въ управленіи обществомъ, сейхи оправдали пророчество своего основателя, который, сравнивая ихъ съ воробьями, обѣщалъ имъ въ то же время побѣду надъ орломъ [1]). Воины по преимуществу, всѣ сейхи должны были постоянно носить на тѣлѣ какую-нибудь стальную вещь, кольчугу или кинжалъ. Бо̀льшею частью очень красивые собою, покрытые блестящимъ оружіемъ, съ густыми и длинными, ниспадающими на плечи, волосами, къ которымъ никогда не прикасались ножницы, сейхи издали бросались въ глаза на полѣ сраженія, и, по естественной игрѣ словъ, они вскорѣ стали извѣстны подъ именемъ синговъ, или „львовъ". Образовавъ изъ себя федеральную республику, они избирали своего главу, и этотъ послѣдній долженъ былъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ совѣтоваться съ *хальсой*, „національнымъ собраніемъ", состоявшимъ изъ мудрецовъ и главныхъ предводителей. Не смотря на раздоры сектъ и внутреннія распри, воинственная нація сейховъ достигла того, что сдѣлалась господствующею державой во всей области, простирающейся отъ Ганга до Инда, и англичане, сильные превосходствомъ своего вооруженія, могли сломить могущество „львовъ" лишь послѣ продолжительныхъ кампаній и правильныхъ сраженій. Теперь сейхи, которые не составляютъ даже десятой части населенія бассейна Инда, перестали быть націей. Теперь это не болѣе, какъ религіозная секта, сгруппировавшая большинство своихъ общинъ вокругъ священнаго города Амрицара; но они и до нынѣ связаны между собою традиціями и продолжаютъ оказывать на всѣхъ своихъ сосѣдей большое вліяніе, политическое и религіозное; даже брамацы читаютъ съ глубокимъ уваженіемъ „Книгу учениковъ"; нѣкоторые англичане, въ томъ числѣ знаменитый путешественникъ Бэртонъ, были посвящены въ таинства культа, проповѣданнаго пророкомъ Нанакомъ [2]). Земледѣльческія населенія, принадлежащія къ религіи сейховъ, самыя замѣчательныя во всей Индіи, какъ по необыкновенному трудолюбію въ мирное время, такъ по храбрости во время войны; солдаты-сейхи считаются лучшими въ остъ-индской арміи; не уступая гуркамъ мужествомъ, они превосходятъ ихъ дисциплиной и благородствомъ характера. Очень отважные по природѣ, они охотно слѣдовали за англичанами въ Китай и въ Абиссинію и просились идти

---

[1]) *Malcolm* „Sketch of the Sikhs".
[2]) „Sind revisited", I, p. 290.

МОСТЪ ЧЕРЕЗЪ ИНДЪ У КУШАЛГАРА.

за ними въ Египетъ или въ Малую Азію. Что касается ихъ любви къ образованію, то она такъ велика, что ихъ главное ученое общество, въ Лагорѣ, ходатайствовало передъ правительствомъ о томъ, чтобы всѣмъ сейхскимъ дѣтямъ были обезпечены выгоды посѣщенія школъ. Ни одинъ изъ другихъ этнографическихъ элементовъ Сѣверо-западной Индіи не представляетъ столь значительной пропорціи грамотныхъ.

Индусы въ собственномъ смыслѣ, браманы или вайсіи, сравнительно малочисленны въ бассейнѣ Инда, хотя послѣдователи религій арійскаго происхожденія составляютъ тамъ, по меньшей мѣрѣ, треть общаго числа жителей и хотя господствующіе языки, пенджабскій (панджаби) на сѣверѣ, синдскій (синди) въ центрѣ, гудзератскій (гудзерати) на югѣ, марварскій (марвари) на юго-востокѣ — всѣ санскритскаго происхожденія. Живя преимущественно въ городахъ, гдѣ они занимаютъ самыя доходныя мѣста и предаются торговлѣ и промышленности, индусы снова пріобрѣли превосходство надъ мусульманами, своими бывшими угнетателями; въ ихъ рукахъ сосредоточены капиталы, и эти магаджаны, или „крупные буржуа“, какъ ихъ обыкновенно называютъ, ссужаютъ деньги окрестнымъ земледѣльцамъ-магометанамъ не иначе, какъ подъ высокіе, лихвенные проценты. Баніахи или баньяны этихъ областей слывутъ самыми ловкими коммерсантами во всей Индіи, и многіе изъ нихъ безъ боязни покидаютъ родину, чтобы продавать въ чужихъ краяхъ по мелочи товары всякаго рода. Во всѣхъ городахъ Средней Азіи можно встрѣтить этихъ индусскихъ купцовъ изъ Пятирѣчья, извѣстныхъ вообще подъ именемъ мультанцевъ (мультани), по центральному рынку Пенджаба и Синда; это разносчики новостей и слуховъ о войнѣ, которые распространяются съ такою изумительною быстротой по всему азіатскому Востоку, отъ береговъ Оксуса до береговъ Ганга; сами того не вѣдая и не желая, они составляютъ, такъ сказать, авангардъ русскихъ на границѣ Индіи и возвѣщаютъ о ихъ могуществѣ. Въ центральной Индіи, въ Бенгаліи и даже на границахъ Барманіи и Китая, баніахи, купцы, мелкіе закладчики или банкиры,—почти все марварцы или индусы изъ раджпутской земли Марваръ; они захватили въ свои руки монополію денежныхъ операцій, какъ въ другихъ странахъ армяне и евреи. Индусы Западной Индіи, по бо̀льшей части, обожатели бога Вишну, но красный знакъ, который они носятъ на лбу, въ доказательство своей вѣры, часто бываетъ начертанъ горизонтально, какъ у поклонниковъ Сивы. Окруженные мусульманами и сейхами, удаленные отъ браманскихъ центровъ, они не отличаются строгимъ соблюденіемъ правилъ и обрядностей своего культа и не мало скандализируютъ, недостаткомъ благочестія, сипаевъ изъ Восточнаго Индустана, приходящихъ для исполненія гарнизонной службы въ ихъ городахъ. Употребленіе крѣпкихъ напитковъ сильно распространено у западныхъ индусовъ и еще болѣе употребленіе *банга*, или индій-

ской конопли, зелья болѣе губительнаго, чѣмъ опіумъ. Въ бо́льшей части пенджабскихъ селеній есть отдѣльная кучка лачугъ, населенная чурами, людьми низшей касты, которые физически нисколько не отличаются отъ своихъ сосѣдей, но которыхъ почему-то считаютъ нечистыми, даже мусульмане; должность ночнаго сторожа составляетъ наслѣдственную профессію этихъ чуровъ [1]).

На востокѣ, племя биль изъ Раджпутаны подвинулось далеко въ оазисы пустыни, тогда какъ на западѣ, афганцы, балучи или белуджистанцы, персіане, бухарцы, турки и арабы въ разныя эпохи, со времени геджры, проникали въ страну то какъ завоеватели, то какъ колонисты или авантюристы, и болѣе или менѣе смѣшались съ кореннымъ населеніемъ. Эти пришельцы составляютъ главную массу мусульманъ на берегахъ Инда и во всей западной области Пятирѣчья, тогда какъ на востокѣ большинство правовѣрныхъ, собирающихся въ мечетяхъ, состоитъ изъ индусовъ, обращенныхъ въ исламизмъ. Впрочемъ, между двумя большими классами магометанъ Индіи не существуетъ рѣзкаго раздѣленія; благодаря провозглашенному исламомъ уничтоженію кастъ, ревностнымъ мусульманамъ легко приписывать себѣ какое угодно происхожденіе. Сотни тысячъ правовѣрныхъ въ Пенджабѣ причисляютъ себя къ потомству пророка, и вслѣдствіе того принимаютъ титулъ *саида*, или шаха; такъ, между прочимъ, даудпотры, или „сыны Давидовы“, нынѣ царствующіе въ Багавальпурѣ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые производятъ свой родъ отъ самого Магомета. Другіе претендуютъ на титулъ монголовъ, и кажется, что эти, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно имѣютъ нѣкоторое право на особенное имя, ибо въ городахъ, гдѣ живутъ, они строго держатся особнякомъ отъ остальнаго населенія и занимаются спеціальными промыслами; гордясь тѣмъ, что между ихъ предками есть товарищи по оружію Тимуридовъ, они никогда не смѣшиваютъ свою кровь съ иноплеменниками, и у многихъ изъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко бросаются въ глаза тѣ типическія черты (широкое и плоское лицо), которыя характеризуютъ монголовъ, обитателей нагорья Гоби. Имъ обыкновенно даютъ титулъ *бега* или *мирзы*. Что касается мусульманъ афганской расы, соединяемыхъ въ одну группу подъ общимъ именемъ патанъ или рогилла, то они очень многочисленны въ округахъ, лежащихъ по ту сторону Инда, гдѣ ихъ родоначальники всѣ, безъ исключенія, причисляютъ себя къ сонму хановъ. Наконецъ, всѣ другіе магометане пенндусы, къ какой бы расѣ они ни принадлежали — къ персидской, турецкой или белуджистанской, величаютъ себя *шейхами*, хотя званіе это сдѣлалось до такой степени банальнымъ, что его уже не считаютъ титуломъ и оно не составляетъ ни малѣйшаго отличія: всѣ богатые, при

---

[1]) *Campbell* „Ethnology of India“.

первомъ удобномъ случаѣ, мѣняютъ его на какое-нибудь болѣе высокое достоинство. Это выразилось даже въ одной пенджабской пословицѣ, которая говоритъ иронически: „вчера былъ мужикомъ, сегодня шейхомъ сталъ; а завтра онъ уже саидъ, если хлѣбъ подорожалъ“ [1]).

Въ Пенджабѣ преобладаетъ система мелкаго земледѣлія, но во многихъ мѣстахъ старинное коллективное или общинное землевладѣніе сохранилось до сихъ поръ; всѣ земледѣльцы разсматриваются, какъ простые арендаторы общины и платятъ ей ежегодную ренту; кромѣ того, они связаны круговою порукой передъ казной, и налогъ вносится за все сельское общество. Случается также, что общинники отчуждаютъ часть своихъ земель, сдавая ихъ въ арендное пользованіе постороннимъ лицамъ; въ этомъ случаѣ они дѣлятъ между собою полученныя арендныя деньги пропорціонально своимъ правамъ на общую собственность; они имѣютъ также право выкупать землю на условіяхъ, болѣе благопріятныхъ, чѣмъ крестьяне изъ другихъ деревень. У афганскихъ племенъ округа Дера-Измаилъ-ханъ черезъ каждыя шесть лѣтъ приступаютъ къ новому передѣлу земли. Даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ завоеватели завладѣли землей, нѣкоторые уцѣлѣвшіе обычаи старины свидѣтельствуютъ о существовавшемъ прежде общинномъ землевладѣніи, и деревня до сихъ поръ сохранила свое республиканское устройство. Необходимость искусственнаго орошенія воздѣлываемыхъ земель, естественно, должна была соединять жителей одного и того же округа для прорытія и содержанія сообща ирригаціонныхъ каналовъ; почти вездѣ единство общины имѣетъ матеріальною причиной бытія существованіе общаго канала, пруда или источника [2]). Нужны были большія потрясенія, произведенныя завоеваніями и междоусобными войнами, чтобы разрушить земледѣльческую общину и раздѣлить интересы участвовавшихъ въ ней лицъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ оросительные каналы и фонтаны принадлежатъ другимъ владѣльцамъ, а не самимъ собственникамъ орошаемыхъ полей, и со времени вмѣшательства государства въ видахъ прорытія большихъ каналовъ прибрежныя общины попали, въ отношеніи орошенія своихъ земель, въ зависимость отъ концессіонеровъ ирригаціонныхъ работъ. Тѣмъ не менѣе, однако, пенджабскіе земледѣльцы, взятые въ массѣ, могутъ считаться наиболѣе независимыми между *райотами* Индустана, и эта относительная свобода есть, конечно, одна изъ причинъ, которыя даютъ сѣвернымъ джатамъ свойственную имъ отвагу и гордость. Въ Синдѣ, напротивъ, булучское господство и ростовщическія ссуды индусскихъ купцовъ довели земледѣльческое населеніе до настоящаго рабства, слѣдствіемъ чего было нравственное приниженіе какъ для джатовъ, такъ и для другихъ этническихъ элементовъ страны.

---

[1]) *Elliot* „Races of the North-Western provinces of India“.

[2]) „Punjab Administration Report for 1872—1875“.

Между переселенцами, пришедшими съ плоскихъ возвышенностей запада, есть такіе, которые сохранили свой характеръ, какъ особыя племена или классы; таковы сваты, момунды, юзуфзаи, которые живутъ на сѣверъ отъ Пешавера, въ равнинѣ и на сосѣднихъ горахъ. Это афганцы, соплеменники тѣхъ, которые, перейдя Индъ и проникнувъ въ бассейнъ Ганга, основали у подошвы Гималайскихъ горъ маленькія воинственныя государства, извѣстныя подъ общимъ именемъ Рохильхандъ, или „страны горцевъ". Юзуфзаи или юзуфсаи—одно изъ афганскихъ племенъ, которое всего чаще сравнивали съ древними іудеями, и многіе миссіонеры признали правдоподобнымъ мусульманское преданіе, которое видитъ въ этихъ афганцахъ потомковъ плѣнниковъ, уведенныхъ изъ Іудеи въ Вавилонъ. И дѣйствительно, ихъ нравы и религіозные обычаи совершенно тѣ же, какіе были у жителей Палестины во времена судей; хотя отдѣленные отъ той эпохи промежуткомъ почти въ три тысячи лѣтъ, они переживаютъ теперь тотъ же самый періодъ цивилизаціи. Недавно кочевники, теперь осѣдлые земледѣльцы, но по прежнему проникнутые воинственнымъ духомъ, сгорающіе отъ нетерпѣнія при разсказѣ о битвахъ и военныхъ подвигахъ ихъ племени, юзуфзаи дѣлятся на большое число клановъ, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на второстепенныя группы, часто враждующія между собою. Родовая месть переходитъ у нихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ; чтобы покончить свои споры, враждующіе иногда избираютъ какой-нибудь національный праздникъ и вызываютъ другъ друга на публичное единоборство, которое, однако, нерѣдко переходитъ въ общую свалку и порождаетъ новыя наслѣдственныя распри. Магометане суннитскаго толка, они отличаются рѣзкимъ фанатизмомъ и регулярно отдаютъ десятину своимъ многочисленнымъ мулламъ; эти послѣдніе, составляющіе отдѣльное колѣно, какъ сыны Левіины у евреевъ, освобождены отъ платежа податей, и города ихъ, почитаемые священными, служатъ мѣстомъ убѣжища для преступниковъ. Но какъ бы ни было велико сходство нравовъ между древними іудеями и юзуфзаями, послѣдніе несомнѣнно чистые афганцы, и языкъ ихъ, называемый пушту, мало разнится отъ того, которымъ говорятъ жители нагорья. Они дали нѣкоторое количество своихъ словъ нарѣчію урду, преобладающему въ равнинахъ Сѣверной Индіи.

Другія афганскія племена, извѣстныя подъ общимъ именемъ афридіевъ, занимаютъ массивъ горъ, ограничивающій на югѣ Пешаверскую равнину, и раздѣляются на *хейли*, т. е. кланы, часто ведущіе войны между собою. Далѣе на югѣ, долины Сулейманъ-дага населены марваттіями, земледѣльческими и пастушескими народцами, которые имѣютъ гораздо болѣе кроткій нравъ, чѣмъ афридіи, и отличаются прямодушіемъ, простотой обычаевъ, уваженіемъ къ женщинѣ. Напротивъ, баннучи, или жители области Банну, съ давнихъ поръ порабощенные мелкими племенными

начальниками, подвергающими ихъ принудительной, своего рода каторжной работѣ, не имѣютъ и тѣни той гордости и прямоты характера, какими отличаются горцы окрестныхъ мѣстностей: малорослые, изнуренные, болѣзненные, они составляютъ сбродъ людей различнаго происхожденія, сходныхъ между собою въ томъ, что всѣ они въ равной степени пріобрѣли нравы и привычки невольника. Въ этомъ отношеніи они составляютъ прямую противоположность съ вольными вазиріями, племена которыхъ бродятъ въ горахъ къ западу отъ Дера-Хази-ханъ. Всегда вооруженные, какъ и патаны, ихъ сосѣди, вазиріи съ гордостью вспоминаютъ, что ихъ предки часто воевали въ Индіи, покорили Дели, командовали надъ царями и браманами. И теперь еще они охотно идутъ въ военную службу; по первому сигналу вазиріи собираются вооруженные вокругъ своего вождя, призывающаго ихъ на какую-нибудь военную экспедицію [1]).

На сѣверо-западѣ Индустана, городъ Пешаверъ имѣетъ важное стратегическое значеніе, какъ главная сторожевая крѣпость. Построенный среди равнины, по которой протекаетъ рѣка Кабулъ или Ландеръ до своего соединенія съ Индомъ и которая перерѣзана во всѣхъ направленіяхъ оросительными каналами, этотъ городъ, такъ сказать, составляетъ, на оконечности громадной Индійской имперіи и на большой дорогѣ торговли и завоеваній, мостовое укрѣпленіе, тетъ-де-понъ, всей страны, лежащей за нимъ, по другую сторону Инда. Аттокъ—охранитель перехода черезъ Индъ, Пешаверъ—укрѣпленный пунктъ, откуда англичане наблюдаютъ за воинственными горскими народцами. Впрочемъ, самъ Пешаверъ—это просто городъ, выстроенный изъ кирпича и битой глины и защищенный отъ воровъ глиняными стѣнами; но на сѣверѣ отъ него стоитъ внушительный фортъ Балагиссаръ, и англійскіе кантонементы (постоянныя мѣста расположенія войскъ) занимаютъ скаты возвышенности, откуда открывается обширный видъ, обнимающій всю равнину и простирающійся вдаль къ проходамъ афганскихъ горъ. Другіе защищенные военные посты дополняютъ систему обороны обширнаго укрѣпленнаго лагеря, который британское правительство должно было установить на этомъ слабомъ пунктѣ своихъ границъ, къ которымъ уже протягивается колоссальная тѣнь Россіи: на сѣверѣ, фортъ Абазай охраняетъ входъ въ ущелья рѣки Сватъ и другія укрѣпленія разставлены черезъ извѣстные промежутки у подошвы горъ; на сѣверо-западѣ, главная долина, долина рѣки Кабулъ, оберегается, въ мѣстѣ бифуркаціи орошающихъ равнину каналовъ, фортомъ Мишни; на западѣ и на юго-западѣ форты Джамрудъ и Бара защищаютъ Пешаверскіе кантонементы, тогда какъ на югѣ фортъ Мэксонъ обороняетъ сосѣднія мѣстности отъ набѣговъ афганцевъ афридіевъ. На югѣ отъ этого форта проходитъ дорога, соединяющая два англо-индійскіе

[1]) *Raverty; Rowney* „The wild Tribes of India".

города Пешаверъ и Когатъ черезъ горные хребты, которые продолжаютъ на востокѣ ось Сефидъ-Коха, или „Бѣлой Горы“, называемой афганцами Спингаръ. Афридіи много разъ запирали дорогу или отказывались содержать ее, какъ ихъ обязываютъ къ тому договоры, и англичане должны были вновь завоевывать себѣ свободу сообщеній продолжительными и трудными кампаніями противъ неуловимыхъ враговъ, скрывающихся позади скалъ. Впрочемъ, политическія границы все еще остаются неопредѣленными въ этой странѣ. Населяющія ее республиканскія и воинственныя племена не признаютъ верховной власти афганскаго эмира, а съ другой стороны, великобританское правительство перестало требовать установленія „научной границы“, недавно проведенной на картѣ Азіи черезъ горные проходы Латабандъ и Шутаръ-Гарданъ, къ востоку отъ Кабула, и вдоль раздѣльнаго хребта, параллельнаго Сулейманъ-дагу. Однако, Англія все-таки можетъ считаться верховною владѣтельницей или сюзереномъ страны, лежащей внѣ предѣловъ, обозначенныхъ ея укрѣпленіями, потому что начальники окружающихъ племенъ состоятъ у нея на жалованьи. Эти начальники получаютъ субсидію, какъ дань, но, взамѣнъ того, они обязуются поддерживать дороги и горныя тропы, и постепенно превращаются въ вассаловъ индійской императрицы.

Древняя страна Гандара, въ которой Пешаверъ теперь главный городъ, сохранила очень мало памятниковъ своего прошлаго; завоеватели, которые послѣдовательно проходили этимъ историческимъ путемъ Кабульской долины, разрушили зданія, воздвигнутыя ихъ предшественниками. Отъ древней столицы, Пушкалавати (по-гречески Пейхелаотисъ), остались только кучи мусора, лежащія при сліяніи рѣкъ Кабулъ и Сватъ, тамъ, гдѣ нынѣ находятся Чарсудда и Прангъ, два изъ Хаштъ-Нагаръ, или „Восьми городовъ“. Огиндъ, на Индѣ,—какъ полагаютъ, древняя Эмболима,—былъ частью смытъ подтачивавшимъ его теченіемъ, и доставляетъ искателямъ древностей только медали и разные предметы изъ бронзы, погребенные подъ обвалами береговъ [1]. Что касается знаменитаго Аорноса, утеса, которымъ не могъ овладѣть Геркулесъ и который былъ, наконецъ, завоеванъ Александромъ Великимъ, то до сихъ поръ не удалось еще опредѣлить несомнѣннымъ образомъ его мѣстоположеніе; описанія греческихъ авторовъ, запутанныя многочисленными преувеличеніями, не даютъ достаточно надежной путеводной нити комментаторамъ въ ихъ поискахъ. Главные памятники буддійской эпохи исчезли такъ же, какъ и монументы временъ арійскихъ и эллинскихъ; высокая буддійская ступа, которую китайскіе путешественники видѣли въ Пешаверѣ и куполъ которой, по ихъ словамъ, поднимался на 120 метровъ (56 саженъ), не существуетъ болѣе; но „писаные камни“ видны еще въ долинахъ

---

[1] *A. Cunningham* „Ancient Geography of India“.

горъ къ сѣверу отъ равнины, и на Хайберской дорогѣ еще кое-гдѣ уцѣлѣли ступы, высящіяся на выступахъ горы, какъ наглядное свидѣтельство вѣры государей, поставившихъ свое царство подъ покровительство „Великаго ученія“. Въ землѣ юзуфзаевъ остатки древнихъ памятниковъ, особенно фрагменты греко-бактрійской архитектуры, тоже очень многочисленны; мегалиты неизвѣстнаго происхожденія, расположенные въ видѣ круга, какъ камни въ Стонгенджѣ, стоятъ тамъ у входа въ ущелья горъ, и теперь еще можно видѣть близъ этой границы одинъ изъ каменныхъ столбовъ, на которыхъ императоръ Асока велѣлъ вырѣзать свои указы [1]).

Къ юго-востоку отъ переправы черезъ Индъ по Аттокскому мосту, на историческомъ пути отъ Гинду-куша къ Гангу этапами, мѣстами роздыха служатъ значительнѣйшіе города Пятирѣчья. Раваль-Пинди, на верхнемъ Соганѣ—городъ новаго происхожденія, но англійскій военный городъ, простирающійся къ югу отъ него, занимаетъ мѣстоположеніе древняго Гаджипура; а на сѣверо-западѣ оттуда находилась могущественная столица Такшасила (Таксила), важнѣйшій изъ городовъ, которые видѣлъ Александръ Македонскій во время своего похода въ Индію. Коннингамъ открылъ мѣсто расположенія этого города близъ мѣстечка Шахъ-Дери; развалины собственно города раскинуты на пространствѣ 15 квадр. километровъ, и вездѣ вокругъ городскихъ стѣнъ видны остатки обширныхъ предмѣстій. Храмы, монастыри и пятьдесятъ слишкомъ ступъ, изъ которыхъ иныя принадлежатъ къ самымъ большимъ памятникамъ этого рода, встрѣчающимся въ Индіи, напоминаютъ о временахъ религіознаго рвенія буддистовъ, о той эпохѣ, когда Такшасила сдѣлалась резиденціей императора Асоки, благочестиваго соорудителя прекраснѣйшихъ зданій, посвященныхъ Буддѣ. Другая знаменитая ступа, Маникіальская, которую открылъ Эльфинстонъ, на востокъ отъ долины рѣки Соганъ, возвышалась не въ городѣ, а среди группы буддійскихъ храмовъ и монастырей; пепелъ и обуглившіяся балки, находимыя въ кучахъ мусора, подтверждаютъ преданіе, по словамъ котораго Маникіала была истреблена пожаромъ.

Джиламъ, стоящій на правомъ берегу рѣки того же имени, не можетъ считаться однимъ изъ важныхъ городовъ Пенджаба, но въ сосѣдствѣ, какъ и на всемъ протяженіи историческаго пути, видны развалины древнихъ городовъ. Города, которые Александръ Великій основалъ на обоихъ берегахъ Гидаспа или Джилама, въ ознаменованіе своей побѣды надъ царемъ Поромъ, не оставили послѣ себя слѣдовъ, подлинность которыхъ была бы доказана несомнѣннымъ образомъ; греко-бактрійскія монеты, находимыя въ развалинахъ близъ Джалальпура, ничѣмъ не отличаются отъ монетъ, которыя были извлечены на поверхность земли

---

[1]) *Raverty* „Transactions of the Bombay Geological Society“, vol. X, 1852; *Loewenthal* „Journal of the Asiatic Society“, 1863, № 1; *Arthur Phayre*, тотъ же сборникъ, 1871, № 1.

при раскопкахъ, предпринятыхъ въ различныхъ частяхъ Сѣверо-западной Индіи; но нѣкоторые ученые хотѣли видѣть потомковъ спутниковъ македонца въ племени авановъ, которое занимаетъ часть этого округа и распространено на западъ до самаго Раваль-Пинди; имя этихъ индусовъ-магометанъ, которые имѣютъ другую претензію, претензію на происхожденіе отъ самого пророка, разсматривается, какъ однозначущее съ названіемъ яванъ или явана, подъ которымъ были извѣстны греки, но которое было присвоено также завоевателямъ другихъ расъ, такъ какъ Орисса и центральныя провинціи тоже подпали подъ власть явановъ, которые проникли даже въ дравидійскія земли на югѣ Индустана [1]). Въ настоящее время самый многолюдный и самый важный по торговлѣ городъ страны—Пиндъ-Даданъ-ханъ, стоящій на правомъ берегу Джилама, у подошвы полуденныхъ скатовъ Соляной цѣпи; это главная верфь для постройки судовъ, плавающихъ по Гидаспу, а напротивъ, на другомъ берегу рѣки, въ Міани, находится обширный складъ соли, которая привозится по желѣзной дорогѣ изъ хеурскихъ соляныхъ копей или ломокъ, означаемыхъ во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ подъ именемъ копей Майо, въ честь лорда Майо, бывшаго вице-короля Индіи. Въ 1872 году на этихъ ломкахъ было добыто соли на сумму около 7.400.000 франковъ. Правительство присвоило себѣ въ исключительную собственность соляныя ломки и работы производятся тамъ подъ управленіемъ его инженеровъ; употребляемые имъ рабочіе принадлежатъ къ одной изъ самыхъ жалкихъ и убогихъ кастъ, въ которой зобатые и немощные составляютъ значительную пропорцію.

На берегахъ Чинаба, текущаго параллельно Гидаспу, города̀, стоящіе на большой дорогѣ, получили болѣе или менѣе важное значеніе, смотря по тому, приближалась или удалялась рѣка, блуждающая въ сосѣднихъ равнинахъ на большомъ пространствѣ. Гуджератъ, лежащій нынѣ въ 7 километрахъ къ югу отъ рѣчнаго русла, городъ преимущественно промышленный, славящійся въ особенности своими прелестными филиграновыми золотыми и стальными издѣліями, которыя принадлежатъ къ числу наиболѣе цѣнимыхъ произведеній индусскаго искусства. Вазирабадъ, на лѣвомъ берегу Чинаба, у оконечности желѣзнодорожнаго моста, который имѣетъ не менѣе 2.800 метровъ въ длину и покоится на 64 столбахъ, вбитыхъ въ песокъ на глубину болѣе чѣмъ 20 метровъ (около 10 саженъ), въ большой части городъ новый. Построенный правильно, по плану, итальянцемъ Авитабиле, однимъ изъ иностранныхъ генераловъ, связавшихъ свою судьбу съ судьбой сейхскаго раджи Ранджитъ-Синга, онъ сдѣлался главною верфью и центромъ судоходства по Чинабу. Недавно здѣсь стояли на кантониръ-квартирахъ войска, имѣвшія назначе-

[1]) *W. Hunter* „Orissa“; *Rajendralala Mitra* „Antiquities of Orissa“.

піемъ защищать въ этомъ мѣстѣ переходъ черезъ рѣку, но теперь эти войска переведены на востокъ, въ окрестности города Сіалькота, гдѣ имъ легче наблюдать за границей и за столицей Кашмирскихъ государствъ. Сіалькотъ, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ края, обязанъ своимъ нынѣшнимъ значеніемъ не одной только этой стратегической роли; онъ имѣетъ двѣ хлопчатобумажныя мануфактуры и большое число писчебумажныхъ фабрикъ; кромѣ того, ярмарки его привлекаютъ тысячи иногородныхъ посѣтителей, въ одно и то же время пилигримовъ и коммерсантовъ. Упоминаемый уже въ древнихъ индусскихъ поэмахъ, Сіалькотъ былъ столицей страны за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени. Таки, бывшій впослѣдствіи главнымъ городомъ всего верхняго Пенджаба, въ ту эпоху, когда китайскіе пилигримы посѣтили Индустанъ, находился на югѣ, въ мѣстности, теперь почти пустынной, которая сдѣлалась безплодною вслѣдствіе перемѣщенія теченія рѣки Рави и осушки проведенныхъ изъ нея оросительныхъ каналовъ. Развалины древняго города, впервые обслѣдованныя Коннингамомъ, находятся близь деревни Асаруръ, на сѣверо-востокъ отъ небольшаго холма Сангалъ (Сангола, Сакала), гдѣ армія Александра Македонскаго одержала одну изъ своихъ побѣдъ. Въ наши дни главный городъ доаба, или „междурѣчья", ограниченнаго рѣками Рави и Чинабомъ,—Гуджранвала, одна изъ станцій пенджабской желѣзной дороги. Окрестная страна представляетъ голую, пыльную равнину, безъ малѣйшаго признака деревьевъ; нигдѣ мѣстность не заслуживаетъ болѣе справедливаго эпитета „отвратительной", даннаго султаномъ Баберомъ этимъ равнинамъ Индустана, которыя онъ самъ такъ часто опустошалъ. Въ прошломъ столѣтіи нѣсколько шаекъ бродягъ составляли единственное населеніе Гуджранвальскаго округа, гдѣ теперь насчитывается слишкомъ полмилліона жителей [1]).

Лагоръ, также очень старинный городъ, упоминаемый древними писателями подъ именемъ Логавара, наслѣдовалъ городу Таки, какъ столица Пятирѣчья. Въ теченіи трехъ столѣтій онъ былъ центромъ сопротивленія противъ магометанскаго нашествія, затѣмъ газневидскіе государи избрали его своею резиденціей. Во времена монгольскаго владычества онъ тоже часто бывалъ мѣстомъ пребыванія императоровъ; затѣмъ, когда основалось эфемерное государство сейховъ, „львы" (синги) построили тутъ свой дворецъ; теперь англичане сдѣлали этотъ городъ средоточіемъ своего управленія во всемъ Сѣверо-западномъ Индустанѣ. Въ эпоху господства Великихъ Монголовъ Лагоръ былъ гораздо обширнѣе, и предмѣстья его продолжались далеко за черту городскихъ стѣнъ. Послѣ періода упадка онъ снова вступилъ въ эру быстраго возрастанія. Новый англійскій городъ выстроился на югѣ отъ стараго индусскаго, вдоль

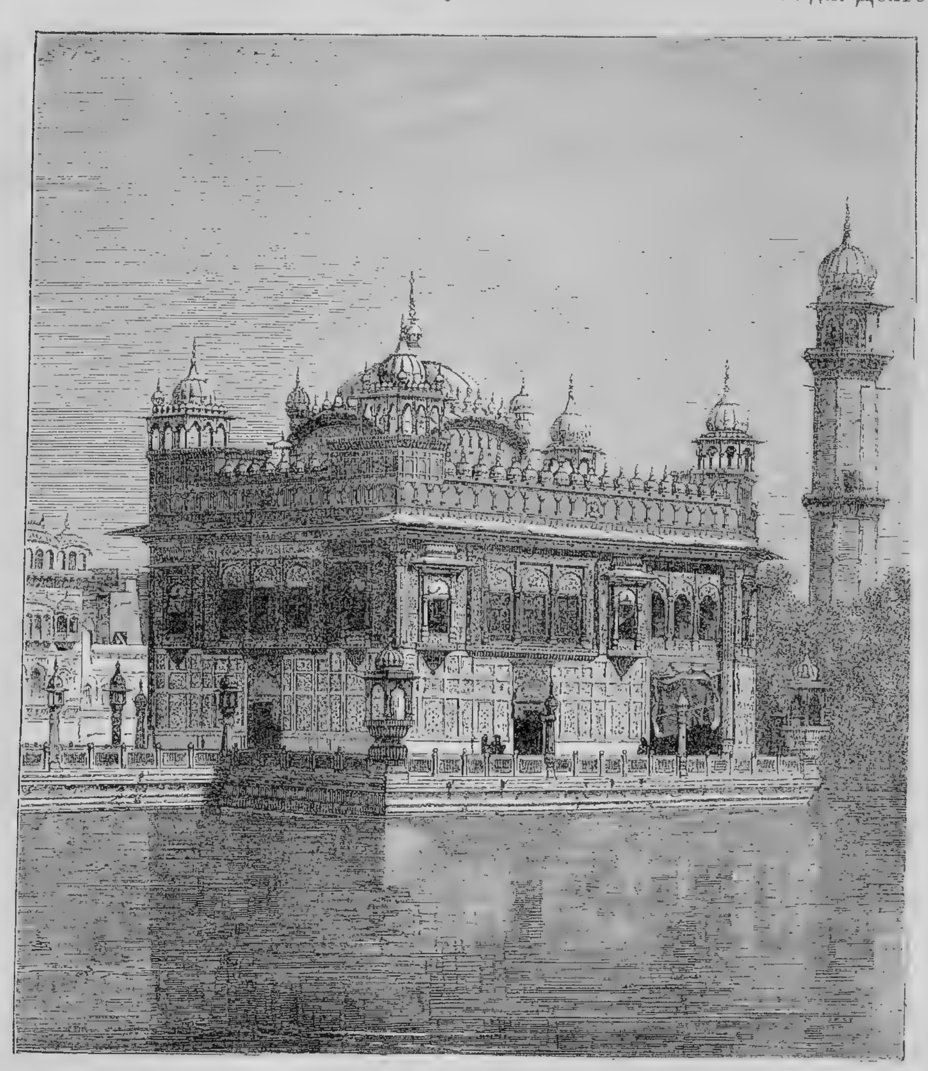
[1]) *Hunter* „England's Work in India".

высокаго берега, у подошвы котораго прежде протекала рѣка Рави, теперь перешедшая на западную сторону, и кварталы его приближаются на востокѣ посредствомъ прекрасныхъ бульваровъ къ штабамъ войскъ, расположеннымъ въ Міанъ-Мирѣ; такимъ образомъ городъ протянулся въ длину верстъ на двѣнадцать, между могилой Джехангиръ, находящейся въ Шахъ-Дара, на сѣверной сторонѣ Лагора, и послѣдними казармами Міанъ-Мира. Важное значеніе главнаго города Пятирѣчья отнынѣ упрочено и обезпечено гораздо болѣе его выгоднымъ торговымъ положеніемъ, чѣмъ его привилегіями, какъ административнаго центра. Въ Лагорѣ желѣзная дорога, идущая изъ Карачи, отдѣляетъ отъ себя вѣтвь къ магистральной линіи изъ Пешавера въ Калькутту.

Прекраснѣйшіе памятники Лагора относятся, по времени сооруженія, къ эпохѣ Великихъ Монголовъ, и хотя многіе изъ нихъ были обнажены отъ украшавшаго ихъ убора изъ мрамора и эмальированнаго фаянса, хотя другіе, частью разрушенные, повысили окружающую почву своими развалинами, но и то, что уцѣлѣло, поражаетъ своею чудною красотою и изяществомъ. Открывающіеся взорамъ между группами стройныхъ пальмъ, среди роскошныхъ садовъ, гдѣ фонтаны брызжутъ жемчужной струей, дворцы и мечети, съ ихъ широкими преддверіями или перистилями, съ ихъ окнами, оканчивающимися наверху дугообразнымъ просвѣтомъ, съ ихъ висячими верандами, ихъ угловыми павильонами съ колонками, ихъ минаретами, словно вырѣзанными изъ слоновой кости, ихъ куполами изъ разноцвѣтнаго мрамора, кажутся какими-то волшебными зàмками. Въ этихъ зданіяхъ искусство Индіи сочеталось съ искусствомъ Персіи, подобно тому, какъ языкъ урду соединилъ въ одно гармоническое цѣлое санскритскую основу съ персидскими узорами. Въ сравненіи съ великолѣпными монументами индусскаго города, памятники англійскаго представляются очень невзрачными въ архитектурномъ отношеніи, но между послѣдними есть, по крайней мѣрѣ, такіе, которые утилизируются для цѣлей просвѣщенія и умственнаго подъема страны; таковы лагорскія коллегіи или лицеи, изъ которыхъ одинъ носитъ титулъ университета; таковъ музей, гдѣ находится драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ существующихъ на Полуостровѣ собраніе произведеній искусства греко-бактрійскихъ, буддійскихъ, индусскихъ. Благодаря духу инициативы, которымъ обладаютъ въ высокой степени его жители сейхи, Лагоръ сдѣлался центромъ науки и литературы во всемъ сѣверномъ Индустанѣ.

Одинъ сосѣдній городъ оспариваетъ у Лагора роль метрополіи сейховъ,—это Амрицаръ, расположенный верстахъ въ пятидесяти къ востоку, въ небольшой впадинѣ почвы или котловинѣ, которую перерѣзываетъ оросительный каналъ, отведенный изъ рѣки Рави. Прежде на этомъ мѣстѣ стоялъ древній городъ Чакъ, но онъ давно уже исчезъ, когда одинъ апостолъ сейховъ построилъ святилище, которое получило отъ пруда,

омывающаго его мраморныя стѣны и перила его набережныхъ, имя Амрицаръ, что̀ значитъ „озеро Безсмертія“. Пилигримы сотнями тысячъ приходятъ каждый годъ молиться съ колѣнопреклоненіями на мосту, соединяющемъ Золотой храмъ съ твердою землей, и подъ изящнымъ сводомъ, увѣнчаннымъ широкимъ куполомъ изъ позолоченной мѣди. Долгое

Амрицаръ. Золотой храмъ и озеро Безсмертія.

время Амрицаръ былъ общимъ достояніемъ всей конфедераціи сейхскаго народа, и каждый изъ клановъ имѣлъ въ немъ свой особый кварталъ; но со времени сооруженія цитадели Говиндъ-гаръ, которая командуетъ Золотымъ храмомъ, пилигримы могутъ уже являться не иначе, какъ въ качествѣ подданныхъ ея индійскаго величества. Стеченіе огромнаго числа

правовѣрныхъ, приходящихъ со всѣхъ концовъ страны, придало амрицарскимъ ярмаркамъ важное коммерческое значеніе. Этотъ городъ служитъ складомъ товаровъ, отправляемыхъ изъ Бомбея и изъ Калькутты въ Кашмиръ и на рынки Средней Азіи. Кашмирскіе переселенцы принесли съ собою въ Амрицаръ искусство выдѣлки шалей, золотой парчи и позументовъ; въ хорошіе годы свыше четырехъ тысячъ станковъ работали въ мастерскихъ этого города. Во время большихъ праздниковъ всѣ улицы обтянуты шалями и дорогими матеріями. Къ сѣверо-востоку отъ Амрицара стоитъ другой торговый и промышленный городъ, Батала, гдѣ едва встрѣтишь нѣсколько сейховъ, столь многочисленныхъ въ другихъ сосѣднихъ городахъ. Гораздо далѣе, на берегахъ Сетледжа и въ небольшомъ разстояніи отъ ущелья, изъ котораго онъ выходитъ, находится другой священный городъ сейховъ, Анандпуръ, или „Городъ Мира", надъ которымъ господствуетъ гора въ формѣ чалмы, называемая Нина-Деви. „Грантъ", священная книга сейховъ, хранится, какъ святыня, въ одномъ изъ храмовъ Картарпура, мѣстечка, сосѣдняго съ Джалландаромъ.

Къ востоку отъ Лагора поясъ воздѣланныхъ и заселенныхъ земель все болѣе и болѣе съуживается между основаніемъ Гималайскихъ горъ и южными равнинами, усѣянными рѣдкими оазисами; тамъ начинается страна, которой дали, съ военной точки зрѣнія, названіе „Бельгіи Индустана". Древнія эпопеи разсказываютъ объ истребительныхъ войнахъ, въ которыхъ нѣкогда здѣсь встрѣчались на полѣ сраженія куруиды и сыны Панду, да и послѣ миѳическихъ временъ, въ историческую эпоху, на этой же территоріи, служившей естественнымъ путемъ для націй и армій, происходили всѣ почти большія битвы, гдѣ рѣшалась судьба народовъ сѣверной части Полуострова. Оттого англичане не преминули установить въ этой области непрерывную цѣпь укрѣпленныхъ лагерей, чтобы обезпечить свои сообщенія. Къ югу отъ Амрицара, на правомъ берегу Сетледжа, городъ Фирозпуръ сдѣлался обширнымъ арсеналомъ Индустана. На сѣверо-востокѣ, на магистральной желѣзнодорожной линіи, Джаллапдаръ, собраніе городовъ, сгруппированныхъ въ одной и той же оградѣ, также составляетъ одинъ изъ опорныхъ пунктовъ англійскаго военнаго могущества, и его кантонементы занимаютъ бо́льшее пространство, чѣмъ всѣ индусскіе города страны. Далѣе, городъ Лудіанахъ, стерегущій, съ восточнаго высокаго берега, переходъ черезъ рѣку Сетледжъ, черезъ которую устроенъ мостъ-путеводъ, длиной въ 1.900 метровъ, самъ, въ свою очередь, находится подъ выстрѣлами сильной цитадели, и его рынки снабжаютъ продовольствіемъ всѣ гарнизоны Пенджаба. Затѣмъ слѣдуетъ Амбала, на рѣкѣ Хаггаръ, лагерь котораго, болѣе многолюдный, чѣмъ самый городъ, занимаетъ пространство въ 2.900 гектаровъ (около 2.000 десятинъ). Цѣлая дивизія охраняетъ эту центральную позицію, которая имѣетъ вдвойнѣ важное значеніе, какъ промежуточная крѣпость между

БАХАВАЛПУРСКІЙ РАДЖА И ЕГО ДВОРЪ.

Лагоромъ и Дели и какъ стражъ Симлы, лѣтней столицы Индустана, пока еще не соединенной съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ равнины. Исходный пунктъ для путешественниковъ, которые каждый годъ отправляются толпами въ отели, виллы и дачи гималайской лѣтней резиденціи, Амбала есть въ то же время для сѣверныхъ равнинъ Индустана главный рынокъ по торговлѣ привозимыми изъ Англіи товарами, которыми онъ снабжается въ наиболѣе обильномъ количествѣ. Построенный близь окраины пустынь, на почвѣ, гдѣ рѣки текутъ уже съ трудомъ, Амбала терпѣлъ большой недостатокъ въ водѣ, да и та вода, какая имѣлась въ его распоряженіи, часто бывала испорченная, вредная для здоровья; чтобы устранить эту причину болѣзней, недавно выкопали подлѣ самаго города артезіанскій колодезь, глубиной въ 139 метровъ (почти 65 саженъ).

Англійскія военныя станціи Восточнаго Пенджаба далеко превзошли численностью населенія старые индусскіе города этой страны, даже столицы маленькихъ государствъ, которымъ британское правительство оставило тѣнь независимости, каковы, напримѣръ, Капуртала и Путіала. Сархиндъ, бывшій нѣкогда главнымъ городомъ царства Сатадру или Сатледжъ (Сетледжъ), оставилъ послѣ себя лишь груды развалинъ, тогда какъ вся окружающая мѣстность до сихъ поръ еще вообще обозначается подъ его именемъ. Простая игра словъ, примѣры которой такъ часто встрѣчаются въ географической номенклатурѣ, придала этому названію Сархиндъ смыслъ „границы Индустана“, какъ бы желая указать приблизительную раздѣльную черту между мусульманскими землями сѣверо-запада Индіи и областями чисто индусскими [1]); но по воспоминаніямъ ни одна страна Полуострова не можетъ уже называться индійскою: это по преимуществу святая земля арійцевъ и преданіе древнихъ временъ въ ней еще не утратилось. Пилигримы еще толпами устремляются въ Танесаръ, въ Пихойю, ко всѣмъ святымъ мѣстамъ, находящимся на берегахъ измѣнчиваго теченія Сарасвати; иногда до 300.000 богомольцевъ приходятъ погрузиться поочередно въ танесарскія мутныя воды, и тысячи вдовъ бродятъ по улицамъ и площадямъ Пихойи, оплакивая понесенную утрату и рвя на себѣ волосы съ отчаянія. Городъ Сирса, построенный близь развалинъ Сарсути, находится далеко на югѣ, у самыхъ границъ пустыни; но въ періоды разлива рѣка, давшая этому городу свое имя, приноситъ еще ему нѣсколько капель своей священной воды.

„Пять Долинъ“ Пенджаба расположены въ формѣ раскрытаго вѣера; очень удаленныя одна отъ другой въ области индійскаго „Піемонта“, или Даманъ-и-Коха, онѣ постепенно сближаются къ Митанкотской косѣ. Тогда какъ въ сѣверной области, повсюду орошаемой пятью рѣками,

[1]) *A. Cunningham* „Ancient Geography of India“.

большіе города расположились вдоль историческаго пути у переходовъ черезъ рѣки и въ промежуточныхъ доабахъ (междурѣчьяхъ), южный уголъ Пенджаба, гораздо болѣе узкій, менѣе обильно орошаемый, болѣе подверженный засухамъ и пыльнымъ вихрямъ, имѣетъ всего только одинъ торговый центръ. Это городъ Мультанъ, древняя столица народа Малли, покореннаго Александромъ Македонскимъ; происхожденіе его восходитъ къ миѳическимъ временамъ, и легенда приписываетъ его основаніе отцу солнечныхъ боговъ и титановъ; въ царствованіе Аурензеба середина Мультанской цитадели была еще занята храмомъ Солнца, который былъ разрушенъ по приказанію этого фанатическаго императора, воздвигнувшаго на его мѣстѣ мусульманскую мечеть. Прежде Мультанъ стоялъ на двухъ островахъ, окруженныхъ водами Рави, но эта рѣка давно уже перемѣнила теченіе и теперь соединяется съ Чинабомъ, верстахъ въ 60 къ сѣверу отъ города; только во время наводненій маленькій потокъ или рукавъ, выдѣляющійся изъ Рави, проходитъ въ старое рѣчное русло. Въ настоящее время ближайшая къ Мультану рѣка—Чинабъ, протекающій въ 7 километрахъ на западъ отъ города; въ этомъ мѣстѣ находится пристань и судостроительная верфь Шеръ-Шахъ.

Бахавальпуръ, столица одного изъ обширнѣйшихъ медіатизированныхъ государствъ Сѣверной Индіи, есть одинъ изъ городовъ, которые извлекли наибольшую пользу изъ общаго спокойствія страны, со времени установленія британскаго господства. Синдская желѣзная дорога дѣлаетъ большой крюкъ къ востоку, чтобы пройти черезъ этотъ городъ, котораго она достигаетъ великолѣпнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Сетледжъ. Оросительные каналы, отведенные изъ этой рѣки, перерѣзываютъ во всѣхъ направленіяхъ окрестныя мѣстности, и новые города выросли среди богато обработанныхъ земель, которыя еще недавно были безплодными пустынями. Мануфактурная промышленность также способствуетъ процвѣтанію Бахавальпура; фабрикація шелковыхъ матерій, введенная переселившимися изъ Бенареса ремесленниками, питаетъ отпускную торговлю страны, направляющуюся къ Афганистану и государствамъ Средней Азіи.

Нѣсколько важныхъ городовъ возникли также въ Дераджатѣ, на берегахъ или въ сосѣдствѣ Инда, въ Даманъ-и-Кохѣ, или „Піемонтѣ“ (Подгорьи), который тянется вдоль афганской границы. Городъ Калабахъ, или „Черный Садъ“, расположилъ свои дома амфитеатромъ на скалѣ изъ каменной соли, при выходѣ ущелья, которымъ рѣка проходитъ Соляную цѣпь; террасы каждаго ряда домовъ служатъ улицей выше стоящимъ домамъ, а надъ всѣми этими ступенями, расположенными въ родѣ ярусовъ цирка, высится соляной утесъ, съ вершины котораго чиновники фиска зорко слѣдятъ, чтобы обыватели не царапали полъ своихъ жилищъ или даже, по мѣстной поговоркѣ, не позволяли бы своему домаш-

нему скоту „лизать камни тропинки“. Разработка соляныхъ ломокъ производится только по другую сторону Инда, близъ деревни Мари; впрочемъ, эксплуатація ихъ незначительна, благодаря тому обстоятельству, что потребленіе соли ограничено ревнивою монополіей; добываютъ также квасцы и желѣзную руду изъ окрестныхъ холмовъ. На западѣ, въ циркѣ горъ Банну, Дулипнагаръ, оффиціально называемый англо-персидскимъ именемъ Эдуардсабадъ, самъ по себѣ маленькій городокъ; но онъ имѣетъ весьма важное торговое и военное значеніе, потому что въ немъ сходятся многія изъ дорогъ, спускающихся съ афганскихъ плоскогорій. Почти на всѣхъ выступахъ окрестныхъ горъ виднѣются остатки древнихъ памятниковъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, начиная съ буддійскихъ вѣковъ; всѣмъ имъ даютъ безразлично одно и то же названіе Кафиръ-Котъ, т. е. „Крѣпость невѣрныхъ“. На вершинѣ горы Шейкъ-будинъ (1.375 метровъ высоты) теперь стоятъ казармы, куда посылаютъ выздоравливающихъ солдатъ для возстановленія здоровья; но на этомъ пикѣ жара лѣтомъ еще слишкомъ сильна, чтобы можно было тамъ основать дачный городъ.

Дера-Измаилъ-ханъ, новый городъ, наслѣдовавшій прежнему городу того же имени, который былъ разрушенъ наводненіемъ Инда въ 1823 году, тоже представляетъ сильную военную позицію и командуетъ выходомъ Гомульскаго ущелья, огибающаго на сѣверѣ массивъ Тахтъ-и-Сулеймана (Соломоновы горы); два раза въ годъ въ этомъ городѣ составляются большіе караваны повиндаховъ, или „скороходовъ“, отправляющіеся отсюда совершать свой обычный обходъ Афганистана: около 12.000 людей и 35.000 верблюдовъ проходятъ каждый годъ Гомульскимъ ущельемъ. Цѣнность торговаго обмѣна черезъ этотъ проходъ въ теченіе фискальнаго 1869—1870 года простиралась до 8.250.000 франковъ. Другой городъ, основанный балучами или белуджистанцами, Дера-Гази-ханъ, торговый аванпостъ Мультана на Индѣ, тоже очень оживленный торговый пунктъ; онъ наслѣдовалъ, какъ рынокъ полуденнаго Дераджата, городу Митанкотъ, который опустошительными наводненіями Инда вынужденъ былъ перейти на другое мѣсто, и съ тѣхъ поръ купцы покинули его. Большая ярмарка, на которую съѣзжаются и сходятся какъ индусы, такъ и мусульмане, бываетъ также около знаменитаго храма Сакки-Сарваръ, который во все остальное время года окруженъ безлюдными пустынями; племя, состоящее изъ 1.600 слишкомъ душъ, которое охраняетъ святилище, дѣлитъ между собою приношенія пилигримовъ [1]). Въ этой области переходъ черезъ Соломоновы горы очень затруднителенъ, по причинѣ большого протяженія дорогъ, которыя извиваются въ ущельяхъ, по песчаному или каменистому дну высохшихъ горныхъ

[1]) *Raverty* „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1855, № IV.

потоковъ, между рядами скалъ параллельныхъ предгорій, однообразно покрытыхъ маленькими пальмами, акаціями, а выше хвойными деревьями.

Торговый центръ всей области Инда, заключающейся между мысомъ Пяти Рѣкъ и бифуркаціей дельты,—городъ Шикарпуръ, построенный среди садовъ и огородовъ, въ хорошо орошаемой равнинѣ, которая нѣкогда была морскимъ заливомъ и которая продолжается на сѣверъ песчаными пространствами. Важное значеніе этого города обусловливается его выгоднымъ положеніемъ при дорогѣ, которая проходитъ на югъ отъ Сулейманъ-дага и ведетъ къ плоскогорьямъ Белуджистана или черезъ Боланскій, или черезъ Гарнайскій проходъ. Шикарпурскіе купцы еще предпріимчивѣе мультанскихъ, и городъ ихъ служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ и продуктовъ, отправляемыхъ изъ всѣхъ частей Индустана и даже изъ Англіи; въ самомъ Шикарпурѣ фабрикуются тоже для этой отпускной торговли ковры и бумажныя ткани. Въ 1880 году, когда англійское правительство, посылая свои арміи въ Афганистанъ, повидимому, рѣшилось исправить съ западной стороны свои границы Индійской имперіи, Шикарпуръ былъ выбранъ, какъ исходный пунктъ желѣзной дороги, которая должна современемъ соединить Индію съ берегами Средиземнаго моря черезъ Кандагаръ и долину Евфрата. Принялись за дѣло съ такимъ рвеніемъ, что, казалось, можно было съ полною увѣренностью предсказать быстрое окончаніе проектированнаго великаго пути: первый участокъ, длиною въ 215 километровъ, былъ вполнѣ оконченъ въ продолженіе 101 дня [1]), и уже работали надъ сооруженіемъ подъема на плоскогорье, какъ вдругъ перемѣна направленія въ политикѣ заставила отказаться отъ исполненія этого предпріятія. Рельсовый путь, начинающійся въ городѣ Саккарѣ, сообщается съ лежащимъ на противоположномъ берегу Инда городомъ Рори, наслѣдникомъ древняго Арора, посредствомъ паровыхъ паромовъ, которые въ скоромъ времени будутъ замѣнены мостомъ-путеводомъ; на сѣверѣ онъ останавливается въ ущельи горъ, на небольшомъ разстояніи отъ Сиби, бывшей столицы Севестана. Индійское правительство не намѣрено продолжать его далѣе форта Кеттахъ, въ Белуджистанѣ; по крайней мѣрѣ, эта желѣзная дорога избавляетъ путешественниковъ отъ утомительнаго перехода черезъ пустыню Качи-Гандава. Оффиціально, наибо̀льшая часть территоріи, простирающейся у подошвы горъ, считается зависящею, въ политическомъ отношеніи, отъ Белуджистана; но въ дѣйствительности англійское господство тамъ полное. Войска̀, расположенныя въ штабахъ Жакобабада, близъ номинальной границы, наблюдаютъ за всею равниной.

Гайдерабадъ, въ древности Неранкотъ, командуетъ съ высоты своего холма аллювіальною областью, гдѣ начинается дельта Инда. Вѣтвь

[1]) *Richard Temple* „Proceedings of the Geographical Society of London“, sept, 1880.

этой рѣки, называемая Пулели, отдѣляется отъ главнаго ствола почти въ 20 километрахъ выше Гайдерабада и впадаетъ въ Лахпатскій лиманъ, при входѣ въ Раннъ; но, кажется, что въ предшествовавшую эпоху, когда главное теченіе Инда проходило на востокѣ въ руслѣ Пураны, или „Старой Рѣки“, бифуркація происходила у подошвы Неранкотскаго холма. По мнѣнію Коннингама и другихъ комментаторовъ древней географіи Индіи, нынѣшній Гайдерабадъ занимаетъ мѣстоположеніе древней Паталы, бывшей главнымъ городомъ страны во времена похода Александра Македонскаго; она пріобрѣла такую громкую славу, какъ гавань священной рѣки, что имя ея сдѣлалось синонимомъ „Вратъ Спасенія“; это въ честь ея, по словамъ ученаго Іешке, буддійскій храмъ въ Лассѣ получилъ наименованіе Потала, едва разнящееся отъ Патала. Въ настоящее время Гайдерабадъ имѣетъ важность лишь въ стратегическомъ отношеніи; но въ немъ существуютъ также нѣкоторыя отрасли мануфактурной промышленности, и произведенія, которыя онъ посылаетъ на европейскія выставки, оружіе, шелковыя матеріи, вышитыя золотомъ и серебромъ ткани, эмальированныя галантерейныя издѣлія, принадлежатъ къ наиболѣе цѣнимымъ предметамъ этого рода. Гайдерабадъ удаленъ отъ нынѣшняго русла Инда почти на 6 километровъ, и пристанью его на этой рѣкѣ служитъ деревня Гиду-Бандаръ, которая сообщается посредствомъ пароваго парома съ городомъ Котри, стоящимъ на правомъ берегу главной рѣки; высокія береговыя плотины защищаютъ этотъ последній городъ отъ наводненій Инда и внезапныхъ разливовъ его притока, Барана. Благодаря желѣзной дорогѣ, соединяющей Карачи съ Котри, приморскій портъ съ рѣчною гаванью, эта послѣдняя долгое время пользовалась весьма значительнымъ торговымъ движеніемъ; но продолженіе рельсоваго пути, связаннаго теперь съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ, сильно уменьшило важность Котри, который пересталъ быть мѣстомъ обязательной перегрузки товаровъ. Сравнительно, городъ Татта, стоящій ниже, близь развѣтвленія наиболѣе посѣщаемыхъ судами проходовъ Инда, потерялъ еще гораздо больше, чѣмъ Котри. Около конца семнадцатаго столѣтія чума такъ свирѣпствовала тамъ, что отъ нея умерло, говорятъ, восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Однако, въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, когда Надиръ-Шахъ овладѣлъ Таттой, называемой также Нагаромъ, или „Городомъ“ по преимуществу, населеніе его, по свидѣтельству современниковъ, заключало 60.000 торговцевъ, 40.000 ткачей, 20.000 другихъ рабочихъ. Въ настоящее же время число жителей этого нѣкогда многолюднаго города, значительный процентъ которыхъ ежегодно погибаетъ отъ лихорадки, не превышаетъ 8.000 душъ.

Подобно Марсели, Венеціи, Александріи, Одессѣ, Барселонѣ и другимъ торговымъ городамъ, находящимся внѣ рѣчнаго бассейна, для котораго они служатъ рынками сбыта, Карачи, портъ котораго теперь

сдѣлался истиннымъ торговымъ входомъ Инда, лежитъ внѣ области низовья, проходимой блуждающими рукавами рѣки, и соединяется съ Индомъ лишь каналомъ, недавно прорытымъ. Судоходство по этимъ внутреннимъ водамъ очень затруднительно, и это обстоятельство заставило англичанъ построить одну изъ ихъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ между Карачи и вершиною дельты, чтобы имѣть возможность отправлять людей и товары сухимъ путемъ. Суда, гребныя, парусныя или паровыя, которыя употребляются на нижнемъ Индѣ, имѣютъ не болѣе четырехъ или пяти футовъ водоуглубленія. Съ 1835 года, эпохи введенія пароходства на Индѣ, движеніе товаровъ и пассажировъ увеличилось, но въ гораздо меньшей пропорціи, чѣмъ ожидали; въ Индіи, какъ и въ Западной Европѣ, относительная дешевизна водяныхъ путей сообщенія не могла выдержать конкурренціи быстрыхъ путей желѣзныхъ. Въ 1874 году по Инду ходило 14 пароходовъ. Цѣнность товаровъ, перевезенныхъ въ томъ году по рѣкѣ на пароходахъ и баркахъ, простиралась: перевезенныхъ вверхъ по рѣкѣ на 27.700.000 франк., перевезенныхъ внизъ по рѣкѣ на 15.100.000 франк., всего на 42.800.000 франк. Рыболовство на Индѣ все еще весьма значительно, особенно въ области дельты, и доставляетъ преимущественно одну породу, *палу*, — мало отличающуюся отъ *гильзы*, живущей въ Гангѣ, — которая составляетъ главную пищу всѣхъ прибрежныхъ жителей; рыбаки ловятъ ее или сѣтями, поддерживаемыми пустыми глиняными шарами, или направляя, во время разливовъ, воды рѣки въ бассейны, гдѣ рыба собирается въ такомъ множествѣ, что иногда удается поймать въ короткое время многіе десятки тысячъ штукъ. Сосѣднія моря доставляютъ особую породу сельдей, а также акулъ, плавники которыхъ, считающіеся большимъ лакомствомъ у китайскихъ гастрономовъ, отправляются отсюда въ Бомбей для рынковъ шанхайскаго и гонконгскаго. Каста рыбаковъ отличается отъ другихъ классовъ населенія Синда смышленостью и отвагой [1]).

Портовый городъ Карачи претендуетъ на титулъ синдскаго „Бомбея". Еще въ началѣ прошлаго столѣтія онъ былъ простою деревней, и кое-какая торговая дѣятельность появилась въ немъ лишь послѣ обмеленія гавани Шахъ-Бандара, на Индѣ; но песчаныя мели, заграждающія проходъ, и малая глубина фарватера затрудняли входъ въ портъ, который былъ доступенъ только мелкимъ индусскимъ судамъ. Нужно было потратить милліоны, чтобы устроить передовой портъ на востокъ отъ стрѣлки Манора, защищающей бухту отъ вѣтровъ открытаго моря, чтобы соединить островки съ материкомъ дамбами и желѣзными дорогами, чтобы засыпать промежуточныя болота и прорыть каналы и фарватеры. Благодаря всѣмъ этимъ работамъ, суда, имѣющія до 7 метровъ водоуглубленія,

---

[1]) *Carless* „Journal of the Geographical Society of London", 1838.

могутъ входить въ гавань, пользуясь приливомъ; даже въ часы отлива все еще остается болѣе 6 метровъ воды надъ проходомъ. Тѣмъ не менѣе, однако, портъ Карачи одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ быть поддерживаемы только цѣной постоянныхъ усилій, такъ какъ илъ и песокъ, приносимый Индомъ, увлекается вдоль сѣверо-западнаго берега моря береговымъ теченіемъ, происходящимъ отъ дѣйствія южнаго муссона[1]). Прежде, когда страна еще не принадлежала Англіи, Карачи велъ преимущественно торговлю живымъ товаромъ, невольниками абиссинскими или негритянскими, привозимыми на маскатскихъ судахъ. Въ настоящее время, подъ англійскимъ владычествомъ, важнѣйшіе предметы торговли— хлѣбъ и хлопокъ; оттого лучшими годами для процвѣтанія Синдскаго порта былъ періодъ междоусобной войны въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Внѣшняя торговля Карачи:

Въ 1844 г. (первый годъ англійскаго господства) .	3.054.000	франк.
„ 1864 „ (во время американской войны) . . .	164.192.000	„
„ 1874 „ (годъ нормальный)	87.692.000	„

Движеніе порта по внѣшней торговлѣ въ 1875 г. 480.000 тоннъ.

Карачи одна изъ пристаней Индіи, куда всего чаще заходятъ французскіе корабли. Это городъ англійской постройки, и если имѣетъ восточный видъ, то обязанъ этимъ только ослѣпительному свѣту, отражающемуся отъ стѣнъ, тропическимъ деревьямъ бульваровъ и общественнаго сада да костюмамъ и физіономіямъ индусовъ, балуджей и афганцевъ, толпящихся на набережныхъ и у входа въ каравансараи. Лѣтній городъ англичанъ, Клифтонъ, находится на восточной сторонѣ бухты, на полуостровѣ, перерѣзанномъ утесами, о которые ударяются волны моря. Верстахъ въ десяти на сѣверъ, горячіе ключи Пиръ-Манго, о которыхъ жрецы говорятъ, что это подземная струя рѣки Рави, бьютъ изъ земли между группами финиковыхъ пальмъ, у основанія известковаго пригорка, гдѣ находится обширный кратеръ, образовавшійся вслѣдствіе провала почвы[2]), и наполняютъ священный прудъ, кишащій крокодилами, которыхъ, какъ священныхъ животныхъ, набожно кормятъ факиры. Германъ фонъ-Шлагинтвейтъ разсказываетъ, что крокодилы, совершенно прирученные, приходили на зовъ своихъ сторожей, и даже иногда ему случалось видѣть, какъ живописцы садились верхомъ на страшныхъ животныхъ и рисовали у нихъ на черепѣ разные гіероглифическіе образы и благочестивыя изреченія[3]); но англійскіе офицеры, не заботящіеся о народномъ культѣ, преслѣдуютъ этихъ огромныхъ ящерицъ камнями и

[1]) *Taylor* „The Harbours of India“.
[2]) *Buist* „Transactions of the Geographical Society of Bombay“, vol. X, 1852.
[3]) „Reisen in Indien und Hochasien“.

ружейными выстрѣлами [1]). Далѣе, за высотами, господствующими надъ Пиръ-Минго, простираются пустынныя плоскогорья, гдѣ видны какія-то развалины. До самаго Белуджистана различныя мѣстности носятъ индусскія названія, которыя свидѣтельствуютъ о проходѣ буддійскихъ миссіонеровъ въ странѣ [2]). Въ разныхъ мѣстахъ на западной границѣ высятся ступы, но нигдѣ нѣтъ такихъ высокихъ, какъ въ Хайберскомъ проходѣ.

Къ востоку отъ аллювіальныхъ земель Инда три раджпутскія государства, лежащія въ равнинѣ, Биканеръ, Джайсалмиръ и Марваръ, заключаютъ обширныя пространства безъ городскихъ поселеній, и даже въ бо̀льшей части ихъ протяженія совсѣмъ нѣтъ деревень; на цѣлыхъ сотняхъ квадратныхъ верстъ не увидишь ничего, кромѣ песчаныхъ бугровъ, раздѣленныхъ узкими оврагами, солончаковъ да мелкаго кустарника, и пустыня постепенно дѣлаетъ захваты на обработанныхъ земляхъ. Въ этой бѣдной странѣ, гдѣ неурожаи и голодовки повторяются все чаще и чаще, жители часто питаются хлѣбомъ изъ древесной коры, корнями растеній, дикими сѣменами [3]). Марваръ вполнѣ заслуживаетъ этого названія, которое означаетъ „Область Смерти“, а въ двухъ другихъ государствахъ населеніе еще болѣе бѣдствуетъ; въ бо̀льшей части селеній нѣтъ другихъ домовъ, кромѣ шалашей, сплетенныхъ изъ вѣтвей кустарника и формой напоминающихъ пчелиные ульи [4]).

Однако, Биканеръ, столица государства, граничащаго съ Пенджабомъ и Багавальпуромъ, — значительный городъ, и когда смотришь на него издали, его стѣны и храмы, высящіеся на вершинѣ холма, представляютъ очень внушительное зрѣлище, такъ что величественностью своего вида онъ не уступитъ самымъ пышнымъ городамъ Индіи. Жители его славятся во всей Раджпутанѣ своимъ искусствомъ въ разныхъ мастерствахъ: они дѣлаютъ рѣзныя изъ дерева и камня украшенія для домовъ, фабрикуютъ ковры и покрывала, вытачиваютъ разныя вещи изъ слоновой кости, приготовляютъ отличныя печенья и пирожное. Джайсалмиръ, построенный изъ желтаго камня, издали похожаго на битую глину,—тоже живописный городъ, надъ домами котораго высоко поднимаются дворцы съ башенками и храмы джайновъ. Джодпуръ, столица Марвара, походитъ на Биканеръ своимъ положеніемъ на вершинѣ холма и смѣлымъ профилемъ своихъ зданій; крѣпость, командующая городомъ и заключающая дворецъ магараджи, стоитъ на песчаниковой скалѣ, возвышающейся на 240 метровъ надъ уровнемъ равнины. На востокѣ, многочисленныя рѣки и рѣчки, берущія начало на западныхъ склонахъ горъ Аравали и соединяющіяся съ рѣкой Луни или теряющіяся въ пустынѣ,

[1]) *R. Burton* „Sind Revisited“.
[2]) *A. Cunningham* „Ancient Geography of India“.
[3]) *George King* „Proceedings of the Asiatic Society of Bengal“, apr. 1869.
[4]) *Alexan. Burnes* „Journal of the Geographical Society“, 1834.

орошаютъ Годваръ, или „Садъ“ Восточнаго Марвара, и прокармливаютъ значительное населеніе. Въ этой области возникли многіе города, Нагаръ, Мерта, Палли, Соджатъ, Джаллоръ. До постройки желѣзной дороги, соединяющей Ахмедабадъ съ Дели черезъ плоскую возвышенность Раджпутаны, городъ Палли былъ главнымъ торговымъ мѣстомъ марварцевъ между Гудзератомъ и бассейномъ Ганга. Онъ имѣетъ видъ обширнаго ярмарочнаго поля; улицы въ немъ широкія, какъ въ русскомъ степномъ городѣ, и передъ каждымъ домомъ ткачи работаютъ на своихъ станкахъ подъ открытымъ небомъ [1]). Верблюды, продаваемые въ Палли, славятся своею ловкостью и выносливостью; по словамъ Бортона, въ Синдѣ и въ пустынѣ Таръ существуетъ до пятнадцати разновидностей этихъ животныхъ. Марварскіе быки тоже славятся во всей Индіи; во время безкормицы, ихъ гоняютъ, сотнями тысячъ головъ, пастись на плоскія возвышенности Раджпутаны и Мальвы.

Маленькое медіатизированное государство Качъ, котораго главный островъ и второстепенные островки протянулись въ формѣ полумѣсяца на югѣ Большаго Ранна, получаетъ больше воды, чѣмъ раджпутскія государства равнины, и благодаря своей обильной растительности и удобствамъ сообщенія, можетъ прокармливать гораздо болѣе значительное населеніе на равномъ пространствѣ. Буджъ, столица этого княжества, все еще носящая имя бога, которому она была посвящена, очень богата древними постройками, представляющими большой интересъ для археологовъ; но по степени важности, она уступаетъ городу Мандви или Мандави, стоящему на полуденномъ берегу, при входѣ въ Качскій заливъ: это самый оживленный портъ на всемъ прибрежьи между Карачи и Бомбеемъ (движеніе судоходства въ этомъ портѣ въ 1877 году: 1.069 нагруженныхъ судовъ въ приходѣ, 2.191 въ отходѣ). Его моряки, индусы и магометане, владѣютъ слишкомъ двумя стами судовъ, общая вмѣстимость которыхъ свыше 10.000 тоннъ и которыми они умѣютъ управлять съ необыкновенною смѣлостью, плавая между подводными камнями и мелями, которыми усѣянъ заливъ; только суда, имѣющія менѣе 3 метровъ водоуглубленія, могутъ пройти баръ при высокомъ приливѣ. Мандави ведетъ непосредственную торговлю съ Занзибаромъ, откуда онъ ввозитъ слоновую кость и кожи носороговъ; въ прежнее время пираты брали тамъ также невольниковъ. Здѣшнія суда, почти всѣ безъ палубы, отправляются въ началѣ декабря и возвращаются съ юго-западнымъ муссономъ; но часто они находятъ море очень бурнымъ, входя въ Качскій заливъ, и принуждены укрываться въ бухточкахъ противоположнаго берега, на прибрежьи полуострова Каттіаваръ.

[1]) *A. Glardon* „Mon voyage aux Indes orientales“.

Главные города бассейна „Пятирѣчья", Синда, раджпутскихъ государствъ Тара и Кача:

Пенджабъ.

Амрицаръ, въ 1881 г.	142.380	жит.
Лагоръ и предмѣстья, въ 1881 г. . . .	128.450	„
Пешаверъ, въ 1881 г.	53.450	„
Мультанъ, въ 1881 г.	50.850	„
Джалландаръ, въ 1872 г.	45.600	„
Амбала, въ 1872 г.	40.650	„
Лудіана, въ 1872 г.	40.000	„
Батала, въ 1872 г.	28.725	„
Сіалкотъ, въ 1872 г.	25.350	„
Дера-Измаилъ-ханъ, въ 1872 г. . . .	24.900	„
Фирозпуръ, въ 1872 г.	20.600	„
Дера-Гази-ханъ, въ 1872 г.	20.120	„

Синдъ.

Марачи, въ 1872 г.	53.525	жит.
Гайдерабадъ, въ 1872 г.	41.150	„
Шикапуръ, въ 1872 г.	38.100	„

Раджпутскія государства.

Джодпуръ	60.000	„
Палли	50.000	„
Нагаръ	40.000	„
Биканеръ (1874 г.) .	35.750	„
Мерта	20.000	„
Джайсалмиръ . . .	20.000	„
Соджатъ.	20.000	„
Джаллоръ	15.000	„

Качъ.

Мандави, въ 1872 г.	36.000	„
Буджъ, въ 1872 г.	23.800	„

VI.

Полуостровъ Каттіаваръ и покатость заливовъ Качскаго и Камбейскаго, англійскіе и туземные округа Гудзерата, на сѣверъ отъ рѣки Маги.

Полуостровъ Каттіаваръ формою походитъ на островъ Качъ, и хотя онъ не былъ еще вполнѣ изслѣдованъ геологами, но и то, что они видѣли, достаточно показываетъ, что расположеніе горныхъ породъ представляетъ въ этихъ двухъ странахъ нѣкоторую аналогію. Океаническій берегъ Каттіавара и Кача имѣетъ одинаковое направленіе, отъ северо-запада къ юго-востоку, перпендикулярно къ движенію дождливаго муссона, и у обоихъ прибрежье почти прямолинейное, едва изрѣзанное маленькими углубленіями или заливчиками, образуемыми устьями внутреннихъ рѣкъ и рѣчекъ. Каттіаваръ, точно также какъ и Качъ, развертываетъ въ видѣ полумѣсяца свой полуденный берегъ, окаймленный одинаково и на островѣ, и на полуостровѣ новѣйшими известковыми породами и полосой траппа. Если Каттіаваръ еще соединенъ съ материкомъ узкимъ перешейкомъ въ родѣ цвѣточной ножки, тогда какъ Какъ отдѣленъ отъ твердой земли морскими водами въ періодъ юго-западнаго муссона, то, во всякомъ случаѣ, порогъ, заключающійся между Ранномъ и Камбейскимъ заливомъ, очень не высокъ, никакъ не больше 15 метровъ; около

середины перешейка простирается, на протяженіи 36 километровъ, озеро или, вѣрнѣе сказать, болото солоноватой воды, Наль, очевидно, составляющее остатокъ бывшаго пролива; почва въ окрестностяхъ этого длиннаго болота усѣяна раковинами тѣхъ же видовъ, которые водятся въ сосѣднихъ моряхъ [1]). Дважды въ сутки приливъ, проникающій въ Камбейскій заливъ, покрываетъ плоскіе берега слоемъ воды высотой отъ 8 до 10 метровъ; будь приливная волна двойной или тройной высоты противъ нынѣшней, и полуостровъ Каттіаваръ опять сдѣлался бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ нѣкогда, т. е. островнымъ массивомъ. Также какъ во Франціи, въ заливѣ Сенъ-Мишель и въ проливѣ Нуармутье, здѣсь проложены, по песчаному, затопляемому приливомъ грунту, между городами противоположныхъ береговъ дороги, которыми пользуются во время отлива: какъ только приливная волна удалилась, пѣшеходы и всадники отправляются въ путь, чтобы совершить переходъ до возвращенія водъ моря; но это путешествіе не всегда безопасно, такъ какъ рѣчки сочатся предательскими потоками въ глубинахъ песковъ. Противъ острова Перима, замѣчательнаго обиліемъ ископаемыхъ третичной эпохи, образовалась яма въ 110 метровъ глубиною среди залива.

Каттіаваръ, болѣе обширный, чѣмъ Качъ, въ то же время болѣе возвышенъ надъ уровнемъ моря. Горная цѣпь Гиръ, которая тянется вдоль южнаго берега, имѣетъ вершины, поднимающіяся выше 500 метровъ, тогда какъ около центра полуострова возвышается гранитный массивъ Уджаянта или Ревати, болѣе извѣстный теперь подъ именемъ Гирнара; самая высокая изъ его вершинъ достигаетъ 1.067 метровъ. Другія гряды холмовъ, различной высоты, отъ 300 до 500 метровъ, занимаютъ западную часть Каттіавара, но страна понижается постепенно на сѣверъ и сѣверо-востокъ, къ берегамъ Ранна и равнинамъ континентальнаго Гудзерата. Эти послѣднія представляютъ, впрочемъ, лишь узкій проходъ между низменною областью Сѣверо-западнаго Индустана и западнымъ склономъ Гатскихъ горъ; заключенныя между заливами моря и плоскогорьемъ Раджпутаны, онѣ орошаются только короткими рѣками, спускающимися съ горы Абу и съ высотъ Мальвы; изъ этихъ рѣкъ двѣ самыя значительныя, Маги и Сабарматти, открываютъ въ Камбейскій заливъ свои устья, расширяемыя водами прилива; двѣ другія рѣки, съ перемежающимся теченіемъ, смотря по времени года, спускаются къ Качскому Ранну: одна изъ нихъ носитъ имя Сарасвати, какъ и священная рѣка Гималайскихъ воротъ. Съ этой стороны переходъ совершается постепенно отъ плодородныхъ равнинъ Гудзерата къ безплоднымъ пространствамъ Тара; обиліе или скудость водъ дѣлаетъ то, что поясъ пустыни выдвигается или отступаетъ. Народонаселеніе распредѣлилось въ

[1]) *Medlicott* and *Blanford* „Manual of the Geology of India".

Гудзератѣ очень неравномѣрно. Въ равнинахъ, наклоненныхъ на полдень, въ сторону дождливаго муссона, населеніе скучено въ наибольшихъ количествахъ, тогда какъ на сѣверѣ, по краямъ Ранна и въ долинахъ притоковъ, города и мѣстечки очень рѣдки. Это объясняется тѣмъ, что горы полуострова Каттіаваръ не допускаютъ въ эту часть страны обильныхъ дождей.

Пространство и населеніе Каттіавара и Гудзерата:

	Пространство.	Населеніе въ 1872 г.	На 1 квадр. километръ.
Каттіаваръ (съ Діу) .	51.830 кв. килом.	2.326.425 жит.	45 жит.
Гудзератъ континентальный, къ сѣверу отъ р. Маги, съ округомъ Кайра . .	36.039 „ „	2.103.500 „	58 „
Всего. .	87.869 кв. килом.	4.429.925 жит.	50 жит.

Расположенный въ сторонѣ отъ пути, которымъ слѣдовали караваны и арміи завоевателей, Каттіаваръ, естественно, долженъ былъ сдѣлаться убѣжищемъ всѣхъ племенъ, оттѣсненныхъ съ равнинъ Гудзерата. Съ другой стороны, этотъ полуостровъ, выступающій на большое разстояніе за черту континента, привлекалъ къ себѣ торговлю, и на всей его окружности поселились колонисты иностраннаго происхожденія, которые различнымъ образомъ смѣшались съ туземцами. Въ числѣ этихъ чужеземныхъ и иноплеменныхъ пришельцевъ были, между прочимъ, арабы, даже африканцы, и съ 1535 года, какъ извѣстно, португальцы овладѣли островомъ Діу, на полуденной выпуклости Каттіаварскаго берега. Эти различныя расы, оспаривающія другъ у друга гористую территорію полуострова, не могли соединиться въ одну политическую группу; еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія край распадался на 216 отдѣльныхъ государствъ [1]). Подъ англійскимъ господствомъ это число убавилось путемъ постепеннаго вымиранія владѣтельныхъ родовъ; теперь насчитываютъ только 188 самостоятельныхъ княжествъ, которыя всѣ отличаются между собою политическимъ и административнымъ устройствомъ. Между этими княжествами есть даже такія, которыя не платятъ никакой дани Англіи, но и они, тѣмъ не менѣе, подчинены ея верховной власти и юрисдикціи.

Въ древности полуостровъ носилъ имя Сураштра, которое и теперь еще даютъ ему браманы и различныя туземныя племена. Названіе Каттіаваръ онъ получилъ отъ одного народца завоевателей, пришедшаго съ сѣвера черезъ островъ Качъ въ промежутокъ съ тринадцатаго по пятнадцатое столѣтіе,—эпоха, въ которую катты сдѣлались уже самою могу-

¹) *Thornton* „Gazetteer of India“.

УЩЕЛЬЕ ЛАТАБАНДЪ. ДОЛИНА ТЬМЫ И СМЕРТИ.

щественною державой края. Откуда пришли эти воинственные завоеватели? Были ли то арійскіе кшатріи или соплеменники афганцевъ? Сами они называли себя уроженцами береговъ Инда и отличались отъ туземцевъ болѣе высокимъ ростомъ, болѣе тонкими чертами лица, менѣе смуглымъ цвѣтомъ кожи. Они смѣшались разнообразно съ джареджами и другими племенами раджпутовъ, которые надѣлили себя ленами въ большей части государствъ Гудзерата; но коренное населеніе до сихъ поръ сохранилось въ краѣ и занимается обработкой земли или въ качествѣ мелкихъ собственниковъ, или въ качествѣ батраковъ. На востокѣ, континентальный Гудзератъ, къ сѣверу отъ рѣки Маги, занятъ преимущественно коліями, которые походятъ на биліевъ, живущихъ на плоскогорьяхъ, но которые причисляютъ себя къ высшей кастѣ, потому что они цивилизованнѣе и нравами больше приближаются къ индусамъ. Коліи дѣлятся на множество клановъ, по роду занятій или ремесла; одни изъ нихъ земледѣльцы, другіе дровосѣки, занимающіеся рубкой бамбука, иные пастухи или водоносы. Общее имя племени, къ которому принадлежатъ всѣ эти люди труда и которое доставляетъ много носильщиковъ бомбейскимъ коммерсантамъ, примѣняется теперь, въ формѣ *кули* (coolie по англійски), безразлично ко всѣмъ эмигрантамъ индусскимъ и даже китайскимъ, перевозимымъ въ разныя части свѣта. Въ прежнее время одинъ кланъ гудзератскихъ раджпутовъ, чаруны, считался пользующимся особенною милостью бога Сивы. Чаруны слыли людьми священными и за всякую нанесенную чаруну обиду карающая судьба должна была сторицею воздать обидчику; оттого обиженные, не задумываясь, лишали сами себя жизни, чтобы накликать злой рокъ на голову своихъ враговъ и ихъ родныхъ; въ округахъ, посѣщаемыхъ разбойниками, чаруны обыкновенно предлагали путешественникамъ свои услуги въ качествѣ проводниковъ, и благодаря ихъ присутствію, путешествіе всегда совершалось вполнѣ благополучно; но этотъ промыселъ вышелъ изъ употребленія съ тѣхъ поръ, какъ междоусобныя войны и разбойничество перестали царствовать въ странѣ. Обычай дѣтоубійства, нѣкогда общераспространенный въ кланахъ джареджей, сдѣлался очень рѣдкимъ, и теперь онъ считается уже преступленіемъ.

Убѣжище многихъ народцевъ, прогнанныхъ съ континента, полуостровъ Каттіаваръ былъ также пріютомъ для преслѣдуемыхъ религій; новые культы, занесенные изъ Индіи, могли водвориться тамъ лишь послѣ продолжительной борьбы съ старыми вѣрованіями и обрядностями. Буддизмъ, оставившій послѣ себя въ краѣ нѣкоторые изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ эпохи своего господства, продолжался на Каттіаварѣ сектами джайновъ, которые примѣшали такъ много воспоминаній о Буддѣ къ своимъ браманскимъ вѣрованіямъ и обрядамъ. Въ этомъ полуостровномъ Гудзератѣ находятся группы самыхъ обширныхъ и самыхъ

знаменитыхъ храмовъ саравакова или джайновъ; цѣлые города посвящены исключительно богамъ. Одинъ изъ этихъ городовъ, который можетъ быть разсматриваемъ, какъ типъ всѣхъ другихъ городовъ того же рода, вѣнчаетъ двойную вершину горы Сатрунджая, на юго-востокѣ полуострова, недалеко отъ Камбейскаго залива; столица маленькаго государства, Палитана, раскинулась у подошвы священной горы и соединена съ святилищами рядомъ лѣстницъ, прерывающихся черезъ извѣстные промежутки. Главныя капища окружены каменными стѣнами; другія стоятъ среди безмолвныхъ улицъ. Нѣсколько жрецовъ живетъ въ оградѣ священнаго города, чтобы поддерживать чистоту въ зданіяхъ и кормить голубей, горлицъ, попугаевъ, павлиновъ, бѣлокъ, питающихся подаяніемъ вѣрующихъ. Но эти послѣдніе не могутъ имѣть пребываніе въ городѣ храмовъ; имъ воспрещено тамъ ѣсть и спать; по исполненіи требуемыхъ религіозныхъ обрядовъ, они должны спускаться въ нижній городъ, въ Палитану. Между всѣми индусскими сектами, джайны отличаются своимъ усердіемъ по сооруженію пагодъ, которыя они строютъ не столько для того, чтобы молиться въ нихъ, сколько для того, чтобы посвятить ихъ памяти своихъ тиртамкаровъ, т. е. тѣхъ, которые „перешли" пропасть, раздѣляющую кажущуюся жизнь отъ абсолютнаго существованія. На горѣ Сатрунджая насчитываютъ сотни этихъ зданій, относящихся ко всѣмъ эпохамъ, начиная съ одиннадцатаго столѣтія, и составляющихъ великолѣпный архитектурный музей; новыя постройки прибавляются каждый годъ къ старымъ и почти нисколько не уступаютъ имъ въ отношеніи изящества и чистоты стиля. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка корпораціи старались наперерывъ другъ передъ другомъ украшать соборы Западной Европы, джайны полагаютъ свою славу въ благолѣпіи храмовъ: цѣлыя поколѣнія трудятся надъ изваяніями преддверій, надъ рѣзьбою камня алтарей [1]). Пропорціонально своей численности, джайны, которые, впрочемъ, насчитываютъ въ своей средѣ большое число купцовъ и банкировъ, имѣютъ гораздо больше религіозныхъ зданій, чѣмъ послѣдователи другихъ индусскихъ культовъ, составляющіе массу населенія въ Гудзератѣ. Мусульмане живутъ значительными группами только въ городахъ, а парсы встрѣчаются лишь отдѣльными семьями. Общеупотребительный въ краѣ языкъ—гудзерати, одинъ изъ литературныхъ діалектовъ, происшедшихъ отъ санскрита и не смѣшанныхъ съ персидскимъ, какъ индустани.

Гудзератъ или Гуджератъ—одна изъ богатѣйшихъ странъ Индіи, благодаря шестидесяти портамъ, которыми усѣяны его берега, и его чернозему, или *регару*, который утилизируютъ, главнымъ образомъ, для

---

[1]) *Burgess* „Visit to Satrunjaya hill"; *Fergusson* „History of Indian and Eastern Architecture".

культуры хлопчатника; мало индійскихъ провинцій, гдѣ бы деньги, привозимыя изъ Европы въ уплату за мѣстныя произведенія, накапливались въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ въ Каттіаварѣ. Лошади, овцы, хлѣбъ постоянно вывозятся съ полуострова въ Бомбей и на материкъ. Но иногда полевыя крысы особой породы, бураго цвѣта, появляются въ такомъ несмѣтномъ множествѣ, что всѣ посѣвы дѣлаются жертвой этого страшнаго бича. Въ 1815 году, который былъ прозванъ „крысьимъ“, голодъ истребилъ не менѣе десятой части населенія. Въ эти роковые годы крысы словно родятся изъ земли; тщетно пытаются задержать ихъ опустошительное шествіе широкими рвами, наполненными водой, или пылающими кострами, ихъ все-таки остается неисчислимое множество, достаточное для того, чтобы пожрать хлѣбъ на корню, а груды гніющихъ труповъ заражаютъ воздухъ и распространяютъ чуму по всей окрестной мѣстности.

Хотя полуостровъ Каттіаваръ оффиціально дѣлится на множество государствъ, англичане, тѣмъ не менѣе, избрали одинъ изъ городовъ, какъ столицу страны: это Раджкотъ, стоящій въ центральной части полуострова, на покатости Качскаго залива; они расположили тамъ кантониръ-квартиры своихъ войскъ и основали коллегію или лицей, въ которомъ всѣ малолѣтніе гудзератскіе принцы должны получать воспитаніе подъ руководствомъ европейскихъ преподавателей и офицеровъ. Но многіе другіе города Каттіавара имѣютъ, въ торговомъ отношеніи, гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ административный центръ края. Наванагаръ (Джамнагаръ), близь берега Качскаго залива,—очень промышленный городъ; особенно развита въ немъ красильная промышленность; но чтобы сдѣлаться первокласснымъ рынкомъ, ему недостаетъ якорной стоянки; большой торговый портъ, доступный для судовъ, глубоко сидящихъ въ водѣ, всего удобнѣе было бы устроить далѣе на западѣ, подъ защитой мысковъ и конечныхъ острововъ Каттіавара, или въ Пошетрѣ, или въ Серайѣ. Гавани западнаго берега, Поръ-бандаръ, Мангроль или Мангальпуръ, Вераваль, очень малы и не защищены отъ вѣтровъ, дующихъ съ открытаго моря; тѣмъ не менѣе, онѣ уже многіе вѣка ведутъ значительную торговлю, и храмы, украшающіе эти городки, свидѣтельствуютъ о богатствѣ тамошняго купечества. Мангроль справедливо гордится своею мечетью, великолѣпнѣйшею во всемъ Каттіаварѣ; а по другую сторону заливчика, гдѣ стоитъ Вераваль, городъ новый, виднѣются полуразрушенные дворцы, храмы, мавзолеи Сомната или Део-Паттана, древней столицы, посвященной Сивѣ и завоеванной Махмудомъ Газневидомъ въ первой половинѣ одиннадцатаго столѣтія; этотъ завоеватель взялъ оттуда и перенесъ въ Газни знаменитыя ворота, которыя, по увѣренію англичанъ, были отвоеваны ими и отправлены обратно въ Индію, въ 1842 году; но сомнительно, чтобы этотъ трофей былъ подлинный. Въ

Сомнатѣ или Део-Паттанѣ, какъ гласитъ легенда, было предано сожженію тѣло Кришны, и до сихъ поръ еще показываютъ мѣсто, при сліяніи трехъ ручьевъ, гдѣ былъ воздвигнутъ погребальный костеръ. Городъ Джунагаръ, стоящій верстахъ въ тридцати отъ морскаго берега, тоже славится своими храмами, изъ которыхъ иные высѣчены въ скалѣ. Массивъ Гирнаръ, господствующій надъ Джунагаромъ съ восточной стороны, пріютилъ на одной террасѣ, сосѣдней съ вершиной, цѣлый городъ джайнскихъ храмовъ, которые славой и великолѣпіемъ уступаютъ развѣ только пагодамъ Палитаны; одинъ изъ пиковъ Гирнара, Калика, населенъ исключительно факирами, посвятившими себя Кали, богинѣ крови, и почти одичавшими; они питаются всякою падалью, и народная молва обвиняетъ ихъ даже въ людоѣдствѣ; говорятъ, что они часто пожирали путниковъ. Впрочемъ, скалы горы Гирнаръ иногда посѣщаются людьми, обреченными на смерть своими собственными родителями: несчастные приходятъ сюда, чтобы броситься съ высоты утесовъ изъ розоваго гранита и тѣмъ исполнить материнскій обѣтъ [1]). Гирнаръ пріобрѣлъ громкую славу въ исторіи эпиграфіи. Одна скала при основаніи горы носитъ на себѣ, уже болѣе двадцати одного столѣтія, знаменитую надпись султана Асоки, которою этотъ государь посвятилъ свое царство буддійской вѣрѣ; другая надпись, тоже восходящая слишкомъ за 2.000 лѣтъ до нашего времени, передаетъ потомству память о побѣдѣ, одержанной надъ однимъ царемъ Декана; третья, начертанная шестью вѣками позднѣе предъидущей, сообщаетъ объ общественныхъ сооруженіяхъ, предпринятыхъ въ странѣ. Но эти драгоцѣнные памятники старины были частью разрушены инженерами, производившими работы по исправленію дороги [2]).

Діу, португальскій городъ, прославленный военными подвигами Іоао де-Кастро, представляетъ теперь только тѣнь того, чѣмъ онъ былъ во времена своего процвѣтанія. Онъ занимаетъ, однако, счастливое торговое положеніе на небольшомъ островѣ, лежащемъ у южной оконечности полуострова, между Аравійскимъ моремъ и входомъ въ Камбейскій заливъ; суда, имѣющія до 5 метровъ водоуглубленія, могутъ легко входить въ его гавань. Но территорія Діу, окруженная со всѣхъ сторонъ чужими владѣніями, не можетъ питать своими произведеніями значительную торговлю. Жители занимаются исключительно рыбною ловлей или каботажемъ; нѣкоторые изъ нихъ эмигрируютъ въ португальскія колоніи на Мозамбикскомъ берегу Африки, съ надеждой вернуться на родину, когда наживутъ состояніе. Не смотря на свой упадокъ, Діу имѣетъ видъ большого города съ его высокою крѣпостью, стоящею на

[1]) *Burton* „Sind Revisited“.
[2]) *Burgess* and *Fergusson* „Cave-temples of Western India“.

горѣ, у подошвы которой пріютились два города, европейскій Праса и языческій кварталъ. Португальцамъ принадлежитъ еще деревня Гогола, находящаяся на сосѣдней землѣ. Португальское владѣніе Діу, обнимающее 30 квадр. километровъ, заключало, въ 1876 году, 13.898 жителей.

Къ востоку отъ Діу, маленькій портъ Джаффарабадъ, принадлежащій одному князю абиссинскаго происхожденія, ведетъ довольно дѣятельную торговлю, но торговое движеніе направилось преимущественно на западный берегъ Камбейскаго залива. Тамъ открывается судамъ небольшаго водоуглубленія хорошо защищенный портъ Баунагаръ. Новый городъ, расположенный вокругъ бухты, есть столица одного изъ значительнѣйшихъ государствъ Каттіавара и отличается предпріимчивостью своихъ жителей, равно какъ отвагой своихъ моряковъ, извѣстныхъ, какъ всѣ вообще индусскіе матросы, подъ именемъ *ласкаровъ*. Вывозъ хлопка изъ Баунагара въ 1876 году простирался на сумму 32.845.000 франк. Преемники торговой дѣятельности одного сосѣдняго города, Гога или Гого, рейдъ котораго защищенъ островкомъ Перимъ, обитатели Баунагара соединили свой городъ, не дожидаясь приглашенія къ тому со стороны англичанъ, съ городомъ Дораджи, стоящимъ въ центрѣ полуострова, съ Вадваномъ и сѣтью желѣзныхъ дорогъ Индіи; они завели даже собственныя бумагопрядильни, чтобы непосредственно утилизировать растительное волокно. На сѣверѣ, городъ Долера, который далъ свое имя одному сорту хлопка, очень хорошо извѣстному европейскимъ промышленникамъ, тоже пришелъ въ упадокъ, равно какъ и древній городъ Камбей или Хамбатъ, по имени котораго называется самый заливъ и о которомъ упоминаетъ уже Марко Поло. Опасный баръ и сильное волненіе, происходящее вслѣдствіе борьбы прилива съ рѣчнымъ теченіемъ, не позволяютъ болѣе судамъ пускаться по мелямъ, которыми усѣяны оконечность залива и входъ въ двѣ рѣки: Маги и Сабарматти. Уцѣлѣвшія еще величественныя руины свидѣтельствуютъ о былой важности Камбея. Въ настоящее время главная его промышленность — обдѣлка сердоликовъ и агатовъ, добываемыхъ на западныхъ выступахъ цѣпи горъ Виндія. Плодородныя земли, простирающіяся на сѣверѣ между двумя рѣками, производятъ отличный табакъ, который способствуетъ обогащенію городовъ Кайра, Наріадъ, Кападванджъ.

Ахмедабадъ, метрополія Гудзерата и самый многолюдный городъ западнаго побережья Индіи послѣ Бомбея, вступилъ, со времени утвержденія англійскаго господства, въ періодъ процвѣтанія; однако, прежде онъ былъ гораздо обширнѣе и могущественнѣе, чѣмъ въ наши дни. Основанный или, вѣрнѣе сказать, вновь отстроенный въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, Ахмедабадъ имѣлъ, говорятъ, до 900.000 жителей; въ ту эпоху въ Европѣ не было ни одного города, равнаго ему по величинѣ. Войны опустошили его, но онъ занимаетъ такое счастливое географи-

ческое положеніе, среди богатой равнины, на большомъ историческомъ пути и при раздвоеніи делійской дороги, идущей черезъ Раджпутану, что промышленная и торговая дѣятельность не могла не возродиться въ этомъ мѣстѣ съ возстановленіемъ мира въ странѣ. Въ 1819 году нѣкоторые изъ памятниковъ Ахмедабада были разрушены землетрясеніемъ, но этотъ городъ, тѣмъ не менѣе, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Индіи по многочисленности украшающихъ его замѣчательныхъ зданій, храмовъ, дворцовъ, мавзолеевъ, тріумфальныхъ арокъ и пр. Это даже единственный городъ во всемъ свѣтѣ по особенному стилю его архитектуры, происшедшей изъ смѣшенія магометанскаго искусства съ джайнскимъ. Въ этой борьбѣ архитектурныхъ вліяній индусскіе зодчіе одержали верхъ даже относительно постройки мечетей; общее расположеніе послѣднихъ чисто индусское, колонны и корабли (среднее пространство храма) походятъ на соотвѣтственныя части религіозныхъ зданій джайновъ, и нигдѣ отверстія, окна и двери не обрамлены болѣе тонкою рѣзьбой изъ камня, тѣмъ не менѣе, однако, цѣлое представляетъ нѣкоторую полноту, обширность размѣровъ, составляющую, какъ извѣстно, отличительную черту магометанскаго генія; архитекторы не потерялись въ безконечныхъ деталяхъ и избавили свои храмы отъ символизма безобразныхъ индусскихъ боговъ съ ихъ сотнею рукъ и съ ихъ звѣриными головами. Большинство мечетей окружено деревьями и стоитъ на террасахъ съ уступами; выходя изъ темныхъ улицъ, вдругъ замѣчаешь сквозь пышную зелень изваянные порталы, минареты, куполы, обрисовывающіеся на голубомъ небѣ [1]). Когда обозрѣваешь городъ съ высоты валовъ, на столько широкихъ, что ихъ превратили въ общественныя гульбища или бульвары, эти памятники индо-мусульманскаго зодчества, обставленные купами деревьевъ, представляютъ прелестнѣйшія картины. Англійскій военный городъ, построенный на сѣверѣ, въ 5 километрахъ за оградой Ахмедабада, далеко не равняется, по живописности, городу индусовъ, съ его дворцами, храмами, кирпичными или деревянными домами съ рѣзными балконами, но и онъ имѣетъ красивый видъ, который ему придаютъ обширные сады и широкія аллеи, обсаженныя большими деревьями.

По мѣстной поговоркѣ, „благоденствіе Ахмедабада держится на трехъ ниткахъ“: бумажной, шелковой и золотой. Много разъ уже эти нити чуть-было не порвались; однако, тканье и вышиванье матерій все еще составляютъ главную промышленность, которая даетъ занятіе наибольшей части городскаго населенія. Ахмедабадъ ввозитъ шелкъ-сырецъ изъ Бенгаліи, изъ Китая, изъ центральной Азіи, и продаетъ производимыя имъ ткани въ Бомбей и въ полуденную Индію; недавно устроенныя

---

[1]) *Hope* and *Fergusson* „Architecture of Ahmedabad“; *L. Rousselet* „L'Inde des Radjahs“.

паровыя фабрики являются теперь страшными конкуррентами туземныхъ ткачей. Ахмедабадская глиняная посуда и гончарныя издѣлія считаются лучшими во всей прибрежной области, а писчая бумага даже превосходитъ качествомъ привозимую изъ Англіи. Бывшая резиденція государей, Ахмедабадъ пріобрѣлъ также пальму первенства въ фабрикаціи всѣхъ предметовъ роскоши, драгоцѣнныхъ украшеній, эмальированныхъ и лаковыхъ издѣлій, металловъ съ рѣзьбой. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, сходящимся въ Ахмедабадѣ, какъ въ центральной станціи, столица Гудзерата, можно сказать, съ каждымъ днемъ получаетъ все болѣе и болѣе важное значеніе, какъ складочное мѣсто товаровъ, и ея негоціанты, ведущіе дѣла самостоятельно, независимо отъ коммерсантовъ Бомбея, состоятъ въ прямыхъ сношеніяхъ со всѣми главными рынками всемірной торговли. Съ проведеніемъ рельсоваго пути, соединившаго гудзератскую метрополію съ берегами Ранна черезъ Вирамгамъ, Патри и Харагору, и который долженъ современемъ продолжиться черезъ Качскій Раннъ, Ахмедабадъ сдѣлался также однимъ изъ главныхъ складовъ соли. Харагорскіе солепромышленники не собираютъ соляной налетъ, оставляемый водами на глинѣ Ранна, но эксплуатируютъ бассейны глубокой воды, въ которыхъ соль постепенно концентрируется.

Многочисленные города, между которыми самый многолюдный—древній Долька, окружаютъ Ахмедабадъ, тогда какъ на сѣверѣ, по направленію къ равнинамъ Тара, городскія поселенія встрѣчаются все рѣже и рѣже, пропорціонально увеличенію сухости климата. На берегахъ одной изъ многочисленныхъ въ Индіи рѣкъ Сарасвати, главный городъ, Патанъ, есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ джайны достигаютъ наибольшей важности въ численномъ отношеніи: они составляютъ тамъ около восьмой части всего городскаго населенія и имѣютъ болѣе сотни храмовъ, равно какъ священныя библіотеки, которыхъ книги, писанныя на листьяхъ пальмы, ревниво охраняются жрецами. На западѣ, городъ Раданпуръ занимаетъ оазисъ, близъ того мѣста, гдѣ рѣка Банасъ пропадаетъ, испаряясь до послѣдней капли на глинахъ Ранна. Наконецъ, на сѣверной оконечности Гудзерата, городъ Паланпуръ, стоящій въ сосѣдствѣ лѣсистыхъ склоновъ горы Абу, есть исходный пунктъ желѣзнодорожной линіи, поднимающейся на плоскогорья Раджпутаны. Недалеко оттуда, въ Дизѣ, расположены кантонементы англійскаго войска, наблюдающаго за пограничными племенами.

Главные города Каттіавара и Сѣвернаго Гудзерата:

Каттіаваръ.				
			Вадванъ	17.400 жит.
			Дораджи	15.560 „
Баунагаръ	35.875 жит.		Мангроль	15.340 „
Навапагаръ . . .	34.700 „		Поръ-бандаръ . . .	14.560 „
Джунагаръ	20.025 „		Діу	13.900 „

*

Долера	12.460 жит.	Патанъ	31.525 жит.
Раджкотъ, главный городъ	11.980 „	Наріадъ	24.550 „
Гудзератъ.		Долька	20.850 „
Ахмедабадъ	116.875 „	Випрамгамъ	19.660 „
Камбей	33.710 „	Паланпуръ	17.190 „
		Раданпуръ	13.900 „

VII.

Горы Аравали, Виндія, южные притоки Ганга; Раджпутана, государства Мальвы, Гваліоръ, Бундельхандъ и Бхагельхандъ.

Наибольшая часть трехугольнаго пространства, заключающагося между краевою цѣпью горъ Аравали, теченіемъ Джамны и длинною впадиной, куда изливаются, съ одной стороны, рѣка Нарбада, съ другой—рѣка Сона, состоитъ изъ политическихъ государствъ, пользующихся еще номинальною независимостью. Эти государства Медіа-деса, или „Средней земли“, лежащія въ сторонѣ отъ историческихъ путей Индіи, долго оставались безъ ближайшихъ сношеній съ европейскими завоевателями Полуострова. Владѣтельные князья или раджи этого края, защищенные многочисленными естественными препятствіями, опирались на солидныя крѣпости, и ихъ войска были самыя храбрыя, наилучше организованныя во всемъ Индустанѣ; это были войска, одушевленныя воспоминаніемъ объ одержанныхъ побѣдахъ, гордившіяся пріобрѣтенною въ бояхъ славой, это была сила, восторжествовать надъ которою англійскимъ ветеранамъ стоило наибольшаго труда. Понятно, что при такихъ условіяхъ остъ-индская компанія, затѣмъ индо-британское правительство не могли приступить къ присоединенію этихъ странъ способами, столь же простыми и скорыми, какъ тѣ, которые были употреблены для овладѣнія областями равнины. Наружные признаки автономіи были сохранены; но на дѣлѣ власть находится въ рукахъ англійскихъ резидентовъ, управляющихъ именемъ раджей, между которыми есть много малолѣтнихъ или женщинъ, и весь край былъ раздѣленъ на такъ называемыя „агентства“, административная организація которыхъ соотвѣтствуетъ устройству будущихъ провинцій. Притомъ же, мало найдется индусскихъ территорій, гдѣ бы разрозненность побѣжденныхъ лучше обезпечивала господство побѣдителей. Раджпутана и восточныя области нагорья, обозначаемыя англичанами подъ именемъ „Агентства центральной Индіи“, распадаются на восемьдесятъ слишкомъ государствъ, которыя, въ свою очередь, дробятся на множество черезполосныхъ владѣній; только въ самое недавнее время англійское правительство позволило раджамъ дать больше связи своимъ владѣніямъ, обмѣнивая

дальніе удѣлы на земли, болѣе близкія къ ихъ соотвѣтственнымъ столицамъ. Оставляя князьямъ раджпутскимъ или маратскимъ обладаніе ихъ тронами, равно какъ значительную часть ихъ доходовъ, британскіе властители позаботились присвоить себѣ въ каждомъ княжествѣ полосу территоріи, которая пересѣкаетъ непрерывною линіей всю область плоскогорій, отъ гангесской равнины до долины рѣки Нарбады; теперь двѣ желѣзнодорожныя линіи, изъ которыхъ одна почти на всемъ своемъ протяженіи находится въ предѣлахъ англо-индійскихъ провинцій, соединяютъ непосредственно Бомбей съ городами при Джамнѣ и при Гангѣ, проходя черезъ возвышенности Раджпутаны и Мальвы. Такимъ образомъ, соединеніе, политическое и торговое, государствъ нагорья съ Англо-индійскою имперіей совершилось окончательно; однако, населенія этихъ странъ сохранили свою оригинальную физіономію, свою самобытность между обитателями Индіи, Также какъ самый край, столь ясно и опредѣленно ограниченный съ географической точки зрѣнія, эти населенія имѣютъ совершенно особенный характеръ. Въ общей исторіи индійскаго Полуострова ихъ вліяніе всегда было значительно, хотя по численности они далеко уступаютъ толпамъ, скученнымъ въ равнинахъ; занимая площадь, равную четыремъ пятымъ Франціи, возвышенности Мальвы имѣютъ вдвое меньшее населеніе; онѣ кажутся почти безлюдными въ сравненіи съ густо населенными равнинами Ауда и Бенгаліи.

Восточная Раджпутана, плоскогорье Мальва и горы Каймуръ.

	Пространство въ кв. килом.	Населеніе въ 1881 г.	Населенность 1 кв. килом.
Восточная Раджпутана . .	196.830	6.870.000 жит.	35 жит.
Агентство центральной Индіи	193.850	9.201.000 „	47 „
Аджмиръ	6.892	453.000 „	65 „
Отдѣлъ Джанси	13.123	1.000.000 „	75 „
Округъ Сагаръ и Дамохъ. .	17.622	800.000 „	45 „
Всего . . .	428.317	18.324.000 жит.	42 жит.

Съ западной стороны крайнюю границу нагорья составляетъ почти уединенный, на подобіе острова, массивъ горы Абу, господствующій своими гранитными скалами надъ низменными равнинами Гудзерата и Марвара; даже на западѣ глубокая долина рѣки Банасъ отдѣляетъ эту гору отъ цѣпи Аравали. Верхняя часть массива довольно обширна и образуетъ нагорную равнину, перерѣзанную живописными холмами и очаровательными долинами: благодаря дождевымъ облакамъ, задерживаемымъ во время ихъ прохода верхними склонами горы, могла развиться богатая растительность на этихъ высокихъ верхушкахъ хребта, представляющихъ родъ оазиса, окруженнаго долинами и голыми, безплодными крутизнами. Обширное озеро, Нахиталь, усѣянное лѣсистыми островами

и называемое туземцами „озеромъ Драгоцѣннаго Камня“, занимаетъ одну изъ впадинъ плато; въ прежнее время смертная казнь грозила профану, который сталъ бы стрѣлять въ птицъ, летающихъ стаями надъ этимъ бассейномъ. Красота пейзажей, величавое уединеніе массива сдѣлали гору Абу однимъ изъ святыхъ мѣстъ Индіи, и ея древнее названіе Аръ-Будда напоминаетъ мудреца или, лучше сказать, бога, которому тамъ поклонялись [1]). Ради чистоты горнаго воздуха, деревня, расположенная на вершинѣ Абу, была возведена на степень англійской столицы для всей страны Раджпутаны.

Краевая цѣпь Аравали, или „Горы Силы“, начинается въ сосѣдствѣ массива Абу и направляется къ сѣверо-востоку на протяженіи слишкомъ 500 километровъ; еще въ равнинахъ, орошаемыхъ рѣкой Джамной, есть нѣсколько возвышенностей или отроговъ, составляющихъ продолженіе этого скалистаго хребта. Западный склонъ горъ Аравали возвышается на 500 и до 1.000 метровъ надъ равнинами Марвара, тогда какъ противоположный скатъ поднимается едва на 250 метровъ, среднимъ числомъ, надъ уровнемъ плоскогорья, а во многихъ мѣстахъ даже сливается съ его поверхностью. Впрочемъ, и самый характеръ горной цѣпи теряется тамъ и сямъ; хребты едва обозначены или образуютъ цѣлый лабиринтъ параллельныхъ скалъ, между которыми невозможно распознать главный гребень, указывающій ось всей системы. Состоящія почти во всей своей массѣ изъ древнѣйшихъ формацій, гнейса, сіенита, шифера, горы Аравали почти вездѣ лишены растительности; даже мелкаго кустарника не увидишь на ихъ склонахъ; издали эти горы кажутся покрытыми снѣгомъ и по вечерамъ онѣ ярко блистаютъ подъ лучами заходящаго солнца; слои кварца, слегка окрашеннаго въ розовый цвѣтъ, производятъ такой же эффектъ освѣщенія, какъ ледники на Альпахъ [2]). Нѣкоторыя изъ промежуточныхъ долинъ, обращенныя къ дождливымъ вѣтрамъ, представляютъ очаровательные оазисы зелени, тогда какъ другія впадины и углубленія почвы наполнены пескомъ или соленою водой. Такъ, напримѣръ, озеро Самбхаръ, названное по имени богини, статуя которой стоитъ на островкѣ, занимаетъ дно котловины на сѣверѣ цѣпи Аравали, состоящей въ этомъ мѣстѣ изъ горныхъ породъ пермской формаціи, богатыхъ солью. По словамъ путешественниковъ, посѣтившихъ край въ первые годы нынѣшняго столѣтія, это озеро простиралось въ то время на 60 километровъ въ длину и на 16 въ ширину, въ періодъ дождей; въ наши дни оно гораздо меньше, площадь его имѣетъ не болѣе половины своего прежняго протяженія, когда оно достигаетъ самаго высокаго уровня, а глубина его едва превышаетъ одинъ метръ. Послѣ

[1]) *Карлъ Риттеръ* „Землевѣдѣніе. Азія“.
[2]) *Tod* „Annals of Rajasthan“.

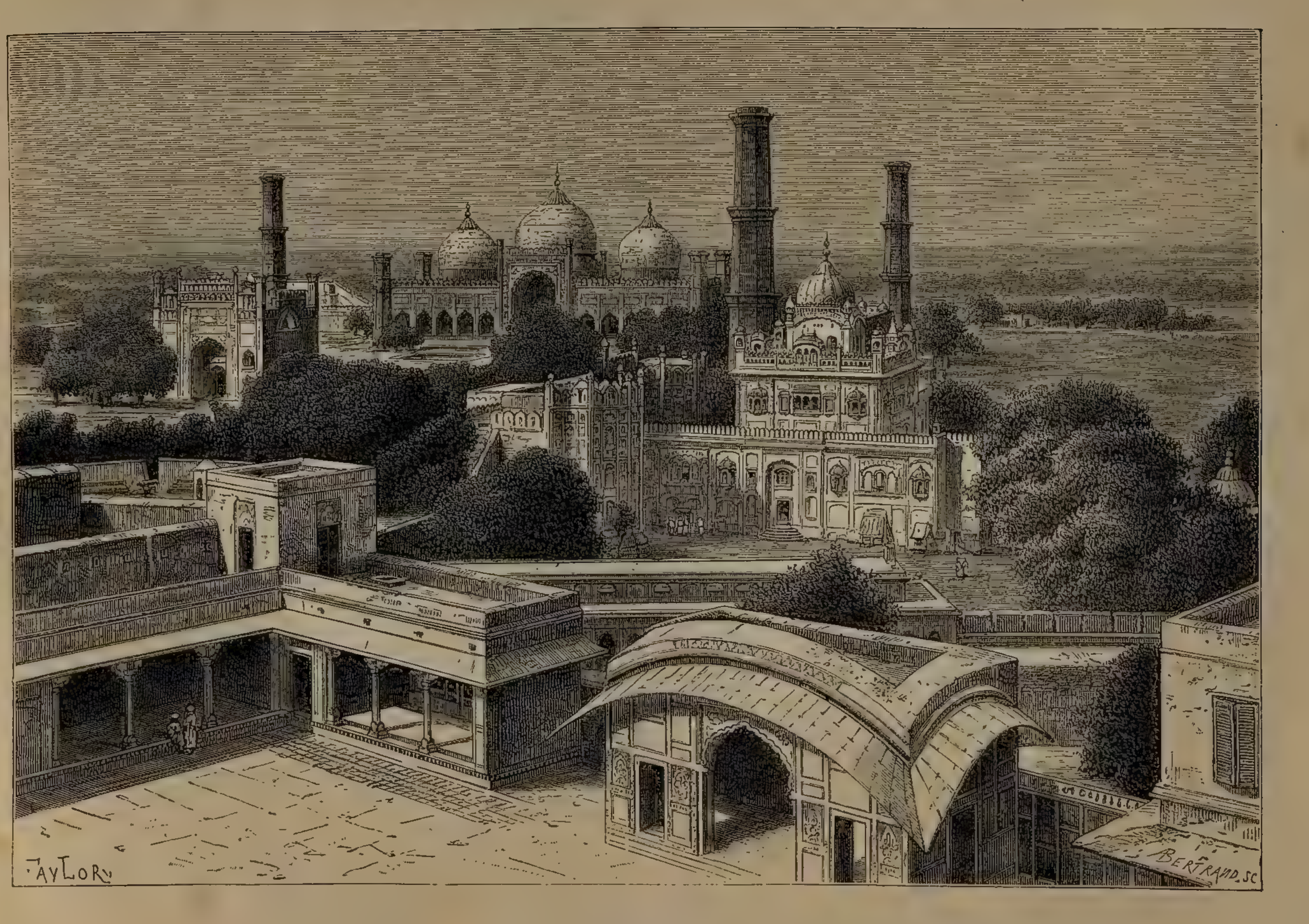
дождей, въ августѣ или въ сентябрѣ, поверхность озера, вода котораго имѣетъ въ это время плотность, равную плотности морской воды, постепенно понижается, и къ іюню мѣсяцу въ бассейнѣ остается только слой ила да толстая соляная кора, разнообразно окрашенная водорослями въ голубой, красный или бѣлый цвѣтъ. Работники, мужчины и женщины, изъ касты баррaровъ, выламываютъ кружки этой нечистой соли, которые вывозятся отсюда даже въ отдаленныя мѣста, въ Раджпутану, въ Пенджабъ, въ провинціи центральной Индіи; согласно традиціоннымъ обычаямъ, каждый округъ запасается особенною разновидностью самбарской соли. Эксплуатація этого солянаго озера производится въ пользу раджпутскихъ государей, но подъ высшимъ надзоромъ англійскаго правительства, которое иногда даже запрещало добываніе здѣсь соли, въ интересахъ своей монополіи. На плато, которое простирается на востокѣ цѣпи Аравали, неровная почва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усѣяна прѣсноводными озерами, но это искусственные бассейны, истокъ которыхъ регулируется шлюзами. Таково, недалеко отъ города Удайпура, озеро Дебаръ, имѣющее не менѣе 50 километровъ въ окружности; весь нижній берегъ этого огромнаго резервуара, одного изъ самыхъ обширныхъ на земномъ шарѣ, состоитъ изъ каменной плотины, выдерживающей напоръ водъ.

Плоскогорье Мальва, гдѣ берутъ начало Чамбалъ и другіе притоки Ганга, наклоняется къ сѣверо-востоку пологимъ скатомъ, тогда какъ на юго-западѣ краевыя цѣпи, извѣстныя подъ разными мѣстными названіями, господствуютъ крутыми склонами надъ равнинами Гудзерата. Эти краевыя цѣпи соединяютъ горы Аравали съ собственно такъ называемымъ хребтомъ Виндіа, который тянется по сѣверной сторонѣ долины рѣки Нарбады или Нербудды, затѣмъ вдоль долины рѣки Соны. Одна древняя легенда разсказываетъ, что эти горы дѣлали тщетныя усилія сравняться съ Гималаемъ; дѣйствительно, по высотѣ, цѣпь Виндіа далеко уступаетъ исполинскимъ горнымъ громадамъ, высящимся на сѣверѣ Индустана, но, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ капитальную важность, какъ поперечная перегородка Индіи и какъ граница между расами. Палеозойскія формаціи горъ Виндіа, песчаники, сланцы, мраморы, принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ геологическихъ образованій Полуострова и примыкаютъ съ восточной стороны къ гнейсовымъ массивамъ Бундельханда, предшествующимъ, по времени происхожденія, всѣмъ другимъ каменнымъ породамъ Индіи. Отъ границъ Гудзерата до предѣловъ Бенгаліи, на пространствѣ 1.000 километровъ (около 940 верстъ), тянется длинный рядъ высотъ, въ видѣ цѣпей или въ видѣ массивовъ. Подъ именемъ Каймурскихъ горъ, онѣ занимаютъ полуостровную территорію, ограниченную долинами Ганга и Соны, и оканчиваются на востокѣ длиннымъ плоскогорьемъ, изрѣзаннымъ небольшими долинами въ формѣ чашъ,

наполненныхъ растительною землей, гдѣ собираютъ самые обильные урожаи хлѣба. На кристаллическихъ выступахъ Бундельханда во многихъ мѣстахъ высятся башни изъ песчаника, которыя, въ свою очередь, увѣнчаны короной изъ лавы, и большинство этихъ уединенныхъ каменныхъ глыбъ послужило основаніемъ крѣпкимъ замкамъ, гдѣ феодальные владѣльцы страны часто упорствовали противъ могущественнѣйшихъ государей. Горы Виндіа содержатъ многочисленныя мѣсторожденія глинъ и металловъ, но пока изъ нихъ добываютъ только строевой камень, преимущественно песчаникъ, красный или бѣлый; въ Бундельхандѣ искатели алмазовъ промываютъ крупный песокъ, приносимый ручьями, бѣгущими съ холмовъ Панна.

Общая покатость трехугольнаго плоскогорья, заключающагося между цѣпью Аравали и хребтомъ Виндіа, направляется къ сѣверо-востоку; въ этомъ направленіи текутъ всѣ рѣки, получающія начало на этой возвышенности; полуденный край или валъ горъ пропускаетъ къ Нарбадѣ лишь незначительные потоки, по мѣстному *наллахъ*, пересыхающіе на цѣлые полгода. Главный потокъ плоскогорья Мальва, Чамбалъ, беретъ начало на высотѣ 615 метровъ, вблизи порога, съ котораго видна открывающаяся внизу долина Нарбады, и вскорѣ усиленный многочисленными притоками, извивается въ верхней области плато, затѣмъ спускается рядомъ водопадовъ въ Мокиндурскія ущелья. Послѣ соединенія съ Банасомъ, Чамбалъ становится широкою рѣкой, черезъ которую не могутъ переходить даже слоны и которая во время разливовъ катитъ больше воды, чѣмъ Джамна; общая длина его теченія не менѣе 920 километровъ. Другая значительная рѣка, Синдъ, впадаетъ въ Джамну непосредственно вслѣдъ за Чамбаломъ; мѣсто, гдѣ происходитъ это тройное сліяніе, или Тривени, есть одно изъ наиболѣе чтимыхъ святыхъ мѣстъ Индіи. Ниже, рѣчки Бетва, Кенъ, Тонсъ тоже спускаются съ плоскихъ возвышенностей къ Джамнѣ и Гангу, но ни одинъ изъ этихъ притоковъ не имѣетъ важности для судоходства; воды ихъ утилизируются только для орошенія прибрежныхъ мѣстностей.

Этнографическія группы, образующія племена или касты, очень многочисленны въ Раджпутанѣ и въ другихъ областяхъ плоскогорья и краевыхъ холмовъ; въ этой гористой странѣ, разрѣзанной на множество отдѣльныхъ долинъ, разнообразіе населеній соотвѣтствуетъ неровностямъ почвы. Здѣсь до сихъ поръ уцѣлѣли даже такія племена, которыя почти не смѣшались съ завоевателями, индусскими или мусульманскими, и которыхъ можно назвать коренными жителями или аборигенами, такъ какъ никакой историческій документъ, никакое преданіе не говоритъ о ихъ пришествіи въ край. Такъ, билійцы или билла разсказываютъ, что въ старину они владѣли плодородными долинами и равнинами, окружаю-

ЛАГОРЪ.

щими ихъ горныя крѣпости, и что они были мало-по-малу оттѣснены въ самыя дикія мѣстности ихъ родины; самое имя ихъ будто бы имѣетъ тотъ же смыслъ, что слово „изгнанникъ"; но принадлежатъ ли они къ дравидійцамъ, какъ населенія Южной Индіи [1]), или къ коларійцамъ, какъ бо́льшая часть племенъ нагорья? Мнѣнія этнологовъ Индіи расходятся по этому вопросу. Различныя, сохранившіяся до сихъ поръ, древнія церемоніи напоминаютъ еще о быломъ преобладаніи билей; такъ, напримѣръ, при совершеніи обряда коронованія раджпутскихъ князей или раджей, одинъ билiецъ, какъ представитель прежнихъ властителей, дѣлаетъ знакъ на челѣ коронующагося государя собственною кровью, которую онъ извлекаетъ у себя изъ большаго пальца на рукѣ и большаго пальца на ногѣ; этимъ обрядомъ онъ помазываетъ его на царство, какъ туземецъ, и передаетъ ему право владѣнія страной. Большинство бильскихъ племенъ, лишенныя земли, которая ихъ нѣкогда кормила, утратившія свою древнюю цивилизацію, долгое время не имѣли другихъ средствъ къ существованію, кромѣ разбойничества. Эти „воры Великаго Бога", какъ они сами себя величали, устраивали свои притоны на укрѣпленныхъ высотахъ, откуда неожиданно спускались и нападали врасплохъ на индусскія деревни или на купеческіе караваны; когда являлись большіе отряды войска, чтобы наказать ихъ за грабежи, билійцы умѣли укрыться отъ преслѣдованія, перебѣгая съ горы на гору; мелкимъ же экспедиціямъ, которыя предпринимались противъ нихъ подъ предводительствомъ раджпутскихъ феодаловъ, они оказывали мужественное сопротивленіе; хитростью и храбростью они успѣли сохраниться, какъ племена почти независимыя. Часть горъ Аравали, Багуръ или горная страна, граничащая на юго-западѣ съ плоскогорьемъ Мальва, земля Кандешъ, лежащая къ югу отъ рѣки Нарбады, наконецъ, почти всѣ высокія долины горъ Виндіа заняты еще бильскими племенами, которыя пользуются самоуправленіемъ, по которымъ отнынѣ воспрещено англичанами грабить сосѣднія территоріи; теперь дикари могутъ удовлетворять свои воинственные инстинкты не иначе, какъ поступая, въ качествѣ наемниковъ, въ ряды англійской арміи.

Число несмѣшанныхъ билей опредѣляютъ въ милліонъ слишкомъ. Они вообще средняго роста, гораздо менѣе стройны и красивы, чѣмъ индусы, но сильнѣе и проворнѣе ихъ. Цвѣтъ кожи у нихъ почти черный, носъ очень плоскій, глаза узкіе, но не скошенные, скулы мало выдающіяся; волоса, которые они обыкновенно повязываютъ простою веревочкой, длинные и гладкіе, но борода рѣдкая, растущая маленькими пучками вокругъ подбородка. Гнушаясь одеждой цивилизованныхъ, они носятъ обыкновенно одинъ передникъ, вмѣсто всякаго костюма, и ору-

[1]) *Dalton* „Ethnology of Bengal".

жіе, которое они употребляютъ, все еще обычное оружіе дикихъ—стрѣла, дротикъ, рогатина или охотничье копье. Билійцы обработываютъ землю, но любимыя ихъ занятія—рыбная ловля и охота; они рыскаютъ по горамъ въ погонѣ за дичью съ такою же горячностью, какую вносили прежде въ свою охоту на людей; они очень искусно умѣютъ подражать крикамъ звѣрей и птицъ, и посредствомъ этихъ звукоподражаній переговариваются между собою, не возбуждая вниманія путешественниковъ. Раздѣленія на касты у нихъ не существуетъ, но они признаютъ власть вождей или начальниковъ, назначаемыхъ старикамн племени. Ихъ религіозныя вѣрованія и обрядности восходятъ, по бо̀льшей части, къ эпохѣ, предшествующей арійскимъ вторженіямъ: они приносятъ животныхъ въ жертву священнымъ деревьямъ, окропляютъ кровью жертвенники изъ грубо отесаннаго камня, воздвигаемые по краямъ горныхъ тропинокъ, обмазываютъ ихъ красною охрой, другимъ символомъ жизни; изъ признательности къ желѣзу, которое дало имъ оружіе и земледѣльческія орудія, они вѣшаютъ на вѣтвяхъ деревьевъ острія копій и лемехи сохъ, и приносятъ имъ дары. Наконецъ, между богами браманскаго пантеона наибо̀льшимъ почитаніемъ у нихъ пользуется богъ обезьяна Гануманъ, словно они видятъ въ немъ представителя древнихъ, лишенныхъ своей земли и обездоленныхъ расъ [1]). Недавно нѣкоторыя бильскія племена взбунтовались противъ англійскихъ офицеровъ, которые разъѣзжали по ихъ территоріи безъ разрѣшенія. Въ силу мирнаго трактата, заключеннаго послѣ битвы, англичане обязались не производить переписи населенія, не мѣрять земель, отмѣнить половину податей, не учреждать никакихъ полицейскихъ постовъ, воспретить магометанамъ входъ въ нѣкоторыя священныя селенія билей. Одна изъ статей этого договора гласитъ, что англичане не потребуютъ ни отъ какой бильской женщины, чтобы она дала свѣсить себя на вѣсахъ [2]).

Биліи разнообразно смѣшались съ окружающими населеніями, и потому образуютъ различныя группы, приближающіяся болѣе или менѣе къ цивилизованнымъ обитателямъ равнины, тогда какъ одни остались чистыми, или „бѣлыми“, другіе сдѣлались „черными“, т. е. нечистыми. Майры или мугри, населяющіе сѣверныя долины горъ Аравали, въ числѣ трехсотъ или четырехсотъ тысячъ душъ, обыкновенно разсматриваются, какъ особенная народность, и самый край, гдѣ они живутъ, извѣстенъ, по ихъ имени, подъ названіемъ Майрвары; но большинство ихъ представляетъ тотъ же типъ, что̀ и биліи, и ихъ старинные обычаи, мало-

---

[1]) *Malcolm* „Memoir of Central India“; *Malleson* „Native States of India“; *Graham* „Historical Sketch of the Bheel tribes“; *Tod* „Annals of Rajasthan“; *L. Rousselet* „L'Inde des Rajahs“; „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 1874.

[2]) „Weekly Times“, june 1881.

по-малу покинутые для обычаевъ индусовъ, были такіе же, какъ и у ихъ южныхъ сосѣдей. Въ прежнее время ихъ обыкновенно называли, какъ и всѣхъ другихъ дикарей гористыхъ областей, уничижительнымъ прозвищемъ *палита*, или „люди *палей*", т. е. укрѣпленныхъ огороженныхъ поселеній, среди которыхъ ихъ жилища были раскиданы на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ одно отъ другого; также точно въ Европѣ названія „païens", „manants", „rustres" (мужичье, деревенщина) были первоначально даваемы обитателямъ глухихъ мѣстъ, захолустій. Подчиненные непосредственно англичанамъ уже болѣе полустолѣтія, майры принадлежатъ теперь къ числу тѣхъ населеній Индіи, которыя преобразовались всего быстрѣе. Почти всѣ они покинули свои *пали* и переселились въ долины; въ благопріятныхъ мѣстахъ ими были устроены запасные резервуары воды для орошенія земель, хорошія дороги развѣтвляются по всей странѣ Майрвара. Майры называютъ себя индусами и исполняютъ правила и обрядности брамапской вѣры, но безъ особеннаго усердія; даже тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ высшей кастѣ, ѣдятъ мясо и употребляютъ спиртные напитки. Мины, тоже бывшіе *палиты*, еще болѣе, чѣмъ майры, удалились отъ древняго типа аборигеновъ. Разсѣянные въ Джайпурскомъ королевствѣ, между горами Аравали и Джамной, преимущественно въ долинѣ Банаса, они смѣшались съ джатскими земледѣльцами, говорятъ ихъ индусскимъ нарѣчіемъ и придерживаются ихъ обычаевъ. Миновъ насчитываютъ болѣе двухсотъ тысячъ душъ.

Раджпуты, которые дали свое имя одной изъ странъ нагорья, равно какъ низменнымъ областямъ, лежащимъ къ западу отъ горъ Аравали,—вѣроятно, переселенцы, пришедшіе въ край послѣ первыхъ арійцевъ; хотя они сами себя величаютъ кшатріями и считаютъ себя потомками этой воинственной касты, хотя они указываютъ на одинъ изъ священныхъ индусскихъ городовъ, Аджодію, находящійся въ равнинахъ Ганга, какъ на мѣсто своего происхожденія, однако, между ними и кшатріями въ собственномъ смыслѣ существуетъ лишь косвенная связь. Оттѣсненные съ береговъ Ганга къ плоскимъ возвышенностямъ, они овладѣли нагорьемъ Мальва не ранѣе, какъ въ періодъ времени съ десятаго по двѣнадцатое столѣтіе христіанской эры. Всѣ вожди дружинъ стали называться раджпутами, „сынами одного отца"; но тотъ изъ нихъ, который производитъ свой родъ отъ коровы или змѣи, несомнѣнно принадлежитъ къ племени биль, гондъ или какому-либо другому изъ племенъ кореннаго населенія. Ихъ храбрость и успѣхъ, повсюду сопровождавшій ихъ оружіе, скоро облагородили ихъ и превратили въ „сугубо-благородныхъ" въ глазахъ арійскихъ обитателей страны; въ большей части государствъ „царскіе сыны" — таковъ буквальный смыслъ слова „раджпуты"—имѣютъ преимущество передъ браманами, если не по праву, то

на дѣлѣ. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что они соединялись черезъ браки съ старинными индусскими родами. Въ Индустанѣ нѣтъ ни одной княжеской фамиліи, которая не состояла бы въ родствѣ съ раджпутами, и во многихъ областяхъ Полуострова, особенно въ долинахъ Гималайскихъ горъ, царствующія фамиліи титулуютъ себя кшатріями-раджпутами. Но хотя раджпуты распространены во всѣхъ частяхъ Индіи, они, однако, нигдѣ не сгруппированы въ числѣ, на столько значительномъ, чтобы образовать большинство населенія; наибольшую численную важность раджпутскій элементъ имѣетъ въ Меварѣ и въ сѣверныхъ государствахъ Раджпутаны.

Со временъ нашествія „тридцать шесть“ *кула* или царскихъ родовъ, происшедшихъ отъ Солнца и Луны, сохранили свое дѣленіе на колѣна, или *сача*, и на кланы (*готра*) и подкланы (*кампа*), которые всѣ различаются особенными преданіями. На сѣверѣ и на сѣверо-западѣ господствуютъ раторы, люди, происшедшіе отъ *рата*, т. е. „спиннаго хребта“ Индры; это самые многочисленные. „Пятьдесятъ тысячъ мечей“— таково прозвище, которымъ часто обозначаютъ ихъ поколѣніе. На западѣ, въ оазисахъ пустыни Таръ, группируются батты; качвалы царствуютъ въ сѣверо-восточной части Раджпутаны; чауханы присвоили себѣ восточныя государства, а бунделы, порода очень смѣшанная съ туземными населеніями, основали княжества Бундельханда. Страна Меваръ, на югѣ, составляетъ владѣніе сасодіевъ, которые между всѣми раджпутами претендуютъ на наибольшую чистоту расы и выдаютъ себя за прямыхъ потомковъ Рамы, героя арійскихъ эпопей. Удайпурскій рана, или „великій царь“, почитается всѣми индусами, какъ представитель древней солнечной расы; хотя въ отношеніи могущества и богатства онъ далеко уступаетъ другимъ туземнымъ государямъ Индіи, но это не мѣшаетъ ему быть „Солнцемъ“ между царями: онъ одинъ только между раджами есть въ то же время жрецъ, и когда онъ вступаетъ въ храмъ боговъ, покровительствующихъ странѣ, онъ самъ совершаетъ обрядъ жертвоприношенія [1]). Бракъ второстепенныхъ государей съ его дочерьми составлялъ прежде единственную политическую связь между различными королевскими домами, и никогда „великій царь“ не унижался до того, чтобы уступить принцессу царской крови властвовавшимъ въ Дели мусульманскимъ императорамъ, въ обмѣнъ на титулы, сокровища или провинціи. Онъ предсѣдательствуетъ въ собраніяхъ государей, и всѣ раджпуты видятъ въ немъ непогрѣшимаго судію въ вопросахъ, касающихся этикета, ранговъ, оскорбленія чести, вопросахъ, которые волнуютъ „Царскихъ сыновъ“ гораздо сильнѣе, чѣмъ вопросы, относящіеся къ ученію или правиламъ и обрядностямъ вѣры. Обращенные въ браманскіе культы, раджпуты

[1]) *Tod*, цитированное сочиненіе.

вообще не выказываютъ религіознаго жара въ поклоненіи индусскимъ богамъ, но они еще чтутъ божество, которое нѣкогда привело ихъ къ покоренію Индіи; божество это — мечъ. Солдаты прежде всего, они заботятся только о томъ, чтобы держать въ повиновеніи порабощенныя расы; какъ потомки завоевателей, они всѣ благородные, и между ними бѣдные умѣютъ поддерживать нѣкоторое равенство въ своихъ отношеніяхъ съ богатыми. Впрочемъ, красавцы по бо́льшей части, высокіе и стройные, гордо носящіе голову, украшенную густыми шелковистыми и вьющимися волосами, которые составляютъ яркій контрастъ съ матовою бѣлизной кожи, раджпуты дѣйствительно имѣютъ видъ властителей среди представителей другихъ расъ; на войнѣ они сражаются не иначе, какъ верхомъ на конѣ, предшествуемые знаменами и барабанами. Раджпутскія женщины, очень кокетливыя, любятъ украшать себя разными драгоцѣнностями.

Воинственныя племена раджпутовъ, гордящіяся своею царскою кровью, сохранили до сихъ поръ многіе обычаи, напоминающіе феодальные вѣка Западной Европы. Въ бо́льшей части государствъ нагорья земля раздѣлена на лены, и владѣльцы этихъ помѣстій, свободно распоряжаясь продуктомъ урожая, обязаны въ отношеніи своего сюзерена только изъявленіемъ подданническаго долга или приношеніемъ кое-какихъ „плодовъ въ знакъ почтенія“ въ мирное время и несеніемъ личной службы въ военное время. Въ большіе праздники, вассалы, неся гербы феодальнаго владѣльца, съ традиціонными эмблемами, павлиномъ, львомъ или какимъ-нибудь другимъ животнымъ, толпятся вокругъ своего господина; подлѣ него фигурируетъ домашній поэтъ, воспѣвающій славу предковъ, битвы съ врагами, любовныя дѣла, богатство своихъ господъ; этотъ же трубадуръ исполняетъ функціи астролога, вопрошая созвѣздія, бросая жребій, и обязанности герольда, относя вызовы на бой или дружественныя посланія. Проникнутые рыцарскими чувствами, раджпуты, конечно, не уступали паладинамъ Запада въ геройской преданности дамамъ своихъ мыслей: „мужчинамъ надлежитъ совершать великія дѣла, женщинамъ— вдохновлять ихъ“, думали они, подобно рыцарямъ любовныхъ судовъ (cours d'amour). Они тоже, какъ и европейскіе рыцари, бравировали смертью, чтобы получить какой-нибудь цвѣтокъ, какую-нибудь бахрому отъ дамскаго шарфа; преслѣдуемой или обиженной дамѣ стоило только переслать избранному ею защитнику перстень или какой-либо другой символическій предметъ, чтобы тотчасъ же возгорѣлась ожесточенная война между племенами; и теперь еще бракъ никогда не заключается безъ того, чтобы невѣста не послала жениху кокосовый орѣхъ, эмблему своего выбора, и не надѣла ему на шею гирлянду цвѣтовъ; сдѣлавшись женой, она получаетъ титулъ „божественной“, и мужъ ничего не предпринимаетъ, не посовѣтовавшись съ нею. Взаимныя обязанности супру-

говъ состоятъ въ томъ, чтобы сохранять вѣрность другъ другу до самой смерти; однако, начальники племени не сжигали себя на могилахъ своихъ супругъ, какъ это дѣлали жены на кострѣ умершаго мужа. Исторія Раджпутаны есть не что иное, какъ длинный рядъ войнъ, веденныхъ изъ-за индійскихъ Еленъ; послѣдняя большая война, происходившая въ Раджпутанѣ передъ англійскимъ завоеваніемъ, кончилась отравленіемъ принцессы, которую оспаривали другъ у друга главные ленные владѣтели страны [1]).

Бракъ всегда долженъ былъ начинаться похищеніемъ невѣсты. Строго придерживаясь экзогамическаго (внѣ-племеннаго) брака, раджпуты не могли вступать въ супружество съ членами своего собственнаго клана; они всегда брали, да и теперь еще берутъ себѣ женъ изъ другого племени, или силой, или притворнымъ умыканіемъ. Но, въ своей безумной расовой гордости, раджпуты ни за что не хотѣли подвергаться такому страшному позору, чтобы видѣть своихъ дочерей замужемъ за людьми, стоящими ниже ихъ по благородству происхожденія; съ другой стороны, они считали своимъ священнѣйшимъ долгомъ, при совершеніи брака, выставить на показъ такую пышность, что на справленіе свадьбы уходило все ихъ состояніе, и чтобы избѣгнуть этой двойной опасности, они не придумали другого средства, кромѣ дѣтоубійства. Чудовищный обычай умерщвленія дѣтей женскаго пола былъ общераспространеннымъ, пока англичане не сдѣлались, черезъ своихъ резидентовъ, истинными господами страны. По свидѣтельству отчета, опубликованнаго въ 1818 году однимъ бомбейскимъ литературнымъ обществомъ, въ восьми тысячахъ семействъ одного раджпутскаго округа оставалось еще въ живыхъ всего только около шестидесяти дѣвочекъ и дѣвушекъ. Таково было заблужденіе ума, порожденное этимъ ужаснымъ обычаемъ, что иные родители, давъ своимъ дочерямъ дожить до возраста возмужалости, убивали ихъ тогда, дабы избавить ихъ и себя отъ возможнаго безчестія, какимъ они считали неравный бракъ. Одно только племя раджпутовъ, обитателей пустыни, соданы, принявшіе магометанскую вѣру, оставалось вѣрнымъ гуманнымъ правамъ предковъ, воздерживаясь отъ умерщвленія дочерей. Оттого соданы съ незапамятныхъ временъ пользовались своего рода монополіей, снабжая супругами благородныхъ феодаловъ Кача и Раджпутаны. Такъ какъ соданскія дѣвушки во всей странѣ славятся красотой, граціей и умомъ, то начальники племенъ, даже очень дальнихъ, считаютъ за честь идти искать себѣ жену въ томъ краю, и даже нерѣдки случаи, когда они предлагаютъ очень дорогое вѣно за свою невѣсту, иногда до 25.000 франк. Тогда какъ въ другихъ частяхъ Индіи отцы хвастаются только сыновьями, соданы, напротивъ, тѣмъ больше гордятся, чѣмъ больше у нихъ дочерей [2]).

[1]) *Tod* „Annals of Rajasthan".
[2]) *Bartle Frere* „Journal of the Geographical Society of London", 1870.

Совершенный почти недостатокъ женщинъ въ раджпутскихъ племенахъ плоскогорья, естественно, имѣлъ слѣдствіемъ возникновеніе большаго числа смѣшанныхъ племенъ, раджпутскихъ по отцамъ, бильскихъ, майрскихъ или минасскихъ по матерямъ. У этихъ „полу-кровныхъ" племенъ, нравы и учрежденія были тѣ же самые, какъ и у чистокровныхъ раджпутовъ, и дѣтоубійство, даже человѣческія жертвоприношенія практиковались тамъ еще недавно. До 1833 года существовалъ и исполнялся обычай закалывать одного метиса, происшедшаго отъ раджпута и биля, каждый разъ, когда Удайпурскій рана собирался переправиться черезъ рѣку: кровь жертвы, смѣшиваясь съ водами, должна была умилостивить злыхъ боговъ и отвратить ихъ гнѣвъ отъ главы „великаго царя" [1]. Между племенами нѣкоторыя номинально исповѣдуютъ мусульманскую вѣру, но жизнь ихъ регулируется не столько правилами ислама, сколько стародавними обычаями. Опіумъ, культура котораго составляетъ одну изъ главныхъ отраслей земледѣлія на плоской возвышенности Мальва, есть бичъ всего населенія, всѣхъ расъ и народностей страны. „Приняли ли вы опіума?"—таковъ первый вопросъ, съ которымъ здѣсь обращаются другъ къ другу знакомые при встрѣчѣ [2].

Кромѣ раджпутовъ и аборигеновъ (первобытныхъ или коренныхъ жителей), всѣ индусскія расы имѣютъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, своихъ представителей въ краѣ. Брамановъ тамъ очень много, и одна изъ ихъ фамилій завѣдуетъ архивами раджпутскаго дворянства. Крупная торговля сосредоточена въ рукахъ сараваковъ или джайновъ. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, джаты или гуджары обработываютъ почву; на востокѣ, классъ земледѣльцевъ тоже состоитъ изъ индусскихъ переселенцевъ различныхъ кастъ; на югѣ, кумбіи, судіи и куліи или коли, пришедшіе изъ гудзератскихъ низменностей, колонизовали край. Каста грассіевъ, которая прежде присвоивала себѣ право брать выкупъ со всѣхъ путешественниковъ, представлена въ Мальвѣ, какъ и въ Гудзератѣ, нѣсколькими племенами; но тамъ живутъ также и чаруны, потомки тѣхъ неприкосновенныхъ проводниковъ и охранителей, которые ручались за безопасность жизни и имущества всѣхъ ввѣренныхъ имъ лицъ. До постройки большихъ дорогъ и рельсовыхъ путей вся торговля Раджпутаны и Мальвы производилась чрезъ посредство банджаровъ, кочевниковъ, въ которыхъ очень многіе англійскіе этнологи видятъ соплеменниковъ европейскихъ цыганъ. Банджары, которые между всѣми индусами отличаются красотой, силой и ловкостью, соединены въ племена или, вѣрнѣе сказать, въ караваны, не имѣющіе другого отечества, кромѣ большихъ дорогъ. Нѣкоторыя банджарскія племена, какъ, напримѣръ, племя гохаръ

[1] *Malleson* „Native States of India".
[2] *Tod* „цитированное сочиненіе".

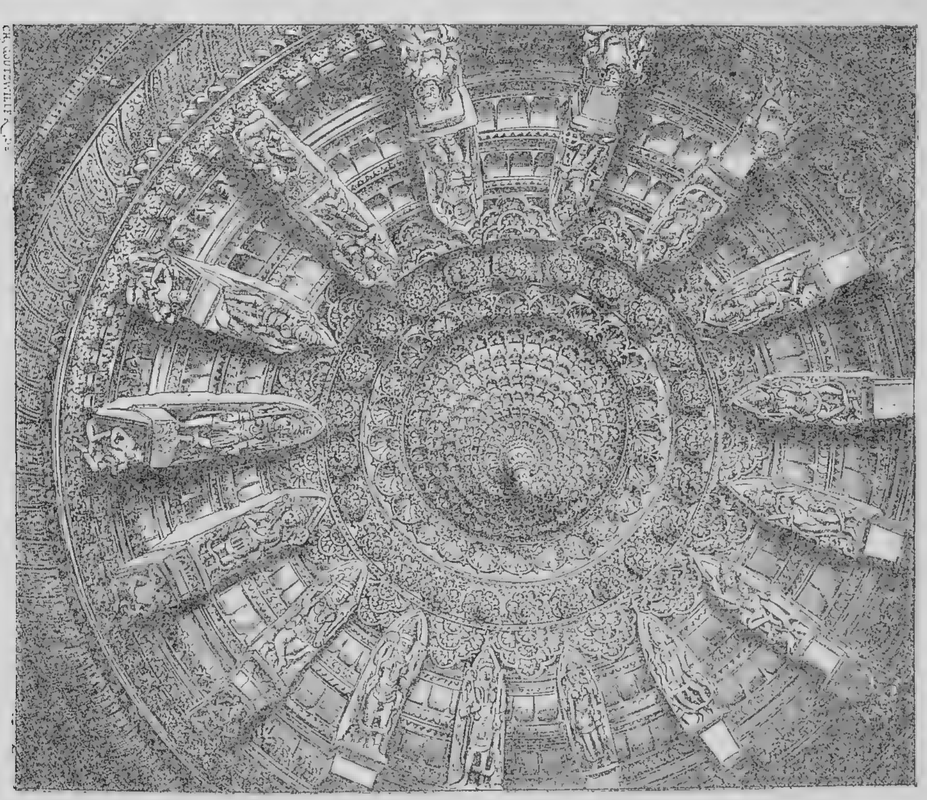
или ламбади, съ незапамятныхъ временъ занимаются исключительно перевозкой предметовъ продовольствія. Въ качествѣ раздавателей хлѣба, они имѣютъ почти священный характеръ и пользуются полною неприкосновенностью; въ недалекомъ прошломъ, когда еще междоусобныя вoйны опустошали страны нагорья, они могли проходить черезъ мѣста расположенія воюющихъ армій безъ всякой опасности для своихъ каравановъ. Обозы ихъ состоятъ иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ воловъ, впереди которыхъ идетъ быкъ-вожакъ, покрытый попонами и увѣшанный разными украшеніями, почитаемый въ нѣкоторомъ родѣ богомъ каравана; къ его ногамъ приносятъ больныхъ, чтобы возвратить имъ здоровье, къ нему же приходятъ женихъ съ невѣстой, чтобы освятить свой брачный союзъ. Въ прежнее время банджарамъ достаточно было привязать къ рогамъ воловъ списокъ перевозимыхъ караваномъ товаровъ, чтобы входить въ города̀, не подвергаясь никакимъ осмотрамъ со стороны таможенныхъ чиновъ,—такъ хорошо всѣмъ была извѣстна честность этихъ кочевыхъ купцовъ [1]).

Въ этихъ туземныхъ государствахъ, гдѣ до сихъ поръ еще удержались внѣшнія формы феодальнаго порядка, города сохранили воинственную физіономію, какую имѣли также средневѣковые города Западной Европы. Всѣ они—столицы раджей или ихъ вассаловъ, сгруппировавшія свои дома̀ на скатахъ холма, вокругъ гребня или какого-нибудь уединеннаго утеса, на которомъ высятся зубчатыя стѣны и башни крѣпости. Живописныя строенія пріютившагося на горѣ укрѣпленнаго за̀мка сами по себѣ имѣютъ болѣе внушительный видъ, болѣе бросаются въ глаза, чѣмъ весь остальной городъ, представляющій безпорядочный хаосъ лачугъ, изъ массы которыхъ тамъ и сямъ поднимаются куполы храмовъ. Впрочемъ, во многихъ городахъ князья, живущіе отнынѣ въ мирѣ со своими сосѣдями, спустились изъ своего кремля, чтобы построить себѣ дворецъ на склонахъ холма или даже въ равнинѣ, среди зелени парковъ, на берегу священныхъ прудовъ. Предмѣстья, также какъ и главная часть города, выстроились вокругъ резиденціи начальника, и даже въ окрестностяхъ, среди полей, *чати* или маленькіе куполы, поддерживаемые колоннами, напоминаютъ прохожимъ славу раджпутскихъ князей: это надгробные памятники, воздвигнутые надъ прахомъ царей и вельможъ, тѣла которыхъ прежде сжигались вмѣстѣ съ ихъ женами и невольниками. Въ цѣломъ, раджпутская архитектура представляетъ самобытный характеръ: дворцы Раджпутаны вовсе не простыя копіи зданій Пенджаба, Дели или Гудзерата; напротивъ, они имѣютъ свой собственный, оригинальный стиль, соединяющій простоту главныхъ линій съ изяществомъ и тщатель-

[1]) *Roerts* „De Dehli à Bombay“; *Tod* „Annals of Rajasthan“; *L. Rousselet* „Tableau des races de l'Inde centrale“.

ною отдѣлкой деталей. Одну изъ отличительныхъ чертъ этого зодчества составляетъ навѣсъ въ формѣ полумѣсяца, окружающій верхнюю часть оконъ или окаймляющій начало куполовъ.

Городъ на горѣ Абу, лѣтняя столица англичанъ, на территоріи, уступленной сирохскимъ раджей, есть одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе прославились блескомъ и великолѣпіемъ своихъ архитектурныхъ памятниковъ. Храмы Девальра, находящіеся почти въ 2 километрахъ на сѣверъ отъ англійской резиденціи, принадлежатъ къ числу богатѣйшихъ

Плафонъ джаинскаго храма.

святилищъ джайновъ; особенно двѣ изъ этихъ пагодъ, построенныя изъ бѣлаго мрамора, въ періодъ времени съ одиннадцатаго по тринадцатое столѣтіе, представляютъ чудо орнаментаціи, и едва ли гдѣ-нибудь можно встрѣтить болѣе изящную, болѣе тонкую отдѣлку и рѣзьбу камня [1]). Нѣкогда въ сосѣдней равнинѣ, прилегающей съ юго-запада къ горѣ Абу, стоялъ одинъ изъ главныхъ городовъ Индіи, Чандравати; но теперь видны только груды развалинъ и мусора на мѣстѣ древнихъ храмовъ и дворцовъ. Сирохи, главный городъ раджпутскаго государства того же имени,

[1]) *Fergusson* „History of Indian and Eastern Architecture“.

славящійся своими оружейными заводами, занимаетъ одинъ отрогъ на сѣверѣ горы Абу, а въ сосѣдствѣ пустыни, аванпостъ англичанъ, городъ Эринпуръ, названный такъ сынами „Зеленаго Эрина"[1]) (ирландцами) наблюдаетъ за границами Марвара. На одномъ изъ самыхъ высокихъ гребней горъ Аравали, на высотѣ 1.022 метровъ, крѣпость Кумульмиръ представляетъ собою цѣлый міръ бастіоновъ, башенъ, храмовъ, дворцовъ, увѣнчанный Бадульмагалемъ, или „Дворцомъ облаковъ". Нынѣшняя столица Мевара, Удайпуръ, находится на востокѣ, близъ истоковъ рѣки Банасъ; раджпутанская желѣзная дорога оставляетъ этотъ городъ въ сторонѣ, чтобы обогнуть вершины горы Абу.

„Городъ Утренней Зари"—таково буквальное значеніе имени Удіапура (Удайпуръ)—есть одинъ изъ новыхъ городовъ Индіи, ибо основаніе его относится къ послѣдней половинѣ шестнадцатаго столѣтія; но дворецъ его—самое обширное, самое красивое и самое пышное зданіе этого рода на всемъ Полуостровѣ; онъ построенъ изъ гранита и мрамора и частью поддерживается рядами аркадъ; его террасы, павильоны и сады отражаются въ зеркальной поверхности озера, искусственнаго бассейна, наполняемаго рѣкой Банасъ и вòды котораго служатъ для орошенія окружающихъ садовъ. Недалеко отъ Удайпура находится Агаръ, городъ мертвыхъ, построенный на мѣстѣ, гдѣ стояла одна древняя столица. Въ этомъ некрополѣ покоится прахъ царей-Солнцъ, потомковъ Рамы, подъ мраморными куполами, между колоннами и балюстрадами, украшенными рѣзьбой и разными изваяніями; эти маленькіе храмы прикрываютъ въ одно и то же время погребальные костры и гробницы царскихъ женъ. На сѣверо-востокѣ Мевара встрѣчаемъ другой городъ руинъ, расположенный тоже на берегу рѣки Банасъ, какъ и Удайпуръ: это волшебный Читторъ, „Зонтикъ Земли", который долгое время былъ резиденціей государей Сусудіа. По свидѣтельству Томаса Ро, бывшаго посломъ Англіи при дворѣ Великаго Монгола въ началѣ семнадцатаго столѣтія, этотъ городъ заключалъ въ своей чертѣ сто тысячъ каменныхъ домовъ. Древняя крѣпость расположена на вершинѣ узкаго холма, имѣющаго около 5 километровъ длины и отъ 90 до 120 метровъ высоты надъ сосѣдними равнинами. Пространсто, заключающееся въ этой зубчатой оградѣ, съ большими круглыми башнями по бокамъ, поросло теперь терніями и колючими деревьями, но среди этого джунгля стоитъ еще болѣе трехсотъ зданій, хорошо сохранившихся, храмовъ и дворцовъ, колоннъ и гробницъ, блескомъ своей архитектуры составляющихъ яркій контрастъ съ убогими хижинами нынѣшнихъ обитателей, построенными изъ глины, смѣшанной съ соломою; груды развалинъ, убранныя гирляндами терновыхъ кустовъ, покрываютъ почву; колонны и статуи лежатъ на берегу

[1]) *Glardon* „Mon voyage aux Indes orientales".

прудовъ, изъ которыхъ въ былыя времена били фонтаны и которые теперь на половину засыпаны обломками. Читторъ, „построенный самимъ Индрой“, представляетъ цѣлый лабиринтъ памятниковъ, замѣчательныхъ какъ красотой и симметріей пропорцій, такъ и безконечною тонкостью, изяществомъ отдѣлки деталей; но архитектурное чудо этого покинутаго города, Хиратъ-Хумбъ, или „Башня Побѣды“, воздвигнутая царемъ Хумбу въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, по формѣ, есть, безспорно, единственный во всемъ свѣтѣ памятникъ этого рода: никакая другая тріумфальная башня не могла служить образцомъ ея зодчему; это колоссальная квадратная призма въ 37 метровъ или 17 саженъ вышины, при 10 метрахъ (14 аршинъ) въ каждой сторонѣ основанія, раздѣленная на девять этажей съ колоннами, отдѣленныхъ одинъ отъ другого рѣзными кордонами и увѣнчанныхъ короною въ родѣ папской тіары; камень этого памятника, вырѣзанный рельефно, украсился тысячами статуй [1]).

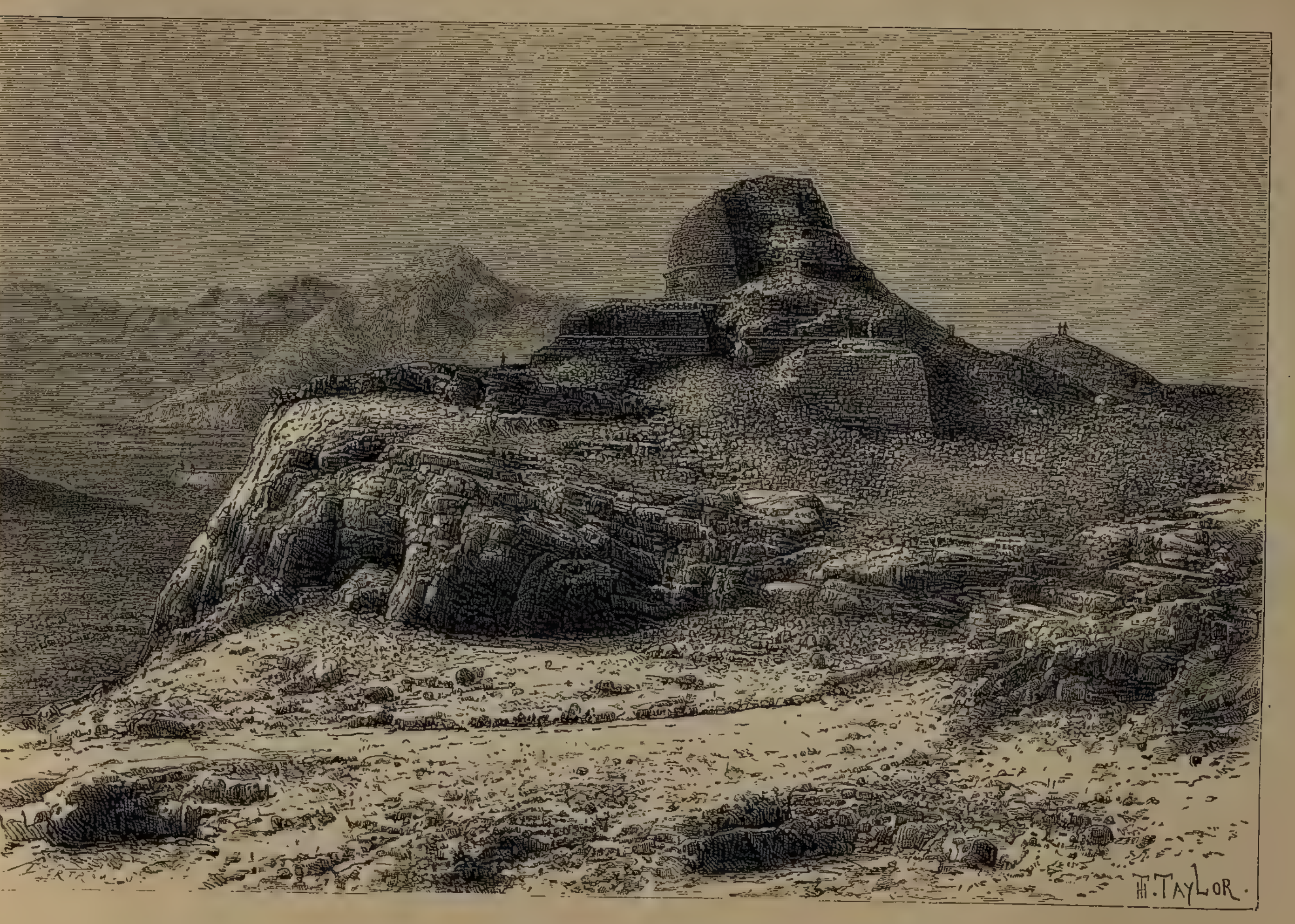
Городъ Туланти, расположенный у подножія Читторской скалы, смѣнилъ собою древнюю столицу, но онъ не имѣетъ теперь сколько-нибудь важнаго значенія. Торговая дѣятельность края, сосредоточенная нѣкогда въ городѣ Бильвара, лежащемъ къ сѣверу отъ Читтора, перешла на югъ, въ англійскій военный городъ Нимачъ, центральное мѣсто расположенія войскъ въ землѣ раджпутовъ, между долиной Банаса и долиной Чамбала. На сѣверѣ, въ области горъ Аравали, первенствующая роль въ ряду городскихъ поселеній принадлежитъ тоже англійскому городу, древнему Аджмиру (Аджамида), который сдѣлался столицей британскихъ владѣній въ странѣ Майрвара и мѣстомъ соединенія трехъ желѣзныхъ дорогъ, проникающихъ съ разныхъ сторонъ въ Раджпутану. Это городъ базаровъ, также какъ сосѣдній съ нимъ Назирабадъ, и нѣкоторые изъ великолѣпныхъ палаццо, построенныхъ въ новѣйшее время богатыми купцами джайнами, въ стилѣ цвѣтущаго періода раджпутскаго искусства, принадлежатъ къ числу самыхъ пышныхъ дворцовъ Индіи. Древнихъ памятниковъ въ Аджмирѣ мало, но тѣ, которые существуютъ, достойны сравниться съ Читторскими храмами и дворцами, и сверхъ того большую красу придаютъ Аджмиру окружающіе живописные холмы, его озеро, окаймленное террасами и павильонами, его рощицы, его поля розъ, роскошный „Садъ Великолѣпія“, среди котораго монгольскіе императоры воздвигли свой замокъ, сдѣлавшійся теперь резиденціей британскаго губернатора. Лѣтній городъ группируетъ свои виллы и дачи вокругъ крѣпости Тарагаръ, господствующей надъ городомъ съ вершины горы, возвышающейся на 400 метровъ. Въ окрестностяхъ Аджмира, въ 15 километрахъ отъ него къ западу, на границахъ пустыни, находится другое чудо Индустана—священное озеро Пошкуръ, бассейнъ овальной формы,

[1]) *Tod* „Annals of Rajasthan“; *L. Rousselet* „L'Inde des Rajahs“.

окруженный холмами и дюнами: это одно изъ наиболѣе посѣщаемыхъ пилигримами святыхъ мѣстъ Полуострова. Браманы, живущіе по-царски въ пошкурскихъ дворцахъ, обогатились сокровищами, приносимыми изъ всѣхъ частей Индіи усердными богомольцами; раджпутскіе князья, когда они еще не были разорены войнами и не были вынуждены соблюдать экономію въ своемъ бюджетѣ подъ гнетомъ ревниваго надзора англійскаго правительства, соперничали другъ съ другомъ въ щедрости по отношенію къ этимъ охранителямъ святаго мѣста. Озеро окружено храмами, павильонами, башенками, галлереями, нависшими надъ скатертью водъ, мраморными лѣстницами, спускающимися въ самую воду; сохранились даже остатки какихъ-то древнихъ построекъ, находящихся ниже нынѣшняго уровня священнаго озера. Аджмиръ—умственный и литературный центръ Раджастана, и англійское правительство основало тамъ два лицея, принадлежащіе теперь къ числу важнѣйшихъ казенныхъ учебныхъ заведеній Индіи, изъ которыхъ „Mayo-college" (названный такъ въ честь лорда Майо, бывшаго вице-короля)—одна изъ тѣхъ аристократическихъ школъ, куда принимаются только сыновья раджей, пріучаемые тамъ къ тщеславному повиновенію ихъ европейскими наставниками.

Джайпуръ не былъ выбранъ англичанами административнымъ центромъ Раджпутаны и есть лишь столица маленькаго медіатизированнаго государства, но, тѣмъ не менѣе, онъ самый многолюдный городъ всего плоскогорья и съ гордостью называетъ себя „Парижемъ Индіи", самымъ красивымъ и наилучше содержимымъ городомъ во всей странѣ между Индомъ и Гангомъ [1]). Основанный въ 1729 году, онъ не имѣетъ такого живописнаго вида, какъ другія столицы Раджастана; онъ построенъ въ равнинѣ, повидимому, бывшей нѣкогда озеромъ, и показываетъ лишь тамъ и сямъ верхушки башень и храмовъ, выглядывающія изъ-за зубчатыхъ стѣнъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Внутри онъ раздѣленъ на правильные островки широкими улицами, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ; всѣ дома изъ гранита или мрамора. Если самый городъ построенъ по монументальному плану, то ни одно изъ его зданій не отличается оригинальнымъ стилемъ или великолѣпіемъ; обширный дворецъ представляетъ кучу построекъ безъ вкуса, но расположенныхъ среди великолѣпныхъ садовъ; главная достопримѣчательность города—обсерваторія, основанная Джай-сингомъ, строителемъ города. Замѣчательныя зданія находятся въ древней столицѣ, Амберѣ, лежащей въ семи километрахъ къ сѣверу-востоку, на восточномъ склонѣ „Черныхъ горъ", или Кали-хо, и соединенной съ новымъ городомъ (Джайпуромъ) линіей укрѣпленій. Эта столица была нѣкогда „Всеобщею Матерью", „Царицей Горъ". Предоставленный теперь въ пользованіе факирамъ и обезьянамъ,

[1]) *Drew Gay* „From the Pall-Mall to the Penjaub".

РАЗВАЛИНЫ СТУПА ВЪ ХАЙБЕРСКОМЪ ПРОХОДѢ.

его единственнымъ обитателямъ, древній Амберъ имѣетъ тѣмъ болѣе красивый видъ, что его позолоченные куполы, его разноцвѣтные павильоны на-половину прикрыты зеленью; въ пазахъ между мраморными плитами укрѣпились корни деревьевъ, ліаны обвиваются вокругъ колоннъ, вода фонтановъ струится извилистыми ручейками черезъ залы дворцовъ, между стѣнъ, украшенныхъ рѣзьбой изъ слоновой кости и драгоцѣннаго дерева. Нигдѣ природа не возвышаетъ болѣе живописно красу и прелесть этой пышной архитектуры, которая сдѣлала Раджастанъ одною изъ обѣтованныхъ земель художника. Сѣверные города, находящіеся въ сосѣдствѣ съ равнинами рѣки Джамны, Альваръ (Ульвуръ), Дигъ, Бартпуръ или Баратпуръ, столица легендарнаго царя Бараты, тоже заключаютъ въ своихъ стѣнахъ великолѣпные дворцы, изъ которыхъ иные представляютъ руины, другіе еще стоятъ въ цѣлости. Бартпурская крѣпость долго сопротивлялась англичанамъ и была взята только въ 1826 году, когда противъ нея выставили двадцати-пятитысячную армію.

На востокѣ Раджпутаны бассейнъ рѣки Чамбалъ едва ли менѣе богатъ монументальными строеніями, еще обитаемыми или оставленными дикимъ звѣрямъ. Одинъ изъ покинутыхъ городовъ, Манду—единственный въ своемъ родѣ по обширности протяженія и красотѣ мѣстоположенія. Расположенный на полуденномъ выступѣ или мысѣ горъ Виндіа, который соединенъ съ массивомъ узкимъ кряжемъ и поднимается на 500 метровъ надъ глубокою долиной, гдѣ извивается рѣка Нарбада или Нербудда, Манду имѣетъ не менѣе 60 километровъ въ окружности; онъ занимаетъ пространство въ два раза бо̀льшее, чѣмъ Парижъ, но во всей этой громадной оградѣ теперь находится только одна маленькая деревня, затерянная среди лѣсовъ; нѣсколько дикихъ билей да нищихъ монаховъ—вотъ единственные человѣческіе обитатели бывшей столицы плоскогорья Мальвы, и тигры, леопарды, медвѣди устроили себѣ логовища подъ чащей густой растительности, среди развалинъ былаго величія; плато, на которомъ была раскинута эта метрополія, превратилось въ огромный паркъ для охоты. Однако, тамъ уцѣлѣли еще многія очень красивыя зданія, дворцы и мечети, и особенно баоли, т. е. многоэтажныя галлереи съ колоннами, спускающіяся въ глубины скалы до текущей воды. Свою первенствующую роль, какъ главный городъ Мальвы, Манду утратилъ въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, Джехангиръ, монгольскій государь, большой любитель красивыхъ мѣстоположеній, перенесъ на нѣкоторое время свою резиденцію на плато Манду; но послѣ прохода маратскихъ опустошителей городъ былъ окончательно покинутъ; мраморы его употребляются теперь на выдѣлку извести для построекъ Дара, маленькой столицы княжества, находящейся сѣвернѣе Манду, на одномъ изъ притоковъ Чамбала.

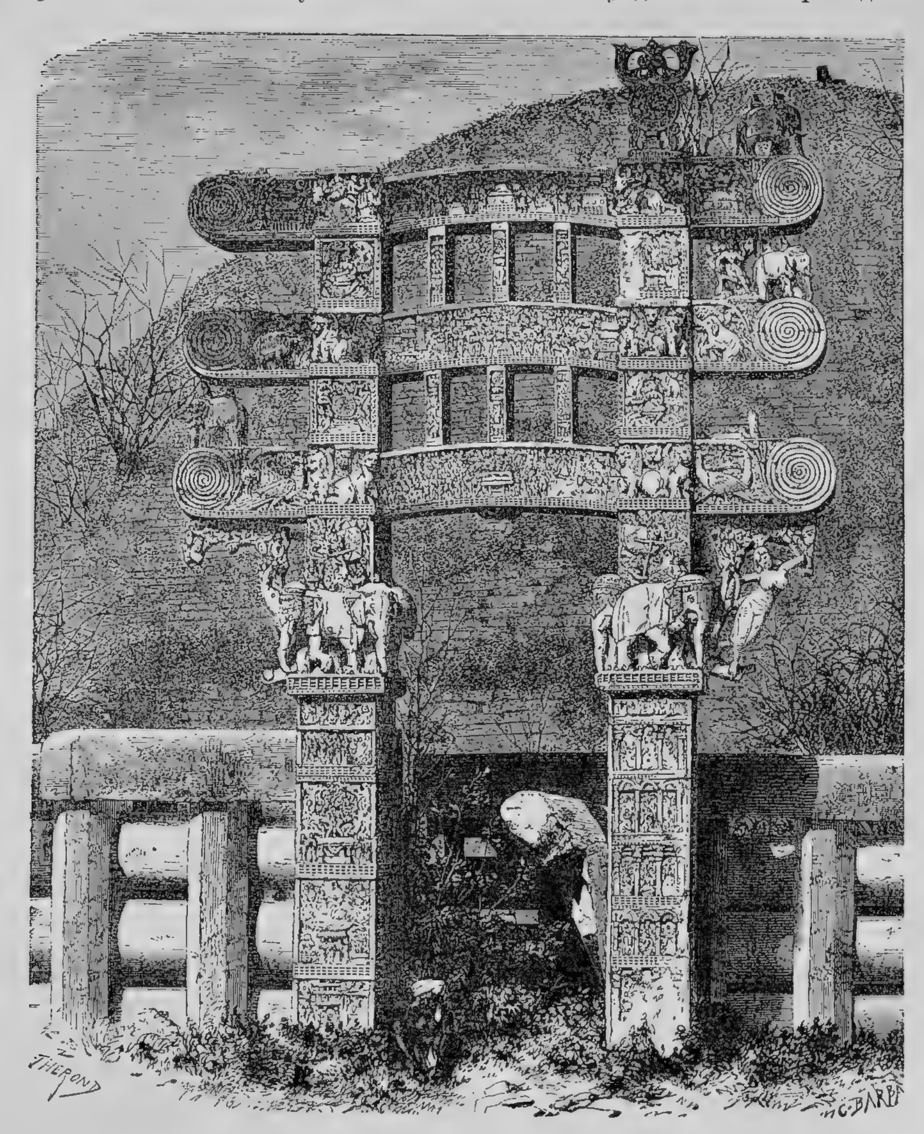
Индоръ, основанный въ недавнее время, теперь самый цвѣтущій

городъ во всемъ бассейнѣ верхняго теченія Чамбала. Главный городъ одного изъ самыхъ могущественныхъ медіатизированныхъ княжествъ плоскогорья Мальва, онъ сдѣлался центромъ отпускной торговли опіумомъ; въ 1878 году онъ поставилъ англійскому правительству этого продукта на сумму свыше 26 милліоновъ франковъ. Индоръ есть мѣстопребываніе одного изъ тѣхъ колледжей (лицеевъ) для раджъ, гдѣ сыновья туземныхъ государей пріучаются къ своей роли англійскихъ ленниковъ. Мао, одинъ изъ важнѣйшихъ военныхъ постовъ Индіи, наблюдаетъ на югѣ за Индорскою крѣпостью, и соединенъ желѣзною дорогою съ главными мѣстами расположенія войскъ въ Раджпутанѣ, съ Нимачемъ и Назирабадомъ. Эта желѣзная дорога, построенная преимущественно какъ стратегическая линія, оставляетъ въ сторонѣ важнѣйшій городъ страны; одинъ изъ „семи священныхъ городовъ Полуострова", знаменитый Удджейнъ, гдѣ царствовалъ славнѣйшій изъ государей, извѣстныхъ подъ именемъ Викрамадитіа, тотъ самый, годъ рожденія котораго принимается за начало индусскаго лѣтосчисленія. Черезъ этотъ же городъ индійскіе географы проводили свой первый меридіанъ, чтобы направить его на югъ къ Ланкѣ или Цейлону, на сѣверъ къ горѣ Меру [1]). Джай-Сингъ основалъ въ Удджейнѣ обсерваторію съ тою цѣлью, чтобы производимыя тамъ вычисленія можно было сравнить съ вычисленіями, полученными на обсерваторіяхъ Джайпура, Дели, Бенареса. Руины стараго города Удджейнъ, затерянныя среди садовъ, виднѣются на сѣверѣ отъ нынѣшней городской ограды; впрочемъ, въ новомъ городѣ показываютъ, близь дворца, ворота, составлявшія, какъ говорятъ, часть зàмка царя Викрамадитіа. На среднемъ Чамбалѣ, недалеко отъ *чаоли*, или знаменитаго „водворота", образуемаго этою рѣкой, нѣкогда стоялъ большой храмъ Бароллп, отъ котораго теперь остались только нѣкоторыя отдѣльныя части; но между этими фрагментами есть великолѣпнѣйшія произведенія архитектурнаго искусства, между прочимъ, колонны, стержень которыхъ сдѣланъ изъ четырехъ статуй женщинъ [2]). На западѣ, городъ Бунди, резиденція одного раджпутскаго государя, расположенъ у подножія горы, на которой высится цѣлая группа дворцовъ, соперничающихъ красотой съ дворцами Удайпура.

Самымъ значительнымъ медіатизированнымъ государствомъ этой области Индіи считается то, которымъ управляетъ династія Синдіевъ, потомковъ маратскихъ „носителей туфлей", сдѣлавшихся завоевателями Сѣверной Раджпутаны. Столица его, городъ Гваліоръ, находится въ небольшомъ разстояніи отъ равнинъ Джамны, между долинами Чамбала и Синда. Надъ городомъ или, вѣрнѣе сказать, двумя отдѣльными городами, сѣвернымъ и южнымъ, высится песчаниковая скала, длиною около 2.500

[1]) *Reinaud* „Mémoire géographique, historique et scientifique sur l'Inde", 1849.
[2]) *Tod* „Annals of Rajahstan".

метровъ, при 300 метрахъ ширины, поднимающаяся надъ сосѣдними равнинами на 100 слишкомъ метровъ въ самомъ высокомъ мѣстѣ: въ нѣкоторыхъ частяхъ этой каменной горы стѣны вертикальны или даже переходятъ за отвѣсную линію. Изъ всѣхъ уединенныхъ громадныхъ

Портикъ санчской ступы.

глыбъ камня, которыми усѣяна эта страна и изъ которыхъ каждая носитъ на своей вершинѣ крѣпость, ни одна не была лучше приспособлена къ основанію обширной твердыни, и всякаго рода крѣпостныя сооруженія, нагроможденныя на этой исполинской скалѣ, показываютъ, что жители края умѣли оцѣнить стратегическую важность этой позиціи;

они, очевидно, тоже были поражены красотой этихъ бѣлыхъ стѣнъ, составляющихъ яркій контрастъ съ зеленѣющими полями и домами равнины; колоссальныя фигуры боговъ, изсѣченныя рельефно въ камнѣ, свидѣтельствуютъ о ихъ благоговѣніи къ этому священному мѣсту. Начиная съ восьмого столѣтія христіанской эры, фортъ, построенный на Гваліорской скалѣ, былъ во всѣ времена однимъ изъ тѣхъ стратегическихъ пунктовъ, которые обладатели Индіи оспаривали другъ у друга съ наибо̀льшимъ ожесточеніемъ, и въ это послѣднее время англичане прибавили къ нему еще новыя укрѣпленія. Великолѣпный дворецъ, построенный въ цвѣтущій періодъ индусскаго искусства, т. е. въ концѣ пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, вѣнчаетъ часть скалы и примыкаетъ къ другимъ постройкамъ, которыя составляютъ, съ своими башнями, угловыми павильонами, куполами, террасами съ колоннами, фасадами, украшенными рѣзьбой и изваяніями, ансамбль зданій самый живописный во всей Индіи. Многочисленные храмы джайновъ, вишнуитовъ (поклонниковъ Вишну), сиваитовъ (поклонниковъ Сивы), принадлежащіе къ различнымъ эпохамъ, тоже составляютъ часть обширнаго архитектурнаго музея, собраннаго въ Гваліорѣ, и даже во внутренности скалы находится около сотни изсѣченныхъ въ камнѣ святилищъ, иныя въ формѣ простой ниши, другія въ видѣ длинной галереи, заключающихъ много любопытныхъ джайнскихъ изваяній, изъ которыхъ одно имѣетъ не менѣе 17 метровъ въ вышину. Англійскій военный городъ Мораръ, стоящій въ равнинѣ, верстахъ въ 6 къ востоку отъ Гваліорской скалы, наблюдаетъ за столицей Синдіи. На юго-востокѣ англичане тоже поставили свои гарнизоны въ окрестностяхъ городовъ Датія и Джанси. Оба эти города расположены у подошвы высокихъ скалъ, на вершинѣ которыхъ стоятъ старинныя крѣпости. Въ десяти километрахъ къ сѣверо-востоку отъ города Датія, на холмѣ, окруженномъ отдѣльно лежащими каменными глыбами или скалами, высятся восемьдесятъ джайнскихъ храмовъ Сунагара, или „Золотаго за̀мка“, относящіеся къ различнымъ эпохамъ, начиная съ тринадцатаго столѣтія, и различающіеся между собою архитектурнымъ стилемъ: линія горизонта прерывается сотнями купо̀ловъ, шатрій, шпицевъ, колоколенокъ, плоскихъ луковицеобразныхъ главъ, напоминающихъ главы русскихъ церквей [1]).

Памятники отдаленныхъ вѣковъ, болѣе древніе, чѣмъ храмы и дворцы Гваліора, привлекаютъ путешественниковъ въ верхнюю долину рѣки Бетвы. Тамъ находятся остатки буддійской архитектуры, самые полные и самые интересные, какіе только существуютъ въ Индіи, и нѣкоторые изъ нихъ даже превосходятъ, по изяществу и совершенству скульптурныхъ работъ, все, что̀ сдѣлали въ другія эпохи художники Полуострова. Между двумя городами, Бопаломъ и Бильсой, изъ которыхъ послѣдній славится своимъ

[1]) *R. Lousselet* „L'Inde des Rajahs“.

табаководствомъ, простирается почти необитаемая область, гдѣ группируются отдѣльными массивами около шестидесяти буддійскихъ ступъ, такъ сказать, вновь открытыхъ, въ 1822 году, англійскими путешественниками. Эти высокія искусственныя горки, которымъ вообще даютъ названіе *Bhilsa topes*, не были, конечно, самые большіе изъ кургановъ, воздвигнутыхъ буддистами, ибо исторія упоминаетъ о многихъ подобныхъ насыпяхъ, размѣры которыхъ были гораздо значительнѣе; но грандіозные памятники, находившіеся въ равнинахъ или на большихъ дорогахъ, по которымъ проходили завоеватели, не могли избѣгнуть разрушенія; камни и кирпичи этихъ ступъ послужили матеріаломъ для сооруженія индусскихъ храмовъ или мусульманскихъ мечетей, тогда какъ бильсенскіе курганы, лежащіе въ сторонѣ отъ историческихъ путей, среди дикаго населенія, оставались нетронутыми въ теченіе вѣковъ, защищенные джунглями [1]). Главная ступа та, которая извѣстна подъ именемъ ступы Санчи: это огромный куполъ въ формѣ полушара, имѣющій болѣе 100 метровъ (около 47 саженъ) въ окружности основанія и перерѣзанный тамъ и сямъ трещинами, въ которыхъ деревца и кустарники укрѣпили свои корни; кордонъ, опоясывающій этотъ куполъ, позволялъ нѣкогда вѣрующимъ обходить торжественною процессіей вокругъ всего зданія и украшать его цвѣтами. Колонны, богато украшенныя изваяніями, обрушились на внѣшнія террасы, но уцѣлѣла еще бо̀льшая часть каменной балюстрады, составлявшей священную ограду. Двѣ изъ входныхъ дверей стоятъ еще на мѣстѣ, и одна изъ нихъ, почти вполнѣ сохранившаяся, развертываетъ чудный рядъ своихъ изваяній, представляющихъ слоновъ, львовъ, химеръ, боговъ и божественныя эмблемы, и особенно драгоцѣнные историческіе документы, церемоніи религіозныя и гражданскія, сцены мѣстныхъ нравовъ, словомъ, всю народную жизнь буддійскаго Индустана за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до нашего времени. Эти входныя двери ступы Санчи, очевидно, составляющія подражаніе древнимъ порталамъ, построеннымъ изъ четырегранно-отесанныхъ бревенъ, встрѣчаются, подъ едва измѣненною формой, въ Китаѣ и преимущественно въ Ниппонѣ: это *торіи*, подобныя тѣмъ, которыя находятся при входѣ въ храмы Найцп; не зная о существованіи бильсенскихъ памятниковъ, можно было бы впасть въ ошибку и приписать японскимъ торіямъ мѣстное или полинезійское происхожденіе. Между многочисленными древностями Бильсенскаго края есть также памятники, относящіеся къ другимъ религіямъ, кромѣ буддійской: таковы искусственно изсѣченные въ скалѣ гроты Удгири.

Къ востоку отъ рѣки Бетвы въ трехугольникѣ, образуемомъ Гангомъ и Соной, многіе другіе главные города англійскихъ округовъ или столицы маленькихъ туземныхъ государствъ имѣютъ важное значеніе по

[1]) *Fergusson*, „History of Indian and Eastern Architecture“.

своимъ произведеніямъ или по торговлѣ, или обладаютъ нѣкоторыми изъ тѣхъ прекрасныхъ зданій, которыя во всякой другой странѣ, менѣе богатой великолѣпными памятниками строительнаго искусства, могли бы составить красу и славу любого города. Сагаръ, одно изъ главныхъ мѣстъ расположенія войска въ центральныхъ провинціяхъ, замѣчателенъ своими храмами и двадцатью башнями своей крѣпости, отражающимися въ водахъ озера. Чатарпуръ сгруппировалъ свои дома̀, свои бумажныя фабрики и ножевые заводы вокругъ руинъ стариннаго дворца. Каджраха теперь въ упадкѣ, но нѣкогда одинъ изъ могущественнѣйшихъ городовъ Индіи, справедливо гордится своими восемнадцатью древними храмами, вполнѣ сохранившимися, которые составляютъ чудо скульптурнаго искусства [1]). Наогаонъ (Nowgong), военный кантонементъ Бундельханда, занялъ видное мѣсто между торговыми городами; Ревахъ обладаетъ залежами каменнаго угля; Паннахъ и многіе другіе города страны эксплуатируютъ слои алмазоносныхъ мелкихъ камней, залегающіе по бо̀льшей части на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ подъ поверхностью почвы; цѣнность алмазовъ, посылаемыхъ ежегодно разработывателями этихъ копей аллахабадскимъ и бенаресскимъ ювелирамъ, простирается до 1.500.000 франковъ [2]). На западѣ отъ города Реваха, близь желѣзной дороги изъ Аллахабада въ Джабальпуръ, гг. Коннингамъ и Бегларъ открыли, въ 1872 г., остатки буддійской ступы Бхарахутъ, балюстрада которой покрыта фигурами, изображающими черты изъ жизни Будды и сцены изъ быта туземцевъ; почти каждый камень имѣетъ свою надпись. Между памятниками древней Индіи нѣтъ ни одного, который давалъ бы болѣе богатый матеріалъ для возстановленія исторіи первыхъ вѣковъ буддизма [3]).

Главные города плоской возвышенности, заключающейся между горами Аравали, Гангомъ, Нарбадой и Соной:

Раджпутана.		Датія	40.000 жит.
Джайпуръ . . .	137.850 жит.	Джанси	30.000 „
Бхартпуръ . . .	61.400 „	Бильвара	15.000 „
Альваръ	52.350 „	Ревахъ	10.000 „
Удайпуръ . . .	40.000 „		
Дигъ	20.000 „	*Англійскіе города.*	
Государства Мальвы и Бундельханда.		Сагаръ, въ 1872 г.	45.650 „
		Аджмиръ, въ 1876 г.	31.150 „
Гваліоръ	200.000 жит.	Назирабадъ „	20.100 „

[1]) *L. Rousselet* „L'Inde des Rajahs“.
[2]) *Ball* „The Diamonds, Coal and Gold of India“.
[3]) „Reports of the Surveys in India for 1872—1873“.

VIII.

БАССЕЙНЪ ГАНГА.

ДЕЛИ, СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЯ ПРОВИНЦІИ БЕЗЪ КУМАОНА И ГАРВАЛЯ, РАМПУРЪ, АУДЪ, БЕХАРЪ, НИЖНЯЯ БЕНГАЛІЯ ПО СЮ СТОРОНУ БРАМАПУТРЫ.

Продолговатая равнина, которая тянется вдоль основанія Гималайскихъ горъ, отъ воротъ Джамны и Ганга до аллювіальныхъ земель Сандербана („Сто Устій"), обнимаетъ пространство почти столь же значительное, какъ площадь Франціи, но несравненно гуще населенное. Въ этой равнинѣ скучено около ста милліоновъ жителей; если бы земля была вездѣ равномѣрно населена въ такой же пропорціи, то совокупность континентальныхъ областей могла бы прокормить болѣе 25 милліардовъ людей. А между тѣмъ, эта страна еще далеко не вся покрыта воздѣланными участками. Между рѣками и рѣчками такъ называемые *усары*, обширныя пространства земли, лежащія ниже уровня разливовъ и лишенныя орошенія, представляютъ тѣ же пустыни, покрывающіяся *рехомъ*, солянымъ налетомъ, похожимъ издали на снѣгъ; въ сосѣдствѣ великой индійской рѣки, равнины, покинутыя перемѣстившимся теченіемъ, усѣяны болотами, куда земледѣлецъ не рѣшается проникнуть; наконецъ, въ низменной области рѣчныхъ устій, значительная часть почвы состоитъ изъ полузатопленныхъ земель, недостаточно крѣпкихъ даже для того, чтобы сдержать хижины человѣка. Совокупность страны еще не приспособлена къ нуждамъ и потребностямъ ея обитателей, и не разъ уже въ теченіе новаго періода исторіи, недостатокъ оросительныхъ каналовъ имѣлъ слѣдствіемъ страшныя голодовки. Но за то рядъ хорошихъ урожаевъ ведетъ къ быстрому увеличенію народонаселенія: впродолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ, протекшихъ отъ одной до другой народной переписи, число жителей въ Бенгальскомъ президентствѣ (генералъ-губернаторствѣ) возрастало почти на милліонъ душъ ежегодно.

Равнины Ганга и Джамны въ 1872 году:

	Пространство.	Населеніе.	Среднее число жителей на 1 кв. килом.
Дели	14.490 кв. килом.	1.916.420 жит.	160 жит.
Аудъ	62.137 „ „	11.222.210 „	180 „
Сѣверо-западныя провинціи	181.041 „ „	30.037.600 „	165 „
Рампуръ.	2.447 „ „	507.010 „	208 „
Бехаръ	109.855 „ „	19.736.100 „	180 „
Бенгалія, безъ Сингбума и округовъ по теченію Брамапутры	191.189 „ „	26.681.950 „	140 „
Сумма. . .	561.159 кв. килом.	90.101.290 жит.	161 жит.
Приблизительная цифра населенія въ 1882 г.		100.000.000 „	178 „

Гангъ—или, точнѣе, Ганга—есть „Рѣка“ по преимуществу. У Гардварскихъ воротъ, гдѣ его воды вступаютъ въ равнину, на высотѣ 311 метровъ, Гангъ является уже значительною рѣкой, образующеюся изъ слiянія Алакнанды и Бхагирати, двухъ священныхъ потоковъ, берущихъ начало въ гималайскомъ массивѣ, между вершинами котораго первое мѣсто занимаетъ гора Моира или Тарласагаръ, превосходящая другія вершины своимъ величественнымъ видомъ, хотя и уступающая имъ размѣрами ледянаго покрова. Небольшія суда могутъ подниматься по рѣкѣ до самыхъ воротъ Гималая, не смотря на то, что болѣе пяти шестыхъ средняго количества протекающей воды изливается въ судоходный и оросительный каналъ, который развѣтвляется на множество ирригаціонныхъ канавъ и канавокъ въ области доаба или междурѣчья. Этотъ отведенный изъ Ганга каналъ, который опять соединяется съ тою же рѣкой у Канпура (Cawnpore), оросивъ на своемъ пути пространство слишкомъ въ 18.000 квадр. километровъ, есть, безспорно, самое большое и самое важное изъ всѣхъ существующихъ сооруженій этого рода; его главный стволъ имѣетъ 499 километровъ длины по прямой линіи и средній объемъ протекающей въ его руслѣ жидкой массы, у первыхъ шлюзныхъ воротъ, составляетъ 230 кубическихъ метровъ въ секунду, слѣдовательно, почти въ четыре раза превосходитъ количество воды, несомое Муццой, ирригаціоннымъ каналомъ долины рѣки По, который оплодотворяетъ въ Европѣ наибольшее протяженіе земель. Для одного только главнаго канала Ганга, не считая его развѣтвленій, нужно было перемѣстить столько же земли, сколько и для Суэзскаго канала, именно болѣе 70 милліоновъ кубич. метровъ. Въ городѣ Рурки, недалеко отъ Гардвара, находятся большія мастерскія, главный шлюзъ, бассейны и колледжъ или институтъ инженеровъ, подъ руководствомъ которыхъ производились работы этого грандіознаго сооруженія [1]).

По соединеніи съ водами канала, затѣмъ съ Джамной, Гангъ ударяется, близь Чанара, о послѣднія крутизны песчаниковыхъ холмовъ цѣпи Виндіа; но онъ тотчасъ же поворачиваетъ отъ нихъ на востокъ и слѣдуетъ въ этомъ направленіи до бреши, которую его теченіе, соединенное съ теченіемъ Брамапутры, пробило себѣ между горами Раджмагалъ и горами Гарро. Послѣднія скалы рѣчнаго ложа, гранитныя глыбы, около которыхъ кружатся стаи птицъ, виднѣются выше этой извилины, близь Кольгонга [2]). Выше этого широкаго отверстія, открывающагося между двумя горными цѣпями, Гангъ получаетъ всѣ свои большіе притоки, съ одной стороны тѣ, которые ему посылаютъ Гималайскія горы, Гогру или Сарджу, Гандакъ, Багмати, Коси, съ другой—Сону, которая

---

[1]) *Cautley* „Reports on the Ganges works“.
[2]) *Ball* „Jungle Life in India“.

спускается съ массива Амаркантакъ, въ цѣпи холмовъ Виндіа, долиной или низменностью, составляющей на сѣверо-западѣ продолженіе низменности, гдѣ проходитъ рѣка Нарбада. Притокъ южной покатости совершенно отличается порядкомъ измѣненій объема и уровня жидкой массы отъ рѣкъ противоположнаго склона. Тогда какъ эти послѣднія всегда имѣютъ значительное количество воды, происходящей или отъ таянія снѣговъ, или отъ дождей, Сона бываетъ иногда, въ сухое время года, почти совершенно безъ воды; но послѣ ливней ея теченіе нерѣдко бываетъ такъ же сильно и многоводно, какъ и теченіе Ганга: стокъ или масса протекающей воды въ этой рѣкѣ колеблется, смотря по времени года, отъ 49.000 до 17 кубич. метровъ въ секунду [1]). Во время мелководья простой ручеекъ медленно пробирается черезъ пески; рѣчное ложе, раздвигающееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нѣсколько верстъ въ ширину, занято дюнами, которыя передвигаются съ мѣста на мѣсто, гонимыя вѣтромъ, и чрезвычайно затрудняютъ путешественникамъ переходъ черезъ Сону; обозъ фуръ употребляетъ, среднимъ числомъ, три часа, чтобы перебраться черезъ рѣчные пески. Построенный черезъ эту рѣку желѣзнодорожный мостъ, длиною въ 1.279 метровъ, состоитъ изъ 28 пролетовъ, быки которыхъ вбиты на 10 метровъ (14 аршинъ) глубины въ дно ложа; употреблено было цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ на сооруженіе этого моста, одного изъ монументальныхъ произведеній современной индустріи. Сона слишкомъ неравномѣрна въ измѣненіяхъ своего уровня, слишкомъ внезапна въ своихъ разливахъ, чтобы можно было пользоваться ею, какъ водянымъ путемъ сообщенія; она служитъ только для сплава бамбука; милліоны бамбуковыхъ стволовъ посылаются каждый годъ этимъ путемъ изъ области плоскогорій въ города Бенгаліи. Но если Сона безполезна для перевозки товаровъ, то нельзя сказать того же относительно искусственнаго орошенія, и нигдѣ не было болѣе необходимо регулировать рѣчной стокъ, задерживая вòды разлива, какъ запасъ для сухаго времени года. Огромная поперечная плотина, или *аникутъ*, длиною около 3.800 метровъ (три съ половиною версты), задерживаетъ вòды рѣки, при выходѣ ея изъ области холмовъ, близь деревни Дери и отбрасываетъ значительную часть воды въ два главные канала, которые идутъ вдоль каждаго берега, затѣмъ развѣтвляются далеко по сосѣднимъ равнинамъ; самый широкій изъ этихъ каналовъ, западный, получаетъ, среднимъ числомъ, 127 куб. метровъ воды въ секунду.

Весьма вѣроятно, что въ періодъ времени, обнимающій двѣ тысячи двѣсти лѣтъ до нашей эпохи, произошли большія перемѣны въ гидрографіи страны. Мегасѳенъ, посланникъ Селевка Никатора, описывая Палиботру, говоритъ, что этотъ городъ стоитъ при сліяніи Ганга и Эран-

---

[1]) *Hunter* „Imperial Gazetteer of India“.

нобоаса. Но всѣ историки согласны между собою относительно того, что древняя Палиботра, Паталипутра средневѣковаго буддійскаго пилигрима Гіуэнъ-Цана, есть нынѣшній городъ Патна, а со времени Равеншау [1]) большинство археологовъ признаетъ Эраннобоасъ, „третью рѣку Индіи по обилію водъ", не въ могучемъ Гандакѣ, который впадаетъ въ Гангъ противъ Патны, но въ Гираніабахѣ, „Желтой" или „Золотоносной" рѣкѣ, названіе Соны, которымъ она обязана пескамъ или золотымъ блесткамъ своего ложа. Но эта рѣка въ наше время уже не соединяется съ Гангомъ подъ стѣнами Патны; вслѣдствіе постояннаго размыванія береговъ по направленію къ верховью, мысъ, образуемый сліяніемъ этихъ двухъ рѣкъ, непрерывно передвигался все далѣе къ западу; въ пятидесяти пяти-лѣтній промежутокъ времени съ 1780 по 1835 годъ, отдѣляющій путешествіе Реннеля отъ путешествія Фергюсона, этотъ мысъ перемѣстился почти на 5 километровъ; теперь онъ находится въ 16 километрахъ выше города Патны. Бывшіе рукава, измѣнчивыя бухточки, представляющіе непрерывное русло только въ сезонъ дождей, позволяютъ распознать еще слѣды потока, соединявшагося съ водами Ганга ниже этого города.

Не менѣе важныя перемѣны совершились во времена историческаго періода въ теченіи самого Ганга. Каждая изъ нынѣшнихъ его извилинъ пересѣкаетъ направленіе, которое первыя географическія карты давали прежнимъ его изгибамъ; блуждая въ своей широкой равнинѣ, Гангъ постоянно перемѣщаетъ свое теченіе, подтачивая и увеличивая попеременно то одинъ, то другой берегъ. Такъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія эта рѣка, обходившая на востокѣ массивъ Раджмагальскихъ холмовъ, проходила на большомъ разстояніи отъ ихъ скалъ, извиваясь далеко по гладкимъ равнинамъ. Въ 1788 году она подступила къ этимъ холмамъ, и не только подточила ихъ основаніе, но даже проложила себѣ дорогу черезъ каменистую массу, и островки и подводныя скалы, еще недавно находившіеся у праваго берега, очутились около лѣваго берега. Десять лѣтъ спустя, всякіе слѣды этихъ рифовъ исчезли, но на мѣстѣ, гдѣ прежде проходило главное теченіе, образовался островъ, длиною въ 13 километровъ и шириною слишкомъ въ 3 километра, поднимавшійся надъ уровнемъ воды даже во время самыхъ высокихъ разливовъ [2]). Этимъ перемѣщеніемъ теченія Ганга и постояннымъ подтачиваніемъ и размываніемъ холмовъ въ сосѣдствѣ Раджмагала, бывшей столицы Бенгаліи, и объясняется упадокъ городовъ Пандуаха и Гаура (иначе называемаго Лакнаути или Джанатабадомъ), покинутыхъ удалившеюся рѣкой во внутренности земель. Въ началѣ настоящаго столѣтія не было уже ни одного пункта въ чертѣ городской ограды Гаура, который не отстоялъ бы, по

[1]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal".
[2]) *Colebrooke* „Transactions of the Asiatic Society", vol. VII, 1803.

мѣньшей мѣрѣ, на 7 километровъ отъ берега Ганга, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могучая рѣка протекала уже на разстояніи 20 километровъ отъ развалинъ этого обширнаго города. Деревни, смѣнившія Гауръ, могутъ сообщаться съ Гангомъ уже не иначе, какъ черезъ его притокъ, рѣчку Маганадди, или черезъ ручей, дѣлающійся судоходнымъ въ дождливое время года [1]; джунгли и болота занимаютъ теперь наибольшую часть пространства, около 50 квадр. километровъ, гдѣ еще видны слѣды могущественнаго города; кое-какіе отрывки стѣнъ, кое-гдѣ порталы мечетей— вотъ все, что осталось отъ зданій; растительность, ураганы и, быть можетъ, всего болѣе каменьщики, воздвигавшіе города Мальдахъ и Муршидабадъ, разрушили строенія Гаура. Подобныя же перемѣны въ мѣстной географіи произошли во всей аллювіальной области Ганга и его притоковъ: вездѣ рѣчныя русла странствовали по равнинамъ, увлекая за собою толпу прибрежныхъ жителей и заставляя ихъ безпрестанно перестраивать и переносить съ мѣста на мѣсто свои города.

Бифуркація верхнихъ вѣтвей дельты находилась нѣкогда у Гаура; у подножія этого второго Мемфиса раздѣлялись рукава индійскаго Нила [2]. Но совокупность всей дельты постепенно перемѣстилась къ югу; по мѣрѣ того, какъ отлагавшіеся рѣчные наносы выдвигались все далѣе въ море и теченіе Ганга удлинялось вмѣстѣ съ приращеніемъ дельты въ этомъ направленіи, земли выше лежащихъ аллювіальныхъ равнинъ укрѣплялись и рѣка удерживалась тамъ въ руслѣ болѣе опредѣленномъ, не разливаясь въ ту и другую сторону въ видѣ боковыхъ вѣтвей или рукавовъ. Въ настоящее время вершина или голова дельты находится уже въ 28 километрахъ къ югу отъ руинъ Гаура, въ 350 километрахъ отъ моря по прямой линіи, въ 480 километрахъ, слѣдуя по извилинамъ теченія; пространство, охватываемое крайними развѣтвленіями Ганга и Брамапутры, заключаетъ свыше 80.000 квадр. километровъ. Главный рукавъ, мѣняющій имя Ганга на болѣе поэтическое названіе Падма или Падда, „Цвѣтокъ Лотоса", извивается въ юго-западномъ направленіи, идя на встрѣчу Джамунѣ, которая есть истинная Брамапутра; второстепенный же рукавъ Ганга сохраняетъ имя Бхагирати, какъ священный истокъ Ганга, и дѣйствительно, въ этомъ руслѣ, теперь съузившемся, проходитъ наиболѣе чтимый индусами потокъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Бхагирати, нынѣ запертая даже для барокъ въ продолженіи бо̀льшей части года и, вѣроятно, близкая къ тому, чтобы обратиться въ „мертвый рукавъ", была прежде истиннымъ Гангомъ; разрывъ глинистыхъ земель, тамъ и сямъ смѣшанныхъ съ *кункурами*, или известковыми сростками, которыя ограничивали теченіе великой рѣки, позволилъ Падмѣ изливаться къ востоку, чтобы

---

[1] *Rennel*, trad. „Boucheseiche", vol. II, p. 14—15; *Carl Ritter* „Asien", Band IV, Theil VI.

[2] *Carl Ritter* „Asien", Band IV, 6-ter Theil.

идти на соединеніе съ Брамапутрой, нѣкогда обособленной отъ Ганга; таковъ, вѣроятно, смыслъ легенды о духѣ, который, будто бы, поглотилъ въ этомъ мѣстѣ вòды священной рѣки [1]). Продолжая спускаться къ югу, извиваясь излучинами, которыя образуютъ почти полные овалы, Бхагирати соединяется съ притоками Джеллинги и Чурни (Мата-бханга), посылаемыми ей главнымъ рукавомъ Ганга, и принимаетъ тогда другое имя, Хугли, которое носитъ уже до самаго моря. На востокѣ, вся область, простирающаяся до Брамапутры, перерѣзана рѣками и рѣчками, смѣшивающими одна съ другою свои вòды, теряющими и снова принимающими свои названія; каждое наводненіе видоизмѣняетъ географію и номенклатуру этой территоріи. На западѣ также видны слѣды старыхъ руслъ Ганга: лиманъ Рупнараяны еще донынѣ обозначается прибрежными жителями какъ устье священной рѣки.

Самый Хугли сильно измѣнился съ той эпохи, когда европейскіе коммерсанты впервые основали торговыя конторы на его берегахъ, и многіе города, нѣкогда важныя гавани, состоявшія въ прямыхъ сношеніяхъ съ портами Атлантическаго океана, видятъ теперь только барки, бросающія якорь передъ ихъ опустѣлыми набережными. Но если англичане допустили до обмеленія фарватеры Сатгаона, Хугли, Чинсураха, Шандернагора, Серампура, факторій, которыя принадлежали или еще принадлежатъ другимъ державамъ, кромѣ Великобританіи, то они тѣмъ энергичнѣе сосредоточили всѣ свои заботы на той части Хугли, которая составляетъ входъ въ ихъ большой портъ—Калькутту; тутъ они не отступали ни передъ какими расходами, чтобы поддержать и углубить проходы фарватера, укрѣпить высокіе берега, воспрепятствовать перемѣщенію песчаныхъ мелей, обозначить вѣхами или бакенами опасныя мѣста, и благодаря, такъ сказать, дисциплинѣ, которой они съумѣли подчинить приливы и отливы моря, имъ дѣйствительно удалось превратить въ дорогу, относительно удобную, водяной путь, бывшій прежде однимъ изъ самыхъ опасныхъ рѣчныхъ путей. Проникающій въ устье морской приливъ, волна котораго, поднимающаяся на 2 метра (почти сажень) надъ уровнемъ рѣки, катится вверхъ по теченію съ быстротою 8 метровъ въ секунду, составляетъ еще не малую опасность для мелкихъ судовъ; но корабли, имѣющіе около 8 метровъ водоуглубленія, безопасно плаваютъ теперь съ пассажирами и товарами передъ лиманами Дамуды и Рупнараяны, пески которыхъ въ былое время поглощали такое множество судовъ. Какъ только судно коснется мели, теченіе, кружащееся въ этомъ мѣстѣ на подобіе водоворота, вздымаетъ со дна песокъ вокругъ киля, который постепенно вязнетъ все глубже и глубже, какъ бы всасываемый иломъ;

[1]) *Walter S. Scherwill* „Report upon the Bhaugiruthee River", 1857; *Fergusson* „Proceeding of the Geological Society", april 1863.

АХМЕДАБАДЪ. ПОРТИКЪ ВЕЛИКОЙ МЕЧЕТИ.

иногда случалось, что въ какіе-нибудь полчаса времени трехмачтовыя суда погружались такимъ образомъ по самыя реи.

Если Хугли сдѣлался Гангомъ, съ точки зрѣнія торговыхъ сношеній, если даже, исторически, онъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ продолженіе священной рѣки, то истиннымъ устьемъ Ганга, по массѣ водъ, слѣдуетъ признать рукавъ Мегну, который уноситъ также вòды Брамапутры и который течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, въ томъ же направленіи, какъ и Падма. Мегна, которая, впрочемъ, и сама развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ вокругъ острововъ своего лимана, раздвинувшагося на сотню километровъ въ ширину, могъ бы съ бòльшимъ правомъ, чѣмъ всѣ другіе потоки дельты, сообщить свое имя общей гидрографической системѣ Ганга и Брамапутры. Черезъ этотъ каналъ катятся могучія, стремительныя вòды двухъ соединенныхъ большихъ рѣкъ, смывая попадающіеся на пути острова, образуя въ другомъ мѣстѣ новыя зèмли на своей поверхности, пробивая себѣ протоки къ морю, засыпая иломъ и пескомъ старые проходы. Черезъ Мегну же вòды моря проникаютъ наиболѣе внутрь материка; тогда какъ въ рукавѣ Хугли приливная волна останавливается передъ городомъ того же имени, она распространяется черезъ Мегну и Падму далеко за дельту, поднимаясь до города Раджмагала и даже до впаденія притока Гогры; въ устьи разность уровня между приливомъ и отливомъ составляетъ около 4 метровъ. Явленіе борьбы морскаго прилива съ рѣчнымъ теченіемъ (извѣстное у индусовъ подъ названіемъ *бора*), очень внушительное въ Хугли, еще гораздо болѣе величественно въ Мегнѣ; иногда, говорятъ, громадная волна, высотою въ 6 метровъ (почти 3 сажени), катится вверхъ по рѣкѣ со скоростью 25 километровъ въ часъ. Ударъ этой быстро несущейся огромной водяной стѣны о берегъ слышенъ на разстояніи многихъ верстъ кругомъ; вѣроятно, этому страшному треску и должна быть приписана мѣстная легенда о „Барисальской пушкѣ“, пальба которой, будто бы, доносится вечернимъ вѣтромъ до прибрежныхъ жителей Мегны: громъ канонады, слышимый со стороны этого города (Барисаля), есть не чтò иное, какъ шумъ волнъ, низвергающихся на берега. Рѣдко случается, чтобы во время муссона суда отваживались пускаться ночью на воды лимана.

Большія морскія животныя, какъ, напримѣръ, сапуны (дельфины), поднимаются далеко по Мегнѣ, за сотни верстъ отъ океана. Но Гангъ, такъ же, какъ Индъ и Брамапутра, имѣетъ уже одинъ собственный видъ, которому приписываютъ океаническое происхожденіе: это прѣсноводный дельфинъ, называемый платаниста; онъ играетъ около плывущихъ судовъ на всемъ теченіи рѣки вплоть до Гардварскихъ воротъ. Какимъ образомъ это китообразное животное могло постепенно приспособиться къ прѣснымъ водамъ, въ которыхъ оно родится и живетъ въ наши дни? Какъ перешло оно черезъ порогъ, раздѣляющій нынѣ

бассейнъ Ганга и бассейнъ Инда? Это важные вопросы естественной исторіи, которые ученые пытаются объяснить гипотезами о существованіи древняго залива Аравійскаго моря, который врѣзывался въ материкъ на сѣверо-востокъ, по направленію къ Гималайскимъ горамъ, и который, будто бы, превратился постепенно въ лиманы, затѣмъ въ рѣчныя равнины. Впрочемъ, какъ извѣстно, порогъ, раздѣляющій два бассейна Инда и Ганга, находится на незначительной высотѣ, всего только на высотѣ 281 метра, и часто рѣки, спускающіяся съ горъ къ этому водораздѣльному горбу, мѣняли свое теченіе, направляя свои воды то въ одинъ, то въ другой рѣчной бассейнъ [1]). Другое замѣчательное явленіе гангесской фауны—это изолированіе породы крокодила, называемой *crocodilus bombifrons*, которая встрѣчается только въ *дунахъ* выше воротъ Гималая, тогда какъ другая порода, гавіалъ, живетъ въ низовьяхъ рѣки [2]).

Средняя масса воды въ Гангѣ, безъ сомнѣнія, уменьшилась съ половины настоящаго столѣтія, такъ какъ ирригаціонные каналы, проведенные по прибрежнымъ мѣстностямъ, возвращаютъ ему лишь незначительную часть заимствуемыхъ ими водъ; но какъ ни велика убыль теченія, зависящая отъ искусственнаго орошенія, Гангъ, тѣмъ не менѣе, есть одна изъ многоводныхъ рѣкъ земнаго шара, хотя онъ далеко уступаетъ, по обилію жидкой массы, такимъ могучимъ потокамъ, какъ рѣка Амазонокъ или Конго: въ періодъ наибольшей высоты разлива онъ катитъ, у подошвы Раджмагальскихъ холмовъ, слишкомъ 50.000 кубич. метровъ воды въ секунду [3]). Правда, что во время самыхъ сильныхъ засухъ стокъ его, какъ говорятъ, уменьшается иногда до 607 кубич. метровъ [4]): эта поразительная разность между максимумомъ и минимумомъ объясняется періодическимъ измѣненіемъ направленія муссоновъ; среднее количество несомой воды исчисляется въ 12.000 до 15.000 куб. метровъ въ секунду, что̀ представляетъ никакъ не болѣе половины атмосферныхъ осадковъ, падающихъ въ области бассейна впродолженіи года. Во время наводненій рѣка почти вездѣ выходитъ изъ береговъ и разливается далеко по равнинамъ на большое разстояніе отъ главнаго русла. Вмѣсто того, чтобы насиловать природу, прибрежные жители Ганга предпочли приспособить условія своего существованія къ ея законамъ и явленіямъ; за исключеніемъ большихъ городовъ и ихъ ближайшихъ окрестностей, они нигдѣ не оцѣпили своей рѣки дорого стоющими береговыми плотинами, которыя нужно повышать съ каждымъ десятилѣтіемъ, по мѣрѣ того, какъ поднимается дно ложа, засариваемое отлагающимися наносами, и которыя часто приходится ремонтировать, укрѣплять контръ-

---

[1]) *Medlicott* and *Blanford* „Manual of the Geology of India“.
[2]) *Falconer* „Proceedings of the Geological Society“, march 22, 1865.
[3]) *Jackson* „Hydraulic Manual and Statistics“.
[4]) *Prinsep* „Observations on the Ganges as a navigable river“.

плотинами или даже совершенно передѣлывать и возводить за-ново, когда исключительные по высотѣ разливы ниспровергнутъ всѣ эти оборонительныя сооруженія. Не защищаемые стѣной плотинъ, какъ прибрежные обитатели Желтой Рѣки, По, Луары, Миссисипи, бенгальскіе земледѣльцы не могутъ, понятно, запахивать свои поля въ виду отдаленнаго урожая; они завели у себя два рода посѣвовъ: одни—для періода мелководья, другіе—для времени, непосредственно слѣдующаго за періодомъ наводненія, когда почва еще покрыта влажнымъ плодотворнымъ иломъ. Взамѣнъ того, они не знаютъ громадной опасности внезапнаго прорыва плотинъ, имъ не угрожаютъ страшныя катастрофы потопа, земля ихъ избавляется отъ бѣлыхъ муравьевъ, которые опустошаютъ ее и безпрестанно обновляютъ ея плодородіе. Что касается городовъ и селеній, для которыхъ невозможно было воспользоваться естественными пригорками или возвышенностями, то для нихъ построили искусственныя террасы, поднимающіяся выше уровня разливовъ, который у Бенареса достигаетъ 13 или 14 метровъ и затѣмъ постепенно уменьшается внизъ по рѣкѣ; такимъ образомъ группы жилищъ временно превращаются въ островки. Къ сожалѣнію, эти земляныя работы производятся безъ разумнаго плана; чтобы имѣть матеріалъ для воздвигаемой насыпи, роютъ землю тутъ же на мѣстѣ и такимъ образомъ выкапываютъ огромныя ямы, которыя наполняются водой и гдѣ гніютъ всякаго рода органическіе остатки, распространяя далеко зловоніе; проходятъ длинные годы прежде, чѣмъ аллювіальная грязь заполнитъ до верха эти вредныя для здоровья лужи.

Твердыя вещества, разнаго рода каменные обломки и землистыя частицы, илъ и песокъ, которыя содержатъ въ себѣ воды Ганга,—въ пропорціи тѣмъ болѣе значительной, чѣмъ быстрѣе теченіе,—не всѣ уносятся въ открытое море; наибольшая часть этихъ наносовъ отлагается на низменныхъ берегахъ и на *чарахъ* или „teys" Сандербана. Поэтому, совершенно естественно, что тамъ то и дѣло образуются новые острова въ морѣ и появляются несуществовавшія прежде песчаныя мели у береговъ; морскія карты приходится передѣлывать при каждомъ новомъ изслѣдованіи поморья, и направленія, которымъ слѣдуютъ лоцманы при проводѣ судовъ, безпрестанно измѣняются. На востокѣ, при устьяхъ Мегны, поясъ земель быстро увеличивается на счетъ водной площади Джиттагонгскаго залива; но на западѣ, гдѣ, впрочемъ, линія береговъ гораздо болѣе выдвинута за черту первоначальнаго побережья, не замѣтно, чтобы въ новыя времена дельта получила приращеніе. Во время ураганов море разрушаетъ часть вновь образовавшихся земель и уноситъ далеко ихъ обломки; кромѣ того, общее движеніе почвы, какъ кажется, понижаетъ мало-помалу плоскость средней дельты; также какъ низменныя земли Амазонки, По и многихъ другихъ большихъ рѣкъ, равнины, прилегающія къ низовью Ганга, находятся въ области пониженія или осѣданія. Ни въ какой

части гангесской дельты до сихъ поръ не открыли подъ поверхностнымъ слоемъ рѣчныхъ наносовъ ни малѣйшаго слѣда морскихъ образованій, которыя непремѣнно должны бы были находиться тамъ, если бы море занимало въ недавнюю эпоху пространства, гдѣ въ наши дни простираются равнины Нижней Бенгаліи. Въ Калькуттѣ, при буреніи почвы, доведенномъ до глубины 147 метровъ, были извлечены на свѣтъ божій единственно растительные остатки твердой земли, торфъ, рѣчныя раковины, пласты, отложенные прѣсными водами; буровой снарядъ прошелъ даже черезъ слой кристаллическаго гравія, который, вѣроятно, былъ принесенъ или съ Раджмагальскихъ холмовъ, или съ массивовъ высотъ, которыя существовали тогда въ области дельты, но впослѣдствіи исчезли, подточенныя и размытыя водами [1]). Изъ этого слѣдуетъ, что въ теченіе современнаго геологическаго періода дельта Ганга всегда была выступающею надъ поверхностью воды землей; самыя новыя морскія формаціи, найденныя на сѣверѣ, у основанія горъ Гарро, принадлежатъ вѣкамъ третичной эпохи. Но почва Калькутты, хотя лежащая выше уровня водъ съ такого давняго времени, не переставала понижаться, такъ какъ древніе слои растительности слѣдуютъ тамъ одинъ за другимъ въ глубинахъ земли гораздо ниже нынѣшняго уровня моря. Это явленіе осѣданія почвы тѣмъ болѣе замѣчательно, что съ обѣихъ сторонъ Бенгальскаго залива, на западѣ на берегахъ Ориссы, на востокѣ на Арраканскомъ побережьи, констатировано вертикальное движеніе суши въ обратномъ направленіи, продолжается, вѣроятно, и далѣе на югъ отъ дельты, къ центральной впадинѣ залива. Быть можетъ, громадная воронка, извѣстная у англійскихъ моряковъ подъ названіемъ „бездонной пучины“ (swatch of no ground), есть центръ провала въ этой осѣдающей области. Это морская пропасть, открывающаяся въ 130 километрахъ къ юго-востоку отъ устья Хугли, но въ непосредственной близости къ мелямъ, залегающимъ у входа въ Матлаху и въ сосѣдніе лиманы. Окружающія ее вóды залива имѣютъ всего только отъ 40 до 75 метровъ глубины, тогда какъ во внутренности впадины бросаютъ лотъ на 400, даже на 500 метровъ, не находя дна: это словно неизмѣримый кратеръ громаднаго вулкана. Подводные берега „бездонной пучины“ до такой степени обрывисты, что моряки всегда могутъ, по наклону ложа, опредѣлить съ точностью мѣсто, гдѣ они находятся въ данную минуту. По мнѣнію Фергюсона [2]), существованіе этой воронки должно быть приписано единственно круговращательному движенію воды, происходящему отъ столкновенія прилива и зыби, которые встрѣчаются въ сѣверной оконечности залива.

Южная область дельты представляетъ неопредѣленную землю, нѣчто

---

[1]) *Mac Clelland* „Topography of Bengal“; „Calcutta Review“, 1876.
[2]) „Quarterly Journal of the Geological Society“, aug. 1863.

среднее между сушей и моремъ; она принадлежитъ къ материку по растительности, которая ее покрываетъ, къ океану по обилію воды, которая проникаетъ на нее во всѣхъ направленіяхъ и даже заливаетъ ее всю сплошь во время періодически повторяющихся большихъ приливовъ (совпадающихъ съ новолуніемъ и полнолуніемъ) и во время бурь. Совокупность этой страны извѣстна подъ общимъ именемъ Сандербанъ (Сундербанъ, Сундербандъ), которое этимологисты объясняютъ на разные лады: по ихъ толкованію, это слово значитъ то же, что́ Синдурбанъ или „Красный лѣсъ", Судербанъ или „Величественный лѣсъ", Шандабанда или „Земля солепромышленниковъ", Сундербандъ или „Хорошая плотина", или наконецъ „Лѣсъ *сундрій*", мѣстное названіе дерева (heritiera littoralis), самаго обыкновеннаго въ этихъ полузатопленныхъ мѣстностяхъ; полагаютъ, что Калькуттская рѣка, Хугли, тоже обязана своимъ наименованіемъ одному сандербанскому растенію, которое называется *хугля* (typha elephantica)[1]. Пространство этой нейтральной области между землей и моремъ составляетъ около 20.000 квадр. километровъ; съ запада на востокъ Сандербанъ протянулся слишкомъ на 200 километровъ. Необъятный лабиринтъ, перерѣзанный между островами и островками четырнадцатью большими рѣками и сотнями второстепенныхъ рукавовъ и потоковъ, развѣтвляющихся до безконечности, доступенъ только лодочнику, скользящему среди камышей или подъ сводами густой листвы, въ своей баркѣ, построенной изъ краснаго дерева сундри. Многочисленные острова Сандербана, хорошо защищенные песчаными дюнами, которые образуются отъ дѣйствія вѣтровъ муссона, покрыты густыми лѣсами, составляющими исключительную собственность казны, которая заботливо поддерживаетъ въ нихъ правильное лѣсное хозяйство; на другихъ островахъ вся растительность состоитъ изъ низкорослыхъ пальмъ (phoenix paludosa) или изъ мелкаго кустарника, служащаго убѣжищемъ дикимъ звѣрямъ. Находимыя тамъ и сямъ развалины доказываютъ, что Сандербанъ не былъ необитаемою пустыней до прибытія европейцевъ въ страну, и что тамъ существовали даже большіе города; первые португальскіе писатели всѣ единогласно говорятъ, что земли Сандербана были густо населены въ ихъ время[2]; но граница между областью воздѣланныхъ пространствъ и необитаемымъ поясомъ прибрежья, кажется, сохранилась почти безъ перемѣны въ теченіе вѣковъ. Въ послѣднія сто лѣтъ завоеванія земледѣльцевъ въ области этихъ дѣвственныхъ, нетронутыхъ земель довольно значительны, особенно въ сосѣдствѣ Мегны, гдѣ почва, вообще говоря, возвышеннѣе; въ 1872 году поверхность территоріи, пріобрѣтенной для земледѣлія, въ области Сандербана простиралась на пространствѣ

[1]) *De Grandpré* „Voyage dans l'Inde et au Bengale"; *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien".

[2]) *J. Long* „Proceedings of the Asiatic Society", 1868.

280.000 гектаровъ, но бо̀льшая часть этихъ вновь распаханныхъ полей подвержены наводненіямъ, и потому принуждены были окружить ихъ плотинами. Часто морскіе приливы превращаютъ всю область воздѣланныхъ земель въ безчисленные островки, имѣющіе форму многоугольниковъ. Въ этихъ-то измѣнчивыхъ лиманахъ Сандербана, гдѣ встрѣчаются двѣ жидкія стихіи, соленая вода моря и прѣсная вода рѣкъ, съ ихъ различными флорами и фаунами, и въ болотистыхъ низинахъ сосѣднихъ равнинъ, называемыхъ *биль*, *джиль* или *джулла*, и зарождается „бенгальская лихорадка", или „лихорадка джунглей", одна изъ самыхъ страшныхъ болѣзней Индіи, пристающая безразлично къ людямъ всякой расы, какъ къ туземцамъ, такъ и къ иностранцамъ. Въ Калькуттѣ эта лихорадка всего чаще выбираетъ себѣ жертвы между тѣмъ людомъ, который живетъ частью на рѣкѣ, между лодочниками, матросами, носильщиками, таможенными досмотрщиками; охотники, отправляющіеся въ джунгли, люди, работающіе въ низменныхъ плантаціяхъ, тоже подвергаются большой опасности схватить лихорадку. Преимущественно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда вода въ болотахъ начинаетъ убывать и оставляетъ обнаженными тинистые берега, случаи заболѣванія лихорадкой особенно опасны [1]). Холера — тоже одна изъ эндемическихъ болѣзней Нижней Бенгаліи, и оттуда-то она и распространилась, въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, по остальному Индустану и во всемъ свѣтѣ; вѣроятно, она существуетъ съ незапамятныхъ временъ на берегахъ нижняго Ганга, хотя на этотъ грозный бичъ, во время его внезапнаго появленія въ Западной Европѣ, смотрѣли, какъ на новую болѣзнь. Чрезмѣрная сырость страны и гніеніе органическихъ веществъ, смѣшанныхъ съ водой, которая встрѣчается вездѣ уже на глубинѣ нѣсколькихъ сантиметровъ отъ поверхности,—вотъ причина, порождающая эту страшную эндемію Бенгаліи.

Извѣстно, что тысячи и даже милліоны труповъ, которые въ прежнее время теченіе Ганга выбрасывало на свои берега, много способствовали нездоровости атмосферы и распространяли заразу. Съ тѣхъ поръ, какъ англичане сдѣлались хозяевами страны и какъ ихъ полиція стала вмѣшиваться въ вопросы общественной гигіены и народнаго здравія, Гангъ уже не уноситъ въ своихъ волнахъ тѣла всѣхъ поклонниковъ, которые обитали на его берегахъ; но какъ часто и теперь еще благочестіе и сыновняя любовь ухитряются обходить предписанія санитарнаго устава, обезпечивая умершимъ самое священное мѣсто вѣчнаго покоя! Какъ часто еще случается видѣть ночью маленькія свѣтящіяся точки, подобныя блуждающимъ огонькамъ или свѣтлякамъ, медленно движущіяся по теченію священной рѣки! Этотъ мелькающій вдали огонекъ освѣщаетъ доску, на которой положенъ трупъ; родные и друзья покой-

---

[1]) *Viguier* „Progrès mèdical", 12 mai 1877.

ника толпятся на берегу, слѣдя тоскливымъ взоромъ за послѣднимъ земнымъ странствіемъ оплакиваемаго человѣка до тѣхъ поръ, пока судно, песчаная мель, поворотъ рѣки или просто даль скрываютъ изъ глазъ блестящую точку, которую взоръ такъ долго оспаривалъ у царствующаго кругомъ мрака. Индусы видятъ болѣе чѣмъ богиню въ рѣкѣ, которая орошаетъ ихъ поля и даетъ имъ урожаи, которая поитъ и кормитъ ихъ: они видятъ въ ней мать. По сказанію легенды, она согласилась сойти на землю только для того, чтобы омыть и очистить смертные останки предковъ царя Бхагирати; но истокъ ея остался на небесахъ, и въ ея чистыхъ водахъ весело плещутся безсмертные небожители. Когда потокъ ея излился съ неба, богъ, могучій богатырь Сива, головой и плечами которому служатъ вершины и скалы Гималая, одинъ могъ сдерживать на себѣ тяжесть великой рѣки, „ниспадающей съ его чела, какъ жемчужное ожерелье, нить котораго порвалась въ небесной вышинѣ“ [1]).

Нѣтъ мѣста на берегахъ Ганга, которое не было бы священнымъ, и самое имя рѣки, произнесенное съ благоговѣніемъ, будь то за сотни верстъ отъ ея теченія, достаточно, чтобы смыть грѣхи, содѣянные впродолженіи одного или даже нѣсколькихъ предшествующихъ существованій. Пилигримы наполняютъ божественною влагой маленькіе пузырьки, которые затѣмъ укладываютъ въ двѣ корзины, украшенныя павлиньими перьями и соединенныя бамбуковою тростью; нагруженные этою ношей, на манеръ оверискихъ посыльщиковъ, они странствуютъ по всей Индіи, продавая по дорогой цѣнѣ священную воду [2]). Такимъ образомъ, богатые индусы могутъ пользоваться неоцѣнимою привилегіей очищать себя святою водой; кромѣ того, во всѣхъ частяхъ Полуострова народное суевѣріе указываетъ, какъ на подземные рукава Ганга, на ключи, бьющіе изъ скалы. Но полная святость можетъ быть пріобрѣтена лишь паломничествомъ на берега „матери Ганги“, въ особенности такъ называемой *прадакшиной*, которая состоитъ въ хожденіи, впродолженіи шести лѣтъ, по берегу Ганга, отъ истока къ устью и отъ устья къ истоку. На этомъ длинномъ пути мѣстами священными по преимуществу, естественно, считаются тѣ, которыя указаны сліяніями рѣкъ, уединенно высящимися скалами, крутыми поворотами теченія, ущельями и тѣснинами; тутъ омовеніе въ священныхъ водахъ имѣетъ всю свою очистительную силу. Пилигримы останавливаются въ этихъ мѣстахъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, купцы открываютъ торговлю и города выстраиваются вокругъ храмовъ.

Послѣ Янтсекіанга, священный Гангъ, по своему экономическому значенію, есть, безспорно, самая важная рѣка во всемъ свѣтѣ. Почва,

---

[1]) „Рамайяна“, пѣснь I.
[2]) *G. Roberts* „De Delhi à Bombay“.

которую обработываютъ сто милліоновъ жителей ея бассейна, одна изъ самыхъ плодородныхъ и производитъ въ изобиліи сельско-хозяйственные продукты всякаго рода; города ихъ—богатые и промышленные; суда толпятся тысячами у подходовъ къ рынкамъ. До недавняго времени могучая рѣка и каналы ея дельты были единственными торговыми путями въ Бенгаліи, и хотя желѣзныя дороги отняли теперь у Ганга значительную долю его торговли, тѣмъ не менѣе, эта рѣка и до сихъ поръ остается одною изъ самыхъ оживленныхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ судами въ цѣломъ мірѣ. Одинъ только городъ Калькутта получаетъ ежегодно съ внутреннихъ пристаней на сумму свыше 400 милліоновъ франковъ различныхъ произведеній и товаровъ, привозимыхъ на судахъ; иной прибрежный городокъ видитъ ежедневно по нѣсколько сотъ судовъ, проходящихъ передъ его набережными; годовое движеніе грузовъ въ портахъ гангесской дельты нужно исчислять милліонами тоннъ. Безъ сомнѣнія, Гангъ не можетъ сравниться съ Гудсономъ, съ Миссисипи, съ Темзой по размѣрамъ пароходства, но нигдѣ, развѣ только на рѣкахъ Китая, не увидишь такого несмѣтнаго множества мелкихъ парусныхъ и гребныхъ судовъ.

На западъ отъ нижняго Ганга самая важная рѣка—Дамуда, очень опасная для прибрежныхъ жителей, по причинѣ ея частыхъ наводненій, но тѣмъ болѣе почитаемая дикими населеніями окружающихъ холмовъ. Въ одинъ изъ своихъ разливовъ, въ 1757 году, Дамуда, открывъ себѣ новое русло къ югу, направилась прямо къ лиману Ганга; старое русло, которое соединяло ее съ Хугли, въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ рукавъ сохранилъ свой рѣчной характеръ, совершенно покинуто съ 1762 года [1]). Въ области верховьевъ Дамуды и ея притоковъ возвышаются единственные массивы высотъ Бенгаліи въ собственномъ смыслѣ, которые продолжаютъ, подъ разными именами, систему горъ Виндіа, но отличаются отъ нихъ геологическими формаціями. Песчаники, которыми оканчиваются на востокѣ плоскогорья Багалканда, замѣнены здѣсь метаморфическими и каменноугольными горными породами; только нѣсколько уединенныхъ группъ или даже простыхъ каменныхъ глыбъ свидѣтельствуютъ о древнемъ протяженіи грядъ цѣпи Виндіа. Выше большого изгиба Ганга, Раджмагальскія горы состоятъ изъ базальтовыхъ траппов, происхожденія гораздо болѣе новаго, чѣмъ лавы Деканскаго нагорья, и въ одномъ мѣстѣ, въ тридцати пяти километрахъ къ юго-востоку отъ Кольгонга, показываютъ маленькіе трахитовые и порфировые конусы, которые, вѣроятно, были ядромъ или стержнемъ древнихъ огнедышащихъ горъ [2]). Не смотря на очень близкое разстояніе отъ самыхъ многолюдныхъ областей Индіи,

[1]) *Fergusson* „Proceedings of the Geological Society", april 1868.

[2]) *Ball* „Jungle Life in India"; *Medlicott* and *Blanford*, „A Manual of the Geology of India".

холмы, лежащіе къ западу отъ линіи желѣзной дороги изъ Бардвана въ Патну, принадлежатъ къ наименѣе извѣстнымъ мѣстностямъ Полуострова и къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ города и мѣстечки чрезвычайно рѣдки. Лютые звѣри, каковы тигры и дикіе слоны, сдѣлали нѣкоторые округа этой области почти необитаемыми; въ прогалинахъ джунглей, окружающихъ гору Параснатъ, поселяне отправляются на полевыя работы не иначе, какъ многочисленными партіями и съ барабаннымъ боемъ, чтобы не подвергнуться нападенію свирѣпыхъ обитателей лѣсной чащи [1]). Однако, туземцы этихъ гористыхъ мѣстностей способствуютъ своею долей труда приращенію богатствъ Бенгальскаго края; такъ, они приготовляютъ *кашу* или *катеху*, смолистый сокъ изъ индійской акаціи (acacia catechu), собираютъ бѣлый растительный воскъ и снимаютъ на вѣтвяхъ нѣкоторыхъ деревьевъ красную камедь, выдѣляемую насѣкомымъ лаковый червецъ (coccus lacca).

Почти всѣ населенія, живущія въ равнинахъ Ганга и находящіяся между собою, благодаря легкости сообщенія по рѣчному пути, въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ, могутъ быть причислены, взятыя въ цѣломъ, къ цивилизованному человѣчеству, каково бы, впрочемъ, ни было различіе ихъ происхожденій, арійскаго, дравидійскаго, коларійскаго, индо-китайскаго. Однако, еще существуетъ въ гангесскомъ бассейнѣ нѣкоторое число племенъ и кастъ, частью порабощенныхъ, частью относительно независимыхъ, которыя сохранили свои отличительныя расовыя черты, не принимая внѣшнихъ признаковъ цивилизаціи, индусской или магометанской. Между этими народцами есть такіе, которыхъ можно назвать дикарями или варварами; оттѣсненные чужеземными нашествіями, которыя, въ теченіе вѣковъ, слѣдовали одно за другимъ въ области равнинъ, эти племена удалились или въ болотистые лѣса, которые тянутся длинною полосой вдоль основанія Гималая, или въ массивы холмовъ, которые Гангъ огибаетъ въ своемъ нижнемъ теченіи. Нѣкоторыя другія племена, подобныя европейскимъ цыганамъ, избѣгаютъ опасности бродячею жизнью, т. е. непрерывнымъ бѣгствомъ. Наты, канджары, бадіахи, базигары, какъ называютъ этихъ цыганъ гангесской Индіи, устраиваютъ себѣ временныя селенія, состоящія изъ группъ деревянныхъ шалашей, покрытыхъ рогожами и древесною листвой; края дороги служатъ пастбищемъ ихъ животнымъ; сами они питаются разною дрянью, даже падалью, когда ихъ тысяча ремеслъ—фокусниковъ, престидижитаторовъ, показывателей медвѣдей и обезьянъ, лошадиныхъ барышниковъ, гадальщиковъ—оказывается недостаточною для доставленія имъ обилія благъ земныхъ. Подобно

[1]) „Records of the Governement of Bengal“, XXXVIII, 1861; *Ball* „Jungle Life in India“.

своимъ европейскимъ братьямъ, они всегда умѣютъ обезпечить свою безопасность, благоразумно держась въ сторонѣ отъ всякаго движенія политическаго или религіознаго. Туземные государи не имѣютъ подданныхъ болѣе вѣрныхъ, чѣмъ эти бродячіе инородцы, религія которыхъ всегда та же самая, что и господствующая вѣра страны—магометане по большей части, потому что властители края были мусульмане до недавняго времени, они, кажется, не имѣютъ въ дѣйствительности другой религіи, кромѣ погони за общимъ благоденствіемъ племени.

Въ Аудѣ и далѣе къ востоку, вдоль границъ Непала, племена бхаръ, тару, приписывающія себѣ раджпутское происхожденіе, и другіе народцы живутъ разбросанными группами, которыя не имѣютъ никакого сообщенія съ цивилизованными обитателями равнины и которыя защищены своими болотами отъ всякаго нападенія. Но нѣкоторыя другія племена, которыя не могли убѣжать отъ завоевателей, были обращены ими въ тяжелое состояніе рабовъ или поставлены внѣ всякой касты, какъ отверженные паріи. Такъ, напримѣръ, коріи и чамары, которымъ позволяютъ въ городахъ заниматься нѣкоторыми родами промышленности, ткацкимъ и кожевеннымъ ремесломъ, остались крѣпостными въ деревняхъ; они, по прежнему, обработываютъ почву для своихъ господъ, брамановъ или раджпутовъ, хотя законы оффиціально провозгласили ихъ свободу. На основаніи этихъ законовъ, они, конечно, имѣли бы право прибѣгнуть къ защитѣ судовъ; но какая имъ отъ этого была бы польза? Презираемые всѣми, они не могли бы уйти изъ логовищъ, которыя они занимаютъ, рядомъ съ свиными хлѣвами, въ отдѣльномъ кварталѣ деревни, безъ того, чтобы ихъ не прогнали отовсюду, какъ нечистыхъ животныхъ. Другой народецъ, пасіи, тоже, какъ полагаютъ, происходящій отъ прежнихъ властителей края, занимаетъ болѣе высокое мѣсто между жителями Ауда; это племя на половину объиндіанилось, и оно-то доставляетъ правительству наибольшій контингентъ лицъ, употребляемыхъ для службы въ качествѣ чиновъ сельской полиціи. Въ Аудѣ одинъ милліонъ людей причисляется къ первобытному, коренному населенію края.

Эти первобытные обитатели или аборигены еще болѣе многочисленны въ провинціяхъ Бенгаліи; тамъ ихъ насчитываютъ болѣе трехъ милліоновъ, не включая въ это число лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ кастамъ, которыя представляютъ собою древнія расы страны, разнообразно смѣшавшіяся съ индусскими завоевателями. Благодаря массивамъ холмовъ, окруженныхъ джунглями и лѣсами, которые возвышаются на югъ отъ Соны и Ганга, многія племена нашли себѣ безопасное убѣжище и удержались до нашихъ дней, если не свободныя, то, по крайней мѣрѣ, уважаемыя своими сосѣдями. Такъ, малеры или пахаріи, называемые англичанами *Hillmen* (жители холмовъ), которые населяютъ, въ числѣ около 400.000 душъ, возвышенныя долины Раджмагальскихъ горъ и окружаю-

щихъ массивовъ, въ южномъ направленіи до Монгира, пользовались еще политическою независимостью въ половинѣ настоящаго столѣтія, и англичане посылали противъ нихъ въ разное время нѣсколько военныхъ экспедицій, которыя, однако, не имѣли успѣха и должны были ограничиться обходомъ джунглей да выжиганіемъ деревень. Но чего не могла сдѣлать сила, то было достигнуто храбростью. Начальники колѣнъ пахаріа, осыпанные подарками, сдѣлались пенсіонерами англійскаго правительства, и отнынѣ территорія ихъ отграничена точнымъ образомъ: каменные межевые столбы, поставленные у выхода долинъ, указываютъ границы этого племени, и туземцы, которые спускаются со своихъ горъ, являются уже не въ качествѣ враговъ, а въ качествѣ мирныхъ торговыхъ людей. Впрочемъ, пахаріи далеко не дикари. Они очень тщательно строютъ свои хижины изъ бамбуковыхъ стволовъ и убираютъ ихъ внутри рѣзною мебелью, украшаютъ подходы къ нимъ; ихъ сады и поля содержатся въ большомъ порядкѣ и обыкновенно даютъ хорошій сборъ плодовъ, достаточный не только для собственнаго пропитанія, но и для поддержанія маленькой отпускной торговли; хотя и торговые люди, пахаріи, однако, отличаются безукоризненною честностью: „лучше умереть, чѣмъ обмануть"—гласитъ одна изъ ихъ пословицъ. Также какъ большинство племенъ Ассама и Индо-Китая, пахаріи имѣютъ въ своихъ деревняхъ родъ общественнаго дома, гдѣ всѣ молодые люди живутъ вмѣстѣ. Передъ жилищами и возлѣ священныхъ деревьевъ посажены высокіе бамбуки, чтобы удалять злыхъ духовъ, которые летаютъ по ночамъ, пользуясь отсутствіемъ Солнца, великаго бога вселенной. Большинство антропологовъ видитъ въ пахаріяхъ дравидійцевъ, родственныхъ дравидійцамъ полуденной Индіи; во всякомъ случаѣ, они родственны имъ, по крайней мѣрѣ, по языку, который имѣетъ близкую связь съ южными нарѣчіями [1]). Утверждаютъ, но безъ доказательствъ, что пахаріи быстро уменьшаются въ числѣ и что они исчезаютъ мало-по-малу [2]); но ошибки народной переписи, происходящія, главнымъ образомъ, отъ перемѣны имени колѣнъ и ихъ клановъ, слишкомъ часты, чтобы можно было допустить, какъ несомнѣнный фактъ, вырожденіе племени.

Санталы или сонталы, въ числѣ, быть можетъ, двухъ милліоновъ душъ, живутъ тоже въ Бенгаліи и Бехарѣ и населяютъ преимущественно долины и первые скаты равнинъ у подошвы горъ, занятыхъ племенемъ пахаріа; отсюда и произошло названіе Даманъ-и-Кохъ, или „Подгорье", которое даютъ части ихъ территоріи, прилегающей къ Раджмагальскимъ холмамъ. Санталы по природѣ довольно склонны къ кочевому образу жизни; хотя земледѣльцы, они любятъ мѣнять мѣсто жительства;

[1]) *Dalton* „Ethnology of Bengal"; *H. Bickerstaffe Rowney* „The wild Tribes of India".
[2]) *Caldwell* „Dravidian Languages".

какъ только обработываемая ими почва начинаетъ оскудѣвать, они отправляются искать въ джунглѣ другихъ, еще нетронутыхъ сохой, земель, и поселяются на новомъ мѣстѣ. Во многихъ округахъ, особенно въ области Даманъ-и-Кохъ, гдѣ въ 1790 году было всего только 3.000 представителей этого племени, а пятьдесятъ лѣтъ спустя ихъ уже насчитывалось слишкомъ 200.000 душъ, наибо́льшая часть почвы уже распахана и занята подъ плантаціи, вслѣдствіе чего санталы поневолѣ сдѣлались осѣдлыми, но чтобы быть въ то же время рабами, прикрѣпленными къ землѣ; ни одному населенію Индіи не приходилось больше страдать отъ порядка землевладѣнія, введеннаго въ краѣ монгольскими завоевателями и англичанами. Обремененные податями и налогами, собираемыми въ пользу большихъ ленниковъ, притѣсняемые на всевозможные лады агентами фиска и другими посредниками, разоряемые безбожными ростовщиками, санталы, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, живущіе въ сосѣдствѣ съ индусскими селеніями, скоро очутились въ положеніи полнаго рабства; даже для прокормленія себя съ семьями, для покупки хлѣба, имъ нужно было обращаться къ ростовщику, закладывать впередъ, подъ 33 процента въ годъ, продуктъ своего собственнаго труда и труда своихъ дѣтей. Тщетно обращались они къ англійскимъ судамъ съ просьбою возвратить имъ владѣніе ихъ землей и ихъ свободой; ихъ жалобы не были выслушаны. Тогда они рѣшились спуститься массой къ Калькуттѣ, чтобы идти просить правосудія у вице-короля. 30-го іюня 1855 года восточные санталы, тѣ, которымъ приходилось всего больше страдать отъ ростовщиковъ и непомѣрныхъ налоговъ, выступили въ походъ, съ женами и дѣтьми, предшествуемые своими герольдами, бившими въ барабаны; одинъ только авангардъ поднявшихся племенъ состоялъ изъ тридцати тысячъ человѣкъ. Военная процессія, предшествуемая толпой индусскихъ бѣглецовъ, спустилась довольно далеко въ равнину, грабя на пути плантаціи ростовщиковъ и предавая пламени ихъ дома̀. Правительство поспѣшно собрало войска̀ и послало ихъ противъ петиціонеровъ. Это была не война, а гнусная рѣзня, о которой ни одинъ англійскій офицеръ не могъ разсказывать безъ стыда [1]). Санталы, торжественно заявляя, что они не питаютъ никакой вражды къ англичанамъ, а только къ закабалившимъ ихъ ростовщикамъ, приняли, тѣмъ не менѣе, битву; но что могли подѣлать ихъ стрѣлы противъ мѣткаго огнестрѣльнаго оружія сипаевъ? Все время, пока раздавался бой ихъ барабана, они давали убивать себя, не прося пощады; во многихъ деревняхъ не оставалось больше ни одного человѣка на ногахъ, когда туда проникли войска̀ компаніи. Послѣ чудовищнаго побоища, англичане надумались, наконецъ, разобрать жалобы санталовъ и дать имъ нѣкоторое удовлетвореніе.

---

[1]) *Hunter* „Annals of Rural Bengal“.

ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ ДЖАИНСКАГО ХРАМА.

земли были возвращены тѣмъ, которые ихъ воздѣлывали, нѣкоторые договоры, заключенные съ ростовщиками, были разорваны, и рабство или крѣпостное состояніе, которое до того времени было терпимо англійскими судьями, торжественно отмѣнено, но чтобы быть потомъ, слишкомъ часто, возстановляемымъ подъ другою формой. Желѣзная дорога, проникая въ страну санталовъ, гдѣ народонаселеніе достигло чрезмѣрной густоты, вслѣдствіе постояннаго перевѣса числа рожденій надъ числомъ умирающихъ, призывала работниковъ десятками тысячъ; чайные плантаторы Ассама подряжали рабочихъ для своихъ плантацій; даже съ острововъ Св. Маврикія и Соединенія крупные землевладѣльцы дѣлали желающимъ наняться къ нимъ самыя заманчивыя обѣщанія, которыя почти всегда должны были, въ концѣ концовъ, привести навербованныхъ такимъ образомъ рабочихъ къ состоянію настоящаго невольничества. Очень склонные къ перемѣнѣ мѣста, санталы охотно эмигрируютъ; тысячи мужчинъ ежегодно спускаются въ равнину, чтобы наниматься въ работники, впродолженіе одного сезона или впродолженіе цѣлыхъ годовъ; другіе соглашаются даже покинуть отечество и отправиться на заработки въ чужіе края, но очень немногіе изъ нихъ возвращаются въ свою родную деревушку.

Національный типъ этого племени—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ между типами народностей, населяющихъ Индію. Санталы не имѣютъ такой тонкости чертъ, какъ бенгальцы, но они превосходятъ ихъ силой и, сверхъ того, отличаются красотой, которую обыкновенно придаютъ человѣку прямодушіе и мужество; вообще, лицо у нихъ широкое, скулы выдающіяся, губы немного толстыя, лобъ плоскій, голова круглая; наружность ихъ свидѣтельствуетъ о тѣлесной силѣ и здоровьѣ. Живые, проворные, всегда веселые, очень добродушные, они, къ сожалѣнію, привыкли относиться недовѣрчиво къ иностранцамъ или иноплеменникамъ, и прибытіе индуса въ ихъ край пугаетъ ихъ „больше, чѣмъ присутствіе леопарда или тигра"; однако, они всегда хорошо принимаютъ путешественника, и передъ каждымъ домомъ находится почетное сидѣнье, называемое „скамьей странника", куда прохожіе, каковы бы ни были ихъ раса, цвѣтъ кожи, религія, приглашаются присѣсть и воспользоваться семейнымъ гостепріимствомъ. Не имѣя ремесленниковъ своей расы, они принуждены были пригласить къ себѣ кузнецовъ, ткачей и другихъ мастеровъ чужого племени, но они обращаются съ этими переселенцами, какъ съ людьми своихъ собственныхъ колѣнъ и клановъ, допускаютъ ихъ, посредствомъ брака, въ свои семейства, и мало-по-малу эти пришельцы индусы пріобрѣтаютъ полную натурализацію. Изъ двѣнадцати племенъ или колѣнъ санталовъ, семь сохранились почти въ первобытной чистотѣ, безъ всякихъ кастовыхъ предразсудковъ; но народцы, живущіе въ сосѣдствѣ равнинъ, уже на половину индіанизиро-

вались и мало-по-малу, усвоивая себѣ нравы и обычаи бенгальцевъ, утрачиваютъ свое достоинство свободной націи, чтобы снизойти на степень полукастъ, образовавшихся изъ помѣсей, которыя находятся въ презрѣніи у чистокровныхъ индусовъ. Языкъ, которымъ говорятъ санталы, принадлежитъ къ коларійской группѣ, которая отличается своими агглютинативными формами. Изъ всѣхъ идіомовъ этого семейства, сантальскій— самый развитый; онъ, повидимому, заимствовалъ много корней у санскрита, но, взамѣнъ того, и самъ далъ ему много своихъ, и полагаютъ даже, что именно изъ сантальскаго діалекта „божественное письмо" взяло нѣкоторыя изъ своихъ согласныхъ буквъ [1]). Однако, сантальское нарѣчіе не имѣетъ литературы, ни даже собственной, вполнѣ ему принадлежащей, азбуки; нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, написанныхъ миссіонерами, да переводы Библіи составляютъ до сихъ поръ все литературное достояніе этихъ туземцевъ; въ школахъ они учатся языку своихъ ненавистныхъ угнетателей, бенгальцевъ.

Семейный союзъ очень крѣпко организованъ у санталовъ. Браки порѣшаются заранѣе родителями, какъ у индусовъ; молодые люди свободно дѣлаютъ свой выборъ, но всегда въ другомъ кланѣ, а не въ своемъ; вмѣшательство отца имѣетъ мѣсто только для формы, чтобы исполнить правила, установленныя обычаемъ относительно вступленія чужой женщины въ среду племени. Многоженство не запрещено, но рѣдко случается, чтобы санталъ воспользовался этимъ правомъ; національные нравы позволяютъ ему это лишь въ томъ случаѣ, если первая супруга безплодна. Разводы у нихъ рѣдки. Уваженіе, которое санталы оказываютъ женщинамъ, обнаруживается особенно ихъ привычкой къ щегольству и опрятности; мужчины любятъ наряжаться и украшаютъ себя цвѣтами, перьями, кисточками изъ какой-нибудь матеріи или изъ конскаго волоса; они обвѣшиваютъ своихъ женъ и дочерей разными металлическими украшеніями, самые бѣдные—желѣзными, тѣ, кто посостоятельнѣе, кто успѣлъ сдѣлать кое-какія сбереженія—мѣдными или даже серебряными. Домà, стоящіе отдѣльно одинъ отъ другого по обѣ стороны „пути семействъ" и раскрашенные чередующимися полосами краснаго, чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, содержатся очень опрятно; скотный дворъ и птичникъ всегда находятся въ сторонѣ. Каждая семья имѣетъ свой особенный культъ, обряды котораго совершаются сообща, подъ управленіемъ главы семейства; на смертномъ одрѣ отецъ открываетъ старшему сыну имя своего бога и тайныя слова, которыми онъ взывалъ къ нему, затѣмъ, умирая, онъ самъ переходитъ въ сонмъ божествъ со всѣми предками ихъ рода. Послѣдній и священнѣйшій долгъ, который старшій сынъ или

---

[1]) *P. W. Ellis* „Preface to Campbell's Telugu Grammar"; *Hunter* „Annals of Rural Bengal".

ближайшій родственникъ обязанъ отдать усопшему, состоитъ въ томъ, чтобы, по преданіи тѣла сожженію, отнести три куска черепа на берегъ Дамуды, священной рѣки, и погрузить эти смертные останки въ святую воду, дабы они присоединились тамъ къ костямъ предковъ. Когда сантала пожретъ лютый звѣрь, то ближайшій родственникъ погибшаго, лишая себя пищи и сна, ходитъ по слѣдамъ животнаго до тѣхъ поръ, пока ему не удастся отыскать какой-нибудь остатокъ жертвы, который онъ тотчасъ же и относитъ въ воды святой рѣки.

Племенной патріотизмъ такъ же сильно развитъ у санталовъ, какъ и семейный духъ. Вступленіе молодаго человѣка въ кланъ обставлено спеціальными церемоніями, и старики объясняютъ ему его обязанности въ отношеніи общины. Проступки противъ чести, преступленія влекутъ за собою исключеніе изъ клана, т. е. гражданскую смерть; въ обыкновенныхъ случаяхъ виновный можетъ выкупить свое право гражданства, но въ случаяхъ важныхъ ему не остается ничего болѣе, какъ взять свой лукъ и стрѣлы и бѣжать въ джунгль, откуда онъ уже никогда не возвращается. Временное лишеніе правъ и исключеніе изъ общины — вотъ два единственныя средства управленія для сантальскихъ племенъ; англійскіе администраторы поняли, что вся ихъ полиція, проникая въ эти племена, повела только къ внесенію путаницы въ понятіе о правѣ у туземцевъ и къ ослабленію вліянія „отцовъ“ и представителей, которыхъ санталы сами избирали изъ своей среды. Миссіонеры, католическіе и протестантскіе, разныхъ сектъ, поселившіеся въ сантальской землѣ, имѣли въ своихъ попыткахъ обращенія въ христіанство больше успѣха, чѣмъ ихъ собраты въ индусской странѣ, но главная масса націи по прежнему остается очень привязанною къ своему древнему культу. Нѣсколько разъ въ году поселяне собираются подъ тѣнью шореи (shorea robusta), національнаго дерева по преимуществу, чтобы плясать хороводомъ и пѣть гимны въ честь своихъ предковъ, которые, по ихъ вѣрованію, смотрятъ на эти поминки съ высоты вѣтвей; они приносятъ имъ въ жертву пѣтуховъ, козъ или также красные цвѣты или плоды, которые своимъ цвѣтомъ даютъ предкамъ иллюзію крови. Такія же жертвы они приносятъ солнцу и „Великой Горѣ“, божеству, которое часто смѣшивается съ Сивой, богомъ снѣговыхъ горъ, и культъ котораго, быть можетъ, указываетъ на древнее пребываніе націи въ какой-нибудь возвышенной долинѣ Гималая. Санталы чтутъ также слона, какъ покровителя ихъ племенъ, и матери любятъ класть своихъ дѣтей у ногъ этого великана животнаго царства, прося его благословить ихъ[1]). Племена коль и хондъ обыкновенно величаютъ слона „бабушкой“.

Ораоны или дангары, т. е. „горцы“, другое туземное племя округовъ

[1]) *Hunter* „Annals of Rural Bengal“.

Чота Нагпоръ, по расѣ и языку принадлежатъ къ дравидійской семьѣ, какъ и пахаріи, и говорятъ о себѣ, что пришли вмѣстѣ съ ними изъ Западной Индіи; сами себя они называютъ хуруками. Между ними-то набираются, главнымъ образомъ, рабочіе, употребляемые въ публичныхъ работахъ Бенгаліи, и куліи, нанимаемые плантаторами отдаленныхъ колоній. Ораоны, общее число которыхъ опредѣляютъ, приблизительно, въ 600.000 душъ и которые дѣлятся на множество клановъ, имѣющихъ каждый свой особенный *тотемъ* или символическое животное, называютъ себя „трудовымъ племенемъ", и имъ доставляетъ удовольствіе дать доказательство своей силы и смѣтливости въ работахъ, которыя имъ поручаютъ; очень простодушные, они забавляются всякою бездѣлицей, весело пляшутъ и смѣются до упаду, чтобы отдохнуть отъ трудовъ; возвращаясь съ поля, всѣ съ вѣнками на головѣ, они держатъ другъ друга за талію и покачиваются съ боку на бокъ, распѣвая пѣсни, чтобы идти мѣрнымъ шагомъ [1]). По бо́льшей части дангары составляютъ рѣзкій контрастъ съ индусами своею некрасивою наружностью; цвѣтъ кожи у нихъ черный, нижняя челюсть выдалась впередъ, губа толстая, лобъ низкій и узкій, волоса длинные и слегка курчавые, часто напомаженные коровьимъ каломъ, и вдобавокъ самый родъ ихъ занятій обрекаетъ ихъ на нечистоплотность, тѣмъ не менѣе, однако, они очень любятъ украшенія и татуируютъ себѣ различныя части тѣла. Почти вездѣ жилищемъ служатъ имъ простыя землянки; главное зданіе деревни—думъ-харіа, или „мальчишникъ", въ которомъ молодые парни упражняются во всѣхъ играхъ, требующихъ силы или ловкости. Многіе обычаи ораоновъ приближаютъ ихъ къ санталамъ; подобно этимъ послѣднимъ, они поклоняются солнцу, духамъ, предкамъ, предаютъ, въ жертву имъ, закланію мелкихъ животныхъ и приносятъ имъ разные дары; также какъ и санталы, они позволяютъ своимъ дѣтямъ вступать въ бракъ по собственному выбору, но только не съ односельчанами, и предоставляютъ женщинѣ большую долю вліянія. Когда двѣ молодыя дѣвушки заключаютъ между собою вѣчный сестринскій союзъ, онѣ обмѣниваются ожерельями, въ присутствіи свидѣтелей, и до конца своихъ дней называютъ одна другую не иначе, какъ „мой цвѣтокъ" или „моя улыбка" [2]).

Нѣкоторыя другія племена обитаютъ на плоскогорьяхъ, лежащихъ къ западу отъ дельты Ганга; таковы мунданы, которые близко подходятъ къ орисскому племени коль, и карвары, родичи санталовъ, бродящіе въ лѣсахъ, на югѣ отъ рѣки Соны, и частью живущіе дикими плодами и корнями, которые они оспариваютъ у обезьянъ; но большинство первобытныхъ народцевъ (аборигеновъ) на-половину объиндіанилось или

[1]) *W. Luther; Dalton* „Ethnology of Bengal".

[2]) *Dalton*, цитированное сочиненіе; *H. Bickerstaffe Rowney* „The wild Tribes of India".

даже отличается отъ индусовъ только болѣе низкимъ соціальнымъ положеніемъ, которое имъ присвоено въ іерархіи кастъ [1]). Чандалы, самая презрѣнная индусская каста, заключающая въ своихъ рядахъ слишкомъ полтора милліона лицъ, очевидно, происходитъ отъ тѣхъ древнихъ владѣтелей страны, которыхъ арійскіе завоеватели называли съ презрѣніемъ дасіасами,—именемъ, которое теперь сдѣлалось, въ немного измѣненной формѣ, однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ въ Бенгаліи фамильныхъ названій [2]). Раджбанси или пали, которые говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ бенгальскому языку, мальда, кочъ и другія касты земледѣльцевъ, еще болѣе многочисленныя въ бассейнѣ Брамапутры, чѣмъ въ бассейнѣ Ганга, тоже принадлежатъ къ туземной расѣ и, вѣроятно, имѣютъ родственную связь съ бирманскою группой; точно также хлѣбопашцы буя, рыбаки багди, носильщики паланкиновъ бари, кожевники мучи суть представители древнихъ коренныхъ населеній или аборигеновъ. Имъ приписываютъ многіе религіозные обычаи, чуждые арійцамъ, и между прочимъ, тѣ человѣческія жертвоприношенія, вывести которыя стоило такого труда англійской полиціи. Кровавый культъ Сивы и Кали требовалъ отборныхъ жертвъ, и до 1866 года въ честь ихъ были приносимы въ жертву молодые люди, въ Джессорѣ, въ Даккѣ и въ лѣсахъ области Чота-Нагпоръ. На берегахъ рѣкъ преданіе еще указываетъ мѣста, гдѣ жрецы проливали человѣческую кровь [3]). Теперь, кажется, ужь не бываетъ такихъ ужасовъ въ Бенгаліи, но сколько еще сохранилось религіозныхъ обрядовъ не-арійскаго происхожденія, которымъ брамины еще обязаны подчиняться, или заклиная злыхъ духовъ, скрывающихся въ лѣсахъ, или принося пригоршни земли въ даръ полевымъ божествамъ! Подъ новыми названіями продолжаютъ существовать все тѣ же старые культы и вѣрованія.

Индусскій элементъ, чисто арійскаго происхожденія, какъ кажется, всего сильнѣе представленъ, по численности, въ Аудской провинціи. Брамины, жрецы, люди свободныхъ профессій, промышленники или земледѣльцы, составляютъ тамъ, по меньшей мѣрѣ, восьмую часть населенія; раджпуты и представители воинственныхъ кастъ, присвоивающіе себѣ названіе кшатріевъ, владѣютъ тамъ бо́льшею частью большихъ помѣстій, гдѣ они чествуютъ своихъ гостей англичанъ съ пышностью по истинѣ царскою; каясты, „умные, хитрые и фальшивые, какъ византійцы восточной Римской имперіи" [4]), сдѣлались „писателями" по преимуществу, и дѣйствуя за-одно съ вайсіями, овладѣли всею торговлей; землепашцы агиръ или гопа, потомки пастуховъ, хвастаются своимъ знатнымъ

[1]) *Ball* „Jungle Life in India"; „Journal of the Asiatic Society of Bengal", XXXVI.
[2]) *Hunter*, цитированное сочиненіе.
[3]) *Walter S. Sherwill* „Report upon the Bhaugiruthee River".
[4]) *Elliot* „Castes of the North-West Provinces".

происхожденіемъ, утверждая, что они принадлежатъ къ той же самой породѣ, какъ и богъ Кришна; курми, первые хлѣбопашцы, поселившіеся въ странѣ, и мурао, составляющіе, вмѣстѣ съ агирами, массу націи, тоже выдаютъ себя за индусовъ несмѣшанной расы. Тѣ изъ арійцевъ, которые спустились въ низменныя равнины Ганга въ эпоху первоначальныхъ народныхъ переселеній, равнымъ образомъ претендуютъ на чистоту крови; также какъ колонисты всякой расы, они приписываютъ себѣ болѣе высокую родовитость, чѣмъ та, которая имъ принадлежитъ въ дѣйствительности; они величаютъ себя „сугубо благородными", подобно тому, какъ потомки первыхъ англійскихъ эмигрантовъ въ Виргиніи всѣ принимаютъ самопожалованный рангъ „кавалеровъ", или какъ остъ-индскіе англичане всѣ, безъ исключенія, украшаютъ свою фамилію титуломъ „эсквайра". Но также какъ нобльмены Великобританіи не признаютъ за „дворянами" Австраліи и Канады равенства ранга, точно такъ и аудскіе брамины, особенно кануджен, или брамины Канаджа, древней индусской столицы [1]), считаютъ бенгальскихъ браминовъ гораздо ниже себя по общественному положенію и даже по религіознымъ привилегіямъ. До сихъ поръ еще кануджен упорно отказываются ѣсть съ ними за однимъ столомъ, и любой воръ изъ уроженцевъ Аллахабада или Бенареса стоически перенесетъ въ своей тюрьмѣ наказаніе кнутомъ, скорѣе чѣмъ согласится проглотить хоть одно зерно риса, приготовленнаго калькутскимъ браманомъ. Еще недавно чистокровный аріецъ изъ Ауда, будь то даже простой земледѣлецъ, не могъ вступить въ законный бракъ съ бенгальскою браманкой, какъ бы ни былъ богатъ ея отецъ; прижитыя отъ нея дѣти считались незаконнорожденными [2]). Къ этимъ именно странамъ, гдѣ преобладаютъ браманы, индусы по преимуществу, въ верхнихъ равнинахъ Джамны и Ганга, завоеватели Великіе Монголы примѣнили спеціальнымъ образомъ названіе Индустана, распространенное впослѣдствіи на всѣ, безъ исключенія, земли, гдѣ говорятъ индусскими нарѣчіями и исповѣдуютъ индусскія религіи, т. е. на весь Полуостровъ по сю сторону Ганга [3]).

Магометане, столь многочисленные въ сѣверо-западной области Индустана, составляютъ меньшинство населенія въ бассейнѣ Ганга, хотя они были нѣкогда политическими господами на этой покатости Индіи, и хотя они часто пользовались своею властью, чтобы обращать въ исламъ своихъ подданныхъ, отдавая приказы объ обрѣзаніи ихъ массами. Въ верхнихъ пригангскихъ равнинахъ мусульмане заключаютъ лишь седьмую часть населенія; въ Аудѣ, странѣ индусской по преимуществу, они составляютъ только десятую часть общаго числа жителей; немного болѣе

---

[1]) *Campbell* „Ethnology of India".
[2]) *Hunter* „Annals of Rural Bengal".
[3]) *Rennel* „Memoir a map of Hindoostan".

многочисленные въ Бехарѣ, они почти совсѣмъ не встрѣчаются въ области Чота-Нагпоръ, гдѣ преобладаютъ туземные элементы, жившіе тамъ еще до прихода арійцевъ; но въ собственной Бенгаліи они снова пріобрѣтаютъ значительную численную важность. Въ этомъ отношеніи всенародная перепись 1872 года была своего рода неожиданнымъ откровеніемъ Англійскіе правители съ удивленіемъ узнали, что въ одной только Бенгальской провинціи ихъ мусульманскіе подданные превосходятъ числомъ подданныхъ константинопольскаго султана въ Европѣ и въ Азіи. Около трети жителей Бенгаліи принадлежатъ къ исламу. Правда, что магометане этой части Индіи далеко не походятъ на мусульманъ Аравіи; во многихъ округахъ они даже не знаютъ самыхъ простыхъ формулъ своей религіи, и, раздѣленные на касты, подобно индусамъ, совершая тѣ же самыя церемоніи въ святилищахъ, они отличаются отъ своихъ сосѣдей единственно соблюденіемъ обряда обрѣзанія. Но въ это послѣднее время большое движеніе религіознаго пробужденія установило болѣе крѣпкую связь между мусульманскими жителями Бенгаліи. Странствующіе проповѣдники, приходящіе, по большей части, изъ сѣверныхъ провинцій, отвлекли своихъ единовѣрцевъ отъ индусскихъ капищъ и преподали имъ существенные догматы и правила своей религіи. Духъ солидарности магометанъ Бенгаліи съ магометанами остальной Индіи и другихъ частей свѣта усилился; они знаютъ теперь, чего не вѣдали еще недавно, какъ велика важность ихъ религіозной и политической роли между народами земнаго шара, и хотя раздѣленные тоже на касты, они, однако, представляютъ тѣло относительно объединенное, сплоченное, въ сравненіи съ раздробленностью индусскаго общества, распадающагося на тысячу ничѣмъ не связанныхъ между собою фракцій. Притомъ же, различіе занятій можетъ только поддерживать и даже увеличивать контрастъ между сектаторами отдѣльныхъ религій. Такъ, въ Бехарѣ и въ Аудѣ мусульмане принадлежатъ, по большей части, къ высшимъ классамъ общества; въ Бенгаліи они соединены преимущественно въ общины земледѣльцевъ, тогда какъ служащіе и ремесленники почти всѣ индусы. Во многихъ округахъ даже существуютъ неоспоримыя расовыя различія. Такъ, въ Рохильхандѣ, на югъ отъ Кумаона и Непала, рохильцы, или рогильцы, прежніе властители края, суть чистые афганы, и большинство другихъ магометанъ страны, саиды, шейхи, „монголы“, патаны, тоже иноземнаго происхожденія, по крайней мѣрѣ, по своимъ представителямъ мужскаго пола, потомкамъ соратниковъ султановъ Махмуда, Бабера и Акбара.

Магометанскому же вліянію обязанъ своимъ происхожденіемъ и языкъ, которымъ говоритъ большинство жителей въ бассейнѣ Ганга. Языкъ этотъ, извѣстный подъ именемъ индустани, получилъ свое первое начало въ военномъ станѣ Великаго Монгола, въ Делійской ордѣ или

урду: отсюда и названіе урду, „ордынская рѣчь", которымъ онъ обыкновенно обозначается; но изъ простого лагернаго нарѣчія, изъ грубаго *сабира*, какъ говоръ франко-арабовъ, индустани вскорѣ сдѣлался настоящимъ, вполнѣ развитымъ языкомъ, и благодаря своему неистощимому запасу словъ арабскихъ и персидскихъ, легкости, съ которою онъ ассимилируетъ себѣ новыя слова, гармоніи своихъ созвучій, гибкости своей фразеологіи, которая позволяетъ ему имѣть по произволу всякую желаемую пространность или всякую краткость, онъ мало-по-малу вытѣснилъ многіе индусскіе діалекты, нисшедшіе теперь на степень областныхъ нарѣчій; имъ даже говоритъ бо̀льшее число людей, чѣмъ бенгальскимъ діалектомъ (бенгали), употребляемымъ сорока-пятью милліонами индусовъ; какъ языкъ образованный, онъ имѣетъ перевѣсъ надъ всѣми родственными идіомами, каковы панджаби, синди, гуджарати, марати, непали. Онъ унаслѣдовалъ то вліяніе, какимъ нѣкогда пользовался языкъ пали въ цивилизаціи Востока. Впрочемъ, не смотря на сильную примѣсь арабскихъ и персидскихъ терминовъ, число которыхъ простирается, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, до трехъ пятыхъ всего запаса словъ, урду остается, тѣмъ не менѣе, индусскимъ діалектомъ по своему грамматическому строю, по окончаніямъ словъ и по конструкціи предложеній. Точно также нарѣчіе бенгали сохраняетъ свой характеръ индійскаго языка въ судопроизводствѣ, гдѣ онъ смѣшанъ на одну треть съ иностранными терминами, по бо̀льшей части англійскими. Индустани, хотя онъ произошелъ отъ нарѣчія инди или гинди, вообще употребляетъ персидскіе письменные знаки, точно это языкъ не національнаго, а иностраннаго происхожденія; но онъ можетъ быть воспроизведенъ „божественными буквами" такъ же легко, какъ и словесныя произведенія другихъ языковъ Индустана, происшедшихъ отъ санскрита [1]).

Уже болѣе столѣтія англичане управляютъ непосредственно нижними областями гангесскаго бассейна. Съ 1769 года были назначены въ каждой провинціи спеціальные агенты для наблюденія за исправнымъ поступленіемъ налоговъ и для измѣненія, по мѣрѣ надобности, ихъ раскладки. Съ той эпохи въ мѣстной администраціи были произведены большія перемѣны. Старинныя общинныя учрежденія, мало отличающіяся отъ великорусскаго міра, почти совершенно перестали существовать, по крайней мѣрѣ въ Бенгальской равнинѣ, подъ господствомъ новаго порядка землевладѣнія, введеннаго англичанами. Въ прежнее время каждая деревня составляла одно „братство", владѣвшее сообща лѣсами, пастбищами и выгонами и распредѣлявшее пахатныя зѐмли между всѣми своими членами, давая каждому участокъ, который онъ долженъ былъ обрабатывать въ теченіе года для производства риса или другихъ хлѣбовъ,

[1]) *Pajendrallala Mitra* „Indo-Aryans".

индиго, овощей или плодовъ. Не смотря на политическія перемѣны и на обращенія изъ одной вѣры въ другую, совершавшіяся добровольно или по принужденію, маленькая сельская республика сохраняла общинное владѣніе землей и удерживала за собою характеръ моральнаго или юридическаго лица въ отношеніи къ государству; она сама собирала причитающійся съ нея налогъ, за исправный взносъ котораго отвѣтствовала круговою порукой всѣхъ своихъ членовъ; она отправляла всѣ обязанности мѣстной полиціи, творила судъ между членами общины, видоизмѣняла по произволу свою внутреннюю организацію. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда деревня бывала разрушена, она продолжала существовать виртуально, какъ правоспособный союзъ; члены „братства", укрывавшіеся въ лѣсахъ, оставались, тѣмъ не менѣе, соединенными между собою, и часто, послѣ двадцати или тридцати лѣтъ такой жизни въ изгнаніи, они, пользуясь совершившимся въ краѣ политическимъ переворотомъ, возвращались на родное пепелище, чтобы вновь отстроить свое селеніе на томъ же самомъ мѣстѣ и снова приняться, безъ всякаго спора съ чьей-либо стороны, за обработку полей, которыя преданіе признавало ихъ неотъемлемою собственностью [1]. Смѣнивъ прежнихъ властителей страны, какъ верховный владѣлецъ земли, англійское правительство почти вездѣ измѣнило феодальную зависимость земель въ пользу генеральныхъ откупщиковъ или арендаторовъ, а въ 1798 году оно даже совершенно отказалось отъ владѣнія землей въ пользу концессіонеровъ, принявшихъ на себя обязательство вносить въ казну опредѣленную сумму поземельнаго налога. Нѣкоторыя государственныя имущества были проданы или уступлены частнымъ лицамъ въ полную собственность; бо̀льшая часть имѣній была передана *заминдарамъ*, *талукдарамъ* или арендаторамъ за извѣстную ежегодную ренту; въ бывшемъ Аудскомъ королевствѣ вся страна раздѣлена такимъ образомъ между 256 индивидуумами. Заминдары, въ свою очередь, сдали землю второстепеннымъ арендаторомъ, или отдаютъ ее въ оброчное содержаніе агентамъ, которые сами не земледѣльцы въ настоящемъ смыслѣ слова, а обработываютъ почву руками райевъ; такимъ образомъ цѣлый рядъ посредниковъ захватываетъ въ свою пользу львиную долю земледѣльческаго продукта; даже въ томъ благопріятномъ случаѣ, когда будущій трудъ крестьянина не принадлежитъ заранѣе владѣльцу земли, даже когда необходимый ему для прокормленія себя съ семьей запасъ риса не былъ пріобрѣтенъ заимообразно у ростовщиковъ подъ обычный годовой процентъ пятьдесятъ за сто [2], и тогда онъ долженъ платить тройной или четверной налогъ подъ-арендаторамъ заминдаровъ. Въ бо̀льшей части округовъ райи не обезпечены даже относи-

---

[1] *Long* „Village communities in India and Russia".
[2] *Hunter* „Imperial Gazetteer of India".

тельно права пребыванія на обработываемой ими землѣ. Правда, что, въ силу преданія, постоянное жительство въ одномъ мѣстѣ впродолженіи двѣнадцати, двадцати или тридцати лѣтъ, смотря по провинціи, гарантируетъ крестьянина отъ произвольнаго изгнанія; но до истеченія этого періода времени онъ находится въ полной власти землевладѣльца [1]), да и послѣ того нищета, иногда даже недостатокъ необходимаго продовольствія или голодъ заставляютъ его подчиняться всякимъ условіямъ, какія только заблагоразсудится господину предписать ему. Въ провинціяхъ верхняго Ганга, которыми англійское правительство владѣетъ еще не такъ давно, какъ Бенгаліей, большое число земледѣльческихъ общинъ еще сохранило свое старинное устройство и образуетъ бхайячара, или „братства", но и тамъ купцы и банкиры, джайны или баньясы, овладѣли цѣлыми деревнями, населеніе которыхъ они и эксплуатируютъ въ свою пользу. Особенно въ Бехарѣ положеніе крестьянина самое плачевное и тяжелое бремя неоплатныхъ долговъ отдало его въ полную кабалу ростовщикамъ. Въ восточныхъ и сѣверныхъ округахъ Бенгаліи сельскій людъ менѣе терпитъ нужды и горя, и нѣкоторые изъ крестьянъ, особенно между мусульманами, живутъ даже въ довольствѣ; но и тамъ тоже старинное общинное устройство исчезло, оставивъ послѣ себя только кое-какія пустыя формальности: *панчаяты*, или „совѣты пяти", собираются еще кое-гдѣ, но ихъ совѣщанія не имѣютъ никакой силы противъ рѣшенія коронныхъ судовъ или воли землевладѣльцевъ. Однако, бо́льшая часть деревень назначаетъ еще своего полуоффиціальнаго совѣтника, который обыкновенно избирается въ качествѣ третейскаго судьи въ спорахъ, возникающихъ между членами сельскаго общества. Такъ велика, вопреки политическимъ переворотамъ, живучесть обычаевъ, основанныхъ на правосознаніи народа, что жители сельскихъ общинъ признаютъ вообще, въ качествѣ *мундула*, или наслѣдственнаго „начальника деревни", человѣка низшей касты, представляющаго въ своемъ лицѣ древнихъ владѣтелей земли въ эпоху, предшествовавшую арійскому нашествію; во время мѣстныхъ праздниковъ они украшаютъ его гирляндами и подносятъ ему въ даръ сандальное дерево. Въ Калькуттской области изъ 6,000 „деревенскихъ головъ" только 15 принадлежатъ къ высшимъ кастамъ, 1,300 изъ среднихъ кастъ, а большинство, 3,600, изъ низшихъ кастъ [2]). Двѣ тысячи лѣтъ господства не дали еще арійцу правъ окончательной натурализаціи.

Двѣ половины Гангесской равнины, столицы которыхъ — Дели и Калькутта, рѣзко отличаются одна отъ другой распредѣленіемъ жителей; съ одной стороны, большія городскія поселенія очень многочисленны,

[1]) *Richard Temple* „India".
[2]) *Hunter* „Imperial Gazetteer of India"; „Official Reports".

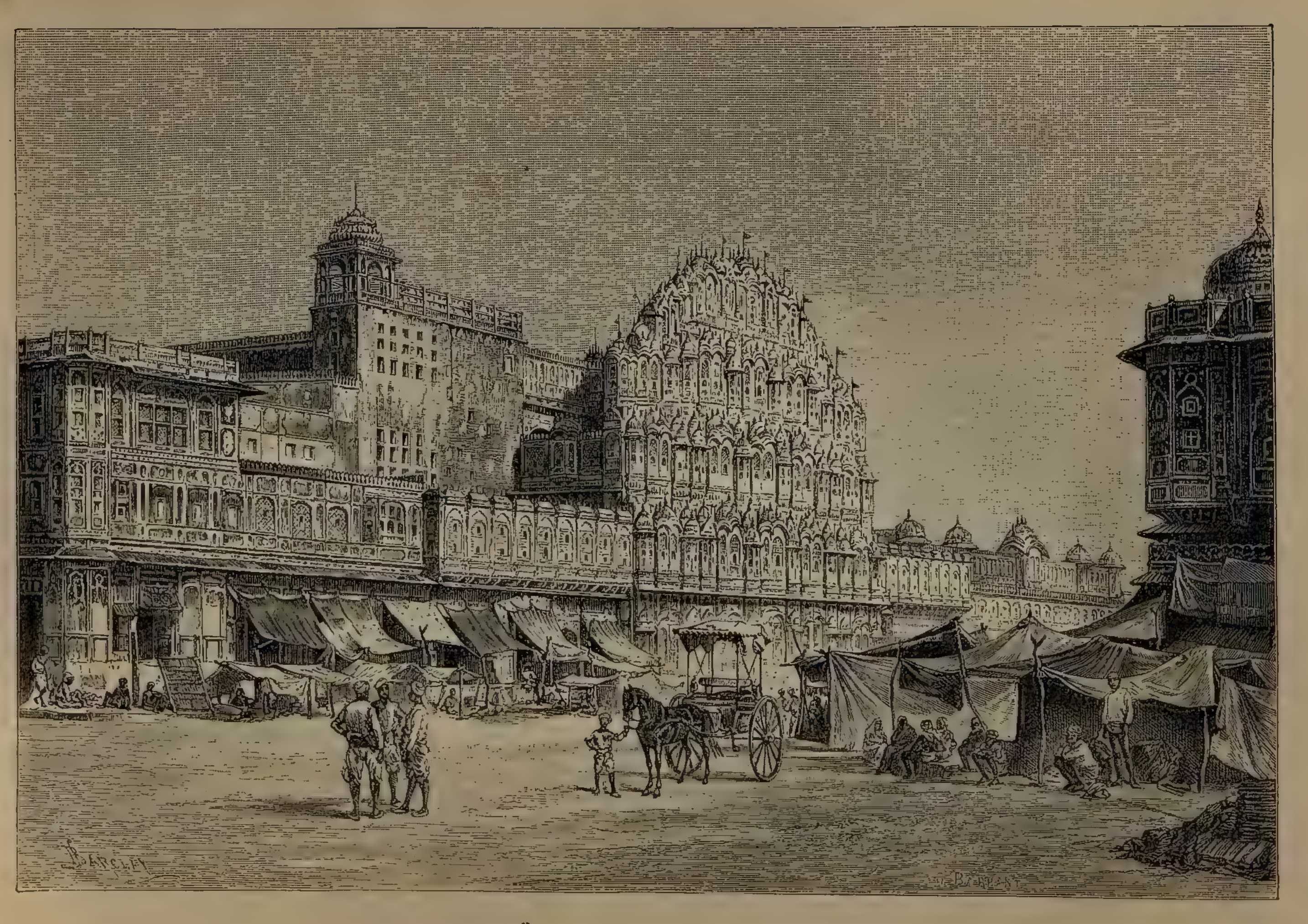
съ другой—населеніе, внѣ главнаго города, почти исключительно сельское. Провинціи Доаба (междурѣчья, ограниченнаго Гангомъ и Джамной), гдѣ слѣдовали одна за другою столицы имперіи, привлекавшія къ себѣ торговлю и промышленность, покрылись сѣтью городовъ, гдѣ поселялись иммигранты изъ Персіи, изъ Афганистана, изъ Бухары, группируя вокругъ себя милліонами ремесленниковъ страны. Бенгалія, напротивъ, осталась страною существенно земледѣльческою, хотя ея столица есть въ то же время столица всей Англо-индійской имперіи. Калькутта — единственный большой городъ провинціи; большинство бенгальцевъ живетъ въ маленькихъ деревняхъ, окруженныхъ группами деревьевъ. Хотя этотъ край есть одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ во всемъ свѣтѣ, путешественникъ, проѣзжающій черезъ него, могъ бы принять его за необитаемую страну,—такъ скромно спрятались хижины подъ густою листвой деревьевъ.

Оффиціальная граница Пенджаба и провинцій, называемыхъ „Сѣверо-Западными", хотя занимающихъ центральную часть индусской равнины, рѣка Джамна извивается среди полей „Бельгіи" Индустана, гдѣ всего чаще рѣшалась, въ кровопролитныхъ битвахъ, судьба династій, царствовавшихъ на сѣверѣ Индіи. Карналъ, городъ, существовавшій уже въ легендарныя времена, когда происходили великія войны, о которыхъ разсказываетъ поэма Магабгарата, упоминается въ исторіи всѣхъ военныхъ походовъ, начиная съ магометанскихъ нашествій; точно также городъ Панипатъ, стоящій къ югу отъ Карнала и расположенный, какъ и этотъ послѣдній, на старомъ высокомъ берегу, покинутомъ Джамной, которая теперь течетъ восточнѣе, прославился въ лѣтописяхъ Индіи пятью рѣшительными побѣдами, которыя одержали тамъ „монголы" Тимура, Бабера и Акбара, въ 1398, въ 1526 и въ 1556 годахъ, персы Надиръ-шаха въ 1739 году и афганцы Ахмедъ-шаха въ 1761 году. Здѣсь именно, въ Панипатѣ, рѣшалась между воюющими арміями участь города Дели, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьба всей Сѣверной Индіи. Большая столбовая дорога Индустана проходитъ черезъ Панипатъ и Карналъ; желѣзная дорога прошла восточнѣе, по срединѣ Доаба, вслѣдствіе чего и стратегическіе пункты перемѣстились въ томъ же направленіи. Сахаранпуръ, Деобандъ, „святой градъ", Музаффарнагаръ, Миратъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, съ сѣвера на югъ, па этомъ желѣзномъ пути. Миратъ, пользовавшійся славой уже во времена буддійскаго царя Асоки, который воздвигъ тамъ одинъ изъ своихъ столбовъ съ надписями, перенесенный теперь въ Дели, въ настоящее время есть одинъ изъ главныхъ кантонементовъ англо-индійской арміи: здѣсь, какъ извѣстно, вспыхнуло въ 1857 году страшное возмущеніе сипаевъ; однако, англійскія войска могли держаться тамъ во все продолженіе войны. Въ 55 километрахъ къ

сѣверо-востоку отъ Мирата, на высокомъ берегу, господствовавшемъ нѣкогда надъ старымъ русломъ Ганга, виднѣются кое-какія развалины и кучи мусора: это все, что осталось отъ древняго „города слоновъ", Гастинапура, города, который такъ долго оспаривали другъ у друга Куруиды и сыновья Панду. Уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, какъ воды Ганга, подтачивая и размывая берегъ, ниспровергли стѣны этой Трои Индустана.

Дели (Дехли, Дихли, Дили), который тоже былъ одною изъ столицъ Индіи и на которомъ въ наше время англійское правительство остановило свой выборъ, чтобы воздвигнуть тамъ императорскій тронъ королевы Великобританіи, былъ много разъ разрушаемъ, какъ и „городъ слоновъ", только не наводненіями или размывами береговъ, а рукой людей и дѣйствіемъ времени. Нынѣшній городъ, оффиціальное названіе котораго—Шахджахапабадъ, по имени его основателя, появился въ относительно недавнюю эпоху, именно въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, но вокругъ его стѣнъ, до двадцативерстнаго разстоянія во всѣ стороны, видны руины, принадлежавшія многочисленнымъ прежнимъ Дели; пространство, на которомъ раскинуты древніе памятники или груды развалинъ и кучи мусора, исчисляется въ 116 квадр. километровъ. Изъ всѣхъ этихъ городовъ самый древній—Индраспата, основаніе котораго индійская эпопея приписываетъ Юдиштирѣ; мѣстоположеніе его еще обозначено стѣнами Индурпута, находящимися въ 4 километрахъ къ югу отъ нынѣшней городской ограды; тридцать четыре столѣтія протекло съ той поры, когда сынъ Панду завоевалъ этотъ край у наговъ, туземныхъ поклонниковъ священнаго змѣя. Уже въ теченіе девятнадцати столѣтій слѣдовавшіе въ этомъ мѣстѣ одинъ за другимъ города носятъ имя Дели. По сказанію легенды, желѣзный столбъ Раджа-дхавы, уединенная металлическая колонна, обозначающая середину одного изъ древнихъ городовъ, покоится на головѣ короля змѣй; одинъ невѣрующій государь, желая удостовѣриться въ подлинности этого чуда, велѣлъ выкопать столбъ, основаніе котораго оказалось окрашеннымъ кровью.

Современный Дели, построенный въ формѣ полукруга, діаметръ котораго идетъ вдоль высокаго западнаго берега Джамны и который обращенъ къ юго-западу внѣшнею дугой своихъ стѣнъ, занимаетъ пространство около 7 квадр. километровъ; нѣсколько параллельныхъ выступовъ или рядовъ скалъ, прилегающихъ къ сѣверо-западной части городской ограды и послѣдняя гряда которыхъ исчезаетъ на сѣверѣ подъ аллювіальными землями берега Джамны, объясняютъ удивительное счастье и живучесть Дели. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ находится вершина трехугольника возвышенностей, ограниченнаго, съ одной стороны, равнинами Ганга, съ другой—пустыней Таръ и полями, орошаемыми Индомъ; плоскогорья всей системы горъ Виндіа, хотя перерѣзанныя на югѣ многочисленными долинами, оканчиваются совершенно только на Делійскомъ кряжѣ или

ВИДЪ ГЛАВНОЙ УЛИЦЫ ВЪ ГОРОДѢ ДЖЕЙПУРѢ.

гребнѣ (ridge или crest, по-англійски); здѣсь прекращаются всѣ препятствія, которыя неровности почвы противополагаютъ движенію каравановъ и армій. Дели занимаетъ, слѣдовательно, какъ разъ то мѣсто Индіи, гдѣ расходятся главные историческіе пути Полуострова, къ нижнему бассейну Ганга, къ горнымъ проходамъ Гинду-куша, къ устьямъ Инда и къ Камбейскому заливу. До постройки большихъ дорогъ, Дели былъ важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ всего Сѣвернаго Индустана, и потому естественно, что столицы должны были возрождаться тамъ послѣ каждой катастрофы или періода упадка вслѣдствіе перенесенія резиденціи въ другой городъ; въ наши дни онъ сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ торговли и центральною станціей желѣзныхъ путей между тремя крайними пунктами, Калькуттой, Пешаверомъ и Бомбеемъ. Даже мѣстная гидрографія свидѣтельствуетъ о роли Дели, какъ посредника между востокомъ и западомъ Индіи. Выше города, Джамна дѣлится на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна направляется на юго-западъ, какъ бы для того, чтобы идти на соединеніе съ Индомъ; она наполняетъ болотистую котловину или *джиль*, называемую Наджафгаръ, которая, въ свою очередь, послѣ дождей, изливаетъ обратно въ Джамну излишекъ своихъ водъ.

Въ нынѣшней своей оградѣ или чертѣ Дели дѣлится на два особенные города. Сѣверную часть, гдѣ находится станція желѣзной дороги, проходящей, передъ вступленіемъ въ Дели, по прекрасному желѣзному мосту черезъ пески, островки и узкое теченіе Джамны, занимаетъ англійскій городъ, отдѣленный отъ города туземцевъ обширными садами и широкими аллеями или бульварами. Бывшій дворецъ Великаго Монгола Шахъ-Джахана, вообще извѣстный подъ названіемъ „крѣпости", тоже уединенъ отъ остальнаго города площадями, обсаженными тѣнистыми деревьями. Преобразованный теперь въ казармы, этотъ дворецъ много потерялъ своей прежней красы; тѣмъ не менѣе, громадный параллелограмъ, покрывающій не менѣе 47 гектаровъ (слишкомъ 43 десятины). вдоль нагорнаго берега Джамны, заключаетъ въ себѣ еще нѣкоторыя изъ замѣчательнѣйшихъ зданій Индіи: входная зала, длиной въ 114 метровъ (болѣе 53 саженъ), есть одна изъ самыхъ величественныхъ палатъ во всемъ свѣтѣ, а обширная аудіенцъ-зала, павильоны которой господствуютъ надъ теченіемъ рѣки и ея лѣсистыми островами, есть чудо изящества и граціи, вполнѣ оправдывающее своими прелестными арабесками и провивками надпись, которая тянется вокругъ потолка: „Если есть небо на землѣ, то вотъ оно, вотъ оно!" Главная мечеть, стоящая въ туземномъ городѣ, на скалистой возвышенности, тоже принадлежитъ къ числу архитектурныхъ произведеній, составляющихъ славу и гордость Индустана; въ сравненіи съ этимъ зданіемъ такихъ величественныхъ размѣровъ, которое поднимаетъ высоко надъ городомъ свои узорчатые порталы, свои стройные минареты, свои три купола изъ бѣлаго

мрамора, массивныя сооруженія англичанъ, колледжъ, музей, госпитали, казармы, церкви кажутся безобразными постройками варваровъ.

Но самые замѣчательные памятники зодчества находятся въ окрестностяхъ нынѣшняго города, среди развалинъ прежнихъ Дели; тамъ сохранились еще многіе храмы, пагоды и мечети, мавзолеи, колонны, укрѣпленія, принадлежащіе ко всѣмъ эпохамъ индусскаго искусства, начиная съ періода, восходящаго за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до нашего времени. Ферозабадскій дворецъ, заключающій, между прочимъ, знаменитый столбъ императора Асоки, далѣе Индурпутскія руины, гробница Гумаюна, обсерваторія, воздвигнутая джейтурскимъ раджей въ 1728 г.— всѣ эти памятники слѣдуютъ одинъ за другимъ въ равнинѣ на югъ отъ города, и аллеи зданій оканчиваются, въ 15 километрахъ отъ стѣнъ нынѣшняго Дели, группой мечетей и колоннадъ Кутаба. Надъ этими строеніями господствуетъ колоссальная „башня Побѣды“, воздвигнутая въ тринадцатомъ столѣтіи; это пучекъ колоннъ, раздѣленный на пять этажей круговыми галлереями, поясами изваяній и надписей въ рельефѣ. Башня постепенно съуживается отъ основанія къ вершинѣ, и потому высота ея, равная 72 метрамъ (около 34 саженъ), кажется больше настоящей отъ дѣйствія перспективы. Съ купола, частью поврежденнаго землетрясеніемъ 1803 года, взоръ обнимаетъ все протяженіе, ограниченной на западѣ цѣпью холмовъ, исторической равнины, гдѣ возникало столько могущественныхъ городовъ.

Легко понять гордость, которую испытываютъ патріоты Индіи при видѣ этихъ живыхъ свидѣтельствъ славы ихъ предковъ. Въ 1857 году, когда англичане, прогнанные взбунтовавшимися сипаями, принуждены были брать обратно городъ приступомъ, затѣмъ обложить осадой гробницу Гумаюна, чтобы овладѣть особой „Великаго Монгола“, они изгнали всѣхъ жителей Дели, индусовъ и мусульманъ, которые такимъ образомъ должны были все время, пока продолжалось дѣйствіе военнаго закона, оставаться внѣ городской черты. Снова водворившись въ городѣ по усмиреніи возстанія, они тамъ теперь еще болѣе многочисленны, чѣмъ были до войны, и это имъ преимущественно принадлежатъ, въ улицѣ Чандни-чокъ, блестящіе магазины золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, кожанаго товара, златотканыхъ матерій, рѣзной мебели,—произведеній, составляющихъ спеціальныя промышленности Дели, но, къ сожалѣнію, уже много утратившихъ своей прежней оригинальности, вслѣдствіе подражанія европейскимъ образцамъ. На юго-западѣ, при желѣзной дорогѣ изъ Раджпутаны, стоитъ многолюдный городъ Ревара, передовой товаро-складочный пунктъ Дели по снабженію произведеніями промышленности всѣхъ маленькихъ государствъ нагорья.

На юго-востокѣ, въ доабѣ или междурѣчьи, черезъ которое проходятъ большая столбовая дорога, рельсовый путь и каналъ, проведенный

изъ Ганга, разсѣяны въ близкомъ одинъ отъ другого разстояніи многолюдные города: Буландшаръ или Баранъ, Сикандарабадъ, Хурджа, торговый городъ, съ пышнымъ джайнскимъ храмомъ, построеннымъ его богатымъ купечествомъ, Коилъ и Алигаръ; вблизи послѣдняго стоитъ крѣпость, которую французъ Перронъ сдѣлалъ оплотомъ маратскаго могущества и которая долгое время задерживала успѣхи англійскаго оружія въ началѣ настоящаго столѣтія. Городъ Гатрасъ, лежащій южнѣе, есть главный складочный пунктъ торговли между Дели и Каунпоромъ. Онъ соединенъ желѣзною дорогой съ многолюднымъ городомъ Мутра (Маттра), построеннымъ, какъ и Дели, на западномъ нагорномъ берегу Джамны. Это одинъ изъ священныхъ городовъ Индустана, и усердіе пилигримовъ, стекающихся сюда толпами, поддерживаетъ массы празднаго люда, живущаго около храмовъ; жители Муттры не имѣютъ почти никакихъ промысловъ, кромѣ эксплуатаціи каменоломень и тески камней для постройки религіозныхъ зданій, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Муттра, древняя Матура, одна изъ столицъ „Лунной" династіи, была уже однимъ изъ средоточій буддійской религіи, и Птоломей, упоминающій о ней подъ именемъ Модуры, называетъ ее „городомъ боговъ"; въ грудахъ развалинъ, возвышающихся тамъ и сямъ на югѣ, отыскали многочисленныя изваянія буддійскаго періода, свидѣтельствующія о греко-бактрійскомъ вліяніи, которое выразилось въ расположеніи группъ и въ складкахъ драпировокъ [1]). Послѣ изгнанія буддистовъ, храмы получили другое названіе, архитектурный стиль зданій измѣнился, легенды были пріурочены къ другимъ личностямъ, но городъ, тѣмъ не менѣе, остался однимъ изъ святыхъ мѣстъ Индіи; въ сосѣдствѣ его родился Кришна, покровитель пастуховъ, котораго впослѣдствіи индусы стали боготворить, какъ своего Христа; каждая мѣстность въ окрестностяхъ имѣетъ свою исторію, относящуюся къ какой-либо чертѣ изъ жизни этого бога. Почти всѣ памятники города и страны были сооружены въ честь Кришны, и хотя мусульманскіе государи велѣли ихъ разрушить въ первый разъ, но они были вновь выстроены еще въ большемъ числѣ и съ большимъ великолѣпіемъ, чѣмъ прежніе. Въ семи километрахъ къ сѣверу, Бриндабанъ, древняя Вриндавана, указываетъ мѣсто, гдѣ Кришна овладѣлъ змѣинымъ царемъ, обвившимся вокругъ дерева, и ввергнулъ его въ волны Джамны; отраженная струя ударяющихся о нагорный берегъ водъ рѣки, образующая родъ водоворота, происходитъ, по вѣрованію индусовъ, отъ размаховъ хвоста этого чудовища [2]). Одинъ изъ Бриндабанскихъ храмовъ, недавно построенный банкирами джайнами, стоилъ слишкомъ шесть милліоновъ франковъ; другая пагода, сооруженіе

---

[1]) *Cunningham; Goblet d'Alviella* „Inde et Himalaya".
[2]) *Al. Cunningham* „Ancient Geography of India".

которой относится къ концу шестнадцатаго столѣтія, представляетъ одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ Полуострова, такъ какъ въ этомъ храмѣ можно видѣть соединеніе индусскихъ колоннъ, персидскихъ аркадъ и стрѣльчатаго свода. Всѣ окрестныя поля вокругъ Муттры и Бриндабана преданы общественнымъ благочестіемъ на расхищеніе животнымъ: обезьяны, бѣлки, павлины, попугаи, дикія птицы являются здѣсь безцеремонными гостями, отъ которыхъ мѣстные жители должны почтительно защищать свои запасы.

Агра или Акбарабадъ, лежащій въ 50 километрахъ на юго-востокъ отъ Муттры, на берегу одной извилины Джамны, не принадлежитъ къ числу древнихъ городовъ Индіи: онъ существуетъ не болѣе трехъ столѣтій; но выбранный, какъ резиденція, султаномъ Баберомъ и сдѣлавшійся, при султанѣ Акбарѣ, столицей имперіи Великихъ Монголовъ, онъ привлекъ скоро толпу жителей, и не смотря на бѣдствія, постигшія его со времени періода блеска и процвѣтанія, онъ и до сихъ поръ еще остается, послѣ Дели, первымъ городомъ въ верхнемъ бассейнѣ Ганга. Кое-какіе слѣды древняго города, предшествовавшаго эпохѣ Бабера, видны еще на восточномъ берегу Джамны, и нынѣшняя городская ограда окружена обширными необитаемыми пространствами, гдѣ кучи развалинъ и отрывки стѣнъ свидѣтельствуютъ о прежней важности Агры. Нынѣшній городъ, на половину меньшій, чѣмъ во времена Акбара, но примыкающій на югѣ къ военному городу „кантонементовъ", гдѣ расположено англійское войско, сохранилъ, по крайней мѣрѣ, большую часть прекрасныхъ зданій, которыя даютъ ему право называться перломъ Индустана. Крѣпость, расположенная на берегу рѣки, окружена высокими стѣнами (около 10 саженъ въ вышину) изъ краснаго песчаника, надъ которыми господствуютъ башни съ украшеніями изъ бѣлаго мрамора; въ своей каменной оградѣ, имѣющей въ окружности 2.400 метровъ, она заключаетъ еще, кромѣ дворца, изъ котораго англичане сдѣлали казармы, многія зданія, сохранившія первоначальную чистоту стиля, блескъ мраморовъ, изящество арабесокъ и другихъ орнаментовъ. Противъ входа въ крѣпость стоитъ, на высокой террасѣ, величественная Джамма-Масджитъ, или „Главная Мечеть", состоящая изъ трехъ корпусовъ, тогда какъ внутри крѣпостной ограды другой храмъ, „Жемчужная Мечеть", завершаетъ собою рядъ дворцовъ; этотъ храмъ, построенный цѣликомъ изъ бѣлаго мрамора, отличающійся въ одно и то же время величавою простотой пропорцій и законченностью формъ, совершенствомъ отдѣлки до мельчайшихъ деталей, представляетъ, по размѣрамъ, зданіе средней величины, но онъ, тѣмъ не менѣе, есть одинъ изъ самыхъ величественныхъ памятниковъ религіознаго зодчества Индіи по торжественной гармоніи его внутреннихъ пространствъ и по недосягаемой высотѣ его сводовъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Агры нѣкоторыя императорскія могилы

тоже принадлежатъ къ числу грандіозныхъ памятниковъ Индіи: на сѣверѣ, близъ Секундры, гробница Акбара, окруженная минаретами, кіосками, широкими аллеями высокихъ деревьевъ, сама по себѣ составляетъ обширный дворецъ, построенный изъ краснаго песчаника, какъ почти всѣ зданія этой эпохи, и великолѣпно украшенный мраморными изваяніями, отличающимися удивительною нѣжностью линій и тонкостью работы; но главное чудо бывшей столицы „Великихъ Монголовъ", одинъ изъ перловъ искусства во всемъ свѣтѣ,—это дивный храмъ Таджъ-Магалъ, красующійся на берегу Джамны, къ юго-востоку отъ города, мавзолей, который Шахъ-Джаханъ воздвигъ на могилѣ своей супруги Арджаманъ-Бену, болѣе извѣстной подъ именемъ Мумтазъ, или „Чествуемая". Какъ при словѣ Парѳенонъ нашему воображенію тотчасъ же представляется идеальный типъ древне-греческаго храма, съ его перистилемъ, съ его фризами, метопами и богами, и зваянными на фронтонѣ, такъ точно имя Таджъ-Магала вызываетъ въ нашемъ умѣ идею совершеннѣйшаго памятника персидскаго искусства, съ его высокими стрѣльчатыми порталами, обрамленными прямоугольникомъ изъ арабесокъ, съ его колоссальнымъ узорчатымъ куполомъ, его стройными, изящными минаретами съ галлереями и колоколенками. Весь построенный изъ розоваго песчаника и бѣлаго мрамора, Таджъ-Магалъ блистаетъ тѣмъ поразительнѣе, что цвѣта его составляютъ яркій контрастъ съ темнозеленою листвой окружающихъ кипарисовъ; онъ кажется лучезарнымъ, сіяющимъ какимъ-то сверхъестественнымъ блескомъ. Съ гармоніей линій этотъ чудный храмъ соединяетъ богатство отдѣлки; поверхность его вышита прелестными узорами изъ инкрустированныхъ мраморовъ, кордоновъ и прошивокъ изъ драгоцѣнныхъ камней; впрочемъ, бо̀льшая часть этихъ цѣнныхъ предметовъ исчезла, также какъ и рѣзныя серебряныя двери, похищенныя маратскими завоевателями. Недавно сильный разливъ Джамны грозилъ снести пышное зданіе: нужно было со всевозможною поспѣшностью укрѣплять крутой берегъ рѣки, на который опирается терраса памятника. Главныя спеціальности ремесленниковъ этого города и теперь тѣ же самыя, которымъ они научились во время постройки Таджъ-Магала—инкрустація мраморовъ, шлифовка и обдѣлка драгоцѣнныхъ камней, рѣзьба мозаикъ: одинъ бордосскій мастеръ, по имени Остенъ, былъ тотъ великій художникъ, неизвѣстный въ своемъ отечествѣ, который образовалъ школу акбарабадскихъ мозаистовъ; туземцы дали ему прозвище Надиръ-эль-Азуръ, или „Чудо вѣка".

Въ 35 километрахъ къ западу находится другой городъ, который нѣкогда соперничалъ съ Агрой, и даже былъ, въ царствованіе султана Акбара, нѣсколько лѣтъ столицей имперіи Великихъ Монголовъ: это Фатехпуръ, „городъ Побѣды", расположенный на оконечности одного кряжа изъ краснаго песчаника, который доставляетъ матеріалъ для

постройки зданій. Остатки этого города или, вѣрнѣе, двѣ деревни, Фатехпуръ и Сикри, затеряны среди его ограды, обширнаго круга, имѣющаго 8 километровъ въ окружности, но бо̀льшая часть памятниковъ, воздвигнутыхъ Акбаромъ и Джехангиромъ, существуетъ еще почти совершенно сохранившимися въ своемъ первоначальномъ видѣ. Императорскій дворецъ, гробница Селима, пустынника, святость котораго и доставила Фатехпуру милости Акбара, Панджъ-Магалъ, родъ пирамиды, образуемой пятью поставленными одна на другую колоннадами, порталъ слоновъ, минаретъ антилопъ, дворецъ султанишъ, гдѣ изслѣдователи старины признаютъ одно зданіе, служившее, какъ полагаютъ, резиденціей одной изъ супругъ Акбара, португальки Маріи,—всѣ эти зданія сохранили еще до самыхъ тонкихъ деталей всѣ свои скульптурныя украшенія и ажурную рѣзьбу изъ мрамора.

Ниже Агры, по берегу Джамны, слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько многолюдныхъ городовъ, Этавахъ, Кальпи, Хамирпуръ, Раджапуръ, и въ сосѣдствѣ рѣчной долины на границахъ плоскогорья Бундельхандъ, тоже есть старинные города, нѣкогда имѣвшіе важное значеніе, какъ столицы государства, каковы Джалаонъ и Банда; но политическія перемѣны и въ особенности переворотъ, произведенный въ торговыхъ сношеніяхъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, перемѣстили торговое движеніе съ береговъ Джамны на берега Ганга. Городъ Банда, который нѣкогда былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ хлопка во всемъ Бундельхандѣ, теперь въ упадкѣ; торговля его перешла къ портовому городу Раджапуръ, который, въ свою очередь, замѣненъ въ настоящее время, какъ экспедиціонный рынокъ, станціями желѣзной дороги, идущей изъ Аллахабада въ Каунпоръ.

Плодоносныя равнины Рохильханда, простирающіяся на югъ отъ горныхъ цѣпей Камаона, между Гангомъ и его притокомъ Гогрой, усѣяны городами, которые всѣ окружены манговыми лѣсами и бамбуковыми рощами и всѣ имѣютъ старинныя крѣпости, первоначальное сооруженіе которыхъ приписываютъ бхарамъ, древнимъ обладателямъ края, и которыя впослѣдствіи были вновь отстроены афганцами или патанъ-рогиллами т. е. „горцами“. Самый многолюдный изъ этихъ городовъ, Барели (Bareilly),—городъ относительно новый, такъ какъ онъ былъ основанъ около половины шестнадцатаго столѣтія. Въ началѣ простой военный постъ, онъ и до сихъ поръ сохранилъ свой существенно стратегическій характеръ, и его крѣпость, его „кантонементы“ и казармы—единственныя достопримѣчательности, которыя Барели можетъ противопоставить дворцамъ и храмамъ городовъ на Джамнѣ. Другіе большіе города Рохильханда, Наджибабадъ, Нагина, Биджноръ, Амброга, Морадабадъ, Самбгалъ, Чандауси, Будаонъ, Сагасванъ, Пилибхитъ, почти всѣ походятъ на Барели однообразіемъ своей постройки; это просто городскія

поселенія, быстро разросшіяся, благодаря развитію и расширенію земледѣльческой промышленности въ этой части гангесскаго бассейна. Особенно сахарныя плантаціи придали большую торговую важность городамъ Морадабадъ и Чандауси; Наджибабадъ, лежащій въ сосѣдствѣ горъ, ведетъ отпускную торговлю строевымъ лѣсомъ. Среди всѣхъ этихъ англо-индійскихъ городовъ, городъ Рампуръ, столица одного туземнаго, независимаго по имени, государства, сохраняетъ еще нѣкоторую оригинальность; ремесленники его занимаются тканьемъ шалей и шелковыхъ матерій (камка), очень цѣнимыхъ въ Индіи.

Шахджаханпуръ, главная станція и самый многолюдный городъ между Барели и Лакнау, не только торговый и промышленный центръ, какъ другіе города Рохильханда, но одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые чрезвычайно быстро выросли и достигли цвѣтущаго состоянія; онъ обогатился, главнымъ образомъ, на счетъ своего сосѣда, Фаррухабада, стоящаго на берегу Ганга и пользовавшагося недавно монополіей отправки товаровъ по рѣкѣ, но утратившаго это преимущество, когда водяной путь былъ оставленъ и движеніе грузовъ направилось къ желѣзной дорогѣ. Фаррухабадъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ городъ съ англійскимъ военнымъ городомъ Фатехгаръ, къ которому принадлежитъ также фортъ, командующій переходомъ черезъ Гангъ, и гдѣ находится казенный лафетный заводъ и фабрики лагерныхъ палатокъ. На западѣ отъ Фаррухабада, Майнпури, на дорогѣ изъ Агры,—тоже важный городъ; но Канođжъ, нѣкогда славнѣйшій городъ страны, который даже былъ около шестисотъ лѣтъ, до конца третьяго вѣка до Р. Х., столицей самаго могущественнаго арійскаго царства въ Индіи, теперь пришелъ въ упадокъ. Въ 1016 году нашей эры, когда Махмудъ Газневидъ обложилъ осадой его стѣны, Канođжъ, по выраженію современныхъ лѣтописей, „поднималъ свою голову до небесъ“ и не имѣлъ равнаго себѣ по силѣ и крѣпости. И дѣйствительно, цитадель, заключающая въ своей оградѣ весь нынѣшній городъ, кажется, была одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Индустана, но она потеряла всю свою важность съ тѣхъ поръ, какъ Гангъ перемѣстилъ свое теченіе на семь километровъ къ западу, оставивъ Канođжъ на берегу незначительной рѣчки, Кали-падди, называемой также Чота-ганга, или „Малымъ Гангомъ“ [1]). Перемѣщеніе рѣки, слѣдовавшее за опустошительнымъ проходомъ завоевателей, не позволило Канođжу вновь подняться; наибольшая часть пространства, заключеннаго въ чертѣ остатковъ древнихъ городскихъ стѣнъ, представляетъ необитаемую пустыню или усѣяно лишь деревнями; тамъ и сямъ стоятъ еще развалины пагодъ и мечетей, и одинъ изъ этихъ храмовъ до сихъ поръ извѣстенъ у индусовъ подъ названіемъ „кухни Сивы“. Согласно ихъ

---

[1]) *A. Cunningham* „Geography of Ancient India“.

преданію, всѣ брамины гангесской дельты произошли отъ семействъ, жившихъ въ Канođжѣ въ девятомъ столѣтіи[1]).

Каунпоръ или Канпоръ (Кантипуръ, по-англійски Cawnpore), одинъ изъ самыхъ новыхъ городовъ Индіи, далеко превзошелъ по важности древній городъ Канođжъ. Простой военный постъ въ 1778 году, онъ выросъ мало-по-малу и пріобрѣлъ значеніе, въ одно и то же время, какъ стратегическій центръ и какъ торговый пунктъ; въ настоящее время это одинъ изъ первыхъ городовъ Индіи по размѣрамъ своей торговой дѣятельности. Возмущеніе сипаевъ въ 1857 году вспыхнуло не въ Каунпорѣ, но тамъ происходили самыя кровопролитныя битвы и самыя ужасныя избіенія. Вождь мятежниковъ, котораго англійская полиція все еще разыскиваетъ, Нана-Дунду-Пантъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Нана-Саиба, приказалъ въ этомъ городѣ перебить англійскихъ солдатъ, сдавшихся на капитуляцію, затѣмъ велѣлъ бросить въ колодезь женщинъ и дѣтей гарнизона. Прогнанные изъ Каунпора, инсургенты взяли его обратно у англичанъ, но послѣ того опять должны были покинуть его, оставивъ изъ своихъ рядовъ тысячи въ рукахъ мстителей, которые пролили кровь за кровь, воздали обидой за обиду. Воспоминаніе объ этомъ страшномъ годѣ до сихъ поръ еще раздѣляетъ побѣдителей и побѣжденныхъ: ни одному туземцу не дозволяется проникнуть во внутренность памятника, впрочемъ, не отличающагося красотой архитектуры, который скрываетъ отверстіе роковаго колодца. Англійскій городъ Каунпоръ, расположенный вдоль праваго берега рѣки и соединенный съ противоположнымъ берегомъ рѣшетчатымъ мостомъ, по которому проходитъ желѣзная дорога изъ Лукнау, совершенно отдѣленъ отъ индусскаго города садами, парками, полями для маневровъ войскъ. Рядомъ съ англійскимъ городомъ расположено фабричное предмѣстье, гдѣ есть даже бумагопрядильни, снабженныя всѣми новѣйшими механическими приспособленіями, какія существуютъ на манчестерскихъ мануфактурахъ.

Лукнау или Лакнао (Лахнао, по-англійски Lucknow), столица бывшаго Аудскаго царства, превращеннаго въ англійскую провинцію съ 1856 года, принадлежитъ, какъ и Каунпоръ, къ числу новыхъ городовъ Индіи; въ этомъ мѣстѣ существовала лишь деревня раджпутскаго основанія, построенная на горкѣ, посвященной Сеснагу, „тысячеглавому змѣю, на которомъ стоитъ свѣтъ“. Нынѣшній городъ появился не далѣе, какъ въ шестнадцатомъ столѣтіи. Во времена Акбара онъ былъ уже однимъ изъ лучшихъ городовъ имперіи, но исключительную важность онъ получилъ только въ прошломъ столѣтіи, какъ резиденція независимыхъ государей; теперь онъ четвертый городъ Индіи по числу жителей, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ индусы считаютъ его метрополіей: во всемъ, что

[1]) *Campbell* „Ethnology of India“; *Hunter* „Imperial Gazetteer of India“.

касается модъ, музыки, театра, тонкостей языка, взоры ихъ обращаются къ Лукнау. Однако, это значеніе его, какъ законодателя въ дѣлѣ хорошаго вкуса, значительно уменьшилось со времени событій, слѣдовавшихъ за возмущеніемъ сипаевъ въ 1857 году. Тогда англійскому гарнизону пришлось выдержать первую осаду во дворцѣ резиденціи, затѣмъ, послѣ освобожденія отъ этой осады пришедшимъ на помощь войскомъ, онъ долженъ былъ запереться въ одномъ укрѣпленномъ саду, въ окрестностяхъ города; Лукнау, защищаемый 30.000 сипаевъ и 50.000 волонтеровъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи 100 пушекъ, былъ взятъ обратно у инсургентовъ только послѣ убійственной осады и избіенія тысячъ индусовъ, которыхъ громили картечью въ упоръ. Хотя туземное населеніе Лукнау, индусское и мусульманское, вообще довольно враждебно относится къ европейцамъ, однако, мало найдется городовъ, гдѣ они поселились бы въ такомъ большомъ числѣ; перепись 1872 года насчитала 4.222 резидента бѣлой расы, не включая сюда эвразійцевъ.

Издали Лукнау представляетъ чудное зрѣлище: можно подумать, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ города болѣе великолѣпнаго. Выглядывающіе сквозь деревья, которыя осѣняютъ своими кронами теченіе рѣки Гумти, золотые куполы, минареты и колоколенки мечетей и мавзолеевъ, кажется, обѣщаютъ вторую Агру; по вблизи очарованіе пропадаетъ, и сразу видишь, какъ обманчива вся эта бьющая на эффектъ пышная архитектура. Бо̀льшая часть дворцовъ—вульгарныя копіи съ индусскихъ памятниковъ, украшенныя вычурными орнаментами, принадлежащими ко всевозможнымъ стилямъ и окрашенными въ самые рѣзкіе цвѣта; коринѳскія капители поддерживаютъ персидскія аркады, а итальянскія виллы увѣнчаны готическими куполами, въ родѣ тіары; плохія англійскія подражанія греческихъ или римскихъ памятниковъ были, въ свою очередь, скопированы лукнаусскими строителями. И на эти-то жалкія, лишенныя вкуса, постройки уходили, въ теченіе слишкомъ полустолѣтія, почти всѣ рессурсы государственной казны, ради нихъ-то десять милліоновъ жителей должны были терпѣть жестокій порядокъ постояннаго угнетенія! Впрочемъ, между старинными зданіями Лукнау есть нѣсколько замѣчательныхъ, имѣющихъ нѣкоторый архитектурный характеръ. Имамбара, или „Святое Мѣсто“, преобразованное теперь въ арсеналъ и утратившее почти всѣ свои скульптурныя украшенія, представляетъ величественный дворецъ, отличающійся изяществомъ и простотой пропорцій, и оканчивается массивными воротами грандіознаго вида. Дворецъ резиденціи, сдѣлавшійся стратегическимъ центромъ города и исходною точкой широкихъ аллей, расходящихся радіусами во всѣ стороны, чтобы облегчить движеніе войскъ между „кантонементами“ или штабами и городомъ—тоже одно изъ лучшихъ зданій въ Лукнау; наконецъ, торговая часть города заключаетъ много красивыхъ домовъ, съ узорчатыми рѣзными балконами и покрытыхъ

снаружи штукатуркой, болѣе блестящей, чѣмъ мраморъ. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ Лукнау—это Мартеновскій колледжъ (collège de la Martinière), названный такъ по имени французскаго генерала Клодъ-Мартена, построившаго его въ смѣшанномъ стилѣ, итальянскомъ, индусскомъ и персидскомъ, который былъ принятъ его повелителемъ, раджей Аудскимъ, для постройки своихъ собственныхъ дворцовъ. Три города, Лукнау, Калькутту и Ліонъ, свою родину, Мартенъ назначилъ своими наслѣдниками, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ существуетъ колледжъ его имени, увѣковѣчивающій память этого выслужившагося изъ рядовыхъ офицера.

Какъ всѣ богатства Ауда уходили, словно въ бездонную пропасть, въ дворцы Лукнау, такъ и городское населеніе страны почти все сосредоточилось въ этой столицѣ. За исключеніемъ Лукнау, въ этихъ богатыхъ равнинахъ, справедливо прозванныхъ „Садомъ Индіи", очень мало городовъ, да и тѣ, какіе существуютъ, имѣютъ чисто мѣстную важность, какъ рынки и складочные пункты товаровъ. Два центра административныхъ дѣленій, Ситапуръ на сѣверѣ и Рай-Барели на югѣ—незначительныя мѣстечки; но Барайчъ, посвященный богу Брамѣ, Хайрабадъ и древній Шахабадъ—болѣе многолюдные города. Важнѣйшій, послѣ Лукнау, городъ бывшаго королевства, Файзабадъ, построенъ на мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ городъ Аудъ, имя котораго перешло на всю страну. Древній городъ Аджодіа, „основанный Ману, прародителемъ людей", и бывшій нѣкогда столицей царства Косала и резиденціей „Солнечнаго" царя Дасараты, отца Рамы, не имѣетъ уже никакихъ слѣдовъ тѣхъ памятниковъ, великолѣпіе которыхъ воспѣваетъ Рамайяна; онъ не сохранилъ никакихъ остатковъ своихъ древнихъ буддійскихъ монастырей, а его джайнскіе храмы—всѣ недавняго происхожденія. Магометанскія мечети, основанныя въ эпоху завоеванія страны, лежатъ уже въ развалинахъ, но онѣ указываютъ взорамъ индусовъ ихъ священнѣйшія мѣста, тѣ мѣста, гдѣ родился Рама, гдѣ онъ совершилъ одно изъ своихъ великихъ жертвоприношеній, гдѣ онъ скончался. Говорятъ, что ярмарка въ Аджодіѣ привлекаетъ полмилліона посѣтителей. Новый городъ, сохранившій древнее имя Аджодіа, гораздо менѣе населенъ, чѣмъ его сосѣдъ, Файзабадъ, стоящій западнѣе, и также какъ Аджодіа, на правомъ берегу рѣки Гогры. Эти два города пользуются большимъ просторомъ на огромномъ пространствѣ въ 248 квадр. километровъ, на которомъ, какъ утверждаютъ, была раскинута древняя Аджодіа. Нынѣшняя важность Файзабада обусловливается преимущественно его этапнымъ положеніемъ между Бенаресомъ и Лукнау.

Аллахабадъ, или „Божій городъ", который индусы называютъ Прайягъ, по причинѣ „сліянія" двухъ священныхъ рѣкъ Ганга и Джамны, соединяющихся передъ его храмами, не самый большой городъ

въ провинціяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ „сѣверо-западныхъ"; тѣмъ не менѣе, англичане избрали его главнымъ городомъ этого обширнаго отдѣла своей имперіи,—предпочтеніе, которымъ онъ обязанъ своей первостепенной важности въ стратегическомъ и торговомъ отношеніи, какъ мѣсто, откуда расходятся большія дороги, идущія къ Ауду и Непалу, къ Дели и Пенджабу, къ центральнымъ провинціямъ и берегамъ Аравійскаго моря; здѣсь раздѣляется главный желѣзный путь Сѣверной Индіи, чтобы образовать двѣ вѣтви, пешаверскую и бомбейскую. Торговый городъ и административный центръ, Аллахабадъ утратилъ памятники зодчества, составлявшіе нѣкогда его красу и славу. Крѣпость, расположенная на самой стрѣлкѣ, образуемой сліяніемъ двухъ рѣкъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находились строенія, относящіяся къ легендарнымъ временамъ, не сохранила ни одной изъ башенъ, воздвигнутыхъ султаномъ Акбаромъ, и походитъ, со своими гласисами и покрытыми дерномъ откосами валовъ, на всѣ современныя укрѣпленія; но она заключаетъ еще въ своихъ стѣнахъ прекрасный дворецъ, превращенный теперь въ арсеналъ, и кое-какіе остатки предшествовавшихъ построекъ. Столбъ, стоящій въ саду, замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ вырѣзанъ знаменитый указъ буддійскаго императора Асоки, обнародованный за два съ половиною вѣка до начала нашего лѣтосчисленія, и за этою древнею надписью слѣдуютъ двѣ другія, прославляющія: одна—побѣды, одержанныя четыре столѣтія спустя Самудрагуптой, а другая — восшествіе на престолъ Великаго Монгола Джехангира. Близь этого столба находится входъ въ храмъ, который рѣчные наносы и развалины превратили въ катакомбы; здѣсь-то, говорятъ индусы, рѣка Сарасвати оканчиваетъ свое таинственное теченіе, чтобы соединиться съ двумя другими священными потоками, Гангомъ и Джамной; сырость, ползующая по стѣнамъ подземелья, есть, по ихъ вѣрованію, не что иное, какъ вода Сарасвати, спускающейся въ нѣдра земли у Тапесара. Въ одномъ углу двора подземнаго храма видны остатки ствола баніана, „нетлѣннаго" дерева, на вѣтвяхъ котораго обиталъ злой духъ, пожиравшій людей; пилигримы приходили сюда сотнями добровольно предавать себя смерти, чтобы насытить алчный аппетитъ чудовища; груды; человѣческихъ костей покрывали всю почву [1]). Во времена Акбара, когда Гангъ подточилъ свой нагорный берегъ до самаго основанія священнаго дерева, добровольные мученики бросались прямо съ его вѣтвей въ воды рѣки [2]). Въ настоящее время Аллахабадъ, хотя все еще принадлежащій къ числу священныхъ городовъ Индустана, конечно, потерялъ уже прежній престижъ въ глазахъ индусовъ, безъ сомнѣнія, потому, что грозныя жерла пушекъ выглядываютъ изъ амбразуръ

[1]) *Hiouen-Thsang* „Mémoires sur les contrées occidentales", traduits par *Stanislas Julien*.

[2]) *Elliot* „Muhammadan Historians of India"; *A. Cunningham* „Ancient History of India".

крѣпости надъ берегами Ганга и Джамны; на ярмарку, открывающуюся въ Аллахабадѣ въ началѣ года, пилигримы и торговые люди стекаются въ меньшемъ числѣ, чѣмъ на годовые рынки Аджойи. Однако, и здѣсь иногда собирается на ярмарку до 250.000 человѣкъ, располагающихся въ палаткахъ на равнинѣ, которая тянется вдоль праваго берега Ганга, вверхъ отъ слiянія его съ Джамной; обыкновенно, въ періодъ полнолунія большинство иногородныхъ посѣтителей погружается въ воды рѣки, подъ наблюденіемъ спеціальнаго класса брамановъ; путешественнику по Индіи мало встрѣтится зрѣлищъ, болѣе любопытныхъ, чѣмъ оригинальный видъ этой несмѣтной толпы людей въ безпорядкѣ, безпрестанно мѣняющіяся группы которой бороздятъ тысячами струй величественный потокъ священнаго Ганга.

Какъ всѣ административные центры Англо-индійской имперіи, Аллахабадъ дѣлится на два города: городъ казармъ, виллъ, парковъ и садовъ, гдѣ поселились властители страны, и индусскіе кварталы, совершенно отдѣленные отъ той части города, гдѣ обитаетъ каста чужеземныхъ завоевателей. Въ англійскомъ Аллахабадѣ обращаетъ на себя вниманіе центральный колледжъ, недавно основанное высшее учебное заведеніе для всѣхъ „сѣверо-западныхъ“ провинцій Индіи. Индусскій городъ представляетъ лабиринтъ узкихъ и кривыхъ улицъ, извивающихся между рядами низенькихъ домовъ, скученныхъ на берегу Джамны; однако, и здѣсь есть нѣсколько красивыхъ новыхъ кварталовъ, построенныхъ богатымъ купечествомъ. Черезъ Джамну перекинутъ, выше города, желѣзный мостъ, около версты длиною; берега же Ганга все еще соединены только плавучими мостами. Со времени проведенія желѣзной дороги въ Приганīской равнинѣ пароходы прекратили свои рейсы между Аллахабадомъ и Калькуттой.

Ниже слiянія Ганга съ Джамной первый большой городъ, который омываютъ воды главной рѣки—Мирзапуръ; расположенный на южномъ высокомъ берегу, онъ имѣетъ величественный видъ съ его прекрасными лѣстницами, спускающимися до самой рѣки, съ его храмами, увѣнчанными куполами и башенками, съ его дворцами, богато украшенными скульптурой и рѣзьбой. Мирзапуръ все еще принадлежитъ къ числу значительныхъ торговыхъ городовъ, хотя онъ много потерялъ въ этомъ отношеніи со времени открытія желѣзной дороги. До этой эпохи онъ былъ первымъ рынкомъ Индіи по торговлѣ хлѣбомъ и хлопкомъ; теперь же, сдѣлавшись простою промежуточною станціей желѣзнаго пути, онъ замѣненъ, какъ складочное мѣсто товаровъ, Аллахабадомъ, Кауппоромъ, Дели. Однако, промышленность въ немъ такъ же дѣятельна, какъ и прежде; ремесленники его фабрикуютъ мѣдныя издѣлія, ковры, различныя ткани, лакированныя вещи; здѣсь переработывается воскъ лаковаго червеца (coccus lacca), присылаемый сюда съ Раджмагальскихъ горъ и изъ

ГОРА МОЙРА.

области Чота-Нагпоръ черезъ Байдіанатскую станцію. Дома въ Мирзапурѣ, какъ и въ Бенаресѣ, построены изъ превосходнаго камня, песчаника, который доставляютъ Чанарскія каменоломни, находящіяся ниже на берегу Ганга. Въ этомъ же мѣстѣ (въ Чанарѣ), прославившемся въ индусской миѳологіи, высится скала, основаніе которой омывается водами священной рѣки и на которой пилигримы созерцаютъ отпечатокъ, оставленный ногой бога. На этомъ мысѣ, составляющемъ послѣдній выступъ плоскогорья Виндіа, стоитъ знаменитая крѣпость, изъ которой англичане сдѣлали бастилію для государственныхъ узниковъ.

Бенаресъ или Каси, античный Варанаси, есть метрополія браманскихъ религій, священнѣйшій между священными городами, тотъ городъ, который достаточно увидѣть, чтобы быть облегченнымъ отъ тяжкаго бремени грѣховъ или преступленій; „иногда святые праведники спускаются съ неба на землю, чтобы довершить свое очищеніе, и въ такомъ случаѣ они обыкновенно избираютъ Каси мѣстомъ своего пребыванія“ [1]). Съ самыхъ первыхъ временъ арійской исторіи въ странѣ, Бенаресъ появляется уже какъ городъ святилищъ. Шакіа-Муни приходилъ туда проповѣдывать свое ученіе, и въ теченіе восьмисотъ лѣтъ этотъ городъ былъ по преимуществу священнымъ мѣстомъ буддистовъ. Затѣмъ, браманы отстроили тамъ свои пагоды, которыя впослѣдствіи были разрушены магометанами, воздвигнувшими на мѣстѣ ихъ свои мечети. Въ настоящее время болѣе тысячи семисотъ храмовъ, мечетей и другихъ меньшихъ святилищъ разсѣяны во всѣхъ частяхъ города, не считая жертвенниковъ и усыпальницъ, святыхъ образовъ и статуй площадяхъ и улицахъ. Кромѣ того, здѣсь есть много христіанскихъ церквей и часовень или капеллъ различнаго наименованія, построенныхъ миссіонерами, и благодаря религіозному индифферентизму нынѣшнихъ владѣтелей Индіи, даже буддійскій храмъ, куда ходятъ молиться бенаресскіе непальцы, могъ быть воздвигнутъ въ священномъ градѣ брамановъ; поднимающіяся одна надъ другою кровли этой кумирни, построенныя почти въ чисто китайскомъ стилѣ, составляютъ рѣзкій контрастъ съ узорчатыми пирамидальными главами индусскихъ пагодъ, съ минаретами и куполами мусульманскихъ мечетей. На всемъ Полуостровѣ нѣтъ городовъ, гдѣ религіозная архитектура была бы представлена большимъ количествомъ памятниковъ различныхъ эпохъ; руины буддійскихъ ступъ, которыя видны еще въ Сарнатѣ, въ 6 километрахъ къ сѣверу отъ города, восходятъ, можетъ быть, за двадцать четыре столѣтія до нашего времени. Одинъ изъ этихъ шарообразныхъ куполовъ, Дамекъ или Дарма, т. е. „Законъ“, представляетъ твердую массу въ 34 метра (около 16 саженъ) высоты, окруженную

---

[1]) *Troyer* „Radjatarangini. Histoir des rois de Kachmir“.

плинтусомъ, богато украшеннымъ изваяніями; онъ находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ божественный Будда началъ „вращать колесо закона“ [1]).

Со временъ буддійской эпохи Бенаресъ постепенно перемѣстился къ югу. Онъ находился тогда на сѣверной сторонѣ небольшой рѣчки Барна, отъ которой и произошло его названіе, и Сарнатскія развалины обозначаютъ его первоначальное мѣстоположеніе; затѣмъ онъ занималъ, южнѣе, ту мѣстность, гдѣ въ наши дни расположены казармы англійскаго военнаго города, а теперь его дома скучены на лѣвомъ берегу Ганга. Внутренность города представляетъ лабиринтъ узкихъ и кривыхъ улицъ, загроможденныхъ людьми и животными, верблюдами, ослами, лошадьми, священными быками; даже обезьяны примѣшиваются къ уличной толпѣ около нѣкоторыхъ пагодъ; галлереи, аркады, узорчатые рѣзные балконы, грубыя фрески, деревья, прицѣпившіяся къ стѣнамъ, цвѣты на окнахъ и на террасахъ придаютъ каждому дому особенную физіономію. Когда смотришь съ рѣки, которая движется широкимъ потокомъ у основанія Бенареса, изгибаясь въ видѣ красивой дуги или полумѣсяца длиною въ 5 километровъ, этотъ единственный въ свѣтѣ городъ развертываетъ передъ взорами великолѣпную панораму своихъ дворцовъ, своихъ безчисленныхъ храмовъ, съ башнями и куполами разнообразнѣйшей формы и величины, изъ которыхъ одни еще крѣпкіе, другіе уже потрескались и наклонились. Гаты, или ступени, спускающіяся къ рѣкѣ съ крутаго берега (возвышающагося на 30 метровъ или 14 саженъ), усѣяны пилигримами и факирами, которые предаются душеспасительному умерщвленію плоти или обливаются священною водой Ганга; у подножія одной изъ лѣстницъ лежатъ покойники, завернутые въ бѣлые саваны и колеблемые теченіемъ; тутъ же по близости приготовляется костеръ, на которомъ тѣла ихъ будутъ преданы сожженію. Многочисленныя барки, пароходы снуютъ взадъ и впередъ по широкой рѣкѣ; въ дни большихъ праздниковъ поверхность водъ имѣетъ не менѣе оживленный видъ, чѣмъ кишащій народомъ берегъ, а вечеромъ, когда обширный полукругъ дворцовъ блеститъ тысячами огней, городъ представляетъ волшебное зрѣлище. Послѣ возмущенія 1857 года фортъ, возведенный на берегу Ганга, безобразилъ своею неуклюжею массой красивую линію великолѣпныхъ памятниковъ; теперь онъ заброшенъ. Обсерваторія, воздвигнутая Джайсингомъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія, господствуетъ надъ массой храмовъ и домовъ своими балконами и террасами.

Городъ паразитовъ, живущихъ на счетъ пилигримовъ, которые стекаются сюда со всѣхъ концовъ Индустана, Бенаресъ есть одно изъ наименѣе промышленныхъ городскихъ поселеній на берегахъ Ганга. Хотя,

---

[1]) *Hiouen-Thsang* „Voyages des pélerins bouddhistes“; *A. Cunningham* „Ancient Geography of India“.

по количеству населенія, онъ все еще занимаетъ первое мѣсто между городами провинцій, называемыхъ „сѣверо-западными“, однако, число его жителей сильно убавилось съ половины настоящаго столѣтія, и, вѣроятно, въ близкомъ будущемъ онъ утратитъ первенство въ этомъ отношеніи и останется позади нѣкоторыхъ другихъ центровъ населенія; уменьшеніе религіозной ревности, замѣчаемое нынѣ, какъ общее явленіе, у индусовъ, не можетъ не повести къ обѣднѣнію священнаго города. Впрочемъ, въ Бенаресѣ существуютъ нѣкоторыя отрасли промышленности, производящія преимущественно предметы роскоши, какъ-то: штофныя матеріи и шали, филиграновыя издѣлія и драгоцѣнныя украшенія. Бенаресскіе купцы ввозятъ значительныя количества хлопчатобумажныхъ ткапей, за которыя они платятъ сахаромъ, индиго, селитрой. Какъ точка бифуркаціи желѣзныхъ путей Ауда и Доаба (междурѣчья), Бенаресъ есть необходимое складочное мѣсто товаровъ. Желѣзная дорога проходитъ на востокѣ отъ города, по первому постоянному мосту, какой до сихъ поръ устроенъ черезъ Гангъ выше дельты; это путеводъ о семи пролетахъ, имѣющій въ цѣломъ около 800 метровъ длины. На другой оконечности стоитъ замокъ Рамнагаръ, резиденція наваба, которому правительство сохранило титулъ бенаресскаго магараджи. „Ни одинъ англичанинъ,—говоритъ Давидсонъ,—не можетъ смотрѣть безъ стыда на стѣны этого замка“, напоминающаго о хищеніяхъ и клятвопреступленіяхъ извѣстнаго генералъ-губернатора Уарренъ-Гастингса [1]).

Ниже впаденія притока Гумти и длиннаго изгиба, образуемаго теченіемъ Ганга, городъ Газипуръ, стоящій, какъ и Бенаресъ, на лѣвомъ берегу священной рѣки, пріобрѣлъ довольно важное значеніе, какъ складочный торговый пунктъ, и правительство имѣетъ тамъ обширные заводы для приготовленія опіума; кромѣ того, этотъ городъ славится, какъ центръ производства розовой эссенціи; онъ отправляетъ въ Калькутту табакъ, а также селитру и углекислую соду, собираемыя на мѣстахъ съ сухимъ грунтомъ, лежащихъ выше уровня наводненій Ганга. Баксаръ, слѣдующій за Газипуромъ ниже по берегу рѣки, тоже торговый городъ, но гораздо менѣе оживленный, чѣмъ Чапра, который находится на лѣвомъ берегу Ганга, при сліяніи его съ Гогрой; немного ниже впадаетъ и другой притокъ, рѣка Сона. Такимъ образомъ, городъ Чапра занимаетъ очень выгодное положеніе въ точкѣ соединенія трехъ значительныхъ рѣчныхъ долинъ, но онъ построенъ на низкомъ мѣстѣ, часто затопляемомъ во время разливовъ, и притомъ судоходный фарватеръ передвинулся, оставивъ пристань позади себя на разстояніи почти двухъ километровъ. Кромѣ того, желѣзная дорога отвлекла торговое движеніе, пройдя по другой сторонѣ долины Ганга черезъ городъ Аррахъ,

---

[1]) „Travels in Upper India“.

унаслѣдовавшій важное значеніе, которымъ еще недавно пользовался городъ Сассерамъ, лежащій южнѣе въ области холмовъ. Находящіеся къ сѣверу отъ Ганга города Джаонпуръ, Азамгаръ и Горакпуръ отправляютъ свои произведенія въ Газипуръ или въ Чапру. Знаменитая Капилаваста, мѣсто рожденія Будды, находилась, вѣроятно, въ окрестностяхъ Горакпура, на берегахъ рѣки Гогры.

Между Бенаресомъ и Калькуттой самый многолюдный и самый важный по торговлѣ городъ—Патна, т. е. „Городъ" по преимуществу; магометане называютъ его Азимабадомъ. Въ буддійскія времена, слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, онъ носилъ названіе Паталипутра, которое въ описаніи, оставленномъ грекомъ Мегасѳеномъ, измѣнилось въ Палиботра; онъ былъ тогда „главнымъ городомъ Индіи". Вмѣстѣ съ своими предмѣстьями, Патна и теперь еще одинъ изъ самыхъ обширныхъ городовъ Азіи; его домà, верфи, складочные магазины тянутся вдоль праваго берега Ганга на пространствѣ слишкомъ 20 километровъ. На западѣ первую группу этого громаднаго городскаго поселенія составляетъ крѣпость или военный городъ Динапуръ, съ его кантонементами, парками, полями для маневровъ; затѣмъ слѣдуетъ административный центръ провинціи, Банкипуръ, гдѣ живутъ почти исключительно только европейцы и ихъ прислуга; наконецъ, далѣе, на востокѣ, простирается индусскій городъ, середину котораго занимаетъ городская ограда Патны въ собственномъ смыслѣ. Гораздо болѣе, чѣмъ Чапра, Патна можетъ быть разсматриваема, какъ точка соединенія естественныхъ путей этой области: къ тремъ большимъ рѣкамъ, Гангу, Гогрѣ и Сонѣ, которыя соединяются выше Патны, прибавляется еще, напротивъ города, четвертая, Гандакъ, притокъ Ганга, спускающійся изъ богатѣйшихъ долинъ Непала. Сверхъ того, Патна соединена теперь двумя желѣзными дорогами съ Калькуттой и служитъ центральною станціей для сѣти второстепенныхъ линій, связанныхъ съ главною желѣзнодорожною артеріей Сѣвернаго Индустана.

Не смотря на древность своихъ историческихъ воспоминаній, современная Патна не заключаетъ въ себѣ почти никакихъ остатковъ старины; главная ея архитектурная достопримѣчательность — громадный хлѣбный амбаръ, которымъ англичане никогда не пользовались, развѣ только для того, чтобы слушать, какъ отдается въ немъ чудное эхо. Въ самомъ городѣ только и есть замѣчательнаго, что его обширные складочные магазины, наполненные опіумомъ, хлѣбомъ, растительными маслами и другими продуктами и товарами; но въ окрестностяхъ встрѣчаются зданія и руины, которыя принадлежатъ къ числу интереснѣйшихъ памятниковъ религіозной Индіи. На югѣ отъ Патны нѣкогда находилась область, по преимуществу священная для буддистовъ; но браманы съумѣли ловко обратить въ свою пользу античную святость

храмовъ и монастырей соперничающаго культа; какъ гласитъ мѣстная легенда, земля прикрываетъ въ этомъ мѣстѣ одного проклятаго богами генія, преступленіе котораго состояло въ томъ, что онъ слишкомъ любилъ людей и слишкомъ легко спасалъ ихъ отъ мукъ ада. Геній этотъ не кто иной, какъ побѣжденный буддизмъ: для того, чтобы онъ согласился не колебать землю, боги побѣдители обѣщали ему спасеніе для всѣхъ пилигримовъ, которые будутъ приходить молиться въ храмахъ, построенныхъ на его тѣлѣ [1]). Желѣзная дорога, проходящая черезъ промышленный городъ Джаханабадъ, соединяетъ Патну съ священнымъ городомъ Гайя, названнымъ такъ по имени миѳическаго генія, запертаго въ нѣдрахъ земли. Сорокъ пять священныхъ станцій, передъ каждою изъ которыхъ богомольцы должны оставлять приношенія, окружаютъ этотъ городъ на нѣкоторомъ разстояніи; нужно не менѣе тривадцати дней пути, чтобы исполнить всѣ церемоніи очищенія. Изъ всѣхъ этихъ станцій самою важною тою, гдѣ приношенія имѣютъ наибольшую спасительную силу, гдѣ они особенно богоугодны, считается станція Будъ-Гайя или Бодъ-Гайя, находящаяся въ десяти километрахъ къ югу отъ города, на рѣкѣ Лиладжанъ, или „Незапятнанной"; въ этомъ мѣстѣ Шакіа-Муни провелъ пять лѣтъ, погруженный въ самосозерцаніе, въ тѣни смоковницы изъ породы баніановъ, отъ которой и теперь еще показываютъ стволъ, на половину изгрызенный временемъ; названіе этого дерева, боди друмъ, т. е. „Древо мудрости", будто бы, сдѣлалось, слегка измѣненное, наименованіемъ всей совокупности священныхъ памятниковъ, но нѣкоторые этимологисты производятъ его отъ прозвища, которое имѣлъ „Мудрецъ", или Будда. Храмъ, который стараніями посланниковъ барманскаго короля былъ дважды ремонтированъ, въ 1805 и въ 1877 годахъ, покоится на фундаментахъ зданія, построеннаго слишкомъ 2.400 лѣтъ тому назадъ, и сохранилъ еще любопытныя изваянія, относящіяся къ эпохѣ императора Асоки, которыя воспроизводятъ не арійскіе типы, а фигуры, похожія на представителей племени коль [2]). Неподалеку отъ храма видны также развалины дворца, въ которомъ жили Асока и его преемники на магадскомъ тронѣ.

Гайя, впрочемъ, не исключительно городъ жрецовъ; онъ въ то же время и торговый центръ: самая многолюдная часть его, обогатившаяся отъ торговли сахаромъ, получила, отъ населяющихъ ее купцовъ, прозвище Сахибганджъ, т. е. „Господскій рынокъ". Точно также, на юго-востокѣ отъ Патны, городъ Бехаръ, по которому называется и вся провинція и имя котораго, происшедшее отъ *Вихара*, имѣетъ одинъ только смыслъ—„Монастырь", пріобрѣлъ важное значеніе гораздо болѣе по своей

---

[1]) *Rajendralala Mitra* „Buddha Gaya".
[2]) *Dalton* „Ethnology of Bengal"; *Radjendralala Mitra* „Bouddha Gaya".

торговлѣ и промышленности, чѣмъ по приливу пилигримовъ. Что касается городовъ провинціи Бехаръ, находящихся къ сѣверу отъ Ганга, въ области Тиргутъ, то они ничѣмъ не прославились въ религіозной исторіи Индіи, такъ какъ эта страна долгое время оставалась во власти дикихъ народцевъ; но въ наши дни это одна изъ тѣхъ областей, которыя даютъ наибольшее количество хлѣба, опіума и другихъ земледѣльческихъ произведеній; тиргутскій табакъ и индиго принадлежатъ къ наиболѣе цѣнимымъ продуктамъ этого рода. Городскія поселенія Беттіа, Музаффарпуръ, Дабанга, самые значительные центры населенія въ краѣ, отправляютъ свои произведенія въ Калькутту, но не по измѣнчивымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, орошающимъ ихъ поля, а по сѣти желѣзныхъ дорогъ, постройка которыхъ была предпринята во время голоднаго 1874 года, съ цѣлью дать заработокъ умиравшимъ съ голода поселянамъ. Эти рельсовые пути, по которымъ постоянно происходитъ большое товарное движеніе, оканчиваются на берегу Ганга, напротивъ города Баръ, одной изъ важныхъ станцій желѣзной дороги изъ Калькутты въ Пешаверъ. Городъ Хаджипуръ, тоже значительный торговый пунктъ, можетъ быть разсматриваемъ, какъ пригородъ Патны, съ которою его соединяетъ устье рѣки Гандакъ. Воздѣланныя земли Сѣвернаго Бехара постепенно распространяются все далѣе и далѣе въ предѣлы болотистаго пояса терай, на югѣ отъ границы Непала, за которою наблюдаетъ, на дорогѣ въ Катманду, крѣпость Сигаули.

Монгиръ, одна изъ самыхъ оживленныхъ пристаней на берегахъ Ганга, есть въ то же время одинъ изъ живописныхъ городовъ Бенгаліи, благодаря скалистому пригорку, на которомъ стоитъ старинный фортъ, заключающій теперь европейскій городъ: у подножія этого зàмка или кремля группируются домà индусскаго города; окружающія равнины принадлежатъ къ мѣстностямъ, которыя наиболѣе представляютъ видъ лѣса или парка, благодаря дереву мхова или *bassa latifolia*, цвѣты котораго питаютъ людей и животныхъ. Около полумилліона этихъ деревьевъ ростутъ въ округѣ, давая каждый годъ сборъ цвѣтовъ, простирающійся до 100.000 тоннъ (болѣе 6 милліоновъ пудовъ) [1]. Багальпуръ, городъ еще болѣе многолюдный и торговый, чѣмъ Монгиръ, расположенъ вдоль праваго берега главной рѣки, на пространствѣ слишкомъ 3 километровъ; окрестная страна—одна изъ самыхъ любопытныхъ мѣстностей Индіи по многочисленности существующихъ въ ней храмовъ, сооруженныхъ джайнами. Холмъ Мандаръ (Мандаръ-гири), который высится уединенно верстахъ въ пятидесяти къ югу отъ Багальпура, носилъ нѣкогда 540 храмовъ на своемъ гранитномъ плато, господствующемъ надъ окружающими равнинами на 200 слишкомъ метровъ; изображеніе змѣя, изсѣченное въ

[1]) *Lockwood* „Journal of the Linnaean Society", vol. XVII, 1880.

скалѣ рельефно, обвивается вокругъ всей горы. Отъ древнихъ зданій страны сохранились только агаты и другіе твердые камни, разсѣянные по землѣ.

Ниже богатаго Багальпура, по теченію рѣки, древній городъ Кольгонгъ, или Кохальгаонъ, еще недавно имѣвшій весьма важное значеніе, какъ мѣсто отправки товаровъ въ Калькутту, снизошелъ теперь на степень незначительнаго мѣстечка: удалившись отъ города, Гангъ тѣмъ самымъ осудилъ большое число его жителей на изгнаніе; большинство ихъ поселилось ниже по рѣкѣ, въ новомъ городѣ Сахибганджѣ, одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ „господскихъ рынковъ“, которые появились со времени англійскаго завоеванія. По Гонтеру, торговое движеніе въ Сахибганджѣ въ фискальномъ 1876—1877 году представляло слѣдующія цифры: 43.020 судовъ, грузъ которыхъ состоялъ изъ 100.000 тоннъ риса, 40.000 тоннъ соли и т. д.; общая цѣнность товаровъ простиралась до 11.250.000 франковъ. Къ сѣверо-западу отъ Сахибганджа, на противоположномъ берегу рѣки, усѣянной въ этомъ мѣстѣ островами и песчаными мелями, находится станція Карагола, которая тоже привлекаетъ много торговаго люда во время ярмарокъ; эти ярмарки происходятъ на обширной равнинѣ изъ аллювіальныхъ земель, гдѣ не разъ появлялась холера, производившая большія опустошенія среди скученной массы народа. Первый городъ, который мы встрѣчаемъ на югѣ отъ большаго изгиба Ганга, обходящаго вокругъ холмовъ Пахаріа, — Раджмагалъ, тоже одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые населялись и пустѣли, сообразно перемѣщеніямъ рѣки. Почти во все продолженіе семнадцатаго столѣтія, Раджмагалъ, стоявшій тогда при главномъ теченіи Ганга, былъ важнѣйшимъ городомъ области дельты; въ половинѣ настоящаго столѣтія онъ былъ еще многолюднымъ и торговымъ центромъ населенія; но въ 1863 году рѣка отодвинулась къ востоку, и „Садъ Царей“ (буквальное значеніе слова Раджмагалъ) обратился въ кучку лачугъ, раскиданныхъ вокругъ руинъ. Въ 1880 году теченіе рѣки опять вступило въ Раджмагальское русло, а вмѣстѣ съ тѣмъ вернулись торговля и цвѣтущее состояніе города. На востокѣ, городъ Мальда, расположенный при сліяніи Мага-надди и одного рукава или побочнаго потока Ганга, и нѣкогда имѣвшій нѣкоторую важность, какъ торговая контора французовъ и голландцевъ, тоже пришелъ въ упадокъ; въ настоящее время онъ славится только своими превосходными плодами манговаго дерева, но уже не продаетъ прочныхъ бумажныхъ матерій, извѣстныхъ подъ названіемъ *мальди*. Далѣе на югѣ, англійская торговая контора, основанная въ 1686 году, сдѣлалась однимъ изъ второстепенныхъ городовъ Бенгаліи подъ именемъ Инглишъ-Базаръ (англійскій базаръ) или Англазабадъ. Въ этой измѣнчивой странѣ, гдѣ нерѣдко и самая почва пропадаетъ по капризу потоковъ, города имѣютъ болѣе скоропреходящую судьбу, чѣмъ

на твердыхъ земляхъ внутренности материка. Такъ, въ этой области видны еще знаменитыя развалины Гаура и остатки Пандуаха, города, который былъ резиденціей афганскихъ монарховъ около конца четырнадцатаго столѣтія; его зданія, всѣ изъ камня, хорошо сохранились и очень любопытны, какъ образчики афганской архитектуры въ Бенгаліи. Что касается города Тонданъ или Тангра, который слѣдовалъ, какъ столица государства, за Гауромъ и Пандуахомъ, то мѣстоположеніе его еще не найдено [1]). На сѣверѣ, въ аллювіальныхъ равнинахъ, по которымъ протекаютъ горныя рѣчки и ручьи, спускающіеся изъ Непала и Сиккима, города тоже блуждаютъ по волѣ измѣнчивыхъ водъ. Такъ, Пурніа, одинъ изъ важнѣйшихъ рынковъ для торговли джутомъ, былъ покинутъ европейскими негоціантами съ тѣхъ поръ, какъ рѣка Кали-Коси, перемѣнивъ русло, оставила вдоль города поясъ вонючихъ болотъ.

Ниже бифуркаціи Ганга встрѣчаемъ еще нѣсколько городовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ аллювіальной равнинѣ Падмы, большого рукава главной рѣки, который соединяется съ Мегной. Рампуръ-Баолеахъ—очень оживленный и посѣщаемый большимъ числомъ судовъ портъ, отпускающій преимущественно шелкъ, рисъ, джутъ, а ввозящій сахаръ, соль и различныя ткани (въ фискальномъ 1876—1877 году торговое движеніе этого города простиралось, по цѣнности товаровъ, до 13.525.000 франковъ); тогда какъ Пабна, главный городъ округа, почти покинутъ торговлей, вслѣдствіе того, что рѣчное русло перемѣстилось къ югу. Между этими двумя городами, Рампуромъ и Пабной, паровой паромъ соединяетъ двѣ половины желѣзной дороги, идущей изъ Калькутты въ Дарджилингъ. Но торговая жизнь, понятно, устремилась, главнымъ образомъ, на малый рукавъ Ганга, который англичане выбрали мѣстомъ для основанія столицы своей Индійской имперіи. Впрочемъ, на томъ же западномъ рукавѣ могучей рѣки, около вершины дельты, и прежніе государи Бенгаліи установили свою резиденцію въ восемнадцатомъ столѣтіи. Муршидабадъ, на который упалъ ихъ выборъ, скоро сдѣлался однимъ изъ величайшихъ городовъ въ свѣтѣ. Когда англійскій генералъ Кляйвъ проникъ въ эту столицу, въ 1759 году, послѣ того, какъ армія его одержала надъ войсками наваба рѣшительную побѣду при Плассн, резиденція бенгальскихъ владыкъ показалась ему „такою же обширною, такою же многолюдною и такою же богатою, какъ Лондонъ, съ тою разницей, что крупные собственники Муршидабада живутъ въ гораздо большемъ изобиліи и роскоши, чѣмъ лорды и негоціанты англійской метрополіи". „Если бы жители,—прибавляетъ онъ,—захотѣли истребить европейцевъ, то имъ достаточно было бы для этого камней и палокъ". Городъ имѣлъ тогда слишкомъ 50 километровъ въ окружности. Даже и послѣ

[1]) *Hunter* „Imperial Gazetteer of India".

того, какъ англичане сдѣлались неоспоримыми властителями Бенгаліи, Муршидабадъ по прежнему сохранялъ свой оффиціальный рангъ столицы; только въ 1772 году онъ былъ лишенъ нѣкоторыхъ изъ своихъ привилегій главнаго города государства, а въ 1790 году у него былъ отнятъ, наконецъ, и самый титулъ столицы. Съ этой эпохи важность его, также какъ и численность населенія, быстро уменьшились. По Гунтеру, послѣдовательныя переписи городскаго населенія Муршидабада въ девятнадцатомъ столѣтіи дали слѣдующія цифры: въ 1815 году 165.000 жит., въ 1829 году 146.176 жит., въ 1837 году 124.804 жит., въ 1872 году 46.140 жит. Навабъ, которому англійское правительство назначило годовое содержаніе (liste civile) въ размѣрѣ 4 милліоновъ франковъ, все еще имѣетъ свою оффиціальную резиденцію въ Муршидабадѣ и владѣетъ тамъ пышными дворцами, изъ которыхъ одинъ, построенный недавно въ итальянскомъ стилѣ, заключаетъ рѣзной тронъ изъ слоновой кости, образцовое произведеніе мѣстнаго искусства; другой дворецъ въ большей части построенъ изъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ памятниковъ Гаура. Одинъ изъ муршидабадскихъ лицеевъ (колледжей) принимаетъ исключительно молодыхъ людей, принадлежащихъ къ фамиліи наваба. Почти затерянный среди деревьевъ и густыхъ чащей бамбука, Муршидабадъ имѣетъ видъ обыкновенныхъ городскихъ поселеній только въ фабричномъ кварталѣ (шелкопрядильныя мануфактуры) да въ той части, которая расположена по берегу Ганга; но торговое движеніе сосредоточивается преимущественно на сѣверѣ городскаго округа въ двухъ пригородныхъ мѣстечкахъ Джіаганджъ и Азимганджъ, лежащихъ одно противъ другого по обѣ стороны рѣки Бхагирати. Въ коммерческомъ мірѣ Муршидабадъ извѣстенъ только своими банковыми операціями.

Если Муршидабадъ пришелъ въ упадокъ, то многіе другіе города страны совсѣмъ прекратили свое существованіе. Такъ, древній буддійскій городъ Бадригатъ, на западномъ берегу Бхагирати, оставилъ послѣ себя только развалины, а мѣсто, гдѣ стоялъ Казимбазаръ, теперь указываютъ только мазанки да нѣсколько дворцовъ богатыхъ туземцевъ. Этотъ послѣдній городъ, находившійся въ пяти километрахъ къ югу отъ Муршидабада, былъ въ семнадцатомъ столѣтіи важнѣйшимъ торговымъ центромъ Бенгаліи; самая рѣка была извѣстна подъ именемъ этого порта, и вся дельта Ганга называлась „Казимбазарскимъ островомъ“. Въ 1813 г. торговля уже большею частью перемѣстилась и направилась къ новому городу Барампуру (Брамапуръ), гдѣ англичане основали свои военные кантонементы, какъ вдругъ отступленіе русла Бхагирати оставило Казимбазаръ среди болотъ; отливъ населенія принялъ размѣры настоящаго бѣгства, и остъ-индская компанія, владѣвшая въ этомъ мѣстѣ весьма важною прядильною мануфактурой, вынуждена была бросить это обширное промышленное заведеніе. Мѣстоположеніе бывшей европейской колоніи

теперь указываютъ только многочисленные могильные камни христіанскаго кладбища. На югѣ отъ Барампура, знаменитое поле сраженія при Плассп или Паласи испытало совершенно противоположную участь: вмѣсто того, чтобы быть покинутымъ внутри земель, вдали отъ рѣки, оно было цѣликомъ унесено разливами рѣчныхъ водъ.

Надія, одна изъ столицъ, которыя предшествовали Муршидабаду, была въ одиннадцатомъ столѣтіи резиденціей послѣдняго изъ государей индусской расы, царствовавшихъ надъ Бенгаліей. Она не исчезла, какъ многіе другіе города этой области, гдѣ почва безпрестанно перемѣщается водами; но рѣка, такъ сказать, играла съ нею: основанная на правомъ берегу Бхагирати, она теперь находится на лѣвомъ берегу той же рѣки. Кришнагаръ, лежащій километрахъ въ десяти къ востоку на берегу Джеллинги, много превзошелъ Надію по важности; то же нужно сказать о двухъ очень значительныхъ торговыхъ городахъ Кальна и Сантипуръ, находящихся ниже, на извилинахъ Бхагирати, которая уже приняла въ этомъ мѣстѣ названіе Хугли. Города этой области Бенгаліи нѣкогда славились своими учебными заведеніями, и Кришнагаръ до сихъ поръ еще отличается своимъ институтомъ санскритскаго языка и литературы. Отъ другого древняго города, знаменитаго своими школами, Трибени, не осталось ничего, кромѣ гата, или священной лѣстницы, по которой спускаются пилигримы, чтобы купаться въ водахъ рѣки. Трибени, т. е. „Три Рѣки“, названный такъ отъ сліянія двухъ потоковъ съ Гангомъ, не перемѣнилъ имени съ глубокой древности, восходящей слишкомъ за восемнадцать столѣтій до нашего времени; Плиній и Птоломей упоминаютъ о немъ, какъ объ одномъ изъ большихъ торговыхъ городовъ Индіи.

Въ Трибени мы уже вступаемъ въ городской округъ Калькутты. Древній портъ Сатгаонъ или Саптаграмъ, т. е. „Семь Деревень“, былъ долгое время главнымъ торговымъ городомъ гангесской дельты, но когда фарватеръ былъ занесенъ иломъ, мѣсто якорной стоянки судовъ должно было измѣниться, и португальцы, которые въ то время прибыли въ страну, основали городъ Хугли: это было въ 1547 году. Церковь и Бандельскій монастырь, которые еще видны на сѣверной сторонѣ города, самыя старыя христіанскія зданія, какія только существуютъ въ Сѣверной Индіи Португальцы оставались около столѣтія въ своей колоніи, но въ 1629 году императоръ Джахангиръ обложилъ осадой Хугли и взялъ городъ приступомъ; почти весь португальскій флотъ былъ захваченъ непріятелемъ и плѣнные были перебиты или насильно обращены въ магометанскую вѣру. Въ 1642 году явились, въ свою очередь, англичане, и такъ же, какъ португальцы, скоро вступили въ вооруженную борьбу съ своими хозяевами; побѣда осталась за пришельцами, и Хугли сдѣлался однимъ изъ ихъ опорныхъ пунктовъ для дальнѣйшихъ завоеваній. Городъ Чинсурахъ, лежащій къ югу отъ Хугли и составляющій съ нимъ одно

цѣлое въ отношеніи городскаго общественнаго управленія, былъ голландскою колоніей; только въ 1826 году онъ окончательно уступленъ Англіи. Въ этомъ городѣ строющійся теперь постоянный мостъ, длиною въ 400 метровъ, соединитъ въ скоромъ времени двѣ желѣзнодорожныя линіи, идущія по обоимъ берегамъ Хугли.

Французская контора Шандернагоръ,—Чонданъ-нагаръ, „Городъ Сандальнаго дерева", или Чандра-нагаръ, „Городъ Луны",—напоминаетъ времена, когда Дюпле старался завоевать для Франціи Индійскую имперію. Занятый французами въ 1673 году, затѣмъ купленный у Великаго Монгола въ 1688 году, Шандернагоръ сдѣлался, въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія, значительнымъ городомъ, и купеческія суда сотнями стояли на якорѣ передъ его набережными; въ 1757 году измѣна Террано предала его англичанамъ [1]). Разоренный войнами, кордономъ таможень, которыми онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, и обмелѣніемъ рѣки, которая теперь имѣетъ только три метра глубины въ фарватерѣ, Шандернагоръ остался, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Бенгаліи; его обветшалые храмы и дворцы окружены обширнымъ садомъ, который образуютъ группы пальмъ, густые ряды индійскихъ смоковницъ и другія большія тропическія деревья. Фарашъ-дунга, или „Французская община", занимаетъ со всею своею территоріей пространство, составляющее только 940 гектаровъ, и торговля ея совершенно ничтожна; французскіе коммерческіе корабли остававливаются въ Калькуттѣ.

Торговля Франціи съ рѣкой Хугли въ 1878 году:

Привозъ въ Калькутту	7.006.000	франк.
Вывозъ изъ Калькутты	50.681.000	„
Сумма . .	57.687.000	франк.

Всѣ торговыя націи Европы хотѣли имѣть свои конторы на главной рѣкѣ Бенгаліи и получать свою долю драгоцѣнныхъ произведеній страны. Ниже Шандернагора и на томъ же западномъ берегу Хугли датчане пріобрѣли городъ Серампуръ, который они окрестили полудатскимъ, полуиндусскимъ именемъ Фредериксnагаръ. Проданный Англіи въ 1845 году, Серампуръ составляетъ теперь пригородъ Калькутты, и многочисленные негоціанты основали въ немъ свое обычное мѣстопребываніе. Этотъ городъ долгое время былъ средоточіемъ протестантскихъ миссій Индустана, и его семинарія религіозныхъ пропагандистовъ до сихъ поръ составляетъ значительное учебное заведеніе, библіотека котораго заключаетъ въ себѣ рѣдкія рукописи. Напротивъ Серампура, на лѣвомъ берегу Хугли, виднѣется прекрасный паркъ Баракпуры, одной изъ резиденцій вице-короля Индій. Это смѣшанное, полуевропейское, полуин-

[1]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal", II, 1867.

дусское названіе Баракпуръ (барачный городъ) указываетъ на сосѣдство военныхъ кантонементовъ, которые замѣнили старую крѣпость Сіамнагаръ, построенную однимъ бардванскимъ раджей. Въ 1824 году одинъ полкъ сипаевъ, стоявшій лагеремъ въ Баракпурѣ, отказался идти на войну противъ Барманіи, и за это ослушаніе былъ истребленъ.

Калькутта, столица Англо-индійской имперіи и, послѣ Бомбея, многолюднѣйшій городъ Южной Азіи, появился въ относительно недавнее время. Правда, въ этомъ мѣстѣ существовала маленькая деревня, Каликота, упоминаемая въ 1596 году въ окладныхъ регистрахъ, составленныхъ по приказанію султана Акбара, но только около столѣтія позднѣе англійскіе купцы, жившіе въ Хугли, покинули эту контору, чтобы поселиться на лѣвомъ берегу рѣки, въ мѣстности, безопасной отъ набѣговъ маратговъ. Они построили свои магазины и жилища на томъ мѣстѣ, гдѣ находились три деревушки, Сутанати, Каликота и Говиндпуръ, и имя центральнаго селенія, напоминающее культъ Кали, кровожадной богини, въ концѣ концовъ одержало верхъ и сдѣлалось названіемъ всей колоніи. Моряки и иностранцы передѣлали это наименованіе въ Голгоѳу, намекая тѣмъ на ужасающую смертность новаго города, который былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ болотами и грунтъ котораго находился во многихъ мѣстахъ ниже уровня рѣчныхъ наводненій. Въ наши дни различные кварталы ассенизированы сѣтью сточныхъ трубъ, прекрасными парками и чистыми водами, текущими въ изобиліи; въ 1871 году смертность въ Калькуттѣ сдѣлалась меньше, чѣмъ во многихъ большихъ городахъ Западной Европы, каковы, напримѣръ, Неаполь и Флоренція; тѣмъ не менѣе, поясъ болотистыхъ земель и рисовыхъ плантацій, часто затопляемыхъ, и теперь еще окружаетъ городъ съ восточной и южной стороны: обширное болото Даппаманпурское, называемое англо-индійцами „Солянымъ озеромъ“, простирается на востокѣ отъ Калькутты на пространствѣ около 80 квадр. километровъ и наполняется городскими нечистотами, отвозимыми туда по особой желѣзной дорогѣ, устроенной спеціально для этой цѣли. Съ 1871 года смертность снова возрасла, притомъ до такой степени, что стала перевѣшивать среднюю цифру рожденій, и городское населеніе съ этого года постоянно уменьшалось, хотя число жителей вообще въ пригангскихъ равнинахъ возрасло въ изумительныхъ размѣрахъ.

Смертность въ Калькуттѣ:

Въ 1871 году	23,9	на 1.000 жителей.
„ 1873 „	25,8	„ „ „
„ 1877 „	31,9	„ „ „

Обладаніе подвижною, измѣнчивою почвой, на которой водворились купцы остъ-индской компаніи, не было отдано имъ безъ борьбы. Въ

БЕНГАЛЬСКІЙ ПЕЙЗАЖЪ.

1756 году навабъ Бенгаліи, Сараджъ-удъ-Даула, обложилъ осадой цитадель фортъ Вильямъ и овладѣлъ ею; европейскіе плѣнные, въ числѣ 146 человѣкъ, были заперты въ тѣсную комнату, знаменитую „Черную Яму“ (Black Hole), какъ ее называютъ англійскіе лѣтописцы, и на другой день, когда темница была отперта, въ живыхъ оказались только 33 человѣка; остальные, по недостатку воздуха и пространства, задохлись или были раздавлены. Въ слѣдующемъ году военный флотъ, пришедшій изъ Мадраса, отмстилъ за это злодѣяніе. Генералы Кляйвъ и Вильсонъ взяли обратно Калькутту, одержали рѣшительную побѣду при Плесси, назначили новаго наваба и предписали ему условія мира, въ силу которыхъ англичане получили право верховной власти надъ калькуттскою землей. Съ этой эпохи и начинается существованіе нынѣшняго города. На югъ отъ стараго форта, Кляйвъ воздвигъ цитадель съ звѣздчатыми бастіонами, получившую названіе форта Вильяма, которая имѣетъ не менѣе 3 километровъ въ окружности и заключаетъ въ себѣ цѣлый городъ и сады; на сторонахъ, которыя ограничиваютъ на сѣверѣ и на востокѣ *майданъ*, обширную эспланаду, гдѣ маневрируютъ войска и гдѣ прогуливается столичный бомондъ, высятся тѣ пышныя строенія съ колоннадами и съ фронтонами, за которыя Калькутта получила названіе „города дворцовъ“. Правда, что эти дворцы обращаютъ на себя вниманіе только богатствомъ матеріаловъ, изъ которыхъ они построены, да правильностью своихъ архитектурныхъ линій: это англійскія подражанія греческаго стиля; не смотря на разность климатовъ и народовъ, Калькутта и Петербургъ походятъ другъ на друга холодною правильностью и банальнымъ, казарменнымъ видомъ и расположеніемъ своихъ зданій. Еще недавно въ этой пышной столицѣ Индіи городъ дворцовъ составлялъ въ высшей степени печальный контрастъ съ „грязнымъ городомъ“: сѣверные и восточные кварталы, населенные туземцами, представляли непроходимый лабиринтъ переулковъ и закоулковъ, обставленныхъ по сторонамъ грязными лачугами индусовъ; широкія улицы, проведенныя теперь черезъ этотъ черный городъ, даютъ доступъ воздуху и свѣту; съ своей стороны, и англійскій городъ содержитъ уже не мало улицъ, постройки которыхъ, болѣе простыя, чѣмъ богатыя зданія эспланады, отличаются въ то же время и лучшимъ вкусомъ въ архитектурномъ отношеніи. На западѣ, на правомъ берегу рѣки, основался другой городъ, подъ именемъ Хаурахъ, населенный по преимуществу моряками, промышленниками, ремесленниками всякаго рода. Плавучій мостъ, разводимый на два часа въ день для прохода судовъ, соединяетъ эти два города. Вдоль береговъ Хугли, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, устроены священныя лѣстницы, или гаты, спускающіяся своими нижними ступенями въ самою воду и постоянно унизанныя индусами и индусками всякаго возраста, которые молчаливо предаются своимъ омовеніямъ, образуя живописную картину своими подвижными, безпре-

станно мѣняющимися группами. На сѣверной сторонѣ плавучаго моста Нимтолахская лѣстница спеціально посвящена сожиганію умершихъ: трупъ покойника кладутъ на костеръ, брызгаютъ на глаза нѣсколько капель священной воды, затѣмъ накладываютъ кучки полѣньевъ на тѣло, и вскорѣ отъ него остается только пепелъ да обугленныя кости [1]).

Выборъ Калькутты, какъ столицы британскихъ владѣній въ Азіи, ясно свидѣтельствуетъ о чужеземномъ происхожденіи ея основателей. Относительно Полуострова по сю сторону Ганга или передней Индіи она занимаетъ положеніе, совершенно внѣшнее, такъ какъ находится на окраинѣ его: она, очевидно, есть лишь сборное мѣсто для торговыхъ судовъ, приходящихъ за грузами произведеній страны; это резиденція купцовъ, а не средоточіе обширной политической имперіи, каковымъ было мѣстопребываніе Великихъ Моголовъ. Даже въ Бенгаліи Калькутта далеко не имѣетъ того географическаго положенія, какое приличествуетъ естественной столицѣ, выростающей, такъ сказать, изъ земли, благодаря сосредоточенію мѣстныхъ энергій. При естественномъ ходѣ вещей, индійскій Мемфисъ долженъ былъ возникнуть самъ собою при началѣ раздѣленія Ганга на рукава, и дѣйствительно, тамъ именно, близь этой бифуркаціи, безпрестанно мѣняющей мѣсто, возникали, подъ владычествомъ азіатскихъ династій, индусскихъ и магометанскихъ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ главные города Бенгаліи: Надія, Гауръ, Пандуахъ, Казимбазаръ, Муршидабадъ. Калькутта—это въ сущности не что иное, какъ торговая контора или факторія, господство которой было навязано всей странѣ силами, пришедшими изъ чужихъ дальнихъ краевъ, и которая могла измѣнить въ свою пользу естественное направленіе главныхъ путей сообщенія только при помощи значительныхъ искусственныхъ сооруженій. Оттого-то часто предлагали перенести столицу въ другое мѣсто: Дели, Агра, Аллахабадъ, Джабальпуръ были рекомендованы, какъ будущія столицы Индіи, ради ихъ центральнаго положенія на Полуостровѣ; имя Бомбея тоже было упоминаемо въ этихъ проектахъ, въ виду тѣхъ исключительныхъ выгодъ, какія представляетъ этотъ городъ относительно удобства сношеній съ Европой; указывали даже Назикъ, на сѣверо-западномъ углу Деккана, какъ занимающій привилегированное положеніе въ отношеніи здоровости климата, близости Бомбейскаго порта и легкости сосредоточенія всѣхъ большихъ дорогъ Индустана. Но Калькутта имѣетъ на своей сторонѣ, если не права, даваемыя временемъ, то, по крайней мѣрѣ, громадные рессурсы, которые ей доставили ея капиталы. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и линіямъ судоходства, нынѣшняя столица государства имѣетъ легкое и удобное сообщеніе со всѣми провинціями Индустана; кромѣ того, нужно принять въ сообра-

---

[1]) *E. Cotteau* „Promenade dans l'Inde et à Ceylon“.

женіе то обстоятельство, что завоеванія и мирныя территоріальныя присоединенія, сдѣланныя на Полуостровѣ по ту сторону Ганга, придали городу на Хугли положеніе центральное относительно всей совокупности Англо-азіатской имперіи; онъ занимаетъ середину между Цейлономъ и Сингапуромъ, между Аденомъ и Гонконгомъ. Притомъ, можно сказать, что со времени основанія лѣтнихъ городовъ на Гималайскихъ предгорьяхъ, столица Индіи стала вести кочевой образъ жизни. Лѣтомъ, Калькутта перестаетъ быть мѣстопребываніемъ правительства: административнымъ центромъ имперіи становится Симла, тогда какъ Дарджилингъ дѣлается временно главнымъ городомъ Бенгальскаго президентства. Такимъ образомъ, главныя управленія Индіи эмигрируютъ періодически, сообразно перемѣнѣ временъ года,—явленіе, безпримѣрное въ исторіи большихъ государствъ.

Въ періодъ своего слишкомъ столѣтняго господства надъ богатою Индійскою имперіей, Калькутта не только украсилась пышными памятниками зодчества, каковы вице-королевскій дворецъ, зданія высшихъ правительственныхъ учрежденій, городская дума, судебная палата, главный почтамтъ, монетный дворъ, клубы, каѳедральные соборы, построенные въ греческомъ или готическомъ стилѣ, болѣе или менѣе индіанизированномъ, она основала также много важныхъ научныхъ учрежденій. Мало найдется во всемъ свѣтѣ ученыхъ обществъ, которыя оказали бы больше услугъ наукѣ, чѣмъ азіатское общество Бенгаліи, и издаваемыя имъ записки, рядъ которыхъ начался около ста лѣтъ тому назадъ, въ 1788 году, составляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ для изученія Востока; его богатая библіотека обладаетъ многими единственными въ своемъ родѣ документами. Индійскій музей, въ Калькуттѣ, заключаетъ въ себѣ полную коллекцію горныхъ породъ и ископаемыхъ Индустана, и, между прочимъ, любопытные остатки фауны третичной эпохи, собранные въ пластахъ горъ Сиваликъ. Между калькуттскими парками особенно замѣчателенъ зоологическій садъ, менѣе богатый, однако, чѣмъ такой же садъ аудскаго раджи, имѣніе котораго занимаетъ пространство болѣе двухъ километровъ вдоль лѣваго берега, ниже города. Противъ дворца низложеннаго раджи раскинулся обширный ботаническій садъ, занимающій площадь въ 109 гектаровъ; не смотря на опустошенія, произведенныя циклонами, тамъ еще сохранились нѣкоторыя чудеса растительнаго міра, между прочимъ, сенегальскій баобабъ, окружность котораго превышаетъ 15 метровъ (7 саженъ). Этотъ садъ, разведенный въ 1786 году, получилъ, подъ управленіемъ Госкера, первостепенную важность; это, вѣроятно, важнѣйшее учрежденіе подобнаго рода, давшее свѣту наибольшее число полезныхъ и орнаментальныхъ или декоративныхъ растеній; гербарій его, безъ сомнѣнія, самый полный во всей Азіи.

Какъ промышленный городъ, Калькутта стоитъ ниже Бомбея; она

имѣетъ почти только тѣ мастерскія и фабричныя заведенія, какія необходимы всякому большому городу. Однако, пригородъ Хаурахъ, на западномъ берегу рѣки, представляетъ уже въ одномъ изъ своихъ кварталовъ видъ европейскаго мануфактурнаго города высокими трубами своихъ фабрикъ и заводовъ; здѣсь перерабатывается въ нити и ткани волокно джута (по-индусски *патъ, кошта*) или *corchoris indica*, и фабрикуются тѣ грубые мѣшки, которыми пользуются моряки для нагрузки хлѣбныхъ растеній и другихъ продуктовъ. Въ Калькуттѣ существуютъ также и бумагопрядильныя мануфактуры. Въ 1878 году въ этомъ городѣ насчитывали 20 джутопрядилень, съ 4.000 ткацкихъ станковъ, и 5 бумагопрядилень, съ 133.000 механическихъ веретенъ; джута было употреблено въ этомъ году 75.000 тоннъ; выдѣлано мѣшковъ около 80 милліоновъ штукъ. Правительство тоже имѣетъ большія промышленныя заведенія въ самой Калькуттѣ и въ окрестностяхъ; важнѣйшее изъ нихъ—пушечно-литейный заводъ въ Компурѣ, находящійся выше города по рѣкѣ. Что касается роли города на Хугли въ отношеніи распредѣленія богатствъ, то онъ несомнѣнно имѣетъ первостепенное значеніе. Калькутта—одинъ изъ главнѣйшихъ портовыхъ городовъ Азіи и всего свѣта: годовая цѣнность его торговыхъ оборотовъ простирается на сумму свыше двухъ съ половиною милліардовъ франковъ, а движеніе судоходства достигаетъ, по количеству грузовъ, почти двухъ съ половиною милліоновъ тоннъ, не считая безпрестаннаго прихода и отхода мелкихъ пароходовъ и туземныхъ барокъ, плавающихъ въ дельтѣ Ганга. Вотъ точныя цифры торговыхъ оборотовъ. Торговля Калькутты въ теченіе фискальнаго 1876—1877 года:

Привозъ изъ заграницы и съ внутреннихъ рынковъ.	1.357.210.000 франк.
Вывозъ.	1.155.165.000 „
Вмѣстѣ . .	2.512.375.000 франк.

Движеніе порта по внѣшней торговлѣ въ 1873—1874 году: 1.927 судовъ, общая грузовмѣстимость которыхъ 2.437,450 тоннъ.

Объ изумительной дѣятельности судоходства на тысячѣ каналовъ Бенгаліи можно судить по тому факту, что городокъ Хульна, стоящій въ центрѣ этой сѣти водныхъ путей, видитъ каждый годъ болѣе ста тысячъ судовъ, останавливающихся у его набережныхъ. Извѣстно, что не такъ давно калькуттскіе негоціанты, опасаясь обмеленія рѣки Хугли, хотѣли было дополнить свой портъ прибавкой другого торговаго города на лиманѣ рукава Матлахъ, имѣющемъ отъ 8 до 50 метровъ глубины и безопасномъ отъ боры (борьбы приливной волны съ рѣчнымъ теченіемъ); но ни одинъ иностранный корабль не пошелъ къ этой новой гавани, окрещенной именемъ порта Каннинга. Недалеко оттуда находятся рудники Тарда, которые были посѣщены португальскими море

плавателями еще до основанія Калькутты [1]). На сѣверо-востокѣ лежитъ Джессоръ или Касба, маленькій городокъ, но административный центръ округа, въ которомъ насчитывается свыше двухъ милліоновъ жителей.

Ниже Калькутты, вплоть до самаго моря, удаленнаго отъ столицы на 128 километровъ, нѣтъ болѣе городовъ; встрѣчаются только деревни, на половину скрытыя въ густой зелени, да форты, сигнальныя башни, маяки и бакены. Однако, на западъ отъ метрополіи простирается густо населенный бассейнъ притока Хугли, рѣки Дамудахъ или Дамодаръ, которая беретъ начало въ холмахъ области Чота-Нагпоръ и соединяется въ лиманѣ съ другимъ потокомъ, рѣкой Рупнараянъ. Въ этомъ бассейнѣ есть еще нѣсколько важныхъ городовъ; Бардванъ, резиденція одного магараджи, получающаго теперь пенсіонъ отъ англійскаго правительства,—самый значительный изъ нихъ, но въ Индустанѣ мало найдется городовъ, которымъ приходилось бы больше страдать отъ болотной лихорадки (маларіи); постоянный перевѣсъ смертныхъ случаевъ надъ числомъ рожденій уменьшилъ населеніе Бардвана болѣе чѣмъ на треть съ 1863 года, а нѣкоторыя деревни, болѣе другихъ подвергающіяся губительному дѣйствію міазмовъ, поднимающихся съ прибрежныхъ болотъ рѣки Дамодара, были совершенно обезлюднены. Сосѣдній городъ, Бишнапуръ, на который старинныя хроники указываютъ, въ одиннадцатомъ столѣтіи, какъ на „славнѣйшій городъ во всемъ свѣтѣ“, представляетъ теперь почти только развалины въ громадномъ пространствѣ, которое онъ нѣкогда занималъ. Другіе города страны, Чандракона, Банкура, имѣютъ нѣкоторыя мѣстныя промышленности, преимущественно производство шелковыхъ матерій и металлическихъ издѣлій. Мѣсто, къ которому, главнымъ образомъ, устремляются англійскіе капиталы, — это Раниганджскій каменноугольный бассейнъ, обширный горнозаводскій округъ, который заключаетъ въ своихъ богатыхъ залежахъ, по меньшей мѣрѣ, 14 милліардовъ тоннъ угля и который одинъ доставляетъ двѣ трети всего добываемаго въ Индіи годоваго количества минеральнаго топлива. Разработка тамошнихъ копей началась съ 1777 года, но по качеству, раниганджскій каменный уголь далеко уступаетъ англійскому. Самымъ дѣятельнымъ годомъ эксплуатаціи былъ 1868, когда количество добытаго въ копяхъ Раниганджа угля достигло 564.930 тоннъ; въ 1879 году добыча составляла только 523.100 тоннъ. Уголь изъ копей Кархарбари, въ горахъ области Чота-Нагпоръ, недалеко отъ горы Параснатъ, доставляемый по спеціальной, нарочно для этой цѣли построенной вѣтви желѣзной дороги, считается лучшимъ въ Индіи, и въ сосѣдствѣ, на линіи, простирающейся на западъ черезъ Хазарибагъ и Паламао, вплоть до Дальтонганджа (Дальтоновъ рынокъ), въ долинѣ рѣки

[1]) *J. Long* „Proceedings of the Asiatic Society“, dec. 1868.

Сопы, слѣдуютъ одинъ за другимъ другіе каменноугольные бассейны, которые способствуютъ въ извѣстной степени поддержанію и развитію промышленной дѣятельности страны, доставляя топливо и желѣзо ея чугуноплавильнымъ и желѣзодѣлательнымъ заводамъ и локомотивамъ желѣзныхъ дорогъ Бенгаліи. Замѣчательно, что въ бенгальскихъ каменноугольныхъ копяхъ никогда не образуется такъ называемый рудничный газъ [1]), такъ что тамошнимъ рудокопамъ нѣтъ надобности принимать противъ взрывовъ ни одной изъ тѣхъ предосторожностей, которыя необходимы въ Европѣ. Это тоже одна изъ выгодъ географическаго положенія Калькутты, что она находится по близости отъ единственныхъ каменноугольныхъ бассейновъ Полуострова, которые имѣютъ дѣйствительную экономическую цѣнность.

Не смотря на очень нездоровый климатъ низменныхъ болотистыхъ мѣстностей страны, народонаселеніе въ округѣ Чота-Нагпоръ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ округахъ Бенгаліи. Хазарибагъ, славящійся своимъ чистымъ, здоровымъ воздухомъ, постоянно разростается и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе важное значеніе, какъ мѣсто дачной жизни для англійскихъ негоціантовъ Калькутты. Тамъ и сямъ, въ особенности на скатахъ горы Параснатъ, увѣнчанной джайнскими святилищами, джунгли уже уступили мѣсто чайнымъ плантаціямъ; но проектъ основать лѣтній городъ на вершинѣ этой горы почему-то оставленъ. На сѣверѣ, въ равнинѣ, по которой проходитъ желѣзная дорога, непосредственно соединяющая Калькутту съ Патной, находятся храмы, еще болѣе усердно посѣщаемые пилигримами, чѣмъ пагоды на горѣ Параснатъ: это святилища Деогара, или „Божьяго Зáмка", посвященныя богу Сивѣ. Въ прошломъ столѣтіи эти храмы были отдаваемы остъ-индскою компаніей на откупъ жрецамъ, и каждый приходившій на поклоненіе святымъ мѣстамъ богомолецъ долженъ былъ платить извѣстный налогъ въ пользу англійской казны [2]).

Къ западу отъ Калькутты, единственный большой городъ страны—промышленный Миднапуръ, стоящій на рѣкѣ Касаи и сообщающійся съ рукавомъ Хугли посредствомъ судоходнаго канала, проведеннаго черезъ низменныя равнины. Городъ Тамлукъ, на правомъ берегу Рупнарайяна, въ томъ мѣстѣ, гдѣ морской приливъ превращаетъ эту рѣку въ широкій лиманъ, который, по мнѣнію Фергюссона, былъ нѣкогда лиманомъ Хугли, есть древній Тамралапти, столица государства и очень оживленный портъ въ эпоху буддійскаго господства. Китайскій путешественникъ Гіуэнъ-Цангъ, посѣтившій страну въ седьмомъ столѣтіи послѣ Р. Х., говоритъ о немъ, какъ о большомъ городѣ, богатомъ

---

[1]) *V. Ball* „Jungle Life in India".
[2]) *Hunter* „Annals of Rural Bengal".

прекрасными памятниками зодчества. Но впослѣдствіи рѣка засорилась иломъ, обмелѣла, и суда перестали посѣщать Тамлукъ; теперь это не болѣе, какъ большое мѣстечко, котораго дома и храмы мало-по-малу погружаются все глубже въ нетвердую почву.

Города Гангесскаго бассейна, имѣющіе свыше 20.000 жителей:

Пенджабъ.

Дели, въ 1876 году	160.550 жит.
Карналь, въ 1872 г.	27.025 „
Панипатъ „ „ „	25.275 „
Ревари „ „ „	25.230 „

„Сѣверо-западныя“ провинціи въ 1872 году.

Бенаресъ	175.200 жит.
Агра	149.000 „
Аллахабадъ	143.700 „
Каунпоръ	122.700 „
Барели	103.000 „
Миратъ	81.400 „
Фаррухабадъ и Фатехгаръ	79.200 „
Шахджаханпуръ	72.150 „
Мирзапуръ	67.275 „
Морадабадъ	62.420 „
Муттра	59.280 „
Коилъ и Алигаръ	58.540 „
Горахпуръ	51.120 „
Самбхалъ	46.975 „
Сараханпуръ	44.120 „
Амроа	34.900 „
Будаонъ	33.325 „
Этавахъ	30.550 „
Пилибхитъ	29.850 „
Банда	27.750 „
Гатрасъ	23.600 „
Джаунпуръ	23.325 „
Деобандъ	21.700 „
Майнпури	21.175 „

Государство Рампуръ.

Рампуръ, въ 1872 г.	68.300 „

Аудъ.

Лукнау, въ 1872 г.	284.800 „
Файзабадъ и Аджодіахъ, въ 1872 г.	45.300 жит.

Бенгалія.

Калькутта, городъ, въ 1876 г.	429.535 „
Калькутта, съ Гаурахомъ и предм.	776.580 „
Патна, Динапуръ и Банкипуръ	158.900 „
Багальпуръ, въ 1872 г.	69.700 „
Гайя и Сахибганджъ, въ 1872 году	66.850 „
Дербангаръ въ 1872 г.	47.450 „
Чапра „ „ „	46.300 „
Муршидабадъ, въ 1872 г.	46.200 „
Аррахъ, въ 1872 г.	39.400 „
Музаффарпуръ, въ 1872 г.	38.225 „
Хугли и Чинсурахъ, въ 1872 г.	34.750 „
Бардванъ, въ 1872 г.	32.300 „
Мидпапуръ, въ 1872 г.	31.500 „
Сантипуръ, „ „ „	28.650 „
Кальна, „ „ „	27.350 „
Бархампуръ „ „ „	27.100 „
Кришнагаръ „ „ „	26.750 „
Серампуръ „ „ „	24.450 „
Хаджипуръ „ „ „	22.300 „
Рампуръ Баолеахъ, въ 1872 г.	22.300 „
Чандракона, въ 1872 г.	21.300 „
Сасарамъ „ „ „	21.025 „
Джаханабадъ „ „	21.020 „

Французскія владѣнія.

Шандернагоръ	22.550 „

IX.

Горы Ассама и бассейнъ Брамапутры.

Эта сѣверо-восточная часть Индіи представляетъ переходную страну: занимая положеніе на границѣ нѣсколькихъ географическихъ областей, она принадлежитъ также и по составу своего народонаселенія къ различнымъ историческимъ эпохамъ. Во то время, какъ равнины, заключающіяся въ Бенгальской провинціи, составляютъ уже многіе вѣка часть индусскаго міра, горныя цѣпи, образующія раздѣльный массивъ между бассейномъ Брамапутры и бассейномъ Иравадди, между Индіей и Индо-Китаемъ, населены племенами, стоящими на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи; на полуденной покатости Гималайскихъ горъ и возвышенностей, которыми они продолжаются на востокъ, въ предѣлы Китайской имперіи, простираются даже еще неизслѣдованныя пространства, которыхъ первобытныя племена или аборигены примыкаютъ одни къ тибетскому корню, другія къ индо-китайскимъ расамъ. Въ сравненіи съ большинствомъ другихъ провинцій Индіи, Ассамъ слабо населенъ не только въ высокихъ, нагорныхъ долинахъ, но также и въ низменной области. Кажется, что въ предшествующую эпоху, прежде чѣмъ дикари и барманскія войска опустошили этотъ край, населеніе было гораздо многочисленнѣе на берегахъ Брамапутры; повсюду встрѣчаются въ джунглѣ остатки строеній, горки, бывшія, повидимому, могильными курганами, бамбуковыя рощицы, сады изъ фруктовыхъ деревьевъ, снова одичавшихъ. Въ наши дни страна опять заселяется путемъ колонизаціи; бенгальцы, ораонцы, санталы, призываемые на чайныя плантаціи, селятся въ плодоносной равнинѣ и въ возвышенныхъ долинахъ окрестныхъ горъ; но бенгальскіе округи Дакка, Типперахъ, Ноахали, лежащіе на восточномъ берегу Брамапутры, заключаютъ въ шесть и семь разъ больше жителей, пропорціонально пространству.

Бассейнъ Брамапутры до границъ Ассама:

	Пространство.	Народонаселеніе въ 1881 году.	На 1 квадр. километрѣ.
Ассамъ	139.481 кв. кил.	4.815.075 жит.	35 жит.
Дакка въ Бенгаліи . . .	40.456 „	7.592.930 „	187 „
Типперахъ и Ноахали . .	10.908 „	2.257.865 „	207 „
Типперахскіе холмы . . .	10.015 „	74.240 (?)	7 „
Сумма. . .	200.860 кв. кил.	14.740.110 жит.	73 жит.

Горы Гарро, или „Холмы“ (Hills), какъ ихъ называютъ калькутскіе англичане, возвышаются непосредственно на востокѣ отъ большаго изгиба, который образуетъ Брамапутра при своемъ вступленіи въ Бенгальскую равнину, подобно тому, какъ по другую сторону аллювіальнаго

пространства, образующаго Междурѣчье, Гангъ огибаетъ Раджмагальскіе холмы; пробивая цѣпь высотъ, которая нѣкогда простиралась отъ Гатскихъ горъ Западнаго Деккана до горъ Индо-Китая, вòды, спускающіяся съ Гималая, расположили свои теченія съ замѣчательною симметріей. Горы Гарро, которыя поднимаются постепенно по направленію съ запада на востокъ, состоятъ изъ параллельныхъ хребтовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого глубокими долинами, покрытыми лѣсами или джунглями. На югѣ первый изъ этихъ хребтовъ тотъ, гдѣ господствуетъ гора Тура, съ вершины которой, возвышающейся на 1.370 метровъ, открывается одна изъ обширнѣйшихъ панорамъ, какія можно видѣть въ Индіи: необозримое пространство равнинъ сливается въ безконечной дали съ кривизною земнаго горизонта, тогда какъ за Дарджилингомъ показываются, въ ясную погоду, неопредѣленныя очертанія горныхъ массъ Сиккима; блистая тамъ и сямъ серебристыми полосами между зеленью лѣсовъ, появляются вòды рѣки Амавари, какъ называютъ туземные жители горъ Гарро Брамапутру; на пространствѣ болѣе 160 километровъ можно различить излучины рѣки. Около центра массива, но ближе къ полуденному скату, поднимается высокая вершина, которой индусы дали имя Кайласъ, то же самое, какое носитъ одна изъ священныхъ горъ Гималая Горы Гарро, орошаемыя необычайно обильными дождями, принадлежатъ къ числу возвышенностей, покрытыхъ самою густою растительностью, перепутанною съ безчисленными ліанами и чужеядными растеніями; драгоцѣнный салъ и другія строевыя деревья составляютъ обыкновенныя породы въ этихъ лѣсахъ, которыми завладѣло правительство и которые, безъ сомнѣнія, сдѣлаются современемъ однимъ изъ самыхъ производительныхъ и доходныхъ государственныхъ имуществъ, когда въ нихъ введется правильное лѣсное хозяйство и когда черезъ нихъ будутъ проведены во всѣхъ направленіяхъ дороги, необходимыя для эксплуатаціи. Государство присвоило себѣ также монополію охоты на слоновъ въ горахъ Гарро; правильно производимыя облавы могли бы давать ему каждый годъ около двухсотъ головъ этихъ животныхъ. Къ числу большихъ четвероногихъ, которыя бродятъ въ лѣсахъ этой части Ассама, принадлежитъ также носорогъ; это вообще очень смирное животное, и въ нѣкоторыхъ округахъ его приручаютъ и держатъ стадами, какъ мелкій домашній скотъ.

Горы Гарро, составляющія простой выступъ или мысъ на западной оконечности обширной горной системы, которая продолжается слишкомъ на 1.000 километровъ до высотъ Юннана, примыкаютъ своими хребтами къ болѣе возвышеннымъ землямъ, извѣстнымъ послѣдовательно, въ направленіи отъ запада къ востоку, подъ названіями горъ Хасіа (Хаси) и горъ Джайнтіа. Геологическое строеніе какъ горъ Гарро, такъ и цѣпей Хасіа и Джайнтіа совершенно одинаково, но наружный видъ двухъ склоновъ

во многомъ разнится. Съ той и другой стороны сѣверная часть горъ состоитъ изъ кристаллическихъ и метаморфическихъ каменныхъ породъ, наклоненныхъ довольно пологимъ скатомъ къ равнинѣ Брамапутры, тогда какъ южный край образованъ изъ пластовъ третичнаго происхожденія, преимущественно изъ мѣловыхъ и песчаниковыхъ формацій, круто обрывающихся надъ долиной, бывшимъ морскимъ заливомъ, въ которомъ теперь извиваются притоки Мегны. Тогда какъ горы Гарро разрѣзаны водами на множество параллельныхъ долинъ, горы Хасіа имѣютъ въ цѣломъ форму плоскогорій, поднимающихся, среднимъ числомъ, отъ 1.200 до 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря, и на этихъ нагорныхъ равнинахъ находятся горбы, изъ которыхъ иные достигаютъ почти 2.000 метровъ высоты; по словамъ братьевъ Шлагинтвейтъ, самая возвышенная вершина—гора Мопатъ, поднимающаяся, будто бы, на 2.840 метровъ, но карта, составленная, подъ руководствомъ Тюилье, опытными офицерами-геодезистами, указываетъ на вершину Шиллонга, какъ на высшій куполъ горъ Хасіа и приписываетъ ему только 1.962 метра высоты. Нѣкоторыя изъ южныхъ отлогостей, ограничивающихъ плоскогорья области Хаси, обрѣзаны до такой степени круто, что для того, чтобы подняться до уровня верхней площадки, нужно влѣзать на почти отвѣсныя стѣны или при помощи лѣстницъ, приставленныхъ къ скалѣ, или по деревяннымъ ступенькамъ, вбитымъ горизонтально въ камень; привычные мѣстные жители, нагруженные тяжелою ношей, а иной разъ даже и въ пьяномъ состояніи, всходятъ и сходятъ безъ малѣйшаго головокруженія по этимъ опаснымъ лѣстницамъ [1]). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ известняки горъ Хасіа залегаютъ на песчаникахъ, они изрыты подземными гротами и галлереями, которыхъ промежуточные столбы и своды обрушились тамъ и сямъ подъ давленіемъ налегающихъ массъ, вслѣдствіе чего образовались груды развалинъ, имѣющія видъ громадныхъ укрѣпленныхъ зáмковъ. Откосы изъ обвалившихся обломковъ представляютъ неисчерпаемыя каменоломни обжигальщикамъ извести, живущимъ въ равнинѣ.

Изсѣченія и промоины, сдѣланныя проливными, падающими въ видѣ настоящихъ потоковъ, дождями на полуденномъ склонѣ плоскогорій, принадлежатъ къ самымъ причудливымъ образованіямъ этого рода, какія только случалось наблюдать; въ нѣкоторыхъ частяхъ остались только простыя стѣны изъ скалъ между плато и почти уединенными отрывками его окружности. Въ другихъ мѣстахъ работа размыванія и, такъ сказать, изваянія горной массы продолжается изъ года въ годъ; послѣ каждаго дождливаго времени года образуются новые овраги и рытвины. Извѣстно, что ни въ одной странѣ земнаго шара не бываетъ ливней, которые превосходили бы обиліемъ дожди, падающіе въ Черa-Понджи, или „Деревнѣ

[1]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien“.

Ручьевъ", въ горахъ Хасіа. И не только количество изливающейся изъ атмосферы дождевой воды безпримѣрно велико въ этой части Ассама, но и самая продолжительность дождливаго сезона здѣсь гораздо больше, нежели въ другихъ областяхъ Индіи; этотъ періодъ начинается въ мартѣ и оканчивается только около половины ноября, такъ что въ сосѣдствѣ рѣкъ равнины впродолженіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ остаются подъ водой? Въ этихъ затопленныхъ прибрежныхъ мѣстностяхъ атмосфера почти всегда тяжелая, сырая, насыщенная вредными болотными испареніями или міазмами. Даже въ сухое и холодное время года, съ ноября по февраль, густой туманъ поднимается около полуночи съ низменныхъ пространствъ, и впродолженіи всего утра его нездоровая масса тяготѣетъ надъ равнинами. Всякое сообщеніе прерывается между сосѣдними деревнями во время періода проливныхъ дождей; такова главная причина крайней раздробленности и разъединенности многихъ группъ между населеніями, родственными по языку и племенному происхожденію; непроходимыя топи и болота, образующіяся вслѣдствіе выступленія изъ береговъ рѣчекъ и ручьевъ, раздѣляютъ этихъ жителей болѣе, чѣмъ это дѣлали бы морскіе проливы и заливы. Кромѣ естественныхъ путей, представляемыхъ текучими водами, существуютъ тамъ и сямъ нѣсколько высокихъ шоссейныхъ дорогъ, построенныхъ въ предшествовавшую эпоху цивилизаціи и заботливо поддерживаемыхъ англичанами. Внѣ этихъ путей сообщенія было бы безусловно невозможно ни проѣхать, ни пройти, если бы человѣкъ не располагалъ услугами слона. Лѣса низменныхъ равнинъ и долинъ въ этомъ краѣ еще гуще, чѣмъ лѣса въ землѣ Гарро, но плоскогорья почти всѣ обезлѣсены, такъ какъ на нихъ поселились племена Хасіа и Джайнтіа, которыя срубаютъ деревья во время короткаго періода засухи и предаютъ ихъ пламени, чтобы освободить отъ нихъ почву. Флора горъ Хасіа — самая богатая въ Индіи и даже, вѣроятно, во всей Азіи: однѣхъ орхидей тамъ насчитываютъ до 250 различныхъ видовъ. Это изумительное богатство растительнаго царства происходитъ отъ чрезвычайнаго разнообразія почвъ на тѣсномъ пространствѣ: болота и торфяники, обвалы и осыпи, скалы, голые и лѣсистые горные скаты, плоскогорья,—всѣ эти различные роды мѣстности имѣютъ каждый свою особенную растительность, которыя, взаимно смѣшиваясь и переплетаясь, производятъ необычайное богатство и разнообразіе флоры [1]); въ равнинѣ одно дерево баніани или индійской смоковницы, размножаясь выдѣленіемъ воздушныхъ корней, образующихъ новые стволы съ новыми воздушными корнями, постепенно разростается въ цѣлый лѣсъ; по склонамъ горъ растетъ гигантскій гарджанъ, прямое и твердое дерево, распростирающее свои вѣтви на высотѣ 60 метровъ (28 саженъ) надъ поверхностью почвы;

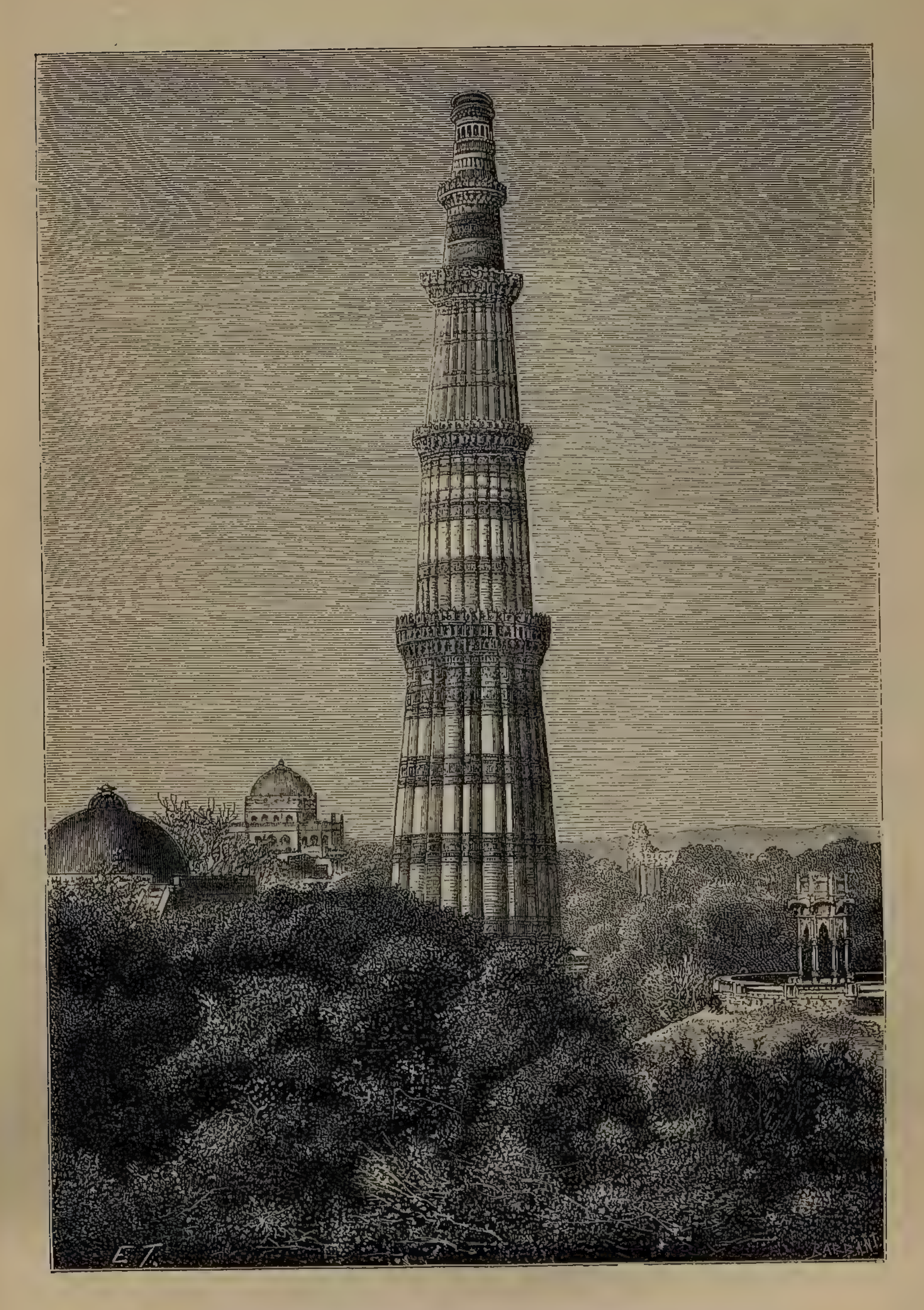
[1]) *Hooker* „Himalayan Journals".

туземцы вырубаютъ дыру въ стволѣ этого колосса и разводятъ въ ней огонь, отъ дѣйствія котораго изъ дерева сочится душистое масло.

Большія военныя дороги, которыя инженерамъ удалось проложить только послѣ вооруженной борьбы съ туземцами, соединяютъ, черезъ горы Хасіа, верхнюю долину Брамапутры съ долинами рѣкъ Сурмахъ и Баракъ, и эти искусственные пути, лучше, чѣмъ естественныя бреши плоскогорья, образуютъ раздѣльныя линіи между различными группами высотъ. Но на востокѣ отъ горъ Джайнтіа глубокое пониженіе рельефа почвы прерываетъ почти совершенно эту горную систему. Далѣе она снова появляется въ видѣ горъ Нага, научное изслѣдованіе которыхъ началось только въ 1872 году, подъ руководствомъ геолога Годуинъ-Остена. Область этихъ горъ, составляющихъ непосредственное продолженіе той же орографической системы на сѣверо-востокѣ, постепенно понижается, и черезъ извѣстные промежутки рѣки, спускающіяся къ Брамапутрѣ, прорѣзываютъ ее своими широкими и глубокими долинами, гдѣ Годуинъ-Остенъ открылъ слѣды древнихъ ледниковъ [1]). Самыя высокія вершины этихъ хребтовъ не достигаютъ и 1.000 метровъ; но на югѣ они примыкаютъ къ другимъ горнымъ цѣпямъ, гораздо болѣе высокимъ, которыя образуютъ водораздѣльную возвышенность между бассейномъ Мегны и бассейномъ Иравадди. Одна изъ этихъ цѣпей, Барель, имѣетъ 2.000 метровъ средней высоты, и даже одинъ изъ ея куполовъ, часто покрытый снѣгомъ, поднимается на 3.700 метровъ надъ уровнемъ моря; Годуинъ-Остенъ обозначилъ пока просто одною буквой эту высочайшую точку границы между Индіей и Индо-Китаемъ. Пучекъ гребней понижается мало-по-малу по направленію къ сѣверо-востоку, и горы Паткой представляютъ многочисленные проломы, высотой отъ 600 до 1.000 метровъ, позволяющіе удобно проходить съ верховья Брамапутры на верховье Иравадди; главныя препятствія происходятъ отъ густоты лѣсовъ и большого протяженія болотъ.

На сѣверъ отъ Дихинга, одного изъ большихъ восточныхъ притоковъ Брамапутры, начинается „невѣдомая земля“. Извѣстно, однако, что она очень гориста и что ея пики поднимаются на значительную высоту. Одна вершина, которая высится къ сѣверу отъ рѣки Дихинга, Дупа-Бумъ, имѣетъ не менѣе 4.175 метровъ, и рѣдкіе путешественники, которые проѣзжали черезъ эту страну, пытаясь проникнуть въ Восточный Тибетъ, всѣ согласно описываютъ ее, какъ одну изъ самыхъ трудныхъ для прохода мѣстностей, по причинѣ крутизны горныхъ склоновъ, отсутствія дорогъ и сплетенія вьющихся растеній, которыя вездѣ опутываютъ непроницаемою сѣтью и связываютъ одно съ другимъ деревья лѣсовъ. Селеніе Симе, крайній пунктъ, до котораго доходили путешественники

[1]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, *aug.* 1875; „Ocean Highways“, *may* 1873.

БАШНЯ КУТАБЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ДЕЛИ.

въ этомъ направленіи, находится уже въ сердцѣ горныхъ цѣпей, принадлежащихъ къ орографической системѣ Восточнаго Тибета; только узкія долины, гдѣ проходятъ верхніе притоки Брамапутры, раздѣляютъ въ этой области различные массивы, продолжающіе на востокѣ систему Гималайскихъ горъ. Въ этомъ селеніи Симе были умерщвлены, въ 1854 году, два миссіонера, Крикъ и Боури, которые отважились проникнуть въ этотъ дикій край.

Въ глазахъ индусовъ, главная вѣтвь верхней Брамапутры не есть самая обильная рѣка изъ всѣхъ верхнихъ притоковъ. По ихъ мнѣнію, „Сынъ Брамы" (буквальное значеніе слова Брамапутра), имѣющій у различныхъ туземныхъ народовъ разныя названія: Сіангъ—у племени аборъ, Талу-ка—у племени сингпо, Гаранія—у ассамцевъ, жителей равнины, Амавари—у племени гарро, Бурхамъ-путеръ—у бенгальцевъ, беретъ начало изъ Брамакунда, или „озера Брамы", которое образуетъ рѣка Лохитъ, кружась у подножія каменнаго утеса, откуда льется водопадъ; нѣкоторые индусскіе пилигримы приходятъ туда совершать свои религіозныя церемоніи и охранять „священный истокъ", населенный большими рыбами, которыхъ туземцы почитаютъ, какъ святыхъ факировъ, перемѣнившихъ земное жилище своихъ душъ [1]. Туземцы племени мишми всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что рѣка Лохитъ, или „Красная", вытекаетъ изъ одной снѣговой горы Тибета, въ нѣсколькихъ дняхъ пути на сѣверъ отъ ихъ земли, и что эту рѣку можно переходить въ бродъ въ небольшомъ разстояніи вверхъ отъ китайскаго мѣстечка Румахъ; она очень маловодна въ сравненіи съ рѣками, которыя соединяются съ нею въ равнинѣ Садія и отъ слиянія которыхъ и образуется истинная Брамапутра. Дихонгъ, наиболѣе обильная изъ этихъ рѣкъ, приходитъ съ сѣверо-запада; въ періодъ мелководья она несетъ не менѣе 1.550 кубич. метровъ воды въ секунду, а во время одного большого наводненія количество протекающей жидкой массы составляло, по вычисленію Вудторна, отъ 10.000 до 12.000 кубич. метровъ. Извѣстно, что Дихонгъ есть та рѣка, въ которой, со временъ Реннеля, большинство англійскихъ географовъ признаетъ тибетскую рѣку Цангбо, обслѣдованную до разстоянія около 155 километровъ къ сѣверу отъ самаго верхняго пункта, какой до сихъ поръ былъ посѣщенъ на Дихонгѣ. Другая рѣка, Дибонгъ, которая соединяется съ предъидущею въ нѣсколькихъ километрахъ выше слиянія Лохита, тоже была указываема нѣкоторыми географами, какъ вѣроятное продолженіе Цангбо; равнымъ образомъ и Субансири, соединяющійся съ Брамапутрой гораздо ниже равнины Садія, гдѣ сходятся названныя рѣки, былъ упоминаемъ нѣкоторыми изслѣдователями, какъ потокъ, продолжающій главную тибетскую рѣку. Однако, теперь уже не подлежитъ

---

[1]) *Cooper* „New routes for Commerce".

сомнѣнію, что ни Дибонгъ, ни Субансири не могутъ быть признаны священною рѣкой, получающей начало на сѣверной покатости Загималайскихъ горъ: ни тотъ, ни другой не катятъ въ своихъ руслахъ массы воды, равной массѣ, которую несетъ Цангбо, какъ показало измѣреніе его стока, произведенное близь города Четанга, на юго-востокѣ отъ Лассы. Очевидно, что въ климатѣ, гдѣ дожди выпадаютъ въ такомъ большомъ изобиліи, рѣки могутъ только увеличиваться въ объемѣ отъ верховья къ низовью. Одни только Дихонгъ и Иравадди, между большими рѣками полуденнаго ската горъ, имѣютъ стокъ, превосходящій массу воды, катимую тибетскимъ Цангбо; слѣдовательно, отнынѣ спорный вопросъ долженъ быть ограниченъ только между этими двумя потоками. Занумерованные чурбаны и бревна, которые индусскіе изслѣдователи Цангбо пускали внизъ по теченію этой рѣки, тщетно ожидаются уже многіе годы прибрежными жителями низовья.

Въ мѣстѣ сліянія на равнинѣ Садія, Брамапутра является уже, даже въ сухое время года, болѣе значительною рѣкой, чѣмъ Рона или Рейнъ. Тамъ, гдѣ ея вòды соединяются въ одномъ каналѣ, она имѣетъ обыкновенно больше километра въ ширину, но мѣстами теченіе ея развѣтвляется на множество рукавовъ, представляющихъ отъ берега до берега общую ширину около 40 километровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равнины, пространство, заключающееся между ложными притоками или рукавами, оставляемыми блуждающею рѣкой съ той и другой стороны, имѣетъ не менѣе сотни километровъ въ ширину. Могучесть Брамапутры, повидимому, служитъ доказательствомъ впаденія тибетскаго Цáнгбо въ великую индусскую рѣку, но при этомъ нужно принимать въ соображеніе гораздо болѣе изобиліе дождевыхъ водъ, нежели длину теченія. Бассейнъ же Брамапутры есть несомнѣнно одинъ изъ тѣхъ, которые получаютъ наибòльшее количество дождевыхъ водъ. Правда, часть его долины защищена отъ проливныхъ дождей горами Гарро и Хасіа, которыя получаютъ такія огромныя массы дождевой воды на своемъ южномъ склонѣ; но эти горы имѣютъ всего только около тысячи метровъ средней высоты, и дождливые вѣтры, проходящіе надъ ними, необходимо должны оставлять свою ношу водяныхъ паровъ на высокихъ горахъ, составляющихъ на востокѣ продолженіе Гималайской цѣпи. До сихъ поръ еще ни одинъ наблюдатель не измѣрялъ количества дождей, выпадающихъ въ этой области, но самая форма земнаго рельефа и направленіе вѣтровъ достаточно доказываютъ ихъ силу и обиліе.

Одинъ изъ притоковъ Брамапутры, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ потоковъ, имя которыхъ начинается словомъ *ди*,—синонимъ рѣки на языкѣ племени бодо,—Дихингъ, представляетъ рѣдкое явленіе: теченіе его развѣтвляется на два рукава въ гористой мѣстности. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ эта бифуркація Дихинга, уровень его долины

находится на 324 метра выше уровня Брамапутры. Тогда какъ главная вѣтвь, Бори-Дихингъ, или „Старый Дихингъ“, направляется на юго-западъ, чтобы идти на соединеніе съ великою рѣкой въ ея аллювіальной равнинѣ, второстепенный рукавъ, Нохъ-Дихингъ, или „Новый Дихингъ“, течетъ на сѣверо-востокъ, къ Лохиту, выше мѣстечка Садія; разстояніе между двумя сліяніями не менѣе 110 километровъ по прямой линіи [1]). Что касается другихъ притоковъ Брамапутры, то они тоже изливаются въ главную рѣку нѣсколькими устьями, но эти устья открываются въ наносныхъ земляхъ и мѣняютъ мѣсто съ каждымъ новымъ наводненіемъ. Вообще измѣнчивостью своего русла, блуждающаго по равнинѣ, всѣ эти большіе притоки, посылаемые Гималаемъ Брамапутрѣ,—Дихонгъ и Дибонгъ, Субансири, Манасъ, Гадахаръ, Дхарла, Тиста, — походятъ на потокъ, въ которомъ теряются ихъ воды. Но самая замѣчательная перемѣна теченія—это та, которая произошла съ самою Брамапутрой въ концѣ прошлаго столѣтія. Обогнувъ на западѣ горы Гарро, рѣка прежде тотчасъ же поворачивала на юго-востокъ и принимала непосредственно въ свое русло всѣ рѣки областей Сайльгетъ и Качаръ; въ настоящее же время она течетъ въ южномъ направленіи, подъ именемъ Джамуны и соединяется съ гангесскимъ рукавомъ Падмой, огибая плато изъ древнихъ рѣчныхъ наносовъ, извѣстное подъ именемъ Мадупурскаго „джунгля“, которое возвышается отъ 20 до 30 метровъ надъ уровнемъ рѣки [2]). Только незначительный потокъ, отдѣляющійся отъ Брамапутры, занимаетъ теперь старое русло; островное пространство, заключенное между двумя рукавами рѣки, обнимаетъ около 15.000 квадр. километровъ. Мегна, которая получаетъ наибольшую часть соединенныхъ водъ Ганга и Брамапутры, и сама, въ своемъ верхнемъ теченіи, есть не что иное, какъ истокъ болотъ полуденнаго Ассама, соединяющійся съ старою Брамапутрой и съ извилистыми рѣками области дельты. На югѣ отъ сліянія, Мегна является въ одно и то же время рѣкой и лиманомъ, по которому поднимается борющаяся съ рѣчнымъ теченіемъ приливная волна; усѣянная островами и песчаными мелями, которые она безпрестанно созидаетъ и разрушаетъ, эта огромная рѣка походитъ скорѣе на рукавъ моря или заливъ, чѣмъ на рѣчное устье. Среднее количество протекающей въ ней воды еще не было измѣрено, но оно не должно быть меньше 30.000 кубич. метровъ въ секунду; слѣдовательно, слишкомъ въ три раза превосходитъ стокъ Дуная, въ пятнадцать или восемнадцать разъ стокъ Роны. Если бы мы не привыкли разсматривать Гангъ и Брамапутру, какъ двѣ различныя рѣки, то Мегна, общее русло этихъ двухъ могучихъ потоковъ, заняла бы первое мѣсто между главными

[1]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien“.
[2]) *Fergusson* „Quarterly Journal of the Geological Society“, 1863.

водными артеріями Азіи; она превосходитъ даже Янтсекіангъ, и во всемъ свѣтѣ уступаетъ, по массѣ воды, только рѣкѣ Амазонокъ, Конго и Паранѣ. Изъ двухъ образующихъ ее рѣкъ, Брамапутра несомнѣнно катитъ наиболѣе значительную массу воды; въ Гаохати, который находится на 50 метрахъ средней высоты, въ разстояніи 800 километровъ отъ моря, разрѣзъ рѣки, измѣренный Германомъ фонъ-Шлагинтвейтомъ, во время періода мелководія, имѣетъ 1.509 метровъ ширины; въ этомъ мѣстѣ зимній стокъ составляетъ около 9.010 кубич. метровъ въ секунду, а стокъ въ сезонъ разлива, лѣтомъ, въ три или четыре раза больше; среднее количество протекающей въ секунду воды не можетъ быть менѣе 15.000 кубич. метровъ, а рѣка еще принимаетъ въ себя, ниже этого мѣста, большіе притоки, какъ-то: Манасъ, Тисту, Баракъ. Масса приносимыхъ Брамапутрой твердыхъ, землистыхъ частицъ, по меньшей мѣрѣ, въ два раза превосходитъ наносы Ганга, а между тѣмъ, выступъ земель новаго образованія гораздо меньше въ восточной части дельты, нежели въ гангесскихъ Сандербанахъ. Фергюссонъ полагаетъ, что эта противоположность произошла вслѣдствіе пониженія почвы въ бассейнѣ Барака. По его мнѣнію, вся эта страна представляла въ относительно недавнюю эпоху родъ внутренняго моря, которое и было засыпано наносами Брамапутры; вмѣсто того, чтобы спускаться въ море, увлекаемыя рѣчнымъ теченіемъ землистыя частицы осаждались въ этомъ озерномъ резервуарѣ [1]).

Въ горахъ, которыя раздѣляютъ Ассамъ на двѣ совершенно обособленныя части—область верхней Брамапутры и бассейнъ рѣки Баракъ, большинство населенія пребываетъ еще въ дикомъ состояніи. На востокѣ, около границъ Барманіи, многочисленныя не-цивилизованныя племена все еще остаются независимыми отъ Англіи, и даже въ западной области, окруженной съ трехъ сторонъ равнинами, британское господство стало признаваться только съ очень недавняго времени. Еще не далѣе, какъ въ 1871 году туземцы племени гарро возстали противъ англійской полиціи, потворствовавшей беззаконіямъ, совершаемымъ скупщиками земли, и цѣлые два года давали выжигать свои селенія и посѣвы скорѣе, чѣмъ покориться; только тогда, когда англійскіе офицеры-топографы, подъ защитой нѣсколькихъ ротъ егерей, обошли весь край и отмѣтили на картѣ всѣ лѣсныя и горныя трущобы, служившія убѣжищемъ инсургентамъ, туземцы, не будучи въ состояніи впредь обманывать бдительность дисциплинированныхъ сипаевъ, увидѣли себя вынужденными снова платить подати и принять агентовъ фиска въ свои селенія.

---

[1]) „Quarterly Journal of the Geological Society" 1863; *Medlicott* and *Blanford*; „Manual of the Geology of India".

Весьма вѣроятно, что племя гарро нѣкогда населяло сосѣднія равнины и что оно было постепенно оттѣснено во внутренность горъ бенгальцами, къ которымъ эти инородцы до сихъ поръ питаютъ сильную ненависть; впрочемъ, нѣкоторые кланы, на окружности горъ, уже болѣе или менѣе объиндіанились; переходъ отъ расы къ расѣ совершается постепенно отъ равнинъ Брамапутры къ лѣсамъ горной страны. Гарронцы чистаго происхожденія—обыкновенно средняго роста, сильны и ловки; цвѣтъ кожи у нихъ почти черный, лицо широкое, носъ плоскій и вздернутый, глаза слегка скошенные, лобъ прямой, скулы выдающіяся, губы толстыя; вообще, они напоминаютъ типъ, называемый монгольскимъ. Бороду они имѣютъ рѣдкую, да и ту тщательно выщипываютъ, чтобы подбородокъ былъ совершенно гладкій, но волосъ на головѣ никогда не стригутъ. Большинство туземцевъ этого племени ходитъ почти нагимъ; нѣкоторые носятъ одежду, привозимую изъ равнины и состоящую просто изъ передника и покрывала, къ которымъ иногда прибавляется родъ плаща, состоящаго изъ широкаго куска древесной коры, которая предварительно была вымочена въ водѣ для того, чтобы осталось одно только волокно. Мужчины и женщины, какъ большая часть дикарей, очень любятъ всякія украшенія, ожерелья, серьги, браслеты, но діадему, составленную изъ мѣдныхъ бляхъ, имѣетъ право носить лишь человѣкъ, убившій врага. Англичане, хотя имъ пришлось вести продолжительную борьбу съ этими туземцами, даютъ о гаррондахъ самый лестный отзывъ, изображая ихъ обходительными, добрыми, гостепріимными, правдивыми, людьми прямыми, безъ всякой хитрости и лукавства; ихъ нравственныя качества составляютъ самый счастливый контрастъ съ двуличнымъ характеромъ бенгальцевъ, льстивыхъ и вѣроломныхъ. Гаррондцы—хорошіе земледѣльцы, не смотря на то, что единственное ихъ земледѣльческое орудіе—простой ножъ, которымъ они рѣжутъ траву и вѣтви деревьевъ и дѣлаютъ ямы въ землѣ. Первый предметъ, который бросается въ глаза иностранцу, когда онъ приближается къ гаррондскому селенію,—это сторожевая будка, построенная на вершинѣ помоста, господствующаго надъ другими хижинами; изъ этой воздушной сторожки гаррондецъ присматриваетъ за полями хлопчатника, хлѣбныхъ растеній, сладкихъ пататъ. Послѣ двухъ или трехъ лѣтъ обработки и сбора плодовъ, земля оставляется въ залежи и отдыхаетъ въ теченіе семи или восьми лѣтъ. Вообще жители непосѣдливы и часто по самому ничтожному поводу переселяются на другое мѣсто. Въпродолженіи жизни одного поколѣнія имъ случается основать послѣдовательно до восьми или десяти поселковъ; повсюду встрѣчаешь въ лѣсахъ остатки хижинъ, которыми, послѣ ухода населенія, овладѣли трава и кустарникъ.

Какого происхожденія эти племена, такъ легко мѣняющія мѣсто жительства? Языкъ, которымъ они говорятъ и котораго имѣется нѣсколько

словарей, составленныхъ разными изслѣдователями, указываетъ на родство ихъ съ племенемъ мечъ, живущимъ въ области терая, и съ другими народцами тибетскаго корня. Сами они называютъ себя единоплеменниками англичанъ, но это мнимое родство, конечно, имѣетъ для нихъ лишь тотъ смыслъ, что даетъ имъ основаніе предъявлять свое право на независимость. По нравамъ и обычаямъ, гарронцы, хотя почти уединенные, являются представителями многочисленныхъ народцевъ, принадлежащихъ къ одному и тому же періоду культуры въ полуденномъ Китаѣ, въ Индо-Китаѣ и въ Декканѣ; они могутъ даже быть разсматриваемы, какъ представители типа древнѣйшаго общества, сохраняющагося въ своемъ первобытномъ видѣ, вопреки всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ, которыя осаждаютъ его, ни у какого народа не сохранились лучше учрежденія материнской власти. Кланы до сихъ поръ удержали свое названіе *магари*, или „материнство", и женщина считается главою семейства. Молодая дѣвушка первая дѣлаетъ предложеніе молодому человѣку, всегда выбираемому въ чужой „материнской общинѣ", или магари, и сама сватаетъ его за себя у его матери; когда парень первый позволитъ себѣ заговорить о сватовствѣ, магари, къ которой онъ принадлежитъ, приговаривается къ большому штрафу. У большинства племенъ, пребывающихъ еще въ полудикомъ состояніи, свадебной церемоніи предшествуетъ подобіе умыканія молодой дѣвушки; у племени гарро, наоборотъ, друзья невѣсты совершаютъ похищеніе будущаго супруга и силой уводятъ его въ материнство, членомъ котораго онъ дѣлается съ этого времени. Однако, когда дѣло идетъ о бракѣ наслѣдницъ, имъ не предоставляютъ свободнаго выбора, и въ этомъ случаѣ два заинтересованныя „материнства" ищутъ подходящаго мужа и заключаютъ брачный договоръ. Сынъ не наслѣдуетъ отцовскаго имущества: все имущество переходитъ къ сыну сестры; но этотъ племянникъ наслѣдуетъ въ то же время и вдовѣ, и долженъ вступить съ нею въ бракъ, хотя бы даже она была матерью его собственной жены; у другихъ племенъ Индіи тоже встрѣчаются слѣды этого первобытнаго обычая.

Женщины все еще имѣютъ голосъ въ собраніяхъ „материнствъ", но уже не управляютъ больше общинами. Начальникъ или глава, *ласкаръ*, который, впрочемъ, пользуется своею властью единственно въ силу довѣрія, оказываемаго ему материнствомъ или группой материнствъ, которую онъ представляетъ, всегда мужчина и имѣетъ пребываніе въ деревенскомъ „дворцѣ", большомъ домѣ, который, по индо-китайскому обычаю, предоставляется для жительства всѣмъ холостымъ членамъ общины. Въ начальники вообще выбирается самый богатый изъ жителей; между этими ласкарами есть такіе, которые владѣютъ десятками пятью или шестью невольниковъ, потомковъ порабощенной расы, къ которой принадлежатъ, можетъ быть, двѣ трети всего населенія, но которая, впрочемъ, почти

ассимилировалась съ другими гарронцами; они только не имѣютъ права вступать черезъ бракъ въ члены семействъ благороднаго класса, хотя они физически сильнѣе и красивѣе своихъ господъ[1]). Между свободными людьми не существуетъ никакихъ кастъ. Вліяніе, оказываемое жителями равнины, не было достаточно сильно, чтобы заставить этихъ горцевъ принять индусскіе обычаи и учрежденія. Гарронцы не считаютъ за преступленіе употреблять въ пищу коровье мясо; за исключеніемъ молока, вкусъ котораго имъ противенъ, они не брезгуютъ никакою снѣдью; они ѣдятъ даже крысъ, лягушекъ, змѣй; откормленныя на убой собаки составляютъ одно изъ ихъ любимыхъ блюдъ. Ихъ религіозныя церемоніи, совершаемыя подъ руководствомъ тѣхъ членовъ общины, которые помнятъ старыя молитвы, приближаются къ обрядамъ индусскаго сиваизма, съ тою разницей, что горцы не имѣютъ идоловъ въ своихъ святилищахъ; они почитаютъ, какъ представителей духовъ, пушистыя кисти изъ хлопчатой бумаги или шелка, которыя они привязываютъ къ бамбукамъ и которыя колышутся, качаемыя вѣтромъ. Покойниковъ они сжигаютъ и пепломъ ихъ наполняютъ особые бамбуковые сосуды, въ родѣ клѣтки, украшенные разными затѣйливыми фигурами. Въ прежнее время, когда гарронцы хотѣли почтить память усопшаго, они посылали воиновъ въ равнину съ порученіемъ изловить тамъ нѣсколькихъ бенгальцевъ, которыхъ и приносили торжественно въ жертву передъ похороннымъ костромъ, обмазывая столбы кровью заклапныхъ жертвъ. Еще не далѣе, какъ въ 1866 году одна изъ этихъ кровавыхъ церемоній была совершена въ горахъ Гарро[2]).

Народъ хасіа или косія, восточные сосѣди гарронцевъ и незначительнаго племени мигамъ, самъ себя называетъ хій. Покоренные англійскому владычеству уже болѣе полустолѣтія тому назадъ и находясь въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ жителями равнинъ, прилегающихъ съ сѣвера и съ юга къ ихъ горамъ, хасіи стоятъ уже на болѣе высокой ступени культуры, и многіе изъ ихъ клановъ частью индіанизировались. Въ времена своей независимости, прежде чѣмъ измѣна одного изъ ихъ князей предала ихъ во власть Англіи, они составляли конфедерацію или союзъ маленькихъ республикъ, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ извѣстное число деревень, управляемыхъ мѣстною аристократіей. Этотъ политическій порядокъ частью удержался до сихъ поръ, не смотря на постоянно увеличивающееся вмѣшательство въ ихъ самоуправленіе англійскихъ администраторовъ. Хасіи и джайнтіи или сайнтенги, которые живутъ на востокѣ въ томъ же горномъ массивѣ, отличаются отъ всѣхъ другихъ обитателей Индіи по сю сторону Ганга моносиллабическимъ языкомъ,

[1]) *Buchanan Hamilton*; *Dalton* „Ethnology of Bengal“.
[2]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien“.

*

но представляющимъ уже нѣкоторые признаки перехода къ аглютинативной формѣ. Также какъ и діалектъ басковъ, нарѣчіе хасіа, которое, впрочемъ, не имѣетъ никакой письменной литературы, составляетъ совершенно особенную глоссологическую энклаву или область, заключенную среди другихъ чуждыхъ ему говоровъ; до сихъ поръ ученые не знаютъ еще, къ какой семьѣ языковъ причислить сто тысячъ горцевъ, говорящихъ этимъ идіомомъ. Что касается физическаго вида, то хасіи и джайнтіи мало разнятся отъ гарронцевъ и другихъ народцевъ, принадлежащихъ къ тибетскому корню, только они сильнѣе и отличаются необыкновенною толщиной икръ; въ этомъ отношеніи немногіе европейцы могли бы сравниться съ ними. Женщины народа хасіа безъ малѣйшаго утомленія носятъ на себѣ путешественниковъ въ плетеной корзинѣ, расположенной въ формѣ стула. По словамъ Гукера, у нѣкоторыхъ племенъ хасіевъ сохранился еще обычай татуированія, и почти всѣ они жуютъ листья, окрашивающіе зубы въ красный цвѣтъ. „Бѣлые зубы только у собакъ да у бенгальцевъ", обыкновенно говорятъ они въ оправданіе своей привычки. Добродушные и честные, эти горцы вносятъ во всѣ свои работы и игры необыкновенную веселость; ихъ почти всегда слышишь поющими, и—почти единственный примѣръ между азіатцами [1])—они насвистываютъ аріи съ изумительною точностью. Очень храбрые, они въ то же время очень строго и добросовѣстно соблюдаютъ правила международнаго права, какъ они его понимаютъ. Хотя англичане сражались съ ними огнестрѣльнымъ оружіемъ, они никогда не отвѣчали имъ отравленными стрѣлами,—оружіе, которое они употребляютъ только противъ дикихъ звѣрей [2]). Что касается брака и свадебныхъ обрядовъ, то они почти такіе же, какъ у гарронцевъ и также свидѣтельствуютъ о большой живучести матріархальныхъ учрежденій. Равнымъ образомъ у племенъ хасіа сохранились нѣкоторые остатки поліандріи (многомужія). Разводъ у нихъ дѣло очень обыкновенное: достаточно женѣ бросить въ воздухъ пять раковинъ каури, чтобы расторженіе брачнаго союза стало совершившимся фактомъ, послѣ чего мужъ возвращается въ свой материнскій кланъ, но дѣти остаются съ матерью; вообще они знаютъ только мать, не вѣдая даже имени отца. Въ могилѣ мужъ разлучается съ супругой; его прахъ хоронится на кладбищѣ его племени, тогда какъ прахъ дѣтей кладется подлѣ материнской урны. Всѣ умершіе сжигаются на кострѣ; но такъ какъ сжиганіе мертвыхъ тѣлъ очень затруднительно во время дождливаго сезона, то ихъ сохраняютъ до сухаго времени года, покрывая трупъ медомъ [3]). Вѣкъ дольменовъ еще продолжается въ землѣ хасіевъ; подходы всѣхъ селеній загромождены могильными камнями, изъ

[1]) *H. Yule* „Journal of the Asiatic Society", 1844.
[2]) *Powney* „The wild Tribes of India".
[3]) *Hooker* „Himalayan Journals".

которыхъ одни положены плашмя на столбахъ, другіе стоятъ, какъ сложенные въ кучи камни западныхъ народовъ, или поддерживаютъ на верхушкѣ широкій кругъ. По краямъ дорогъ встрѣчаются большія каменныя глыбы причудливой формы, положенныя въ память какихъ-нибудь замѣчательныхъ событій [1]).

Къ востоку отъ горцевъ хасіа и джайнтіа живутъ племена наговъ, т. е. „нагихъ“, населяющія долины и плоскія возвышенности; но это имя, имѣющее, можетъ быть, связь съ названіемъ древнихъ наговъ, или „змѣевъ“, о которыхъ говорятъ арійскія традиціи, есть общее наименованіе, примѣняемое къ народцамъ, весьма различнымъ по языку, племенному родству, нравамъ, узорамъ татуировки. На сѣверо-востокѣ они смѣшиваются съ барманскими туземцами сингпо; на югѣ они соединяются съ куками черезъ различные промежуточные народцы. Одно изъ ихъ племенъ или колѣнъ, по ихъ вѣрованію, родилось изъ тростниковъ; другое вылупилось изъ яйца; третье выросло изъ воды; наконецъ, есть одно, которое произошло изъ ничего, силою своей собственной добродѣтели [2]). Наги по преимуществу — это тѣ, которые величаютъ себя именемъ ангами, или „непобѣжденныхъ“. Они въ самомъ дѣлѣ остались независимыми до нашихъ дней и англичанамъ часто приходилось вести съ ними войну. Начальника или главы племени у нихъ нѣтъ никакого. „Вотъ нашъ господинъ!“ говорятъ они, вонзая дротикъ въ землю. Эти горцы не мѣняютъ такъ легко мѣста жительства, какъ гарронцы; напротивъ, они живутъ на вершинѣ холмовъ, въ постоянныхъ селеніяхъ, представляющихъ родъ крѣпостей, защищенныхъ рвами, рогатками, колючими деревьями; дороги, ведущія къ деревнямъ, до такой степени узки, что два человѣка не могутъ идти по нимъ рядомъ, а въ военное время ихъ еще загромождаютъ всякаго рода препятствіями. Еще недавно молодой туземецъ изъ племени нага не могъ татуировать себѣ лицо до тѣхъ поръ, пока ему не удалось срубить человѣческую голову, или хитростью, или въ бою, и поднести этотъ трофей въ подарокъ своей нарѣченной; какъ пираты съ острова Борнео, они отправлялись охотиться на человѣка. Эти кровожадные люди имѣютъ, тѣмъ не менѣе, многія хорошія качества: они уважаютъ данное слово, охотно жертвуютъ собою для спасенія общины, благоговѣйно поддерживаютъ загороди кладбищъ, гдѣ покоится прахъ ихъ умершихъ предковъ. Они воздѣлываютъ землю съ большою смышленостью и цѣнятся какъ хорошіе работники въ чайныхъ плантаціяхъ, которыя мало-по-малу поднимаются все выше и выше по склонамъ горъ, такъ что, безъ сомнѣнія, кончится тѣмъ, что эти плантаціи завоюютъ всю территорію народа нага гораздо вѣрнѣе,

---

[1]) *Dalton; Yule; George Campbell*, etc.

[2]) *Ad. Bastian* „Die Völker der östlichen Asien“.

чѣмъ военныя экспедиціи англійскихъ сипаевъ. Общее число туземцевъ, принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ нага, опредѣляютъ приблизительно въ 70.000 душъ.

Южные сосѣди народа нага, куки, занимаютъ область горъ, продолжающуюся даже въ предѣлахъ Типпераха и въ округѣ Джиттагонгъ. Сами они не знаютъ себя подъ этимъ генерическимъ именемъ, которое жителями равнины часто употребляется въ оскорбительномъ смыслѣ; между ними нѣтъ никакой національной связи и потому у нихъ существуютъ только наименованія для отдѣльныхъ колѣнъ и клановъ или родовъ, разсѣянныхъ въ прогалинахъ лѣсовъ [1]). Они имѣютъ, по большей части, видъ родства: туземцевъ этого племени легко отличить по ихъ малому росту, по мускулистымъ членамъ тѣла, по цвѣту кожи почти черному, по плоскому лицу; нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, имѣютъ очень короткія ноги и непропорціонально длинныя руки. Лангути (холщевый передникъ) для обоихъ половъ, шарфъ для женщинъ, тюрбанъ для мужчинъ,—таковъ, вмѣстѣ съ разными металлическими украшеніями, весь костюмъ кукіевъ. Одинъ народецъ, лункта, или „голые“, ходитъ почти безъ всякой одежды: злая мачиха, какъ гласитъ преданіе, обобрала у нихъ все платье, чтобы отдать его болѣе любимымъ сыновьямъ [2]). Въ многочисленныхъ колѣнахъ и кланахъ кукіевъ, изъ которыхъ одни находятся въ сношеніяхъ съ барманцами, другіе съ бенгальцами, иные, наконецъ, живутъ совершенно особнякомъ, уединенно, можно встрѣтить всѣ степени дикаго и полуцивилизованнаго состоянія общества. Въ то время, какъ нѣкоторые дикари этой расы, говорятъ, добываютъ огонь еще посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева и употребляютъ, вмѣсто соли, бамбуковую золу для приправы въ пищу, другіе народцы, какъ, напримѣръ, типперахи, претендуютъ на титулъ индусовъ и соблюдаютъ религіозные обряды браманскаго происхожденія. Изъ всѣхъ племенъ куки самое могущественное и наиболѣе опасное англичанамъ — племя лушай, живущее на югѣ страны Манипуръ, въ горахъ, отдѣляющихъ землю Типперахъ отъ Барманіи. Много разъ бенгальское правительство вынуждено было посылать военныя экспедиціи противъ этихъ разбойничьихъ клановъ, которые обладаютъ замѣчательнымъ талантомъ въ устройствѣ оборонительныхъ укрѣпленій и сражаются съ рѣдкою неустрашимостью, смѣло идя на смерть, когда имъ случится встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагомъ. Нѣтъ страны, гдѣ вендетта практиковалась бы съ большею строгостью, чѣмъ у лушаевъ. Они мстятъ даже животнымъ и деревьямъ. Если тигръ пожретъ человѣка, родственникъ жертвы преслѣдуетъ звѣря до тѣхъ поръ, пока не убьетъ его и не напьется его крови; если дерево

[1]) *Woodthorpe* „The Lushaï Expedition“.
[2]) *Mac Rae* „Asiatick Researchrs“, vol. VII, 1803.

упало на туземца, нужно срубить его и изуродовать, нужно разлить по землѣ его сокъ. Лушаи не выказываютъ особенной любви къ украшеніямъ, но за то они чрезвычайно заботятся о своей шевелюрѣ.

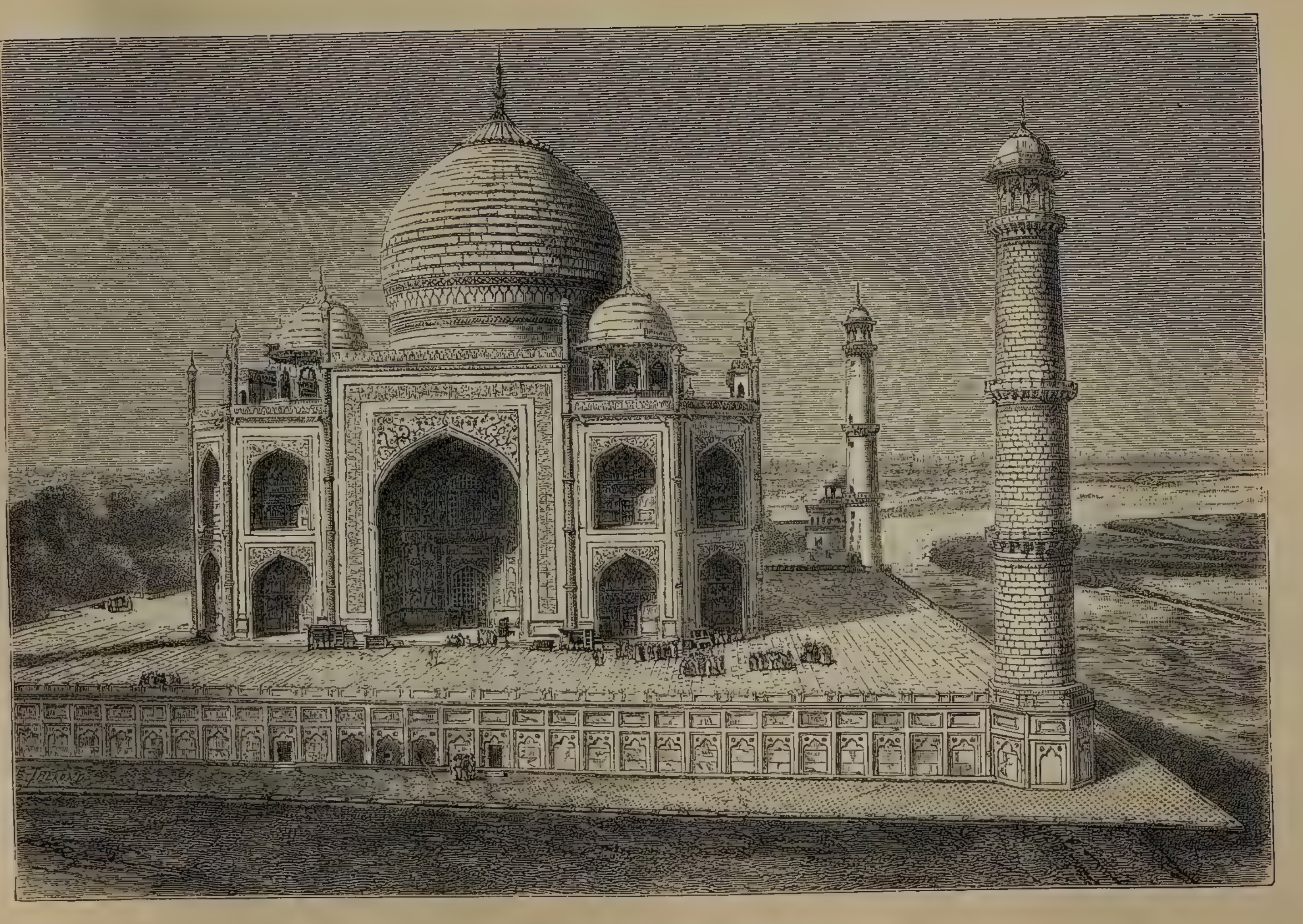
Гористыя области на границѣ Ассама населены другими народцами индо-китайской расы, каковы хамти, сингпо или какіенъ, но эти племена представлены на покатости Браматутры лишь малочисленными кланами; наибольшая часть ихъ территоріи находится въ бассейнѣ Иравадди. Однако, горы не единственныя мѣстности Ассама, гдѣ живутъ племена, держащіяся особнякомъ отъ индусовъ. Лѣсистыя и болотистыя области тоже принадлежатъ еще первобытнымъ населеніямъ. Такъ, микиры, въ количествѣ свыше 40.000 душъ, сгруппированные, по большей части, въ большихъ домахъ, служащихъ общимъ жилищемъ нѣсколькимъ семьямъ, обитаютъ въ прогалинахъ лѣсовъ, которые тянутся длиннымъ поясомъ между горными хребтами. Хасіа и теченіемъ Брамапутры; эти туземцы составляютъ народъ мирныхъ тружениковъ, живущихъ въ совершенной дружбѣ и согласіи между собою. Другая нація, гораздо болѣе значительная и состоящая, вѣроятно, болѣе чѣмъ изъ 200.000 душъ, нація бодо, разсѣяна своими многочисленными кланами во всѣхъ частяхъ Ассама, какъ въ бассейнѣ Барака, такъ и въ бассейнѣ Брамапутры; нѣкоторыя изъ ея семействъ встрѣчаются даже въ Верхней Бенгаліи и въ Непальской области терая; наконецъ, племя дималъ, въ числѣ около 15.000 душъ, населяетъ, рядомъ съ народомъ бодо, салевые лѣса, которые тянутся вдоль основанія западныхъ горъ Бутана.

Многочисленная нація бодо, область которой образуетъ обширный полукругъ около горъ Ассама, вообще извѣстна подъ названіемъ качари, и это, вѣроятно, по ея имени названъ Качарскій округъ, лежащій на границѣ Барманіи и земли Манипуръ. Бодо называютъ себя рангца, т. е. „небесными"; область, гдѣ они сгруппировались въ наибольшемъ числѣ, носитъ названіе Камрупъ: это полуостровная страна, заключающаяся между рѣками Брамапутрой и Манасомъ. Занимая столь обширную территорію и находясь въ торговыхъ сношеніяхъ съ самыми разноприродными населеніями, бодо, естественно, должны были измѣниться, приспособляясь къ различнымъ средамъ. Многіе изъ народцевъ этой расы усвоили себѣ нѣкоторые обычаи своихъ сосѣдей индусовъ и принимаютъ названіе сороніа, т. е. „очищенныхъ", потому что они воздерживаются отъ употребленія запрещенной мясной пищи и исполняютъ, подъ руководствомъ своихъ жрецовъ *гуру*, предписанныя браманскою религіей омовенія. Другія племена, живущія въ Восточномъ Ассамѣ, въ сосѣдствѣ съ буддійскимъ населеніемъ, имѣютъ ламъ, вмѣсто гуру, въ качествѣ духовныхъ наставниковъ [1]). Но независимо отъ своихъ религіозныхъ вѣрованій,

[1]) *Hodgson* „The Aborigines of India"; *Dalton* „Ethnology of Bengal".

бодо, будь то сиваиты, буддисты или язычники, сохранили до сихъ поръ съ замѣчательною вѣрностью свои первоначальные нравы, и почти вездѣ они рѣзко отличаются отъ народностей другого происхожденія, съ которыми находятся въ соприкосновеніи. Типъ ихъ нисколько не походитъ на типъ арійцевъ: выдающіяся скулы придаютъ ихъ лицу ромбическую форму; носъ у нихъ приплюснутый, съ широкими ноздрями, глаза маленькіе, губы толстыя, и на верхней губѣ пробиваются усы въ видѣ легкаго пушка; совокупностью чертъ лица и оливково-смуглымъ цвѣтомъ кожи они походятъ на дравидійцевъ полуденной Индіи. Точно также ихъ языкъ, флексивный и совершенно отличный отъ идіомовъ санскритскаго происхожденія, представляетъ, по Годгсону, тѣ же самые характеристическіе признаки, какъ и дравидійскіе идіомы; вокабулы арійскаго происхожденія въ немъ очень малочисленны, причину чего, безъ сомнѣнія, нужно искать въ томъ обстоятельствѣ, что они всегда старались держаться особнякомъ отъ властителей страны. Но термины, заимствованные ими изъ арійскихъ нарѣчій, доказываютъ, что до своего знакомства съ арійцами они не имѣли никакого понятія о земледѣліи въ собственномъ смыслѣ, не имѣли ни лошадей, ни сохи, не употребляли никакихъ денежныхъ знаковъ и не умѣли выражать точнымъ образомъ отвлеченныя понятія.

Какъ земледѣльцы, бодо такіе же кочевники, какъ и гарро. Они рѣдко обработываютъ одинъ и тотъ же участокъ земли болѣе двухъ лѣтъ сряду и рѣдко остаются болѣе шести лѣтъ на жительствѣ въ одной и той же деревнѣ. Если они возвращаются въ тотъ же самый край, оставивъ зѐмли, которыя они тамъ прежде воздѣлывали, на нѣсколько лѣтъ въ залежи, то они никогда не строютъ своихъ хижинъ на мѣстахъ прежняго поселенія, изъ боязни преслѣдованія со стороны духовъ. Они никогда не стараются о томъ, чтобъ сдѣлаться собственниками земли, которую пашутъ; они вездѣ являются въ качествѣ простыхъ арендаторовъ, и платятъ ренту или деньгами, или произведеніями почвы, но эта плата рѣдко достигаетъ значительныхъ размѣровъ, потому что люди другихъ расъ не могли бы обработывать, безъ опасности для здоровья, сырыя зѐмли, которыя бодо берутъ въ наймы. Не смотря на нездоровый климатъ своего мѣстопребыванія, они вообще сильнѣе и проворнѣе, чѣмъ ихъ сосѣди, живущіе на осушенныхъ земляхъ. Бодо отличаются также и нравственными качествами. Очень сдержанные съ чужеземцами, они показываютъ себя такими, каковы на самомъ дѣлѣ, со всякимъ, кто съумѣетъ пріобрѣсти ихъ довѣріе; по единогласному свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, они кротки и скромны, но безъ всякаго униженія, честны, правдивы, трудолюбивы, воздержны, всегда вполнѣ владѣютъ собою, склонны къ спокойной веселости. Женщинѣ они оказываютъ особенное уваженіе, обращаясь съ ней съ почтеніемъ и совѣтуясь съ нею во всѣхъ

ТАДЖЪ-МАГАЛЪ ВЪ АГРѢ.

случаяхъ жизни; но хотя многіе считаютъ ихъ единоплеменниками народа гарро, они не имѣютъ учрежденій, которыя напоминали бы материнство: у бодо не молодыя дѣвушки сватаютъ за себя жениховъ и разыгрываютъ комедію похищенія своихъ будущихъ супруговъ; напротивъ, у нихъ противъ невѣсты устраивается подобіе умыканія, условленное заранѣе между обѣими сторонами. Совершенно равные другъ другу, они не дѣлятся ни на колѣна или кланы, ни на касты, такъ какъ всѣ семейства бодовъ, какъ состоящія, такъ и не состоящія между собою въ родствѣ, считаютъ себя имѣющими совершенно одинаковыя права. Они не держатъ, какъ большинство туземныхъ націй, ремесленниковъ чужой расы, которые работали бы у нихъ, чтобы прясть и ткать имъ матеріи, строить или украшать ихъ жилища,—они сами дѣлаютъ все необходимое для своего обихода и помогаютъ другъ другу, въ случаѣ надобности; что касается предметовъ, которыхъ они сами не умѣютъ фабриковать, то они покупаютъ ихъ у индусовъ. Очень рѣдко случается, чтобы въ ихъ деревняхъ возникали какіе-нибудь споры и несогласія; однако, представляются обстоятельства, когда вмѣшательство совѣта старѣйшинъ оказывается необходимымъ, и въ этомъ случаѣ виновный подвергается публичному выговору, или даже изгоняется, когда его присутствіе въ общинѣ было бы не безопасно для общественнаго спокойствія. У нихъ нѣтъ наслѣдственнаго класса жрецовъ; всякій, кто хочетъ, можетъ принять на себя обязанность общественнаго „молельщика", но не получая никакой власти въ обмѣнъ за свои услуги. Впрочемъ, религіозныя церемоніи у нихъ самыя простыя: онѣ ограничиваются взываніемъ къ „сонму звѣздъ", къ лѣсамъ, горамъ, вообще ко всѣмъ большимъ предметамъ природы и въ особенности къ рѣкамъ; также какъ индусы, бодо боготворятъ всѣ *ганги* своего отечества. Подобно своимъ сосѣдямъ дималъ, которые отличаются отъ нихъ только языкомъ, они почитаютъ также нѣкоторыя растенія, между прочимъ, одинъ видъ молочайныхъ, называемый *сиджъ*, очень богатый молочнымъ сокомъ; каждый бодо считаетъ своею непремѣнною обязанностью разводить это растеніе въ садикѣ около своей хижины. Подобный же обычай существуетъ и у туземцевъ Ориссы [1]).

Нація кочъ или кучъ, еще гораздо болѣе многочисленная, чѣмъ племя бодо, по приблизительному исчисленію, представлена въ Сѣверо-восточной Индіи милліономъ душъ. Она распространена по всему пространству территоріи, заключающейся между Гангомъ, Гималаями и горами барманской границы; но значительными группами она сосредоточена въ той области Бенгаліи, которая означается подъ именемъ Кочъ-Бехаръ, т. е. „Кочскій монастырь", и которая сохранила мѣсто между такъ называемыми государствами Индіи. Племя пани-кочъ, живущее у основанія горъ

[1]) *Hodgson* „Aborigines of India; Kotch, Bodo and Dhimal Tribes".

Гарро, походитъ на племя гарро, имѣетъ такіе же матріархальные обычаи [1]) и, вѣроятно, происходитъ отъ того же этническаго корня; по другія кочскія племена ясно отличаются отъ различныхъ народностей Сѣверной Индіи своимъ почти чернымъ цвѣтомъ кожи, толстыми губами, выдающимися челюстями, клочковатою бородой; ихъ обыкновенно причисляютъ къ дравидійцамъ; нѣкоторые антропологисты помѣщаютъ ихъ въ число негритосовъ, самые чистые представители которыхъ находятся на архипелагахъ Юго-восточной Азіи. Тѣ изъ кочскихъ племенъ, которыя не говорятъ нарѣчіями индусскаго происхожденія, имѣютъ языкъ, приближающійся къ идіому племени мечъ. Но смѣшеніе народа кочъ съ индусами и ассамцами различныхъ происхожденій произвело такое разнообразіе типовъ, что теперь уже невозможно классифицировать ихъ точнымъ образомъ. Тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ богатымъ фамиліямъ, сочли бы за оскорбленіе, если бы имъ дали названіе кочъ; они претендуютъ на происхожденіе отъ самого Сивы и величаютъ себя громкимъ именемъ раджбанси, т. е. „Царскихъ сыновей".

Цивилизованное населеніе равнинъ Ассама, къ которому примѣшиваются бродячія группы народовъ дималъ и бодо, равно какъ переселившіяся съ запада племена кочъ и мечъ, принадлежитъ въ значительной части къ расамъ индо-китайскаго полуострова. Пороги, черезъ которые сѣверный бассейнъ Брамапутры сообщается съ долиной Иравадди, такъ невысоки, что съ востока завоеватели могли часто проникать въ Ассамъ и смѣшиваться съ кореннымъ населеніемъ. Чутіи, которые господствовали въ Восточномъ Ассамѣ въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, были, можетъ быть, потомки сіамскихъ племенъ, хотя нарѣчіе одного изъ ихъ колѣнъ, живущаго въ верхнемъ Ассамѣ, повидимому, скорѣе имѣетъ сродство съ языкомъ народа бодо [2]). Почти совершенно объиндіанившіеся уже сотни лѣтъ тому назадъ и живя подъ опекой браманскихъ жрецовъ, чутіи отличаются отъ другихъ кастъ, называемыхъ индусскими, округлою формой и плоскими чертами лица. Что касается агомовъ, которые смѣнили чутіевъ въ качествѣ властителей страны, то они несомнѣнно восточнаго происхожденія: это единоплеменники шановъ, живущихъ на границѣ Юннана; но со времени ихъ переселенія въ край, которое восходитъ къ тринадцатому столѣтію, они сильно измѣнились, вслѣдствіе браковъ съ туземными и индусскими женщинами. Подъ ихъ правленіемъ, населеніе Ассама, какъ кажется, много страдало; они были жестокими и жадными господами, очень строгими въ вымоганіи податей и повинностей. Низойдя снова въ массу народа, они мало-по-малу сливаются съ индусскими кастами, исключая области по берегамъ верхней Брамапутры,

[1]) *Dalton* „Ethnology of Bengal".
[2]) *Dalton*, цитированное сочиненіе.

гдѣ они сгруппированы, въ числѣ около 130.000 душъ, вокругъ своихъ древнихъ столицъ. Что̀ касается бармацевъ, которые тоже были господами Ассама въ теченіе первой четверти девятнадцатаго столѣтія, то они оставались слишкомъ короткое время въ краѣ, чтобы могли основать тамъ прочныя поселенія.

Тогда какъ индо-китайцы проникали въ Ассамъ черезъ пороги холмовъ, индусскіе арійцы, болѣе или менѣе чистой расы, поднимались вверхъ по берегамъ Брамапутры, порабощая туземныхъ жителей. Древнѣйшія преданія страны уже показываютъ намъ индусовъ поселившимися въ королевствѣ Камрупъ, между рѣками Манасомъ и Брамапутрой. Царство ихъ было ниспровергнуто въ пятнадцатомъ столѣтіи магометанами, и даже туземная нація кочъ снова пріобрѣла-было власть на нѣкоторое время, но цивилизація все-таки осталась та, которую принесли съ собою арійцы; цивилизуясь, многія племена или колѣна стали причислять себя къ индусскимъ кастамъ и господствующимъ языкомъ въ области равнинъ сдѣлалось бенгальское нарѣчіе (бенгали). Но какъ во всѣхъ странахъ, колонизованныхъ эмигрантами, пришельцы менѣе строго, чѣмъ ихъ предки, заботятся о сохраненіи чистоты крови, и касты безпрестанно смѣшиваются между собою и преобразуются въ новыя соціальныя группы не по племенному происхожденію, а по профессіямъ и богатству. Чистокровные браманы немногочисленны въ Ассамѣ. Между индусами самую значительную, по численности, особенную группу составляютъ калитаны, поселившіеся въ краѣ съ незапамятныхъ временъ. Они замѣчательно походятъ на раджпутовъ красивымъ оваломъ лица, выдающимся носомъ, большими глазами, часто сѣро-желѣзнаго цвѣта, легкою поступью. Сами они приписываютъ себѣ происхожденіе отъ высшей расы, и хотя ихъ считаютъ судрами, они, тѣмъ не менѣе, настолько пользуются уваженіемъ, что браманы соглашаются принимать отъ нихъ очистительную воду. Во многихъ округахъ наилучше обработанныя зѐмли принадлежатъ калитанамъ. Другіе индусы, называемые домъ, получили отъ британскаго правительства право пользованія всѣми рыбными ловлями на верхней Брамапутрѣ, но, взамѣнъ того, они обязаны снабжать гребцами суда должностныхъ лицъ [1]).

Населеніе въ Ассамѣ почти исключительно сельское. Жители края, относительно очень малочисленные, располагаютъ гораздо болѣе обширнымъ пространствомъ превосходныхъ земель, чѣмъ сколько они могутъ обработывать; почва даетъ имъ рисъ въ преизобиліи, равно какъ разнаго рода плоды и употребляемые въ пищу корни; кромѣ того, земледѣльцы могутъ получать безъ большого труда обильные урожаи хлопка въ области холмовъ, джута на поляхъ равнины, и продавать эти произ-

[1]) *Cooper* „New Routes for Commerce".

веденія калькуттскимъ купцамъ. Понятно, что крестьяне Ассама, „Несравненной“ страны,—таковъ, говорятъ, смыслъ его имени въ санскритскомъ языкѣ [1]),—не имѣютъ охоты мѣнять свое безбѣдное положеніе на участь поденщиковъ въ большихъ чайныхъ плантаціяхъ, основанныхъ въ различныхъ частяхъ страны, преимущественно въ округѣ Качаръ и на полуденномъ склонѣ гималайскихъ предгорій, въ верхнемъ Ассамѣ. Поэтому, плантаторы вынуждены искать себѣ „наемщиковъ“ или куліевъ внѣ провинціи, главнымъ образомъ въ землѣ санталовъ и въ Ориссѣ. Торгъ рабочими постоянно увеличивался въ той же пропорціи, какъ и производство чая, и часто, не смотря на контракты и уставы о наймѣ рабочихъ, иммигранты попадаютъ въ положеніе настоящихъ невольниковъ. Смертность очень сильна между этими несчастными, которыхъ привлекаетъ сюда болѣе высокая заработная плата, чѣмъ какая существуетъ въ ихъ провинціяхъ, но которые должны заработывать ее на сырой почвѣ, въ удушливой атмосферѣ, вдали отъ всего, что они любили въ родной землѣ; какъ только ими овладѣетъ гнетущее чувство тоски по родинѣ, гибель ихъ неизбѣжна. Изъ тысячи двухсотъ мадрасскихъ куліевъ, привезенныхъ однимъ плантаторомъ въ Ассамъ, осталось только трое, четыре года спустя [2]). Однако, новыя партіи вербуемыхъ на сторонѣ рабочихъ безпрестанно пополняютъ убыль, происходящую отъ смертности, и увеличиваютъ массы работниковъ; въ одномъ только 1876 году было привезено въ эту провинцію около 34.000 новыхъ куліевъ; въ настоящее время ихъ насчитывается свыше 200.000, и изъ этого числа болѣе двухъ третей уроженцы округовъ, лежащихъ внѣ бассейна Брамапутры. Одна изъ причинъ, объясняющихъ попытки, такъ часто дѣлаемыя по иниціативѣ англійскихъ плантаторовъ и направленныя къ открытію прямаго торговаго пути между верхнимъ Ассамомъ и бассейномъ Янгтсекіанга, та, что китайскіе эмигранты могли бы нахлынуть массами по этой новой дорогѣ, и этотъ наплывъ желтолицыхъ сыновъ Срединнаго царства, естественно, повлекъ бы за собою пониженіе заработной платы на плантаціяхъ [3]). Правительство крупныхъ земельныхъ собственниковъ или ландлордовъ, верховная держава, господствующая надъ Индіей, разрѣзала Ассамъ на обширные лены, въ родѣ тѣхъ, какіе существуютъ въ Ирландіи и въ верхней Шотландіи. Округъ Гоальпара заключаетъ въ себѣ всего только восемнадцать большихъ имѣній, платящихъ поземельный налогъ, который не представляетъ даже пятидесятой доли ихъ дохода [4]).

По мнѣнію большинства ботаниковъ, Ассамъ слѣдуетъ считать

[1]) *Th. Benfey* „Indien“, Encyclopädie von Ersch und Gruber.
[2]) *Viguier* „Progrès Médical“, 12 mai 1877.
[3]) *Cooper* „New Routes for Commerce“.
[4]) *Hunter* „Imperial Gazetteer of India“.

первоначальною родиною чайнаго дерева. Выше долины Брамапутры этотъ кустарникъ встрѣчается повсюду въ дикомъ состояніи, поднимаясь въ вышину отъ 4 до 6 метровъ, а въ горахъ Нага ростъ его доходитъ даже до 20 слишкомъ метровъ (болѣе 9 саженъ) [1]. Уже въ 1823 г., когда еще Ассамская провинція не принадлежала Великобританіи, одинъ англійскій купецъ, Робертъ Брюсъ, открылъ это туземное растеніе; но послѣ того прошло цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ прежде, чѣмъ былъ разведенъ первый „чайный садъ", близь Лахимпура, въ аллювіальныхъ земляхъ Субансири. Правительство, которому принадлежалъ этотъ садъ, выписало китайскихъ земледѣльцевъ изъ провинціи Фокянь и съ 1838 г. лондонскіе чайные торговцы стали получать по дюжинѣ ящиковъ ассамскаго чая. Нѣсколько лѣтъ спустя, частная промышленность выхлопотала себѣ у правительства право пользованія обширными землями для культуры драгоцѣннаго деревца, и съ этого времени началась эра спекуляцій; мало найдется предпріятій, которыя давали бы поводъ къ болѣе запутаннымъ и рискованнымъ финансовымъ махинаціямъ, чѣмъ чайныя плантаціи Ассама. Не смотря на разореніе большого числа плантаторовъ, производство чая не переставало возрастать изъ года въ годъ, и количество чая, вывозимое изъ этой провинціи Англо-индійской имперіи, равняется шестой части количества, которое отправляется изъ Китая во всѣ страны земнаго шара.

Отпускъ чая изъ Ассама въ 1851 году	128.240	килограм.
„ „ „ „ „ 1871 „	5.404.100	„
„ „ „ „ „ 1881 „	17.184.000	„

Общая площадь „чайныхъ садовъ" превышаетъ въ настоящее время 60.000 гектаровъ, а зѐмли, уступленныя правительствомъ для будущихъ плантацій, занимаютъ пространство, въ три раза болѣе значительное. Изъ трехъ разновидностей чайнаго дерева, китайской, ассамской и ихъ помѣси, плантаторы предпочитаютъ послѣднюю, какъ болѣе безъискусственную и крѣпкую, болѣе богатую листвой, чѣмъ китайская, и въ то же время болѣе высокую ростомъ, чѣмъ туземный кустарникъ [2]).

Ассамъ, который въ торговомъ отношеніи можно назвать непроходимымъ закоулкомъ, такъ какъ сбытъ его произведеній возможенъ пока въ одномъ только направленіи—къ Калькуттѣ, не имѣетъ еще большихъ городскихъ поселеній. Городъ Садія, который занимаетъ такое счастливое географическое положеніе, находясь въ точкѣ соединенія трехъ могучихъ притоковъ Брамапутры—Дихонга, Дибонга и Лохита, и который былъ нѣкогда столицей завоевателей агомцевъ, есть не болѣе, какъ

[1]) *Burrel* „Geographical Magazine", 1878.
[2]) *Cooper*, цитированное сочиненіе.

мѣстный рынокъ для окрестныхъ горцевъ; пока дороги изъ Китая и Тибета не будутъ открыты черезъ земли туземныхъ народцевъ аборъ, мишми, хамти, до тѣхъ поръ Садія не можетъ воспользоваться неоцѣненными выгодами своего торговаго положенія. Въ настоящее время Дибругаръ, самая верхняя пристань, гдѣ обыкновенно останавливаются пароходы въ періодъ разлива рѣки, и Сибсагаръ, лежащій въ аллювіальной равнинѣ въ 18 километрахъ отъ Брамапутры, имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ Садія. Главный административный центръ округа, Сибсагаръ смѣнилъ собою древніе многолюдные города, бывшіе столицами царства Агомъ; заросшія мелкимъ кустарникомъ, развалины Гаргаона, на юго-востокѣ отъ Сибсагара, и развалины Рангпура, на югѣ, простираются на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ километровъ. Среди лѣсной чащи видны остатки сиваитскихъ храмовъ Динаджпура, съ ихъ изваянными камнями, представляющими творческую силу божества. Эти груды развалинъ, эти старинныя крѣпости, эти остатки дворцовъ и храмовъ свидѣтельствуютъ о богатствѣ и цивилизаціи древнихъ ассамцевъ и составляютъ поражающій контрастъ съ нѣсколькими группами хижинъ, которымъ въ настоящее время даютъ названіе городовъ. Не много найдется мѣстностей въ Индіи, которыя подвергались бы большимъ опустошеніямъ, чѣмъ равнины, орошаемыя Брамапутрой.

Тезпуръ—важная пристань, какъ и Дибругаръ; но самый дѣятельный городъ во всей области верхней Брамапутры—Гаохати, стоящій на лѣвомъ берегу рѣки; это бывшая столица индусскаго царства Камрупъ; со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ руинами, прикрытыми мелкимъ кустарникомъ или водяными растеніями. Въ Гаохати мы уже вступаемъ въ область святыхъ мѣстъ, привлекающихъ массы пилигримовъ; уже въ ближайшихъ окрестностяхъ этого города, на западѣ, находится священная гора (поднимающаяся слишкомъ на 200 метровъ надъ уровнемъ рѣки), съ храмомъ на вершинѣ, который посѣщается большимъ числомъ богомольцевъ; въ прежнее время при этомъ храмѣ для служенія состояло 5.000 молодыхъ дѣвушекъ, и теперь еще число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ. Другое святилище, находящееся на скалистомъ островѣ посреди рѣки, также посѣщается тысячами пилигримовъ, а на правомъ берегу Брамапутры, храмъ Хаджу, посвященный Буддѣ или Мага-Муни, привлекаетъ въ одно и то же время буддистовъ Бутана и правовѣрныхъ индусовъ различныхъ культовъ; въ этомъ храмѣ сливаются двѣ главныя религіи Индіи. Святилище Хаджу указываетъ мѣстоположеніе древняго города Азу, который заключалъ въ себѣ гробницы ассамскихъ царей съ ихъ золотыми и серебряными идолами, а также толпой ихъ женъ и ихъ офицеровъ, которые сами себя отравляли, чтобы слѣдовать за ними на тотъ свѣтъ, и всякаго рода животныхъ, убиваемыхъ на ихъ могилѣ[1]).

[1]) *Tavernier* „Les Six Voyages qu'il a faits en Turquie, en Perse et aux Indes.“

Еще недавно Гаохати былъ столицей Ассама, но его нездоровый климатъ скоро прогналъ англійскія власти, которыя перенесли свою резиденцію на плато Шиллонгъ, въ горахъ Хасіа. Новая столица, которая въ то же время служитъ лѣтнимъ городомъ, или „санаторіемъ", для пребывающихъ въ Ассамѣ англичанъ, была основана въ 1874 году, и вскорѣ послѣ того соединена съ Гаохати прекрасною шоссейною дорогой (длиной около 108 километровъ), одною изъ лучшихъ въ Индіи; военные кантонементы были расположены въ сосѣдствѣ новой резиденціи, и колоніи туземцевъ, гарро, хасіа, джайнтіа, сгруппировались вокругъ англійскихъ домовъ. Этотъ новый городъ, Шиллонгъ, лежащій на высотѣ 1.493 метровъ, на вершинѣ плоскогорій, имѣющихъ покатость, съ одной стороны, къ верхней Брамапутрѣ, съ другой—къ бассейну рѣки Бакаръ, занимаетъ очень выгодное положеніе въ административномъ отношеніи, такъ какъ онъ находится въ географическомъ центрѣ провинціи, которой онъ главный городъ. На западѣ, на горѣ Тура, выстроился другой англійскій „санаторій".

Ниже Гаохати, города Гоальпара и Дхубри, слѣдующіе одинъ за другимъ на берегахъ Брамапутры, обязаны своимъ важнымъ значеніемъ преимущественно складамъ строеваго лѣса и земледѣльческихъ продуктовъ; желѣзная дорога, которая должна быть въ скоромъ времени продолжена до верхняго Ассама, соединяетъ Дхубри съ городами при Гангѣ. Простирающіяся за границами Ассама равнины, по которымъ протекаетъ блуждающая рѣка Дхарла, принадлежатъ въ бо̀льшей части къ медіатизированному государству Кочъ-Бехаръ, столица котораго, носящая то же имя, представляетъ кучку хижинъ, раскинувшихся вокругъ кирпичнаго дворца раджи. На югѣ, въ предѣлахъ Бенгаліи, Рангпуръ, или „Городъ Счастья", значительнѣе предъидущаго; онъ превосходитъ по важности города Динаджпуръ и Богра, находящіеся тоже въ трехугольномъ пространствѣ, ограниченномъ Гангомъ и Брамапутрой выше ихъ сліянія; но въ отношеніи торговаго движенія онъ далеко уступаетъ Сираджганджу, главному порту Джамуны или Брамапутры. Этотъ городъ существуетъ менѣе ста лѣтъ, и въ этотъ короткій періодъ онъ уже долженъ былъ вновь отстроиться, въ 8 километрахъ отъ своего перваго мѣстоположенія, послѣ того, какъ сильный разливъ рѣки смылъ всѣ его дома и улицы. Впродолженіи всего дня происходитъ непрерывное движеніе фургоновъ между городомъ и дебаркадерами, гдѣ складываются огромными кучами кипы джута и табаку, маслянистыя сѣмена, мѣшки соли, риса и другихъ продуктовъ. Большинство купечества, въ пользу котораго производятся всѣ эти операціи, состоитъ изъ джайновъ, уроженцевъ Раджпутаны, извѣстныхъ въ краѣ подъ именемъ марварцевъ; до самыхъ крайнихъ предѣловъ Ассама, почти вся торговля страны находится въ рукахъ людей этой касты. Торговые обороты Сираджганджа въ

теченіе фискальнаго 1876—1877 года простирались, по цѣнности, до 113.200.000 франковъ; на пристани его число судовъ въ приходѣ и отходѣ было 49.644.

Гоаланда, другая рѣчная пристань, расположенная на песчаной косѣ западнаго берега Ганга, при сліяніи его съ Брамапутрой, соперничаетъ съ Сираджганджемъ по важности торговой дѣятельности; по построенный на не твердой почвѣ, постоянно угрожаемый наводненіемъ изъ двухъ могучихъ рѣкъ, которыя здѣсь соединяются въ одинъ потокъ, этотъ торговый центръ переходитъ съ мѣста на мѣсто, смотря по времени года: зимой и весной временная желѣзная дорога продолжается на 3 километра отъ постоянной станціи; въ лѣтніе мѣсяцы рельсы снимаются и широко разливающійся потокъ, покрывающій свои берега на далекое пространство, ударяется объ охранительныя насыпи или плотины, между которыми заключены склады и магазины Гоаланды. Торговое движеніе этого города въ теченіе фискальнаго 1876—1877 г. простиралось до 80.000.000 франковъ. Болѣе пятидесяти тысячъ судовъ, не считая рыболовныхъ, пристаютъ ежегодно къ жете гоаландскаго порта. На берегу устроены большіе заводы для соленія рыбы.

Бассейнъ рѣки Мегны, которая получаетъ свои вòды съ горныхъ цѣпей Манипура и съ высотъ, продолжающихся отъ горъ Гарро до горъ Паткой, не имѣетъ ни одного рынка, который могъ бы сравниться съ Сираджганджемъ и съ Гоаландой по размѣрамъ торговаго движенія. Сильчаръ, военная станція, находящаяся въ сосѣдствѣ съ барманскою границей, есть въ то же время мѣсто довольно оживленнаго ярмарочнаго торга; равнымъ образомъ и Сайльгетъ, дома котораго разсѣяны среди деревьевъ, на берегахъ Сурмы, — промышленный и торговый городъ, самый многолюдный въ провинціи Ассамъ; но, окруженный болотами, онъ имѣетъ очень нездоровый климатъ и потому европейскіе резиденты часто отправляются искать болѣе чистаго воздуха въ Чера-Понджи и въ сосновые лѣса, окружающіе Шиллонгъ. Сайльгетъ, расположенный на возвышеніи почвы, которое въ періодъ дождливаго муссона бываетъ окружено со всѣхъ сторонъ водами, есть мѣсто отправленія извести, которую каменоломни въ горахъ Хасіа доставляютъ калькуттскимъ строителямъ въ неограниченныхъ количествахъ. Чтò касается каменноугольныхъ залежей въ Чера-Понджи, то протяженіе ихъ не на столько значительно, чтобы ихъ можно было разрабатывать съ выгодой, хотя онѣ даютъ топливо, едва уступающее, по качеству, хорошимъ сортамъ англійскаго угля. Апельсины изъ Чера-Понджи и Сайльгета очень цѣнятся на калькуттскомъ рынкѣ: они слывутъ лучшими во всей Индіи.

Многіе важные города разсѣяны по берегамъ измѣнчивыхъ каналовъ въ низменной области, заключающейся между Мегной и Джамуной; Джамальпури стоитъ на теченіи старой Брамапутры, теперь почти

конпутомъ; Маймеисингъ или Назирабадъ—главный административный пунктъ округа, откуда вывозится джутъ, лучшій во всей Бенгаліи; Кисоригапджъ привлекаетъ на свои ярмарки иногородныхъ купцовъ десятками тысячъ, марварцевъ, бенгальцевъ и барманцевъ. Но торговля и населеніе сосредоточились, главнымъ образомъ, въ полуденной области края, въ той мѣстности, гдѣ сходятся могучія рѣки. Въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ слiянія Мегны и Падмы, т. е. соединенныхъ Ганга и Брамапутры, находился Бикрампуръ, столица одного индусскаго царства, и тамъ еще показываютъ мѣсто, гдѣ государь сжегъ себя вмѣстѣ со своими женами при приближеніи магометанъ; многочисленныя школы, посвященныя изученію санскритскаго языка и древнихъ писателей, существуютъ до сихъ поръ въ Бикрампурѣ, свидѣтельствуя о важномъ значеніи, которое прежде имѣлъ этотъ городъ, превратившійся теперь въ простую деревню. Въ сосѣдствѣ другое мѣстечко, Фиринги-Базаръ, или „Рынокъ франковъ", напоминаетъ первое поселеніе португальцевъ въ странѣ въ 1663 году. Столица, слѣдовавшая за Бикрампуромъ, Сонаргаонъ, близь которой нѣкогда, говорятъ, существовалъ городъ Бенгалла, давшій свое имя Бенгаліи [1]), теперь представляетъ кучку лачугъ, затерянную среди пальмоваго лѣса; но Дакка, возвысившійся на степень царской резиденціи въ семнадцатомъ столѣтіи, до сихъ поръ еще большой городъ, хотя уже пришедшій въ сильный упадокъ; онъ занималъ прежде пространство около 30 километровъ съ сѣвера на югъ, и въ джунглѣ еще видны тамъ и сямъ руины его дворцовъ. Въ 1880 году онъ имѣлъ еще около двухсотъ тысячъ жителей; теперь осталось не болѣе трети этого числа, и даже въ центральной части города можно встрѣтить полуразвалившіеся дворцы и храмы. Въ семнадцатомъ столѣтіи Дакка была замѣнена, какъ главный городъ Бенгаліи, Муршидабадомъ, но она и послѣ того сохранила свое важное промышленное значеніе. Англичане, французы, голландцы имѣли тамъ конторы для покупки произведеній мѣстной промышленности—прекрасныхъ шелковыхъ матерій, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, и въ особенности легкой кисеи, которою надо было „обвернуться семь разъ, чтобы покрыться". Введеніе манчестерскихъ бумажныхъ тканей разорило мануфактуры Дакки, но за то городъ пріобрѣлъ большую важность, какъ мѣсто покупки и вывоза земледѣльческихъ произведеній. Въ двухъ его портахъ или пристаняхъ, Нарайнганджѣ и Мадапганджѣ, находящихся въ 14 километрахъ южнѣе, на глубокомъ притокѣ Мегны, происходитъ огромное торговое движеніе. Торговля Дакки въ теченіе фискальнаго 1876—1877 года простиралась, по цѣнности, до 29.575.000 франковъ. Въ числѣ жителей этого города и теперь еще есть армяне, греки, португальцы и другіе „феринги"

[1]) *Rennell* „Hindustan", II.

(франки), болѣе или менѣе смѣшанной крови, которые происходятъ отъ торговыхъ людей, поселившихся здѣсь въ прошломъ столѣтіи.

Къ востоку отъ рѣки Мегны, два самые многолюдные города области Типперахъ, Браманбаріа и Кумиллахъ, имѣютъ важное значеніе только по торговлѣ мѣстными произведеніями. Ноахали или Судхарамъ, главный городъ округа, находится теперь въ 16 километрахъ отъ моря, хотя онъ былъ основанъ на самомъ берегу моря и близь устьевъ Мегны, наносы которой постоянно выдвигаются все далѣе въ Бенгальскій заливъ, увеличивая полосу суши у береговъ; на *чарахъ*, или новообразовавшихся аллювіальныхъ островкахъ, добываютъ соль. Кумиллахъ—одна изъ будущихъ станцій желѣзной дороги изъ Калькутты въ Барманію. Агарталла, главный городъ подвластныхъ англичанамъ племенъ области Типперахъ, есть не болѣе, какъ деревня, гдѣ нѣсколько сотень жителей сгруппировались вокругъ казармъ гарнизона.

Важнѣйшіе города бассейна Брамапутры:

Ассамъ.		
Сайльгетъ	16.850	жит.
Гаохати	11.500	„
Гоальпара	6.050	„
Сибсагаръ	5.275	„
Шиллонгъ	5.000	„
Кочъ-Бехаръ.		
Кочъ-Бехаръ	10.000	„
Бенгалія.		
Дакка	69.200	„
Сираджгандж	18.875	жит.
Рангпуръ	14.850	„
Джамальпуръ	14.300	„
Динаджпуръ	13.050	„
Кумиллахъ	12.950	„
Браманбаріа	12.350	„
Маникганджъ	11.550	„
Нарайнганджъ	10.900	„
Майманспнхъ или Назирабадъ	10.050	„

X.

Бассейны рѣкъ Субарнареха, Байтарани, Брамани и Мага-Надди, Орисса, Чатисгаръ, туземныя государства области Чота-Нагпоръ.

Эта часть Индіи имѣетъ небольшое протяженіе въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ бассейна Ганга, и ея населеніе относительно малочисленно, но она составляетъ особенную естественную область, отличающуюся отъ другихъ областей какъ историческими судьбами своихъ жителей, такъ водоскатомъ, порядкомъ теченія рѣкъ, физическими явленіями. Однако, ея внутреннія гористыя земли, которыя покрыты лѣсами и джунглями, не представляютъ никакой опредѣленной границы; поселившіеся тамъ дикіе народцы простираютъ свои владѣнія на сѣверъ въ Бенгалію, на западъ въ бассейны рѣкъ Нарбады и Тапти, на югъ на покатость рѣки Годавери.

Пространство и народонаселеніе четырехъ рѣчныхъ бассейновъ:

Ориса и платящія дань государства	61.902 кв. килом.	4.318.000 жит.	69 ж. на 1 кв. килом.
Сингбумъ, государства области Чота-Нагпоръ	51.596 " "	821.000 "	16 " " " "
Чатисгаръ	67.234 " "	3.239.875 "	48 " " " "
Государства, платящія дань	33.816 " "	825.600 "	24 " " " "
Всего	214.548 кв. килом.	9.204.475 жит.	43 ж. на 1 кв. килом.

Возвышенности центральной части полуострова Индустана, изъ которыхъ иныя покрыты лавой, тянутся въ видѣ обширнаго цирка вокругъ равнинъ, гдѣ рѣка Мага-Надди принимаетъ въ себя Сео, Гасду и другіе большіе притоки. Горы Майкалъ, образующія самый возвышенный красвой хребетъ этого амфитеатра холмовъ, имѣютъ около 600 метровъ средней высоты. Разрѣзанная водами на многочисленные массивы и господствующая во многихъ мѣстахъ надъ обширными бассейнами, которые нѣкогда были озерами, орографическая система этой страны продолжается на сѣверо-востокъ отъ Майкала, и тамъ и сямъ увѣнчана остроконечными или куполообразными вершинами, имѣющими болѣе 1.000 метровъ высоты; гора Перта, на границахъ округовъ Чота-Нагпоръ и Чатисгаръ, поднимается на 1.099 метровъ надъ уровнемъ моря. Довольно ровный въ большой части своего протяженія, циркъ верхней Мага-Надди усѣянъ, однако, многочисленными группами острововидныхъ холмовъ или даже уединенныхъ остроконечныхъ горъ, на вершинѣ которыхъ виднѣются живописныя развалины укрѣпленныхъ зaмковъ. Около середины своего теченія рѣка, уже судоходная, которая передъ тѣмъ извивалась по ровнымъ мѣстностямъ, ударяется о горные валы, состоящіе изъ древнихъ породъ и гребни которыхъ тянутся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, параллельно морскому прибрежью Ориссы. Ложе рѣки загромождено каменными глыбами, вокругъ которыхъ теченіе бѣжитъ опасными стремнинами. Мѣняя направленіе ниже первыхъ ущелій, Мага-Надди течетъ къ югу въ трещинѣ горъ, которая продолжается на юго-западъ долиной ея притока Тель. Затѣмъ Мага-Надди встрѣчаетъ на своемъ пути другія узкія, поперечныя долины, которыя позволяютъ ей снова принять прежнее направленіе къ востоку, послѣ чего ей остается только пройти черезъ внѣшнюю цѣпь восточныхъ Гатскихъ горъ длиннымъ ущельемъ, которое тянется около 64 километровъ; это такъ называемый Бармульскій „проходъ", надъ которымъ по обѣ стороны господствуютъ лѣсистые склоны и перерѣзанныя оврагами крутизны. На сѣверѣ цѣпи холмовъ разрѣзаны на отрывки незначительной длины рѣками Брамани, Байтарани и ихъ притоками; хотя эти холмы примыкаютъ къ возвышенностямъ

*

внутренней части страны, они являются, по бо́льшей части, въ формѣ уединенныхъ мысовъ или выступовъ, далеко выдвинутыхъ въ равнины. Одна изъ этихъ группъ высотъ, извѣстная подъ именемъ Талчирскихъ горъ, замѣчательна тѣмъ, что въ ней находятъ залежи каменнаго угля, которыхъ ископаемыя едва разнятся отъ ископаемыхъ австралійскихъ каменноугольныхъ копей. Другой массивъ круто обрывается надъ Баласорскими равнинами, оканчиваясь высокимъ пикомъ, справедливо прозваннымъ Магасани, или „Престоломъ Облаковъ": это самая возвышенная изъ вершинъ этой области; она достигаетъ 1.165 метровъ. Къ югу отъ этой господствующей горы, гдѣ часто предлагали основать „санаторій", или дачный городъ, небольшая гряда холмовъ, извѣстная подъ названіемъ Ниль-Гири, или „Голубыхъ горъ", поднимается въ видѣ вала или стѣны надъ аллювіальною равниной Ориссы.

Субарнареха, или „Золотая лента", которая беретъ начало на высотахъ округа Чота - Нагпоръ, составляетъ отдѣльный рѣчной бассейнъ, тогда какъ рѣки Байтарани, Брамани и Мага-Надди соединяются одною и тою же дельтой при выходѣ изъ области горъ. Изъ этихъ трехъ рѣкъ Байтарани самая короткая и наименѣе обильная; однако, осадки твердыхъ частицъ, отлагающіеся въ ея устьи, наидалѣе выдвигаются въ море, у мыса Пальмирасъ, очень опаснаго для судовъ; Брамани и вѣтви нижней Мага-Надди приносятъ ей свои землистыя частицы и, такимъ образомъ позволяютъ ей увеличивать свою дельту. На югѣ главные рукава Мага-Надди тоже способствуютъ своими наносами постоянному приращенію поверхности материка. Совокупность всѣхъ аллювіальныхъ земель Ориссы, отложенныхъ рѣками внѣ древняго каменистаго побережья, развертываетъ линію своихъ береговъ на протяженіи 325 километровъ; площадь этой страны новаго образованія превышаетъ 13.000 квадр. километровъ. Принимая во вниманіе глубину пластовъ аллювія, нужно заключить, что прибрежныя равнины Ориссы представляютъ собою большую часть обломковъ, унесенныхъ съ плоскогорій центральной Индіи; кромѣ того, значительная пропорція твердыхъ осадковъ образовала подводную дельту противъ рѣчныхъ устьевъ и отложилась на днѣ открытаго моря. Морскіе приливы (амплитуда ихъ отъ 2 до 4 метровъ), волна которыхъ ударяется о берегъ въ направленіи съ юго востока на сѣверо-западъ и которые закривляютъ къ сѣверу всѣ устья рѣкъ [1]), уносятъ съ отливомъ большое количество твердыхъ частицъ, содержащихся въ водахъ Мага-Надди и другихъ рѣкъ; постояннымъ ударепіемъ волнъ и теченій зыби море тоже перерабатываетъ рѣчные наносы и придаетъ имъ почти геометрическую правильность контуровъ. Равнодѣйствующая силъ, находящихся въ столкновеніи, производитъ въ результатѣ безпрерывное

---

¹) *Hunter* „Orissa".

НАБЕРЕЖНАЯ ВЪ БЕНАРЕСѢ.

приращеніе земель. Однако, вся область, обнимаемая береговыми кордонами дельты, еще не вполнѣ завоевана сушей: нѣкоторыя озера и болота, остатки бухтъ и лимановъ, до сихъ поръ сохранились внутри линіи береговъ. Самое большое изъ этихъ озеръ—Шилка, залегающее на южной сторонѣ дельты, въ томъ мѣстѣ, которое получаетъ наименьшее количество рѣчныхъ наносовъ въ сезонъ разливовъ; оно представляетъ обширную водную площадь пространствомъ около 900 квадр. километровъ въ сухое время года и до 1.170 въ періодъ дождей, но глубина его весьма незначительна (едва доходитъ до 2 метровъ), и оно усѣяно островками и песчаными мелями. Смотря по бо̀льшему или мѐньшему количеству наносовъ, измѣняющемуся отъ одного до другого времени года, это озеро является то прѣсноводнымъ резервуаромъ, то бассейномъ соленой воды. Воздѣланныя зѐмли, которыя опираются на береговой кордонъ или косу, быстро растутъ въ протяженіи, внѣшняя плотина укрѣпляется и расширяется. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія она имѣла только одинъ километръ въ ширину; въ наши дни она уже втрое шире. Сто лѣтъ тому назадъ, протокъ представлялъ судамъ входъ шириною въ 1.700 метровъ, по которому проходили даже большія барки, глубоко сидящія въ водѣ; но съ 1825 года сообщенія поддерживаются уже только черезъ искусственный каналъ, который часто на половину заносится иломъ, такъ что инженерамъ нерѣдко приходится расчищать и, такъ сказать, вновь открывать его. Во̀ды прилива, проникающія черезъ протокъ, разливаются по необозримой поверхности озернаго бассейна, никогда не повышая уровень его до высоты внѣшней жидкой массы, тогда какъ разность между высотой прилива и отлива на берегу моря доходитъ до полутора метровъ, въ озерѣ Шилка она едва достигаетъ трети этой величины; но когда муссонъ препятствуетъ выходу отлива, и когда выступившія изъ береговъ во̀ды Мага-Надди и другихъ рѣкъ устремляются въ озерный резервуаръ, находящіяся на берегахъ послѣдняго пахатныя зѐмли затопляются; среднимъ числомъ, несчастные крестьяне прибрежья разсчитываютъ лишь на одинъ урожайный годъ изъ каждыхъ четырехъ лѣтъ. Соль, собираемая у протока, на пескахъ Парикуда, утилизируется для службы храмовъ; орисскіе индусы никогда не употребляютъ соли какого-либо другого происхожденія, которая не выкристаллизовалась отъ дѣйствія солнечной теплоты на берегу моря [1]). Нѣсколько плоскодонныхъ судовъ, сколоченныхъ въ формѣ гроба, скользятъ по водамъ озера, перевозя пилигримовъ изъ Сиркара въ Джаггапатскій храмъ.

Вѣроятно, нѣтъ рѣки на земномъ шарѣ, которая совершала бы столь значительную геологическую работу, какъ Мага-Надди, относительно поверхности ея водоската и средняго объема ея жидкой массы.

[1]) *Cotton* „Report of professional tours“; *W. W. Hunter* „Orissa“.

Правда, теченіе этой индійской рѣки имѣетъ 836 километровъ длины, а бассейнъ ея обнимаетъ территорію, превосходящую 100.000 квадр. километровъ, слѣдовательно, составляющую около пятой части пространства Франціи; но въ сравненіи съ Гангомъ, съ Янтсекіангомъ и другими могучими рѣками Азіи, Мага-Надди, или „Великая рѣка", обыкновенно является потокомъ средней величины. Впродолженіи наибольшей части года она представляетъ лишь легкую водную скатерть, медленно скользящую въ чрезмѣрно широкомъ руслѣ; бываетъ такъ, что теченіе ея умаляется до 31 кубич. метра въ секунду; это стокъ маленькой рѣчки, въ родѣ, напримѣръ, французской Соммы, треть той массы воды, какую катитъ Шаранта. Но во время большихъ разливовъ Мага-Надди становится огромною рѣкой, больше Роны, больше даже Нила или Миссисипи; при выходѣ изъ своего ущелья въ Гатскихъ горахъ, гдѣ въ періодъ наводненія вода поднимается на 20 метровъ (безъ малаго 10 саженъ) выше низкаго зимняго уровня, она иной разъ несетъ жидкую массу, представляющую слишкомъ 50.000 кубическ. метровъ въ секунду, т. е. на цѣлую треть превосходящую тотъ объемъ воды, какой катитъ „отецъ водъ" Миссисипи во время наибольшей высоты своихъ разливовъ. Но это еще не все: рѣки Брамани и Байтарани изливаются въ ту же дельту, какъ и Мага-Надди, принося, во время своихъ періодическихъ потоповъ, первая 11.300, вторая 5.650 кубическихъ метровъ воды въ секунду; орисскія рѣки катятъ тогда массу воды, почти въ два раза превосходящую ту массу, которую несетъ выступившій изъ береговъ Миссисипи. Блуждающія русла, проложенныя потоками въ дельтѣ, имѣютъ разрѣзъ, недостаточный для того, чтобы вмѣщать въ себѣ огромную массу воды, которую они получаютъ, вслѣдствіе чего наводненія становятся неизбѣжными [1]).

Рѣки Ориссы, и въ особенности Мага-Надди, могутъ быть уподоблены, въ отношеніи ихъ гидрографическаго режима или порядка теченія, оврагамъ, вырытымъ водой на бокахъ горъ. Въ верховьи открывается эрозивный циркъ, или котловина, гдѣ скопляются воды и землистые осадки, и которая нѣкогда была внутреннимъ моремъ; ниже слѣдуетъ узкій коридоръ, куда низвергается жидкая масса, содержащая илъ, песокъ и каменные обломки, затѣмъ у выхода изъ ущелья начинается откосъ изверженія, простирающій далеко въ море правильную кривую своего основанія. Какъ на всѣхъ откосахъ этого рода, частные потоки дельты отбрасываютъ за черту своихъ береговъ илъ и песокъ, которымъ они наполнены, возвышая, такимъ образомъ, постепенно свои русла надъ уровнемъ окружающей почвы. Во время наводненій вода переливается направо и налѣво въ низменныя части дельты, гдѣ она разливается въ видѣ лужъ и болотъ, не будучи въ состояніи вернуться въ рѣчное

[1]) *Harris* „Records of the Governement of Bengal", 1860.

русло, если только потокъ не перемѣнитъ мѣста и не направится самъ въ низменность, чтобы мало-по-малу повышать ея поверхность. Такимъ-то образомъ и регулируется, въ теченіе вѣковъ, отлогость почвы. Дѣйствіе естественныхъ силъ, еще не подчиненныхъ волѣ человѣка, проявляется во всей полнотѣ въ аллювіальныхъ земляхъ Ориссы; рѣки тамъ свободно извиваются по равнинѣ, раздѣляясь на рукава, которые далѣе опять соединяются, чтобы затѣмъ снова разлучиться, и разнообразно переплетаются съ остатками прежнихъ теченій; во всемъ свѣтѣ нѣтъ рѣчной дельты, гдѣ бы гидрографическое сплетеніе представляло болѣе красивый ансамбль развѣтвляющихся кривыхъ.

Жители Ориссы должны опасаться не только наводненій, происходящихъ отъ разлива рѣкъ; имъ постоянно угрожаютъ также наводненія со стороны моря, воды котораго иногда, когда ихъ гонитъ страшная сила циклоновъ, вторгаются въ прибрежья равнины, и въ этихъ случаяхъ, послѣ наводненія, рисовыя поля покрываются слоемъ соли. Засухи тоже составляютъ одинъ изъ бичей мѣстнаго земледѣлія. Если ужь Мага-Надди иногда обращается въ маленькіе ручейки, пробирающіеся по каменистому ложу, то другія рѣки совершенно пересыхаютъ; остаются только тамъ и сямъ лужи, напоминающія о проходѣ огромныхъ потоковъ, которые за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ наполняли до краевъ рѣчное русло. Такимъ образомъ, крестьяне дельты всегда находятся между двухъ опасностей. Когда годовые дожди были недостаточно обильны, посѣвы выгораютъ прежде, чѣмъ растеніе достигнетъ созрѣванія. Если, напротивъ, муссонъ приноситъ слишкомъ большое количество дождевой воды, то всѣ поля бываютъ затоплены. Рѣки, увеличенныя въ объемѣ дождями и задерживаемыя при устьяхъ вѣтромъ, дующимъ съ моря, переливаются черезъ боковые валики своихъ береговъ, соединяются съ озерами, и вся область прибрежья покрывается водой. Жители деревень, наиболѣе подверженныхъ наводненіямъ, съ такою увѣренностью ждутъ этой привычной имъ бѣды, что, изъ предосторожности, обыкновенно привязываютъ лодки и барки къ своимъ домамъ, чтобы быть во всякое время готовыми къ бѣгству; но куда бѣжать, когда буря вздымаетъ громадныя волны на поверхности выступившихъ изъ береговъ водъ и когда земля едва виднѣется на отдаленномъ горизонтѣ, тамъ, гдѣ высится синѣющая линія горъ? Нужно оставаться на крышѣ своего жилища, потрясаемой бушующими волнами, или устроить становище на бамбуковомъ плоту, или, наконецъ, вскарабкаться на священныя смоковницы, кишащія змѣями, которыя обвиваются вокругъ вѣтвей. Безчисленные трупы, надъ которыми кружатся зловѣщіе вороны, плаваютъ группами среди необозримой равнины водъ. Когда, послѣ наводненія, продолжающагося нѣсколько недѣль, высокіе берега выступятъ, наконецъ, изъ подъ воды и оставшіяся тамъ и сямъ вонючія лужи испаряются на

солнцѣ, наполняя воздухъ міазмами, несчастные поселяне, которыхъ пощадило стихійное бѣдствіе, не имѣютъ больше ни посѣвовъ, ни скота, и массами падаютъ жертвою лихорадки и голода. Въ 1866 году, цѣлая четверть населенія сдѣлалась жертвою голода, причиненнаго засухой, какъ вдругъ вслѣдъ затѣмъ наводненіе покрыло пространство въ 275.000 гектаровъ и потопило селенія, въ которыхъ было сосредоточено свыше 1.200.000 жителей. За первымъ голодомъ слѣдовалъ второй [1]).

Англичане, располагая обширными денежными средствами, которыя имъ доставляетъ сборъ налоговъ и податей, и силами, которыми современная наука вооружаетъ инженеровъ, не могли, конечно, не предпринять гидравлическихъ работъ, имѣющихъ цѣлью устранить это печальное положеніе вещей. Первыя ихъ сооруженія, охранительныя береговыя насыпи, болѣе опасны, чѣмъ полезны, потому что онѣ имѣютъ результатомъ постепенное возвышеніе рѣчнаго ложа, вслѣдствіе накопленія осадковъ; но этимъ не ограничилось вмѣшательство нынѣшнихъ владѣтелей страны. Въ головѣ дельты, тамъ, гдѣ рѣка дѣлится на двѣ вѣтви, правую, Каджури, и лѣвую, собственно такъ называемую Мага-Надди, которая, въ свою очередь, подраздѣляется на два рукава, выдѣляя изъ себя на сѣверъ Бирупу, были построены три шлюзованныя плотины поперегъ теченій, чтобы задерживать часть водъ разлива и держать ихъ въ запасѣ на случай засухи. Верхній каналъ, проведенный на сѣверо-востокѣ вдоль основанія холмовъ, доходитъ до рѣки Брамани, и рано или поздно соединится съ Миднапурскимъ каналомъ, открывая такимъ образомъ линію судоходства между Каттакомъ и Калькуттой; другіе второстепенные каналы, пользуясь средней покатостью дельты, составляющей около 28 сантиметровъ на километръ, расходятся лучеобразно по всѣмъ направленіямъ, разнося питательную влагу по прибрежнымъ равнинамъ. Около 320.000 гектаровъ, т. е. почти четверть всего пространства области, могли бы быть уже правильно орошаемы при помощи проведенной до сихъ поръ ирригаціонной системы; но привычки индусскихъ земледѣльцевъ измѣняются медленно и на бо́льшей части своей сѣти каналы пока не приносятъ иной пользы, кромѣ того, что регулируютъ въ извѣстной мѣрѣ излишекъ водъ разлива. Тѣмъ не менѣе, опасность наводненій далеко еще не устранена; очевидно, что, при выходѣ долинъ, изливающихся въ верхній циркъ Мага-Надди, а не въ самыхъ равнинахъ дельты, нужно предупредить возможность катастрофъ посредствомъ резервуаровъ, расположенныхъ уступами одинъ надъ другимъ, и оросительныхъ каналовъ.

Населеніе бассейна Мага-Надди и другихъ рѣкъ Ориссы—индусское въ огромномъ большинствѣ; однако, въ области горъ живутъ еще перво-

[1]) *W. W. Hunter* „Orissa".

бытные обитатели края или аборигены. Туземцы коль или коларійцы южной части округовъ Чота-Нагпоръ и Чатисгаръ и Ориссскихъ высотъ разсматриваются даже, какъ представители цѣлой совокупности племенъ, и хотя сродство языковъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ служить доказательствомъ сродства расъ, названіе коларійской группы было дано многочисленнымъ нарѣчіямъ Индіи по сю сторону Ганга, не принадлежащимъ ни къ арійскому, ни къ дравидійскому корню. Судя по физическому виду населеній и по происхожденію идіомовъ, можно заключить, что коларійцы сохранились среди иноплеменныхъ завоевателей какъ бы въ видѣ этнографическихъ острововъ и архипелаговъ; ихъ можно встрѣтить въ Гималаяхъ, въ горахъ Ассама, въ Индо-Китаѣ, но особенно многочисленны въ бассейнѣ рѣки Мага-Нadди, гдѣ они представляютъ наибольшее разнообразіе племенъ, стоящихъ на всевозможныхъ ступеняхъ цивилизаціи.

Джуаны или паттуасы, называемые также джангали, или „обитатели джунглей", живутъ въ числѣ около 3.000 душъ въ гористой области, заключающейся между верхнею Брамани и Байтарани; это, вѣроятно, наименѣе цивилизованные изъ коларійцевъ. Они называютъ себя „первыми изъ людей" и даже показываютъ мѣсто, гдѣ родились ихъ прародители: это два истока рѣки Байтарани, открывающіеся, „словно двѣ ноздри коровы", на бокахъ утеса. Джуаны не поднялись по лѣстницѣ цивилизаціи даже до искусства дѣлать глиняные сосуды и ткать холстъ,— искусства, которое знаютъ почти всѣ дикіе народы; большое количество каменныхъ орудій, найденное въ краѣ при раскопкахъ, указываетъ на то, что эти туземцы еще очень недавно находились въ неолитовомъ (новокаменномъ) вѣкѣ; оружіемъ у нихъ служатъ лукъ и стрѣлы, и въ особенности праща. Они очень малорослы (средній ростъ мужчинъ 1,520 метр., средній ростъ женщинъ 1,423 метр.), и нѣкоторые антропологи смотрятъ на нихъ, какъ на представителей расы негритосовъ [1]) и соплеменниковъ минкоповъ, жителей Андаманскаго архипелага; однако, англійскій геологъ Баль, который впродолженіи пятнадцати лѣтъ странствовалъ по области Чота-Нагпоръ и два раза посѣтилъ Андаманскіе острова, совершенно отрицаетъ это сходство [2]). Сами джуаны называютъ себя „индусами". Съ давнихъ поръ уже мужчины носятъ одежду, но еще въ 1866 году женщины, хотя увѣшанныя ожерельями и другими украшеніями, не имѣли другого костюма, кромѣ букета изъ листьевъ, привязаннаго ниткой вокругъ ногъ [3]).

Племена харріа и бирхоръ, живущія въ области Сингбхумъ, гораздо

[1]) *Rousselet* „L'Inde des Radjahs"; *De Quatrefages* „Etudes sur les Todas; Crania ethnica".

[2]) „Jungle Life in India".

[3]) *Dalton* „Ethnology of Bengal"; „Journal of the Ethnological Society", 1867, № 4.

болѣе многочисленны, чѣмъ джуаны, и нѣкоторые изъ ихъ народцевъ, почти объиндіанившіеся, сливаются съ жителями равнинъ; но между ними есть и такіе народцы, которые до сихъ поръ остаются на послѣдней степени дикаго состоянія и живутъ въ лѣсахъ, какъ дикіе звѣри, питаясь корнями, ягодами, животными всякаго рода. Еще въ недавнюю эпоху они убивали своихъ стариковъ и поѣдали ихъ мясо; приведенные къ Дальтону, нѣкоторые изъ нихъ отрицали существованіе этого обычая, но съ такими недомолвками, что онъ остался убѣжденнымъ въ справедливости обвиненія [1]). Другіе коларійцы, племени корва или кауръ, которые населяютъ самыя гористыя области края, на водораздѣльной возвышенности между бассейнами трехъ рѣкъ Соны, Мага-Надди и Брамани, не менѣе дики, чѣмъ харріа, и не безъ удовольствія слушаютъ разсказъ легенды, которая даетъ имъ за прародителей какихъ-то страшилищъ, получившихъ дыханіе жизни отъ злаго духа, приходившаго на поля; впрочемъ, ихъ жрецы, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняютъ обязанность деревенскихъ брадобрѣевъ, утверждаютъ, что ихъ племя происходитъ отъ куруидовъ, прославленныхъ войнами, о которыхъ повѣствуетъ поэма Магабгарата. Сосѣди ихъ буйя называютъ себя „Сынами Вѣтра“, наравнѣ съ богомъ-обезьяной Гануманомъ. Всѣ эти народцы, обитатели лѣсовъ и горъ, были тѣ самые, о которыхъ упоминаютъ древнія индусскія легенды подъ именемъ саура или савара [2]).

Согласно преданію, тѣ изъ коларійцевъ, которые въ настоящее время населяютъ южную часть Чота-Нагпора, происходятъ отъ націи, которая обитала нѣкогда въ Бегарѣ, области гангесскаго бассейна, носившей въ старину имя Коларія; въ ту эпоху, когда Шакіа-Муни проповѣдывалъ свое ученіе, жители Гайя были, вѣроятно, не кто иной, какъ коларійцы, потому что изваянія въ храмахъ воспроизводятъ типъ этого племени, а не типъ арійцевъ [3]). Вытѣсненный изъ долины Ганга, народъ коль удалился въ долины юга и на плоскогорья, составляющія продолженіе системы горъ Виндіа. Безъ сомнѣнія, большинство туземцевъ этого племени, слившихся съ индусскими населеніями, раздѣляются теперь уже не на колѣна или кланы, а на касты, вмѣстѣ съ судрами смѣшаннаго происхожденія; однако, число тѣхъ, которые сохранили свои національные обычаи, преданія и языкъ и которые живутъ еще особнякомъ отъ индусовъ, весьма значительно; ихъ насчитываютъ до милліона душъ. Одна только группа племенъ, называемыхъ мунда или мундари, къ которой принадлежатъ народцы агаріаховъ или кочующихъ кузнецовъ [4]), состоитъ болѣе чѣмъ изъ 400.000 человѣкъ. Суммарныя народныя переписи насчитываютъ

[1]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1865, I.
[2]) *W. W. Hunter* „Orissa“.
[3]) *Wilford* „Asiatic Researches“, vol. IX; *Dalton* „Ethnology of Bengal“.
[4]) *V. Ball* „Jungle Life in India“.

ВИДЪ КАЛЬКУТЫ СЪ ЭСПЛАНАДЫ.

300.000 душъ племени бумиджъ или мури и 150.000 душъ племени го или ларка. Это главныя коларійскія націи, если только не считать принадлежащими къ тому же этнографическому корню туземцевъ коли, живущихъ въ Гудзератѣ, на западномъ берегу Индіи. Всѣ коларійцы имѣютъ ясное сознаніе давности пребыванія ихъ племени въ странѣ и смотрятъ на окружающихъ народовъ, какъ на пришельцевъ. Согласно ихъ легендамъ, они — нагбханси, т. е. „рожденные отъ змѣя", истиннаго владѣльца земли и горъ; недалеко отъ Самбальпура туземцы прежде приносили каждый годъ козленка въ жертву огромному змѣю-фетишу, котораго они считали столь же древнимъ, какъ міръ, и который, по ихъ вѣрованію, долженъ былъ погибнуть только вмѣстѣ съ этимъ міромъ. Самое названіе бумиджъ есть синонимъ „Сыновъ почвы", а слово го означаетъ „людей" по преимуществу.

Во всякомъ случаѣ, эти послѣдніе, т. е. туземцы го, могутъ быть приняты за типъ другихъ коларійскихъ племенъ, и земля, которую они населяютъ, въ области Сингбхумъ, получила спеціально названіе Коланъ или Колеханъ. Они, по бо́льшей части, выше ростомъ и сильнѣе, нежели ихъ единоплеменники; хотя лицо у нихъ широкое и черты плоскія, они, тѣмъ не менѣе, имѣютъ пріятную физіономію; татуируются у нихъ только однѣ женщины, да и то простыми параллельными линіями, начертанными на лбу и на вискахъ, обозначающими своими размѣрами и взаимнымъ разстояніемъ кланъ и племя, изъ котораго происходитъ женщина или дѣвушка. Цвѣтъ кожи бываетъ различный, отъ чернаго до красноватаго, смотря по мѣсту жительства и роду пищи; но коларійцы рѣдко смѣшиваются съ людьми чужой расы; брачные союзы у нихъ всегда заключаются внѣ собственнаго клана, въ другомъ подраздѣленіи того же колѣна. Они живутъ самостоятельными республиками и сами исправно приносятъ слѣдующія съ нихъ подати въ главный городъ округа, не позволяя сборщику входить въ ихъ лѣса [1]). Единственные иноплеменники, которыхъ они терпятъ въ своихъ общинахъ — это ткачи, гончары и другіе ремесленники арійской расы, потомки бывшихъ военноплѣнныхъ; послѣ хлѣбопашества, въ которомъ они отличаются своимъ трудолюбіемъ и искусствомъ, коларійцы оставили за собою только одинъ родъ промышленности — обработку желѣза. Они очень привязаны къ родной землѣ, къ своей отчинѣ, и чтобы защитить ее противъ захватовъ со стороны индусовъ, они не разъ посылали своимъ сосѣдямъ стрѣлу, въ знакъ объявленія войны, и въ назначенный день спускались съ горъ, чтобы разгромить селенія своихъ враговъ. Какъ санталы и ораонцы, какъ многіе монгольскіе народцы, какъ индѣйцы Сѣверной Америки, коларійцы

[1]) *Tickell* „Journal of the Asiatic Society of Calcutta", 1840; *Stohr* „Mittheilungen von Petermann", 1861, № 6.

принимаютъ для своихъ различныхъ клановъ, какъ отличительный символическій знакъ, изображенія разныхъ животныхъ; каждый имѣетъ свой особенный *тотемъ*. Они почитаютъ тѣни или души предковъ, заклинаютъ разными приношеніями зложелательство свирѣпыхъ животныхъ, въ особенности тигра [1]), поклоняются солнцу, какъ „отцу людей", рѣкамъ, горамъ и всѣмъ силамъ природы; около каждой деревушки находится еще священная рощица, остатокъ прежняго дѣвственнаго лѣса, и считается великимъ преступленіемъ занести топоръ на одно изъ этихъ деревъ, служащихъ обиталищемъ боговъ. Иногда они приносятъ въ жертву солнцу животныхъ, но жертвенникъ, посвященный этому божеству, не долженъ быть сдѣланъ рукой человѣка: у народа харріа кровь жертвъ проливается обыкновенно надъ муравейникомъ. У коларійцевъ не существуетъ никакихъ учрежденій или обычаевъ, которые напоминали бы главенство матери (матріархатъ); въ этомъ отношеніи они совершенно отличаются отъ гарро и другихъ туземцевъ Ассама. У нихъ наслѣдство переходитъ непосредственно отъ отца къ сыновьямъ, и эти послѣдніе дѣлятъ его между собою равными долями, съ исключеніемъ сестеръ, которыя составляютъ ихъ собственность, наравнѣ съ домашнимъ скотомъ; въ ихъ же пользу поступаетъ и калымъ, или сумма, платимая женихомъ въ видѣ выкупа за невѣсту. Коларійская дѣвушка не можетъ сама себѣ выбирать мужа, какъ молодая гарронка; она должна долго ждать сватовства, такъ какъ семья ея обыкновенно назначаетъ за нее высокую цѣну. Браки, вообще говоря, гораздо болѣе поздніе у горцевъ области Чота-Нагпоръ, чѣмъ во всякой другой части Индіи; рѣдко случается, чтобы они были несчастливы. Брачный союзъ, слѣдующій черезъ три дня послѣ бѣгства супруги и фиктивнаго похищенія ея, дѣлаетъ жену равною мужу, и послѣдній всегда совѣтуется съ нею во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Что касается похоронныхъ обрядовъ, то они походятъ на тѣ же обряды у народа хасіа. Коларійцы сжигаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ покойника всѣ вещи, которыя ему нравились при жизни, и прикрываютъ прахъ его долменами и сложенными въ кучу камнями; многія деревни узнаешь издали по этимъ мегалитамъ. Харріа поступаютъ въ этомъ случаѣ иначе: также какъ и санталы, они ввѣряютъ любимый прахъ теченію рѣки; священными водами у санталовъ почитаются вòды Дамуды, у харріа — вòды Брамани.

Вообще говоря, понятливые, смышленые, очень желающіе нравиться,—даже слишкомъ желающіе, потому что оскорбленіе, неуваженіе или невниманіе часто такъ сильно дѣйствуетъ на нихъ, что обиженный самъ себя лишаетъ жизни [2]),—коларійцы, можетъ быть, самые податливые изъ всѣхъ туземцевъ Индіи въ отношеніи принятія религіи англичанъ.

---

[1]) *Delplace* „Annales de la Propagation de la Foi", mai 1875.
[2]) *Dalton* „Ethnology of Bengal".

Въ то время, какъ у различныхъ народцевъ этой страны протестантскія церкви состоятъ только изъ нѣсколькихъ голодныхъ туземцевъ, кромѣ самихъ миссіонеровъ и ихъ семействъ, христіанскія общины коларійской земли заключаютъ въ себѣ тысячи новообращенныхъ членовъ; озлобленіе противъ индусовъ помогаетъ во многихъ мѣстахъ перемѣнѣ религіи. Англійское вліяніе проявилось другимъ образомъ на племена хондовъ или хандовъ, которые живутъ разбросанно отдѣльными семьями въ области восточныхъ Гатскихъ горъ, и преимущественно на югѣ отъ рѣки Мага-Надди, въ полуденной Ориссѣ, въ Калаханди, въ Бастарѣ и въ нѣкоторыхъ округахъ Мадрасской провинціи. Эти хонды сохранили свою религію, но они уже отказались отъ чудовищнаго обычая человѣческихъ жертвоприношеній, и дѣтоубійство, нѣкогда очень обыкновенное у нихъ, теперь считается уже преступленіемъ.

Дравидійцы по языку [1]), хонды, которые, впрочемъ, довольно многочисленны, такъ какъ ихъ насчитываютъ до 75.000 душъ въ одной только Ориссѣ, да столько же въ области Калаханди, принадлежатъ къ смѣшанной расѣ. Замѣчательно, что, живя рядомъ съ народами, такъ строго соблюдающими разграниченіе клановъ или кастъ, они нисколько не заботятся о сохраненіи чистоты своей крови; тысячи индусовъ низшихъ кастъ живутъ среди нихъ; кромѣ того, безчеловѣчный обычай умерщвленія дѣвочекъ, которымъ хонды такъ печально отличались отъ всѣхъ окружающихъ народцевъ, заставлялъ ихъ добывать себѣ женъ на сторонѣ, у своихъ сосѣдей коларійцевъ, у индусовъ равнины и у гондовъ, жителей центральныхъ провинцій; въ нѣкоторыхъ хондскихъ селеніяхъ мы напрасно стали бы искать маленькую дѣвочку: каждая дѣвочка тотчасъ же послѣ ея рожденія была положена въ новый глиняный сосудъ и зарыта въ землю въ мѣстѣ, указанномъ астрологомъ, какъ такомъ, откуда могъ повѣять злой рокъ. Но если хонды охотно роднились посредствомъ браковъ съ своими сосѣдями, то они очень крѣпко держатся за свою землю, которая принадлежитъ имъ, какъ они выражаются, „съ самаго начала“, и до сихъ поръ большинство изъ нихъ оказывало упорное сопротивленіе всякимъ попыткамъ земиндаровъ, которые желали бы присоединить эти хондскія земли къ своимъ имѣніямъ; они даже съумѣли уклоняться отъ платежа налога англичанамъ. Чтобы лучше бороться за сохраненіе своихъ правъ, хонды образовали изъ себя общій союзъ или федерацію и собираются иногда въ народныя собранія, происходящія подъ предсѣдательствомъ начальниковъ или *аббайе*, которымъ они оказываютъ большое почтеніе.

Равнымъ образомъ, изъ любви къ почвѣ, которая ихъ кормитъ, племена хондовъ, поклоняющіяся Тари, богинѣ земли, приносили ей

---

[1]) *Dalton*, цитированное сочиненіе.

человѣческія жертвы. Черезъ посредство купцовъ смѣшанной расы, они покупали въ сосѣднихъ странахъ дѣтей, предназначаемыхъ къ роли *меріа*, т. е. обреченныхъ на закланіе, а иногда даже, во время голода, между самими хондами находились родители, продававшіе своихъ сыновей или дочерей для кровавой церемоніи. Этихъ меріевъ, называемыхъ *токи* на языкѣ хондовъ, должно было покупать непремѣнно цѣной серебра, для того, чтобы принесеніе ихъ въ жертву было угодно богинѣ; часто они были почитаемы соглашающимися на свое закланіе, и жрецъ аргументировалъ съ ними, чтобы убѣдить ихъ принять смерть добровольно; но обыкновенно этихъ несчастныхъ приводили, съ помощью опіума, въ состояніе опьяненія для того, чтобы можно было убивать ихъ безъ сопротивленія. „Мы купили тебя,—говорилъ жрецъ, обращаясь къ меріи,—никакой грѣхъ не тяготѣетъ на насъ!“ Послѣ этого обращенія, онъ взывалъ къ богинѣ, моля ее наполнить житницы, дать рости и плодиться домашнему скоту, свиньямъ и птицѣ, прогнать тигровъ и змѣй, затѣмъ онъ поражалъ жертву, и толпа бросалась на нее, чтобы разорвать ее на куски; въ нѣкоторыхъ деревняхъ жертву сжигали на медленномъ огнѣ для того, чтобы она пролила много слезъ и чтобы дожди были обильны въ году. Каждый глава семейства получалъ кусокъ освященнаго человѣческаго мяса, которымъ онъ натиралъ порогъ своей житницы и который онъ затѣмъ зарывалъ въ землю въ своемъ саду, или втыкалъ на колъ, вбитый въ дно сосѣдняго ручья; пепелъ костей и внутренностей жертвы развѣвался по полямъ или смѣшивался съ зерномъ, предназначеннымъ для посѣва. Одно только подобное жертвоприношеніе, совершенное по повелѣнію Бастарскаго раджи, состояло изъ 28 человѣческихъ жертвъ, и по этому случаю была даже организована правильная почтовая служба, для того, чтобы каждое сосѣднее племя получило свою долю мяса и пепла. Въ 1835 году, какъ только Макферсонъ и другіе офицеры обнаружили существованіе этого чудовищнаго обычая, негодующіе англичане потребовали уничтоженія его на будущее время, и даже были посылаемы вооруженныя экспедиціи въ горы, чтобы наказать упорствующихъ; въ 1859 и 1860 годахъ было освобождено около 550 меріа, обреченныхъ на закланіе. Тѣмъ не менѣе, хонды уступили лишь подъ условіемъ, чтобы имъ было позволено вину за прекращеніе человѣческихъ жертвоприношеній торжественно сложить на иностранцевъ. Разрѣшеніе имъ было дано; но что рѣшило ихъ окончательное обращеніе, такъ это превосходный урожай, слѣдовавшій за освобожденіемъ меріа: богиня Тари показала тѣмъ, что она удовлетворена; куркума, или „индійскій шафранъ“, одно изъ главныхъ произведеній края, принялъ прекраснѣйшую окраску безъ того, чтобы необходимо было увлажнять его человѣческою кровью. Кажется, что съ 1860 года уже не было ни одного человѣческаго жертвоприношенія въ странѣ; сами хонды дивятся, какъ могли они прежде вѣрить въ необходимость

этихъ кровавыхъ религіозныхъ обрядовъ[1]). Тѣмъ не менѣе, однако, дикій звѣрь не умеръ и можетъ еще проснуться. Во время возстанія, вспыхнувшаго лѣтомъ 1882 года, хонды области Калаханди, послѣ того, какъ они соединились въ одну общую конфедерацію, принеся клятву во взаимной вѣрности на тигровой шкурѣ, перебили сотни индусскихъ земледѣльцевъ, изъ касты культовъ, которые постепенно захватывали зѐмли на ихъ территоріи, и говорятъ, что для того, чтобы призвать своихъ соотечественниковъ на священную брань, они послали каждому клану кусокъ мяса жертвъ.

Индусское населеніе, занимающее равнины дельты, равно какъ долины по окружности горныхъ хребтовъ, примыкаетъ къ бенгальцамъ нечувствительными переходами и говоритъ языкомъ санскритскаго происхожденія, называемымъ урія, который употребляютъ также въ полуденной Бенгаліи и въ сопредѣльныхъ округахъ Мадраса и центральныхъ провинцій; вообще, группу нарѣчія урія составляютъ отъ восьми до десяти милліоновъ человѣкъ. Индусы, говорящіе этимъ идіомомъ, принадлежатъ ко всякимъ кастамъ, изъ которыхъ иныя, между прочимъ, касты пановъ, занимающихся мелочною торговлей, и телинговъ, промышляющихъ рыболовствомъ и поселившихся вокругъ озера Шилка,—очевидно, смѣшанной расы, дравидійской и коларійской. Во многихъ отношеніяхъ мы находимся въ области Ориссы на общей границѣ міра арійскаго и міра дравидійскаго, и можетъ быть, это именно обстоятельство и было причиной того, что Орисса пріобрѣла особенную святость въ глазахъ двухъ названныхъ расъ, между которыми тамъ часто происходила вооруженная борьба и которыя воздвигли тамъ много памятниковъ въ воспоминаніе своихъ битвъ. Между индусскими кастами есть такія, которыя въ теченіе настоящаго столѣтія снова поднялись изъ униженія и сбросили съ себя угнетавшій ихъ позоръ. Чамары, жители округа Чатисгаръ, на долю которыхъ было оставлено только ремесло живодеровъ и землекоповъ, сгруппировались въ одинъ прекрасный день вокругъ одного пророка, который провозглашалъ отмѣну всякихъ кастъ и равенство людей. Когда они не стали болѣе признавать высшихъ между другими индусами, и на нихъ перестали смотрѣть, какъ на низшихъ. Народный обычай измѣнилъ даже самое имя чамаровъ: ихъ называютъ теперь сатнами, по восклицанію „*сатъ намъ*, сатъ намъ!“, которое они испускаютъ утромъ и вечеромъ, падая ницъ передъ восходящимъ или заходящимъ солнцемъ. Этихъ индусовъ, которые съумѣли снова завоевать себѣ почетное мѣсто среди своихъ соотечественниковъ и которые составляютъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ классовъ индійскаго общества, насчитываютъ около 300.000 душъ[2]).

[1]) *Macpherson* „Journal of the Royal Asiatic Society“; *Campell; Mac Neill; Dalton; Hunter; Monier Williams, etc.*

[2]) *Hunter* „Imperial Gazetteer of India“.

Населенные въ большой части своего протяженія дикими народцами и еще не перерѣзанные желѣзною дорогой, которая соединяла бы ихъ съ Калькуттой или съ Бомбеемъ, верхніе бассейны рѣкъ Субанареха, Байтарани, Брамани, Мага-Надди не имѣютъ многолюдныхъ городовъ, но развалины древнихъ городскихъ поселеній и груды шлаковъ около мѣсторожденій золота и мѣди [1]) доказываютъ, что этотъ край нѣкогда принадлежалъ цивилизованному народу. Призматическая песчаниковая скала, называемая Рамгаръ, или „Зàмкомъ Рамы“, которая, словно гигантская крѣпость, поднимается высоко надъ лѣсомъ деревъ саль, близь истоковъ рѣки Субарвареха, сохранила еще на своей вершинѣ, на высотѣ 800 метровъ, остатки города, двойная ограда котораго представляетъ замѣчательнѣйшія детали, сдѣланныя въ индусскомъ стилѣ, съ примѣсью арабскаго; естественные гроты Рамгара покрыты изваяніями и надписями. Чайбаса, главный городъ округа Сингбхумъ, или „Земли Господъ“, получившаго это названіе отъ раджпутскихъ князей, самъ по себѣ маленькій городокъ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Байтарани, но онъ очень любопытенъ своими рынками, куда дикари различныхъ расъ стекаются тысячами.

Въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Мага-Надди, самый значительный городъ—Райпуръ, лежащій на высотѣ менѣе 300 метровъ, почти въ центрѣ равнины, нѣкогда озерной, которая превратилась въ плодоносный округъ Чатисгаръ, т. е. „Тридцати шести зàмковъ“. Выгодное положеніе этого города сдѣлало его очень дѣятельнымъ рынкомъ. Донгаргаонъ, еще недавно бывшій маленькою деревушкой, затерянной среди джунглей, сдѣлался главнымъ сборнымъ мѣстомъ для хлѣботорговцевъ; во время ярмарокъ здѣсь собирается болѣе ста тысячъ иногородныхъ посѣтителей, съ 40.000 воловъ и 13.000 телѣгъ. Самбальпуръ, въ ущельяхъ, черезъ которыя протекаетъ Мага-Надди, занимаетъ выгодное положеніе, находясь на берегу этой судоходной рѣки, которая, смотря по времени года, измѣняется въ ширинѣ отъ 40 до 1.600 метровъ. Этотъ городъ прославился своими алмазными пріисками, которые были посѣщены уже въ 1766 году европейцемъ Моттомъ; мѣсто, гдѣ находятъ алмазы въ наибòльшемъ количествѣ, лежитъ близь впаденія рѣчки Ибъ (Гебе) въ Мага-Надди. Въ періодъ мелководья около пяти тысячъ джхаровъ, или „промывальщиковъ“, собираются на берегу Мага-Надди, чтобы запрудить рукавъ этой рѣки, проходящій по Гира-кунду, или „Алмазному фонтану“, и искать драгоцѣнные камни, смѣшанные съ галькой рѣчнаго ложа. Европейцы нѣсколько разъ выхлопатывали себѣ у правительства монополію этой промышленности, но выгоды, получаемыя отъ эксплуатаціи алмазныхъ пріисковъ, оказывались недостаточными для покрытія

[1]) *Stohr* „Mittheilungen von Petermann“, 1861, № 6.

ИНДѢЙСКІЕ БАНАНОВЫЕ ЛѢСА.

издержекъ производства [1]). Нѣкоторые геологи отождествили Самбальпуръ съ древнимъ городомъ Сумальпуръ, но, по всей вѣроятности, этотъ алмазный рынокъ находился сѣвернѣе, па рѣкѣ Гоэль, верхнемъ притокѣ рѣки Брамани. Ниже по теченію Мага-Надди, Сонпуръ и Бодъ, двѣ столицы медіатизированныхъ государствъ представляютъ незначительныя мѣстечки.

Каттакъ, т. е. „Крѣпость", столица провинціи Ориссы, занимаетъ трехугольную вершину дельты, между Мага-Надди въ собственномъ смыслѣ и другою вѣтвью, рѣкой Каджури; это было бы великолѣпное географическое положеніе, если бы теченіе „Великой рѣки" не было такъ опасно, и если бы судоходство могло правильнымъ образомъ пользоваться измѣнчивыми рукавами дельты. Каттакъ долженъ былъ окружить себя высокими охранительными плотинами, которыя превращаютъ его въ островъ во время разливовъ; эти гидравлическія сооруженія и запруды рѣки составляютъ самыя замѣчательныя строенія города; что касается крѣпостцы, отъ которой онъ получилъ свое названіе, то теперь это не болѣе, какъ горка развалинъ. Но окрестныя горы сохранили еще драгоцѣнные памятники эпохъ буддійской, магометанской и браманской, изображенія, изсѣченныя въ скалѣ, и гроты, преобразованные въ храмы. Всѣ религіозные перевороты Индіи оставили по себѣ слѣды на священной почвѣ Ориссы, и притомъ жители всегда выбирали самыя живописныя мѣстоположенія, чтобы украшать ихъ колоннадами и произведеніями скульптуры. Самая любопытная группа храмовъ находится километрахъ въ тридцати къ югу отъ Каттака, близъ Буванешвара, мѣстечка, бывшаго нѣкогда столицей государства. Бо̀льшая часть архитектурныхъ остатковъ, которые находятся въ окружающихъ гротахъ, — буддійскаго происхожденія. Одна надпись на скалахъ принадлежитъ къ тѣмъ многочисленнымъ надписямъ, которыя были вырѣзаны, по повелѣнію императора Асоки, въ разныхъ мѣстахъ Индіи; другая, болѣе древняя, разсказываетъ исторію одного магадскаго царя, жившаго за двадцать два вѣка до нашего времени [2]). Нѣкоторыя изваянія въ храмахъ воспроизводятъ человѣческія формы съ такою вѣрностью и изяществомъ отдѣлки, что многіе археологи приписывали эти скульптурныя произведенія грекобактрійскимъ художникамъ.

Какъ „святая земля" индусовъ, страна Орисса дѣлится на четыре области, которыя, впрочемъ, всѣ одинаково служатъ „преддверіемъ неба" и обитатели которыхъ должны неминуемо попасть, послѣ своей смерти, въ жилище блаженныхъ духовъ. Какъ только пилигримъ, идущій съ сѣвера, переступилъ за „теплую Байтарани", этотъ „Стиксъ индусовъ", онъ уже вступаетъ въ совершенно новый міръ: жрецъ шепчетъ ему на

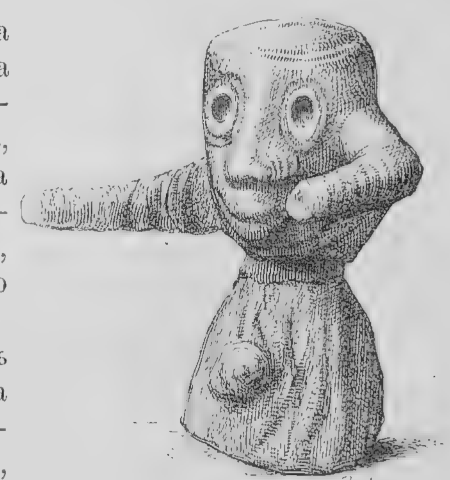
[1]) *V. Ball* „The Diamonds, Coal and Gold of India".
[2]) *Rajendralala Mitra* „Antiquities of Orissa".

ухо, что онъ, паломникъ, сподобился проникнуть въ царство грознаго Сивы и Парвати. На юго-востокѣ, около устьевъ Мага-Надди, лежитъ область „Солнца“, теперь мало посѣщаемая богомольцами, хотя святилища до сихъ поръ стоятъ еще тамъ вдоль пустынныхъ береговъ рѣки. Берега озера Шилка, которые нѣкогда, по сказанію легенды, были окружены 7.000 храмами, тоже посвящены богу Сивѣ. Но область святая между святыми, та область, „славы которой самъ Сива не можетъ себѣ представить“,—это территорія Пури, заключенная между двумя плоскими болотистыми берегами океанскаго прибрежья, въ сторонѣ отъ дороги, по которой слѣдовали завоеватели. Это тамъ царствуетъ Вишну уже пятнадцать столѣтій, тамъ стоитъ знаменитый Джаггаватскій храмъ, посѣщаемый иногда тремя стами тысячъ пилигримовъ въ одинъ годъ. Трижды блаженъ тотъ, на долю кого выпало счастье умереть въ виду „Вратъ Рая“ и башни, на верхушкѣ которой водружены знамя и колесо Вишну! Такъ могущественна сила, присущая этой священной пагодѣ, что она уничтожаетъ даже всякое кастовое различіе. Предъ лицомъ бога браманъ и живодеръ равны: „Правовѣрный, который мнѣ угоденъ,—говоритъ Вишну,—это не ученый, посвященный въ тайну четырехъ священныхъ письменъ, а смиренный вѣрующій; это ему нужно давать, отъ него нужно принимать. Почитайте его, какъ вы почитаете меня самого“. Во дворѣ храма странники, смѣшанные безъ различія сословій или расъ, братски дѣлятъ между собою *мага прасадъ*, священную пищу. Правда, что во избѣжаніе необходимости признавать, хотя бы и временно, за равныхъ себѣ презираемыхъ телинговъ, стражи святилища воспрещаютъ имъ входъ въ храмъ [1]). Они охотно допускаютъ людей низшей касты, приходящихъ издалека и которыхъ они больше не увидятъ, но они держатъ на почтительномъ разстояніи тѣ презрѣнныя существа, съ которыми имъ приходится встрѣчаться каждый день.

Священное зданіе, окруженное широкою четырехугольною оградой, каждая сторона которой имѣетъ болѣе 200 метровъ длины, расположено на Ниль-Гири, или „Голубой горѣ“, небольшомъ пригоркѣ, образовавшемся, вѣроятно, изъ обломковъ буддійскаго храма. Сооруженіе его восходитъ къ концу двѣнадцатаго столѣтія; магометанскіе завоеватели, разрушившіе большую часть индусскихъ святилищъ въ Ориссѣ, пощадили Джаганнатскій храмъ, который, благодаря отдачѣ на откупъ сбора приношеній и подаяній, доставлялъ имъ значительные доходы. Въ самомъ дѣлѣ, религія и до сихъ поръ составляетъ главный, почти единственный промыселъ территоріи Пури, обитатели которой, въ числѣ около двадцати тысячъ душъ, живутъ прямо или косвенно эксплуатаціею правовѣрныхъ. Жрецы и служители при Джаггаватской святынѣ, общее число которыхъ доходитъ

[1]) *W. W. Hunter* „Orissa“.

до 6.000, раздѣляются на 36 порядковъ и 97 классовъ, и состоятъ подъ главнымъ начальствомъ раджи, который имѣетъ наслѣдственную должность подметальщика храма. Они посылаютъ странствующихъ прикащиковъ во всѣ провинціи зазывать пилигримовъ, которымъ они обѣщаютъ вѣчное спасеніе, взамѣнъ доброхотныхъ приношеній, пожертвованныхъ въ пользу бога и его служителей, и собираютъ такимъ образомъ каждый годъ около милліона франковъ; къ этому сбору нужно еще прибавить доходы съ земель, уступленныхъ храму англійскимъ правительствомъ; знаменитый алмазъ Кохъ-и-нуръ („Гора Свѣта"), принадлежащій теперь королевѣ-императрицѣ Викторіи, былъ завѣщанъ Джагганатскому храму Лагорскимъ раджей, Ранджитъ-Сингомъ, но придворный ювелиръ отказался выдать его служителямъ святилища [1]). Статуя бога Вишну, также какъ статуи его брата и сестры, надъ которыми поднимается самая высокая башня храма, представляютъ грубыя фигуры, едва отесанные чурбаны; но это не мѣшаетъ имъ быть самыми священными, наиболѣе чтимыми изображеніями во всей Индіи.

Джагганатскій священный чурбанъ.

Каждый годъ, въ іюнѣ или въ іюлѣ мѣсяцѣ, 4.200 служителей храма впрягаются въ колесницу бога Вишну, подвижную деревянную пагоду, около 14 метровъ вышиной, покоющуюся на восьми парахъ колесъ, и тащатъ ее въ „Храмъ Сада", расположенный на краю плоскаго песчанаго берега, почти въ 2 километрахъ отъ Джагганата. Эта древняя буддійская церемонія напоминаетъ, безъ сомнѣнія, годовщину рожденія основателя буддизма Шакіа-Муни [2]); такимъ образомъ здѣсь слились двѣ религіи подъ именемъ Вишну. Путешествіе громадной махины, вязнущей въ пескѣ, продолжается нѣсколько дней. Вошло въ пословицу, что иные фанатическіе пилигримы бросаются подъ колеса чудовищной колесницы, чтобы имѣть счастье умереть въ состояніи святости; но этотъ родъ самоубійства всегда былъ исключительнымъ фактомъ, какимъ бываетъ въ Европѣ добровольная смерть подъ колесами локомотивовъ; когда случится подобное несчастіе, движеніе колесницы тотчасъ же пріостанавливается, и жрецы приступаютъ къ очистительнымъ церемоніямъ. Точно также

[1]) *A. Keane*, рукописныя замѣтки.
[2]) *Rajendralala Mitra* „Antiquities of Orissa".

обычай, называемый *чирчиръ* и состоявшій въ томъ, что нѣкоторые вѣрующіе, ради спасенія души, привѣшивались на острые крюки, зацѣпляемые за мясо спины, такъ что тѣло ихъ, при движеніи колесницы, качалось изъ стороны въ сторону, совершенно вышелъ изъ употребленія уже при жизни прошлаго поколѣнія, и вѣроятно, онъ всегда былъ запрещаемъ охранителями пурійской святыни, такъ какъ Джаггапатъ есть „богъ любви“, и видъ крови внушаетъ ему ужасъ. Въ наши дни религіозная ревность ослабѣваетъ, число пилигримовъ постоянно уменьшается, и девять десятыхъ ихъ состоятъ изъ женщинъ[1]); только однѣ женщины сохранили древнюю вѣру. Джаггапатскій храмъ служитъ гнѣздомъ и разсадникомъ заразы, какъ и Мекская кааба; но въ послѣднее время, благодаря уменьшенію наплыва пилигримовъ и принятію мѣръ къ улучшенію общественной гигіены, уменьшилась опасность эпидемій, которыя прежде каждый годъ зарождались и свирѣпствовали между толпами отовсюду стекающихся богомольцевъ, по большей части грязныхъ и получающихъ дурную или недостаточную пищу. Еще не такъ давно часто случалось, что улицы Пури были загромождены валявшимися мертвыми тѣлами, которыя служили пищей голоднымъ собакамъ, да и въ наши дни еще дорога, по которой слѣдуютъ паломники, отмѣчена вереницами труповъ. Въ видахъ охраненія городскихъ поселеній отъ заразы, правительство начертало опредѣленный маршрутъ, которымъ воспрещается заходить въ лежащіе на пути города партіямъ индусовъ, возвращающимся изъ Джагганата.

Въ 32 километрахъ къ востоку отъ Пури, недалеко отъ морскаго берега, видны руины Канаракскаго храма, посвященнаго солнцу; европейцы дали ему прозвище „Черной Пагоды“. Хотя сильно поломанныя искателями сокровищъ и любителями античныхъ рѣдкостей, испещренныя именами путешественниковъ, изваянія Канаракской пагоды, тѣмъ не менѣе, принадлежатъ къ числу прекраснѣйшихъ скульптурныхъ произведеній, какія сохранились отъ лучшихъ эпохъ искусства, да и самое зданіе, сооруженное, какъ полагаютъ, въ концѣ девятаго столѣтія, справедливо считается перломъ индусскаго зодчества. Джаджпуръ или Яджпуръ, „Городъ жертвоприношенія“, стоящій на правомъ берегу рѣки Байтарани, тоже одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Ориссы по своимъ памятникамъ, посвященнымъ, большею частью, Сивѣ и Парвати, и по своей уединенной колоннѣ, подобной столбу, воздвигнутому передъ Джагганатскимъ храмомъ. Джаджпуръ былъ до Каттака главнымъ городомъ Ориссы.

Важнѣйшіе города Ориссы и округа Чатисгаръ:

Каттакъ	50.900	жит.	Баласоръ	18.250	жит.
Пури	22.700	„	Самбальпуръ . . .	11.700	„
Райпуръ	20.300	„	Джаджпуръ (Яджпуръ)	10.750	„

[1]) *W. W. Hunter* „Orissa“.

Измѣнчивыя песчаныя мели, разсѣянныя вдоль берега, и бары, заграждающіе входъ въ устья Мага-Надди, долго не позволяли европейскимъ кораблямъ приближаться къ прибрежью; только туземныя суда отваживались переходить черезъ образуемые барами пороги при высокомъ приливѣ, чтобы идти къ пристанямъ внутреннихъ рынковъ за грузами риса и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Въ 1860 году нѣкоторые французскіе негоціанты, живущіе въ Калькуттѣ, рѣшились ввести свои корабли въ „Великую рѣку“ черезъ устье Фольсъ-Пойнтъ, и вскорѣ послѣ того, во время голода, постигшаго край, сюда стали выгружать съѣстные припасы, посылавшіеся изъ индійской столицы. Теперь, хорошо изслѣдованный, снабженный буями, бакенами и фонарями или маяками, Фольсъ-Пойнтъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе доступныхъ портовъ восточнаго берега; защищенныя отъ южнаго муссона песчаною косой, суда, изъ которыхъ большое число носятъ французскій флагъ, безопасно стоятъ на якорѣ въ рейдѣ, гдѣ обыкновенно бываетъ отъ 7 до 8 метровъ глубины, затѣмъ, въ періоды прилива, сообщаются съ внутренними городами посредствомъ лихтеровъ и пароходовъ; но нужно опасаться, что судамъ въ скоромъ времени придется искать себѣ другаго пристанища, потому что захваты ила у береговъ бухты превышаютъ, среднимъ числомъ, 36 метровъ въ годъ [1]). Движеніе судоходства въ портѣ Фольсъ-Пойнтъ въ 1875 году: 110 судовъ съ общею грузовмѣстимостью 118.375 тоннъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ 6.530.000 франковъ. Какъ складочное мѣсто произведеній Ориссы, портъ Фольсъ-Пойнтъ имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ всѣ другія гавани этого берега и даже чѣмъ Баласоръ, нѣкогда очень оживленный портъ до основанія Калькутты и мѣстопребываніе датской торговой конторы до 1846 года. Неподалеку оттуда, въ Субарнарехѣ, городѣ теперь уже исчезнувшемъ, который находился при устьѣ рѣки того же имени, англичане основали свою первую контору на почвѣ Индіи, въ 1634 году; въ томъ же мѣстѣ ранѣе находилась португальская контора Пильпипъ [2]).

XI.

Гондвана или центральныя провинціи, верхніе бассейны рѣкъ Соны, Нарбады, Тапти и Годавери.

Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія эта область была въ большей части своего протяженія „невѣдомою страной“. Внѣ городовъ и вдали отъ главныхъ дорогъ простирались опасныя пространства, по которымъ рыскали разбойники пиндари или въ которыхъ жили дикія племена

[1]) *Taylor* „Abstract of Reports of the Surveys in India for 1876—1877“.
[2]) *W. W. Hunter* „Statistical Account of Bengal“.

гондовъ. Нѣкоторые округи, опустошенные маратами, обратились въ совершенныя пустыни, и бывшія поля и селенія заросли чащами джунгля. Въ настоящее время центральныя провинціи, за исключеніемъ юго-восточной части, граничащей съ туземнымъ государствомъ Бастаръ, принадлежатъ къ числу наилучше изслѣдованныхъ областей Полуострова. Желѣзная дорога, важнѣйшая въ Индіи, проходитъ черезъ Гондвану, чтобы соединить Бомбей съ Калькуттой черезъ Аллахабадъ и Бенаресъ; другой рельсовый путь, который проникаетъ въ южную часть края, скоро доставитъ болѣе прямое сообщеніе между двумя столицами. Вообще, эта страна, еще одна изъ наименѣе населенныхъ частей Индіи сравнительно съ ея протяженіемъ, теперь быстро возрастаетъ по числу своихъ жителей.

Центральныя провинціи, безъ Чатисгара, округовъ Сагаръ и Дамохъ:

Пространство.	Населеніе въ 1872 г.	На 1 кв. килом.
153.118 квадр. километр.	5.042.900 жит.	33 жит.
Вѣроятное населеніе въ 1882 году .	6.500.000 „	42 „

Гондвана, или „Земля гондовъ“, естественныя границы которой, вообще говоря, совпадаютъ съ административнымъ дѣленіемъ, обозначаемымъ англичанами подъ именемъ центральныхъ провинцій, составляетъ хребетъ или горбъ Полустрова по расположенію своихъ покатостей. Три большія рѣки, Тапти, Годавери и Мага-Нади, берутъ начало на югѣ отъ главной поперечной борозды, которую образуютъ долины рѣкъ Нарбады и Соны, отъ Камбейскаго залива до равнины Ганга; вòды стекаютъ во всѣхъ направленіяхъ вокругъ горныхъ массивовъ. Однако, горныя цѣпи Гондваны далеко не такъ высоки, какъ полагали прежде, когда дикое населеніе края и отсутствіе дорогъ не позволяли ближе ознакомиться съ этими возвышенностями. Горы Сатпура, составляющія главную цѣпь страны, имѣютъ не болѣе 650 метровъ средней высоты. Не смотря на то, эти горы играли нѣкогда значительную историческую роль, потому что они высятся, какъ вторая ограда естественной крѣпости, на югѣ отъ горныхъ цѣпей системы Виндіа и глубокой долины Нарбады, представляющей собою какъ бы оборонительный ровъ; сами они, въ свою очередь, опираются на югѣ на третій рядъ высотъ, тѣхъ высотъ, которыя образуютъ по другую сторону рѣки Тапти краевую цѣпь Деканскаго плоскогорья. Такимъ образомъ восходящій потокъ индусскихъ населеній разбивался объ эту тройную линію естественныхъ преградъ, которая тянется на пространствѣ слишкомъ 1.000 километровъ отъ востока къ западу, раскинувшись въ ширину на 500 километровъ, съ сѣвера на югъ. Нужны были длинные вѣка торговыхъ сношеній и войнъ, прежде чѣмъ культура могла постепенно подняться вдоль долинъ и черезъ бреши гребней до высотъ нагорныхъ равнинъ. Эта медленная работа завоеванія еще не кончена и по настоящее время.

Названіе Сатпура, или „Семерная цѣпь горъ“, дано географами всей орографической системѣ центральныхъ провинцій; индусы примѣняютъ его только къ западной части горъ, заключенныхъ между двумя, почти параллельными, долинами, которыя орошаютъ рѣки Нарбада и Тапти въ своемъ среднемъ теченіи. Что касается туземцевъ, то они не имѣютъ общаго наименованія для этихъ массивовъ; они ограничиваются тѣмъ, что обозначаютъ каждую уединенную группу, каждую отдѣльную вершину именемъ ближайшей деревни, деревьевъ, растущихъ на склонахъ, или божества, царствующаго надъ страной. Впрочемъ, эти высоты не слѣдуютъ одна за другою въ видѣ непрерывной цѣпи; онѣ стоятъ на трапповомъ плоскогорьѣ, имѣющемъ около 600 метровъ средней высоты, и по бо̀льшей части образуютъ на громадномъ цоколѣ, который имъ служитъ фундаментомъ, уединенныя каменныя массы или второстепенныя плато, также состоящія изъ вулканическихъ горныхъ породъ, раскинувшись въ формѣ обширныхъ столовъ, съ круто обрывающимися боковыми гранями. Многія изъ этихъ столовыхъ горъ изрыты наверху впадинами, гдѣ скопляются дождевыя во̀ды, такъ что эти углубленія почвы представляютъ естественныя цистерны или водохранилища, которыми и пользовались феодальные господа для снабженія водой своихъ крѣпкихъ за̀мковъ, высящихся на вершинѣ неприступныхъ скалъ [1]).

На востокѣ отъ массивовъ Сатпура въ собственномъ смыслѣ, широкія равнины, образовавшіяся дѣйствіемъ размыванія, уединяютъ центральную группу горъ, ту группу, надъ которою господствуютъ самыя высокія вершины этой орографической системы: одна изъ нихъ, гора Дангаръ (Деогаръ, т. е. „Божья крѣпость“), достигаетъ высоты 1.375 метровъ. Этотъ центральный массивъ во всей его совокупности, за его высоту и, вѣроятно, еще болѣе за смѣлость и разнообразіе его чертъ, былъ посвященъ богу Сивѣ: это Магадео, или гора „Великаго Бога“. Граниты, метаморфическія горныя породы, известняки, песчаники, застывшіе потоки базальта, эруптивныя массы, всѣ эти формаціи различаются цвѣтомъ, профилемъ, видомъ откосовъ и долинъ, а также и характеромъ растительности. Правильная линія верхнихъ плато прерывается тамъ и сямъ гранитными вершинами, которыя узнаешь издалека по ихъ остроконечнымъ зубчатымъ скаламъ; но изъ всѣхъ этихъ скалъ самыя причудливыя и въ то же время самыя величественныя—это вертикальныя стѣны Магадео, когда на нихъ смотришь изъ долинъ, открывающихся на южной сторонѣ горы „Великаго Бога“. Съ берега ручьевъ, извивающихся среди луговъ, видишь высоко поднимающіяся надъ густыми кронами деревъ красноватыя стѣны горы, исполосованныя трещинами, изъ которыхъ пробиваются кое-гдѣ пучки травы, и оканчивающіяся

[1]) *Forsyth* „The Highlands of Central India“.

на вершинѣ башнями и башенками четвероугольной формы; съ нѣкоторыхъ мѣстъ вся группа Магадео представляется зданіемъ колоссальныхъ размѣровъ, воздвигнутымъ рукою человѣка. Громадныя ущелья разверзаются въ толщѣ горной массы, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ стѣны до того крутыя, что никакой смѣльчакъ не отважится спуститься на дно пропасти; по вѣрованію туземцевъ, это трещины, которыя Сива сдѣлалъ своимъ трезубцемъ въ массѣ горы, чтобы низвергнуть туда змѣевъ, прежнихъ владѣтелей земли. Рѣчки, вступая въ эти расѣлины, огибаютъ горы и отдѣляютъ ихъ одну отъ другой; многіе потоки, зарождающіеся на полуденной отлогости группы Магадео, поворачиваютъ къ сѣверу, чтобы идти на соединеніе съ рѣкой Нарбадой [1]). По причинѣ сходства въ фаунѣ и флорѣ, плоскогорью Пачмари, къ которому принадлежатъ Деогаръ и Магадео, дали названіе „сѣвернаго Нильгири“ (Голубыя горы) [2]).

Гористыя области, слѣдующія за областью горы „Великаго Бога“ по оси системы, отдѣлены отъ этой группы верхнею долиной Нарбады. Эти области, подобно западной части Сатпура, представляютъ характеръ расположенныхъ уступами плато, и такъ же, какъ и этотъ массивъ, покрыты во многихъ мѣстахъ пластами траппа. По направленію съ запада на востокъ, поднимаешься на плоскогорье Мандла, какъ бы рядомъ ступеней, до краевой цѣпи Майкала, которая господствуетъ на сѣверо-западѣ надъ большою Чатисгарскою равниной. Хребетъ Майкалъ имѣетъ не болѣе 600 метровъ средней высоты; но одна изъ его вершинъ, гора Лафа, превышаетъ 1.060 метровъ. На востокѣ, угловой межевой столбъ всей системы составляетъ вершина, соперничающая, по высотѣ, съ Лафой, гора Амаркантакъ, гдѣ получаетъ начало священная Нарбада и откуда вытекаютъ въ то же время воды, спускающіяся къ Сонѣ и Мага-Нади. Большая часть этой гористой области, нѣкогда избѣгаемой человѣкомъ, была покрыта лѣсами саля или шореи (shorea robusta), дерева, которое занимаетъ узкую полосу земли у основанія Подгималайскихъ горъ, параллельно чащамъ пояса терая. Саль принадлежитъ къ числу завладѣвающихъ древесныхъ породъ: его сѣмена, падающія въ изобиліи при первыхъ дождяхъ, немедленно проростаютъ и овладѣваютъ растительною землей, въ ущербъ другимъ растеніямъ. Область этой породы, внѣ Подгималайскихъ горъ, обнимаетъ холмы Раджмагала и Чота-Нагпора, восточныя Гатскія горы до рѣки Годавери, и горы Майкалъ, повсюду, гдѣ эти высоты не покрыты траппомъ. Присутствіе этой горной породы, которая обыкновенно покрыта тонкимъ слоемъ растительной земли, проводитъ распространенію шореи непереходимую границу; но гдѣ оканчивается

[1]) *Oldham* „Memoirs of the Geological Survey of India“, 1860.
[2]) *V. Ball* „Jungle Life in India“.

область этого дерева, тамъ начинается область тека (tectonia grandis), породы еще болѣе цѣнимой, какъ строевой лѣсъ. Только одинъ островокъ песчаниковыхъ скалъ въ группѣ Магадео заключаетъ салевый лѣсъ; это дерево нѣкогда распространилось черезъ аллювіальную долину рѣки Нарбады, теперь уже безлѣсную. Распредѣленіе животныхъ видовъ въ общихъ чертахъ соотвѣтствуетъ распредѣленію лѣсовъ. Такъ, дикій буйволъ (bubalus Arni), болотный олень (rucervus Duvaucellii), джунглевый пѣтухъ (gallus ferrugineus) не переходятъ на западѣ за предѣлы области саля, но ихъ опять можно встрѣтить въ долинѣ группы Магадео, гдѣ это дерево снова появляется уединенно[1]).

Салевые и тековые лѣса почти всѣ исчезли изъ легко доступныхъ мѣстностей Гондваны. Уже туземцы истребили ихъ порядочное количество своимъ варварскимъ способомъ земледѣлія, который состоитъ въ слѣдующемъ: въ началѣ сухаго времени года они срубаютъ деревья по опушкѣ лѣсовъ, чтобы предать ихъ огню до наступленія дождливаго сезона. Тогда они сѣютъ зерно среди пепла, возлагая надежду на природу, которая выроститъ посѣвъ и дастъ урожай; тамъ, гдѣ почва поката, они даже не дадутъ себѣ труда разбросать сѣмена, а довольствуются тѣмъ, что складываютъ ихъ кучками на самомъ высокомъ краю лѣсной прогалины, ожидая, чтобы дожди распредѣлили зерно по расчищенной поверхности. Такъ велика производительная сила почвы, удобренной золой отъ выжженнаго лѣса, что урожай перваго года обыкновенно бываетъ очень обиленъ; на второй годъ онъ уже гораздо скуднѣе, и для новой жатвы кочующій земледѣлецъ отправляется выжигать другой уголъ лѣса. Покинутыя прогалины заростаютъ бамбукомъ, густою чащей мелкаго кустарника и колючими деревцами, среди которыхъ ни одно большое дерево не можетъ расти. Такимъ образомъ, не смотря на незначительное протяженіе распаханныхъ земель, лѣса почти всѣ выпустошены, и во многихъ округахъ, вслѣдствіе истребленія лѣсной растительности, мѣстность приняла совершенно другой видъ; при этомъ всего больше пострадали самые цѣнные лѣса; саль истреблялся ради его смолы, текъ вырубался, чтобы быть превращеннымъ въ уголь или проданнымъ, какъ строевое дерево. Систематическое истребленіе лѣсовъ началось тогда, когда въ край проникли желѣзнодорожные предприниматели; узнавъ, что правительство предполагаетъ обратить лѣса въ государственное имущество, эти иностранцы принялись опустошать ихъ въ свою пользу, и скоро въ этой странѣ, гдѣ растительность такъ могуча, строители желѣзнаго пути принуждены были нужный имъ лѣсной матеріалъ выписывать изъ Англіи и изъ Норвегіи. Тропическаго лѣса, такого, какой мы въ правѣ были бы ожидать увидѣть въ этой широтѣ, теперь совсѣмъ нѣтъ; если бы изрѣдка

[1]) *Forsyth* „The Highlands of Central India“.

не встрѣчались тамъ и сямъ одиноко стоящія пальмы или какое нибудь другое характеристическое дерево жаркаго пояса, можно было бы подумать, что находишься въ умѣренномъ поясѣ Европы. Въ сухое время года исчезаетъ вся листва деревъ, исключая только листьевъ шореи; ни одного цвѣтка не видно на вѣтвяхъ: природа имѣетъ печальный и утомительно однообразный видъ. Въ обработанныхъ мѣстностяхъ одно только большое дерево всегда уважается жителями: это мхова, съ вкусными вѣнчиками цвѣтковъ.

Рѣка Нарбада, принимаемая часто за естественную границу между Сѣверною Индіей и Декканомъ, спускается изъ своихъ верхнихъ бассейновъ, бывшихъ нѣкогда озерными, рядомъ дефилеевъ, затѣмъ, по выходѣ изъ верхнихъ ущелій, принимаетъ почти прямолинейное направленіе къ западо-юго-западу, которое и сохраняетъ во всемъ своемъ дальнѣйшемъ теченіи до самаго впаденія въ Камбейскій заливъ. Естественная граница между верхнею Нарбадой и ея среднимъ теченіемъ обозначена „Мраморнымъ“ ущельемъ, представляющимъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстоположеній въ центральной Индіи. Рѣка разомъ низвергается въ эту узкую тѣснину, образуя каскадъ въ 9 метровъ высоты, извѣстный подъ именемъ „Пѣнящагося Водопада“. На протяженіи 3 километровъ и болѣе мраморныя стѣны ущелья, изваянныя въ видѣ колоссальныхъ колоннъ, расколотыя на неравные слои, высятся на 30 метровъ по обѣ стороны съуженнаго русла, имѣющаго всего только около 20 метровъ ширины, на днѣ котораго несется потокъ, стремительный и глубокій. Исполосованныя тамъ и сямъ вкрапленными въ мраморъ черноватыми вулканическими породами, которыя своимъ контрастомъ дѣлаютъ еще болѣе яркою бѣлизну мраморныхъ утесовъ, двѣ ослѣпительныя бѣлоснѣжныя стѣны рѣзко отдѣляютъ голубую полосу неба отъ голубой полосы водъ; ни одного деревца, ни одной травинки не растетъ въ углубленіяхъ скалы; камень повсюду совершенно голый; только рои дикихъ пчелъ понавѣшали свои восковые соты на выступахъ стѣнъ. Кругообразный храмъ Бера-Гатъ, окруженный колоннадами, составленными изъ статуй, изображающихъ женщинъ, — образцовое произведеніе индусскаго искусства,—господствуетъ надъ самою узкою частью „Мраморнаго ущелья“. Эти „Мраморныя скалы“ знамениты также и въ миѳологіи индусскаго народа: легіоны обезьянъ, слѣдовавшіе за богомъ-обезьяной Гануманомъ, перескочили черезъ эту мраморную пропасть, а небесный слонъ, на которомъ ѣхалъ Индра, оставилъ на камнѣ слѣдъ своей ноги. Оттого воды Нарбады почитаются особенно священными въ этомъ мѣстѣ, и набожные люди приходятъ издалека, чтобы бросить трупы своихъ родныхъ въ священный потокъ; часто можно видѣть, какъ крокодилы оспариваютъ другъ у друга эту отвратительную добычу [1]). Между рѣками Индіи

[1]) *Forsyth*, цитированное сочиненіе.

Нарбада или Рева—наиболѣе чтимая послѣ Ганга, и даже, согласно одному древнему пророчеству, она должна остаться священною во вѣки вѣковъ, тогда какъ Гангъ уже въ концѣ настоящаго столѣтія потеряетъ свою чудодѣйственную силу. Камешки, взятые изъ ложа Нарбады, тоже почитаются священными, и поклонники Сивы носятъ ихъ, какъ амулеты. Никакая клятва не можетъ превзойти въ силѣ клятву, которую произноситъ индусъ, стоя въ теченіи этой рѣки, съ гирляндой изъ красныхъ цвѣтовъ вокругъ шеи и нѣсколькими каплями божественной воды въ правой рукѣ. Также какъ на берегахъ Ганга, и на берегахъ Нарбады можно встрѣтить пилигримовъ, которые дали обѣтъ подняться вверхъ по долинѣ вдоль одного берега, отъ самаго устья до храма, стоящаго при истокѣ, на горѣ Амаркантакъ, и оттуда опять спуститься внизъ по теченію до лимана, слѣдуя по другому берегу; это полное паломничество или *прадакшина*, странствіе, въ которомъ нужно пройти около 2.600 километровъ, продолжается обыкновенно два года, по причинѣ многочисленныхъ остановокъ, которыя дѣлаются у святынь, встрѣчающихся по дорогѣ. Благочестіе еще гораздо больше, чѣмъ торговыя экспедиціи или завоевательные походы, открыли мало-по-малу центральныя области Полуострова индусскому вліянію; пилигримы, приходившіе въ землю гондовъ, пользовались защитой и покровительствомъ со стороны туземнаго населенія, тогда какъ пріѣзжихъ купцовъ обыкновенно грабили, а силѣ завоевателей противополагали тоже силу.

Ниже Мраморнаго ущелья рѣка вступаетъ въ аллювіальную равнину, бывшее озеро, засыпанное иломъ и обломками, обширный бассейнъ, за которымъ слѣдуютъ другіе подобные же бассейны; на пространствѣ около 400 километровъ, по направленію отъ востока къ западу, залегаетъ широкая и плодоносная долина, между плоскогорьями Мальва и горными цѣпями Магадео; благодаря земледѣльческой культурѣ, группировкѣ городскихъ населеній, постройкѣ путей сообщенія, въ центральной части дравидійской страны основалась своего рода внутренняя Индія, и черезъ боковыя долины продолжается постепенно, шагъ за шагомъ, дальнѣйшее присоединеніе этого края къ цивилизованному міру. Но озерныя равнины, по которымъ протекаетъ Нарбада, не открываются прямо на приморскую равнину, облегающую берега Камбейскаго залива; онѣ отдѣлены отъ послѣдней рядомъ ущелій, гдѣ рѣка низвергается стремнинами и каскадами. Нарбада слишкомъ изрѣзана водопадами и въ особенности слишкомъ неравномѣрна въ отношеніи массы катимой воды, чтобы ею можно было пользоваться для цѣлей судоходства. Ея бассейнъ, длинный и узкій, можетъ быть сравненъ съ рвомъ, проведеннымъ отъ западнаго морскаго берега до середины Полуострова; круто обрѣзанный сѣверный откосъ этого рва не имѣетъ никакихъ изсѣченій въ видѣ боковыхъ долинъ. Съ этой стороны Нарбада не

получаетъ ни одного сколько-нибудь значительнаго притока; всѣ впадающіе въ нее потоки спускаются съ полуденнаго ската, но и эти притоки имѣютъ небольшую длину, и притомъ подвержены тѣмъ же климатическимъ вліяніямъ, какъ и центральная долина. Отъ этого происходитъ то, что, когда дождевыя облака, гонимыя муссономъ, проникаютъ въ долину Нарбады, всѣ части рѣчнаго бассейна получаютъ равномѣрно свою долю проливныхъ дождей. Тогда какъ у большинства другихъ большихъ рѣкъ сама собою, естественнымъ порядкомъ, устанавливается система компенсаціи (или уравниванія количества воды) между притоками, которыхъ разливы и періоды мелководья имѣютъ мѣсто въ разныя времена года, здѣсь, напротивъ, наводненіе происходитъ одновременно или черезъ небольшіе промежутки времени въ главной рѣкѣ и во всѣхъ впадающихъ въ нее притокахъ. Масса воды, катимая Нарбадой, при вступленіи ея въ Конканскую равнину, достигаетъ, говорятъ, 70.600 кубич. метровъ въ секунду [1]), слѣдовательно, въ два раза превосходитъ стокъ Миссисипи во время его большого разлива; но трудно повѣрить, чтобы эти вычисленія англійскихъ инженеровъ не были преувеличены. Зимой Нарбада, которая соединяется съ моремъ устьемъ шириною въ 20 километровъ, представляетъ лишь незначительный потокъ, медленно извивающійся въ пескахъ.

Рѣка Тапти, первый истокъ которой находится на западной отлогости горной группы Магадео, вьется сначала въ легкомъ, не глубокомъ пониженіи плоскогорья, затѣмъ низвергается въ базальтовое ущелье, отъ котораго расходятся въ ту и другую сторону второстепенныя разсѣлины. Вся страна раздѣлена, такимъ образомъ, на трапповые массивы, усѣянные пригорками неравной высоты, которые разъѣдаются атмосферными дѣятелями, обнаруживая на поверхности безчисленные блестящіе узелки бѣлыхъ агатовъ. Эти плоскогорья покрыты лѣсами ладоннаго дерева или салея (boswellia thurifera), въ перемежку съ мелкимъ кустарникомъ и низкою травой, по которымъ зимою пастухи и земледѣльцы пускаютъ огонь; во время этихъ лѣсныхъ пожаровъ, если смотрѣть ночью съ высоты вершинъ, весь горизонтъ кругомъ является объятымъ пламенемъ и все небо освѣщено заревомъ, а днемъ надъ равнинами виситъ тяжелая, удушливая атмосфера, наполненная дымомъ и пепломъ. Какъ и Нарбада, Тапти, тотчасъ же по выходѣ изъ верхнихъ ущелій, проникаетъ въ широкую долину, которая нѣкогда была озернымъ бассейномъ и которую она постепенно засыпала своими наносами; рѣка Пурна, главный ея притокъ, который она принимаетъ въ себя въ этой части своего теченія, тоже проходитъ передъ тѣмъ другой озерной бассейнъ, черезъ который поддерживались во всѣ времена сообщенія между западнымъ берегомъ

[1]) *Hunter* „Imperial Gazetteer of India".

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА АХОМЪ ВЪ ДИНАДЖПУРѢ.

Полуострова и верхнимъ бассейномъ Годавери. Ниже аллювіальныхъ равнинъ рѣка Тапти походитъ еще на Нарбаду тѣмъ, что она, подобно послѣдней, протекаетъ узкими дефилеями до своего вступленія въ область морскаго прибрежья. Наконецъ, Тапти можетъ быть сравнена съ параллельною ей большою рѣкой также и сильными колебаніями ея годоваго стока. Тогда какъ до наступленія дождливаго сезона количество воды, которое Тапти несетъ въ море, колеблется отъ 5 до 6 кубич. метровъ въ секунду, оно достигаетъ громадной массы 25.400 кубич. метровъ во время большихъ разливовъ; это потокъ почти втрое больше Дуная, въ пять разъ больше Волги. Наводненія Тапти принимаютъ страшные размѣры; эта рѣка—грозный врагъ, отъ котораго Суратъ и другіе прибрежные города должны защищаться двойными и тройными рядами охранительныхъ береговыхъ плотинъ.

На югѣ отъ трапповыхъ плоскогорій, цоколя, на которомъ стоятъ песчаниковые массивы горы „Великаго Бога", простирается обширная холмистая Нагпурская равнина, имѣющая отъ 250 до 300 метровъ средней высоты, равнина, по которой протекаютъ рѣки Вардха, Вайнъ-Ганга и другіе притоки Прапхиты, главной вѣтви Годавери, и которую отроги, отдѣлившіеся отъ системы Сатпурскихъ горъ, раздѣляютъ на второстепенные бассейны. Эта область, одна изъ самыхъ плодородныхъ на Полуостровѣ, заключаетъ значительныя пространства „чернозема", утилизируемыя преимущественно для воздѣлыванія хлопчатника. Подобно древнимъ озернымъ бассейнамъ Нарбады и Тапти, равнины верхней Годавери, которыя также служили нѣкогда резервуарами озерамъ, сдѣлались центрами притяженія для цивилизованныхъ населеній окружности Индіи; съ этой стороны, также какъ и въ окружающихъ областяхъ, варварскія племена плоскихъ возвышенностей были постепенно покорены или присоединены.

Однако, многочисленные народцы этой области сохранили еще первобытные нравы, обычаи и языки. Разнообразіе расъ, населяющихъ центральныя провинціи, подало поводъ сравнить этотъ край съ лѣсною чащей, въ которой нашла себѣ убѣжище дичь изъ окрестныхъ равнинъ. Главная масса населенія, около трехъ четвертей, состоитъ изъ индусовъ, говорящихъ арійскими нарѣчіями и считающихъ себя совершенно отличными по крови отъ дикарей внутренности страны; тѣмъ не менѣе, нѣкоторые округи заслуживаютъ еще названіе Гондваны, или „Земли гондовъ", происходящее, вѣроятно, какъ и наименованіе хондовъ, отъ телугскаго слова *конда*, которое означаетъ „горы". Въ тѣхъ частяхъ равнины, гдѣ гонды, или кой, находятся въ соприкосновеніи съ индусами, они отчасти усвоили себѣ нравы и языкъ послѣднихъ; нѣкоторыя племена, пережившія уже переходный періодъ, совсѣмъ перестали говорить своимъ старымъ

дравидійскимъ идіомомъ и даже не понимаютъ его. Тѣ гонды, которые сохранились еще въ видѣ отдѣльной расы, на столько многочисленны, что образуютъ самую значительную этническую группу между нецивилизованными туземцами; ихъ насчитываютъ слишкомъ полтора милліона въ Гондванѣ, по меньшей мѣрѣ два милліона душъ во всей Индіи, но они утратили всякую политическую связь: раздѣленные на многія группы областями чисто индусскими, они не могли бы оказать никакого сопротивленія завоевателямъ. Съ прошлаго столѣтія, подъ господствомъ маратговъ, они потеряли свою независимость, но еще помнятъ свою былую славу. Нѣкоторые потомки царскихъ фамилій еще получаютъ пенсію отъ англійскаго правительства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что гонды нѣкогда были цивилизованнымъ народомъ. Уже первыя священныя книги говорятъ объ ихъ городахъ; исторія послѣднихъ вѣковъ показываетъ ихъ соперниками индусовъ въ мирныхъ искусствахъ. Въ лѣсахъ и джунгляхъ встрѣчается множество остатковъ храмовъ и дворцовъ; слѣды большихъ дорогъ, плотинъ, оросительныхъ каналовъ свидѣтельствуютъ о прежней культурѣ. Преслѣдованія, бѣдность и бѣгство въ лѣса естественно должны были измѣнить и самые нравы народа; бывъ нѣкогда цивилизованными, гонды снова сдѣлались дикарями, смѣшиваясь съ дикими племенами, обитателями джунглей. Тѣ изъ гондовъ, которыхъ называютъ ассуль, т. е. „чистокровными", построили свои селенія въ самыхъ глухихъ, наиболѣе удаленныхъ отъ дорогъ, мѣстностяхъ, среди лѣсовъ; они старательно избѣгаютъ иностранцевъ, и очень многіе англичане изъѣздили Гондвану во всѣхъ направленіяхъ, не видя нигдѣ чистыхъ потомковъ народа, который прежде владѣлъ этимъ краемъ; одно изъ гондскихъ племенъ даже соглашается платить налоги подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы никогда не видѣть сборщика: подъѣхавъ къ деревнѣ, сборщикъ податей бьетъ въ барабанъ и затѣмъ удаляется; по возвращеніи черезъ нѣкоторое время, онъ находитъ требуемую сумму, положенную на камнѣ близь входа въ селеніе [1]). Однако, когда этимъ ассулямъ, или чистымъ гондамъ, случится неизбѣжно встрѣтиться съ нынѣшними властителями страны, они смѣло смотрятъ имъ въ лицо, съ мужественною гордостью, и никогда не унижаются до того, чтобы льстить и лгать передъ завоевателями, какъ это дѣлаетъ большинство индусовъ; вообще они отличаются мужествомъ, прямодушіемъ, правдивостью. Малорослые и коренастые, они почти всѣ имѣютъ одинаковыя черты: плоскій носъ, толстыя губы, широкое лицо, вокругъ котораго ниспадаютъ черные волосы густыми прядями. Мужчины не носятъ украшеній, кромѣ серьги (кольца) въ одномъ ухѣ; но женщины надѣваютъ на себя ожерелья, браслеты, перстни, разныя драгоцѣнныя вещи

[1]) *Dalton* „Ethnology of Bengal".

и татуируютъ себѣ лицо и бедра. Между гондами, какъ и у орисскихъ хондовъ, существуютъ еще племена, не употребляющія никакой одежды, кромѣ букета изъ листьевъ, рудиментарный костюмъ, какъ говорятъ, составляющій недавнее нововведеніе [1]); есть также племена, которыя ограничиваются тѣмъ, что обмазываютъ себѣ тѣло золой и грязью; когда на ихъ горахъ задуетъ сильный вѣтеръ, они зажигаютъ большіе костры, чтобы защитить себя отъ холода, но гнушаются прикрывать свою наготу какимъ-нибудь одѣяніемъ [2]). Въ Сатпурѣ они имѣютъ привычку стоять на однойногѣ передъ своими гостями, въ знакъ уваженія [3]). У нѣкоторыхъ изъ этихъ народцевъ не существуетъ даже земледѣлія; когда не удастся наловить дичи, эти несчастные питаются корнями, ягодами, дикимъ медомъ, пресмыкающимися и разными звѣрками; нерѣдко случалось видѣть, какъ они оспаривали падаль у коршуновъ. Нѣкоторыя изъ ихъ племенъ обвиняли въ томъ, будто они убиваютъ стариковъ и ѣдятъ ихъ мясо на публичныхъ пиршествахъ. Несомнѣнно то, что они дѣлали своимъ богамъ человѣческія жертвоприношенія; но теперь эти жертвы замѣнены куклами и соломенными чучелами.

Боговъ у гонда безконечное множество. Все ему божество: солнце, гора, скала, дерево, ручей, вѣтеръ, который проносится, шумъ, который онъ слышитъ, духъ предка или злой геній, спрятавшійся, какъ онъ думаетъ, въ древесной листвѣ. Въ особенности онъ боготворитъ существа, которыя внушаютъ ему страхъ: богъ-тигръ, смѣшиваемый съ Вишну, есть изъ всѣхъ высшихъ силъ та, къ которой онъ съ наибольшимъ жаромъ возноситъ свои мольбы. Но его религія все болѣе и болѣе приближается къ браманскимъ вѣрованіямъ и обрядностямъ, и между индусскими богами онъ чтитъ въ особенности героевъ Пандуидовъ, Биму и Арджуну, отъ которыхъ онъ даже производитъ свой родъ [4]). Эмигрантъ гондъ, который спускается съ родныхъ горъ въ равнину, чтобы идти въ города искать себѣ заработка въ качествѣ рабочаго на заводахъ, принимаетъ участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ индусовъ, также какъ выучивается говорить ихъ языкомъ. Торговцы, называемые бринджари, ходятъ, въ сопровожденіи своихъ вьючныхъ животныхъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко, чтобы обмѣнивать на мѣстныя произведенія разныя украшенія и ткани англійской или индійской мануфактуры, и разсказываютъ въ то же время новости внѣшняго міра. Новыя деревни, которыя теперь основываются, не имѣютъ уже общаго дома для холостой молодежи; вообще, нравы и обычаи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе индіанизируются. Въ одномъ только гонды остались вѣрны старинѣ —

[1]) *Hislop* „Essay on Gonds“; *R. Temple* „India as it is“.
[2]) *Glasfurd* „Selections from Records for the Governement of India“, № XXXIX.
[3]) *Sterndale* „Seonnee, or Camp Life on the Satpura Range“.
[4]) *Cain* „On the Kois or Gonds of Central India“.

они сохранили привычку жениться въ гораздо болѣе позднемъ возрастѣ, чѣмъ индусы, и покупать себѣ женъ продолжительнымъ служеніемъ въ домѣ отца невѣсты; церемонія брака всегда начинается фиктивнымъ похищеніемъ молодой дѣвушки [1]).

Дикія племена, не принадлежащія къ семьѣ гондовъ, разсѣяны въ разныхъ частяхъ Гондваны. Курку, которые, въ числѣ около 40.000 душъ, населяютъ преимущественно нѣкоторыя долины группы Маѓадео, суть въ дѣйствительности коліи, едва отличающіеся отъ коліевъ областей Чота-Нагпоръ и Ориссы, хотя они сами не знаютъ объ этомъ родствѣ. Байганы, которыхъ обыкновенно причисляютъ къ коларійцамъ, но которыхъ Форситъ признаетъ особою народностью, относительно немногочисленны; ихъ насчитываютъ около двадцати тысячъ душъ во всей Гондванѣ. Главнѣйшія ихъ племена обитаютъ въ горахъ Майкалъ; но очень склонные къ кочевому образу жизни, они живутъ, кромѣ того, маленькими группами въ различныхъ частяхъ страны. Въ физическомъ отношеніи байганы едва разнятся отъ гондовъ, развѣ только чернѣе, сильнѣе, неустрашимѣе послѣднихъ. Діалектъ, которымъ они говорятъ, чисто индусскій; однако, они нисколько не претендуютъ на родственную связь съ господствующею расой; они называютъ себя первобытными, коренными жителями страны, и одно изъ ихъ племенъ даже носитъ названіе бхумія, что значитъ „Дѣти почвы". Проникнутые сознаніемъ собственнаго достоинства, которое даетъ имъ древность ихъ расы, они отличаются совершенною честностью и строгимъ соблюденіемъ своихъ обычаевъ; они сами управляютъ своими общественными дѣлами, безъ всякаго вмѣшательства со стороны англійской полиціи, которая никогда не заглядываетъ въ ихъ селенія. Изъ всѣхъ обитателей центральныхъ провинцій одни байганы употребляютъ для охоты на крупную дичь стрѣлы, отравленныя сокомъ аконита, причемъ они всегда покупаютъ у иноплеменныхъ купцовъ этотъ ядъ, получаемый, вѣроятно, изъ страны народа мишми, изъ долинъ Восточнаго Гималая; такъ продолжаются внизу, подъ оффиціальнымъ и цивилизованнымъ обществомъ, непосредственныя торговыя сношенія между дикими населеніями. Гонды охотно признаютъ превосходство байгановъ и къ нимъ обращаются за жрецами и чародѣями. Байганскій шаманъ имѣетъ общеніе съ духами и умѣетъ изгонять ихъ изъ мѣстности, которую они повадились посѣщать; онъ низводитъ дождь съ неба, ассенизируетъ страну, заклинаетъ тигровъ и дѣлаетъ ихъ безвредными. Когда одинъ изъ этихъ лютыхъ звѣрей пожираетъ человѣка, что̀ случается довольно часто въ Восточной Гондванѣ, преимущественно на дорогѣ изъ Джабальпура въ Чатисгаръ, поселяне призываютъ знахаря байгана, который наряжается „человѣко-тигромъ";

[1]) *Dalton* „Ethnology of Bengal"; *Forsyth* „The Highlands of Central India".

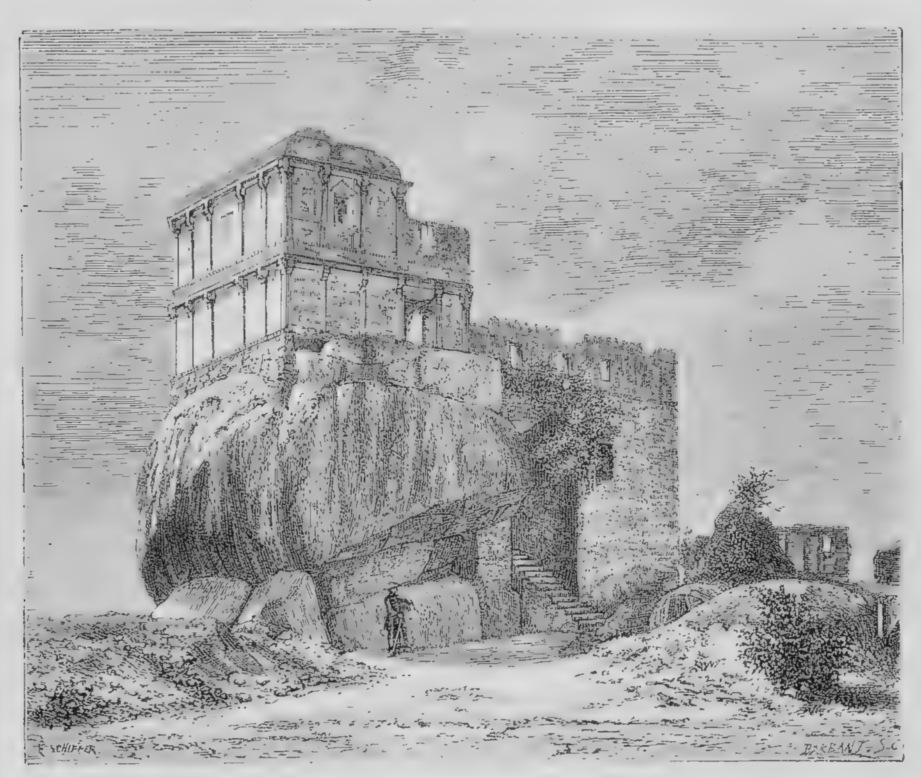
дѣлая прыжки, какъ страшный представитель кошачьяго рода, онъ бросается на добычу, ломаетъ ей кости, пьетъ ея кровь; суевѣрные дикари приписываютъ ему власть переводить въ себя душу тигра, отнимать у хищника аппетитъ къ человѣческому мясу и давая ему взамѣнъ аппетитъ къ какой-нибудь другой дичи. Англійскіе путешественники, которымъ случалось присутствовать при этихъ пантомимахъ или видѣть, какъ байганскіе шаманы приходили въ изступленіе и корчились въ конвульсіяхъ или для того, чтобы сдѣлать заклинаніе надъ тиграми или злыми духами, или для того, чтобы достигнуть до лицезрѣнія божества, разсказываютъ съ ужасомъ объ этихъ зрѣлищахъ.

Кромѣ дравидійскихъ гондовъ и коларійцевъ различныхъ племенъ, въ Гондванѣ встрѣчаются еще другіе этническіе элементы, которые трудно поддаются классификаціи. Такъ, неизвѣстно въ точности, что такое голи или гаули, жители горъ Сатпура, являющіеся теперь скромнымъ пастушескимъ народцемъ. Слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ потомковъ тѣхъ гаули, династіи которыхъ долгое время царствовали надъ страной и отъ которыхъ остались еще древніе крѣпкіе замки, стоящіе тамъ и сямъ на вершинѣ холмовъ? И что такое были нагбханси, или „сыны змѣй", отъ которыхъ почти всѣ княжескія фамиліи производятъ свой родъ и которые оставили свое имя Нагпуру, самому значительному городу страны? Тѣ изъ нихъ, которые присвоиваютъ себѣ это имя въ центральныхъ провинціяхъ, совершенно походятъ на индусовъ по наружности, но нѣкоторыя семьи нагбханси, живущія въ Джаджпурскихъ горахъ, на сѣверѣ Ориссы, отличаются своимъ необыкновенно плоскимъ лицомъ; носъ у нихъ представляетъ едва замѣтный выступъ; онъ весь расплывается въ ширину, съ широко раскрытыми ноздрями, почти надъ щеками [1]. По своимъ преданіямъ и вѣрованіямъ, нагбханси, повидимому, принадлежатъ къ другой расѣ, чѣмъ гонды; эти послѣдніе, хотя и боготворятъ всѣ силы природы, не оказываютъ никакого особеннаго почитанія змѣю; увидя это пресмыкающееся, „они помышляютъ о томъ, какъ бы полакомиться его мясомъ, а не о томъ, чтобы воздавать ему божеское поклоненіе" [2].

Джабальпуръ, главный городъ долины верхней Нарбады, сдѣлался съ половины текущаго столѣтія однимъ изъ важныхъ городовъ Индіи. Благодаря центральному положенію, которое онъ занимаетъ на желѣзной дорогѣ изъ Бомбея въ Калькутту, въ точкѣ соединенія желѣзнодорожной сѣти двухъ компаній и при пересѣченіи дороги изъ Раджпутаны въ бассейнъ Мага-Надди, этотъ городъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ произведеній Гондваны и товаровъ англійской фабрикаціи. Озера, естественныя и искусственныя, прозрачныя воды Нарбады въ ея мраморномъ

[1]) *Dalton* „Ethnology of Bengal".
[2]) *Grant* „Gazetteer of Central Provinces".

ущельѣ, живописные холмы, лѣски и рощи, чащи бамбуковъ — всѣ эти красоты природы сдѣлали Джабальпуръ однимъ изъ любимыхъ городовъ англичанъ, и даже не разъ предлагали избрать его столицей Англо-индійской имперіи. Въ Джабальпурѣ есть нѣсколько фабричныхъ заведеній и знаменитое ремесленное училище, гдѣ арестанты „туги“ и воры, окруженные своими семействами, научились ткать ковры, плести канаты, выдѣлывать парусину для палатокъ; ручей отдѣляетъ Джабальпуръ отъ военнаго города, гдѣ расположены англійскіе „кантонементы“. На сѣверо-западѣ древній городъ Гарха, бывшій столицей одного гонд-

Маганъ-Махалъ въ Джабальпурѣ.

скаго царства, раскинулся у основанія гранитныхъ утесовъ; на уединенной каменной глыбѣ еще высится крѣпкій зàмокъ Маданъ-Магалъ, построенный въ двѣнадцатомъ столѣтіи.

По выходѣ изъ „Мраморныхъ Скалъ“, Нарбада, извиваясь въ своихъ аллювіальныхъ равнинахъ, орошаетъ зѐмли Нарсингпура, „града Нарсинга“, или Вишну бога-„льва“, затѣмъ зѐмли Гошангабада и Сеони. На юго-востокѣ, на одномъ изъ плоскогорій группы „Великаго Бога“, возвышающемся на 1.061 метръ надъ уровнемъ моря, находится лѣтній городъ (санаторій) и военная станція, основанные въ 1870 году, близъ знаменитыхъ святынь Пачмари, или „Пяти Гротовъ“; но англичане,

имѣющіе постоянное жительство въ центральныхъ провинціяхъ, еще не довольно многочисленны для того, чтобы этотъ городъ могъ сравниться по значенію съ подобными станціями, построенными въ Гималайскихъ горахъ. Плоскогорье Пачмари занимаетъ пространство слишкомъ 30 квадратныхъ километровъ.

Въ верхней части верхней долины рѣки Тапти, принадлежащей къ центральнымъ провинціямъ, существуетъ только одинъ сколько-нибудь значительный городъ, Бургампуръ, да и тотъ, впрочемъ, въ сильномъ упадкѣ. Нѣкогда онъ былъ столицей Деккана и тогда занималъ обширное пространство, слишкомъ 12 квадр. километровъ. Когда Тавернье посѣтилъ его въ 1658 году, онъ уже не былъ княжескою резиденціей, и бо̀льшая часть его домовъ была въ полуразрушенномъ видѣ и покрыта соломою; тѣмъ не менѣе, онъ все еще былъ „большимъ городомъ“, и его бумажныя матеріи вывозились въ Персію, „въ Московію, въ Польшу, въ Великій Каиръ и другія мѣста“; еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія бареры, каста странствующихъ торговцевъ тканями, умирая, просили, чтобы ихъ тѣла были похоронены на кладбищѣ этого города [1]). Въ настоящее время Бурхампуръ даже пересталъ быть административнымъ центромъ округа и желѣзная дорога оставляетъ его въ сторонѣ, проходя въ 3 километрахъ отъ него у подошвы скалы, возвышающейся на 250 метровъ, на вершинѣ которой стоитъ цитадель Асиргаръ, еще занятая гарнизономъ. Торговая и промышленная дѣятельность перемѣстилась изъ Бурхампура въ городъ Хандва, построенный на сѣверѣ, на плоскогорьяхъ, отдѣляющихъ долину Нарбады отъ долины Тапти. Порогъ, черезъ который проходитъ желѣзная дорога, между двумя бассейнами, лежитъ всего только на высотѣ 378 метровъ.

Самый большой городъ центральныхъ провинцій, Нагпуръ, т. е. „Змѣиный городъ“, лежитъ на южной сторонѣ горъ, въ равнинѣ, по которой текутъ верхніе притоки Годавери. Онъ соединенъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ вѣтвью, отдѣляющеюся отъ Бомбейско-калькуттской линіи, и естественно долженъ сдѣлаться со временемъ центральною станціей между двумя главными портами Восточной и Западной Индіи. Нагпуръ, важный торговый городъ, сохранилъ еще нѣкоторыя изъ отраслей промышленности, которыми онъ нѣкогда славился, и его бумажныя ткани до сихъ поръ не безъ успѣха конкуррируютъ съ фабрикатами этого рода, привозимыми изъ Великобританіи. Хотя въ городѣ есть нѣсколько прекрасныхъ памятниковъ строительнаго искусства, есть сады, большіе пруды, въ зеркальныя во̀ды которыхъ глядятся стоящіе на берегахъ храмы, англичане, однако, основали свою резиденцію внѣ Нагпура, у подошвы холма Ситабальди; тамъ находится мѣстопребываніе провинціальной

[1]) *Vigne* „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo“.

*

администраціи. Камти, лежащій всего только въ 14 километрахъ отъ Нагпура, къ сѣверо-востоку отъ него, служитъ мѣстомъ квартированія войска; въ то же время это большой продовольственный рынокъ; его широкія аллеи тянутся на пространствѣ семи километровъ по берегу рѣки Канганъ, до самыхъ кантонементовъ. Лѣтомъ, во время сильныхъ жаровъ, англичане изъ Нагпура и Камти отправляются на дачи въ города, находящіеся въ горахъ, особенно въ Чиндвару. Деогаръ, т. е. „Божій Замокъ", древняя столица Гондваны, стоялъ нѣкогда на одной изъ скалъ, господствующихъ надъ Нагпурскою равниной; отъ него уцѣлѣли еще прекрасные полуразрушенные храмы, пруды и парки. Въ этой равнинѣ разсѣяны многочисленныя озера, остатки болѣе обширныхъ бассейновъ. Въ настоящее время занимаются образованіемъ искусственнаго озера при помощи запруды, которая будетъ задерживать воды рѣки Канганъ. Этотъ резервуаръ, поверхность котораго равна 75 квадр. километрамъ, можетъ вмѣщать массу воды, достаточную для орошенія 180.000 гектаровъ.

Очень плодородныя и сравнительно хорошо воздѣланныя равнины, которыя орошаются верхними притоками Годавери, усѣяны торговыми городами. Городъ Сеони — главный складочный пунктъ между Нагпуромъ и Джабальпуромъ; на сѣверѣ отъ столицы, Рамтекъ, т. е. „Градъ Рамы", экспортируетъ листья бетеля или пана, который считается лучшимъ въ Индіи, а въ сосѣдствѣ съ этимъ городомъ берега озера Амбала привлекаютъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ до сотни тысячъ пилигримовъ и купцовъ. На востокѣ и на юго-востокѣ города Бандара, Паони, Умреръ славятся своими бумагопрядильными и ткацкими фабриками, а на юго-западѣ городъ Хинганґатъ занялъ мѣсто между важнѣйшими рынками Полуострова по вывозу хлопчатобумажнаго волокна; онъ посылаетъ также большое количество коровьяго масла, которое теперь отправляютъ прямо въ Бомбей по желѣзной дорогѣ и которое недавно, до постройки рельсоваго пути, перевозили на рысистыхъ волахъ; вся эта торговля находится въ рукахъ англійскихъ негоціантовъ и посредниковъ или коммисіонеровъ марвари. Тогда какъ Хинганґатъ возрастаетъ въ населеніи, древній городъ Чанда, лежащій на югѣ ниже сліянія двухъ большихъ рѣкъ, Варды и Пайна, значительно уменьшился по числу жителей; его живописная зубчатая ограда, опоясывающая городъ на пространствѣ около 9 километровъ, заключаетъ въ себѣ деревни, обработанныя поля и земли, лежащія подъ паромъ. Въ окрестностяхъ Вароры находятся каменноугольныя залежи, доставляющія лучшее минеральное топливо въ центральныхъ провинціяхъ:

Важнѣйшіе города центральныхъ провинцій:

Нагпуръ съ Ситабальди, въ 1872 г. . . .	89.450 жит.	Камти.	48.850 жит.
Джабальпуръ, въ 1872 г.	55.200 „	Бурхампуръ, въ 1877 г.	29.300 „

Чанда, въ 1878 г.	18.700 жит.	Сеони (бассейнъ Годавери)	9.550 жит.
Хандва „ „ „	15.000 „	Хинганrатъ, въ 1878 г.	9.400 „
Бандара „ „ „	12.750 „	Паони	8.975 „
Нарсингпуръ „ „	12.100 „	Чиндвара, въ 1878 г.	8.650 „
Гошангабадъ, въ 1872 г.	11.600 „	Сеони (бассейнъ Нарбады)	7.800 „
Умреръ, въ 1872 г.	11.400 „	Рамтекъ	7.050 „

XII.

Западная покатость плоскогорій и Гатскихъ горъ, Барода, Кандешъ, Конканъ.

Естественная область, сравнительно не очень обширная, которую орошаютъ рѣки Нарбада и Тапти въ нижнемъ ихъ теченіи и которая ограничена на востокѣ краевою цѣпью Гатскихъ горъ, до того пролома, гдѣ проходитъ рѣка Гангавали, есть одна изъ наилучше разграниченныхъ странъ Индіи. На востокѣ поднимается стѣна Гатскихъ горъ, правда, не очень высокая и легко доступная по уступамъ, отъ которыхъ она и получила свое названіе (гатъ—лѣстница), но проводящая своимъ хребтомъ совершенно опредѣленный рубежъ между двумя климатами, двумя флорами, двумя родами почвы и мѣстности, двумя способами земледѣльческой культуры, двумя цивилизаціями. Только на сѣверѣ, населенія Конкана, вырываясь на просторъ изъ своего узкаго морскаго прибрежья, видятъ открывающіяся передъ ними довольно широкія равнины, по которымъ извиваются двѣ параллельныя большія рѣки, вытекающія изъ центральнаго плоскогорья. Часто эти потоки, наводняя всю низменную область, тоже становятся естественными границами; но въ обыкновенное время ихъ долины, какъ и долины ихъ притоковъ, даютъ легкій доступъ къ внутреннимъ возвышенностямъ; тамъ, именно въ углу, образуемомъ Камбейскимъ заливомъ, начинается историческій путь, соединяющій западный берегъ Индіи съ бассейномъ Ганга и Джамны; тамъ долженъ былъ, до постройки современныхъ искусственныхъ путей сообщенія, производиться обмѣнъ произведеній сѣверныхъ равнинъ на товары, привозимые иностранцами. Эти вòды индійскаго берега опасны, и не смотря на то, корабли знали дорогу туда съ незапамятныхъ временъ. Стѣсненные въ своихъ узкихъ равнинахъ морскаго прибрежья, у подножія уступовъ или террасъ, поднимающихся къ безплодному Деккану, прибрежные жители естественно должны были обращать взоры къ Аравійскому морю и вступить въ торговыя сношенія съ противоположными берегами. Сокровища, пріобрѣтаемыя посредствомъ торговли или морскаго разбойничества, накопились постепенно въ приморскихъ городахъ Конкана; но, имѣя вокругъ себя слишкомъ маленькую, узкую территорію, эти города не сдѣлались столицами имперіи: они подпадали подъ власть чуждыхъ завоевателей гораздо чаще,

нежели сами давали властителей сосѣднимъ странамъ. Впрочемъ, большая длина области „Береговъ“, или Конкана, естественно должна была прерывать его единство. Еще и къ нашимъ днямъ сохранились, подъ верховною властью Англіи, десятки маленькихъ туземныхъ княжествъ на этой части индійскаго берега. Кромѣ этихъ мелкихъ туземныхъ государствъ и округовъ, непосредственно подвластныхъ британскому правительству, довольно значительная территорія принадлежитъ еще португальцамъ, которые первые изъ европейцевъ высадились на полуостровъ Индіи.

Пространство и населеніе покатости Гатскихъ горъ въ Бомбейскомъ президентствѣ:

		Пространство въ кв. килом.	Населеніе въ 1872 г.	Километ. населеніе.
Англійскія владѣнія. 51.200 кв. килом; 3.994.175 жит.	Конканъ	37.000	3.259.775 жит.	88 жит.
	Кандешъ	14.200	734.400 „	52 „
Туземныя государства. 37.493 кв. килом.; 3.071.360 жит.	Барода	20.720	2.100.000 „	101 „
	Другія медіатизированныя государства	16.773	971.360 „	58 „
Португальскія владѣнія. 3.350 кв. килом.; 433.580 жит.	Гоа	3.270	392.600 „	120 „
	Дамао	80	40.980 „	512 „
	Всего	92.043	7.499.115 жит.	81 жит.

Большинство европейскихъ путешественниковъ, видящихъ Индію въ первый разъ, пристаютъ къ ея берегамъ у западнаго склона Гатскихъ горъ. На всемъ Полуостровѣ нѣтъ болѣе красивой мѣстности; сойдя съ корабля, они вступаютъ въ чудную, волшебную страну. Горы, на половину подернутыя синеватою дымкой воздуха, ограничиваютъ горизонтъ своимъ гребнемъ, линія котораго тамъ и сямъ прерывается вырѣзками или проломами; внизу, подъ голыми каменными крутизнами горъ и длинными зеленѣющими отлогостями, разстилается береговая равнина, еще ярче зеленѣющая, которую мысы дѣлятъ на неравныя вогнутыя раковины; города, на половину закрытые деревьями, пробиваютъ зелень верхушками своихъ башенъ, а у самаго берега, всегда окаймленнаго бѣлою полосой пѣны, группы стройныхъ пальмъ наклоняютъ свои вѣерообразныя кроны надъ хижинами туземцевъ. Море усѣяно разнообразными судами, то приближающимися вереницей къ портамъ, то отплывающими въ разныя стороны безпредѣльнаго воднаго пространства.

Ущелья рѣки Тапти совершенно отдѣляютъ горы Сатпура отъ Гатской цѣпи, хотя, когда смотришь съ берега моря, эти горные хребты кажутся составляющими одинъ непрерывный валъ. Гряда Сатпурскихъ горъ постепенно понижается отъ хребта къ хребту и оканчивается, на востокѣ отъ Баруча, небольшими горками, которыя искатели агатовъ и сердоликовъ разрыли во всѣхъ направленіяхъ. На югѣ отъ рѣки Тапти, Гаты въ собственномъ смыслѣ или Сагіадри начинаются холмами, около 600 метровъ высоты, расположенными въ видѣ параллельныхъ грядъ,

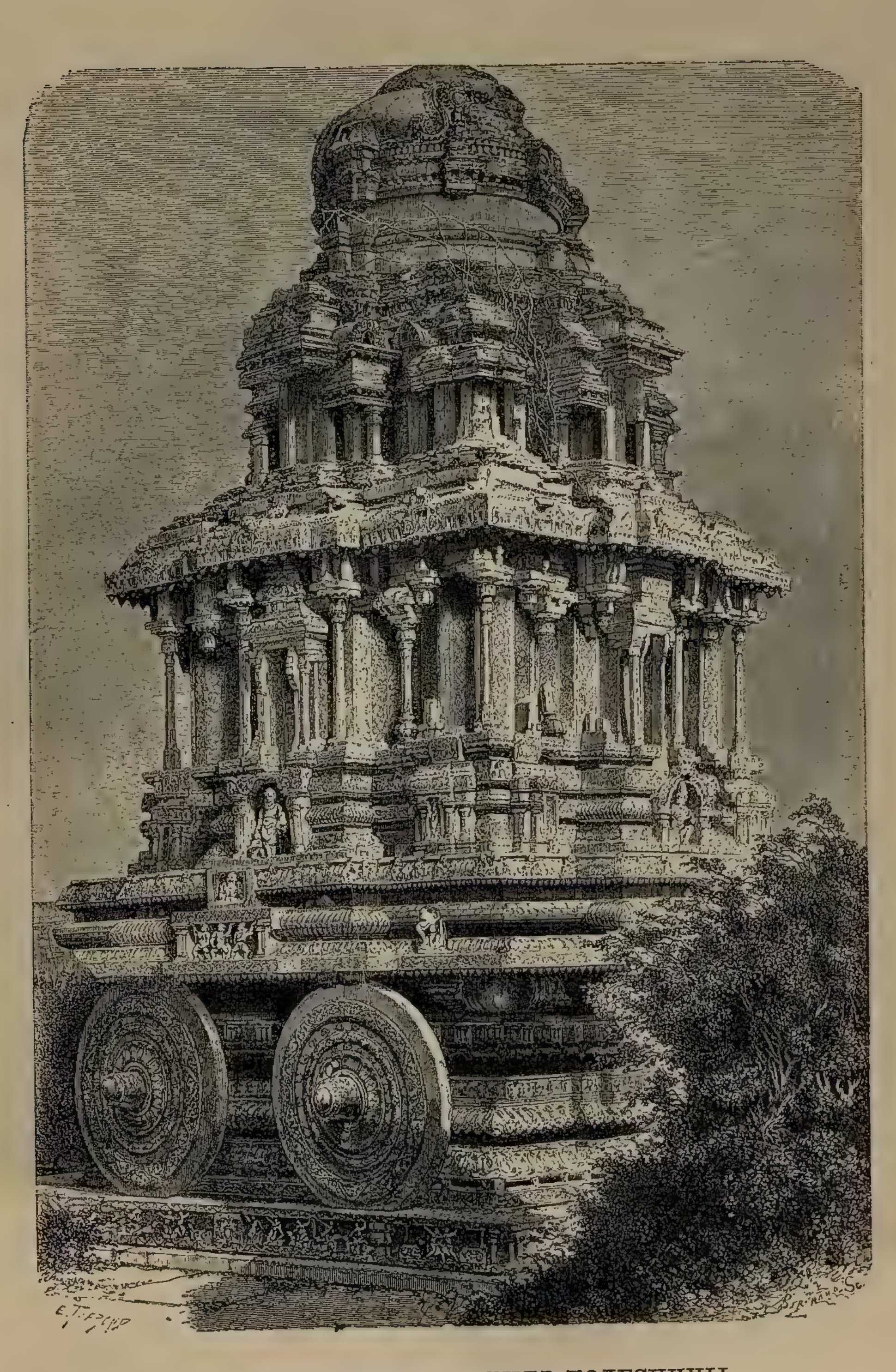
оріентированныхъ отъ запада къ востоку, но соединяющихся своими западными оконечностями, чтобы образовать со стороны морскаго прибрежья правильный рядъ крутыхъ склоновъ. Эта высокая внѣшняя стѣна Гатскихъ горъ принимаетъ въ началѣ, отъ Тапти до Бомбейскаго Конкана, направленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ, затѣмъ на югѣ она тянется параллельно морскому берегу. Очевидно, эти двѣ линіи, хребетъ Гатскихъ горъ и черта нынѣшняго побережья, произошли отъ одного и того же движенія земной поверхности и должны быть разсматриваемы, какъ геологическія явленія одного и того же порядка. Крутые трапповые склоны, которыми оканчиваются, со стороны моря, Гатскія горы, суть не что иное, какъ древніе береговые утесы, о которые ударялась морская волна до общаго поднятія страны, имѣвшаго мѣсто, вѣроятно, въ третичную эпоху. Одинъ видъ прѣсноводныхъ моллюсковъ, изъ рода *cremnoconchus*, населяющій ручьи въ собственно Гатскихъ горахъ, представляетъ такое близкое сродство съ индусскими формами морскаго рода *littorina*, что зоологи приписываютъ ему то же самое происхожденіе; по всей вѣроятности, онъ происходитъ отъ видовъ, населявшихъ основаніе утесовъ горъ Сагіадри, когда эти утесы еще омывались водами моря [1]).

Пласты Гатскихъ го̀ръ, по крайней мѣрѣ между Суратомъ и Гоа, состоятъ единственно изъ залегающихъ одинъ на другомъ застывшихъ потоковъ лавы; равнины, разстилающіяся у ихъ основанія, тоже были нѣкогда покрыты слоемъ лавы, толщина котораго доходила до 1.000 и даже 1.200 метровъ, но который съ теченіемъ времени былъ постепенно смытъ водами рѣкъ и океана, а также дѣйствіемъ дождей. Геологи долго искали, безъ успѣха, какіе-нибудь слѣды тѣхъ могучихъ кратеровъ, изъ которыхъ нѣкогда выливались столь значительныя массы лавы, представлявшія объемъ гораздо больше объема такой громадной цѣпи горъ, какъ Пиренеи, и именно въ низменности, всѣ верхніе слои которой давно уже смыты водами, были открыты, наконецъ, признаки древнихъ жерлъ изверженія. Къ востоку отъ Бомбея, въ центрѣ амфитеатра скалъ, который образуютъ Гатскія горы, какъ половину огромнаго кратера, возвышаются многочисленные круглые пригорки, представляющіе впадину на вершинѣ и по бо̀льшей части покрытые группами деревьевъ: это и есть тѣ вулканическія отверстія, изъ которыхъ когда-то вылетали столбы пепла или камней. Трапповыя стѣны, которыя устояли противъ разрушительнаго дѣйствія непогодъ, перерѣзываютъ равнины по прямой линіи и взаимно пересѣкаются во всѣхъ направленіяхъ между горками потухшихъ вулкановъ; онѣ обозначаютъ трещины, чрезъ которыя выливалось расплавленное вещество [2]).

[1]) *Medlicott* and *Blanford* „A Manual of the Geology of India“.
[2]) *Clark* „Quarterly Journal of the Geological Society“, tome XXV.

Гаты, или проломы, прерывающіе горную цѣпь черезъ извѣстные промежутки, естественно, получили исключительную важность какъ мѣста прохода дорогъ, посредствомъ которыхъ жители морскаго прибрежья поддерживаютъ сношенія съ обитателями нагорья. Тальгатъ или Казарагатъ, на сѣверо-востокѣ отъ Каліана, есть мѣсто, гдѣ проходятъ большая обыкновенная дорога и желѣзная дорога изъ Бомбея въ Калькутту; порогъ, котораго рельсовый путь достигаетъ всходами, представляющими наклонъ въ 27 миллиметровъ на 1 метръ, лежитъ только на высотѣ 583 метровъ. Другой проходъ, Боръ-гатъ, который прежде обыкновенно называли „ключемъ къ Деккану", еще ниже предъидущаго; онъ имѣетъ всего только 548 метровъ высоты, но желѣзная дорога, которая поднимается по его крутымъ скатамъ, чтобы соединить Бомбей съ Мадрасомъ, должна была взбираться болѣе крутыми всходами и даже образовать площадки возврата, чтобы достигнуть вершины перевала. Когда локомотивы не ходили еще черезъ Альпы, Скалистыя горы, Анды, желѣзная дорога, проведенная черезъ Боръ-гатъ, считалась однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній современной индустріи. На югѣ отъ этой горной бреши, черезъ другіе гаты проложены еще только тропы или обыкновенныя колесныя дороги; но эти проходы очень многочисленны; на приморской покатости Гатскихъ горъ нѣтъ ни одного города, ни одной деревни, которые не сообщались бы со станціями нагорья. Всѣ эти ворота ревниво охраняются *гарами* или крѣпостцами, черныя стѣны которыхъ высятся на черныхъ скалахъ. Нѣкоторые изъ этихъ крѣпкихъ замковъ окружены пропастями, и люди гарнизона могли проникать туда не иначе, какъ по лѣстницамъ, высѣченнымъ въ живой скалѣ, или по скрытымъ галлереямъ.

На югѣ Конкана, Гатскія горы, господствующія надъ равнинами туземнаго государства Савантвари и португальскими владѣніями Гоа, всего болѣе походятъ на крутой утесистый берегъ моря, выдвинутый тамъ и сямъ, въ видѣ мысовъ, и перерѣзанный многочисленными узкими долинами или оврагами. Во многихъ мѣстахъ обращенный къ морю край плоскогорья изрѣзанъ тысячами изсѣченій, напоминающихъ фьорды норвежскаго берега; поднимаясь изъ равнинъ прибрежья, сначала вступаешь въ лабиринтъ овраговъ, затѣмъ, послѣ послѣдняго крутаго подъема между двумя стѣнами дефилея, вдругъ очутишься на ровной, однообразной поверхности Декканскаго плоскогорья, гдѣ только тамъ и сямъ возвышаются маленькія горки и незначительные холмы. Но на югѣ отъ Кельгата, между Гоа и Дарваромъ, траппъ исчезаетъ, ограниченный гнейсами, слюдяными сланцами и другими метаморфическими породами. Горы принимаютъ совершенно другой видъ; крутояръ не имѣетъ уже столь отчетливыхъ граней, и гребень его не составляетъ уже точной линіи водораздѣла между покатостью Бенгальскаго залива и покатостью Аравійскаго моря; съ той и съ другой стороны горной оси переходъ совершается

ХРАМЪ ВИШНУ ВЪ ВИДѢ КОЛЕСНИЦЫ.

незамѣтно, безъ внезапнаго контраста между формаціями, растительностью и земледѣльческими культурами; даже можно сказать, что система Гатскихъ горъ совершенно прерывается долинами рѣкъ Каоли и Гангавали, которыя берутъ начало на восточной сторонѣ Гатовъ, и перерѣзавъ цѣпь этихъ горъ, спускаются къ западному берегу. Въ близкомъ будущемъ двѣ желѣзныя дороги обогнутъ на югѣ область лавъ и соединятъ внутренніе города съ портами Мармагаонъ и Карваръ.

Между Тапти и Каоли, рѣки Конкана, запертыя въ узкомъ пространствѣ, заключающемся между крутымъ спускомъ Гатскихъ горъ и моремъ, т. е. въ полосѣ прибрежья шириной около пятидесяти километровъ по прямой линіи, не могутъ имѣть значительнаго, по длинѣ, теченія, и бóльшая часть ихъ спускается съ горъ прямо къ морскому берегу, не получая другихъ притоковъ, кромѣ простыхъ ручьевъ. Однако, обиліе дождей, выпадающихъ, на западной отлогости Гатскихъ горъ, въ количествѣ отъ 4 до 7 метровъ, даетъ во время дождливаго сезона значительную важность этимъ горнымъ потокамъ, и многіе изъ нихъ катятъ тогда такую массу воды, что ихъ можно сравнить съ большими рѣками Европы. Почти всѣ они открываются на море широкими заливообразными устьями или лиманами въ нѣсколько километровъ ширины; въ періодъ муссона волны моря проникаютъ внутрь материка черезъ эти устья и отливъ уноситъ далеко въ море твердыя частицы, увлекаемыя рѣчнымъ теченіемъ. Съ этой стороны Полуострова не могутъ образоваться дельты, постепенно выдвигающіяся въ область водъ, какъ дельты восточнаго берега, въ устьяхъ Мага-Нади, Годавери, Кистна, Каверн; даже Нарбада и Тапти, которыя, однако, несутъ въ море такую огромную массу воды во время сезона дождей, не имѣютъ дельтъ. Вычислено, что количество твердыхъ частицъ, ила, песку и т. п., увлекаемое теченіемъ Нарбады и другихъ большихъ рѣкъ въ Камбейскій заливъ въ періодъ дождливаго муссона, было бы достаточно, чтобы засыпать всю эту бухту впродолженіи около десяти столѣтій, если бы эти рѣчные наносы не подхватывались морскими теченіями, которыя разносятъ и отлагаютъ ихъ по дну океана и у береговъ Малабара, Лакедивскихъ и Малдивскихъ острововъ; самое большое, что одна сотая доля рѣчныхъ наносовъ остается на меляхъ Камбейскаго залива [1]). Если бы дно Аравійскаго моря поднялось вдругъ метровъ на двадцать, мы увидѣли бы на мѣстѣ этого залива дельту, развѣтвляющую свои рукава, какъ вѣтви опахала: образующіеся во время прилива фарватеры, отдѣленные одинъ отъ другого мелями, извѣстными подъ именемъ Малакскихъ, превратились бы въ лиманы, неглубокія мѣста морскаго дна въ равнины; но географическія черты не измѣнились бы; нигдѣ не существуетъ болѣе правильной подводной дельты. Равнины,

[1]) *W. Sowerby* „Transactions of the Bombay Geographical Society", vol. XIX, 1871.

окаймляющія Нарбаду и Тапти въ области морскаго прибрежья и которыя теперь находятся во многихъ мѣстахъ на уровнѣ, далеко превышающемъ уровень самыхъ высокихъ разливовъ, вѣроятно, не что иное, какъ пространства бывшаго морскаго дна, выступившія изъ подъ воды вслѣдствіе общаго поднятія страны. Движенія почвы подняли береговые утесы собственно Гатскихъ горъ или Сагіадры гораздо выше уровня морскихъ волнъ, которыя нѣкогда ударялись объ ихъ основаніе. Во многихъ мѣстахъ морскаго берега слѣды поднятія почвы очевидны: бывшіе плоскіе песчаные берега, покрытые морскими раковинами, принадлежащими къ нынѣ существующимъ видамъ, встрѣчаются на нѣкоторомъ разстояніи во внутренности материка; въ другихъ мѣстахъ находятъ морскія глины, содержащія корни деревьевъ, называемыхъ корнепусками, источенные фоладами [1]). Но періодъ поднятія прекратился, уступивъ мѣсто противоположному движенію, или, можетъ быть, происходили мѣстныя осѣданія, потому что на многихъ пунктахъ прибрежья были наблюдаемы факты, доказывающіе неопровержимымъ образомъ пониженіе уровня почвы. Такъ, городъ Бомбей, самъ построенный на островѣ, поднятомъ и соединенномъ съ другими островами посредствомъ выступившихъ изъ подъ воды пороговъ, прилегаетъ на востокѣ къ бывшему морскому берегу, теперь покрытому слоемъ воды въ 4 метра толщины, гдѣ находятся еще на мѣстѣ корни погрузившагося въ море лѣса [2]).

Населеніе Конкана и всей западной покатости хребта Сагіадри или собственно Гатскихъ горъ слишкомъ давно уже находится въ сношеніяхъ съ остальнымъ міромъ, чтобы аборигены или первобытные жители могли сохраниться въ странѣ до нашего времени. Нынѣшніе обитатели края, индусы, магометане, парсы, иностранцы, группируются не въ племена или кланы, но въ касты или въ классы, и идіомы, которыми они говорятъ, всѣ имѣютъ богатую литературу. На сѣверѣ преобладающіе діалекты—гудзератскій, маратскій, съ его различными мѣстными говорами, конканскій и гоадезскій. Эти два языка, происходящіе отъ санскритскаго корня и употребляющіе одно и то же „божественное письмо“, *нагари*, были усвоены населеніями иноземнаго происхожденія, которыя теперь живутъ въ краѣ. На югѣ отъ португальской колоніи Гоа, господствующій языкъ принадлежитъ къ другой глоссологической области: это канарійскій или каннадскій діалектъ, дравидійскаго происхожденія, съ особеннымъ письмомъ, которое походитъ на письменные знаки нарѣчія телугу. Границы этого діалекта и арійскихъ языковъ обозначаютъ этнологическій рубежъ между полуденною Индіей и остальнымъ Полуостровомъ.

[1]) *Buist* „Transactions of the Bombay Geographical Society“, X, 1852.

[2]) „Records of the Geological Survey of India“, XI; *Medlicott* and *Blanford* „Manual of the Geology of India“.

Изъ всѣхъ иноземныхъ расъ, поселившихся въ городахъ Конкана, раса парсовъ заняла самое высокое мѣсто въ соціальной лѣстницѣ, на ряду съ англійскими властителями страны; какъ показываетъ самое ихъ названіе, они персидскаго происхожденія, и ведутъ свой родъ отъ послѣдователей Зороастра, которые, чтобы избѣгнуть лютой смерти во время магометанскаго нашествія, принуждены были удалиться изъ своего отечества. Сначала парсы поселились на островѣ Ормузъ, гдѣ они занялись преимущественно торговлей, подготовляя такимъ образомъ, до прибытія португальцевъ, то цвѣтущее состояніе, котораго достигъ впослѣдствіи этотъ складочный пунктъ морей Индіи. Но имъ пришлось покинуть и это убѣжище и искать себѣ пріюта на полуостровѣ Каттіаваръ, гдѣ они мало-по-малу распространились въ торговыхъ городахъ морскаго прибрежья. Не смотря на всѣ преслѣдованія, они обогатились, благодаря связывающему ихъ духу солидарности, и теперь парсы, живущіе въ Бомбеѣ и въ другихъ портахъ морскаго берега, безъ сомнѣнія, превосходятъ числомъ тѣхъ несчастныхъ бѣглецовъ, которымъ удалось спастись отъ мусульманскаго меча; въ то время, какъ общины парсовъ, живущихъ въ отдаленныхъ округахъ Ирана, состоятъ едва изъ четырехъ или пяти тысячъ душъ, онѣ заключаютъ теперь, по меньшей мѣрѣ, 80.000 лицъ въ Англо-индійской имперіи, включая сюда и торговыя колоніи, основанныя подъ британскимъ флагомъ во всѣхъ портахъ крайняго Востока. Въ 1872 году парсовъ насчитывалось:

Въ Бомбейскомъ президентствѣ.	66.498	душъ.
„ государствѣ Барода	7.238	„
„ „ Бенгаліи	1.123	„
„ Дамаонѣ	170	„

Пропорціонально своему числу, парсы сосредоточили въ своихъ рукахъ долю капиталовъ, далеко превышающую долю всѣхъ другихъ національностей, представленныхъ въ Индіи. Нѣкоторые изъ ихъ банкировъ принадлежатъ къ самымъ могущественнымъ финансовымъ тузамъ во всемъ свѣтѣ и направляютъ большею частью крупныхъ предпріятій въ Бомбеѣ; даже въ Лондонѣ можно встрѣтить великолѣпныя зданія, обязанныя своимъ происхожденіемъ щедрости парсовъ-милліонеровъ. Забывъ основательно свой древній языкъ, зендскій, и не понимая даже смысла своихъ молитвъ, парсы, говорящіе теперь единственно гудзератскимъ и англійскимъ діалектами, сохранили и отъ своей религіи только одни символы и формулы. Они поклоняются солнцу и огню, и подобно намирскимъ галчамъ, заботливо соблюдаютъ правило, чтобы никогда не гасить пламя посредствомъ задуванія, считая свое дыханіе нечистымъ; большинство ихъ сохранило свой старинный костюмъ, даже высокую, загнутую на бокъ, шапку, покрытую клеенкой; но нѣкоторыя церемоніи,

какъ, напримѣръ, омовенія въ коровьей мочѣ, уже вышли изъ употребленія. Мало-по-малу, культъ парсовъ или парсизмъ преобразовывается въ неопредѣленный деизмъ и въ кодексъ нравственности, который главными добродѣтелями признаетъ благотворительность и правдивость; между парсами, англійскими унитаріанцами и индусскими сектаторами брама-самаджа нѣтъ никакой существенной разницы въ религіозномъ отношеніи, кромѣ разницы формъ. Что всего яснѣе отличаетъ первыхъ, т. е. парсовъ-огнепоклонниковъ, въ глазахъ толпы—это ихъ погребальные обряды. Въ Бомбеѣ, также какъ въ Карачи и во всѣхъ городахъ, гдѣ находятся ихъ общины, существуютъ *дахмы*, обыкновенно называемыя „башнями молчанія"; это погребальницы, на верхушку которыхъ кладутъ покойниковъ, выставляя ихъ такимъ образомъ на съѣденіе коршунамъ; разлагающееся человѣческое мясо, по вѣрованію парсовъ, не должно осквернять ни земли, ни воды, ни особенно огня, стихіи по преимуществу священной. Смертные останки человѣка, пожираемые хищными птицами, тотчасъ же вступаютъ опять въ вѣчный круговоротъ жизни.

Потомки смѣшанныхъ португальцевъ, поселившихся въ портовыхъ городахъ Конкана въ эпоху завоеванія, далеко не занимаютъ такого счастливаго положенія между народностями морскаго берега, какъ парсы. Однако, и между ними есть такіе, которые образованіемъ или богатствомъ открыли себѣ двери въ европейское общество; большинство этихъ метисовъ, канцелярскіе чиновники, писцы, переводчики, служатъ посредниками европейцамъ и туземцамъ. Негры невольники, которыхъ португальцы привозили въ свои колоніи изъ Африки, тоже оставили послѣ себя потомство, которое разнообразно смѣшалось съ дѣтьми другихъ чернокожихъ, пришедшихъ, какъ морскіе разбойники, съ Сомальскаго берега. Очень многія семейства приписываютъ себѣ также абиссинское происхожденіе. По преданію, одинъ эѳіонскій купецъ получилъ, въ 1489 году, позволеніе выгрузить триста ящиковъ на берегъ острова Джанджира, находящагося въ 75 километрахъ къ югу отъ Бомбея. Каждый изъ этихъ ящиковъ содержалъ въ себѣ солдата. Эти триста человѣкъ овладѣли островомъ и укрѣпленіемъ на сосѣднемъ берегу материка и вскорѣ образовали республику пиратовъ. Сдѣлавшись могущественными, джанджирскіе абиссинцы стали союзниками королей и императоровъ; при императорѣ Ауренгзебѣ имъ было поручено принять подъ свое покровительство портъ Суратъ и магометанскихъ пилигримовъ, предпринимающихъ паломничество въ Мекку: княжескія фамиліи острова Джанджира и Джаффарабада, въ Каттіаварѣ, производятъ свой родъ отъ этихъ смѣлыхъ завоевателей пятнадцатаго столѣтія. Сами они называютъ себя хабши, но обыкновенно ихъ смѣшиваютъ, подъ именемъ сиди, или „господъ", съ туземцами африканскаго происхожденія.

Другіе магометане этого края, почти всѣ сунниты, заключаютъ,

кромѣ индусовъ, нѣкогда обращенныхъ въ исламъ добровольно или по принужденію, афганцевъ, персіянъ, турокъ, арабовъ. Купцы этой религіи соединены въ отдѣльныя корпораціи, называемыя борахъ, ходжахъ, мемонъ, и ведутъ торговлю преимущественно съ портами Персидскаго залива, Краснаго моря и восточнаго берега Африки. Индусскіе негоціанцы, или баніахъ, часто называемые за границей баньянами, торгуютъ съ тѣми же странами; ихъ можно встрѣтить во всѣхъ портахъ африканскаго побережья, особенно въ Занзибарѣ. Въ самомъ Бомбеѣ они дѣлятся на два класса, смотря по происхожденію: одни—баніахи въ собственномъ смыслѣ, уроженцы Гудзерата; другіе — тѣ марвары изъ Раджпутаны, которые монополизировали движеніе торговаго обмѣна во многихъ мѣстностяхъ Индіи.

Городъ Барода, самый многолюдный во всемъ полуденномъ Гудзератѣ, расположенъ на обоихъ берегахъ рѣчки Висвамитри, маленькаго южнаго притока рѣки Маги; онъ окруженъ обширными предмѣстьями, которыя увеличиваютъ, по крайней мѣрѣ, вдвое его протяженіе. Столица туземнаго государства, если не вполнѣ независимаго, то, по крайней мѣрѣ, освобожденнаго отъ платежа дани, Барода—городъ дворцовъ, резиденція одного изъ богатѣйшихъ туземныхъ государей Индіи, который, все еще давая себѣ титулъ своихъ маратскихъ предковъ, гайкваръ, или „охранитель скота" [1]), щеголяетъ своими алмазами, драгоцѣнными тканями, своею блестящею свитой, своими празднествами и царскими охотами. Барода—одинъ изъ рѣдкихъ городовъ Индіи, гдѣ еще даются, для увеселенія двора, бои слоновъ и носороговъ. Хотя главный городъ „самодержавнаго" государства, имѣющаго свою регулярную армію и свою артиллерію, пушки и батареи, Барода, тѣмъ не менѣе, состоитъ подъ надзоромъ англійскихъ кантонементовъ, которыми командуетъ британскій резидентъ. Окрестности этой столицы густо населены: въ 24 километрахъ на юго-востокъ, городъ Дабхой, древній Дхарбхавати, еще окруженъ валомъ въ три километра въ окружности и около 15 метровъ высотой, внутри котораго находятся галлереи съ колоннами, служившія прежде казармами. На юго-западѣ, городъ Джамбусаръ производилъ прежде значительную морскую торговлю черезъ лиманъ Танкаріа, впадающій въ Камбейскій заливъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги эта каботажная торговля почти прекратилась, но Джамбусаръ все еще имѣетъ важное значеніе, какъ промышленный городъ и складочное мѣсто хлопка.

Баручъ, или Брочъ, какъ его называютъ англичане—древній городъ, о которомъ упоминаютъ уже греческіе географы подъ именемъ Баригаза [2]). Построенный на пригоркѣ, около двадцати метровъ высотой,

---

[1]) *L. Rousselet* „L'Inde des Rajahs".
[2]) *Carl Ritter* „Asien"; *Ernest Desjardins*, рукописныя замѣтки.

и по скатамъ этого холма, Баручъ господствуетъ своими живописными зданіями надъ правымъ берегомъ Нарбады, черезъ которую проходитъ желѣзнодорожный мостъ, имѣющій 1.256 метровъ въ длину и состоящій изъ 67 пролетовъ. Городъ часто былъ разрушаемъ, но послѣ каждаго разгрома опять отстраивался на томъ же мѣстѣ, занимающемъ такое счастливое положеніе на большомъ историческомъ пути морскаго прибрежья и выше уровня наводненій. Нѣкогда этотъ городъ имѣлъ весьма важное промышленное значеніе по своимъ фабрикамъ, производившимъ „лучшія въ свѣтѣ матеріи“, какъ говорили португальскіе завоеватели; оттого англичане и голландцы основали свои конторы въ городѣ на рѣкѣ Нарбадѣ, чтобы пользоваться выгодами отпускной торговли, которая производилась изъ Баруча ко всѣмъ берегамъ Индійскаго океана, отъ Момбаза до Суматры. Но введеніе однородныхъ фабрикатовъ европейскаго производства подорвало мѣстную промышленность, и населеніе уменьшилось въ числѣ; въ послѣднее время оно снова увеличилось, благодаря культурѣ хлопка, который собирается въ значительныхъ количествахъ въ сосѣдней равнинѣ и который отправляется по желѣзной дорогѣ въ Бомбей. Археологи полагаютъ, что „мурринскія вазы“, упоминаемыя Плиніемъ, были агатовыя чаши, которыя привозились въ Римъ изъ Баригазы [1]); Тевено тоже говоритъ о важности торговли этими сосудами въ эпоху посѣщенія имъ края. Главные пріиски агата и яшмы находятся въ Раттампурѣ, километрахъ въ двадцати къ востоку отъ Баруча; но въ настоящее время экономическая цѣнность ихъ, должно быть, не очень значительна, если судить по арендной платѣ, которая составляетъ всего только 7.000 франковъ въ годъ. Рудокопы разработываютъ желѣзистые пласты агата, дѣлая въ нихъ норы, „какъ кролики въ садкѣ“, но во время муссона они принуждены прекращать свои работы, и подкопанные пласты обваливаются [2]). Морская торговля Баруча ограничивается теперь простымъ каботажемъ съ ближайшими портами: большое судоходство совершенно прекратилось.

Обороты морской торговли Баруча въ среднемъ выводѣ:

Въ періодъ съ 1837 по 1847 гг. . . .	28.750.000 франк.
Въ 1874 г.	9.820.000 „

Замѣчательнѣйшая рѣдкость природы, въ окрестностяхъ Баруча, существуетъ теперь уже въ состояніи развалинъ: это индійская смоковница на одномъ изъ острововъ рѣки Нарбады, выросшая, какъ гласитъ легенда, изъ зубочистки, которую обронилъ одинъ мудрецъ во времена глубокой древности. Въ 1780 году это гигантское дерево, составлявшее предметъ удивленія для всѣхъ путешественниковъ, образовало одно

[1]) *Birdwood* „The industrial arts of India“.
[2]) *Copeland* „Transactions of the Literary Society of Bombay“, vol I.

цѣлый лѣсъ, состоявшій изъ 350 большихъ стволовъ и изъ 3.000 второстепенныхъ столбовъ; пространство, покрываемое вѣтвями центральнаго ствола, охватывало окружность въ 600 метровъ.

Суратъ или Сюратъ занимаетъ, на южномъ берегу рѣки Тапти, положеніе, аналогичное съ положеніемъ Баруча на берегу Нарбады. Прославившись гораздо позднѣе, такъ какъ о немъ впервые заговорили только въ эпоху магометанскихъ нашествій, онъ получилъ впослѣдствіи первостепенную важность въ торговомъ отношеніи; въ концѣ семнадцатаго столѣтія онъ былъ самымъ дѣятельнымъ рынкомъ Индіи и мѣстомъ посадки на корабль для мусульманскихъ пилигримовъ, отправлявшихся на поклоненіе Каабѣ. Суратъ былъ, такъ сказать, „дверью Мекки". Вслѣдъ за португальскими конторами, въ городѣ появились другія европейскія поселенія, факторіи англичанъ, французовъ, голландцевъ; въ эпоху муссона наплывъ торговаго люда былъ такъ великъ, что опоздавшіе не находили себѣ помѣщенія [1]). Къ концу восемнадцатаго столѣтія Суратъ былъ самымъ многолюднымъ городомъ Полуострова; число его жителей опредѣляли въ 800.000 душъ; но обмелѣніе порта отъ заноса иломъ, конкурренція Бомбея, сдѣлавшагося столицей англійскихъ владѣній въ Индіи, войны, наводненія, большой пожаръ, истребившій слишкомъ 9.000 домовъ,—всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства привели городъ къ упадку; въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія онъ насчитывалъ уже только 80.000 жителей въ своихъ стѣнахъ. Теперь онъ опять поднимается постепенно, и отъ центральной группы домовъ, окружающей крѣпкій зàмокъ или кремль, отдѣляются новые кварталы, разростающіеся, съ одной стороны, по направленію къ городу Рандеръ, съ другой—по направленію къ англійскимъ кантонементамъ. Старинная мѣстная промышленность, выдѣлка дорогихъ тканей, вышитыхъ шелкомъ, золотомъ и серебромъ, снова достигла значительнаго развитія, а примѣненіе пара облегчило основаніе прядильныхъ мануфактуръ и другихъ фабрикъ для переработки хлопчатобумажнаго волокна; здѣсь-то преимущественно фабрикуются передники или лангути, отправляемые въ Сіамское королевство [2]). По торговлѣ серебромъ негоціанты парсы, очень многочисленные въ Суратѣ, и индусы баніахи, или баньяны, находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ торговыми домами всего свѣта; но, также какъ и Баручъ, Суратъ лишился своей морской торговли, и его портъ Сували представляетъ теперь простую деревню, передъ которою останавливаются только маленькія каботажныя суда, поднимающія, среднимъ числомъ, не болѣе 18 тоннъ груза. Въ 1801 году обороты морской торговли Сурата простирались до 26.080.000 франк., а въ 1874 г. цѣнность ихъ составляла

[1]) *Thévenot* „Voyage aux Indes orientales".
[2]) „Journal officiel" 28 fevrier 1881.

уже только 6.840.000 франк. Франція имѣетъ еще въ Суратѣ небольшую факторію, гдѣ она пользуется всѣми правами верховной власти.

На югѣ, на дорогѣ въ Бомбей, слѣдуютъ одинъ за другимъ города Носари, населенный въ бо̀льшей части трудолюбивыми парсами, и Бульсаръ, фабричный городъ, имѣющій маленькій каботажный портъ. Далѣе встрѣчаемъ, къ западу отъ желѣзной дороги, португальскій городъ Дамао или Даманъ, раздѣленный на двѣ части устьемъ рѣки Даманъ-Ганга; суда, грузовмѣстимость которыхъ превышаетъ 300 тоннъ, могутъ переходить черезъ баръ во время прилива и бросать якорь передъ набережными города. Въ прежнее время даманскія верфи поставляли судохозяевамъ отличныя суда, построенныя изъ тековаго дерева; но эта промышленность давно уже прекратилась, также какъ и торговля опіумомъ, монополизированная англійскимъ правительствомъ. Взамѣнъ того, несостоятельные должники и банкроты изъ Бомбея обыкновенно отправляются искать себѣ убѣжища въ португальскомъ городѣ. Совокупность территоріи Дамао заключаетъ въ двухъ черезполосныхъ владѣніяхъ около сорока деревень. Что̀ касается города Бассаинъ, который принадлежалъ Португаліи съ 1534 года, за двадцать четыре года до пріобрѣтенія Дамао, то онъ былъ отнятъ у нея два столѣтія спустя маратгами; отъ этого „города благородныхъ“, который былъ расположенъ на островномъ мысу, остались только кое-какія развалины дворцовъ, церквей, монастырей, валовъ, и гробница Альбукерка.

Бомбей, торговый преемникъ всѣхъ магометанскихъ и португальскихъ городовъ Гудзерата и Конкана, находится не на материкѣ; онъ занимаетъ южную оконечность маленькаго архипелага, защищающаго съ западной стороны широкую бухту, гдѣ стоятъ на якорѣ корабли въ безопасности отъ страшнаго муссона; потому, казалось бы, естественнѣе всего производить имя города отъ словъ „Хорошая бухта“ (по-французски Bonne baie, по-португальски Bôa bahia); однако, португальцы дали ему сначала названіе Монбаймъ или Бомбаймъ, которое примѣнялось также ко всей сосѣдней мѣстности и въ которомъ заключается имя богини Мумба, покровительницы страны [1]). Узкій островъ, имѣющій въ длину немного болѣе 16 километровъ, на которомъ построенъ Бомбей, теперь самый многолюдный городъ во всей Южной Азіи и первый, послѣ Лондона, въ англійскихъ владѣніяхъ, часто мѣнялъ свою форму. Онъ состоитъ изъ базальтовыхъ скалъ, расположенныхъ двумя параллельными грядами по направленію съ сѣвера на югъ и соединенныхъ песчаными насыпями, ограничивающими глинистую равнину. Прежде, морскіе приливы, пройдя внѣшніе плоскіе берега, проникали часто между базальтовыми грядами и раздѣляли ихъ на второстепенные островки; случалось даже, что рѣка

[1]) *Yule* „The book of ser Marco Polo“.

Гоперъ, текущая на сѣверѣ на островѣ Сальсетта, катила во время разливовъ массу воды довольно значительную, чтобы моментально наполнить проливъ своими твердыми наносами и броситься въ полуденную бухту острова. Въ наши дни, при помощи искусственныхъ сооруженій, берега урегулированы и получили окончательную форму, которая, впрочемъ, не отличается такимъ изяществомъ очертаній, какъ естественные контуры. Земляныя насыпи, покрытыя домами или верфями, заняли мѣсто прежнихъ мелей, и шоссированныя дамбы соединили Бомбей съ Сальсеттой, а Сальсетту съ материкомъ; такимъ образомъ, островъ превратился въ полуостровъ.

Исторія Бомбея начинается со времени уступки острова Англіи въ 1661 году. Король португальскій Іоаннъ IV подарилъ его Карлу II, королю англійскому, какъ приданое за своею дочерью Екатериной, а Карлъ II уступилъ это территоріальное пріобрѣтеніе остъ-индской компаніи, подъ условіемъ уплаты номинальной ренты въ размѣрѣ 250 франковъ въ годъ. Въ видахъ скорѣйшаго заселенія острова, онъ былъ объявленъ мѣстомъ убѣжища, и бѣглецы тотчасъ же стали стекаться со всѣхъ сторонъ; спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ прибытія англичанъ, Бомбей, говорятъ, имѣлъ уже до 60.000 жителей. Однако, новый городъ не могъ получить первостепенной важности, пока сосѣдніе острова принадлежали Португаліи и дорога морскаго прибрежья оставалась подъ господствомъ могущественныхъ туземныхъ властителей. Онъ сдѣлался для европейцевъ истиннымъ порогомъ Индіи только послѣ паденія маратской династіи и присоединенія ея земель къ владѣніямъ остъ-индской компаніи. Уже въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія большая дорога подпималась длинными изгибами къ проходу Боръ-Гатъ, открывая такимъ образомъ бомбейскимъ купцамъ торговлю внутреннихъ плоскогорій; въ 1838 году была установлена правильная почтовая служба для пересылки корреспонденціи между Лондономъ и Бомбеемъ черезъ Суэзскій перешеекъ; затѣмъ линіи пароходства соединили главный портъ Конкана съ Англіей, а съ 1853 года открылся, изъ Бомбея въ Тану, первый построенный въ Индіи участокъ рельсоваго пути, начало желѣзнодорожной сѣти, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сближаетъ свои звѣнья, развѣтвляясь по всему Полуострову. Наконецъ, со времени прорытія Суэзскаго канала Бомбей находится въ прямомъ сообщеніи съ Европой; линіи паровыхъ пакетботовъ, подводный электрическій телеграфъ—вотъ тѣ нити, которыя связываютъ Великобританію съ Англо-индійскою имперіей.

Періодъ сѣверо-американской междоусобной войны, съ 1860 по 1865 годъ, былъ для Бомбея эпохой баснословнаго процвѣтанія. Купцы стекались туда массами, чтобы пріобрѣсти себѣ долю изъ несметныхъ богатствъ, приливавшихъ въ бомбейскіе банки; вся окружающая страна превратилась въ необозримое поле хлопчатника, по дорогамъ тянулись

безконечные обозы, подвозившіе земледѣльческіе продукты къ порту, набережныя не могли вмѣщать груды товаровъ. Новые кварталы выростали точно грибы; никакая спекуляція не казалась слишкомъ смѣлою. Городъ готовился уже соперничать съ столицей метрополіи, какъ вдругъ возстановленіе мира въ Америкѣ положило конецъ быстрому процвѣтанію его торговли; это было для бомбейскихъ коммерсантовъ моментомъ внезапнаго разстройства, и дѣла сразу пріостановились. Но послѣ катастрофы, послѣ слѣдовавшаго за нею періода застоя и упадка духа предпріимчивости, городъ снова сталъ возрастать, продолжать свои набережныя, устраивать новые доки, ассенировать окружающія болота, застраивать виллами окрестные холмы. Въ настоящее время занимаются въ особенности возвышеніемъ грунта равнины, называемой *Flats*, которая простирается на сѣверо-западной сторонѣ Бомбея, и преобразованіемъ одной ея части въ фабричный городъ, тогда какъ остальное пространство будетъ превращено въ бульвары и сады и сдѣлается однимъ изъ лучшихъ публичныхъ гульбищъ Индіи. И дѣйствительно, давно пора уничтожить всѣ гнѣзда вредныхъ міазмовъ и разсадники заразы, которые существуютъ еще въ непосредственномъ сосѣдствѣ Бомбея и по милости которыхъ этотъ городъ такъ долго пользовался вполнѣ заслуженною репутаціей очень нездороваго мѣста. По свидѣтельству путешественника Фрайера, смертность похищала, въ семнадцатомъ столѣтіи, пять-шестыхъ европейцевъ, поселившихся въ этой мѣстности: „два муссона составляютъ здѣсь жизнь человѣка!"—такова была мало успокоительная поговорка, которую повторяли новоприбывшимъ. Эндемическая болѣзнь, отъ которой погибало большинство иностранцевъ, была извѣстна подъ именами „китайской смерти" (mort de Chine), или „собачьей смерти" (mort de chien), невольная игра словъ, напоминающая конканское названіе *мордачи*, означающее холеру [1]). Въ наши дни Бомбей одинъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ Индіи, далеко превосходящій въ этомъ отношеніи Калькутту, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между городами, гдѣ ведется правильная статистика смертности. Не смотря на свое положеніе на маленькомъ островѣ, онъ снабжается въ изобиліи чистой водой, благодаря Гоперу, главной рѣкѣ острова Сальсетта, которую перехватили всю цѣликомъ, образовавъ искусственное озеро Вехаръ, площадь котораго равняется 560 гектарамъ; стокъ этого озера, регулируемый шлюзами, проходитъ черезъ проливъ по земляной насыпи. Вода проведена въ *баоли*, многоэтажные резервуары, которыхъ галлереи съ колоннами сообщаются одна съ другою посредствомъ монументальныхъ лѣстницъ.

Съ восточной стороны острова, изъ внутренней гавани, Бомбей представляетъ великолѣпное зрѣлище. Миновавъ подводныя скалы и

[1]) *W. Hunter* „Imperial Gazetteer of India".

длинный полуостровъ Колаба, затѣмъ обогнувъ цитадель, построенную на мѣстѣ старой крѣпости, но заключающую въ своихъ стѣнахъ только присутственныя мѣста да купеческія конторы, днемъ наполненныя торговымъ людомъ, а ночью совершенно опустѣлыя, корабль бросаетъ якорь передъ новымъ городомъ. На югѣ, кварталы англійской постройки представляютъ, на обширномъ протяженіи эспланады, рядъ богатыхъ фасадовъ, менѣе претенціозныхъ, чѣмъ калькуттскіе дворцы, но болѣе импонирующихъ своими размѣрами. Однако, всѣ эти высокія британскія зданія, неискусныя подражанія „венеціанско-готическаго“ и „ломбардскаго“ стилей, совсѣмъ не гармонируютъ съ окружающею растительностью и далеко уступаютъ въ изяществѣ и живописности индусскимъ домамъ съ ихъ столбами изъ рѣзнаго дерева, ярко раскрашенными балконами, крышами въ формѣ навѣса; пагоды, увѣнчанныя высокими тіарами съ разноцвѣтными боками, поднимаются надъ группами кокосовыхъ пальмъ; нѣтъ ни одного строенія, которое не отличалось бы какими-нибудь особенностями формъ и красокъ. Большія улицы загромождены экипажами всякаго рода: тутъ увидишь и массивные омнибусы, лошади которыхъ имѣютъ на головѣ, для защиты отъ солнца, шапку изъ древесной сердцевины, и щегольскія коляски, быстро увлекаемыя арабскими или маратскими конями, и кареты, запряженныя быками-рысаками, у которыхъ горбъ трясется на загривкѣ, и тяжелыя телѣги, громыхающія своими толстыми колесами. Священныя коровы разгуливаютъ на свободѣ, подбирая отброски овощей вокругъ рынковъ. Всѣ расы Стараго Свѣта имѣютъ своихъ представителей въ пестрой толпѣ, толкущейся и снующей на улицахъ и площадяхъ Бомбея. Индусы, матросы всевозможныхъ національностей, негры, европейцы, метисы, одни черные какъ уголь, другіе бронзовые, желтые или бѣлые, иные величаво драпированные, другіе съ обнаженнымъ торсомъ, или совсѣмъ голые, прикрытые только передникомъ. Нѣкоторыя изъ внѣшнихъ деревень словно затеряны среди лѣсовъ; таково, напримѣръ, село Магимъ, на сѣверо-восточной сторонѣ острова, гдѣ тропическая растительность является еще во всей своей силѣ и красѣ, какъ во времена, предшествовавшія европейской колонизаціи. На юго-западѣ тянется длинный базальтовый полуостровъ Малабаръ-Гилль, гдѣ дороги извиваются подъ шатромъ пальмовыхъ и манговыхъ деревьевъ, между загородными виллами и дачами, и постоянно въ виду круга морскаго прибоя. Между полуостровомъ Малабаръ-Гилль и собственно городомъ развертывается длинный плоскій берегъ бухты Бакбай, гдѣ по ночамъ блеститъ свѣтъ отъ печей, назначенныхъ для сожиганія труповъ.

Какъ торговый центръ, Бомбей мало имѣетъ соперниковъ въ Азіи; обороты его внѣшней торговли превышаютъ, по цѣнности, милліардъ франковъ каждый годъ. Манчестеръ теперь ежегодно спрашиваетъ у Конкана хлопка-сырца только на сумму около 250 милліоновъ франковъ,

т. е. треть того количества, какое онъ покупалъ во время американской междоусобной войны. Такимъ образомъ, Бомбей утратилъ свою первенствующую роль, какъ экспедиціонный портъ по вывозу хлопка, но за то онъ пріобрѣлъ большую важность по торговлѣ хлѣбомъ; въ настоящее время онъ соперничаетъ съ черноморскими портами по снабженію хлѣбными продуктами населеній Западной Европы; такъ, напримѣръ, въ 1881 году онъ отправилъ заграницу 467.000 тоннъ хлѣба. Бомбей въ то же время одинъ изъ складочныхъ пунктовъ для опіума, посылаемаго въ Китай, и отпускная торговля этимъ продуктомъ составляетъ почти исключительную монополію одного изъ его торговыхъ домовъ. Предметы вывоза оплачиваются, главнымъ образомъ, хлопчатобумажными издѣліями, но значительная часть покупокъ должна быть оплачиваема Англіей драгоцѣннымъ металломъ въ видѣ монеты и слитковъ, которые затѣмъ распредѣляются по всѣмъ странамъ Индіи.

Внѣшняя торговля Бомбея и маленькихъ сосѣднихъ портовъ въ теченіе фискальнаго 1879—1880 года:

Вывозъ	553.553.850	франк.
Привозъ.	596.363.450	»
Общее движеніе обмѣна. . .	1.149.917.300	франк.

Движеніе судоходства въ бомбейскомъ портѣ, по размѣрамъ, уступаетъ движенію портовъ Лондона, Ливерпуля, Антверпена, Марсели, но нѣсколько превосходитъ движеніе калькуттскаго порта. Общее количество грузовъ, прошедшихъ черезъ бомбейскій портъ въ 1879—1880 году, не считая каботажнаго судоходства, простиралось до 2.200.000 тоннъ. Движеніе судоходства въ этомъ портѣ въ 1876 году, включая сюда и каботажъ: 80.298 судовъ въ приходѣ и отходѣ, общая грузовмѣстимость которыхъ составляла 3.071.450 тоннъ. Внутренняя торговля города питается отчасти мѣстною промышленностью. Многочисленные рабочіе занимаются фабрикаціей различныхъ мѣдныхъ издѣлій, приготовленіемъ и окраской тканей. Центръ отпускной торговли хлопкомъ, Бомбей стремится даже соперничать съ Манчестеромъ въ отношеніи производства ситцевъ и другихъ набивныхъ бумажныхъ тканей; уже въ 1877 году имъ было употреблено для переработки свыше 30.000 тоннъ хлопчатобумажнаго волокна въ собственныхъ бумагопрядильняхъ, число которыхъ теперь доходитъ до тридцати и которыя всѣ вмѣстѣ имѣютъ около милліона веретенъ и до 8.000 ткацкихъ станковъ, а между тѣмъ, только въ 1863 году была основана первая мануфактура этого рода, открывшая собою эру промышленной конкурренціи Индіи съ Великобританіей [1]). Бомбей имѣетъ даже нѣкоторую важность, какъ мѣсто земледѣльческаго

[1]) „Fortnightly Review", June 1876.

ДЕФИЛЕ МЕЖДУ МРАМОРНЫМИ ГОРАМИ.

производства, благодаря своимъ рисовымъ плантаціямъ, своимъ садамъ и рощамъ кокосовыхъ пальмъ. Фабрикація пальмоваго вина и другихъ напитковъ того же происхожденія занимаетъ большое число рабочихъ рукъ.

Заключая въ своемъ населеніи менѣе европейцевъ, чѣмъ Калькутта и даже чѣмъ Мадрасъ, Бомбей, почти всецѣло поглощенный интересами своей торговой дѣятельности, не такъ богатъ, какъ столица Индіи, научными учрежденіями. Географическое общество, основанное въ 1841 году, прекратило свое существованіе, но Азіатское общество, возникшее ранѣе географическаго, продолжаетъ рядъ своихъ драгоцѣнныхъ изданій. Въ Бомбеѣ находится главная метеорологическая обсерваторія Полуострова, поставленная въ исключительно благопріятныя условія для изученія явленій муссона. Также какъ и Калькутта, городъ Конкана имѣетъ общественные парки и мѣста гулянья, но самый любопытный его зоологическій садъ—это скотскій госпиталь или богадѣльня, гдѣ на средства, доставляемыя благотворительностью вѣрующихъ, содержатся старыя или больныя животныя, быки и коровы, обезьяны, собаки и кошки, птицы и даже змѣи.

Какъ всѣ города англійской Индіи, Бомбей дополняется второстепенными городами или пригородами, которые служатъ его населенію мѣстами дачной жизни. Самый оживленный изъ этихъ лѣтнихъ городовъ, санаторій Матеранъ, расположенный на высотѣ 749 метровъ, на холмѣ, совершенно отдѣленномъ отъ цѣпи Гатскихъ горъ размытою водами долиной, по дну которой бѣжитъ рѣка Уласъ. Выступы и склоны этого уединеннаго массива, въ лѣсахъ котораго, еще въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, бродили только рѣдкіе дикари, теперь усѣяны многочисленными виллами и дачами бомбейскихъ жителей. Менѣе чѣмъ въ четыре часа путешественники, отправляющіеся изъ Бомбея, могутъ достигнуть вершины Матеранскаго холма; выѣхавъ по дневной жарѣ, они любуются съ горы закатомъ солнца, которое медленно опускается надъ водяною равниной порта, освѣщая огненными линіями контуръ береговъ и профиль башенъ. Городъ Тана, центръ управленія округомъ того же имени и главный городъ острова Сальсетта или Шасти, служитъ мѣстомъ пребыванія для многочисленныхъ купцовъ и чиновниковъ; расположенный на восточномъ берегу острова, почти насупротивъ устья рѣки Уласъ, онъ сообщается съ портомъ и посредствомъ пароходовъ, и посредствомъ желѣзной дороги. Въ сосѣдствѣ, въ Кангери, открываются въ одномъ известковомъ холмѣ пещеры, гдѣ изсѣчены храмы, происхожденіе которыхъ восходитъ къ первымъ временамъ общепринятой эры и которые нѣкогда пользовались величайшею славой у буддистовъ; находящіяся тамъ же позднѣйшія святилища не имѣютъ уже никакихъ слѣдовъ культа Будды и украшены браманскими символами. Это въ джунгляхъ Сальсетты Жакмонъ былъ отравленъ міазмами болотъ; несчастный

путешественникъ успѣлъ только велѣть перевезти себя въ Бомбей, по прибытіи куда тотчасъ же и умеръ. Въ окрестностяхъ города Тана существуютъ теплые ключи, бьющіе изъ каменистаго ложа одного ручья.

Другіе священные гроты, болѣе знаменитые и, по причинѣ близости къ Бомбею, болѣе посѣщаемые, чѣмъ религіозныя пещеры Кангери, находятся въ Гарапури, или „Городѣ Вертеповъ", на островкѣ Элефанта или Дева-деви, „Островъ боговъ", лежащемъ посреди рейда, къ востоку отъ Бомбея; названіе это дано островку отъ сильно попорченной временемъ группы изваяній, которая представляла слона, аттакованнаго тигромъ. Въ толщѣ холма открываются четыре грота, осѣненные надъ преддверіемъ мелкимъ кустарникомъ, перемѣшаннымъ съ вьющимися растеніями; у оконечности главнаго святилища высится колоссальная фигура Сивы подъ его тремя символическими формами творца, хранителя и разрушителя, изображенія котораго находятся также и въ другихъ подземныхъ храмахъ. Бомбейскіе индусы, особенно баніахи (купцы), приходятъ еще въ нѣкоторые праздники отправлять тамъ обрядности своего культа. Происхожденіе священныхъ пещеръ островка Элефанты относится, вѣроятно, къ десятому, быть можетъ, даже къ восьмому или девятому столѣтію нашего лѣтосчисленія[1]), и ихъ чудовищныя изваянія, очень интересныя въ научномъ отношеніи, съ теогонической точки зрѣнія, имѣютъ, по большей части, безобразный, отталкивающій видъ; но контрастъ ярко освѣщенной наружной природы и торжественнаго мрака подземныхъ храмовъ съ ихъ колоннами, гнущимися подъ тяжестью скалы, производитъ глубокое впечатлѣніе. Одинъ изъ этихъ храмовъ совершенно обрушился. Подземныя капища сгруппированы въ большемъ числѣ въ окрестностяхъ Бомбея, у подошвы Гатскихъ горъ и на сосѣднемъ плоскогорьѣ, чѣмъ во всякой другой области Полуострова; внѣ сѣверо-западнаго угла Гатскихъ горъ памятники этого рода, буддійскіе или браманскіе, встрѣчаются все рѣже и рѣже въ восточномъ направленіи.

Древняя столица Конкана, Каліанъ, пользовавшаяся большою славой уже за много вѣковъ до того времени, когда стало извѣстно имя Бомбея, представляетъ теперь незначительный торговый портъ, и только мелкія суда поднимаются по извилистому теченію рѣки Уласъ до ея набережныхъ (обороты внѣшней торговли каліанскаго порта впродолженіи фискальнаго 1873—1874 года составляли, по цѣнности, 7.858.800 франковъ); но этотъ городъ въ послѣднее время снова получилъ нѣкоторую важность, какъ мѣсто раздѣленія двухъ главныхъ желѣзныхъ путей Индіи, которые направляются одинъ къ Калькуттѣ, другой къ Мадрасу. Окрестныя мѣстности усѣяны развалинами древнихъ памятниковъ; одна изъ

[1]) *Fergusson* „Rock-cut Temples of India"; *Burgess* „The Rock Temples of Elephanta".

самыхъ замѣчательныхъ—это руины Амбернатскаго храма, отъ котораго уцѣлѣли только порталъ и нижняя часть зданія, отличающіеся необыкновеннымъ изяществомъ и отчетливостью скульптурной работы; тысячи фигурокъ, словно живыя, лѣпятся на кордонахъ и колонкахъ камня[1]).

Къ югу отъ Бомбея, населеніе, состоящее въ бо̀льшей части изъ рыбаковъ, къ которымъ примѣшиваются потомки пиратовъ, сгруппировалось преимущественно на берегу моря; города и деревни раскинули свои дома̀ вдоль морскаго берега, подъ группами кокосовыхъ пальмъ. Алибагъ, бывшій притонъ корсаровъ, хорошо извѣстенъ мореходамъ по причинѣ сосѣдняго островка Колаба, гдѣ въ былое время кораблекрушители занимались своимъ промысломъ. Говорятъ, что Алибагъ построенъ изъ дерева разбившихся судовъ. Джанджира или Джезире, какъ называютъ его арабы, былъ „островъ" по преимуществу для приморскаго населенія, нѣкогда могущественнаго, которое признавало власть абиссинскихъ государей; евреи, или „Бени-Израэль" (сыны Израиля), поселившіеся здѣсь съ незапамятныхъ временъ, тоже составляютъ маленькую особенную группу въ этой области Конкана. Маленькое туземное государство, насчитывающее всего около 70.000 жителей, которому островъ Джанджира далъ свое имя и столица котораго—сосѣдній городъ Раджпури, тоже носитъ названіе Габсанъ, или „Абиссинія". Въ рукахъ англичанъ рейдъ и портъ Джанджира могли бы сдѣлаться одною изъ лучшихъ пристаней на опасномъ берегу Конкана; суда, не имѣя надобности проходить черезъ баръ, находятъ тамъ болѣе 6 метровъ глубины при низкомъ стояніи воды. Портъ Банкотъ, на широкомъ лиманѣ рѣки Савитри, и портъ Ратнагири, на берегу зыбкой бухты, по размѣрамъ своихъ торговыхъ оборотовъ, превосходятъ алибагскій портъ: годовое движеніе торговаго обмѣна въ первомъ изъ нихъ простирается, среднимъ числомъ, до 2.700.000, а во второмъ до 7.700.000 франковъ; кромѣ того, Ратнагири производитъ очень дѣятельную рыбную ловлю, и сотни барокъ бросаютъ свои сѣти тотчасъ же за чертой морскаго прибоя. Ратнагири, городъ эмигрантовъ, нанимаетъ тысячи кулієвъ для острововъ св. Маврикія и Соединенія, и вербуетъ носильщиковъ для Бомбея, а также сипаевъ для арміи. Портовые города Визіадругъ и Деогаръ тоже ведутъ небольшую торговлю, но изъ всѣхъ портовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ между Бомбеемъ и Гоа, самый оживленный и наиболѣе посѣщаемый—портъ Вингорла, который нѣкогда тоже былъ гнѣздомъ морскихъ разбойниковъ. Годовое движеніе торговаго обмѣна въ Вингорлѣ простирается до 17.500.000 франковъ.

Въ давнія времена на одномъ болотистомъ островѣ рѣки Джуари существовалъ индійскій городъ, по имени Гоа; но мы напрасно стали бы

[1]) *Fergusson* and *Burgess*; *L. Rousselet* „L'Inde des Rajahs".

искать подъ джунглями, покрывающими островъ, остатки его дворцовъ и храмовъ; а между тѣмъ, онъ былъ богатымъ и могущественнымъ, и древнія надписи говорятъ о славѣ царствовавшихъ въ немъ династій. Въ 1479 году магометанскіе завоеватели перевели древній городъ на другое мѣсто, на южномъ берегу лимана Мандави; этотъ новый Гоа и есть тотъ городъ, которымъ овладѣла маленькая армія португальцевъ подъ предводительствомъ Альбукерка въ 1510 году и который вскорѣ послѣ того сдѣлался „царицей Востока и гордостью сыновъ Лузуса“ (лузитанцевъ, т. е. португальцевъ) [1]. Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія богатства его купцовъ доставили ему прозвище *Goa dourada*, т. е. „Золотой Гоа“; между индійскими португальцами про него сложилась поговорка: „Кто видѣлъ Гоа, тому незачѣмъ ѣхать въ Лиссабонъ!“ Но слѣдовавшія затѣмъ нападенія голландцевъ, нашествія магометанъ, потомъ набѣги мараттовъ, и въ особенности рвеніе къ обращенію язычниковъ, одушевлявшее католическихъ патеровъ, имѣли результатомъ постепенное обѣдненіе и обезлюденіе города; уже Васко-де-Гама, во время своего второго путешествія, прибылъ въ Индію въ сопровожденіи восьми францисканскихъ монаховъ, восьми капеллановъ и одного главнаго капеллана, которые должны были проповѣдывать христіанскую вѣру и, въ случаѣ надобности, обращать туземцевъ мечомъ. „Лучшіе изъ язычниковъ бѣжали въ другіе края, и остались только подонки туземнаго населенія“, говоритъ одинъ современный путешественникъ [2]. Затѣмъ небрежно содержимый фарватеръ рѣки обмелѣлъ, занесенный иломъ, заброшенныя поля покрылись дикою растительностью, выступавшія изъ береговъ воды застаивались въ видѣ гніющихъ болотъ и порожденная ихъ испареніями малярія окончательно разогнала жителей. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія Гоа былъ уже мертвый городъ; теперь на мѣстѣ его разросся лѣсъ кокосовыхъ пальмъ, среди котораго разсѣяны многочисленныя руины, башни и куполы около тридцати религіозныхъ зданій. Дворецъ инквизиціи, гдѣ нѣкогда царили истинные властители страны, представляетъ теперь лишь кучу мусора; но каѳедральный соборъ, первенствующая церковь Индіи, существуетъ еще, также какъ древняя мечеть, преобразованная въ монастырь св. Франциска. Въ богатой церкви Іисуса Христа находится пышная гробница, изъ яшмы, мрамора и серебра, заключающая смертные останки Франциска де-Ксаверіо, апостола Индіи. Тѣло святого было офиціально объявлено „вице-королемъ Индіи и генералъ-лейтенантомъ“; дѣйствительный губернаторъ считался лишь уполномоченнымъ или замѣстителемъ св. Франциска, получающимъ отъ него свою власть; еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія новоназначенный губернаторъ,

[1]) *Камоэнсъ*, поэма „Лузіада“, пѣснь вторая.

[2]) *Vasconcellos-Abreu* „Glottologia arica“, гдѣ приведено письмо путешественника Сарсетти, писанное въ 1584 году.

прежде чѣмъ вступить въ управленіе ввѣреннымъ ему краемъ, отправлялся съ большою торжественностью въ церковь Іисуса просить о передачѣ ему правъ королевскаго намѣстника [1]). Около сотни лицъ живутъ теперь среди руинъ для отправленія службы въ церквахъ, тогда какъ во времена своего процвѣтанія Velha Cidade, или „Старый городъ", насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ не менѣе 200.000 жителей.

„Новый городъ" Гоа, *Nova Cidade*, болѣе извѣстный подъ индусскимъ именемъ Панджима, былъ избранъ резиденціей вице-короля португальской Индіи еще въ 1756 году, но оффиціальный титулъ столицы онъ получилъ только въ 1842 году. Расположенный на полуденномъ берегу широкаго лимана рѣки, въ 8 километрахъ къ западу отъ стараго города, онъ доступенъ даже судамъ большого водоуглубленія, но только въ періодъ съ сентября до мая; когда же юго-западный муссонъ развертываетъ въ лиманѣ свою безконечную армію волнъ, входъ въ портъ становится очень опаснымъ; южная бухта, защищенная мысомъ Мармагао, была бы удобнѣе для устройства порта, потому что суда могутъ тамъ становиться на якорь во всякое время года совершенно безопасно. Несмотря на опасности, которымъ подвергаются суда при проходѣ черезъ баръ, Панджимъ ведетъ довольно значительную торговлю, отправляя кокосовое масло, копру, различные фрукты, дерево, соль (движеніе судоходства въ этомъ портѣ въ 1874 году: 3.159 судовъ, общая грузовмѣстимость которыхъ равнялась 217.650 тоннъ); но эта торговля должна перемѣститься въ близкомъ будущемъ, когда рельсовый путь соединитъ сѣть желѣзныхъ дорогъ Деккана съ портомъ Мармагаонъ, который, вѣроятно, сдѣлается новымъ главнымъ городомъ колоніи. Хотя и столица, Панджимъ, однако, не самый многолюдный городъ этой области португальскихъ владѣній; онъ уступаетъ въ этомъ отношеніи Маргаону, лежащему въ полуденной части территоріи, среди равнинъ, заключающихся между океаномъ и лиманомъ рѣки Рачоль. На сѣверѣ отъ Панджима, въ территоріи Бардесъ, есть другой важный городъ, называемый Мапуса или Мопуса.

Все населеніе португальскихъ владѣній превышаетъ въ настоящее время 400.000 душъ; внѣ Индіи мало найдется территорій, гдѣ жители были бы скучены въ бо̀льшемъ числѣ. Въ городахъ значительная часть резидентовъ выдаетъ себя за людей европейскаго происхожденія, но за исключеніемъ семействъ, недавно пріѣхавшихъ изъ Португаліи, всѣ здѣшніе обитатели смѣшанной крови. Такъ называемые „бѣлые" колоніи Гоа въ дѣйствительности метисы (помѣсь) съ низкимъ лбомъ, съ маленькими, вѣчно безпокойными глазами, съ толстыми губами; грудь у нихъ узкая, ноги сухопарыя. Не велико число европейскихъ дѣтей, которыхъ родители

[1]) *Perrin* „Voyage en Indostan".

посылаютъ въ метрополію, какъ это дѣлаютъ англичане; большинство ихъ остается въ Индіи, гдѣ они составляютъ особенное населеніе, извѣстное подъ именемъ *topas*, т. е. „людей въ шляпахъ", которое отличается какъ отъ туземцевъ, такъ и отъ новоприбывшихъ европейцевъ [1]); многіе изъ нихъ поступаютъ на службу, въ качествѣ писцовъ или комми, въ канцеляріи и торговые дома большихъ англійскихъ городовъ.

Двѣ трети индусскаго населенія въ португальской колоніи состоитъ изъ католиковъ, приближающихся къ христіанамъ метисамъ нечувствительными переходами въ отношеніи расы и нравовъ. Португальскія владѣнія — единственная часть Полуострова, гдѣ жители въ большинствѣ причисляютъ себя къ христіанамъ. Причина тому—непосредственное вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла вѣры во времена господства вице-королей и инквизиціи; въ началѣ восемнадцатаго столѣтія около 30.000 бѣлаго и монашествующаго духовенства, европейцевъ, метисовъ и туземцевъ, группировалось въ монастыряхъ и вокругъ церквей. Въ наши дни, религіозная свобода полная, и многія тысячи магометанъ, наиболѣе уважаемыхъ изъ резидентовъ края, живутъ въ Панджимѣ и въ другихъ городахъ португальской территоріи.

Портъ Карваръ, лежащій къ югу отъ португальской границы, есть одинъ изъ тѣхъ, которые представляютъ лучшее, наиболѣе безопасное пристанище судамъ во время муссона, и можно предсказать съ большою вѣроятностью, что ему скорѣе всего удастся привлечь къ себѣ часть исполинскаго торговаго потока, направляющагося къ Бомбею: желѣзная дорога, которая должна современемъ соединить его съ Мадрасомъ черезъ одинъ изъ проходовъ Гатскихъ горъ, еще не начата постройкой. Между другими портовыми городами Сѣверной Канары только одинъ, Кумта, соперничаетъ размѣрами своей торговой дѣятельности съ Карваромъ; остальные, Анкола, Гангавали, Гонаваръ (Гоноръ), представляютъ лишь маленькія гавани, гдѣ только изрѣдка показываются каботажныя суда. Въ окрестностяхъ этого города одинъ горный потокъ низвергается съ утеса Гатскихъ горъ въ видѣ водянаго столба высотою около 280 метровъ; въ періодъ юго-западнаго муссона, приносящаго такое обиліе дождевой воды, этотъ водопадъ, называемый Герузаппе или Гайрсоппа, составляетъ одно изъ самыхъ грандіозныхъ зрѣлищъ индійскаго полуострова.

Важнѣйшіе города на Бомбейскомъ берегу:

		Баручъ, въ 1872 г.	36.950	жит.
Гудзератъ.		Джамбусаръ „ . .	14.925	„
Барода, въ 1872 г. .	112.050 жит.	Дабхой „ . .	14.900	„
Суратъ „ „ „ .	107.150 „	Нозари „ . .	14.700	„
„ (съ Рандеромъ)	117.450 „	Бульсаръ „ . .	11.300	„

[1]) *R. Burton* „Goa and the Blue Mountains".

Конканъ и Канара.		Кумпта, въ 1872 г.	10.950 жит.
Бомбей, въ 1881 г.	773.200 жит.	Ратнагири „ „ „	10.600 „
Вингорла, въ 1872 г.	15.000 „	*Португальскія владѣнія.*	
Тана „ „	14.300 „	Дамаонъ	33.350 „
Карваръ „ „	13.250 „	Маргаонъ	20.000 „
Каліанъ „ „	12.800 „	Панджимъ	17.000 „
		Мапуса (Мопуса)	12.100 „

XIII.

Бассейны рѣкъ Годавери и Кистна, Декканъ.

Декканъ есть естественная область полуостровной Индіи, гдѣ англичане оставили сравнительно наибольшее количество территорій туземнымъ властителямъ; но они позаботились разрѣзать ихъ земли на черезполосныя владѣнія, не имѣющія никакого сообщенія съ моремъ, и занять всѣ стратегическія позиціи. Уже во многихъ обстоятельствахъ британское правительство наложило секвестръ на цѣлыя провинціи этихъ якобы „независимыхъ“ государствъ, не дѣлая для этого ничего, кромѣ передвиженія нѣкоторыхъ гарнизоновъ; такъ, напримѣръ, область Бераръ, подъ именемъ „округовъ, причисленныхъ къ Гайдерабаду“, была отдѣлена отъ владѣній низама и поставлена подъ непосредственное управленіе англійскаго коммисара. Въ своей совокупности два бассейна Годавери и Кистны имѣютъ, сравнительно съ остальною Индіей, довольно рѣдкое населеніе. Напротивъ, области морскаго прибрежья, которыя присвоила себѣ Англія, очень густо населены; рѣчныя долины тоже заключаютъ многочисленное населеніе въ нижнихъ своихъ частяхъ до значительнаго разстоянія внутрь материка; но на плоскогорьяхъ, вдали отъ большихъ дорогъ, жилища разбросаны рѣдкими группами. Они снова становятся болѣе скученными только вдоль краевой цѣпи Западныхъ Гатовъ, гдѣ, благодаря легкости торговыхъ сношеній съ сосѣднимъ морскимъ берегомъ и богатству ближайшихъ къ горамъ долинъ, изобилующихъ текучими водами, возникли многочисленные города.

Пространство и населеніе бассейновъ Годавери и Кистны.

	Пространство.	Населеніе въ 1872 г.	Километр. населенность.
Гайдарабадъ	233.100 кв. килом.	9.000.000 (?) жит.	39 жит.
Бераръ	45.870 „ „	2.226.500 „	48 „
Бастаръ	33.829 „ „	170.000 (?) „	5 „
Округи Бомбейск. презид.	109.881 „ „	6.937.420 „	63 „
„ Мадрасск. „	153.513 „ „	9.352.270 „	61 „
Всего	576.193 кв. килом.	27.686.190 (?) жит.	48 жит.
Вѣроятное населеніе въ 1882 г.		26.000.000 (?) „	45 „

Область Деккана, взятая въ цѣломъ, представляетъ наклонную плоскость, постепенно понижающуюся отъ запада къ востоку и изливающую свои воды въ Бенгальскій заливъ; это одна изъ самыхъ однообразныхъ по виду странъ Индіи, хотя она была театромъ сильныхъ вулканическихъ потрясеній и хотя на цѣлой половинѣ своего протяженія она сплошь покрыта лавой. Вся сѣверо-западная часть, ограниченная на юго-востокѣ неправильною линіей, простирающейся отъ португальской территоріи Гоа до бассейна рѣки Нагпуръ, одѣта базальтовыми траппами, составляющими продолженіе слоевъ того же происхожденія, которые развѣтвляются длинными окаменѣлыми потоками въ центральныхъ провинціяхъ и на плоской возвышенности Мальва. На огромномъ непрерывномъ пространствѣ, обнимающемъ болѣе 300.000 квадр. километровъ, эти огненныя горныя породы залегаютъ на другихъ геологическихъ формаціяхъ; отъ Бомбея до Нагпура желѣзнодорожная линія, длиной около 835 километровъ, на всемъ своемъ протяженіи проходитъ по мѣстностямъ, почва которыхъ состоитъ единственно изъ траппа или пепла, выброшенныхъ древними вулканами. Деккань развертывается въ видѣ длинныхъ, слегка волнистыхъ равнинъ, раздѣленныхъ холмами, которые оканчиваются на вершинѣ столообразными горками, замѣчательно правильной формы, и обставленными по бокамъ террасами, которыя черезъ извѣстные промежутки перерѣзаны оврагами; эти террасы состоятъ изъ базальтовыхъ массъ, болѣе крѣпкихъ и лучше сопротивляющихся, чѣмъ нижній траппъ, которыя не поддались разрушительному дѣйствію воды и воздуха. Тамъ и сямъ среди равнины сохранились скалы въ формѣ стѣнъ; воды, размывшія и унесшія всѣ сосѣднія вещества, не могли ничего подѣлать съ этими валами изъ твердой лавы, которые до сихъ поръ стоятъ, какъ свидѣтели древнихъ изверженій подземнаго очага. Эти базальтовыя стѣны находятся преимущественно въ сѣверо-западномъ углу Деккана, въ сосѣдствѣ городовъ Пуны и Назика и на отлогостяхъ Бомбейской цѣпи Гатовъ; слои вулканическаго пепла, происходящаго, безъ сомнѣнія, изъ кратеровъ, открытыхъ Кларкомъ въ Конканской равнинѣ тоже встрѣчаются тамъ чаще и достигаютъ большей толщины, чѣмъ въ другихъ частяхъ вулканической области. Въ этой мѣстности былъ, безъ сомнѣнія, главный центръ вулканической дѣятельности; оттуда вылились потоки лавы въ полкилометра толщиной, которые покрываютъ цѣлую половину плоскогорья, спускаясь пологимъ скатомъ къ Бенгальскому морю; но до сихъ поръ на этой высокой равнинѣ не нашли ни одного эруптивнаго жерла; правильная круглая впадина, которую наполняетъ озеро Лонаръ или Лунаръ, есть, повидимому, результатъ лопнувшаго вулканическаго пузыря. Незначительность паденія или ската, представляемаго этими застывшими потоками, можно объяснить только чрезвычайно жидкимъ состояніемъ лавы при выходѣ изъ верхняго отверстія кратеровъ.

Нѣкоторые геологи думали, что кажущаяся горизонтальность траповъ происходитъ оттого, что они вылились изъ нѣдръ земли подъ давленіемъ морскихъ водъ; но это мнѣніе не можетъ быть принято въ виду того, что океанійскія ископаемыя до сихъ поръ были найдены только въ одномъ слоѣ туфа, на берегу плоскогорья изъ лавы, которое господствуетъ надъ устьями рѣки Годавери; вездѣ въ другихъ мѣстахъ органическіе остатки, растительные и животные, которые собраны въ этихъ формаціяхъ, принадлежали къ земнымъ или прѣсноводнымъ видамъ [1]). Это въ тѣ времена, когда образовался мѣлъ, затѣмъ въ эоценовомъ періодѣ, вылилась черезъ трещины почвы эта громадная масса расплавленнаго вещества, такая масса, что для того, чтобы пролить ее, нужно было бы, по меньшей мѣрѣ, столѣтіе такой исполинской рѣкѣ, какъ Амазонка.

Извѣстно, что поверхность лавъ Деккана, подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, разложилась на слои латерита и что эта формація, увлекаемая водами, распространилась далеко за предѣлы вулканическихъ потоковъ, въ область гнейсовъ полуденной Индіи. Эти пространства сѣрой или красноватой земли, въ которыхъ вода мгновенно исчезаетъ, словно въ рѣшетѣ, вообще мало плодородны, и растительность представляетъ тамъ богатство, могущее сравниться съ растительностью Конкана или Бенгаліи, только въ лощинахъ, гдѣ скопился черноземъ, образовавшійся изъ перегноя. Вдали отъ рѣкъ, плоскогорье почти не имѣетъ лѣсовъ, и большинство деревянистыхъ растеній, деревья и кустарники теряютъ листву съ наступленіемъ холоднаго времени года. Зимой эта часть Индіи принимаетъ сѣрый или желтоватый колоритъ, какъ поля умѣренной Европы; въ началѣ жаркаго сезона, до наступленія дождей, вся мѣстность кажется выжженною; тогда достаточно одной искры, чтобы воспламенить высокую сухую траву быстро разливающимся пожаромъ и покрыть горы огненнымъ моремъ. Тѣмъ труднѣе завоевать эти возвышенныя равнины для земледѣльческой культуры, что рѣки текутъ по большей части въ глубоко врѣзывающихся въ почву руслахъ, вслѣдствіе чего очень дорого стоитъ поднимать воду для орошенія полей и садовъ; притомъ эти рѣки пересыхаютъ или обращаются въ незначительные мелководные потоки въ періодъ сѣверо-восточнаго муссона, т. е. какъ разъ въ то время, когда онѣ были бы всего болѣе необходимы. Но въ западной области, тамъ, гдѣ дожди выпадаютъ въ изобиліи и гдѣ горные потоки не успѣли еще вырыть себѣ глубокихъ ущелій, простираются плодоносныя пространства, извѣстныя въ бассейнѣ верхней Кистны подъ названіемъ Карната, или „Черной Земли“ [2]).

Годавери — самая большая рѣка Деккана; длину ея теченія

[1]) *Medlicott* and *Blanford* „A Manual of the Geology of India“.
[2]) *Burnouf* „Nouveau journal asiatique“, II; *Lassen* „Indische Alterthumskunde“.

исчисляютъ въ 1.445 километровъ, а ея бассейнъ занимаетъ огромную площадь, превышающую 300.000 квадр. километровъ,—пространство, равное двумъ третямъ Франціи. Она беретъ начало въ сѣверо-западномъ углу нагорья, близь деревни Тримбакъ, всего только въ 80 километрахъ отъ Аравійскаго моря. Простое подземное развѣтвленіе Ганга, по вѣрованію благочестивыхъ индусовъ, которые приходятъ купаться въ ея водахъ, почитаемыхъ тоже священными, Годавери, называемая также Пурра-ганга и Вридда-ганга, наполняетъ сначала глубокій резервуаръ, затѣмъ, усилившись принятіемъ въ себя ручьевъ, спускающихся съ Гатскихъ горъ, течетъ къ востоку и юго-востоку, параллельно долинѣ рѣки Тапти, но въ противоположномъ направленіи. Пройдя болѣе половины своего пути, она соединяется съ Пранхитой, которая приноситъ ей жидкую массу, болѣе значительную, чѣмъ ея собственная; какъ во многихъ другихъ рѣчныхъ бассейнахъ соединенныя воды принимаютъ имя не главнаго, а меньшаго притока, и причина этого, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, заключается въ исторической важности долины, названіе которой одержало верхъ. Если Пранхита болѣе полноводный потокъ, благодаря Пайнъ-гангѣ, Вардѣ, Вайнъ-гангѣ и другимъ рѣкамъ Нагпурскаго бассейна, то Годавери, „Кормилица коровъ", указываетъ дорогу, по которой слѣдовали индусскіе переселенцы послѣ того, какъ они проникли на плоскогорье черезъ горные проходы, открывающіеся на югѣ отъ рѣки Тапти. Эта часть Деккана есть первая мѣстность, гдѣ поселились арійцы; быть можетъ даже, они прибыли туда раньше, чѣмъ познакомились съ Гангомъ [1]).

Ниже сліянія съ Пранхитой, Годавери вступаетъ въ гористую область, которую она проходитъ рядомъ узкихъ поперечныхъ долинъ, чередующихся съ равнинами. Въ этой части теченія она принимаетъ въ себя многоводную рѣку Индравати, прославившуюся своимъ каскадомъ (около 30 метровъ высоты), который принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ водопадовъ Полуострова, затѣмъ притоки Таль и Сабари, и пробиваетъ послѣднюю цѣпь Восточныхъ Гатовъ дефилеемъ, имѣющимъ всего только 250 метровъ ширины въ самомъ узкомъ мѣстѣ; но зато вода имѣетъ въ этомъ мѣстѣ 37 метровъ глубины, а во время большихъ разливовъ она поднимается на 30 метровъ выше своего средняго уровня. Въ 1848 году рѣка, говорятъ, достигла бреши холмовъ на высотѣ 60 метровъ (28 саженъ) и переливалась въ чужой бассейнъ, въ бассейнъ рѣки Яракальва. По выходѣ изъ горныхъ тѣснинъ, Годавери разливается широко въ ложѣ, усѣянномъ островами, затѣмъ, ниже Раджамагендри, дѣлится на два рукава, которые красиво изгибаются одинъ къ сѣверу, другой къ югу, охватывая равнины дельты и нѣсколько холмовъ, бывшихъ

[1]) *Campbell* „Grammar of the Teloogoo language"; *Lassen*, цитированное сочиненіе.

островковъ, которые нѣкогда были окружены водами моря; одинъ истокъ или рукавъ, отъ котораго теперь остались только слѣды, текъ прежде къ сѣверу отъ холмовъ Раджамагендри и впадалъ въ море на сѣверѣ отъ Самалькотты [1]).

Южный рукавъ, до сихъ поръ еще называемый именемъ, принадлежащимъ Буддѣ, Гаутами, почитается самою священною изъ рѣчныхъ вѣтвей; черезъ каждыя двѣнадцать лѣтъ тамъ справляется съ большою пышностью Пушъ-карамъ, привлекающій безчисленное множество пилигримовъ со всѣхъ концовъ Индіи. Такъ же, какъ Манга-Надди, Кистна, Кавери и всѣ другія большія рѣки восточнаго берега, Годавери отложила свои наносы твердыхъ веществъ въ видѣ обширнаго полукруга, далеко выступающаго за нормальную линію береговъ; захваты твердой земли въ области океана, при устьяхъ этой рѣки, простираются на пространствѣ, по меньшей мѣрѣ, 4.000 квадр. километровъ; на сѣверной оконечности дельты въ собственномъ смыслѣ, блуждающія рѣки, болота, гряды дюнъ, дороги обозначаютъ прежнія прибрежья, которыя послѣдовательно образовались, загибаясь все болѣе и болѣе къ наростающему выступу земель Правда, что, распространяясь такимъ образомъ все далѣе въ область морскихъ водъ, новыя земли, наносимыя рѣкой Годавери, замкнули многочисленныя равнины, еще не совершенно обсохшія; обширныя болота, куда проникаетъ морская волна во время бурь, окаймляютъ прибрежный поясъ дельты. Даже большое озеро Коларъ (Колеру, Клуту), между Годавери и Кистной, есть, вѣроятно, бывшій морской заливъ, отдѣленный отъ океана наносами сосѣднихъ рѣкъ; это скорѣе болото, чѣмъ озеро; въ сухое время года больше половины бассейна представляетъ сплошную топь; въ періодъ дождей, это водяная площадь пространствомъ около 250 квадр. километровъ; многочисленные острова, или *ланка*, укрѣпленные съ большими издержками трудомъ земледѣльцевъ, поднимаются выше уровня разливовъ и мало-по-малу увеличиваются новыми землями; однако, почва Колара когда-то провалилась, если правда, что видны остатки поглощенныхъ деревень въ самыхъ впалыхъ частяхъ озернаго бассейна. Съ незапамятныхъ временъ прибрежные жители имѣли привычку, каждый годъ въ эпоху разлива, открывать выходной каналъ, чтобы отбросить въ море излишекъ прѣсныхъ водъ, затѣмъ снова выводили плотину, чтобы воспрепятствовать проникновенію соленой воды. Теперь уровень озера регулируется шлюзомъ. Воздѣланныя пространства по берегамъ Колара орошаются каналами, отведенными изъ Годавери [2]).

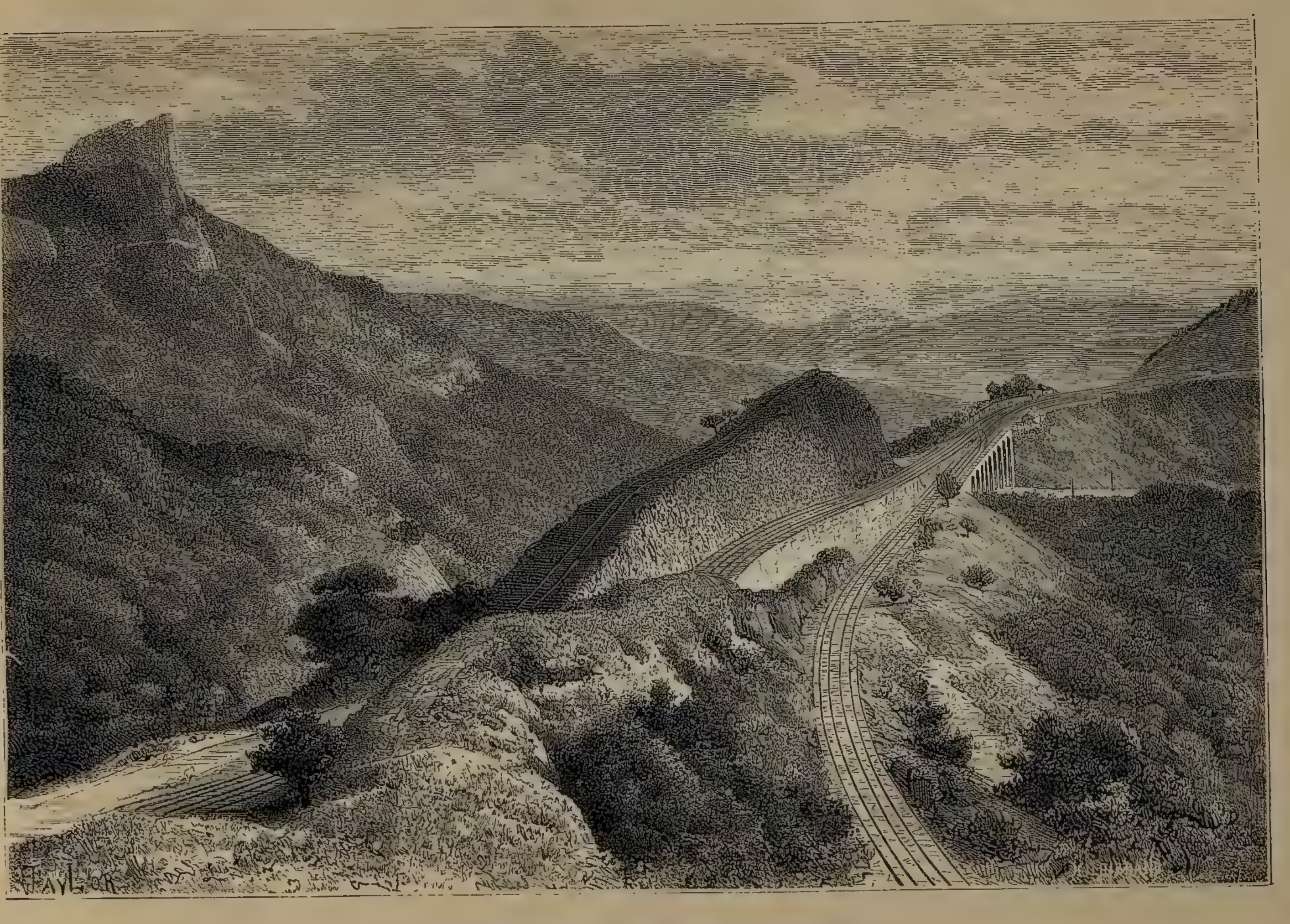
Подчиненная тѣмъ же климатическимъ условіямъ, какъ Мага-Надди, Годавери тоже представляетъ въ своемъ стокѣ огромныя уклоненія, смотря

[1]) *King* „Memoirs of the Geological Survey of India“, vol. XII, part. 3.
[2]) *W. W. Hunter* „Orissa“.

по времени года; въ періодъ разлива она катитъ громадную массу воды, доходящую до 40.000 кубическихъ метровъ въ секунду, но въ сухое время года количество протекающей воды уменьшается до 60 кубическихъ метровъ. Прибрежнымъ равнинамъ Годавери, также какъ и мѣстностямъ по рѣкѣ Мага-Надди, угрожаютъ то наводненія, то засуха; однако, эти бѣдствія случаются здѣсь рѣже, по причинѣ меньшаго протяженія и болѣе крутой покатости дельты; истеченіе водъ и ирригація здѣсь сравнительно легче. Сдѣланы большія искусственныя сооруженія для урегулированія теченія и уравненія, по возможности, массы воды, катимой въ разныя времена года; въ низменныхъ мѣстностяхъ на обоихъ берегахъ построены боковыя земляныя насыпи или валы; у вершины дельты, въ мѣстѣ бифуркаціи, близъ деревни Даолешварамъ, поперечная плотина, имѣющая болѣе 4.000 метровъ длины, 4 метра высоты и 40 метровъ ширины при основаніи, поднимаетъ уровень водъ, чтобы распредѣлить жидкую массу по обширной сѣти каналовъ, общая длина которой составляетъ 850 километровъ и которая почти вся можетъ служить для цѣлей судоходства; годовое движеніе, происходящее въ самой дельтѣ и по линіи водяныхъ путей, соединяющихъ ее съ Кистной, превышаетъ 50.000 судовъ [1]). Выше запруды Годавери судоходна, по крайней мѣрѣ, впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ полноводья; по обыкновенно она служитъ только для сплава бревенъ. Канализаціонныя работы, предпринятыя съ цѣлью установить постоянное сообщеніе черезъ рѣки Годавери, Пранхиту и Варду до Хинганхата, главнаго рынка центральныхъ провинцій по торговлѣ хлопкомъ, должны были быть оставлены; вывозъ этого продукта производится теперь по желѣзной дорогѣ: вмѣсто того, чтобы отправлять въ Коконаду, портъ на нижней Годавери, хлопокъ посылается въ Бомбей.

На сѣверѣ отъ устьевъ Годавери встрѣчаются только незначительные горные потоки, получающіе начало на склонѣ Восточныхъ Гатскихъ горъ, но километрахъ въ ста къ югу течетъ другая большая рѣка, почти равная ей и образующая дельту, кривая которой слѣдуетъ непосредственно за дугой Годавери. Кистна, или Кришна, пересѣкаетъ, также какъ Годавери и Кавери, всю ширину Полуострова; она беретъ начало близъ Магабалешвара; небольшаго восхожденія достаточно, чтобы подняться отъ истока на высокій мысъ, откуда видно, въ разстояніи 64 километровъ, Аравійское море. Хотя менѣе чтимая, нежели другія рѣки Деккана, Кистна тоже считается священнымъ потокомъ, несущимъ божественную волну, и ея истокъ, прикрываемый храмомъ въ честь Магадео (Великаго бога), льется изъ грифа, изваяннаго въ формѣ коровьей морды. Въ первой части своего теченія Кистна спускается на юго-востокъ, слѣдуя вдоль цѣпи Гатскихъ горъ, затѣмъ принимаетъ среднее восточное направленіе,

[1]) *Morris* „The Godavery district“.

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА БЛИЗЪ КАНДАЛА.

убѣгая крутыми поворотами по дну узкихъ долинъ; теченіе ея прерывается въ разныхъ мѣстахъ порогами и при входѣ ея въ Гайдерабадскую территорію, катаракты, общее паденіе которыхъ 124 метра, слѣдуютъ одинъ за другимъ на пространствѣ 5 километровъ; но тамъ рѣка еще не сформировалась; она еще очень бѣдна водой впродолженіи части года и ея каскады представляютъ простыя струи, скользящія по стѣнамъ гранитныхъ скалъ. Ниже водопадовъ Кистна соединяется съ Бимой, или „Грозной", питаемой источниками, вытекающими изъ сѣверной части Гатскихъ горъ, затѣмъ съ Тунга-Бадрой, образующейся изъ сліянія двухъ рѣкъ этого имени, „Высокой" и „Счастливой", которыя берутъ начало въ лѣсахъ Канары и Майсура. Ниже впаденія этихъ рѣкъ Кистна не получаетъ ни одного сколько-нибудь значительнаго притока; она пробиваетъ цѣпь Восточныхъ Гатовъ, затѣмъ вступаетъ въ равнины прибрежья, которое она постоянно увеличиваетъ своими наносами па счетъ моря. Ея дельта, менѣе широкая, чѣмъ дельта Годавери, выдвинулась далѣе въ область водъ, загибающаяся къ югу длиннымъ откосомъ изверженія, который образовали наносы сѣверной рѣки.

Кистна почти не приноситъ никакой пользы для судоходства; единственныя лодки, которыя встрѣтишь въ наибольшей части ея теченія,—это бамбуковые плоты, покрытые кожами. Протекая въ руслѣ, очень глубоко врѣзанномъ въ почву, она почти совершенно потеряна и для орошенія прибрежныхъ мѣстностей; но резервуары верхней Бимы служатъ для снабженіи водой города Пуны, а въ долинѣ соединенныхъ рѣкъ Тунга-Барда прорыты каналы. При началѣ или вершинѣ дельты устроена запруда, подобная поперечнымъ плотинамъ на рѣкахъ Мага-Надди и Годавери, которая задерживаетъ массу водъ, для того, чтобы регулировать стокъ и распредѣлить ее по оросительнымъ каналамъ; общая длина ирригаціонной сѣти превышаетъ 400 километровъ и оплодотворяетъ слишкомъ 90.000 гектаровъ (82.350 десятинъ) земли.

Длина теченія Кистны	1.280	километр.
Поверхность ея бассейна	240.000	квадр. километр.
Стокъ рѣки во время полноводья . .	33.620	куб. метр. въ секунду.
" " " " мелководья . .	32	" " " "

Вершина дельты—единственная область бассейна Кистны, гдѣ потокъ утилизируется систематически для улучшенія страны; но какъ ни мало полезна эта рѣка для своихъ прибрежныхъ жителей въ ея верхнемъ и среднемъ теченіи, она, однако, имѣла весьма важное историческое значеніе, какъ путь, по которому происходило передвиженіе населеній съ запада на востокъ Полуострова. Въ полуденной Индіи на Кистну смотрятъ, какъ на срединную границу между двумя главными дѣленіями страны; въ сосѣдствѣ Гатскихъ горъ она раздѣляетъ два пояса языковъ—арійскій и дравидійскій. Различныя перемѣны въ привычкахъ и нравахъ

указываютъ на первоначальный контрастъ между населеніями, живущими къ сѣверу и къ югу отъ этой рѣки. На сѣверѣ крестьянскія избы обыкновенно крыты соломой; на югѣ онѣ оканчиваются террасами изъ битой глины [1]).

На однообразной плоскости Декканскаго пагорья, гдѣ нѣтъ обширныхъ лѣсовъ, болотъ и горныхъ массивовъ, которые могли бы давать убѣжище дикимъ населеніямъ, почти всѣ жители, каково бы ни было различіе ихъ происхожденія, принадлежатъ къ цивилизованнымъ расамъ Индіи. Нѣкоторыя племена биль и кочующіе пастухи дангаръ, говорящіе особеннымъ нарѣчіемъ [2]), живутъ на сѣверо-западѣ Деккана, въ горахъ, господствующихъ надъ Аурангабадскою равниной; въ лѣсахъ Восточныхъ Гатовъ бродятъ хонды, въ земляхъ Джайпуръ и Бастаръ, къ сѣверу отъ Годавери.

Индусы маратты, которые занимаютъ всю сѣверо-западную область Деккана и границы которыхъ на югѣ и на востокѣ почти совпадаютъ съ границами застывшихъ потоковъ лавы,—единственные арійцы, поселившіеся цѣлою націей на плоскогорьяхъ полуденной Индіи. Ихъ иммиграція восходитъ, вѣроятно, къ очень отдаленной эпохѣ, судя по тому, что разсматриваемые отдѣльно по кастамъ, они много разнятся отъ сѣверныхъ индусовъ. Маратскіе браманы, обыкновенно отличающіеся очень свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, имѣютъ, по большей части, носъ слегка орлиный [3]), и между ними очень много встрѣтишь индивидуумовъ съ сѣрыми глазами. Пришедшіе, вѣроятно, съ сѣверо-запада, маратты оттѣснили бильскіе народцы въ окрестныя горы, затѣмъ постепенно подвигались все далѣе и далѣе къ югу, слѣдуя вдоль восточной стороны Гатскихъ горъ въ области истоковъ Годавери и Кистны. Нѣкогда очень презираемые мусульманскими властителями страны, которые называли ихъ „горными крысами", маратты не играли никакой роли въ исторіи до половины семнадцатаго столѣтія; но въ эту эпоху они сдѣлались довольно сильными, чтобы уравновѣшивать владычество магометанъ, и подъ предводительствомъ неукротимаго Сиваджи, успѣли основать могущественнѣйшее государство на Полуостровѣ. Попеременно земледѣльцы и воины, они собирались бандами, верхомъ на маленькихъ лошадкахъ, бодрыхъ, неустрашимыхъ, легко дрессируемыхъ, сохраняющихъ всегда хорошее тѣло, благодаря коровьему маслу, которое примѣшивали имъ въ кормъ [4]); въ одинъ день маратты появлялись за сотню верстъ отъ мѣста сбора; они внезапно опустошали непріятельскую провинцію, грабя города, уводя

[1]) *W. Hamilton* „Description of Hindostan"; *Ch. Lassen* „Indische Alterthumskunde".
[2]) *Mountstuart Grant Duff* „Notes of an Indian Journey".
[3]) *Campbell* „Ethnology of India"; „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1866, № 2.
[4]) *Perrin* „Voyage dans l'Indostan".

плѣнниковъ, затѣмъ такъ же быстро разсыпались по своимъ крѣпкимъ замкамъ или деревнямъ, защищенные страхомъ, который наводило одно ихъ имя; рядомъ съ крутыми скалами, которыя служили имъ притономъ, на окраинѣ Гатскихъ горъ, плодоносный поясъ Конкана доставлялъ имъ въ изобиліи съѣстные припасы. Они проникали даже въ долину Ганга; въ 1742 году они разгромили Муршидабадъ, главный городъ дельты этой рѣки, и до сихъ поръ еще показываютъ остатки „Мараттскаго рва“, выкопаннаго вокругъ Калькутты для того, чтобы задерживать набѣги этихъ страшныхъ разбойниковъ [1]). Сдѣлавшись преобладающею державой со времени упадка имперіи Великихъ Монголовъ, мараттское государство не съумѣло соединить туземные элементы въ сплоченное національное тѣло. Внутренніе раздоры, жестокость и алчность ихъ правительства скоро повлекли за собою ихъ гибель; не будучи въ состояніи оказывать сопротивленіе англичанамъ въ правильной битвѣ, они потеряли послѣдовательно, одну за другою, провинціи своей обширной имперіи, и теперь мараттскіе князья, которые еще царствуютъ въ Раджпутанѣ, Гудзератѣ, Декканѣ, обязаны своимъ скипетромъ единственно великодушію побѣдителя. Послѣдній потомокъ браманскихъ министровъ, овладѣвшихъ мараттскимъ королевскимъ достоинствомъ, былъ простымъ пенсіонеромъ британскаго правительства, и попытка пріемнаго сына этого пешвы, Нана-Сахиба, возстановить туземное царство путемъ избіенія или изгнанія заморскихъ завоевателей, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ. Маратты, въ числѣ около десяти милліоновъ душъ, составляютъ теперь не болѣе, какъ этнографическую группу, безъ дѣйствительной политической автономіи, и разсѣянную въ различныхъ административныхъ областяхъ и округахъ. Ихъ языкъ, санскритскаго происхожденія, дѣлится на нѣсколько нарѣчій, какъ-то: кандеси въ Кандешѣ, дашкини въ Декканѣ, гоадеси въ Гоа, конкани на Конканскомъ берегу; ихъ словесность, употребляющая священное письмо нагари, есть одна изъ наименѣе богатыхъ между литературами арійскихъ идіомовъ. Внѣ мараттской территоріи, вся область Деккана принадлежитъ дравидійскимъ народностямъ, которыя говорятъ діалектами канарійскимъ, телугу и тамиль [2]).

Первый городъ морскаго берега, называемаго Сиркарскимъ (саркаръ), къ югу отъ Ориссы, находится недалеко отъ озера Шилка, съ которымъ оно сообщается посредствомъ каналовъ, часто заносимыхъ иломъ, по которымъ тянутся длинными вереницами пилигримскія суда изъ Джаггананата. Ганджамъ, т. е. „Житница“ или „Складочное мѣсто“, былъ до 1815 года очень оживленнымъ рѣчнымъ портомъ; онъ сохранилъ

[1]) *R. Temple* „Proceedings of the Geographical Society of London“, aug. 1882.
[2]) *Caldwell* „Comparative Grammar of the Dravidian languages“.

еще кое-какую морскую торговлю вокругъ своихъ опустѣлыхъ дворцовъ, но населеніе, прогнанное маларіей, ушло въ большей части и направилось къ новой столицѣ края, къ городу Бархампуру, построенному на скалѣ, въ 10 километрахъ отъ моря, и пользующемуся болѣе здоровымъ воздухомъ. На югѣ, между постоянно волнующимся моремъ и дикою горою Магендра-гири, увѣнчанной сиваитскими храмами, открываются сиркарскіе „Ѳермопилы", горный проходъ, который многіе завоеватели должны были форсировать, чтобы спуститься къ Годавери или подняться къ Бенгаліи. Тамъ находится общая граница двухъ семей языковъ, арійской и дравидійской; на сѣверѣ говорятъ нарѣчіемъ урія, на югѣ нарѣчіемъ телугу. Гора Магендра-гири, возвышающаяся на 1.490 метровъ надъ уровнемъ моря, представляетъ большія удобства для основанія санаторія или лѣтняго мѣстопребыванія; но въ сосѣднихъ городахъ число англійскихъ резидентовъ еще не велико, и потому они не могли бы дать достаточнаго контингента жителей для заселенія этого горнаго города. Калингапатамъ, при устьѣ рѣки Вамсадхара, сохранилъ имя древняго царства Калинга, существовавшаго въ буддійскую эпоху; подъ владычествомъ магометанъ, Калингапатамъ тоже былъ большой и цвѣтущій городъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ остатки многочисленныхъ зданій; теперь онъ, послѣ періода упадка, снова поднимается, благодаря безопасности его гавани, лучшей якорной стоянки, какую встрѣчаютъ моряки на протяженіи морскаго берега, превышающемъ 600 километровъ; оттуда отправляются рисъ, сахаръ и другія произведенія, привозимыя изъ Парлакимеди и другихъ внутреннихъ городовъ. Чикаколе или Срикакуламъ, въ 25 километрахъ къ юго-западу отъ Калингапатама, стоитъ не у самаго моря, а въ разстояніи семи километровъ отъ морскаго берега, на рѣкѣ Нагула; это промышленный городъ, рабочіе котораго выдѣлываютъ необычайно тонкую кисею.

Самый большой городъ прибрежья Сиркаръ, или „Губерній"—Визагапатамъ (Визахапатнямъ), городъ Визахи, индусскаго „Марса", храмъ котораго былъ разрушенъ волнами моря; но вѣрующіе все еще приходятъ купаться на грудахъ камней, предполагаемыхъ развалинахъ этого святилища[1]). Мѣсто якорной стоянки защищено съ южной стороны мысомъ, извѣстнымъ у моряковъ подъ названіемъ „Дельфинова Носа", и благодаря этому покрову, суда, вмѣстимостью до 300 тоннъ, могутъ приходить за грузами риса, сахара, табака, доставляемыхъ изъ сосѣднихъ мѣстностей, гдѣ съ каждымъ годомъ увеличивается площадь земель, воздѣлываемыхъ для культуры этихъ растеній. Въ теченіе фискальнаго 1876 — 1877 года движеніе судоходства въ визагапатскомъ портѣ выразилось цифрою 834 судовъ, общая грузовмѣстимость которыхъ равнялась 747.000 тоннъ.

[1]) *Carmichael* „Manual of the district of Vizagapatam".

Новое предмѣстье Вальтеръ, гдѣ имѣютъ пребываніе европейцы, продолжаетъ Визагапатамъ на сѣверо-востокъ, вдоль морскаго берега; воздухъ тамъ гораздо здоровѣе, чѣмъ въ самомъ городѣ, въ окрестностяхъ котораго, съ западной стороны, простирается болото, еще не вполнѣ ассенизированное. Визагапатамъ славится въ Индіи и въ Англіи своими рѣзными издѣліями изъ слоновой кости, шкатулками, покрытыми накладнымъ серебромъ, и другими предметами роскоши. Въ 28 километрахъ къ сѣверо-востоку находится городъ Бимлипатамъ, который можно разсматривать, какъ торговый пригородъ Визагапатама; еще недавно это была простая рыбацкая деревня, но моряки нашли тамъ большія удобства для причаливанія и стоянки судовъ, чѣмъ въ большей части гаваней этого берега, и съ тѣхъ поръ торговое движеніе сдѣлалось тамъ болѣе важнымъ, чѣмъ въ Визагапатамѣ, если не по числу судовъ, то, по крайней мѣрѣ, по цѣнности грузовъ; движеніе судоходства въ Бимлипатамскомъ портѣ въ теченіе фискальнаго 1875—1876 года: 218.020 тоннъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ 9.617.275 франковъ. Торговля Бимлипатама производится преимущественно съ Франціей; онъ отправляетъ, главнымъ образомъ, сахаръ, индиго, маслянистыя сѣмена. Эта область Сиркарскаго прибрежья принадлежала французамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, и имена внутреннихъ городовъ, Визіанаграма и Боббили, напоминаютъ военныя экспедиціи Бюсси: въ краѣ до сихъ поръ еще поютъ баллады на взятіе города Боббили, которымъ овладѣлъ Бюсси, какъ союзникъ визіанаграмскаго раджи. Гарнизонъ, послѣ умерщвленія женщинъ и дѣтей, находившихся въ крѣпости, тщетно пытался пробиться сквозь ряды французовъ и былъ весь перебитъ, отказавшись просить пощады у побѣдителя. Только четыре человѣка избѣгли смерти: спрятавшись въ чащѣ джунгля, они выждали удобную минуту, чтобы пробраться въ палатку раджи, котораго и закололи ударами кинжала, положивъ такимъ образомъ конецъ наслѣдственному спору между двумя царскими фамиліями.

Въ бассейнѣ собственно Годавери нѣтъ городовъ, равныхъ по важности Нагпуру, цвѣтущему городу, гдѣ сосредоточилось главное движеніе центральныхъ провинцій Индіи. Назикъ, лежащій въ сѣверо-западномъ углу Декканскаго плоскогорья, на обоихъ берегахъ нарождающейся Годавери и недалеко отъ спуска изъ ущелья Тальгатъ къ равнинамъ Конкана, появился уже въ отдаленныя времена, благодаря горному проходу, порогомъ котораго онъ командуетъ, но онъ, кажется, никогда не былъ очень многолюднымъ городомъ; безплодность окружающихъ мѣстностей, возвышающихся, среднимъ числомъ, отъ 400 до 700 метровъ надъ уровнемъ области прибрежья, и близость гористыхъ странъ, населенныхъ дикими племенами, не позволили странѣ заселиться, какъ заселились низменности Гудзерата. Впрочемъ, Назикъ принимаетъ очень ожив-

ленный видъ въ сезонъ паломничества, когда вѣрующіе приходятъ тысячами купаться въ священныхъ водахъ Годавери или посѣтить гроты Панду, съ ихъ древними буддійскими монастырями. Городъ имѣетъ кое-какую промышленность, именно фабрикацію писчей бумаги и производство мѣдныхъ сосудовъ. Многія сосѣднія станціи на желѣзной дорогѣ служатъ постоянными рынками для продажи и отправки хлопка и хлѣба въ зернѣ, которые привозятся на телѣгахъ и вьючныхъ волахъ изъ Берара и царства Гайдарабадскаго. Деолали, простая деревня, находится въ сосѣдствѣ съ кантониръ-квартирами, куда немедленно перевозятъ всѣхъ европейскихъ солдатъ, по высадкѣ ихъ въ Бомбейскомъ портѣ, для того, чтобы они провели въ здоровой мѣстности первые мѣсяцы своего пребыванія въ Индіи, пока не привыкнутъ къ новому климату.

Аурангабадъ, на небольшомъ сѣверномъ притокѣ Годавери, не можетъ похвастаться такою древностью, какъ Назикъ, такъ какъ основаніе его относится къ первымъ годамъ семнадцатаго столѣтія; но онъ многолюднѣе и имѣетъ нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ зодчества; таковы нѣкоторыя мечети, запасный водоемъ и въ особенности мавзолей супруги Ауренгзеба, украшенія котораго, сдѣланныя изъ мрамора, отличаются удивительнымъ изяществомъ и тонкостью работы. Въ трехъ километрахъ къ сѣверо-востоку, въ центрѣ полукруга холмовъ, имѣющихъ около 150 метровъ высоты, открываются пять буддійскихъ гротовъ, которыхъ изваянія, барельефы, колонны представляли бы неоцѣнимый кладъ для археологовъ, если бы въ сосѣдствѣ не находились другія подземныя святилища, гораздо болѣе богатыя памятниками античнаго искусства. Даулатабадъ, въ 13 километрахъ къ сѣверо-западу, расположенъ у подошвы горы, на которой, господствуя надъ городомъ, высится цитадель грознаго вида; эта крѣпость въ 1338 году поднялась на степень столицы одного магометанскаго царства, и Могамедъ-шахъ-Туглакъ пытался даже, хотя и безуспѣшно, перевести туда населеніе Дели. На дорогѣ въ Эллору находится могила императора Ауренгзеба, простой мраморный памятникъ.

Подземные храмы Эллоры (Элуру, Веруль), изсѣченные на западномъ фасѣ туфоваго плоскогорья, которое оканчивается круто обрывающимся утесомъ, тамъ и сямъ перерѣзаннымъ оврагами и рытвинами и обставленнымъ съ боковъ откосами обваловъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ съ сѣвера на югъ на протяженіи около 3.600 метровъ. Чтобы исполнить подобныя сооруженія, нужно было собирать арміи работниковъ не менѣе многочисленныя, чѣмъ тѣ, которыя построили египетскія пирамиды. Рядъ этихъ пещерныхъ пагодъ такъ обширенъ, что для полнаго осмотра его потребовалось бы нѣсколько дней; въ 1877 году, въ нѣкоторыхъ храмахъ нашли берлоги кабановъ, пантеръ [1]). Большинство посѣтителей ограни-

[1]) *Eastwick* „Handbook for Madras“.

чивается общимъ обзоромъ фасадовъ изсѣченной скалы и заходитъ внутрь только въ наиболѣе прославленные гроты. Южныя пещеры, самыя древнія, были вырыты буддистами. Въ центрѣ расположены подземныя капища брамановъ, затѣмъ идутъ, на сѣверѣ, святилища джайновъ, болѣе новаго происхожденія; такимъ образомъ, отъ тридцати до сорока большихъ пещерныхъ храмовъ слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ одинъ за другимъ, не считая искусственныхъ гротовъ меньшихъ размѣровъ. Всего бѣднѣе украшеніями пещерныя кумирни буддистовъ, которымъ ихъ религія внушала отреченіе отъ міра. Напротивъ, брамапы хотѣли придать своимъ подземнымъ галлереямъ блескъ пагодъ, построенныхъ въ городахъ, на господствующихъ позиціяхъ. Одинъ изъ ихъ памятниковъ, храмъ Кайласъ далеко превосходитъ всѣ эллорскія святилища красотой пропорцій, оригинальностью и единствомъ стиля, богатствомъ скульптурныхъ украшеній. Это архитектурное чудо не простой кораблеобразный храмъ, изсѣченный въ скалѣ; окружавшій его камень былъ обрѣзанъ снаружи до открытаго воздуха, такъ что зданіе совершенно выдѣлилось, оставаясь все-таки заключеннымъ какъ бы въ колодцѣ, образуемомъ вертикальными стѣнами. Кайласъ—дравидійскій храмъ, находящійся наидалѣе на сѣверѣ между всѣми религіозными памятниками Индіи. Этотъ громадный монолитъ, имѣющій 75 метровъ въ длину, 45 въ ширину и 30 въ высоту, поддерживается рядами колоссальныхъ фигуръ слоновъ, львовъ и символическихъ животныхъ, сгруппированныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Всѣ колонны обширной залы изваяны различными манерами; боковыя преддверія или паперти украшены узорчатыми рѣзными балконами, а надъ главнымъ порталомъ возвышаются павильоны; богъ Сива, въ своей троичной формѣ *(тримурти)*, царитъ въ храмѣ, но Вишну и другіе браманскіе боги тоже представлены въ лицахъ; цѣлый міръ фигуръ волнуется на стѣнахъ святилища. На сводахъ видны еще кое-какіе остатки фресокъ [1]).

Горы Аджанта или Индгіадри, ограничивающія на сѣверѣ Декканское плоскогорье, отдѣляя его отъ долины рѣки Тапти, заключаютъ другіе священные гроты, почти столь же знаменитые, какъ и подземные храмы Эллоры, но гораздо рѣже посѣщаемые, по причинѣ ихъ отдаленности отъ большихъ городовъ, а также и по причинѣ серьёзной опасности, которой подвергаются посѣтители со стороны роевъ дикихъ пчелъ, гнѣздящихся въ углубленіяхъ скалы. Подземныя галлереи, вырытыя въ траппѣ, открываются на вогнутой сторонѣ почти вертикальной стѣны, у подошвы которой течетъ ручей Вагара; насупротивъ высятся другія крутизны: мы находимся въ оврагѣ, оканчивающемся выступомъ скалъ, съ высоты котораго рѣка спускается рядомъ каскадовъ, изъ которыхъ послѣдній, седьмой, имѣетъ 30 метровъ паденія. Большинство священныхъ гротовъ были

[1]) *Fergusson* and *Burgess* „Cave Temples in Western India".

вихара, или монастыри, имѣвшіе изваянія только у входныхъ дверей и оконъ и содержавшіе во внутренности храма одну только статую Будды, поставленную на алтарѣ; кельи—это простыя ниши, изсѣченныя въ скалѣ вокругъ залы. Храмы, или шайтіа, болѣе богаты украшеніями; но что придаетъ величайшій интересъ и особенную, единственную цѣну религіознымъ памятникамъ Аджантскихъ горъ, такъ это произведенія живописи, остатки которыхъ еще видны на стѣнахъ и сводахъ святилищъ; принадлежа къ различнымъ эпохамъ, отъ второго столѣтія стараго лѣтосчисленія (т. е. до Р. Х.) до седьмаго вѣка новой, христіанской эры, эти фрески свидѣтельствуютъ о нѣкоторыхъ анатомическихъ познаніяхъ и о вѣрномъ чувствѣ соразмѣрности, пропорціональности; эти картины изображаютъ не только религіозные и символическіе сюжеты, но также сцены изъ общественной и домашней жизни, охоты, битвы, процессіи, свадебныя и похоронныя церемоніи, представляютъ работниковъ и ремесленниковъ за ихъ различными работами, женщинъ, занимающихся своимъ хозяйствомъ; словомъ, вся внутренняя жизнь, весь соціальный бытъ буддійской Индіи, какою она была за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени, развертывается передъ глазами зрителя; судя по этимъ картинамъ, индусы обладали тогда лишь очень малымъ числомъ разнаго рода оружія, оборонительнаго и наступательнаго. Аджантскіе гроты, представляющіе обширный музей, заключаютъ въ себѣ всю исторію буддійскаго искусства, съ того времени, когда монахи удалялись въ глубину пещеръ, едва расширенныхъ желѣзомъ, до тѣхъ вѣковъ, когда, уже болѣе чѣмъ на половину браманизированные, они обращались ко всѣмъ рессурсамъ живописи и скульптуры для украшенія своихъ храмовъ [1]). Въ 40 километрахъ къ югу, на дорогѣ въ Джальну, главный городъ Гайдарабадскаго царства, состоящій подъ наблюденіемъ квартирующаго тамъ англійскаго войска, находится знаменитое поле сраженія при Асай (Assaye), гдѣ было сокрушено, въ 1803 году, могущество маратской конфедераціи.

Ниже Назика, Годавери, текущая въ своей глубокой, размытой водами долинѣ, имѣетъ мало городовъ на своихъ берегахъ или на сосѣднихъ холмахъ, и всѣ существующіе тамъ города, Така, Пайтанъ, Патри, Нандаръ, Нирмаль, Джаупуръ, имѣютъ незначительное населеніе; но въ бассейнѣ этой рѣки, на холмѣ, господствующемъ надъ долиной Манджеры, стоитъ старинный городъ Бидаръ, бывшій, до половины шестнадцатаго столѣтія, столицей одной магометанской династіи, и еще защищенный каменными стѣнами и цитаделью съ 72 бастіонами. Сохранившіяся донынѣ прекрасныя зданія свидѣтельствуютъ о быломъ богатствѣ Бидара, и его ремесленники, унаслѣдовавшіе отъ предковъ одну

[1]) *Burgess* and *Fergusson* „Cave Temples of India"; *A. Grandidier* „Tour du Monde", 1869, deuxième semestre.

спеціальную промышленность, нѣкогда очень дѣятельную, еще обладаютъ секретомъ приготовленія такъ называемаго „бидарскаго металла“,—сплава изъ мѣди, свинца, олова и цинка,—который употребляютъ на драгоцѣнныя украшенія, увеличивая ихъ достоинство прибавкой золота или серебра.

Сиронча, расположенный на холмѣ, господствующемъ надъ сліяніемъ двухъ большихъ рѣкъ, Пранхиты и Годавери, походитъ скорѣе на деревню, чѣмъ на городъ, не смотря на свое счастливое мѣстоположеніе. На югѣ, Варунгулъ, бывшая столица талинганской династіи, еще до сихъ поръ окруженъ двойною оградой каменныхъ стѣнъ и рвомъ, имѣющимъ слишкомъ 9 километровъ въ окружности; немногочисленные поселяне, нынѣшніе обитатели города, живутъ словно затерянные среди этой обширной древней крѣпости [1]). Точно также, въ долинѣ притока Индравати, городъ Джагдальпуръ, или „Новый Бастаръ“, столица бѣдной земли Бастаръ, горы которой, вѣроятно, будутъ современемъ усѣяны „лѣтними городами“, или санаторіями, представляетъ теперь лишь скопленіе полуразвалившихся глиняныхъ хижинъ. Джайпуръ, другая столица туземнаго государства, имѣетъ болѣе важное значеніе; но, за исключеніемъ дворца раджи и десятковъ пяти пагодъ, всѣ остальныя строенія ея тоже состоятъ изъ жалкихъ лачугъ. Чтобы увидѣть настоящіе города, нужно спуститься въ область дельты. Раджамагендри, бывшая столица туземнаго царства, расположенная на лѣвомъ берегу главной рѣки, выше бифуркаціи—самый красивый и одинъ изъ наиболѣе промышленныхъ между этими городами. Его дома, живописно окруженные пальмами и другими тропическими деревьями, тянутся непрерывнымъ рядомъ вдоль береговъ Годавери, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ; реставрированная крѣпостца, занятая сипаями, господствуетъ надъ городомъ и надъ рѣкой, которая въ этомъ мѣстѣ раздвинулась на три километра въ ширину; паровой паромъ перевозитъ пассажировъ съ одного берега на другой. Раджамагендри въ былое время пользовался большою славой за произведенія его кисейныхъ фабрикъ; теперь его мануфактуры выдѣлываютъ скатерти и разныя другія ткани того же рода; въ сосѣдствѣ недавно основанъ обширный сахарный заводъ. Кромѣ того, служба на шлюзахъ, при запрудѣ у Даоэшварама, въ семи километрахъ ниже по теченію, даетъ занятіе многимъ сотнямъ рабочаго люда.

Порты дельты Годавери, съ которыми Раджамагендри сообщается посредствомъ судоходныхъ каналовъ, всѣ неудобны и опасны. Коканада, самый оживленный изъ этихъ портовъ, лежащій на сѣверной сторонѣ сѣвернаго рукава Годавери, составляетъ одинъ городъ съ старинною голландскою факторіей Джаганадпуръ; онъ экспортируетъ хлопокъ, рисъ, сахаръ, маслянистыя сѣмена, а табаки его считаются лучшими во всей

[1]) *King* „Memoirs of the Geological Survey of India“, vol XVIII, part. 3.

Индіи. Движеніе судоходства въ Кокападскомъ портѣ въ теченіе 1874—1875 года: 500.000 тоннъ грузовъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ: 25.382.500 франковъ. Южнѣе, Коринга, которая сообщается съ Годавери посредствомъ болотистаго рукава, была нѣкогда, какъ и голландскій городъ, важнѣйшимъ торговымъ городомъ всего этого прибрежья; въ Барманіи и въ другихъ областяхъ Индо-Китая резидентовъ изъ племени телугу и теперь еще обыкновенно называютъ корингами, по имени города, откуда прежде отправлялись эмигранты; корингскіе мореходы, плавающіе на мелкихъ судахъ, поднимающихъ небольшой грузъ, до сихъ поръ ведутъ торговлю съ Барманіей. Вдоль рукава, соединяющагося съ Годавери, расположены кораблестроительныя верфи, между городомъ Коринга и французскою конторой Янаонъ, единственнымъ остаткомъ завоеваній, совершенныхъ французами Дюпле и Бюсси въ области Сиркарскаго побережья. Это черезполосное владѣніе Янаонъ, занимающее на берегу сѣверной Годавери пространство въ 1.429 гектаровъ, которое населяютъ около 5.000 индусовъ, не имѣетъ почти никакой торговли, будучи отдѣлено отъ моря низкими и измѣнчивыми водами, по которымъ суда не отваживаются плавать. На южной вѣтви Годавери находится другой, пришедшій въ упадокъ, городъ, теперь бѣдная рыбачья деревня: это Мадаполамъ, имя котораго до сихъ поръ еще дается, въ торговлѣ, одной бумажной ткани (родъ крѣпкаго и глянцовитаго коленкора). Въ 1789 году, вся эта мѣстность была затоплена тремя послѣдовательными громадными валами, которые гналъ страшный циклонъ, и жители дельты потонули десятками тысячъ. Корабль „Le Lévrier“ былъ перенесенъ волнами за милю отъ Коринги внутрь материка [1]).

Важнѣйшіе города Сѣвернаго Сиркара и бассейна Годавери:

Англійскія владѣнія.		*Туземныя государства.*	
Визагапатамъ . . .	32.200 жит.	Аурангабадъ . . .	50.000 жит.
Визіанаграмъ . . .	22.600 „	Бидаръ	40.000(?)„
Назикъ	21.850 „	Джальна	15.000(?)„
Бархампуръ . . .	21.650 „	Джайпуръ.	9.250 „
Раджамагендри . .	19.700 „	Джагдальпуръ(Бастаръ)	3.000(?)„
Коканада	17.850 „	*Французскія владѣнія.*	
Парла-Кимеди . . .	15.950 „	Янаонъ	4.260(?)„
Чикаколе	15.600 „		
Боббили	14.150 „		

Городскія поселенія болѣе многочисленны въ бассейнѣ Кистны, нежели въ бассейнѣ Годавери. Пуна, мараттскій городъ, господствующій

[1]) *L. de Grandpré* „Voyage dans l'Inde et au Bengale“.

надъ областью истоковъ рѣки Бимы, есть одинъ изъ большихъ городовъ Индіи, особенно въ лѣтній сезонъ, съ іюня до ноября, когда онъ дѣлается временною столицей Бомбейскаго президентства, а нѣкоторыя изъ правительственныхъ учрежденій провинціи имѣютъ тамъ свои канцеляріи постоянно. Прежде чѣмъ сдѣлаться главнымъ городомъ англійскаго округа, Пуна былъ резиденціей маратскихъ владыкъ (пешва), и, какъ таковой, центромъ промышленности во всей сѣверной области нагорья; его ремесленники обработывали шелкъ, хлопокъ, металлы, слоновую кость, и теперь еще его мастерскія поставляютъ бомбейскимъ купцамъ различные предметы роскоши, но англійская конкурренція окончательно лишила индусскій городъ прежней его промышленной монополіи. Тѣмъ не менѣе, Пуна быстро растетъ, какъ пунктъ соединенія торговыхъ дорогъ и мѣсто отправки земледѣльческихъ произведеній и другихъ товаровъ; большое число маратскихъ негоціантовъ, считая еще этотъ городъ своею столицей, поселяются въ немъ на постоянное жительство послѣ того, какъ наживутъ состояніе. Построенный на правомъ берегу рѣки Муты, на высотѣ 563 метровъ, Пуна находится подъ наблюденіемъ англійскаго военнаго города, который расположенъ къ сѣверу отъ туземнаго города, но и самъ въ бо́льшей части населенъ индусами; европейскія виллы и публичные сады и парки занимаютъ почти все пространство, отдѣляющее Пуну отъ Кирки, другого значительнаго городскаго поселенія, въ сосѣдствѣ котораго тоже расположены англійскіе кантонементы. Еще недавно равнина, гдѣ построены эти два города, была почти безъ деревьевъ; теперь она осѣнена, особенно по берегу рѣкъ и рѣчекъ, плантаціями аравійской акаціи (acacia arabica), или *бабуля*. Пуна и Кирки въ изобиліи снабжаются водой съ тѣхъ поръ, какъ Мута остановлена выше этихъ городовъ запрудой, которая задерживаетъ теченіе въ резервуарѣ, пространствомъ въ 14 квадр. километровъ, и регулируетъ стокъ впродолженіи всего года. Отъ маратской эпохи Пуна сохранилъ любопытные раскрашенные дома, храмы, и на холмѣ Парватѣ, возвышающемся на западной сторонѣ города, дворецъ прежнихъ властителей (пешва), окруженный рощами „Алмазнаго сада“. Къ сѣверу отъ этого города находится священное мѣсто, гдѣ соединяются двѣ рѣки Мута и Мула; до декрета лорда Бентинка, изданнаго въ 1829 году, здѣсь вдовы добровольно сожигали себя на трупѣ мужа; въ наши дни пламя погребальныхъ костровъ пожираетъ только мертвыя тѣла.

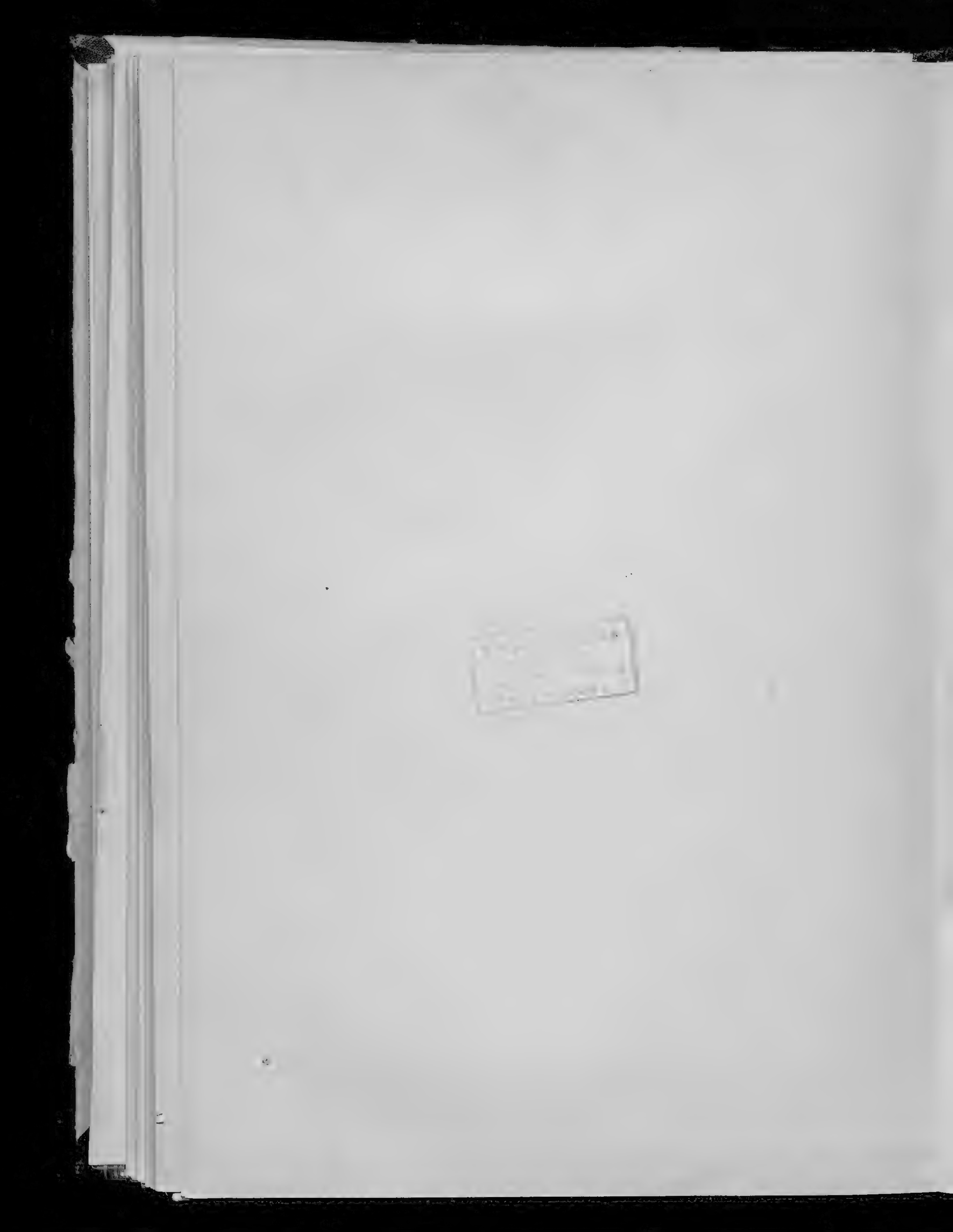
Близъ желѣзной дороги изъ Пуны въ Бомбей и недалеко отъ подъема въ проходъ Боръ-гатъ находятся священные гроты Карли, гораздо чаще посѣщаемые вѣрующими, чѣмъ Эллорскія и Аджантскія пещеры, благодаря легкости доступа вслѣдствіе удобства сообщеній. Главный храмъ, или шайтіа, самое совершенное и самое красивое подземное святилище, какое существуетъ въ Индіи, открывается на половинѣ высоты

на боку холма: храму предшествуетъ грандіозная паперть, пропускающая свѣтъ во внутренность святилища черезъ широкое отверстіе или дверь со сводомъ; узорчатые рѣзные балконы и барельефы украшаютъ стѣны этого преддверія, а три огромныхъ слона, изсѣченныхъ въ живой скалѣ, кажется, какъ бы поддерживаютъ на своей спинѣ всю тяжесть горы. Эта пагода, отличающаяся простотой и величавостью своихъ размѣровъ, очень походитъ на христіанскую церковь: сводъ, скрѣпленный балками изъ тековаго дерева, теряется во тракѣ; справа и слѣва, пятнадцать восьмиугольныхъ колоннъ отдѣляютъ среднее пространство храма отъ нижнихъ сторонъ, и капители этихъ колоннъ увѣнчаны изваяніями, представляющими слоновъ, лошадей, людей въ различныхъ позахъ; въ глубинѣ подземелья находится сводообразная нишь, гдѣ алтарь замѣненъ дагобой, уставленной священными орнаментами. Надпись на паперти приписываетъ сооруженіе этого подземнаго храма одному царю, жившему почти за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени.

На сѣверѣ отъ Пуны, городъ Джунаръ расположенъ недалеко отъ крутого обрыва Гатскаго хребта, у подошвы величественной горы, на верху которой стоитъ старинная крѣпость, гдѣ родился знаменитый Сиваджи, основатель маратгской державы; этотъ городъ тоже имѣетъ памятники древности, относящіеся, вѣроятно, къ буддійской эпохѣ: это лѣстницы съ колоннадами, спускающіяся къ глубокимъ источникамъ. Ахмеднагаръ, городъ мусульманскаго происхожденія, построенный на мѣстѣ древняго Бингара, замѣчателенъ своею крѣпостью, построенною въ теченіе пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій, и своими мечетями, которыя теперь превращены въ жилые дома европейскими резиденціями. Шолапуръ, главная станція между Пуной и Гайдарабадомъ, не имѣетъ замѣчательныхъ строеній, но за то онъ сдѣлался важнѣйшимъ промышленнымъ городомъ плоскогорья, благодаря обширному ткацкому производству, дающему занятіе пяти тысячамъ рабочихъ. Онъ ведетъ большую торговлю, также какъ и Пандгарпуръ, на рѣкѣ Бима, одно изъ святыхъ мѣстъ, наиболѣе посѣщаемыхъ пилигримами и торговымъ людомъ, собирающимся на происходящія здѣсь обширныя ярмарки; вслѣдствіе стеченія массы народа, Пандгарпуръ въ прежнее время былъ гнѣздомъ и разсадникомъ холеры, откуда зараза распространялась по всей странѣ. Кальбаргахъ, стоящій, какъ и Шолапуръ, при желѣзной дорогѣ изъ Бомбея въ Мадрасъ, но къ сѣверу отъ долины рѣки Бимы, есть между городами магометанскаго основанія одинъ изъ самыхъ богатыхъ архитектурными достопримѣчательностями. Какъ бывшая столица Деккана, Кальбаргахъ заключаетъ въ себѣ гробницы многихъ царей четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, равно какъ старинныя мечети, изъ которыхъ одна есть единственный въ Индіи мусульманскій храмъ, гдѣ передняя ограда совершенно крытая, для того, чтобы вѣрующіе находились подъ кровомъ.

УЛИЦА ВЪ ТУЗЕМНОЙ ЧАСТИ БОМБЕЯ.

Крѣпость, возвышающаяся въ 2 километрахъ отъ города на крутой скалѣ, представляетъ теперь обширную груду развалинъ, среди которыхъ пріютилось нѣсколько хижинъ, и гдѣ пантеры тоже находятъ себѣ логовище [1]).

Сатара, метрополія возвышенныхъ долинъ Кистны, занимаетъ положеніе, сходное съ положеніе Пуны, близь окраины Гатскихъ горъ. Она тоже была одимъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ маратской конфедераціи, и даже своимъ именемъ Сатара, означающимъ „Семнадцать", обязана семнадцати бастіонамъ, которые ее защищали. Подъ англійскимъ господствомъ, этотъ городъ получилъ важное торговое значеніе, благодаря своему положенію при большихъ дорогахъ, соединяющихъ его съ Бомбеемъ и съ другими городами Деккана; но онъ еще не связанъ съ сѣтью желѣзныхъ путей; многочисленные параллельные отроги, которые смыкаются оконечностями и образуютъ краевую цѣпь Гатскихъ горъ, препятствовали постройкѣ рельсоваго пути, соединяющаго, по направленію съ сѣвера на югъ, города Западнаго Деккана. Въ Сатарскомъ округѣ находится, на высотѣ 1.437 метровъ надъ уровнемъ моря, Магабалешваръ, самый многолюдный „лѣтній городъ" во всей области Гатскихъ горъ. Весной сюда переселяется на дачу большинство высшихъ чиновниковъ изъ Бомбея; но какъ только наступаетъ муссонъ, приносящій цѣлые потоки дождя на склоны горъ, толпа временныхъ жителей поспѣшно удаляется въ Пуну. Въ сухое время года Магабалешваръ представляетъ пріятное мѣстопребываніе: публичные сады и бульвары пересѣкаются на самомъ краю плоскогорья, откуда гуляющіе видятъ у себя подъ ногами равнины Конкана и, въ отдаленіи, серебристую поверхность моря. Магабалешваръ былъ основанъ, какъ санаторій, въ 1828 году, бомбейскимъ губернаторомъ Малькольмомъ, по имени котораго одна изъ деревень этой лѣтней станціи называется Малькольмпетъ. Въ небольшомъ разстояніи къ востоку находится, среди густой зелени, священное мѣсто, гдѣ бьетъ изъ земли ключъ, составляющій истокъ Кистны. Надъ этимъ священнымъ источникомъ возвышаются храмъ Магадео (Великаго Бога), посѣщаемый многочисленными пилигримами, и другое, болѣе величественное капище, посвященное Ганесѣ, или Ганнути, богу Мудрости. Городъ Вай, построенный близь истока Кистны, есть главное сборное мѣсто вѣрующихъ. На сѣверѣ и на западѣ, на скалахъ, отдѣленныхъ отъ гребня Гатскихъ горъ, стоятъ крѣпкіе замки, прославившіеся какъ цитадели мараттовъ, Раджгаръ, Торна, Партабгаръ и Райгаръ, мѣстопребываніе Сиваджи [2]).

Кольгапуръ, другой маратскій городъ, лежащій на одномъ изъ притоковъ Кистны, недалеко отъ бреши Гатскихъ горъ, чрезъ которую проходитъ дорога, спускающаяся къ порту Ратнагири, не состоитъ подъ

---

[1]) *Eastwick* „Handbook for Madras".
[2]) *Richard Temple* „Proceedings of the Geographical Society of London", aug. 1872.

непосредственнымъ управленіемъ англичанъ; это столица вассальнаго царства, вокругъ котораго группируются одиннадцать другихъ княжествъ или менѣе важныхъ леновъ. Въ этой области Деккана нѣтъ ни одной цѣпи холмовъ, ни одного уединеннаго пригорка, гдѣ не стоялъ бы крѣпкій за̀мокъ, изъ которыхъ иные не менѣе грозны, чѣмъ крѣпости Раджпутаны. Въ 15 километрахъ къ сѣверо-западу, одинъ изъ этихъ старинныхъ за̀мковъ или, вѣрнѣе сказать, обширный укрѣпленный лагерь, окруженный каменными стѣнами и пропастями, занимаетъ вершину плоскогорья: это крѣпость Пуналла. Укрѣпленный городъ Визальгаръ еще живописнѣе расположенъ на утесѣ внѣшняго края Гатскихъ горъ. Въ этомъ мѣстѣ, совершенно отдѣленный отрывокъ горъ высится въ видѣ островообразнаго массива; между этимъ уединеннымъ массивомъ и нагорьемъ остался трехугольный мысъ изъ лавы, соединенный съ Декканомъ простою стѣной, вдоль которой съ той и другой стороны идутъ глубокія пропасти; эта стѣна и есть единственная дорога, дающая доступъ къ городу, дома̀ котораго скучены въ оградѣ, построенной на окружности мыса. Маленькій владѣтельный князекъ, царствовавшій въ Визальгарѣ, покинулъ свое орлиное гнѣздо и переселился въ городъ Малькапуръ, на плоскогорьѣ [1]).

Городъ Бельгаомъ, лежащій къ югу отъ чрезполосныхъ владѣній Кольгапуръ, на одномъ маленькомъ подпритокѣ Кистны, получилъ въ эти послѣдніе годы большую важность по причинѣ расположеннаго въ немъ сильнаго гарнизона, который изъ этого центральнаго пункта наблюдаетъ за различными туземными государствами и за португальскими владѣніями Гоа. Эти бельгаомскіе кантонементы, между прочимъ, всего болѣе способствовали развитію торговли порта Вингорла, на Конканскомъ берегу. Эта область Деккана усѣяна городами болѣе многочисленными, чѣмъ сколько ихъ встрѣтишь, на одинаковомъ пространствѣ, въ бо̀льшей части другихъ мѣстностей нагорья; поля, засѣянныя хлѣбомъ, и плантаціи хлопчатника покрываютъ обширныя пространства чернозема, преимущественно въ юго-востоку отъ Бельгаома, вокругъ городовъ Дарвара и Губли. Первый изъ этихъ городовъ, Дарваръ, замѣчателенъ только, какъ административный центръ округа; въ промышленномъ же и торговомъ отношеніи гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ Губли, состоящій изъ двухъ городскихъ поселеній, раздѣленныхъ ручьемъ, который спускается къ западному морскому берегу черезъ рѣку Гангавали. Въ этомъ мѣстѣ порогъ, образующій водораздѣльную возвышенность между двумя покатостями Полуострова, представляетъ совершенно правильную равнину, и ни одинъ городъ не занимаетъ болѣе выгоднаго положенія, какъ сборное мѣсто для торговаго обмѣна. Губли еще не связанъ съ сѣтью

[1]) *Eastwick* „Handbook for Madras“.

желѣзныхъ дорогъ Индіи, но на картахъ онъ является какъ одинъ изъ главныхъ центровъ будущихъ пересѣченій рельсовыхъ путей. Городъ Гудукъ, на востокѣ—тоже значительный рынокъ, привлекающій большое число покупателей хлопка.

Къ востоку отъ долинъ и равнинъ Западнаго Деккана, гдѣ вода течетъ въ количествѣ, достаточномъ для орошенія полей, почва становится все менѣе и менѣе плодородною, деревни и нивы встрѣчаются все рѣже и рѣже; во многихъ мѣстахъ нагорья путешественникъ видитъ лишь безплодныя пространства красноватой земли, усѣянныя камнями; группы жилищъ, обведенныя стѣнами изъ битой глины, которыя защищали поселянъ отъ набѣговъ разбойниковъ, не отличаются отъ окружающихъ пустынь. Неурожаи съ ихъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ, голодомъ, часто постигали этотъ край, и одинъ изъ такихъ неурожаевъ, продолжавшійся цѣлыя десять лѣтъ сряду, съ 1396 по 1406 годъ, превратилъ страну почти въ безлюдную пустыню. Безхлѣбица 1876 и 1877 годовъ, хотя и не столь ужасная по своимъ размѣрамъ, какъ сейчасъ упомянутое бѣдствіе, произвела, однако, сильное опустошеніе среди мѣстнаго населенія; въ округѣ Каладжи пятая часть жителей погибла голодною смертью, а оставшіеся въ живыхъ впали въ крайнюю нищету, сдѣлались самыми бѣдными между крестьянами Индіи. Покинутыя жителями деревни скоро превращаются въ простыя кучи глины, но мѣстами видны еще остатки городовъ, памятники которыхъ свидѣтельствуютъ о прежнемъ процвѣтаніи. Такъ, Биджапуръ, еще окруженный могучими стѣнами изъ лавы, сохранилъ на своемъ холмѣ безчисленные мечети, дворцы, мавзолеи, поражающіе необыкновеннымъ изяществомъ стиля: одинъ изъ его куполовъ, самый обширный на всемъ Полуостровѣ, мало имѣетъ равныхъ себѣ даже въ Европѣ. Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ, Аурензебъ овладѣлъ Биджапуромъ, и съ того времени этотъ городъ, не уступавшій великолѣпіемъ Агрѣ и Дели, мало-по-малу сдѣлался „городомъ мертвыхъ“; впрочемъ онъ еще заключаетъ въ своей оградѣ нѣсколько деревень, пруды, базаръ. Къ югу отъ округа Каладжи находится другой, пришедшій въ упадокъ, городъ, Гампи или Биджанагаръ (Виджаянагаръ), индусская столица, стоявшая на южномъ берегу рѣки Тунга-Бхадра, гдѣ теперь существуетъ лишь нѣсколько деревушекъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ 24 квадр. километровъ, покрытомъ развалинами гранитныхъ храмовъ и дворцовъ; повсюду видны только груды мусора, столбы, стоящіе или поваленные на землю, порталы или изваянія. Нѣкоторыя пагоды пощажены временемъ, равно какъ различныя части городской ограды циклопическаго вида; но никто не думаетъ вновь строить дома на мѣстѣ исчезнувшаго города, хотя окружающія земли плодородны, и рѣка приноситъ въ изобиліи воду, необходимую для орошенія полей. Итальянскій путешественникъ Николо ди-Конти, посѣ-

тившій Биджанагаръ въ пятнадцатомъ столѣтіи, даетъ ему шестьдесятъ миль въ окружности. „Биджанагарскій государь, превосходившій могуществомъ всѣхъ другихъ царей Индіи,—говоритъ этотъ путешественникъ,—имѣлъ сто-тысячное войско и двѣнадцать тысячъ женъ, изъ которыхъ четыре тысячи завѣдывали его кухней, другія четыре тысячи должны были сопровождать его на коняхъ, въ видѣ почетной свиты, а остальныя четыре тысячи были носимы за нимъ въ паланкинахъ. Когда онъ умиралъ, двѣ тысячи избранныхъ женъ добровольно предавали себя самосожженію на его могилѣ"[1]). Въ краѣ находятъ большія количества венеціанскихъ золотыхъ монетъ, свидѣтельствующія о важности, какую имѣла нѣкогда торговля Венеціи съ полуденною Индіей, неизвѣстной остальной Европѣ[2]). Въ настоящее время Биджанагаръ имѣетъ значеніе только, какъ святое мѣсто, куда приходятъ пилигримы. Населеніе Гампи постепенно ушло изъ него, направляясь на юго-западъ къ Госпету, или „Новому Городу", конечной станціи желѣзной дороги, и на востокъ къ Баллари (Беллари, Валагари), торговому городу, надъ которымъ господствуютъ два яруса укрѣпленій и который соединенъ вѣтвью рельсоваго пути съ мадрасскою сѣтью. Англичане сдѣлали изъ него первоклассную военную станцію.

Ниже Биджанагара, рѣка Тунга-Бхарда служитъ границей между англійскою провинціей Мадрасъ и Гайдарабадскимъ царствомъ, и вплоть до своего слиянія съ Кистной она не имѣетъ на своихъ берегахъ ни одного города, кромѣ Карнула, остающагося почти безъ всякаго сообщенія съ остальнымъ краемъ; во время голода 1877 года подвозъ продовольствія въ этотъ городъ былъ весьма недостаточенъ, вслѣдствіе чего смертность тамъ увеличилась слишкомъ въ три раза противъ обыкновенной цифры. Торговое движеніе направилось къ станціямъ поперечной желѣзнодорожной линіи изъ Бомбея въ Мадрасъ, къ Гутти, Адони, Райджуру. Между этими двумя городами рельсовый путь проходитъ черезъ рѣку Тунга-Бхарда по мосту о 53 пролетахъ, имѣющему общей длины 1.130 метровъ. Алмазные пріиски въ окрестностяхъ Карнула разработываются теперь лишь въ немногихъ мѣстахъ, близь Банаганпили и Рамалькоты. Эти копи были часто посѣщаемы со времени путешествія Тавернье; въ то время тамъ находили камни цѣнностью до шестнадцати тысячъ экю, и цѣлыя колоніи гранильщиковъ поселились тогда въ сосѣдствѣ пріисковъ. Въ наши дни эти пріиски приносятъ уже скудные доходы навабамъ или набобамъ края, хотя плата рабочимъ не превышаетъ пятнадцати сантимовъ и порціи риса въ день[3]).

[1]) *Angelo de Gubernatis* „Storia dei Viaggiatori italiani nelle Indie Orientali".
[2]) *Textor de Ravisi* „Congrès des Orientalistes". Lyon, 1878.
[3]) *King* „Memoirs of the Geological Survey of India"; *V. Ball* „Diamonds, Coal and Gold of India".

Резиденція низама, Гайдарабадъ, расположенная на рѣкѣ Мути, одномъ изъ сѣверныхъ притоковъ Кистны, соединена съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Индіи. Этотъ городъ, столица самаго большаго медіатизированнаго царства, существованіе котораго еще терпимо англичанами, есть самый многолюдный центръ населенія внѣ ихъ непосредственныхъ владѣній; собственно городъ имѣетъ, говорятъ, около 200.000 жителей, да кромѣ того населеніе предмѣстій, которыя тянутся на нѣсколько километровъ, достигаетъ почти такой же цифры; домà города съ предмѣстьями покрываютъ пространство слишкомъ въ 27 квадр. километровъ. Ограда съ пятью воротами отдѣляетъ городъ отъ его предмѣстій, но и сама равнина, по крайней мѣрѣ, бòльшая часть ея, окружена хаотически расположенными гранитными скалами, образующими естественный оплотъ, который часто защищалъ Гайдарабадъ отъ нападеній мараттовъ; тамъ и сямъ каменныя глыбы нагромождены одна на другую кучами причудливой формы, какъ будто какіе-то гиганты забавлялись тутъ дѣтскими играми; между этими грудами гранита, безплодная почва покрыта чащей джунгля; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистый поясъ имѣетъ не менѣе 30 километровъ въ ширину и составляетъ пустынную „мархію", или украину, гдѣ непріятели не находили для себя никакихъ рессурсовъ при вторженіи въ страну. Эта естественная ограда изъ гранитныхъ скалъ облегчила устройство озерныхъ резервуаровъ въ Гайдарабадской равнинѣ; одинъ изъ этихъ бассейновъ, тотъ, который снабжаетъ городъ водой, имѣетъ поверхность, равную 4.000 гектарамъ.

Дворецъ низама представляетъ собраніе низенькихъ построекъ, въ которыхъ живутъ около 7.000 человѣкъ, прислуги и солдатъ; эти послѣдніе, по бòльшей части, афганцы и арабы, потомки воиновъ, сопровождавшихъ своихъ мусульманскихъ повелителей; отрядъ амазонокъ занимаетъ почетное мѣсто между войсками гвардіи низама. Главная достопримѣчательность дворца—это его террасы, откуда можно обозрѣвать весь городъ съ его садами и многочисленными мечетями, между которыми замѣчательны „Мекская" мечеть,—прозванная такъ по причинѣ предполагаемаго сходства ея съ святилищемъ арабскаго города, — и Чаръ-Минаръ, или „Четыре Минарета", возвышающіеся на аркадахъ, при пересѣченіи двухъ главныхъ улицъ. Великолѣпный дворецъ англійскаго резидента, защищенный бастіонами, расположенъ за городомъ, посреди роскошнаго парка; кромѣ того, британскій представитель имѣетъ въ Боларамѣ, въ 16 километрахъ къ сѣверу отъ Гайдарабада, зàмокъ, не менѣе хорошо защищенный отъ всякаго нападенія. Между двумя дворцами тянутся обширные Сикандарабадскіе кантонементы, самый сильный военный постъ англичанъ въ Индіи; они покрываютъ пространство въ 50 квадр. километровъ, заключающее въ своей чертѣ одинъ торговый городъ и нѣсколько деревень. Въ самой сильной позиціи

кантонементовъ построенъ укрѣпленный окопами лагерь, расположенный такимъ образомъ, что можетъ служить безопаснымъ мѣстомъ убѣжища проживающимъ въ резиденціи европейцамъ, и снабженный водой и запасомъ продовольствія, достаточнымъ для годовой осады. Вообще, англичане позаботились о томъ, чтобы ихъ авторитетъ не могъ пострадать отъ сосѣдства туземнаго властителя.

Древняя столица царства, Голконда, находится на западъ отъ Сикандарабадскихъ кантонементовъ и на сѣверо-западъ отъ Гайдарабада; отъ нея остались только развалины да постройки крѣпости. Голконда расположена среди хаоса гранитныхъ скалъ, „грудъ обломковъ,— говоритъ легенда,—которыя побросалъ великій Зодчій вселенной, когда онъ кончилъ строить горы“ [1]). Между всѣми этими скалами огромная глыба гранита, высотой въ 80 метровъ, на которой высятся черныя стѣны цитадели и которую окружаютъ мавзолеи, имѣетъ видъ некрополя; мертвая тишина воцарилась на мѣстѣ пышнаго города, имя котораго еще вызываетъ въ умѣ представленіе о баснословныхъ неистощимыхъ богатствахъ. До сихъ поръ еще говорятъ объ „алмазахъ Голконды“, въ воспоминаніе тѣхъ драгоцѣнныхъ камней, которые государи Деккана въ былое время накапливали въ своей сокровищницѣ. Бадахшанскіе лазурики, туркестанскіе рубины, тибетскіе сапфиры (синіе яхонты), самбальпурскіе и карнульскіе алмазы, цейлонскіе жемчуги блистали тогда на одеждахъ и оружіи магометанскихъ владыкъ, гробницы которыхъ окружаютъ теперь Голкондскую скалу. Эти надгробные памятники, реставрированные по приказанію низама, походятъ одинъ на другой, если не размѣрами, матеріаломъ и богатствомъ украшеній, то, по крайней мѣрѣ, общею формой. Всѣ они занимаютъ центръ террасы, на которую ведетъ рядъ ступеней, и всѣ состоятъ изъ четырехугольной гранитной массы, окруженной мавританскими аркадами и уставленной по угламъ минаретами; посреди зданія высится квадратная башня, тоже съ колоннадами и шпицами, украшенная блестящими штукатурками, разноцвѣтными фаянсами и надписями, сдѣланными бѣлыми буквами по голубому полю. На юго-востокѣ отъ Гайдарабада стоитъ, между другими гробницами, надгробный памятникъ одному французу, генералу Раймону.

Переходя цѣпь горъ, отдѣляющую царство низама отъ приморской покатости, рѣка Кистна проникаетъ въ страну, которая была священною уже въ глубокой древности, за нѣсколько столѣтій до того времени, когда Гайдарабадъ сдѣлался „Меккой“ мусульманъ Индіи. На правомъ берегу этой рѣки, близъ Дарнакоты, находятся многочисленные пригорки Амравати, остатки строеній, группировавшихся вокругъ буддійской ступы, богато украшенной произведеніями скульптуры, изъ которыхъ самыя

---

[1]) *Eastwick* „Handbook for Madras“.

замѣчательныя, очевидно, принадлежащія рѣзцу греко-бактрійскихъ ваятелей, перевезены въ Лондонъ; кругъ столбовъ, имѣющій 180 метровъ въ окружности, который окаймлялъ главную ступу, былъ украшенъ слишкомъ 12.000 статуй; камень, изрѣзанный какъ узоры вышивки, представляетъ всѣ символы буддійской вѣры, священное дерево, колесо, змѣю, коня. Когда китайскій пилигримъ Гіуэнъ-Цангъ объѣзжалъ буддійскій міръ въ половинѣ седьмаго столѣтія христіанской эры, Амраватская дагоба и сосѣдніе храмы были еще во всей своей красѣ и великолѣпіи. Въ окрестностяхъ Дарнакоты видны многочисленные могильные круги, составленные изъ грубыхъ, неотесанныхъ камней и похожіе на мегалитовый кругъ, найденный около Стонгенджа, въ Англіи [1]).

Верстахъ въ тридцати ниже по теченію, на лѣвомъ берегу рѣки, гнейсовые холмы, господствующіе надъ маленькимъ городкомъ Безвада, изрыты пещерами, которыя буддисты обратили въ святилища; горы, возвышающіяся напротивъ этого городка, тоже заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ подземный храмъ, гдѣ Вишну смѣнилъ или, лучше сказать, продолжаетъ собою Будду. Безвада, расположенный при выходѣ Кистны изъ горныхъ ущелій, служитъ мѣстомъ переправы черезъ рѣку для большей части путешественниковъ и складочнымъ пунктомъ для ихъ товаровъ; тамъ же построена запруда, задерживающая вòды рѣки и заставляющая ихъ течь въ каналы, оросительные и судоходные, которые перерѣзываютъ область дельты. Гунтуръ, въ 28 километрахъ къ югу отъ рѣки, есть второе складочное мѣсто товаровъ, и кромѣ того, обязанъ нѣкоторою важностью тому обстоятельству, что правительство выбрало его главнымъ городомъ округа Кистны. Но оба порта морскаго прибрежья, Низампатамъ на южной и Мазулипатамъ на сѣверной сторонѣ устья Кистны, засоренные рѣчными наносами, обмелѣли и сдѣлались неудобными для большихъ судовъ; только маленькія каботажныя суда туземцевъ приходятъ туда за грузами. Впрочемъ, Мазулипатамъ и теперь еще многолюдный городъ; въ былое время, какъ голландская контора, онъ велъ большую торговлю; французы владѣютъ тамъ факторіей, или „ложей“ (loge), занимающей пространство земли въ формѣ квадрата, сторона котораго равна 300 метрамъ; въ факторіи производится кое-какой торговый обмѣнъ, но цѣнность его незначительна.

Нынѣшній городъ находится внутри материка, въ пяти километрахъ отъ мѣста якорной стоянки, называемой обыкновенно Машли-Бандаръ, „Рыбною Гаванью“, или просто Бандаръ. Въ 1866 году ураганъ, гнавшій передъ собою волны моря, пронесся надъ Мазулипатамомъ и разрушилъ его почти до основанія; говорятъ, около 30.000 человѣкъ погибло во время этой страшной катастрофы.

---

[1]) „Mackenzie papers“; *James Fergusson* „Description of the Amravati Tope“.

*

Важнѣйшіе города въ бассейнѣ Кистны, съ ихъ населеніемъ въ 1872 году.

Англійскія владѣнія.

Пуна.	90.450	жит.
„ съ гарнизономъ.	100.050	„
Шолапуръ	53.400	„
Баллари.	51.750	„
Губли	37.950	„
Ахмеднагаръ . . .	32.850	„
Кирки	31.550	„
Дарваръ.	27.150	„
Бельгаомъ	26.950	„
Карнулъ	25.580	жит.
Сатара	24.500	„
Гунтуръ	18.050	„
Пандгарпуръ . .	16.275	„
Биджапуръ . . .	12.950	„
Госпетъ	10.500	„

Туземныя государства.

Гайдарабадъ . .	350.000(?)	„
Кольгапуръ. . .	39.620	„
Сикандарабадъ. .	32.000	„

XIV.

ЮЖНАЯ ИНДІЯ.

МАДРАСЪ, МАЙСУРЪ, КУРГЪ, КОШИНЪ, ТРАВАНКОРЪ.

Оконечность Полуострова, на югъ отъ рѣки Кистны, есть область, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть разсматриваема, какъ представитель исторической Индіи. Походъ Александра Македонскаго показалъ западнымъ народамъ только берега Инда и равнины Пятирѣчья, переходный поясъ между Ираномъ и Индустаномъ по континентальному климату, виду мѣстности и произведеніямъ почвы; но онъ не познакомилъ съ Индіей, прославляемой арабскими купцами, съ тою чудною страной, откуда привозили пряности, драгоцѣнные камни, благовонное дерево, великолѣпныя ткани, покупаемыя на вѣсъ золота. Открытіе этого легендарнаго края, имя котораго резюмировало все, что есть на землѣ богатаго и прекраснаго, совершилось черезъ море; путешествія первыхъ мореплавателей приводили ихъ чаще къ берегамъ Малабара, нежели къ берегамъ Конкана, потому что на югѣ Полуострова они могли получать драгоцѣннѣйшія произведенія, перецъ, корицу, сандальное дерево. „Край, откуда привозится перецъ", сдѣлался, въ понятіяхъ европейцевъ, Индіей по преимуществу; это та страна, которую намъ рисуютъ такими яркими красками волшебныя сказки „Тѣсячи одной ночи"; полуденная Индія— это не только область, гдѣ чужеземные купцы находили для себя наиболѣе цѣнные грузы товаровъ, это также та часть Полуострова, которая представляетъ самые живописные виды, самыя грандіозныя картины природы, гдѣ особенно поразителенъ контрастъ между низкими берегами моря, окаймленными рядомъ домовъ, разсѣянныхъ подъ кокосовыми

пальмами и высокими громадами горъ, выдѣляющихъ свои голубыя массы на лучезарной лазури небеснаго свода. Южныя государства Индіи являли иностраннымъ морякамъ любопытное зрѣлище народовъ, нравовъ и обрядовъ, совершенно отличныхъ отъ ихъ собственныхъ. Новый міръ, въ который эти европейцы были перенесены изъ своего отечества, представлялъ имъ болѣе предметовъ, возбуждавшихъ удивленіе, чѣмъ Сѣверный Индустанъ. Жители, принадлежащіе къ особому корню, не имѣющіе родственной связи по расѣ или языку съ иранцами, какъ сѣверные индусы, являются, однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ индусами по преимуществу, именно въ отношеніи религіи и учрежденія кастъ; нужно идти на югъ Индіи, чтобы понять многія страницы древнихъ книгъ, смыслъ которыхъ утраченъ уже въ сѣверныхъ провинціяхъ. Постепенное вытѣсненіе первыми арійцами, затѣмъ греко-бактрійцами, арабами, афганцами, татарами, персами населеній сѣвера имѣло слѣдствіемъ сосредоточеніе въ южныхъ областяхъ оригинальности расъ, типовъ и нравовъ; тамъ, на югѣ, такъ сказать, сохранилась донынѣ античная Индія, Индія старыхъ расъ и отдаленныхъ традицій.

Но, съ другой стороны, благодаря морскимъ путешествіямъ, въ этой именно части Полуострова возникло наибольшее число иностранныхъ колоній. Уже съ первыхъ вѣковъ общепринятой эры христіане начали селиться на Малабарскомъ берегу; когда Васко-де-Гама объѣхалъ вокругъ Африки, онъ высадился на томъ же берегу и тамъ совершены были первыя завоеванія, положившія начало обширной колоніальной имперіи, которую португальцы основали въ Индіи, тамъ же, въ полуденной Индіи, вокругъ городовъ Мадраса, Пондишерри, Серингапатама, Майсура, происходила великая борьба французовъ и англичанъ. Поддержанные до конца метрополіей, послѣдніе одержали верхъ въ этой борьбѣ и съ конца прошлаго столѣтія сдѣлались безспорными обладателями всѣхъ странъ, простирающихся къ югу отъ Кистны. Правда, англо-индійское правительство оставило существовать нѣкоторыя туземныя государства, управляемыя косвенно его министрами-резидентами и удерживаемыя въ повиновеніи гарнизонами укрѣпленныхъ лагерей и крѣпостей. Но эти государства представляютъ окруженныя со всѣхъ сторонъ непосредственными британскими владѣніями территоріи, неимѣющія сообщенія съ моремъ, исключая двухъ туземныхъ царствъ, Кошинскаго и Траванкорскаго, составляющихъ вмѣстѣ узкую береговую полосу между Кардамонными горами и озерами или лагунами морскаго прибрежья. Народонаселеніе Дравидіи уменьшилось въ послѣднее десятилѣтіе вслѣдствіе страшнаго голода, постигшаго страну въ 1877 году.

Пространство и населеніе Южной Индіи, безъ сѣвернаго Сиркара и округовъ Баллари и Карнулъ:

	Пространство.	Населеніе въ 1872 г.	Километр. населеніе.
Мадрасское президентство.	203.093 кв. килом.	22.329.931 жит.	110 жит.
Майсуръ	70.126 „ „	5.055.412 „	88 „
Кургъ	5.180 „ „	168.312 „	82 „
Кошинъ.	3.525 „ „	598.353 „	170 „
Траванкоръ	17.430 „ „	2.311.379 „	132 „
Пудукота	3.574 „ „	316.695 „	88 „
Всего . .	303.926 кв. килом.	30.778.182 жит.	102 жит.
Вѣроятное населеніе въ 1882 г.		29.600.000 „	97 „

Разсматриваемая въ цѣломъ, трехугольная масса полуденной Индіи образуетъ плоскость, гораздо болѣе наклонную къ востоку, нежели плоскость Деккапскаго плоскогорья. Такъ какъ основаніе этой массы менѣе широко и горы болѣе высоки, то средніе скаты сравнительно круче и климатическіе поясы болѣе сближены. Отъ этого произошелъ большой контрастъ между равнинной и горною областью въ отношеніи флоры, фауны, земледѣльческой культуры и населеній. Тогда какъ въ сѣверной части Гатскихъ горъ и въ Декканѣ давно уже исчезли дѣвственные лѣса, въ южныхъ областяхъ они покрывали еще обширныя пространства, и въ прогалинахъ, которыя этими лѣсами отдѣлены отъ воздѣланныхъ равнинъ, еще живутъ многія племена, не имѣющія сношеній съ цивилизованными обитателями нижнихъ мѣстностей. До прибытія англичанъ различіе климатовъ, слѣдующихъ поясами одинъ за другимъ на склонахъ горъ, препятствовало сообщеніямъ между морскимъ прибрежьемъ и горною страной; напротивъ, съ того времени, какъ чужеземцы, пришедшіе изъ Сѣверной Европы, сдѣлались господами края, замѣчается какъ разъ обратное явленіе. Зная, что въ возвышенныхъ долинахъ, на плоскогорьяхъ, превышающихъ 2.000 метровъ высоты надъ уровнемъ моря, климатъ умѣренный, напоминающій климатъ ихъ родины, англичане основали колоніи и лѣтніе города, или санаторіи, высоко надъ нездоровыми областями равнины. Нигдѣ, исключая развѣ предгорій Сиккима и Западнаго Гималая, завоеватели не водворились болѣе прочнымъ образомъ, чѣмъ на Голубыхъ Горахъ (Ниль-Гири) полуденной Индіи; въ этой твердынѣ горъ, окруженной дравидійскими населеніями, можно подумать, что находишься не въ Индіи, а гдѣ-нибудь въ Англіи: такъ все напоминаетъ здѣсь дальній Альбіонъ—климатъ, природа и люди.

На югъ отъ широкаго отверстія Гатскихъ горъ, черезъ которое рѣка Гангавали и ея притоки спускаются нечувствительно съ плоскогорій Деккана, краевой хребетъ снова появляется и тянется параллельно морскому берегу, на разстояніи отъ него, среднимъ числомъ, около 60 километровъ; нѣкоторыя гранитныя вершины поднимаются слишкомъ на 1.000 и 1.500 метровъ; одна изъ нихъ, гора Тадіандамоль, въ

маленькомъ государствѣ Кургъ, достигаетъ даже 1.746 метровъ высоты. У западнаго основанія крутыхъ склоновъ этой краевой цѣпи простирается латеритовое плато, полого наклоненное къ морю и мѣстами перерѣзанное глубокими оврагами, по дну которыхъ бѣгутъ временные горные потоки, вырывшіе почву до голаго камня. Тамъ и сямъ высятся уединенныя остроконечныя вершины, гнейсовыя или гранитныя, однѣ совершенно голыя, лишенныя всякой растительности, другія поросшія мелкимъ кустарникомъ. Но собственно Гатскія горы почти сплошь покрыты лѣсами. Кургъ, имя котораго означаетъ „Крутыя горы", еще недавно представлялъ, почти на всемъ своемъ протяженіи, одинъ сплошной большой лѣсъ, продолжающійся на востокъ длинною полосой лѣсной поросли, которая составляетъ естественную границу государства Майсуръ, земли „Демона съ буйволовою головой". Въ нѣкоторыхъ округахъ склоны горъ покрыты однообразно деревьями съ постоянною листвой; въ другихъ мѣстахъ увидишь только чащи бамбуковъ, переплетающихся стеблями. Другія области Гатскихъ горъ представляютъ, напротивъ, очень большое разнообразіе древесныхъ породъ, между которыми особенно замѣчательны: пунъ или красоцвѣтъ (calophyllum), прямой стволъ котораго, достигающій 25 или 30 метровъ (до 14 саженъ) въ вышину, употребляется на постройку судовъ, текъ, составляющій собственность правительства, деревья черное, желѣзное, хлѣбное, дикое манговое дерево, бѣлый кедръ и многіе другіе тропическіе виды; безчисленныя ліаны протягиваютъ съ дерева на дерево свою переплетающуюся сѣть листьевъ и цвѣтковъ. Не подчиненные еще правильному лѣсному хозяйству, эти обширные лѣса эксплуатируются безъ всякой системы кочевниками, которые приходятъ собирать кардамонъ, чернильные орѣшки, дикій аррорутъ, корицу, кашу́ (смолистый сокъ акаціи катеху), камедь и медъ. Лѣса сандальнаго дерева, по бо̀льшей части, тянутся вдоль восточнаго склона Гатскихъ горъ, въ Майсурскомъ царствѣ. Когда англичане сдѣлались верховными властителями (сюзеренами) страны, эти лѣса составляли уже монополію правительства, такъ что побѣдители просто замѣнили собою побѣжденныхъ, какъ собственники государственныхъ имуществъ. Дорогіе сорты дерева отправляются въ Мангалоръ и особенно въ Бомбей, гдѣ они употребляются на фабрикацію мелкихъ вещей, извѣстныхъ въ торговлѣ подъ названіемъ „бомбейскихъ издѣлій" (Bombay work). Дѣвственные лѣса Кургскихъ и Майсурскихъ Гатовъ служатъ еще убѣжищемъ тиграмъ и пантерамъ; но эти хищные звѣри, не находя болѣе дичи, которая нѣкогда водилась во множествѣ въ этихъ лѣсахъ, приблизились къ селеніямъ, чтобы промышлять на счетъ домашнихъ животныхъ и стали теперь гораздо опаснѣе, чѣмъ были прежде. Слоны еще недавно были очень многочисленны въ этомъ краѣ, такъ что въ 1874 году партія трапперовъ въ

одинъ день изловила 55 штукъ этихъ великановъ животнаго царства. Теперь эта истребительная охота запрещена; крестьяне могутъ только защищать свои поля, окапывая ихъ рвами.

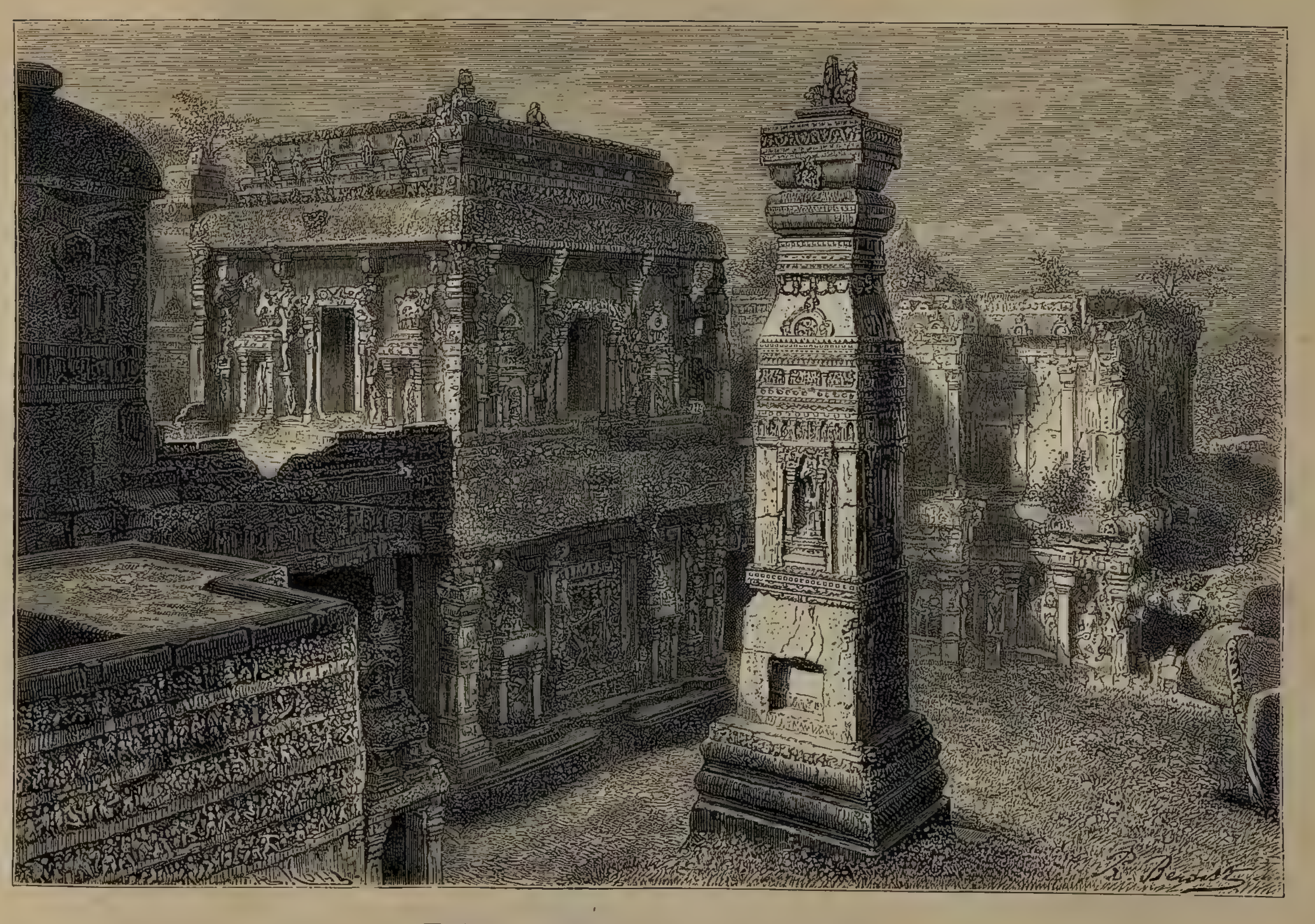
Массивъ Ниль-Гири, или „Голубыхъ Горъ", стоитъ почти уединенно; только одинъ изъ его западныхъ пиковъ, Іелламалахъ, соединяется съ цѣпью Брама-Гири, въ землѣ Кургъ, кряжемъ, идущимъ по направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Со всѣхъ другихъ сторонъ группа горныхъ вершинъ поднимаетъ свои крутые бока очень высоко надъ плоскогорьями или равнинами; прежде массивъ былъ окруженъ поясомъ болотистыхъ лѣсовъ, подобнымъ полосѣ терай, окаймляющей Подгималайскія горы; кромѣ того, двѣ рѣки, Мойаръ на сѣверѣ, Бавани на югѣ, огибаютъ цѣпь Ниль-Гири и соединяются у подошвы ихъ восточнаго выступа или мыса, послѣ чего онѣ впадаютъ въ Кавери. Плоскогорья Вайнадъ, прославившіяся своими золотыми пріисками, и Майсурскія возвышенности, составляющія на сѣверѣ какъ бы внѣшнюю террасу цѣпи Ниль-Гири, частью отдѣлены отъ нея долиной Мойаръ. Въ цѣломъ обширная трапеція Голубыхъ Горъ возвышается слишкомъ на 1.000 метровъ надъ сѣверными возвышенностями и на 2.000 метровъ надъ южными равнинами; самый высокій ихъ пикъ, Додабетта,— что значитъ на канарійскомъ нарѣчіи „Большая Гора",—и пять другихъ вершинъ, или *беттъ*, превышаютъ 2.500 метровъ. Пройдя внѣшній поясъ лѣсовъ и поднявшись по крутымъ склонамъ предгорій, достигаешь края неровнаго, холмистаго плоскогорья, гдѣ пространства почти ровныя чередуются съ холмами, представляющими волнообразную поверхность; въ глубинѣ небольшихъ долинъ, перерѣзывающихъ нагорную равнину, разсѣяны живописные лѣски, тогда какъ на высотахъ разстилаются зеленымъ ковромъ луговыя пространства и тамъ и сямъ залегаютъ торфяныя болота [1]. Горные скаты довольно легки для подъема, что дало возможность провести по нимъ дороги во всѣхъ направленіяхъ, и гуляющіе безъ труда выходятъ на вершины, чтобы любоваться оттуда разстилающимся у нихъ подъ ногами обширнымъ горизонтомъ равнинъ, часто полускрытымъ облаками пыли и составляющимъ яркій контрастъ съ переднимъ планомъ картины, занятымъ зеленѣющими лугами, лѣсами и шумящими каскадами [2]. Уже три колесныя дороги поднимаются отъ окружности Голубыхъ Горъ къ станціямъ плоскогорья, но желѣзный путь, идущій изъ Мадраса, останавливается у основанія юго-восточнаго склона.

Плоскогорье Ниль-Гири въ первый разъ было изслѣдовано въ 1814 году Макъ-Магономъ и Кизомъ, но ихъ оффиціальный отчетъ пропалъ безполезно, какъ многія другія бумаги, въ архивахъ остъ-индской компаніи.

---

[1] *Bruce Foote* „Memoirs of the Geological Survey of India", XII, 1876.

[2] *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien"; *Mount Stuart Grant Duff* „Notes of an Indian Journey".

ХРАМЪ БОГИНИ КАЛИ ВЪ ЭЛЛОРѢ.

Настоящее открытіе, то, которое обнаружило англичанамъ, жителямъ морскаго прибрежья, существованіе въ ихъ близкомъ сосѣдствѣ нагорья, пользующагося умѣреннымъ климатомъ Европы, было сдѣлано пять лѣтъ спустя Уишемъ и Киндерслеемъ, двумя чиновниками, пустившимися въ погоню за однимъ контрабандистомъ. Первый домъ санитарной станціи появился на Голубыхъ Горахъ въ 1821 году, черезъ два года послѣ основанія Симлы; такимъ образомъ, эти двѣ колоніи, получившія столь важное значеніе, какъ мѣста для поправленія здоровья непривычныхъ къ индійскому климату европейцевъ, возникли почти одновременно. Натуралистъ Лешено-де-ла-Туръ (Leschenault de la Tour), изслѣдуя Ниль-Гири вокругъ единственнаго существовавшаго тогда дома, собралъ тамъ 200 видовъ растеній европейскаго типа, совершенно отличныхъ отъ тропическихъ формъ, свойственныхъ нижней равнинѣ [1]); дубъ—одно изъ самыхъ обыкновенныхъ деревъ въ лѣсахъ Голубыхъ Горъ. Съ тѣхъ поръ, какъ англичане покрыли это плоскогорье городами, деревнями, виллами и дачами, край еще болѣе принялъ европейскую физіономію отъ разведенія въ паркахъ и садахъ бо́льшей части древесныхъ породъ, свойственныхъ Англіи; во многихъ мѣстахъ иллюзія полная: на холмахъ Мальвернъ встрѣчаешь того же англичанина со всею его обстановкою, какъ и въ горахъ Девоншира; домъ его покрытъ тѣми же ползучими ліанами; садъ его представляетъ тѣ же цвѣты и вокругъ его жилища насажены деревья того же вида; европейскія породы птицъ, выпущенныя въ лѣса Ниль-Гири, размножились тамъ, и маленькія озера плоскогорья, гдѣ прежде водилась только одна порода рыбъ, получили колоніи карповъ, линей и форелей. На вершинѣ Додабетты, гдѣ находится метеорологическая станція, средняя годовая температура 11,8 градусовъ стоградуснаго термометра, т. е. такая же, какъ на берегахъ Луары, и различныя другія станціи, смотря по высотѣ ихъ положенія, соотвѣтствуютъ, по средней температурѣ, Гаскони, Провансу, Тосканѣ, Сициліи. Но Голубыя Горы, лежащія въ тропическомъ поясѣ, не имѣютъ, какъ страны умѣреннаго пояса, большихъ годовыхъ колебаній температуры и рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ холоду; на вершинѣ горы Додабетты разность температуры между теплымъ и холоднымъ временемъ года не достигаетъ даже 3 градусовъ Цельзія. На этихъ высотахъ царствуетъ вѣчная весна. Главныя перемѣны погоды—сухость и влажность; съ конца октября до начала мая небо почти всегда безоблачно, но въ періодъ дождей туманы часто стелются по плоскогорью; положеніе мѣста относительно сторонъ горизонта составляетъ, послѣ высоты, главный элементъ здѣшняго климата [2]). Во время юго-западнаго муссона увеличенные дождями ручьи превращаются

[1]) „Mémoires du Museum d'histoire naturelle“, 1822; *Carl Ritter* „Asien“.

[2]) *H. von Schlagintweit*, цитированное сочиненіе; *Clements Markham* „Travels in Peru and India“.

въ настоящія рѣки, а струйки маленькихъ каскадовъ замѣняются могучими водопадами, временными Ніагарами, которыя выгрызають края плоскогорья. Одинъ изъ самыхъ красивыхъ каскадовъ въ Ниль-Гири, ревущихъ между сіенитовыми стѣнами—это водопадъ рѣки Пайкары, находящійся въ 16 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Утакамунда.

На югъ отъ Голубыхъ Горъ, цѣпь Гатовъ совершенно прерывается. Брешь Паль-Гатъ, которая прежде была покрыта тековыми лѣсами, открывается между двумя покатостями, Малабарскою и Корамандельскою, представляя такимъ образомъ дождевымъ вѣтрамъ юго-западнаго муссона широкую дорогу къ равнинамъ Коимбатура и къ бассейну рѣки Каверн; въ періодъ обратнаго муссона, суда, плывущія вдоль западнаго берега, почти всегда находятъ волненіе на морѣ, проходя мимо бреши, въ которую тогда низвергается атмосферный потокъ. Рѣка Понани, притокъ Аравійскаго моря, беретъ начало на восточной сторонѣ горъ, тогда какъ рѣчки и ручьи, спускающіеся къ Каверн, начинаются гораздо далѣе на западѣ; истоки переплетаются на этомъ, едва обозначенномъ водораздѣльномъ порогѣ Паль-Гата, высота котораго не достигаетъ даже 250 метровъ. Понятно, какое важное значеніе должно было имѣть это мѣсто легкаго прохода между двумя морскими прибрежьями; прежде тутъ стояло укрѣпленіе, запиравшее входъ въ этотъ проломъ между горъ, которое часто подвергалось нападенію и часто доставалось въ руки непріятеля; теперь оно замѣнено желѣзнодорожною станціей, одной изъ самыхъ важныхъ въ южной сѣти Полуострова; съ 1862 года проведенъ рельсовый путь черезъ порогъ между двумя покатостями.

Горы, возвышающіяся къ югу отъ прохода Паль-Гатъ, соотвѣтствуютъ плоскогорью Ниль-Гири, образуя вмѣстѣ съ нимъ какъ бы два столба громаднаго портала. Какъ и Ниль-Гири, хребетъ Анамалахъ (Анамалей), или „Горы Слоновъ“, состоитъ изъ гнейса съ прожилками кварца и порфира; какъ и Ниль-Гири, онъ обращенъ къ проходу Паль-Гатъ крутыми, обрывистыми склонами, господствующими надъ болотистымъ, порождающимъ лихорадки поясомъ терай, и точно также оканчивается гористымъ плато, гдѣ лѣса вдругъ прекращаются, уступая мѣсто лугамъ, поросшимъ густою травой. Флора этихъ двухъ массивовъ мало разнится; впрочемъ, флора „Слоновыхъ Горъ“, наиболѣе богатая, можетъ быть разсматриваема, какъ составляющая переходъ между видами Ниль-Гири и растительностью острова Цейлона; тамъ не нашли розы и земляники, которыя, однако, очень обыкновенны въ Голубыхъ Горахъ [1]). Фауна хребта Анамалахъ, менѣе преслѣдуемая звѣроловами, заключаетъ еще многіе виды, уже исчезнувшіе на сѣверномъ массивѣ; дикіе быки (bos gaurus) бродятъ въ лѣсахъ стадами; слоны еще на

[1]) *H. Cleghorn*, „The Forest and the Gardens of South India“.

столько многочисленны, что на нихъ охотятся единственно ради ихъ бивней. Въ цѣломъ, Анамалахъ, можетъ быть, менѣе высокъ, чѣмъ Ниль-Гири; однако, главная его вершина, Анамуди, выше (2.693 метра) Додабетты; десять вершинъ достигаютъ высоты 2.200 метровъ. „Открытый“ черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ Ниль-Гири, массивъ Анамалахъ не такъ легко доступенъ, и основанныя тамъ англичанами санитарныя станціи представляютъ еще незначительныя деревушки; причина тому—болѣе отдаленное положеніе его отъ Мадраса и политическія условія; въ то время, какъ плоскогорье Ниль-Гири находится во всемъ своемъ составѣ на британской территоріи, Слоновыя горы поднимаютъ свои самые высокіе пики въ туземныхъ государствахъ Кошинъ и Траванкоръ. Но, нѣтъ сомнѣнія, и эти горы скоро будутъ заселены колонистами и временными резидентами.

Массивъ Анамалахъ менѣе уединенъ, чѣмъ Голубыя Горы: на западѣ онъ дѣлится на параллельные хребты или отроги, которые постепенно понижаются къ Малабарскому берегу и отъ которыхъ этотъ край и получилъ свое названіе *Маліа-Варъ*, означающее „Многочисленныя Горы“ [1]); на югѣ онъ продолжается цѣпью, которую можно разсматривать, какъ принадлежащую къ системѣ Гатскихъ Горъ, хотя она и отдѣлена отъ этой системы Коимбатурскимъ проходомъ; на востокѣ онъ примыкаетъ къ другому массиву—къ массиву Пальни, который тянется верстъ на сотню до низменныхъ равнинъ Мадуры. Горы Пальни, или Вара-Гири, т. е. „Кабаньи горы“, немногимъ ниже массива Анамалахъ въ ихъ западной части, а одна изъ вершинъ, Пернальмали, превышаетъ 2.400 метровъ; на востокъ онѣ быстро понижаются и оканчиваются незначительною цѣпью холмовъ, покрытыхъ лѣсами. Южная сторона этихъ горъ самая крутая; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она имѣетъ видъ настоящей стѣны изъ гнейса, подпимающейся къ небу. Травяныя или степныя плато высокихъ горъ Пальни не отличаются такимъ плодородіемъ, какъ плоскогорье Ниль-Гири, гдѣ горная порода, вывѣтриваясь и распадаясь, смѣшивается съ растительными остатками и образуетъ очень плодородную почву; на Кабаньихъ горахъ подпочва вообще состоитъ изъ плотной, не пропускающей воду, глины, на которой скопляется влажность и гдѣ корни растеній превращаются въ слой торфа [2]). Однако, мѣстами есть отличныя земли въ пониженіяхъ плоскогорья и въ нижнихъ небольшихъ долинахъ, и маленькія европейскія колоніи, основанныя на этомъ массивѣ, вполнѣ оправдываютъ данное ему названіе Пальни, которое значитъ „Фруктовыя горы“; тамошніе сады и огороды походятъ на лучшія заведенія этого рода,

---

[1]) *Jon. Duncan* „Asiatic Researches“, 1799; *Burton* „Goa and the Blue Mountains“.
[2]) *Clements Markham* „Travels in Peru and India“.

существующія въ Европѣ, по разнообразію овощей и по богатству плодовыхъ деревъ

Къ югу отъ плоскогорій Анамалахъ и Пальни, горы, дополняющія конечный массивъ Индіи, похожій формою и размѣрами на островъ Цейлонъ, постепенно понижаются. Кардамонныя горы не достигаютъ даже 1.000 метровъ средней высоты; однако, ихъ гребни составляютъ барьеръ, который можно перейти только въ немногихъ мѣстахъ черезъ бреши. Самая высокая вершина Агастія, гдѣ раджей траванкорскимъ была основана обсерваторія (впрочемъ, вскорѣ покинутая) [1]), посвящена миоическому лицу, въ одно и то же время человѣку и богу, о которомъ преданіе говоритъ, что онъ обратилъ населеніе страны въ брамантскій культъ. Эти крайнія горы Индіи, покрытыя лѣсами, гдѣ водятся во множествѣ дикія животныя, считаются опасными по причинѣ ихъ міазмовъ; еще недавно туда ходили только нѣкоторые туземцы для охоты и для сбора плодовъ, смолы и древесной коры; но теперь и въ эту пустынную горную страну постепенно проникаютъ дороги, и не такъ давно раджа траванкорскій, подражая своимъ покровителямъ, англичанамъ, основалъ на Кардамонныхъ горахъ санитарную деревню, Муттукулиньялъ, лежащую на высотѣ 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря. На востокѣ, острогъ Али-Гири, отдѣляющійся отъ южной цѣпи, далеко выдвинулся за равнины Мадуры; кромѣ того, множество уединенныхъ холмовъ и пригорковъ, бывшихъ нѣкогда островами, возвышаются среди равнины, „словно стоги сѣна, разсѣянные на поверхности луга".

Эти горки—послѣднія возвышенія Восточныхъ Гатовъ, представляемыхъ на сѣверъ отъ рѣки Кавери массивомъ Шиварай или Сива-Раджъ, т. е. „Царственный Сива", одинъ пикъ котораго поднимается на 1.648 метровъ, и большимъ числомъ другихъ группъ высотъ, отроговъ и холмовъ. Такимъ образомъ, къ юго-восточной области Майсурскаго плоскогорья примыкаетъ цѣлый лабиринтъ горъ; но, продолжаясь къ сѣверу, система Восточныхъ Гатовъ тянется правильно, въ видѣ краевой цѣпи, главныя вершины которой достигаютъ высоты отъ 1 000 до 1 500 метровъ. „Въ трехугольномъ пространствѣ, ограниченномъ Восточными и Западными Гатами, Голубыми горами и массивомъ Шиварай, южная часть Декканскаго нагорья, т. е. плато Майсуръ, имѣющее среднее высоты отъ 600 до 900 метровъ, усѣяно отдѣльно стоящими скалами, которыя извѣстны въ краѣ подъ общимъ именемъ *другъ*, или „Неприступныхъ". Нѣкоторыя изъ этихъ каменныхъ массъ, возвышающіяся на триста и до пятисотъ метровъ надъ поверхностью неровнаго, холмистаго плоскогорья, походятъ на башни, и взобраться на нихъ можно не иначе, какъ по ступенькамъ, изсѣченнымъ въ камнѣ; между ними есть такія, которыя

[1]) *Clements Markham* „The Geographical Magacine", dec. 1, 1874.

покрыты зеленью на верхушкѣ и на которыхъ дожди отлагаютъ достаточно влажности для образованія маленькихъ озеръ или бьющихъ изъ земли ключей; эти скалы какъ бы предназначены самою природой сдѣлаться крѣпостями, и изъ за обладанія ими владѣтельные князья страны всего чаще вели между собою вόйны. Западная часть плато, опирающаяся на Гатскія горы, имѣетъ чисто сельскій характеръ, съ ея живописными долинами и холмами, зеленѣющими лѣсами и журчащими ручьями; уединенныя хижины разсѣяны по всѣмъ склонамъ надъ рисовыми полями, въ листвѣ банановъ и арекъ (индійское орѣховое дерево). Города и деревни рѣдки въ этомъ краѣ.

За исключеніемъ Понани, которая беретъ начало на восточной отлогости массива Анамалахъ, рѣки Малабара имѣютъ незначительное протяженіе и не могутъ соединиться съ другими потоками прежде, чѣмъ достигнутъ моря, въ сухое время года ихъ русла совершенно пересыхаютъ, но въ періодъ муссона и дождей онѣ катятъ огромную массу воды, которая размываетъ берега, и широко разливаясь, опустошаетъ поля, сноситъ цѣлыя селенія; мало найдется въ Индіи областей, гдѣ несчастія, причиняемыя наводненіями, случались бы чаще. На западѣ отъ Майсурскихъ и Кургскихъ Гатовъ большинство этихъ рѣкъ течетъ прямо въ Аравійское море; но далѣе къ югу онѣ изливаются въ береговыя лагуны, извѣстныя у англичанъ подъ именемъ *back-waters*. Во многихъ мѣстахъ эти пруды слѣдуютъ одинъ за другимъ по два и по три, или даже въ бόльшемъ числѣ, параллельно морскому берегу; въ цѣломъ, все приморье кажется состоящимъ изъ плоскихъ береговъ, отложенныхъ послѣдовательно моремъ и отдѣленныхъ одинъ отъ другого ложбинами, гдѣ прѣсная вода постепенно замѣняетъ соленую. Наблюденія, сдѣланныя на Малабарскомъ берегу, не были продолжаемы достаточно систематически, чтобы можно было сказать положительно, не способствовало ли постепенное поднятіе береговъ моря образованію этихъ параллельныхъ прибрежныхъ кордоновъ; но несомнѣнно то, что новые берега всегда отлагаются съ наружной стороны протоковъ, черезъ которые излишнія вόды лагунъ изливаются въ море въ періодъ муссона; рѣчные наносы и морскіе пески, поднимаемые со дна зыбью, располагаются въ формѣ стрѣлокъ, которыя морское теченіе, слѣдующее параллельно берегу съ сѣвера къ югу, вытягиваетъ въ одномъ и томъ же направленіи.

Уровень приморскихъ лагунъ измѣняется съ временами года, и нѣкоторыя изъ нихъ попеременно наполняются при наводненіяхъ и снова опоражниваются въ періодъ засухи. Въ иныхъ мѣстахъ лагуны совершенно отдѣлены отъ моря при помощи искусственной земляной насыпи и дно ихъ распахано и засѣяно рисомъ; но когда наступаютъ дожди муссона, этимъ озернымъ рисовымъ полямъ грозитъ опасность быть затопленными; тогда все мѣстное земледѣльческое населеніе становится на

ноги, чтобы укрѣпить плотины и опорожнить при помощи норій (гидравлическая машина, употребляемая для орошенія полей) каналы, наполняющіеся водой. Иногда, однако, всѣ эти работы оказываются безполезными: напоръ моря или береговыхъ потоковъ прорываетъ охранительныя плотины, и эти маленькіе „польдеры“ Малабара снова дѣлаются достояніемъ водной стихіи. Вдоль всего приморья одна линія береговыхъ озеръ или прудовъ заботливо поддерживается, какъ судоходный путь; почти вся торговля Кошина и Траванкора производится не моремъ, а подъ защитою отъ его бурныхъ волнъ, по этой мирной дорогѣ лагунъ. Даже во время большой засухи суда совершаютъ правильные рейсы между городами Кранганоръ, Кошинъ и Алеппи, на протяженіи 166 килеметровъ; обыкновенно же линія судоходства продолжается гораздо далѣе, съ одной стороны къ Мангалору, съ другой—къ Тривандраму; у Квилона, гдѣ скалистый мысъ прерываетъ цѣпь лагунъ, недавно прорыли каналъ, чтобы избавить суда отъ обхода вокругъ этого мыса. Сухопутныя дороги почти безполезны; за нѣсколько мелкихъ монетъ, туземные путешественники перевозятся за двѣсти и триста верстъ, вмѣстѣ съ ихъ багажемъ и товарами.

Закругляясь къ востоку красивою дугою, Малабарскій берегъ вдругъ оканчивается мысомъ Камари или Канджамуръ, который извѣстенъ европейцамъ болѣе подъ именемъ мыса Коморинъ; за этимъ мысомъ, первая бухта, затѣмъ вторая, болѣе глубоко вдающаяся въ материкъ, обозначаютъ начало Коромандельскаго берега, вѣроятно, получившаго это названіе отъ древней дравидійской династіи, царствовавшей въ Чора. Горы въ собственномъ смыслѣ не продолжаются, какъ одинъ сплошной хребетъ, до самаго мыса. Въ 36 километрахъ отъ Камари или Коморина главная цѣпь оканчивается пикомъ Мундра-Гири, откуда водораздѣльный хребетъ постепенно понижается, образуя рядъ террасъ. Далѣе, послѣднія возвышенія холмовъ исчезаютъ подъ моремъ лѣсовъ; только большіе гранитные камни, разсѣянные по почвѣ, обнаруживаютъ внутренній остовъ. Между послѣдними холмами и мысомъ, древняя каменная стѣна, мѣстами прерываемая скалами и джунглями, продолжаетъ естественный валъ Кардамоновыхъ горъ и заграждаетъ ихъ южную брешь, черезъ которую должна въ скоромъ времени пройти желѣзная дорога. Но не смотря на этотъ искусственный барьеръ, измѣненіе физическихъ условій проявляется, отъ одного берега до другого, нечувствительными переходами. Не встрѣчая никакой преграды, юго-западный муссонъ дуетъ свободно на полуденныя равнины Коромандельскаго берега и проливаетъ на него количество дождей, достаточное для образованія и питанія постоянной рѣки, называемой Тамрапарни [1]); съ другой стороны, сѣверо-восточный

[1]) *Clements Markham* „The Geographical Magazine“, dec. 1874.

муссонъ задѣваетъ, на западѣ отъ мыса Коморинъ, полуденную часть Траванкорской земли; отъ этого происходитъ смѣшеніе климатовъ и соотвѣтственныхъ флоръ. Въ этой области разнообразіе растительныхъ видовъ чрезвычайно велико; впродолженіи короткаго путешествія ботаникъ Лешено-де-ла-Туръ собралъ болѣе 40 полезныхъ растеній, которыя онъ затѣмъ съ успѣхомъ ввелъ на островѣ Соединенія. Даже по виду мѣстности и географическимъ чертамъ прибрежья, оба склона представляютъ большое сходство; съ той и другой стороны мыса Коморинъ водныя площади, разсѣянныя въ приморскихъ равнинахъ, являются уже не въ видѣ удлиненныхъ лагунъ, отдѣленныхъ отъ моря береговыми кордонами, но въ видѣ прудовъ неправильной формы, удерживаемыхъ запрудами и служащихъ для орошенія рисовыхъ полей. Однако, одна часть Мадурскаго приморья, такъ называемый „Рыболовный берегъ“, представляетъ настоящую пустыню, покрытую подвижными дюнами: вывѣтривающійся песчаникъ поверхности обращается въ песокъ, который переносится вѣтромъ по равнинамъ и которымъ уже засыпаны многія селенія. Среди этихъ песковъ растутъ вѣерныя пальмы, доставляющія тысячамъ людей дерево для постройки хижинъ, плоды и сокъ для пищи и приготовленія пальмоваго вина.

Во всей Индіи нѣтъ области, гдѣ эти прибрежные пруды были бы болѣе многочисленны, чѣмъ въ мѣстностяхъ, наклоненныхъ къ Коромандельскому берегу; перепись Мадуры насчитываетъ ихъ 5.700, перепись Майсура слишкомъ 37.000. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поверхность, занятая резервуарами, равняется площади орошаемыхъ земель; путешественникъ заблудился бы тамъ, какъ въ лабиринтѣ, если бы дороги не заимствовали у прудовъ ихъ плотинъ, задерживающихъ вòды бассейна. Въ окрестностяхъ Мадраса самое большое искусственное озеро, Чумбрумъ-Банкумъ, удерживается запрудой, имѣющей 6 километровъ въ длину; другое подобное озеро, питаемое водами сѣверной вѣтви рѣки Кавери, опирается на западѣ о плотину, общее протяженіе которой $17^1/_2$ километровъ. Большинство этихъ прудовъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Не смотря на вòйны и голодá, они всегда заботливо поддерживались мѣстными жителями и были располагаемы, по бòльшой части, такимъ образомъ, чтобы вòды ихъ не могли разливаться въ видѣ болотъ; это резервуары съ вертикальными или очень крутыми закраинами, на которыхъ вьются по косогору тропинки для пѣшеходовъ и вьючныхъ животныхъ. Однако, наводненія, обвалы, растрескиваніе почвы придали съ теченіемъ времени этимъ бассейнамъ форму, гармонирующую съ чертами окружающей природы; при видѣ ихъ бухточекъ и мысковъ, можно подумать, что находишься на берегу настоящихъ озеръ.

Эти резервуары тѣмъ болѣе необходимы для орошенія страны, что рѣки, спускающіяся съ Западныхъ Гатскихъ горъ и съ Майсурскаго

плоскогорья, представляютъ большія неправильности въ измѣненіяхъ уровня и количества жидкой массы. Такъ, Пеннаръ, иначе Пинакини или Попіаръ, т. е. „Золотая рѣка“, берущая начало въ сырой области Майсуръ пройдя въ своемъ теченіи около 570 километровъ, не имѣетъ болѣе ни капли воды въ сухое время года. Правда, что въ верхнихъ частяхъ бассейна ея теченіе черезъ извѣстные промежутки задерживается запрудами и отводится въ искусственныя водохранилища; болѣе пятишестыхъ ея нормальнаго стока употребляется, такимъ образомъ, на орошеніе прибрежныхъ мѣстностей; но случается иногда, во время проливныхъ дождей, что одинъ изъ верхнихъ прудовъ выступаетъ изъ береговъ или прорываетъ свою запруду, и его воды, неся массу обломковъ, устремляются въ нижележащіе резервуары, которые, въ свою очередь, переполняются и льются черезъ край или ломаютъ плотины; цѣлый потопъ низвергается тогда съ уступа на уступъ въ нижнія равнины, которыя онъ превращаетъ на цѣлые мѣсяцы во внутреннее море. Какъ почти всѣ другія рѣки восточнаго берега Полуострова, Пеннаръ дѣлится на нѣсколько рукавовъ выше своего устья и выдвигается въ море полукругомъ аллювіальныхъ земель. Большая запруда соединяетъ воды у Неллора и отбрасываетъ ихъ на югъ въ сѣть ирригаціонныхъ канавъ, которая орошаетъ пространство земли въ 25.000 гектаровъ (23.000 десятинъ). Кромѣ того, часть водъ Пеннара отведена въ ирригаціонный каналъ у „воротъ“ Восточныхъ Гатскихъ горъ и направлена на сѣверо-востокъ къ Кистнѣ.

Къ югу отъ Пеннара, называемаго также Вата-Пеннаръ, или „сѣверный Пеннаръ“, другія, менѣе полноводныя рѣки, какъ-то: Паларъ, Южный Пеннаръ или Тенъ-Пеннаръ, Велларъ (Веллауръ), или „Бѣлая рѣка“, представляютъ подобныя же неправильности въ порядкѣ своего теченія и въ измѣненіяхъ количества воды. Паларъ, или „Молочная рѣка“, которая беретъ начало тоже на Майсурскомъ плоскогорьѣ, бываетъ попеременно то могучимъ потокомъ, то совершенно пересохшимъ песчанымъ русломъ. Во время одного изъ своихъ разливовъ, о которомъ прибрежные жители сохранили воспоминаніе, хотя и не могутъ съ точностью сказать годъ событія, эта рѣка вдругъ измѣнила свое теченіе въ области дельты, и теперь только маленькій ручеекъ струится въ первоначальномъ руслѣ, подъ именемъ „Стараго Палара“, или Кортелліаръ; по соединеніи съ нѣсколькими другими ручьями, онъ впадаетъ въ одну береговую лагуну, на сѣверѣ отъ Мадраса. Новый Паларъ, который получаетъ почти всю жидкую массу рѣчнаго бассейна, изливается въ море въ 90 километрахъ къ югу отъ прежняго устья.

Кавери, уже извѣстная подъ этимъ именемъ древнему географу Птоломею, есть самая полноводная изъ всѣхъ рѣкъ полуденной Индіи, и бассейнъ ея имѣетъ наибольшее протяженіе. Она беретъ начало на

той же отлогости Гатскихъ горъ, въ землѣ Кургъ, и проходитъ всю южную часть Майсурскаго плоскогорья, съ котораго низвергается каскадами, извѣстными подъ названіемъ Сивасамудрамъ, или „Моря Сивы"; въ этомъ мѣстѣ рѣка раздѣляется на два рукава, окружающіе своими водопадами и порогами островъ длиною въ 15 километровъ, усѣянный большими гнейсовыми камнями и осѣненный большими деревьями. Въ сухое время года Кавери обращается въ нѣсколько ручейковъ, скользящихъ по стѣнамъ скалъ, но въ періодъ дождей, который, впрочемъ, есть самый благопріятный сезонъ для здоровья путешественниковъ, водопады ея принадлежатъ къ красивѣйшимъ въ свѣтѣ; тогда на сѣверной сторонѣ острова можно любоваться грандіознымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ рѣка въ своемъ паденіи: громадная водяная скатерть, шириною около 400 метровъ, содержащая жидкую массу, по меньшей мѣрѣ равную массѣ Гаронны или Луары въ меженнее время, низвергается въ видѣ столба съ высоты ста метровъ (почти 50 саженъ) въ узкій корридоръ между скалъ, со дна котораго брызги разбивающейся воды поднимаются облаками пара или тумана[1]). Ниже этихъ катарактовъ, Кавери, стѣсненная между боковыми отрогами массивовъ Ниль-Гири и Шиварай, выходитъ изъ области горъ рядомъ узкихъ поперечныхъ долинъ съ рѣзкими контурами; затѣмъ, усиленная рѣками, спускающимися съ Голубыхъ Горъ и съ Пальгатскаго порога, она извивается въ равнинѣ прежде, чѣмъ раздѣлиться на безчисленныя вѣтви своей дельты, изъ которыхъ иныя не что иное, какъ бывшіе каналы искусственнаго происхожденія. Также какъ Паларъ, Кавери перемѣстила свое главное теченіе; рукавъ, сохранившій имя рѣки, продолжаетъ течь въ восточномъ направленіи, къ Карикалу; но потокъ, уносящій главную массу водъ, Колерунъ или Колидамъ, направляется къ сѣверо-востоку, оставляя въ сторонѣ всѣ второстепенные рукава, развѣтвляющіеся на пространствѣ, берегъ котораго имѣетъ не менѣе 175 километровъ протяженія. Дельта рѣки Кавери одна изъ самыхъ обширныхъ въ Индіи, и выступъ, который она образуетъ за нормальною линіей морскаго берега, уступаетъ, по протяженію, только выступамъ дельтъ Ганга и Мага-Нади; однако, она состоитъ не изъ рѣчныхъ наносовъ новаго образованія; слои ила, поднимающіеся отъ 6 до 9 метровъ надъ уровнемъ самыхъ высокихъ разливовъ, покрываютъ поверхность дельты, пересѣкаемую рукавами Кавери, которые вырыли тамъ себѣ глубокія русла, и Букингамскимъ каналомъ, однимъ изъ наиболѣе утилизируемыхъ въ Индіи; онъ соединяетъ Кистну съ южными рукавами Кавери (движеніе судоходства по этому каналу въ 1878 году: 268.900 тоннъ грузовъ и 140.000 пассажировъ). Весьма вѣроятно, что вся эта область была поднята на нѣсколько метровъ: бывшіе острова, окаймленные

[1]) *Salt; Valentia; Lushington; Jervis; Carl Ritter* „Asien".

деревьями, нѣкогда прибитыми волной къ берегамъ и теперь уже находимыми въ окаменѣломъ состояніи, возвышаются надъ равниной, представляющей слегка волнистую поверхность. На востокѣ дельта примыкаетъ къ островиднымъ скаламъ, похожимъ на тѣ утесы, которые образуютъ стрѣлку Рамесварамъ; въ этомъ мѣстѣ материкъ выдвигаетъ косу по направленію къ сѣвернымъ островамъ, лежащимъ на сѣверъ отъ Цейлона. Вмѣсто того, чтобы распространяться все далѣе въ море путемъ отложенія новыхъ наносовъ, земли старой дельты, также какъ и земли при устьяхъ рѣкъ, текущихъ сѣвернѣе, на Коромандельскомъ берегу, постепенно размываются волнами океана. Вслѣдствіе вторженія моря, приморская полоса материка утратила выпуклую кривизну своихъ береговъ и протянулась прямою линіей сначала съ сѣвера на югъ къ мысу Калимеру, затѣмъ, сдѣлавъ крутой поворотъ, съ востока на западъ. Подъ защитой этого мыса, вода, скопляющаяся отъ дѣйствія юго-западнаго муссона въ глубинѣ Манаарскаго залива, отлагаетъ мелкій илъ, чѣмъ и вознаграждается работа разрушенія сѣверныхъ береговъ. Даже въ самую бурную погоду суда могутъ совершенно безопасно стоять на якорѣ въ этихъ спокойныхъ водахъ залива [1]).

Главная плотина, задерживающая вòды рѣки Кавери и заставляющая ихъ изливаться въ каналы дельты, этого „сада полуденной Индіи", построена еще въ древности, по малой мѣрѣ за полторы тысячи лѣтъ до нашего времени, и до сихъ поръ еще такъ хорошо сохранилась, что ее могли брать за образецъ для подобнаго рода сооруженій, воздвигнутыхъ ниже, поперегъ Колеруна. Жидкая масса, ударяющаяся о запруды въ періодъ большихъ дождей, превышаетъ иногда 13.300 кубич. метровъ въ секунду, тогда какъ средній стокъ не достигаетъ даже 500 кубич. метровъ; оросительные каналы развѣтвляются на пространствѣ 334.000 гектаровъ. За приносимыя ею благодѣянія Кавери почитается у туземнаго населенія, какъ одна изъ самыхъ священныхъ рѣкъ, почти какъ равная Гангу; благочестивые люди называютъ ее не иначе, какъ Дакшини Ганга, т. е. „южнымъ Гангомъ"; согласно одной мѣстной легендѣ, она даже чище, чѣмъ гималайская рѣка, и послѣдняя приходитъ каждый годъ подземными каналами обновлять свою силу въ священныхъ водахъ Кавери, оттого пилигримы стекаются массами купаться въ источникахъ, при сліяніяхъ, подъ каскадами глубоко чтимой рѣки.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ приморья, куда земледѣльцы не могли провести ирригаціонные каналы, безплодные пески, дюны, странствующія по волѣ вѣтра, составляютъ рѣзкій контрастъ съ богатыми воздѣланными землями орошаемыхъ мѣстностей; это маленькія пустыни, показывающія, во что̀ обратился бы весь край, если бы водяныя артеріи не разносили

---

[1]) „Memoirs of the Geologic Survey", IV, 1865.

по его поверхности животворной влаги. Но, за исключеніемъ этихъ песчаныхъ пространствъ, весь Коромандельскій берегъ получаетъ достаточное орошеніе, и мореплаватели узнаютъ его издалека по сплошному лѣсу кокосовыхъ пальмъ, который тянется зеленымъ поясомъ вдоль берега. Только часть приморья, заключающаяся между рѣками Паларъ и Сѣверный Пеннаръ, состоитъ, на протяженіи около 60 километровъ, изъ длинной песчаной косы, отдѣляющей отъ моря большую лагуну Пуликатъ; внѣшній берегъ и островки, разсѣянные въ этой лагунѣ, не имѣютъ другой растительности, кромѣ джунглей, куда жители Мадраса ходятъ рубить себѣ лѣсъ для топлива; даже на берегу твердой земли, къ западу отъ озера Пуликатъ, почва покрыта солянымъ налетомъ на большомъ протяженіи; тамъ и сямъ виднѣются селенія, окруженныя тамариндами и маленькими оазисами обработанной земли.

На Коромандельскомъ берегу были наблюдаемы нѣкоторые признаки медленнаго подпятія почвы; что касается подводнаго вулканическаго изверженія, которое, будто бы, происходило въ концѣ прошлаго столѣтія, километрахъ въ пятнадцати отъ Пондишери, то о немъ разсказываетъ только одинъ путешественникъ, видѣвшій его мелькомъ съ корабля на ходу; но этого единственнаго свидѣтельства, конечно, недостаточно, чтобы признать сообщаемый фактъ за достовѣрный. Однако, видъ морской поверхности даетъ поводъ думать, что вдоль береговъ Коромандельскаго, Малабарскаго и Цейлонскаго происходятъ значительныя движенія почвы въ вертикальномъ направленіи, причина которыхъ еще неизвѣстна. Во многихъ мѣстахъ моря видны площади грязной воды, даже надъ большими глубинами; волны открытаго моря разбиваются на окраинахъ этихъ мутныхъ пространствъ желтаго или краснаго цвѣта, поверхность которыхъ всегда остается гладкою или колеблется въ видѣ длинныхъ, одна за другою слѣдующихъ волнъ; корабли часто укрываются туда, какъ въ портъ. Многое множество рыбы находитъ тамъ себѣ подходящую пищу, и различныя рыбьи породы приходятъ туда метать икру [1]). Едва ли есть область моря, которая болѣе заслуживала бы научнаго изслѣдованія, чѣмъ эти грязные островки, висящіе среди чистой воды. Вѣроятно, эти мутныя пространства кишатъ миріадами микроскопическихъ животныхъ, присутствіе которыхъ и превращаетъ море въ какой-то грязный прудъ [2]).

Вся полуденная Индія принадлежитъ дравидійскимъ націямъ, названнымъ такъ по имени южныхъ племенъ, означенныхъ неопредѣленно древними санскритскими писателями. Это наименованіе, принятое новѣйшими

[1]) *Robertson* „Proceedings of the Royal Society of Edinburgh“, 1872—1873; *Medlicott* and *Blanford* „A Manual of the Geology of India“; *Emerson Tennent* „Ceylon“.
[2]) *Nature* „Weekly Journal of Sciences“, 1881.

*

этнологами, примѣняется теперь ко всѣмъ населеніямъ юга и центра, которыя говорятъ языками одного и того же происхожденія, совершенно отличными отъ арійскихъ идіомовъ сѣвера и отъ коларійскихъ діалектовъ области горъ Виндіа. По общему мнѣнію индіанистовъ, дравидійцы, или дравирійцы, не были первоначальными жителями (аборигенами) Полуострова; хотя они поселились въ краѣ за тысячи лѣтъ до нашего времени, однако, нарѣчія, которыми они говорятъ, указываютъ на племенное родство ихъ съ белуджистанскимъ народомъ брагуи [1]); полагаютъ, что они проникли въ Индію черезъ сѣверо-западную границу; затѣмъ, оттѣсняемые постепенно другими иноземными завоевателями, арійцами, они, вѣроятно, покинули сѣверныя области, чтобы сосредоточиться въ полуденныхъ странахъ. Въ первыя времена ихъ исторіи, какъ она раскрывается изъ словаря ихъ языка, чуждаго всякимъ санскритскимъ формамъ рѣчи, дравидійцы были уже культурнымъ народомъ прежде, чѣмъ подпасть подъ непосредственное вліяніе арійскихъ обратителей и цивилизаторовъ. Они знали очень многія ремесла и искусства, прядильное, ткацкое, красильное, гончарное, имѣли барки и даже палубныя суда, употребляли въ дѣло различные металлы, за исключеніемъ олова, цинка и свинца; они строили „укрѣпленные дома“ и храмы, но не умѣли еще украшать ихъ изваяніями; они знали искусство письма и чертили письменные знаки на листьяхъ пальмъ пальмиры или зонтичной [2]); во время ихъ празднествъ, поэты декламировали пѣсни, и толпа съ энтузіазмомъ слушала разсказы о національныхъ войнахъ. Эпопея Рамайяны разсказываетъ о нашествіи на дравидскія страны арійцевъ, и мѣстныя легенды говорятъ объ одномъ цивилизаторѣ, пришедшемъ съ сѣвера, о мудромъ Агастіѣ, предъ которымъ горы Виндіа „пали ницъ“, чтобы дать ему дорогу; правовѣрные индусы вѣрятъ, что онъ еще живъ, и указываютъ, какъ его мѣстопребываніе на землѣ—гору, которая носитъ его имя въ цѣпи Кардамоновыхъ горъ, къ западу отъ Тинневелли, а какъ его обитель на небѣ—блестящую звѣзду въ созвѣздіи Канопуса. Каково бы ни было значеніе преданій объ этой легендарной личности, во всякомъ случаѣ, дѣло индіанизаціи, которое приписывается Агастіи, было уже далеко подвинуто впередъ, когда греческіе мореплаватели въ первый разъ посѣтили берега полуденной Индіи, ибо въ ту эпоху бо̀льшая часть городовъ носила имена арійскаго происхожденія.

Между различными дравидскими діалектами, которыми говорятъ въ Южной Индіи и на сѣверѣ отъ рѣки Кистны, четыре — телугу, тамиль, малаяламъ и канарійскій — возвысились на степень литературныхъ языковъ. Телугу, какъ мы знаемъ, есть господствующая рѣчь на

[1]) *Lassen* „Indische Alterthumskunde“; *Caldwell* „Dravidian Languages“.
[2]) *Julien Vinson* „Bulletin de la Société de Geographie de Paris“.

ЦИТАДЕЛЬ И КРѢПОСТНЫЕ ВАЛЫ ГОЛЬКОНДЫ.

морскомъ берегу, отъ ущелья Магендра-Гири до озера Пуликатъ, и во всей восточной области Майсура; этимъ нарѣчіемъ въ Индіи говорятъ около пятнадцати милліоновъ человѣкъ, и кромѣ того, это языкъ колонистовъ, живущихъ на югѣ, около оконечности Полуострова, и многочисленныхъ эмигрантовъ въ Барманіи. Тѣ же дравидійцы языка телугу дали свое имя калинга или клингъ всѣмъ индусамъ, переселившимся въ Пинангъ, въ Сингапуръ, на острова Юго-восточной Азіи; колонисты изъ Индіи, принесшіе цивилизацію своей страны на острова Яву и Суматру, пришли, вѣроятно, съ телугскаго берега [1]). Названіе Gentous, данное въ началѣ миссіонерами всѣмъ язычникамъ („gentils") Полуострова, впослѣдствіи стали примѣнять спеціально къ жителямъ языка телугу. Первоначальную ихъ литературу составляютъ стихотворенія, пословицы, сказки; санскритскія эпопеи переводились на нарѣчіе телугу, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія, и вскорѣ послѣ того наступилъ золотой вѣкъ этого богатаго и гармоническаго языка, который по справедливости называютъ „итальянскимъ діалектомъ Индіи".

Тамиль, или тамуль, еще недавно занималъ лишь второе мѣсто между дравидскими языками по числу употребляющихъ его; но съ 1877 года, со времени большого голода, который свирѣпствовалъ преимущественно въ сѣверныхъ округахъ Мадрасской провинціи, численное преобладаніе принадлежитъ тамилю, употребляемому теперь на всей восточной покатости Индіи между озеромъ Пуликатъ и Тривандрамомъ, и кромѣ того, въ сѣверной половинѣ острова Цейлона; область его распространенія обнимаетъ уже слишкомъ пятнадцать милліоновъ человѣкъ и быстро увеличивается на счетъ телугу во всѣхъ городахъ, черезъ которые проходятъ желѣзныя дороги и гдѣ находятся въ большомъ числѣ европейцы, окруженные своею тамильскою прислугой [2]); въ Майсурѣ брамины вишнуиты (послѣдователи культа Вишну) всѣ говорятъ тамильскимъ нарѣчіемъ, тогда какъ мусульмане употребляютъ индустанское (индустани). Тамиль, безспорно, занимаетъ первое мѣсто между дравидскими языками по изумительному богатству его словаря и оборотовъ рѣчи, по древности классическихъ произведеній его словесности; есть тамильскія книги, имѣющія за собою, по меньшей мѣрѣ, девятивѣковое существованіе; новыя сочиненія на этомъ нарѣчіи, издаваемыя въ Мадрасѣ, насчитываются тысячами. Поэмы, между которыми называютъ также поэму итальянскаго миссіонера Бески (Beschi), очень многочисленны; но онѣ отличаются не столько силою мысли, сколько утонченностью, изысканностью и вычурностью стиля; такъ, всѣ стихотворенія должны непремѣнно начинаться словомъ, выбраннымъ изъ спеціальнаго списка словъ хорошаго

[1]) *Caldwell* „Comparative Grammar of the Dravidian languages".
[2]) *Gribble* „Manual to the district of Cuddapah, Madras".

предзнаменованія [1]). Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ новыхъ идей, тамильская литература перестаетъ подражать древнимъ авторамъ, и ея произведенія, примѣняясь къ явленіямъ современной жизни, принимаютъ болѣе точный и болѣе трезвый языкъ. Каѳедра діалекта тамиль учреждена въ 1881 году въ парижскомъ училищѣ живыхъ восточныхъ языковъ.

Отличаясь духомъ предпріимчивости, тамильцы составляютъ одинъ изъ главныхъ элементовъ возрожденія въ Индіи. На ихъ территоріи находятся такіе центры, какъ Мадрасъ, третій городъ Англо-индійской имперіи, и Пондишери, столица французскихъ владѣній; охотно уходя на чужбину искать счастья, они составляютъ главную массу населенія во всѣхъ военныхъ кантонементахъ къ югу отъ Бомбея; куліи, эмигрирующіе на островъ св. Маврикія и въ другія заморскія колоніи, тоже, по большей части, уроженцы тамильской земли; точно также индусы Пуло-Пинанга и Сингапура, хотя они и носятъ имя клингъ, т. е. калинга или телугу, тѣмъ не менѣе, суть чистокровные тамильцы. Что касается дравидійцевъ языка малаяламъ или малаялимъ (малеолумъ), живущихъ, въ числѣ свыше пяти милліоновъ душъ, на Малабарскомъ берегу, между Мангалоромъ и Тривандрамомъ, то они гораздо упорнѣе, чѣмъ тамильцы, противятся вліянію современныхъ идей и держатся особнякомъ, обращая взоры къ своему прошлому и предоставляя своимъ соплеменникамъ торговыя позиціи и новые роды промышленности. Изъ всѣхъ дравидскихъ языковъ, этотъ діалектъ всего болѣе усвоилъ себѣ санскритскихъ словъ и реченій; въ настоящее время онъ подвергается преимущественно вліянію тамиля. Канарійское или канарское нарѣчіе, по туземному каннада или карнатака, также одинъ изъ главныхъ дравидскихъ языковъ; имъ говорятъ около девяти милліоновъ человѣкъ на югъ отъ Гоа и рѣки Кистны до массива Ниль-Гири; но, по странному смѣшенію, это названіе Карнатака, которое, вѣроятно, значитъ „Черная Земля“ и которое въ самомъ дѣлѣ примѣняется къ пространствамъ черноватой почвы или чернозема, гдѣ воздѣлывается черный хлопчатникъ, употребляется европейцами, въ формѣ „Карнатика“, для обозначенія тамильскихъ земель Коромандельской покатости.

Нарѣчіе тулу, тулува или тулуву, т. е. языкъ „смиренныхъ“, употребляемый на Мангалорскомъ берегу, также причисляется къ дравидскимъ литературнымъ идіомамъ, хотя письменность его не имѣетъ другихъ сочиненій, кромѣ транскрипцій санскрита, изображенныхъ малаяламскими знаками, и маленькихъ религіозныхъ трактатовъ, написанныхъ канарскими буквами; но тѣ изъ 300.000 тулусовъ, которые учатся грамотѣ, изучаютъ также какой-нибудь болѣе цивилизованный языкъ, какъ, напримѣръ, канарскій или малаяламъ. Кургскій идіомъ или кудагу тоже не имѣетъ

[1]) *Julien Vinson* „Le Tasse dans la poésie tamoul“, „Revue de Linguistique“, tome VIII.

оригинальной литературы, но онъ составляетъ особенный языкъ, также какъ говоръ племени тода и другихъ народцевъ горъ Ниль-Гири; пѣсни поселянъ Курга отличаются веселостью, живостью, увлекательностью, тогда какъ пѣсни другихъ населеній полуденной Индіи имѣютъ медленный и заунывный характеръ [1]). Дравидскіе діалекты вполнѣ обособились: телугу, тамиль, малаяламъ, канарскій настолько разнятся между собой, что жители отдѣльныхъ областей не понимаютъ другъ друга. Считая дравидійцевъ центральныхъ провинцій и Бенгаліи, но не принимая въ разсчетъ нѣкоторыхъ народностей пригангскихъ равнинъ и гималайскаго пояса терай, имѣющихъ, какъ кажется, то же происхожденіе [2]), можно класть въ пятьдесятъ милліоновъ общее число людей, принадлежащихъ къ семьѣ дравидскаго языка. Внѣ Индіи, дравидская семья всего болѣе имѣетъ сходства съ идіомами, обозначаемыми Кальдвелемъ подъ именемъ „скиѳскихъ", т. е. съ монгольскимъ, манчжурскимъ, тунгузскимъ и особенно съ финскою группой остяковъ; всѣ діалекты, на которые дѣлится эта семья, уже перестали быть чисто приставочными и сдѣлались флексивными языками. Такимъ образомъ, вслѣдствіе послѣдовательныхъ завоеваній и народныхъ переселеній, двѣ половины одной и той же этнологической области постепенно отодвинулись къ двумъ оконечностямъ континента.

Однако, изъ сходства языковъ нельзя еще заключить о племенномъ родствѣ всѣхъ дравидійцевъ съ населеніями сѣвера Азіи. Правда, такъ называемый „монгольскій" типъ встрѣчается у многихъ народцевъ центральной и Южной Индіи, но между ними есть также такіе, черты которыхъ мало разнятся отъ типическихъ чертъ негровъ, австралійцевъ, малайцевъ, семитовъ, египтянъ [3]). Весьма вѣроятно, что населенія различнаго происхожденія слѣдовали одно за другимъ въ полуденной Индіи, какъ слои аллювіальной формаціи, отлагающіеся на морскомъ берегу [4]); но въ настоящее время невозможно отыскать первоначальные элементы во всемъ этомъ смѣшеніи расъ; профессіи, климаты, образъ жизни и особенно наслѣдственное вліяніе кастъ, даже когда первою причиной ихъ возникновенія было лишь различіе ремеслъ, порождаютъ главные контрасты между различными этническими элементами. Цвѣтъ кожи, который измѣняется отъ чернаго до блѣдно-желтаго и пепельно-сѣраго, не составляетъ расоваго признака, ибо онъ значительно разнится даже въ одномъ и томъ же семействѣ, смотря по индивидуальнымъ занятіямъ его членовъ; замѣчено вообще, что кожа имѣетъ болѣе или менѣе темную окраску пропорціонально сухости климата; дравидійцы Малабара, живущіе почти

¹) *Gover* „Folksongs of Southern India".
²) *Hodgson* „Koch, Dhimal and Bodo Tribes"; *Dalton* „Ethnology of Bengal".
³) *Logan* „Journal of the Eastern Archipelago".
⁴) *De Quatrefages* „Journal des Savants", dec. 1873.

всегда въ тѣни большихъ деревьевъ, въ странѣ, часто орошаемой обильными дождями, имѣютъ цвѣтъ лица гораздо болѣе свѣтлый, чѣмъ ихъ единоплеменники на Коромандельскомъ берегу, обитающіе въ равнинахъ менѣе лѣсистыхъ, подъ небомъ менѣе дождливымъ. Въ одномъ и томъ же племени, какъ, напримѣръ, въ племени шанаровъ, которые почти всѣ плантаторы пальмъ, жители Малабара имѣютъ цвѣтъ лица брамановъ, тогда какъ обитатели Короманделя почти такъ же черны, какъ негры. Въ цѣломъ, главная масса дравидскаго населенія, по типу, нисколько не отличается отъ арійцевъ, а между тѣмъ, невозможно приписать иммиграціи обратителей или цивилизаторовъ, пришедшихъ съ сѣвера, численную важность, достаточную для того, чтобы они могли сообщить типическія черты своей расы сорока милліонамъ людей. Когда въ тамильской или телугской области входишь въ судъ, засѣдающій подъ предсѣдательствомъ англійскаго представителя магистратуры, невольно поражаешься сходствомъ головъ; разница только та, что дравидская физіономія выражаетъ больше кротости и хитрости, а европейская больше силы и гордости[1]).

Изъ всѣхъ дравидійцевъ наибольшее вниманіе обращали на себя, со времени „открытія“ Голубыхъ Горъ (Ниль-Гири), тодасы или тудасы, маленькій народецъ канарскаго нарѣчія, численность котораго не достигала, въ 1871 году, даже 700 душъ, но который могъ, благодаря своему уединенію въ горахъ, сохранить свои оригинальные нравы въ первоначальной чистотѣ. Ихъ архаическая цивилизація, занесенная съ восточныхъ равнинъ Канары, какъ гласитъ преданіе, восемь вѣковъ тому назадъ, была не единственная причина того особеннаго усердія, съ которымъ принялись изучать этихъ горцевъ. Нѣкоторые энтузіасты изъ ученыхъ и въ особенности досужіе туристы, посѣщавшіе Голубыя Горы, хотѣли видѣть въ тодасахъ нашихъ единоплеменниковъ, индо-европейцевъ, кельтовъ или пеласговъ; говорили о ихъ красивомъ профилѣ, напоминающемъ, будто бы, греческій или римскій[2]); но нужно замѣтить, что чертами лица они нисколько не отличаются отъ милліоновъ другихъ дравидійцевъ и цвѣтъ кожи у нихъ гораздо темнѣе, чѣмъ у большинства жителей Малабара. Впрочемъ, они рослы (по изслѣдованіямъ Маршаля, средній ростъ мужчинъ 1,727, а женщинъ 1,529 метра) и хорошо сложены, хотя и не обладаютъ такою атлетическою силой, какую имъ приписывали первые путешественники[3]). Нрава они кроткаго, привѣтливаго, миролюбиваго, не очень трудолюбивы, безъ честолюбія, но мужественны и держатъ себя съ замѣчательнымъ достоинствомъ: когда они проходятъ мимо, драпированные въ свою тогу, такъ и кажется, что видишь передъ собою сенаторовъ античнаго Рима. Имя тода, которое

[1]) *Caldwell* „Grammar of the Dravidian Languages“.
[2]) *Campbell* „Ethnology of India“.
[3]) *Leschenault; Hamilton; Young; Harkness; Carl Rigter* „Asien“.

они съ гордостью даютъ своему племени, значитъ „люди“, но сосѣдями ихъ оно понимается въ смыслѣ „пастуховъ“, и дѣйствительно, родъ занятій ихъ существенно пастушескій. Они не охотятся и не имѣютъ другого оружія, кромѣ желѣзнаго топора, употребляемаго ими для рубки лѣса; земли они не пашутъ; почва и ея естественныя произведенія принадлежатъ всѣмъ; понятіе о собственности у нихъ существуетъ только въ отношеніи хижинъ, движимаго имущества, скота. Народъ пастушескій, тодасы не знаютъ другого труда, почти не имѣютъ другой религіи, кромѣ ухода за своими стадами; молоко, ихъ главная пища, составляетъ какъ бы предметъ культа. Главные доильщики, избираемые изъ класса *пейковъ*, или „сыновъ божіихъ“—настоящіе жрецы, давшіе обѣтъ цѣломудрія; они носятъ особенную одежду, живутъ отдѣльно, и одни только, вмѣстѣ съ кандидатами, приготовляющимися въ духовному званію, имѣютъ право собирать молоко и дѣлать изъ него масло. Впереди стада всегда идетъ священная корова, славная своею генеалогіей, побрякивая привязаннымъ на шеѣ звонкомъ, драгоцѣннымъ предметомъ, которому приписываютъ небесное происхожденіе. Очистившись для утреннихъ трудовъ, жрецъ кланяется передъ чтимымъ животнымъ и благословляетъ стадо своимъ бѣлымъ посохомъ. Всѣ обрядности этого народца имѣютъ тотъ же пастушескій характеръ. Послѣ смерти тодаса, заставляютъ дефилировать передъ его трупомъ весь деревенскій скотъ, какъ бы для того, чтобы показать ему въ послѣдній разъ животныхъ, составлявшихъ радость его жизни; затѣмъ убиваютъ одну или двухъ коровъ, чтобы дать усопшему самую пріятную компанію въ великомъ странствіи на тотъ свѣтъ. Одна скала Голубыхъ Горъ, Макарти, которая высится крутыми, почти отвѣсными стѣнами надъ западною равниной и на вершинѣ которой обитаетъ отшельникъ, „стражъ дверей на небо“, почитается, какъ точка соприкосновенія между здѣшнимъ и загробнымъ міромъ; это мысъ, откуда улетаютъ души при закатѣ дневнаго свѣтила, чтобы переселиться на облачные острова, плавающіе въ небесной лазури. Очень религіозные, тодасы шлютъ благоговѣйное привѣтствіе тому далекому міру, гдѣ живутъ ихъ предки; они поклоняются также солнцу и лунѣ, читая молитву, просящую о ниспосланіи милости ихъ семьямъ и стадамъ [1]). Еще не такъ давно у тодасовъ практиковался обычай дѣтоубійства, и нравы поліандріи (многомужія), существовавшіе у нихъ, какъ и у многихъ другихъ горскихъ племенъ, можетъ быть, и теперь еще не совсѣмъ исчезли; по крайней мѣрѣ, число мужчинъ на цѣлую четверть превышаетъ число женщинъ.

Другіе народцы, живущіе въ горахъ Ниль-Гири, тоже принадлежатъ

---

[1]) *Metz* „The Tribes inhabiting the Neilgherry Hills“; *Marshall* „A Phrenologist among the Todas“; *Elie Reclus* „Les Monticoles des Nilgherries“.

къ дравидской группѣ, по крайней мѣрѣ по языку. Бадагары, или „жители сѣвера“, которыхъ англичане обыкновенно называютъ боргерами, суть иммигранты, переселившіеся изъ Майсура въ шестнадцатомъ столѣтіи, вслѣдствіе преслѣдованій и голодовокъ. Исчисляемые въ количествѣ около 20.000 душъ (по переписи 1871 года), эти горцы являются, послѣ европейцевъ, главными владѣтелями „Голубыхъ Горъ“, хотя они платятъ маленькую дань тодасамъ, въ видѣ вознагражденія за право поселенія на ихъ землѣ. Земледѣльцы по роду занятій, сиванты по вѣроисповѣданію, раздѣленные на множество кастъ, бадагары ничѣмъ не отличаются отъ цивилизованныхъ населеній равнины и соблюдаютъ тѣ же обычаи и церемоніи. Котахи, или гохатары, т. е. „мясники“, тоже платятъ дань тодасамъ, признаваемымъ первоначальными собственниками почвы: это горные ремесленники и промышленники, музыканты и плясуны, увеселяющіе своимъ искусствомъ празднества другихъ племенъ, но всѣми презираемые за ихъ нечистоплотность и крайнюю неразборчивость на счетъ пищи. Курумбы, т. е. „дурные люди“ или „добровольцы“, еще въ большемъ презрѣніи у своихъ сосѣдей, хотя бадагары выбираютъ себѣ между ними чародѣевъ, безъ сомнѣнія, потому, что эти жители лѣсовъ лучше посвящены въ тайны природы; по словамъ Вальгоуза [1]), они составляли въ пятнадцатомъ столѣтіи могущественную конфедерацію; это бѣглецы, утратившіе свою старую цивилизацію. Что̀ касается ирула (эрилигару), или „людей мрака“, которые живутъ въ области терая, у основанія Ниль-Гири, то на нихъ смотрятъ скорѣе, какъ на нечистыхъ скотовъ, чѣмъ какъ на людей; по разсказамъ ихъ сосѣдей, они, будто бы, живутъ въ однихъ логовищахъ съ тиграми, и матери даже довѣряютъ своихъ дѣтей этимъ дикимъ звѣрямъ [2]). Гохатары, курумбы, ирулы, общее число которыхъ около 3.000 душъ, всѣ говорятъ, также какъ и племя солига, живущее на восточныхъ холмахъ, дравидскими діалектами цивилизованныхъ населеній, съ которыми они находятся въ соприкосновеніи, но въ нихъ видятъ, справедливо или нѣтъ, представителей аборигеновъ, которые воздвигли мегалиты, или „дома Пандуидовъ“, разсѣянные во множествѣ на массивѣ Ниль-Гири и въ горахъ Курга и Майсура. Какъ бы то ни было, эти памятники, заключающіе въ себѣ угли, обугленныя кости, даже оружіе, сосуды, украшенія, приписываются дравидійцами предшествовавшей расѣ, истребленной ихъ предками; въ этихъ же первобытныхъ жителяхъ края они видятъ строителей оборонительныхъ стѣнъ, или *каддинегъ*, которыя пересѣкаютъ страну во всѣхъ направленіяхъ. Это валы вышиной отъ 5 до 6 метровъ и всегда сопровождаемые рвомъ въ 3 метра ширины и глубины; во многихъ мѣстахъ стѣна двойная,

---

[1]) „Journal of the Anthropological Institute“, april 1875.
[2]) *Rowney* „Wild Tribes of India“.

тройная или даже четверная, и большія деревья, растущія въ безпорядкѣ на откосахъ, придаютъ всѣмъ этимъ возвышеніямъ и пониженіямъ почвы необыкновенно живописный видъ. Въ одномъ только Кургѣ опредѣляютъ въ 180 километровъ длину этихъ странныхъ оплотовъ, воздвигнутыхъ народомъ, самое имя котораго давно исчезло изъ памяти людей [1]).

Внѣ области горъ, нѣкоторыя племена, презираемыя своими сосѣдями, какъ презираются „люди мрака" тодасами и бадагарами, походятъ на ируловъ нравами, такъ что, слѣдовательно, и ихъ можно было бы съ такимъ же правомъ считать потомками первобытныхъ обитателей страны. Одно изъ этихъ племенъ, племя корагаровъ, составляющее послѣднюю касту рабовъ въ Мангалорскомъ округѣ, прежде были подчинены правилу не употреблять никакой одежды, кромѣ листьевъ. Со времени водворенія англійскаго господства, мужчины перестали носить передникъ изъ листвы, тогда какъ женщины, вѣрныя хранительницы обычаевъ и обрядовъ старины, до сихъ поръ продолжаютъ наряжаться въ переплетенныя вѣтки; но онѣ уже не понимаютъ первоначальнаго значенія обычая, такъ какъ носятъ вѣтки поверхъ другого платья и отбрасываютъ ихъ назадъ на манеръ шлейфа. Корагары еще осуждены жить подъ кровомъ изъ древесныхъ вѣтвей; имъ воспрещается употреблять землю для постройки хижинъ. Что̀ дѣлаетъ очень вѣроятною древность ихъ пребыванія въ странѣ—это могущество волшебства, которое имъ приписываютъ. Также какъ курумбовъ, ихъ считаютъ посвященными въ тайны природы и имѣющими власть надъ духами; оттого къ нимъ всегда и обращаются, когда нужно отвратить заклинаніемъ злой рокъ. Они ѣдятъ мясо аллигаторовъ, но чувствуютъ неодолимое отвращеніе ко всякимъ четвероногимъ животнымъ, и простираютъ это отвращеніе такъ далеко, что имъ очень непріятно видѣть даже мебель на четырехъ ножкахъ [2]).

Массивъ горъ Анамалахъ, который походитъ во многихъ отношеніяхъ на Ниль-Гири, тоже населенъ многочисленными дикими или мало цивилизованными народцами. Кадеры, напоминающіе тодасовъ различными обычаями, называютъ себя, какъ и тѣ, „господами горъ", и сочли бы за безчестіе воздѣлывать почву, но они больше звѣроловы, чѣмъ пастухи; другія племена признаютъ за ними нѣкотораго рода превосходство, не считая, однако, себя обязанными повиноваться имъ или платить дань. Кадеры малорослы и шевелюра ихъ слегка курчава; по мнѣнію нѣкоторыхъ антропологовъ, это племя, по происхожденію, близко подходитъ къ негритосамъ Малайскаго архипелага или къ туземцамъ Австраліи [3]). Во время вступленія въ бракъ молодые люди подпиливаютъ и заостряютъ себѣ четыре передніе зуба—обычай, который встрѣчается въ разныхъ

[1]) „Ausland", 1873, № 22.
[2]) *Walhouse* „Journal of the Anthropological Institute", apr. 1875.
[3]) *Huxley*; *Emil Schlagintweit* „Indien in Wort und Bild".

странахъ свѣта, и особенно въ центральной Африкѣ. Мальсары и мадавары, жители горъ Анамалахъ, составляютъ касту земледѣльцевъ [1]). Что̀ касается паліяровъ, то, по образу жизни, они пастухи и торговцы, и находятъ себѣ въ горныхъ областяхъ убѣжище отъ презрѣнія и дурного обращенія, которому они подвергаются въ равнинѣ со стороны высшихъ кастъ. Паліяры имѣютъ дикій видъ: они носятъ огромную гриву, ниспадающую до бедеръ, и рѣдко даютъ себѣ трудъ собирать ее въ одинъ пучекъ на головѣ, въ формѣ шиньона [2]). Паліяры и мальсары одинаково искусны въ восхожденіи на скалы и въ лазаньи на деревья; подобно „индѣйцамъ“ Новой Мехики, они взбираются на отвѣсныя стѣны горъ, при помощи веревокъ съ узлами, длиною отъ 15 до 25 метровъ: они употребляютъ для этой цѣли цѣпи, сплетенныя изъ тростника [3]).

На Малабарскомъ берегу господствующее населеніе составляетъ аристократическая, нѣкогда воинственная, каста наировъ (найаровъ) или „властителей“, подраздѣляющаяся на одиннадцать классовъ, которая, постепенно цивилизуясь подъ арійскимъ вліяніемъ и живя въ согласіи съ браманами, болѣе ревниво, чѣмъ другія дравидскія націи, хранила и до сихъ поръ хранитъ нѣкоторые изъ своихъ національныхъ обычаевъ. Нигдѣ, исключая развѣ ассамскихъ гарроновъ, не сохранились такъ хорошо древнія формы матріархата (материнства или женскаго главенства), *мурру-мукатаюмъ;* до половины прошлаго столѣтія Траванкорское государство управлялось принцессами, причемъ престолъ переходилъ отъ матери къ дочери. Первый бракъ, церемонія, установленная нѣкогда по внушенію брамановъ, заключается согласно индусскимъ обрядностямъ; супругъ вручаетъ супругѣ символическую ленту *тали*; но этотъ союзъ есть лишь оффиціальный, и вскорѣ мужъ отсылается, вознагражденный за оказанное имъ одолженіе какимъ-нибудь подаркомъ, который ему дѣлаетъ семейство жены. Молодая женщина, повѣнчанная только для формы, снова получаетъ полную свободу; ей достаточно носить на шеѣ свой тали, чтобы была соблюдена требуемая закономъ формальность. Съ этихъ поръ она можетъ по своей волѣ выбрать всякаго, кто ей понравится, но общественное мнѣніе не простило бы ей сожительства съ мужемъ; всего благосклоннѣе смотрятъ на союзы, заключаемые съ браманами, такъ какъ они облагораживаютъ породу. Впрочемъ, избранный любовникъ не пользуется никакими правами въ домѣ; авторитетъ, по прежнему, принадлежитъ женѣ; она командуетъ даже своими братьями. Въ каждомъ семействѣ власть представлена матерью и старшею дочерью; дяди по матери и братья только исполняютъ волю гинекея. Отцы, на

[1]) *Cleghorn* „Forest and Gardens of Southern India“.
[2]) *Douglas Hamilton* „Reports on the Annamullay Mountains“; *Graul* „Reise nach Ostindien“.
[3]) *Cleghorn*, цитированное сочиненіе.

которыхъ всегда смотрятъ, какъ на чужихъ, приняты въ среду семейства, но не составляютъ его полноправныхъ членовъ. Дѣти гораздо болѣе привязаны къ своему дядѣ по матери, чѣмъ къ родному отцу, хотя бы даже они были имъ воспитаны, чего обыкновенно не бываетъ; дядя „даетъ имъ ѣсть“, оставляетъ имъ въ наслѣдство свое движимое имущество, и взамѣнъ того, племянники должны отдавать ему всю свою родственную привязанность. Что касается земли, то она передается, какъ родовая собственность, женщинами; мать завѣщаетъ ее старшей дочери, и всѣ братья обработываютъ ее для всей общины, взятой въ совокупности [1]); тѣ, у которыхъ нѣтъ сестры и, слѣдовательно, нѣтъ законной наслѣдницы, должны хлопотать о томъ, чтобы сдѣлаться пріемными братьями дочери чужой семьи [2]). Впрочемъ, наирскія женщины, вообще говоря, красивы, умны, очень образованы, и вліяніе ихъ на цѣлое общество громадно [3]). Самое большое несчастіе, какое только можетъ постигнуть семейство — это необходимость продать родовое „материнское наслѣдіе“, вслѣдствіе какого-нибудь бѣдствія, повлекшаго за собою разореніе; но семейная группа энергически борется противъ злого рока, и потому рѣдко прибѣгаютъ къ подобной крайности. Намбури, эти малабарскіе браманы, благопріятствующіе матріархальнымъ нравамъ туземцевъ, въ большомъ презрѣніи у своихъ сѣверныхъ собратовъ, которые гнушаются ихъ и считаютъ за людей недостойной касты. Они, вѣроятно, не арійскаго происхожденія и мало-по-малу уменьшаются въ числѣ, вымираютъ, такъ какъ одинъ только старшій сынъ имѣетъ право основать свою семью въ формѣ законнаго брака; но они сохранили свое могущество, и ихъ правила, называемыя въ насмѣшку „шестьюдесятью четырьмя беззаконіями“, составляютъ и теперь еще законъ для населенія страны. „Защищай коровъ и брамановъ!“ — таково было единственное наставленіе, которое фехтовальный учитель дѣлалъ молодому наиру, вручая ему мечъ [4]). Каковы ни были бы ихъ недостатки, намбури имѣютъ, по крайней мѣрѣ, одну добродѣтель — это совершенную правдивость: они всегда отвѣчаютъ медленно, подумавши, на дѣлаемые имъ вопросы, опасаясь, что скажутъ правду не во всей точности [5]).

На большинство иммигрантовъ, поселившихся въ большомъ числѣ на Малабарскомъ берегу, наиры смотрятъ, какъ на существа, стоящія гораздо ниже ихъ и потому не имѣющія права даже приближаться къ нимъ. Эти гордецы „высокомѣрные наиры“, о которыхъ говоритъ

[1]) *Burton* „History of Sindh“; *Bachofen* „Antiquarische Briefe“; *Elie Reclus* „Revue International des sciences biologiques“.

[2]) *W. W. Hunter* „Imperial Gazetteer of India“.

[3]) *Cl. Markham* „Travels in Peru and India“.

[4]) *W. W. Hunter* „Orissa“; *Mateer* „Land of Charity“; *Cl. Markham* „Travels in Peru and India“; *Graul* „Reise nach Ostindien“.

[5]) *Fr. Day* „The Land of the Permauls“.

Камоэнсъ, причисляются, однако, браманами лишь къ кастѣ судрасовъ вмѣстѣ съ другими расами края и считаются единоплеменниками земледѣльцевъ веллаларъ, живущихъ на Коромандельскомъ берегу; но они такъ энергически стоятъ за свои привилегіи, что никто не осмѣливается оказывать имъ сопротивленіе: при выѣздахъ имъ обыкновенно предшествуютъ охотники или егеря, крича: „прочь съ дороги!“ и заставляя толпу посторониться; случалось даже, что англичане, пройдя по дорогѣ, которую наиры присвоили себѣ въ исключительное пользованіе, тѣмъ самымъ подавали поводъ къ серьёзнымъ дипломатическимъ компликаціямъ. Во времена португальскаго господства вопросъ о первенствѣ или мѣстничествѣ между наиромъ и португальцемъ разбирался путемъ поединка, и жребій оружія рѣшалъ въ пользу чужеземцевъ [1]). Тиры или таяры, имя которыхъ означаетъ „островитяне“ и которымъ приписываютъ цейлонское происхожденіе, обязаны сторониться, по крайней мѣрѣ, на тридцать шесть шаговъ, чтобы не осквернить господъ своею тѣнью или своимъ отдаленнымъ запахомъ. Тѣмъ не менѣе, таяры не составляютъ униженной, презираемой касты, какъ паріи; они бѣлѣе и стройнѣе наировъ; дѣятельные и смышленые, они завоевали себѣ, не смотря на высокомѣріе надменныхъ властителей, довольно высокое соціальное положеніе, и дѣти ихъ массами наполняютъ казенныя учебныя заведенія [2]). Тиры, также какъ столяры, литейщики, кузнецы, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера и вся толпа земледѣльцевъ или поліяровъ, называемыхъ „джунглевыми наирами“, сохранили обычай многомужства: нѣсколько родныхъ братьевъ или мужчинъ одного племени имѣютъ одну общую жену и наслѣдство переходитъ нераздѣльно ко всѣмъ дѣтямъ общины [3]). Въ землѣ Мадура, гдѣ поліандрическая организація семьи сохранилась у очень многихъ племенъ, мужья должны быть въ четномъ числѣ, 2, 4, 6, 8 или 10. Въ Траванкорѣ дѣти распредѣляются по порядку рожденія между мужьями [4]).

Моплахи, самая энергическая и самая предпріимчивая группа населенія на Малабарскомъ берегу, тоже чужеземнаго происхожденія, по крайней мѣрѣ съ отцовской стороны; это помѣсь, происшедшая отъ арабовъ, взявшихъ себѣ женъ, бо̀льшею частью, между тирами и низшими кастами. Говорятъ, что въ девятомъ столѣтіи экипажъ одного потерпѣвшаго крушеніе корабля поселился въ землѣ Кошинъ и что за этими первыми колонистами вскорѣ послѣдовали другіе; какъ бы то ни было, арабскіе торговые люди насчитывались десятками тысячъ на Малабарскомъ берегу, когда португальцы высадились въ эту страну. Такъ какъ

[1]) *Thévenot* „Voyages aux Indes orientales“.
[2]) *Mateer* „Land of Charity“.
[3]) *Jonathan Duncan* „Malabar Historical Remarks“, „Asiatic Researches“.
[4]) *Nelson* „Madura Country“.

обычай и религіозныя предписанія южныхъ брамановъ воспрещаютъ индусамъ вести заморскую торговлю, то чужеземные пришельцы были очень радушно приняты, какъ посредники торговаго обмѣна, и ихъ колонія постоянно увеличивалась притокомъ новообращенныхъ, которыхъ увлекала страсть къ приключеніямъ и исканье счастья на чужбинѣ. Въ настоящее время общее число моплаховъ, къ которымъ нужно прибавить лаббаевъ восточнаго берега, простирается, по меньшей мѣрѣ, до 800.000 душъ. Сильные, хорошо сложенные, стройные, они составляютъ одну изъ самыхъ красивыхъ расъ Индіи, а въ отношеніи отваги, стойкости и упорства, трудолюбія и предпріимчивости почти не имѣютъ равныхъ себѣ. Города Малабара, главнымъ образомъ, имъ обязаны своимъ торговымъ процвѣтаніемъ. Хорошо зная цѣну себѣ, моплахи не такіе люди, чтобы дать господствовать надъ собою наирамъ, съ которыми они часто приходятъ въ столкновеніе. Тѣ изъ нихъ, которые занимаются земледѣліемъ, не всегда безропотно принимаютъ тяжелыя условія, налагаемыя на нихъ владѣльцами земли, и когда считаютъ, что настала пора требовать возстановленія своего права, смѣло завязываютъ борьбу, заранѣе обрекая себя на смерть. Разъ рѣшеніе принято, моплахъ, котораго друзья и знакомые съ этого момента называютъ уже мученикомъ, справляетъ прощальный пиръ, разводится со своими женами и проводитъ свои послѣдніе дни въ молитвѣ. Готовый пожертвовать собственною жизнью, онъ не признаетъ болѣе никакихъ законовъ: врывается въ индусскіе храмы, разбиваетъ тамъ статуи боговъ и бросается на всякаго наира, который ему встрѣтится; онъ никому не даетъ пощады, какъ и самъ не проситъ ея; справиться съ нимъ нѣтъ никакой возможности, остается одно средство—убить его. Иногда, если цѣлая община считаетъ нарушенными свои права какою-нибудь несправедливостью, всѣ молодые люди связываютъ себя взаимною клятвой пожертвовать жизнью для отмщенія обидчикамъ, и тогда нужно выставить противъ нихъ цѣлые батальоны. Мѣстная полиція, даже туземное войско не могутъ устоять противъ этихъ отчаянныхъ удальцовъ; правительство принуждено призывать, для усмиренія ихъ, европейскіе полки. Кромѣ того, всѣ жители округа, гдѣ опасаются аграрныхъ преступленій, объявляются несущими круговую отвѣтственность [1]). Если бы другія народности Индіи обладали такою же энергіей, какъ эти магометане, то европейцамъ никогда не удалось бы сдѣлаться властителями страны.

Христiане, называемые иногда назарени моплахъ, или „назарейскими моплахами“, тоже составляютъ одинъ изъ значительныхъ элементовъ населенія полуденной Индіи; въ этой области сгруппировалось около двухъ третей всѣхъ христіанъ Индіи по сю сторону Ганга. По преданію,

[1]) *Fr. Day* „The Land of the Permauls“.

„бѣлые евреи“, или сирійцы, высадились на Малабарскій берегъ еще въ первомъ столѣтіи общепринятаго лѣтосчисленія, достигнувъ Индіи черезъ Іеменъ и островъ Сокотору, и нѣсколько лѣтъ спустя вслѣдъ за ними явились іудеи въ собственномъ смыслѣ, юди-моплахъ, потомки которыхъ, смѣшанные съ другими племенами, встрѣчаются до сихъ поръ въ Кошинѣ и въ окрестностяхъ. Другая легенда, португальскаго происхожденія, приписываетъ начало христіанскихъ общинъ Южной Индіи проповѣди апостола Ѳомы, корабль котораго, будто бы, присталъ близъ Кранганора; еще недавно показывали въ Квилонѣ колонну, якобы воздвигнутую апостоломъ, и его предполагаемая могила находится на югъ отъ Мадраса. Какова бы ни была степень достовѣрности этихъ легендъ, несомнѣнно то, что „назареи“, которыхъ нашли капелланы Васко-де-Гамы, не имѣли никакого понятія ни о римской церкви, ни о папѣ; такъ какъ они исповѣдывали ученія несторіанъ, то ихъ тотчасъ же причислили къ еретикамъ и настоятельно потребовали, чтобы они оставили заблужденія и обратились на путь истинный. Въ португальскихъ владѣніяхъ, инквизиція, въ концѣ концовъ, силой вернула ихъ въ лоно церкви; но въ туземныхъ государствахъ огромное большинство назареянъ сохранило или снова приняло свое особенное церковное устройство и обрядности, впрочемъ, нѣсколько различающіяся въ различныхъ общинахъ. Завися въ духовномъ отношеніи отъ вавилонскаго патріарха, имѣющаго пребываніе въ городѣ Моссулѣ, они до сихъ поръ еще употребляютъ древне-сирійскій языкъ въ качествѣ церковнаго языка, но самые ученые изъ ихъ священнослужителей едва умѣютъ разбирать по складамъ слова книгъ священнаго писанія. Разсказываютъ, что въ одной изъ назарейскихъ деревень вѣрующіе выписывали совершенные въ теченіе года крупные грѣхи на листкахъ бумаги, которые затѣмъ свертывались и забивались въ жерло бамбуковой пушки; выстрѣлъ разсѣевалъ по воздуху всѣ годовыя прегрѣшенія племени[1]). Въ былое время сирійскіе христіане составляли благородный классъ и къ нимъ, какъ къ своимъ естественнымъ покровителямъ и заступникамъ, прибѣгали во всѣхъ своихъ нуждахъ ювелиры, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, плотники; они одни, вмѣстѣ съ браманами и евреями, имѣли право путешествовать верхомъ на слонахъ. Теперь они имѣютъ прозелитовъ во всѣхъ классахъ общества, преимущественно среди низшихъ кастъ; но общность вѣры далеко не изгладила первоначальныя соціальныя различія.

Огромное большинство жителей Южной Индіи принадлежитъ къ индусскимъ религіямъ, и даже именно въ этой области, на Майсурскомъ плоскогорьѣ, секта лингаитовъ, одна изъ тѣхъ, которыя всего болѣе освободились отъ браманскихъ суевѣрій, представлена наибольшимъ

[1]) *Fr. Day* „The Land of the Permauls“.

ПАЙКАРСКІЙ ВОДОПАДЪ ВЪ НИЛЬГИРІЙСКИХЪ ГОРАХЪ.

числомъ членовъ. Лингаиты, изъ среды которыхъ выходятъ преимущественно купцы и промышленники Дравидіи, уничтожили у себя даже касты, если не въ общественной жизни, то, по крайней мѣрѣ, въ религіозныхъ церемоніяхъ, и не боятся ѣсть вмѣстѣ, каково бы ни было ихъ происхожденіе и состояніе. Но слѣды первобытныхъ религій встрѣчаются вездѣ у живущихъ въ глуши народцевъ Майсура, Мадуры, Коромандельскаго берега. Главный культъ — это культъ „десяти чертей", „семи призраковъ" и множества всякихъ духовъ, добрыхъ или злыхъ, брамановъ или парій; чтутъ даже англійскихъ геніевъ. Повсюду увидишь, у входа въ деревни, маленькія пирамиды изъ глины, воздвигнутыя въ честь духовъ, населяющихъ воздушныя пространства: этимъ духамъ приносятъ въ даръ преимущественно цвѣты, плоды и зерна, иногда также пѣтуховъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ангелы-хранители сзываются вечеромъ барабаннымъ боемъ, дабы они не уклонялись отъ исполненія своей обязанности—защищать дома противъ ночныхъ демоновъ [1]).

Нѣкоторыя кровавыя обрядности, сохранившіяся до сихъ поръ, напоминаютъ существовавшія нѣкогда человѣческія жертвоприношенія; такъ, у племени ваклига, въ Майсурѣ, близь Нандидруга, матери, прежде чѣмъ приступить къ важной церемоніи надѣванія въ первый разъ серегъ своей старшей дочери, должны обрубить себѣ, при помощи кузнеца, два первые сустава мизинца и безъименнаго пальца. Калланы или коллеры (Kolleries) еще недавно имѣли чудовищный обычай убивать одного изъ своихъ дѣтей передъ дверью врага, когда они хотѣли накликать напасть на его домъ; чтобы отвратить отъ себя грозящую бѣду, проклятый долженъ былъ, въ свою очередь, умертвить собственнаго сына [2]). Наяди (янади), живущіе на островѣ Сригарикота, къ востоку отъ озера Пуликатъ, и на Малабарскомъ берегу, едва ли не самое жалкое, самое обездоленное племя изъ всѣхъ индусовъ; еще недавно они хранили какой-нибудь гвоздь или отломанный кончикъ ножа, какъ величайшую драгоцѣнность, и добывали огонь посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева [3]); даже если кто-нибудь бросалъ имъ на дорогу, въ грязь, мелкую монету, то они имѣли право поднять ее только послѣ прохода благодѣтеля [4]). Они были въ бо̀льшемъ презрѣніи у высшихъ кастъ, чѣмъ даже пулайеры или пуліи, имя которыхъ происходитъ отъ слова *пулу*, „грязь". До 1865 года пуліямъ было запрещено прикрывать себѣ бюстъ какимъ-нибудь одѣяніемъ; они не могли говорить о себѣ иначе, какъ

---

[1]) *Joseph Mullens* „Missions in South India"; *Graul* „Reise nach Ostindien".
[2]) *Nelson* „Madura Country".
[3]) Memoirs of the Geological Survey of India.
[4]) *Mateer* The Land of Charity; *Fr. Day* „The Land of the Permauls"; *Boswell* „Nellore Manual".

называя себя „вашъ рабъ“, а о своихъ дѣтяхъ иначе, какъ давая имъ прозвища „обезьянъ“ или „телятъ“.

Недавно, каликутскіе наяди, одно изъ этихъ несчастныхъ племенъ, жившихъ среди лѣсовъ, въ шалашахъ (ажупахъ) изъ листьевъ, сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ ставки въ карточной игрѣ между миссіонерами христіанскими и магометанскими; послѣдніе одержали верхъ въ этой борьбѣ, и теперь наядіи причисляются моплахами къ своимъ единовѣрцамъ, какъ вступившіе въ лоно ислама. Племена льява (ирава), въ Траванкорѣ, и биллава, въ Кошинѣ, также какъ шапаръ (санаръ, санепъ), въ Мадурѣ,—вѣроятно, одинаковаго происхожденія съ тирами, жителями Малабарскаго берега,—лучше приняли христіанскихъ проповѣдниковъ; изъ полумилліона шанаровъ около одной пятой называютъ себя протестантами или католиками. Они живутъ почти исключительно продуктами, доставляемыми ихъ вѣерными пальмами или „пальмирами“; отъ 40 до 60 такихъ деревъ достаточно для прокормленія цѣлаго семейства, но для этого „лазальщику“, какъ обыкновенно называютъ шанарскаго плантатора, нужно каждый день взбираться на всѣ свои пальмы; этотъ трудъ представляетъ въ сложности, считая, среднимъ числомъ, ростъ дерева въ 15 метровъ, ежедневное восхожденіе на высоту 750 метровъ [1]), а въ апрѣлѣ и маѣ, когда драгоцѣнный напитокъ течетъ въ наибольшемъ обиліи, приходится даже по три раза въ день взлѣзать до кроны каждой пальмы [2]).

Мангалоръ, или „Счастливый городъ“, называемый туземцами Кандіаломъ,—главный городъ Южной Канары и одинъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ портовъ этого негостепріимнаго берега; по словамъ Ибнъ-Батуты, тамъ поселились, въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, около четырехъ тысячъ арабскихъ купцовъ. На половину скрытый за группами кокосовыхъ пальмъ, какъ всѣ города Малабара, онъ построенъ на берегахъ лагуны, куда изливаются двѣ рѣки, Натравати и Гурпуръ. Суда большого водоуглубленія не могутъ перейти черезъ баръ, но небольшія суда, *дони* арабовъ и туземныя *паттамары*, являются во множествѣ въ часы прилива, чтобы войти въ спокойный бассейнъ лагуны. Мангалоръ, бывшій нѣкогда морскимъ арсеналомъ Гайдаръ-Али, получилъ въ послѣднее время исключительную важность по обширному вывозу кофе, производимаго областью Кургъ; кофейные плантаторы сдѣлали его однимъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ, но гавань его причисляется къ „неисправимымъ“. Движеніе судоходства въ Мангалорскомъ портѣ въ 1875 году: 7.200 судовъ, общая ихъ грузовмѣстимость 528.000

[1]) *J. Schrott* „Journal of the Ethnological Society“, vol. VII.
[2]) *Bertrand* „Annales de la Propagation de la Foi“, mai 1841.

тоннъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ въ томъ же году 19.462.500 франк. Мангалоръ—одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ христіанъ изъ туземцевъ, католиковъ и протестантовъ, насчитывается относительно наибольшее число; тамъ находится, съ 1834 года, мѣстопребываніе базельской миссіи, которая основала многочисленныя мастерскія, гдѣ она даетъ работу своимъ прозелитамъ; нѣкоторые изъ ея миссіонеровъ издали въ свѣтъ многіе драгоцѣнные документы, относящіеся къ народцамъ и языкамъ сосѣднихъ странъ.

Каннаноръ или Каннуръ, лежащій на морскомъ берегу, въ 25 километрахъ къ югу отъ мыса, хорошо извѣстнаго мореплавателямъ, горы Дали или Делли, есть другой городъ Малабара, прославившійся въ исторіи религіи и торговли; въ концѣ пятнадцатаго столѣтія португальцы основали тамъ миссію и торговую контору. Будучи портомъ, ближайшимъ къ Майсуру и къ плантаціямъ Южнаго Курга, Каннаноръ имѣетъ, однако, ту невыгоду, что сообщается съ внутренностью страны лишь посредствомъ дорогъ съ очень крутыми подъемами, и притомъ, также какъ Мангалоръ, доступенъ только судамъ незначительной грузовмѣстимости; царица, или *биби*, избравшая своею резиденціей Каннаноръ, наслѣдница династіи государынь, не имѣетъ владѣній на континентѣ, но англійское правительство оставило ей половину архипелага Лакедивскихъ острововъ. На югѣ, Телличери, болѣе многолюдный городъ, также отправляетъ заграницу кофе, перецъ, кардамонъ, сандальное дерево. Цѣнность торговыхъ оборотовъ Каннанора въ 1876 году равнялась 8.387.300 франк., а въ Телличери она простиралась до 22.257.300 франковъ. Городъ Маге, находящійся въ семи километрахъ южнѣе, составляетъ торговый пригородъ Телличери; это бывшій Майги, которымъ овладѣлъ, въ 1726 году французъ Маге-де-ла-Бурдонне и которому онъ далъ свое родовое имя [1]). Это французское владѣніе, пространство котораго не превышаетъ 600 гектаровъ, было три раза отнимаемо англичанами, которые возвратили его только послѣ разрушенія городскихъ стѣнъ и укрѣпленій. Кромѣ того, Франціи принадлежитъ еще въ городѣ Каликутъ маленькая факторія, занимающая клочекъ земли въ 2 гектара.

Каликутъ или Каликотта (т. е. „Крѣпость Пѣтуха")—самый большой городъ на Малабарскомъ берегу, хотя при въѣздѣ въ него путешественникъ замѣчаетъ только занавѣсы изъ кокосовыхъ пальмъ да три или четыре хижины вокругъ маяка. Въ пятнадцатомъ столѣтіи, когда европейцы въ первый разъ появились передъ этимъ городомъ, онъ былъ столицей наирской конфедераціи и резиденціей тамутири (сумури) или „заморина", т. е. „властителя моря". Въ 1486 году, первый португальскій эмиссаръ, Ковильяо, пріѣхавшій черезъ Египетъ, сдѣлался гостемъ

[1]) *Malleson* „Histoire des Français dans l'Inde".

царя, а двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1498 году, Васко-де-Гама бросилъ якорь передъ Каликутомъ: совершилось событіе, самое важное въ исторіи Индіи со времени похода Александра Македонскаго. Городу Каликуту пришлось жестоко пострадать отъ этихъ чужеземцевъ, которыхъ онъ принялъ, какъ гостей. Въ 1501, 1502 и 1510 годахъ Кабраль, Гама, Альбукеркъ бомбардировали его, топили его корабли вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми и впослѣдствіи европейцы всякой національности, французы, англичане, датчане, выжигали его, грабили и опустошали. Майсурскіе раджи тоже много разъ предавали его разграбленію. Въ концѣ прошлаго столѣтія, когда имъ овладѣли англичане, онъ только-что передъ тѣмъ былъ разрушенъ султаномъ Типпо-Саибомъ: это было уже незначительное мѣстечко, но съ той эпохи онъ снова заселяется и обогащается. Однако, почти вся его торговля производится чрезъ посредство Бейпура, лежащаго въ 10 километрахъ южнѣе, но соединяющагося съ городомъ предмѣстьями и садами; въ Бейпурѣ находится портъ, отдѣленный отъ открытаго моря баромъ, имѣющимъ 4 метра воды во время отлива; нѣсколько семействъ моряковъ, живущихъ на этомъ берегу, носятъ, по словамъ Бастіана, названіе Чини-бечеганъ, что значитъ „Сыны китайцевъ" [1]). Суда, изъ которыхъ иныя поднимаютъ до 300 тоннъ груза, приходятъ туда за золотою рудой изъ Вайнада, за кофе изъ плантацій въ Голубыхъ Горахъ, за тековымъ деревомъ, приносимымъ теченіемъ Панна-Пойя, или „Золотой рѣки", и за всѣми мѣстными произведеніями, привозимыми со станцій Мадрасской желѣзной дороги; но Бейпуръ уже не отправляетъ за границу тѣхъ бумажныхъ тканей, „каликотъ", или калинкоръ (каленкоръ), которыя получили свое названіе отъ резиденціи заморина. Въ настоящее время Бейпуръ есть, на югѣ отъ Бомбея, единственный городъ западнаго берега, имѣющій желѣзнодорожное сообщеніе съ восточнымъ берегомъ, которое устроено благодаря широкому проходу между массивами Нилъ-Гири и Анамалахъ. Этотъ рельсовый путь будетъ продолженъ изъ Бейпура въ Каликутъ, и рано или поздно замѣнитъ колесную дорогу, соединяющую гавани приморья. Въ 8 километрахъ къ востоку отъ Бейпура находится старое кладбище, Чатапурамба, или „Поле смерти", усѣянное долменами, извѣстными въ краѣ подъ именемъ „зонтичныхъ камней".

Древній Кодунгалуръ, который европейцы называютъ Кранганоромъ, былъ нѣкогда соперникомъ Каликута. Тамъ царствовала династія наирскихъ пермаулей, тамъ же находились главныя общины сирійскихъ христіанъ и іудеевъ. Португальцы основали тамъ цитадель, которая впослѣдствіи была у нихъ отнята голландцами. Цвѣтущее состояніе, которымъ пользовался въ прежнее время Кранганоръ, объясняется его счастливымъ

---

[1]) „Reise durch Cambodja nach Cochinchina".

географическимъ положеніемъ, при этомъ городѣ открывался единственный протокъ обширныхъ береговыхъ озеръ или лагунъ, которыя продолжаются на югъ до Квилонскаго мыса; тамъ находились, такъ сказать, торговыя ворота страны. Впослѣдствіи другіе протоки дали возможность другимъ городамъ пріобрѣсти такую же или еще бо̀льшую важность. Такъ, Кочинъ (Кочи, Кочибандаръ), или „Малый Портъ", построенный на береговомъ поясѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ образовался самый широкій входъ въ лагуны, имѣющій 4 метра глубины при низкомъ стояніи воды, получилъ, естественно, первостепенное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ суда переходятъ баръ передъ его берегами. Португальцы, не будучи въ состояніи водвориться въ Каликутѣ, приходили нагружать свои корабли въ Кочинъ; въ 1502 году Васко-де-Гама основалъ въ этомъ городѣ португальскую факторію; въ слѣдующемъ году Альбукеркъ построилъ тамъ укрѣпленіе. Тамъ скончался Гама, тамъ же была воздвигнута первая европейская церковь и отпечатана первая книга въ Индіи. Въ Кочинѣ до сихъ поръ существуетъ колонія іудеевъ, у которыхъ знаніе еврейскаго языка еще не совершенно утратилось. Въ одно и то же время англійскій городъ и столица медіатизированнаго туземнаго государства, Кочинъ имѣетъ весьма незначительное число европейскихъ жителей; климатъ этой области береговыхъ лагунъ, гдѣ прѣсныя во̀ды перемѣшиваются съ солеными, въ высшей степени опасенъ, и рѣдкій изъ европейцевъ избѣгаетъ нервныхъ болѣзней, диссентеріи или элефантіазиса, извѣстнаго подъ именемъ „кочинской ноги". Внутри материка, на разстояніи 15 километровъ отъ морскаго берега, эта страшная болѣзнь не дѣлаетъ болѣе жертвъ.

Къ югу отъ Кочина, городъ Алеппи или Алапалли, построенный на береговомъ кордонѣ, у южной оконечности самой длинной лагуны этого берега, есть теперь наиболѣе посѣщаемый портъ этой области Малабара. Внутреннія воды лагуны сообщаются съ водами океана посредствомъ искусственнаго канала, а части города, расположенныя на томъ и другомъ берегу, соединены слоно-желѣзною дорогою, на которой движеніе производится слонами. Рейдъ не защищенъ отъ вѣтровъ и зыби никакимъ мысомъ, но суда могутъ стоять тамъ въ безопасности, благодаря одному изъ тѣхъ островковъ изъ грязи, еще неизслѣдованныхъ естествоиспытателями, которыми усѣяны моря, прилегающія къ индійскимъ берегамъ. Движеніе судоходства въ Аллепскомъ рейдѣ въ теченіе фискальнаго 1876—1877 года: въ приходѣ и отходѣ 776 судовъ, общая грузовмѣстимость которыхъ равнялась 163.000 тоннъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ простиралась до 4.355.000 франковъ. Портъ Квилонъ, лежащій у подошвы скалистаго мыса, менѣе важенъ въ торговомъ отношеніи, нежели Алеппи, но онъ имѣетъ значеніе, какъ главная военная станція Траванкора, области, обыкновенно называемой браманами Дхармабхами, что значитъ „Страна Милосердія". Это очень древній городъ: имя

его появляется въ средневѣковыхъ памятникахъ письменности подъ разными формами—Кауламъ, Колламъ, Колонъ, Коламба, Колумбумъ, а знаменитый венеціанскій путешественникъ Марко-Поло называетъ его Койлумъ. Въ прежнія времена Квилонъ былъ однимъ изъ главныхъ портовъ по вывозу перца, имбиря и дерева „бразильетъ", или сапанъ (Caesalpinia sapan), отъ котораго получила свое имя португальская Америка [1]). Эра Траванкора начинается со времени возстановленія этого города въ 1019 году христіанскаго лѣтосчисленія. Квилонъ сообщается съ Тинневелли колесною дорогою, которая пролегаетъ черезъ цѣпь Кардамоновыхъ горъ и которую въ скоромъ времени замѣнитъ рельсовый путь, соединенный вѣтвью съ Тривандрамомъ, столицей Траванкорскаго государства.

Этотъ большой городъ расположенъ не у самаго моря; песчаная равнина, шириною въ 8 километровъ, отдѣляетъ его отъ морскаго берега, о который постоянно ударяются волны зыби; рѣдкіе корабли бросаютъ якорь противъ этого опаснаго берега. Тривандрамъ построенъ частью на низменныхъ земляхъ, окаймленныхъ болотами, частью на латеритовыхъ пригоркахъ, возвышающихся отъ 15 до 60 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Крѣпость, окруженная старою стѣной, которая теперь служитъ только къ тому, чтобы удалять отъ королевской резиденціи людей низшей касты, находится въ нижнемъ городѣ; она заключаетъ въ себѣ знаменитый храмъ Вишну, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по необычайному обилію орнаментовъ изъ рѣзьбы на деревѣ. Тривандрамъ имѣетъ многочисленныя учебныя заведенія; кромѣ того, тамъ существуетъ обсерваторія, а также богатый музей строительнаго искусства и естественной исторіи. Окружающія равнины прокармливаютъ значительное населеніе, благодаря лѣсамъ арекъ, кокосовыхъ деревъ и вѣерныхъ пальмъ, осѣняющихъ своими кронами домики поселянъ. По статистикѣ Траванкора, пальмовые лѣса этой страны содержатъ свыше 22 милліоновъ деревъ. Сотни пальмъ достаточно, чтобы прокормить и содержать двѣ семьи, доставляя имъ все необходимое для жилища, одежды и даже для удовольствій жизни и удовлетворенія потребностей, относящихся къ роскоши; туземцы насчитываютъ 801 способъ утилизированія древесины, волокна, листьевъ, сока или плодовъ растенія *borassus flabelliformis*, а „дерево можетъ приносить плоды въ теченіи тысячи лѣтъ", говоритъ мѣстная пословица [2]).

На восточной покатости населеніе сгруппировалось въ значительномъ числѣ лишь въ мѣстностяхъ, хорошо орошаемыхъ, преимущественно

[1]) *Yule* „The Book of ser Marco Polo".
[2]) *Mateer* „The Land of Charity".

въ бассейнѣ рѣки Кавери; жители рѣдко разсѣяны въ областяхъ нагорья, главнымъ образомъ по берегамъ рѣки Пеннаръ, а голодъ 1877 года еще болѣе уменьшилъ ихъ число. Городъ Куддапахъ, близъ южнаго берега Пеннара, имѣетъ нѣкоторую важность, какъ промышленный центръ (фабрики хлопчатобумажныхъ издѣлій); но самый многолюдный городъ лежитъ въ аллювіальной равнинѣ, недалеко отъ моря: это древняя Неллора, гдѣ, при раскопкахъ, нашли монеты временъ императоровъ Траяна, Адріана, Фаустина [1]). Городъ не имѣетъ порта на Коромандельскомъ берегу, онъ не соединенъ рельсовымъ путемъ и съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, но судоходный каналъ, недавно прорытый, связываетъ его съ Мадрасомъ. Неллора считается литературною столицей земель языка телугу.

Мадрасъ, главный городъ обширной провинціи или президентства полуденной Индіи и третій городъ Англо-индійской имперіи по числу жителей, не принадлежитъ къ числу тѣхъ необходимыхъ городовъ, положеніе которыхъ было, такъ сказать, напередъ опредѣлено географическими условіями, какъ притягательныхъ центровъ для населенія, группирующагося въ такихъ мѣстахъ сотнями тысячъ. Можетъ быть, рѣка Паларъ нѣкогда изливалась въ море у Мадраса, но теперь она уклоняется отъ него на большое разстояніе къ югу; правильный берегъ не изгибается въ этомъ мѣстѣ, чтобы образовать бухту, гдѣ могли бы находить пристанище корабли; море тамъ даже гораздо болѣе опасно, чѣмъ у южныхъ береговъ, и циклоны часто развертываютъ тамъ свои грозныя спирали, тогда какъ въ Пондишери они рѣдко даютъ себя чувствовать; во время этихъ воздушныхъ круговоротовъ суда, неуспѣвшія во-время уйти въ открытое море, обречены на неминуемую гибель такъ, французскій флотъ, подъ начальствомъ Ла-Бурдонне, потерпѣлъ крушеніе отъ урагана три недѣли спустя послѣ сдачи цитадели. Нельзя не пожалѣть, что факторія Армагомъ, основанная англичанами въ 1628 году, въ 68 километрахъ къ сѣверу отъ Мадраса, на песчаной стрѣлкѣ, ограничивающей съ восточной стороны лагуну Пуликатъ, не была сохранена остъ-индскою компаніей, какъ главная ея контора, ибо въ этомъ мѣстѣ морскаго берега, называемомъ также „Блеквудовою гаванью“ (Blackwood's Harbour), рейдъ, хорошо защищенный песчаною мелью, представляетъ кораблямъ глубины до 10 метровъ (14 аршинъ) у самаго берега [2]); но береговая полоса, слишкомъ узкая, не была бы достаточна для постройки города. Въ мѣстностяхъ, окружающихъ Мадрасъ, не увидишь ни одной изъ тѣхъ естественныхъ достопримѣчательностей, которыя привлекаютъ толпы посѣтителей и служатъ притягательнымъ

---

[1]) *Hunter* „Imperial Gazetteer of India“.
[2]) *Taylor* „The Harbours of India“.

центромъ населенію промышленному или торговому; Марко-Поло говоритъ о Майлапурѣ, нынѣшнемъ предмѣстьи Мадраса, какъ о „городкѣ, гдѣ очень мало товара и который не легко доступенъ". Мадрасъ обязанъ своимъ счастьемъ выбору правительства, учредившаго въ немъ мѣстопребываніе главнаго управленія провинціи. Сдѣлавшись мѣстомъ соединенія большихъ дорогъ и каналовъ, затѣмъ пунктомъ, гдѣ сходятся желѣзнодорожныя линіи Южной Индіи, онъ восполнилъ недостатокъ естественныхъ выгодъ географическаго положенія тѣми преимуществами, которыя создаются трудомъ человѣка: ему недоставало только искусственнаго порта, чтобы стать соперникомъ Калькутты. Съ половины прошлаго столѣтія суммарныя, далеко не точныя исчисленія приписывали ему милліонное населеніе; но первая правильная перепись, произведенная въ 1871 году, не нашла даже 400.000 жителей въ городѣ и его предмѣстьяхъ; десять лѣтъ спустя это число увеличилось всего только нѣсколькими тысячами.

Если Мадрасъ не можетъ сравниться съ большими городами земнаго шара многочисленностью населенія, то онъ занимаетъ столь же обширное пространство, какъ многіе города, втрое или вчетверо болѣе многолюдные; отъ лимана Адіаръ, составляющаго южную его границу, до сѣверныхъ предмѣстій строенія слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ вдоль берега моря на протяженіи 13 километровъ. Вся площадь Мадраса равна 70 квадрат. километрамъ, но значительная часть этой территоріи состоитъ изъ полей, окружающихъ уединенныя пригородныя деревни или поселки. Самая значительная часть города, которую англичане называютъ Black town, „Чернымъ городомъ", потому что она населена преимущественно туземцами, есть въ то же время средоточіе крупной торговли. На южной сторонѣ, близь морскаго берега, стоитъ фортъ св. Георгія, окруженный обширными эспланадами и заключающій нѣкоторыя изъ присутственныхъ мѣстъ, но не имѣющій болѣе никакой важности, какъ цитадель. За длиннымъ узкимъ озеромъ, которое называютъ рѣкой Куамъ, хотя она бо̀льшую часть года бываетъ отдѣлена отъ моря, простирается кварталъ Трипликанъ, затѣмъ слѣдуютъ еще другія лагуны и мѣстечко Сенъ-Томе, бывшій Майлапуръ. Внутри материка нѣсколько кварталовъ, населенныхъ каждый особенною кастой, составляютъ какъ бы отдѣльные города, отдѣленные одинъ отъ другого полями, садами или прудами. Бо̀льшая часть домовъ ослѣпительной бѣлизны, благодаря *чунаму*, особаго рода штукатуркѣ, которою покрываютъ камень и которая нѣжностью зерна не уступаетъ лучшему мрамору, но замѣчательныхъ памятниковъ архитектуры мало. Городъ имѣетъ музеи строительнаго искусства, естественной исторіи и, въ своемъ колледжѣ, драгоцѣнную коллекцію Макензи, одно изъ важнѣйшихъ собраній для изученія исторіи и этнографіи Индіи. Обсерваторія, находящаяся за городомъ, съ западной стороны,

служитъ начальною точкою тріангуляціи Южной Индіи и регулируетъ часы желѣзнодорожныхъ станцій (точное положеніе ея: 13°4'6" с. ш. и 80°17'22" в. д. отъ Гринвича или 77°57'1" отъ Парижа); черезъ эту обсерваторію проходитъ главный меридіанъ Индіи, пересѣкающій Цейлонъ, или „Ланку", какъ и меридіанъ древнихъ индусскихъ астрономовъ.

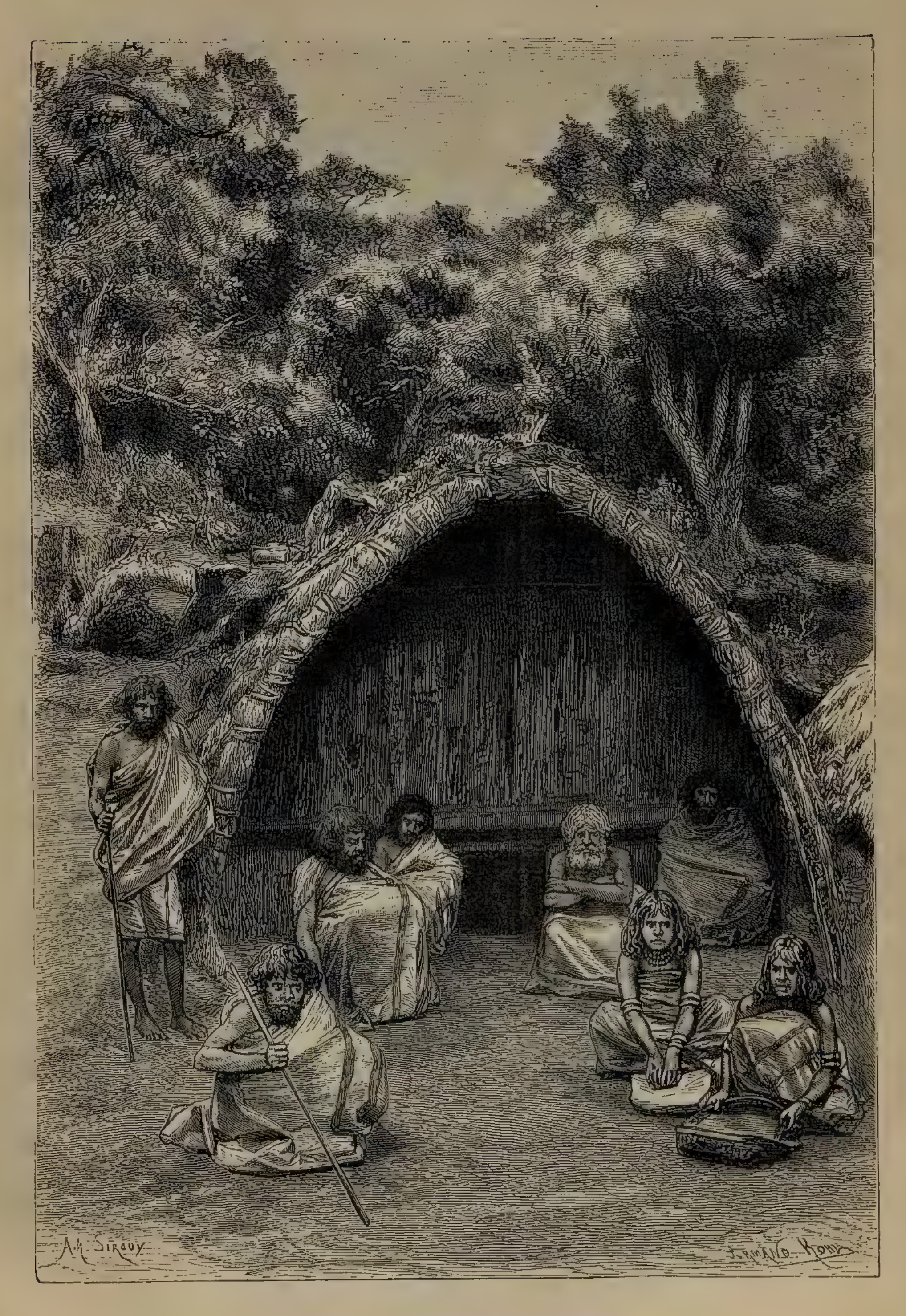
Не смотря на трудности причаливанія для купеческихъ кораблей, Мадрасъ занимаетъ, по размѣрамъ торговли, какъ и по числу жителей, третье мѣсто между городами Индіи. Въ среднемъ выводѣ годовое движеніе судоходства въ рейдѣ, по приходу и отходу, достигаетъ 3.000 большихъ судовъ съ грузомъ около полутора милліона тоннъ; главные предметы вывоза составляютъ кофе, сахаръ, индиго, маслянистыя и красильныя вещества, хлопокъ, колоніальные продукты, обмѣниваемые на европейскія мануфактурныя произведенія, преимущественно ткани и металлическія издѣлія. Въ 1877 году голодъ, свирѣпствовавшій во внутреннихъ провинціяхъ, увеличилъ почти на треть общую сумму торговыхъ сдѣлокъ. Число судовъ, вошедшихъ въ Мадрасскій рейдъ въ теченіе фискальнаго 1876—1877 года: 1.685, общая грузовмѣстимость ихъ 871.774 тонны, цѣнность торговыхъ оборотовъ 274.668.725 франк. Извѣстно, что въ прежнее время Мадрасъ принадлежалъ къ числу городовъ, очень неудобныхъ для судоходства по причинѣ затруднительности подступа. Суда бросали якорь на разстояніи отъ 800 до 1.600 метровъ отъ берега, и потому товары и пассажировъ нужно было перевозить на землю черезъ послѣдовательныя волны зыби въ шеллингахъ, или *масулахъ*, большихъ лодкахъ изъ манговаго дерева, всѣ члены которыхъ обложены циновками, сшитыми кокосовою ниткой, для того, чтобы лодка сохраняла свою упругость подъ ударами волнъ; когда море бушевало и волны поднимались на нѣсколько метровъ по бокамъ корабля, пассажирокъ нужно было привязывать къ креслу, повѣшенному на шестѣ, и такимъ образомъ спускать въ шеллингъ, пляшущій на волнахъ. Туземцы употребляютъ катамаранъ, родъ плота, по которому перекатываются волны, унося иногда и гребцовъ, которыхъ минуту спустя опять видишь карабкающихся на свой утлый челнъ. Теперь построено жете въ 335 метровъ, позволяющее большинству судовъ причаливать къ дамбѣ и высаживать пассажировъ; но зыбь до такой степени сильна, что этотъ молъ уже два раза былъ разрушенъ судами, выброшенными поперегъ плотины. Съ 1875 года работаютъ надъ сооруженіемъ искусственнаго порта, обширнаго прямоугольника, имѣющаго около 1.000 метровъ длины въ каждой сторонѣ, гдѣ самые большіе корабли найдутъ безопасное пристанище въ гавани, глубина которой не менѣе 12 и 13 метровъ; циклоны уже не разъ прерывали работы и разрушали часть начатыхъ моловъ.

Въ 10 и 15 километрахъ къ юго-западу отъ форта св. Георгія,

считаемаго оффиціальнымъ центромъ Мадраса, возвышаются два холма, которые извѣстны подъ именемъ „горъ" св. Ѳомы и на которыхъ, по преданію, пустынножительствовалъ апостолъ. Португальская церковь, построенная на „большой горѣ", самой дальней изъ этихъ горокъ, заключаетъ древній крестъ съ надписью на языкѣ пельви, относящейся къ седьмому или восьмому столѣтію; но, вѣроятно, что святыня, о которой говоритъ Марко-Поло и которую христіане и „сарацины" посѣщали съ одинаковымъ благоговѣніемъ, стояла на вершинѣ „малой горы" апостола Ѳомы, въ Майлапурѣ [1]). Неподалеку отъ этого холма находится вилла губернатора, замѣчательная своими садами. Но на линіи желѣзной дороги, которая поднимается на западъ, затѣмъ на сѣверо-западъ, къ Майсурскимъ плоскогорьямъ, нѣкоторыя индусскія святыни привлекаютъ гораздо бо̀льшую массу богомольцевъ, чѣмъ часовня апостола Ѳомы. Въ Тирутани, или Тритани, ежегодно болѣе сотни тысячъ пилигримовъ останавливаются на станціи, чтобы помолиться въ храмѣ, посвященномъ богу Сивѣ; въ Тирупати, или Трипати, вѣрующіе стекаются въ еще бо̀льшемъ числѣ. Храмъ, посвященный одному изъ воплощеній бога Вишну, стоитъ на пикѣ, высотою въ 800 метровъ, голомъ каменномъ конусѣ, окруженномъ другими горными вершинами, тоже безъ всякой растительности; дорога, длиною въ 10 километровъ, слѣдуетъ по склонамъ горы и проходитъ подъ тремя порталами, куда европеецъ былъ допущенъ въ первый разъ только въ 1870 году. Не смотря на приношенія пилигримовъ, храмъ въ Тритани, бѣдный украшеніями, имѣетъ видъ ветхой, полуразвалившейся лачуги. Самые любопытные памятники въ окрестностяхъ Мадраса—это „Семь Пагодъ" и священные гроты Магалипуръ, или „города Великаго Бали" (Магамалайпурамъ, Мавалипуръ), которые находятся на берегу моря, километрахъ въ пятидесяти къ югу отъ Мадраса. Въ этомъ мѣстѣ небольшой гранитный массивъ возвышается, на подобіе острова, среди песчаныхъ равнинъ. Утесы скалы изрыты пещерами, изъ которыхъ однѣ грубо изваяны, другія расположены въ формѣ храмовъ, которымъ предшествуютъ портики и колоннады. Посреди моря, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и среди выступающихъ подводныхъ камней, о которыхъ туземцы говорятъ, что это развалины затонувшаго города, высится пирамидальная пагода, стоящая напротивъ двухъ святилищъ болѣе новаго происхожденія, посвященныхъ Сивѣ и Вишну. Наконецъ, тамъ же находится длинная гранитная горка, совершенно изсѣченная снаружи и внутри, такъ что вся каменная масса образуетъ пять отдѣльныхъ храмовъ. Вмѣстѣ съ знаменитымъ Кайласомъ, въ Эллорѣ, это единственные примѣры зодчества этого рода, какіе существуютъ въ Индіи. Эти монолиты принадлежатъ нѣсколькимъ

---

[1]) *Yule* „The Book of ser Marco Polo".

ТИПЫ ПЛЕМЕНИ ТОДДОВЪ.

вѣкамъ: обнимая періодъ времени отъ шестаго до четырнадцатаго столѣтія христіанской эры, тутъ слѣдуютъ одинъ за другимъ различные стили—буддійскій, джайнскій, дравидскій,—въ колоннадахъ, скульптурныхъ произведеніяхъ и надписяхъ [1]).

Рѣка Паларъ, изливающаяся въ море на небольшомъ разстояніи къ югу отъ Семи Пагодъ, близь древняго города Садрасъ, орошаетъ богатую мѣстность. Городъ Веллоръ, крѣпость, прославившаяся въ исторіи войнъ прошлаго столѣтія, не имѣетъ болѣе тѣхъ рвовъ, которые англичане населили крокодилами [2]); это торговый и цвѣтущій центръ населенія, тогда какъ сосѣдній городъ, Аркотъ, бывшая столица Карнатики, теперь въ упадкѣ: отъ былаго величія въ немъ остались только мечети да надгробные памятники; съ военной точки зрѣнія, европейскій городокъ Ранипетъ, лежащій на лѣвомъ берегу Палара, имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ Веллоръ. Далѣе на востокѣ, тоже въ долинѣ Палара, большой городъ Конджеварамъ, соединенный съ главною желѣзнодорожною линіею Коромандельскаго берега вѣтвью изъ Чинглепута, замѣчателенъ своими огромными пагодами, изъ которыхъ одна, имѣющая 57 метровъ высоты, есть самый высокій храмъ въ Южной Индіи. Въ 1780 году, двадцати-пятитысячная армія англичанъ и сипаевъ, расположенная въ оградѣ этого храма, выдержала осаду противъ войскъ Гайдаръ-Али. Съ вершины узорчатой пирамиды можно, въ ясный день, видѣть гору св. Ѳомы, находящуюся въ разстояніи 64 километровъ къ сѣверо-востоку.

Между Паларомъ и южнымъ Пеннаромъ, или Понсаромъ, самый многолюдный городъ приморья французскій Пондишери, Понду-черри или Пуль-черри, „Новая деревня“, который люди высшей касты называютъ Понду-Нагаръ, что̀ значитъ „Новый за̀мокъ“. Это самый важный городъ, который Франція сохранила изъ своей прежней колоніальной имперіи въ Индіи. Купленное въ 1693 году комендантомъ Мартеномъ, взамѣнъ города св. Ѳомы, которымъ незадолго передъ тѣмъ овладѣли голландцы, маленькое селеніе паріевъ быстро разрослось; въ теченіе наибо̀льшей части восемнадцатаго столѣтія Пондишери былъ центромъ значительнаго торговаго движенія. Взятый англичанами, онъ былъ возвращенъ Франціи лишь въ 1816 году; но, въ силу трактатовъ, французскому правительству воспрещено возводить какія бы то ни было укрѣпленія на этомъ владѣніи и содержать тамъ какую-либо вооруженную силу, исключая полицейской стражи. Кромѣ того, территорія была раздѣлена самымъ страннымъ образомъ и представляетъ крайне запутанную черезполосицу; вездѣ, даже у воротъ Пондишери, энклавы или участки британской почвы врѣзываются клиномъ во французскіе округа, давая англичанамъ возвышенныя позиціи,

---

[1]) *Fergusson* „Picturesque Illustrations of ancient Architecture in Hindustan“.

[2]) *Perrin* „Voyage dans l'Indostan“.

удобныя для установки батарей; здѣсь дорога принадлежитъ Англіи, тогда какъ рвы, которыми она обведена, состоятъ подъ французскою юрисдикціей; далѣе, прудъ зависитъ отъ мадрасскаго начальства, тогда какъ зѐмли, орошаемыя проведенными изъ него ирригаціонными каналами, подвѣдомственны пондишерійскимъ властямъ; есть даже пространство, находящееся въ нераздѣльномъ владѣніи: это полоса земли вокругъ деревни Вадануръ, гдѣ доля собственности, принадлежащая французскому правительству, составляетъ лишь пять двѣнадцатыхъ. Вся территорія, такъ курьёзно размежеванная, равняется 29.122 гектарамъ, и около двухъ третей ея занимаютъ воздѣланныя зѐмли. Рисовыя поля, плантаціи хлопчатника и индиго, участки, засѣянные бананами, лѣски и рощи пальмъ и другихъ деревъ покрываютъ все пространство, которое не занято подъ дороги, пруды или постройки туземныхъ деревень и европейскихъ поселеній, называемыхъ альдеями [1]).

Когда территорія Пондишери была возвращена Франціи, населеніе ея составляло около 25.000 душъ; теперь оно удвоилось въ самомъ городѣ и ушестерилось въ округѣ; но европейцевъ, не считая метисовъ (помѣсей), называемыхъ *топа*, т. е. „шляпниками“ (потому что они носятъ шляпы), едва наберется тысяча душъ. „Бѣлый городъ“, образующій неправильный осьмиугольникъ, расположенъ вдоль морскаго берега и улицы въ немъ пересѣкаются подъ прямымъ угломъ. Дома почти всѣ отдѣлены отъ улицы маленькими дворами, красиво усаженными цвѣтами, и каждый годъ зàново покрываются штукатуркой блестящаго бѣлаго, какъ мраморъ, цвѣта или различныхъ цвѣтовъ, желтаго, голубаго, краснаго, золотистожелтаго, алаго. Внѣ полигона „бѣлаго города“ тянутся обширные кварталы на сѣверномъ берегу, среди лѣса кокосовыхъ пальмъ, тамариндовъ, акацій, тюльпановыхъ деревьевъ, и дороги, направляющіяся внутрь материка, обставлены по бокамъ „черными городами“, на половину затерянными въ зелени. Отъ Губернаторской площади до Вилленура, на протяженіи около 10 верстъ, постоянно идешь между домовъ и фруктовыхъ садовъ. Прекрасные парки и акклиматизаціонный садъ способствуютъ вмѣстѣ съ лѣсами, ассенизаціи атмосферы, но на югѣ рѣка Гинги или Аріанкупомъ, неимѣющая сообщенія съ моремъ въ сухое время года, разливается въ видѣ нездоровыхъ лагунъ. Прежде жители Пондишери должны были употреблять очень дурную, вредную для здоровья, воду; теперь городъ получаетъ отличную воду посредствомъ семи артезіанскихъ колодцевъ, выкопанныхъ на различныхъ глубинахъ, отъ 24 до 172 метровъ. Немногіе изъ англійскихъ городовъ низменныхъ равнинъ Индіи могутъ сравниться, въ отношеніи чистоты и хорошаго содержанія, со „старою Понди“, какъ ее нѣжно называютъ туземцы. Но, по размѣрамъ

[1]) *Caumain*, рукописныя замѣтки.

торговли, французскій городъ, окруженный поясомъ таможень и располагающій незначительнымъ округомъ, далеко не имѣетъ той важности, какъ англійскіе города, равные ему по количеству народонаселенія. А между тѣмъ, на сторонѣ его то преимущество, что онъ омывается гораздо болѣе спокойнымъ, менѣе волнующимся моремъ, чѣмъ Мадрасъ, и что сосѣднія съ нимъ воды никогда не испытываютъ потрясеній, производимыхъ въ другихъ мѣстахъ циклонами. Чугунное жете, длинною слишкомъ 200 метровъ, лучше содержимое, чѣмъ мадрасское, облегчаетъ разгрузку кораблей, и маякъ, первый, который былъ сооруженъ на восточномъ берегу Полуострова, освѣщаетъ, съ 1835 года, подходы якорной стоянки судовъ. Въ 1879 году желѣзная дорога, построенная въ большой части на средства самой колоніи, соединила Пондишери съ сѣтью желѣзныхъ путей англійской Индіи.

Движеніе внѣшней торговли въ Пондишери въ 1876 году:

	Французскія суда.	Иностранныя суда.	Всего.
Привозъ	2.743.300 фр.	3.390.700 фр.	6.134.000 фр.
Отпускъ	7.014.000 „	3.048.900 „	10.062.900 „
Вего (въ 335 судахъ). .	9.757.300 фр.	6.439.600 фр.	16.196.900 фр.

Главные промыслы города—приготовленіе табачныхъ издѣлій и тканье матерій; одна изъ его прядильныхъ фабрикъ даетъ занятіе 2.000 рабочихъ; 4.000 ткацкихъ станковъ дѣйствуютъ въ его территоріи. Пондишерійскіе туземцы лучше знаютъ и чище говорятъ по-французски, чѣмъ жители большихъ городовъ Индійской имперіи по-англійски [1]).

Гудалуръ или Куддалоръ, „Городъ сліяній“, получившій такое названіе отъ двухъ рѣкъ Гуддиламъ и Паравануръ, впадающихъ тамъ въ море (впрочемъ, только въ періодъ дождей), лежитъ на Коромандельскомъ берегу, въ разстояніи всего какихъ-нибудь 25 километровъ къ югу отъ Пондишери. Онъ состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ отдѣльныхъ городовъ—европейскаго и туземнаго; въ пяти километрахъ на сѣверо-западъ видны развалины крѣпости св. Давида, которая впродолженіи шести лѣтъ, съ 1746 по 1752 годъ, была столицей англійскихъ владѣній въ Южной Индіи и которою французы дважды овладѣвали, въ первый разъ въ 1758, во второй въ 1782 году. Порто Ново (Новый Портъ) или Фиринги-петъ, „Городъ Франковъ“, который слѣдуетъ за Гудалуромъ на Коромандельскомъ берегу, ведетъ лишь незначительную каботажную торговлю, еще въ меньшихъ размѣрахъ, нежели Гудагуръ. Менѣе чѣмъ въ 15 километрахъ къ югу отъ Новаго Порта находятся городъ и знаменитые храмы Чедамбарамъ или Чиламбрамъ. Главный памятникъ, или „Золотое Святилище“, посвященное богу Сивѣ, представляетъ обширное собраніе

[1]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien“.

построекъ, окруженное стѣной длиною въ 1.600 метровъ. Четыре восьмиэтажные портала, или *гопуры*, ведутъ въ преддверія храма. Одна изъ узорчатыхъ пирамидъ, отражающихся въ зеркальной поверхности священнаго пруда, покоится на цѣломъ лѣсѣ колоннъ—монолитовъ: это „храмъ съ тысячью столбовъ“; но нѣкоторыя изъ колоннъ опрокинуты; осталось только 974. Невольно дивишься при мысли о томъ громадномъ трудѣ, который представляютъ эти колоссальныя зданія, воздвигнутыя изъ глыбъ гранита, имѣющихъ до 13 метровъ длины; а между тѣмъ ближайшія каменоломни находятся оттуда на разстояніи слишкомъ 60 километровъ. Декабрская ярмарка, на которую стекаются пилигримы и купцы, соединяетъ иногда до 80.000 человѣкъ вокругъ Чедамбарамскихъ храмовъ [1]. Во всемъ мірѣ нѣтъ страны, гдѣ на территоріи относительно не обширной можно было бы встрѣтить такое множество памятниковъ зодчества, поражающихъ своимъ богатствомъ, колоссальностью размѣровъ и въ особенности своею изумительною обшивкой изъ скульптурныхъ украшеній; кажется, что цѣлый народъ движется на ступеняхъ этихъ пирамидальныхъ массъ. Города Майяверамъ и Хумбоконамъ, на танджорской желѣзной дорогѣ, заключаютъ въ себѣ нѣкоторые изъ этихъ великолѣпныхъ храмовъ, славящихся во всей Индіи, какъ одно изъ „семи“ чудесъ дравидскаго міра.

Эти многочисленныя пагоды сгруппированы недалеко отъ сѣверной вѣтви Кавери: мы находимся уже въ бассейнѣ этой рѣки, которая беретъ начало въ 500 километрахъ къ западу на восточной отлогости Кургскихъ горъ; одинъ изъ ея верхнихъ притоковъ проходитъ у подошвы холма, на которомъ раскинулась Меркара, столица территоріи и „красивѣйшій городъ полуденной Индіи“ [2]. Знаменитый городъ Серингапатамъ (Срирангапатамъ), или „Градъ бога Вишну“, бывшая столица Майсурскаго государства, расположенъ на островѣ, покрытомъ рисовыми полями и плантаціями сахарнаго тростника. Укрѣпленія, возведенныя султаномъ Типпо-Саибомъ, остались до сихъ поръ въ томъ же состояніи, въ какомъ они находились на другой день штурма, произведеннаго англичанами въ 1799 году; только бреши въ стѣнахъ заросли деревьями и ліанами, которыя придаютъ цѣлому необыкновенно живописный видъ; кое-какіе остатки дворцовъ видны еще посреди ограды. Серингапатамъ не былъ возвращенъ Майсурскому государю побѣдителями; составляя непосредственное владѣніе британскаго правительства, онъ только отданъ во временное пользованіе или въ наймы магараджѣ. По причинѣ своего, очень нездороваго для европейцевъ, климата, Серингапатамъ былъ покинутъ, какъ мѣсто расположенія войска на кантониръ-квартирахъ; въ

---

[1]) *Paris* „Tour du Monde“, 1867.
[2]) *Clements Markham* „Travels in Peru and India“.

концѣ прошлаго столѣтія, 500 французовъ съ острова св. Маврикія, жившіе при дворѣ султана Типпо-Саиба, почти всѣ сдѣлались жертвой лихорадки; черезъ четыре года оставалось въ живыхъ только 25 человѣкъ. Въ настоящее время населеніе острова, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ меньше той цифры, которой оно достигало въ прошломъ столѣтіи.

Нынѣшняя резиденція—Майсуръ, построенный на болѣе возвышенной мѣстности, въ 16 километрахъ къ юго-востоку отъ Серингапатама; но администрація края имѣетъ свое пребываніе въ городѣ Бангалорѣ, въ восточной части княжества и вблизи англійской границы. Этотъ городъ, лежащій на высотѣ 924 метровъ, считается самымъ здоровымъ во всемъ Майсорскомъ государствѣ, и потому тамъ поселились тысячи европейцевъ, преимущественно ветераны; одинъ бангалорскій кварталъ съ его виллами, церквами, музеемъ, паркомъ и садами, имѣетъ видъ совершенно британскаго города. Туземное населеніе, очень трудолюбивое, занимается выдѣлкой ковровъ и тканьемъ матерій, шелковыхъ и бумажныхъ. Торговля Бангалора, особенно по сбыту хлѣбныхъ продуктовъ и хлопка, весьма значительна и должна еще болѣе увеличиться съ проведеніемъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя соединятся въ этомъ городѣ съ сѣтью рельсовыхъ путей Южной Индіи. Одна изъ этихъ линій будетъ проведена на Гасанъ, городъ, лежащій на восточномъ склонѣ Гатскихъ горъ, недалеко отъ перевала, черезъ который пролегаетъ обыкновенная дорога, спускающаяся къ Мангалору. Въ сосѣдствѣ Гасана есть нѣсколько храмовъ, которые принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ религіознымъ памятникамъ Дравидіи по необычайному богатству и разнообразію скульптурныхъ украшеній. Вокругъ стѣнъ святилища Галебидъ, на протяженіи слишкомъ 200 метровъ, развертываются расположенные поясами одинъ надъ другимъ фризы, представляющіе слоновъ, тигровъ, лошадей, быковъ, птицъ, символическихъ животныхъ; цѣлыми тысячами насчитываются фигурки, изваянные рѣзцомъ съ удивительнымъ совершенствомъ. Колоссальный лежащій быкъ, длиною въ 27 метровъ (12,6 саженъ), охраняетъ сѣверный входъ зданія [1]).

На югъ отъ Майсура лежитъ Утакамундъ, главный городъ Голубыхъ Горъ и важнѣйшая санитарная станція полуденной Индіи, городъ новаго происхожденія; его отели, виллы и дачи разсѣяны на значительномъ пространствѣ, на средней высотѣ 2.200 метровъ; на востокѣ высятся крутые склоны Додабетты. Котагири (Хотагерри) и Коннуръ тоже населены европейцами. Англійскіе города получили большую важность, какъ центры культуры для экзотическихъ растеній; въ Утакамундѣ существуютъ цѣлые три опытные сада, расположенные одинъ надъ другимъ на различныхъ высотахъ по отлогостямъ плоскогорья. Первые

---

[1]) *James Fergusson* „History of Architecture“.

отсадки хиннаго дерева были привезены изъ Перу въ Индію въ 1860 году, и уже два года спустя 25.000 деревъ отлично произрастали въ окрестностяхъ Утакамунда [1]); теперь обширные лѣса хиннаго дерева замѣнили бо́льшую часть покрытыхъ дерномъ пространствъ и джунглей плоскогорья и доставляютъ англійскимъ арміямъ обильный запасъ противолихорадочной коры. Однако, главныя плантаціи на Ниль-Гири—кофейныя, и съ 1840 года многочисленные концессіонеры расчистили подъ насажденія кофейнаго дерева склоны горъ между 800 и 1.500 метровъ высоты. Далѣе на сѣверъ, область Вайнадъ даетъ еще болѣе обильные сборы кофе, чѣмъ плантаціи Голубыхъ Горъ, и во время кофейнаго сезона дороги, спускающіяся къ морскому прибрежью, бываютъ загромождены вереницами телѣгъ, нагруженныхъ этимъ продуктомъ. Въ послѣднее время Вайнадъ получилъ исключительную важность, благодаря своимъ золотымъ пріискамъ, которые прежде разработывались индусами, но затѣмъ, вслѣдствіе войнъ, были покинуты, не смотря на ихъ богатство. Мѣсторожденія драгоцѣннаго металла вездѣ соединены съ жилами или „рифами“ бѣлаго кварца, толщиною отъ 6 до 10 метровъ, которыя выступаютъ наружу изъ массъ гнейса или гранита; туземные рудокопы разбивали этотъ золотоносный кварцъ при помощи огней, зажигаемыхъ въ углубленіяхъ, пробитыхъ въ скалѣ; теперь возлѣ особенно богатыхъ металломъ пластовъ установлены камнедробильныя машины. Главные золотые пріиски находятся въ сосѣдствѣ Девалы, лежащей въ 44 километрахъ къ югу отъ Манантавади, главнаго города области Вайнадъ. Акціонерный капиталъ золотопромышленныхъ компаній Вайнада, въ апрѣлѣ 1881 года, составлялъ 75.000.000 франк.

Городъ Паль-Гатъ, который наблюдаетъ за порогомъ или *гатомъ* того же имени, открывающимся между горными массами Ниль-Гири и Анамалахъ, привлекаетъ путешественниковъ, какъ мѣсто перевала и какъ рынокъ; этотъ нѣкогда важный стратегическій пунктъ сдѣлался торговымъ мѣстомъ съ тѣхъ поръ, какъ въ странѣ воцарился „британскій миръ“. Но самый многолюдный городъ этой раздѣльной области—Коимбатуръ, лежащій тоже на бо́льшой дорогѣ и при желѣзномъ пути изъ Мадраса въ Бейпуръ: здѣсь сходятся дороги, которыя спускаются съ двухъ горныхъ массивовъ, высящихся другъ противъ друга; сосѣдняя пагода, та, которая находится въ Перурѣ, есть одна изъ наиболѣе чтимыхъ святынь Индіи, одинъ изъ трехъ единственныхъ индусскихъ храмовъ, которые пощадилъ мусульманскій фанатикъ, султанъ Типпо-Саибъ. На сѣверо-востокѣ, городъ „Скалы“, Шеламъ или Селамъ,—имя, которое англичане, по библейскому воспоминанію, передѣлали въ Салемъ,—превзошелъ Коимбатуръ въ важности, благодаря плодородію окружающей

[1]) *Clements Markham* „Travels in Peru and India“.

равнины, гдѣ ирригаціонная вода, проведенная на поля и плантаціи изъ 200 резервуаровъ, обильно орошаетъ почву, производящую богатые урожаи индиго, хлопка, табаку. Въ окрестныхъ невысокихъ холмахъ добываютъ желѣзную руду, изъ которой выдѣлывается превосходная сталь. Культура кофейнаго дерева также была введена въ долинахъ горъ Шиварай, господствующихъ на сѣверо-востокѣ надъ Салемскою равниной, и англичане основали уже тамъ маленькую санитарную деревню, Еркадъ, на высотѣ 1.310 метровъ.

Большой городъ Тричинаполи, самое значительное городское поселеніе къ югу отъ Мадраса и Пондишери, занимаетъ стрѣлку дельты Кавери, центръ расхожденія каналовъ, которые разносятъ плодородіе въ „этотъ садъ полуденной Индіи", столь богатый рисовыми полями, пальмовыми лѣсами, фруктовыми садами, табачными плантаціями. Кварталъ крѣпости, стѣны которой недавно срыты, окружаетъ гнейсовую скалу, возвышающуюся на 82 метра, на верхушкѣ которой стоятъ храмъ Сивы и нѣкоторыя другія строенія; эта горка, гладкія стѣны которой испещрены разноцвѣтными полосами, происходящими отъ стока дождевой воды и порослей лишаевъ, подала поводъ къ разнымъ легендамъ, вслѣдствіе которыхъ городъ и получилъ имя Тричинаполи, означающее „градъ триглавыхъ демоновъ". Это одна изъ позицій, которыя французы и англичане всего энергичнѣе оспаривали другъ у друга во время войнъ прошлаго столѣтія. Съ вершины скалы видъ простирается на западъ до горъ, которыя ограничиваютъ равнину, усѣянную другими глыбами гнейса, совершенно уединенными, также какъ и горка въ Тричинаполи. На сѣверѣ, на одномъ изъ островковъ рѣки Кавери, стоятъ высокіе порталы пирамидальной формы, или гопуры, прекраснаго Срирангамскаго (Серингамскаго) храма, посвященнаго богу Вишну, храма, который впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ служилъ цитаделью французамъ [1]); если бы этотъ памятникъ религіознаго зодчества, относящійся, по времени сооруженія, къ первымъ годамъ восемнадцатаго столѣтія, былъ оконченъ, онъ имѣлъ бы двадцать гопуръ или порталовъ, изъ которыхъ каждый, по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ, представлялъ бы отдѣльный памятникъ. Другое величественное зданіе, въ сосѣдствѣ съ предъидущимъ, было построено въ честь Сивы; такимъ образомъ, въ Южной Индіи храмы распредѣляются по-парно, такъ что каждая пара посвящена двумъ главнымъ богамъ современнаго пантеона.

Танджоръ или Танджавуръ, къ востоку отъ Тричинаполи и недалеко отъ центра дельты, былъ нѣкогда столицей индусскаго царства Чола или Чора, названіе котораго, какъ полагаетъ большинство этимологистовъ, находится въ имени Коромандель. Танджоръ — промышленный

[1]) *Grandidier* „Tour du Monde", XX, 1869.

городъ и его галантерейныя издѣлія славятся не менѣе тѣхъ же издѣлій, фабрикуемыхъ въ Тричинаполи; но красу и гордость его составляетъ знаменитый храмъ четырнадцатаго столѣтія, если не самый обширный, то первый по чистотѣ стиля и красивѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ религіознаго зодчества, какіе существуютъ въ дравидійскихъ странахъ. Главная пирамида или *вимара*, возвышающаяся на 60 метровъ и увѣнчанная куполомъ-монолитомъ, состоитъ изъ тринадцати этажей, поддерживаемыхъ кубическимъ цоколемъ съ двумя расположенными одинъ надъ другимъ рядами колоннъ; характеристическіе мотивы его архитектуры — это изваянія въ формѣ вѣера, которыя, вѣроятно, напоминаютъ перья павлина, священной птицы. Одна изъ сосѣднихъ пагодъ, посвященная Субраманьѣ, сыну Сивы, еще болѣе замѣчательна изяществомъ формы и совершенствомъ деталей: не будь такого обилія скульптурныхъ украшеній, можно было бы подумать, что видишь передъ собою произведеніе итальянскаго зодчества эпохи возрожденія. На юго-востокѣ, храмъ въ Манаргуди пользуется почти такою же славой, какъ и танджорскій; онъ тоже причисляется къ „семи“ знаменитымъ пагодамъ.

Мѣстности столь плодоносныя и столь густо населенныя, какъ равнины по нижнему теченію Кавери, должны были бы имѣть значительный портъ, который служилъ бы имъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ заграничными рынками; но берегъ на восточномъ фронтѣ дельты опасенъ для кораблей, и потому почти все движеніе торговаго обмѣна производится черезъ мадрасскій рейдъ. Однако, желѣзная дорога, соединяющая города Тричинаполи и Танджоръ, приноситъ на набережныя Негапатама много произведеній края, которыя лаббаи, арабы смѣшанной расы, захватившіе въ свои руки почти всю мѣстную торговлю, отправляютъ на островъ Цейлонъ, въ Рангунъ, въ Сингапуръ. Средняя годовая цѣнность внѣшней торговли негапатамскаго порта за пятилѣтній періодъ, съ 1875 до 1880 года, составляла 22.820.000 франк. Негапатамъ, или „Змѣиный городъ“, уже извѣстный древнимъ грекамъ подъ именемъ Нигамосъ, есть одинъ изъ первыхъ городовъ, попавшихъ во власть европейцевъ. Португальцы, голландцы, англичане послѣдовательно смѣняли другъ друга въ качествѣ чужеземныхъ владѣтелей. Километрахъ въ двадцати къ сѣверу отъ Негапатама, на одномъ изъ рукавовъ рѣки Кавери, находится городъ Карикаль, французская контора, вторая въ Индіи по важности торговыхъ сношеній; суда, вмѣстимостью до 200 тоннъ, привозящія, по бо̀льшей части, лѣсъ и европейскіе мануфактурные товары, приходятъ туда за грузами риса для Цейлона, Франціи, острова Соединенія. Пространство территоріи Карикаль: 16.184 гектара; народонаселеніе въ 1872 году 61.880 жителей. Хотя несоединенный съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, Карикаль остался цвѣтущимъ городомъ, тогда какъ Транквебаръ или Тарагамбади, — по тамильски „Городъ Волнъ“,—

пришелъ въ упадокъ. Негапатамская желѣзная дорога отвлекла отъ него всю торговлю. Транквебаръ впродолженіи двухъ слишкомъ столѣтій былъ датскою колоніей; затѣмъ, вмѣстѣ съ городомъ Серампуромъ, онъ былъ проданъ Англіи за 500.000 франковъ. Первая протестантская миссія, появившаяся на почвѣ Индіи, была основана въ Транквебарѣ.

На югѣ бассейна Кавери, Мадура долгое время была метрополіей полуденной Индіи; она была столицей того царства пандіевъ или пандіоновъ (Пандіа мандаламъ), о которомъ говорятъ греческіе географы и которое посылало два посольства въ Римъ; по словамъ лѣтописей, оно было основано въ пятомъ столѣтіи до Р. Х. иммигрантами, пришедшими съ сѣвера. Въ началѣ христіанской эры это царство было главнымъ мѣстомъ образованности на Полуостровѣ; въ эту эпоху школьное ученье стало уже обязательнымъ для всѣхъ дѣтей, достигшихъ пятилѣтняго возраста; ихъ вводили въ школу, къ подножію статуи Ганесы, бога мудрости, и съ большою торжественностью вписывали ихъ имена въ публичные регистры. Своимъ названіемъ Мадура, вѣроятно, была обязана священному городу на берегахъ Джамны, Мутрѣ или Матурѣ; полагаютъ, что и островъ Мадура, близь Явы, получилъ то же самое наименованіе отъ индусовъ, приходившихъ туда проповѣдывать свой культъ. Древній городъ, частью вновь отстроенный и ассенированный англичанами, сохранилъ нѣкоторые памятники своего прошлаго, между прочимъ, одну пагоду, порталъ которой (недоконченный) и главный корпусъ могутъ сравниться со всѣмъ, что Полуостровъ имѣетъ наиболѣе великолѣпнаго и наиболѣе смѣлаго по замыслу среди своихъ многочисленныхъ памятниковъ религіознаго зодчества [1]). Дворецъ, который по времени постройки относится къ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія, представляетъ образцовое произведеніе гражданской архитектуры въ Южной Индіи: мавританское искусство соединилось въ немъ съ индусскимъ стилемъ и придаетъ ему больше изящества и граціи, облегчивъ его отъ подавляющаго хаоса безчисленныхъ миѳологическихъ изваяній; преданіе гласитъ, что постройка этого дворца производилась подъ руководствомъ какого-то европейскаго мастера.

Мадура соединена желѣзною дорогой, съ одной стороны, съ городомъ Диндигалемъ, съ другой—съ городомъ Тинневелли. Диндигалъ былъ нѣкогда очень важнымъ пунктомъ въ стратегическомъ отношеніи, благодаря своему положенію у подошвы укрѣпленнаго пригорка, командующаго дорогами на востокѣ горъ Пальни; Тинневелли — главный городъ конечнаго округа Индіи, между мысомъ Коморинъ и Рыболовнымъ берегомъ. Тинневелли стоитъ при рѣкѣ Тамрапарни и образуетъ два города-близнеца съ Паламкоттаемъ, построеннымъ на противоположномъ

[1]) *M. Taylor* „Oriental Historical Manuscripts".

берегу той же рѣки, въ 4 километрахъ къ юго-востоку. Титулъ главнаго города принадлежитъ Тинневелли, но мѣстопребываніе окружнаго управленія находится въ Паламкоттаѣ. Европейскіе резиденты обоихъ этихъ городовъ часто отправляются на дачу въ городъ Куталламъ, лежащій на западѣ, близъ водопадовъ верхней Тамрапарни, и въ проломѣ горъ, чрезъ который проходятъ юго-западные вѣтры, освѣжающіе раскаленную удушливую атмосферу, которая тяготѣетъ надъ равнинами. На востокѣ, вѣтвь желѣзнаго пути соединяетъ Тинневелли съ портомъ Тутикоринъ или Туттукуди, который расположенъ на безплодномъ песчаномъ берегу, продолжающемся нечувствительною покатостью подъ поверхностью водъ моря. Корабли бросаютъ якорь въ 4 километрахъ отъ берега и сообщаются съ портомъ посредствомъ мелкихъ судовъ, поднимающихъ незначительный грузъ. Бывшая торговая контора португальцевъ, затѣмъ голландцевъ, Тутикоринъ есть единственный въ Индіи городъ (если не считать Гоа), гдѣ около половины населенія состоитъ изъ христіанъ, а въ его окрестностяхъ встрѣчаются цѣлыя деревни, гдѣ нѣтъ ни одного язычника. Эти христіане католики, составляющіе касту параваровъ, занимались прежде ловлей жемчужныхъ раковинъ; но этотъ промыселъ совершенно покинутъ съ того времени, какъ вновь образовавшіяся мели измѣнили направленіе теченій въ рейдѣ. Что касается внѣшней торговли, весьма значительной во времена португальскаго господства, то она пришла-было въ упадокъ и ограничивалась мелкимъ каботажемъ до постройки желѣзной дороги, соединившей Тутикоринъ съ желѣзнодорожною сѣтью Индіи. Съ открытіемъ этого рельсоваго пути торговый обмѣнъ тотчасъ же оживился и принялъ большіе размѣры, благодаря выгодному положенію порта, которое избавляетъ малабарскія суда, англійскія и туземныя, отъ обхода на востокѣ отъ острова Цейлона. Тутикоринъ отправляетъ заграницу хлопокъ, кофе, пряности и снабжаетъ Цейлонъ лошадьми, быками, домашнею птицей, зерновымъ хлѣбомъ; отсюда же производится очень дѣятельное пассажирское сообщеніе съ портами острова. Цѣнность торговыхъ оборотовъ Тутикоринскаго порта въ 1875 году простиралась до 32.375.000 франковъ.

Пространство, описанное главною желѣзною дорогой земли Мадура и ея вѣтвями, негапатамской и тутикоринской, заключаетъ въ себѣ медіатизированное государство Пудукотта, населенное почти исключительно земледѣльцами; но древнее и знаменитое княжество Рамнадъ присоединено къ британскимъ владѣніямъ, какъ *заминдари*, или отданный на откупъ ленъ. Городъ Рамнадъ или Раманатапурамъ, названный такъ въ честь бога Рамы, лежитъ въ мѣстности, усѣянной искусственными прудами, при основаніи трехугольнаго полуострова, который выдвинулся на востокъ между заливами Манаарскимъ и Палкскимъ и продолжается по направленію къ Цейлону цѣпью островковъ и подводныхъ скалъ.

ВИДЪ ВЪ МАДРАСѢ.

Рамнадскій государь носилъ титулъ Сетупати, т. е. „Властителя моста“, и по сказанію легенды, былъ поставленъ тамъ, какъ охранитель прохода между островомъ Рамесварамъ и континентомъ. Каста „воровъ“ малаваръ, которыхъ онъ былъ главой и въ которыхъ многіе писатели видятъ аборигеновъ края, по причинѣ ихъ своеобразныхъ нравовъ, состояла изъ воиновъ-землепашцевъ, обязанныхъ являться по первому его призыву; менѣе чѣмъ въ недѣлю онъ могъ собрать подъ знамена отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый приносилъ съ собою запасъ продовольствія для начала похода; оттого „владѣтель моста“ былъ грозой сосѣдей, и въ теченіе многихъ столѣтій его власть распространялась на значительную часть Полуострова. Отъ Рамнада зависятъ нѣсколько портовъ: на югѣ „моста“—Мутапетъ (Портъ-Лорнъ), гдѣ можно было бы устроить лучшее пристанище этого прибрежья[1]), и Килькарай, который, можетъ быть, былъ резиденціей династіи пандіасовъ[2]); на сѣверѣ—Аутапкарре (Аттапкарай) и Девипатнамъ. Моряки и рыболовы этого округа, по бо̀льшей части, лаббаи, магометане и католики.

Полуостровъ Рамнадъ, оканчивающійся остроконечнымъ, въ формѣ копья, мысомъ Раменъ, продолжался еще въ пятнадцатомъ столѣтіи къ острову Рамесварамъ полосой каменныхъ глыбъ, имѣвшей 2.150 метровъ длины. Не только преданіе, но даже архивы Рамесварамской пагоды разсказываютъ, что три раза въ году, въ дни праздниковъ Рамы, статуя этого бога была носима на континентъ и что пилигримы слѣдовали за процессіей по шоссе, теперь разрушенному, содержаніе котораго было ввѣрено „Господину моста“. Въ 1480 году сильная буря прорвала эту естественную плотину; нужно было поправлять ее, но вскорѣ послѣ того второе, затѣмъ третье вторженіе моря разрушило произведенныя работы, такъ что пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго продолженія борьбы съ волнами. Въ настоящее время то, что еще осталось отъ плотины, состоитъ изъ двухъ грядъ неравной высоты, идущихъ параллельно одна другой на разстояніи 130 метровъ. Сѣверная гряда—самая высокая, и почти вездѣ ея каменныя глыбы бываютъ видимы въ періоды отлива, образуя непрерывную цѣпь; камни же южной цѣпи только кое-гдѣ высовываютъ свои верхушки надъ поверхностью водъ. Камни плотины, изъ которыхъ иные, по разсказамъ туземцевъ, были привезены съ материка для закладки брешей, отличаются удивительною правильностью формы и вѣсятъ, среднимъ числомъ, отъ 10 до 20 тоннъ; можно подумать, что видишь передъ собою глыбы бетона, положенныя инженерами, на самомъ дѣлѣ это песчаники, гораздо болѣе крѣпкіе, чѣмъ горныя породы того же рода, находимыя съ той и другой стороны подъ сосѣдними песками

[1]) *Taylor* „Harbours of India“.
[2]) *Clements Markham* „Travels in Peru and India“.

Очевидно, „Большая Плотина“, одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ свѣтѣ геологическихъ образованій, есть жила твердой скалы, сохранившаяся среди моря, какъ искусственная дамба, тогда какъ всѣ окружавшія ее каменистыя вещества были разрушены волнами, унесены теченіями и отложены въ видѣ песчаныхъ мелей въ сосѣднихъ моряхъ; но и Большая Плотина, въ свою очередь, начинаетъ подаваться. Въ началѣ настоящаго столѣтія, каналъ, образовавшійся на восточной оконечности этого естественнаго жете, представлялъ уже проходъ мелкимъ судамъ Коромандельскаго берега; въ часы прилива они находили тамъ два метра воды, въ часы отлива немного болѣе метра. Въ 1838 году, англичане приступили къ углубленію пролива. Подъ ихъ руководствомъ, партіи осужденныхъ взрывали скалы и драгировали дно фарватера; въ настоящее время проходъ, длиною въ 1.289, шириною въ 25 метровъ, имѣетъ $4^1/_4$ метра глубины, и пароходы, даже военные корабли свободно переходятъ черезъ порогъ между заливами Палкскимъ и Манаарскимъ. Мѣстечко Памбанъ, занимающее на востокѣ оконечность острова Рамесварамъ, населено моряками, лоцманами, водолазами и посредниками въ торговлѣ между Цейлономъ и твердою землей. Движеніе судоходства черезъ Памбанскій проливъ въ 1879 году: 2.143 судна, общая вмѣстимость ихъ 228.100 тоннъ. На востокѣ, около середины островка Рамесварамъ, стоитъ храмъ того же имени, основанный, какъ гласитъ легенда, самимъ Рамой, но сооруженіе котораго въ дѣйствительности относится къ шестнадцатому и семнадцатому столѣтіямъ: это чудный ансамбль строеній, изъ которыхъ иныя могутъ быть поставлены на ряду съ совершеннѣйшими памятниками дравидійскаго искусства; его корридоры, украшенные рѣзными колоннами съ группами людей и животныхъ наверху, имѣютъ не менѣе 1.200 метровъ длины, но драгоцѣнныя детали покрыты густыми слоями пестрой штукатурки, которые совершенно уничтожаютъ художественный эффектъ.

Островокъ Рамесварамъ, послѣдняя индусская земля, соединяется съ Цейлономъ длиннымъ рядомъ песчаныхъ мелей, остатками дороги, которая, по словамъ легенды, была построена обезьяной Гануманомъ для прохода воинствъ Рамы. Магометане и христіане, отвергая, какъ нечестивую, миѳологію туземцевъ, переименовали этотъ „мостъ Рамы“ въ „Адамовъ мостъ“.

Главные города Южной Индіи:

Мадрасское президентство.

Мадрасъ, въ 1881 г.	406.120 жит.
Тричинаполи, въ 1872 году	76.550 „
Танджоръ, въ 1872 г.	52.175 „
Мадура въ 1872 г. .	52.000 жит.
Салемъ (Шеламъ), въ 1872 г. . . .	50.010 „
Негапатамъ, въ 1872 г.	48.525 „
Каликутъ „	48.000 „
Хумбакопамъ „	44.450 „

Гудалуръ въ 1872 г.	40.950	жит.	*Майсуръ.*		
Веллоръ „	38.020	„	Бангалоръ	142.500	жит.
Конджсварамъ „	35.400	„	Майсуръ.	57.815	„
Коимбатуръ „	35.300	„	*Траванкоръ.*		
Пальгатъ „	31.100	„	Тривандрамъ . . .	57.600	„
Неллоръ „	29.920	„	Алеппи.	29.920	„
Мангалоръ „	29.700	„	*Французскія владѣнія.*		
Маяверамъ „	22.580	„	Пондишери (городъ и альдеи)	143.500	„
Анамалахъ „	22.300	„			
Телличери „	20.480	„	Карикаль	61.880	„

XV.

ЦЕЙЛОНЪ.

Большой островъ, на который англичане всегда смотрѣли, какъ на отдѣльную землю и который они не соединяютъ непосредственно со своею Индійскою имперіей, наслѣдіемъ бывшей остъ-индской компаніи, составляетъ, съ географической точки зрѣнія, простой придатокъ или продолженіе Полуострова. Нѣсколько метровъ разницы въ уровнѣ сосѣднихъ морей,—и Цейлонъ, выступивъ изъ подъ воды своею сѣверною оконечностью, соединился бы съ Коромандельскимъ берегомъ, точно также какъ, при болѣе значительномъ вертикальномъ движеніи почвы въ противоположномъ направленіи, горы Анамахъ и сосѣдніе массивы образовали бы другой Цейлонъ съ равнинами, которыя ихъ окружаютъ. Индусы всегда признавали, что южный островъ есть часть большой земли, и изъ двухъ ихъ эпопей одна разсказываетъ именно о томъ, какъ мостъ, перекинутый богами, соединилъ островъ съ континентомъ. Астрономы, какъ и поэты, считаютъ Цейлонъ индусскою землей, и въ ихъ глазахъ меридіанъ острова есть тотъ, который проходитъ черезъ гору Меру; они соединяютъ одною и тою же начальною линіей высочайшую вершину Гималаевъ и священный пикъ островнаго массива. Имена Цейлона тоже всѣ индусскаго происхожденія, за исключеніемъ, можетъ быть, древняго наименованія Ланка, которое, впрочемъ, по мнѣнію Эмерсона Теннента, было дано ему браманами въ смыслѣ „Блистательнаго“. Тамрапарни, или „Блестящій какъ мѣдь“ [1]), эпитетъ, изъ котораго греки сдѣлали названіе Тапробана, примѣнялся также къ странѣ Мадура, въ полуденной Индіи, и рѣка, орошающая равнины Тинневелли, сохранила его до нашихъ дней. Наконецъ, слово Цейлонъ или Цейланъ, употребляемое европейцами, и слово Серендибъ, примѣняемое арабами, суть не что иное,

[1]) *Turnour* „Mahawanso“.

какъ древнее названіе Сингала-двипа или просто Сингала, т. е. „островъ Львовъ“ или „Львиный“. Правда, эти дикіе звѣри не водятся въ Серендибѣ; „львы“, которымъ онъ обязанъ своимъ именемъ, были завоеватели, пришедшіе съ сѣвера, которые поработили туземныхъ жителей. Цейлонъ такъ близко связанъ съ полуостровомъ по сю сторону Ганга, что его можно разсматривать, какъ уголокъ Индіи, представляющій еще нѣкоторыя фазы древней исторіи индусскаго народа. Населеніе его, въ большей части пришедшее съ сосѣдняго континента, осталось болѣе вѣрнымъ старымъ обычаямъ, чѣмъ обитатели первоначальнаго отечества. Только на Цейлонѣ да въ высокихъ долинахъ Гималайскихъ горъ можно еще найти остатки буддизма, который нѣкогда былъ религіей цивилизованныхъ индусовъ; сингалезская (цейлонская) литература дала ученымъ возможность пополнить многіе пробѣлы браманскихъ книгъ [1]).

Онесикритъ, одинъ изъ спутниковъ Неарха во флотѣ Александра Македонскаго, и Мегасѳенъ, посланникъ Селевка, принесли въ Европу первыя свѣдѣнія о Тапробанѣ; но, какъ это почти всегда случалось въ исторіи географическихъ открытій, островъ принялъ въ воображеніи моряковъ размѣры, далеко превосходящіе дѣйствительность; трудности плаванія вокругъ него, необходимость идти искать попутный вѣтеръ на большихъ разстояніяхъ въ эпоху перемѣны направленія муссона, существованіе обширныхъ мелей, простирающихся далеко по обѣ стороны сѣверной оконечности острова, и, вѣроятно, также сбивчивость понятій, благодаря которой Цейлонъ, Ява и Суматра принимались за одну землю,—все это вмѣстѣ было причиной того, что индійскому острову приписывали громадные размѣры: древніе греки дали ему названіе Антихтонъ, или „Противолежащая земля“, т. е. смотрѣли на него, какъ на особый міръ или отдѣльный материкъ, составляющій въ южныхъ моряхъ какъ бы противовѣсъ сѣверному континенту. Даже Марко-Поло, съ котораго начинается періодъ географическихъ изслѣдованій новаго времени, даетъ Цейлону окружность въ 2.400 миль, почти въ четыре раза превосходящую размѣры его дѣйствительной окружности, длина которой, вмѣстѣ съ сосѣдними островками, равняется 1.100 километрамъ; впрочемъ, онъ прибавляетъ, что окружность острова уменьшилась на цѣлую треть съ древнихъ временъ, „сравнительно съ тѣмъ, какъ показано на всемірной географической картѣ мореплавателей“; онъ приписывалъ страшной силѣ сѣвернаго муссона нашествія моря и частное разрушеніе морскаго прибрежья. Съ другой точки зрѣнія, Цейлонъ тоже былъ сильно возвеличенъ разсказами мореплавателей. Они сдѣлали изъ него страну чудесъ: въ понятіяхъ китайцевъ это былъ по преимуществу „островъ сокровищъ“, въ

[1]) *Chr. Lasseh* „Indische Alterthumskunde“.
[2]) *Carl Ritter* „Asien“, Bd. IV, 2-ter Theil.

понятіяхъ грековъ—„земля рубиновъ", а арабы, сравнивая тѣнистые берега Серендиба со своими спаленными жгучимъ солнцемъ берегами, разсказывали, что, послѣ изгнанія изъ земнаго рая; первые люди, по милосердію Божію, получили позволеніе жить во второмъ раю, въ томъ, надъ которымъ господствуетъ Адамовъ пикъ [1]). Первые европейскіе мореплаватели, также какъ магометанскіе путешественники, восторгъ которыхъ такъ живо описанъ въ „Тысячѣ и одной ночи", говорятъ, что прежде чѣмъ взоръ примѣтитъ эту благословенную землю, о близости ея догадываешься по благоуханію, приносимому морскимъ вѣтеркомъ. И точно, Цейлонъ—волшебный уголокъ земли, особенно для тѣхъ, кто только-что покинулъ знойные берега Африки или Аравіи, или болотистыя мѣстности Сандербана, Ориссы, Годавери. Но какъ ни прекрасенъ этотъ уголокъ, онъ, однако, имѣетъ равныхъ себѣ между островами малайскаго архипелага и Антильскими. Наконецъ не смотря на плодородіе его полей, богатство его копей и рудниковъ, счастливое его положеніе между двумя морями, Аравійскимъ и Бенгальскимъ, Цейлонъ далеко уступаетъ англійской Индіи въ пропорціональной важности относительно населенности и развитія торговли. Пространство этого острова 63.333 квадр. километра, народонаселеніе 2.758.750 душъ (въ 1881 году), такъ что, слѣдовательно, среднимъ числомъ, приходится по 44 жителя на одинъ квадр. километръ.

Форму Цейлона часто сравнивали съ формой груши, ножка которой находится на сѣверо-западѣ, по направленію къ дельтѣ Кавери. Гористая область занимаетъ центръ южной части острова, и со всѣхъ сторонъ вокругъ этого ядра изъ кристаллическихъ горныхъ породъ почва правильно понижается къ морскимъ берегамъ; на юго-востокѣ высокіе массивы всего ближе подходятъ къ морю и къ мысамъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже выдвинулись въ самое море. Въ цѣломъ, горные хребты Цейлона представляютъ нѣкоторый параллелизмъ въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу, и въ эту же сторону текутъ воды промежуточныхъ долинъ. Представляя сходство съ южно-индійскими горными массами Ниль-Гири и Анамалахомъ по геологическому образованію, массивъ Цейлона походитъ на нихъ также и среднею высотой своихъ пиковъ. Высшая его точка, гора Педроталлагалла (2.524 метра) лишь немногимъ ниже Додабетты и Анамуди, и многія другія вершины превышаютъ 2.000 метровъ; плоскогорье Нувера-Эліа, со всѣхъ сторонъ окруженное горами, поднимается на среднюю высоту 1.890 метровъ. Педроталлагалла, находящаяся въ центрѣ массива и окруженная другими вершинами, немного уступающими ей по высотѣ, остается скрытою отъ взоровъ обитателей сосѣднихъ равнинъ; оттого она и не могла сдѣлаться

[1]) *Emerson Tennent* „Ceylon".

самою знаменитою горой Цейлона. Горой священной по преимуществу почитается та, которая первая бросалась въ глаза мореплавателямъ, когда они приближались къ западнымъ берегамъ, Саманала, которую магометане прозвали „Адамовымъ пикомъ". Буддисты дали ей имя Срипада, „Отпечатокъ ноги", въ честь своего учителя, который, будто бы, оставилъ на скалѣ вершины слѣдъ своей ступни, — огромная дыра, увеличенная съ помощью рѣзца и грубо изваянная; въ нѣсколькихъ метрахъ оттуда, на склонѣ горы, изъ скалы бьетъ ключъ, указывающій мѣсто, гдѣ стоялъ святой, опершись на посохъ и созерцая пространство. Пышные рододендроны, достигающіе отъ 10 до 12 метровъ высоты, растутъ по скатамъ, наклоняя свои цвѣтущія вѣтви къ вершинѣ горы, „какъ бы стремясь приблизиться къ священному отпечатку ноги Будды".

Сѣверная половина острова, почти на всемъ ея протяженіи, представляетъ обширную равнину; одинъ только отрогъ отдѣляется отъ центральнаго массива, направляясь на сѣверо-востокъ къ гавани Тринкомали; кромѣ того, нѣсколько горъ высятся по одиночкѣ среди низменныхъ пространствъ. Таковъ пикъ Магинтала, господствующій надъ священнымъ городомъ Анараджапура; тамъ и сямъ, въ сосѣдствѣ морскихъ береговъ, показываются базальтовыя формаціи. Въ гористой части острова господствующая горная порода гнейсъ; многіе контрфорсы состоятъ изъ одной каменной глыбы, притупленной на углахъ атмосферными дѣятелями; нѣкоторыя изъ этихъ массъ, возвышающіяся на 200 метровъ на обширномъ фундаментѣ въ нѣсколько квадратныхъ километровъ, имѣютъ выгнутый край въ формѣ полукупола, и цѣлые храмы могли пріютиться подъ этими естественными сводами; благодаря этимъ кривизнамъ поверхности, можно было изсѣкать въ камнѣ плиты въ формѣ бревенъ и досокъ для покрытія пагодъ: неразрушимая скала, такъ сказать, символизировала долговѣчность вѣры. Цейлонскій гнейсъ, также какъ гнейсъ полуденной Индіи и какъ декканскій траппъ, вывѣтриваясь, распадается на тонкую красную пыль, которая и покрываетъ почву. Мѣстные жители называютъ *кабукомъ* эти латериты, составляющіе рѣзкій контрастъ своимъ яркимъ цвѣтомъ съ густою зеленью листвы. Путешественникъ, высадившійся на берегъ Цейлона, бываетъ прежде всего пораженъ красноватою окраской дорогъ и полей; можетъ быть, этому кабуку „мѣдно-краснаго цвѣта" островъ и обязанъ былъ своимъ древнимъ именемъ Тамрапарни, передѣланнымъ греками въ Тапробану.

Немногіе металлы, за исключеніемъ желѣза, встрѣчаются въ количествахъ, заслуживающихъ разработки, въ горныхъ породахъ Цейлона; мѣсторожденія золота, очень многочисленныя, но бѣдныя металломъ, привлекли лишь небольшое число золотоискателей; жилы графита болѣе производительны и добываемый минералъ составляетъ одинъ изъ предметовъ отпускной торговли; но нѣтъ страны, болѣе богатой драгоцѣнными

камнями. Рѣки южнаго берега, особенно тѣ, которыя орошаютъ окрестности Ратнапуры, „Рубиноваго Города“, катятъ въ своихъ пескахъ такое большое количество рубиновъ (красныхъ яхонтовъ), сапфировъ (синихъ яхонтовъ), гранатовъ, что нѣкоторые берега почти сплошь состоятъ изъ этихъ камней; пыль, собираемая гранильщиками, употребляется ими для шлифовки самоцвѣтныхъ камней. Впрочемъ, въ этихъ поверхностныхъ слояхъ рѣчныхъ наносовъ не встрѣчаются хорошіе экземпляры рубиновъ; нужно рыть землю подъ песками и пробурить слои гравія и глины, прежде чѣмъ найдешь кристаллоносный слой, или *неллан*ъ, который, какъ полагаютъ, по времени образованія предшествовалъ базальтовымъ изверженіямъ, пробившимся мѣстами на поверхность. Въ этомъ-то неллане искатели самоцвѣтныхъ камней и находятъ цѣнные кристаллы. До прибытія англичанъ природные жители острова никогда не давали себѣ труда добираться до самой скалы, гдѣ встрѣчаются болѣе крупные и отличающіеся лучшимъ блескомъ камни. Гранаты, особенно разновидности, извѣстныя подъ названіемъ „коричныхъ камней“, до такой степени обыкновенны, что глыбы гнейса усѣяны ими, точно звѣздами: полосы кристалловъ, наполняющихъ горную породу, походятъ на вѣтви съ сверкающими цвѣтками. Цейлонскіе сапфиры и топазы признаны самыми цѣнными изъ 37 разновидностей драгоцѣнныхъ камней, собранныхъ геологомъ Гигаксомъ; но алмазовъ нигдѣ не находили въ Серендибѣ, хотя о нихъ говорятъ древніе географы и арабскіе разсказчики.

Рѣки спускаются съ центральнаго массива ко всей окружности острова, но лишь очень немногія изъ нихъ имѣютъ пріемный бассейнъ, достаточно обширный для того, чтобы сдѣлаться значительными потоками; по большей части, это—ручьи, страшные въ сезонъ дождей, пересыхающіе въ сухое время года; только нѣкоторые могутъ служить для мелкаго судоходства, въ нижней части ихъ теченія, между устьемъ и первыми порогами, находящимися при выходѣ изъ области холмовъ. А между тѣмъ, многія изъ этихъ рѣчекъ носятъ громкое имя „Ганга“, какъ будто онѣ могутъ быть сравниваемы съ божественною Гангой, спускающейся съ Гималайскихъ горъ. Самая полноводная, Магавелли-ганга, или „большая рѣка Песковъ“, одна вѣтвь которой впадаетъ въ Тринкомальскую бухту, имѣетъ всего только 215 километровъ длины и приноситъ въ море лишь воды бассейна въ 10.000 квадр. километровъ, хотя болѣе двухъ третей центральнаго массива заключаются въ предѣлахъ ея покатости; въ сравненіи съ большими рѣками Индіи, этотъ цейлонскій Гангъ не болѣе, какъ ручей.

Большинство *ганг*ъ и *ойя* заперты при устьѣ береговыми кордонами, которые отлагаетъ рѣчное теченіе, останавливаемое водами моря. Такъ образуются, подъ защитою этихъ песчаныхъ косъ, большія лагуны, гдѣ собираются воды, спустившіяся съ плоскихъ возвышенностей: одна изъ

этихъ лагунъ или, какъ ихъ называютъ англичане, *gobbs*, которая тянется вдоль восточнаго морскаго берега, на сѣверѣ и на югѣ отъ Баттикалоа, имѣетъ не менѣе 50 километровъ въ длину; это огромный прудъ, гдѣ судоходство производится подъ защитою отъ бурь и волненій моря, какъ во внутреннихъ береговыхъ водахъ (backwaters) Малабара. На западномъ берегу такія озера менѣе многочисленны, по причинѣ близости горъ и крутаго ската; однако, и тамъ образовалось нѣсколько лагунъ, къ сѣверу и къ югу отъ Коломбо. Островъ Кальпентинъ можетъ быть разсматриваемъ въ цѣломъ, какъ длинный береговой кордонъ или коса; заливъ, отдѣляющій его отъ Цейлона, постепенно съуживается къ югу, и на протяженіи около тридцати километровъ представляетъ просто большой прудъ. Наибольшая часть восточнаго берега окаймлена дюнами. Пески приносятся на плоскіе берега береговымъ теченіемъ, которое слѣдуетъ направленію вѣтровъ, поперемѣнно съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, высохшій во время отлива песокъ подхватывается вѣтромъ и нагромождается въ видѣ дюнъ; но рѣдко бываетъ, чтобы эти горки долгое время оставались подвижными. Травы съ разстилающимися корнями, какова, напримѣръ, *spinifex squarrosus*, или „большая борода Рамы", скрѣпляютъ пески; вскорѣ кусты, деревца, затѣмъ большія деревья выростаютъ на окрѣпшихъ скатахъ; наконецъ, человѣкъ насаждаетъ кокосовыя пальмы, которыя нигдѣ такъ хорошо не произростаютъ, какъ на этой легкой почвѣ, всегда сырой въ глубинѣ и иногда смоченной на поверхности солеными брызгами. Кокосовыя насажденія, покрывающія дюны въ окрестностяхъ города Баттикалоа, на восточномъ берегу острова, продолжаются непрерывнымъ рядомъ на пространствѣ 70 километровъ въ длину, при различной ширинѣ, мѣняющейся отъ двухъ до пяти километровъ.

Сѣверная часть Цейлона цѣликомъ состоитъ изъ разложившихся коралловъ; до десяти и пятнадцати километровъ отъ моря плугъ выбрасываетъ на поверхность раковины устрицъ и другихъ двустворчатыхъ, равно какъ ракообразныхъ, виды которыхъ живутъ понынѣ въ сосѣднихъ водахъ. Уже арабскіе путешественники знали объ этомъ фактѣ, но они давали ему странное объясненіе: по ихъ мнѣнію, нѣкоторые виды раковъ превращаются въ камень по выходѣ изъ моря [1]). Очевидно, эта область острова постепенно поднялась; здѣсь встрѣчаются, также какъ и южнѣе, на приморьѣ у Негомбо, туфы изъ известковыхъ обломковъ, смѣшанныхъ съ раковинами и другими остатками, выброшенными моремъ и мало-по-малу превратившимися въ твердый конгломератъ. Манаарскіе туземцы, вырѣзывающіе себѣ кольца и браслеты изъ раковины *turbinella rapa*, ищутъ эту раковину не только на днѣ моря, но собираютъ ее также въ большихъ количествахъ на выступившихъ изъ подъ воды

---

[1]) *Abou-Zeyd; Reynaud* „Voyages faits par les Arabes".

берегахъ; близь Джафны нашли, въ 1845 году, якорь такихъ размѣровъ, что онъ, очевидно, долженъ былъ принадлежать большому кораблю, какіе теперь уже не могли бы плавать въ мелководныхъ моряхъ тѣхъ областей. Маленькій архипелагъ, продолжающій на сѣверо-западѣ сѣверную оконечность Цейлона, состоитъ изъ этихъ новыхъ, постепенно приподнятыхъ земель. Точно также, островъ Манааръ выступилъ изъ подъ воды въ недавнюю геологическую эпоху, хотя со стороны твердой земли Памбанская плотина, уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, была прорвана напоромъ волнъ. Индусская легенда, сообщаемая поэтами, говоритъ, что Манааръ появился вмѣстѣ съ Рамесварамомъ въ эпоху завоеванія Цейлона Рамой. Богъ-обезьяна Ганиманъ, помѣстивъ одну гору на кончикѣ своего хвоста, а другую на головѣ, бросилъ ихъ въ море, чтобы образовать мостъ, по которому и продефилировала обезьянья армія, шедшая въ Ланку; эта плотина и есть мостъ Рамы или Адама.

Островъ Манааръ отдѣленъ отъ Цейлона извилистымъ проливомъ въ 1.600 метровъ ширины, гдѣ суда находятъ не болѣе метра воды въ періоды отлива и который очень трудно было бы преобразовать въ судоходный каналъ для большихъ судовъ; но пески моста Рамы, соединяющіе Манааръ съ Рамесварамомъ въ видѣ береговаго кордона или косы, частью выступившей изъ подъ воды, длиною около 50 километровъ, представляютъ тамъ и сямъ нѣсколько брешей болѣе глубокихъ, чѣмъ Манаарскій проливъ, и если англійское правительство рѣшится открыть между Индіей и Цейлономъ каналъ для большаго судоходства, то, вѣроятно, не иначе, какъ прорывъ траншею въ „мостѣ Рамы", между 10-ти-метровыми глубинами, которыя находятся на сѣверѣ и на югѣ отъ песчаной насыпи. Смотря по направленію муссоновъ, песчаныя мели перемѣщаются съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ; когда вѣтеръ дуетъ изъ Бенгальскаго залива, мѣстное теченіе увлекаетъ въ морскихъ проходахъ песокъ и коралловые обломки и отлагаетъ ихъ на берегахъ, обращенныхъ на полдень; въ періодъ юго-восточнаго муссона происходитъ обратное явленіе [1]). Впрочемъ, теченія морской зыби не отличаются большою силой въ заливахъ Манаарскомъ и Палкскомъ, на западныхъ берегахъ Цейлона. Они идутъ попремѣнно вдоль береговъ, огибая островъ съ восточной и съ сѣверной стороны, какъ будто бы онъ составлялъ часть Индійскаго полуострова; во время лѣтняго муссона, теченія, слѣдующія вдоль Малабарскихъ береговъ, ударяются объ островъ на южномъ его берегу, проникая въ Манаарскій заливъ лишь небольшими боковыми струями; въ періодъ зимняго муссона, зыбь, происходящая съ Коромандельскаго берега, продолжается на восточномъ берегу Цейлона, не заходя въ закоулокъ Палкскаго залива.

[1]) *Sims* „Journal of the Geographical Society of London", 1834.

На островѣ Рамесварамъ, также какъ на всѣхъ коралловыхъ берегахъ сѣверной стороны Цейлона, прѣсныя вòды наполняютъ обширные подземные резервуары подъ рифами. Копая колодцы сквозь коралловую скалу, встрѣчаютъ во многихъ мѣстахъ глубокія впадины или полости, гдѣ вода всегда держится на уровнѣ сосѣдняго моря, поднимаясь и понижаясь вмѣстѣ съ приливомъ и отливомъ, разность между которыми въ этихъ областяхъ моря измѣняется отъ 45 до 90 сантиметровъ, отъ самаго низкаго стоянія воды („мертвыя вòды") до наивысшаго прилива. Въ этихъ „приливныхъ колодцахъ" (puits à mareyage), подобныхъ колодцамъ на всѣхъ известковыхъ берегахъ, соленая вода, проникая въ трещины почвы, уравновѣшиваетъ прѣсную воду своимъ боковымъ давленіемъ. Подобно тому, какъ жидкость, содержащаяся въ губкѣ, сохраняется безъ перемѣны въ резервуарѣ, наполненномъ разсоломъ, подземныя скопленія прѣсной воды на известковыхъ морскихъ берегахъ не могутъ быть измѣняемы массой соленыхъ водъ, попеременно поднимающихся и понижающихся въ ближайшихъ къ морю разсѣлинахъ скалы [1]). Въ глубокихъ колодцахъ прѣсная вода залегаетъ на слоѣ солоноватой воды, а нижняя жидкость совершенно соленая. Потурскій колодезь, на сѣверо-востокѣ отъ Джафны, есть одна изъ этихъ скрытыхъ пучинъ или глубокихъ разсѣлинъ, гдѣ чистая вода плаваетъ поверху, тогда какъ нижніе слои представляютъ послѣдовательно всевозможныя степени плотности до солености морской воды, на разстояніи 42 метровъ отъ поверхности. Тѣмъ не менѣе, ирригаціонные насосы не могутъ вычерпать верхнюю водную площадь, постоянно питаемую боковыми притоками [2]).

Климатъ Цейлона походитъ на климатъ полуденной Индіи, съ тою лишь разницей, что онъ представляетъ мѐньшія уклоненія, благодаря морской атмосферѣ, которая омываетъ островъ со всѣхъ сторонъ, и правильнымъ бризамъ, слѣдующимъ за движеніями солнца. Средняя температура въ городахъ поморья отъ 27 до 28 градусовъ стоградуснаго термометра, и хотя сѣверная оконечность острова на цѣлые 350 до 400 километровъ болѣе удалена отъ экватора, чѣмъ южные берега, но жары тамъ сильнѣе, по причинѣ отдаленности горъ, песчанаго свойства почвы, отражающей солнечные лучи, и сосѣдства Коромандельскихъ береговъ, откуда дуютъ сухіе вѣтры [3]). Ураганы на Цейлонѣ очень рѣдки; почти во всѣ времена года движенія атмосферы совершаются тамъ съ такою правильностью, что ихъ можно предсказать задолго впередъ и съ полною увѣренностью распредѣлить употребленіе своихъ дней. Отъ одного мѣсяца до другого, какъ и отъ одного сезона до другого, температура

[1]) *Darwin* „Narrative of the Surveying Voyages of the Adventure and Beagle"; *R. Thomassy* „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1864.
[2]) *Emerson Tennent* „Ceylon".
[3]) *Hermann von Schlagintweit* „Reisen in Indien und Hochasien".

представляетъ лишь весьма незначительныя измѣненія: здѣсь царствуетъ „вѣчная весна", какъ на островахъ Малайскаго архипелага, только распредѣленіе дождей неравномѣрно. Юго-западный муссонъ изливаетъ значительное количество атмосферной влаги на равнины вокругъ Коломбо и на всю юго-западную покатость горъ, тогда какъ на восточныя зѐмли онъ приноситъ недостаточное количество дождей. Въ періодъ сѣверо-восточнаго муссона, который насытился водяными парами, проходя надъ Бенгальскимъ заливомъ, происходитъ обратное явленіе: тогда восточный склонъ обильнѣе орошается атмосферными осадками. Въ среднемъ выводѣ, количество выпадающихъ дождей, наблюдаемое нынѣ болѣе чѣмъ на 100 метеорологическихъ станціяхъ острова, можетъ быть исчисляемо въ два метра (въ Коломбо средній слой дождевой воды за десятилѣтній періодъ оказался равнымъ 2,23 метрамъ); оно постепенно уменьшается съ юга на сѣверъ, отъ области, обращенной къ океану, до области, смотрящей къ твердой землѣ; разность между крайними станціями составляетъ пять съ половиною метровъ, тогда какъ въ Манаарѣ средній слой дождевой воды не достигаетъ одного метра толщины, въ Падуполѣ, на западномъ скатѣ Адамова пика, онъ равняется шести метрамъ [1]). Высоты Нувера-Эліа бываютъ по цѣлымъ недѣлямъ окутаны туманами.

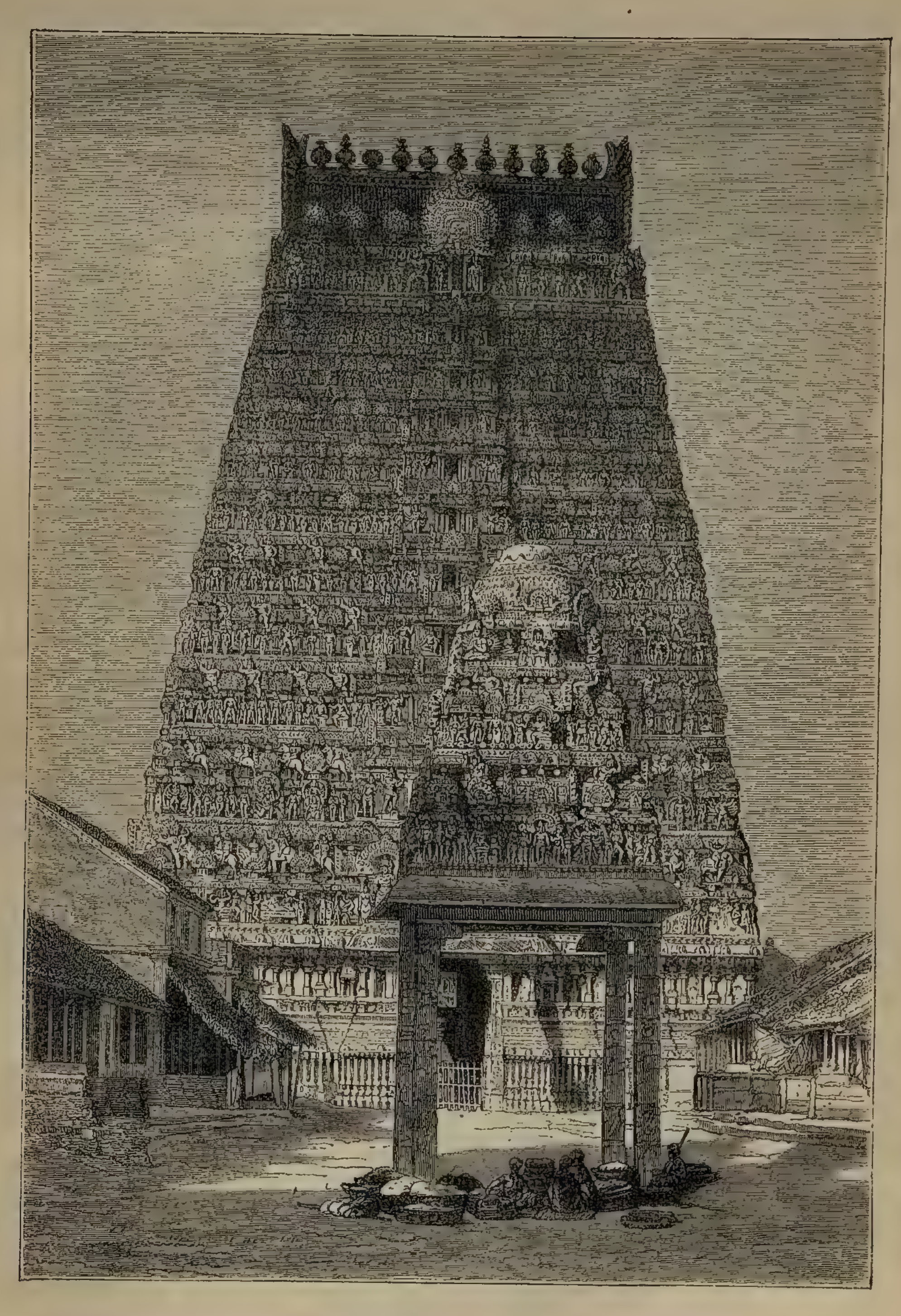
Въ отношеніи флоры, какъ и въ отношеніи климата, Цейлонъ походитъ на сосѣднія континентальныя зѐмли; однако, онъ имѣетъ и особенные растительные виды; ботанику, пріѣхавшему съ Явы, многіе цейлонскіе лѣса напоминаютъ растительность малайскихъ острововъ. Различныя растенія, которыя до сихъ поръ не могли быть акклиматизированы въ полуденной Индіи, кромѣ какъ въ садахъ, составляютъ теперь часть лѣсной флоры Цейлона: мускатное дерево разведено съ полнымъ успѣхомъ; мангустанъ даетъ здѣсь такіе же превосходные плоды, какъ и въ голландской Индіи; дуріанъ, введенный португальцами съ шестнадцатаго столѣтія, сдѣлался однимъ изъ обыкновенныхъ деревъ въ цейлонскихъ садахъ; что̀ касается европейскихъ фруктовыхъ деревъ, то они отлично принялись, но растутъ съ такою силой, что не приносятъ ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Въ 1856 году насчитывали 2.670 видовъ явнобрачныхъ растеній на островѣ [2]), но въ дѣйствительности ихъ, вѣроятно, существуетъ, по мѐньшей мѣрѣ, до 3.000; однако, лѣса замѣчательны гораздо болѣе силой растительности, нежели разнообразіемъ древесныхъ породъ, особенно въ юго-западной части острова, на влажной покатости горъ. Эта область, самая населенная и наиболѣе посѣщаемая, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая прекрасная, самая живописная, благодаря разнообразнымъ

[1]) *Ferguson* „Handbook for Ceylon".
[2]) *Emerson Tennent*, цитированное сочиненіе.

породамъ пальмъ (десять или пятнадцать различныхъ видовъ), высоко поднимающимъ свои колѣнчатые стебли и короны въ формѣ вѣеровъ надъ густою чащей другихъ растеній. Египетскій думъ (hyphane thebaïca) тоже находится въ числѣ этихъ пальмъ; но какъ онъ разнится отъ дерева, которое мы видимъ въ первоначальномъ отечествѣ! Стволъ вдвое шире и выше, развилины многочисленнѣе и болѣе сближены, а листья, цвѣты, плоды сдѣлались гораздо крупнѣе и красивѣе [1]). Одноствольныя пальмовыя деревья, увѣнчанныя верхушкой въ формѣ зонтика или опахала, составляютъ рѣзкій контрастъ съ этою вилообразною пальмой. Изъ пучка громадныхъ листьевъ, поверхность которыхъ имѣетъ не менѣе 5 или 6 квадр. метровъ, поднимается исполинскій цвѣтокъ зонтичной пальмы, достигающій отъ 10 до 12 метровъ (отъ 14 до 17 аршинъ) высоты и заключающій въ себѣ многіе милліоны маленькихъ цвѣтковъ; въ каждой деревнѣ есть аллеи изъ кокосовыхъ пальмъ, дерева, которое „не можетъ жить вдали отъ звука человѣческаго голоса". Огромные баобабы растутъ на островѣ Манааръ, гдѣ они впервые были насаждены португальцами или арабами. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ текъ встрѣчается рѣдко; древесныя породы, дающія лучшій строевой лѣсъ,—это черное дерево и *chloroxylon swetenia*. Еще полезнѣе бамбуки и пальмы-тростники, ползущіе по землѣ; нѣкоторыя изъ этихъ ліанъ имѣютъ до 75 метровъ въ длину и только отъ 2 до 3 сантиметровъ въ діаметрѣ, безъ малѣйшей неправильности. Изъ нихъ плетутъ воздушные мосты, которые съ трудомъ различишь отъ другихъ вьющихся растеній и переплетающихся древесныхъ вѣтвей; носильщики, даже нагруженныя лошади проходятъ по этимъ качелямъ, которыя трясутся и качаются при малѣйшемъ давленіи, потрясая гибкія упругія вѣтви деревъ, къ которымъ онѣ прикрѣплены.

Животное царство Цейлона не соотвѣтствуетъ богатству его характеристическихъ растеній; числомъ формъ оно далеко уступаетъ фаунамъ сосѣдняго континента, Сондскихъ острововъ, экваторіальной Африки, Бразиліи [2]). Тѣмъ не менѣе, этотъ островъ имѣетъ нѣкоторые особенные, ему свойственные, виды, такъ что его нельзя считать простымъ зоологическимъ отдѣломъ полуденной Индіи. Слоны, отнынѣ защищенные отъ охотниковъ строгими законами, стали довольно рѣдки въ области равнинъ, и вывозъ этихъ великановъ животнаго міра на твердую землю въ послѣднее время замѣтно уменьшился; такъ, въ пятилѣтіе съ 1858 по 1862 годъ было отправлено на континентъ 1.600 головъ; въ слѣдующія же восемнадцать лѣтъ, съ 1863 по 1880 годъ, вывезено уже только 1.685 головъ, на сумму 1.300.000 франковъ [3]). Нѣкоторыхъ изъ большихъ млекопитающихъ, свойственныхъ сосѣднему материку, совсѣмъ нѣтъ

[1]) *Ernst Häckel* „Nature, Weekly Journal of Science", aug. 24, 1882.
[2]) *Ernst Häckel* „Indische Reisebriefe", „Deutsche Rundschau", juin 1882.
[3]) *Ferguson* „Handbook for Ceylon".

„ГОПУРА"—ГЛАВНѢЙШІЙ ХРАМЪ ВЪ КУМБАКОНАМѢ.

на Цейлонѣ; тигръ, волкъ и различныя породы антилопъ не водятся въ его лѣсахъ, но зато онъ имѣетъ нѣсколько исключительно ему свойственныхъ животныхъ, между прочимъ, одну летучую мышь, величиной едва превосходящую пчелу. Самое страшное для путешественниковъ животное— это крошечная піявка, одна изъ самыхъ маленькихъ, какія только существуютъ (*hirudo ceylanica*): въ 1815 году, во время экспедиціи противъ Канди, многіе англійскіе солдаты сдѣлались жертвой этихъ безчисленныхъ кровопійцъ; охотники надѣваютъ родъ набедренниковъ, когда отправляются въ лѣса внутренней части острова, гдѣ эти піявки кишатъ миріадами. Между тремя стами птичьихъ породъ болѣе тридцати видовъ не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ. Спеціальная фауна Цейлона заключаетъ въ себѣ 18 пресмыкающихся, даже три рода, которые не представлены на сосѣднемъ континентѣ [1]); одинъ видъ ящерицы, общій Цейлону и Барманіи, до сихъ поръ еще не былъ открытъ въ промежуточныхъ странахъ. Многія рыбы отличаются особенными нравами: таковы окуни *кавайя* (anabas или *perca scandens*), которые ходятъ на большое разстояніе отъ береговъ по сырой травѣ, и даже, какъ говорятъ, вползаютъ на пальмы-пальмиры, чтобы расположиться тамъ между широкими листьями. Говорятъ, что рыбаки сохраняютъ ихъ живыми по четыре и по пяти дней внѣ воды. Другія рыбы, тоже изъ семейства окуней, зарываются въ грязь прудовъ и лужъ, и живутъ такимъ образомъ безъ воздуха и воды впродолженіи всего сухаго времени года [2]). Раковины не встрѣчаются нигдѣ въ столь многочисленныхъ разновидностяхъ, какъ на плоскихъ берегахъ Манаарскаго залива. Лучшія изъ существующихъ конхиліологическихъ коллекцій состоятъ, въ наибольшей части, изъ экземпляровъ, собранныхъ на Цейлонѣ; первые натуралисты, описывавшіе раковины, чуждыя европейской фаунѣ, не зная мѣста ихъ происхожденія, имѣли передъ глазами исключительно цейлонскіе виды.

Если не по высшимъ животнымъ, то, по крайней мѣрѣ, по рыбамъ и раковинамъ, Цейлонъ можно, кажется, считать скорѣе малайскою, нежели индусскою землей. Невозможно иначе объяснить это сходство животныхъ формъ, какъ допустивъ, что нѣкогда существовало какое-нибудь географическое сообщеніе между Цейлономъ и Сондскимъ архипелагомъ, или непосредственно черезъ земли, теперь уже исчезнувшія, или косвенно черезъ морскіе берега, окружающіе Бенгальскій заливъ, и которые тогда находились въ предѣлахъ экваторіальнаго пояса, постепенно съузившагося съ древнихъ временъ [3]). Морская фауна Цейлона тоже походитъ на морскую фауну аравійскаго берега Краснаго моря,

[1]) *Gunther* „Magazine for Natural History", march 1859.
[2]) *Abou-Zeyd; Reinaud* „Relations des Voyages faits par les Arabes"; *Layard*; *Buchanan etc.*; *Emerson Tennent* „Ceylon".
[3]) *Alfred R. Wallace* „Geographical Distribution of Animals".

съ тою разницей, что первая гораздо богаче видами и разновидностями, хотя однообразнѣе цвѣтами. Безчисленныя животныя, кишащія въ коралловыхъ рощахъ Аравійскаго залива, окрашены въ яркіе цвѣта, красный, оранжевый, желтый, тогда какъ у видовъ Тапробаны общій цвѣтъ— зеленый. Вообще зеленый колоритъ составляетъ, такъ сказать, ливрею этого острова, который еще справедливѣе, чѣмъ Ирландія, прозванъ „Изумруднымъ островомъ“: рыбы, ракообразныя, морскія звѣзды имѣютъ такой же цвѣтъ, какъ большинство ящерицъ, птицъ, насѣкомыхъ; вся низшая животная жизнь приспособилась къ своей зеленѣющей средѣ [1]).

Народонаселеніе Цейлона быстро возрастаетъ, благодаря плодородію почвы и трудолюбію жителей; но невѣроятно, чтобы оно могло сравняться съ массами народа, которыя были скучены на островѣ до эпохи истребительныхъ войнъ, опустошавшихъ Цейлонъ въ средніе вѣка. Углубляясь въ лѣса и джунгли внутренности острова, путешественникъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ полуразрушенные резервуары и каналы, изъ которыхъ каждый былъ окаймленъ плантаціями и мѣстечками, нынѣ исчезнувшими; изъ 3.000 прудовъ болѣе 1.500 заброшены, и въ числѣ ихъ есть такіе, которые образуютъ болота пространствомъ въ 50 квадр. километровъ [2]). Каловевскій резервуаръ, самое обширное изъ всѣхъ этихъ водохранилищъ, существуетъ еще частью донынѣ, и близь плотины онъ имѣетъ 20 метровъ (около 10 саженъ) глубины; чтобы произвести въ немъ всѣ нужныя поправки и распредѣлить его воды по всему округу Анараджапура, нужно было бы израсходовать около милліона [3]). Различные документы, относящіеся къ четырнадцатому и пятнадцатому столѣтіямъ, говорятъ о полутора милліонахъ „селеній“, или группъ домовъ, которыя, будто бы, находились тогда на островѣ, построенныя, какъ и нынѣшнія деревни, на задерживательныхъ плотинахъ или въ лѣскахъ и рощахъ, растущихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ водохранилищами. Изъ этого нужно заключить, что въ ту эпоху Цейлонъ былъ такъ же густо населенъ, какъ въ наши дни населены аллювіальныя равнины Индіи.

Хотя побоища и голодовки, порожденныя дурнымъ управленіемъ, уменьшили, вѣроятно, на девять десятыхъ прежнее народонаселеніе Цейлона, однако, и теперь еще существуютъ кое-какіе остатки первобытныхъ племенъ (аборигеновъ), нравы которыхъ напоминаютъ времена до-историческія. Ведды, вѣроятные потомки якковъ, которые населяли островъ до прибытія завоевателей, прославляемыхъ въ эпопеѣ Рамайяны, сохранились въ видѣ отдѣльнаго народца только въ юго-восточной части

[1]) *Ransonnet* „Ceylan“; *Ernst Häckel* „Nature“, aug. 24, 1882.
[2]) *Alb. Gray* „The Backwoods of Ceylan“, „Fortnightly Review“, 1880.
[3]) *W. H. Gregory* „Revue de Géographie“, 1880—1881, p. 68.

Цейлона, преимущественно въ лѣсахъ вокругъ Бинтенна, Бадулы, Нильгалы, у восточнаго основанія горнаго массива. Первые путешественники назначаютъ имъ гораздо болѣе обширную территорію; по ихъ словамъ, нѣкоторыя группы веддовъ жили даже въ сѣверной области, ближайшей къ Коромандельскому берегу, откуда исходилъ потокъ индусскихъ иммигрантовъ. Еще около половины настоящаго столѣтія ихъ насчитывали до восьми тысячъ душъ; теперь это число уменьшилось до нѣсколькихъ сотень, и даже можно задать вопросъ, существуютъ ли они въ чистомъ, несмѣшанномъ состояніи; послѣднія переписи показываютъ, что среднее число дѣтей весьма незначительно въ ихъ семействахъ, хотя обычай дѣтоубійства не былъ констатированъ. Ведды одна изъ тѣхъ народностей, которымъ, кажется, грозитъ близкое поглощеніе и которыя изучаются антропологами съ тѣмъ бо̀льшимъ интересомъ, что онѣ скоро совсѣмъ исчезнутъ съ лица земли. Впрочемъ, вѣроятно, что прежде преувеличивали численность аборигеновъ; таинственность ихъ жизни дѣлала то, что они казались многочисленнѣе, чѣмъ были въ дѣйствительности; по свидѣтельству путешественниковъ, они никогда не бывали въ непосредственномъ соприкосновеніи съ иноплеменниками, вообще съ чужими; даже для совершенія мѣны, они приходили ночью въ деревни и клали у дверей торговцевъ образчики нужныхъ имъ предметовъ, помѣщая тутъ же рядомъ дикій медъ или продукты своей охоты; нѣсколько времени спустя, они опять являлись въ тотъ же самый часъ ночи, чтобы взять купленныя вещи. Таково, вѣроятно, происхожденіе древней легенды, сообщаемой китайскимъ пилигримомъ Фагіаномъ, по которой цейлонскіе коммерсанты, будто бы, вели мѣновую торговлю съ „змѣями и демонами“.

Тѣ изъ веддовъ, которыхъ наблюдали антропологи, всѣ очень низенькаго роста и могли бы быть даже причислены къ карликамъ (средній ростъ веддовъ, жителей Бинтенна: мужчинъ 1,537, женщинъ 1,448 метровъ[1]); головы у нихъ тоже очень маленькія: по вмѣстимости черепа, они занимаютъ послѣднее мѣсто между человѣческими породами. Впрочемъ, они довольно проворны и сильны, и хотя ихъ описывали, какъ самыхъ безобразныхъ изъ людей, съ выступающими впередъ челюстями, съ приплюснутымъ носомъ, маленькими глазками, оттопыренными и подвижными ушами, однако, ихъ подлинныя фотографическія карточки не походятъ на эти отвратительные портреты; быть можетъ, они немного чернѣе сингалезцевъ (цейлонцевъ), но, во всякомъ случаѣ, цвѣтъ кожи у нихъ не такой черный, какъ у негра, и шевелюра ихъ рѣдко бываетъ волнистая. Что̀ касается ихъ цивилизаціи, то она самая первобытная: у нихъ нѣтъ даже глиняной посуды, и хотя они покупаютъ желѣзные дротики и стрѣлы, но не умѣютъ заострять ихъ иначе, какъ посредствомъ

[1]) *R. Virchow* „Ueber die Veddas von Ceylon“.

*

ударовъ камнемъ; хижинъ они себѣ не строютъ и живутъ подъ вѣтвями деревъ и въ пещерахъ. Кочующіе звѣроловы, они питаются почти исключительно мясомъ животныхъ, и еще недавно они даже не давали себѣ труда варить его. Бродя группами изъ нѣсколькихъ человѣкъ, иногда даже изъ нѣсколькихъ семей, они не имѣютъ никакой политической организаціи, никакой опредѣленной религіи; они смутно боятся демоновъ, смѣшивая ихъ съ предками; пляски и крики, въ родѣ тѣхъ, какіе практикуются шаманами,—вотъ единственныя ихъ религіозныя церемоніи; они никогда не моются, опасаясь, чтобы вода не лишила ихъ силы. По разсказамъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ авторовъ, впрочемъ, оспариваемымъ, ведды, будто бы, не обладаютъ даже самыми простыми познаніями, безъ которыхъ немыслимо человѣческое существованіе; они не умѣютъ, будто бы, ни считать, ни различать цвѣтовъ, ни указать послѣдовательность времени. Они плачутъ и кричатъ, но ихъ, говорятъ, никогда не видали смѣющимися; если это правда, то въ этомъ отношеніи они были бы единственнымъ примѣромъ между народами [1]). А между тѣмъ, языкъ ихъ мало разнится отъ языка ихъ сосѣдей сингалезцевъ. Въ веддахъ видятъ не первобытныхъ дикарей, но одичавшихъ потомковъ цивилизованнаго народа; не смотря на ихъ жалкое состояніе, на нихъ смотрятъ, какъ на принадлежащихъ къ высшей кастѣ: это „царскія дѣти". И дѣйствительно, соблюдаемый ими до нынѣ обычай жениться на своей младшей сестрѣ практиковался именно государями страны до прибытія завоевателей индусовъ. Впрочемъ, теперь ведды цивилизуются: изъ двухъ ихъ племенъ, только одно держится совершенно особнякомъ отъ сингалезцевъ. Члены другого народца не боятся болѣе вступать въ непосредственныя сношенія со своими сосѣдями, они высѣкаютъ огонь посредствомъ огнива, прикрываются одеждами изъ тканей, вмѣсто передниковъ изъ листьевъ покупаютъ наряды и украшенія для своихъ женщинъ; наконецъ, браки между веддами и тамилами преобразовываютъ мало-по-малу расу. Большинство туземцевъ, окрещенныхъ миссіонерами въ христіанскую вѣру, нисколько отъ этого не измѣнило свой образъ жизни.

Родіи, т. е. „болотные люди", которые живутъ въ числѣ около тысячи душъ въ западныхъ долинахъ цейлонскаго массива, часто смѣшиваются съ веддами, но они походятъ на этихъ послѣднихъ только дикимъ состояніемъ, въ которомъ еще находятся многіе изъ ихъ клановъ; еще недавно имъ было воспрещено переправляться черезъ рѣку на паромѣ, доставать воду изъ источника, входить въ деревню, учиться какому-нибудь ремеслу, пахать землю [2]). Они не могли имѣть сообщенія съ обществомъ иначе, какъ черезъ посредство тюремщика, и этому-то послѣднему

[1]) *Bayley* „Transactions of the Ethnological Society", 1863; *Hartshorne* „Fortnightly Review", 1876.

[2]) *Valentyn* „Oud en Nieuw Oost-Indien".

изъ сингалезцевъ родійскіе начальники клана должны были отдавать почтеніе [1]). И, однако, родіи находятъ еще на Цейлонѣ человѣческія существа, которыми они могутъ гнушаться; они считаютъ себя гораздо выше амбаттейевъ и не позволяютъ даже своимъ собакамъ ѣсть пищу, приготовленную этими несчастными. Родіи, по большей части, высокаго роста, и черты лица у нихъ правильнѣе, чѣмъ у веддовъ: между ними встрѣчаются самыя красивыя женщины Цейлона. Поліандрическіе нравы (многомужство) преобладаютъ у этихъ презираемыхъ туземцевъ, но они не женятся на своихъ сестрахъ. Они называютъ себя буддистами; однако, главный ихъ культъ состоитъ въ поклоненіи злому духу, котораго они пытаются умилостивить, принося ему въ даръ плоды, овощи и кровь краснаго пѣтуха. Единственные между жителями Цейлона, они говорятъ оригинальнымъ діалектомъ, который не имѣетъ связи ни съ дравидскими идіомами, ни съ арійскими языками, ни съ старымъ сингалезскимъ нарѣчіемъ [2]).

Главная масса островнаго населенія, сгруппированная въ полуденной области, кажется, очень мало отличается отъ веддовъ съ физической точки зрѣнія. Большинство сингалезцевъ малорослы; голова у нихъ продолговатая, цвѣтъ кожи смуглый или красноватый, всегда свѣтлѣе, чѣмъ у тамиловъ; характеристическую черту, которою они наиболѣе отличаются отъ дикарей, составляетъ орлиная форма носа. Что всего болѣе поражаетъ путешественниковъ при видѣ сингалезцевъ въ собственномъ смыслѣ— это ихъ женственная наружность; они имѣютъ граціозныя и округлыя формы, улыбающееся лицо, длинную черную шевелюру, тщательно завитую, которую они заплетаютъ въ формѣ шиньона на верхушкѣ головы и поддерживаютъ черепаховымъ гребнемъ; костюмъ ихъ тоже женскій. Они вообще въ высшей степени кротки и ласковы, привѣтливы, гостепріимны, исполнены чувства справедливости, но глубоко чувствуютъ обиды, и хотя привыкшіе оказывать повиновеніе правильной администраціи, они, однако, возмущаются всякимъ произволомъ власти. Въ 1848 году на Цейлонѣ повсемѣстно вспыхнули бунты по случаю натуральныхъ повинностей и добавочныхъ податей, которыми они были обложены; революціонныя движенія Западной Европы отразились на отдаленномъ островѣ Индійскаго океана [3]).

Каковы бы ни были мѣстныя различія, сингалезцы несомнѣнно связаны нечувствительными переходами съ дравидійцами и съ арійцами; трудно было бы указать существенныя разницы чертъ между ними и индусами [4]). Тамъ и сямъ встрѣчаются еще на Цейлонѣ поліандрическія хозяйства, остатокъ семейнаго устройства, нѣкогда общераспространеннаго

[1]) *Emerson Tennent* „Ceylon".
[2]) *Hartshorne* „Journal officiel de la République française", 11 mars 1881.
[3]) *Emerson Tennent*, цитированное сочиненіе.
[4]) *Davi* „Account of the interior of Ceylon".

въ краѣ [1]). Цейлонцы пользуются замѣчательною неприкосновенностью въ отношеніи нѣкоторыхъ болѣзней, поражающихъ чужеземцевъ. Заболѣванія дыхательныхъ путей, бронхиты, коклюши, дифтериты, плевриты, воспаленія легкихъ неизвѣстны у туземцевъ и очень рѣдки у европейцевъ, пребывающихъ на островѣ; страдающіе грудными недугами, пріѣхавъ въ Цейлонъ, вообще находятъ тамъ улучшеніе въ своемъ состояніи, тогда какъ метисы (помѣси) часто дѣлаются жертвами бугорчатки [2]). Диссентерія, гепатитъ (воспаленіе печени), ревматизмъ, нервныя страданія—тоже болѣзни исключительныя у сингалезцевъ; но они часто заболѣваютъ міазматическими лихорадками, и опухоль селезенки составляетъ общій недугъ у взрослыхъ.

Что касается языка, то онъ смѣшаннаго происхожденія; сингалезскій діалектъ приближается къ дравидскимъ идіомамъ по множеству старыхъ словъ, обозначающихъ предметы или относящихся къ понятіямъ первобытной цивилизаціи; но термины религіозной рѣчи онъ заимствовалъ у языка пали, а термины науки и искусства у санскрита; въ этомъ смѣшеніи преобладающее значеніе имѣлъ элементъ арійскій. Сингалезскій окончательно причисленъ учеными къ арійскимъ языкамъ [3]). Его литература, сохранившаяся на листьяхъ зонтичной пальмы, богата нравоучительными книгами, религіозными гимнами, народными балладами. Бо́льшая часть сочиненій, даже грамматики и сборники формулъ, написаны въ стихахъ; иная палійская поэма заключаетъ въ себѣ больше полумилліона стансовъ. Самый драгоцѣнный памятникъ этой письменности — *Магавансо*, собраніе хроникъ, содержащее исторію всѣхъ династій, царствовавшихъ между третьимъ вѣкомъ общепринятой эры и половиной восемнадцатаго столѣтія. Тогда какъ индусы твердой земли отпалились отъ буддійской религіи, нѣкогда господствовавшей на Полуостровѣ, цейлонцы оставались вѣрны культу, который былъ принесенъ имъ проповѣдниками „великаго ученія", скоро будетъ двѣ тысячи двѣсти лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, ихъ буддизмъ не тождественъ съ буддизмомъ бирманцевъ, сіамцевъ и тибетцевъ; отдаленность, соприкосновеніе съ иновѣрческими населеніями имѣли слѣдствіемъ постепенное раздѣленіе религіозныхъ общинъ. Нѣкоторыя сиваитскія и вишнуитскія обрядности сохранились или проникли въ буддійскіе храмы Цейлона. Эмблемы сиваизма встрѣчаются во многихъ святилищахъ, особенно въ Матурѣ, на полуденномъ берегу, и буддійскіе поклонники ни мало не смущаются этимъ обстоятельствомъ во время своихъ молитвъ [4]). Точно

[1]) *John Phear* „The Aryan Village in India and Ceylon".
[2]) *Davy*, цитированное сочиненіе; *Wernich* „Geographisch-medicinische Studien".
[3]) *Max Müller*; *Caldwell*; *Lassen*; *Goldschmidt*; *Children*; *R. Cust* „Les religions et les langues de l'Inde".
[4]) „Geographische Gesellschaft in Bern", 4-ter Jahresbericht, 1881—1882.

также, съ другой стороны, тысячи туземцевъ, обращенныхъ въ католичество, остались послѣдователями Будды.

Народонаселеніе Цейлона, какъ оно распредѣлялось, приблизительно, по вѣроисповѣданіямъ, въ 1881 году:

Буддистовъ	1.700.000
Сиваитовъ	600.000
Мусульманъ	195.000
Католиковъ	200.000
Протестантовъ	45.000

Вся сѣверная часть острова населена тамильскими переселенцами, пришедшими въ разныя эпохи и ничѣмъ не отличающимися отъ своихъ единоплеменниковъ, живущихъ по другую сторону пролива. Во времена первыхъ нашествій они были вообще обозначаемы подъ именемъ малабарцевъ, хотя это были, главнымъ образомъ, выходцы съ Коромандельскаго берега; число ихъ не перестаетъ возрастать, благодаря мирному переселенію индусскихъ работниковъ, въ настоящее время единственныхъ воздѣлывателей полей, которыя нѣкогда были опустошаемы ихъ предками. Такъ какъ область, въ которой они поселяются, самая плодородная на всемъ Цейлонѣ, хотя и наиболѣе пренебрегаемая, то очень вѣроятно, что они мало-по-малу сдѣлаются господствующимъ элементомъ народонаселенія. Въ 1871 году они представляли не болѣе одной пятой общаго числа жителей; въ настоящее же время они уже составляютъ цѣлую четверть, и ежегодно въ сезонъ сбора кофе прибавляется отъ 60.000 до 160.000 пришлаго рабочаго люда къ подвижному населенію [1]). Такъ называемые „мавры", живущіе въ большомъ числѣ не только въ приморскихъ городахъ, но также и внутри острова, такого же происхожденія, какъ моплахи на Малабарскомъ и лаббаи на Коромандельскомъ берегахъ: это потомки арабовъ, скрестившихся съ туземцами. Что̀ касается португальцевъ и голландцевъ, то ихъ можно встрѣтить теперь только въ видѣ помѣсей или метисовъ. Въ то время, какъ первые, по бо̀льшей части, принадлежатъ къ сословію прислуги и чернорабочихъ, правнуки голландцевъ, извѣстные подъ именемъ бургеровъ, составляютъ средній классъ общества въ городахъ, гдѣ они являются лучшею опорой англійскаго владычества [2]); между ними преимущественно выбираются писцы, судебные пристава, адвокаты и судьи. Они уже забыли свой родной языкъ, тогда какъ португальскіе метисы говорятъ еще испорченнымъ нарѣчіемъ лузитанскаго. Кафры, негры, арабы, парсы, малайцы съ Явы и съ другихъ острововъ Сондскаго архипелага, китайцы тоже

[1]) *Andrew Anderson*, рукописныя замѣтки; *Ferguson* „Handbook for Ceylon".
[2]) „Calcutta Review", 1876.

находятся въ числѣ иностранныхъ резидентовъ, которыхъ привлекаютъ на этотъ островъ торговля и культура кофейнаго, чайнаго и хиннаго деревъ. Форма судовъ съ боковыми поплавнями (outriggers), которыя употребляются съ незапамятныхъ временъ въ Пойнтъ-де-Галлѣ, какъ и на малайскихъ островахъ, доказываетъ, что Цейлонъ и Малазія находились между собою въ сношеніяхъ уже гораздо ранѣе той эпохи, когда Тапробана стала извѣстна западнымъ народамъ.

Народонаселеніе острова, распредѣленное, приблизительно, по расамъ, въ 1881 году:

Сингалезцевъ	1.840.000	душъ.
Индусовъ тамиловъ	689.000	„
Мавровъ.	195.000	„
Голландцевъ, бургеровъ, португальцевъ-метисовъ, евразійцевъ	15.500	„
Европейцевъ, изъ которыхъ четверть военныхъ	6.250	„
Малайцевъ, явапцевъ, кафровъ, негровъ, веддовъ и родіевъ.	13.000	„

Джафна или Джафнапатамъ, „Городъ игрока на лирѣ“, сѣверная столица Цейлона, лежитъ внѣ острова, на коралловой и песчаной землѣ, которая вдается между Палкскимъ проливомъ и Бенгальскимъ заливомъ. Защищенная обширною пятиугольною цитаделью голландской конструкціи, Джафна походитъ скорѣе на садъ, нежели на городъ; только нѣкоторые высокіе дома съ верандами и террасами виднѣются среди рощъ кокосовыхъ и вѣерныхъ пальмъ; на территоріи Джафны растутъ семь милліоновъ деревъ этой породы. Городъ очень дѣятельный, населенный уже двадцать два столѣтія тѣми неутомимыми тамилами, которые эмигрируютъ ко всѣмъ берегамъ Индійскаго океана, Джафнапатамъ ведетъ торговлю съ большою землей Цейлона, но море такъ мелко передъ городомъ, что корабли не могутъ тамъ бросать якорь; они останавливаются на другой сторонѣ острова, у стрѣлки Педро, или километрахъ въ двадцати къ юго-западу, близь островка Лейденъ.

Городъ Ментотъ, лежащій на югѣ, на берегу неглубокаго канала, отдѣляющаго Манааръ отъ Цейлона, есть „садъ“, какъ, вѣроятно, показываетъ его имя; впрочемъ, другіе этимологи приписываютъ этому названію смыслъ „Большаго Парома“; по ихъ толкованію, въ этомъ мѣстѣ первоначально существовалъ портъ, принимавшій пассажировъ, которые приходили по мосту Рамы. Недалеко оттуда находится Арипо, главная станція для ловли жемчужныхъ раковинъ; во время сезона это мѣстечко населяется множествомъ пришлаго люда; берегъ бываетъ сплошь покрытъ палатками ловцовъ, а море усѣяно мелкими судами. Но не каждый

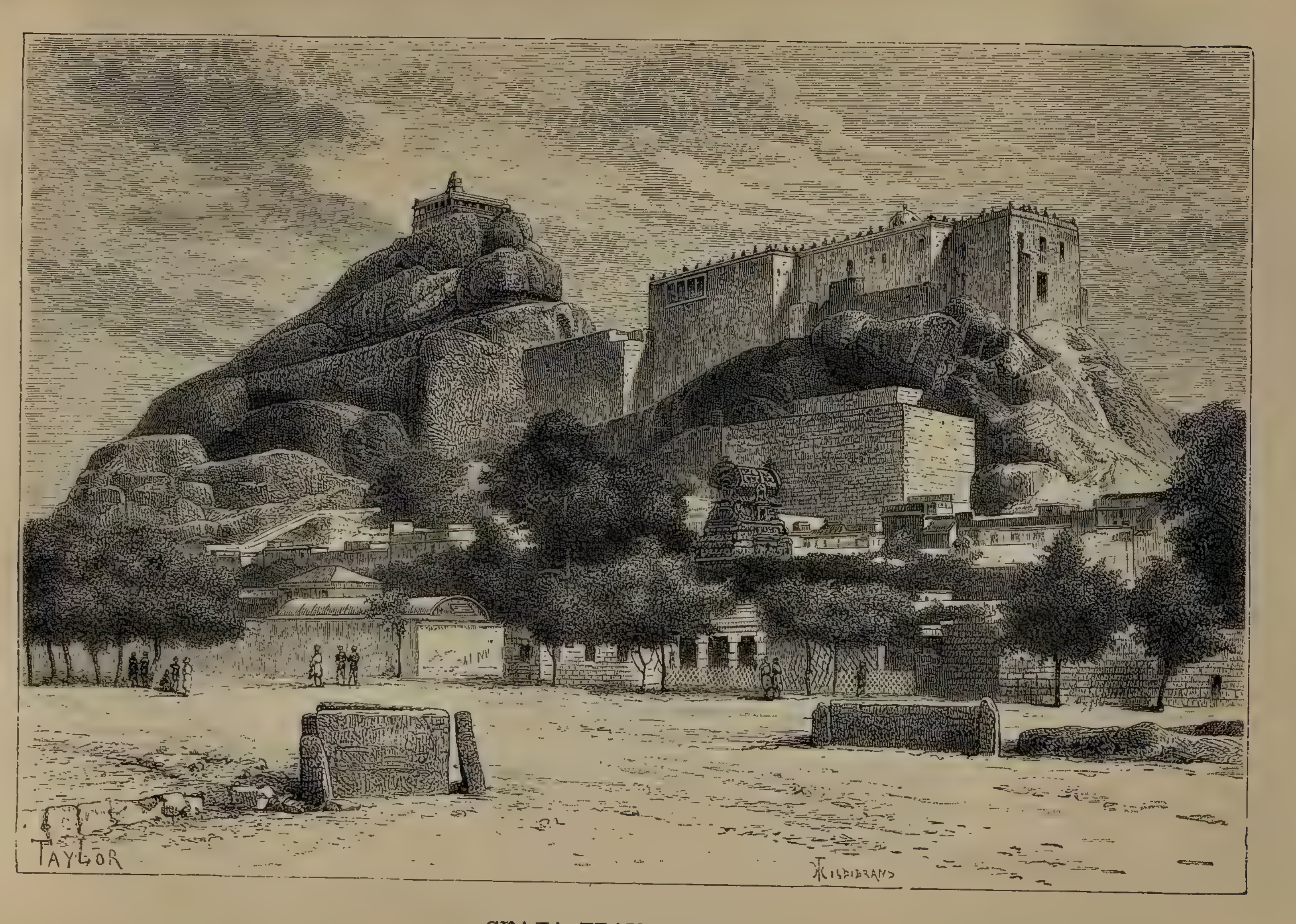
годъ можно предпринимать сборъ жемчужныхъ раковинъ. Проэксплуатировавъ жемчужныя мели до послѣдней крайности, англійское правительство, присвоившее себѣ монополію этого промысла, запрещаетъ ловъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока морское дно снова не заселится драгоцѣнными моллюсками. Съ 1833 по 1854 годъ ловцы отдыхали, и первая слѣдовавшая за тѣмъ кампанія дала 7 милліоновъ жемчужныхъ раковинъ. Въ 1863 году ловъ былъ снова пріостановленъ на десятилѣтній срокъ, по по прошествіи этого періода наловили только 2 милліона моллюсковъ. Сезонъ 1880 года былъ самый удачный изъ бывшихъ до сихъ поръ, по количеству выловленныхъ раковинъ, но жемчугъ продается теперь въ десять разъ дешевле, сравнительно съ тѣми цѣнами, какія существовали на него еще въ началѣ настоящаго столѣтія. Уловъ 1880 года далъ 35.238.966 жемчужныхъ раковинъ, цѣнность которыхъ равнялась 500.000 франкамъ [1]). Раковистые слои, толщиною болѣе метра, окаймляютъ морское побережье на обширныхъ пространствахъ, и позволяютъ судить о громадныхъ количествахъ жемчуга, которыя были добыты изъ этихъ водъ со временъ доисторическихъ. На югѣ отъ Жемчужнаго берега, бухта, отдѣляющая твердую землю отъ острова Карагиво и отъ полуострова Кальпентинъ, чрезвычайно богата рыбой, и тамошніе рыболовы посылаютъ значительныя количества рыбы въ Коломбо; они ловятъ также черепахъ и акулъ, плавни которыхъ отправляются на рынки Китая, равно какъ голотуріи (морскія кубышки) и съѣдобныя водоросли, извѣстныя подъ именемъ „кальпентинскаго мха" (chondrus crispus) [2]). Тѣмъ не менѣе, рыбаки, по большей части, народъ очень бѣдный; они не владѣютъ ни лодками, ни сѣтями, которыя употребляютъ для своего промысла, и даже должны платить пошлину владѣльцу берега, на которомъ раскладываютъ, для сушки, добычу лова; на ихъ долю достается только четвертая часть прибыли [3]), да и изъ этой суммы они должны еще удѣлять извѣстную часть на уплату жалованья „заклинателю акулъ", называемому также „укротителемъ моря" [4]). Морскія раковины покрываютъ песокъ своими разбитыми обломками, которыми прибрежные жители пользуются для приготовленія извести. Часовня св. Анны, на полуостровѣ Кальпентинъ, есть главная святыня и главное мѣсто паломничества для цейлонскихъ католиковъ. Иногда тамъ собирается до 25.000 богомольцевъ; даже индусы и магометане глубоко чтутъ эту святую, которую они называютъ Ханна Биби (царица Анна).

Къ востоку отъ полуострова Кальпентинъ, среди лѣсовъ, на берегахъ

[1]) *Ferguson* „Handbook for Ceylon".
[2]) *Emerson Tennent* „Ceylon".
[3]) „Geographische Gesellschaft in Bern", 4-ter Jahresbericht, 1881—1882.
[4]) *H. Yule* „The Book of ser Marco Polo".

прудовъ, нынѣ засыпанныхъ или обратившихся въ болота, видны многочисленные остатки древнихъ столицъ Цейлона, гдѣ жители нѣкогда были скучены сотнями тысячъ. Анараджапура, древняя Анурада, которая была избрана царскою резиденціей слишкомъ двѣ тысячи триста лѣтъ тому назадъ и о которой Птоломей упоминаетъ подъ именемъ Анурограммонъ (Анурадхаграма), теперь простая деревня, не насчитывающая даже тысячи жителей. По сказанію лѣтописей, городская ограда, заключавшая въ себѣ также поля и парки, имѣла не менѣе 25 километровъ длины въ одной сторонѣ; слѣдовательно, пространство Анараджапуры было вдвое больше площади, занимаемой въ настоящее время Лондономъ. Почва вездѣ красная отъ кирпичной пыли; статуи, надгробные памятники, безформенные остатки зданій разсѣяны по джунглю; полуразрушенныя буддійскія ступы, поднимающія свои куполы еще на 60 и 75 метровъ надъ уровнемъ земли, высятся надъ лѣсомъ, словно пирамиды зелени; сотни каменныхъ колоннъ указываютъ мѣсто, гдѣ находился знаменитый „бронзовый храмъ". Но изъ всѣхъ памятниковъ Анараджапуры самый замѣчательный и наиболѣе прославленный — „священный бо, побѣдоносный господинъ", старѣйшее историческое дерево въ свѣтѣ, потому что оно было посажено въ 288 году до Р. Х., и съ этой эпохи лѣтописи не переставали упоминать о немъ. „Священная дорога", обставленная по сторонамъ надгробными памятниками и другими зданіями, направляется изъ Анараджапуры къ горѣ Мигинтала, возвышающейся въ 12 километрахъ къ юго-востоку. Эта огромная скала обозначаетъ мѣсто, гдѣ сошелъ просвѣтитель сингалезовъ; исполинская лѣстница въ тысячу слишкомъ ступеней поднимается отъ основанія горы до вершины, гдѣ стоитъ пагода, которая нѣкогда, по словамъ легенды, была увѣнчана карбункуломъ огненнаго цвѣта; иногда по всему пути разстилали дорогія ткани въ видѣ непрерывнаго ковра отъ дворцовъ города до храма на горѣ Мигинтала. Съ паперти этого зданія видишь у себя подъ ногами болѣе половины острова, и взоръ простирается до двухъ морей.

Въ восьмомъ столѣтіи христіанской эры Анараджапура утратила свой рангъ столицы, и Поллонаруа наслѣдовала ей въ качествѣ царской резиденціи. Менѣе обширный, чѣмъ его предшественникъ, этотъ городъ простирался, однако, на 50 километровъ въ длину и, среднимъ числомъ, на 6 километровъ въ ширину; теперь это не болѣе, какъ деревня, извѣстная подъ именемъ Топаре. Группы зданій, сохранившихся въ Поллонаруа, самыя красивыя на всемъ Цейлонѣ, и окружающая природа придаетъ имъ особенную прелесть и живописность: деревья, завладѣвая дворами и фасадами дворцовъ, захватили статуи и колоннады и обвиваютъ ихъ своими корнями и вѣтвями; гигантскіе Будды появляются при концѣ широкихъ аллей, высоко поднимая свои головы надъ переплетающимися вѣтвями деревьевъ; тамъ и сямъ громадныя ступы, почти совершенно

СКАЛА ТРАХИНОПОЛИ.

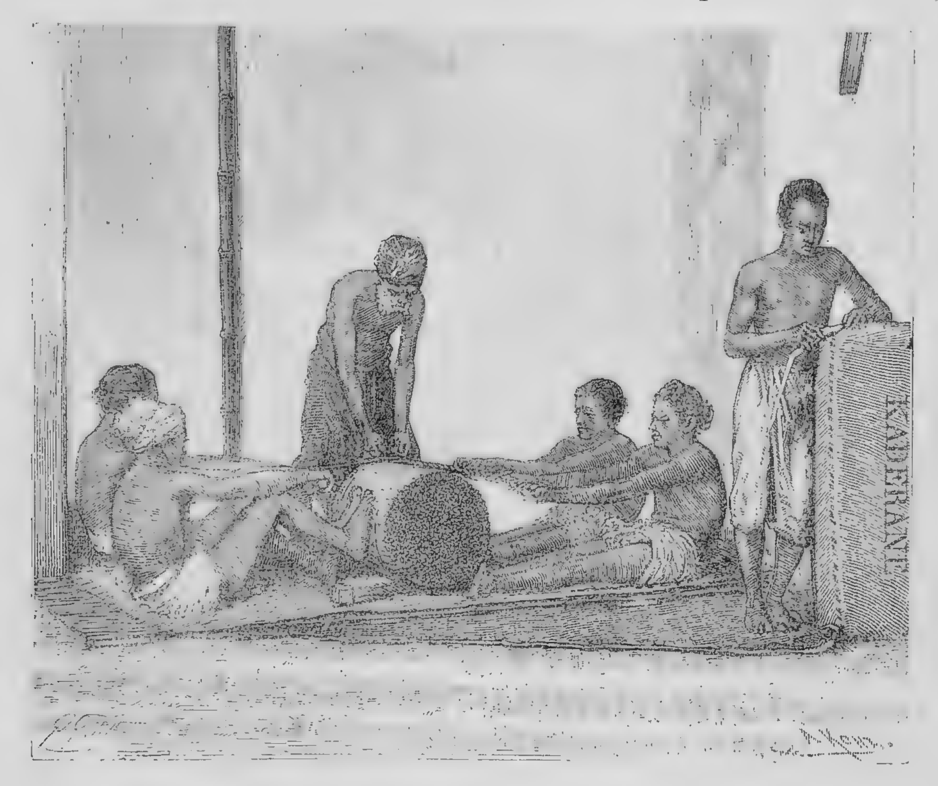

скрытыя растительностью, показываютъ только колоннады и лѣстницы своего основанія. Строенія въ Поллапаруа, какъ и строенія Анараджапуры, представляютъ сумму труда, быть можетъ, не меньшую той, какую потребовало сооруженіе египетскихъ пирамидъ. Одна только изъ анараджапурскихъ ступъ доставила бы столько кирпича, что изъ него можно бы было построить восемь тысячъ обыкновенныхъ лондонскихъ домовъ, или воздвигнуть стѣну въ метръ толщиною и въ три метра вышиною, идущую отъ Парижа до Ламанша. На западѣ отъ Поллапаруа другой колоссальный памятникъ свидѣтельствуетъ объ изумительномъ трудѣ древнихъ сингалезовъ: это фортъ Сигири, построенный на вершинѣ скалы въ формѣ столба, на который взбираются по ступенькамъ, изсѣченнымъ въ камнѣ, снаружи и внутри утеса.

На югъ отъ Кальпентинской бухты, идущая вдоль морскаго берега большая дорога, еще не сопровождаемая рельсовымъ путемъ, проходитъ черезъ города Патламъ, Чилао (по англійски Chilaw), затѣмъ черезъ Негомбо, городъ, окруженный рощами коричнаго лавра и въ которомъ метисовъ, голландскихъ и португальскихъ, пропорціонально больше, чѣмъ во всякомъ другомъ городѣ острова. За большою лагуной, называемой озеромъ Негомбо, дорога приводитъ въ нынѣшнюю столицу Цейлона, въ Коломбо, бывшій Каланъ-тотта, или „бродъ на Калани“, получившій это названіе отъ рѣки, которая тамъ изливается въ маленькую бухту прибрежья, защищенную отъ южныхъ вѣтровъ косой; прежде Калани-ганга впадала въ море въ 4 километрахъ къ югу отъ бухты. Какъ большая часть городовъ Востока, Коломбо дѣлится на два города—„черный“, гдѣ живутъ туземцы, сингалезы, мусульмане и тамилы, и „фортъ“, или новый, европейскій городъ, населенный преимущественно чиновниками и иностранными коммерсантами; аллеи изъ кетмій (hibiscus) и другихъ деревъ окаймляютъ улицы, и часто шоссе бываетъ усѣяно ихъ цвѣтами, желтыми и красными. Низменныя и песчаныя зѣмли, вòды болота, недостатокъ защиты отъ вѣтровъ въ рейдѣ составляли большія неудобства для столицы. Правда, что нѣкогда Коломбо находился въ центрѣ садовъ, производящихъ драгоцѣнную кору корицы; но правительство должно было отказаться, въ 1832 году, отъ монопольной культуры этого продукта, которая, вслѣдствіе усилившейся иностранной конкурренціи, сдѣлась малоприбыльною; теперь резиденты замѣняютъ постепенно свои рощи коричнаго лавра пальмовыми насажденіями. Кофейныя плантаціи, разведенныя въ центрѣ острова, получили въ мѣстной торговлѣ такую же важность, какую прежде имѣла корица, и Коломбо, потерявъ одинъ элементъ торговаго обмѣна, пріобрѣлъ другой, вдесятеро болѣе цѣнный. Мало-по-малу все торговое движеніе края сосредоточивается въ столицѣ, и чтобы удержать это движеніе, городу даютъ гавань, въ которой ему отказала природа: жете, длиною въ 1.280 метровъ, проведенное отъ

полуденной стрѣлки бухты по направленію къ Исаврскимъ скаламъ, захватило у открытаго моря значительное пространство, гдѣ становятся на якорь самые большіе пароходы, защищаемые отъ юго-западнаго волненія. Другое жете будетъ ограничивать гавань съ сѣверной стороны. Движеніе внѣшняго судоходства въ портѣ Коломбо въ 1879 году: 3.042 судна, общая грузовмѣстимость ихъ 1.205.940 тоннъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ въ 1873 году 275.336.375 франковъ.

Въ предвидѣніи близкаго упадка своего города, уже покидаемаго пакетботами, которые предпочитаютъ направлять свои рейсы въ Коломбо,

Упаковка корицы.

многіе изъ резидентовъ Пойнтъ-де-Галля,—или, короче, просто Галля,—переселяются на постоянное жительство въ столицу. А между тѣмъ, Галль, древній городъ, имѣетъ естественный портъ, хотя, впрочемъ, небольшой и опасный при входѣ; кромѣ того, онъ занимаетъ великолѣпное положеніе, какъ промежуточная пристань между двумя морями, Аравійскимъ и Бенгальскимъ; невозможно, чтобы онъ не сохранилъ важнаго значенія для проходящихъ мимо судовъ: онъ для Индіи то же самое, что Мысъ Доброй Надежды для Африки (движеніе судоходства въ Пойнтъ-де-Галлѣ въ 1879 году: 843 судна, вмѣстимостью 1.116.900 тоннъ). Оттого главный городъ, опасаясь соперника въ южномъ городѣ,

до сихъ поръ отказывалъ ему въ желѣзной дорогѣ [1]), и участокъ рельсоваго пути, выходящій изъ Коломбо, останавливается въ Кальтурѣ. Во всемъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной дороги, какъ широкая аллея изъ кокосовыхъ пальмъ, которая идетъ вдоль морскаго берега между Коломбо, Пойнтъ-де-Галлемъ и Матурой, на протяженіи 200 километровъ. По краямъ этой безконечной аллеи, подъ высокими вѣерами исполинскихъ пальмъ, растутъ деревья и кустарники всякаго рода, покрытые, въ свою очередь, сѣтью ліанъ, блистающихъ яркими цвѣтами; съ одной стороны, море развертываетъ безконечный рядъ своихъ лазурныхъ волнъ съ бѣлыми гребнями; съ другой—величественная гора „Адамовъ пикъ" обрисовываетъ профиль своей подернутой фіолетовымъ туманомъ массы надъ черными контрфорсами лѣсовъ, образующихъ неподвижную стѣну на заднемъ планѣ картины, за постоянно мѣняющеюся декораціей деревьевъ, окаймляющихъ дорогу.

Канди, бывшій главнымъ городомъ острова послѣ Полланаруа и прежде Коломбо, служитъ еще лѣтнею столицей для англійскихъ чиновниковъ. Онъ занимаетъ, на высотѣ 518 метровъ, очаровательное мѣстоположеніе, на берегу маленькаго озера, окруженнаго тѣнистыми аллеями, на полуостровѣ, образуемомъ изгибомъ рѣки Магавелли-ганга. Холмы съ пологими скатами, усѣянными виллами и дачами, тянутся амфитеатромъ вокругъ озера, и за этою первою грядой высотъ виднѣются вдали голубоватыя вершины горъ. Построенный въ большой части португальскими колодниками, Канди походитъ своими домами, крытыми черепицей, на старинный европейскій городъ; но къ этому нужно прибавить то, чего не имѣютъ европейскіе города,—роскошную тропическую растительность, пальмовыя рощи, чащи бамбуковъ, тысячи деревьевъ и кустарниковъ, наполняющихъ фруктовые сады. Расположенный въ семи километрахъ къ юго-западу отъ Канди, ботаническій садъ Перадениа, соединяющійся съ городомъ непрерывнымъ предмѣстьемъ, есть одинъ изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ; въ этомъ огромномъ паркѣ, занимающемъ 60 гектаровъ (55 десятинъ), находишь не только растенія, принадлежащія къ флорѣ острова, но также всѣ экзотическіе виды, введенные на Цейлонѣ и культивируемые преимущественно на склонахъ горъ, возвышающихся на югѣ. Желѣзная дорога, соединяющая Коломбо съ Канди, проходитъ на высотѣ 600 метровъ черезъ перевалъ Кадуганнава.

Кофейное дерево получило большую экономическую важность въ сельско-хозяйственной промышленности этой области. Введенное въ 1690 г. голландцами, затѣмъ заброшенное (потому что давало продуктъ качествомъ ниже яванскаго растенія), кофейное дерево воздѣлывается правильно лишь съ 1825 г., но уже черезъ нѣсколько лѣтъ оно сдѣлалось

[1]) *Ernst Häckel* „Deutsche Rundschau", aug. 1882.

одною изъ главныхъ культуръ, послѣ освобожденія невольниковъ на Ямайкѣ, Санъ-Доминго, въ Гвіанахъ, Цейлонъ остался, въ отношеніи этого производства, безъ соперниковъ между англійскими колоніями; быстрое развитіе культуры кофе началось съ 1856 года. Единственныя мѣстности горъ, гдѣ можно съ успѣхомъ культивировать кофейное дерево,—это лѣсистыя части; пространства же, поросшія высокою травой, такъ называемыя патены *(patenas)*, которыя плантаторамъ не было бы надобности расчищать, даютъ малоцѣнный продуктъ, хотя земля тамъ, повидимому, не отличается отъ почвы сосѣднихъ лѣсовъ. Слишкомъ тысяча двѣсти кофейныхъ плантацій, имѣющихъ общую площадь около 100.000 гектаровъ (91.530 десятинъ), занимаютъ склоны горъ, и въ сезонъ сбора кофе на этихъ плантаціяхъ собирается до 300.000 рабочихъ тамиловъ, постоянныхъ жителей или приходящихъ на время изъ другихъ мѣстъ. Но, къ сожалѣнію, теперь цейлонскому кофейному дереву угрожаютъ многочисленныя болѣзни, отъ которыхъ иногда сильно страдаетъ урожай; особенно *hemileja vastatrix* производитъ большія опустошенія съ 1868 года, и до сихъ поръ еще не нашли средства восторжествовать надъ нимъ; ежегодный убытокъ, причиняемый этимъ грибкомъ, исчисляется въ 50.000.000 франковъ [1]). Въ эти послѣдніе годы ввели кофейное дерево изъ Либеріи, болѣе крѣпкое и растущее на меньшихъ высотахъ; такимъ образомъ получилась возможность расширить поясъ плантацій до самыхъ равнинъ.

Вывозъ кофе изъ Цейлона въ	1827 году . . .	667.885	килограм.
" " " " "	1847 " . . .	7.264.500	"
" " " " "	1857 " . . .	24.260.925	"
" " " " "	1878 " . . .	50.800.000	"

Но въ цѣломъ поверхность земель, посвященныхъ культурѣ кофейнаго дерева, уменьшилась почти на одну десятую; частью она была замѣнена другими культурами, именно воздѣлываніемъ деревъ хиннаго, каучуковаго, какаоваго, сахарнаго тростника, кардамона, перечника, мускатнаго дерева. Общая площадь хинныхъ лѣсовъ на Цейлонѣ въ 1880 году равнялась 13.428 гектаровъ; деревъ насчитывается до 50.000.000. Вся получаемая изъ этихъ лѣсовъ хинная кора вывозится въ Англію. Отпускъ этого продукта изъ Цейлона въ 1872 году составлялъ только 5.173 килограмма, а десять лѣтъ спустя, въ 1882 году, онъ уже простирался до 522.895 килограммовъ [2]). Кромѣ того, на островѣ воздѣлывается чайное дерево и собираемый чай отправляется частью въ Австралію; въ 1881 году чайныхъ плантацій было 1.546, занимаемая ими площадь равнялась 249.336 гектарамъ, изъ которыхъ 131.721 гектаръ были въ

[1]) *Morris* „Journal of the Linnaean Society", 1880, vol. XVII.
[2]) *Andrew Anderson*, рукописныя замѣтки.

культурѣ [1]). Вѣтвь желѣзной дороги, поднимающаяся по возвышенной долинѣ рѣки Магавелли-ганга, къ городамъ Гампола, одной изъ бывшихъ столицъ, и Наваланиттіа, окруженному плантаціями, проникаетъ въ самое сердце кофейной области, и скоро новые рельсовые пути примкнутъ къ главной желѣзнодорожной линіи изъ Коломбо въ Канди. На плато, которое господствуетъ съ южной стороны надъ поясомъ обширныхъ плантацій, сгруппированы отели и виллы санитарной станціи Нувера-Эліа, лежащей на высотѣ около 1.900 метровъ. Уже кандійскіе цари скрылись въ этомъ „Царственномъ градѣ свѣта", чтобы спастись отъ португальскихъ завоевателей, но „царственный градъ" былъ простою деревней, когда англичане „открыли" его въ 1826 году; первый европейскій шале былъ построенъ тамъ въ 1829 году.

На востокѣ отъ города Канди, большая дорога спускается по очаровательной долинѣ рѣки Магавелли къ мѣстечку Бинтенъ, одному изъ древнѣйшихъ городовъ Цейлона. Какъ столица, Бинтенъ, называвшійся тогда Магайянганой, предшествовалъ городу Анараджапурѣ, но теперь въ немъ не сохранилось ни одного памятника старины, кромѣ безформеннаго кургана, остатка буддійской ступы, которая еще въ началѣ семнадцатаго столѣтія была увѣнчана позолоченою пирамидой. Сосѣднія съ Бинтеномъ мѣстности, нѣкогда принадлежавшія къ числу самыхъ населенныхъ областей острова, теперь почти безлюдны, и путешественникъ проѣзжаетъ черезъ обширныя пустыни по дорогѣ, ведущей къ порту Баттикалоа, на восточномъ берегу; тѣмъ не менѣе, реставрація древнихъ прудовъ и оросительныхъ каналовъ позволила вновь завоевать бо́льшую часть почвы, чтобы преобразовать ее въ рисовыя поля, и этотъ округъ, еще недавно пустынный, обѣщаетъ сдѣлаться житницей Цейлона. Самый городъ, имя котораго (Матикалоа) означаетъ „Грязную лагуну", окруженъ кокосовыми пальмами, замѣчательными тѣмъ, что онѣ даютъ самые крупные и лучшіе кокосовые орѣхи на всемъ островѣ. Береговое озеро Баттикалоа изобилуетъ огромными крокодилами; въ немъ водятся также поющія рыбы, столь обыкновенныя въ Бангкокскихъ водахъ.

Тринкомали, единственный естественный портъ Цейлона, гдѣ самые большіе корабли могутъ безопасно стоять на якорѣ подъ защитою отъ всѣхъ вѣтровъ, есть гавань, покинутая торговлей. Однако, политическіе властители острова поняли важное значеніе этого пункта. Португальцы срыли храмъ „Тысячи Колоннъ" и построили на мѣстѣ его фортъ, гдѣ еще видны, вдѣланныя въ стѣны, надписи и статуи. Голландцы увеличили эти укрѣпленія, которыми овладѣвали французы въ 1672 и въ 1782 годахъ, и англичане, въ свою очередь, воздвигли новые верки на островахъ и высокихъ мысахъ, подъ защитою которыхъ стоятъ на якорѣ

[1]) *Ferguson* „Handbook for Ceylon".

ихъ военные корабли. Часто предлагали перевести столицу въ Тринкомали; но какъ бы ни были велики выгоды положенія этого порта, ему недостаетъ пояса производительныхъ мѣстностей и сѣти дорогъ, недостаетъ того, чѣмъ обладаетъ Коломбо. Городъ, построенный на возвышенной косѣ, между внѣшнимъ рейдомъ и портомъ, въ дѣйствительности есть лишь мѣстечко, которое даже въ отношеніи своего продовольствія зависитъ отъ городовъ Баттикалоа и Джафны; но за то Тринкомали принадлежитъ къ числу святыхъ мѣстъ Цейлона: пилигримы массами приходятъ созерцать скалу, оторванную отъ горы Меру, которую, будто бы, принесли туда боги. Если бы въ этомъ портѣ стояли на якорѣ цѣлые флоты и если бы дома тѣснились вокругъ укрѣпленій, Тринкомали не уступалъ бы, по красотѣ мѣстоположенія, Ріо-де-Жанейро: островки, высокіе мысы, береговые холмы, лѣса слѣдуютъ одни за другими вокругъ бухтъ и бухточекъ въ видѣ картинъ безконечнаго разнообразія.

Главные города Цейлона въ 1881 году:

Коломбо	111.950	жит.	Канди	19.000	жит.
Пойнтъ-де-Галль. .	52.000	„	Матура.	18.000	„
Джафна	38.000	„	Тринкомали . . .	10.000	„

XVI.

Острова Лакедивскіе, Малдивскіе, архипелагъ Чагосъ.

Цоколь, поддерживающій полуостровъ по сю сторону Ганга, продолжается на большое разстояніе подъ поверхностью водъ океана. Если вѣрно, что почти на всей окружности континентовъ обрывистые берега омываются глубокими морями, то этого нельзя сказать о западныхъ берегахъ Индіи. Противъ Конкана и Малабара мели и неглубокія мѣста, которыя можно разсматривать, какъ пьедесталъ континента, занимаютъ значительное протяженіе Аравійскаго моря. Все морское пространство, лежащее къ югу отъ полуострова Каттіаваръ до широты Бомбея, заключено въ этомъ поясѣ глубинъ, мѐньшихъ 100 метровъ, и морское дно тамъ находится, среднимъ числомъ, въ сорока метрахъ отъ поверхности. Обширное подводное плоскогорье, извѣстное подъ именемъ „Низкаго берега въ пятьдесятъ саженъ", ограниченное на востокѣ „Мелью направленія", указываетъ уже на разстояніи 200 километровъ подходы Бомбейскаго порта. На югѣ этотъ погруженный въ воду крутой берегъ съуживается и имѣетъ въ среднемъ не болѣе 100 километровъ ширины; на западѣ онъ вдругъ оканчивается крутизной, столь же обрывистой, какъ обрывисты на материкѣ береговые утесы Гатскихъ горъ. Обойдя вокругъ мыса Коморинъ, подводный пьедесталъ приближается къ Цейлону, и около южной стороны острова образуетъ уже только узкую окраину

изъ рифовъ и мелей. Равнымъ образомъ и на восточной сторонѣ главнаго индійскаго острова мели тянутся вдоль прибрежья; но, по какому-то странному контрасту, низменное побережье Индіи — берега Коромандельскій, Сиркарскій, Орисскій—есть ближайшее къ океанійскимъ пропастямъ; напротивъ, вдоль крутыхъ обрывистыхъ береговъ Малабара и Конкана мели, быть можетъ, остатки бывшихъ, нынѣ затонувшихъ земель, простираются на наибольшее разстояніе отъ моря.

Между 17-мъ и 16-мъ градусами широты, противъ маленькаго порта Раджапуръ, узкая подводная долина, гдѣ лотъ показываетъ глубины отъ 225 до 400 метровъ, отдѣляетъ отъ континентальнаго берега островидную мель, дно которой отстоитъ не болѣе, какъ на 20 или 25 метровъ отъ поверхности. Это подводное плато, называемое Ангріа, есть сѣверный молъ гряды мелей, рифовъ, островов и островковъ, которая продолжается прямо на югъ до середины Индійскаго океана и которую ученые разсматриваютъ, какъ принадлежащую къ одной и той же геологической формаціи, хотя всѣ эти островныя цѣпи отдѣлены одна отъ другой широкими и глубокими впадинами или долинами. Острова Лакедивскіе, Миникой, Малдивскіе, Чагосъ составляютъ часть этой меридіональной гряды, которая отъ подводнаго плато Ангріа до подобнаго же плато Центуріона имѣетъ не менѣе 2.600 километровъ въ длину; вмѣстѣ съ подводнымъ цоколемъ Сешельскихъ острововъ, лежащимъ западнѣе, всѣ эти островныя цѣпи совершенно отдѣляютъ Аравійское море отъ свободныхъ пространствъ Индійскаго океана. По мнѣнію большаго числа натуралистовъ и геологовъ, которые пытаются объяснить существовавшимъ нѣкогда соединеніемъ земель сходство флоръ и фаунъ между Индіей и Африкой, цѣпь острововъ Лакедивскихъ и Малдивскихъ составляетъ остатокъ хребта исчезнувшаго материка. Они полагаютъ, что еще въ первыя времена третичной эпохи Лемурія, такъ названная по особымъ породамъ обезьянъ, нынѣ представленнымъ преимущественно на Мадагаскарѣ, занимала наибольшую часть пространства, которое простиралось отъ Малазіи до восточныхъ береговъ Африки, и что высокія горы стояли тамъ, гдѣ теперь находятся едва выступающіе изъ подъ воды коралловые рифы Лакедивскихъ и Малдивскихъ острововъ [1]).

Къ югу отъ подводнаго плато Ангріа промѣры морскаго дна обнаружили другую мель, называемую Адасъ, но самые высокіе ея выступы покрыты слоемъ воды въ 80 метровъ толщины. Мелководныя пространства, достаточно близкія отъ поверхности моря, чтобы образовать прибой волнъ или бурунъ, начинаются лишь южнѣе 14 градуса широты мелью, называемою Кора-дивхъ, т. е. „островъ“ Кора, хотя ни одинъ изъ

[1]) *Darwin; Murray; Huxley; Blanford* „Quarterly Journal of the Geological Society“, nov. 1875.

ея рифовъ не выступилъ изъ подъ воды. Банка Сезостриса и мели Педро (Bassas de Pedro, иначе Падуанская банка или Муніалъ-паръ) тоже составляютъ часть этого архипелага отмелей, между которыми извиваются долины на глубинѣ 600 метровъ подъ поверхностью моря. Островки Лакедивской группы, разсѣянные на югъ отъ мелей, окружены еще болѣе глубокими пропастями: во рву, отдѣляющемъ Лакедивскіе острова отъ континентальнаго цоколя, бросали лотъ до глубины 2.360 метровъ, не находя дна.

Лакедивскіе или Лакшадвипа, т. е. „Сто Тысячъ Островомъ", заслуживаютъ это названіе только въ томъ смыслѣ, что туземцы подъ именемъ островомъ понимаютъ безчисленныя, высунувшіяся изъ воды, головы рифовъ или песчаныя полосы, которыя показываются при отливѣ вровень съ поверхностью моря, вокругъ островковъ, выступающихъ во всякое время; кромѣ нѣсколькихъ верхушекъ скалъ, существуетъ всего только двѣнадцать земель въ группѣ Лакедивскихъ островомъ и только восемь изъ нихъ обитаемы: это Четлатъ, Килтанъ, Кадаматъ, Амини или Аминдиви, зависящіе непосредственно отъ Индійской имперіи, и Агатъ (Аукутта), Каварати (Каврути), Антротъ, Кальпени, управляемые отъ имени Каннанорской царицы (биби). Лежащіе на пути арабскихъ кораблей, которые направлялись къ горѣ Делли, Каннанору, Каликуту, Кочину, Лакедивскіе острова, конечно, были извѣстны съ первыхъ временъ мореплаванія въ Индійскомъ океанѣ; но ихъ малое возвышеніе надъ поверхностью моря и ошибки мореплавателей въ опредѣленіи ихъ точнаго географическаго положенія породили легенду о блуждающихъ островахъ. Альбируни былъ, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ этихъ идей, когда онъ описывалъ *дивы* (острова) индійскихъ морей. „Одни изъ нихъ,—говоритъ онъ,—только-что народились: они появляются въ формѣ кучекъ песку, которыя растутъ, расширяются и сплочиваются въ твердыя зѐмли, тогда какъ другіе колеблются, распадаются и расплываются мало-по-малу въ морѣ. Когда жители замѣтятъ небезопасность почвы, которая ихъ носитъ, они удаляются на какой-нибудь островъ, находящійся въ періодѣ возрастанія; они переносятъ туда свои кокосовыя и другихъ породъ пальмы, свой хлѣбъ и весь домашній скарбъ и основываютъ тамъ свои жилища" [1]). Однако, островитяне, наши современники, не подтверждаютъ этихъ быстрыхъ перемѣнъ въ ихъ архипелагѣ, и никакое мѣстное преданіе не говоритъ о появленіи или исчезновеніи островковъ [2]). Плоскіе берега увеличиваются или уменьшаются въ протяженіи медленно, соотвѣтственно работѣ мадрепоровыхъ коралловъ, наносамъ волны, размывамъ, производимымъ морскими теченіями,

---

1) *Reinaud* „Relations des voyages des Arabes", tome I.

2) *Wood* „Lakeradeevh Archipelago", „Journal of the Geographical Society of London", 1836.

поврежденіямъ, причиняемымъ циклонами. Каждый островъ, состоящій изъ песку и размельченнаго коралла, къ которымъ примѣшивается немного чернозема, образующагося отъ гніенія растеній, представляетъ низменную землю, достигающую самое большое 3 или 4 метровъ высоты надъ уровнемъ прилива, который поднимается въ этихъ водахъ на 3 метра. Берега продолжаются съ той и другой стороны, но въ особенности на западѣ, мелями, болѣе возвышенными на краяхъ, чѣмъ въ центральной части; такъ образуются лагуны, сообщающіяся съ моремъ лишь черезъ узкія бреши, гдѣ проходятъ суда при высокой водѣ, чтобы войти во внутреннюю гавань. Многіе изъ Лакедивскихъ островов представляютъ, въ совокупности своихъ рифовъ, кольцеобразное расположеніе, напоминающее форму атолловъ Тихаго океана; однако, въ сравненіи съ Малдивскими островами, отличающимися удивительною правильностью образованія, Лакедивскіе, такъ сказать, не болѣе, какъ простые наброски.

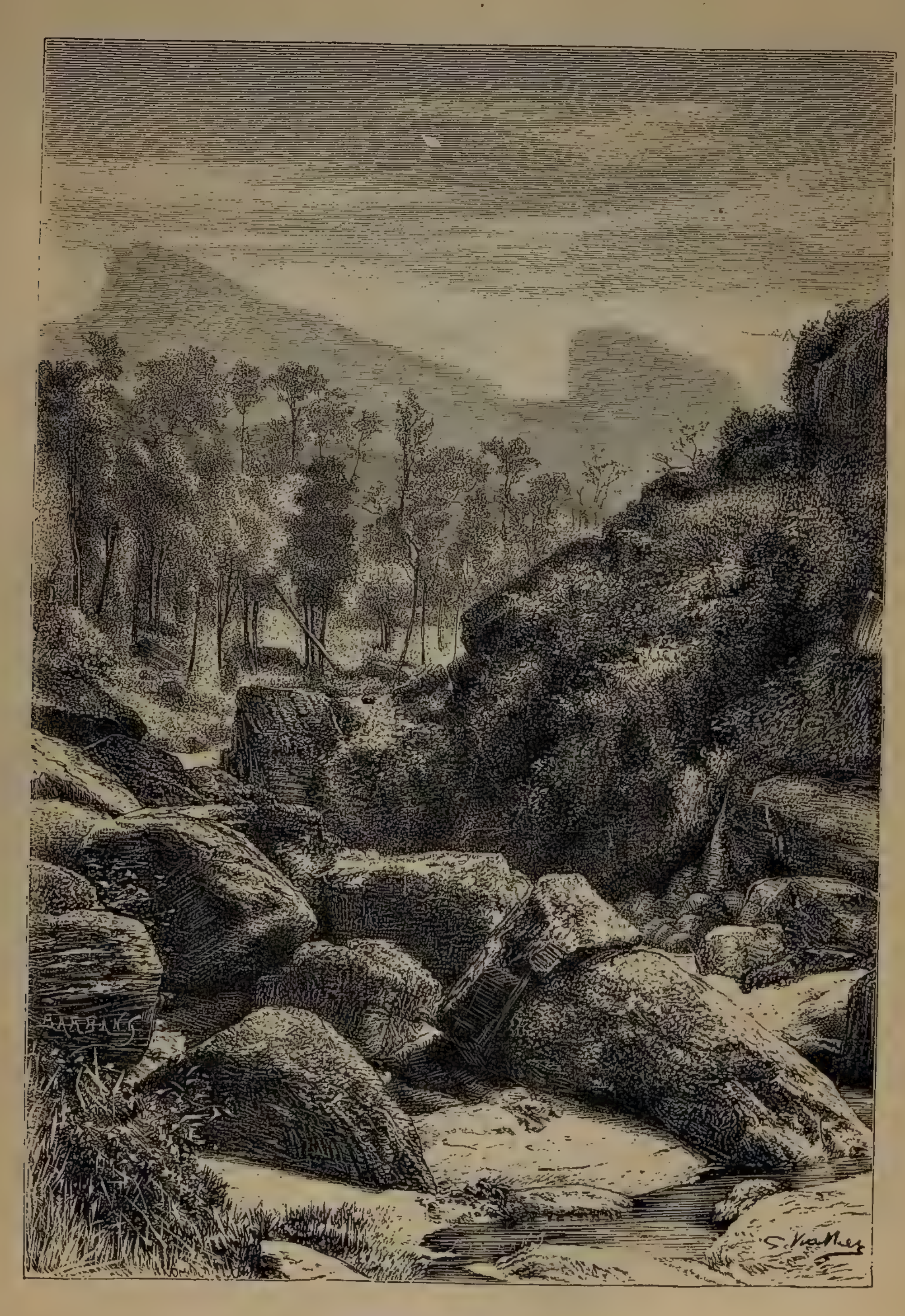
На этихъ островахъ нѣтъ ни одного источника, ни одного ключа, бьющаго изъ почвы; однако, воду тамъ находятъ въ изобиліи. Также какъ на сѣверныхъ берегахъ Цейлона, достаточно пробуравить верхній слой коралла и вынуть слѣдующій непосредственно подъ нимъ пластъ песку, чтобы добраться до скопленія прѣсной воды, поверхность которой, вслѣдствіе боковаго соприкосновенія съ соленою водой, то поднимается, то понижается, сообразно измѣненіямъ уровня моря, зависящимъ отъ прилива и отлива. Земля мало плодородна; однако, кое-гдѣ видны апельсинныя деревья, дынеплодники (папаія), рисовыя плантаціи, поля, засѣянныя сладкимъ картофелемъ (пататами); но главную отрасль земледѣлія составляетъ культура кокосовыхъ пальмъ: слишкомъ 250.000 деревъ этой породы доставляютъ почти все необходимое туземцамъ и ихъ первую статью торговли, волокно или *коиръ*, которое употребляется на плетеніе канатовъ и для связыванія членовъ кораблей; отсюда и названіе Дивахъ-Камбаръ, или „Нитяные острова“, которое арабскіе купцы давали нѣкогда Лакедивскимъ островамъ [1]). Главное занятіе женщинъ состоитъ въ разрѣзываніи скорлупъ кокосовыхъ орѣховъ и въ вымачиваніи ихъ въ соленой водѣ для приготовленія волокна. Цѣнность ежегоднаго вывоза этого продукта съ Лакедивскихъ островов простирается до 425.000 франковъ. Самобытная фауна этихъ островов заключаетъ только одинъ видъ млекопитающихъ—крысъ, которыя наносятъ большой вредъ плантаціямъ кокосовыхъ пальмъ; быки и коровы, ввезенные туземцами, выродились въ малорослыхъ и слабосильныхъ животныхъ. Жители Лакедивскихъ островов, говорящіе малаяламскимъ языкомъ, суть наиры по преданіямъ, моплахи по магометанскому вѣроисповѣданію: на

[1]) *Reinaud*, цитированное сочиненіе.

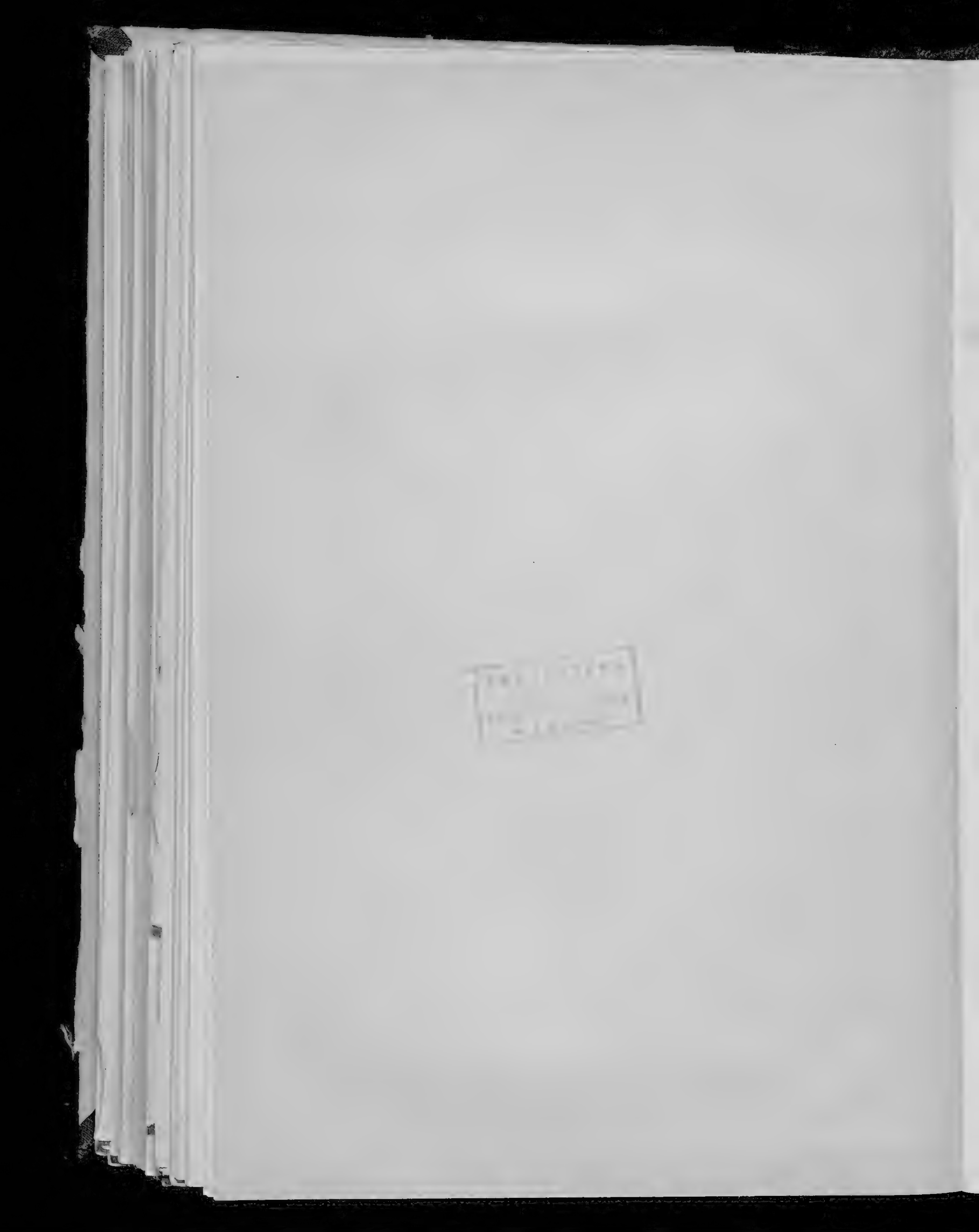
всемъ архипелагѣ нѣтъ ни одного индуса по религіи, но самыя богатыя фамиліи приписываютъ себѣ происхожденіе отъ высшихъ кастъ Полуострова [1]). Какъ иммигранты, принадлежащіе къ различнымъ расамъ, туземцы не имѣютъ между собою достаточной связи, чтобы оказать сопротивленіе агентамъ, приходящимъ собирать налогъ отъ имени англичанъ или малабарскихъ раджей. На сѣверныхъ островахъ, подвластныхъ британскому правительству, передача наслѣдства дѣтямъ мужскаго пола сдѣлалась правиломъ; напротивъ, на южныхъ островахъ, женщины сохранили за собою первенство, даваемое имъ древнимъ учрежденіемъ материнскаго главенства (матріархатъ). Вездѣ онѣ имѣютъ численное превосходство, такъ какъ мужчины эмигрируютъ сотнями въ періодъ юго-западнаго муссона, чтобы искать пристанища для своихъ судовъ въ гаваняхъ Малабарскаго берега. Пространство Лакедивскихъ островововъ, безъ рифовъ и мелей, 52 квадр. километра. Населеніе въ 1871 году 10.695 душъ, такъ что, среднимъ числомъ, на 1 квадр. километръ приходится 210 жителей.

Уединенный островъ Миникой, или Миникай, поднимается со дна океанійскихъ пучинъ между группой Лакедивскихъ и архипелагомъ Малдивскихъ островововъ; два прохода для кораблей, одинъ на сѣверѣ, другой на югѣ острова, обозначаются моряками, по широтѣ, подъ именами „пролива Девятаго градуса“ и „пролива Восьмаго градуса“. Также какъ Лакедивскіе острова, Миникой коралловаго происхожденія; онъ имѣетъ форму полумѣсяца, рога котораго, обращенные на западъ, продолжаются кольцеобразнымъ рифомъ, заключающимъ въ себѣ лагуну; не только обыкновенныя суда, но даже корабли могутъ входить въ этотъ внутренній портъ черезъ каналъ, глубина котораго въ часы прилива достигаетъ 4 метровъ. Островъ въ собственномъ смыслѣ имѣетъ 10 километровъ въ длину, но въ наибольшей части своего протяженія это не что иное, какъ плоскій берегъ въ нѣсколько сотъ метровъ ширины [2]); море заливало бы его при каждой бурѣ, если бы онъ не былъ защищенъ на восточномъ берегу естественною насыпью изъ разнаго рода обломковъ, которые были нанесены волнами и затѣмъ укрѣплены островитянами при помощи плотины, вышиной въ 6 метровъ и длиной въ 3 километра. Надъ этимъ охранительнымъ валомъ видны только вѣеры кокосовыхъ пальмъ; онъ не разъ былъ повреждаемъ циклонами; въ 1867 году шестая часть населенія была унесена волнами моря. Также какъ на сосѣднихъ архипелагахъ, главное богатство Миникоя составляютъ его кокосовыя пальмы, а главный промыселъ—плетеніе канатовъ изъ кокосоваго волокна; кромѣ того, отсюда вывозится кокосовый сахаръ,

[1]) *Robinson* „Report on the Laccadive Islands“, Madras 1874.
[2]) *Basevi* „Journal of the Geographical Society of London“, 1872.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ПЕЙЗАЖЪ.

соленая рыба и раковины ужовки или бѣлыя каури (cypraea moneta), употребляемыя въ Африкѣ вмѣсто денегъ. Миникойскіе моряки, имѣющіе не только рыболовныя суда, но даже около дюжины большихъ морскихъ судовъ, или *одіесъ*, ведущихъ торговлю съ Малабарскимъ берегомъ, Цейлономъ и Калькуттой, славятся своею отвагою и ловкостью; они въ совершенствѣ знаютъ употребленіе инструментовъ, примѣняемыхъ европейскими мореплавателями, и одинъ изъ нихъ основалъ мореходное училище. Маленькій океанійскій берегъ Миникой представляетъ какъ бы резюмѐ или миніатюру Индіи по распредѣленію своихъ жителей на касты различнаго происхожденія. Пространство этого уединеннаго острова 6 квадр. километровъ; населеніе въ 1871 году 2.800 душъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ приходится по 466 жителей на 1 квадр. километръ. Жители Миникоя дѣлятся на пять родовъ или большихъ семействъ, изъ которыхъ два первыя считаютъ позорнымъ всякій трудъ, хотя имъ принадлежитъ вся земля съ растущими на ней кокосовыми рощами. Всѣ работы свалены на низшія касты; особенно женщины въ высшей степени трудолюбивы, не смотря на то, что имъ принадлежитъ главенство въ хозяйствѣ; по старинному наирскому обычаю, онѣ сами выбираютъ себѣ супруга, но многія сотни ихъ остаются безъ мужей, вслѣдствіе эмиграціи, увлекающей молодыхъ мужчинъ за̀-море. Многомужство болѣе не практикуется; съ другой стороны, не смотря на господство магометанской религіи, которую исповѣдуютъ всѣ жители острова, Миникой не представляетъ ни одного примѣра многоженства. Слѣдовательно, этотъ островъ, по нравамъ и обычаямъ своего населенія, находится на рубежѣ двухъ цивилизацій. Съ политической точки зрѣнія, онъ тоже составляетъ переходную страну: также какъ южные Лакедивскіе острова, онъ подвластенъ каннанорской царицѣ (биби), но по языку и народнымъ преданіямъ, его слѣдуетъ причислить къ Малдивскимъ островамъ. Островокъ, лежащій на южной оконечности Миникойской лагуны, служитъ госпиталемъ для острова: туда отвозятъ прокаженныхъ и больныхъ, тамъ же хоронятъ покойниковъ [1]).

Этотъ обширный архипелагъ „Малабарскихъ острововъ“, или „Тысячи Острововъ“, или „Острововъ Мале“, т. е. „Скалы“, — таковы различныя значенія, даваемыя этимологистами имени Малдивскихъ острововъ [2]),—простирается на пространствѣ 866 километровъ съ сѣвера на югъ; послѣдніе его рифы находятся уже въ южномъ полушаріи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина пояса, занимаемаго атоллами, превышаетъ 80 километровъ, но совокупность земель, выступающихъ изъ подъ воды

---

[1]) *Basevi*, цитированный мемуаръ.
[2]) *Lassen* „Indische Alterthumskunde“; *Egli* „Etymologisch-geographisches Lexicon“.

въ періодъ отлива на этомъ огромномъ протяженіи, исчисляется всего только въ 5.000 квадр. километровъ; въ часы прилива только шестая часть этого пространства бываетъ покрыта выступающими изъ подъ воды коралловыми берегами. Оффиціальный титулъ султана Малдивскихъ островъ — „Царь тринадцати провинцій и двѣнадцати тысячъ островов“. Оуенъ [1]) полагаетъ, что это число 12.000 есть лишь треть или четверть дѣйствительности, но по самымъ подробнымъ морскимъ картамъ, отдѣльныхъ земель въ архипелагѣ, не считая простыхъ рифовъ, оказывается только нѣсколько сотень. Птоломей насчитываетъ ихъ 1.378, но не давая какого-либо общаго имени всей совокупности атолловъ. Сто семьдесятъ пять изъ этихъ островов обитаемы [2]). Пространство Малдивскихъ островов во время прилива 900 квадр. километровъ; населеніе 150.000 душъ, такъ что на одинъ квадр. километръ приходится 184 жителя.

Даже въ Тихомъ океанѣ нѣтъ коралловыхъ островов, которые представляли бы болѣе правильности, чѣмъ Малдивскіе, въ образованіи кольцеобразныхъ береговъ, заключающихъ лагуну въ своей оградѣ. Каждый островъ въ частности есть полумѣсяцъ изъ выступающихъ надъ водой мелей, простой сегментъ кольца рифовъ, показывающихся въ періоды отлива. Острова не разсѣяны случайно по поверхности воды; они группируются въ круги или въ эллипсы такъ, что образуютъ атоллъ, окружающій своею коралловою стѣной, прерываемой тысячью брешей, морское пространство, превращенное во внутреннее озеро. Наконецъ, девятнадцать атолловъ Малдивскихъ островов составляютъ, въ своей совокупности, какъ бы одинъ очень удлиненный атоллъ, заключающій внутри глубокое средиземное море, гдѣ бросаютъ лотъ на сотни метровъ, не находя морскаго ложа. Гипотеза, которою Дарвинъ старается объяснить образованіе этихъ кольцеобразныхъ рифовъ, хорошо извѣстна. По его мнѣнію, тамъ, гдѣ въ наши дни находятся едва выступающія изъ подъ воды зѐмли Малдивскихъ островов, стояли нѣкогда горы неравной высоты, какъ горы всѣхъ континентальныхъ цѣпей, и на всей окружности этой гористой области зоофиты (животнорастенія), строющіе коралловыя скалы на разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ поверхности моря, трудились надъ возведеніемъ своего барьера рифовъ. Но, находясь въ области медленнаго осѣданія почвы, горы проваливались мало-по-малу; внѣшній валъ постепенно понижался, заставляя такимъ образомъ полиповъ-строителей выдѣлять изъ себя новые слои; между коралловыми постройками открывались морскіе рукава или проливы, вслѣдствіе чего эти постройки дѣлились на обособленные острова, вокругъ которыхъ образовались другія кольцеобразныя мели мѐньшихъ размѣровъ; затѣмъ

[1]) „Journal of the Geographical Society of London“, 1832.
[2]) *Hunter* „Imperial Gazetteer of India“.

эти острова, въ свою очередь, подраздѣлялись на островки, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой бордюръ изъ рифовъ: такъ, въ большомъ кольцѣ заключались, какъ вписанные круги, второстепенныя кольца, которыя, въ свою очередь, дробились на многочисленныя третьестепенныя кольца. Когда всѣ горныя цѣпи исчезли подъ водой, строенія кораллов не переставали удерживаться на поверхности океана, нарастая по мѣрѣ того, какъ опускался въ море цоколь ихъ основанія. Происхожденіе центральнаго моря всей системы островов, свободнаго залива каждаго атолла, лагуны каждаго островка объясняется тѣмъ фактомъ, что „строители міровъ“ развиваются и преуспѣваютъ подъ ударомъ волнъ; въ спокойныхъ водахъ они умираютъ. Что́ касается выступленія изъ подъ воды бо́льшей части островковъ на восточномъ сегментѣ рифовъ, то причину этого явленія слѣдуетъ искать въ преобладаніи юго-западныхъ вѣтровъ и морскихъ теченій, слѣдующихъ въ томъ же направленіи; обломки, оторванные отъ рифовъ, увлекаются къ востоку и способствуютъ возвышенію выступовъ ближайшаго къ Индіи края подводной горной массы.

Взятая въ цѣломъ, гипотеза Дарвина лучше, чѣмъ всякая другая, согласуется съ наблюдавшимися явленіями; однако, до сихъ поръ еще не констатированъ точными наблюденіями капитальный фактъ, именно фактъ пониженія почвы Малдивскихъ острововъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, отъ какой-либо причины, работа коралловъ прекратилась. Слѣдовательно, поле остается открыто теоріямъ. Нѣкоторые геологи задавали себѣ вопросъ, не соотвѣтствуютъ ли ряды атолловъ грядамъ подводныхъ вулкановъ. Правда, невозможно допустить, чтобы на пространствѣ, столь обширномъ, какъ площадь, занимаемая „Двѣнадцатью Тысячами Острововъ“, огнедышащія горы поднимались однообразно на 20 или 30 метровъ ниже уровня моря, такъ чтобы служить основаніемъ постройкамъ полиповъ. Но если вулканы Малдивскихъ острововъ походили на огнедышащія горы сосѣдняго Полуострова, которыя извергали изъ себя невообразимо громадное количество шлаковъ, имѣющее мощность въ нѣсколько сотенъ и даже мѣстами въ тысячу метровъ, то легко понять, что несвязные обломки, выброшенные кратерами, были выровнены волнами до однообразной глубины; рифы полипняковъ замѣнили конусы изъ лавы и пепла, смытые волнами, унесенные теченіями. Едва ли найдется океанійская земля, исторія которой была бы болѣе любопытна для изученія, чѣмъ исторія Малдивскихъ острововъ; къ сожалѣнію, эти острова были изслѣдуемы лишь рѣдкими путешественниками, ожидавшими съ нетерпѣніемъ перваго попутнаго вѣтра, чтобы вернуться на твердую землю. Еще недавно, то, что́ знали объ этомъ архипелагѣ, было основано, главнымъ образомъ, на разсказахъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, какъ, напримѣръ, Пираръ-де-Лаваля, который былъ выброшенъ туда бурей въ 1602 году. Въ началѣ настоящаго столѣтія острова были менѣе извѣстны, нежели

за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, въ эпоху путешествій знаменитыхъ португальскихъ мореплавателей [1]). А между тѣмъ, Малдивскіе острова лежатъ близь большого морскаго пути, такъ что безчисленное множество путешественниковъ проходитъ мимо нихъ и видитъ ихъ издали. Корабли, идущіе отъ Мыса Доброй Надежды къ Цейлону, плывутъ черезъ проливъ, называемый „Полутораградуснымъ", по линіи широты, проходящей въ этомъ мѣстѣ. Какъ ни низки эти острова, поднимающіеся всего только на два метра надъ поверхностью воды, они, тѣмъ не менѣе, видимы до разстоянія 20 километровъ въ морѣ, благодаря зонтикамъ кокосовыхъ пальмъ, которые развертываются на высотѣ 30 метровъ (14 саженъ).

Такого же образованія, какъ Лакедивскіе острова, Миникой и сѣверные берега Цейлона, большинство Малдивскихъ островов тоже имѣютъ въ изобиліи прѣсную воду подъ поверхностными слоями коралла. Растительность этого архипелага богаче растительности другихъ островныхъ группъ. Кокосовыя пальмы достигаютъ здѣсь большого роста; кромѣ того, на этихъ островахъ существуютъ настоящіе лѣса хлѣбныхъ деревьевъ, смоковницъ баніановъ, тамариндовъ. По словамъ Оуена, флора, Малдивскаго архипелага заключаетъ въ себѣ также лодоицею Сешельскихъ островов, пальму, которая даетъ морскіе кокосы, тѣ двойные орѣхи, которые такъ долго сохраняются на волнахъ моря и которые въ Индіи, куда ихъ приноситъ теченіе, считаются священными плодами, исцѣляющими всѣ болѣзни. На берегахъ Малдивскихъ островов встрѣчаются во многихъ мѣстахъ горныя породы новаго образованія, похожія на плотный песчаникъ, содержащій большое количество раковинъ и кораллов, находимый на Антильскихъ островахъ и называемый *maçonne-bon-Dieu*; эти породы состоятъ изъ отложеній углекислой извести, заключающихъ въ себѣ морскіе кокосы съ примѣсью отрывковъ мадрепоровъ и другихъ плавучихъ обломковъ [2]).

Подобно населенію Лакедивскихъ островов и Миникоя, обитатели Малдивскихъ островов живутъ преимущественно продуктами кокосовой пальмы, которые имъ приходится защищать отъ нападеній крысъ и летягъ; послѣднія приходятъ сосать изъ разрѣзовъ на стволѣ дерева, откуда сочится *тодди*, или пальмовое вино. Одну изъ главныхъ статей вывоза составляетъ ужовка каури, которую ловятъ при помощи сѣтей и приманокъ, привязанныхъ къ поплавню изъ листьевъ кокосовой пальмы; собранныя раковины закапываютъ въ песокъ и оставляютъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ мясо, затѣмъ ихъ промываютъ, и монета, гораздо болѣе пріятная на видъ, чѣмъ наши мѣдныя деньги, готова для обмѣна;

[1]) *Owen* „Journal of the Geographical Society of London", 1832.
[2]) *Moresby* „Journal of the Geographical Society of London", 1833.

на самомъ мѣстѣ добыванія ихъ продаютъ двѣнадцать тысячъ штукъ за одну рупію, т. е. около пяти тысячъ штукъ за одинъ франкъ. Малдивскіе моряки вывозятъ также соленую рыбу, именно бонитовъ или макрелей, которыхъ они налавливаютъ отъ двухъ до трехъ милліоновъ штукъ въ годъ. Очень искусные мореходы, они имѣютъ большія суда, вмѣстимостью въ 100 и 200 тоннъ, на которыхъ плаваютъ до острова Суматры; они совершаютъ правильныя плаванія въ Коломбо и въ Калькутту, отправляясь съ юго-западнымъ муссономъ, въ августѣ мѣсяцѣ, и возвращаясь въ декабрѣ съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. Каждый годъ жители городка Мале, столицы острововъ, пускаютъ на море два судна, нагруженныя душистыми смолами, цвѣтами и разными благовонными веществами; это дары умилостивленія, посылаемые богу моря и духу вѣтровъ [1]).

До сихъ поръ еще не было сдѣлано переписи Малдивскаго народонаселенія; приблизительно извѣстно, что около 1.500 жителей сгруппированы въ атоллѣ Мале (Царскій атоллъ, King's atoll), гдѣ имѣетъ пребываніе султанъ, около середины восточной цѣпи острововъ: это самая многолюдная земля, такъ какъ непосредственная торговля съ заграницей запрещена во всемъ остальномъ архипелагѣ; большинство другихъ населенныхъ земель имѣетъ много-много, что нѣсколько сотъ резидентовъ, живущихъ по бóльшей части въ домахъ, построенныхъ на сваяхъ, для предохраненія отъ крысъ. Въ каждомъ поселеніи архипелага есть свои ремесленники, ткачи, гончары, мастера металлическихъ издѣлій. Не такъ было въ первые годы семнадцатаго столѣтія, судя по разсказамъ упомянутаго Пираръ-де-Лаваля. „Ремесленные люди, — говоритъ этотъ французскій путешественникъ,— собраны на отдѣльныхъ островахъ, какъ-то: ткачи на одномъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера на другомъ, кузнецы, дѣлатели циновокъ, гончары, токари и столяры на особыхъ островахъ. Ремесла ихъ никогда не смѣшиваются: каждое имѣетъ свой островъ“ [2]). Языкъ *малъ, малихъ* или *малки* есть нарѣчіе сингалезскаго, и полагаютъ, что жители архипелага урожденцы большого сосѣдняго острова (Цейлона), смѣшавшіеся съ элементами арабскими и африканскими, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ихъ преданія и различныя слова ихъ діалекта; кромѣ сингалезской азбуки и арабскихъ буквъ, они имѣютъ еще собственныя письмена. Кое-какіе остатки буддизма еще сохранились, хотя уже нѣсколько столѣтій тому назадъ островитяне были обращены въ магометанскую вѣру арабскими миссіонерами. Наслѣдственный султанъ „Двѣнадцати тысячъ острововъ“ находится подъ покровительствомъ цейлонскаго губернатора, которому онъ посылаетъ дань,

[1]) *Chr. Lassen* „Indische Alterthumskunde“.
[2]) „Voyage de François Pyrard“. Paris, 1619.

состоящую изъ раковинокъ каури, рыбы и лепешекъ. Визири, изъ которыхъ одинъ носитъ титулъ главнокомандующаго арміей, управляютъ страной отъ имени султана, и на каждомъ островѣ есть начальникъ, соединяющій въ своемъ лицѣ всѣ органы власти: онъ военачальникъ, мулла, судья, сборщикъ податей.

Атоллы группы Чагосъ составляютъ особый архипелагъ, отдѣленный отъ Малдивскихъ островов пространствомъ около 500 километровъ, пучины котораго имѣютъ до 5.000 метровъ глубины. Главная мель, кольцо которой развертывается по окружности длиною около 455 километровъ, не считая выступовъ и заливовъ, почти вся лежитъ подъ поверхностью водъ. Дарвинъ видитъ въ ней остатокъ земли, которая такъ быстро осѣла, что полипы строители не имѣли времени довести свою работу до поверхности воды, возводя слой за слоемъ. Какова бы ни была степень вѣроятности этой гипотезы, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что двѣ стороны атолла, восточная и южная, совершенно погружены подъ жидкою площадью толщиною отъ 8 до 100 метровъ; на сѣверѣ существуетъ только одинъ островъ, покрытый мелкимъ кустарникомъ,—островъ Нельсонъ, и наконецъ, шесть отрывковъ рифовъ, Три Брата, Орлиные острова, островъ Опасности, выступаютъ надъ поверхностью воды на западной стѣнѣ этой мели. Но другія кольца рифовъ, несравненно меньшихъ относительно размѣровъ, имѣютъ гораздо больше выступающихъ надъ водой земель: Соломоновъ атоллъ и атоллъ Перросъ-Баньосъ, лежащіе къ сѣверу отъ архипелага Чагосъ, заключаютъ въ себѣ соотвѣтственно 10 и 22 острова на своей кольцеобразной стѣнѣ; группа Эгмонта, къ юго-западу отъ большой мели Чагосъ, состоитъ изъ шести островов. Наконецъ, на юго-восточномъ углу атоллъ Діего-Гарсіа совершенно выступаетъ изъ подъ воды на семи десятыхъ своей окружности. Этотъ коралловый валъ неправильной и странной формы тянется въ видѣ двухъ узловатыхъ вѣтвей, имѣющихъ вмѣстѣ около 52 километровъ длины и не представляющихъ нигдѣ, кромѣ только сѣверо-западной оконечности, болѣе 1.000 метровъ ширины; три островка запираютъ отчасти сѣверную брешь, открывающуюся между двумя вѣтвями атолла.

Открытые португальцами, острова Чагосъ оставались необитаемыми до конца прошлаго столѣтія, хотя кокосовыя пальмы, осѣняющія эти плоскіе берега, манили иммигрантовъ. Въ 1791 году нѣкоторые плантаторы съ острова Иль-де-Франсъ или св. Маврикія первые основали тамъ нѣсколько поселеній для приготовленія кокосоваго масла, и съ той эпохи французы съ того же англійскаго острова постоянно эксплуатировали пальмовыя рощи на Діего-Гарсіа и на другихъ островахъ архипелага Чагосъ. Въ 1880 году съ острова Діего-Гарсіа было вывезено 680.000 литровъ кокосоваго масла. На эту же землю Діего, затерянную среди океана, ссылались прежде прокаженные съ Маскаренскихъ

острововъ [1]). Недавно невольники, а теперь наемные работники съ Мадагаскара и съ африканскаго континента населяютъ избушки, сгруппированныя тамъ и сямъ въ поселки на плоскихъ берегахъ. Пространство острововъ Чагосъ 192 квадр. километра; населеніе, въ 1871 году, 689 душъ. На одинъ Діего-Гарсіа приходится всѣ трети всего числа жителей архипелага; тѣмъ не менѣе, семейства тамъ рѣдки, такъ какъ плантаторы привезли очень мало женщинъ въ колонію. Трижды въ годъ корабли съ Маврикія посѣщаютъ островъ Діего-Гарсіа и черезъ каждые два года туда является представитель магистратуры, чтобы совершить судебный объѣздъ. Такимъ образомъ, архипелагъ Чагосъ, геологически принадлежащій къ Индіи, сдѣлался, по своему населенію, также какъ и въ политическомъ отношеніи, землей, зависящей отъ африканскаго континента. Ввозъ животныхъ и растительныхъ видовъ тоже сдѣлалъ островъ Діего-Гарсіа африканскою землей; горлицы и кардиналы, летающіе въ пальмовыхъ рощахъ этого острова, были привезены туда переселенцами съ Маврикія [2]).

Когда-нибудь, быть можетъ, островъ Діего-Гарсіа будетъ приносить другую пользу, кромѣ снабженія европейскихъ заводовъ кокосовымъ масломъ. Лагуна, которую окружаютъ двѣ вѣтви коралловаго вала, есть одна изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ гаваней въ свѣтѣ; суда имѣютъ доступъ въ нее черезъ два входа, изъ которыхъ одинъ можетъ давать проходъ кораблямъ самаго большого водоизмѣщенія; дно лагуны песчаное, а глубина воды отъ 20 до 30 метровъ. На берегахъ этого удобнаго и безопаснаго порта легко было бы устроить магазины, складъ каменнаго угля и морскія мастерскія для снабженія продовольствіемъ и починки кораблей.

Архипелагъ Чагосъ, лежащій къ югу отъ экваторіальной линіи, находится въ поясѣ юго-восточныхъ пассатовъ, но въ окружающихъ его областяхъ моря, вслѣдствіе перемѣны направленія воздушныхъ теченій въ прямо противоположное, потрясенія, совершающіяся въ атмосферѣ, имѣютъ особенно грозный характеръ. Лѣтомъ, когда юго-восточный муссонъ поворачиваетъ къ сѣверовостоку, переходя черезъ экваторъ, и образуетъ на берегахъ Малабара „муссонъ" по преимуществу, приносящій проливные тропическіе дожди, движенія воздуха довольно правильны; но въ другія времена года, и особенно въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ, по собраннымъ г. Бро (Brault) наблюденіямъ, вѣтры на островахъ Чагосъ отличаются наибольшимъ непостоянствомъ; они такъ же часто дуютъ съ запада, какъ и съ востока, и дѣлятся на неравные воздушные потоки, кружащіеся въ видѣ циклоновъ. Воздухъ въ эти періоды никогда

---

[1]) *Owen* „Journal of the Geographical Society of London", 1832.
[2]) „Proceedings of the Geographical Society of London", march 1882.

не бываетъ въ состояніи равновѣсія и внезапно устремляется то въ ту, то въ другую сторону, принося частые проливные дожди.

XVII.

Матеріальная и нравственная статистика Индіи.

По общей переписи, произведенной въ 1881 году, но окончательные результаты которой еще не были опубликованы въ концѣ 1882 г., народонаселеніе Индіи по сю сторону Ганга около 257 милліоновъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ Дардистанъ, Кашмиръ, Непалъ, Бутанъ, Цейлонъ, острова Лакедивскіе и Малдивскіе, независимыя и медіатизированныя государства, французскія и португальскія владѣнія, но исключая индо-китайскіе округа, лежащіе за Брамапутрой, Андаманскіе, Никобарскіе острова, англійскую Барманію и другія провинціи восточнаго полуострова, составляющія часть *British India* (Британской Индіи). Въ теченіе десятилѣтія, заключающагося между 1871 и 1881 годами, число жителей увеличилось, приблизительно, двѣнадцатью милліонами. Такимъ образомъ, болѣе шестой части всего народонаселенія земнаго шара собрано въ индо-гангскихъ земляхъ. Ни въ какомъ періодѣ своей исторіи Индія не была населена такими массами людей.

Вѣроятно, что въ періодъ пятидесяти лѣтъ населеніе Индіи по сю сторону Ганга удвоилось. Въ 1880 году статистики давали Полуострову сотню милліоновъ жителей. Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія суммарныя исчисленія опредѣляли въ 150, 180 или 200 милліоновъ число жителей Полуострова. Первая оффиціальная перепись, произведенная въ 1872 году, прибавила пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ къ этимъ огромнымъ толпамъ. По плотности, населеніе Индустана только немногимъ уступаетъ населенію Франціи, но оно возростаетъ въ гораздо болѣе значительной пропорціи, и даже въ самыхъ многолюдныхъ округахъ, гдѣ одна деревня непосредственно прикасается къ другой, число жителей продолжаетъ постоянно увеличиваться. Также какъ Японія и другія страны Азіи, статистика которыхъ была составлена тщательно, Индія представляетъ контрастъ со всѣми европейскими государствами по относительной пропорціи половъ. Тогда какъ въ Европѣ число женщинъ вездѣ превышаетъ число мужчинъ, въ Индустанѣ констатировано обратное явленіе: во время переписи 1872 года насчитали въ англійской Индіи немного больше 98 милліоновъ мужчинъ, противъ 92.600.000 женщинъ; разность, слѣдовательно, составляла, будто бы, около пяти съ половиною милліоновъ въ пользу мужскаго пола. Но, можетъ быть, эта значительная разность должна быть приписана отчасти ошибкамъ статистики; по даннымъ ея оказалось, что наибольшее численное превосходство мужчины

имѣютъ въ Пенджабѣ, провинціи, гдѣ магометане особенно многочисленны; производившіе перепись должны были почти вездѣ останавливаться у ревниво охраняемаго порога внутреннихъ покоевъ или гаремовъ. Что касается дѣтоубійства, благодаря которому еще не такъ давно въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Индіи, именно въ Раджпутанѣ, почти совсѣмъ не было дѣвочекъ, то всѣ оффиціальныя донесенія единогласно говорятъ, что этотъ обычай окончательно оставленъ. Согласно англійскимъ уставамъ, всякое селеніе, гдѣ число рождающихся дѣвочекъ составляло только треть общей рождаемости дѣтей, тѣмъ самымъ подпадало подъ строгій надзоръ полиціи. Еще въ 1871 году разность половъ въ Аджмирскомъ округѣ, который, нужно замѣтить, непосредственно подчиненъ англійскому управленію, составляла около одной шестой общаго числа жителей (именно мужчинъ насчитывалось 212.267, тогда какъ женщинъ только 184.064).

Среди несмѣтной толпы индусовъ англійскіе господа и повелители кажутся численно ничтожною горстью. За исключеніемъ пятидесяти тысячъ европейскихъ солдатъ и арміи чиновниковъ, представители господствующей расы, между которыми шотландцы составляютъ огромное относительное большинство, суть по бóльшей части плантаторы (хозяева чайныхъ или кофейныхъ плантацій), владѣльцы пріисковъ и копей, инженеры, механики; сверхъ того, немногочисленные туристы, очень рѣдкіе въ сравненіи съ огромною массой индусскаго народа, посѣщаютъ большіе города и мѣстности, славящіеся красотами природы или памятниками искусства. Перепись 1872 года насчитывала, кромѣ солдатъ и моряковъ, только 59.000 жителей, родившихся въ Великобританіи. Внѣ городовъ и элегантныхъ кварталовъ, въ массѣ людей, воздѣлывающихъ почву или переработывающихъ ея произведенія, есть португальцы смѣшанной крови, но англичанъ нѣтъ. Часто говорятъ объ Индіи, какъ о британской „колоніи", и такъ велика тираннія готовыхъ ходячихъ словъ, подставляемыхъ на мѣсто понятій, что на Индію указываютъ, какъ на блистательное доказательство „колонизаторскаго генія" „англо-саксовъ". Съ гораздо бóльшимъ основаніемъ можно было бы привести Полуостровъ по сю сторону Ганга въ примѣръ противоположнаго факта. На одномъ только островѣ Гваделупѣ больше „малыхъ бѣлыхъ", обработывающихъ землю, чѣмъ сколько наберется англичанъ, прилагающихъ руки къ заступу или плугу въ громадной англо-азіатской имперіи: число лицъ, занимающихся ручнымъ трудомъ, составляетъ только тридцать вторую часть англо-индійскаго населенія. Происходитъ это вовсе не отъ недостатка свободныхъ земель; напротивъ, въ Индіи достаточно мѣстностей, гдѣ англійскіе земледѣльцы могли бы безъ труда поселиться милліонами, подъ благопріятнымъ климатомъ. Конечно, спаленныя солнцемъ равнины Пятирѣчья и верхняго Ганга, болотистыя пространства Бенгаліи, безплодныя

плоскогорья Деккана не были бы удобны для европейскихъ колонистовъ; но сколько гималайскихъ долинъ, цирковъ въ Гатскихъ горахъ, плоскихъ возвышенностей въ массивахъ Чота-Нагпоръ, Ниль-Гири, Анамалахъ, гдѣ земледѣльцы могли бы легко акклиматизироваться и приняться за обработку почвы! Поверхность земель, гдѣ англичане могли бы основать новую Англію непосредственною эксплуатаціей почвы, по меньшей мѣрѣ равняется Великобританіи по протяженію, а плодородіе земель тамъ, вообще говоря, гораздо выше. Часто поднимался вопросъ о предоставленіи обширныхъ округовъ на Полуостровѣ по сю сторону Ганга въ распоряженіе европейскихъ колонистовъ, но всѣ подобные проекты были заранѣе обречены на неуспѣхъ. Средняя заработная плата чернорабочаго такъ низка, а трудъ англичанина, сравнительно, такъ щедро вознаграждается, что не могла бы установиться конкурренція между туземцами и колонистами. Если ужь китайцы, которые, какъ извѣстно, продаютъ свой трудъ за очень низкую цѣну, не могутъ оспаривать у индусовъ работу на плантаціяхъ, и по этой причинѣ встрѣчаются только въ городахъ, гдѣ они занимаются торговлей, то англійскіе переселенцы и подавно исключены отъ всякаго соперничества съ индусскими райотами: они если и принимаютъ участіе въ эксплуатаціи земель, то принимаютъ только въ качествѣ хозяевъ. Притомъ же, англичане, считающіе себя особенною кастой, посмотрѣли бы съ неудовольствіемъ на своихъ соотечественниковъ, компрометирующихъ ручнымъ трудомъ престижъ ихъ авторитета. Индія—завоеванная страна, а не колонія.

Въ прежнее время, именно до тѣхъ поръ, пока путешествія изъ Лондона въ Бомбей и Калькутту не сдѣлались относительно легкими, позволяя большинству служащихъ въ Индіи англичанъ самимъ ѣздить въ Европу искать себѣ женъ, списокъ пассажировъ, садившихся на корабли, отправлявшіеся въ Индію мимо Мыса Доброй Надежды, заключалъ въ себѣ на добрую часть имена молодыхъ дѣвушекъ, посылаемыхъ на поиски мужа. Въ наши дни чиновники и офицеры не проводятъ полжизни въ Индустанѣ безъ поѣздокъ въ метрополію, и „бѣлые города“ столицъ, также какъ санаторіи или лѣтнія резиденціи, Симла, Дера, Дарджилингъ, Махабалешваръ, Утакамундъ, напоминающіе города родины архитектурнымъ стилемъ зданій, группировкой массивовъ зелени, расположеніемъ садовъ и аллей, представляютъ какъ бы маленькія Англіи, имѣющія каждая свое дворянство и свою буржуазію, снабженныя молодыми дѣвушками въ количествѣ, достаточномъ для браковъ англо-индійцевъ.

Долгое время принимали, какъ неоспоримый фактъ, что англичане не могутъ окончательно акклиматизироваться въ Индіи и что ихъ дѣти должны быть отсылаемы въ раннемъ возрастѣ въ метрополію, чтобы избѣгнуть смерти. Опытъ послѣднихъ десятилѣтій доказалъ неосновательность

БУДДІЙСКІЕ ЖРЕЦЫ НА ЦЕЙЛОНѢ.

этого мнѣнія [1]). Конечно, иммигранты, родившіеся подъ холодными широтами Англіи или Шотландіи, подвергаются бо̀льшей опасности подъ знойнымъ климатомъ Индустана, нежели французы или особенно южные европейцы; въ особенности они должны опасаться диссентеріи и болотныхъ лихорадокъ, преимущественно въ аллювіальныхъ земляхъ и во всемъ бассейнѣ Инда. По суммарнымъ исчисленіямъ, смертность англичанъ доходила, будто бы, до трети новоприбывшихъ въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ ихъ пребыванія въ тропическомъ поясѣ, а десятилѣтній періодъ переживала только часть, мѐньшая половины общаго числа новоприбывшихъ. Вѣрны или нѣтъ эти утвержденія, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что значительная смертность европейцевъ, пріѣзжающихъ, однако, въ цвѣтѣ лѣтъ, происходитъ отъ неблагоразумія, съ какимъ они выставляютъ себя дѣйствію новаго климата, не измѣняя образа жизни, къ которому они привыкли въ сѣверныхъ странахъ [2]). Воспаленія печени—болѣзни, всего чаще поражающія европейцевъ Индіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, какова, напримѣръ, территорія Пондишерри [3]), прямо пропорціональны употребленію спиртуозныхъ напитковъ; чрезвычайно рѣдкія у туземцевъ, онѣ убиваютъ только иностранцевъ, привыкшихъ къ опьяняющимъ напиткамъ [4]); точно также подагра бываетъ исключительно только у хорошо откормленныхъ господъ страны, щадя воздержныхъ туземцевъ. Съ другой стороны, въ Индіи встрѣчаются многочисленные примѣры англичанъ и шотландцевъ, которые пользуются отличнымъ здоровьемъ въ своемъ новомъ отечествѣ и которые даже, благодаря лучшей пищѣ и болѣе разумной гигіенѣ, менѣе, чѣмъ туземные жители, страдаютъ отъ міазматическихъ лихорадокъ и эпидемій. Таблицы смертности, составленныя для европейскихъ солдатъ, доказываютъ, на сколько легче сдѣлались условія акклиматизаціи. Около половины настоящаго столѣтія европейскія войска въ Индіи, хотя уже пользовавшіяся несравненно болѣе заботливымъ уходомъ, нежели во время войнъ прошлаго вѣка, теряли еще каждый годъ одного человѣка на пятнадцать; но съ тѣхъ поръ процентъ смертности постоянно понижался, какъ показываютъ слѣдующія статистическія данныя.

Смертность англійскихъ солдатъ въ Индіи, по Френсису Гальтону:

1854 годъ	69	на 1.000 человѣкъ.
1861—1865 годы	29,30	„ „ „
1866—1870 „	27,48	„ „ „
1871—1875 „	18,50	„ „ „
1876 годъ	15,32	„ „ „
1877 годъ	12,71	„ „ „

[1]) *Clements Markham* „Travels in India and Peru“.
[2]) *Ernst Häckel* „Deutsche Rundschau“.
[3]) *Huillet; Mahé* „Géographie. Dictionnaire encyclopédique des sciences medicales“.
[4]) *Wernich* „Geographisch-medicinische Bilder“.

Опрятность лагерей, хорошее качество съѣстныхъ припасовъ и воды, чистый горный воздухъ спасали каждый годъ тысячи солдатъ. Въ настоящее время англо-индійская армія теряетъ, пропорціонально, меньше людей, нежели многія изъ европейскихъ армій, хотя ей часто приходится дѣлать утомительные походы въ болотистыхъ мѣстностяхъ или по жгучимъ пескамъ; процентъ смертности у этихъ иностранцевъ почти въ три раза меньше, чѣмъ среди массы туземцевъ. Часть арміи, состоящая изъ индусовъ, о которой, безъ сомнѣнія, менѣе заботятся, также теряетъ бо́льшее число людей, чѣмъ европейскія войска (смертность между собственно индусскимъ войскомъ составляла въ 1877 году 13,38 на 1.000 человѣкъ). Восточный фатализмъ тоже, можетъ быть, оказываетъ въ извѣстной мѣрѣ вліяніе на это усиленіе смертности среди туземнаго населенія.

Въ гражданской жизни можно указать многочисленные примѣры англійскихъ семействъ, дѣти которыхъ акклиматизировались безъ того, чтобы ихъ сила и здоровье пострадали при этомъ. Уже многія поколѣнія слѣдовали одно за другимъ въ различныхъ частяхъ Индіи, изъ чего нужно заключить, что англичанинъ, не только какъ индивидуумъ, но и какъ раса, можетъ жить на Полуостровѣ по сю сторону Ганга. Кажется, что индійскій климатъ опасенъ въ особенности для дѣтей; но утверждать этого съ достовѣрностью невозможно, такъ какъ огромное большинство родителей, принадлежащихъ къ классу богатыхъ чиновниковъ, высшихъ офицеровъ и „купцовъ-князей", посылаютъ своихъ сыновей и дочерей въ метрополію съ первыхъ годовъ дѣтства. Что̀ касается бѣдныхъ европейцевъ, женатыхъ на своихъ соотечественницахъ, то число ихъ не велико и, притомъ, они не могутъ давать своимъ дѣтямъ всѣхъ гигіеническихъ заботъ, которыя позволили бы народившемуся поколѣнію совершенно приспособиться къ средѣ. Вотъ почему акклиматизація англійской семьи составляетъ пока еще исключительный фактъ. Не взирая на свое болѣе чѣмъ вѣковое господство, британецъ все еще является иностранцемъ на берегахъ Ганга.

Помѣси или евразійцы (евро-азіатцы), т. е. европейцы по отцу, азіатцы по матери, лишь въ слабой степени способствуютъ укрѣпленію британскаго могущества, ибо они не считаются за англичанъ ни туземцами, ни бѣлыми, пріѣхавшими изъ Европы: они составляютъ отдѣльную касту, и касту не изъ самыхъ почетныхъ. Въ физическомъ отношеніи они вообще не отличаются ни силой англичанина, ни красотой индуса; въ нравственномъ, они, по бо́льшей части, имѣютъ наклонность къ хитрости и лжи, что̀ происходитъ, можетъ быть, отъ унизительнаго соціальнаго положенія, въ которомъ они находятся. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, передъ тѣмъ, какъ паръ сблизилъ Индію и Англію, они были болѣе уважаемы и болѣе счастливы, нежели въ наши дни. Тогда очень многіе изъ англійскихъ чиновниковъ связывали себя съ туземными

женщинами брачными узами, и оставляя своихъ дѣтей при себѣ, заботились объ обезпеченіи ихъ будущности. Въ настоящее же время англичанинъ, который женился бы на индускѣ, тѣмъ самымъ исключилъ бы себя изъ касты своихъ соотечественниковъ. Евразійцы, почти всѣ непризнаваемые своими отцами, живутъ въ бѣдности и безпомощномъ состояніи. Презираемые бѣлокожими властителями страны, ненавидимые темнокожими подданными, они должны ухищряться, чтобы создать себѣ между тѣми и другими положеніе, которое всегда остается шаткимъ. Тщеславясь, не смотря на все, тѣмъ, что въ жилахъ ихъ течетъ европейская кровь и очень заботящіеся о томъ, чтобы голова ихъ была украшена шляпой,—что̀ и подало поводъ дать имъ прозвище „шляпниковъ“ (*топасъ* или *топикаренъ*),—они считаютъ унизительнымъ для себя всякій ручной трудъ, и тѣ изъ нихъ, которымъ не посчастливилось занять мѣста писцовъ, приказчиковъ, конторщиковъ или толмачей, и такимъ образомъ пристроиться около касты повелителей страны, впадаютъ часто въ крайнюю нищету или добываютъ себѣ средства къ существованію предосудительными ремеслами. Послѣ возстанія сипаевъ, когда евразійцы, угрожаемые какъ и англичане, сражались рядомъ съ ними, нѣкоторая солидарность установилась на минуту между бѣлокожими и метисами; но эта дружба продолжалась только до тѣхъ поръ, пока существовала общая опасность, и теперь богатые индусы и парсы имѣютъ гораздо болѣе шансовъ, чѣмъ евразійцы, быть облагодѣтельствованными судьбой въ распредѣленіи должностей и почестей. Эти полу-соплеменники доставляютъ не мало хлопотъ индійскому правительству; впрочемъ, они составляютъ лишь незначительную часть народонаселенія; общее число метисовъ всякаго происхожденія, англійскаго, португальскаго, французскаго, не превышаетъ полумилліона на всемъ Полуостровѣ по сю сторону Ганга, что̀ не составитъ даже одного на пятьсотъ туземцевъ. Португальскіе евразійцы, пропорціонально, самые многочисленные между помѣсями, и какъ классъ, существуютъ уже въ теченіи достаточно большого числа поколѣній, чтобы научиться тяжелымъ опытомъ, что трудъ не позоритъ человѣка; не считая себя призванными къ исполненію профессій, называемыхъ либеральными, они дѣлаются поварами, кучерами, лодочниками. Впрочемъ, лицомъ они такъ же черны, какъ и индусы, и отличаются отъ послѣднихъ только покроемъ платья. Евреи, поселившіеся во многихъ городахъ западнаго берега Индустана за нѣсколько столѣтій до прибытія португальцевъ, лучше сохранили свой типъ, благодаря чистотѣ крови и поддерживанію наслѣдственныхъ профессій.

Такъ какъ большинство англичанъ живетъ въ Индіи лишь временными резидентами, а евразійцы недостаточно многочисленны, чтобы образовать дѣйствительно важный этническій элементъ, то приращеніе народонаселенія приходится почти всецѣло на долю индусовъ различныхъ

расъ, коларійцевъ, арійцевъ или дравидійцевъ. На Полуостровѣ безбрачіе не устраняетъ отъ семьи, какъ у народовъ Запада, болѣе трети народонаселенія; въ Индіи всѣ вступаютъ въ бракъ, и почти всѣ женщины имѣютъ дѣтей, впрочемъ, въ меньшемъ числѣ, чѣмъ сколько могли

Цейлонскія еврейки.

бы имѣть, если бы браки были болѣе поздніе. Въ большинствѣ случаевъ, брачные союзы заключаются, когда супруги еще не сформировались, въ возрастѣ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ; почти всѣ молодые люди, слушающіе лекціи въ университетахъ въ Калькуттѣ, Лагорѣ, Мадрасѣ, уже

отцы семейства. Случаи большой плодовитости рѣдки между индусами; тѣмъ не менѣе, если бы смертность отъ оспы и другихъ болѣзней не свирѣпствовала среди грудныхъ дѣтей, число жителей могло бы удвоиваться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ; но крайняя бѣдность двухсот милліоновъ индусовъ и дурныя гигіеническія условія обрекаютъ на смерть въ раннемъ возрастѣ болѣе половины каждаго новаго поколѣнія, и приростъ народонаселенія, какъ онъ ни значителенъ повидимому, остается пропорціонально меньше прироста многихъ націй Европы и Америки. Эмиграція тоже уменьшаетъ его до нѣкоторой степени. Индія посылаетъ заграницу больше людей, чѣмъ сколько сама получаетъ путемъ иммиграціи; правда, что огромное большинство колонистовъ, которыхъ она даетъ отдаленнымъ странамъ, свободны лишь по имени: это куліи, т. е. наемные рабочіе.

Общее число выселившихся индусовъ простирается до полумилліона слишкомъ. Въ періодъ съ 1842 по 1875 годъ англійская Индія дала заатлантическимъ колоніямъ 587.650 куліевъ; въ одномъ только 1858 году островъ св. Маврикія и другія колоніи получили 46.000 индійскихъ работниковъ; но болѣзни жестоко свирѣпствуютъ среди этихъ несчастныхъ эмигрантовъ, лишенныхъ семьи по бо̀льшей части, безъ друзей и безъ всякихъ рессуровъ на чужой сторонѣ. Санталы, ораоны, коларійцы изъ области Чота-Нагпоръ, между которыми сначала вербовали толпу куліевъ, гибли на чужбинѣ десятками тысячъ; островъ Маврикія получилъ въ теченіи тридцатилѣтняго періода, съ 1842 по 1872 годъ, болѣе 350.000 индусовъ, изъ которыхъ осталось въ живыхъ только двѣ пятыхъ.

Число индусовъ-куліевъ въ европейскихъ колоніяхъ, исключая испанскихъ Антильскихъ островоовъ и Мыса Доброй Надежды—535.406.

На о. св. Маврикія . .	141.309	На Ямайкѣ	15.134
Въ Демерарѣ.	53.786	„ Гваделупѣ	13.544
На о. Соединенія . . .	43.193	„ Мартиникѣ.	10.000
На о. Тринидадѣ . . .	25.852	Въ Суринамѣ	4.829
Въ Наталѣ	17.862	„ Кайеннѣ	4.272

Теперь большинство эмигрантовъ состоитъ изъ уроженцевъ области Бехаръ, окрестностей Бенареса и Коромандельскаго берега; благодаря тому, что съ ними лучше обращаются, чѣмъ съ первыми „наемниками“, они не гибнутъ на чужбинѣ въ столь большомъ числѣ и многіе изъ нихъ возвращаются на родину съ маленькимъ сбереженіемъ, которое обезпечиваетъ ихъ отъ нужды. Всего лучше успѣваютъ устроиться на чужой сторонѣ не куліи, отправляющіеся работать на плантаторовъ въ европейскихъ колоніяхъ, а клинги, телугу и тамилы, эмигрирующіе въ Барманію и другія страны Индо-Китая.

Въ этомъ взаимодѣйствіи демографическихъ явленій: иммиграцій и эмиграцій извнѣ и извнутри, нормальнаго прироста вслѣдствіе излишка

рожденій, мѣстныхъ уменьшеній вслѣдствіе избытка смертныхъ случаевъ, одно несомнѣнно—это то, что увеличеніе народонаселенія вездѣ происходитъ въ пользу тѣхъ, которыхъ называютъ арійцами, каковы бы, впрочемъ, ни были ихъ первоначальная раса и исповѣдуемые ими культы. Населенія различныхъ происхожденій, принадлежащія, по сродству своихъ діалектовъ, къ арійскому міру, составляютъ четыре пятыхъ общаго числа жителей, и это численное отношеніе безпрестанно измѣняется въ ихъ пользу, благодаря выгодамъ, которыя имъ обезпечиваютъ почва болѣе плодородная, климатъ болѣе умѣренный и болѣе правильный въ своихъ перемѣнахъ температуры, а также болѣе удобные пути сообщенія. Потомки аборигеновъ Ауда, Бехара, Бенгаліи „индіанизировались“ по бо̀льшей части; точно также туземцы племени бгиль, мгайръ, гондъ, санталъ, бодо изъ Раджпутаны, изъ центральныхъ провинцій, изъ Чота-Нагпора, изъ Качара превращаются постепенно въ индусовъ по нравамъ и языку. Общее число „дикарей“ Полуострова, простирающееся еще, по приблизительному исчисленію, до десятка милліоновъ душъ, уменьшается съ каждымъ годомъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ округахъ по причинѣ избытка смертности надъ рожденіями, но главнымъ образомъ вслѣдствіе постоянныхъ захватовъ цивилизованнаго міра въ области міра варварскаго. Что̀ касается населеній, называемыхъ дравидскими по общему происхожденію идіомовъ, которыми они говорятъ, то цѣлая половина занимаемой ими территоріи представляетъ плоскогорье, мало плодородное и недостаточно орошаемое, а въ многолюдной области морскаго прибрежья излишекъ населенія уносится эмиграціей.

Всѣ отличительные признаки расъ представлены въ этихъ массахъ людей, составляющихъ въ совокупности около пятой части всего человѣческаго рода; но господствующимъ типомъ является несомнѣнно тотъ, который всего болѣе знакомъ европейцамъ: гибкіе члены, тонкія, сухопарыя ноги, чисто овальный окладъ лица, правильныя черты, обрамленныя черными, вьющимися волосами, цвѣтъ кожи, варьирующій отъ смуглаго цвѣта итальянца до чернаго цвѣта араба, взглядъ умный, ротъ скромный, ансамбль физіономіи кроткій и недовѣрчивый. У индуса меньше мускульной силы, нежели у европейца, но за то у него больше граціи и ловкости; въ среднемъ, онъ также и красивѣе европейца: есть цѣлыя провинціи, гдѣ всѣ женщины отличаются въ одно и то же время правильностью и прелестью чертъ; только всемогущій обычай заставляетъ ихъ уродовать себя, разрисовывая себѣ лицо, вытягивая уши тяжелыми серьгами, продѣвая себѣ въ ноздрю металлическое кольцо; въ полуденной Индіи не рѣдкость встрѣтить женщинъ, которыя съ трудомъ ходятъ подъ тяжестью металлическихъ украшеній, достигающихъ 12 килограммовъ (около 30 фунтовъ) вѣсу. Что̀ касается нравственнаго характера туземцевъ, то весьма естественно, что властители страны упрекаютъ

ихъ въ порокахъ, вина за которые должна падать на самихъ завоевателей; они обвиняютъ своихъ подданныхъ въ трусости, лукавствѣ, лживости, т. е. въ имѣніи недостатковъ, которые порождаются рабствомъ и отъ которыхъ излечиваетъ равенство. По крайней мѣрѣ, за индусами все-таки остаются многія хорошія качества: воздержность, терпѣніе, неутомимость въ трудѣ, любовь къ ученью и память о прошломъ, залогъ будущаго подъема.

Большую физическую слабость индусовъ, въ сравненіи съ англичанами, хотѣли-было объяснить употребленіемъ первыми спеціально растительной пищи; но различія всякаго рода, въ условіяхъ наслѣдственности и въ образѣ жизни, слишкомъ многочисленны между двумя народами, чтобы можно было опредѣлить съ полною достовѣрностью причины контраста въ физическомъ отношеніи. Во-первыхъ, ошибочно было бы видѣть въ послѣдователяхъ индусскихъ религій строгихъ вегетаріанцевъ. Почти всѣ они ѣдятъ молоко и масло; тѣ, которые живутъ на морскомъ прибрежьи и по берегамъ рѣкъ, питаются рыбой. Одинъ только родъ мяса запрещенъ—это говядина. Но, исключая этого закона, всѣми уважаемаго, преобладаютъ самые разнообразные обычаи относительно гигіены. Большинство индусовъ воздерживается отъ употребленія въ пищу свинины и домашней птицы, но они могутъ ѣсть мясо овецъ и козъ; другимъ дозволено употребленіе почти всякаго рода мясной пищи. Въ нѣкоторыхъ округахъ женщины пользуются въ отношеніи пищи тѣми же привилегіями, какъ и мужчины, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ мясо имъ запрещено. Что̀ касается вдовъ, то онѣ всѣ, безъ исключенія, подчинены правиламъ воздержанія отъ мясной пищи. Замѣчено, что по духу оппозиціи, примѣры котораго представляютъ всѣ секты, мусульмане Индіи повинуются, въ отношеніи пищи и внѣшней жизни, законамъ, составляющимъ совершенную противоположность тѣмъ, которымъ подчиняются индусы.

Хлѣбныя растенія, служащія для ежедневнаго питанія, различны, смотря по мѣстностямъ: въ области дельты Ганга, въ Бехарѣ и вдоль морскаго прибрежья ѣдятъ преимущественно рисъ, чистый или смѣшанный съ кукурузой; на плоскогорьяхъ—ячмень и различные виды проса, *раги*, *джовари*, *баджри*, растущіе на довольно сухой почвѣ; въ сѣверныхъ провинціяхъ—пшеницу; наконецъ, въ Кочинѣ, Траванкорѣ, Мадурѣ есть населенія, которыя питаются исключительно продуктами пальмы, отростками, плодами и сокомъ, свѣжимъ или перебродившимъ. По употребленію въ пищу того или другого рода хлѣба, народонаселеніе Индіи дѣлится слѣдующимъ образомъ:

Питающихся рисомъ	75.000.000
„ пшеницей	80.000.000
„ ячменемъ и просомъ	100.000.000

Населеніе главнаго пояса пшеницы, т. е. Пенджаба и верхняго бассейна рѣкъ Ганга и Джамны, представляетъ, сравнительно съ другими частями Полуострова, наиболѣе сильную и выносливую расу, потому ли, что тамъ пища болѣе укрѣпляющая, или, можетъ быть, потому, что тамъ кровь жителей часто обновлялась смѣшеніемъ съ завоевателями, спускавшимися въ равнины съ плоскихъ возвышенностей запада, или, наконецъ, вѣрнѣе всего, потому, что почва, лучше воздѣлываемая и лучше защищенная отъ посягательствъ земиндаровъ, болѣе щедро прокармливаетъ „братства", которыя ею владѣютъ. Статистика обнаружила тотъ капитальный фактъ, что двѣсти милліоновъ индусовъ должны обманывать свой голодъ пищею, совершенно недостаточною. Съѣстные припасы дешевы, но туземцы имѣютъ только нѣсколько сантимовъ въ день, чтобы пріобрѣсти себѣ необходимое, и потому постоянно живутъ впроголодь. Средняя заработная плата индійскаго земледѣльца 60 сантимовъ въ день; крайніе же размѣры ея—10 сантимовъ и 2½ франка [1]). Какъ не быть людямъ слабыми тѣломъ и здоровьемъ при такомъ ничтожномъ размѣрѣ заработка!

Эпидеміи находятъ себѣ обильную жатву среди этихъ истощенныхъ населеній. Холера, которая изъ Индіи иногда устремлялась на остальной міръ, чтобы сдѣлать тамъ такія страшныя опустошенія, постоянно свирѣпствуетъ въ городахъ Полуострова, и англійское правительство вынуждено установлять санитарный кордонъ вокругъ мѣстъ ярмарочнаго торга и пилигримства, чтобы воспрепятствовать распространенію этого ужаснаго бича. Элефантіазисъ (бугорчатая, слоновья проказа), въ различныхъ ея формахъ, очень распространена въ Индіи; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ двадцатая часть населенія поражена этимъ недугомъ. Ни въ одной странѣ нѣтъ такого множества прокаженныхъ; въ 1872 году ихъ насчитывали слишкомъ 102.000 въ непосредственныхъ владѣніяхъ Великобританіи [2]). Между индусскими населеніями средняя смертность на цѣлую треть превосходитъ смертность жителей Западной Европы (средняя смертность въ Индіи, по Гунтеру, составляетъ 32,57 на 1.000). Но хотя болѣзни эндемическія и эпидемическія каждый годъ уносятъ людей, которые при достаточной пищѣ остались бы въ живыхъ, народное воображеніе поражаютъ въ особенности голода̀, отъ которыхъ иногда въ одной только провинціи погибаетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ четверть или даже треть населенія. „Голода̀ составляютъ одно изъ учрежденій Индіи", обыкновенно говорятъ тамошніе администраторы. Съ 1771 года, въ которомъ десять милліоновъ человѣкъ умерли отъ голода въ Бенгаліи и Бехарѣ, насчитываютъ двадцать одинъ большой голодъ,

---

[1]) *Cl. Markham* „East India Progress and Condition".
[2]) *Mahé* „Géographie, Dictionnaire encyclopedique des sciences medicales".

постигшихъ страну въ разное время, и восемь изъ этихъ народныхъ бѣдствій похищали свои жертвы милліонами. Въ два послѣднія десятилѣтія четыре голода опустошили различныя провинціи Полуострова. Въ 1866 году орисскій край потерялъ болѣе милліона жителей, т. е. четверть своего населенія. Въ 1868 году, по приблизительному исчисленію, въ одномъ Пенджабѣ пало жертвой голода 1.200.000 человѣкъ и втрое больше погибло внѣ собственно англійской территоріи, въ Раджпутанѣ и въ государствахъ нагорья. Въ 1874 году катастрофа разразилась надъ низменною равниной Ганга, а три года спустя надъ Декканомъ. До какой цифры простиралось число умершихъ голодною смертью? До 1.350,000, говорятъ англійскіе документы, но никакая статистика не принимала въ разсчетъ несчастныхъ, павшихъ жертвой голода въ Гайдарабадскомъ царствѣ и въ Майсурѣ: на улицахъ ежедневно подбирали десятками трупы умершихъ отъ голода; нѣкоторые округа̀, именно тѣ, которые окружаютъ Биджапуръ и Каладжи, были обезлюднены. Общее уменьшеніе народонаселенія въ двухъ президентствахъ: Мадрасскомъ и Бомбейскомъ и въ Майсурѣ простиралось, въ періодъ съ 1872 по 1881 годъ, до 1.682.575 человѣкъ, а между тѣмъ, въ самомъ городѣ Бомбеѣ, на всемъ сосѣднемъ прибрежьѣ и въ южныхъ округахъ Мадрасскаго президентства число жителей значительно увеличилось въ этотъ промежутокъ времени. Принимая въ разсчетъ также убыль населенія въ Гайдарабадскомъ королевствѣ, можно заключить съ большою вѣроятностью, что голодъ 1877 года унесъ въ могилу не менѣе четырехъ милліоновъ человѣкъ. И въ то самое время, когда такое множество несчастныхъ погибало отъ недостатка пищи, калькуттскій портъ продолжалъ отправлять хлѣбъ заграницу въ значительныхъ количествахъ; голодавшіе туземцы были слишкомъ бѣдны, чтобы купить себѣ хлѣба, который спасъ бы ихъ отъ смерти [1]). Впрочемъ, къ концу голодовъ 1874 и 1877 годовъ правительство приняло мѣры къ покупкѣ и раздачѣ голодающимъ разнаго рода хлѣба; въ особенности оно озаботилось организаціей общественныхъ работъ, предпринятыхъ въ видахъ оказанія помощи бѣдствующему населенію, каковы: постройка большихъ дорогъ, каналовъ и желѣзныхъ путей; съ 1874 и по 1877 годъ расходы на этотъ предметъ простирались до 400 милліоновъ франковъ [2]).

Огромное большинство народонаселенія въ Индіи по сю сторону Ганга состоитъ изъ земледѣльцевъ. Объ этомъ можно судить по переписи 1872 года, которая перечисляетъ 1.400 городовъ съ 5.000 жителей и болѣе, имѣющихъ въ совокупности около 18 милліоновъ резидентовъ; эта цифра не составитъ даже десятой части индусовъ населяющихъ британскія

[1]) *Richard Temple* „India as it is“.
[2]) „Board of Trade Returns“, 1877—1878.

владѣнія. Ни одинъ изъ городовъ Полуострова не насчитываетъ милліона жителей, а числовая разность между полами въ главныхъ городахъ, каковы Бомбей и Калькутта, показываетъ, что треть городскаго населенія состоитъ изъ временныхъ иммигрантовъ.

Численное отношеніе половъ въ Калькуттѣ и въ Бомбеѣ по переписи 1881 года:

Калькутта	100 женщинъ;	165 мужчинъ.
Бомбей	100 „	151 „

Слишкомъ 240.000 селеній имѣли менѣе 200 жителей, 200.000 другихъ селъ и деревень отъ 200 до 1.000 душъ и въ 32.130 мѣстечкахъ цифра населенія варьировала между 1.000 и 3.000 душъ. Притомъ, между городами и мѣстечками много есть такихъ, гдѣ каждый домъ имѣетъ свой садъ и гдѣ культура земли составляетъ почти исключительное занятіе всѣхъ жителей; многія городскія поселенія суть не что̀ иное, какъ группы деревень, раздѣленныхъ полями. Какъ во всѣхъ торговыхъ странахъ, городскія поселенія Индіи увеличились въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, но это возрастаніе совершалось медленно, и земледѣльческій классъ, по численности, все еще составляетъ девять десятыхъ народонаселенія. Бенгальское президентство, гдѣ находится столица имперіи, есть въ то же время провинція, въ которой сельское населеніе имѣетъ, сравнительно, наибо̀льшій численный перевѣсъ надъ горожанами. Даже деревенскіе ремесленники могутъ быть разсматриваемы, какъ члены земледѣльческаго класса; они работаютъ для поселянъ и непосредственно вознаграждаются ими за свой трудъ, какъ служащіе сельской общины.

Изъ опубликованныхъ англійскимъ правительствомъ статистическихъ свѣдѣній, впрочемъ, неполныхъ, видно, что въ настоящее время самое большое только одна треть пространства Индіи находится въ культурѣ. Безъ сомнѣнія, крутыя скалы Гималайскихъ горъ, нѣкоторыя части „пустыни“ Таръ и плоскогорій Деккана были бы неудобны для обработки плугомъ; но на двухъ третяхъ почвы, которыя еще остаются необработанными, сколько обширныхъ пространствъ могли бы быть еще завоеваны для земледѣлія, или путемъ искусственнаго орошенія, или посредствомъ осушки болотистыхъ мѣстностей, или, наконецъ, простою расчисткой подъ пашни джунглей! И, однако, во многихъ округахъ земледѣльцу уже мало мѣста: въ иныхъ чрезмѣрно населенныхъ мѣстностяхъ земля раздроблена до безконечности, и участокъ, приходящійся на долю каждаго хлѣбопашца, или въ видѣ собственности, или въ видѣ аренды, недостаточенъ для его прокормленія и для уплаты податей и повинностей. По мѣрѣ того, какъ плодородныя поля дѣлаются болѣе и болѣе рѣдкими для возростающаго народонаселенія, цѣна земли поднимается, и райотъ, платитъ теперь за землю посредственнаго качества дороже, чѣмъ сколько онъ прежде платилъ за отличную почву. Такимъ образомъ продолжается

КАНДИ НА ЦЕЙЛОНѢ.

и усиливается нужда. Но земледѣльческій трудъ вездѣ производится съ большимъ стараніемъ: крестьянинъ умѣетъ утилизировать землю такъ, что она даетъ ему два или три урожая въ годъ; ему не безъизвѣстно, что слѣдуетъ вести плодоперемѣнное хозяйство, чтобы не истощать полей; онъ знаетъ пользу унавоживанія и вообще искусственнаго удобренія почвы, и очень искусно направляетъ струйки воды на поля, которыя нуждаются въ орошеніи.

Послѣ хлѣбныхъ злаковъ, которые въ урожайные годы увеличиваютъ размѣры отпуска заграницу, первое мѣсто между земледѣльческими произведеніями Индіи, въ торговомъ отношеніи, занимаетъ опіумъ, который, если не по дѣйствительной своей цѣнности, то, по крайней мѣрѣ, по искусственной цѣнѣ, обусловливаемой монополіей, даетъ поводъ къ наиболѣе обширному движенію внѣшней торговли государства. Макъ для опіума сѣютъ преимущественно въ равнинѣ Ганга, вокругъ Бенареса и Патны, и на плоскогорьяхъ Мальвы; въ Раджпутанѣ, въ Пенджабѣ, въ центральныхъ провинціяхъ еще можно встрѣтить кое-гдѣ поля, засѣянныя макомъ, но во всѣхъ другихъ мѣстахъ воздѣлываніе этого растенія воспрещено; въ округахъ, непосредственно зависящихъ отъ Индійской имперіи, культура опіума производится не иначе, какъ на авансы, выдаваемые правительствомъ; что̀ касается мака съ плоскогорій Мальвы, то онъ поступаетъ въ склады лишь по оплатѣ пошлиной въ количествѣ 1.500 франковъ за ящикъ. Торговая цѣна этого зелья, вывозимаго всею массой въ Индо-Китай и въ Китай, простирается до 300 милліоновъ франковъ въ годъ, а чистая прибыль, для казны, составляетъ около 225 милліоновъ, превышая слишкомъ въ два раза ту сумму, которую выручало правительство отъ этой торговли въ ту эпоху, когда оно объявило Китаю „войну изъ за опіума“, чтобы принудить желтолицыхъ сыновъ Срединной имперіи покупать гибельное наркотическое средство.

Сборъ хлопка занимаетъ лишь второе мѣсто по цѣнности экспорта, и годовыя колебанія продажи этого продукта заграницу весьма значительны. Во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ вывозъ хлопка изъ Индіи разомъ поднялся въ четыре года съ 75 милліоновъ до громадной суммы 925 милліоновъ франковъ; но послѣ американской войны онъ быстро упалъ, и въ настоящее время колеблется между 200 и 300 милліонами въ годъ (отпускъ хлопка изъ Индіи въ теченіе 1879 — 1880 фискальнаго года 199.103.145 килограммовъ; цѣнность 278.636.325 франк.). Культура этого растенія на Полуостровѣ простирается на пространствѣ слишкомъ 4 милліоновъ гектаровъ. Остъ-индскій хлопокъ цѣнится гораздо ниже хлопка изъ Соединенныхъ Штатовъ, потому что онъ короче волокномъ и не такъ чистъ, содержитъ много посторонней примѣси; впрочемъ, теперь уже во многихъ округахъ Бомбейскаго президентства туземное растеніе замѣнено американскими разновидностями.

Изъ всѣхъ родовъ почвы, наиболѣе благопріятною для культуры хлопчатника считается такъ называемый *регаръ* на плоскогорьяхъ Деккана, черноватая земля, наполняющая углубленія въ формаціи траппа; но ее находятъ также, и, притомъ, обширными пространствами, въ Карнатикѣ, гдѣ она образовалась вслѣдствіе разложенія гнейса и гранита. Этотъ родъ почвы нигдѣ не встрѣчается въ аллювіальныхъ равнинахъ Ганга или Инда [1]).

Напротивъ, джутъ, прядильное растеніе, наиболѣе утилизируемое изъ всѣхъ техническихъ растеній Индіи послѣ хлопка, всего успѣшнѣе произрастаетъ на намывныхъ земляхъ рѣчныхъ береговъ, и преимущественно на такъ называемыхъ „*чарахъ*“, или наносныхъ, образующихся изъ ила, островкахъ новой формаціи: его сѣютъ почти только въ Сѣверной и Восточной Бенгаліи, въ особенности на берегахъ Брамапутры. Джутъ, воздѣлываніемъ котораго занимаются почти исключительно мелкіе земельные собственники, есть одна изъ культуръ, наиболѣе обогатившихъ производителя. (Сборъ джута въ теченіе фискальнаго 1878—1879 года далъ 310.691 тонну; цѣнность вывоза въ этомъ году простиралась до 95.000.000 франковъ). Нельзя сказать того же о культурѣ индиговаго дерева. Еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія это промышленное растеніе доставляло негоціантамъ Бенгаліи ихъ главную статью экспорта, но рабство, которому плантаторы подчинили крестьянъ, повело къ бунтамъ и даже къ маленькимъ мѣстнымъ войнамъ, которыя разорили самую промышленность: въ сельскихъ мѣстностяхъ нижней Бенгаліи повсюду встрѣчаются развалины разрушенныхъ индиговыхъ заводовъ. Все болѣе и болѣе распространяющееся употребленіе анилиновыхъ красокъ обезкуражило плантаторовъ, но имъ нечего опасаться, что „синтезъ“ индиго, открытый Бейеромъ, позволитъ промышленникамъ непосредственно фабриковать красящее вещество. Культура индиго удержалась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, именно въ Бехарѣ и въ Мадрасскомъ президентствѣ; тамъ ею занимаются мелкіе землевладѣльцы, которые воздѣлываютъ растеніе и приготовляютъ кубовую краску. Вывозъ индиго въ 1879—1880 годахъ 5.083 тонны; цѣнность 36.685.850 франковъ.

Вмѣсто покинутыхъ индиговыхъ плантацій, возникли другія большія плантаціи. Табакъ, культура котораго была введена въ бассейнѣ Ганга въ началѣ семнадцатаго столѣтія, въ царствованіе султана Акбара, получилъ недавно значительную важность въ сельско-хозяйственной промышленности Индіи; табачныя поля простираются на Полуостровѣ на пространствѣ слишкомъ 200.000 гектаровъ; лучшій табакъ даютъ слѣдующія мѣстности: Тирхутъ, Коконада и острова рѣки Годавери, окрестности Диндигуля и Тричинаполи. Въ послѣднія тридцать лѣтъ Индія

[1]) *H. Blanford* „Physical Geography of India“.

сдѣлалась страной, которая, послѣ Китая, производитъ наибольшее количество чая; Срединная имперія теперь уже не пользуется монополіей этого продукта, и весьма возможно, что въ близкомъ будущемъ Индія даже опередитъ ее по годовой цѣнности вывоза чая. Въ 1870 году Англія получила изъ Индіи количество чая, составлявшее только десятую часть ея (Англіи) годоваго потребленія этого продукта; десять лѣтъ спустя, въ 1880 году, она купила у нея уже треть своего потребленія. Отъ 600 до 2.000 метровъ средней высоты, „чайные сады“ покрываютъ склоны Гималая, въ доарахъ Бутана, въ Сиккимѣ, Кангрѣ, Кумаонѣ, Гарвалѣ, и число ихъ все болѣе и болѣе увеличивается въ горахъ Ассама, въ Чота-Нагпорѣ, на Ниль-Гири и горахъ Курга и Вайнада, наконецъ, на островѣ Цейлонѣ и въ англійскихъ владѣніяхъ Индо-Китая. Лучшіе продукты получаются изъ Кангры, и по достоинству, говорятъ, не уступаютъ самымъ высокимъ сортамъ китайскаго чая; но наиболѣе обширное развитіе эта отрасль земледѣлія получила въ Ассамѣ, гдѣ были основаны первыя плантаціи: тамошній сборъ чая представляетъ половину всего индійскаго производства. Въ 1882 году сборъ чая въ Индіи простирался до 28.400.000 килограммовъ, цѣнность которыхъ равнялась 100.000.000 франковъ. Въ Южной Индіи и на островѣ Цейлонѣ плантаціи кофейнаго дерева соотвѣтствуютъ плантаціямъ чайнаго деревца въ сѣверныхъ провинціяхъ. Склоны Гатовъ, нѣкоторыя части плоскогорья Майсуръ, Вайнадъ и въ особенности страна Кургъ и островъ Цейлонъ покрыты кофейными плантаціями въ горномъ поясѣ. Кофейное дерево было введено на Полуостровѣ не европейцами, какъ чайное деревцо: оно было привезено въ 1560 году однимъ пилигримомъ, возвращавшимся изъ Мекки; но только англичане дали этой культурѣ ея теперешнюю экономическую важность. Общій сборъ кофе представляетъ, по цѣнности, около 140 милліоновъ франковъ, причемъ болѣе трехъ четвертей этой суммы приходится на островъ Цейлонъ; но кажется, что тамъ именно, на Цейлонѣ, болѣзни кофейнаго дерева болѣе чѣмъ гдѣ-либо угрожаютъ будущности плантацій. Сборъ кофе въ 1878 году:

Въ континентальной Индіи	15.020.000	килограм.
На островѣ Цейлонѣ	50.800.000	„
Всего . . .	65.820.000	кигограм.

Другія культуры мало прибавляютъ къ богатствамъ Индустана; но сколько есть растеній, пищевыхъ и промышленныхъ, по воздѣлыванію которыхъ Индія могла бы соперничать съ другими производящими ихъ странами!

Распашки новыхъ земель во многихъ мѣстахъ совершенно измѣнили видъ страны. Почти во всѣхъ мало населенныхъ округахъ земледѣльцы ведутъ кочевой образъ жизни: они выжигаютъ лѣсъ или джунгль, бросаютъ

зерно въ пепелъ и собираютъ нѣсколько урожаевъ; затѣмъ, когда производительная сила почвы истощилась, отправляются въ другое мѣсто зажигать пустошь. Такимъ образомъ обширныя пространства были совершенно обезлѣсены. Но во многихъ густо населенныхъ областяхъ истребленіе лѣсовъ, болѣе методическое, есть въ то же время болѣе вѣрное: поля вездѣ замѣняютъ лѣсныя поросли. Въ нѣкоторыхъ частяхъ возвышенныхъ равнинъ Ганга и Джамны теперь уже не увидишь ни одного дерева. На Декканскомъ плоскогорьѣ можно путешествовать по цѣлымъ днямъ черезъ сельскія мѣстности, лишенныя всякой тѣни, и тамъ новое разведеніе лѣсовъ было бы очень трудно: разъ срубленныя, деревья плохо принимаются вновь на скалѣ почти голой. Лѣса южной части Гатскихъ горъ, въ Кургѣ, Вайнадѣ, Кочинѣ, Траванкорѣ были выпустошены, къ великому вреду почвы, которая покрылась рытвинами и оврагами подъ дѣйствіемъ дождей. Правильнымъ облѣсеніемъ мѣстностей безъ культуры стали заниматься лишь съ 1860 года; въ эту эпоху лѣсныя страны были поставлены подъ непосредственный надзоръ правительства; варварскій и хищническій способъ земледѣлія посредствомъ выжиганія лѣсныхъ порослей былъ воспрещенъ, и тамъ и сямъ начался трудъ возстановленія безразсудно уничтоженныхъ лѣсныхъ богатствъ. На склонахъ Гималаевъ, каждый санитарный городъ окружилъ себя фруктовыми садами и парками, гдѣ разведены преимущественно европейскія породы деревъ. Въ Пенджабѣ, по берегамъ Инда и его притоковъ, теперь простираются новыя лѣсныя насажденія, и охотники радуются, что дичь, въ томъ числѣ и тигръ, опять появляется въ странѣ [1]). Въ Сиккимѣ и особенно въ Нильгири и на различныхъ горныхъ массивахъ полуденной Индіи и острова Цейлона, насажденія состояли преимущественно изъ экзотическихъ деревъ, особенно изъ эвкалипта, изъ боливійскаго хиннаго дерева, изъ разныхъ породъ каучуковаго дерева, происходящихъ съ Сондскаго архипелага, съ острова Мадагаскара, изъ Мехики, изъ Бразиліи. Въ концѣ 1878 года въ лѣсахъ Индіи насчитывали уже болѣе 4 милліоновъ хинныхъ деревъ, изъ которыхъ три четверти приносили уже полный доходъ [2]).

Индія, въ сравненіи съ Европой, очень бѣдна скотомъ. Рѣдкость пастбищъ и употребленіе народомъ растительной пищи препятствуютъ количественному возростанію рабочихъ и упряжныхъ животныхъ; однако, туземцы имѣютъ нѣкоторыя замѣчательныя породы рогатаго скота, каковы, напримѣръ, быки и рысаки въ центральныхъ провинціяхъ. Лошадиная порода выродилась съ тѣхъ поръ, какъ индусы, побѣжденные, не имѣютъ болѣе надобности содержать конницу; на всемъ громадномъ пространствѣ Мадрасскаго президентства въ 1878 году насчитывали всего только 395.000

[1]) „Ocean Highways", march 1874.
[2]) *Clements Markham* „Official Reports".

лошадей [1]); но въ бо̀льшей части провинцій употребляютъ ословъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, а въ Пенджабѣ, Марварѣ и другихъ раджпутскихъ государствахъ путешественниковъ и товары перевозитъ верблюдъ; наконецъ, въ Ассамѣ, въ Южной Индіи и на островѣ Цейлонѣ употребляютъ нѣсколько тысячъ слоновъ, правда, гораздо больше для того, чтобы увеличить пышность царскихъ празднествъ и охотъ, чѣмъ для того, чтобы помогать трудамъ земледѣлія или промышленности.

Есть нѣкоторыя провинціи, въ которыхъ всякая культура была бы невозможна безъ обильныхъ ирригацій. Таковы равнины, черезъ которыя проходитъ Индъ въ своемъ нижнемъ теченіи; такова же значительная часть Пенджаба и доабовъ Индустана въ собственномъ смыслѣ. Въ полуденной Индіи туземцы знаютъ искусство задерживать воды въ лежащихъ уступами одинъ надъ другимъ резервуарахъ, откуда вода, выпавшая, въ видѣ дождя, въ періодъ муссона, вытекаетъ ирригаціонными струйками во время засухъ; англичанамъ нужно было только починить старыя плотины и дополнить сѣть оросительной канализаціи, чтобы увеличить нѣсколькими милліонами гектаровъ площадь земель, платящихъ поземельный налогъ. Но въ сѣверныхъ провинціяхъ сила могучихъ потоковъ спускающихся съ Гамалайскихъ горъ, слишкомъ велика, чтобы прибрежные жители могли удержать ихъ плотинами и превратить въ рядъ расположенныхъ одинъ надъ другимъ прудовъ. Тамъ, для орошенія страны, принуждены были прибѣгнуть къ прорытію каналовъ, боковыхъ рѣкъ, стокъ которыхъ регулируется шлюзами; одинъ изъ этихъ каналовъ, каналъ Ганга, который начинается у Гардварскихъ „воротъ“, есть, какъ извѣстно, самое важное сооруженіе этого рода во всемъ свѣтѣ; но и многіе другіе каналы, проведенные изъ Инда, Сатледжа, Рави, Соны, тоже принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ человѣческаго искусства. Для орошеній остается еще утилизировать нѣкоторыя большія рѣки, каковы: Сарджу, Гандакъ, Тапти, Нарбада. Наконецъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Деккана и особенно на островѣ Цейлонѣ нужно только реставрировать старыя сооруженія этого рода: водохранилища существуютъ, но они превратились въ болота; ирригаціонные каналы представляютъ теперь непостоянные ручьи или пруды, заросшіе дикою травой. Въ цѣломъ, въ однихъ только англійскихъ владѣніяхъ Передней (по сю сторону Ганга) Индіи совокупность земель, прибавленныхъ къ пахатной почвѣ ирригаціонными каналами, исчисляютъ въ 11.690.000 гектаровъ, что̀ составляетъ, въ сложности, территорію, равную одной пятой всего пространства Франціи. Стоимость канализаціонныхъ работъ, предпринятыхъ въ Индіи съ 1868 по 1878 годъ, простиралась до 261.450.000 франковъ.

Необходимость регулировать сообща распредѣленіе водъ, затоплять

[1]) *Huntev* „Imperial Gazetteer of India“.

разомъ, потомъ осушать обширныя пространства земли въ рисовыхъ плантаціяхъ, сохранила во многихъ мѣстностяхъ общинную форму деревень,—форму, прежде общераспространенную въ Индіи. Насильственныя завоеванія и постепенные скупы земли отдѣльными лицами и цѣлыми кастами, внутренняя эволюція общины, вмѣшательство, прямое или косвенное, законодательства видоизмѣнили до безконечности систему землевладѣнія: отъ чисто общиннаго обладанія землей до частнаго владѣнія съ полнымъ правомъ пользованія и отчужденія, всѣ возможныя формы встрѣчаются на обширномъ пространствѣ Полуострова. На двухъ противоположныхъ концахъ страны, въ Кашмирѣ, также какъ и на островѣ Цейлонѣ, есть еще земледѣльческія группы, состоящія изъ нѣсколькихъ сотень душъ, большія семьи, гдѣ трудъ каждаго приноситъ пользу всѣмъ, гдѣ никто не подвергается риску терпѣть недостатокъ въ необходимомъ. Въ другихъ мѣстахъ общинное землевладѣніе существуетъ уже только въ принципѣ, каждая семья получила свой земельный участокъ, весь продуктъ котораго принадлежитъ ей безраздѣльно; но черезъ извѣстные или неопредѣленные промежутки времени производится новый передѣлъ земли, какъ въ великорусскомъ мірѣ, и равенство снова возстановляется между участниками[1]). Даже въ тѣхъ сельскихъ общинахъ, гдѣ уже не ведется болѣе раздѣла и передѣла земли и гдѣ каждый собственникъ, сдѣлавшись хозяиномъ своего поля, можетъ даже продать его, сохранились еще многія учрежденія, напоминающія прежнюю форму общиннаго землевладѣнія и общинной жизни. Такъ, почти вездѣ существуетъ еще *панчайатъ,* или „совѣтъ пяти", иногда состоящій изъ одного только члена. Наконецъ, большинство деревень, особенно на югѣ, имѣютъ своихъ должностныхъ лицъ и людей ремесла, которымъ выдается жалованье изъ доходовъ общины; таковы: плотникъ, кузнецъ, конопатчикъ, гончаръ, цирюльникъ, бѣлильщикъ, деревенскій сторожъ, водоносъ, лекарь, школьный учитель, жрецъ, бардъ, астрологъ; богатыя общины содержатъ, сверхъ того, музыкантовъ и баядерокъ для своихъ празднествъ[2]).

Самыя цвѣтущія и благоденствующія области тѣ, гдѣ земельная собственность раздѣлена и гдѣ крестьяне не имѣютъ посредниковъ между собою и правительствомъ; такъ, почти весь Канарскій край и Малаяламъ раздѣлены на мелкія имѣнія, владѣльцы которыхъ, равноправные, независимые, зажиточные по большей части, составляютъ въ то же время одинъ изъ самыхъ образованныхъ классовъ на Полуостровѣ[3]); но самыя плодородныя провинціи, по крайней мѣрѣ въ бассейнахъ Ганга и Брамапутры, суть тѣ именно мѣстности, гдѣ населеніе живетъ въ крайне

[1]) *John Phear* „The Aryan Village in India and Ceylan"; *Summer Maine* „The Village Communities in India".
[2]) *Long; Maine; Jacolliot.*
[3]) *Graul* „Reise nach Ost-Indien".

бѣдственномъ положеніи. *Талукдары* Ауда, *земиндары* Бехара и Бенгаліи, плантаторы Ассама раздѣлили между собою страны, покровительствуемыя англійскимъ правительствомъ, которое и само состоитъ изъ *ландлордовъ*, владѣющихъ громадными помѣстьями; такимъ образомъ, значительная часть Индіи была превращена во вторую „Ирландію". Даже послѣ возмущенія сипаевъ, аудскіе талукдары, огромныя имѣнія которыхъ были конфискованы, снова вступили во владѣніе своихъ леновъ, заключающихъ каждый многія сотни деревень [1]). Оттого классъ богатыхъ землевладѣльцевъ, индусскихъ или мусульманскихъ, считаетъ себя солидарнымъ съ британскими повелителями, которымъ онъ обязанъ своею властью и правильнымъ поступленіемъ своихъ доходовъ [2]). Между этими земиндарами есть баснословные богачи, какъ, напримѣръ, Бардванскій раджа, имѣніе которыхъ приноситъ, въ видѣ арендныхъ денегъ, до 10 милліоновъ франковъ въ годъ; но подъ ними сколько еще главныхъ и второстепенныхъ агентовъ, которымъ надо наживать себѣ состояніе на счетъ труда несчастныхъ райотовъ! И сколько взаимной ненависти между толпой пахарей, рабовъ *de facto*, хотя людей вольныхъ *de jure*, и угнетающими посредниками всякаго рода! „Добрыя слова земиндара,—говоритъ пословица,—все равно, что сладкія рѣчи мусульманина, ласкающаго своихъ цыплятъ: онъ дастъ имъ ѣсть за тѣмъ, чтобы потомъ съѣсть ихъ самихъ" [3]). Въ Бехарѣ и Бенгаліи, въ Джиттагонгѣ, Ориссѣ, средній размѣръ поденной заработной платы не превышаетъ 30 сантимовъ, а дѣти двѣнадцати лѣтъ получаютъ по пяти сантимовъ, или и того менѣе. Большинство семей должно существовать на доходъ отъ 15 до 20 франковъ въ мѣсяцъ, и какъ ни дешевы жизненные припасы, рѣдко бываетъ, чтобы райотъ въ состояніи былъ пріобрѣтать себѣ даже самое необходимое: можно сказать, что въ Орисскомъ краѣ ничтожная разница заработка, равная 5 сантимамъ въ день, отдѣляетъ бѣдность отъ нужды [4]); безъ садика, которымъ окружена каждая хижина и который даетъ кое-какіе овощи и плоды, крестьянину каждый годъ грозилъ бы голодъ. Понятно, какою гибельною властью пользуется ростовщикъ надъ всѣмъ этимъ голодающимъ людомъ. Онъ ссужаетъ зерно для посѣва, даетъ хлѣбъ для прокормленія семьи до будущаго урожая, но зато жатва принадлежитъ всецѣло ему: этими ссудами онъ держитъ райота въ своей власти, въ вѣчной кабалѣ, дѣлаетъ его своимъ слугой на всю жизнь и безъ всякаго жалованья. Не помогли и основанные правительствомъ въ нѣкоторыхъ округахъ банки, выдающіе ссуды за небольшіе проценты. Крестьянинъ слишкомъ боится своего

---

[1]) *Clements Markham* „East-India Progress and Condition".
[2]) *Richard Temple* „India as it is".
[3]) *H. M. Elliot* „Races of the North-West Provinces".
[4]) *W. W. Hunter* „Orissa".

истиннаго господина, ростовщика, чтобы у него хватило смѣлости занимать у другихъ [1]).

Страна специально земледѣльческая, Индія не имѣетъ, какъ Англія, муравейниковъ рудокоповъ и обширныхъ фабричныхъ городовъ, населенныхъ рабочими; но ея ремесленники все еще отличаются замѣчательнымъ искусствомъ и тонкостью работы, которыми такъ восхищались первые европейскіе путешественники. Правда, нѣкоторыя промышленности почти совершенно исчезли, а другія сильно сократились или пришли въ упадокъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Дакка и многіе другіе, нѣкогда процвѣтавшіе города не имѣютъ уже многочисленныхъ ткацкихъ станковъ, производившихъ воздушныя кисеи; Кашмиръ фабрикуетъ еще шали, но число мастеровъ безпрестанно уменьшается, да и тѣ, которые остаются, подражаютъ европейскимъ тканямъ или старымъ образцамъ, не умѣя сливать оттѣнки цвѣтовъ съ тою удивительною гармоніей, какою отличаются старинныя ткани, хранящіяся въ музеяхъ. Промышленность предметовъ роскоши не переставала видоизмѣняться въ теченіе вѣковъ, чтобы удовлетворять вкусамъ государей всякаго происхожденія, „монгольскихъ", персидскихъ, афганскихъ, раджпутскихъ, маратскихъ, смѣнявшихъ другъ друга на тронахъ Индіи; теперь шали и драгоцѣнныя украшенія нужно продавать европейскимъ иностранцамъ, и сообразно прихотямъ этихъ новыхъ властелиновъ, измѣнился рисунокъ и колоритъ тысячи издѣлій промышленности. Теперь образцы выписываются изъ Англіи, изъ Бирмингама, Лидса, Рочдэля, и копируются или въ тюрьмахъ арестантами, или въ вольныхъ мастерскихъ обѣднѣвшими рабочими; англійскія дамы ввели выдѣлку кружевъ въ школахъ и христіанскихъ конгрегаціяхъ. Народная промышленность, которая всего менѣе измѣняется, производитъ только обыкновенныя глиняныя издѣлія, простыя ткани, недорогія украшенія; но, по крайней мѣрѣ, эти предметы до сихъ поръ сохранили чисто индусскій характеръ и отличаются изяществомъ формы и счастливымъ выборомъ цвѣтовъ. Промышленныя выставки доказываютъ, что есть еще много артистовъ, занимающихся съ любовью рѣзьбой на оружіи, подборомъ эмалей, вышивкой шелковыхъ матерій, обтачиваніемъ металловъ, обдѣлкой слоновой кости, дерева и камня. Многія скульптурныя произведенія новыхъ храмовъ, построенныхъ джайнами въ Западной Индіи, такъ же поражаютъ изяществомъ формы и такъ же искусно изсѣчены, какъ изваянія самыхъ пышныхъ религіозныхъ памятниковъ двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій. Заработки большинства промышленныхъ рабочихъ крайне скудны, какъ и заработная плата сельскихъ работниковъ. Знаменитыя кашмирскія шали, которыя еще недавно покупались по цѣнѣ

[1]) *Florence Nightingale* „Nineteenth Century".

отъ семи до десяти тысячъ франковъ за штуку, оплачиваются ихъ производителямъ, ткачамъ, лишь въ размѣрѣ 35 сантимовъ въ день [1]).

Во время борьбы между Франціей и Англіей изъ за господства надъ Индіей, мануфактурная промышленность въ собственномъ смыслѣ была очень дѣятельна въ конторахъ иностранныхъ негоціантовъ. Вокругъ каждаго форта остъ-индскія торговыя компаніи поселили сотни или даже тысячи ткачей, которые и поставляли имъ ткани для вывоза заграницу. Изумительное развитіе ткацкой промышленности въ Ланкаширѣ и Іоркширѣ измѣнило роли, и теперь уже Англія ввозитъ хлопчатобумажные фабрикаты въ Индустанъ, особенно грубыя ткани; количество набивныхъ бумажныхъ тканей или ситцевъ (нѣкогда привозимыхъ въ Европу изъ Индіи, какъ показываетъ и самое названіе ихъ—„индійская матерія", (indienne), которое Полуостровъ покупаетъ теперь у манчестерскихъ фабрикантовъ, составляетъ двѣ пятыхъ всего потребленія Индіи. Но капиталисты, по большей части шотландцы, евреи и парсы, поселившіеся въ Индустанѣ, вздумали воспользоваться двойною выгодой имѣнія подъ рукой сыраго продукта, хлопка, и потребителей, и такимъ образомъ были основаны бумагопрядильни въ окрестностяхъ Бомбея. Хлопчатобумажная промышленность въ Индіи въ 1881 году: 58 прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ съ 13.000 станковъ и 1.500.000 веретенъ; 500.000 туземныхъ ткацкихъ станковъ; цѣнность сфабрикованныхъ произведеній въ 1882 году 180.000.000 франковъ. Точно также Калькутта, соперничая съ Дунди, утилизируетъ волокно джута въ большихъ заводахъ, мрачныхъ зданіяхъ, построенныхъ по такому же образцу, какъ европейскія фабрики, и также какъ онѣ, населенныхъ женщинами и дѣтьми, которыя работаютъ, слѣдуя за движеніемъ машинъ, въ душной и вонючей атмосферѣ, наполненной тончайшими нитями и пылью. Цѣнность джутовыхъ тканей, выдѣланныхъ въ Индіи въ 1879 г., равнялась 27.000.000 франковъ. Во многихъ мѣстахъ, именно въ Чота-Нагпорѣ, правительство и частные промышленники основали также металлургическіе заводы, но эти предпріятія идутъ не вполнѣ успѣшно; самые большіе чугунолитейные заводы находятся въ Джамальпурѣ, близь Монгира: они даютъ занятіе почти 3.000 рабочихъ. Главное, чего недостаетъ Индіи, чтобы сдѣлаться первоклассною промышленною страною—это изобилія въ топливѣ; каменный уголь, какъ извѣстно, не встрѣчается на Полуостровѣ въ такихъ пластахъ, которые могли бы сравниться съ громадными залежами Великобританіи. Правда, общая площадь каменноугольныхъ формацій Индустана, включая сюда и англійскую Барманію, составляетъ около 90.000 квадратныхъ километровъ [2]), но большинство бассейновъ содержитъ такъ мало угля,

[1]) *Andrew Wilson* „The Abode of Snow".
[2]) *Hughes* „Records of the Geological Survey of India", vol. VI, 1873.

что не стоитъ труда ихъ разработывать, а другіе заключаютъ лишь топливо низкаго качества. Вообще Полуостровъ по сю сторону Ганга есть еще, между промышленными странами, одна изъ тѣхъ, которыя располагаютъ, сравнительно, наименьшимъ количествомъ минеральнаго топлива. Средняя годовая добыча каменнаго угля исчисляется въ милліонъ тоннъ.

Другія минеральныя богатства, алмазы въ Панна, Самбальпурѣ и Карнулѣ, золото въ Вайнадѣ, мѣдь въ Сингбумѣ и въ Гималаяхъ, желѣзо въ Салемѣ и въ Чота-Нагпорѣ, имѣютъ лишь небольшую относительную важность. Изъ минеральныхъ веществъ всего дѣятельнѣе эксплуатируется соль, составляющая въ Индіи монополію правительства. Что касается жемчужныхъ раковинъ, то, какъ сказано выше, мели „Жемчужнаго берега“ на западной сторонѣ Манаарскаго залива заброшены; цейлонскія же мели эксплуатируются лишь черезъ многолѣтніе промежутки.

Торговля внутренняя и внѣшняя быстро возростаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, благодаря скорымъ путямъ сообщенія, сѣть которыхъ постоянно увеличивается. Открытіе Суэзскаго канала, сокративъ вдругъ на половину разстояніе, раздѣляющее Индію и Англію, повлекло за собою цѣлый переворотъ въ движеніи торговаго обмѣна, тогда какъ желѣзныя дороги, продолжаясь постепенно отъ одного города до другого черезъ весь Полуостровъ, произвели перемѣны болѣе медленныя, но болѣе значительныя, сближая внутреннія области съ прибрежными мѣстностями. Первый желѣзный путь Индіи открылся лишь во второй половинѣ текущаго столѣтія, въ 1853 году, маленькою линіей, которая соединяетъ Бомбейскій островъ съ островомъ Сальсеттой. Въ томъ же году былъ начертанъ планъ двухъ большихъ рельсовыхъ путей, долженствовавшихъ соединить три главные города президентствъ, Калькутту, Бомбей и Мадрасъ, но сооруженіе ихъ было окончено лишь восемнадцать лѣтъ спустя, въ 1871 году. Къ этимъ двумъ магистральнымъ линіямъ, построеннымъ финансовыми компаніями, которымъ правительство гарантируетъ опредѣленный доходъ, не переставали прибавляться другіе рельсовые пути. Теперь главныя звѣнья желѣзнодорожной сѣти близки къ окончанію. Бенгальскій заливъ соединенъ съ воротами Афганистана непрерывною желѣзною дорогой, параллельно которой—больше чѣмъ на половинѣ ея протяженія—идетъ другая, второстепенная линія. Долина Инда имѣетъ свою желѣзную дорогу до Карачи. Бомбей соединенъ съ одной стороны съ Дели, съ другой—съ Тутикориномъ, лежащимъ напротивъ острова Цейлона. Линіи первостепенной важности, которыхъ еще недостаетъ Индіи,—это прямой путь изъ Бомбея въ Кулькутту черезъ Нагпуръ, двѣ береговыя желѣзныя дороги вдоль восточнаго и западнаго берега Полуострова, соединеніе линіи рѣки Инда съ линіей Раджпутаны; наконецъ

УТАКАМУНДЪ НА ЦЕЙЛОНѢ.

по другую сторону Индіи, столица Англо-индійской имперіи не имѣетъ сообщенія посредствомъ пара съ берегами Иравадди. Какъ ни обширна индійская рельсовая сѣть, она, однако, остается изолированною отъ системы желѣзныхъ дорогъ въ остальной части Стараго Совѣта, и одинъ изъ важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, рѣшеніе котораго принадлежитъ близкому будущему, есть вопросъ о томъ, какимъ образомъ соединятся двѣ системы желѣзныхъ путей, система Европы и система Индіи, и какая нація возьметъ на себя задачу исполнить это дѣло?

Въ настоящее время общее протяженіе индійскихъ желѣзныхъ дорогъ около 16.000 километровъ, представляющихъ, въ видѣ основнаго капитала, до трехъ съ половиною милліардовъ франковъ, именно:

Длина сѣти 1 января 1882 года	15.989 километровъ.
Стоимость постройки въ концѣ 1880 г. . .	3.225.000.000 франк.
Валовой доходъ въ 1880 г.	302.489.825 „
Чистый „ „ „ „	154.804.275 „

Полуостровъ по сю сторону Ганга, или Передняя Индія, седьмая страна въ свѣтѣ, по важности своей желѣзнодорожной сѣти, слѣдуетъ за Соединенными Штатами Сѣверной Америки, Германіей, Англіей, Франціей, Россіей, Австро-Венгріей, по протяженію линій и употребленному на ихъ сооруженіе капиталу. Но если принять въ соображеніе громадное пространство ея территоріи, то Индія оказывается опереженною въ этомъ отношеніи большинствомъ маленькихъ государствъ Европы. Въ сравненіи съ несметною массой народонаселенія, скученной на Полуостровѣ, система индійскихъ желѣзныхъ дорогъ тоже представляется очень маловажною. При сооруженіи быстрыхъ путей сообщенія, обыкновенно разсчитываютъ на неизбѣжныя послѣдствія, которыя будутъ имѣть для людей всякой касты путешествія по желѣзной дорогѣ; но до сихъ поръ годовое пассажирское движеніе не представляетъ даже седьмой части общаго числа жителей; въ среднемъ выводѣ, если бы это движеніе оставалось неизмѣннымъ, выходитъ, что каждый индусъ садится въ вагонъ только одинъ разъ въ семь лѣтъ. Число пассажировъ, перевезенныхъ по индійскимъ желѣзнымъ дорогамъ въ 1881 году, 48.066.060; количество товаровъ, отправленныхъ этимъ путемъ, 9.319.421 тонна. Важность желѣзныхъ дорогъ, какъ ни мала она, сравнительно, въ отношеніи перевозки пассажировъ и товаровъ, была, тѣмъ не менѣе, весьма значительна, по тому перевороту, который онѣ произвели послѣдовательно во всемъ индусскомъ обществѣ, въ его образѣ жизни, въ его понятіяхъ и предразсудкахъ.

Еще очень недавно желѣзные пути Индустана были дѣломъ исключительно англійскимъ, предприпятымъ правительствомъ или банкирами Великобританіи; въ 1876 году насчитывали, на 56.400 акціонеровъ, только 800 лицъ, живущихъ на Полуостровѣ, и изъ этого числа только

390 были уроженцы Индіи[1]). Въ настоящее время многія линіи, каковы линіи Раджпутаны, Бопала и другихъ государствъ, построены или строются по ходатайству туземныхъ государей и въ большой части на ихъ капиталы. Главное неудобство новыхъ линій то, что онѣ, по большей части, узкоколейныя, всего въ одинъ метръ шириной, тогда какъ старыя линіи имѣютъ 1,67 метровъ ширины.

Постройка обыкновенныхъ большихъ дорогъ не развивалась, сравнительно, такъ же быстро, какъ сооруженіе желѣзныхъ путей: на 933.000 километровъ почтовыхъ дорогъ только 32.000 километровъ, одна двадцать восьмая часть всей сѣти, устланы битымъ камнемъ и хорошо содержатся, какъ макадамизированныя дороги Запада, съ мостами и рвами по бокамъ[2]). Одна изъ этихъ шоссейныхъ дорогъ, на которую до постройки желѣзныхъ путей смотрѣли, какъ на замѣчательнѣйшій памятникъ англійскаго могущества въ Индустанѣ, есть главное или магистральное шоссе, направляющееся изъ Калькутты къ Пешаверу, у входа въ горные проходы Афганистана. Къ этой дорогѣ, длиною около 2.500 километровъ, примыкаютъ другіе колесные пути, поднимающіеся на западѣ къ порогамъ хребта Сефидъ-Кохъ, на сѣверѣ къ Кашмиру, къ возвышеннымъ долинамъ Гималаевъ и плоскогорьямъ Тибета. Дарджилингская желѣзная дорога взбирается по горнымъ склонамъ до высоты 2.250 метровъ, а тибетская желѣзная дорога огибаетъ на высотѣ Монъ-Блана крутизны, господствующія надъ верхнимъ Сатледжемъ. Устройство хорошихъ путей сообщенія измѣнило мало-по-малу условія перевозки тяжестей: теперь уже не увидишь—развѣ только гдѣ-нибудь въ глухихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ—длинныхъ верениць навьюченныхъ быковъ, сопровождаемыхъ цѣлымъ племенемъ кочевниковъ банджари; они замѣнены арбами, и теперь нѣтъ болѣе надобности ввѣрять охраненіе обозовъ спеціальнымъ конвоирамъ, облеченнымъ, какъ банджари, почти священнымъ характеромъ. На всѣхъ важныхъ дорогахъ, посѣщаемыхъ европейцами, этапы обозначены каравансараями, или „бангаловами“ (bangalows), построенными на счетъ англо-индійскаго правительства или вассальныхъ государствъ; путешественники бѣлой расы находятъ тамъ приличный пріютъ; инородцы не допускаются туда и располагаются на роздыхъ рядомъ съ бангаловомъ, подъ досчатыми навѣсами. Только въ 1834 году всемогущая остъ-индская компанія сняла запрещеніе проникать вовнутренность страны. Поѣздка отъ Калькутты до Миратскихъ кантониръ-квартиръ, по гангской дорогѣ, продолжалась въ то время, среднимъ числомъ, около четырехъ мѣсяцевъ.

Каналы служатъ менѣе для перевозки пассажировъ, нежели для перевозки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и товаровъ: этимъ путямъ

---

[1]) *Stürmer*; *K. von Scherzer* „Geographisches jahrbuch“, 1878.
[2]) *Richard Temple* „India as it is“.

внутренняго судоходства Индія и обязана, главнымъ образомъ, возможностью способствовать, посредствомъ вывоза своего хлѣба, продовольствованію Великобританіи. Извѣстно, что общая дельта Ганга и Брамапутры представляетъ баркамъ отличную судоходную сѣть; точно также дельты другихъ большихъ рѣкъ, Инда, Мага-Надди, Годавери, Кистны, Кавери, переполнены мелкими судами, снующими во всѣхъ направленіяхъ. Равнымъ образомъ лагуны Малабарскаго берега, озера Сиркарскаго и Коромандельскаго береговъ перерѣзаны судоходными фарватерами; наконецъ, большіе ирригаціонные каналы доабовъ Ганга и Пенджаба были вырыты такимъ образомъ, чтобы могли принимать грузовыя суда. Совокупность путей внутренняго судоходства, не считая рѣкъ, исчисляется почти въ 21.000 километровъ и представляетъ сумму издержекъ, превышающую полмилліарда франковъ. По наиболѣе посѣщаемымъ воднымъ путямъ суда проходятъ сотнями тысячъ; но во многихъ рѣчныхъ бассейнахъ орошеніе полей, все болѣе и болѣе истощая потоки, питающіе ирригаціонные каналы, сдѣлало затруднительнымъ судоходство, и перевозка по желѣзнымъ дорогамъ замѣнила менѣе дорогостоющую отправку продуктовъ и товаровъ, которая прежде производилась по судоходнымъ каналамъ. Что касается легкости сообщенія для внѣшней торговли моремъ, то объ этомъ можно судить по состоянію пароваго флота восточной и полуостровной компаніи (Oriental and Peninsular Company), которая располагаетъ полусотнею пароходовъ, поднимающихъ, вмѣстѣ, около 150.000 тоннъ груза, не считая буксирныхъ пароходовъ, лихтеровъ и лапшъ.

Общая торговля Индіи менѣе важна, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Безъ сомнѣнія, годовой оборотъ ея превышаетъ сумму трехъ съ половиною милліардовъ франковъ; но этотъ торговый обмѣнъ представляетъ, въ среднемъ выводѣ, всего только около двѣнадцати франковъ на каждаго жителя, т. е. въ двадцать разъ менѣе, нежели во Франціи, въ сто разъ менѣе, нежели въ Австраліи. Въ теченіе фискальнаго 1880—1881 г. торговые обороты выразились слѣдующими цифрами:

Торговля Индіи моремъ.	3.119.920.800	франковъ
„ „ сухимъ путемъ . .	200.020.325	„
„ Цейлона.	225.000.000	„
Всего . .	3.544.941.125	франковъ.

Громадная Индія, съ ея 260 милліонами жителей, совокупностью своихъ торговыхъ операцій уступаетъ даже крохотной Бельгіи, и только немногимъ превосходитъ Италію. Изъ этого видно, что англійскія владѣнія на Востокѣ не составляютъ для Великобританіи неисчерпаемаго источника богатствъ, какой рисуетъ себѣ наше воображеніе, поддерживаемое классическими воспоминаніями. Тѣмъ не менѣе, надо припомнить тотъ фактъ, что въ половинѣ прошлаго столѣтія вывозъ индійскихъ произве-

деній не превышалъ 25 милліоновъ франковъ[1]). Дѣятельность торговыхъ сношеній Индіи быстро возрастаетъ; въ двадцатилѣтній періодъ, съ 1861 по 1881 годъ, она гораздо болѣе, чѣмъ удвоилась. Само собою разумѣется, что Англія оставила за собою львиную долю торговаго обмѣна своей Индійской имперіи; покупка хлопка и продажа мануфактурныхъ издѣлій составляютъ уже половину внѣшней торговли Индустана. Отпускъ опіума даетъ Китаю второе мѣсто между покупателями Полуострова по сю сторону Ганга; затѣмъ слѣдуетъ Франція: она ввозитъ изъ англійской Индіи ежегодно на сумму около 150 милліоновъ масляпистыхъ сѣмянъ, индиго, хлопка, шелка, кофе; кромѣ того, она ведетъ съ своими собственными владѣніями на Полуостровѣ непосредственную торговлю, представляющую, по цѣнности оборотовъ, около тридцати милліоновъ въ годъ. Торговля Франціи съ Пондишери и другими ея владѣніями въ Индіи въ теченіе въ 1880 года простиралась до 33.416.700 франковъ. Правильныя торговыя сношенія Индіи съ Австраліей увеличиваются съ каждымъ годомъ по вывозу риса, чая, кофе и ввозу мѣди и лошадей. Посылаемое Индіей заграницу количество ея произведеній постоянно превышаетъ ея собственныя покупки на 250 до 600 милліоновъ франковъ (разность между вывозомъ и привозомъ Индіи за десятилѣтній періодъ, съ 1865 по 1874 годъ, составляла 2.811.273.250 франковъ), и эта разность, оплачиваемая почти исключительно серебряною монетой, способствуетъ поддержанію въ свѣтѣ относительной цѣнности серебра сравнительно съ цѣнностью золота.

Экспортъ Индіи въ 1880—1881 фискальномъ году 1.862.948.925 фран.
Импортъ „ „ „ „ „ 1.256.971.875 „

Но почти всѣ эти барыши Индіи возвращаются, подъ другою формой, въ видѣ окладовъ жалованья и интересовъ по акціямъ, въ Великобританію, играющую роль паразита по отношенію къ своимъ колоніальнымъ владѣніямъ.

Пользуясь наибольшею долей торговли Индіи, англичане въ то же время являются и главными посредниками въ ея торговыхъ сношеніяхъ. Имъ принадлежатъ три четверти судовъ, привозящихъ и увозящихъ товары и земледѣльческія произведенія, и благодаря пароходамъ, построеннымъ ими спеціально для прохода чрезъ Суэзскій каналъ, они овладѣли монополіей, какъ нагрузчики и экспедиторы. Число коммерческихъ судовъ, употребляемыхъ англичанами для судоходства между Великобританіей и портами Индустана, Бомбеемъ, Калькуттой, Мадрасомъ, Рангуномъ, Карачи, уменьшилось въ послѣднія двадцать лѣтъ, но за то вмѣстимость увеличилась, и рейсы сдѣлались чаще, такъ какъ пароходы въ большей части заняли мѣсто парусныхъ судовъ; хотя гораздо менѣе многочис-

[1]) *Hunter* „The Imperial Gazetteer of India“.

ленные, они представляютъ уже болѣе половины общаго количества тоннъ, составляющаго вмѣстимость судовъ. Движеніе судоходства по внѣшней торговлѣ Индіи въ теченіе фискальнаго 1879—1880 года выразилось слѣдующими цифрами:

9.744 парусныхъ судна, вмѣстимостью	. .	2.475.000 тоннъ
2.400 пароходовъ „	. .	2.750.000 „
Всего 12.144 судна, вмѣстим.		5.525.000 тоннъ.

Кромѣ того, 4.000 мелкихъ морскихъ судовъ, управляемыхъ туземцами, плаваютъ вдоль побережья, отъ одного порта до другого. Каботажъ у береговъ Индіи въ теченіе фискальнаго 1877 — 1878 года 319.624 судна, вмѣщавшихъ 15.732.246 тоннъ; цѣнность каботажной торговли 1.693.360.000 франковъ. Это еще не все: торговля восточныхъ береговъ Африки, Сокоторы и Мадагаскара находится почти всецѣло въ рукахъ индійскихъ купцовъ баніаховъ; въ этихъ странахъ путешественники съ удивленіемъ слышатъ звуки индустанскаго языка, какъ на Полуостровѣ Ганга.

Что касается торговли чрезъ континентальныя границы, то дѣйствительную важность имѣетъ только торговля съ королевствомъ Ава, производимая по теченію Иравадди; другія заграничныя страны, по порядку торговой дѣятельности, суть Непалъ, Кабулъ, Кашмиръ и Кандагаръ.

Торговыя сношенія, хотя постоянно увеличивающіяся и сближающія всѣ провинціи, еще далеко не изгладили кастовыхъ различій, которыя правами и вѣковыми преданіями возведены на степень важнѣйшаго и наиболѣе строго соблюдаемаго догмата національныхъ религій. Ни въ какой другой странѣ первоначальные контрасты, порожденные между людьми различіемъ происхожденія, богатства, образованія, рода занятій, словомъ, всякими соціальными неравенствами, не сохранились въ такой рѣзкой формѣ, какъ на Полуостровѣ по сю сторону Ганга. Раздѣленные на множество обществъ, не имѣющихъ между собою взаимныхъ сношеній и преслѣдующихъ различные или даже прямо противоположные интересы, индусы не составляютъ одного народа; ни въ одной провинціи, даже тамъ, гдѣ всѣ жители говорятъ однимъ языкомъ, не существуетъ общей связи патріотизма, которая соединяла бы бѣдныхъ и богатыхъ, парій и брамановъ. Это раздѣленіе дѣлаетъ легкою задачу того, кто хочетъ царствовать надъ ними. Какую бы ненависть они ни питали къ властителю, они всетаки благодарны ему за угнетеніе, которому онъ подвергаетъ вмѣстѣ съ ними и другихъ.

Изслѣдованія индіанистовъ установили неопровержимо тотъ фактъ, что такъ называемое первоначальное раздѣленіе населенія Индустана на четыре касты или „четыре цвѣта“ (кожи), касту брамановъ или жрецовъ

бѣлаго цвѣта, касту краснокожихъ кшатріевъ или воиновъ, касту желтолицыхъ вайсіевъ, или купцовъ, и касту черныхъ судрасовъ или земледѣльцевъ, есть понятіе относительно новое, пущенное въ ходъ комментаторами священныхъ книгъ [1]). Эти правильныя наслоенія индусскаго общества никогда не существовали въ дѣйствительности; во всѣ эпохи, тысячи соціальныхъ контрастовъ, произведенныхъ въ разныхъ областяхъ Индіи различіемъ профессій, ремеслъ, образа жизни, естественно должны были имѣть слѣдствіемъ большое разнообразіе кастъ и дѣлали невозможною ихъ точную классификацію. Греческіе и римскіе писатели говорятъ о семи кастахъ, а не о четырехъ, и однако, они знали только часть сѣверныхъ равнинъ Полуострова. Въ настоящее время можно признать, въ самыхъ общихъ чертахъ, только существованіе четырехъ группъ: брамановъ, сельскихъ жителей, купцовъ и промышленниковъ [2]).

Даже господствующая каста, каста брамановъ, вышедшая, какъ гласитъ легенда, изъ головы Брамы, состоитъ въ дѣйствительности изъ множества кастъ, неимѣющихъ между собою никакого родства по происхожденію, занимающихся различнымъ трудомъ и во многихъ обстоятельствахъ даже отказывающихся вступать въ сношенія другъ съ другомъ. Тѣ изъ нихъ, которые священнодѣйствуютъ, какъ жрецы, составляютъ лишь весьма незначительное меньшинство браманскаго класса, и даже эти браманы рѣдко занимаются теологіей; они интересуются почти только тонкостями ритуала да вопросами о первенствѣ [3]). Благородные браманы Ауда никогда не выдаютъ своихъ дочерей за своихъ, яко бы собратовъ Бенгаліи и даже ни за что не согласятся ѣсть съ ними за однимъ столомъ. Въ Чамбѣ одинъ классъ пастуховъ, поклоняющихся восходящему солнцу, присвоиваетъ себѣ право носить на плечѣ нить съ четырьмя отпрысками, принадлежащее исключительно сынамъ Брамы; въ горахъ Симлы, другіе браманы заработываютъ себѣ хлѣбъ насущный въ качествѣ землепашцевъ, носильщиковъ, домашней прислуги и даже продаютъ своихъ дочерей въ рабство. Въ Орисскомъ краѣ есть браманы, которыхъ презрительно называютъ „сажателями картофеля", а въ нѣкоторыхъ округахъ центральныхъ провинцій живутъ „джунглевые браманы", бѣдные поселенцы, тяжелымъ трудомъ расчищающіе подъ пашни нетронутую почву джунглей. Въ полуденной Индіи встрѣтишь брамановъ, происходящихъ отъ рыбаковъ, или такихъ, которые занимаются кузнечнымъ ремесломъ; есть даже браманы, не гнушающіеся исполнять унизительную должность полицейскихъ агентовъ. Подобно материку Индіи, островъ Цейлонъ тоже имѣетъ своихъ „брамановъ-крестьянъ". Недавно представители „Пяти Ремеслъ", собравшись въ Салемѣ, подали прави-

[1]) *Muir* „Sanscrit Texts on the People of India".
[2]) *Nelson* „Madoura Country".
[3]) *Barth*, „Les Religions de l'Inde".

тельству докладную записку, гдѣ протестуютъ противъ наглости метисовъ всякой расы, которые изъявляютъ притязаніе командовать ими съ незаконно присвоеннымъ себѣ титуломъ брамановъ [1]). Многочисленныя легенды, относящіяся къ появленію боговъ, будто бы сходившихъ на землю за тѣмъ, чтобы преобразовать въ „дважды рожденныхъ“ людей низшихъ кастъ, очевидно, суть отдаленный отголосокъ историческихъ фактовъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ Полуострова судрасы были возводимы въ званіе брамановъ для нуждъ культа; въ другихъ мѣстахъ мѣстныя аристократіи сохранили свое право на дворянство въ виду чистыхъ брамановъ, иммигрировавшихъ въ небольшомъ числѣ, и эти послѣдніе благоразумно купили себѣ сообщничество болѣе сильныхъ, чѣмъ они сами, жалуя имъ священную нить; наконецъ, продолжительная изолированность среди чуждыхъ населеній дала многимъ браманскимъ колоніямъ нравы, совершенно отличные отъ нравовъ, характеризующихъ господствующую касту сѣвера [2]); такъ, напримѣръ, нѣкоторые классы брамановъ извѣстны у своихъ собратій подъ презрительною кличкой „мясныхъ или рыбныхъ брамановъ“, по тѣмъ нечистымъ блюдамъ, которыя они не брезгаютъ употреблять въ пищу. Травапкорскіе раджи сдѣлались браманами, „пройдя чрезъ чрево золотой коровы“—новый примѣръ всемогущества богатства.

Расовое различіе еще гораздо значительнѣе для другихъ соціальныхъ дѣленій. Чистые кшатріи не встрѣчаются нигдѣ, хотя раджпуты всѣ поголовно претендуютъ на это происхожденіе: всѣ счастливые предводители, каково бы ни было ихъ происхожденіе, обыкновенно производили свой родъ отъ предковъ, принадлежавшихъ, будто бы, къ лунной или солнечной расѣ; однако, между раджпутами есть такіе, которые хвастаются въ то же время своимъ происхожденіемъ отъ первоначальныхъ жителей страны или аборигеновъ, какъ, напримѣръ, нагбханси или „Сыны змѣй“. Различныя торговыя корпораціи, баніахи, марвари, банджари,—не говоря уже о джайнахъ, которые не исповѣдуютъ браманской религіи,—считаютъ себя совершенно отличными одна отъ другой, не признавая существованія такъ называемаго класса вайсіевъ. Что касается имени судрасовъ, то оно имѣетъ лишь общее значеніе: такъ называются безчисленныя касты и подкасты, на которыя дѣлится народъ, исключая благородныхъ классовъ и купцовъ. Кажется, что этотъ терминъ судрасы, имѣющій смыслъ „чистые“, примѣнялся въ началѣ не къ людямъ низшей касты, но къ массѣ арійской націи; этимъ наименованіемъ она отличалась отъ „нечистой“ массы аборигеновъ Дасіу [3]).

Въ провинціяхъ, называемыхъ „сѣверо-западными“, насчитываютъ не менѣе 307 различныхъ кастъ, имѣющихъ каждая свое особенное

---

[1]) *Graul* „Reise nach Ostindien“.
[2]) *Hunter* „Orissa“; *Eastwik* „Handbook for Madras“.
[3]) *Tod* „Annals of Rajasthan“.

названіе; въ Бенгаліи ихъ существуетъ болѣе тысячи, и если бы мы захотѣли прослѣдить ихъ подробно во всѣхъ ихъ дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ, то общее число достигло бы нѣсколькихъ тысячъ. Равнымъ образомъ и въ полуденной Индіи невозможно было бы составить полный списокъ всѣхъ кастъ; народная перепись насчитала ихъ въ одномъ Майсурѣ 413, въ Мадурѣ 94. Каждое ремесло, даже самое маленькое, сдѣлалось особою кастой, точно разграниченной; есть касты, состоящія только изъ двухъ человѣкъ[1]). Даже противозаконныя сообщества, бадхаки и сопоріи въ Пенджабѣ и Аудѣ, молунги въ Бенгаліи, рамози въ Бомбеѣ, карачавандлу въ Декканѣ, корвахи на Малабарскомъ берегу, составляютъ особенныя касты, признаваемыя туземцами; каждый членъ преступной шайки, гордящійся своею профессіей, посвящаетъ себя дѣлу воровства и грабежа, обязываемый къ тому какъ преданіями своего племени, такъ и предписаніями своей религіи. Правительство набрало между ними по большей части своихъ полицейскихъ агентовъ, но, не имѣя возможности утилизировать такимъ образомъ цѣлые кланы, оно принуждено было интернировать ихъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ, поставленныхъ подъ строгій надзоръ; переставъ воровать, члены касты, тѣмъ не менѣе, гордятся своимъ титуломъ „воровъ“[2]) Французскій путешественникъ Франсуа Пираръ упоминаетъ о малабарскихъ племенахъ, которыя, мѣняя родъ занятій съ перемѣною временъ года, были попеременно „разбойниками на морѣ“ и „прекраснѣйшими людьми на землѣ, самыми гуманными и обходительными“. Мало-по-малу, различіе образа жизни создало между кастами нравственные контрасты, на которые указываютъ и мѣстныя пословицы, сложившіяся въ каждой провинціи: „лицемѣренъ, какъ браманъ; фальшивъ, какъ четти; себялюбивъ, какъ веллалахъ; жестокъ, какъ калланъ“—таковы, по словамъ Нельсона, обычныя поговорки, употребляемыя въ Мадурскомъ краѣ.

Вводя новые промыслы и ремесла, европейцы тѣмъ самымъ создали новыя касты, изъ которыхъ иныя носятъ названія англійскаго или португальскаго происхожденія; такъ, напримѣръ, конюхи или стремянные составляютъ касту „кавалеровъ“ (cavalere)[3]). Каждая религія, каждая секта, каждая борьба между соперничающими партіями влечетъ за собою образованіе соотвѣтственныхъ порядковъ или разрядовъ: нѣтъ такой эволюціи соціальной жизни, которая не проявлялась бы новыми группировками, которымъ время сообщаетъ мало-по-малу признаки касты. Сообразно перемѣнамъ промышленности и торговли, увеличивается или уменьшается соціальное значеніе отдѣльныхъ кастъ и степень уваженія, которымъ онѣ пользуются въ обществѣ; такъ, напримѣръ, производители корицы выиграли

---

1) *Nelson*, „Madura Country“.

2) „Criminal Tribes Bille“; *De Grois* „Revue maritime et coloniale“, janvier 1882.

3) *Louis Jacolliot* „Voyage aux ruines de Golconde“.

въ достоинствѣ съ возрастаніемъ коммерческой важности ихъ продукта; затѣмъ опять понизились въ общественномъ уваженіи, по мѣрѣ того, какъ уменьшалась продажа этой пряности. Чрезвычайное разнообразіе работъ, присвоенныхъ спеціально каждому классу людей, заставляетъ

Типы племени банджари.

богатыхъ, для правильности службы, держать очень многочисленную домашнюю челядь: каждый служитель хочетъ дѣлать только одно какое-нибудь опредѣленное дѣло, и, притомъ, дѣлаетъ его не иначе, какъ по традиціонному, унаслѣдованному отъ отцовъ и дѣдовъ, способу, сообразно установленному церемоніалу и порядку прецедентовъ: правовѣрный индусъ

предпочтетъ лучше умереть, чѣмъ осквернить себя исполненіемъ работы, почитаемой нечистою. Въ Дравидіи всѣ касты дѣлятся на людей „правой" и „лѣвой", получившихъ такое названіе отъ одной изъ двухъ рукъ, употребляемой для очищенія себѣ тѣла; но едва ли это объясненіе можно признать вѣрнымъ. Во время публичныхъ церемоній касты правой руки водружаютъ бѣлое знамя, касты лѣвой—красное [1]). Касты двухъ „рукъ" питаютъ взаимное отвращеніе, а между тѣмъ, есть одно племя, которое въ одно и то же время принадлежитъ къ обѣимъ кастамъ: чаккили, въ Мадурскомъ краѣ, причисляютъ себя къ группѣ правой руки по женщинамъ, къ группѣ лѣвой руки по мужчинамъ, и когда въ деревняхъ вспыхнетъ ссора между двумя „руками", жены удаляются отъ своихъ мужей и не возвращаются къ нимъ, пока не возстановится миръ [2]). Въ Сѣверной Индіи это раздѣленіе на правую и лѣвую совершенно неизвѣстно [3]).

Внѣ этихъ тысячъ ассоціацій или общественныхъ группъ, рѣзко разграниченныхъ между собою и по бо́льшей части враждебныхъ одна другой, живутъ еще милліоны людей безъ расы и безъ права,—людей, самая тѣнь которыхъ можетъ осквернить привилегированнаго или кастоваго человѣка. Европейцы даютъ имъ, но ошибочно, имя парій, принадлежащее группѣ тринадцати кастъ, которая съ гордостью причисляетъ себя къ правой рукѣ, которая принимаетъ этотъ титулъ въ публичныхъ актахъ, причемъ никто никогда не оспоривалъ у нея права его носить; во многихъ мѣстахъ границы общинъ поставлены подъ надзоръ парій, какъ представителей древнихъ расъ и законовъ праздника въ честь „Единственной Матери", богини-покровительницы „Чернаго города" Мадраса; именно парія представляетъ общество, какъ женихъ богини [4]). Въ центральныхъ провинціяхъ внѣкастовыхъ людей называютъ канджарами, въ Кочинѣ, Траванкорѣ, Тинневельскомъ краѣ — паліярами. Священныя книги клеймятъ ихъ прозвищемъ чандала. Это существа нечистыя, „отребье изъ отребья", которыя родились отъ гнуснаго союза судры и браманки. Ихъ дѣло очищать помойныя ямы и стоки нечистотъ, зарывать въ землю падаль и питаться ею, въ случаѣ нужды; деревни ихъ—это собраніе собачьихъ конуръ, „кладбище ихъ—это животъ шакаловъ". Ихъ можно бить безъ грѣха; побои составляютъ ихъ удѣлъ въ силу наслѣдственнаго позора, тяготѣющаго надъ ними; древніе законы не назначаютъ ни пени, ни даже порицанія тому, кто избавляетъ землю отъ этихъ презрѣнныхъ существъ [5]). Два крайніе полюса индійскаго общества—браманы и чандалы: первымъ „принадлежитъ весь свѣтъ; они,

[1]) *Julien Vinson* „Les castes au sud de l'Inde", „Revue Orientale", 2-e série, № 4.
[2]) *Nelson* „Madura Country".
[3]) *Joseph Mullens* „Mission in South India".
[4]) *Caldwell* „Dravidian Languages"; *Julien Vinson*, цитированный мемуаръ.
[5]) *Forbes* „Oriental Memoirs".

ГРУППА УМИРАЮЩИХЪ СЪ ГОЛОДА.

по своему рожденію, имѣютъ право на все существующее, и только изъ великодушія позволяютъ жить другимъ людямъ"; послѣднимъ запрещено оплакивать своихъ предковъ, произносить имя Брамы, читать или говорить наизусть содержащееся въ священныхъ книгахъ, группироваться въ селенія, претендовать на какое бы то ни было родство съ людьми, соединенными въ общество. Отверженные изъ міра людей, они должны искать себѣ убѣжища въ джунглѣ, въ сообществѣ дикихъ звѣрей, и если браманъ позволяетъ чандаламъ появляться въ его полѣ зрѣнія, то это чистая терпимость съ его стороны; нечистое существо не имѣетъ права показываться на разстояніи, мѐньшемъ ста шаговъ; опредѣлены точнымъ образомъ, для каждой касты, пространства, на которыя позволено приближаться при встрѣчѣ. До введенія англійскаго режима, самыя тяжкія кары, смертная казнь или рабство грозили нарушителю предписанныхъ разстояній между браманами, кастовыми и внѣкастовыми людьми [1]); солдаты, принадлежащіе къ кастѣ наировъ, не могутъ близко подходить къ арестантамъ, которыхъ они конвоируютъ, если послѣдніе ниже ихъ по рожденію; они окружаютъ ихъ обширнымъ полукругомъ, держа ружье постоянно направленнымъ противъ своихъ стѣснительныхъ спутниковъ [2]). Идея касты сдѣлалась понятіемъ, до̀ того естественнымъ въ умѣ индуса, что даже животныя классифицируются параллельно человѣческимъ соціальнымъ группамъ: бурундуки считаются звѣрями хорошей касты; вѐроны, напротивъ, слывутъ презрѣнными паріями [3]).

По вѣрованію брамановъ, желающихъ придать своей власти божественное освященіе, касты имѣютъ религіозное происхожденіе; сами боги, будто бы, раздѣлили такимъ образомъ людей на классы. Правда, что касты вошли въ религію, какъ одинъ изъ ея догматовъ, или даже сдѣлались выше ея: „что̀ за дѣло до вѣры, лишь бы сохранить свою касту" [4]) — такова обычная поговорка брамаистовъ. Но въ Индіи, какъ и во всякой другой странѣ, происхожденіе касты нужно искать въ одно и то же время въ кланѣ и въ ремеслѣ. Тамъ, гдѣ два народца, различающіеся наружнымъ видомъ, нравами, занятіями, приходили во внѣшнее соприкосновеніе между собою, они оставались обособленными, и расовые признаки преобразовывались мало-по-малу въ кастовыя черты: въ Сѣверной Индіи можно указать сотнями примѣры отдѣльныхъ, обособленныхъ группъ, состоящихъ изъ клановъ иммигрантовъ и аборигеновъ, еще не слившихся въ одну націю. Но касты возникли въ такой же мѣрѣ изъ ремесла, какъ и изъ расы: когда и профессія, и происхожденіе равно различны, какъ это обыкновенно и бываетъ въ наибо̀льшей части Полуострова, каждая

[1]) *Thévenot* „Voyage aux Indes orientales".
[2]) *Fr. Day* „The Land of the Permauls".
[3]) *Luquet* „Annales de la Propagation de la Foi", juillet 1866.
[4]) *Monier Williams* „Modern India and the Hindu".

особенная группа изолируется, словно она хочетъ окружить себя неприступною каменною стѣной [1]). Въ Европѣ тоже образовались гильдіи и корпораціи; но чтобы организоваться окончательно въ замкнутыя касты, имъ не доставало продолжительнаго существованія, религіозной санкціи, вѣковой практики одинаковыхъ обычаевъ и соблюденія общеобязательныхъ правилъ относительно пищи и вообще матеріальной жизни. *Джатъбхахъ*, „каста—это рисъ“, говоритъ одна новая пословица въ Бехарѣ; „мясо составляетъ касту“, возражаютъ орисскіе коларійцы [2]). Первоначальныя причины, породившія касту, забыты; ее узнаютъ теперь, главнымъ образомъ, по внѣшнимъ признакамъ, по символамъ, которымъ приписывается первостепенная важность: таковы горизонтальные или вертикальные знаки, нарисованные на челѣ кускомъ сандальнаго дерева. Соціальное состояніе необходимо измѣняется соотвѣтственно измѣненію нравовъ и обычаевъ; чтобы превратить индусовъ въ мусульманъ, магометанскимъ завоевателямъ достаточно было подвергнуть своихъ подданныхъ обряду обрѣзанія, и послѣдніе, не смотря на постигшую ихъ бѣду, принуждены были признавать себя послѣдователями ислама. Разъ вступивъ посредствомъ тѣлеснаго знака въ новую общественную группу, они уже не имѣли болѣе общенія со своими родными и друзьями; они были отвергаемы, какъ существа, навсегда оскверненныя. Если бы миссіонеры католическіе и протестантскіе дѣйствовали на манеръ мусульманскихъ обратителей и заставляли индусовъ ѣсть коровье сало, ихъ храмы наполнились бы стыдящимися прозелитами, вынужденными общественнымъ презрѣніемъ объявлять себя христіанами. Слушать церковную проповѣдь, хотя бы даже не понимая словъ ея, считается уже вѣроотступничествомъ.

Индусъ не имѣетъ инаго племени, кромѣ касты: онъ не можетъ вступить въ бракъ внѣ этого замкнутаго міра; онъ считаетъ себя солидарнымъ со всѣми тѣми, которые ѣдятъ вмѣстѣ съ нимъ и называютъ себя тѣмъ же именемъ. За нихъ, за общую честь, онъ пойдетъ на встрѣчу всякой опасности; онъ обречетъ себя даже на смерть, если это нужно; каждая деревня дѣлится на столько маленькихъ республиканскихъ группъ, сколько въ ней есть кастъ, и каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свою администрацію и свою полицію [3]); поселянинъ считаетъ своими братьями членовъ соотвѣтственныхъ кастъ другихъ деревень, а не сосѣдей односельчанъ, принадлежащихъ къ другой кастѣ. Каста, большая семья, составляетъ корпорацію, которая устанавливаетъ правила относительно праздниковъ, поддерживаетъ размѣръ заработной платы, а иногда и стачки рабочихъ; на чемъ она порѣшила, тому всѣ повинуются безпрекословно,

[1]) *Elie Reclus*, рукописныя замѣтки.
[2]) *Tickell* „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1840; *Stohr* „Mittheilungen von Petermann“, 1861, № 10.
[3]) *Monier Williams* „Modern India“.

какъ велѣнію судьбы. Между кастами возникаютъ ссоры, иногда кровопролитныя, изъ за самыхъ ничтожныхъ причинъ, по поводу какой-нибудь гирлянды цвѣтовъ, вышивки на платьѣ, трубнаго звука, барабаннаго боя, ибо все урегулировано до мельчайшихъ подробностей и каждый знаетъ въ точности границу, за которую не должны переходить привилегіи соперничающей касты. Тысяча обстоятельствъ можетъ лишить несчастнаго его общинныхъ, т. е. кастовыхъ, правъ; даже болѣзни, проказа напримѣръ, низводятъ его въ низшую касту. Самое тяжкое преступленіе—это допустить приблизиться къ себѣ человѣку нечистой расы, принять изъ его рукъ сосудъ съ водой или какую-нибудь запрещенную пищу. Адепты христіанства отказываются ѣсть за однимъ столомъ съ священникомъ, который ихъ обратилъ; отецъ, сынъ котораго путешествовалъ въ чужихъ краяхъ, не имѣетъ болѣе права принимать его у себя въ домѣ. Благочестивый браманъ, которому, по той или другой причинѣ, люди, носящіе священную нить, запретили входъ въ свои жилища, не имѣлъ прежде другого средства смыть съ себя позоръ, кромѣ самоубійства; еще въ началѣ настоящаго столѣтія, богатые индусы должны были по нѣсколько лѣтъ исполнять наложенныя эпитеміи и тратить сотни тысячъ франковъ, въ видѣ приношеній жрецамъ, чтобы возвратить себѣ утраченныя привилегіи своей касты [1]). Обыкновенное искупленіе для людей изъ простонародья состоитъ въ томъ, что провинившійся долженъ впродолженіи извѣстнаго времени пить коровью мочу или питаться зернами, находящимися въ коровьемъ калѣ [2]). Сама природа должна очищать себя отъ оскверненія, причиненнаго ей присутствіемъ чандала. Вода, оскверненная тѣнью этого нечистаго существа, вновь становится чистою подъ лучами солнца и луны и отъ дуновенія вѣтра; сосудъ, до котораго дотронулся человѣкъ безкастовый, считается навсегда оскверненнымъ: его нужно разбить.

Но этотъ тяжелый институтъ кастъ, тяготѣющій надъ индусами и никогда не позволявшій имъ соединяться воедино противъ иноземнаго нашествія, преобразовывается мало-по-малу, и правила его становятся менѣе суровыми. Въ сѣверныхъ областяхъ, самыхъ богатыхъ и наиболѣе населенныхъ, мусульманское завоеваніе, отмѣнивъ касты, сильно потрясло индусское общество, и соціальныя дѣленія тамъ уже далеко не такъ рѣзко разграничены, какъ въ южныхъ провинціяхъ, оставшихся подъ неоспоримымъ авторитетомъ древнихъ законовъ. Великая нравственная революція, которая совершилась, когда Будда провозгласилъ равенство людей, оставила по себѣ глубокіе слѣды, и съ того времени подобныя движенія часто имѣли мѣсто въ народныхъ массахъ: такъ, въ концѣ четырнадцатаго

---

[1]) *Shib Chunder Bose* „The Hindoos as they are“.
[2]) *Thévenot* „Voyage aux Indes orientales“; *Nelson* „Madura Country“.

столѣтія, Кабиръ, котораго мусульмане причисляютъ къ своимъ единовѣрцамъ, пытался примирить всѣхъ жителей Индіи, бѣдныхъ и богатыхъ, въ одной вѣрѣ во „внутренняго Бога", въ одно и то же время Аллаха и Раму, который ничего не требуетъ отъ своихъ вѣрныхъ, кромѣ того только, чтобы они любили другъ друга. Въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ, напримѣръ, въ дистриктѣ Куддапахъ, въ телугской области, совсѣмъ нѣтъ кастъ; многочисленныя секты, какъ, напримѣръ, линганты въ Декканѣ, сатнами въ Чатисгарѣ, хумбупаттія въ Ориссѣ, „святые" въ Раджпутанѣ, возставали противъ общества брамановъ и раджпутовъ, чтобы провозгласить свое право на равенство; въ наиболѣе чтимыхъ святыняхъ, куда стекаются несмѣтныя толпы пилигримовъ со всѣхъ концовъ Индіи, каковъ, напримѣръ, Джаггапатскій храмъ, пища раздается одинаково всѣмъ, безъ различія происхожденія или ремесла: существуютъ даже тайныя общества, состоящія изъ людей всякой касты, которые днемъ держатся другъ отъ друга на дистанціяхъ, предписаныхъ общественнымъ мнѣніемъ, по которые ночью собираются пировать вмѣстѣ, браманъ рядомъ съ судрой[1]). Преданія мало-по-малу изглаживаются, и люди высшей касты, всего болѣе заинтересованные въ сохраненіи соціальныхъ перегородокъ, принимаютъ европейское пирожное, ѣдятъ рисъ, приготовленный мусульманскими руками, принимаютъ у себя въ домѣ родственниковъ или друзей, воспитывавшихся въ Европѣ[2]). Что касается богатыхъ негоціантовъ, то у нихъ есть поговорка, что „ихъ каста въ сундукѣ съ деньгами", а народная масса замѣтно преобразуется подъ вліяніемъ образованія и экономическихъ перемѣнъ.

Дѣйствіе англичанъ двоякое. Подобно тому, какъ они поощряли развитіе крупной земельной собственности въ ущербъ мелкой, такъ точно они укрѣпили власть брамановъ выше всѣхъ другихъ кастъ, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Майсурѣ, браманское первенство было оспориваемо. По примѣру всѣхъ правителей, они старались классифицировать методически, по разрядамъ, соціальную іерархію своихъ подданныхъ. Кромѣ того, и сами они составляютъ надъ націей касту, безпощадно замкнутую для низшихъ индусскихъ классовъ. Съ другой стороны, уничтоженіе рабства, отмѣна крѣпостнаго состоянія, т. е. продажа людей вмѣстѣ съ землей, имѣли то слѣдствіе, что подняли нравственно самыхъ отверженныхъ изъ индусовъ и породили у нихъ сознаніе права; англичане разрушаютъ учрежденіе кастъ новыми идеями, которыя приносятъ ихъ книги, журналы и газеты, изобрѣтенія, тысяча перемѣщеній, производимыхъ торговлей, перемѣны, вводимыя въ обыденной жизни. Паріи теперь уже дерзаютъ домогаться равноправности съ браманами;

---

[1]) *Aug. Glardon* „Le Radjpoutana".
[2]) *Shib Chunder Bose*, цитированное сочиненіе.

они требуютъ, чтобы ихъ дѣтей допускали въ общественныя учебныя заведенія и чтобы перестали примѣнять къ нимъ оскорбительные эпитеты. Образованные индусы сами осуждаютъ касту въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и періодическихъ изданіяхъ; они напоминаютъ о древнихъ временахъ, прославляемыхъ эпопеями, о тѣхъ временахъ, когда „всѣ были браманами", и повторяютъ стихи своихъ поэтовъ, протестовавшихъ противъ соціальныхъ неравенствъ: „Превосходство и низость обнаруживаются нравами. Развѣ дождь падаетъ не на всѣхъ одинаково? Развѣ вѣтеръ не дуетъ равно на каждаго изъ насъ? Развѣ обширная земля говоритъ кому-нибудь: я не хочу носить тебя?" „Безъ величія добродѣтели, рожденіе даетъ ли заслугу глупцамъ?" [1]).

Религіи—за исключеніемъ, однако, тѣхъ, которыя были занесены извнѣ, каковы парсизмъ (огнепоклонство), іудейство, магометанство, христіанство—не создаютъ никакого раздѣльнаго барьера между обитателями Индіи. Всего чаще, но не какъ безусловное правило, онѣ совпадаютъ съ кастами и группами кастъ, и даютъ имъ болѣе точные контуры, догматъ, ритуалъ, цѣлый аппаратъ эвокацій и заклинаній; но своею сверхъестественною стороной онѣ нисколько не противоположны одна другой. Индусъ склоненъ всему вѣрить; никакое чудо не удивляетъ его; еще погруженный въ первоначальный пантеизмъ, онъ во всемъ видитъ бога; поклоняясь своимъ божествамъ, онъ не отрицаетъ и тѣхъ боговъ, которымъ молятся другіе. Всѣ религіозныя формы представлены во всевозможныхъ періодахъ ихъ развитія. Страна Ведъ не только обладаетъ самыми древними и самыми полными священными книгами, относящимися къ натуралистическимъ вѣрованіямъ, нѣкогда общимъ всей арійской семьѣ, она даже сохранила самыя религіи, болѣе или менѣе видоизмѣненныя временемъ, но совершившія самостоятельно свою эволюцію, безъ рѣзкихъ вторженій чуждыхъ элементовъ. Въ одномъ и томъ же городѣ Непала, въ Патанѣ, Батгонѣ или Катманду, увидишь рядомъ храмы индусскіе, пагоды буддійскія и колонны, увѣнчанныя наверху изображеніями священныхъ животныхъ.

Нѣтъ надобности проникать въ глубь страны къ живущимъ тамъ дикимъ племенамъ, чтобы найти слѣды инстинктивныхъ религій, порожденныхъ чувствомъ удивленія, страха или желанія. Всѣ формы фетишизма и анимизма встрѣчаются у населеній Бенгаліи. Деревья или камни причудливой формы, странные предметы, природа которыхъ непонятна, растенія полезныя или вредныя, животныя домашнія или дикія, души благодѣтелей и наводившихъ страхъ тирановъ, символы всякаго рода,

---

[1]) „Agaval de Kapila", тамальская поэма, переведенная на французскій языкъ Ж. Венсономъ.

боги извѣстные или неизвѣстные—одинаково составляютъ предметъ обожанія; новыя божества безпрестанно прибавляются къ многочисленному сонму боговъ, населяющихъ туземный пантеонъ. Но самую поразительную черту натуралистической религіи, какою она открывается въ древнихъ священныхъ книгахъ и какою обнаруживаетъ ее изученіе быта сельскихъ населеній, составляетъ почитаніе, оказываемое арійцами небу, гдѣ шествуютъ солнце, луна и армія звѣздъ, гдѣ смѣняются день и ночь, гдѣ носятся облака, гдѣ блистаетъ молнія и гремитъ громъ [1]): тамъ начало всей ведической космогоніи, отъ которой въ большой части произошли космогонія древнихъ грековъ и классическая миѳологія. Рѣки или ганги, которыя распространяютъ повсюду жизнь, которыя разносятъ по землѣ воды, упавшія съ неба, почитаются почти наравнѣ съ небомъ, которое образовало ихъ своими дождями. Въ этой тропической странѣ, гдѣ густые, почти непроходимые лѣса покрывали прежде всѣ сырыя мѣстности, деревья тоже не могли не играть значительной роли въ культѣ. Въ полуденной Индіи названіе *tone*, примѣнявшееся нѣкогда къ буддійскимъ ступамъ, прилагается также къ отдѣльнымъ группамъ деревьевъ или рощамъ. Это такія же святилища, какъ и памятники, воздвигнутые рукой человѣка. Священная смоковница (ficus religiosa) считается настоящимъ храмомъ, и дупла этого колоссальнаго дерева обладаютъ чудодѣйственною силой очищать грѣшника, который пріютится въ нихъ на нѣкоторое время, для того, чтобы „переродиться“ [2]). Есть деревья, подъ которыми никто не могъ бы солгать, не совершивъ тѣмъ тяжкаго преступленія, и разсказываютъ, что купцы въ Ульварѣ составили стачку и заперли свои лавки, чтобы воспрепятствовать посадкѣ на базарной площади этихъ священныхъ деревъ, присутствіе которыхъ сдѣлало бы невозможною всякую торговлю. Индусскія религіи, которыя развивались въ плодородной странѣ, изобилующей растительностью, составляютъ, по выбору символовъ, рѣзкій контрастъ съ семитическими религіями, возникшими въ странахъ безплодныхъ и каменистыхъ. На берегахъ Ганга, культъ скалы не могъ имѣть религіозной цѣны, какую онъ имѣлъ у семитовъ; но растенія заняли важное мѣсто въ почитаніи вѣрныхъ; таковы, въ особенности, ямбоза, салъ, *туласи*, видъ базилика, дерево котораго употребляется для выдѣлки четокъ въ честь бога Вишну. Особеннымъ обожаніемъ пользовался цвѣтокъ лотоса, который принимали за образъ всего живущаго, всего, что распускается въ прекрасныя правильныя формы. Этотъ культъ лотоса, пропагандированный буддистами, распространился изъ Индіи на островъ Яву, въ Китай, въ Японію; въ другой части свѣта, за каменистыми пустынями и безплодными скалами Западной

[1]) *Barth* „Religions de l'Inde“; *A. C. Lyall* „Forthnightly Review“, 1872; *J. Baissac* „Origines de la Religion“.
[2]) *W. W. Hunter* „Orissa“.

Азіи, египтяне, жившіе въ плодоносной дельтѣ Нила, тоже взяли лотосъ за символъ вселенной и прославляли его въ своихъ храмахъ.

Извѣстно, какъ сильно распространено въ современной Индіи сохранившееся отъ древнихъ временъ обожаніе животныхъ, или любимыхъ, какъ быкъ, или внушающихъ страхъ, какъ тигръ. Въ западной и южной областяхъ Индіи нѣтъ города, гдѣ бы не прогуливались свободно по улицамъ священные быки, отмѣченные на боку знакомъ трезубца Сивы, останавливаясь то у одной, то у другой двери, чтобы попросить подачки у вѣрующихъ; нѣтъ деревни въ джунгляхъ, гдѣ бы не разсказывались легенды про боговъ-змѣй и про людей-тигровъ. Въ Майсурѣ каждое селеніе имѣетъ свой образъ змѣи; во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще вѣрующіе падаютъ ницъ передъ живыми змѣями, и тысячи индусовъ съ ужасомъ отвергли бы мысль объ умерщвленіи одного изъ этихъ божественныхъ существъ; въ Бехарѣ англичане тщетно предлагаютъ преміи за истребленіе волковъ. Все, чего боятся, считается богомъ. Болѣзни, въ особенности холера и оспа, принадлежатъ къ числу наиболѣе почитаемыхъ боговъ. Умершіе тоже признаются высшими существами, которыхъ нужно умилостивить, дѣлая имъ приношенія; но между милліонами и милліардами духовъ есть, конечно, много такихъ, о которыхъ забываютъ и которые стараются выместить на живущихъ свое неудовольствіе за эту забывчивость. Воздухъ, вода, лѣса кишатъ этими страшными геніями, проклятыми ракшасами: они любятъ мракъ, и въ потемкахъ летаютъ въ пространствѣ, отправляясь въ поиски за добычей; оттого индусъ путешествуетъ ночью только въ случаѣ крайней необходимости и то не иначе, какъ истощивъ передъ отправленіемъ въ дорогу весь запасъ заклинательныхъ формулъ, преподанныхъ ему жрецами. Встрѣча съ европейцемъ считается тогда благопріятнымъ шансомъ, ибо духи удаляются отъ тѣхъ, кто не вѣритъ въ ихъ власть [1]). Умершіе, обратившіеся въ демоновъ, боятся также телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, всѣхъ заморскихъ изобрѣтеній [2]): индусъ вздыхаетъ свободнѣе и успокоивается отъ страховъ передъ сверхъестественнымъ міромъ, когда созерцаетъ эти произведенія человѣческаго искусства, чисто утилитарныя, гдѣ религія не играетъ никакой роли. Видали людей, повергавшихся на землю передъ локомотивами и поклонявшихся имъ, какъ божествамъ. Умирающіе въ краѣ англичане, которые при жизни возбудили къ себѣ въ населеніи любовь или ненависть за свою доброту или жестокость, становятся предметомъ поклоненія, наравнѣ съ туземными покойниками; на ихъ могилу приносятъ цвѣты, разныя яства, водку, сигары. Иная статуя англійскаго генерала, стоящая на городской площади, почитается не менѣе,

---

[1]) *Louis Jacolliot* „Voyage aux ruines de Golconde".

[2]) *Monier Williams* „Modern India".

чѣмъ изображеніе Сивы или Вишну, и женщины съ благоговѣніемъ приносятъ ей въ даръ кокосовые орѣхи. Между новыми религіями, родившимися въ этихъ умахъ, постоянно посѣщаемыхъ галлюцинаціями, многія приняли за божества англійскихъ властителей, и притомъ самыхъ грозныхъ. Такъ, генералъ Никольсонъ, погибшій при штурмѣ Дели во время возстанія сипаевъ, былъ обожаемъ многочисленнымъ братствомъ, имѣвшимъ свой монастырь, свою литургію, свои священные гимны. Что за дѣло, что онъ частенько подвергалъ палочнымъ ударамъ своихъ вѣрныхъ; эти послѣдніе, наказанные по приказанію своего божественнаго повелителя, вставали еще болѣе убѣжденные въ его державномъ могуществѣ. Правительству ничего не было бы легче, какъ пріобрѣсти обожаніе толпы, если бы оно того пожелало. Между индусами очень распространена легенда, что будто Сива недавно явился въ одномъ изъ чтимыхъ святилищъ Бенареса съ розовымъ и свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ голубыми глазами и свѣтлорусыми бакенбардами; держа въ рукѣ тросточку, вмѣсто трезубца, онъ преобразился въ англичанина, чтобы возвѣстить своему народу, что британское правительство есть многократное воплощеніе „Великаго Бога“ [1]). Во время недавняго посѣщенія Индіи принцемъ валлійскимъ, одинъ санскритскій поэтъ привѣтствовалъ его пріѣздъ такими словами: „Онъ пришелъ наконецъ, послѣдній изъ *аватаровъ* (превращеній Сивы) и самый великій“.

Брама пересталъ существовать для своихъ поклонниковъ, хотя имя его произносится съ благоговѣніемъ, какъ имя главнаго бога, и хотя новѣйшіе комментаторы сдѣлали изъ него первое лицо индусской троицы, о которой народъ ничего не зналъ. Это—бывшее, такъ сказать, отставное божество [2]). Ему посвященъ только одинъ храмъ между безчисленными религіозными зданіями Индустана. Теперь Брама не болѣе, какъ умственное существо или отвлеченное понятіе, давно забытый отецъ, котораго замѣнили его сыны браманы, т. е „творцы“, посящіе въ самихъ себѣ производительную силу [3]). Но съ тѣхъ поръ, какъ Брама исчезъ изъ сонма живущихъ боговъ, сколько народилось другихъ, сколько новыхъ боговъ заняли мѣсто въ этомъ, постоянно мѣняющемся мірѣ различныхъ религій и культовъ, который, подъ именемъ браманизма, простирается отъ самаго грубаго фетишизма до самыхъ утонченныхъ умозрѣній! „Триста тридцать милліоновъ“ божествъ допускаются съ одинаковою терпимостью: „лучше слѣдовать своему собственному закону, даже несовершенному, нежели чужому закону, хотя бы даже болѣе

[1]) *Paris* „Tur du Monde“, 1867.
[2]) *J. Baissac* „Origines de la Religion“.
[3]) *Martin Haug* „Brahma und die Brahmanen“.

совершенному", говоритъ Бхагаватгита [1]). Та или другая историческая или легендарная личность, на которую большинство индусовъ смотритъ, какъ на простого смертнаго, является въ глазахъ другихъ богомъ, и никому изъ вѣрныхъ, принадлежащихъ къ браманскимъ культамъ, не придетъ въ голову оспоривать вѣру въ этого бога. Всѣ герои Магабгараты, побѣдители и побѣжденные, Пандуиды и Каруиды, имѣютъ своихъ поклонниковъ. Въ одномъ только округѣ, въ южномъ Аркотѣ, Драупади, супруга Юдиштиры и его братьевъ, имѣетъ не менѣе 500 храмовъ, гдѣ власть ея призывается вѣрующими подъ различными олицетвореніями. Но кромѣ областныхъ боговъ, капища которыхъ воздвигнуты въ городахъ и на вершинѣ холмовъ, каждая деревня, каждый поселокъ имѣетъ своего спеціальнаго патрона, представляемаго камнемъ или чурбаномъ. Масса народа, въ деревняхъ, не имѣетъ другой религіи, кромѣ заповѣди „дѣлать добро и обожать мѣстнаго бога" [2]). У каждой касты тоже имѣется свой спеціальный покровитель: солдатъ воздаетъ культъ своему оружію, ремесленникъ — своему инструменту.

Изъ всѣхъ персонажей браманскаго пантеона, наибольшее число поклонниковъ имѣетъ Сива или Мага Део, „Великій Богъ", котораго теологи, живущіе внѣ народа, хотѣли-было сдѣлать представителемъ начала Разрушенія въ индусской троицѣ. Въ глазахъ своихъ вѣрныхъ онъ представляетъ, равнымъ образомъ, принципъ Созиданія и Сохраненія: онъ обладаетъ всѣми энергіями, чтобы давать жизнь и смерть; онъ верховный богъ. Его „двадцать тысячъ именъ" выражаютъ весь рядъ качествъ, отъ совершенной кротости до неумолимой жестокости; обыкновенное его имя, Сива, значитъ „Милостивый". Его представляютъ во всевозможныхъ формахъ, но символъ *линга*, подъ которымъ онъ всего чаще изображается, отъ одного конца Полуострова до другого, есть символъ не разрушенія, а творческой силы. Почти всѣ высокія горы, и Гауризанкаръ первый, посвящены этому богу, потому что съ высокихъ вершинъ спускаются оживляющія землю воды. Однако, чувство, преобладающее въ культѣ несчастнаго, вѣчно угнетеннаго народа, есть чувство страха: большинство поклонниковъ Сивы взываетъ къ нему, какъ къ грозному божеству, и въ честь его еще въ началѣ настоящаго столѣтія приносились человѣческія жертвы на устьяхъ Ганга, въ Типперахскихъ горахъ, въ области Чота-Нагпоръ и въ центральныхъ провинціяхъ. Въ древнія времена, для жертвоприношеній были предназначены слѣдующія пять животныхъ: „человѣкъ, лошадь, быкъ, овца, коза" [3]); сами браманы должны были приноситься въ жертву богамъ въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ. Во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще

[1]) Переводъ Эмиля Бюрнуфа.
[2]) *Albrecht Weber* „Indische Streifen"; *Barth*, цитированное сочиненіе.
[3]) *Monier Williams* „Modern India"; *Rajendralala Mitra* „Indo-Aryans".

приносятъ козъ и буйволовъ въ жертву богамъ или демонамъ, и жрецы пьютъ кровь жертвъ; почти вездѣ животныя замѣнены теперь, при жертвоприношеніяхъ, растеніями или изображеніями; но вѣрующіе часто предлагаютъ богамъ свою собственную кровь: когда сынъ боленъ, мать открываетъ себѣ вену, чтобы ублаготворить кровожадную богиню Кали. Хроники разсказываютъ о сектѣ капаликовъ или „людей череповъ“, поклонниковъ „Сивы Грознаго“, которые носили ожерелья изъ человѣческихъ костей и во время обряда всесожженія клали на огонь жертвенника человѣческое мясо, вымазанное саломъ и мозгомъ; что всего больше любилъ ихъ богъ, это—потоки крови, брызжущіе изъ горла, перерѣзаннаго однимъ ударомъ [1]). А туги, таги или паусигары, „люди мертвой петли“, кровавые жрецы свирѣпой Кали, женскаго олицетворенія Сивы, въ чемъ состояло ихъ „царственное призваніе“, какъ не въ томъ, чтобы приносить своей богинѣ человѣческія жертвы? Не составляли ли они цѣлой арміи, заключавшей въ своихъ рядахъ шпіоновъ, могильщиковъ, душителей и благословителей? Европейцевъ они щадили, потому что не могли приносить нечистыя жертвы Кали; они убивали только своихъ единоплеменниковъ, послѣдній вздохъ которыхъ съ удовольствіемъ былъ вдыхаемъ царицей небесъ [2]). Теперь, когда страшныя человѣческія жертвоприношенія уничтожены, туги представляютъ своей богинѣ гирлянды цвѣтовъ и медовыя лепешки. Эта Кали, господствующая надъ смертью, не то ли же самое, что Дурга и Парвати, богиня любви и красоты?

Всѣ другіе боги индусскаго пантеона, Кришна, покровитель пастуховъ, Рама, имя котораго напоминаетъ побѣды цивилизаціи надъ дикимъ міромъ, Вишну, котораго браманическія священныя книги помѣщаютъ въ тримурти (троицѣ) между Брамой и Сивой, тоже представляются съ тысячью различныхъ аттрибутовъ: въ каждомъ изъ нихъ одни вѣрующіе поклоняются богу любви, другіе стараются умилостивить грознаго властителя, бога всемогущаго среди полнаго политеизма. Своими постоянными *аватарами*, т. е. превращеніями или преображеніями, которыя позволяютъ ему появляться подъ всевозможными видами, даже подъ видомъ животнаго и человѣка низшей касты, Вишну, болѣе чѣмъ всякій другой богъ, соотвѣтствуетъ религіи народа, который безпрестанно обновляетъ свои вѣрованія, никогда не порывая связи съ преданіемъ [3]). Культъ Вишну, во всей его совокупности, есть одинъ изъ наиболѣе привлекательныхъ. Въ Джагганатѣ, пилигримы, приходящіе просить у своихъ жрецовъ святой пищи, видятъ въ этомъ богѣ великаго утѣшителя, передъ которымъ всѣ равны, безъ различія кастъ; современникъ

[1]) *Troyer* „Chroniques de Kachmir“.
[2]) „Rambles and Recollections of an Indian Official“.
[3]) *Barth* „Revue de l'Histoire des Religions“, janvier-fevrier 1881.

Будды, колесо котораго еще красуется на верхушкѣ храмовъ Пури, усвоилъ себѣ его благость и снисходительность; онъ носитъ то же имя, Багаватъ, и однѣ и тѣ же солнечныя легенды примѣняются къ обоимъ [1]).

Но Вишну не довольствуется „почитаніемъ въ духѣ и въ истинѣ“; онъ требуетъ, или, лучше сказать, жрецы требуютъ вмѣсто него, традиціоннаго культа, предписаннаго церемоніала, установленныхъ правилъ: обрядности—вотъ истинные боги. Религія есть не что иное, какъ другая форма волшебства: извѣстныя слова и жесты открываютъ небо. Въ древнихъ книгахъ изложена полная теорія способовъ вызывать экстазъ, средствами для чего служатъ продолжительная неподвижность тѣла, замедленіе дыханія, пристально устремленный на одну точку взоръ, повтореніе священныхъ односложныхъ словъ, и, какъ извѣстно, нѣкоторые факиры достигаютъ того, что могутъ произвольно впадать въ каталептическіе трансы, имѣющіе подобіе смерти. Но такіе люди рѣдки, которые могутъ приближаться къ богамъ строгимъ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ или экстазомъ; для массы обыкновенныхъ смертныхъ самое похвальное дѣло—это щедрость въ отношеніи „дважды рожденныхъ“, или переродившихся, все равно, будутъ ли то жрецы или міряне. Богатые брамины получаютъ земли, а бѣдные кормятся на счетъ низшихъ кастъ.

Между сѣверомъ и югомъ Индіи замѣчается большой контрастъ въ религіозномъ отношеніи. Въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ такъ долго господствовали магометанскіе государи, брамины принуждены были прекратить публичное отправленіе своихъ религіозныхъ церемоній; даже въ мѣстахъ пилигримства, гдѣ вѣрующіе собираются десятками тысячъ, всѣ акты культа сохраняютъ частный, индивидуальный характеръ, и совершаются въ пользу главы семейства и его жены [2]); богатый имѣетъ свой особенный алтарь, своего собственнаго брамина; обряды культа никогда не совершаются сообща съ людьми низшихъ кастъ. Напротивъ, въ дравидійскихъ областяхъ всѣ, за исключеніемъ людей, стоящихъ внѣ кастъ, собираются въ одно мѣсто для общихъ религіозныхъ церемоній. Это на югѣ въ особенности храмы населены „баядерками“ или *кази*, изъ которыхъ каждая была въ дѣтствѣ съ большою торжественностью повѣнчана съ какимъ-нибудь идоломъ.

Буддизмъ, который изъ Индіи распространился въ сосѣднія страны, даже въ царство „Восходящаго Солнца“, почти совершенно исчезъ на Полуостровѣ по сю сторону Ганга, хотя слѣды его встрѣчаются въ смѣнившихъ его культахъ; онъ сохранился подъ своимъ именемъ, какъ самостоятельная религія, только въ долинахъ Гималайскихъ горъ и въ полуденной части острова Цейлона. Ученіе Шакіа-Муни, „Мудреца“ по

---

[1]) *Senart* „Essai sur la légende de Buddha“.
[2]) *Barth* „Religions de l'Inde“; *L. Jacolliot* „Voyage au pays des Perles“.

преимуществу, образца несравненнаго, но въ большой части миеическаго, о доброжелательной справедливости, о преданности и нѣжности къ страдающимъ, представляетъ фазу человѣчества, совершенно отличную отъ той, которая соотвѣтствуетъ аристократическому идеалу брамановъ. Эти послѣдніе заботятся только о томъ, чтобы спастись самимъ; они исключаютъ изъ спасенія судру, который не имѣетъ права читать священныя книги, между тѣмъ какъ Будда, народный учитель, думаетъ одинаково о счастіи всѣхъ людей [1]), даже о счастіи чандала, даже о счастіи животнаго. Всѣ люди равно были призваны къ священству; но съ этимъ священствомъ вновь явилась іерархія, касты были возстановлены, и сами же буддійскіе миссіонеры занесли кастовый режимъ въ страны, гдѣ онъ до того времени не существовалъ; китайскіе пилигримы упоминаютъ о чандалахъ подъ именемъ „ненавистныхъ“ [2]). Какъ революція бѣдныхъ [3]), буддизмъ восторжествовалъ; онъ палъ, какъ только сдѣлался религіей богатыхъ: браманы, представители по преимуществу привилегіи, воспользовались имъ, какъ средствомъ снова отобрать у нихъ храмы и прогнать своихъ соперниковъ жрецовъ изъ страны [4]). Кажется, впрочемъ, систематическаго преслѣдованія не было; большинство историческихъ свидѣтельствъ согласно указываютъ на постепенное угасаніе буддизма въ періодъ съ седьмаго по девятое столѣтіе общепринятой эры [5]). Въ гималайскихъ долинахъ онъ уже выродился въ шаманство и многими чертами сливается съ культомъ Сивы. На островѣ Цейлонѣ онъ менѣе смѣшался съ чуждыми элементами.

Джайны Индіи, живущіе, главнымъ образомъ, въ Гудзератѣ и Марварѣ, очевидно, имѣютъ близкую связь съ буддизмомъ. Основатель ихъ религіи, Джайна (Jina), „Святой“, „Побѣдитель порока и добродѣтели“, или Магавира, „великій Герой“, какъ кажется, жилъ въ той же странѣ, т. е. въ Бехарѣ, и около того же времени, какъ и Будда, и эти двѣ религіи развивались параллельно. Джайны, нѣкогда соперники брамановъ по вліянію, были тогда болѣе могущественны, чѣмъ въ наши дни, и господствовали въ полуденной Индіи; книги ихъ составляютъ замѣчательнѣйшіе памятники дравидійской литературы. Изъ двухъ главныхъ сектъ, на которыя дѣлится міръ „святыхъ“, одна, между прочимъ, запрещала всѣмъ своимъ членамъ употребленіе одежды. Ни одна религіозная община не простирала такъ далеко, какъ дундіи или „искатели“, уваженіе ко всему живущему; между этими-то джайнами встрѣтишь щепетильныхъ людей, которые, чтобы не раздавить нечаянно какихъ-

[1]) *Бартъ*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Abel Rémusat* „Foe koue li ou Relation des royaumes bouddhiques“, chap. XVI.
[3]) *Ernest Renan* „Histoire des origines du Christianisme“.
[4]) *A. Weber* „Indische Skizzen“.
[5]) *Monier Williams* „Modern India“.

ХЛОПКОВЫЙ РЫНОКЪ ВЪ БОМБЕѢ.

нибудь крошечныхъ животныхъ, тщательно выметаютъ мѣсто, на которое хотятъ сѣсть, которые лишаютъ себя омовеній, изъ боязни уничтожить какую-нибудь невидимую инфузорію [1], пьютъ только фильтрованную воду, дышатъ не иначе, какъ черезъ вуаль, бросаютъ муку на землю, чтобы накормить муравьевъ. Дѣла благотворительности составляютъ главную заповѣдь, „четыре обязанности“ джайновъ; но, какъ банкиры и спекулянты, они не пользуются любовью толпы, и это противъ нихъ въ особенности сочиняются деревенскія пѣсни. Въ ихъ рукахъ находится весьма значительная часть богатства страны, хотя они относительно очень малочисленны; но они поддерживаютъ другъ друга и составляютъ въ цѣлой Индіи могущественную ассоціацію. Между всѣми обитателями Полуострова, они выказываютъ наибольшее рвеніе, какъ строители; нѣкоторыя изъ ихъ группъ святилищъ, Палитана, въ Катіаварѣ, гора Абу въ Раджпутанѣ, холмъ Сунагаръ въ Бундельхандѣ, гора Параснатъ въ Бенгаліи, принадлежатъ къ самымъ пышнымъ памятникамъ религіознаго зодчества, какіе только существуютъ; это настоящіе города храмовъ [2].

Лучшія ихъ религіозныя зданія относятся, какъ и пагоды брамановъ, къ эпохѣ одиннадцатаго, двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій. Это тогда были воздвигнуты тѣ чудные храмы, которые поражаютъ зрителя какъ величественнымъ видомъ цѣлаго и прекраснымъ расположеніемъ массъ, такъ и безконечнымъ разнообразіемъ орнаментовъ, отчетливостью и тонкостью работы. Въ видѣ примѣра этихъ удивительныхъ построекъ, составляющихъ дѣло всего народа, можно указать на храмъ Каджраха, въ Бундельхандѣ [3]. Но въ индусскихъ храмахъ очень рѣдко встрѣтишь истинно прекрасныя изображенія человѣческой фигуры: одни только буддисты, къ которымъ историки Индіи [4]) присоединяютъ греко-бактрійцевъ или явановъ, вырѣзывали на своихъ ступахъ барельефы, изъ которыхъ иные смѣло могли бы занять мѣсто между скульптурными украшеніями какого-нибудь античнаго памятника Греціи или Малой Азіи. Стѣнная живопись тоже встрѣчается почти только въ подземныхъ храмахъ буддистовъ, въ сѣверо-западной части Деккана. Одну изъ характеристическихъ особенностей индусскаго храма составляетъ узкость пространства, отведеннаго божку. Какъ бы ни было обширно само зданіе, съ его дворами, перистилями, прудами, пирамидами порталовъ, святилище въ собственномъ смыслѣ представляетъ тѣсную и темную келью, которая отъ этого становится еще болѣе священною въ глазахъ трепещущаго поклонника, когда онъ очутится лицомъ къ лицу съ грознымъ божествомъ.

---

[1]) *A. Glardon* „Le Radjpoutana“.
[2]) *James Fergusson* „History of the Indian and Eastern Architecture“.
[3]) *L. Rousselet* „L'Inde des Rajahs“.
[4]) *W. W. Hunter* „Orissa“.

Изъ иностранныхъ религій, распространившихся въ Индіи, только одна, исламъ, имѣетъ важное значеніе по многочисленности своихъ вѣрныхъ. Около одной пятой всего числа жителей Полуострова по сю сторону Ганга причисляютъ себя къ послѣдователямъ Магомета, такимъ образомъ Великобританія оказывается „первою мусульманскою державой въ свѣтѣ". Магометане составляютъ большинство населенія только въ Сѣверо-западной Индіи, по обѣ стороны рѣки Инда: эта область, куда такъ часто вторгались иноземные завоеватели, спускавшіеся съ плоскогорій Запада, примыкаетъ по культу къ міру Передней Азіи; индусы принуждены были уступить иммигрантамъ семитической религіи страну „Семи" или „Пяти рѣкъ", которая была колыбелью ихъ вѣры. Къ востоку отъ Пенджаба, мусульмане вездѣ составляютъ меньшинство, исключая нѣкоторыхъ округовъ, гдѣ численность ихъ превышаетъ численность индусовъ; но во многихъ провинціяхъ, и особенно въ Бенгаліи, они довольно многочисленны, чтобы устоять противъ индусскихъ населеній. Въ Южной Индіи они населяютъ преимущественно приморскіе города, и самое большое изъ медіатизированныхъ государствъ, королевство Гайдерабадское, находится подъ властью мусульманскаго государя.

Чуждые элементы, афганцы и рогиллы, персіане и турки, довольно сильно представлены между магометанами въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, но въ другихъ частяхъ Индіи исламъ почти не имѣетъ другихъ послѣдователей, кромѣ индусовъ низшихъ кастъ: та же самая народная революція, которая нѣкогда обратила индійское населеніе въ буддизмъ, возобновилась, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, для магометанства; уничтоженіе кастъ естественно должно было привлечь на сторону ученія Магомета всѣхъ, кто хотѣлъ освободиться изъ подъ желѣзнаго закона, насильно навязаннаго браманами. Но между этими милліонами послѣдователей ислама большинство—мусульмане только по имени. Почти во всѣхъ деревняхъ Бенгальскаго президентства жители обѣихъ религій принимаютъ участіе въ однѣхъ и тѣхъ же религіозныхъ церемоніяхъ, и единственное различіе заключается въ формулахъ молитвъ, произносимыхъ священнослужителями подлежащихъ культовъ. Точно такъ же на территоріи Пондишери различныя вѣроисповѣданія сблизились между собою. Мусульмане переняли отъ индусовъ и христіанъ обычай религіозныхъ процессій, который первоначально былъ имъ незнакомъ [1]). Торжественность и пышность этихъ процессій совершенно одинаковы во всѣхъ трехъ религіяхъ, и члены трехъ вѣроисповѣданій считаютъ долгомъ соблюдать свои праздники сообща и присутствовать съ равнымъ благоговѣніемъ на своихъ взаимныхъ торжествахъ; тѣ же самыя хоругви и знамена служатъ

[1]) *Garcin de Tassy*, „Mémoires sur les Particularités de la religion musulmane dans l'Inde".

попеременно на праздникахъ индусовъ, мусульманъ и католиковъ [1]). При входѣ или выходѣ изъ порта, судохозяева, индусы, магометане и христіане, всѣ одинаково привѣтствуютъ святыню или мавзолей, господствующіе надъ городомъ. Подражая индусамъ, католики прибавили къ своимъ обрядностямъ представленіе нескончаемыхъ духовныхъ драмъ, очевидно скопированныхъ съ шіитскихъ *тазіехъ* и съ браманическихъ мистерій [2]). Однако, можно сказать, что, взятые въ массѣ, мусульмане все болѣе и болѣе обособляются отъ индусовъ, принадлежащихъ къ религіямъ, происшедшимъ изъ Ведъ. Противоположность культовъ имѣетъ слѣдствіемъ различіе пищи, привычекъ, профессій, нравовъ и обычаевъ; такъ, почти всѣ матросы или *ласкары*—магометане, каково бы ни было ихъ происхожденіе, арабское, афганское или индійское. Въ городахъ, гдѣ двѣ религіи въ силѣ, очень часто вспыхиваютъ ссоры и кровавыя драки; мечети или пагоды опустошаются; индусы и „убійцы коровъ", какъ обыкновенно называютъ мусульманъ, рѣжутъ другъ друга на улицахъ во имя Аллаха или Вишну. Британское правительство часто принуждено бываетъ вмѣшиваться въ эти схватки и разнимать воюющихъ; но ему небезъизвѣстно, что въ случаѣ, если когда-нибудь его могуществу будетъ грозить опасность, то оно можетъ натравить однихъ на другихъ и сохранить свое владычество, поддерживая раздоръ между своими подданными.

Не только число мусульманъ возростаетъ въ Индіи, но ихъ процентное отношеніе тоже увеличивается: не бывало примѣра, чтобы магометанинъ перешелъ въ христіанскую религію, тогда какъ многочисленныя обращенія, между которыми насчитываютъ нѣсколько случаевъ обращенія англичанъ, соблазненныхъ, будто бы, простотою вѣры и спокойною величавостью культа, постоянно происходятъ въ пользу ислама; его успѣхи теперь даже значительнѣе, чѣмъ въ тѣ времена, когда магометанскіе государи царствовали надъ Индустаномъ [3]). Болѣе девяти десятыхъ послѣдователей Магомета принадлежатъ къ сектѣ суннитовъ, не зная, впрочемъ, что они такимъ образомъ признаютъ румскаго или константинопольскаго султана „главою правовѣрныхъ". За исключеніемъ Кашмира и Бомбея, гдѣ имѣетъ пребываніе намѣстникъ, или „викарій пророка", шіиты нигдѣ не встрѣчаются въ числѣ, достаточно большомъ для того, чтобы взаимная ненависть сектъ могла ослаблять вліяніе ислама; въ другихъ мѣстахъ, всеобщая вѣротерпимость, господствующая въ Индустанѣ, успокоила религіозную вражду: шіиты и сунниты живутъ обыкновенно въ добромъ согласіи и принимаютъ участіе, за немногими исключеніями, въ однихъ и тѣхъ же празднествахъ [4]). Что касается братства

[1]) *Julien Vinson* „Les Castes du sud de l'Inde", „Revue Orientale", 2-e série, № 4.
[2]) *De Gobineau* „Les Religions et les Philosophies dans l'Asie centrale".
[3]) *Garcin de Tassy* „La langue et la litterature hindoustanie en 1879".
[4]) *Garcin de Tassy* „Mémoires sur les particularités de la religion musulmane dans l'Inde".

вагабитовъ, которое съ 1830 года возбуждало не мало мѣстныхъ возстаній противъ англичанъ, то оно составляетъ лишь, такъ сказать, авангардъ магометанъ суннитовъ, поставившій себѣ задачей хранить вѣру во всей ея чистотѣ и поддерживать связь Индіи съ остальнымъ мусульманскимъ міромъ. Одинъ изъ вопросовъ, которые всего чаще обсуждались вагабитами,—это вопросъ объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи британскаго правительства. Обязаны ли они возмущаться противъ своихъ повелителей? Есть ли Индія „земля войны" или „земля ислама?" [1]). Это они поставляютъ главный контингентъ пилигримовъ, отправляющихся въ Мекку, и многіе окончательно покидаютъ родину, чтобы поселиться навсегда въ святыхъ градахъ Западной Аравіи, обогащаемыхъ ихъ щедростью. Оттого остъ-индское правительство поставило вагабитовъ подъ спеціальный надзоръ полиціи, и тщетно они стараются, чтобы избавиться отъ этого стѣснительнаго сосѣдства, заявлять о своемъ уваженіи къ британскимъ законамъ и о своей преданности къ особѣ императрицы. Англичане допускаютъ гораздо меньше магометанъ, чѣмъ индусовъ, въ число имперскихъ чиновниковъ; они закрыли имъ доступъ въ армію, въ судебныя учрежденія, въ высшую администрацію. Рѣдко бываетъ, чтобы въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ мусульманскія дѣти занимали первое мѣсто [2]); отличаясь вообще умомъ менѣе свободнымъ, понятіями болѣе узкими, они болѣе упрямы, чѣмъ индусскія дѣти, болѣе ослушны въ отношеніи европейскихъ учителей и менѣе воспріимчивы къ ихъ преподаванію. Притомъ же, отцы мусульмане, когда у нихъ нѣтъ собственнаго медрессе, съ большою неохотой посылаютъ своихъ сыновей въ школы англичанъ; въ этихъ чужихъ учебныхъ заведеніяхъ языкомъ преподаванія рѣдко бываетъ ихъ родной языкъ, и преподаватели, индусы или евразійцы, не принадлежатъ къ ихъ религіи. Англичанамъ пришлось прибѣгнуть къ авторитету ученыхъ мусульманскихъ богослововъ и добиться отъ нихъ рѣшенія въ томъ смыслѣ, что молодые магометане могутъ, безъ опасности для спасенія своей души, проходить курсъ ученія въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Христіанство—одна изъ древнихъ религій Индіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ не только непрерывное преданіе относительно проповѣди апостола Ѳомы въ полуденномъ Индустанѣ, но также кресты, символическія изображенія Троицы, представляемой подъ видомъ старика, молодаго человѣка и птицы [3]), и древнія надписи на языкѣ пельви, найденныя на горѣ св. Ѳомы и въ другихъ мѣстахъ. Когда первые итальянскіе миссіонеры проникли на Полуостровъ по сю сторону Ганга, они, къ немалому удивленію, встрѣтили въ городахъ Малабара единовѣрцевъ,

[1]) *M. W. Hunter* „Our India Musulmans"; *Garcin de Tassy.*
[2]) *Richard Temple* „India as it is".
[3]) *Graul* „Reise nach Ost-Indien".

пользующихся великимъ почетомъ, наравнѣ съ браманами, и занимающихъ высшія должности въ государствѣ; вліяніе христіанъ въ ту отдаленную эпоху было болѣе значительно, чѣмъ обыкновенно думаютъ [1]). Со времени прибытія въ страну португальцевъ начались обращенія туземцевъ въ христіанство массами, при содѣйствіи свѣтской власти; въ 1599 году, на помѣстномъ соборѣ въ Удіамперѣ, близъ Кочина, три четверти „назареевъ" присоединились къ римской церкви и приняли латинскую обрядность; но преслѣдованія, раздоры, расколы повели вскорѣ дѣло распространенія христіанства къ упадку, и многіе изъ обращенныхъ снова вернулись къ индусскимъ религіямъ. Разсказы путешественниковъ и миссіонеровъ единогласно удостовѣряютъ, что христіане прежде составляли гораздо болѣе сплоченныя и болѣе многочисленныя группы или общины, чѣмъ въ наше время. Около половины восемнадцатаго столѣтія, іезуиты имѣли подъ своимъ началомъ слишкомъ 40.000 вѣрныхъ въ Майсурѣ и въ области Мадура; это втрое больше того числа туземныхъ христіанъ, какое существовало столѣтіе спустя. Въ эпоху завоеванія острова Цейлона голландцами, именно въ 1650 году, обрядности національныхъ культовъ совершались уже въ тайнѣ; оффиціально же сингалезцы были въ то время христіанами. Перемѣна политическаго режима позволила возродиться старымъ культамъ; царствовавшій въ Канди король отправилъ пословъ на континентъ съ порученіемъ привезти буддійскихъ миссіонеровъ, которые снова очистили храмы и возстановили античныя церемоніи, тогда какъ католическіе священники были изгнаны изъ предѣловъ государства и отправленіе христіанскаго богослуженія было воспрещено. Только въ 1806 году, одиннадцать лѣтъ спустя послѣ завоеванія острова англичанами, католики Цейлона опять получили право публично исповѣдывать свою религію; но въ теченіи полуторавѣковой нетерпимости число ихъ уменьшилось до 66.000 человѣкъ [2]), т. е. до цифры, составляющей не болѣе десятой доли численности прежнихъ христіанскихъ общинъ. На материкѣ Индіи уменьшеніе христіанъ должно быть приписано, главнымъ образомъ, также какъ въ Китаѣ и Японіи, взаимному соперничеству іезуитовъ и миссіонеровъ другихъ орденовъ, августиновъ и капуциновъ: въ то время, какъ одни старались прилаживаться къ мѣстнымъ обычаямъ, другіе возставали противъ законовъ о кастахъ, рискуя быть самимъ причисленными къ подлой черни [3]). Путешественникъ Валенціа жаловался, что паріи, принимая христіанскую вѣру, безчестятъ этимъ религію западныхъ народовъ; но подъ руководствомъ іезуитовъ католицизмъ приспособился къ соціальнымъ дѣленіямъ индускаго общества, каста удержалась [4]), обращенный могъ сохранить на

---

[1]) *Albrecht Weber* „Indische Skizze".
[2]) „Annales de la Propagation de la Foi", 1828.
[3]) *Monier Williams* „Modern India".
[4]) „Annales de la Propagation de la Foi", 1854.

лбу отличительный знакъ, причислявшій его къ вишнуитамъ или сиваитамъ, и даже въ церкви образъ Пресвятой Дѣвы имѣлъ такое же одѣяніе и такія же украшенія, какъ идолы богини Бавани. Миссіонеръ, которому было поручено обращеніе браминовъ, даже не кланялся своему собрату, пастырю парій, когда, несомый въ паланкинѣ, встрѣчалъ его на улицѣ шагающаго босыми ногами, въ сопровожденіи своихъ презираемыхъ духовныхъ овецъ; онъ долженъ бы былъ произвести очищеніе своего жилища, если бы ему сдѣлалъ визитъ миссіонеръ бѣдныхъ [1]). Тамъ, гдѣ месса совершалась вмѣстѣ для людей различнаго происхожденія, только лица, пользующіяся кастовыми привилегіями, могли входить въ домъ Божій.

Нынѣшніе миссіонеры, католическіе и протестантскіе, обращаются съ проповѣдью слова Божія, по бо́льшей части, къ обездоленнымъ, безправнымъ бѣднякамъ да къ дикимъ населеніямъ внутреннихъ частей Полуострова; но усилія ихъ не имѣютъ большаго успѣха. Первые обращенные въ Христову вѣру воображали, что они будутъ приняты въ касту обратителей; но очень скоро выведенные изъ этого заблужденія, убѣдившись, что сдѣлаться христіаниномъ значитъ сдѣлаться паріей [2]), они возвратились, по бо́льшей части, къ своимъ старымъ культамъ [3]). Хотя число протестантскихъ миссіонеровъ всякаго наименованія простирается почти до 5.000, ихъ паствы не заключаютъ даже полумилліона вѣрныхъ, и это послѣ столѣтней пропаганды [4]); еще въ Мадрасской провинціи, гдѣ находится половина ихъ общинъ, эти послѣднія состоятъ почти исключительно изъ потомковъ португальскихъ католиковъ и несторіянъ, обращенныхъ въ религію новыхъ политическихъ властителей [5]). Только шестая часть неофитовъ христіанства во всей Индіи принадлежитъ къ среднимъ и высшимъ кастамъ; большое число обращенныхъ туземцевъ—такъ называемые „рисовые христіане“: это тѣ бѣдняки, которые крестились во время голодовъ, чтобы имѣть хлѣбъ [6]); коммерсанты портовыхъ городовъ обыкновенно остерегаются брать на службу этихъ выкрестовъ и предпочитаютъ туземцевъ, сохранившихъ религію предковъ. Можно сказать, что пропаганда миссіонеровъ не имѣетъ прямаго воздѣйствія на цивилизованныхъ индусовъ: брамины, раджпуты, баніахи, поклонники Сивы, Вишну, Кришны, Рамы, относятся индифферентно или враждебно къ христіанской религіи. Они видятъ въ ней лишь совокупность чудесъ, которыя, по ихъ мнѣнію, могли бы найти мѣсто и въ ихъ собственной миѳологіи, и смотрятъ на Христа, какъ на своего

[1]) *Perrin* „Voyage dans l'Indostan“; *Julien Vinson* „Revue Orientale“, 2-e série, № 4.
[2]) *Graul* „Reise nach Ostindien“.
[3]) *Emil Schlagintweit* „Indien in Wort und Bild“.
[4]) *Richard Temple* „India as it is“.
[5]) *Charbonneau* „Annales de la Propagation de la Foi“, 1853, № 11.
[6]) *Chrtstlieb* „Etat actuel des Missions évangeliques“.

Кришну [1]), или какъ на новый *аватаръ* (превращеніе) Вишну. Между ними есть такіе, которымъ эта новая религія приходится по душѣ, но и старая имъ нравится не меньше, а потому они желали бы практиковать ихъ обѣ, сдѣлать изъ нихъ нѣчто въ родѣ того балансернаго шеста, который употребляется ими при плаваніи на баркахъ [2]); они считаютъ безполезнымъ креститься въ христіанскую вѣру, „будучи уже христіанами и даже больше, чѣмъ христіанами“. Другіе, ненавидя религію чужеземнаго властителя, не удостоиваютъ вступать въ какія-либо пренія или разсужденія о вѣрѣ съ миссіонеромъ; иногда они опровергаютъ его аргументами, почерпнутыми въ сочиненіяхъ самихъ европейскихъ философовъ.

Но если англичане не могутъ надѣяться обратить индусовъ въ свою вѣру, то, тѣмъ не менѣе, вліяніе, оказываемое европейскими идеями на туземное общество, весьма значительно и въ нѣдрахъ индусскихъ религій совершается процессъ быстраго разложенія. Мѣста пилигримства съ каждымъ годомъ посѣщаются все меньшимъ и меньшимъ числомъ богомольцевъ; древніе священные грады постепенно утрачиваютъ свою важность въ пользу новыхъ городовъ, центровъ промышленности и торговли; храмы, разрушающіеся отъ времени, не отстроиваются вновь; религіозный индифферентизмъ охватываетъ массы, тогда какъ образованные люди, отвергая изъ своего вѣрованія все сверхъестественное и сохраняя лишь правила морали да смутный, неопредѣленный деизмъ, видятъ въ религіи своихъ предковъ не болѣе, какъ простую историческую эволюцію *Брама-самаджъ*, новая форма индусскаго монотеизма, отличается только названіемъ отъ унитаріанизма англичанъ и американцевъ. Правда, число явныхъ приверженцевъ этого новаго монотеизма еще не велико, но онъ не лишенъ значенія, какъ признакъ общаго движенія идей, соотвѣтствующаго успѣхамъ просвѣщенія и общественной нравственности.

Приблизительное дѣленіе жителей Индустана по религіямъ въ милліонахъ душъ:

	Пенджабъ и сѣверо-западъ.	Бенгалія, Аудъ.	Бомбей и центръ.	Мадрасъ.	Цейлонъ.	Тузем. гос. Непалъ и проч.	Итогъ.
Индусы	35	53	20	28	0,6	57	193,6
Буддисты, джайны, парсы	0,5	0,2	0,25	—	1,7	3,5	6,15
Магометане . . .	12	24	3	2,5	0,2	1	48
Сейхи	1,5	—	—	—	—	—	1,5
Язычники и др. .	—	2	2,5	11 (?)	—	6,15	6 (?)
Христіане (катол. и протестанты) .	0,05	0,15	0,1	0,8	0,25	—	1,4
Сумма .	49,05	79,35	25,85	31,3	2,75	68,35	366,65

[1]) „Calcutta Review“, 1874.

[2]) *Emerson Tennent*, „Ceylan“; *Monier Williams* „Modern India“.

Эти успѣхи образованности и общественной нравственности громадны. Достаточно сравнить состояніе Индіи, каково оно было въ концѣ прошлаго столѣтія и какимъ оно является теперь, чтобы убѣдиться, какая огромная перемѣна совершилась во всѣхъ сферахъ жизни и насколько востокъ и западъ, какъ ни велико еще ихъ различіе, сблизились между собою по нравамъ и понятіямъ. Стоитъ припомнить ужасы погребальныхъ церемоній въ эпоху еще очень недавнюю, когда жены знатныхъ людей добровольно сжигали себя на кострѣ изъ сандальнаго дерева, чтобы сопутствовать своему супругу въ загробную жизнь. Въ 1839 году, тринадцать женъ Ранджитъ-синга умерли такою мучительною смертью въ Лагорѣ, рядомъ съ трупомъ мужа, тогда какъ 150 другихъ женщинъ гарема подвергли себя самосожженію въ Рамнагарѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, 22 женщины лишили себя жизни такимъ же способомъ въ Пармандалѣ, въ нижнемъ Кашмирѣ [1]). Въ половинѣ настоящаго столѣтія одинъ раджа въ землѣ хондовъ отправился на тотъ свѣтъ въ сопровожденіи 116 своихъ супругъ; наконецъ, послѣдній случай самосожженія преданной жены на кострѣ умершаго мужа имѣлъ мѣсто не далѣе, какъ въ 1862 году, не смотря на бдительность англійскихъ властей. Въ наши дни понятіе о добрѣ и злѣ до такой степени измѣнилось, что вдовы, даже наиболѣе подавленныя горемъ, не помышляютъ болѣе о томъ, чтобы заслужить себѣ титулъ *сати*, всходя на костеръ своего мужа.

Дѣтоубійство дѣвочекъ, общераспространенное въ нѣкоторыхъ провинціяхъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, сдѣлалось очень рѣдкимъ явленіемъ; человѣческія жертвоприношенія перешли уже для всѣхъ, даже для хондовъ, въ область воспоминаній, возбуждающихъ только ужасъ; новость о вступленіи вдовы въ новый бракъ не производитъ болѣе скандала. Многія странныя формы брака, имѣвшія слѣдствіемъ увеличеніе числа разводовъ и вдовствъ, вышли изъ употребленія. Такъ, напримѣръ, въ Мадурѣ молодыя дѣвушки выдавались замужъ заочно, за деревянныхъ чурбановъ, представлявшихъ отсутствующаго жениха, который, по возвращеніи домой, вдругъ узнавалъ, что ему нашли жену [2]). Въ землѣ Барода супругъ, избираемый нѣкоторыми дѣвицами, былъ не кто иной, какъ букетъ цвѣтовъ, и когда растенія увядали, вдовушки не могли уже болѣе вступать въ законный бракъ. Въ Каттіаварѣ различныя населенія имѣли обычай справлять чрезъ каждыя одиннадцать лѣтъ огульные браки всѣхъ дѣвочекъ, родившихся со времени послѣдняго періода свадебъ: каждая изъ нихъ получала мужа, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ было еще менѣе 40 дней отъ роду [3]). Тогда не рѣдкость было видѣть дѣтей

[1]) *Drew* „Jummoo and Kashmir“.
[2]) *Shortt* „Journal of the Ethnological Society“, VII.
[3]) *Burgess* „Visit to Kattyawar“.

едва начинающихъ ходить и уже носящихъ на шеѣ символъ брака, *тали*, золотое или серебряное ожерелье, представляющее бога Пулеяра, который управляетъ дѣторожденіемъ. Вообще было бы большимъ прогрессомъ сдѣлать брачные союзы болѣе поздними, а то теперь почти въ каждой семьѣ первыя дѣти родятся отъ родителей, которые сами еще дѣти: возможно ли при такихъ условіяхъ, чтобы раса пріобрѣтала физическую крѣпость и силу характера [1])?

Измѣнились также понятія относительно роли, принадлежащей благовоспитанному человѣку. Теперь уже главное достоинство полагается

Бопальскія принцессы.

не въ томъ, чтобы знать и практиковать во всѣхъ подробностяхъ великое искусство этикета, „науку садиться и вставать" [2]). Прошли тѣ времена, когда воспитаніе женщинъ считалось дѣломъ нетолько безполезнымъ, но даже постыднымъ. Европейское вліяніе способствуетъ въ большой мѣрѣ развитію охоты къ ученью и любознательности у женщинъ высшихъ индусскихъ кастъ, и уже многія изъ нихъ, особенно въ Маратской землѣ, благодаря своему знакомству съ санскритскимъ языкомъ и древнею литературой, удостоились чести попасть въ число пандитовъ

[1]) *Christlieb* „Missions évangeliques"; *Monier Williams* „Modern India"
[2]) *Rirard Burton* „Sind revisited"; *Garcin de Tassy*, etc.

(ученыхъ); есть журналы, редактируемые женщинами, и нѣкоторыя изъ ученыхъ индусокъ занимаютъ профессорскія каѳедры. Принцесса бопальская занималась всѣми дѣлами, какъ мужчина, не заботясь о традиціонномъ этикетѣ, обрекающемъ женщинъ на затворничество. Индусскія женщины вспоминаютъ о славѣ своихъ предшественницъ, гимны которыхъ находятся въ Ведахъ; въ Индіи ученьемъ управляетъ богиня Сарасвати[1]). Даже для парій открываются школы, и отцы уже не боятся, что это нововведеніе будетъ имѣть гибельныя послѣдствія и что дѣти ихъ должны умереть въ томъ же году, когда поступятъ въ училище. Прежде всякая перемѣна считалась дѣломъ опаснымъ, долженствующимъ повлечь за собою какое-нибудь бѣдствіе. Раджа визіанаграмскій, „одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ туземныхъ государей Индіи“, ни за что не хотѣлъ допустить выдѣлку кубовой краски въ своихъ владѣніяхъ, и не позволилъ употреблять желѣзо при постройкѣ его дворца, все изъ опасенія накликать тѣмъ на свой народъ оспу или какую-нибудь другую повальную болѣзнь[2]).

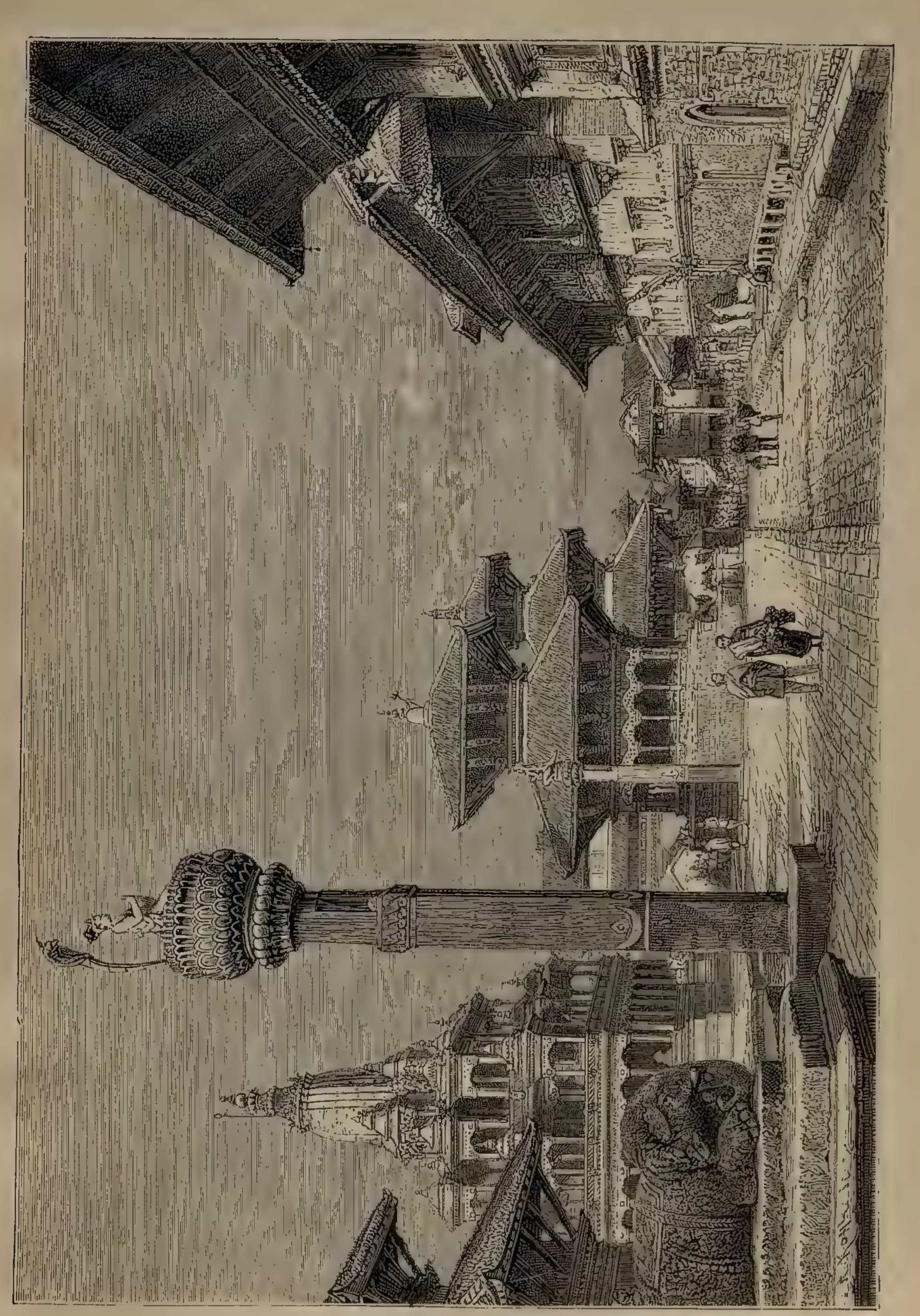
Дѣти, посѣщающія публичныя учебныя заведенія, составляютъ еще незначительный процентъ юношества, но съ половины текущаго столѣтія и въ этомъ отношеніи совершился быстрый прогрессъ; число учащихся увеличилось почти въ сто разъ въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Число воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ Индіи:

Въ 1852 г.	28.170	въ 413	школахъ;	68 восп. на школу
„ 1870 „	1.812.000	„ 65.500	„	27 „ „ „

Въ 1875 году, по словамъ Гарсена-де-Тасси, уже одиннадцать милліоновъ индусовъ умѣли читать на томъ или другомъ языкѣ Полуострова. Въ нѣкоторыхъ округахъ одна пятая дѣтей сидитъ на школьныхъ скамьяхъ, и недавно сейхи, которые изъ всѣхъ жителей Индустана всегда выказывали наибольшее рвеніе къ образованію, ходатайствовали передъ правительствомъ объ изданіи закона, установляющаго обязательное посѣщеніе начальныхъ школъ. Эта просьба не была уважена, но, тѣмъ не менѣе, сейхи являются болѣе передовыми, чѣмъ сами англичане, такъ какъ послѣдніе пока еще не приняли мѣръ къ тому, чтобы всѣ дѣти бѣлаго происхожденія получали, по крайней мѣрѣ, элементарное образованіе (число дѣтей отъ 3 до 12-лѣтняго возраста англійскихъ и евразійскихъ въ Бенгаліи 8.567; изъ нихъ 5.000 не обучающихся грамотѣ); публичныя библіотеки тоже чаще посѣщаются индусами, чѣмъ англичанами. Наибольшая часть суммъ, потребныхъ на содержаніе школъ, оплачивается непосредственно бѣдными туземцами или богатыми частными

[1]) *Monier Williams* „Athenaeum“, 10 dec. 1881.
[2]) *V. Ball* „Jungle Life in India“.

ХРАМЪ ВЪ ПАТАНѢ.

лицами; нѣтъ индуса, быстро разбогатѣвшаго, который не употребилъ бы тотчасъ же часть своихъ капиталовъ на дѣла общественной пользы. Правительство участвуетъ лишь въ относительно незначительной пропорціи въ расходахъ на народное просвѣщеніе; 23.000 школъ не получаютъ никакого пособія отъ казны. Общій бюджетъ публичныхъ учебныхъ заведеній въ Индіи 175.000.000 франковъ; доля правительства 20.000.000 франк., что составляетъ около 11 процентовъ всей суммы. Заботливость правительства въ дѣлѣ народнаго образованія направлена преимущественно на среднія и высшія учебныя заведенія, гдѣ молодые люди, одѣтые въ черное клерикальное платье и носящіе головной уборъ въ родѣ тока, приготовляются къ университетскимъ экзаменамъ. Даже медицинскіе студенты дерзнули пренебречь религіознымъ предразсудкомъ, воспрещавшимъ имъ разсѣкать человѣческіе трупы. Недавно правительство нашло нужнымъ сдѣлать доступъ въ эти высшія школы болѣе труднымъ, чтобы уменьшить число кандидатовъ на мѣста, которыми оно располагаетъ. Число студентовъ распредѣлялось по университетскимъ округамъ въ 1879 году слѣдующимъ образомъ. Въ калькуттскомъ учебномъ округѣ 4.183 студента; изъ нихъ принятыхъ въ этомъ году 1.385: индусовъ 1.355, въ томъ числѣ 1 женщина, 97 магометанъ, 50 христіанъ, 53 другихъ вѣроисповѣданій. Въ бомбейскомъ округѣ 1.304 студента; вновь принятыхъ 444, въ томъ числѣ 270 индусовъ, 133 парса, 17 христіанъ, 4 магометанина. Въ мадрасскомъ округѣ: 3.540 студентовъ; вновь принятыхъ 627. Быстрое возростаніе корреспонденціи почтовой и телеграфной служитъ другимъ признакомъ, указывающимъ въ одно и то же время на успѣхи народнаго образованія и на развитіе торговли и промышленности. Въ 1880 г. было отправлено писемъ и періодическихъ изданій 142.980.000; передано по телеграфамъ депешъ 1.562.000, въ томъ числѣ 234.560 заграницу.

Народная литература, по крайней мѣрѣ въ Южной Индіи, состоитъ почти исключительно изъ астрологическихъ альманаховъ и другихъ книжечекъ, не имѣющихъ никакой цѣны; религіозные трактаты, индусскіе, мусульманскіе, христіанскіе, тоже представляютъ значительную часть пяти тысячъ всякаго рода произведеній печати, которыя ежегодно выходятъ въ свѣтъ; однако, издается также не мало важныхъ научныхъ мемуаровъ и работъ; въ то же время классическія произведенія европейскихъ литературъ воспроизводятся въ главныхъ арійскихъ и дравидійскихъ языкахъ Полуострова; лучшіе англійскіе переводы современныхъ французскихъ поэтовъ принадлежатъ индускѣ, г-жѣ Тору-Дутъ [1]). Драма тоже находитъ замѣчательныхъ писателей, и англійское правительство не разъ вмѣшивалось, чтобы запретить представленіе пьесъ, гдѣ оно выставлено

[1]) „A Sheaf gleaned in French fields“ *by Toru-Dutt*. Bhowanipore, 1876.

въ смѣшномъ видѣ, а иногда даже видно стремленіе возбудить къ нему ненависть въ индусахъ [1]). Какъ во всѣхъ другихъ цивилизованныхъ странахъ, число періодическихъ изданій, газетъ и журналовъ, увеличивается съ каждымъ годомъ, и многія изъ нихъ очень распространены въ народѣ; въ городахъ и мѣстечкахъ толпа собирается вокругъ публичныхъ чтецовъ, чтобы узнать новости.

Повременныя изданія въ Индіи:

Въ 1835 году 6
„ 1850 „ 28
„ 1879 „ 644 (336 на индусскихъ діалектахъ, 224 англійскихъ, 84 двуязычныхъ).

Правительство уже неоднократно издавало строгія мѣры противъ прессы, которая въ принципѣ пользуется свободой слова, но въ дѣйствительности лишена всякой гарантіи.

Однимъ изъ главныхъ препятствій къ образованію единой индусской націи является разнообразіе діалектовъ, которыми говорятъ жители Полуострова, и алфавитовъ, которые употребляются для различныхъ языковъ. Около шести милліоновъ туземцевъ знаютъ англійскій языкъ и тысячи изъ нихъ говорятъ имъ съ замѣчательнымъ изяществомъ, но они отнюдь не думаютъ сдѣлать изъ этого чуждаго идіома свою національную рѣчь, и сравнивая европейское письмо съ своимъ „божественнымъ“ нагари, они называютъ первое не иначе, какъ собраніемъ „червяковъ и муравьевъ“ [2]). Преемникъ Великаго Монгола, калькуттское правительство поощряетъ употребленіе *урду*, или „ордынскаго“ языка, тогда какъ большинство индусовъ патріотовъ, будучи противниками мусульманскаго вліянія, проповѣдуютъ употребленіе діалекта гинди и различныхъ областныхъ нарѣчій, маратскаго, гудзератскаго, бенгальскаго, тамильскаго, телугскаго, и когда они употребляютъ индустанскій діалектъ (гиндустани), то тщательно изгоняютъ изъ него всѣ персидскія слова [3]). Но въ эти послѣдніе годы совершился одинъ важный фактъ: санскритъ, бывшій еще недавно языкомъ мертвымъ, возрождается, какъ идіомъ переписки между литератами [4]). Магараджа Удейпурскій, представитель солнечной расы, издалъ указъ, чтобы на будущее время всѣ оффиціальные документы, публикуемые въ его владѣніяхъ, были составляемы на санскритскомъ языкѣ. Въ 1878 году въ Индіи вышло въ свѣтъ 4.890 сочиненій (3.064 индусскихъ, 719 на классическихъ языкахъ Индіи, 563 двуязычныхъ, 544 англійскихъ); 709 сочиненій, касающихся религіи, 844 беллетристическихъ произведенія, 766 книгъ научнаго содержанія.

---

1) *Richard Temple* „India as it is“.
2) „Athenaeum“, april 22, 1862.
3) *Rajendralala Mitra* „Journal of the Asiatic Society“, vol. XXI.
4) *Garcin de Tassy* „La langue et la litterature hindoustanies“, fascicules annuels.

XVIII.

Правительство и администрація Индіи.

Королева Англіи, торжественно провозглашенная „императрицей Индій“ (*Кайсаръ-и-Гиндъ, Гиндъ-ка-Кайсаръ*), въ равнинѣ Дели, 10 января 1877 года, имѣетъ своимъ представителемъ на Полуостровѣ по сю сторону Ганга вице-короля, выбираемаго въ совѣтѣ министровъ; но мѣстопребываніе высшей власти, управляющей этою громадною имперіей, находится въ Лондонѣ. Законодательный актъ 1858 года, положившій конецъ существованію остъ-индской компаніи и передавшій непосредственно коронѣ огромныя колоніальныя владѣнія упраздненнаго торговаго общества, ввѣрилъ непосредственное управленіе двумя стами милліоновъ людей, населяющихъ англійскую Индію, совѣту изъ пятнадцати членовъ (council of India), засѣдающему въ Лондонѣ, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря или министра по дѣламъ Индіи. Члены этого собранія назначаются высочайшею властью изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу парламента, на десятилѣтній срокъ, который можетъ быть, по соизволенію государыни, продолженъ еще на пять лѣтъ. Въ отсутствіе министра, вице-президентъ, назначаемый верховною властью, руководитъ совѣщаніями и опредѣляетъ порядокъ работы въ различныхъ комитетахъ, между которыми раздѣлено управленіе дѣлами Индійской имперіи. Присутствіе пяти членовъ въ полныхъ засѣданіяхъ совѣта необходимо, чтобы придать совѣщаніямъ законную силу.

При вице-королѣ Индіи, или „генералъ-губернаторѣ“, состоитъ совѣтъ главнаго управленія изъ шести непремѣнныхъ членовъ и одного чрезвычайнаго члена,—главнокомандующаго индійской арміи,—которые всѣ назначаются высочайшею властью, также какъ губернаторы и намѣстники-губернаторы различныхъ провинцій. Дѣла „высшаго управленія“ распредѣлены между шестью департаментами—финансовъ, военный, публичныхъ работъ, внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и внѣшнихъ дѣлъ, — и каждымъ департаментомъ управляетъ одинъ изъ членовъ совѣта, имѣя помощникомъ спеціальнаго секретаря. Генералъ-губернаторъ оставляетъ за собою управленіе иностранными дѣлами; онъ завѣдуетъ сношеніями англо-индійскаго государства съ Бутаномъ, Тибетомъ, Непаломъ, Кашмиромъ, Афганистаномъ, Барманскимъ королевствомъ и передаетъ свои приказанія резидентамъ, поставленнымъ, въ качествѣ опекуновъ, при медіатизированныхъ туземныхъ государяхъ; кромѣ того, онъ управляетъ непосредственно, черезъ подчиненныхъ ему чиновниковъ, всѣми государствами, конфискованными или взятыми временно подъ секвестръ. Представитель императрицы, онъ пользуется также царскими прерогативами, назначая на два года членовъ, англичанъ или туземцевъ,

законодательнаго совѣта, въ числѣ, по крайней мѣрѣ, шести и не болѣе двѣнадцати; эти члены придаются въ помощь членамъ совѣта главнаго управленія, чтобы вмѣстѣ съ ними выработать, подъ наблюденіемъ вице-короля, законы, долженствующіе быть примѣненными къ населеніямъ; но никакой важный вопросъ не можетъ быть обсуждаемъ, если не былъ предложенъ генералъ-губернаторомъ, никакая принятая мѣра не можетъ вступить въ силу, не будучи одобренною имъ. Всѣ гарантіи были приняты, чтобы иниціатива исходила свыше. И самъ генералъ-губернаторъ не можетъ дѣйствовать полновластно, такъ какъ всѣ его правительственные акты подлежать разсмотрѣнію англійскаго министерства. Онъ можетъ обнародовать приказы, имѣющіе силу закона, лишь въ случаяхъ крайней необходимости, и его рѣшенія остаются въ силѣ только впродолженіи шести мѣсяцевъ.

Въ двухъ „президентствахъ", Бомбейскомъ и Мадрасскомъ, и въ провинціи Бенгаліи административный режимъ воспроизводитъ въ своихъ существенныхъ чертахъ общегосударственный порядокъ управленія; при губернаторахъ состоятъ исполнительные совѣты изъ членовъ, назначаемыхъ отъ короны, и губернаторы сами назначаютъ извѣстное число членовъ англійскихъ и туземныхъ для разработки законопроектовъ. Что касается провинцій „неурегулированныхъ", т. е. управляемыхъ не по общему положенію, каковы Пенджабъ, Аудъ, центральныя провинціи, Ассамъ, то онѣ управляются безъ сложныхъ законодательныхъ формъ; порядокъ управленія тамъ болѣе военный, чѣмъ гражданскій. Впрочемъ, каждая страна или область управляется особеннымъ образомъ. Въ то время, какъ начальники Мадрасскаго и Бомбейскаго президентствъ носятъ титулъ губернаторовъ, начальникамъ Бенгаліи, „сѣверо-западныхъ" провинцій, Пятирѣчья присвоено названіе намѣстниковъ-губернаторовъ, а начальники Ауда, центральныхъ провинцій, Ассама называются главными коммисарами. Административныя дѣленія имперіи не равны по величинѣ и количеству населенія. Также какъ графства Англіи, индусскія провинціи разграничены до сихъ поръ такъ, какъ ихъ нѣкогда разграничили войны и трактаты; онѣ сохранили свою историческую форму, и за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, очертанія ихъ не были передѣланы сообразно потребностямъ административной централизаціи. Чрезполосныя пространства, энклавы и эксклавы всякихъ размѣровъ разсѣяны на окраинахъ большихъ провинцій, которыя нѣкогда были имперіями или которыя теперь еще представляютъ медіатизированныя государства; есть области, какъ Каттіаваръ, Раджпутана, Сиргиндъ, Цисcетледжъ (страна по сю сторону р. Сетледжъ) и Транссетледжъ (по ту сторону Сетледжа), близъ Симлы, самыя подробныя карты которыхъ не могутъ представить сѣти переплетающихся пограничныхъ линій. Только по мѣстному преданію, чиновники, англійскіе или туземные,

знаютъ, какіе жители имъ подвѣдомственны; во многихъ мѣстахъ бываетъ даже такъ, что одно и то же селеніе принадлежитъ къ двумъ различнымъ округамъ; деревни раздроблены на половины, на трети или даже на двѣнадцатыя доли между смежными государствами или провинціями. Островъ Цейлонъ не входитъ въ составъ Англо-индійской имперіи; онъ присоединенъ непосредственно къ коронѣ; но за то различныя другія страны, лежащія внѣ Полуострова по сю сторону Ганга, зависятъ политически отъ вице-короля Индіи, этого государя, который, послѣ китайскаго императора, господствуетъ надъ самою многочисленною массой людей. Такъ, Британская Бирманія и даже острова Андаманскіе и Никобарскіе составляютъ, въ административномъ отношеніи, часть „Бенгаліи"; политическія агентства, учрежденныя въ различныхъ странахъ Передней Азіи, въ Келатѣ, на персидскомъ берегу, въ Маскатѣ, въ Багдадѣ, въ Аденѣ и на африканскомъ побережьи въ Занзибарѣ подчинены нынѣ калькуттскому правительству.

Высшій корпусъ должностныхъ лицъ, или такъ называемая „договорная гражданская служба" (covenanted civil service), которому подчиненъ корпусъ 1.250.000 служащихъ всякаго ранга, состоитъ изъ 928 чиновниковъ, изъ которыхъ только семеро индусскаго происхожденія. Они раздѣлены на два класса: на чиновъ администраціи и чиновъ судебнаго вѣдомства. Вступая на поприще государственной службы, молодые люди почти всегда получаютъ порученіе составить докладную записку по какому-либо спеціальному вопросу, для чего имъ, конечно, приходится изучить языкъ и обычаи туземцевъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ этой подготовительной работы, они окончательно зачисляются на службу, или въ администрацію, или въ магистратуру. Бывшая остъ-индская компанія держалась правила, усвоеннаго и нынѣшнимъ правительствомъ, имѣть лишь небольшое число чиновниковъ, но давать имъ крупные оклады, взамѣнъ тяжелой отвѣтственности: они должны сами наблюдать за дѣйствіями своихъ туземныхъ подчиненныхъ, выбираемыхъ, по бо́льшей части, изъ людей высшей касты, должны поддерживать общественный порядокъ всѣми средствами, какія признаютъ полезными, и обезпечить правильное поступленіе налоговъ. Многіе округа съ стотысячнымъ населеніемъ управляются однимъ англичаниномъ, воля котораго не имѣетъ никакого противовѣса и который не знаетъ другого судьи, кромѣ своей совѣсти, чтобы примѣнять законы, отличающіеся страшною строгостью. Въ собственномъ Индустанѣ, въ Аудѣ и Бехарѣ, большое число административныхъ дѣленій образуетъ группы изъ 360 деревень: это было традиціонное раздѣленіе страны, сходное съ *hundred*, или „сотней" англо-саксовъ [1]).

[1]) *Elliot* „Castes of the North-West provinces".

Въ послѣднее время были сдѣланы нѣкоторыя попытки, чисто эмпирическія, создать выборныя муниципальныя учрежденія. По закону 1850 года и послѣдующимъ актамъ, городамъ предоставлено право ходатайствовать объ учрежденіи муниципальнаго совѣта для завѣдыванія общественными работами и попеченія о городскомъ имуществѣ. Но эти совѣты не выборные. Правительство назначаетъ ихъ, по представленію, изъ мѣстныхъ чиновниковъ и уполномочиваетъ ихъ взимать налогъ съ каждаго дома на покрытіе расходовъ по содержанію полиціи и общественныхъ городскихъ сооруженій. Вотъ и все. Впрочемъ, правительство оставляетъ за собою право жаловать нотаблямъ городовъ и крупнымъ собственникамъ, мужескаго и женскаго пола, избирательныя привилегіи для назначенія муниципальнаго собранія, въ цѣломъ его составѣ или въ извѣстной части; но это преимущество всегда даровалось только тѣмъ городамъ, гдѣ англійскій элементъ сильно представленъ; оно даже, было взято обратно у нѣкоторыхъ городскихъ общинъ, какъ, напримѣръ, у города Дальгоузи, гдѣ ни одинъ туземецъ не захотѣлъ пользоваться призрачною привилегіей, не дающей ему никакого участія въ административной автономіи. Одинъ только городъ Пенджаба, Дармсала, имѣетъ муниципальный совѣтъ, всецѣло образованный на основаніи выборнаго начала; четыре другіе города той же страны имѣютъ совѣтъ, гдѣ только часть членовъ выборные. Во всей Индіи муниципальныхъ собраній, составленныхъ изъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ, насчитывается около 850. Въ 1879 году муниципалитетовъ было: въ Пенджабѣ 197; въ Бенгаліи 191; въ Бомбейскомъ президентствѣ 128; въ Аудѣ и „сѣверо-западныхъ“ провинціяхъ 107; въ Майсурѣ 78; въ центральныхъ провинціяхъ 62; въ Мадрасскомъ президентствѣ 48; въ Кургѣ 5; въ Берарѣ 5; въ Аджмирѣ 5. Что̀ касается туземныхъ общинъ, то онѣ терпимы, и правительство даже пользуется ими для цѣлей мѣстной администраціи, но оффиціально существованіе ихъ не признано. Избранники народнаго голосованія, обозначаемые подъ именемъ *панчъ*, или „Пятерыхъ“,—каково бы ни было ихъ число, отъ 3 до 100,—пользуются неограниченнымъ довѣріемъ своихъ согражданъ: „самъ Богъ пребываетъ въ Пяти“, гласитъ общераспространенная въ Индустанѣ поговорка [1]). Во французской Индіи съ 1880 года образованы десять полноправныхъ общинъ: Пондишери, Карикалъ и деревни ихъ округа, Шандернагоръ, Янаонъ, Маге. Въ этихъ общинахъ постановленія гражданскаго кодекса, относящіяся къ бракамъ и къ актамъ о правахъ состоянія, примѣняются также къ туземцамъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, обусловленными обычаемъ [2]).

---

[1]) *Elliot*, цитированное сочиненіе.
[2]) „Bulletin de la Société normande de Géographie“, tome III, 1881.

Индусы имѣютъ наклонность къ сутяжничеству, которая, впрочемъ, проявляется въ очень мягкихъ формахъ; за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстностей, гдѣ разбойническіе нравы еще не вполнѣ исчезли, большинство тяжебъ возникаетъ изъ за обвиненій въ кражѣ или мошенничествѣ, или изъ споровъ между владѣльцами: такъ, однажды передъ трибуналомъ Пойнтъ-де-Галля (на Цейлонѣ) разбирался процессъ, гдѣ тяжущіеся оспаривали другъ у друга 252-ю часть кокосовой пальмы[1]). Долги, которые такъ легко дѣлать въ этой странѣ, гдѣ процвѣтаетъ ростовщичество, взыскиваются съ большою строгостью судебнымъ порядкомъ и оплачиваются тюремнымъ заключеніемъ; еще не такъ давно неисправный должникъ отдавался въ рабство кредитору. Этотъ послѣдній обладалъ даже очень дѣйствительнымъ, почти всегда приводившимъ къ цѣли, средствомъ заставить заплатить свой долгъ, или получить, взамѣнъ его, особу виновнаго, живую или мертвую: онъ отправлялся, по мѣстному выраженію, „дѣлать дхарну" у дверей своего должника, съ кинжаломъ или съ ядомъ въ рукѣ, угрожая употребить эти орудія смерти противъ самого себя, или уморить себя голодомъ. Въ виду этой страшной угрозы, исполненіе которой навлекло бы всевозможныя напасти на его жилище, должникъ поневолѣ долженъ былъ отдать себя во власть кредитора[2]). Индіей управляютъ многочисленные законы и обычаи, и самый искусный юристъ съ трудомъ можетъ разобраться въ этомъ лабиринтѣ правовыхъ нормъ. Индусскія традиціи, законы Акбара и магометанскій шаріатъ служатъ правилами для туземцевъ въ вопросахъ, относящихся до брака, усыновленія, духовныхъ завѣщаній, наслѣдства, раздѣла имущества; кромѣ того, прецеденты, данные рѣшеніями остъ-индской компаніи, были кодифицированы, и каждый годъ новые законы прибавляются къ старымъ. Въ виду этихъ сбивчивыхъ и часто противорѣчивыхъ законодательствъ, судья очень затруднился бы произнести приговоръ, если бы онъ не былъ вооруженъ властью разсѣкать трудности короткимъ судомъ, по собственному убѣжденію, не будучи обязанъ обращаться за разрѣшеніемъ сомнѣній въ областные суды и въ высшій трибуналъ. Судъ производится быстро, и кара налагается суровая; хотя преступленія и проступки, пропорціонально, менѣе многочисленны и менѣе тяжки, чѣмъ въ странахъ Запада, смертные приговоры произносятся здѣсь чаще, и судьи нерѣдко приговариваютъ преступниковъ къ тѣлесному наказанію. Приговоренныхъ къ ссылкѣ отправляютъ въ Портъ-Блеръ, гдѣ ихъ распредѣляютъ, смотря по важности совершеннаго ими преступленія, между различными уголовными колоніями Андаманскихъ острововъ. Среднее населеніе тюремъ Индіи

---

[1]) *Emerson Tennent* „Ceylon".

[2]) *James Forbes* „Oriental Memoirs"; *H. Summer Maine*, „Calcutta Review", 1876.

исчисляется въ 120.000 человѣкъ, и на эту цифру женщинъ приходится только отъ 5.000 до 6.000[1]); эта пропорція гораздо ниже той, какую представляютъ тюрьмы Западной Европы. Осужденные индусскіе преступники вовсе не возбуждаютъ презрѣнія въ глазахъ людей, живущихъ на свободѣ; они не теряютъ своей касты и легко находятъ случай жениться и получить мѣсто, когда опять вступятъ въ гражданскую жизнь: всѣ извиняютъ ихъ, какъ извиняютъ они сами себя, сваливая постигшую ихъ бѣду на злую судьбу. Впрочемъ, они принимаютъ несчастіе тюремнаго заключенія съ замѣчательнымъ равнодушіемъ: „человѣкъ, обокравшій компанію, походитъ на жениха", гласила одна старинная пословица, не утратившая своего значенія и при нынѣшнемъ порядкѣ вещей[2]).

Число преступленій и проступковъ въ Индіи въ 1878 году:

Постановлено приговоровъ		1.162.535
Оправдательныхъ		365.648
Присуждающихъ къ	смертной казни	743
„ „	ссылкѣ	2.013
„ „	тюремному заключенію	249.210
„ „	тѣлесному наказанію	75.223

Вооруженная сила, которою располагаетъ англо-индійское правительство, кромѣ своихъ 200.000 полицейскихъ чиновъ, состоитъ изъ туземныхъ войскъ и изъ англійскихъ полковъ. До возстанія сипаевъ, европейскіе солдаты составляли только четвертую часть арміи, теперь же они представляютъ уже болѣе трети.

Армія британской Индіи въ 1881 году:

Англійскихъ солдатъ	61.590
Туземныхъ „	103.000

Дѣйствительная численность или наличный составъ вооруженныхъ англичанъ, которые держатъ въ повиновеніи слишкомъ четверть милліарда людей, не превышаетъ 50.000 человѣкъ; вмѣстѣ съ туземными полками общая цифра военныхъ силъ простирается до 150.000 солдатъ. Численная слабость арміи свидѣтельствуетъ о нынѣшней безопасности правительства и, можетъ быть, еще болѣе о принципахъ экономіи, которыми оно руководится. Годовой бюджетъ англо-индійской арміи, включая сюда и содержаніе казармъ, 425.000.000 франк. Совокупность войскъ на жалованьи Англо-индійской имперіи не превышаетъ трети арміи, которую она содержала въ 1856 году, въ эпоху, когда цифра народонаселенія была на 25 милліоновъ душъ меньше нынѣшней; тогда общая численность гарнизоновъ, безъ англійскихъ солдатъ, простиралась до 280.000

[1]) *Richard Temple* „India as it is".
[2]) *Benjamin Heine* „Tracts, Historical and Statistical of India".

человѣкъ. Но благодаря желѣзнымъ дорогамъ, нынѣшнія военныя силы, относительно такъ слабыя числомъ, могутъ быть быстро сосредоточиваемы и направляемы на пункты, которымъ угрожаетъ опасность: уменьшеніе численности болѣе чѣмъ вознаграждено увеличеніемъ скорости движеній.

Хотя туземцы болѣе многочисленны, чѣмъ англичане, въ рядахъ полуостровной арміи, однако, были приняты всѣ предосторожности, чтобы матеріальное превосходство, происходящее отъ болѣе сплоченной организаціи, принадлежало европейскимъ войскамъ. Вопервыхъ, аудскіе брамины, составлявшіе, до возстанія сипаевъ, одинъ изъ главныхъ элементовъ арміи, теперь допускаются лишь въ небольшомъ числѣ между новобранцами; изъ волонтеровъ всего охотнѣе принимаются на службу пенджабскіе сейхи, патаны и рогиллы изъ верхней равнины Ганга, раджпуты, непальскіе гуркасы. Туземные полки, которымъ благоразумно оставили лишь слабую артиллерію, раздѣлены на три армейскихъ корпуса, различные по организаціи, по происхожденію и даже по языку большинства солдатъ: эти три арміи—бенгальская, бомбейская и мадрасская. Въ первой говорятъ преимущественно индустанскимъ и бенгальскимъ нарѣчіями, во второй—маратскимъ и гудзератскимъ, въ третьей—телугскимъ. Такимъ образомъ, эти три корпуса не имѣютъ между собою никакой связи по національности, языку, любви къ отечеству, и касты, входящія въ ихъ составъ, сгруппированы такимъ образомъ, чтобы онѣ взаимно уравновѣшивались и нейтрализировались въ случаѣ какихъ-либо внутреннихъ раздоровъ. Туземные солдаты соединены въ одну армію только европейскими офицерами, которые командуютъ ими. Всѣ офицеры изъ индусовъ или магометанъ начинаютъ службу въ рядахъ англійскихъ полковъ, для того, чтобы привыкнуть тамъ къ дисциплинѣ и перенести къ своимъ землякамъ нравы британской арміи. Большинство солдатъ нанимается на продолжительный срокъ или даже на все время силы возраста, послѣ чего они имѣютъ право на пенсію. Большое число почти всѣ люди мадрасской арміи и бо̀льшая часть людей бомбейской арміи, могутъ жениться и ихъ жены, дѣти, даже родственники сопровождаютъ ихъ въ лагерь. Отъ этого происходитъ то, что кантонементы превращаются въ настоящіе военные города, гдѣ каждый офицерскій домъ окруженъ бараками, занятыми многочисленною прислугой; иной кантонементъ, какъ, напримѣръ, Сикандерабадскій, раскинулся на пространствѣ 50 квадратныхъ километровъ. Со времени сипайской войны комплектованіе арміи становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ; не всегда находятъ достаточное число наемниковъ, удовлетворяющихъ требуемымъ условіямъ, и побѣги солдатъ часты: среднимъ числомъ, насчитываютъ отъ семи до восьми тысячъ случаевъ дезертированія въ годъ.

Индійская армія, какъ ни малочисленна она, могла бы быть еще гораздо болѣе уменьшена, если бы правители не имѣли надобности

наблюдать за туземными государствами и имѣть войско, которое уравновѣшивало бы ихъ военныя силы; правда, что эти послѣднія содержатся туземными государями почти только для того, чтобы придать болѣе блеска своимъ празднествамъ и чтобы увеличить свой престижъ въ глазахъ толпы, но все-таки нельзя игнорировать ихъ существованія, и если бы онѣ не удерживались въ бездѣйствіи превосходящими ихъ и лучше организованными силами, то тѣ, кто ими командуетъ, легко могли бы поддаться искушенію дать имъ болѣе серьёзную роль. Слишкомъ 150 медіатизированныхъ государствъ, не считая Непала, имѣющихъ вмѣстѣ населеніе въ 60 милліоновъ душъ и годовой доходъ въ 400 милліоновъ франковъ, располагаютъ арміями, номинальный составъ которыхъ простирается до 300.000 людей съ 65.000 лошадей и 5.250 артиллерійскихъ орудій. Одинъ только изъ туземныхъ государей, низамъ Гайдарабадскій, имѣетъ 37.000 пѣхоты, 8.200 кавалеріи, 725 пушекъ [1]). Оттого англійское правительство рѣшило ограничить на будущее время число солдатъ, содержимыхъ вассальными государями, запретить имъ введеніе въ войскѣ усовершенствованнаго оружія и регулярно инспектировать ихъ пороховые заводы и арсеналы. Оно хотѣло бы сдѣлать изъ этихъ потомковъ государей крупную земельную аристократію, въ родѣ англійскихъ лордовъ, и не пренебрегаетъ никакими заботами, чтобы воспитывать молодыхъ князей, управлять ихъ имѣніями и давать имъ политическое воспитаніе сообразно съ интересами Англіи [2]).

Въ сравненіи съ финансовымъ состояніемъ большинства европейскихъ государствъ, положеніе Индіи относительно хорошо. Одной пятнадцатой дохода достаточно для уплаты годовыхъ интересовъ государственнаго долга, тогда какъ Англія и Франція должны каждая платить по долгамъ цѣлую треть своихъ доходовъ; но, пропорціонально, жители Индіи гораздо бѣднѣе: „одинъ пенни налога,—говоритъ англійскій экономистъ Фаусетъ,—составляетъ для индуса такое же тяжелое бремя, какъ фунтъ стерлинговъ для англичанина“. Распредѣленный равномѣрно между всѣми жителями, весь налогъ представляетъ только 8 франковъ, а государственный долгъ только 19 франковъ; но эти суммы, столь ничтожныя сами по себѣ, могутъ быть пріобрѣтаемы милліонами индусовъ лишь послѣ недѣль и мѣсяцевъ труда, ибо годовая цѣнность производства Индіи, исчисляемая въ 8 или 10 милліардовъ [3]) не достигаетъ даже 40 франковъ на каждаго жителя. Въ индійскомъ долгѣ стоимость подавленія большаго возстанія сипаевъ исчисляется почти въ одинъ милліардъ. Послѣдняя афганская война стоила 540 милліоновъ франковъ.

---

[1]) „Times“ sept. 2, 1878.

[2]) *Richard Temple* „India as it is“.

[3]) *Hyndman* „Rankruptcy of India“, „Nineteenth Century“, 1878.

ДЖАИНСКІЕ ХРАМЫ НА СВЯЩЕННОЙ СУНАГАРСКОЙ ГОРѢ.

Главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ служитъ поземельный налогъ, или, лучше сказать,—какъ выражаются теоретики верховнаго права государства,—доля, которую индійское правительство, преемникъ предшествовавшихъ правительствъ, предоставляетъ себѣ брать изъ годоваго дохода съ государственнаго имущества, которое ему благоугодно отдать въ оброчное пользованіе. Смотря по округамъ, эта доля уплачивается казнѣ либо, какъ въ Бенгаліи, генеральными арендаторами, или *земиндарами*, которые и являются истинными владѣльцами земли, либо, какъ въ „сѣверо-западныхъ“ провинціяхъ, сельскими общинами, связанными круговою порукой всѣхъ своихъ членовъ, либо, наконецъ, непосредственно земледѣльцами; послѣдняя система преобладаетъ въ президентствахъ Мадрасскомъ и Бомбейскомъ. Очень обширныя пространства земель принадлежатъ, освобожденныя отъ всякаго налога, служителямъ храмовъ и мечетей; такъ, правительство учредило косвенно бюджетъ вѣроисповѣданій. Общая сумма поземельнаго налога, „который никогда не долженъ превышать двухъ третей чистаго дохода земледѣлія“,—тогда какъ, по закону Ману, онъ составлялъ только шестую часть дохода,—простирается, среднимъ числомъ, до 550 милліоновъ франковъ, около трети бюджета.

Бюджетъ 1880—1881 фискальнаго года:

Доходы . . .	1.813.999.450	франк. (по $2^1/_2$ франка рупія)
Расходы . . .	1.915.033.325	„
Дефицитъ. . .	101.033.875	франк.

Смѣта на 1882—1883 годъ 1.660.000.000 франк. доходовъ и расходовъ.

Государственный долгъ къ концу 1880—1881 года . . . . 3.928.725.000 франковъ.

Долгъ, за вычетомъ займовъ для общественныхъ работъ, приносящихъ доходъ . . . 2.345.975.000 „

Продажа соли и продажа опіума приносятъ, каждая, казнѣ свыше 150 милліоновъ чистаго дохода. Въ теченіе фискальнаго 1880—1881 года было продано опіума на сумму 211.250.000 франковъ, причемъ получено чистой прибыли 181.000.000 франковъ. Чистый доходъ отъ продажи соли равнялся 164.300.000 франковъ. Годовое потребленіе соли въ англійской Индіи превышаетъ милліонъ тоннъ. Продажа опьяняющихъ напитковъ сдается казной на откупъ.

Англо-индійское правительство не слѣдуетъ въ своей финансовой политикѣ тѣмъ же принципамъ, какъ и правительство метрополіи; наслѣдникъ остъ-индской компаніи, оно сохранило нѣкоторыя торгашескія привычки послѣдней и дѣлаетъ конкурренцію коммерсантамъ, что подаетъ поводъ къ частымъ нареканіямъ со стороны купечества. Не только казна, благодаря своимъ монополіямъ, является единственнымъ въ имперіи

торговцемъ солью и опіумомъ, она въ то же время владѣлица каменноугольныхъ копей, находящихся въ сосѣдствѣ съ желѣзными дорогами Бенгаліи, и можетъ продавать минеральное топливо по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ частныя компаніи.

Англія поставила себѣ задачей, говорятъ ея государственные люди, цивилизовать индусовъ и постепенно поднять ихъ на степень свободныхъ людей; но пока, въ ожиданіи, когда исполнится это дѣло, богатая Великобританія живетъ на счетъ бѣднаго Индустана: младшіе сыновья англійской аристократіи являются паразитами своихъ подданныхъ, несчастныхъ райотовъ. Не говоря уже о милліонахъ, употребляемыхъ ежегодно на удовлетвореніе въ самой Индіи расходовъ англійскихъ правителей, на содержаніе арміи и нѣсколькихъ военныхъ кораблей, не маленькая сумма, варіирующая отъ 360 до 450 милліоновъ франковъ, посылается еще каждый годъ въ Англію, какъ причитающаяся доля на покрытіе расходовъ британскаго правительства. Съ 1857 по 1882 годъ цѣлыхъ девять милліардовъ франковъ были такимъ образомъ взяты съ производства Индіи въ пользу ея завоевателей.

Но эта громадная имперія полуденной Азіи, обладаніе которою гораздо болѣе важно для личныхъ интересовъ богатыхъ англійскихъ семействъ, чѣмъ для торговаго благоденствія Великобританіи, останется ли политически зависимою отъ націи, относительно малой числомъ, которая живетъ на этомъ тѣсномъ островѣ, въ сѣверо-западномъ углу Европы? Ни одна историческая проблема не имѣетъ болѣе важнаго значенія. Такъ называемый „восточный вопросъ“, который уже столько разъ потрясалъ міръ и который стоилъ жизни столькимъ милліонамъ людей, есть не болѣе, какъ прелюдія азіатскаго вопроса; раздѣлъ Турціи—это сущіе пустяки въ сравненіи съ раздѣломъ Стараго Свѣта.

Вопервыхъ, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что англичане не могутъ разсчитывать, для сохраненія своего владычества, на искреннюю привязанность своихъ индійскихъ подданныхъ къ политическому режиму имперіи. Владѣя Индіей слишкомъ сто лѣтъ, они остались до сихъ поръ такими же чужеземцами, какими были въ первый день завоеванія, хотя желѣзныя дороги и пароходы сократили на девять десятыхъ разстояніе между двумя странами. Соплеменники ли они или нѣтъ, происходятъ ли или нѣтъ отъ однихъ и тѣхъ же арійскихъ предковъ, жившихъ въ Бактріанѣ или въ какой-либо другой странѣ центральной Азіи, индусы и англичане не симпатизируютъ другъ съ другомъ. Человѣческій скотъ, работающій на плантаціяхъ, не любитъ своихъ господъ, да и тѣ обыкновенно не скрываютъ своего презрѣнія къ толпѣ порабощенныхъ *ниггеровъ* (чернокожихъ). По народному выраженію, „британецъ и туземецъ соединяются, какъ масло съ водой“. Извѣстно, что въ эпоху великой

борьбы между англичанами и французами, послѣдніе были гораздо болѣе любимы индусами, да и теперь еще въ томъ, что осталось отъ французской Индіи, стѣна, раздѣляющая коренныхъ жителей и европейцевъ, далеко не такъ высока, какъ въ британской Индіи. Какая причина этого контраста? По мнѣнію англійскихъ писателей, вѣроятно, несправедливому, она заключается въ томъ, что французы, будто бы, имѣютъ „фатальную наклонность оріентализоваться", т. е. превращаться въ восточныхъ человѣковъ; они, яко бы, унизились до уровня индуса [1]). Какъ бы то ни было, рѣдко бываетъ, чтобы англичане давали себѣ трудъ близко ознакомиться съ толпой, которою они управляютъ съ такой выси; важнѣйшія явленія національной жизни, которая кипитъ подъ ними, часто остаются невѣдомыми или представляются имъ въ ложномъ свѣтѣ заинтересованными браманами [2]). До сихъ поръ еще не знаютъ даже истинной причины возстанія сипаевъ, которое, въ 1857 году, такъ серьёзно угрожало сохраненію британскаго господства [3]). Иностранный резидентъ, окруженный своими земляками, создавшій себѣ цѣлую маленькую Англію, видитъ въ формѣ какихъ-то неясныхъ тѣней весь этотъ разноплеменный людъ, который копошится кругомъ него. Онъ не знаетъ, каковы ихъ чувства, ихъ мысли, ихъ страсти. Стоитъ ему привлечь на свою сторону тщеславныхъ *бабу*, нѣсколькихъ бомбейскихъ парсовъ, тоже чужеземцевъ, и раджей, получающихъ щедрую пенсію, и онъ воображаетъ уже, что пріобрѣлъ симпатіи націи. Но въ какомъ изъ своихъ необъятныхъ владѣній завоеватель успѣлъ примирить съ собою жителей, сдѣлать изъ нихъ англичанъ сердцемъ, если не по расѣ? А между тѣмъ, это первое условіе истиннаго политическаго соединенія. Такимъ образомъ, британское господство въ Индіи представляется шаткимъ, не потому, чтобы туземцы могли сплотиться воедино противъ чужеземныхъ завоевателей, если только режимъ кастъ не будетъ ниспровергнутъ революціей, болѣе глубокой, чѣмъ какими были буддизмъ и кабиризмъ. Индусы слишкомъ раздѣлены на непримиримые между собою классы, чтобы они могли вырости до идеи отечества и добиваться общей независимости; деспотизмъ есть режимъ, который „всего менѣе разъединяетъ" индусовъ, но они охотно перемѣнили бы господъ: перейти изъ одного рабства въ другое кажется порабощеннымъ чѣмъ-то въ родѣ свободы.

А затѣмъ, развѣ не имѣетъ каждый народъ нравственныхъ рессурсовъ, невѣдомыхъ ему самому, которые вдругъ обнаруживаются подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій? Хотя касты почти всегда живутъ въ

---

[1]) *Henry Morris* „A Descriptive Account of the Godavery district, in the presidency of Madras".

[2]) *Nelson* „Prospectus of a Scientific Study of the Hindu Law".

[3]) *Braddon* „Life in India".

совершенной разобщенности, отказываясь отъ всякихъ взаимныхъ сношеній, однако, бывали случаи, когда онѣ соединялись безъ всякаго предварительнаго соглашенія. Въ 1877 году, вслѣдствіе безобразій, которыя полиція позволила себѣ въ отношеніи кулиевъ, работа прекратилась точно по мановенію волшебнаго жезла на всѣхъ набережныхъ и въ портѣ Бомбея: кипучая торговая жизнь города вдругъ остановилась. Никогда въ Европѣ не видывали стачки, столь единодушной въ своихъ требованіяхъ, столь быстрой въ своихъ дѣйствіяхъ [1]). Не могутъ ли люди всякой касты, индусы и магометане, въ одинъ прекрасный день примириться и соединиться такимъ же образомъ противъ чужеземца, который господствуетъ надъ ними?

Итакъ, англичане только силой и обаяніемъ своего имени могутъ сохранять обладаніе Индіей; но требуется нетолько удерживать за собою страну, но еще и оберегать дорогу къ ней отъ всякаго внѣшняго нападенія; единственные опасные враги—не будущіе инсургенты, индусскіе или магометанскіе, а державы, владѣнія которыхъ окаймляютъ путь въ Индію. Въ прежнія времена, когда средства сообщенія сухимъ путемъ были затруднительны и когда все пространство, заключающееся между центральною Европой и Индустаномъ, было непроходимо для армій, даже почти заперто для торговыхъ экспедицій, дорога въ Индію шла вокругъ африканскаго континента, и борьба изъ за первенства должна была вестись на самомъ Полуостровѣ; такъ, голландцы и португальцы оспоривали другъ у друга Индійскую имперію, а столѣтіе спустя англичане воевали съ французами изъ-за обладанія Бенгаліей и Декканомъ. Эта первая дорога по океану осталась въ рукахъ англичанъ, которые владѣютъ Мысомъ Доброй Надежды, Наталемъ, островомъ св. Маврикія и которые подъ чужимъ именемъ командуютъ въ Занзибарѣ. Но прямой путь по Средиземному морю получилъ болѣе важное значеніе, чѣмъ путь океанскій, и съ конца прошлаго столѣтія снова возгорѣлась борьба между Франціей и Англіей изъ-за покоренія Египта, промежуточнаго этапа между Западною Европой и Полуостровомъ по сю сторону Ганга. Послѣ восьмидесяти лѣтъ перипетій, вопросъ опять рѣшился въ пользу Англіи, и теперь прямой морской путь защищенъ грозными британскими твердынями, Гибралтаромъ, Мальтой, Александріей, Аденомъ.

Но самыя эти завоеванія обязываютъ Великобританію къ новымъ завоеваніямъ. Въ близкомъ будущемъ морскіе пути окажутся недостаточными и значительно утратятъ свою важность въ сравненіи съ желѣзными дорогами, которыя направятся по діагонали Стараго Свѣта черезъ Константинополь, Гератъ и Дели. Вотъ почему англичане наиболѣе приблизили свои гарнизоны къ сѣверо-западному углу своей Индійской

[1]) *Trant* „Fortnightly Review“, vol. XXVI, 1879.

имперіи, къ тому пункту, гдѣ будетъ оканчиваться этотъ магистральный желѣзный путь—вотъ почему они основали тамъ наибольшее число укрѣпленныхъ лагерей и цитаделей, каковы Фирозпуръ, Лудіана, Джаллaндаръ, Лагоръ, Аттокъ у перехода черезъ Индъ, Пешаверъ у входа въ дефилеи Кабулистана. Уже много разъ арміи Индіи должны были всходить на плоскогорья запада, чтобы попытаться начертать тамъ „научную границу", и англійскіе дипломаты оспариваютъ Персію у дипломатовъ русскихъ. Грядущія событія отбрасываютъ передъ собой тѣнь, и уже можно видѣть въ перспективѣ будущаго Англію, вынужденную вновь потребовать себѣ тотъ протекторатъ надъ Азіатскою Турціей, который султанъ уже согласился предоставить ей, но воспользоваться которымъ не позволила ревность европейскихъ державъ. Ей уже недостаточно будетъ съ занятаго пока поста на Кипрѣ наблюдать за сосѣднимъ морскимъ берегомъ. Не понадобится ли ей овладѣть также плоскогорьями Анатоліи, сдѣлаться, въ долинѣ Евфрата, непосредственною сосѣдкой Русской Имперіи, которая уже присоединила къ своимъ владѣніямъ истоки великой рѣки? Не поставитъ ли ее это сосѣдство въ необходимость выставить свои передовые гарнизоны внезапнымъ нападеніямъ цѣлыхъ армій, выходящихъ изъ укрѣпленныхъ лагерей Закавказья?

Но если даже Англіи удастся создать себѣ неодолимую границу на протяженіи 3.000 километровъ вдоль русскихъ владѣній, то кому принадлежитъ вся европейская часть діагонали будущихъ сообщеній между Великобританіей, Индіей и Австраліей, какъ не Германіи, Австріи, дунайскимъ наслѣдникамъ Турціи? Чтобы сохранить за собою пользованіе магистральнымъ путемъ, гордый Альбіонъ не будетъ ли вынужденъ искать себѣ опоры въ союзахъ, а союзники могутъ ли быть найдены безъ тяжелыхъ вознагражденій, которыя въ такой же мѣрѣ уменьшатъ его престижъ надъ народами Азіи? Дальновидные англійскіе дипломаты хорошо понимаютъ грозящую опасность и чувствуютъ, какъ тяжело наслѣдство, оставленное имъ остъ-индскою компаніей. „Каждый разъ, когда я слышу,—говоритъ Грантъ Дуффъ,—о кораблѣ, плавающемъ сквозь туманъ въ меляхъ Ньюфаундленда, посреди ледяныхъ горъ, мнѣ невольно приходитъ на мысль наше управленіе Индіей". Для того, чтобы Великобританія могла разсчитывать на будущее, нужно было бы, чтобы ея прогрессъ въ численности народонаселенія, въ богатствѣ, въ могуществѣ превосходилъ прогрессъ соперничающихъ съ нею государствъ, лежащихъ на будущемъ пути въ Индію. Но этого нѣтъ, какъ показала исторія послѣдняго тридцатилѣтія.

Глава третья.

ИНДО-КИТАЙ.

I.

Занимая, пространство, на одну треть меньшее поверхности Передней Индіи, Полуостровъ по ту сторону Ганга, или Индо-Китай, представляетъ относительно страну почти пустынную (пространство Индо-Китая, вмѣстѣ съ Манипуромъ, Джиттагонгомъ и англійскою Барманіей, 2.175.243 квадр. километра; народонаселеніе 40.000.000 душъ; плотность населенія: 16 жителей на квадратный километръ). Густо населенъ этотъ полуостровъ только въ нѣкоторыхъ областяхъ морскаго побережья, въ британской Барманіи, около устьевъ Менама и близь китайской границы, въ дельтѣ Красной Рѣки. А между тѣмъ, загангская Индія нисколько не уступаетъ своей сосѣдкѣ въ плодородіи и въ естественныхъ рессурсахъ; напротивъ, взятая въ цѣломъ, она поставлена въ болѣе благопріятныя условія относительно почвы и климата. Въ ней нѣтъ обширныхъ песчаныхъ пространствъ, представляющихъ во многихъ мѣстахъ всѣ признаки пустыни, какъ степь Таръ въ Раджастанѣ, ни вулканическихъ, покрытыхъ застывшею лавой, плато, продолжающихся на необозримое пространство, какъ нѣкоторыя части Декканскаго нагорья. Почти вездѣ земли Индо-Китая пригодны для культуры и вездѣ дожди достаточно обильны, чтобы питать растительность. Слѣдовательно, нельзя сказать, чтобы жители Индіи по ту сторону Ганга терпѣли недостатокъ въ почвѣ; напротивъ, двѣсти пятьдесятъ милліоновъ людей несомнѣнно жили бы тамъ въ бо́льшемъ матеріальномъ довольствѣ, чѣмъ какимъ они пользуются на западномъ полуостровѣ. По минеральнымъ богатствамъ, имѣющимъ, впрочемъ, второстепенную важность въ сравненіи съ богатствами культуры, Индо-Китай тоже занимаетъ первое мѣсто между двумя полуостровами. Въ отношеніи удобствъ торговыхъ сношеній онъ далеко превосходитъ англійскую Индію. Берега его менѣе негостепріимны

и заключаютъ, именно на полуостровѣ Малаккѣ и на Аннамскомъ побережьи, нѣсколько превосходныхъ портовъ, которые могутъ сравниться съ лучшими гаванями въ свѣтѣ; счастливое географическое положеніе страны, на углу континента, между Индійскимъ моремъ и Тихимъ океаномъ, дѣлаетъ изъ ея рынковъ естественныя пристани самыхъ оживленныхъ, наиболѣе посѣщаемыхъ морскихъ путей; наконецъ, нѣтъ трудно переходимыхъ границъ между Китаемъ и его южнымъ придаткомъ, полуостровомъ по ту сторону Ганга; по направленію съ сѣвера на югъ, сообщенія прерываются только войнами, хищническими набѣгами да таможенными кордонами. На сѣверѣ Индіи высятся громады Гималаевъ, въ видѣ почти непереходимой стѣны; напротивъ, на сѣверѣ Индо-Китая туземцамъ нужно только предоставить себя на волю теченія рѣкъ, чтобы спуститься изъ Срединной Имперіи до самаго моря.

Какъ же объяснить этотъ удивительный контрастъ, который представляютъ два полуострова Передней и Задней Индіи въ отношеніи числа жителей и важности роли въ цивилизаціи? Независимо отъ причинъ, которыя вытекаютъ изъ эволюціи самихъ населеній и о которыхъ разскажутъ будущіе историки, географическая причина замѣчательной противоположности, представляемой двумя Индіями, заключается въ расположеніи рѣчныхъ бассейновъ. Главныя рѣки Индустана, за исключеніемъ Инда, пересѣкаютъ Полуостровъ по ширинѣ, протекая отъ востока къ западу или отъ запада къ востоку, параллельно горнымъ хребтамъ Гималаевъ, Виндіа, Сатпуры. Въ Индо-Китаѣ наоборотъ: всѣ большія рѣки, Иравадди, Ситтангъ, Салуэнъ, Менамъ, Меконгъ, текутъ съ сѣвера на югъ, по направленію меридіана, и промежуточные выступы горъ и холмовъ тянутся въ томъ же направленіи. Кромѣ того, — и это фактъ капитальной важности, — вся сѣверная часть Индустана, выровненная нѣкогда водами, морскими и рѣчными, разстилается въ видѣ безпредѣльной низменности, имѣющей не менѣе 2.500 километровъ протяженія отъ запада къ востоку. Напротивъ, Индо-Китай не представляетъ, въ своихъ географическихъ чертахъ, ничего подобнаго этой обширной индусской равнинѣ, служившей естественнымъ театромъ великихъ движеній въ исторіи человѣчества.

До постройки дорогъ, которыя обходятъ или уничтожаютъ преграды и приводятъ въ легкое сообщеніе населенія, жившія прежде разобщенными, народы должны были слѣдовать путями, заранѣе начертанными имъ природой. Благодаря покатости почвы, люди, населяющіе Гангесскій полуостровъ, могли легко перемѣщаться, оставаясь всегда подъ тѣмъ же климатомъ, не измѣняя ничего въ своемъ образѣ жизни, воздѣлывая тѣ же самые виды растеній: подвигаясь отъ востока къ западу или отъ запада къ востоку, не покидая берега рѣкъ, они постоянно проходили области, подобныя ихъ роднымъ мѣстамъ; такимъ образомъ, ихъ кругъ

дѣйствія могъ постепенно расширяться все далѣе и далѣе. Въ Индо-Китаѣ, напротивъ, покатость почвы, наклоненная съ сѣвера на югъ, отъ области плоскихъ возвышенностей къ области низменностей, усиливаетъ противоположности климатовъ, сближая изотермическія линіи. Отъ высотъ Юннана къ жаркимъ долинамъ Иравадди и Меконга переходъ совершается рѣзко; общій видъ природы, растенія и животныя — все измѣняется на пространствѣ нѣсколькихъ градусовъ широты. Въ этихъ условіяхъ, сѣверныя племена, спускавшіяся вдоль большихъ рѣкъ, на поиски новыхъ земель, не чувствовали въ себѣ силы бороться противъ матеріальныхъ препятствій, которыя, въ ихъ собственномъ климатѣ, никогда не остановили бы ихъ: лѣса, болота, ущелья—все было для нихъ преградой, и самое маленькое дикое населеніе казалось имъ грозною націей. Кромѣ того, самая форма долинъ не позволяла жителямъ развиваться въ сплоченныя группы, обладающія значительною силой расширенія: никакое великое національное единство не могло образоваться въ этихъ узкихъ и тѣсныхъ корридорахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого высокими горными хребтами. Какой контрастъ между этими параллельными бороздами индо-китайскихъ долинъ и обширною равниной Сѣверной Индіи, гдѣ полтораста милліоновъ людей могли найти себѣ достаточно мѣста, не встрѣтивъ никакого естественнаго препятствія, кромѣ лѣсовъ да выступающихъ изъ береговъ водъ, которое помѣшало бы имъ овладѣть почвой! Разъ эта равнина покрылась воздѣланными полями, деревнями и городами, цивилизація населяющихъ ее народовъ необходимо должна была распространяться, даже безъ посредства завоеванія, на всѣ сосѣднія возвышенности, между населеніями, самыми разнообразными по языку и происхожденію. На Полуостровѣ по ту сторону Ганга одна только часть страны представляетъ, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, географическія черты, аналогичныя чертамъ большой поперечной равнины Сѣвернаго Индустана: это область Камбоджи, которая тянется параллельно морю, между бассейномъ Менама и бассейномъ Меконга, вокругъ озера Тонле-сапъ и вдоль рѣки, изливающейся въ этотъ резервуаръ. Въ этой-то области и развилась та хмерская цивилизація, которая имѣла свой блестящій періодъ и которая оставила отъ этой эпохи такіе замѣчательные памятники своего искусства!

Отставая исторически отъ западнаго полуострова, полуостровъ Индокитайскій находится еще, по степени развитія своихъ цивилизованныхъ націй, въ той религіозной эволюціи, которая уже слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ пройдена индусами. Кромѣ того, весьма значительная часть народонаселенія Индо-Китая, можетъ быть, одна пятая, должна быть еще причисляема къ дикарямъ, и территорія, которую они занимаютъ, многимъ превосходитъ, по пространству, территорію, занимаемую цивилизованными народами морскаго прибрежья. Но основаніе европейскихъ

колоній на окружности Полуострова влечетъ за собою быстрое измѣненіе теперешняго равновѣсія населеній, не столько вслѣдствіе введенія чуждыхъ элементовъ, сколько вслѣдствіе преобразованія элементовъ туземныхъ. Число жителей возростаетъ, воздѣланная территорія увеличивается, живущія во внутренности страны племена мало-по-малу вовлекаются въ круги притяженія, центрами которыхъ служатъ многолюдные города морскаго берега; дороги, поднимающіяся на раздѣльные хребты между параллельными долинами рѣкъ, даютъ странѣ первостепенную выгоду, которой ей прежде недоставало,—выгоду имѣть, по направленію отъ востока къ западу, боковые распространительные пути. Кромѣ того, подготовляется большой переворотъ: съ одной стороны Англія, съ другой—Франція одновременно трудятся надъ проложеніемъ торговыхъ дорогъ отъ морскаго берега къ внутренности Китая. Джиттагонгъ и Манипуръ, Рангунъ, Мульмейнъ, Сайгонъ, Гайфонгъ представляютъ собою исходные пункты, откуда протягиваются нити, которыя должны современемъ встрѣтиться на берегахъ Янтсекіанга. До сихъ поръ сообщенія между Срединною имперіей и южнымъ полуостровомъ все еще затруднительны, и торговые люди, странствующіе караванами, переходятъ измѣнчивыя границы, отъ одного племени къ другому, лишь съ опасностью жизни. Но эти преграды не могутъ долго существовать; какъ только Индо-Китай, открытый на сѣверѣ, перестанетъ быть уединенною землей, онъ не преминетъ пріобрѣсти во всемірной исторіи подобающую ему важность.

II.

Джиттагонгъ, Арраканъ.

Узкій западный скатъ горъ и холмовъ, раздѣляющихъ Бенгальскій заливъ и бассейнъ Иравадди, причисляется политически къ англійской Индіи и даже зависитъ, въ административномъ отношеніи, частью отъ Бенгальскаго президентства; однако, эта область во всемъ своемъ составѣ находится въ географическихъ предѣлахъ Индо-Китая. Порты Джиттагонгскаго и Арраканскаго побережья обращены, правда, къ Передней Индіи и ведутъ торговыя сношенія, главнымъ образомъ, съ Калькуттой. Лѣсистыя горы, населенныя дикими племенами, крайне затрудняютъ сообщеніе прибрежныхъ мѣстностей съ внутренностью полуострова; но это положеніе дѣлъ постепенно измѣняется къ лучшему, по мѣрѣ того, какъ расширяется поясъ воздѣланныхъ земель, какъ населяются города и дороги подвигаются все далѣе въ глубь горъ. Рано или поздно, хорошіе пути сообщенія соединятъ Акіабъ и Джиттагонгъ (Читтагонгъ) съ городами центральной Барманіи и сдѣлаютъ эти два приморскіе города рынками для произведеній верхняго бассейна Иравадди. Еще слабо

населенные, эти округи поморья, между устьемъ рѣки Мегны и мысомъ Негре, принадлежатъ къ числу тѣхъ областей Англо-индійской имперіи, которыя наиболѣе быстро возростаютъ въ численности народонаселенія и въ богатствѣ.

Индо-китайскіе округи Джиттагонгъ и Арраканъ:

	Пространство въ кв. километр.	Населеніе въ 1872 г.	Населеніе километрическое.
Джиттагонгъ	24.294 кв. кил.	1.187.099 жит.	49 жит.
Арраканъ . .	37.621 „ „	484.273 „	13 „
Вмѣстѣ. . . .	61.915 кв. кил.	1.671.372 жит.	27 жит.
Вѣроятное населеніе въ 1882 г.		2.000.000 „	32 „

На югѣ отъ массива, откуда вытекаютъ вòды, впадающія, черезъ Баракъ, въ Мегну, тянутся, параллельно морскому берегу, невысокія горныя цѣпи, по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Рѣки, раздѣляющія эти горы, указываютъ своею оріентировкой форму промежуточныхъ горныхъ кряжей. Самыя высокія вершины находятся на барманской территоріи, гдѣ проходитъ водораздѣльная возвышенность; одна изъ вершинъ гребня, Мальселай-Монъ, или „Голубая гора", поднимается на 2.164 метра. Но въ англійскомъ округѣ Джиттагонгъ ни одна вершина не достигаетъ 1.000 метровъ; высшая точка, вершина Рангъ-рангъ-дангъ, имѣетъ только 849 метровъ высоты. Не смотря на небольшую высоту этихъ горъ, дѣвственные лѣса, покрывающіе ихъ склоны, извилистыя рѣки и болота низменностей, джунгли, населенные дикими звѣрями, дѣлаютъ эту страну одною изъ самыхъ недоступныхъ, и проходъ черезъ нее въ высшей степени труденъ. Когда смотришь съ какого-нибудь высокаго выступа горъ, то необозримое зеленѣющее пространство равнинъ и нижнихъ долинъ представляется въ видѣ ровнаго поля, и кажется непонятнымъ, какъ могутъ путешественники встрѣчать тамъ столько препятствій. Правительство, оставившее за собою монополію эксплуатаціи этой обширной лѣсной области, извлекаетъ изъ нея, однако, небольшую выгоду; недостатокъ путей сообщенія не позволяетъ ему пользоваться драгоцѣнными лѣсами отдаленныхъ округовъ; главный доходъ доставляетъ ему охота на слоновъ, которыхъ иногда налавливаютъ больше сотни головъ въ одинъ годъ. Затруднительность путешествій помѣшала индусамъ выбрать за священную гору одну изъ вершинъ внутренней части страны. Холмъ Чандранатъ или Ситакундъ (362 метра), куда ходятъ на богомолье и гдѣ иногда собирается до десяти или двадцати тысячъ пилигримовъ, возвышается по сосѣдству съ берегомъ моря, къ сѣверу отъ Джиттагонга: смолистый источникъ, выведенный изъ земли ударомъ трезубца Сивы, придаетъ этому мѣсту особенную святость. Сосѣдніе туземцы, полудикіе буддисты, тоже спускаются съ горъ, чтобы отнести въ Чандранатъ кости своихъ родныхъ и положить ихъ

возлѣ того мѣста, гдѣ, будто бы, какъ гласитъ легенда, стоялъ костеръ „Мудреца“.

Къ востоку отъ Арраканскаго округа, водораздѣльная цѣпь извѣстна подъ именемъ Іома, или „Становой хребетъ“. Средняя высота вершинъ хребта Арраканъ-Іома превышаетъ 1.000 метровъ, а нѣкоторые изъ его пиковъ достигаютъ, говорятъ, даже 1.500 метровъ; но на югъ отъ Сандовея эта гряда съуживается и понижается; на материкѣ она оканчивается у мыса Негре, продолжаясь въ океанѣ островомъ Препарисъ, далѣе Кокосовыми островами и, наконецъ, двумя архипелагами: Андаманскимъ и Никобарскимъ. Самый важный проходъ этой цѣпи—ущелье Аэнгъ или Анъ (1.421 метръ), очень крутое съ восточной стороны; фортъ, защищавшій перевалъ, былъ взятъ англичанами въ 1853 году. Между горными породами хребта Арраканъ-Іома, — известняками и песчаниками мѣловой эпохи и третичныхъ вѣковъ,—встрѣчаются эруптивныя породы; однако, вулкановъ тамъ до сихъ поръ не найдено. Хотя прежде полагали, что на Арраканскомъ побережьи, и особенно на двухъ островахъ Чедуба и Рамри, существуютъ огнедышащія горы; но это предположеніе оказалось ошибочнымъ. Конусообразныя горы этой области—простыя сопки или грязные вулканы. Такихъ вулкановъ насчитываютъ около тридцати въ архипелагѣ, окаймляющемъ морской берегъ на югѣ отъ Комбермирской бухты; одинъ только островъ Рамри заключаетъ въ себѣ болѣе половины этого числа, притомъ сопки его—самыя высокія, и взрывы ихъ отличаются наибольшею силой. На сѣверной оконечности острова, близъ города Кіукъ-хпіу, или „Бѣлый Камень“, шесть грязныхъ вулкановъ расположены въ рядъ на возвышеніи почвы и поднимаются метровъ на десять, опоясанные кругомъ казуаринъ, стволъ которыхъ на половину зарытъ въ глинѣ. Во время изверженій грязь выливается черезъ одну изъ трещинъ кратера, смѣшанная съ остроугольными обломками скалъ. Дожди, падающіе на скаты сопки, уносятъ, мало-по-малу, землистыя частицы и увлекаютъ ихъ къ основанію конуса; остаются только каменные обломки, придающіе цѣлому видъ горки изъ трахитовыхъ лавъ. Каждый годъ или черезъ каждые два года изверженія грязи происходятъ съ необыкновенною энергіей; камни выбрасываются изъ жерла на большія разстоянія; иногда воспламеняющіеся газы, вылетающіе изъ кратера вмѣстѣ съ иломъ и каменными обломками, загораются самопроизвольно, освѣщая, словно маякъ, островъ и его подходы; при этомъ землетрясенія колеблютъ страну. По словамъ островитянъ, самые сильные взрывы бываютъ преимущественно въ эпоху дождливаго сезона. Не смотря на появленіе пламени при этихъ взрывахъ, кратеры сопокъ на островахъ Рамри и Чедуба никогда не извергаютъ расплавленнаго огненно-жидкаго вещества, которое можно было бы сравнить съ лавой, вытекающей изъ настоящихъ вулкановъ. Правда, выбрасываемая

грязь—очень горячая, но колчеданы и куски лигнита (ископаемый бурый уголь) не разлагаются отъ дѣйствія жара, развивающагося въ этихъ вулканахъ; воспламененіе газовъ, надо полагать, происходитъ отъ тренія ударяющихся другъ о друга каменныхъ глыбъ: это, вѣроятно, явленіе, аналогичное явленію молній, которыя разсѣкаютъ столбъ пепла, поднимающійся изъ Везувія [1]). Грязи сопокъ на островахъ Рамри и Чедуба находятся въ связи съ соляными источниками; кромѣ того, ключи каменнаго масла бьютъ изъ земли въ окрестностяхъ или вытекаютъ черезъ отверстія тѣхъ же конусовъ.

На пространствѣ отъ Джиттагонга до мыса Негре, гдѣ тоже встрѣчаются грязные вулканы, такого же происхожденія, какъ и сопки на о. Рамри, морскіе берега носятъ на себѣ явные слѣды недавняго поднятія почвы. Около 1750 года, Круглый островъ (Round island), лежащій къ востоку отъ о. Чедуба, былъ приподнятъ землетрясеніемъ на нѣсколько метровъ; окружающій его старый берегъ состоитъ изъ коралловыхъ глыбъ, изъ раковинъ и изъ песка: можно подумать, что онъ только-что выступилъ изъ подъ воды. Туземцы разсказываютъ, что во время этого событія они находили несметное множество рыбы, которая вдругъ очутилась заключенною въ бассейнахъ, образовавшихся между приподнятыми рифами; тогдашній уловъ рыбы сдѣлался легендарнымъ. Во многихъ мѣстахъ берегъ окаймленъ, въ видѣ карниза, известковымъ песчаникомъ, содержащимъ разломанныя раковины и растительные остатки, приносимые нѣкогда волнами: эти карнизы, цементированные углекислою известью, находятся надъ уровнемъ самыхъ высокихъ приливовъ, потому ли, что какое-либо внезапное движеніе почвы, въ родѣ землетрясенія 1870 года, приподняло ихъ на теперешнюю высоту, или потому, что они постепенно повысились вслѣдствіе медленнаго поднятія почвы. Выступательное движеніе, имѣвшее мѣсто на берегахъ Арракана, опредѣляютъ въ 3 и до 7 метровъ въ отвѣсномъ направленіи: островъ Чедуба лежитъ въ центрѣ направленнаго снизу вверхъ вертикальнаго давленія; съ той и другой стороны возвышеніе береговъ надъ ихъ прежнимъ уровнемъ было менѣе значительно [2]). Грязные вулканы тоже подняли временно свои жерла надъ уровнемъ моря въ сосѣдствѣ о. Чедуба. Въ 1762 году большое землетрясеніе поколебало почву въ окрестностяхъ Джиттагонга, причемъ сосѣдніе берега погрузились въ море [3]).

Во всей Барманіи, или Бирманѣ, сотрясенія почвы часто повторяются, и говорятъ, что во многихъ мѣстностяхъ, между прочимъ, въ

[1]) *R. Mallet* „Records of the Geological Survey of India", 1878.

[2]) *Halsted* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1841; *Medlicott* and *Blanford* „Manual of the Geology of India".

[3]) *Buist* „Journal of the Bombay Geographical Society", vol. XI, „Calcutta Review", 1876.

МЕЧЕТЬ КУТАБЪ БЛИЗЪ ДЕЛИ.

окрестностяхъ города Бамо, на верхней Иравадди, жители не обращаютъ вниманія на дрожаніе земли—до такой степени они привыкли къ этому явленію. Эти внезапныя и быстрыя колебанія почвы, также какъ медленное поднятіе Арраканскихъ береговъ, имѣютъ, можетъ быть, связь съ явленіями вулканической дѣятельности, слѣды которой находятъ въ различныхъ частяхъ страны. Такъ, во многихъ мѣстахъ, на берегахъ моря, встрѣчаются латериты эруптивнаго происхожденія; торговые города барманскаго побережья построены на почвѣ этого рода, и на мысахъ той же формаціи высится бóльшая часть пагодъ, на которыя молятся, проходя мимо, туземные моряки [1]). Но въ то время, какъ на Полуостровѣ по сю сторону Ганга до сихъ поръ не открыли, на плоской возвышенности, кратеровъ изверженія, откуда были выбрасываемы лава и пепелъ, въ Барманіи существуетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ старый вулканъ, со всѣми характеристическими признаками горъ этого рода: это Пуппа, Паопа или Паппа-дунгъ, возвышающійся на востокѣ отъ Иравадди, на юго-востокѣ отъ Пагана. Путешественники не указываютъ въ бассейнахъ барманскихъ рѣкъ ни одного грязнаго вулкана, подобнаго сопкамъ острововъ Рамри и Чедуба, но источники воспламеняющихся газовъ встрѣчаются во множествѣ; тамъ и сямъ, когда пройдутъ лѣсные пожары джунглей, пламя, или „огни духовъ", какъ его называютъ туземцы, продолжаетъ горѣть надъ какою-нибудь разсѣлиной въ землѣ [2]). Соляные ключи обильно бьютъ изъ почвы у восточнаго основанія хребта Арраканъ-Іома, расположенные, по бóльшей части, на линіи излома третичныхъ горныхъ породъ; наконецъ, во многихъ мѣстахъ рядомъ со соляными водами существуютъ источники каменнаго масла (петролеума); уже многіе вѣка тамошніе нефтяные колодцы доставляютъ туземцамъ освѣтительныя масла, равно какъ ингредіенты, необходимые для приготовленія смазочныхъ маселъ и лаковъ; нѣкоторые изслѣдователи пытались даже, по количеству добываемаго керосина, исчислять барманское народонаселеніе [3]). Близь Іенанъ-Гіунга, или „Зловоннаго Ручья", села въ королевской Барманіи, лежащаго на лѣвомъ берегу Иравадди, ниже Пагана, пробуравлено болѣе пятисотъ нефтяныхъ колодцевъ, имѣющихъ средней глубины отъ 60 до 75 метровъ; но сокрытое въ нѣдрахъ земли нефтяное озеро подвержено многочисленнымъ колебаніямъ: часто источники изсякаютъ и тогда бурятъ почву по сосѣдству, чтобы опять напасть на запасъ каменнаго масла; полезныхъ нефтяныхъ колодцевъ насчитывается около 150. Горное масло, которое бьетъ изъ земли кипящимъ фонтаномъ, черпается ведрами и очищается въ сосѣднихъ сараяхъ; запахъ, распространяющійся въ сосѣдствѣ съ этими источниками, достаточно

[1]) *A. Bastian* „Ethnologische Bilder".
[2]) *Theobald* „Records of the Geological Survey of India", vol. VI, 1873.
[3]) *Crawford*; *Carl Ritter* „Asien".

рѣзокъ, чтобы оправдать прозвище, данное деревнѣ [1]). Керосинъ отправляютъ отсюда даже въ Великобританію; эксплуатація этой драгоцѣнной жидкости, среднюю годовую добычу которой опредѣляютъ въ 12.000 тоннъ, не подвергается опасности быть оставленною, тогда какъ разработка барманской соли заброшена, по невозможности конкуррировать съ солью, привозимою изъ салинъ морскаго прибрежья и изъ соляныхъ копей Англіи.

Берега Джиттагонгскій и Арраканскій, выставленные всей силѣ юго-западнаго муссона, принадлежатъ къ числу мѣстностей, получающихъ наибольшее обиліе дождей: нигдѣ на этихъ берегахъ средній годовой слой выпадающей дождевой воды не бываетъ менѣе 3 метровъ, а во многихъ долинахъ, куда низвергаются облака, онъ достигаетъ или даже превышаетъ 6 метровъ (около 20 футовъ); но на восточномъ склонѣ горъ, обращенныхъ къ Иравадди, количество атмосферныхъ осадковъ гораздо меньше; вѣтры приходятъ туда уже сухіе, потерявъ влагу при проходѣ черезъ горную цѣпь или параллельныя цѣпи Джиттагонга и Арраканъ-Іома. Питаемыя сильными ливнями, рѣки, изливающіяся въ Бенгальскій заливъ, между Карнапули и мысомъ Негре, многочисленны и катятъ огромную массу воды. Благодаря направленію горныхъ хребтовъ, которые идутъ параллельно морскому берегу, нѣкоторые потоки могли получить большое протяженіе, не смотря на незначительную ширину покатости. Во всей своей верхней долинѣ они текутъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку или въ обратную сторону, смотря по направленію оси морскаго берега; усиленные притоками, которые текутъ параллельно имъ въ длинныхъ долинахъ и соединяются съ ними черезъ боковыя ущелья, они являются уже не рѣчками, а большими рѣками, когда, наконецъ, пробиваютъ послѣднія, встрѣчающіяся на пути ихъ, преграды. Если бы эти рѣки не были отдѣлены отъ моря барами, на которыхъ глубина воды измѣняется отъ 2 до 4 метровъ, смотря по фазамъ луны, онѣ могли бы давать доступъ самымъ большимъ судамъ. Во время дождливаго сезона суда, вмѣстимостью въ 400 тоннъ, поднимаются вверхъ по Куладанѣ (Koladyne) или Акіабской рѣкѣ на 120 километровъ отъ устья, а суда, вмѣщающія не болѣе 40 тоннъ, проникаютъ еще на 80 километровъ выше по теченію. Прибрежныя лагуны и ложныя рѣки, сплетеніе которыхъ мѣняется при каждомъ наводненіи, соединяютъ нѣсколько рѣчныхъ дельтъ, представляя внутреннему судоходству значительную сѣть каналовъ. Но въ открытомъ морѣ берега низменны и усѣяны рифами; рифы, заграждающіе частью входъ въ Комбермирскую бухту, заслужили названіе „Страшныхъ“.

[1]) *H. Yule* „Reports of the Mission to Ava in 1877“; *Fytche* „Burma, past and present“.

Тунгты, или „Дѣти горъ“, населяющіе возвышенныя долины и террасы горъ Джиттагонга и Арракана, раздѣляются на множество племенъ, изъ которыхъ иныя, каковы лушаи и шенду, независимы; другія, банги и панхо, не платятъ подати англичанамъ, но признаютъ ихъ верховную власть надъ собою; большинство же, тинперахи, мрунги, куми, мро—данники британскаго правительства. Начальники или старшины этихъ инородцевъ должны представлять въ казну подушную подать за всѣхъ членовъ племени; оттого-то они такъ противятся тому, чтобы англійскіе офицеры приступили къ переписи населенія ихъ деревень; они берутъ эту обязанность на себя, изъ чего надо заключить, что дѣйствительное число горцевъ значительно превышаетъ цифру ихъ, значащуюся въ оффиціальныхъ документахъ. Большіе домосѣды, почти никогда не спускающіеся изъ своихъ укрѣпленныхъ становищъ, тунгты сохранили свои старинные нравы и до сихъ поръ продолжаютъ боготворить силы природы, деревья, ручьи, горы. Окруженные уже двѣ тысячи лѣтъ буддійскими населеніями, они заимствовали отъ своихъ сосѣдей лишь практику чародѣйства Большинство поклоняется священному бамбуку, посаженному передъ селеніемъ, и приносятъ ему кровавыя жертвы; вѣроятно, этотъ религіозный актъ того же происхожденія, какъ и церемоніи, справляемыя племенемъ коль передъ деревомъ салъ (shorca robusta); тѣ и другіе должны просить прощенія у растенія, которое они вырвали и предали пламени, чтобы засѣять свои поля хлѣбомъ [1]). Между типперахами всего дольше держались человѣческія жертвоприношенія; преданія говорятъ о тысячѣ жертвъ, приносимыхъ ежегодно въ честь бога Сивы. Одно изъ племенъ, ку, имѣло привычку подвергать своихъ плѣнниковъ пыткамъ.

Что касается маговъ или кіунгтовъ, т. е. „Дѣтей рѣки“, которые живутъ въ различныхъ долинахъ притоковъ рѣкъ Карнапули и Куладанъ и составляютъ массу населенія Арракана, то они давно уже обращены въ буддійскую вѣру, говорятъ арраканскимъ нарѣчіемъ, и тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ писать, употребляютъ барманскій алфавитъ, слегка видоизмѣненный; сами они называютъ себя міамъ-ма, т. е. „барманцами“, и никогда не принимаютъ наименованія магъ, эпитета иностраннаго происхожденія. Прямые, мужественные, честные, они очень выгодно отличаются своими сильными нравственными качествами отъ своихъ сосѣдей бенгальцевъ [2]). Большинство маговъ, или міамъ-ма—земледѣльцы, и расчищаютъ почву подъ пашни, предавая лѣса пламени пожара. Очень многіе изъ этихъ горцевъ занимаются торговлей и смѣло пускаются въ открытое море и на заливообразное устье Мегны въ ладьяхъ,

[1]) *Dalton* „Ethnology of Bengal“.
[2]) *Laws*; *Holdigh*; *Dalton*.

остовъ которыхъ связанъ ліанами индійскаго тростника. Сосѣди ихъ, племена чакма, цакъ или такъ въ Джиттагонгѣ, тоже исповѣдуютъ буддійскую вѣру; но находясь въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ индусами, они мало-по-малу индіанизируются[1]).

Хами, т. е. „люди", называемые обыкновенно барманами оскорбительною кличкой кве-мьи, или „собачьи хвосты", за ихъ костюмъ, населяютъ, въ числѣ двадцати семи клановъ, верхнія долины Куладана и его притоковъ. Принадлежа къ той же расѣ, какъ и барманцы, и говоря языкомъ того же происхожденія, они, однако, не приняли религіи своихъ сосѣдей, жителей равнинъ, но поклоняются предкамъ, геніямъ горъ и рѣкъ, приносятъ имъ дары; двѣ главныя умилостивительныя церемоніи въ году совершаются въ эпоху посѣва и передъ жатвой. Въ юридическомъ быту хами дѣйствуетъ очень сложная и запутанная совокупность правовыхъ обычаевъ, по которой каждое преступленіе, каждый проступокъ могутъ быть искуплены либо пенями, либо рабствомъ, временнымъ или постояннымъ; по этому кодексу, женщина, разсматриваемая какъ существо безправное, не платитъ проторей и убытковъ, равно какъ и сама не можетъ получать ихъ; простая собственность, такая же, какъ скотъ, она не имѣетъ ничего, кромѣ того, что̀ даетъ ей добрая воля отца, брата или мужа. Хижины, построенныя изъ бамбука, расположены вокругъ площади, деревенскаго форума, центръ котораго занятъ деревяннымъ сараемъ или навѣсомъ, служащимъ въ одно и то же время кузницей и постоялымъ дворомъ для путниковъ. Хами—искусные земледѣльцы и ведутъ дѣятельную торговлю съ населеніями равнины; акіабскій рынокъ отправляетъ заграницу каждый годъ на нѣсколько сотъ тысячъ франковъ табака, хлопка, кунжута и другихъ земледѣльческихъ произведеній, получаемыхъ изъ ихъ края.

Племена хьенгъ (хьенъ, чингъ), живущія къ востоку отъ хами, въ горахъ Арраканъ-Іома, преимущественно на полуденномъ склонѣ, гораздо менѣе цивилизованы и держатся особнякомъ; они говорятъ особеннымъ языкомъ барманскаго корня, котораго не понимаютъ ихъ сосѣди, хотя онъ содержитъ много хамійскихъ словъ. Эти туземцы—буддисты только въ городахъ; въ своихъ деревняхъ они поклоняются геніямъ деревьевъ, источниковъ и въ особенности духу бури. У нихъ сохранились еще слѣды материнства или главенства женщины: послѣ свадьбы мужъ всегда идетъ жить къ своей женѣ и покидаетъ домъ тестя, чтобы основать отдѣльное хозяйство, лишь послѣ рожденія перваго или втораго ребёнка. Разводъ очень легокъ: достаточно простаго желанія одного изъ супруговъ; иногда разлученіе покупается отдачей вьючнаго вола. Всѣ хьенгскія женщины прежде татуировались до совершеннаго искаженія

[1]) *Lewin* „Hill tracts of Chittagong and the Dwellers therein".

лица. Съ трудомъ можно было различить черты подъ сѣтью линій, покрывавшихъ лицо; среди черной маски рѣзко выдѣлялся ярко красный цвѣтъ губъ и деснъ, попорченныхъ бетелемъ; по словамъ легенды, отцы и мужья, будто бы, нарочно такъ обезображивали ихъ, чтобы положить конецъ умыканіямъ, которыя нѣкогда лишали націю почти всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, въ пользу одного племени похитителей [1]). Но этотъ обычай быстро исчезаетъ, благодаря тому, что хьенги теперь находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ цивилизованными жителями равнины, которымъ они сбываютъ продукты своего звѣроловства, земледѣлія и промышленности, желѣзную руду, медъ, слоновьи бивни и ткани. У другихъ народцевъ водораздѣльныхъ горныхъ цѣпей Джиттагонга и Арракана татуированіе встрѣчается только, какъ исключительный случай. Изъ всѣхъ этихъ племенъ наименѣе цивилизованное племя мро, которые живутъ на югъ отъ хами, въ самыхъ недоступныхъ долинахъ. Пугливые, постоянно на сторожѣ, мро еще недавно обитали въ настоящихъ гнѣздахъ на большихъ деревьяхъ. Хами и другіе горцы, которымъ нужно защищать себя только отъ дикихъ звѣрей, ограничиваются тѣмъ, что ставятъ свои хижины на сваяхъ, на высотѣ одного или двухъ метровъ отъ земли; мро же, которые должны были опасаться также нападенія охотниковъ за людьми, чувствовали себя въ безопасности только на высокихъ деревьяхъ; взобравшись съ свою воздушную хижину, они тотчасъ же убирали подставляемую къ дереву бамбуковую лѣстницу.

Преданія связываютъ жителей морскаго прибрежья съ населеніями Передней Азіи. Даже до буддійскаго періода индусское вліяніе было преобладающимъ на восточныхъ берегахъ Бенгальскаго залива. Прибрежные жители приняли буддійскую вѣру, затѣмъ нѣкоторое число ихъ вернулось къ браманству, а съ девятаго столѣтія магометане, проникнувъ въ страну, распространили тамъ ученіе своего пророка; однако, большинство послѣдователей ислама, въ Джиттагонгѣ и Арраканѣ—потомки невольниковъ, привезенныхъ въ край государями. Также какъ и другіе резиденты, они говорятъ арраканскимъ нарѣчіемъ. Въ прошломъ столѣтіи барманцы, перейдя хребетъ Арраканъ-Іома, овладѣли страной, но только для того, чтобы ввести тамъ режимъ угнетенія и хищничества; когда они вынуждены были, въ 1826 году, уйти назадъ за горы и предоставить край англичанамъ, прибрежныя мѣстности представляли почти безлюдныя пустыни. Теперь населеніе быстро возростаетъ; иммигранты изъ Индіи приходятъ толпой, и китайцы поселятся въ городахъ маленькими колоніями. Между индусами вербуются даже служители буддійскихъ храмовъ, такъ какъ арраканцы и барманцы выбираютъ для службы въ пагодахъ предпочтительно людей, исключенныхъ изъ всякой касты, каковы,

---

[1]) *Dalton* „Ethnology of Bengal“; *Ch. Alexander Gordon* „Our Trip to Burmah“.

напримѣръ, члены племени домъ. Скрещеніе расъ дѣлается преимущественно магометанами, которые охотно берутъ себѣ въ жены арраканокъ или дѣвушекъ туземныхъ племенъ, тогда какъ индусы, удерживаемые узами касты, стараются сохранить чистоту крови. Въ цѣломъ, населеніе, въ одно и то же время барманское и индусское по происхожденію, по исторіи и по цивилизаціи представляетъ смѣсь двухъ типовъ въ чертахъ и въ физіономіи; лица не имѣютъ ни лукавства индуса, ни простодушія барманца.

Городъ Джиттагонгъ (Читтагонгъ) или Саптаграмъ, Исламабадъ мусульманъ, которые составляютъ большинство населенія, лежитъ не на берегу моря; это собраніе деревень, верфей, базаровъ, рощицъ и садовъ, которое тянется на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ вдоль праваго берега рѣки Карнапули, осѣненнаго деревьями; европейскіе дома разсѣяны на холмахъ къ сѣверу отъ города. Во времена португальцевъ Джиттагонгъ, носившій тогда имя Порто-Гранде (Большой портъ), велъ значительную торговлю, которая впослѣдствіи перешла къ портамъ рѣки Хугли; но съ половины настоящаго столѣтія онъ снова занимаетъ мѣсто между большими торговыми городами; хотя расположенный внѣ лимана Брамапутры, онъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлался главнымъ складочнымъ пунктомъ внѣшней торговли для бассейна этой могучей рѣки, съ которымъ его соединяетъ судоходный каналъ; въ скоромъ времени желѣзная дорога должна связать Джиттагонгъ съ сѣтью желѣзныхъ путей Бенгаліи. Движеніе иностранной навигаціи въ джиттагонгскомъ портѣ въ теченіе фискальнаго 1874—1875 года 435 судовъ, вмѣстимостью въ 170.164 тонны. Тысячи иммигрантовъ постоянно заняты въ верфяхъ и на складахъ; къ несчастію, городъ, окруженный болотами, есть одинъ изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстъ на этомъ берегу, и портъ его загражденъ баромъ, черезъ который большія суда могутъ переходить только въ часы прилива. По склонамъ горъ, возвышающихся къ востоку отъ Джиттагонга, именно въ сосѣдствѣ Бандарбана, тянутся обширныя плантаціи чайнаго деревца. Недавно въ этой странѣ найденъ новый видъ носорога, съ двумя рогами, *lasiotis*, названнаго такъ по причинѣ длинной шерсти, которою опушены его уши.

Къ югу отъ Джиттагонга, другой портъ, носящій англійское имя Коксовъ Базаръ (Cox's Bazar), расположенъ у южнаго входа въ лиманъ, отдѣляющій островъ Маскаль отъ материка. При устьѣ каждой рѣки выстроились торговыя пристани, а важнѣйшій торговый городъ поморья, Акіабъ, занимаетъ мѣсто, къ которому сходятся самые многочисленные судоходные пути. Онъ не только находится при устьѣ большой рѣки Куладанъ, но посредствомъ лагунъ дельты и проливовъ сосѣдняго архипелага сообщается почти со всѣми городами Арракана; когда колесныя

дороги пройдутъ черезъ хребетъ Іома и когда верхняя Барманія не будетъ болѣе изолирована таможеннымъ кордономъ, безъ всякаго сомнѣнія, Акіабъ или какой-либо другой сосѣдній портъ сдѣлается рынкомъ Мандалая и Авы, потому что ниже этихъ столицъ Иравадди слѣдуетъ направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, и когда рѣка поворачиваетъ окончательно къ югу, она отстоитъ отъ западнаго берега залива не болѣе, какъ на 150 километровъ по прямой линіи; черезъ это мѣсто и должны будутъ проходить путешественники и товары, чтобы избѣжать огромнаго обхода въ 1.000 километровъ черезъ дельту Иравадди и мысъ Негре. Главнымъ рынкомъ нижняго Куладана прежде былъ городъ Арраканъ, носящій теперь названіе Мрогунгъ, что̀ значитъ „Старый городъ". Когда англичане овладѣли имъ, въ 1826 году, оставленное ими тамъ войско было почти все истреблено болотными лихорадками. Тогда поспѣшили выбрать другое мѣсто для резиденціи правительства и перевели ее на 80 километровъ ниже по теченію Куладана, близко къ устью, гдѣ уже находилась маленькая рыбачья деревушка племени маговъ. Акіабъ, который почти весь былъ построенъ галерниками, скоро сдѣлался городомъ большой торговли, особенно по экспорту риса; въ то же время онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для керосина, добываемаго на островѣ Рамри. Движеніе судоходства въ Акіабскомъ портѣ въ 1875 году: въ приходѣ и отходѣ 1.170 судовъ, имѣвшихъ общую вмѣстимость 388.950 тоннъ. Цѣнность торговыхъ оборотовъ въ фискальномъ 1876—1877 году 34.583.650 франковъ.

Другіе порты полуденнаго поморья, Кіукъ-хпіу, на островѣ Рамри, и Сандовей (Тандвай), на континентѣ—маловажныя мѣстечки.

Главные города морскаго берега, между Брамапутрой и мысомъ Негре:

Джиттагонгъ . . .	20.600 жит.	Коксовъ-Базаръ . .	4.300 жит.
Акіабъ	19.250 „	Мрогунгъ (Арраканъ).	3.000 „

III.

Острова Андаманскіе и Никобарскіе.

Эта длинная цѣпь острововъ въ формѣ полумѣсяца, начинающаяся островкомъ Препарисъ и оканчивающаяся въ 900 слишкомъ километрахъ къ югу островомъ Большой Никобаръ, составляетъ продолженіе хребта Арраканъ-Іома. Горныя породы островныхъ горъ принадлежатъ къ тѣмъ же формаціямъ, какъ и породы континентальной цѣпи, направленіе хребтовъ то же самое, и подводныя долины, открывающіяся съ правой и съ лѣвой стороны Андаманскихъ и Никобарскихъ острововъ, ограничиваютъ цоколь, частью погруженный въ море, который поддерживаетъ эти острова, соединяясь съ мысомъ Негре. На сѣверѣ Андаманскихъ острововъ, порогъ,

который раздѣляетъ заливы Бенгальскій и Мартабанскій, достигающіе тотъ и другой слишкомъ 2.000 метровъ глубины, имѣетъ только 275 метровъ въ самомъ впаломъ мѣстѣ, и неглубокія пространства, мели, рифы, островки слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ съ сѣвера на югъ по гребню погруженнаго въ море перешейка. Гряда Андаманскихъ и Никобарскихъ острововъ составляетъ, очевидно, часть орографической системы всего Индо-Китая. Загибаясь къ юго-востоку, цѣпь Никобарскихъ острововъ сообразуется съ общимъ расположеніемъ Полуострова по ту сторону Ганга, какъ оно указано направленіемъ горныхъ осей, главныхъ рѣчныхъ долинъ и полуострова Малакки. Островъ Суматра орьентированъ въ параллельномъ направленіи, также какъ Ніасъ и сосѣднія земли, продолжающія на юго-востокѣ Никобарскій архипелагъ. Андаманскіе и Никобарскіе острова, хотя принадлежащіе географически къ Индо-Китаю, причислены, въ административномъ отношеніи, къ Калькуттѣ, какъ области бармапскаго поморья. Впрочемъ, они принадлежатъ къ числу наименѣе утилизируемыхъ владѣній Англо-индійской имперіи.

Пространство и населеніе архипелаговъ:

Андаманскій	6.608 кв. кил.	13.500 ж. въ 1875 г.	2 ж. на 1 кв. кил.
Никобарскій	1.878 „ „	6.000 „ „ „ „	3 „ „ 1 „ „
Вмѣстѣ	8.486 кв. кил.	19.500 ж.	2,3 ж. на 1 кв. кил.

Вѣроятно, что Андаманскіе острова были извѣстны уже древнимъ; по мнѣнію Юля, острова *Агату Даймонось*, или „Добраго Демона“, могли быть такъ названы просто благодаря игрѣ словъ, примѣры которой такъ обыкновенны въ номенклатурѣ мѣстъ; что касается имени острововъ Барусскихъ, которымъ Птоломей означаетъ островную группу крайняго Востока, то полагаютъ, что въ немъ можно признать Ланка-балусъ, наименованіе, которое первые арабскіе мореплаватели давали Никобарскимъ островамъ [1]). Арабскіе мореплаватели девятаго столѣтія, разсказы которыхъ были переведены Ренодо и Рено, суть первые, которые упоминаютъ неоспоримо объ Андаманскихъ островахъ и даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ географическомъ положеніи и обитателяхъ. Марко-Поло упоминаетъ о нихъ подъ именемъ Ангаманайнъ, арабская форма, которой приписываютъ смыслъ „Два Ангамана“. Репутація людоѣдовъ, приписанная туземцамъ, и недостатокъ картъ, которыя могли бы служить путеводителями морякамъ въ этихъ моряхъ, усѣянныхъ рифами, часто посѣщаемыхъ малайскими пиратами, долго заставляли мореплавателей обходить эти острова; изслѣдованіе архипелага началось лишь въ концѣ прошлаго столѣтія, со времени основанія колоніи въ одномъ изъ портовъ восточнаго берега.

[1]) *H. Yule* „Encyclopaedia Britannica“; *Oscar Peschel* „Geschichte der Erdkunde“.

Островъ Препарисъ и два островка, называемые Кокосовыми (по-англійски *Coco Islands*), которые составляютъ часть соединительнаго порога между Андаманскимъ архипелагомъ и барманскимъ берегомъ, не болѣе, какъ скалы, едва выступающія изъ подъ воды; но совокупность земель, которой иногда даютъ имя Большаго Андамана, представляетъ плоскогорье, длиной слишкомъ въ 250 километровъ, при средней ширинѣ отъ 25 до 30 километровъ; три извилистыхъ и неглубокихъ пролива разрѣзываютъ эту землю на четыре главные отрывка, вокругъ которыхъ группируются нѣсколько островковъ: только двумя изъ этихъ морскихъ каналовъ корабли могутъ проходить изъ Бенгальскаго въ Мартабанскій заливъ. На Большомъ Андаманѣ цѣпь холмовъ тянется отъ одного конца острова до другого, поднимая свои гребни на нѣсколько сотъ метровъ: одна изъ вершинъ, Сѣдлообразный Пикъ (Saddle-peak), на сѣверномъ островѣ, имѣетъ 900 метровъ высоты; другая, на южной оконечности цѣпи, возвышается на 420 метровъ. Отъ верхушки до основанія холмы сплошь покрыты лѣсами, гдѣ мореплаватели не примѣчаютъ ни одной прогалины. До высоты 50 метровъ деревья и ліаны образуютъ почти непроницаемую массу растительности, куда звѣри такъ же не отваживаются пробраться, какъ и люди; но натуралисты задаютъ себѣ вопросъ, не будучи въ состояніи рѣшить его, почему кокосовыя пальмы, растущія въ такомъ множествѣ въ Никобарскомъ архипелагѣ и на двухъ островкахъ, которымъ онѣ сообщили свое имя, не встрѣчаются нигдѣ, въ видѣ самопроизвольной растительности, на берегахъ Андаманскихъ острововъ или на островкѣ Препарисъ? А между тѣмъ, эти деревья съ полнымъ успѣхомъ разведены въ плантаціяхъ около Портъ-Блера [1]).

Животныя формы, своею малочисленностью, составляютъ рѣзкій контрастъ съ растительными видами. Въ то время, какъ пальмы и бананы, древовидные молочаи, эбеновое и желѣзное дерево и большинство древесныхъ породъ континентальной Индіи тѣснятся въ громадномъ лѣсу Большаго Андамана, единственныя дикія млекопитающія, живущія среди этой могучей растительности,—это, во-первыхъ, одинъ видъ кабана, на котораго охотятся туземцы, затѣмъ летучія мыши, крысы, дикая кошка, бѣлка да еще ихневмоны или мангусты, которые наносятъ большой вредъ плантаціямъ [2]). Пресмыкающіяся гораздо менѣе многочисленны, нежели на сосѣднемъ материкѣ, и рѣдко когда увидишь птицъ, летающихъ надъ лѣсами или въ болотахъ поморья, осѣненныхъ корнепусками. Что касается рыбы, то она во множествѣ населяетъ бухты и бухточки, а въ сосѣдствѣ береговъ образуются коралловыя мели. Нѣсколько атолловъ,

[1]) *V. Ball* „Jungle Life in India".
[2]) *V. Ball*, цитированное сочиненіе.

впрочемъ, гораздо менѣе правильныхъ, чѣмъ атоллы Малдивскихъ островов, поднимаются надъ поверхностью моря на западной сторонѣ Большаго Андамана. Этотъ западный берегъ, о который съ страшною силой разбиваются морскія волны, гонимыя юго-западнымъ муссономъ, опаснѣе восточнаго, и мореплаватели стараются избѣгать его. На восточной сторонѣ находятся два главные порта архипелага: портъ Корнваллисъ, на сѣверномъ островѣ, и портъ Блеръ, на южномъ. Этотъ послѣдній есть одна изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ гаваней Индійскаго океана, и положеніе его между Калькуттой и Сингапуромъ указываетъ на него, какъ на сборное мѣсто флотовъ.

Малый Андаманъ, отдѣленный отъ Большаго порогомъ около 45 километровъ шириною, имѣетъ треугольную форму, менѣе высокъ, чѣмъ сѣверные острова, но состоитъ изъ тѣхъ же горныхъ породъ и покрытъ такою же густою растительностью. Онъ заканчиваетъ собою архипелагъ на югѣ; но на востокѣ два островка, поднимающіеся изъ морскихъ пучинъ, имѣющихъ нѣсколько сотъ метровъ глубины, могутъ быть разсматриваемы, какъ принадлежащіе къ группѣ Андаманскихъ: это два вулкана о. Наркондамъ и о. Барренъ-Айлендъ, или „Безплодный Островъ“. Три конуса Наркондама, изъ которыхъ самый высокій поднимается на 800 метровъ, сплошь покрыты лѣсами; на эти горы еще никто не всходилъ, тогда какъ вулканъ о. Барренъ-Айлендъ, имѣющій около 300 метровъ высоты и не менѣе 10 километровъ въ окружности основанія, былъ часто посѣщаемъ. Кратеръ его, посрединѣ котораго выдвинулся второстепенный конусообразный холмъ, съ отверстіемъ или каналомъ внутри, въ родѣ печной трубы, имѣетъ, съ одной стороны, проломъ, доходящій почти до уровня моря; очевидно, когда-то изверженіе лавы и пепла разломало боковую стѣну вулкана послѣ того, какъ сбросило всю его верхнюю часть. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ настоящаго огнедышащая гора Безплоднаго острова освѣщала, какъ маякъ, воды залива [1]; теперь она пребываетъ въ состояніи покоя, также какъ и вулканъ острова Наркондама, изверженія котораго не случалось видѣть ни одному путешественнику. Въ то время, какъ выступившіе изъ подъ воды плоскіе берега свидѣтельствуютъ о поднятіи Арраканскаго побережья и Никобарскихъ острововъ, Андаманскіе острова, лежащіе между этими двумя областями повышенія почвы, кажется, составляютъ площадь пониженія, потому что во многихъ мѣстахъ береговой полосы найдены остатки поглощенныхъ моремъ лѣсовъ, состоящихъ изъ корнепусковъ, а также изъ деревъ, растущихъ всегда на земляхъ, совершенно выступившихъ изъ подъ воды. Но это, можетъ быть, мѣстныя явленія, и на многихъ сосѣднихъ берегахъ размыванія могутъ быть

[1]) *Blair* „Asiatic Researches“, 1795.

АТОКСКАЯ ЦИТАДЕЛЬ И МОСТЪ НА ИНДѢ.

производимы дѣйствіемъ теченій: на западной сторонѣ нѣкоторыя раковинныя мели были, повидимому, приподняты [1]).

Немногочисленные обитатели архипелага, андаманцы или минкопы, раздѣляются на множество дикихъ племенъ, которыя, пользуясь дурною славой жестокости, долгое время отдаляли отъ этой островной группы всѣхъ изслѣдователей. Тѣмъ не менѣе, эти народцы принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые наиболѣе интересуютъ антропологовъ, по причинѣ изолированности, въ которой они жили, и тѣхъ особенностей, которыми они отличаются. Ихъ обыкновенно причисляютъ къ „пеласгійскимъ неграмъ“ или „негритосамъ“, встрѣчающимся на различныхъ островахъ Малазіи [2]); однако, они ни мало не походятъ на настоящихъ негровъ, исключая цвѣта кожи: лобъ у нихъ широкій и выпуклый, носъ выдающійся или даже орлиный, губы не очень толстыя; по словамъ большинства посѣтившихъ ихъ англійскихъ путешественниковъ, волоса у нихъ не курчавые, а только раздѣлены на маленькія космы; впрочемъ, убѣдиться въ этомъ трудно, такъ какъ большинство андаманцевъ имѣетъ привычку тщательно выбривать себѣ голову съ помощью острыхъ раковинъ или кусковъ стекла; они оставляютъ только полосу въ родѣ гребня, всегда подрѣзанную очень низко и занимающую середину черепа, между лбомъ и затылкомъ [3]). Хотя на островитянъ Андаманскаго архипелага иногда указывали, какъ на людей, отличающихся, во всей совокупности своего племени, совершеннымъ тожествомъ типа, однако, они далеко не представляютъ одной и той же формы черепа: одни изъ нихъ принадлежатъ къ длинноголовымъ (долихоцефалы), тогда какъ другіе причисляются къ короткоголовымъ (брахицефалы) [4]); нужно, однако, замѣтить, что по этому вопросу краніологи сдѣлали не мало ошибокъ, благодаря тому обстоятельству, что подъ именемъ череповъ минкоповъ въ Европу нерѣдко присылались черепа уголовныхъ преступниковъ, содержавшихся въ пенитенціарной тюрьмѣ андаманскаго города Портъ-Блеръ [5]). Но всѣ писатели единогласно называютъ андаманцевъ малорослыми; ни одинъ изъ видѣнныхъ путешественниками индивидуумовъ этого племени не былъ выше 1,60 метра (2 аршина 4 вершка); средняя величина роста варьируетъ отъ 1,45 до 1,52 метра [6]); можно встрѣтить даже цѣлыя семейства, не достигающія 1,40 метра [7]). Впрочемъ, не смотря на свой маленькій ростъ, минкопы хорошо сложены и очень стройны.

---

[1]) *Medlicott* and *Blanford* „Manual of the Geology of India“.

[2]) *Pritchard* „Natural History of Man“; *De Quatrefages* „Revue d'Anthropologie“, tome I, 1872; *Topinard* „Anthropologie“.

[3]) *Fytche* „Transactions of the Ethnological Society“, vol. V.

[4]) *Busk*, тотъ же сборникъ, томъ IV.

[5]) *Francis Day* „Proceedings of the Asiatic Society“, june 1870.

[6]) *Mouat*; *Saint-John*; *Smith*; *Dobson*; *Lane Fox*.

[7]) *Tyller*; *Verreaux* „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 1866.

*

По словамъ Мэна и Темпля, нарѣчія андаманскихъ племенъ, до такой степени различающіяся одно отъ другого, что островитяне сѣвера не понимаютъ островитянъ юга, близко подходятъ по синтаксису къ дравидійскимъ идіомамъ; Латамъ считаетъ ихъ родственными барманскимъ языкамъ. Впрочемъ, эти туземные говоры чрезвычайно бѣдны; они даже не имѣютъ словъ для выраженія чиселъ и уже усвоили себѣ множество терминовъ англійскихъ и изъ діалекта индустани. Часто андаманцы, какъ и большинство дикарей, отвѣчаютъ вопрошающему, повторяя предложенный имъ вопросъ; принимая это повтореніе вопроса за отвѣтъ, путешественники нерѣдко впадали въ ошибки, дѣлали невѣрныя заключенія и вслѣдствіе того несправедливо обвиняли своихъ собесѣдниковъ во лжи.

Андаманцы, по крайней мѣрѣ мужчины, носятъ одежду только въ сосѣдствѣ европейскихъ поселеній; во многихъ деревняхъ, колонисты даютъ имъ на время пребыванія костюмъ, который они напяливаютъ на себя, не протестуя, но съ радостью возвращаютъ его при отъѣздѣ; они очень сожалѣютъ объ англичанахъ, когда видятъ ихъ входящими въ джунгль въ одеждѣ, въ которую заползаютъ тысячи насѣкомыхъ. Но, хотя и голые, андаманцы очень заботятся о своемъ тѣлѣ. Къ украшеніямъ татуировки они прибавляютъ еще живопись, т. е. разрисовываютъ себя красками; по вечерамъ, они окрашиваютъ себѣ тѣло красноватою охрой, которую извлекаютъ изъ теплыхъ минеральныхъ ключей; они употребляютъ также, для приданія большей красы своей наружности, желтоватую грязь, къ которой примѣшиваютъ какія-нибудь жирныя вещества, напримѣръ, черепашье масло: такъ они защищаютъ себя отъ нападеній москитовъ и другихъ насѣкомыхъ-мучителей; пластыри изъ грязи служатъ также для леченія болѣзней [1]). Подобно нѣкоторымъ дикарямъ Австраліи, минкопы свидѣтельствуютъ о своемъ траурѣ, разрисовывая себѣ физіономію символическими знаками; точно также они и покойнику раскрашиваютъ все лицо, въ знакъ уваженія. Когда мясо похороненнаго трупа сгніетъ, кости вынимаются изъ могилы и сохраняются на память о покойникѣ. Обыкновенно, вдова носитъ привязанный черезъ плечо черепъ мужа и употребляетъ его, какъ ящичекъ, чтобы класть туда свои самыя драгоцѣнныя вещи.

Хижины андаманцевъ едва заслуживаютъ этого имени: это простые шалаши изъ пальмовыхъ листьевъ; часто туземцы довольствуются, для своего крова, большими деревьями или углубленіями скалъ. Вокругъ ихъ становищъ мало-по-малу накопляются кости животныхъ, остатки рыбы, раковины; когда вонь дѣлается слишкомъ невыносимою, отправляются искать новаго мѣста; нѣсколькихъ часовъ достаточно, чтобы основать новую деревню. Вообще говоря, минкопы селятся на берегу моря;

[1]) *J. Jagor* „Berliner Zeitschrift für Ethnologie“.

однако, они бродятъ также во внутреннихъ областяхъ, и даже одному изъ племенъ не дозволяется его болѣе могущественными сосѣдями спускаться къ морскимъ берегамъ. Хотя кочевники, андаманцы очень дорожатъ своими традиціонными правами надъ лѣсами и берегами моря, и та или иная чаща зелени, та или иная скала слыветъ у нихъ символомъ собственности. Почти возлѣ каждаго становища выбирается большое дерево, хорошо защищенное отъ вѣтра, какъ дерево огня: жаръ, медленно горящій въ дуплѣ ствола и покрывающійся золой, служитъ имъ для поддержанія огня и для варки или печенья кушанья [1]). Андаманцы совершенно незнакомы съ искусствомъ воздѣлыванія почвы, но какъ звѣроловы и рыболовы, они отличаются замѣчательнымъ умѣньемъ и ловкостью; ихъ меткія стрѣлы неминуемо попадаютъ въ птицу или въ кабана, въ котораго они прицѣлились; маневрируя въ своихъ челнокахъ, они обгоняютъ гички лучшихъ англійскихъ гребцовъ. На *аутригерахъ* (outriggers), или суденышкахъ, управляемыхъ съ помощью длиннаго шеста, въ родѣ цейлонскихъ, они смѣло пускаются въ открытое море, верстъ за сто отъ берега.

Прежніе мореплаватели ославили андаманцевъ свирѣпыми дикарями и создали имъ дурную репутацію, которой они ни мало не заслуживаютъ. Эти островитяне вовсе не людоѣды, какъ о нихъ разсказывали прежде; но ихъ легко обидѣть, и въ этомъ случаѣ должно опасаться ихъ мщенія. Точно дѣти, повинующіяся впечатлѣнію минуты, они, подъ вліяніемъ вспышки гнѣва, совершаютъ внезапныя насилія, но очень мало нужно для того, чтобы успокоить ихъ: достаточно добраго слова, чтобы разнять двухъ сражающихся противниковъ, которые готовы были убить другъ друга и которые вскорѣ послѣ того бросаются со слезами въ объятія одинъ другому. Вообще, на всемъ свѣтѣ нѣтъ людей, у которыхъ слёзныя железки были бы болѣе дѣятельны, чѣмъ у андаманцевъ. Когда два племени встрѣчаются, женщины начинаютъ плакать, и вскорѣ мужчины принимаются вторить имъ; иногда этотъ плачъ продолжается по цѣлымъ днямъ; пѣсни и пляски слѣдуютъ лишь за сценами проливанія слезъ [2]); но стоитъ только одному изъ плачущихъ испытать какую-нибудь маленькую непріятность, и ссора возгорается. Даже именно во избѣжаніе этихъ ссоръ и дракъ, племена подраздѣляются на малочисленныя группы; рѣдко можно встрѣтить въ одномъ становищѣ больше тридцати человѣкъ. Строгіе единобрачники, андаманцы, вообще говоря, очень благоволятъ къ своимъ женамъ и оказываютъ безпредѣльную любовь къ своимъ дѣтямъ: какъ только совершился актъ родовъ,—передъ собравшимися семействами, какъ того требуетъ обычай,—новорожденный переходитъ изъ рукъ въ руки, и каждый

[1]) *Mouat* „The Andaman Islanders".
[2]) *Francis Day* „Proceedings of the Asiatic Society". june 1870.

изъ присутствующихъ осыпаетъ его ласками. Дѣтямъ позволяется удовлетворять всѣ свои капризы; но когда, по достиженіи совершеннолѣтія, они приготовляются ко вступленію въ бракъ, ихъ подвергаютъ разнымъ испытаніямъ, въ особенности лишенію любимой пищи, для того, чтобы сформировать ихъ характеръ до основанія новой семьи. Съ того времени, какъ туземцы вступили въ сношенія съ европейцами, они, кажется, утратили нѣкоторыя изъ своихъ примитивныхъ качествъ, хотя не научились почти ничему полезному. По свидѣтельству Френсиса Дэ, число ихъ быстро уменьшается; смертность на дѣтяхъ очень велика, и рѣдко увидишь больше двухъ ребятъ въ одной семьѣ; немногіе изъ островитянъ переходятъ за сорокалѣтній возрастъ; болѣзни, отъ которыхъ страдаютъ европейцы подъ сырымъ климатомъ Андаманскихъ острововъ, поражаютъ также и туземцевъ. Всѣ вмѣстѣ, девять племенъ минкоповъ заключаютъ не болѣе 5.000 душъ. Главное племя, то, которое владѣетъ почти всѣмъ южнымъ островомъ, — народецъ богинигиди; на этомъ островѣ есть нѣсколько метисовъ, помѣсей различныхъ расъ, представленныхъ въ пенитенціарной тюрьмѣ Портъ-Блера.

Первыя карательныя колоніи были основаны на сѣверномъ островѣ, въ 1791 и 1793 годахъ; эта послѣдняя на берегу обширнаго и прекраснаго порта Корнваллійскаго; но крайне нездоровый климатъ этой гавани, окаймленной корнепусками на большой части ея окружности, заставилъ покинуть это поселеніе. Новые пенитенціаріи, построенные послѣ подавленія сипайскаго мятежа, находятся на небольшомъ островѣ Россъ, при входѣ въ портъ Блеръ, и на южномъ островѣ, близъ мѣстечка Гоптаунъ. Уголовные преступники, признаваемые наиболѣе опасными, заключены на островѣ Ехидны. Большинство 8.000 ссыльныхъ живутъ на свободѣ и занимаются рыболовствомъ и хлѣбопашествомъ въ окрестностяхъ Портъ-Блера, и на другой сторонѣ острова, около порта Муатъ; что касается осужденныхъ на каторгу, то ихъ употребляютъ на работы по постройкѣ зданій и дорогъ, равно какъ по расчисткѣ джунглей для тропическихъ культуръ. Смертность ссыльныхъ, прежде доходившая до 125 на 1.000 въ годъ, теперь не превышаетъ смертности въ самыхъ здоровыхъ мѣстностяхъ Индіи. Даже въ полной неволѣ, индусы дѣлятся на строго разграниченныя касты и энергически отказываются ѣсть и работать вмѣстѣ.

Никобарскіе острова не представляютъ въ своемъ расположеніи такой правильности, какою отличаются острова Андаманскіе. Направляя свою ось съ сѣверо-запада на юго-востокъ, они дѣлятся на три группы: на сѣверѣ, Каръ-Никобаръ и островокъ Батти-Мальве; по серединѣ архипелага, главная земля котораго—островъ Каморта; на югѣ, острова-близнецы Большой и Малый Никобаръ, окруженные островками; всего, не считая

рифовъ, около двадцати островковъ выступаютъ изъ глубокихъ водъ; малайцы даютъ имъ названіе „Девяти острововъ". Съ 1711 года два французскіе миссіонера, іезуиты Форъ и Буне, взяли во владѣніе одну изъ земель въ серединѣ архипелага, но вскорѣ послѣ того были умерщвлены. Новая попытка была сдѣлана въ 1755 году. Датская экспедиція, отправившаяся изъ Транквебара, поселилась на полуденномъ островѣ Сіамбалонгъ, называемомъ теперь Большимъ Никобаромъ. Весь архипелагъ получилъ имя „Новой Даніи"; но менѣе чѣмъ въ три года, всѣ датчане покинули эту колонію. Затѣмъ нѣмецкіе миссіонеры, принадлежавшіе къ сектѣ моравскихъ братьевъ, пытались, въ свою очередь, присоединить къ европейскому міру населенія архипелага и основали, въ 1768 году, поселеніе на островѣ Нанкаури; оно просуществовало около десяти лѣтъ, до того времени, когда островомъ овладѣла австрійская экспедиція; но построивъ редутъ и выпустивъ привезенный съ собою скотъ на волю въ лѣса, эта экспедиція уѣхала, оставивъ гарнизонъ, состоявшій всего изъ трехъ человѣкъ, которые воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы бѣжать изъ колоніи. Въ 1807 году архипелагъ сдѣлался оффиціально собственностью Великобританіи, но вскорѣ послѣ того опять перешелъ подъ власть Даніи, въ силу рѣшеній вѣнскаго конгресса; однако, никакой новой попытки колонизаціи не было сдѣлано до 1831 года. Но и на этотъ разъ датчане не лучше успѣли, чѣмъ прежде, и въ 1837 году датскій губернаторъ, отказываясь даже отъ правъ собственности, потребовалъ обратно у старшинъ знамена и начальническіе жезлы, которые онъ имъ пожаловалъ. Однако, въ 1845 году возобновили попытки введенія земледѣлія съ помощью нанятыхъ китайскихъ кулієвъ, но произведенныя ими расчистки земель подъ пашни не имѣли другого результата, кромѣ того, что увеличили рядъ неудачъ; острова снова были покинуты представителями Даніи, и англійское правительство овладѣло въ 1869 году Никобарскимъ архипелагомъ, присоединивъ его къ своимъ колоніямъ Андаманскаго архипелага. До этого захвата, нѣмецкіе патріоты тщетно предлагали Пруссіи завладѣть этими островами безъ европейскихъ владѣльцевъ, островами, вредный климатъ которыхъ, порождающій лихорадки, справедливо пугаетъ европейцевъ.

Хотя Никобарскіе острова лежатъ на продолженіи Андаманскихъ, они, однако, составляютъ во многихъ отношеніяхъ контрастъ съ этимъ архипелагомъ. Южные острова принадлежатъ, очевидно, къ области поднятія почвы; тамъ до высоты 60 метровъ ясно видны прежніе, теперь приподнятые, корралловые берега [1]), и бахромы рифовъ, окаймляющія почти все побережье, выдвинуты далеко въ море; во многихъ мѣстахъ онѣ вдругъ оканчиваются отвѣсными стѣнами, естественными вертикальными

[1]) *Rink* „Die Nikobarischen Inseln".

набережными, вдоль которыхъ могли бы становиться рядами корабли. Лѣсистые холмы имѣютъ почти такую же высоту, какъ и холмы Андаманскихъ острововъ; но, судя по ихъ формѣ, нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, вулканическаго происхожденія; мало найдется горъ, которыя такъ походили бы на вулканъ, какъ конусообразный островъ Бомпока, представляющій на вершинѣ обширный зазубренный кратеръ, весь наполненный зеленью; однако, Баль не видалъ тамъ лавы. Группа двухъ острововъ, маленькаго Бомпока и большаго Тересса, расположеннаго полумѣсяцемъ, удивительно напоминаетъ своею формой острова Санторинъ, въ Эгейскомъ морѣ. Самая высокая вершина архипелага находится въ сѣверной части Большаго Никобара; она достигаетъ 720 метровъ, и съ массива, надъ которымъ она господствуетъ, спускается настоящая рѣка, которой дали имя Галатеи, въ память корабля, посланнаго для географическихъ изслѣдованій датскимъ правительствомъ.

Также какъ Андаманскій архипелагъ, Никобарскіе острова имѣютъ чрезвычайно богатую флору и очень бѣдную фауну; но въ этомъ отношеніи двѣ островныя группы представляли замѣчательные контрасты. До прибытія европейцевъ, земли Большаго Андамана не имѣли ни одного кокосоваго дерева на своихъ берегахъ, тогда какъ эти пальмы образуютъ настоящій поясъ на нѣкоторыхъ изъ Никобарскихъ острововъ. На островѣ Качалъ и на многихъ другихъ земляхъ Никобарскаго архипелага растетъ знаменитая сешельская пальма, плодъ которой извѣстенъ подъ именемъ „морскаго кокоса“. Никобарскіе острова имѣютъ также нѣкоторые животные виды, какихъ нѣтъ на Андаманскихъ. Въ лѣсахъ острова Каморта бродятъ буйволъ и вепрь, опасныя животныя; но, вѣроятно, что эти звѣри происходятъ отъ тѣхъ, которые были пущены датчанами въ лѣса [1]); на Большомъ Никобарѣ, какъ говорятъ, водится одна порода оленя; на томъ же островѣ есть одичалая собака, преслѣдующая стада. Въ лѣсахъ обитаютъ также бѣлки-летяги и обезьяны, а между пресмыкающимися открыты двѣ ядовитыя змѣи; на Каръ-Никобарѣ существуетъ нѣсколько другихъ ядовитыхъ змѣй, по разсказамъ туземцевъ, которые изъ за этихъ опасныхъ гадовъ боятся даже ходить въ лѣсныя чащи; два вида большихъ ящерицъ населяютъ прѣсныя воды поморья, но онѣ не нападаютъ на человѣка. Натуралисты констатировали въ этомъ архипелагѣ существованіе около сорока различныхъ видовъ птицъ, въ томъ числѣ ласточки-салангапы, которая вьетъ свое, скрѣпленное клейкимъ веществомъ, гнѣздо въ углубленіяхъ скалъ. Огромное ракообразное, *birgus latro*, живетъ въ норѣ у подошвы деревьевъ; говорятъ, что онъ всползаетъ на кокосовыя пальмы, чтобы подрѣзывать на нихъ орѣхи, которые служатъ

[1]) *Latrobe* „Letter on the Nicobar Islands“.

ему пищей [1]). Сосѣднія моря не дали естествоиспытателямъ богатой добычи, какой они ожидали [2]).

Никобарцы не имѣютъ никакого расоваго сходства съ минкопами Андаманскихъ островов. Роста они выше средняго и далеко не такъ черны, какъ андаманцы; цвѣтъ кожи у нихъ бронзовый. Они вовсе не татуируются и рѣдко раскрашиваютъ себѣ тѣло: вмѣсто того, чтобы обмазываться охрой или глиной, какъ дѣлаютъ ихъ сѣверные сосѣди, они напитываютъ себѣ тѣло кокосовымъ масломъ, которое укрѣпляетъ кожу и отгоняетъ насѣкомыхъ своимъ рѣзкимъ запахомъ. Они имѣютъ вообще челюсти выдающіяся, носъ очень широкій, глаза слегка скошенные; неумѣренное употребленіе листьевъ бетеля, вредное дѣйствіе которыхъ, вѣроятно, еще усиливается какимъ-нибудь спеціальнымъ приготовленіемъ этой жвачки, не только дѣлаетъ черными зубы, но поражаетъ также губы, такъ что на двадцатомъ году туземцы уже съ трудомъ могутъ закрывать ротъ. Матери имѣютъ привычку сплющивать черепъ своимъ дѣтямъ, оттого никобарцы „плоскоголовые", какъ индѣйцы этого имени въ Сѣверной Америкѣ. Обыкновенно, обитателей Никобарскихъ островов причисляютъ къ малайцамъ или къ помѣсямъ индо-китайскихъ націй; имя Малакка, принадлежащее двумъ самымъ большимъ селеніямъ островов Каръ-Никобаръ и Нанкаури (Nangkowri), кажется, указываетъ, по крайней мѣрѣ, на близкія отношенія между островитянами и малайцами ближайшаго берега материка; однако, физическія черты и нравы тѣхъ и другихъ несходны. По Ренсторфу, они походятъ на бутановъ Формозы больше, чѣмъ на всякую другую народность Азіи [3]). Холодные, ко всему равнодушные съ виду, никобарцы выказываютъ, однако, большое рвеніе къ удовлетворенію своего тщеславія, покупая какую-нибудь принадлежность европейскаго костюма, верхнюю одежду, рубашку или головной уборъ: главный предметъ ихъ желаній составляетъ черная шелковая шляпа, и нѣтъ ничего забавнѣе, какъ видѣть этихъ голыхъ людей, съ презрѣніемъ отвергающихъ всѣ предлагаемыя имъ одежды, чтобы предпочесть головной покровъ англійскаго джентльмэна: въ эпоху путешествія австрійскаго фрегата „Новара", въ 1858 году, средняя цѣна черной шляпы была 1.600 кокосовыхъ орѣховъ. Правда, что ношеніе шляпы составляетъ аристократическую привилегію и даетъ счастливому избраннику право называть себя „капитаномъ". Мужчины носятъ длинные волосы, а женщины брѣютъ себѣ голову.

Деревни, построенныя на плоскихъ коралловыхъ берегахъ, состоятъ изъ круглыхъ, конусообразныхъ хижинъ, поставленныхъ на сваяхъ; приливный потокъ, проходящій подъ этими шалашами, уноситъ кухонные

[1]) *V. Ball*, цитированное сочиненіе.
[2]) „Reise der Oesterreichischen Fregatte „Novara", 2-ter Band.
[3]) „Geographical Magazine", february 1, 1875.

остатки. Жилища содержатся очень опрятно, хотя женщины дѣлаютъ въ нихъ всѣ свои хозяйственныя работы, между которыми главное мѣсто занимаетъ тяжелый трудъ приготовленія *ларома*, или пандановаго хлѣба. Ширмы, построенныя передъ деревней, жерди, воткнутыя въ землю подлѣ хижинъ, закрываютъ доступъ злымъ духамъ; никобарцы не принимаются ни за какое дѣло, пока не очистятъ воздухъ отъ геніевъ, которыми онъ кишитъ; когда задумано какое-нибудь предпріятіе, то приглашаютъ заклинателя, чтобы онъ заговорилъ бѣсовъ (иви). Иногда строютъ лодку-фетиша, затѣмъ, поломавъ всѣ вещи, которыя считаютъ часто посѣщаемыми нечистою силой, сгоняютъ злыхъ духовъ въ лодку криками и притворною битвой; гребцы буксируютъ челнокъ на большое разстояніе отъ берега, бросаютъ его середи моря, а сами убѣгаютъ безъ оглядки. Но если бури или зыбь опять пригонятъ къ берегу, по близости какого-нибудь селенія, лодку-фетишъ съ ея грузомъ злыхъ духовъ, то туземцы, получившіе этотъ опасный подарокъ, объявляютъ войну виновному племени. Рѣдко, впрочемъ, случается, чтобы битвы имѣли фатальный конецъ. Мужчины дерутся только палками, и когда противники слишкомъ разгорячатся, женщины, размахивая обнаженными саблями, бросаются между сражающихся; баталія обыкновенно завершается шумною пирушкой. Никобарцы не только не присвоиваютъ себѣ власти надъ своими женщинами, но скорѣе считаютъ ихъ выше себя. Въ семьяхъ, дѣвушки,—сравнительно менѣе многочисленныя, говорятъ,—имѣютъ первенство надъ парнями; онѣ сами выбираютъ себѣ супруга и имъ же принадлежитъ право развода: когда мужъ не нравится, жена отсылаетъ его отъ себя, чтобы взять себѣ другого, и никто не можетъ противиться ея волѣ. Однако, когда мужъ умираетъ, жена должна выказывать великую скорбь; приличіе требуетъ, чтобы она отрѣзала себѣ суставъ пальца; но многія замѣняютъ эту операцію широкою зарубкой въ одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ хижину. У этихъ племенъ не существуетъ никакого правительства: люди, обязанные своей шляпѣ или любезности европейскихъ мореплавателей титуломъ „капитана“, не имѣютъ никакой власти, соотвѣтствующей этому слову, которымъ они такъ гордятся. „Общественная связь туземцевъ,—говоритъ одинъ писатель,—состоитъ во взаимности обязанностей; это связь самая простая и лучшая изъ всѣхъ“ [1]).

У никобарцевъ есть садики, которые они воздѣлываютъ съ большимъ умѣньемъ, но кокосовыя пальмы, панданы и другія фруктовыя деревья доставляютъ имъ, вмѣстѣ съ звѣриною и рыбною ловлей, пищу, слишкомъ изобильную, чтобы они стали много заботиться о культурѣ почвы. Какъ моряки, они не уступаютъ въ ловкости андаманцамъ и кажутся неутомимыми въ плаваніи. Они довольно искусны въ нѣкоторыхъ ремеслахъ,

[1]) *Hamilton* „Recherches asiatiques“, tome II.

какъ о томъ свидѣтельствуетъ рѣзьба на мебели, въ ихъ хижинахъ, и на ихъ ладьяхъ съ балансерными шестами: на островкѣ Чаура, самомъ населенномъ сравнительно съ пространствомъ, жители, которымъ слишкомъ тѣсно на этомъ маленькомъ клочкѣ земли, занимаются выдѣлкою глиняной посуды, которая раскупается у нихъ во всѣ части архипелага. Они пишутъ также іероглифы на пальмовыхъ листьяхъ, чтобы сохранить память о важныхъ событіяхъ и помнить заключенные договоры; лица, животныя и разные предметы домашняго хозяйства изображены на этихъ семейныхъ архивахъ, на которыхъ развѣшены кокосовые орѣхи и длинныя узкія полосы сушенаго мяса [1]).

Никобарцы охотно обмѣниваютъ свои произведенія, и такъ велика ихъ честность въ этихъ торговыхъ сдѣлкахъ, что иностранные купцы не боятся давать имъ впередъ все, въ чемъ они нуждаются, взамѣнъ простаго обѣщанія уплатить кокосовыми орѣхами изъ будущаго сбора [2]). Въ борьбѣ, которую имъ не разъ приходилось выдерживать противъ европейцевъ или малайцевъ, рѣдко бывало, чтобы они первые подали поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. „Мы добрые,—говорилъ одинъ туземецъ австрійцамъ съ фрегата „Новара“,—а въ вашей землѣ люди, значитъ, злые, если вамъ нужно столько пушекъ и ружей?“ Какъ многіе другіе нецивилизованные народцы, никобарцы были деморализованы чужеземными коммерсантами: губительный аракъ, который имъ даютъ, главнымъ образомъ, въ обмѣнъ за орѣхи или кокосовое масло, распространилъ между ними привычку къ пьянству, и по свидѣтельству путешественниковъ, смертность теперь уже превышаетъ рождаемость у различныхъ племенъ архипелага. Также какъ на Андаманскихъ островахъ, между никобарцами рѣдко можно встрѣтить человѣка, перешедшаго за сорокъ лѣтъ. Трауры сдѣлались очень часты, а оплакивать покойника—дѣло не шуточное. Впродолженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, родственники умершаго воздерживаются отъ всякихъ забавъ, не дотрогиваются ни до одного любимаго кушанья, не терпятъ ни пляски, ни пѣнія въ деревнѣ, и справляютъ отъ времени до времени продолжительныя похоронныя церемоніи; еще на двадцать первомъ году семейство ходитъ совершать поминки на могилѣ усопшаго. На дѣтей, завладѣвающихъ частью отцовскаго наслѣдства, смотрятъ, какъ на какихъ-то безчувственныхъ выродковъ: все, что служило никобарцу во время его жизни, должно быть сломано, разбито и погребено вмѣстѣ съ нимъ [3]).

По разсказамъ туземцевъ, *бажу*, т. е. „люди“, не единственные обитатели Большаго и Малаго Никобара; въ лѣсахъ внутренней части острововъ живутъ, будто бы, еще „лѣсные люди“, орангъ-утанги, дикари

[1]) *V. Ball* „Jungle Life in India“; „Indian Antiquary“, vol. 4, 1875.
[2]) *Distant* „London Anthropological Institute“; „Ausland“ 1873, № 14.
[3]) *Roepstorff* „Geographical Magazine“, febr. 1, 1875.

съ длинными волосами, питающіеся змѣями, жабами и крокодилами[1]). Настоящее ихъ имя—шобенгъ; по Репсторфу, лицо у нихъ плоское, какъ у монголовъ; по Беллю, они походятъ на минкоповъ. Къ этимъ представителямъ двухъ различныхъ расъ, которые составляютъ немногочисленное населеніе архипелага, теперь прибавились люди всякаго рода и племени, ссылаемые сюда англичанами. Уголовно-исправительное поселеніе, подчиненное андаманскому тюремному управленію, было основано въ 1869 году на островѣ Каморта, на сѣверной сторонѣ пролива Панкаури, великолѣпнаго порта, представляющаго на сѣверѣ и на югѣ второстепенныя гавани, которыя сообщаются двумя глубокими каналами съ восточнымъ и западнымъ морями. Вокругъ этой колоніи почва распахана, плантаціи распространяются постепенно все далѣе и далѣе вглубь острова, и ссыльные индусы поселяются въ прогалинахъ лѣсовъ. Благодаря расчисткѣ и распашкѣ дѣвственныхъ земель, климатъ Никобарскаго архипелага, столь опасный, ассенируется мало-по-малу. До основанія пенитенціарной колоніи въ Нанкаури, первое мѣсто между островами архипелага, по торговлѣ, занималъ сѣверный островъ, Каръ-Никобаръ; изъ трехъ милліоновъ кокосовыхъ орѣховъ, экспортируемыхъ ежегодно, болѣе двухъ третей вывозились съ этого острова. Туземцы носятъ вообще англійскія имена; очень искусные лингвисты, они свободно объясняются на языкахъ моряковъ, посѣщающихъ ихъ острова; каждый изъ нихъ знаетъ малайскій языкъ, почти всѣ говорятъ по-англійски, по-португальски, по-бармански или по-индустански.

IV.

Бассейны Иравадди и Салуэна.

МАНИПУРЪ, ЗЕМЛИ ШАНОВЪ И КАКІЕНОВЪ, БАРМАНІЯ, ПЕГУ, МАРТАБАНЪ.

Область Индо-Китая, простирающаяся на востокъ отъ раздѣльной цѣпи, образуемой горами Хамти, Сингпо, Лушай и хребтомъ Арраканъ-Іома, кажется на первый взглядъ естественною принадлежностью, составною частью странъ, присоединенныхъ къ Китайской имперіи. Легко восходимые уступы или террасы поднимаются съ равнинъ Барманіи къ плоскогорьямъ Юннана, и узкія долины Салуэна и Иравадди даютъ доступъ въ восточныя провинціи Тибета; покатость почвы связываетъ барманскія равнины съ Китаемъ; но, съ другой стороны, поморье сближаетъ ихъ съ полуостровомъ Передней Индіи, и съ этой именно стороны распространялась цивилизація съ первыхъ временъ мореплаванія. Въ то время, какъ населеніе, взятое въ массѣ, походитъ физическими чертами

[1]) *Birch* „Calcutta Review", july 1878; *Rink*; *von Scherzer*, „Novara".

ІЕНАНЪ-ГІУНГЪ. ВИДЪ СЪ ЛИБРАУАДДИ.

на обитателей странъ Китайской имперіи, сопредѣльныхъ съ Барманіей, и происходитъ, безъ сомнѣнія, въ наибольшей долѣ отъ того же корня,— религіи и идеи распространялись, напротивъ, черезъ приморскіе порты. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо, толчекъ извнѣ даетъ себя чувствовать черезъ прибрежье. Хозяева моря, англичане овладѣли всѣмъ приморскимъ поясомъ, изъ котораго они сдѣлали индійскую провинцію, пересѣкаемую большими дорогами. Но на сѣверѣ ничего не измѣнилось; тамъ до сихъ поръ дикія населенія занимаютъ гористыя мѣстности и часто запираютъ торговые пути. Барманія все болѣе и болѣе вовлекается въ кругъ притяженія, центръ котораго находится въ Европѣ, за морями, и великія политическія перемѣны должны совершиться прежде, чѣмъ удобные пути сообщенія, возстановляя географическое равновѣсіе, соединятъ области нижняго теченія Иравадди съ верхними долинами ея бассейна. Въ наши дни бо̀льшая часть страны почти безлюдна: въ сравненіи съ Бенгаліей, Барманія, представляющая, однако, точно такія же выгоды въ отношеніи почвы и климата, есть страна пустынная; много превосходя Францію пространствомъ, она имѣетъ въ пять разъ меньше жителей; но заселеніе совершается съ замѣчательною быстротой: въ періодъ съ 1872 по 1881 годъ число жителей англійской Барманіи увеличилось на 34 процента.

Пространство и народонаселеніе странъ по теченію Иравадди, Салуэна и Ситтанга:

	Пространство въ квадр. километр.	Населеніе.	Километрич. населеніе.
Манипуръ, въ 1876 г. . .	19.675	126.000 жит.	6,4 жит.
Барманія и земля шановъ. .	457.000	4.000.000 „	9,0 „
Пегу, безъ Южнаго Тенассерима, въ 1881 году . . .	158.280	3.250.000 „	20,0 „
Вмѣстѣ . .	634.955	7.376.000 жит.	11,6 жит.

Рѣка Иравадди, принимающая въ свой бассейнъ воды всей Западной Барманіи, является уже могучимъ потокомъ, когда вступаетъ на территорію Индо-Китая. Правда, въ 1826 году изслѣдователи Вилькоксъ и Борльтонъ, проходя горы Брамакунда, достигли береговъ незначительнаго потока, о которомъ имъ сказали, что это верхняя Иравадди, и котораго мѣстное названіе, Мынтъ-Гьи, или „Большая Рѣка", показалось имъ соотвѣтствующимъ главной рѣкѣ Барманіи. Хотя усиленная водами тающаго снѣга, которыя въ то время текли съ горъ Намьеръ, лежащихъ въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу, „Большая Рѣка" не имѣла даже 75 метровъ въ ширину и путешественники могли переходить ее въ бродъ [1]. Вилькоксъ полагалъ, что имъ такимъ образомъ удалось разрѣшить вопросъ объ истокахъ Иравадди; однако, онъ слышалъ отъ туземцевъ

[1] „Asiatic Researches", XVII.

о „большой восточной вѣтви“ рѣки, которую утомленіе и трудности путешествія помѣшали ему посѣтить. Недавно плантаторъ Леппеpъ собралъ у туземцемъ сингпо свѣдѣнія, подтверждающія существованіе этой восточной рѣки [1]). Какая это можетъ быть рѣка, если не Иравадди, широкое теченіе которой было осмотрѣно вдоль береговъ европейскими путешественниками въ 150 километрахъ южнѣе?

Одинъ барманскій изслѣдователь, извѣстный подъ псевдонимомъ Алага, былъ посланъ, въ 1880 году, вверхъ отъ города Бхамо, съ порученіемъ прослѣдовать вдоль береговъ Иравадди до сліянія двухъ вѣтвей. Онъ поднялся по долинѣ за границу барманскаго государства въ собственномъ смыслѣ, и около 23°43′ достигъ мѣста соединенія двухъ потоковъ, изъ которыхъ одинъ, западный, имѣлъ тогда 500 шаговъ въ ширину, тогда какъ восточный рукавъ, черезъ который они переправились на паромѣ, представлялъ только пятую часть этой ширины и капиталъ неглубокія воды [2]). Но есть ли это „большая восточная рѣка“ Уилькокса и Леппера? Не соединяется ли съ Иравадди сѣвернѣе другой значительный притокъ? Пока еще невозможно отвѣтить положительно на этотъ вопросъ, и мы не имѣемъ точныхъ измѣреній, которыя позволяли бы вычислить въ этомъ мѣстѣ стокъ (объемъ протекающей въ секунду воды) главной барманской рѣки. Европейскій путешественникъ Штреттель, который поднимался, въ 1874 году, вверхъ по Иравадди до мѣста, сосѣдняго съ этимъ сліяніемъ, тоже описываетъ рѣчное теченіе недостаточно подробно, чтобы можно было, на основаніи сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, дать приблизительно мѣру протекающей жидкой массы. Только въ сотнѣ километровъ ниже, у впаденія притока Могунгъ, подъ 25 градусомъ широты, наблюденія, сдѣланныя Ганпеемъ и Гриффитомъ для опредѣленія ширины русла, глубины водъ, скорости теченія, годовой разности полноводья и мелководья, дали возможность вычислить стокъ рѣки во время разлива, и оказалось, что Иравадди катитъ огромную массу воды отъ 25.000 до 28.000 кубич. метровъ въ секунду [3]). Ниже, у Бхамо, потокъ большаго разлива поднимается почти до 34.000 кубич. метровъ въ секунду. Сравнивая объемъ верхней Иравадди съ объемомъ той же рѣки у вершины ея дельты, находимъ, что въ самомъ высокомъ мѣстѣ, гдѣ до сихъ поръ было измѣрено ея теченіе, она имѣетъ уже двѣ трети своего средняго стока и половину стока въ періодъ полноводья: въ этомъ мѣстѣ она уже катитъ 9.000 кубич. метровъ въ секунду, т. е. представляетъ потокъ, равный тройному устью Дуная. Такъ громадна выше Бхамо, въ Сѣверной Барманіи, жидкая

[1]) *Robert Gordon*, рукописныя замѣтки.
[2]) „Proceedings of the Geographical Society of London“, май 1882.
[3]) *Robert Gordon* „Report on the Irrawaddy River“.

масса этой рѣки, которую чертятъ на бо̀льшей части картъ, какъ берущую начало въ горахъ, которыя ограничиваютъ на югѣ бассейнъ Брамакунда!

Этотъ замѣчательный фактъ—узкій бассейнъ, питающій такую широкую рѣку—можно было бы объяснить только чрезмѣрно большимъ паденіемъ атмосферной влаги, подобнаго которому до сихъ поръ не наблюдали ни въ какомъ другомъ мѣстѣ земнаго шара: даже годоваго слоя воды, толщиною въ 20 метровъ, слѣдовательно, далеко превышающаго слой, выпадающій на полуденные склоны горъ Гаро и Хасіа, было бы недостаточно, чтобы объяснить огромный стокъ верхней Иравадди; предполагая даже, что эта вода, нисходящая изъ облаковъ, вся стекаетъ въ рѣку. Но все, что̀ извѣстно о гіетометрическомъ порядкѣ этихъ областей, позволяетъ утверждать, что дожди верхняго бассейна Иравадди не равняются въ изобиліи дождямъ странъ, пробѣгаемыхъ Брамапутрой и ея притоками. Главное дождевое теченіе воздушнаго океана—юго-западный муссонъ низвергающійся между горными громадами Индіи и возвышенностями Индо-Китая, на сѣверѣ отъ Бенгальскаго залива. Ударяясь о Типперахскіе холмы и горы Ассама, нижняя часть воздушнаго потока проливаетъ на землю свои обильные ливни, и далѣе верхнія облака встрѣчаютъ высокія горы, ограничивающія съ сѣвера бассейны Брамакунда и Дихонга: на этой-то покатости, очевидно, и должны выпадать наиболѣе сильные дожди и снѣга. Бассейнъ же верхней Иравадди находится именно на противоположной покатости; когда облака проходятъ надъ этимъ склономъ горъ, они уже утратили наибольшую часть своей влажности. Такъ, южнѣе, паденіе дождевой воды, превышающее 6 метровъ на берегахъ Джиттагонга и Акіабъ, не достигаетъ даже трети этого количества на восточномъ скатѣ, въ дельтѣ Иравадди.

Годовой слой дождей на покатости хребта Арраканъ-Іома:

Западный склонъ.		*Восточный склонъ.*	
Акіабъ (средн. за 33 года)	5,01 метр.	Тайетъ-міо (за 8 лѣтъ)	1,30 метр.
Кьюкъ-хпью (за 8 лѣтъ). .	4,51 „	Промъ „ „ „	1,43 „
Сандовей (за 8 лѣтъ). .	5,55 „	Гензада „ „ „	1,96 „
		Маннпуръ (за 4 года).	1,23 „

Если эта рѣка не питается безпримѣрно обильными дождями, то ея бассейнъ долженъ быть гораздо обширнѣе, чѣмъ предполагаетъ большинство англійскихъ географовъ. Или Иравадди есть продолженіе Цангбо, какъ это утверждаютъ, основываясь на сочиненіяхъ китайскихъ географовъ, д'Анвиль, Клапротъ, Фергюсонъ, Гордонъ, или она принимаетъ въ своемъ верхнемъ теченіи другую большую рѣку, спускающуюся съ плоскогорій Восточнаго Тибета.

Ниже впаденія Могунга, Иравадди вступаетъ въ дефилей или „кьюкдвенъ", противоположные утесы котораго въ иныхъ мѣстахъ отстоятъ

другъ отъ друга менѣе, чѣмъ на 50 метровъ, но гдѣ вода такъ глубока, что лотъ не достаетъ дна на 75 метрахъ; въ этомъ узкомъ проходѣ, гдѣ масса рѣки сдавлена между скалъ, потокъ бѣжитъ со скоростью отъ 20 до 25 километровъ въ часъ. Другое каменистое ущелье, гдѣ рѣка имѣетъ до 60 метровъ глубины [1]), сжимаетъ воды ниже впаденія Тапенга и города Бхамо; обезьяны прыгаютъ на деревьяхъ, растущихъ на краю обрыва, и на выступахъ утеса, который высится крутою стѣной надъ западнымъ берегомъ рѣки. До этой части теченія поднимаются дельфины, весело играющіе вокругъ барокъ; впрочемъ, они появляются все рѣже и рѣже, хотя барманцы никогда не преслѣдуютъ ихъ [2]). Близь Мандалая, лѣсистые выступы горъ или мысы образуютъ третью тѣснину, и рѣка, потокъ которой спускается, въ среднемъ направленіи, съ сѣвера на югъ, поворачиваетъ къ западу рядомъ излучинъ. По соединеніи съ водами своего большаго притока, Кьендвена, она слѣдуетъ вдоль основанія боковыхъ отроговъ хребта Арраканъ-Іома, и обогнувъ, противъ города Прома, крутой утесъ, поднимающійся на 100 метровъ надъ уровнемъ водъ, она вступаетъ въ равнины, постепенно выполненныя землистыми частицами, приносимыми ея теченіемъ. Судя по виду почвы и рельефу страны, слой рѣчныхъ наносовъ начинается даже выше Прома: одинъ рукавъ Иравадди, по руслу котораго теперь проведена желѣзная дорога изъ Прома въ Рангунъ, соединялся, вѣроятно, съ рѣкой Мытъ-ма-ха-чунгъ (Хлайнъ или Рангунская рѣка), которая извивается у подошвы хребта Пегу-Іома, водораздѣльной возвышенности между бассейнами Иравадди и Ситтанга: высоты, поднимающіяся посреди аллювіальной равнины, выше нынѣшней головы или вершины дельты, были нѣкогда островными массивами.

Въ наши дни, бифуркація дельты въ собственномъ смыслѣ, не считая временныхъ потоковъ или рукавовъ, изливающихся на востокѣ въ періодъ дождей, находится въ 220 километрахъ отъ моря по прямой линіи, въ 300 километрахъ вмѣстѣ съ поворотами рѣки. Восточный рукавъ сохраняетъ имя Иравадди или Айравати „Рѣка Слоновъ“, и продолжаетъ слѣдовать въ южномъ направленіи; западный рукавъ, Навунъ, течетъ вдоль основанія хребта Арраканъ-Іома, и впадаетъ въ Бассейнскій лиманъ, ограничивающій на югѣ полуостровъ мыса Негре. Этотъ рукавъ уноситъ въ эпоху разлива около десятой части водъ рѣки. Иравадди содержитъ девять-десятыхъ воды, но она вскорѣ дѣлится на второстепенныя вѣтви, и такимъ образомъ вся область дельты разрѣзана на множество островов, мѣняющихъ очертанія при каждомъ наводненіи, тамъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ берега не укрѣплены плотинами. Соотвѣтственно альтернативамъ полноводья и мелководья, наносовъ и размываній, сѣть

[1]) *Anderson* „From Mandalay to Momien“.
[2]) *Adolf Bastian* „Die Völker des Oestlichen Asien“.

рукавовъ постоянно измѣняется и устья безпрестанно открываются, запираются, перемѣщаются. Въ настоящее время существуетъ девять главныхъ устьевъ, отъ лимана Бассейнскаго до лимана Рангунскаго. Даже за этимъ входомъ, аллювіальныя зѐмли, пересѣкаемыя во всѣхъ направленіяхъ развѣтвленіями рукавовъ, примыкаютъ, на сѣверѣ Мартабанскаго залива, къ дельтѣ Ситтанга и къ дельтѣ Салуэна. Не считая этихъ равнинъ, внѣшняя кривая дельты Иравадди развертывается на протяженіи около 300 километровъ. Площадь треугольнаго пространства, орошаемаго рукавами рѣки, исчисляется Гордономъ въ 46.000 квадратныхъ километровъ. Хотя очень плодоносныя, эти равнины не могутъ сравниться въ естественномъ плодородіи съ равнинами Ганга; почва тамъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ древнихъ глинъ, гораздо болѣе трудныхъ для обработки, чѣмъ рыхлыя зѐмли Бенгаліи [1]).

Колебанія стока или количества протекающей воды весьма значительны въ рукавахъ Иравадди, смотря по ходу муссона: въ августѣ мѣсяцѣ, послѣ того, какъ дожди излились въ бассейнъ, средняя мѣра стока въ 17 разъ больше, чѣмъ въ февралѣ, въ періодъ большихъ засухъ. Въ эту эпоху года объемъ катимой рѣкою воды спускается до 2.000 куб. метровъ въ секунду; 5 марта 1877 года онъ даже не превышалъ 1.300 куб. метровъ; Иравадди была тогда меньше Роны и Рейна. Но зато жидкая масса, измѣряемая въ періодъ полноводья, превосходитъ массу рѣки Конго: она переходила за 56.000 куб. метровъ 20 августа 1877 года; у города Прома разность уровня между высокими и низкими водами бываетъ болѣе 10 метровъ (14 аршинъ). Средняя мѣра, вычисленная на основаніи правильныхъ измѣреній, производимыхъ съ 1872 года у Сайхты, близь мѣста бифуркаціи вѣтвей, равна 13.600 куб. метровъ въ секунду, слѣдовательно, почти такая же, какая найдена для Ганга. Едва ли есть рѣки, которыя были бы изучаемы болѣе тщательно, чѣмъ Иравадди около ея устья, и гидравлическій режимъ которой былъ бы лучше описанъ [2]). Впрочемъ, англичане, сдѣлавшись владѣтелями южной Барманіи, необходимо должны были заняться дѣломъ защищенія береговъ рѣки отъ внезапныхъ наводненій и осушкой болотъ, которыя разстилаются во многихъ мѣстностяхъ равнины, къ великому вреду для общественнаго здоровья. Вдоль праваго берега Иравадди, выше дельты, на протяженіи около сотни километровъ, возведена плотина, чтобы отклонить ручьи, спускающіеся съ хребта Аракапъ-Іома, и образовать изъ нихъ рѣку съ правильнымъ теченіемъ, текущую параллельно главной рѣкѣ къ вѣтви Навунъ. Вершина барманской „камарги" (такъ называется дельта Роны) также защищена

[1]) *Theobald* „Geological Magazine", VII.
[2]) *Robert Gordon* „Report on the Irrawaddy River", 4 тома съ атласомъ.

полукругомъ охранительныхъ земляныхъ насыпей, идущихъ вдоль лѣваго берега Навуна и праваго берега Иравадди. Къ сожалѣнію, дорого стоющія работы обведенія береговъ охранительными плотинами имѣютъ вездѣ одни и тѣ же послѣдствія, именно постепенное возвышеніе рѣчнаго ложа и увеличеніе бѣдствія наводненій, когда исключительно большіе разливы разрываютъ плотины. Въ 1877 году обширное пространство въ 1.250 квадр. километровъ, къ востоку отъ рукава Нагунъ, превратилось во время разлива въ озеро, и вся дельта была усѣяна другими озерными бассейнами меньшаго протяженія.

Твердыя частицы, приносимыя устьями Иравадди въ море и отлагающіяся на днѣ его, увеличиваютъ изъ года въ годъ поверхность дельты. Конечные выступы или мысы хребтовъ Арраканъ-Іома и Пегу-Іома, внѣшніе столбы бывшаго морскаго залива, давно уже перейдены кривою линіей аллювіальныхъ земель. Къ югу отъ выступающей изъ подъ воды дельты, въ море простирается на большое разстояніе подводная дельта; еще въ 100 километрахъ отъ берега лотъ достаетъ дно на глубинѣ 75 метровъ, тогда какъ за этими мелями сразу открываются морскія пучины, имѣющія слишкомъ 2.000 метровъ. Притомъ же, отложеніе наносовъ облегчается отсутствіемъ теченій у морскихъ береговъ дельты. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Барманскій заливъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ внутреннее море: съ западной стороны онъ запертъ цѣпью Андаманскихъ и цѣпью Никобарскихъ острововъ, съ южной—островомъ Суматрой, и выступающая изъ подъ воды гряда острововъ продолжается во многихъ мѣстахъ скрытыми мелями, естественными границами Бенгальскаго залива; этими мелями Арраканскій берегъ продолжается до южной оконечности острова Препарисъ, и подъ защитой этого естественнаго мола и отлагаются наносы Иравадди. Всѣ устья этой рѣки заграждены барами изъ ила и песка, и большіе корабли могутъ проникать въ рѣку лишь съ помощью прилива, который достигаетъ въ тѣхъ водахъ 6 метровъ высоты и который поднимается въ главномъ рукавѣ до города Гензада, отстоящаго на 200 километровъ отъ моря.

Хребетъ Пегу-Іома, ограничивающій на востокѣ нижнее теченіе и дельту Иравадди, есть лишь небольшой выступъ земнаго рельефа, принадлежащій, вѣроятно, къ третичнымъ вѣкамъ и поднимающійся, среднимъ числомъ, отъ 600 до 900 метровъ; тамъ и сямъ нѣкоторыя вершины достигаютъ болѣе значительной высоты, но нигдѣ переходъ черезъ горы не представляетъ серьёзныхъ препятствій. Около полуденной своей оконечности эта цѣпь раздѣляется на второстепенныя отрасли, и каждая долина посылаетъ свою рѣку въ Рангунскій лиманъ; рѣка Пегу, берущая начало на восточномъ склонѣ горъ, огибаетъ всѣ ихъ южныя развѣтвленія, чтобы соединиться тоже черезъ воды Рангунскаго лимана съ Хлайномъ и другими рукавами Иравадди. Ситтангъ (Ситтунгъ, Цитунгъ)

или Палунъ, который спускается съ сѣвера на югъ въ длинномъ четырехугольномъ бассейнѣ, образуемомъ цѣпью Пегу-Іома и горами Пунглунгъ на востокѣ, сообщается съ дельтой главной барманской рѣки лишь черезъ низменныя зѐмли и неопредѣленныя рѣки. Съ геологической точки зрѣнія, можно сказать, что Ситтангъ есть истинное продолженіе верхней Иравадди, ибо онъ находится какъ разъ въ меридіональной оси этой рѣки между Бхамо и Мандалаемъ. Къ югу отъ столицъ королевской Барманіи, долина верхней Иравадди продолжается долиной, по которой бѣжитъ ея притокъ Панбунгъ, и въ томъ же направленіи, за невысокимъ порогомъ, нарождаются первыя вòды Ситтанга, который впадаетъ въ море въ углу Мартабанскаго залива, послѣ теченія длиною 560 километровъ; площадь его бассейна исчисляется въ 56.500 квадр. километровъ. Вода прилива, низвергающаяся въ воронкообразную впадину лимана и поднимающаяся вверхъ по рѣкѣ во всякое время года на сто слишкомъ верстъ отъ устья, образуетъ, вслѣдствіе столкновенія съ рѣчнымъ теченіемъ, страшную для моряковъ бару или маскаретъ; бурливыя волны, поднимающія со дна песокъ, которыя слѣдуютъ за первыми валами бары, не менѣе опасны, и часто опрокидывали и топили небольшія суда. Во время дождливаго муссона, потоки, разливающіеся на востокѣ отъ Ситтанга и развѣтвляющіеся въ цѣлую сѣть лагунъ вдоль морскаго прибрежья, позволяютъ плыть подъ защитой отъ вѣтровъ и теченій до Мольмейна, при устьи Салуэна; благодаря всѣмъ этимъ каналамъ, общая длина которыхъ около 600 километровъ, суда могли бы ходить на нѣкоторомъ разстояніи отъ моря вдоль всего сѣвернаго берега Мартабанскаго залива, отъ Бассейна до Мольмейна. Въ періодъ большихъ дождей, которые иногда превышаютъ 6 метровъ, область поморья совершенно затопляется, равнина превращается въ озеро. Тогда-то тигры бываютъ всего болѣе опасны: они укрываются отъ потопа на тѣхъ же возвышеніяхъ почвы, гдѣ и крестьяне [1]).

Горы, раздѣляющія верхнюю Иравадди и Салуэнъ, были перейдены лишь на небольшомъ числѣ пунктовъ. На сѣверѣ Барманіи поперечная долина рѣки Тапенгъ, спускающейся съ плоскогорій Юннана, позволила различнымъ путешественникамъ, Куперу, Маргари, Джиллю, Сеченьи, Кольхгуму, перейти водораздѣльную цѣпь, и всѣ путешественники единогласно говорятъ, что выступы почвы расположены въ этой области длинными параллельными кряжами, направляющимися съ сѣвера на югъ и отдѣленными одинъ отъ другого узкими долинами. Одинъ изъ пиковъ этой страны поднимается на 3.190 метровъ, и самый высокій порогъ дороги перевала лежитъ на высотѣ 2.563 метровъ. Къ югу отъ этого горнаго прохода, горы, холмы и плоскогорья извѣстны подъ общимъ

---

[1]) *Adolf Bastian* „Die Völker des Oestlichen Asien".

*

именемъ Шанъ-Іома, или „Высоты Шановъ"; въ цѣломъ, вся эта область образуетъ какъ бы террасу, имѣющую слишкомъ 1.000 метровъ высоты и разрѣзанную многочисленными рѣками, которыя изливаются однѣ въ Иравадди, другія въ Салуэнъ. На юго-востокѣ отъ Мандалая пикъ Наттикъ, почти уединенный, высится внѣ цѣпи Шанъ-Іома; путешественники, проѣзжающіе по мѣстностямъ, орошаемымъ рѣкой Паибунгъ, цѣлые дни видятъ стѣну этого пика, которая кажется почти вертикальною и составляетъ яркій контрастъ съ моремъ зелени лѣсовъ и саваннъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ зеленѣющихъ равнинъ трава такъ высока, что даже послѣ сезона дождей, когда она уже клонится къ землѣ и начинаетъ вянуть, слоны исчезаютъ въ ней. На югѣ отъ горы Наттикъ водораздѣльная возвышенность между Ситтангомъ и Салуэномъ продолжется рядомъ массивовъ, изъ которыхъ многіе превышаютъ 1.000 метровъ. Наттунгъ, или „Гора духовъ", возвышающаяся на востокъ отъ Тунгу, поднимается на 2.400 метровъ; туземцы очень обижаются, когда имъ скажутъ, что эта гора не самая высокая на землѣ. Когда-то давно, говорятъ они, вòды потопа, покрывшія всю страну, доходили до самой верхушки пика. Въ сезонъ жаровъ вершина Наттунгъ бываетъ постоянно закрыта огнями, которые зажигаютъ туземцы, карены, для расчистки почвы подъ посѣвы [1]).

Гораздо менѣе полноводный, чѣмъ Иравадди,—ибо онъ защищенъ отъ дождей юго-западнаго муссона не простымъ валомъ изъ горъ, какъ Иравадди, но двойнымъ, а на югѣ даже тройнымъ рядомъ высотъ,— Салуэнъ принадлежитъ, однако, по длинѣ своего теченія, къ числу большихъ рѣкъ Азіи, и на бòльшей части картъ онъ даже изображенъ рѣкой, имѣющей гораздо бòльшее протяженіе, нежели Иравадди. Салуэнъ беретъ начало на высокихъ плоскогорьяхъ восточнаго Тибета, и подъ именами Ну-кіангъ, Лу-кіангъ, Луце-кіангъ, спускается на югъ, параллельно рѣкамъ Меконгу и Киншанъ-кіангу, одной изъ тѣхъ узкихъ долинъ, которыя открываются въ поверхности материка словно борозды, вырытыя гигантскимъ плугомъ. Но бòльшая часть этой рѣки еще не изслѣдована, и маршруты, начертанные въ сѣверныхъ ущельяхъ, еще не согласованы съ путями, пройденными путешественниками на барманской территоріи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ его теченіе образуетъ границу между англійскою Барманіей и королевствомъ Сіамъ, Салуэнъ течетъ, глубокій и быстрый, между лѣсистыхъ горъ, которыя мало-по-малу сближаются къ низовью и поднимаютъ свои стѣны: близь впаденія притока Тунгъ-янгъ, русло Салуэна до такой степени съужено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что не имѣетъ даже 30 метровъ въ ширину. Немного ниже сліянія съ этимъ притокомъ, ряды камней идутъ поперегъ рѣки, отъ одного берега до

---

[1]) *Mac Mahon* „Karens of the Golden Chersonese".

другого, и о выступы этихъ камней разбиваются древесные стволы, увлекаемые теченіемъ. Другіе пороги и водопады, менѣе сильные, но тоже непереходимые для лодокъ впродолженіи бо́льшей части года, прерываютъ теченіе нижняго Салуэна. Рѣка дѣлается тихою только въ области дельты, тамъ, гдѣ боковые вѣтви или рукава соединяютъ ее съ Ситтангомъ и съ лиманами береговъ Тенассерима; но она не впадаетъ непосредственно въ море, и во́ды ея сливаются съ солеными водами, окружающими островъ Белу-гайвонъ; опасныя мели, получившія имя „Годвиновыхъ песковъ" (Godwin sands), какъ мели Кентскаго берега въ Англіи, защищаютъ подходы приморскихъ городовъ Амгерста и Мольмейна. Эти мели часто были причиною крушенія судовъ; Нижній Салуэнъ—одна изъ тѣхъ рѣкъ, восхожденіе по которымъ болѣе опасно, чѣмъ цѣлое морское путешествіе дальняго плаванія [1]); но бара (маскаретъ), столь опасная въ Ситтангѣ, проявляется въ довольно слабой степени въ Нижнемъ Салуэнѣ. Полная вода этой рѣки поднимается, среднимъ числомъ, до 9 или 10 метровъ въ области пороговъ, и измѣренія ширины, глубины и скорости теченія, сообщенныя путешественниками Ричардсономъ, Скономъ, Ватсономъ, О'Рили, дали возможность инженеру Гордону вычислить въ этомъ мѣстѣ стокъ Салуэна въ періодъ разлива, и оказалось, что объемъ протекающей воды составляетъ отъ 17.000 до 20.000 кубич. метровъ въ секунду [2]). Средній стокъ рѣки пока еще не вычисленъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, онъ простирается до нѣсколькихъ тысячъ кубич. метровъ. Англичане заключили съ каренами договоръ о свободномъ судоходствѣ по Салуэну; тѣмъ не менѣе, эта рѣка безполезна для судовщиковъ, развѣ только на пространствѣ длиною около 100 километровъ, въ нижнемъ ея теченіи [3]). Выше ею пользуются только для сплава тека, бревна котораго, срубаемыя въ лѣсахъ по близости береговъ, приволакиваются къ рѣкѣ слонами и отдаются на волю теченія, которое уноситъ ихъ длинными вереницами. Выше города Мольмейна сплавщики перехватываютъ плывущія бревна и связываютъ ихъ въ неправильные плоты.

Горы Шанъ, продолженіе горъ Юннана, столь богатыхъ металлами всякаго рода, и массивы, отдѣляющіе Пегу отъ бассейновъ Янзулина и Салуэна, тоже заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ мощныя минеральныя залежи, руды желѣза, свинца, мѣди, олова, серебра; рѣка Хвили, берущая начало на сѣверо-востокѣ отъ города Бхамо, въ Юннанѣ, катитъ въ своихъ водахъ блестки золота; драгоцѣнные камни, особенно рубины и яхонты, собираются для королевской казны въ горахъ, возвышающихся на сѣверо-западѣ отъ Мандалая. Барманія есть одна изъ рѣдкихъ странъ, гдѣ

[1]) *Pauline Nostitz* „Helfer's Reisen in Vorderasien und Indien".
[2]) „Report on the Irrawaddy River".
[3]) „Records of the Governement of India", XLVIII.

существуютъ ломки нефрита; центръ эксплуатаціи находится въ округѣ Могунгъ, на сѣверѣ Бхамо.

Сопредѣльные съ Индіей по сю сторону Ганга и отдѣленные отъ долинъ Ассама и Типпераха невысокими горами, лѣса и джунгли Барманіи представляютъ такое же разнообразіе растеній, какъ и западный полуостровъ, и доставляютъ продовольствію и промышленности тѣ же произведенія, зерна, волокна и смолы. Въ ботаническомъ саду, основанномъ въ Рангунѣ, равно какъ на опытныхъ фермахъ, были разведены полезныя растенія тропическаго пояса, которыхъ недоставало туземной флорѣ, и постепенно культура ихъ распространилась по всему краю, даже за предѣлами англійской Барманіи. Кромѣ того, въ области холмовъ были введены различные растительные виды умѣреннаго пояса, въ особенности европейскія овощи. Мало найдется странъ, гдѣ бы, благодаря плодородію почвы и прекрасному климату, человѣкъ пользовался бо̀льшимъ разнообразіемъ произведеній растительнаго царства. Барманія есть одна изъ житницъ Индіи и всего свѣта по производимому ею рису, который каждый годъ вывозится изъ портовъ поморья въ огромныхъ количествахъ. Послѣ этого хлѣбнаго растенія, наиболѣе важное значеніе имѣютъ различные виды плодовыхъ деревъ; во многихъ мѣстахъ, всякая, даже самая маленькая хижина окружена фруктовыми деревьями, каковы: пальма-арека (индійское орѣховое дерево), хлѣбное, манговое, апельсинное, банановое (райская смоковница) деревья. Сахарный тростникъ мало гдѣ воздѣлывается, но одинъ видъ пальмъ, дани, доставляетъ туземцамъ сахаръ въ количествѣ, достаточномъ для удовлетворенія ихъ потребностей; въ одной только британской Барманіи эти деревья занимаютъ 12.000 гектаровъ [1]). Табаководство распространяется, сколько по причинѣ возростанія народонаселенія въ странѣ, гдѣ всѣ курятъ, даже дѣти, столько же благодаря всѣми признанному отличному качеству листа: мольмейнскій табакъ можетъ сравниться съ лучшимя индійскими сортами. Чайное, кофейное, хинное деревья разведены на плантаціяхъ, но до сихъ поръ они доставляютъ еще мало продуктовъ. Тропическій характеръ растительности исчезаетъ выше дельты; однако, пальма пальмира раскрываетъ еще свои вѣеры изъ листьевъ вокругъ домовъ даже къ сѣверу отъ Мандалая [2]). Что̀ касается дѣвственныхъ лѣсовъ, которые еще покрываютъ столь обширное пространство, то они могли бы, если бы черезъ нихъ проходили дороги, доставлять промышленности огромныя количества строеваго, столярнаго или красильнаго дерева. Гельферъ вычислилъ, что въ одномъ только Тенассеримскомъ округѣ существуетъ, по мѐньшей мѣрѣ, 640 милліоновъ деревъ, принадлежащихъ къ 377

---

[1]) „Report on the Administration of British Burma during the years 1880—1881".
[2]) *Anderson* „From Mandalay to Momien".

ДЕРЕВНЯ САУИ НА НИКОБАРСКИХЪ ОСТРОВАХЪ.

различнымъ породамъ, изъ которыхъ 25 могутъ служить матеріаломъ для постройки судовъ [1]). Текъ не растетъ ни въ сѣверной Барманіи, ни въ полуденной части Тенассерима, къ югу отъ 16 градуса широты; наиболѣе благопріятныя условія для своего произрастанія онъ находитъ въ горахъ Пегу-Іома и въ сосѣднихъ областяхъ; но уже нѣкоторые тековые лѣса выпустошены, а новыя насажденія сдѣланы еще слишкомъ недавно, чтобы могли дать замѣтные результаты: ежегодная площадь облѣсенія въ англійской Барманіи не превышаетъ 240 гектаровъ. Послѣ тека, наиболѣе цѣнимыя древесныя породы—одинъ видъ акаціи (катеху), съ которой получается смолистый сокъ кашу, лаковое дерево, употребляемое для фабрикаціи коробокъ, и масляное дерево (dipterocarpus laevis). Сосны растутъ до полосы сосѣдней съ моремъ, на горахъ Пегу-Іома; на высотѣ 100 метровъ появляются первыя деревья этой породы. На морскомъ прибрежьи самое замѣчательное древовидное растеніе—амгерстія (amherstia nobilis), отличающаяся красотою вида, стройностью вѣтвей и великолѣпіемъ цвѣтовъ, пурпурныхъ и золотистыхъ [2]).

Слоны, безъ которыхъ эксплуатація первобытныхъ лѣсовъ была бы почти невозможна, болѣе многочисленны въ этой странѣ, чѣмъ во всякой другой мѣстности Восточной Индіи; но они рѣдко покидаютъ дѣвственный лѣсъ; они бѣгутъ отъ человѣка, и иногда достаточно поставить простую хижину вблизи ихъ логовища, чтобы заставить ихъ удалиться изъ этого мѣста; они никогда не дѣлаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, набѣговъ на поля [3]). Въ силу закона, всѣ слоны, какъ дикіе, такъ и прирученные, принадлежатъ государю. Барманцы и особенно сіамцы очень искусны въ обращеніи этихъ огромныхъ животныхъ въ домашнее состояніе; они успѣваютъ даже воспитывать маленькихъ слоновъ въ неволѣ; во многихъ стадахъ каждая семья ходитъ въ сопровожденіи своего питомца [4]). Носороги, которыхъ въ Барманіи извѣстно три вида, иногда приручаются, какъ и въ Ассамѣ, и, по словамъ Гельфера, ихъ употребляютъ даже для перевозки тяжестей; охота на этихъ толстокожихъ предоставлена каренамъ и другимъ дикимъ племенамъ. Маленькія барманскія лошадки, равно какъ и лошади, которыя пасутся въ Каренскихъ горахъ, высоко цѣнятся, и англичане покупаютъ ихъ для всѣхъ своихъ колоній на крайнемъ Востокѣ. Въ Барманіи крысы составляютъ періодическій бичъ страны: когда настаетъ такое время, что плодовъ въ горахъ Шанскихъ и Каренскихъ имъ недостаточно, онѣ спускаются несмѣтными полчищами

---

[1]) „Gedruckte und ungedruckte Schriften über die Tenasserim Provinzen". „Mittheilungen der Geograph. Gesellschaft zu Wien", 1860.

[2]) *Wallich*; *Mason*; *Fytche*.

[3]) *Helfer*, цитированный мемуаръ.

[4]) *Crawfurd* „Journal of an Embassy to the Court of Ava"; *Ch. Al. Gordon* „Our trip to Burmah"; *Mouhot* „Travels in Indo-China".

въ долины и равнины, чтобы истреблять поля и даже, чтобы осаждать деревни, обитатели которыхъ принуждены тогда покидать свои жилища. Часто видали, какъ полки этихъ грызуновъ переправлялись въ порядкѣ черезъ очень широкія рѣки [1]). Рѣдко бываетъ, чтобы туземцы утилизировали шкуры или кожи животныхъ, носороговъ, буйволовъ или тигровъ; но въ области прибрежья они охотятся па одинъ видъ алкіона или зимородка, перья котораго, небесно-голубаго цвѣта, идутъ въ Китай, гдѣ ихъ употребляютъ, какъ украшеніе на платьяхъ мандариновъ.

Рыболовы, болѣе многочисленные, чѣмъ звѣроловы, живутъ массами на берегахъ Иравадди, Ситтанга и Салуэна; но другіе барманцы смотрятъ на нихъ, какъ на „душегубцевъ". Они приготовляютъ родъ тѣста изъ ракообразныхъ и полусгнившей рыбы, такъ называемое *нгапи*; которое служитъ у нихъ приправой ко всѣмъ яствамъ, хотя запахъ этой приправы рѣшительно невыносимъ для европейца. Вокругъ заводовъ толпятся собаки и кружатся птицы, каждая ожидая свою долю угощенія.

Населенія, дикія или цивилизованныя, между которыми раздѣлена барманская территорія, принадлежатъ, по бо̀льшей части, къ одному и тому же этническому корню, судя по сходству физическихъ чертъ, идіомовъ и преданій. Различія происходятъ, главнымъ образомъ, отъ образа жизни, и само собою разумѣется, горцы всего лучше сохранили первоначальный типъ.

Между сѣверо-западными племенами, одно изъ наиболѣе цивилизованныхъ, племя хамти, живетъ въ долинахъ горъ Паткой, на двухъ покатостяхъ Брамапутры и Иравадди. Вообще рослые, сильные и хорошо сложенные, они имѣютъ плоское лицо, какъ у китайцевъ, но цвѣтъ кожи темнѣе, черты менѣе правильные; впрочемъ, очень многіе изъ нихъ, смѣшанные черезъ браки съ ассамцами или съ барманцами, почти ничѣмъ не отличаются отъ жителей равнины. Большинство имѣетъ привычку собирать волоса на макушкѣ въ одинъ пучекъ и связывать ихъ въ пышный шиньонъ. Они благопристойно одѣты, какъ ихъ сосѣди барманцы, и постепенно принимаютъ ихъ обычаи; обращенные въ буддійскую вѣру, они даже построили у себя нѣсколько пагодъ; нѣкоторые выучили азбуку и разбираютъ по складамъ священныя книги. Взрослыя дѣвушки живутъ отдѣльно въ большихъ хижинахъ; въ эти-то общежитія и приходятъ молодые люди за своими невѣстами послѣ формальнаго выкупа и постройки супружескаго дома. Хотя оружіе составляетъ ходячую монету края и хотя мандалайское правительство набираетъ солдатъ въ ихъ деревняхъ, хамтіи—народъ очень миролюбивый и пренебрегаютъ охотой для трудовъ земледѣлія, промышленности и торговли; это, такъ сказать,

[1]) *Mason* „Natural Production of Burma".

врожденные торговцы. Начальники или старшины племенъ, представители каждой общины, оффиціально считаются владѣльцами земли, но всѣ хамтіи, жители одной деревни, составляютъ одно общество, и каждый членъ этого общества получаетъ сполна долю продуктовъ, пропорціональную его труду [1]).

Многочисленные *гаумы*, или кланы, извѣстные въ Ассамѣ подъ названіемъ сингпо или чингпо, т.-е. „люди" [2]), а въ Барманіи и въ китайскомъ Юннанѣ подъ названіемъ какіенъ (ха-хіенъ, кашинъ, каку), составляютъ важнѣйшую этническую группу въ сѣверной области барманской территоріи; но между ними нѣтъ никакой политической связи, которая соединяла бы ихъ въ одну націю. Въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ Ассамомъ, эти туземцы частью цивилизованы хамтіями, на которыхъ они походятъ обычаями, одеждой и оружіемъ; но живущіе въ сосѣдствѣ съ Китаемъ болѣе дики, и путешественники побаиваются ихъ *дао* или *даха*, большаго ножа, которымъ они владѣютъ съ удивительною ловкостью. Почти всѣ какіены татуируются; особенно женщины испещрены узорами, очень красиво начертанными, которые служатъ въ одно и то же время украшеніемъ и магическими письменами, имѣющими силу удалять болѣзни и колдовство [3]). Богачи носятъ въ ушахъ, въ видѣ сережекъ, серебряныя палочки, и всѣ, какъ богатые, такъ и бѣдные, украшаютъ себя поясами съ побрякушками или раковинами. Одежда ихъ сшита изъ самодѣльныхъ тканей, приготовляемыхъ женщинами и окрашенныхъ въ кубовую краску; туземцы, очень искусные кузнецы, выдѣлываютъ оружіе, которое находитъ хорошій сбытъ у всѣхъ окрестныхъ народцевъ. Большинство клановъ мало занимается земледѣліемъ, развѣ только для производства опіума и хлѣбныхъ растеній, и единственное домашнее животное у нихъ—свинья; если иногда и держатъ буйволовъ, то только такихъ, которые украдены ими въ равнинѣ. Изъ различныхъ какіенскихъ племенъ только ближайшіе сосѣди барманцевъ и китайцевъ платятъ подать; тѣ же, которыя живутъ въ долинахъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ, не признаютъ надъ собою никакой власти, кромѣ власти своихъ старшинъ, или *цобуа*, наслѣдственный титулъ которыхъ всегда переходитъ къ младшему сыну, или, за неимѣніемъ прямаго потомства, къ младшему брату [4]); старшій сынъ покидаетъ край, чтобы идти искать счастья на чужбинѣ. Въ нѣкоторыхъ гаумахъ онъ получаетъ извѣстную долю наслѣдства, состоящую обыкновенно изъ недвижимаго имущества; среднимъ же сыновьямъ не завѣщается ничего, кромѣ оружія. Всѣ дѣти,

---

[1]) *Cooper* „New Routes for Commerce"; *Dalton* „Ethnology of Bengal".

[2]) *John Anderson* „Mandalay to Momien".

[3]) *Adolf Bastian* „Geographische und ethnologische Bilder".

[4]) *Bigandet* „Annales de la Propagation de la Foi", 1866; *John Anderson*, цитированное сочиненіе; „Zeitschrift für Ethnologie", 1872.

рожденныя отъ законныхъ женъ или отъ купленныхъ наложницъ, пользуются одинаковыми правами; рабы, очень многочисленные, рѣдко подвергаются побоямъ, каково бы ни было происхожденіе ихъ рабства: похищеніе, захватъ въ плѣнъ на войнѣ или неплатежъ долга. Въ очень многихъ деревняхъ всѣ члены общины, старшины, подданные и рабы, живутъ въ одномъ домѣ; въ другихъ селеніяхъ каждой семьѣ отведено отдѣльное помѣщеніе; наконецъ, въ иныхъ мѣстахъ, спальня мужчинъ отдѣлена отъ спальни женщинъ камнемъ очага [1]). На верховьяхъ Иравадди ходячею монетой у какіеновъ служатъ катышки опіума [2]).

Выдавая себя за буддистовъ, когда спускаются со своихъ горъ въ города равнины, какіены не имѣютъ въ дѣйствительности никакой религіи, кромѣ поклоненія духамъ, или *натамъ*, и религіозныя церемоніи ихъ не имѣютъ другой цѣли, кромѣ заклинанія власти этихъ сверхъестественныхъ существъ. Когда заразительная болѣзнь поразитъ когонибудь изъ ихъ среды, они никогда не воздаютъ умершему погребальныхъ почестей и даже не кладутъ ему въ ротъ монеты, которою онъ могъ бы заплатить за перевозъ черезъ потокъ смерти; они заботятся только о томъ, чтобы прогнать злыхъ геніевъ, или чтобы убѣжать самимъ. Въ прежнее время, когда женщина умирала въ родахъ, тѣло ея тотчасъ же сжигали на кострѣ, причемъ и новорожденнаго бросали въ пламя, крича его умершей матери: „уноси своего ребенка!“. Только чужой человѣкъ имѣлъ право спасти его; родной отецъ долженъ былъ отдать его въ жертву смерти [3]). Нигдѣ всемогущій обычай не регулируетъ такъ строго всѣ акты жизни; нигдѣ не нужно такъ соразмѣрять свои поступки и соблюдать обычаи, если хочешь избѣжать споровъ и обидъ. Родовая месть въ такой силѣ, что изъ за нея иногда идетъ борьба между цѣлыми деревнями, и даже сынъ пронзаетъ мечемъ воду, чтобы отмстить рѣкѣ, гдѣ утонулъ его отецъ. Какіены обладаютъ неумолимою памятью: они говорятъ, что имъ нѣтъ надобности учиться читать, потому что все уже написано въ ихъ сердцѣ. Языкъ ихъ есть, въ бассейнѣ Иравадди, одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе отличаются отъ барманскаго; это моносиллабическій говоръ, довольно пріятный и гармоническій, много похожій на идіомъ племенъ аборъ и мишми, но оканчивающій каждую фразу протяжнымъ визжаніемъ [4]).

Имя кареновъ (карріанъ), напоминающее имя хіенговъ въ Западной и какіеновъ въ Сѣверной Барманіи, имѣетъ тотъ же смыслъ, что „аборигены“, по Кроссу, Мэзону и Гордону, тогда какъ барманцы производятъ его отъ одного слова на языкѣ пали, означающаго „грязные ѣдуны“,

[1]) *Clement Williams* „Through Burmah to Western China“.
[2]) *Alaga*; *Sandeman* „Proceedings of the Geographical Society“, may 1882.
[3]) *John Anderson*, цитированное сочиненіе.
[4]) *Bigandet*, цитированный сборникъ.

синонимъ слова „мелкіе люди“ [1]). Какъ бы то ни было, карены представляютъ низшую расу только по дикому состоянію, въ которомъ живутъ многія изъ ихъ племенъ; напротивъ, по сметливости, мужеству, прямодушію, трудолюбію,—это одинъ изъ замѣчательныхъ народовъ Индо-Китая, одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ можно разсчитывать для будущей цивилизаціи полуострова по ту сторону Ганга; лицевой уголъ у нихъ болѣе открытый, чѣмъ у другихъ дикарей [2]). Въ англійскихъ владѣніяхъ ихъ больше 500.000 душъ, благодаря значительной иммиграціи; всѣхъ же кареновъ насчитываютъ до милліона душъ, разсѣянныхъ на пространствѣ слишкомъ 1.300 километровъ въ длину, отъ горъ, господствующихъ на востокѣ надъ равнинами около Мандалая до горъ полуденнаго Тенассерима; но они раздѣлены на множество племенъ, которыя, въ свою очередь, подраздѣляются на семьи, разсѣянныя въ лѣсахъ; всего болѣе группы ихъ сближены въ высотахъ, сосѣднихъ съ Тонгу, въ долинѣ Салуэна и въ дельтѣ Иравадди. Они извѣстны подъ безчисленными мѣстными именами, но три главныя дѣленія—„бѣлые“, „черные“ и „красные“, называемые такъ не по цвѣту кожи, а по цвѣту одежды. Красные карены, или каренъ-ни, которые бродятъ въ лѣсахъ англійской Барманіи, лучше другихъ извѣстны и принимаются обыкновенно за типъ всѣхъ кареновъ; различаясь обычаями, они исповѣдуютъ одинъ и тотъ же культъ, поклоненіе демонамъ, смѣшанное съ буддійскими церемоніями [3]), и говорятъ нарѣчіями, происходящими отъ одного корня. Языкъ красныхъ кареновъ, записанный въ первый разъ Уэдомъ въ 1832 году, принадлежитъ къ моносиллабическимъ идіомамъ, какъ и китайскій, и удареніе, измѣняющее смыслъ слоговъ, тоже играетъ въ немъ главную роль; въ каренскій словарь вошло большое число барманскихъ словъ [4]). Національныя преданія указываютъ на связь кареновъ съ китайцами; они говорятъ также о переселеніи, которое, будто бы, совершилось въ отдаленную эпоху изъ странъ, лежащихъ за „великою Песчаною рѣкой“. Этнологи заключили изъ этого, что карены—монголы, пришедшіе изъ сѣверныхъ степей Гоби или Такла-Маканъ [5]). Въ настоящее время карены походятъ на другіе народцы, населяющіе барманскія горы. Самое красивое и самое сильное изъ каренскихъ племенъ—гайхо, живущее къ западу отъ рѣки Ситтангъ, по обѣ стороны англо-барманской границы; особенно женщины ихъ славятся красотой, и между ними есть такія, у которыхъ цвѣтъ лица не темнѣе, чѣмъ у китаянокъ.

---

[1]) *Mac Mahon* „Karens of the Golden Chersonese“.

[2]) *O'Riley* „Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia“, 1859.

[3]) *Bigandet* „Annales de la Propagation de la Foi“, 1866; *Mason*; *O'Riley*.

[4]) *Logan* „Journal of the Indian Archipelago“, vol. II; *Max Muller* „Science of Languages“.

[5]) *Ch. Alexander Gordon*, цитированное сочиненіе.

Соединенные группами изъ пяти или шести семействъ, карены живутъ маленькими поселками, и всѣ жители поселка состоятъ между собою въ родствѣ, такъ какъ браки никогда не заключаются внѣ своего клана. Одна или двѣ большія хижины, служащія кровомъ всей общинѣ, составляютъ деревню; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія на одномъ мѣстѣ, семейная группа покидаетъ свои поля, чтобы идти основать новое поселеніе на дѣвственной землѣ лѣса [1]): они бѣгутъ, какъ сами говорятъ, потому, что вокругъ ихъ жилища расплодилось слишкомъ много злыхъ духовъ, и идутъ искать мѣста, гдѣ атмосфера менѣе населена этими врагами человѣка. Когда каренъ благословляетъ своего новорожденнаго младенца, онъ вооружается бамбукомъ, чтобы прогнать послѣдовательно ко всѣмъ странамъ горизонта бѣдность, страданіе, несчастіе, слабосиліе, лѣность, всякую скверну. „Бѣды всякаго рода, уходите прочь!“ восклицаетъ онъ. Затѣмъ тою же бамбуковою тросточкой онъ призываетъ добрыхъ геніевъ, но геніевъ добродѣтели прежде, чѣмъ геніевъ счастья: „приди, прямодушіе; приди, честность; приди, богатство; приди, вліяніе; блага всякаго рода, придите!“ [2]). Когда карены хотятъ отмстить кому-нибудь тайными вліяніями, они тоже взываютъ къ духамъ, населяющимъ воздушныя пространства: послѣ проклятія, произносимаго надъ врагомъ три дня сряду при закатѣ солнца, они берутъ зажженную вѣтку, которая скоро гаснетъ, гнилое яйцо, нечистые остатки ѣды: „Пусть твоя жизнь угаснетъ, какъ угасла эта вѣтка! Да будешь ты лишенъ потомства, какъ это гнилое яйцо! Пусть конецъ твой походитъ на эти отброски!“ Или они наводятъ на него порчу, околдовываютъ въ глиняномъ изображеніи, представляющемъ ненавистнаго человѣка: продежуривъ передъ этимъ изображеніемъ три дня и три ночи безъ сна, безъ пищи и питья, мститель разбиваетъ, наконецъ, глиняную куклу ударомъ камня, который представляетъ руку демона [3]). Между ихъ божествами наиболѣе чтимыя—это камни-фетиши, но они требуютъ крови, и жрецы приносятъ имъ въ жертву куръ и свиней; камни эти, по большей части—горные хрустали, яшмы, халцедоны. Въ старину бывали даже человѣческія жертвоприношенія: такъ, рабовъ зарывали живыми въ землю на могилѣ начальниковъ племени; теперь ограничиваются тѣмъ, что привязываютъ ихъ на нѣкоторое время подлѣ могилы. Разсказываютъ, что у нѣкоторыхъ каренскихъ племенъ могущество общественнаго мнѣнія такъ велико, что человѣкъ, обвиненный въ какомъ-либо дурномъ поступкѣ передъ его товарищами, самъ себя обрекаетъ на смерть: онъ отправляется въ какое-нибудь глухое мѣсто, вырываетъ тамъ себѣ могилу и собственноручно задушаетъ себя. Есть еще карены безъ всякой

[1]) *J. W. Helfer* „Gedruckte und ungedruckte Schriften“.
[2]) „Journal des Mission évangeliques“, 1836.
[2]) *Mason* „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1868.

цивилизаціи и не носящіе никакой одежды, кромѣ куска дерева или коры; но масса націи постепенно покидаетъ свои дикія привычки вездѣ, гдѣ она приходитъ въ частое соприкосновеніе съ жителями городовъ. Между туземными племенами Индо-Китая нѣтъ ни одного, которое такъ легко приняло бы христіанство, по крайней мѣрѣ въ наружныхъ его обрядахъ. Правда, что, исповѣдуя одну изъ религій Запада, обращенные карены не покидаютъ и своихъ древнихъ языческихъ вѣрованій. Такъ, многіе туземцы, переставъ татуироваться въ угоду европейскимъ миссіонерамъ, все-таки рисуютъ себѣ на одеждѣ магическія фигуры, которыя они прежде имѣли на кожѣ [1]).

Число христіанъ въ британской Барманіи въ 1880 году:

Кареновъ: 72.000 протестантовъ, 12.220 католиковъ; всего 84.220 христіанъ въ 451 приходѣ.

Барманцевъ	1.200
Европейцевъ и евразійцевъ	11.860
Всѣхъ христіанъ въ англійской Барманіи	97.280

Другая раса, представленная въ Барманіи нѣсколькими сотнями тысячъ душъ,—шаны, которые принадлежатъ къ тому же этническому корню, какъ таи или сіамцы, и которые, впрочемъ, гораздо многочисленнѣе въ предѣлахъ Сіамскаго королевства, на верховьяхъ Менама и въ бассейнѣ Меконга: ихъ встрѣчаютъ разсѣянными племенами до самыхъ границъ Тонкина. Тунгту (лау, пау), которые живутъ въ равнинѣ Ситтанга и которыхъ обыкновенно считаютъ однимъ изъ каренскихъ племенъ, принадлежатъ, кажется, къ націи шановъ [2]). Ассамскія народности нага, куки, лушаи встрѣчаются также въ Барманіи на восточной отлогости горъ Ассама, преимущественно въ Манипурскомъ краѣ, которымъ овладѣло англійское правительство и который оно присоединило къ Бенгальскому президентству, хотя эта территорія принадлежитъ географически къ Индо-Китаю. Мало найдется странъ, гдѣ бы можно было наблюдать большее разнобразіе нарѣчій, чѣмъ въ этой части Индійской имперіи: во многихъ долинахъ жители сосѣднихъ деревень не понимаютъ другъ друга [3]).

Моны, талайны, или „поморяне“, живущіе въ большомъ числѣ по всему прибрежью англійской Барманіи, составляютъ, какъ полагаютъ, населеніе, отличное отъ барманцевъ или мрамма; ихъ первобытный идіомъ очень походитъ на языкъ мундовъ, сингбумскихъ и чота-нагпорскихъ коларійцевъ [4]). Потомки древнихъ владѣтелей страны Пегу, они были

[1]) *Dalton* „Ethnology of Bengal“.
[2]) *Adolf Bastian* „Die Völker des Oestlichen Asien“.
[3]) *Mason* „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1866, № 1.
[4]) *Logan; Phayre; Dalton* „Ethnology of Bengal“.

покорены, въ свою очередь, въ половинѣ прошлаго столѣтія и долгое время терпѣли тяжкое угнетеніе. Оттого они охотно перемѣнили господъ, когда англичане овладѣли Тенассеримомъ и областями Пегу. Эти поморяне мало-по-малу сливаются съ барманцами; въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Мульмейнѣ, гдѣ почти все населеніе талайнскаго происхожденія, господствующій языкъ — барманскій. Дома талайновъ легко узнать по кокосовому орѣху и по красным или желтымъ флюгаркамъ, повѣшеннымъ на одной изъ сторонъ жилища: тамъ имѣетъ резиденцію духъ покровитель семьи [1]). Земледѣльцы по большей части, талайны подпадаютъ вліянію жрецовъ, торговцевъ, барманскихъ чиновниковъ: „народъ книги", какъ и мандалайскіе буддисты, они признаютъ превосходство тѣхъ, кто имъ далъ, вмѣстѣ съ этою „книгой", соотвѣтственную цивилизацію. Яу и арраканцы западнаго берега тоже „народы книги", и хотя состоятъ подъ англійскимъ владычествомъ, они всего охотнѣе вступаютъ въ общеніе со своими единовѣрцами, обитающими на берегахъ Иравадди. Священная „книга" проводитъ раздѣльную черту между цивилизованными и народностями, называемыми дикими, каково бы, впрочемъ, ни было дѣйствительное состояніе ихъ культуры.

Барманцы, составляющіе наибольшую часть цивилизованнаго населенія Аше-Пайи, или „Восточной страны", даютъ себѣ имя мьяма или бама, происходящее отъ древняго наименованія мрамма, въ которомъ большинство этимологистовъ видятъ имя самого Брамы [2]). Такимъ образомъ, барманцы возводятъ свою родословную до высшаго бога первыхъ индусовъ. Они выдаютъ себя за потомковъ индійскихъ иммигрантовъ, пришедшихъ изъ Айодіа на берегахъ Ганга, и король ихъ, претендующій на происхожденіе по прямой линіи отъ государей солнечной и лунной расъ, носитъ ихъ знаки царскаго достоинства на своемъ тронѣ и въ украшеніяхъ своего дворца [3]). Имена городовъ, Ратнапура, Амарапура, Мангалапура, Сингапура, напоминаютъ своею санскритскою этимологіей вліяніе брамановъ, сопровождавшихъ основателей. Конечно, преданіе справедливо въ извѣстной мѣрѣ: несомнѣнно, что на берегахъ Иравадди поселились колоніи индусскихъ цивилизаторовъ; но послѣдніе, вѣроятно, привели съ собою лишь небольшое число женщинъ, и мало-по-малу мраммы, смѣшавшись съ туземными племенами, кончили тѣмъ, что сдѣлались похожими на нихъ физически. Въ Барманіи рѣдко можно встрѣтить настоящій типъ индуса арійскаго происхожденія; почти вездѣ видишь плоскія лица, съ маленькими скошенными глазками и широкимъ носомъ, но физіономія у барманцевъ болѣе открытая, болѣе веселая, чѣмъ у китайцевъ. Что касается языка, то онъ носитъ на себѣ слѣды смѣшенія, которое совер-

[1]) *Shway Yoe* „The Burman".
[2]) *Mac Mahon* „Karens of the Golden Chersonese".
[3]) *Phayre* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1864.

шилось въ странѣ между двумя расами. Первоначальный діалектъ, моносиллабическій, какъ и китайскій, и располагающій тремя удареніями или повышеніями голоса, чтобы различать омонимы, обогатился множествомъ индусскихъ словъ, заимствованныхъ изъ священнаго языка; впрочемъ, они вообще выговариваются не отчетливо: употребленіе бетеля сдѣлало барманцевъ народомъ бормотуновъ [1]). Барманское произношеніе невозможно точнымъ образомъ передать на письмѣ при помощи европейскихъ алфавитовъ. Всѣ слова смягчаются въ произношеніи; такъ, самое имя народа мрамма превратилось въ устной рѣчи въ *мьяма*, а названіе рѣки Айравати (Иравадди) измѣнилось въ Ай-я-уа-ди. Барманская азбука произошла изъ санскрита, тогда какъ религіознымъ языкомъ остался пали, которымъ говорили въ приганзской провинціи Бехаръ, буддійскій „Монастырь".

Большинство барманцевъ малорослы, но сильны и проворны; немощные между ними очень рѣдки, и пропорція больныхъ ниже той, которую мы видимъ въ Европѣ. Всемогущій обычай сдѣлалъ роды очень опасными: въ помѣщеніи, гдѣ находятся рожающія женщины, разжигаютъ сильный огонь, можетъ быть, для того, чтобы удалить злыхъ духовъ; но несчастнымъ родильницамъ приходится такъ жутко отъ этого нестерпимаго жара, что „каждые роды стоютъ матери добрыхъ пятнадцати лѣтъ жизни" [2]). Женщины, которыя были избавлены родными отъ этой пытки, едва успѣютъ разрѣшиться отъ бремени, какъ уже выходятъ изъ своей комнаты и снова принимаются за работу. Браки плодовиты и дѣти многочисленны. Если общая цифра народонаселенія обѣихъ Барманій незначительна, то причина тому войны, часто опустошавшія страну, ибо въ періоды мира возростаніе числа жителей идетъ быстро: въ нѣкоторые годы бывало, что простыя мѣстечки превращались въ многолюдные города. Средства къ жизни такъ легко пріобрѣтаются въ этой плодоносной странѣ, что, безъ чрезмѣрнаго труда, почти все населеніе пользуется извѣстнымъ довольствомъ; бѣдныхъ можно встрѣтить только вокругъ пагодъ [3]), и то только благодаря тому, что обязательное для монашествующихъ подаяніе милостыни создало въ концѣ концовъ касту нищихъ. Религія, если бы предписанія ея строго соблюдались, запрещаетъ барманцамъ ѣсть мясо, но они употребляютъ въ качествѣ мясниковъ мусульманъ, такъ какъ люди, убивающіе животныхъ для питанія, у нихъ въ большомъ презрѣніи. Одинъ изъ самыхъ всеядныхъ народовъ земнаго шара, барманцы не брезгаютъ даже змѣями, игуанами и ящерицами;

---

[1]) *Max Müller; Vivien de Saint-Martin* „Nouveau Dictionnaire de Geographie"; *Shway Yoe.*

[2]) *Shway Yoe* „The Burman".

[3]) *Albert Fytche* „Burma, past and present".

но почти всѣ они крайне умѣренны въ пищѣ: они обыкновенно довольствуются небольшимъ количествомъ риса да нѣсколькими бананами.

Барманцы вообще довольно богато одѣты, и матеріи яркихъ цвѣтовъ, которыя они обертываютъ вокругъ тѣла, всегда изящно драпированы; ткани, носимыя женщинами, ниспадаютъ на колѣни, но открываясь съ боковъ, чтобы дать свободу движеніямъ ноги. Еще почти всѣ мужчины имѣютъ привычку татуировать себѣ бедра до колѣна; въ годы юности они такимъ образомъ трудятся надъ украшеніемъ своей особы при помощи фигуръ животныхъ, символическихъ образовъ, священныхъ словъ, красныхъ и синихъ чертъ, переплетающихся въ волшебномъ порядкѣ, съ тою цѣлью, чтобы „пропитать себѣ тѣло цѣлебнымъ средствомъ“ и чтобы сдѣлать его неуязвимымъ [1]). Еще не такъ давно съ тою же цѣлью вводили подъ кожу золотые кружки, серебряныя монеты, долженствовавшія предохранять отъ всякой бѣды того, кто ихъ носитъ [2]); такъ, и теперь еще погонщики муловъ въ Юннанѣ запускаютъ себѣ подъ кожу на шеѣ и на груди до десяти или пятнадцати штукъ золотыхъ монетъ и драгоцѣнныхъ камней, какъ для того, чтобы уберечь ихъ отъ воровъ, такъ и для того, чтобы застраховать свою жизнь отъ злаго рока. Спеціальная татуировка, начертанная на шеѣ и кистяхъ руки невольника или уголовнаго преступника, изображала оковы и ручныя кандалы: это былъ знакъ принадлежности другому лицу или клеймо позора, наложенное правосудіемъ. „Громовые камни“, т. е. кремневые топоры и стрѣлы, случайно вырытые изъ земли сохой, считаются обладающими великою силой, и обмокнутые въ заколдованную жидкость, кладутся въ комнатѣ родильницъ.

Также какъ въ Китаѣ и въ Индіи, всѣ дѣвушки въ барманской землѣ выходятъ замужъ, но брачные союзы не заключаются тотчасъ же по выходѣ изъ дѣтскаго возраста, какъ на полуостровѣ по сю сторону Ганга. Признаваемыя въ обыденной жизни равными мужчинѣ, женщины принимаютъ участіе въ дѣлахъ семьи, и никакое рѣшеніе не принимается окончательно безъ того, чтобы не посовѣтоваться съ ними. Бракъ не есть ни таинство, ни гражданскій юридическій обрядъ, и жена вольна отказаться отъ сожительства съ мужемъ, когда она не одобряетъ его поведенія; но разводъ составляетъ очень рѣдкое явленіе, особенно послѣ рожденія дѣтей. Разлученіе совершается полюбовно: каждый изъ супруговъ зажигаетъ свѣчку, и та изъ нихъ, которая раньше догоритъ, даетъ хозяину или хозяйкѣ право уйти, унеся изъ дома самыя дорогія вещи. Даже во время продолженія брачнаго союза всякое „благопріобрѣтенное имущество“ жены составляетъ ея неотъемлемую собственность [3]). Однако,

[1]) *Bastian* „Siam“; *Shway Yoe* „The Burman“; *Snodgrass* „Burmese War“.
[2]) *Yule* „The Book of Marco Polo“, II; *Anderson* „From Mandalay to Momien“.
[3]) *Ch. A. Gordon*, цитированное сочиненіе; *Helfer*, цитированные мемуары.

ЛИБРАУАДДИ НИЖЕ ПРОМА.

нѣкоторые обычаи свидѣтельствуютъ объ извѣстной неравноправности женщины въ сравненіи съ мужчиной: такъ, передъ судомъ, она не переходитъ за порогъ судилища, и мужчина почелъ бы себя обезчещеннымъ, если бы женщина ходила на высшемъ уровнѣ; во избѣжаніе этого несчастія, дома всегда строются въ одинъ этажъ[1]). Въ отношеніи погребальныхъ обрядовъ, также какъ и въ отношеніи свадебныхъ церемоній, барманцы дѣйствуютъ по своей волѣ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны закона. Тѣло умершаго или сжигаютъ на кострѣ, или зарываютъ въ землю, сообразно съ желаніемъ, выраженнымъ самимъ покойнымъ. Обычаи королевской семьи разнятся во многихъ отношеніяхъ отъ обычаевъ, соблюдаемыхъ въ остальной націи. Такъ, принцы женятся на своихъ сводныхъ сестрахъ, а старшая дочь короля обречена на безбрачіе[2]).

Въ большихъ городахъ королевской Барманіи большинство туземцевъ, нравственно испорченные гнетомъ двора, лживы и раболѣпны; но по этимъ людямъ, окружающимъ королевскую власть, не слѣдуетъ судить обо всемъ народѣ. Въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ жители могли убѣгать въ лѣса при проходѣ армій или алчныхъ сборщиковъ податей, можно лучше наблюдать барманцевъ и оцѣнить ихъ счастливый природный характеръ. Они вообще живые и смышленые, веселые, остроумные, великодушные, очень любятъ игры, музыку и удовольствія; случалось видѣть какъ жители квартала, выгорѣвшаго утромъ, воздвигали вечеромъ, среди развалинъ пожарища, театральныя подмостки, чтобы утѣшить себя нѣсколькими веселыми часами за потерю всего своего имущества[3]). Обладая очень подвижнымъ умомъ, они, тѣмъ не менѣе, постоянны въ своихъ привязанностяхъ; рѣдко случается, чтобы глава семейства дѣлалъ малѣйшую разницу въ обращеніи съ дѣтьми, хотя бы даже одинъ изъ нихъ былъ явно европейскаго происхожденія. Барманцы очень гостепріимны, радушно принимаютъ иностранца и стараются предупредить его желанія; вдоль дорогъ путешественники находятъ сараи для отдыха и сосуды съ чистой водой для утоленія жажды. Вѣжливость составляетъ національную добродѣтель; въ этомъ отношеніи мраммы и талайны походятъ на японцевъ и стоятъ выше огромнаго большинства европейцевъ. Хотя очень впечатлительные и подвижные, они, однако, не вносятъ въ свои поступки той страстности, которая дѣлаетъ ихъ сосѣдей, малайцевъ, иногда столь опасными; они не мстительны и легко прощаютъ обиды; они очень покорны и позволяютъ себя угнетать безъ сопротивленія, ограничиваясь тѣмъ, что молятъ Будду, чтобы онъ защитилъ ихъ отъ „пяти враговъ:

[1]) *Mondière* „Dictionnaire des sciences anthropologiques".

[2]) *Phayre* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1864, № 4; *Yule; Bastian; Shway Yoe.*

[3]) *Shway Yoe* „The Burman".

огня, воды, разбойниковъ, недоброжелателей и правителей" [1]). Барманцы нравственными качествами очень счастливо отличаются отъ индусовъ, которыхъ они называютъ своими братьями; они не признаютъ дѣленія на касты, или, по крайней мѣрѣ, не примѣняютъ его строго на практикѣ; человѣкъ самаго низкаго званія можетъ сдѣлаться равнымъ съ великими міра сего; онъ не встрѣчаетъ ни одного изъ тѣхъ непереходимыхъ сословныхъ барьеровъ, которые дѣлаютъ изъ индуса раба судьбы. Новѣйшая исторія англійской Барманіи доказываетъ, что туземцы умѣютъ пользоваться тою свободой, въ которой отказано большинству жителей полуострова по сю сторону Ганга. Однако, рабы, состоящіе при кумирняхъ, сожигатели труповъ, прокаженные, тюремщики и палачи, которыхъ считаютъ существами, виновными въ какомъ-нибудь преступленіи во время предшествующаго ихъ существованія, остаются внѣ всякаго общества; они не имѣютъ даже права учиться въ школѣ; нищій отказывается отъ ихъ милостыни, томимый жаждою прохожій ни за что не согласится принять ни одной капли воды изъ ихъ рукъ.

Въ дѣйствительности, религія, господствующая въ Барманіи, та, которая регулируетъ всѣ акты жизни, есть поклоненіе демонамъ; оффиціальнымъ же культомъ является буддизмъ [2]). Барманцы боготворятъ Гаутаму, воплощеніе Будды; во всѣхъ городахъ, во всѣхъ селахъ и деревняхъ въ честь его воздвигнуты высокія пагоды или скромныя кумирни, и статуя Мудреца, съ кроткимъ, почти женственнымъ лицомъ, стоитъ въ глубинѣ храма. Прежде было въ обычаѣ у богатыхъ людей посвящать избытокъ своего состоянія на сооруженіе этихъ религіозныхъ зданій, и многіе изъ покинутыхъ городовъ, жилища которыхъ были преданы пламени завоевателями, или разрушены временемъ, состоятъ только изъ храмовъ, построенныхъ изъ кирпича, изъ мрамора или изъ тековаго дерева съ красивою рѣзьбой. Въ наши дни религіозное зодчество уже не въ такой чести, какъ было прежде, и щедроты богатыхъ барманцевъ, употреблявшіяся въ былое время на сооруженіе пагодъ, теперь чаще идутъ на содержаніе театровъ; но жрецы, или *помги*, отличающіеся, впрочемъ, полнѣйшею вѣротерпимостью въ отношеніи чужихъ религій, по прежнему очень многочисленны. Они не составляютъ особеннаго класса, потому что не даютъ обѣта монашества; каждый помги можетъ во всякое время сложить съ себя духовный санъ и вернуться въ первобытное состояніе. Съ другой стороны, и сдѣлаться жрецомъ можетъ всякій желающій; даже обязательно для молодыхъ людей свѣтскаго общества поступать послушниками въ монастырь на нѣсколько лѣтъ, или на нѣсколько недѣль, и тамъ всѣ равны: царскій сынъ не пользуется бо̀льшимъ почетомъ, чѣмъ

---

[1]) *Shway Yoe*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Shway Yoe*, цитированное сочиненіе; *Adolf Bastian* „Reisen in Birma".

сынъ послѣдняго нищаго [1]). Тѣла жрецовъ сжигаются или при помощи ракетъ, которыя пускаютъ издали, чтобы зажечь костеръ, или посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева; когда же дѣло идетъ о простомъ смертномъ, то для зажиганія костра достаточно обыкновенной спички.

Названіе „талапуанъ", которое европейцы даютъ барманскимъ и сіамскимъ жрецамъ, произошло, вѣроятно, отъ *талапатъ* или *талипотъ*, названія вѣерной пальмы (corypha ombraculifera), листъ которой служитъ опахаломъ священнослужителямъ храмовъ, причемъ на этомъ листѣ вырѣзаны священныя письмена [2]). Главная обязанность жрецовъ состоитъ въ обученіи чтенію и письму мальчиковъ околотка; каждый монастырь есть въ то же время школа. За немногими исключеніями, всѣ барманцы умѣютъ разбирать свои священныя книги, и будучи, по грамотности, гораздо выше большинства западныхъ людей, они всегда носятъ при себѣ таблички для того, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, поддержать свою бесѣду письменными объясненіями, знаками или вычисленіями. Но начатки образованія, которымъ обучаютъ помги, смѣшаны съ такимъ множествомъ пустыхъ формулъ и церемоній, что въ школахъ англійскаго основанія, даже въ тѣхъ, которыми руководятъ миссіонеры, съ трудомъ объясняющіеся на мѣстномъ языкѣ, число воспитанниковъ увеличивается съ каждымъ годомъ; кромѣ того, дѣвочки, которыя не могли поступать въ монастыри, получаютъ теперь элементарное образованіе въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ британской Барманіи около двухъ третей школъ, состоящихъ при монастыряхъ, находятся подъ наблюденіемъ англійскаго правительства. Въ 1880 году монастырей въ англійской Барманіи было 4.279 съ 6.498 монахами, не считая послушниковъ и аколитовъ. Монастырей, состоящихъ подъ контролемъ правительства, насчитывалось 2.678. Свѣтскихъ начальныхъ школъ было 473; среднихъ учебныхъ заведеній 36; кромѣ того, въ Рангунѣ есть европейское училище.

Половина барманскаго народонаселенія, и притомъ самая образованная, самая богатая и самая благоденствующая, если не самая многочисленная, подвластна Англіи; однако, пегуанскіе барманцы все еще видятъ въ королѣ, имѣющемъ свою резиденцію въ Мандалаѣ, если не государя, то, по крайней мѣрѣ, священную особу, представителя Гаутамы. Не смотря на политическую границу, указываемую линіей 19°30′ сѣв. широты, барманцы королевства Ава и барманцы англійской территоріи имѣютъ ясное сознаніе своей національности и смотрятъ на себя, какъ на одинъ народъ, раздѣленный на время, но долженствующій когда-нибудь соединиться въ одно цѣлое. Въ то время, какъ барманцы рѣдко эмигрируютъ въ Сіамъ, Индію или Малазію, они охотно переселяются въ земли,

[1]) *Shway Yoe* „The Burman".
[2]) *Pallegoix* „Description du royaume Thaï ou Siam".

населенныя ихъ единоплеменниками. Само собою разумѣется, эмиграціонное движеніе направляется теперь на югъ, изъ королевства Ава къ англійской Барманіи. Деспотическая власть короля, произвольная система податей и налоговъ, безпорядочность и произволъ администраціи, недостатокъ торговыхъ удобствъ—все это побуждаетъ подданныхъ самодержавнаго повелителя бѣжать, черезъ границы въ страну, которая, хотя и состоитъ подъ владычествомъ чужеземцевъ, но, тѣмъ не менѣе, населена барманцами и гдѣ каждый можетъ спокойно пользоваться плодами своего труда. Какъ говорилъ англійскій уполномоченный, который, безъ всякаго трактата, просто по праву сильнаго, начерталъ границу, въ 1853 году, взявъ у королевской Барманіи провинцію Пегу, королевство Ава держитъ въ своей рукѣ „какъ бы косточку плода". Страна отдѣлена отъ Бенгаліи и Ассама горами безъ дорогъ, горами, одинъ склонъ которыхъ—а въ Манипурѣ даже оба противоположные склона—принадлежатъ къ Англо-индійской имперіи; отрѣзанная отъ всякаго сообщенія съ моремъ, лишенная даже территоріи въ трехъ дельтахъ Иравадди, Ситтанга и Салуэна, имѣющая сношенія съ Китаемъ и Ассамомъ только черезъ горы и плоскогорья, населенныя полудикими и часто враждебными народцами, эта страна какъ бы заперта въ тюрьмѣ; она всецѣло во власти англичанъ. Разстройство, въ которомъ она находится уже нѣсколько лѣтъ, должно быть приписано въ бо́льшой части тѣмъ безобразнымъ и противоестественнымъ контурамъ, которые ей насильно приданы этими могущественными сосѣдями. Понятно, что подобное положеніе дѣлъ, столь гибельное для странъ по среднему теченію Иравадди, не можетъ долго продолжаться; настанетъ моментъ, когда англійской торговлѣ на низовьяхъ рѣки понадобится установить непосредственныя сообщенія съ Китайскою имперіей черезъ верхнюю Барманію. Слѣдовательно, столкновеніе, созданное экономическими интересами, сдѣлается неизбѣжнымъ, и въ настоящихъ обстоятельствахъ легко предвидѣть, которая изъ двухъ державъ останется въ выгодѣ: благодаря пару, Иравадди, центральная артерія такъ называемой „независимой" Барманіи, находится уже, такъ сказать во власти Англіи. Паровой флотъ нижней Иравадди, буксирующій шаланды, могъ бы въ пять дней высадить передъ Мандалаемъ 13.600 человѣкъ войска, вмѣстѣ съ провіантомъ и пушками [2]).

Изъ двухъ половинъ барманской націи, та, которая населяетъ области, прилегающія къ морскому прибрежью, все болѣе и болѣе превосходитъ другую половину промышленностью, торговлею и работами всякаго рода. Земледѣліе, составляющее занятіе огромнаго большинства жителей, получило значительное развитіе, благодаря раздѣленію земли на

[1]) *Albert Fytche* „Burman Past and Present"; „Fortnightly Review", april 1879.
[2]) „Journal officiel de la Républipue française", 10 juin 1879.

мелкія хозяйства. Англійское правительство, занявъ мѣсто барманскаго короля, въ качествѣ общаго владѣльца земельной собственности государства, роздало прямо отъ себя земли маленькими участками, въ среднемъ размѣрѣ отъ 3 до 4 гектаровъ, такъ что между крестьяниномъ и казной нѣтъ никакого посредника, въ родѣ земиндара, или крупнаго арендатора, удвоивающаго налогъ съ земли. Земледѣльцы, поселившіеся на новыхъ, нетронутыхъ плугомъ земляхъ, освобождаются въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, отъ всякихъ податей и повинностей; затѣмъ, когда ихъ поля начнутъ приносить полный доходъ, они обязаны платить правительству подать, равноцѣнную пятой долѣ сбора произведеній,—пропорція гораздо ниже размѣра налоговъ, взимаемыхъ въ Индіи по сю сторону Ганга. Тогда какъ средняя норма заработной платы сельскихъ рабочихъ на западномъ полуостровѣ исчисляется менѣе чѣмъ въ 3 франка въ недѣлю, она превышаетъ 9 франк. въ англійской Барманіи. Немногіе изъ туземцевъ могутъ назвать себя богатыми, но за то тамъ почти нѣтъ и бѣдныхъ, и только очень малая часть недвижимыхъ имѣній обременена долгами: ростовщики, которыми кишатъ деревни Индустана, еще недавно были почти неизвѣстны въ селеніяхъ на нижней Иравадди; къ несчастью, четскіе закладчики съ Коромандельскаго берега узнали теперь дорогу и въ Барманію. Золото и серебро, котораго ежегодно ввозится въ страну на сумму свыше 30.000.000 франк., употребляется, главнымъ образомъ на фабрикацію украшеній для барманскихъ и каренскихъ женщинъ: это сбереженіе, въ видѣ предметовъ роскоши, простирается, вѣроятно, среднимъ числомъ, до 300 франковъ въ годъ на каждое семейство. Къ сожалѣнію, употребленіе опіума, введенное англичанами, дѣлаетъ большія опустошенія среди барманскаго населенія.

Мѣстная торговля громадна: въ каждой деревнѣ торговцы и торговки раскладываютъ свои товары прямо подъ открытымъ небомъ; по всѣмъ дорогамъ идутъ и ѣдутъ разносчики, караваны вьючныхъ животныхъ, обозы запряженныхъ волами телѣгъ или арбъ, которыя еще сохранили форму крытыхъ лодокъ съ навѣсомъ; скрипъ тяжелыхъ сплошныхъ колесъ слышится по ночамъ за нѣсколько верстъ, нагоняя страхъ на пантеръ и другихъ кровожадныхъ звѣрей. Около тридцати пароходовъ и слишкомъ 65.000 простыхъ судовъ разной величины, изъ которыхъ иныя поднимаютъ свыше 150 тоннъ, плаваютъ по Иравадди и ея рукавамъ. Совокупность торговаго обмѣна съ другими странами возростаетъ изъ года въ годъ; уже въ 1820 году она превышала 550 милліоновъ франковъ, такъ что, пропорціонально пространству и населенію, она почти равняется суммѣ торговыхъ оборотовъ Франціи. Около четырехъ пятыхъ этой торговли производится морскимъ путемъ; однако, торговый обмѣнъ между англійскою Барманіей и верхнею Барманіей, или королевствомъ Ава, тоже возростаетъ, не смотря на дипломатическую ссору двухъ

правительствъ и происходящія отъ того притѣсненія всякаго рода: торговыя монополіи относительно строеваго лѣса, смолы кашу, керосина, драгоцѣнныхъ камней, данныя мандалайскимъ дворомъ китайскимъ откупщикамъ, составляютъ главныя препятствія развитію торговыхъ дѣлъ. Съ Сіамомъ торговыя сношенія англійской Барманіи встрѣчаютъ другія трудности, именно трудности, которыя представляетъ сообщеніе черезъ лежащія между этими странами пустынныя и гористыя области; дороги, которыя теперь пролагаются на востокѣ отъ Мульмейна и которыя перейдутъ черезъ водораздѣльную цѣпь, чтобы спуститься къ Менаму, получатъ важное значеніе, когда торговля будетъ ими пользоваться для перевозки товаровъ между моремъ и рѣкой.

Внѣшняя торговля англійской Барманіи въ теченіе фискальнаго 1880—1881 года:

	Моремъ.	Сухимъ путемъ.	Вмѣстѣ.
Вывозъ . .	236.875.000 франк.	48.920.000 франк.	285.795.000 франк.
Привозъ. .	220.150.000 „	50.215.000 „	270.365.000 „
Сумма . .	457.025.000 „	99.135.000 „	556.160.000 „

Цѣнность торговаго обмѣна между обѣими Барманіями въ 1877 году 68.474.725 франковъ.

Движеніе судоходства по заграничной торговлѣ:

2.438 пароходовъ, вмѣстимостью	1.668.325 тоннъ.
3.020 парусныхъ судовъ, вмѣстимостью	862.830 „
Всего 5.458 судовъ, вмѣстимостью . . .	2.531.155 тоннъ.

Промышленность развилась въ такой же степени, какъ земледѣліе и торговля. Барманцы во всѣ времена были искусными рѣзчиками на деревѣ, ткачами, литейщиками бронзовыхъ издѣлій: огромные колокола ихъ храмовъ свидѣтельствуютъ объ ихъ искусствѣ въ обработкѣ металловъ; ихъ скороходныя шлюпки, съ носомъ въ видѣ полумѣсяца, откуда кормчій дѣлаетъ знакъ тридцати или шестидесяти матросамъ, дружно дѣйствующимъ вызолоченными веслами, мало имѣютъ равныхъ себѣ во всемъ свѣтѣ по быстротѣ движенія, и нельзя достаточно надивиться той ловкости и быстротѣ, съ какою судовщики на Иравадди развертываютъ или переставляютъ свои четырехугольные или вѣерообразные паруса, привязанные къ реѣ въ 40 метровъ длиною. Съ тѣхъ поръ, какъ порты англійской Барманіи стали отправлять заграницу такое огромное количество рису (такъ, напримѣръ, въ теченіе фискальнаго 1881—1882 года было вывезено этого продукта 957.200 тоннъ, на сумму около 150.000.000 франковъ), сдираніе шелухи съ рисовыхъ зеренъ сдѣлалось главною мѣстною промышленностью; но эта работа производится въ обширныхъ заводахъ, которые почти всѣ принадлежатъ европейцамъ или китайцамъ; барманцы употребляются на этихъ обширныхъ „мельницахъ“ только для надзора за рабочими или для

ручнаго труда; до настоящаго времени механики всегда набирались и набираются между иностранцами, особенно между „дѣтьми Гана“, которые начинают появляться въ краѣ.

Число ихъ, несомнѣнно, будетъ возростать, когда переселенцы изъ китайскихъ провинцій Фокіена и Куантунга узнаютъ по народной молвѣ объ изумительныхъ естественныхъ источникахъ этихъ богатыхъ странъ, гдѣ воздѣланныя земли не покрываютъ еще даже пятнадцатой части территоріи [1]). Въ настоящее время потокъ иммигрантовъ, представляющій

Барманская арба.

седьмую часть общаго числа жителей, состоитъ преимущественно изъ сѣверныхъ барманцевъ, кареновъ, шановъ, клинговъ съ Коромандельскаго берега и бенгальцевъ, пришедшихъ изъ Джиттагонга, подъ управленіемъ своихъ „начальниковъ работъ“. Иногда дороги бываютъ покрыты безконечными вереницами этихъ переселенцевъ, которыхъ крупные предприниматели склонны третировать, какъ невольниковъ. Женщины сопровождаютъ эти переселенческія партіи лишь въ небольшомъ числѣ, а что касается барманцевъ изъ королевства Ава, то имъ запрещено приводить съ собою семьи; оттого мужское населеніе почти на одну двѣнадцатую

[1]) „Report on the administration of British Burma during 1880—1881“.

превышаетъ женское, и пропорція метисовъ, имѣющихъ въ своихъ жилахъ въ одно и то же время кровь барманскую, индусскую, китайскую быстро увеличивается.

Этническіе элементы народонаселенія въ англійской Барманіи, считая въ томъ числѣ южный Тенассеримъ:

	Перепись 1872 г.		Перепись 17 февр. 1881 г.		Приростъ.	
Барманцевъ и талайновъ .	2.111.921	жит.	2.766.827	жит.	31,0	процент
Кареновъ	331.706	„	518.294	„	56,2	„
Хьенговъ	51.117	„	55.015	„	7,6	„
Тунгту	24.923	„	33.554	„	42,6	„
Шановъ	36.029	„	59.723	„	65,8	„
Дикихъ горцевъ	31.242	„	27.598	„	—	„
Индусовъ	137.014	„	246.289	„	79,7	„
Китайцевъ	12.109	„	12.962	„	7,0	„
Европейцевъ и евразійцевъ.	9.177	„	11.860	„	29,2	„
Всего . . .	2.747.148	жит.	3.736.771	жит.	36,2	процент.

Большинство пришельцевъ, за исключеніемъ магометанъ, скоро присоединяется къ рядамъ буддистовъ; поклонники Вишну и Сивы сами собою, безъ всякаго посторонняго принужденія, ходятъ въ буддійскія пагоды совершать свои религіозные обряды.

На мало изслѣдованныхъ берегахъ верхней Иравадди, въ землѣ какіеновъ, между Китаемъ и Барманіей, нѣтъ городскихъ поселеній въ собственномъ смыслѣ, а есть лишь остатки городовъ, каковы, напримѣръ: Качо и Айенгдама; теперь это деревни, окруженныя палисадами, которые запираются каждый вечеръ, чтобы быть въ безопасности отъ нападенія какіеновъ; вокругъ наполненныхъ водой рвовъ разстилаются обширныя пространства, гдѣ видны еще слѣды прежнихъ пашень [1]); судовщики, поднимающіеся вверхъ по Иравадди, стоятъ на якорѣ по серединѣ рѣки, во избѣжаніе неожиданныхъ нападеній со стороны дикарей. Городъ Могунгъ, на боковомъ притокѣ Иравадди, лежитъ на самой границѣ барманской территоріи, но находящіяся въ его окрестностяхъ нефритовыя копи принадлежатъ какіенамъ: китайцы и шаны, эксплуатирующіе эти рудники съ большою выгодой, въ мирное время должны платить большую подать старшинамъ дикарей и пошлину королевско-барманскимъ таможнямъ; нефритъ отправляется въ Кантонъ черезъ Мандалай. Къ сѣверу отъ Могунга находятся также мѣсторожденія янтаря.

Важнѣйшій городъ верхней Барманіи, на границахъ территоріи какіеновъ и китайской провинціи Юннанъ, есть Бамо (Бхамо), распо-

[1]) *Sandeman* „Proceedings of the Geographical Society", may 1882.

ложенный на восточномъ высокомъ берегу Иравадди, въ 2 километрахъ ниже впаденія въ нее притока Тапенгъ или Тапингъ. Это наидалѣе выдвинутый военный постъ королевства Ава со стороны Китая; въ то же время это самый значительный его торговый складочный пунктъ. Въ Бамо, какъ въ точкѣ пересѣченія историческихъ путей, необходимо долженъ былъ возникнуть городъ. Рѣка легко судоходна до этого мѣста, находящагося на разстояніи 1.200 километровъ отъ океана, и съ 1868 года пароходы, имѣющіе до одного метра посадки въ водѣ, поднимаются вверхъ по теченію до впаденія Тапенга. Эта послѣдняя рѣка, сама достаточно глубокая для плаванія барокъ, на пространствѣ около 40 километровъ, спускается изъ долины, которая даетъ доступъ къ первымъ ступенямъ плоскихъ возвышенностей Юннана: тамъ начинается поперечная дорога, представляющая наиболѣе удобный переходъ между Иравадди и Янтсекіангомъ, между Рангуномъ и Шанхаемъ. Это еще не все. Мѣсто слiянія Иравадди и Тапенга, кромѣ того, указывается, какъ долженствующее быть современемъ связаннымъ съ Калькуттой черезъ долину Барака и Манипуръ: дорога Ганга и Брамапутры соединится съ дорогой „Срединнаго Цвѣтка", при началѣ судоходства по Иравадди. Многіе города слѣдовали одинъ за другимъ въ этой равнинѣ нижняго Тапенга. Къ востоку отъ Бамо видны остатки двухъ городовъ, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ подъ именемъ „Стараго Бамо"; на сѣверѣ, на правомъ берегу Тапенга, тоже есть развалины, указывающія мѣсто, гдѣ стоялъ древній городъ Цампенаго,—на языкѣ пали Чампанагаръ,—который былъ столицей одного шанскаго государства и который разрушили сингпои.

О будущей дорогѣ, которая должна соединить непосредственно Индію съ Китаемъ черезъ горы, продолжающія на востокѣ валъ Гималаевъ, написаны сотни статей и цѣлыхъ книгъ, но можно сказать, что эта дорога уже существуетъ; это „золотой и серебряный путь", которымъ китайскія войска спускались до самой равнины въ 1769 году и которымъ всегда слѣдовали посольства между двумя государствами, остается только, гдѣ нужно, сдѣлать выемки въ холмахъ и засыпать долины, для прокладки рельсовъ. Не смотря на недоброжелательство королевской Барманіи въ отношеніи англійской торговли, значительная часть товаровъ, посылаемыхъ изъ Рангуна къ верховьямъ Иравадди, направляется въ Китай. Цѣлый кварталъ въ Бамо, или Цинь-гаѣ —какъ его называютъ китайцы,—занятъ торговцами изъ Юннана, пріѣзжающими въ этотъ городъ закупать хлопокъ, нефритъ, разные европейскіе товары, до ливерпуль соли включительно; въ 1881 году одинъ караванъ, слѣдовавшій этою дорогой, заключалъ въ себѣ слишкомъ 1.500 навьюченныхъ животныхъ [1]) Даже во время возстанія пантаевъ торговое движеніе между

[1]) „London and China Express", jan. 27, 1882.

Барманіей и Китаемъ, черезъ Бамо, никогда не прерывалось; но тогда этотъ городъ имѣлъ никакъ не болѣе 5.000 жителей: въ 1868 году Андерсонъ исчислялъ населеніе его только въ 2.500 душъ. Бамо, окруженный эстакадой, состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ тековыхъ и бамбуковыхъ домовъ, поддерживаемыхъ столбами на высотѣ нѣсколькихъ футовъ надъ уровнемъ почвы. Промышленности въ немъ нѣтъ почти никакой, кромѣ выдѣлки сабель или *дахъ* и приготовленія глиняной посуды: отсюда и самое имя его, происшедшее отъ слова Манмо и означающее „городъ гончаровъ“.

Ниже по теченію, на томъ же берегу Иравадди, деревня Кунтугъ, или Кіунгъ-тунгъ, расположенная у входа къ одно ущелье рѣки, была иногда соперницей Бамо по торговлѣ съ Китаемъ; небезопасность дорогъ заставляла караваны видоизмѣнять свой маршрутъ, сообразно превратностямъ войнъ и союзовъ. Внизъ отъ этого дефилея, до нынѣшней столицы Барманіи, нѣтъ значительныхъ городовъ, ни важныхъ рынковъ; наиболѣе посѣщаемыя мѣста—это высокіе мысы, увѣнчанные пагодами, и скалистые острова, гдѣ безчисленныя религіозныя зданія, окруженныя деревьями, высоко поднимаютъ свои позолоченные шпицы надъ густою листвой: такъ, островъ Шве-гу, „Лѣсъ пагодъ“, содержитъ, говорятъ, не менѣе 999 святилищъ [1]). Рыбачья деревушка, расположенная на лѣвомъ берегу Иравадди, составляетъ все, что осталось отъ древней столицы Барманіи, Тагунга, основанной въ первыя времена барманской колонизаціи; тридцать пять королей слѣдовали одинъ за другимъ на тагунгскомъ престолѣ, но, вслѣдствіе нашествія варваровъ, царская резиденція была перенесена оттуда немного южнѣе, въ Паганъ, называемый теперь „Старымъ Паганомъ“, съ тѣхъ поръ, какъ другой городъ того же имени былъ построенъ въ 350 километрахъ ниже по теченію Иравадди. Остатки этихъ двухъ сосѣднихъ городовъ, Тагунга и Пагана, поросли лѣсомъ, такъ что теперь съ трудомъ можно отыскать тамъ и сямъ развалины пагодъ и статуй Будды. Другая деревня, тоже лежащая на лѣвомъ берегу рѣки, носитъ имя Цампенанго; какъ и городъ, предшествовавшій Бамо при впаденіи Тапенга въ Иравадди—это бывшая столица шанскаго царства. Въ окрестностяхъ разработываютъ, но не очень дѣятельно, нѣсколько каменноугольныхъ копей.

Главное колѣно Иравадди, между Бамо и дельтой, есть важнѣйшее историческое мѣсто современной Барманіи: здѣсь возникли послѣдовательно четыре столицы, Сагайнъ, Ава, Амарапура, Мандалай. Правда, что мало найдется мѣстоположеній, которыя представляли бы больше выгодъ для основанія центральнаго города многолюдной страны. Нѣсколько второстепенныхъ рѣкъ впадаютъ въ этомъ мѣстѣ въ главную рѣку; въ

---

[1]) *Shway Yoe* „The Burman“.

БИРМАНСКІЕ РАБОЧІЕ.

небольшомъ разстояніи оттуда, ниже по теченію, главный притокъ Иравадди, Кьендвенъ, соединяетъ свои воды съ водами главной долины; направленіе, принимаемое главною рѣкой, отъ Мандалая къ Пагану, совершенно совпадаетъ съ направленіемъ Арраканскаго залива, и этотъ путь продолжается удобными для прохода брешами по горамъ; наконецъ, на югѣ, длинная долина открываетъ прямую дорогу къ истокамъ Ситтанга; нѣтъ сомнѣнія, что настанетъ день, когда этотъ сгибъ почвы будетъ выбранъ для проложенія желѣзнаго пути, который дастъ Мандалаю быстрыя средства сообщенія съ другими странами.

Ава, древнѣйшій изъ упомянутыхъ четырехъ городовъ, имѣетъ въ то же время наиболѣе живописное мѣстоположеніе. Онъ находится на самомъ берегу Иравадди, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка мѣняетъ направленіе, поворачивая къ западу, и гдѣ притокъ Мійги соединяется съ главною рѣкой многочисленными извилистыми каналами. На противоположномъ берегу, на скатахъ и на вершинѣ холмовъ, блестятъ позолоченные куполы пагодъ Сагайна, который тоже былъ столицей государства. Четыреугольная городская ограда Авы, около 10 километровъ длиной, еще довольно хорошо сохранилась, а внутренность его превратилась въ обширный паркъ, аллеи котораго представляютъ бывшія улицы. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ еще монастырей даютъ пріютъ монашествующей братіи; среди лѣсныхъ прогалинъ, плодородная почва которыхъ въ изобиліи доставляетъ садовникамъ превосходные плоды, разсѣяны хижины поселянъ; дворецъ представляетъ уже руину, на половину заросшую зеленью; коровы мирно щиплютъ траву между распавшимися камнями этихъ развалинъ и спускаются по королевскимъ лѣстницамъ на водопой къ быстрому потоку, омывающему неровныя ступеньки. Впродолженіи слишкомъ четырехъ столѣтій Ава была столицей Барманіи. Основанная въ 1364 году, она была покинута въ 1783 году, затѣмъ снова служила резиденціей государю съ 1822 по 1837 годъ. Палійское имя, которое ей давали оффиціально, Ратнапура, или „Городъ драгоцѣнныхъ камней“, не сохранилось за нею; болѣе древнее народное наименованіе Ава, или Аэнгва, т. е. „Прудъ рыбаковъ“, въ концѣ концовъ одержало верхъ и даже стало примѣняться ко всему государству. Въ сосѣднихъ странахъ королевская Барманія извѣстна вообще подъ именемъ королевства Ава [1].

Амарапура, или „Городъ безсмертія“, имѣлъ очень кратковременное существованіе: оно продолжалось всего только семьдесятъ пять лѣтъ, да и то съ перерывомъ, такъ какъ одно время онъ былъ покинутъ дворомъ. Въ 1857 году, когда король далъ приказъ выбираться изъ города, китайцы

[1]) *Yule* „Reports of the Mission to Ava in 1855“; *A. Bastian* „Die Völker des Oestlichen Asien“.

которые незадолго передъ тѣмъ построили себѣ новую пагоду, отказались послѣдовать общему исходу и забаррикадировались въ своемъ кварталѣ. Кончилось тѣмъ, что ихъ оставили въ покоѣ, но притягательная сила матеріальныхъ выгодъ оказалась дѣйствительнѣе всякихъ насильственныхъ мѣръ: когда желтолицые „сыны Гана“ увидѣли себя изолированными, безъ покупателей для своихъ товаровъ, они добровольно, одинъ за другимъ, покинули свои жилища и перебрались въ Мандалай. Правильный квадратъ, образуемый городскою оградой Амарапуры, находится въ семи километрахъ по прямой линіи къ сѣверо-востоку отъ Авы, но онъ отдѣленъ отъ послѣдней прудами, ложными рѣчками или рукавами, рисовыми полями; на ближайшей половинѣ рѣки разсѣяны многочисленные острова, осѣняемые великолѣпными деревьями; на западной сторонѣ Иравадди течетъ вдоль подошвы безплодныхъ Сагайнскихъ холмовъ, бока которыхъ испещрены полосами краснаго и коричневаго цвѣта, происходящими отъ присутствія желѣзной руды. Недавно у подножія этихъ береговыхъ скалъ построены большіе чугунолитейные заводы.

Гавань Амарапуры служитъ въ то же время гаванью для Мандалая, или Мандале, теперешней столицы государства, названной такъ по имени пригорка, который возвышается на сѣверо-восточной сторонѣ города. Современная резиденція находится въ 4 километрахъ отъ рѣки, съ которою ее соединяетъ широкая аллея, обставленная по бокамъ домами, амбарами для склада товаровъ, судостроительными верфями и мастерскими; говорятъ, что барманскій король именно потому и построилъ свою столицу среди рисовыхъ полей, вдали отъ тѣнистыхъ береговъ Иравадди, чтобы не слышать ненавистнаго шума англійскихъ пароходовъ [1]). Планъ Мандалая, также какъ и планъ Амарапуры, представляетъ подражаніе плану китайскихъ городовъ, заключающихъ внутри „городъ варваровъ“, т. е. иноплеменныхъ завоевателей. Болѣе правильный, чѣмъ Пекинъ, Мандалай образуетъ совершенный квадратъ, обнесенный кирпичною оградой, съ воротами по серединѣ каждой изъ сторонъ и съ башнями по угламъ, блистающими своими вызолоченными крышами. Въ центрѣ города второй четырехугольный валъ окружаетъ королевскій городъ, заключающій дворцы самого короля, его женъ, министровъ, бѣлаго слона; точная середина, которую занимаетъ тронъ государя, увѣнчана шпицемъ съ семерною спиралью, который служитъ символомъ горы Меру, центральной пирамиды міра [2]). Передъ каждымъ домомъ тянется частоколъ, такъ называемый „царскій палисадъ“, за который должны укрываться жители, когда полиція возвѣщаетъ о приближеніи „золотыхъ ногъ“ его величества. Новый, построенный по однообразному плану и изъ непрочныхъ матеріаловъ,

[1]) *Adolf Bastian*, цитированное сочиненіе; *Anderson* „From Mandalay to Momien“.
[2]) *Adolf Bastian* цитированное сочиненіе.

Мандалай имѣетъ видъ параднаго города, существующаго лишь на одинъ день и долженствующаго исчезнуть, какъ исчезли сосѣдніе города, по королевскому капризу. Предмѣстья, отдѣленныя отъ города судоходнымъ рвомъ городской ограды и продолжающіяся на юго-западъ до окрестностей Амарапуры, имѣютъ уже по самой безпорядочности ихъ строеній болѣе оживленную физіономію, чѣмъ окруженный стѣной городъ; береговая насыпь неправильной формы защищаетъ ихъ отъ наводненій во время разлива Иравадди. Нужно сказать, что стѣны Мандалая покоятся на пятидесяти слишкомъ человѣческихъ трупахъ, ибо въ Барманіи, какъ нѣкогда въ Палестинѣ, краеугольный камень каждаго зданія долженъ быть „живой камень", имѣющій силу отгонять духовъ и злыхъ геніевъ [1]). Въ 1880 году, когда что-то приключилось съ резервуаромъ священнаго елея, придворный астрологъ потребовалъ, чтобы были принесены въ жертву сто мужчинъ, сто женщинъ, сто мальчиковъ, сто дѣвочекъ, сто солдатъ и сто иностранцевъ. Начали уже было хватать жертвъ, но объятое ужасомъ населеніе стало убѣгать массами, и назначенное жертвоприношеніе пришлось отмѣнить.

Мандалайская горка увѣнчана маленькою пагодой, статуя которой указываетъ пальцемъ то мѣсто, гдѣ король получилъ свыше повелѣніе построить свой дворецъ; другая статуя, обращенная лицомъ къ востоку, какъ бы для того, чтобы могла созерцать горы Шанъ-Іома, показываетъ, по словамъ туземцевъ, убѣжище, куда король рано или поздно долженъ будетъ удалиться, чтобы уйти отъ англичанъ. На этомъ пригоркѣ содержатся, на средства государя, пѣтушки и другія домашнія животныя, за которыми охотятся стаи дикихъ собакъ. На юго-востокъ отъ холма обширная каменная ограда, въ центрѣ которой стоитъ высокая пагода, окружена и усѣяна внутри красивыми крошечными зданіями: каждое изъ нихъ содержитъ мраморную доску, на которой выгравирована глубоко вырѣзанными буквами часть *Питтагата*, или буддійскаго священнаго писанія. Эти изящные храмики, числомъ болѣе 700, составляютъ священную библіотеку Мандалая. Кромѣ того, есть много другихъ религіозныхъ зданій въ городѣ и его предмѣстьяхъ, но ни одно изъ нихъ не отличается такими громадными размѣрами, какъ недоконченная менгунская пагода, находящаяся на правомъ берегу Иравадди, въ нѣсколькихъ километрахъ выше столицы: огромная масса, которая должна была оканчиваться пирамидой на высотѣ 150 метровъ, походитъ скорѣе на песчаниковую скалу, чѣмъ на человѣческую постройку; землетрясеніе, бывшее въ 1839 году, раскололо колоссальную каменную глыбу и сдвинуло съ мѣста ряды положенныхъ камней; теперь деревья укрѣпляютъ свои корни въ трещинахъ скалы. Къ этой пагодѣ долженъ былъ

[1]) *Shway Yoe* „The Burman"; *A. Bastian* „Geographische und Ethnologische Bilder".

принадлежать и знаменитый колоколъ, вѣсомъ въ сто тоннъ (слишкомъ 6.000 пудовъ), который еще находится въ сосѣдствѣ храма и отливка котораго производилась, кажется, подъ руководствомъ европейцевъ [1]). Невольно приходишь въ удивленіе при видѣ несмѣтныхъ богатствъ, употребленныхъ на сооруженіе всѣхъ этихъ зданій: золотые листы, которыми покрываютъ статуи и храмы, составляютъ едва ли не главный предметъ мѣстной торговли.

Въ Мандалаѣ живетъ много иностранцевъ. Переселенцы изъ Манипура, которымъ поручаютъ преимущественно тяжелыя работы, встрѣчаются массами, а китайцы сосредоточили въ своихъ рукахъ управленіе большинствомъ промышленныхъ предпріятій и заведеній. Армяне, которые нѣкогда играли столь значительную коммерческую роль въ Индустанѣ и которыхъ оттуда почти окончательно вытѣснили парсы и баніахи, сохранили свое вліяніе въ Мандалаѣ; наконецъ, есть не мало итальянцевъ, французовъ, грековъ, смѣшиваемыхъ туземцами подъ общимъ именемъ *кала*, которые пришли искать счастья въ барманской столицѣ; пять подгородныхъ деревень населены католиками, приведенными, въ качествѣ плѣнныхъ, въ прошломъ столѣтіи, во время завоеванія Пегу; теперь они едва отличаютя отъ барманцевъ [2]). Прямая дорога, направляющаяся на сѣверо-востокъ чрезъ Тейни и горы Шанъ, проникаетъ въ Юннанъ, но она гораздо труднѣе, нежели дорога на Бамо; по разсказамъ туземцевъ, тропа, длиною около 1.000 километровъ, проходитъ черезъ сорокъ шесть горныхъ переваловъ, черезъ пять большихъ рѣкъ и двадцать четыре меньшихъ потока [3]); караваны, слѣдующіе этимъ путемъ, употребляютъ, среднимъ числомъ, сорокъ дней, чтобы совершить трудный переходъ между Мандалаемъ и Юннанъ-Фу; они перевозятъ, главнымъ образомъ, мѣдь и чай. Къ сѣверо-западу отъ Мандалая, въ гористой области находится городъ Мучобо, мѣсто рожденія царя Аломпра, который сдѣлалъ его столицей и резиденціей своей имперіи въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія.

Внизъ отъ группы столицъ, важнѣйшій по торговлѣ и самый многолюдный городъ королевства Ава въ настоящее время—Мьи-кьянъ, стоящій на лѣвомъ берегу рѣки, которая въ этой части своего теченія развѣтвляется вокругъ многочисленныхъ острововъ, частью обитаемыхъ; въ этомъ мѣстѣ трудно даже признать главный рукавъ, и устья большаго притока Кьенъ-двенъ переплетаются тамъ съ извилинами самой Иравадди въ безконечный лабиринтъ водъ. Дельта Кьенъ-двена имѣетъ не менѣе 35 километровъ въ ширину и воды ея орошаютъ необычайно плодородныя равнины, рисовыя поля которыхъ много способствовали тому, что Мьи-

[1]) *Bigandet*; *Yule*; *Anderson*; *Shway Yoe.*
[2]) *Bigandet* „Annales de la Propagation de la Foi“, 1864.
[3]) *Anderson* „From Mendalay to Momien“.

кьянъ сдѣлался большимъ рынкомъ отпускной торговли; область Междурѣчья есть Сонарапанта древнихъ писателей, быть можетъ, *Aurea Regio* Птоломея [1]). Кьенъ-двенъ не судоходенъ, какъ Иравадди, до основанія высокихъ горъ, въ странѣ золота, нефрита и янтаря; барки могутъ ходить только до города Кендатъ, лежащаго въ 150 километрахъ вверхъ отъ сліянія. Верхнія долины его бассейна и прекрасная равнина, гдѣ находится Манипуръ, главный городъ государства того же имени, присоединеннаго къ Англо-индійской имперіи, сообщаются съ низовьемъ Кьенъ-двена трудно проходимыми дорогами. Жители Манипура эмигрируютъ, какъ оверньяты: ихъ увидишь на всѣхъ большихъ дорогахъ Барманіи, гонящихъ передъ собою своихъ вьючныхъ животныхъ, буйволовъ или лошадей, и продающихъ красный товаръ и тысячу разныхъ мелкихъ издѣлій своей промышленности. Между переселенцами встрѣчаются также браманы, очень цѣнимые у буддистовъ, какъ астрологи. Всѣ придворные чародѣи—уроженцы Манипура, пришедшіе въ Мандалай въ качествѣ плѣнниковъ или вольныхъ переселенцевъ [2]). Самый знаменитый родъ между манипурскими браманами—родъ „Лягушекъ", получившій такое прозвище за свои частыя омовенія [3]). Игра поло въ такой же чести у обитателей Манипура, какъ и на другой оконечности Индіи, въ Дардистанѣ.

Городъ Паганъ, стоящій на одномъ мысѣ лѣваго берега Иравадди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка снова принимаетъ свое нормальное направленіе съ сѣвера на югъ, занимаетъ мѣстоположеніе, соотвѣтствующее положенію четырехъ столицъ—Авы, Сагайна, Амарапуры, Мандалая. Оттого онъ также былъ одною изъ королевскихъ резиденцій, послѣ покинутія Стараго Пагана и прежде основанія Авы. Развалины этой столицы едва упоминаются прежними путешественниками, хотя онѣ занимаютъ пространство около 13 километровъ вдоль берега Иравадди. Эти руины заключаютъ еще, по словамъ англійскаго путешественника Генри Юля, безъ малаго тысячу пагодъ, хорошо сохранившихся; „тьма тьмущая, словно храмовъ въ Паганѣ"—обычная поговорка въ Барманіи. Преданіе гласитъ, что нѣкогда ихъ было счетомъ 9999,—безъ сомнѣнія, число мистическое, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности; но, во всякомъ случаѣ, ни одинъ городъ въ свѣтѣ не имѣетъ такого множества святилищъ: въ 1284 году, одинъ барманскій король, осажденный китайцами, разрушилъ шесть тысячъ храмовъ, чтобы полученнымъ такимъ образомъ матеріаломъ лучше укрѣпить стѣны своей резиденціи. Безчисленное множество священныхъ зданій, съ статуями, колоннадами, террасами, башенками, съ куполами въ формѣ колокола, пуговицы, яйца или луковицы

---

[1]) *H. Yule* „Reports of the Mission to Ava in 1855".
[2]) *Shway Yoe* „The Burman".
[3]) *Dalton* „Ethnology of Bengal".

утомляетъ взоръ и воображеніе; посѣтитель не имѣетъ ни времени, ни силъ осматривать весь этотъ необозримый хаосъ руинъ. Между этими остатками старины Юлю особенно бросилась въ глаза колоссальная лежачая статуя, превышающая 50 метровъ (70 аршинъ). Смѣсь стилей такъ велика въ этомъ громадномъ некрополѣ, что тутъ видишь даже дольменъ, воздвигнутый, быть можетъ, иммигрантами хасіа, и—что̀ еще замѣчательнѣе—колонны, напоминающія римскую архитектуру [1]). Между сотнями монашескихъ обителей, разсѣянныхъ въ обширной городской оградѣ, нѣкоторыя еще заняты отшельниками; но всѣ дома, всѣ гражданскіе памятники зодчества и королевскіе дворцы уже исчезли. Немногочисленныя деревянныя избушки, затерянныя среди необозримаго пространства руинъ, имѣютъ обитателями нѣсколькихъ рыбаковъ да ремесленниковъ, выдѣлывающихъ коробки и ларчики: таково единственное населеніе древняго города; одна сосѣдняя деревня, Ньюнгъ-ку, унаслѣдовала одну изъ промышленностей Пагана—приготовленіе лаковыхъ издѣлій. Въ 1826 году англичане одержали подъ Паганомъ рѣшительную побѣду, которая заставила барманцевъ просить мира.

Къ югу отъ Пагана, на лѣвомъ берегу Иравадди, встрѣчаемъ городъ Магве, за которымъ слѣдуетъ городъ Іенанъ-Гіонгъ, славящійся своими источниками каменнаго масла; многочисленныя пагоды, изъ которыхъ иныя построены въ китайскомъ стилѣ, высоко поднимаютъ свои куполы надъ городомъ „Зловоннаго Ручья", свидѣтельствуя о богатствѣ семействъ, обладающихъ нефтяными колодцами. Ниже показывается, на западномъ берегу, Менла, резиденція губернатора барманской границы. Далѣе мы вступаемъ уже на англійскую территорію, передовымъ стражемъ которой прежде былъ Мьедай, стоящій на лѣвомъ берегу; въ настоящее время военный постъ находится ниже по теченію, на противоположномъ берегу, въ „городѣ Манговаго дерева", или Тайетъ-мьо. Истиннымъ центромъ всей сѣверной области дельты Иравадди слѣдуетъ считать Промъ. Расположенный на лѣвомъ берегу, при началѣ аллювіальной долины, направляющейся на юго-востокъ къ Рангунскому лиману, этотъ городъ занимаетъ истинную голову или вершину дельты, по крайней мѣрѣ, съ торговой, если не съ гидрологической, точки зрѣнія. Въ Промѣ оканчивается рангунская желѣзная дорога, первый рельсовый путь Бармапіи, который въ скоромъ времени будетъ продолженъ до Алланъ-міо, санитарной станціи, лежащей напротивъ „города Манговаго дерева". Благодаря своему счастливому географическому положенію, Промъ есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые скоро оправляются послѣ каждаго бѣдствія. По свидѣтельству лѣтописей, начало его восходитъ слишкомъ за двѣ тысячи триста лѣтъ до нашего времени. Основанный подъ

---

[1]) *Oldham*; *Crawford*; *Yule*; *Shway Yoe*.

именемъ Тарекъ-Гетра или Тій-пкиттіа, онъ былъ окруженъ стѣной въ 60 километровъ длины, съ 35 воротами. Разрушенный, затѣмъ вновь отстроенный, онъ принадлежалъ попеременно то талайнамъ, то барманцамъ, этнологическія области которыхъ соприкасаются въ этомъ мѣстѣ. Окрестности Прома и равнины, окаймляющія берегъ Иравадди до Шуэдунга, принадлежатъ къ числу плодороднѣйшихъ мѣстностей и производятъ въ изобиліи рисъ, табакъ, овощи всякаго рода. Тотъ и другой изъ этихъ городовъ украшены великолѣпными пагодами, куда пилигримы приходятъ на поклоненіе десятками тысячъ. Многочисленные соляные источники, находящіеся въ окрестностяхъ, теперь уже почти не эксплуатируются.

Гензада, городъ, ближайшій къ вершинѣ дельты въ собственномъ смыслѣ, стоитъ ниже мѣста бифуркаціи, на главномъ рукавѣ, который сохраняетъ имя Иравадди, но который часто мѣняетъ русло. Этотъ городъ имѣетъ нѣкоторую важность, какъ центръ гидравлическихъ работъ въ области дельты, но торговля въ немъ только мѣстная; порты, гдѣ производится торговый обмѣнъ съ другими странами, лежатъ ближе къ морю. Городъ Бассейнъ, одинъ изъ древнѣйшихъ портовъ, который археологи отождествляютъ съ Безингой Птоломея, занимаетъ очень выгодное положеніе, какъ первая гавань дельты для кораблей, приходящихъ изъ Индустана и изъ Европы, но входъ въ рѣку Бассейнъ, или Навунъ, представляетъ значительныя трудности. Отпускная торговля сводится почти исключительно къ вывозу риса, и набережныя Бассейна бываютъ почти пусты, когда кончился сезонъ отправки этого продукта. Недалеко отъ города, на берегахъ рукава Дагга, находится круглое озеро, питаемое частью глубокими источниками и служащее попеременно водоспускомъ и резервуаромъ для водъ разлива. Рыба заходитъ въ это водовмѣстилище такими массами, что ее ловятъ десятками тысячъ штукъ; въ сезонъ лова на озерѣ собирается отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ, и берега покрываются базарами и заводами для приготовленія нгапи [1]). Близь устья Навуна деревня Дальгузи служитъ мѣстомъ дачной жизни, куда бассейнскіе негоціанты пріѣзжаютъ подышать свѣжимъ воздухомъ, очищаемымъ бризой.

Торговое движеніе Бассейна въ 1876—1877 фискальномъ году	13.704.000	франк.
Цѣнность вывезеннаго риса	12.501.050	„
Вмѣстимость судовъ при выходѣ	104.520	тонн.

Рангунъ, портъ восточнаго лимана Иравадди, былъ выбранъ англичанами за главный городъ своихъ завоеваній въ Барманіи, и уже ранѣе государи королевства Ава сдѣлали его мѣстопребываніемъ вице-короля.

[1]) *O'Riley* „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1864, № 1.

Пагода, содержащая волосы Гаутамы и мощи предшествовавшихъ ему „трехъ Буддъ“, давно уже, за нѣсколько столѣтій до нашей эпохи, придала священный характеръ мѣсту, гдѣ теперь расположенъ городъ, но движеніе торговаго обмѣна было сосредоточено нѣсколько южнѣе, на берегахъ того же лимана. Деревня Дагунъ, названная такъ по имени пагоды, была возведена на степень города лишь въ 1763 году, когда завоеватель Алунгбгура, или Аломпра, пришелъ туда провозгласить торжественно свою побѣду. Рангунъ—или, вѣрнѣе, Ранкунъ—есть одна изъ многочисленныхъ Никей, или Ниццъ, которыя побѣдители воздвигаютъ въ память своихъ тріумфовъ: это имя напоминаетъ „Конецъ Войны“, которую возстановитель барманской монархіи велъ съ пегуанцами. Но, затѣмъ, другія побѣды, именно побѣды англичанъ, придали Рангуну гораздо бо́льшую важность, чѣмъ какую онъ имѣлъ во времена барманскаго господства: въ 1853 году, во время втораго входа завоевателей, городское населеніе состояло изъ 25.000 жителей; съ тѣхъ поръ, въ какія-нибудь тридцать лѣтъ, оно болѣе чѣмъ упятерилось, а торговля порта увеличилась въ еще болѣе значительной пропорціи.

Рангунъ занимаетъ великолѣпное мѣстоположеніе на послѣднихъ отрогахъ хребта Пегу-Іома, при сліяніи трехъ рѣкъ и многочисленныхъ судоходныхъ рукавовъ, которые даютъ ему удобныя средства сообщенія съ дельтой Иравадди и съ дельтой Ситтанга. Лиманъ, продолжающійся на югъ отъ города, доступенъ для большихъ судовъ, и морской приливъ поднимается на сѣверъ на большое разстояніе вверхъ по рѣкѣ Хлайнъ. Такимъ образомъ, этотъ городъ является главнымъ центромъ и господствующимъ пунктомъ всего торговаго движенія въ двухъ самыхъ многолюдныхъ бассейнахъ Барманіи; желѣзная дорога соединяетъ его съ Промомъ выше дельты Иравадди, и скоро другой рельсовый путь, проникающій въ долину Ситтанга, достигнетъ Тонгу, откуда современемъ будетъ продолженъ до Мандалая. Послѣ Калькутты, Рангунъ самый оживленный и наиболѣе посѣщаемый портъ Бенгальскаго залива. Онъ посылаетъ заграницу текъ и другое строевое и столярное дерево, смолы, пряности, и ни одинъ городъ не можетъ сравниться съ нимъ по вывозу риса; кромѣ того, онъ служитъ главнымъ привознымъ рынкомъ для англійскихъ товаровъ, предназначенныхъ въ Барманію и въ китайскую провинцію Юннанъ; почти двѣ трети всей внѣшней торговли англійской Барманіи сосредоточиваются въ Рангунѣ. Этотъ городъ, центръ торговаго обмѣна, есть въ то же время главный пунктъ промышленности, и верфи, мастерскія всякаго рода тянутся непрерывнымъ рядомъ вдоль берега Рангунской рѣки, или Хлайнъ, на большое разстояніе вверхъ отъ города; нѣтъ ни одного завоеванія современной индустріи, которымъ не обладалъ бы англо-барманскій городъ, наравнѣ съ Лондономъ, Парижемъ и Нью-Іоркомъ.

Торговое движеніе Рангуна въ теченіе фискальнаго 1880—1881 года:

	Судами дальняго плаванія.	Каботажемъ.	Общая цифра.
Привозъ. . . .	91.187.200 фр.	63.336.250 фр.	154.523.450 фр.
Вывозъ	93.093.800 „	45.477.125 „	138.570.925 „
Вмѣстѣ. . .	184.281.000 фр.	108.813.375 фр.	293.094.375 фр.

Движеніе судоходства (количество судовъ дальняго плаванія):

Вошло въ портъ: 176 парусныхъ судовъ и 180 пароходовъ, вмѣстимостью . .	328.042 тонны.
Вышло: 201 парусное судно и 180 пароходовъ, вмѣстимостью	361.097 „
Всего 737 судовъ, вмѣстимостью. .	689.139 тоннъ.

Судоходство, включая каботажъ, въ 1877—1878 фискальномъ году: 1.099.955 тоннъ.

Торговый и промышленный центръ страны, Рангунъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и литературная столица англійской Барманіи; въ послѣднее время тамъ основаны различныя ученыя и литературныя общества, между прочимъ, общество, поставившее себѣ задачею изданіе въ свѣтъ классическихъ произведеній національной словесности. Изъ всѣхъ городовъ Англо-индійской имперіи, получившихъ отъ правительства разрѣшеніе ввести у себя муниципальныя учрежденія, Рангунъ выдается тѣмъ, что тамъ избиратели, мужчины и женщины, выказываютъ наибольшее рвеніе въ пользованіи дарованною имъ привилегіей самоуправленія.

Пагода Шуэ-Дагунъ, у подножія которой раскинулся городъ, заключена въ чертѣ англійскихъ военныхъ кантонементовъ; она служитъ, такъ сказать, залогомъ завоеванія. Величественное зданіе, пирамидальной формы, храмъ этотъ стоитъ на террасѣ о трехъ уступахъ, окруженной густыми деревьями; на высотѣ 118 метровъ надъ уровнемъ мостовой высится шпицъ, или *хти*, обшитый толстыми золотыми пластинками и блистающій драгоцѣнными каменьями, который мандалайскій государь, „Господинъ съ золотымъ зонтикомъ", недавно подарилъ своимъ рангунскимъ единовѣрцамъ; но англійскія власти потребовали, чтобы этотъ хти предварительно былъ переданъ имъ, чтобы поступить подъ ихъ непосредственное завѣдываніе. Во время годоваго праздника въ Дагунѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ, передъ храмомъ толпятся тысячи пилигриммовъ, пришедшихъ изъ всѣхъ провинцій Барманіи, изъ Сіама, изъ Камбоджи и даже изъ Кореи [1]). Колоколъ, вѣсящій 42 тонны (слишкомъ 2.500 пудовъ), былъ захваченъ англичанами, которые хотѣли-было отвезти его, въ видѣ трофея, въ Калькутту, но при перевозкѣ не приняли надлежащихъ

[1]) *Shway Yoe* „The Burman".

*

мѣръ предосторожности и увалили его въ рѣку. Вѣрующіе, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь самыя примитивныя машины, вытащили колоколъ изъ рѣчнаго ила, и теперь съ торжествомъ показываютъ его чужеземнымъ инженерамъ. Послѣ пагоды, главную достопримѣчательность этой страны составляетъ пришедшій въ упадокъ городъ Сиріамъ, или Танльенгъ, находящійся километрахъ въ двадцати къ востоку отъ Рангуна, на берегу рѣки Пегу. Португальцы овладѣли этимъ городомъ въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, а впослѣдствіи голландцы и англичане основали тамъ торговыя конторы; теперь остались только развалины европейскихъ зданій.

Имя Пегу, которое часто даютъ британской Барманіи, по крайней мѣрѣ, области морскаго прибрежья, заключенной между мысомъ Негре и устьемъ Салуэна, свидѣтельствуетъ о той важности, какую имѣла нѣкогда метрополія края, называемаго барманцами Паго или Пайгу. Когда морскія суда были не велики и не глубоко сидѣли въ водѣ, рѣчные порты, открытые внѣшней торговлѣ, были расположены по бо̀льшей части далѣе внутри материка и приливъ могъ уносить ихъ далеко отъ береговъ моря. Такимъ-то образомъ Пегу могъ прежде играть роль, выпавшую въ наши дни на долю Рангуна; въ настоящее время онъ ведетъ лишь незначительную торговлю; суда поднимаются туда съ приливомъ, спускаются съ отливомъ. Часто подвергавшаяся непріятельскимъ нападеніямъ и осадамъ, столица талайновъ или пегуанцевъ была, наконецъ, разрушена до основанія завоевателемъ Аломпра; нынѣшній городъ, простая станція на дорогѣ изъ Рангуна въ Тонгу, существуетъ лишь съ конца прошлаго столѣтія.

Тангу, или Тунгъ-нгу, главный городъ въ бассейнѣ Ситтанга, есть одинъ изъ тѣхъ барманскихъ городовъ, которымъ, повидимому, предстоитъ великая будущность; естественная дорога между Рангуномъ и Мандалаемъ подходитъ въ этомъ мѣстѣ къ самой рѣкѣ; окружающія равнины плодородны и хорошо орошаются, окрестныя долины населены трудолюбивыми каренами, и шаны изъ королевской Барманіи приходятъ туда толпами [1]). Километрахъ въ сорока отъ города основана санитарная деревня на плоскогорьи Чандунгъ-гьи, на высотѣ 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря, но эта высота оказалась недостаточною для европейцевъ, такъ какъ въ періодъ юго-западнаго муссона дожди льютъ съ страшною силой на этомъ горномъ плато; весьма вѣроятно, что санаторій будетъ перенесенъ на вершину горы Наттунгъ, подымающейся на 2.400 метровъ надъ уровнемъ равнины Ситтанга; но отсутствіе дорогъ не позволяетъ еще европейцамъ забираться далеко въ „горы духовъ“. По этой же причинѣ и Тонгу не пользуется выгодами своего счастливаго

[1]) *Bigandet* „Annales de la Propagation de la Foi“.

ВИДЪ МАНДАЛАЯ.

торговаго положенія; на сѣверѣ страна почти совсѣмъ не населена; войны опустошили и обезлюдили этотъ край, гдѣ возникли, послѣ разрушенія Пагана, столичные города Пинлай, Панжа, Мьензайнъ. Одинъ городъ, Ніенгьенъ, основанъ недавно близь Ситтанга лѣсопромышленниками, эксплуатирующими тековые лѣса [1]).

Рѣка Салуэнъ протекаетъ черезъ наименѣе извѣстныя и наименѣе населенныя области Индо-Китая. По выходѣ изъ ущелій восточнаго Тибета, Луце-Кіангъ, или Салуэнъ, проходитъ по землямъ какіеновъ, шановъ, лаосовъ, кареновъ, отражая въ своихъ водахъ лишь незначительныя мѣстечки, куда дикари изъ сосѣднихъ лѣсовъ приходятъ обмѣнивать продукты своихъ промысловъ. Два „города“ Тейни и Моне, о которыхъ часто говорятъ въ мемуарахъ, относящихся къ торговымъ дорогамъ между барманскимъ прибрежьемъ и Китайскою имперіей, находятся не на берегу Салуэна, но на западѣ, въ областяхъ, еще не изслѣдованныхъ европейскими путешественниками. Послѣдній западный притокъ Салуэна, Янзулинъ, протекаетъ черезъ область тѣснинъ и пороговъ по очень живописной мѣстности, между крутыми горами, усѣянными, на верхнихъ террасахъ, глыбами песчаника причудливыхъ формъ; самыя любопытныя изъ этихъ скалъ, остатковъ разрушившихся горъ, были выбраны жителями для сооруженія на верхушкѣ маленькихъ пагодъ, до двери которыхъ, открывающейся въ пасти дракона, можно добраться лишь посредствомъ опаснаго восхожденія при помощи бамбуковой лѣстницы. Самыя странныя изъ этихъ воздушныхъ святилищъ стоятъ на горахъ Кьихтео, въ 25 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ деревни того же имени [2]).

Теченіе Салуэна было обслѣдовано Спраемъ (Sprye) и другими англичанами на протяженіи около 600 километровъ, отъ устья до земли шановъ. Хотя лишенныя дорогъ къ верхнимъ частямъ рѣки, равнины дельты достаточно богаты, чтобы питать значительную торговлю; уже съ давняго времени, по малой мѣрѣ, тринадцать вѣковъ, въ этомъ мѣстѣ стоитъ столица, но, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ Барманіи, этотъ городъ часто мѣнялъ свое мѣстоположеніе. Древній Мартабанъ, или Мутъ-тама, который нѣкогда велъ такую дѣятельную торговлю, что имя его перешло на сосѣдній заливъ, представляетъ теперь не болѣе, какъ собраніе невзрачныхъ лачугъ. Новый городъ, Мольмейнъ или Мульмейнъ, главный городъ округа, расположенъ напротивъ Мартабана, на восточномъ берегу Салуэна, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка раздѣляется на два рукава вокругъ большаго острова Белу, или Билу-гайвонъ. Населенный людьми всякаго рода и племени, барманцами и пегуанцами, каренами и

[1]) *A. Bastian* „Geographische und Ethnologische Bilder“.
[2]) *Parish* „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, III, 1865; *Shway Yoe* „The Burman“.

тунгту, индусами, малайцами и китайцами, европейцами и евразійцами, Мульмейнъ—городъ почти исключительно торговый и промышленный; онъ отправляетъ заграницу текъ, рисъ, хлопокъ, а верфи его строютъ суда, славящіяся прочностью и чистотою отдѣлки.

Пагода на скалѣ.

Внѣшняя торговля Мульмейна въ теченіе фискальнаго 1880—1881 года:

Привозъ	24.475.025 франк.
Вывозъ	37.064.500 „
Сумма оборотовъ	61.539.525 франк.

Движеніе судоходства въ портѣ: въ приходѣ и отходѣ 1.109 судовъ, вмѣстимостью 531.150 тоннъ.

Въ лѣтнее время деревня Амгерстъ, построенная на морскомъ берегу, въ 50 километрахъ къ югу отъ Мульмейна, служитъ убѣжищемъ для негоціантовъ отъ томительныхъ жаровъ, господствующихъ въ городѣ.

Главные города обѣихъ Барманій, независимой и англійской:

Королевство Ава.		Мульмейнъ, въ 1881 г.	46.475 жит.
Мандалай (по Андерсону)	100.000 жит.	Татунгъ (по Бастіану).	30.000(?) „
Мын-кьянъ	15.000(?) „	Промъ, въ 1877 г.	26.850 „
Магве (по Юлю)	8.000 „	Бассейнъ, въ 1876 г.	22.420 „
Моне „	8.000 „	Гензада	15.300 „
Бамо (по Андерсону)	5.000 „	Шуэдунгъ, въ 1877 г.	13.600 „
Мучобо (по Юлю)	5.000 „	Тонгу	12.400 „
Тейнн „	3.000 „	Мерги, въ 1877 г.	10.750 „
Англійская Барманія.		Тайетъ-мьо, въ 1878 г.	10.170 „
Рангунъ, въ 1881 г.	132.000 „		

Въ аллювіальной равнинѣ, усѣянной бывшими островами, которая простирается на сѣверо-западъ, къ устью Ситтанга, стоитъ большой городъ Татунгъ (Татонъ), метрополія туземцевъ тунгту. Тамъ находилась нѣкогда индусская колонія, куда миссіонеры принесли въ первый разъ въ барманскую землю ученіе Будды; татунскіе храмы служили образцомъ для религіозныхъ зданій, которыя впослѣдствіи сооружались въ другихъ мѣстахъ Барманіи [1]).

V.

Бассейнъ Менама.

ЗАПАДНЫЙ СІАМЪ, ЗЕМЛИ ШАНОВЪ И ЛАОСОВЪ.

Въ сравненіи съ другими рѣчными бассейнами полуострова, покатость Индо-Китая, пробѣгаемая Менамомъ, или „Матерью Водъ“, не очень обширна, но она занимаетъ центральное положеніе, которое должно было обезпечить ей первостепенную важность въ исторіи Индіи по ту сторону Ганга. Менамъ и многія другія, менѣе значительныя, рѣки, соединяющія свои устья въ одной и той же дельтѣ, изливаются въ море у сѣверной оконечности залива, далеко вдающагося внутрь материка и окружность котораго имѣетъ не менѣе 1.500 километровъ протяженія. Входъ въ Менамъ образуетъ какъ бы центръ обширнаго круга, къ которому сходятся, съ одной стороны, морскіе пути кораблей, съ другой—дороги рѣчныхъ долинъ. На пространствѣ отъ Бенгальскаго залива до залива Тонкинскаго, сіамское прибрежье составляетъ географическую середину Индо-Китая. Пользуясь исключительными выгодами своего географическаго положенія, нація, которую иностранцы называютъ „сіамскою“, но которая даетъ себѣ имя Тай, т. е. „Вольные люди“, играла, на восточномъ полуостровѣ двухъ Индій, первенствующую роль и

[1]) *Shway Yoe* „The Burman“.

оказывала наибольшее цивилизующее вліяніе на дикія населенія внутренности материка; равнымъ образомъ, въ теченіе своей исторической жизни страна Сіамъ, вообще говоря, владѣла наиболѣе обширнымъ пространствомъ территоріи за чертой естественныхъ границъ бассейна рѣки Менамъ. И теперь еще, хотя стѣсненная съ одной стороны англійскими владѣніями, съ другой—Камбоджей, вассальнымъ государствомъ, подвластнымъ Франціи, Сіамское королевство обнимаетъ, внѣ бассейна Менама, значительную часть Малайскаго полуострова и собираетъ дань съ многочисленныхъ народцевъ, живущихъ въ бассейнѣ Меконга и въ бассейнѣ Салуэна. Но ни дѣйствительные размѣры сіамской территоріи, ни число находящихся на ней жителей неизвѣстны точнымъ образомъ: приблизительно исчисляютъ въ 4, 5 или 6 милліоновъ душъ населеніе этого государства, распредѣленное на пространствѣ, въ полтора раза превосходящемъ поверхность Франціи.

Пространство и населеніе королевства Сіамъ, по Бему и Вагнеру: 880.339 квадр. километровъ; 5.750.000 жителей; 7 жителей на квадр. километръ.

Менамъ беретъ начало въ землѣ лаосовъ, тамъ, гдѣ остается уже лишь узкій поясъ гористыхъ мѣстностей между двумя параллельными теченіями Салуэна и верхняго Меконга. При вступленіи въ шанское государство Ксіенъ-май, рѣка носитъ уже барки, и во всей сіамской странѣ въ собственномъ смыслѣ она судоходна для небольшихъ судовъ; пароходы поднимаются по рѣкѣ въ нижнемъ ея теченіи, оживляемомъ волною прилива. Растительность такъ густа на берегахъ Менама, что во многихъ мѣстахъ вода не имѣетъ видимыхъ береговъ: чащи ліанъ и листьевъ кажутся выходящими прямо изъ рѣки, и надъ этими чащами высоко поднимаются стройные стволы пальмъ, толстые стебли бамбуковъ и растенія *габби-габбе*. Прежде чѣмъ излиться въ заливъ, рѣка выдѣляетъ изъ себя боковыя развѣтвленія и соединяется съ различными второстепенными рѣками, которыя походятъ на нее своимъ гидрологическимъ режимомъ. Во время годоваго періода разливовъ, т. е. съ іюня до ноября, выступающіе изъ береговъ потоки превращаютъ въ обширное, но неглубокое море наибольшую часть нижнихъ равнинъ. На затопленной почвѣ, по которой рѣки и рѣчки разносятъ свой плодотворный илъ, пышно растетъ рисъ и по всѣмъ направленіямъ снуютъ барки, проходя надъ рвами и канавами, вырытыми черезъ необозримую шахматную доску рисовыхъ полей. Нѣкоторые изъ потоковъ низменной области не возвращаются вполнѣ въ свое русло, и постоянныя, не просыхающія болота, скрытыя подъ высокою травой, тянутся на далекое пространство. Рѣка Хорайокъ, которая соединяется съ Менамомъ, недалеко отъ его устья, посредствомъ искусственнаго канала, есть одинъ изъ этихъ лѣнивыхъ потоковъ, окаймленныхъ болотами. Слоны бродятъ стаями по

берегу Менама, вытягивая свои хоботы, чтобы обнюхать издали мимо идущія барки, но они не опасны, благодаря глубинѣ воды [1]).

Различныя рѣки равнины, центръ которой занимаетъ городъ Банкокъ, не соединяются въ одинъ потокъ, чтобы излиться въ море; но вся сѣверная часть залива, куда впадаютъ прѣсныя воды, отдѣлена отъ открытаго моря подводною косой въ формѣ полумѣсяца, которая тянется на пространствѣ около сотни километровъ между восточнымъ и западнымъ берегами бухты. Большія суда не могутъ перейти черезъ порогъ и останавливаются километрахъ въ пятнадцати отъ устья; въ часы отлива только плоскодонныя барки отваживаются переходить баръ, суда же, вмѣщающія отъ ста до пятисотъ тоннъ, рискуютъ пускаться между волнами прибоя только при высокомъ стояніи воды. Илъ, приносимый рѣками, отлагается въ ограниченномъ песками бассейнѣ, гдѣ разбиваются волны, набѣгающія съ открытаго моря. Вся низменная равнина, въ сосѣдствѣ моря, состоитъ изъ тонкихъ слоевъ песка и глины, залегающихъ на нижнемъ пластѣ, въ которомъ содержатся морскія раковины [2]). Колодецъ, выкопанный въ городѣ Банкокѣ, на глубинѣ всего только 6 метровъ, уже проходитъ черезъ этотъ пластъ, отложенный моремъ. Такимъ образомъ, геологическое свойство почвы представляетъ очевидное доказательство постепеннаго распространенія суши въ область океана.

Страна Сіамъ не имѣетъ другихъ полноводныхъ рѣкъ, кромѣ Менама и сосѣднихъ потоковъ; повсюду въ другихъ мѣстахъ, какъ на востокѣ, по направленію къ Камбоджѣ, такъ и на югѣ, на Малайскомъ полуостровѣ, морская покатость слишкомъ узка, чтобы давать начало значительнымъ рѣкамъ. Вся восточная область Сіамскаго королевства изливаетъ свои воды въ обширный бассейнъ Меконга, главной рѣки Кохинхины. Водораздѣльныя горныя цѣпи, почти сплошь покрытыя лѣсами, были перейдены лишь на небольшомъ числѣ пунктовъ европейскими изслѣдователями, какъ-то: Шомбуркомъ, Макъ-Леодомъ, Спраемъ, О'Рили, Бастіаномъ, Муготомъ. Дорога изъ Мульмейна въ Банкокъ черезъ Рагейнъ, также какъ дороги изъ Мульмейна въ Кіенъ-Май, изъ Тонгу въ Моне и въ Кіенъ-Тонгъ, были изслѣдованы европейцами; но нѣкоторыя области, именно около истоковъ Менама, едва извѣстны. На востокѣ, между Менамомъ и Меконгомъ, земля лаосовъ гориста: путешественникъ Муготъ, который прошелъ ее съ юга на сѣверъ между городомъ Аютія на Менамѣ и городомъ Люангъ-Прабангомъ на Меконгѣ, говоритъ о величественномъ видѣ горной цѣпи, которая господствуетъ на востокѣ надъ долиной Менама и южная оконечность которой изгибается къ востоку до границъ Камбоджи. Съ уединеннаго

[1]) *Schmitt* „Annales de la Propagation de la Foi", 1877.

[2]) *Pallegoix* „Description du royaume Thaï"; *Thomson* „Dix ans de voyages dans la Chine et l'Indo-Chine"; *Fr. Garnier* „Bulletin de la Société de Géographie", 1874.

пригорка Патави, возвышающагося въ 60 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ города Аютіа, обширный амфитеатръ этихъ горъ, занимающій весь горизонтъ сѣвера и востока, представляетъ грандіозное зрѣлище.

Впереди этой цѣпи, напротивъ холма Патави, высится Прабатъ, священная гора сіамцевъ, которые ходятъ туда поклониться слѣду, оставленному ногой Самона-Кодома, „святаго пастыря". Вокругъ божественнаго отпечатка, нагроможденныя въ безпорядкѣ скалы носятъ на себѣ другіе знаки, похожіе на шаги тигровъ, слоновъ и другихъ животныхъ; по словамъ сіамской легенды, Будда переходилъ черезъ гору въ сопровожденіи безконечнаго кортежа лѣсныхъ звѣрей [1]); эти слѣды ногъ животныхъ, неизслѣдованные еще ни однимъ геологомъ, глубоки, хорошо моделированы и отчетливы, какъ будто они были сдѣланы въ мягкой глинѣ [2]). На востокѣ, близь горъ, которыя покрываетъ обширный „лѣсъ Огненнаго короля", Донгъ-Пайа-Пай, поверхность скалъ покрыта, на протяженіи около 15 километровъ по ширинѣ, желѣзною рудой, разбросанной глыбами, похожими на аэролиты. Въ формаціяхъ, окружающихъ холмъ Патави, видны также окаменѣлые стволы деревьевъ, принадлежащихъ къ нынѣ растущимъ въ краѣ породамъ, а самая горка испещрена, отъ дѣйствія теплыхъ минеральныхъ ключей, различно окрашенными полосами, представляющими, въ глазахъ туземцевъ, „тѣни и лучи Будды" [3]). Далѣе на сѣверъ, за Коратскими горами, страна чрезвычайно богата металлоносными залежами, мѣдью, оловомъ, сурьмой, магнитнымъ желѣзнякомъ. Жители разработываютъ почти только эту послѣднюю руду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они промываютъ песокъ ручьевъ, чтобы собирать содержащійся въ немъ золотой порошокъ.

Область Сіама и Камбоджи, которую озеро Танле и продолженіе его бассейна отдѣляютъ отъ остальнаго Индо-Китая, гориста въ одной части своего протяженія; надъ равнинами возвышаются островидные массивы, которые, при незначительномъ пониженіи уровня почвы, превратились бы въ настоящіе острова; одна гора, къ сѣверу отъ Шантабуна, достигаетъ даже высоты 1.912 метровъ. Другая, менѣе высокая, вершина, стоящая непосредственно на востокъ отъ Шантабуна, носитъ названіе Кохъ-Сабапъ, что̀ значитъ „гора драгоцѣнныхъ камней" (637 метровъ); временные ручьи, бороздящіе ея бока, приносятъ въ окружающія земли рубины, яхонты и другіе цѣнные кристаллы, которые плантаторы продаютъ китайскимъ торговцамъ галантерейными товарами.

Климатъ Сіама отличается физически отъ климата Барманіи и Передней Индіи, подъ тѣми же широтами, только мѣстными явленіями, происходящими отъ положенія покатостей относительно странъ свѣта

[1]) *Henri Mouhot* „Travels in the Central Parts of Indo-China".
[2]) „*Pallegoix* „Description du royaume Thaï".
[3]) *Ducat* „Annales de la Propagation de la Foi", 1859

и отъ формы морскихъ береговъ. Во всемъ своемъ составѣ, страна Мюангъ-Тай, на разстояніи 2.000 километровъ, которое ей приписываютъ по направленію съ сѣвера на югъ, находится въ поясѣ попемѣнныхъ муссоновъ, юго-западнаго, приносящаго дожди и грозы, и сѣверо-восточнаго, возстановляющаго сухую погоду. Въ Банкокской равнинѣ, географическомъ центрѣ страны, годовой круговоротъ вѣтровъ воспроизводитъ, въ большихъ размѣрахъ, явленія вращенія, представляемыя суточною бризой. Дождливый юго-западный муссонъ, начинающійся вообще въ маѣ мѣсяцѣ, поворачиваетъ постепенно къ западу, чтобы уступить мѣсто, въ концѣ сентября, сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, которые, въ свою очередь, мало-по-малу отклоняются къ юго-востоку и къ югу, прежде чѣмъ воздушные токи возобновятъ свое круговращательное движеніе по циферблату небесъ. Обыкновенныя колебанія термометра въ теченіе дня, въ Банкокѣ, составляютъ отъ 27 до 30 градусовъ Цельсія; въ самые жаркіе дни температура не превышаетъ 35 градусовъ; но въ сухое время года, которое соотвѣтствуетъ зимѣ, термометрическій столбъ ртути иногда опускался до 12 градусовъ по ночамъ. Жара дѣйствительно тягостна только передъ наступленіемъ сезона дождей, въ мартѣ и апрѣлѣ, когда сѣверо-восточный вѣтеръ пересталъ дуть, а дождливый муссонъ еще не установился. Дожди, выпадающіе на Сіамское государство, должны быть менѣе обильны, нежели атмосферные осадки въ Барманіи, такъ какъ между этими двумя странами возвышается горная цѣпь, задерживающая облака при проходѣ; тѣмъ не менѣе, толщину годоваго слоя дождей, выпадающихъ въ бассейнѣ Менама, исчисляютъ, приблизительно, въ полтора метра, слѣдовательно, количество дождевой воды тамъ вдвое больше, чѣмъ во Франціи. Иностранцы акклиматизируются только послѣ того, какъ перенесутъ сильный катарръ; однако, малярія тамъ менѣе опасна, чѣмъ въ Бенгаліи, Барманіи, на Явѣ и Суматрѣ.

Большинство растительныхъ видовъ тѣ же самые, что̀ и въ Барманіи; однако, китайская флора тамъ очень сильно представлена: физіономія растительнаго міра нечувствительными переходами постепенно измѣняется отъ Китая къ Индо-Китаю. То же самое нужно сказать и о животномъ царствѣ. Слоны очень многочисленны въ лѣсахъ Лаоса и въ нѣкоторыхъ частяхъ бассейна Менама; въ окрестностяхъ бывшей столицы Аютіа еще устроиваются большія королевскія охоты, и иногда сотни животныхъ излавливаются въ одну облаву. Лаосскіе слоны, какъ говорятъ, самые умные во всемъ Индо-Китаѣ, но сіамцы не умѣютъ ихъ такъ искусно дрессировать, какъ индусы. Извѣстно, что таи, также какъ ихъ сосѣди барманцы, питаютъ особенное почтеніе къ животнымъ альбиносамъ и преимущественно къ слонамъ, называемымъ „бѣлыми“, хотя они не всегда имѣютъ право на такое названіе: свѣтлый цвѣтъ глазъ и шерсти

на вискахъ считается достаточнымъ для того, чтобы эти животныя могли быть причислены къ священнымъ существамъ. Слонъ, у котораго глаза въ точности имѣютъ желаемую окраску, получаетъ титулъ царя; другіе, смотря по степени достигаемаго ими совершенства, принимаютъ почетныя имена, присвоенныя министрамъ, губернаторамъ и другимъ высокопоставленнымъ особамъ; бѣлыя обезьяны тоже пользуются титуломъ „высшихъ чиновъ", и къ ихъ услугамъ сановники государства. Сіамцы—самые ревностные буддисты послѣ тибетцевъ: они не убиваютъ ни одного животнаго, не разбиваютъ ни одного яйца, не ѣдятъ мяса иначе, какъ въ томъ случаѣ, если животное было убито другими, обыкновенно китайцами; но есть множество животныхъ, умерщвленіе которыхъ было бы дѣломъ преступнымъ. Воронъ—одна изъ птицъ, наиболѣе уважаемыхъ сіамцами, которые видятъ въ немъ сверхъестественное существо. На кровлѣ каждой хижины обитаетъ звѣрекъ тукъ-гай, родъ ящерицы игуаны, покрытый красными крапинками, похожими на гноевые прыщики; на него смотрятъ, какъ на покровителя дома, который онъ избавляетъ отъ насѣкомыхъ и крысъ; черезъ равные промежутки времени онъ испускаетъ крики или, вѣрнѣе сказать, рѣзкія ноты, въ родѣ звуковъ, издаваемыхъ сверчкомъ: это домашніе часы [1]). Высокіе муравейники термитовъ считаются священными у лаосовъ и даже у сіамскихъ буддистовъ, по причинѣ ихъ сходства съ пагодами, и во многихъ мѣстахъ нарочно ставятъ хижины рядомъ съ этими муравьиными пирамидами, видъ которыхъ приноситъ благополучіе; правда, что это сосѣдство можетъ быть гибельно дому, но когда все дерево избы съѣдено муравьями, то, при тамошнемъ обиліи лѣса, легко построить новыя хижины [2]). Миссіонеръ Брюгьеръ разсказываетъ, что въ его время талапуаны строили свои библіотеки посреди прудовъ и озеръ, дабы не имѣть надобности воевать съ термитами; они должны были распускать паруса, чтобы идти изучать книжную мудрость [3]). Міръ насѣкомыхъ представленъ въ странѣ Мюангъ-Тай безконечнымъ числомъ видовъ. По вечерамъ свѣтляки кружатся свѣтящимися тучами вокругъ деревьевъ; иногда они какъ будто составляютъ одно существо, и блескъ ихъ попеременно то угасаетъ, то снова вспыхиваетъ; атмосфера помрачается и озаряется черезъ правильные промежутки времени [4]). Вòды рѣки, какъ и вòды залива очень населены, и прибрежные жители ходятъ на баркахъ собирать рыбу, которая ловится, какъ въ огромный неводъ, въ сѣти корней ризофоръ или корнепусковъ [5]). Одинъ видъ ската „луна",

---

[1]) *Pallegoix*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Adolf Bastian* „Geographische und Ethnologische Bilder".
[3]) „Annales de la Propagation de la Foi", 1831.
[4]) *Engelbert Kämpfer* „Histoire du Japon"; *Pallegoix*, цитированное сочиненіе.
[5]) *Aug. Décugis* „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", juin, juillet 1880.

или круглянка, *tetraodon*, которая прицѣпляется къ килю кораблей, издаетъ отъ времени до времени жалобный крикъ. Различныя породы китообразныхъ, маленькіе киты, дельфины, морскія свиньи рѣзвятся стаями вокругъ плывущихъ судовъ; акулы поднимаются, съ приливомъ, по рѣкѣ до самаго Банкока и даже выше этого города. Сіамцы, какъ и барманцы, употребляютъ икру маленькихъ морскихъ раковъ (креветокъ) и рыбу, уже испортившіяся, для приготовленія нгапи, этой неизбѣжной приправы ихъ трапезы.

Жители Сіама почти всѣ принадлежатъ къ одной и той же расѣ: шаны, лаосы, или лаонцы, и сіамцы представляютъ лишь различныя подраздѣленія народа таи, болѣе или менѣе цивилизованныя, и одни изъ нихъ еще независимы, другіе состоятъ подъ властью королевской Барманіи, англійскаго правительства или государя, царствующаго въ Банкокѣ; многія племена Ассама, Манипура и Китая того же происхожденія и приближаются къ сіамцамъ нарѣчіями и физическими чертами. Шаны въ собственномъ смыслѣ очень многочисленны въ области барманскаго верховья Иравадди и ея китайскихъ притоковъ, на берегахъ Салуэна; кромѣ того, они переселились массами въ ту часть бассейна Ситтанга, которая сдѣлалась англійскою территоріей. Въ верхней Барманіи шаны называютъ себя тѣмъ же именемъ, какъ и ихъ единоплеменники въ Южномъ Юннанѣ: это пеи, или паи (пайи, паю); на берегахъ Иравадди они до такой степени смѣшались съ барманцами, что ихъ первоначальный типъ и языкъ почти совсѣмъ исчезли; въ сосѣдствѣ съ Китайскою имперіей есть также много такихъ, которые походятъ на китайцевъ желтоватымъ цвѣтомъ кожи и тонкими чертами лица; но главная масса населенія сохранила свои отличительныя черты. Нѣкогда они были настолько многочисленны, что образовали значительную имперію, но затѣмъ раздѣлились на нѣсколько мелкихъ государствъ, управляемыхъ патріархально главами, или цобуа, которые платятъ дань одному изъ сосѣднихъ королевствъ. Пеи, или сѣверные шаны, почти всѣ малорослы, а цвѣтъ кожи у нихъ немногимъ темнѣе, чѣмъ у европейцевъ; скошенность ихъ глазъ почти незамѣтна, но лицо у нихъ широкое, съ большими челюстями и выдающимися скулами, обрамленное черными, гладкими волосами. Выраженіе физіономіи вообще кроткое и задумчивое, почти меланхолическое; однако, они общительны, веселы въ разговорѣ и очень любятъ музыку; они играютъ на струнныхъ и духовыхъ инструментахъ, на гитарахъ, барабанахъ, флейтахъ и трубахъ. Обыкновенный цвѣтъ ихъ одежды — темно-синій, почти черный, извлекаемый изъ дикаго индиговаго дерева; широкій тюрбанъ, длиною около пятнадцати метровъ (21 аршинъ), обвивается вокругъ головы, ниспадая на затылокъ золотыми и шелковыми бахромами. Женщины носятъ

различныя серебряныя украшенія, діадемы, серьги, пуговицы, очень тонкой и отчетливой работы, которыя выдѣлываются въ самомъ краѣ. Въ нѣкоторыхъ долинахъ этою деликатною работой занимаются міряне, въ другихъ мѣстахъ духовные; хозяйки почти всѣ занимаются тканьемъ матерій, окраской ихъ и вышиваньемъ, и плетутъ изъ соломы разныя издѣлія съ такимъ же искусствомъ, какъ тосканки. Изъ этого видно, какъ мало заслуживаютъ шаны обиднаго имени „бѣлыхъ варваровъ“, которымъ ихъ награждаютъ китайцы: отличные земледѣльцы, они умѣютъ орошать свои поля при помощи каналовъ, остроумно спабженныхъ шлюзами и водоспусками. Въ то же время шаны очень искусные торговцы и пускаются очень далеко изъ своего родимаго края, развозя различные товары. Они имѣютъ собственную азбуку, и между ихъ буддійскими жрецами или ламами число ученыхъ довольно значительно [1]).

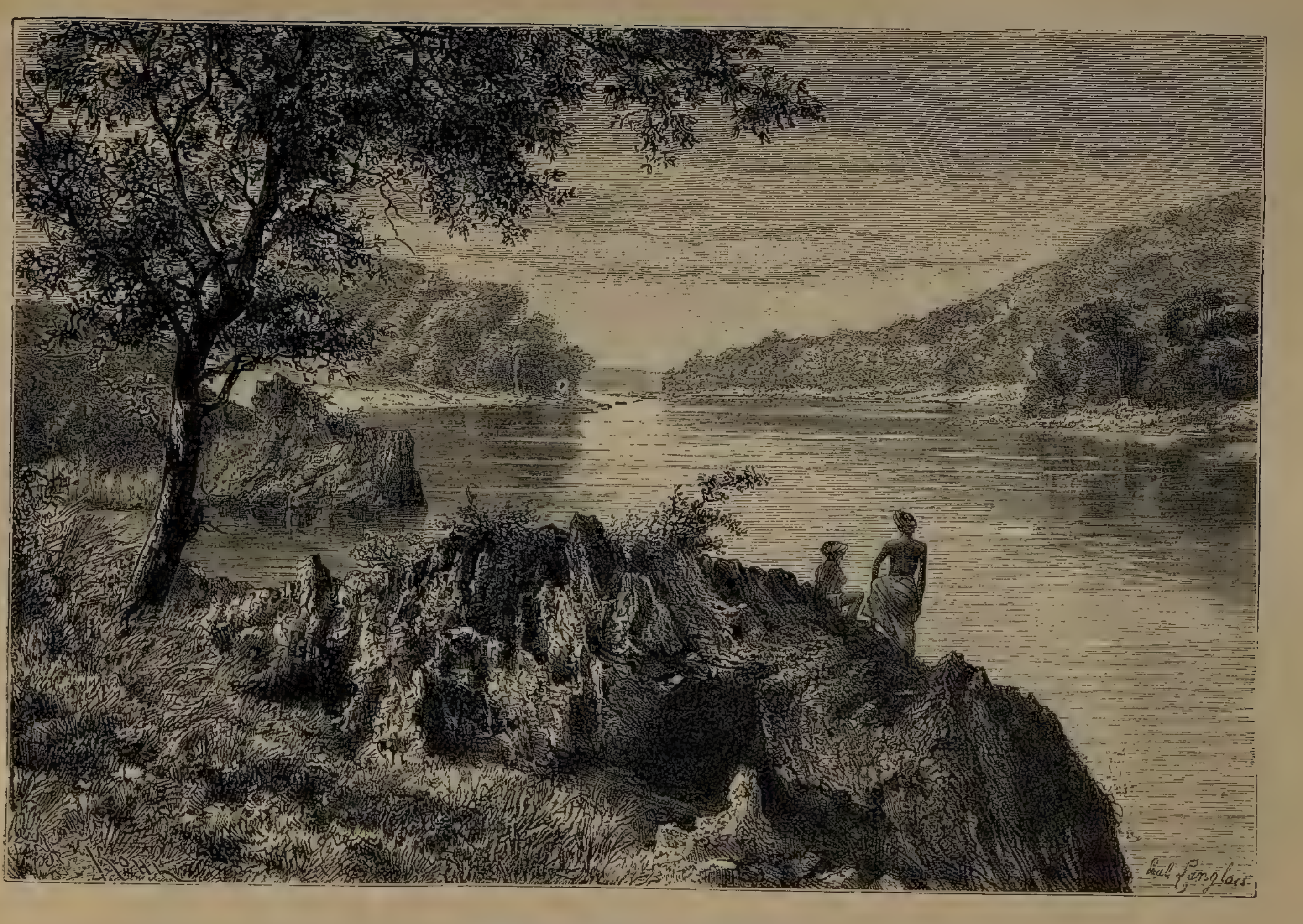
Лова, болѣе извѣстные подъ именемъ лаосовъ, или лаонцевъ, родственны шанамъ и живутъ въ сѣверныхъ областяхъ страны Сіамъ, въ особенности между Салуэномъ и Меконгомъ. Болѣе или менѣе смѣшанные съ дикими населеніями, они представляютъ большое разнообразіе типовъ, такъ что во многихъ мѣстахъ путешественникъ лишь съ трудомъ можетъ распознать, среди какой расы онъ находится въ дѣйствительности. Во всѣ времена, полководцы побѣдители имѣли привычку забирать массами всѣхъ жителей покоренной провинціи и уводить ихъ далеко отъ родины, вновь заселяя край плѣнными изъ другихъ опустошенныхъ областей; такимъ образомъ пароды распредѣлялись по разнымъ мѣстностямъ въ величайшемъ безпорядкѣ [2]). Земля Лаосъ дѣлится на королевства, начальники которыхъ, вассалы сіамскаго короля, обязаны присылать послѣднему черезъ каждые три года дань, состоящую изъ цвѣтковъ, серебра, золота и различныхъ произведеній своего края. Жители группируются въ три обособленныя разновидности: „бѣлые“, которые не татуируются, „черные“ и „зеленые“, которые употребляютъ эти цвѣта для окраски себѣ лица [3]); ихъ дѣлятъ также на „бѣлобрюхихъ“ и „чернобрюхихъ“ [4]). Эти послѣдніе, которые татуируются, разрисовывая себѣ животъ и ляжки цвѣтущими вѣтками, живутъ преимущественно около верховьевъ Менама; это наименѣе цивилизованные, и селенія ихъ очень рѣдко посѣщаются китайскими торговцами. По направленію къ югу замѣчается постепенный переходъ отъ лаонцевъ къ сіамцамъ; но въ округахъ, гдѣ первые сохранили чистоту своей расы, они превосходятъ южныхъ таевъ ростомъ, физическою силой, правильностью

[1]) *Anderson* „From Mandalay to Momien“; *Kreitner* „Im fernen Osten“; *Fr. Garnier* „Voyage d'exploration en Indo-Chine“.

[2]) *Harmand* „Les Races indo-chinoises“, „Mémoire de la Société d'Anthropologie“.

[3]) *Pallegoix* „Annales de la Propagation de la Foi“, 1835.

[4]) *Grandjean*, тотъ же сборникъ, янв. 1864 г.; *H. Mouhot* „Travels in Indo-China“.

ВИДЪ НА РѢКѢ САЛУЭНЪ.

чертъ лица. Въ долинахъ, спускающихся къ Меконгу, пропорція зобатыхъ весьма значительна; есть деревни, гдѣ всѣ женщины имѣютъ зобъ, и даже тщеславятся этимъ. Путешественникъ Муготъ говоритъ, что лаосы болѣе скромны, чѣмъ ихъ сосѣди сіамцы, менѣе докучливы, но за то менѣе вѣжливы и мало расположены оказывать гостепріимство; они охотно предаются торговлѣ, и каждое селеніе обладаетъ большимъ числомъ вьючныхъ слоновъ, до пятидесяти и даже до сотни головъ. Языкъ лаонцевъ, также какъ и языкъ шановъ, едва разнится отъ сіамскаго діалекта словаремъ, но выговоръ его мягче, такъ что его сравниваютъ съ щебетаньемъ птицъ; письменные его знаки отличаются отъ сіамскихъ [1]). Буддійскіе жрецы чрезвычайно многочисленны; въ долинѣ Меконга они, говорятъ, составляютъ восьмую часть населенія [2]).

Кемпферъ разсказываетъ, что въ его время лаонцы хвастались, что они научили сіамцевъ письму и языку священныхъ книгъ; но они сами признаютъ преобладающее вліяніе цивилизаціи, пришедшей изъ центральнаго царства, т. е. изъ Китая [3]). Почти всѣ предметы меблировки, находящіеся въ лаонскихъ домахъ прибрежныхъ деревень Меконга— китайскаго издѣлія, равно какъ и этикетъ, соблюдаемый придворными мелкихъ государей Лаоса, заимствованъ у китайцевъ; гражданскій порядокъ семейства регулируется законами Срединной имперіи, также какъ въ наибольшей части Полуострова. Только богатые люди имѣютъ по нѣскольку женъ, изъ которыхъ первая носитъ титулъ законной супруги и командуетъ другими сожительницами своего мужа; знатныя особы придаютъ большую цѣну чистотѣ благородной крови, и дѣти отъ жены низкаго происхожденія не могли бы наслѣдовать главѣ лаонскаго государства. Въ прежнее время, до оффиціальной отмѣны рабства на всемъ пространствѣ Сіама, богатые лаонцы владѣли многочисленными невольниками, военноплѣнными, несостоятельными должниками или уголовными преступниками [4]), и употребленіе порабощенныхъ рукъ дѣлало трудъ позорнымъ занятіемъ. На Меконгѣ, тамъ, гдѣ мандарины имѣютъ еще цѣлыя полчища слугъ, съ которыми они, впрочемъ, обращаются хорошо, лѣность составляетъ національный порокъ, тогда какъ во внутреннихъ округахъ, гдѣ каждый трудится для самого себя, населеніе вообще очень дѣятельно и не менѣе шановъ трудолюбиво въ земледѣльческихъ работахъ и различныхъ ремеслахъ [5]). Подобно шанамъ и барманцамъ, лаонцы очень искусно дѣлаютъ музыкальные инструменты, и ихъ національныя аріи отличаются трогательною нѣжностью.

[1]) *Pallegoix*; *Bigandel*; *Bastian*.
[2]) *Harmand*, цитированный мемуаръ.
[3]) „Histoire du Japon".
[4]) *Fr. Garnier* „Voyage d'exploration en Indo-Chine".
[5]) *Thomson* „Dix années de voyages"; *Pallegoix*, и т. д.

Сіамцы въ собственномъ смыслѣ населяютъ область морскаго прибрежья; это самые цивилизованные изъ таевъ, но не самые чистокровные, ибо къ нимъ примѣшались весьма различные этническіе элементы, постоянно привлекаемые въ край торговыми сношеніями; всего болѣе способствовали видоизмѣненію тайскаго типа китайцы, барманцы, малайцы. По этимологіи, предлагаемой въ самой странѣ, имя Саямъ или Сіамъ означаетъ, будто бы, „Три", потому что нѣкогда край былъ населенъ тремя расами, которыя съ теченіемъ времени слились въ одну націю; другіе производятъ это названіе отъ словъ *сая, сама, само*, означающихъ соотвѣтственно: „самобытные", „смуглые", „темнокожіе". Но не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно смысла наименованія таи, которымъ сіамцы всего чаще обозначаютъ себя: слово это значитъ „свободные люди", такъ сказать, „франки" Индо-Китая [1]).

Взятые въ массѣ, сіамцы средняго роста и пропорціонально сложены, цвѣтъ кожи у нихъ смуглый, желтоватый, глаза черные и широко раскрытые, лицо нѣсколько широкое, но не на столько плоское, чтобы ихъ можно было причислить къ такъ называемому „монгольскому" типу. Мужчины имѣютъ рѣдкую бороду, которую они очень тщательно выщипываютъ, а изъ волосъ сохраняютъ только круглую щетку на вершинѣ головы; женщины тоже сбриваютъ свою шевелюру, оставляя только пучекъ, менѣе широкій и менѣе высокій, чѣмъ у мужчинъ, но закругленный въ видѣ пламени и проткнутый золотою или серебряною булавкой. Большинство дѣтей, съ ихъ живыми глазами, радостными, улыбающимися лицами, гибкими, свѣжими членами, съ чернымъ пучкомъ волосъ на головѣ, убраннымъ цвѣтами и драгоцѣнными украшеніями, такъ милы и прелестны, что ими просто залюбуешься; но, выростая, они много теряютъ своей граціи и красоты: въ глазахъ европейца, сіамцы—народъ крайне непригожій, „обезьяноподобный", и заботливость, съ которою они чернятъ себѣ зубы, еще болѣе усиливаетъ ихъ безобразіе. Что касается костюма, то онъ въ одно и то же время простъ и красивъ: онъ состоитъ изъ передника лангути и изъ куска матеріи, драпировки, которую мужчины закидываютъ черезъ плечо, а женщины обвиваютъ вокругъ бюста, на манеръ сари, носимаго индусками. Въ цѣломъ, таи гораздо болѣе походятъ на китайцевъ, нежели на индусовъ и малайцевъ, и однако, ихъ физіономія, ихъ нравы, ихъ образъ мыслей представляютъ индійскія черты, такъ ясно охарактеризованныя, что сіамская нація оправдываетъ до извѣстной степени свои притязанія на происхожденіе отъ брамановъ [2]). Сіамцы очень метко и справедливо называются „индо-китайцами": все у нихъ, маперы, обычаи, учрежденія гражданскія

---

[1]) *Ad. Bastian*, „Reisen in Siam im Jahre 1863".
[2]) *Bastian*, цитированное сочиненіе.

и духовныя, носитъ на себѣ этотъ двоякій характеръ. Празднества ихъ — браманическаго происхожденія, тогда какъ образъ правленія и законы, очевидно, составляютъ заимствованія, сдѣланныя когда-то изъ китайскихъ учрежденій. Языкъ, какъ и другіе главные идіомы Индо-Китая, моносиллабическій и не содержитъ многосложныхъ словъ, кромѣ тѣхъ, которые заимствованы изъ чужихъ говоровъ: оттого рѣчь понимается только посредствомъ пѣнія словъ, произносимыхъ съ различною интонаціей, сообразно ихъ значенію; тоновъ, аналогичныхъ китайскому *шину*, которые употребляются въ разговорѣ, въ сіамскомъ языкѣ пять, включая сюда и прямой тонъ [1]).

Но если этотъ языкъ имѣетъ сродство съ китайскимъ по происхожденію и произношенію, то азбука, гдѣ каждый звукъ, гласный и согласный, изображается соотвѣтственнымъ знакомъ—несомнѣнно индійскаго происхожденія; правда, что эти знаки могутъ разнообразно комбинироваться и представлять всѣ слова, такъ что алфавитъ превращается въ словарь. Но образованному сіамцу недостаточно знать свой собственный языкъ; онъ долженъ также пользоваться выраженіями языка пали (бали) въ возвышенномъ стилѣ, когда онъ обращаетъ свою рѣчь къ талапуанамъ и къ жрецамъ; въ важныхъ обстоятельствахъ онъ старается, такъ сказать, сдѣлаться индусомъ по языку, какъ бы для того, чтобы напомнить о своемъ браманическомъ происхожденіи.

Сіамцы, по бо̀льшей части, отличаются необыкновенною кротостью и замѣчательнымъ терпѣніемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и недостаткомъ иниціативы; они хорошо и регулярно дѣлаютъ привычную работу, но не на столько изобрѣтательны, чтобы придумывать новые пріемы и способы труда. Нѣтъ народа, болѣе гостепріимнаго, болѣе человѣколюбиваго, чѣмъ сіамцы; бѣднымъ вездѣ оказывается помощь, а путники находятъ на дорогахъ пристанища, гдѣ они могутъ сварить себѣ кушанье и переночевать; рекомендуемое буддистами правило ставить вдоль дороги сосуды съ свѣжею водой для того, чтобы прохожіе могли утолять жажду, нигдѣ не соблюдается лучше, чѣмъ въ Сіамѣ. Преступленія противъ личности чрезвычайно рѣдки и ссоры гораздо менѣе часты, нежели въ городахъ Запада; въ этомъ отношеніи истинная цивилизація находится скорѣе въ старой Азіи, чѣмъ въ юной Европѣ; врожденная вѣжливость и любезность, происходящая отъ взаимнаго доброжелательства, составляетъ общую черту сіамцевъ. Къ сожалѣнію, къ естественной учтивости между равными примѣшиваются разныя приторно-вѣжливыя, раболѣпно-льстивыя формулы, предписываемыя режимомъ неограниченной власти; нравы испорчены лживостью, единственнымъ оружіемъ слабыхъ противъ произвола высшихъ. По природѣ склонные къ повиновенію, проникнутые

[1]) *Pallegoix* „Description du royaume Thaï ou Siam“.

тѣмъ духомъ сыновней любви и почтенія къ родителямъ, который сдѣлался основой китайской морали, сіамцы не чувствуютъ себя солидарными съ угнетаемыми: они преклоняются передъ несправедливостью, передъ кривдою, какъ передъ велѣніемъ неотвратимаго рока. Впрочемъ, бо̀льшая часть ихъ существованія проходитъ въ празднествахъ; мало найдется странъ, гдѣ бы правильное теченіе обыденныхъ работъ прерывалось болѣе многочисленными общественными увеселеніями. Можетъ быть, единственные между народами земнаго шара, сіамцы имѣютъ спеціальный праздникъ, посвященный заботамъ о чистоплотности: въ этотъ день дѣти обмываютъ своихъ родителей, ученики своихъ учителей, а прохожихъ обливаютъ цѣлыми ведрами воды [1]). Въ Сіамѣ, также какъ и въ Барманіи, на браманахъ лежитъ обязанность составлять календарь и вычислять дату пятнадцати большихъ годовыхъ праздниковъ. Это единственный остатокъ власти, присвоенный нѣкогда просвѣтителямъ страны.

Сіамъ есть та страна Индо-Китая, гдѣ буддизмъ наименѣе подвергался примѣси чуждыхъ религіозныхъ элементовъ; онъ не выродился тамъ въ грубое шаманство, какъ въ долинахъ Гималаевъ, на плоскогорьяхъ Тибета и особенно въ степяхъ монголовъ и въ лѣсахъ сибирскихъ инородцевъ; равнымъ образомъ онъ держался въ сторонѣ и отъ индусскаго идолопоклонства, по крайней мѣрѣ, въ новѣйшую эпоху, ибо въ изваяніяхъ многихъ храмовъ Лаоса замѣчается, какъ и въ религіозныхъ зданіяхъ Камбоджи, безпорядочное смѣшеніе буддійскихъ и браманическихъ мотивовъ [2]). Въ это послѣднее время сіамскій король даже сталъ придавать серьёзное значеніе своей роли „защитника вѣры", и теперь поддерживается постоянная корреспонденція между банкокскимъ дворомъ, другими азіатскими правительствами и историками „Великаго ученія", которые дѣятельно ведутъ свои изслѣдованія, посѣщая для этой цѣли даже европейскія библіотеки. Каждый сынъ семейства долженъ пройти черезъ монашеское состояніе; въ возрастѣ отъ двадцати до двадцати одного года молодые люди поступаютъ въ монастырь, совлекаютъ тамъ съ себя городскую одежду и отрекаются, на время затворничества, отъ своего ранга и достоинствъ. Сами короли подчинены этому правилу и по выходѣ изъ монастыря, они должны снова короноваться [3]); но и послѣ того они остаются великими жрецами и должны пещись о благосостояніи монастырей. Сіамская нація расходуетъ ежегодно свыше 100 милліоновъ франковъ на содержаніе жрецовъ и монаховъ; пропорціонально, это бюджетъ вѣроисповѣданій, далеко превосходящій тотъ же бюджетъ Франціи. Такъ называемые *ватъ-луанъ*, или „королевскіе монастыри", построенные на средства короля, т. е. націи, составляютъ

---

[1]) *Adolf Bastians* „Reisen in Siam im Jahre 1863".
[2]) *Adolf Bastian* „Geographische und Ethnologische Bilder".
[3]) *Pallegoix; Thomson; Bastian; Beauvoir.*

совокупность зданій, высоко поднимающихъ надъ деревьями или домами свой двойной или тройной этажъ пирамидъ и шпицевъ, покрытыхъ изразцами и увѣшанныхъ колокольчиками, которые мѣрно звонятъ, покачиваемые дуновеніемъ бризы; рядомъ съ пагодой, монастыри, дворы, сады, пруды, часовни и поля составляютъ цѣлую область: это *вигинъ*, подобный вигарѣ (вигаръ, бигаръ) древней Индіи, священное пространство, мѣсто убѣжища, гдѣ могутъ безопасно укрываться самые тяжкіе преступники; впрочемъ, то же самое допускается въ католическихъ церквахъ [1]). Другіе монастыри, менѣе обширные,—это, во-первыхъ, *ватъ-хуннанъ*, или дворянскіе монастыри, и *ратсадонъ*, или монастыри для простаго народа, которые сооружаются на средства, собираемыя путемъ добровольной подписки; большинство ихъ меньше размѣрами, но богаче украшеніями, чѣмъ подобныя зданія въ Барманіи, а въ сравненіи съ мизерными пагодами Китайской имперіи, это великолѣпные памятники религіознаго зодчества; заключающіяся въ нихъ сокровища составляютъ наибольшую долю національнаго сбереженія. Золотыя статуи, блистающія драгоцѣнными каменьями, не рѣдки въ храмахъ, но между скульптурными произведеніями, украшающими внутренность святилищъ и ихъ перистили, есть не мало такихъ, которыя вовсе не имѣютъ религіознаго характера; отличаясь полнѣйшею вѣротерпимостью, буддійскіе монахи дали у себя убѣжище многимъ изображеніямъ чужеземнаго происхожденія. Такъ, Бастіанъ видѣлъ тамъ статую Наполеона рядомъ съ идоломъ Будды, а между гравюрами, развѣшанными по стѣнамъ, попадаются такія, которыя представляютъ европейскіе парады и сраженія [2]).

Правила, которыя обязаны соблюдать сіамскіе монахи, такъ многочисленны, что если бы имъ не помогали монастырскіе служители и послушники, то жизнь ихъ была бы невозможна. Имъ воспрещено копать землю, изъ уваженія къ этой стихіи, и слѣдовательно, они не могутъ ни сажать, ни сѣять. Талапуанъ, варящій рисъ, грѣшитъ, потому что умерщвляетъ сѣмена растенія; равнымъ образомъ ему запрещено ѣсть зерна, которыя могли бы еще пустить ростки; не дозволяется влѣзать на дерево, ибо онъ могъ бы поломать вѣтки. Зажигая огонь, онъ совершаетъ грѣхъ, потому что уничтожаетъ топливо; но и когда гаситъ пламя, тоже грѣшитъ; равнымъ образомъ и ковать желѣзо считается грѣхомъ, такъ какъ при ковкѣ летятъ искры [3]). Главное предписаніе буддійскаго закона—уважать жизнь животныхъ, и эту заповѣдь талапуаны соблюдаютъ съ величайшею скрупулезностью. Даже міряне считаютъ грѣхомъ раздавить муравья или муху; съ ихъ принципами, они не имѣютъ

[1]) *Bruguière* „Annales de la Propagation de la Foi“, 1831.

[2]) *Ad. Bastian* „Reisen in Siam im Jahre 1863“.

[3]) *La Loubère*, „Description du royaume de Siam“; „Journal des Missions évangéliques“, 1854.

другой защиты противъ паразитовъ, кромѣ частыхъ ваннъ и изысканной чистоплотности. Въ извѣстныя эпохи богатые люди покупаютъ цѣлыя барки, наполненныя рыбой, чтобы сдѣлать доброе дѣло, пуская пойманную рыбу обратно въ рѣку; два раза въ годъ охота и рыбная ловля безусловно воспрещены. Но внѣшнія формы составляютъ почти всю религію. При видѣ храмовъ, такъ богато украшенныхъ, можно подумать, что населеніе проникнуто горячею ревностью къ вѣрѣ; но ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности; индифферентизмъ въ религіозныхъ дѣлахъ составляетъ общее явленіе. Храмы и святыни мало посѣщаются, и если жрецы раздѣляютъ съ царствующими особами эпитетъ *прахъ*, или „великихъ", то это не болѣе, какъ условная общепринятая форма рѣчи; они вообще не пользуются большимъ уваженіемъ; ихъ обвиняютъ въ томъ, что они преступаютъ бо̀льшую часть статей своего кодекса. Если бы ихъ не считали за чародѣевъ, они потеряли бы всѣхъ своихъ кліентовъ и ихъ постоянные призывы къ благочестивымъ пожертвованіямъ, призывы, на которые еще недавно всѣ охотно откликались, оставались бы безъ всякаго отвѣта [1]).

Какъ и въ Индіи, молодые люди женятся и выходятъ замужъ очень рано. Съ двѣнадцатилѣтняго возраста дѣвушка считается уже возмужалою, и ей ищутъ мужа; въ случаѣ, если таковаго не находится, родители прибѣгаютъ къ простому средству—къ продажѣ дочери тому, кто больше предложитъ. Рѣдко бываетъ, чтобы бракосочетаніе сопровождалось какими-либо религіозными церемоніями; только въ тѣхъ случаяхъ, когда брачные союзы заключаются между лицами, принадлежащими къ богатому обществу, приглашаютъ талапуановъ прочитать извѣстныя молитвы за молодую чету и окропить ее святою водой. Разводы устроиваются такъ же просто, какъ и свадьбы: достаточно, чтобы одинъ изъ супруговъ потребовалъ разлученія. Когда чета имѣетъ дѣтей, ихъ дѣлятъ поровну между разводящимися родителями, но первый выборъ предоставленъ матери; когда отъ брачнаго союза произошелъ только одинъ ребенокъ, мать беретъ его себѣ. Женщины вообще пользуются свободой и почетомъ; онѣ принимаютъ участіе въ управленіи общихъ дѣлъ, выходятъ изъ дому совершенно свободно, какъ европейки, ходятъ на рынокъ и въ гости безъ всякаго надзора со стороны мужа; но недавно тѣ изъ супругъ, которыя, вмѣсто того, чтобы принести за собою приданое, были куплены мужемъ, могли быть перепроданы имъ другому лицу. Каждый годъ такимъ образомъ много женъ попадало въ рабство. Въ половинѣ настоящаго столѣтія число невольниковъ всякаго рода, женъ, проданныхъ мужьями, должниковъ, отданныхъ въ кабалу кредиторамъ, преступниковъ, лишенныхъ свободы за содѣянную вину, было такъ велико, что составляло,

---

[1]) *Pallegoix* „Description du royaume de Thaï ou Siam".

приблизительно, около четверти всего населенія. Королевскимъ декретомъ рабство отмѣнено, начиная съ 1872 года. Медленный приростъ народонаселенія, замѣчаемый прежде въ Сіамѣ, происходилъ именно отъ существованія рабства: толпа невольниковъ не могла вступать въ бракъ, а въ полигамическихъ брачныхъ союзахъ мандариновъ бо̀льшая часть женъ оставались бездѣтными [1]).

Число жителей увеличивается, главнымъ образомъ, вслѣдствіе иммиграціи китайцевъ изъ Фокіена, Куанъ-туна, Сингапура. Точной статистики относительно этихъ пришельцевъ еще не составлено и различныя приблизительныя исчисленія опредѣляютъ цифру ихъ отъ 400.000 до 1.500.000 душъ; но нужно замѣтить, что вообще склонны преувеличивать численность ихъ колоній, по причинѣ значительной роли, которую играютъ эти переселенцы, какъ купцы, банкиры, концессіонеры монополій, промышленники всякаго рода; нѣкоторыя профессіи совершенно сосредоточены въ ихъ рукахъ. Въ нѣкоторыхъ внутреннихъ областяхъ государства всѣ торговыя сдѣлки совершаются черезъ ихъ посредство, а между жителями многихъ городовъ морскаго прибрежья меньше сіамцевъ, нежели китайцевъ и метисовъ китайскаго происхожденія. Гораздо болѣе дѣятельные и предпріимчивые, чѣмъ туземцы, желтолицые „сыны Гана" употребляютъ въ дѣло громадные естественные источники страны и извлекаютъ наиболѣе выгодъ изъ ихъ эксплуатаціи; но, съ другой стороны, эти же пришлые обитатели Мюанъ-Тая создаютъ правительству наибо̀льшія затрудненія; среди этихъ переселенцевъ часто вспыхивали мѣстныя возмущенія, и правительству приходилось посылать многочисленныя военныя экспедиціи на берега полуострова Малакки, гдѣ китайскія колоніи отличаются стремленіемъ къ политической независимости. Китайцы вообще гораздо менѣе привязаны къ своей религіи, чѣмъ сіамцы, и между ними миссіонеры, католическіе и протестантскіе, дѣлаютъ всего болѣе обращеній въ христіанскую вѣру; но „сыны Гана" и сами тоже обращаютъ жителей края на свой ладъ: они научили туземцевъ употребленію опіума, и теперь этотъ порокъ сдѣлался общимъ. Что̀ касается японцевъ, прежде многочисленныхъ въ королевствѣ и населявшихъ цѣлыя деревни, то они по бо̀льшей части слились съ кореннымъ населеніемъ; лучшіе солдаты государей Мюанъ-Тая принадлежали нѣкогда къ этой націи [2]). Колоніи талайновъ, или пегуанцевъ, значительны; эти иммигранты доставляютъ преимущественно плясуновъ для большихъ мѣстныхъ праздниковъ. Сіамскіе актёры считаются лучшими во всемъ Индо-Китаѣ. На ихъ театрахъ женскія роли исполняются лицами женскаго пола, тогда какъ на китайскихъ сценахъ онѣ всегда поручаются молодымъ мальчикамъ [3]).

[1]) *Pallegoix*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Eug. Kämpfer* „Histoire du Japon".
[3]) *Adolf Bastian* „Geographische und Ethnologische Bilder".

Между различными народностями, населяющими Сіамскую имперію, слѣдуетъ также упомянуть тѣ, которыя получили общія наименованія ха и хетъ. Имя ха примѣняется сіамцами къ многочисленнымъ дикимъ племенамъ страны за Меконгомъ; къ тѣмъ же самымъ недисциплинированнымъ народцамъ, которыхъ камбоджане называютъ пномъ или пнонгъ, кохинхинцы—мой, жители Тонкина—мьонъ или мюонгъ. Этотъ терминъ ха, составляющій теперь этническое названіе, первоначально имѣлъ смыслъ „невольника", ибо именно эти племена, живущія въ постоянной войнѣ, снабжаютъ плѣнниками рынки Камбоджи и пополняютъ собою ряды класса рабовъ, которымъ прежде давали также прозвище „собакъ". Однако, имя ха постепенно утрачиваетъ смыслъ обидной клички, съ тѣхъ поръ, какъ многіе невольники, уроженцы этихъ племенъ, возвысились до высшихъ должностей въ государствѣ. Что касается бармандевъ, то они тоже сдѣлали слово „ха" приставкой къ имени многихъ народцевъ, между прочимъ, къ имени народца кьенъ (ха-кьенъ, какьенъ), обитающаго на границѣ Юннана, не въ смыслѣ рабовъ, а въ смыслѣ варваровъ. Въ ихъ глазахъ ха—это люди, происшедшіе не отъ божественнаго Брамы, а родившіеся изъ корней или камней. Имя хекъ, примѣняемое преимущественно къ малайцамъ и особенно къ тѣмъ, которые живутъ въ предѣлахъ Сіамскаго государства, значитъ просто „чужеземцы"; такъ, говорятъ о хекъ-гинду (индусы), хекъ-малаю (малайцы), хекъ-ява, кшава или чвеа, т. е. яванцы. Такъ какъ почти всѣ эти иностранцы — магометане, то исламъ тоже понимается подъ общимъ именемъ хекъ, и тѣ изъ послѣдователей пророка, которые пришли изъ Аравіи или Турціи и которыхъ ихъ ортодоксальность ставитъ въ мнѣніи единовѣрцевъ гораздо выше мусульманъ голландской Индіи, хвастаются своею страной „Румъ" (т. е. Римъ, такъ какъ Константинополь называли „Новымъ Римомъ"). Такимъ образомъ, то же самое имя Римъ, принимаемое въ столькихъ различныхъ значеніяхъ и употребляемое на Западѣ для обозначенія антагонизма съ исламомъ, составляетъ, напротивъ, предметъ гордости для магометанъ крайняго Востока, которые тоже предъявляютъ на него свои права.

Населеніе Сіама, исчисляемое, приблизительно, по расамъ:

Сіамцы	2.000.000
Китайцы	1.500.000
Лаосы	1.000.000
Малайцы	500.000
Камбоджане	300.000
Карены, ха и пр.	200.000
Пегуанцы	50.000

„Властелинъ земли" или „властелинъ жизни", какъ величаютъ короля сіамскаго, пользуется неограниченною самодержавною властью;

онъ владѣетъ землями своего государства на полномъ правѣ собственности и можетъ во всякое время прогнать съ нихъ жителей; если „вольные люди", какъ называютъ себя сіамцы, пользуются деревьями и растеніями, водой, камнями и всѣмъ, что находится въ предѣлахъ имперіи, то единственно потому, что государь соблаговолилъ дозволить имъ это пользованіе въ день своего вѣнчанія на царство [1]). Онъ располагаетъ также жизнью своихъ подданныхъ, и если ему угодно назначить судей для наложенія наказаній, вмѣсто того, чтобы просто отрубать головы, то это чистая милость, проистекающая изъ его неизреченнаго благодушія. Сумма всѣхъ налоговъ и податей, таможенныхъ сборовъ, пошлинъ на товары, доходовъ отъ монополій или регалій, даней отъ вассальныхъ королевствъ поступаетъ полностью въ королевскую казну и государь распоряжается ею по своему усмотрѣнію, или для цѣлей общественнаго блага, или для собственнаго удовольствія. Король можетъ назначить себѣ преемника, даже внѣ своей фамиліи; но если онъ не опредѣлилъ порядокъ престолонаслѣдія, то корона переходитъ къ старшему сыну. Всѣ чиновники государственной службы должны присягать ему въ вѣрности, выпивъ клятвенной воды, въ которую былъ обмокнутъ королевскій мечъ и которая должна превратиться въ отраву для того, кто не сдержитъ обѣщанной вѣры и правды. Торжество коронаціи сопровождается многочисленными празднествами, всѣ церемоніи которыхъ символизируютъ вступленіе государя во владѣніе землей, водой и воздухомъ. Особенно процессія принятія во владѣніе водной стихіи представляетъ необыкновенно оригинальное зрѣлище: королевскій кортежъ состоитъ, по малой мѣрѣ, изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, плывущихъ на баркахъ всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ, представляющихъ разныхъ животныхъ, реальныхъ или фантастическихъ. Но какъ ни властенъ самодержавный повелитель Сіамской имперіи, окружающій себя, наравнѣ съ богами, „сонмомъ ангеловъ", власть его, однако, ограничена книгой церемоніала. Также какъ китайскій императоръ, который служилъ примѣромъ всѣмъ монархамъ крайняго Востока и которому Сіамъ прежде платилъ дань, король Мюанъ-Тая долженъ согласовать свою жизнь съ предписаніями книги, которая напередъ опредѣляетъ все его поведеніе, указываетъ моментъ каждаго изъ его ежедневныхъ дѣйствій, диктуетъ ему слова, которыя онъ долженъ произносить во время большихъ празднествъ, какъ, напримѣръ, на праздникѣ земледѣлія. Не давая себя ослѣплять блескомъ всего окружающаго его тронъ, самодержецъ долженъ понимать суетность своей власти. Когда его министры вручатъ ему послѣдовательно всѣ знаки царскаго достоинства, онъ встаетъ и произноситъ проповѣдь о смерти и ничтожествѣ всего человѣческаго.

[1]) *Pallegoix*, цитированное сочиненіе.

Второй король, всегда близкій родственникъ перваго, пользуется титуломъ и нѣкоторыми аттрибутами королевскаго достоинства, но не властью, и придворные его назначаются истиннымъ государемъ; главная его роль въ правительственномъ организмѣ состоитъ въ томъ, чтобы быть отцомъ королевы, ибо „властелинъ земли“ не можетъ вступать въ неравный бракъ съ женщинами не царской крови. Недавно существовало еще третье лицо, носившее также титулъ короля. Эта двойственность или тройственность королевскаго достоинства не есть учрежденіе исключительно сіамское; во многихъ другихъ государствахъ Индо-Китая короли тоже раздѣляли между собою власть и претендовали на господство надъ стихіями: первый властвовалъ надъ огнемъ, второй—надъ водой [1]). Можно бы подумать, что совмѣстное существованіе двухъ королей должно подавать поводъ къ частымъ дворцовымъ революціямъ, но сила преданія такъ велика, такъ непоколебима, что уже цѣлые вѣка не бывало примѣра, чтобы миръ былъ нарушенъ между двумя государями. Приняты предосторожности, чтобы первый король не имѣлъ причинъ опасаться своего зятя: дочерямъ его запрещено выходить замужъ; онѣ заключаются въ ограду, сады которой—настоящій „рай земной“, представляющій всѣ чудеса и достопримѣчательности внѣшней природы, но, тѣмъ не менѣе, жизнь въ этомъ раю походитъ на жизнь монастыря. Въ случаѣ нарушенія устава затворничества, принцессу зашиваютъ въ кожаный мѣшокъ и бросаютъ въ рѣку. Когда принцы осуждаются на смерть, ихъ убиваютъ палками изъ сандальнаго дерева; уваженіе къ царской крови не позволяетъ проливать ее, какъ кровь простыхъ смертныхъ [2]).

Королевскій совѣтъ состоитъ изъ четырехъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, военнаго и морскаго; кромѣ того, существуетъ родъ сената, въ которомъ засѣдаютъ десятка два главныхъ мандариновъ. Нѣкоторые изъ принцевъ возводятся на высшія должности въ государствѣ, но большинство, содержимое на средства ихъ родственника государя, ведетъ праздную и разгульную жизнь; нѣкоторые, однако, занимаются торговлей, или даже избираютъ себѣ какую-нибудь профессію или ремесло. Вообще, высшія государственныя должности наслѣдственны, но дворянство не наслѣдственно; титулы, жалуемые королемъ, всегда имѣютъ личный характеръ. Оклады жалованья, платимые казной, очень скудны, недостаточны даже въ этой богатой странѣ, гдѣ всѣ продукты такъ дешевы; но мандарины вознаграждаютъ себя кормленьемъ; они, по мѣстному выраженію, имѣютъ привычку „создавать себѣ тучныя нивы на спинѣ народа“, обращая въ свою пользу тяжелый барщинный трудъ, налагаемый на подданныхъ. Чиновники могутъ все

[1]) *Kämpfer*; *Pallegoix*; *Bastian*; *Gréhan*.
[2]) *Adolf Bastian* „Geographische und Ethnologische Bilder“.

ТИПЫ И КОСТЮМЫ СІАМЦЕВЪ.

подволять себѣ въ странѣ, гдѣ подданные клеймятся, какъ домашній скотъ, татуировкой на предплечьи, чтобы установить оффиціально ихъ соціальное состояніе и гдѣ китайскіе иммигранты носили на кисти руки королевскую печать, замѣнявшую квитанцію въ уплатѣ податей [1]). Недавно было въ обычаѣ въ Сіамскомъ королевствѣ, какъ въ Барманіи, въ Палестинѣ въ эпоху судей и въ Западной Европѣ въ первыя времена среднихъ вѣковъ, класть фундаментъ памятниковъ и особенно городскихъ воротъ на тѣлахъ уголовныхъ преступниковъ или военноплѣнныхъ [2]). Законы примѣняются съ большою строгостью и принципъ китайской юриспруденціи, возлагающій на семью, деревню, цѣлую часть города, на все населеніе коллективную отвѣтственность за всякій проступокъ, преступленіе или несчастный случай, соблюдается сіамскими мандаринами съ неумолимою суровостью. Сограждане зорко наблюдаютъ другъ за другомъ, изъ опасенія, чтобы, изъ за провинности одного, всѣмъ не попасть въ какую-нибудь бѣду.

Такъ какъ всѣ сіамцы, жители королевства, разсматриваются, какъ рабы государя, то послѣдній можетъ забирать ихъ по своему произволу въ ряды арміи, какова бы ни была ихъ профессія; однако, и въ этомъ отношеніи установились нѣкоторыя традиціи, въ силу которыхъ воинская повинность падаетъ спеціально на извѣстные классы общества Такъ, плотники по обязанности идутъ въ военную службу, равно какъ и переселенцы изъ Пегу. Королю требуются, главнымъ образомъ, работники для постройки его дворцовъ и пагодъ, болѣе чѣмъ бойцы, чтобы нести пламя войны въ чужія страны; оттого солдаты набираются между искусными рабочими. Искусные ремесленники всего болѣе подвергаются риску быть призванными въ ряды войска или во главу ротъ, въ качествѣ инструкторовъ; впрочемъ, отпуски даются черезъ каждыя двѣ недѣли или черезъ каждые два мѣсяца. Недавно королевская гвардія состояла изъ „неуязвимыхъ", т. е. изъ солдатъ, которыхъ амулеты и пластинки драгоцѣннаго металла, введенныя подъ верхнюю кожицу, должны были дѣлать невредимыми и предохранять отъ ударовъ сабель и ножей; если одинъ изъ такихъ „неуязвимыхъ" былъ осуждаемъ на смерть, то отдавался приказъ талапуанамъ уничтожить своими заговорами силу предохраняющей чары [3]). Батальонъ женщинъ отправляетъ караульную службу во внутреннихъ аппартаментахъ королевскаго дворца и парадируетъ на большихъ церемоніяхъ. Серьёзная армія, состоящая изъ пѣхоты и артиллеріи, организуется въ настоящее время подъ руководствомъ европейскихъ офицеровъ, и цѣлый флотъ вооруженныхъ пароходовъ защищаетъ теперь входъ въ рѣку и подходы къ берегамъ.

[1]) *Pallegoix*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Bruguière*; *Alabaster* „The Wheel of the Law"; *A. Bastian* „Reisen in Siam".
[3]) „Nouveau Journal Asiatique", II. XLIV.

Большинство иностранцевъ, которыхъ сіамское правительство употребляетъ для управленія своими сухопутными и морскими военными силами, состоитъ изъ англичанъ; британское вліяніе смѣнило вліяніе Китая. Это англичане ввели въ Мюанъ-Таѣ систему монополій, устроивъ ее по образцу системы, господствующей въ Индіи; это они побуждаютъ правительство преобразовывать, къ ихъ выгодѣ, таможенные порядки. По ихъ почину, тяжелыя натуральныя повинности мало-по-малу перелагаются въ денежныя, и благодаря имъ же въ особенности, учрежденіе рабства было оффиціально отмѣнено. Наконецъ, они успѣваютъ даже измѣнять церемоніи вѣжливости, и подъ ихъ вліяніемъ пожатіе руки смѣнило прежній обычай поверженія къ стопамъ. Оффиціальная газета, „The Bangkok Recorder", издается на двухъ языкахъ—сіамскомъ и англійскомъ, и молодые принцы посылаются, для воспитанія, въ Англію.

Внѣ предѣловъ Сіамскаго королевства въ собственномъ смыслѣ, которое дѣлится на сорокъ одну провинцію, различныя вассальныя королевства, не считая территорій, занятыхъ дикими племенами, имѣютъ, каждое, свое специальное правительство, устроенное по образцу банкокскаго. Въ сѣверной области, платящія дань государства Ксіенъ-Май, Лабонгъ, Лахонъ, Пре, Нанъ, Мюангъ-Ломъ раздѣляютъ между собою территорію верхнихъ долинъ Менама; Меконгъ протекаетъ черезъ большое государство Люангъ-Прабангъ, а на полуостровѣ Малакка слѣдуютъ одно за другимъ, по направленію съ сѣвера на югъ, королевства Лигоръ, Сонхла, Патани, Калантанъ, Трингану. Королевство Кедахъ прилегаетъ къ западному морю, на сѣверѣ отъ англійской провинціи Уэллеслей.

Городъ Ксіенъ-Май (по-бармански Зимме), главный городъ государства того же имени, которому суммарныя исчисленія даютъ населеніе въ 300.000 душъ, принадлежитъ сіамцамъ лишь съ послѣдней половины восемнадцатаго столѣтія. Хотя въ странѣ лаонцевъ, которые считаются за варваровъ ихъ южными сосѣдями, Ксіенъ-Май, или „Новый городъ", имѣетъ видъ настоящаго города, съ правильными широкими улицами, и лавки его наполнены товарами, привозимыми китайцами и банкокскими негоціантами; при каждомъ домѣ есть садъ изъ пальмъ-арекъ и другихъ тропическихъ деревьевъ; не смотря на двойную ограду, нѣкоторые кварталы походятъ на паркъ. Городъ расположенъ среди обширной зеленѣющей равнины, орошаемой водами Мепинга, верхней рѣки Менама, а съ западной стороны надъ нимъ господствуетъ высокая гора, носящая на себѣ, какъ многія другія горы и скалы тѣхъ странъ, отпечатокъ ноги Будды, къ которому пилигримы приходятъ толпами прикладываться. Хотя построенный при рѣкѣ, которая впадаетъ въ Сіамскій заливъ, Ксіенъ-Май имѣетъ болѣе удобное и болѣе быстрое сообщеніе съ моремъ черезъ Мартабанскій заливъ; Мульмейнъ, отстоящій на половину ближе, чѣмъ Банкокъ, есть его естественный портъ, и дорога къ этому порту

проходитъ черезъ тековые лѣса, частью эксплуатируемые за счетъ негоціантовъ англійскихъ и китайскихъ. Ксіенъ-Май—одинъ изъ городовъ, о которыхъ всего чаще заходитъ рѣчь въ оффиціальныхъ докладахъ, касающихся будущихъ дорогъ Индіи и Китая; въ самомъ дѣлѣ, прямой путь изъ Рангуна и Мульмейна въ Юннанъ-Фу (главный городъ провинціи Юннанъ) черезъ Семао (Эсмокъ на старыхъ картахъ) проходитъ въ сосѣдствѣ Ксіенъ-Мая и уже съ незапамятныхъ временъ китайцы пользуются этою дорогой для привоза въ край своихъ произведеній, шелковыхъ тканей и металлическихъ издѣлій, въ обмѣнъ на рисъ, хлопокъ, слоновую кость, лакъ, воскъ и ладонъ; путешествіе всегда продолжается болѣе мѣсяца для разстоянія въ 600 километровъ черезъ лѣса и горы [1]). Лабонгъ, лежащій въ 30 километрахъ къ юго-востоку, въ той же долинѣ, какъ и Ксіенъ-Май, тоже столица вассальнаго государства, хотя гораздо менѣе важный сравнительно съ предъидущимъ. Другой главный городъ подвластнаго Сіаму королевства, Лахонъ, находится въ боковой долинѣ Меванга; эта рѣка соединяется съ Менамомъ, выше Рахейна, торговаго города, верфи котораго каждый годъ спускаютъ въ рѣку большое число барокъ, построенныхъ изъ тековаго дерева [2]).

Къ востоку отъ Лахона, столицы королевствъ Пре и Нанъ, Мюангъ-Пре и Мюангъ-Нанъ, лежатъ та и другая на притокахъ Менама, въ богатыхъ долинахъ, откуда отправляютъ тековое дерево въ сезонъ сплавки лѣса. Эти двѣ рѣки, Пре и Нанъ, соединяются въ предѣлахъ королевства выше Пицанулока или Пицилука (Пицалокъ), который нѣкогда былъ главнымъ городомъ всего Мюангъ-Тая, но который теперь совершенно пришелъ въ упадокъ. Нахонъ-Саванъ, или „Небесный городъ“, улицы котораго тянутся вдоль обоихъ береговъ Менама ниже сліянія, получилъ болѣе важное значеніе. Нынѣшній городъ смѣнилъ другой Нахонъ-Саванъ, развалившіяся стѣны котораго до сихъ поръ видны еще въ джунгляхъ внутренности страны. Между Рахейномъ и Нахонъ-Саваномъ, другія развалины, еще непосѣщенныя европейскими путешественниками, принадлежатъ „городу съ алмазными стѣнами“, который игралъ нѣкогда, какъ столица Сіама, значительную историческую роль. Новый городъ Кампенгпетъ, построенный у самой рѣки, на лѣвомъ берегу, занялъ мѣсто древней столицы.

Королевскія резиденціи Сіама почти такъ же часто мѣнялись, какъ резиденціи Барманіи. Городъ, который европейцы знали спеціально подъ именемъ Сіама, какъ и все королевство, пересталъ, въ свою очередь, быть мѣстопребываніемъ правительства; онъ остался, впрочемъ, многолюднымъ центромъ населенія. Сіамъ, или Аютіа (Си-Айо-Тая), обозначаемый

[1]) *Pallegoix* „Description du royaume Thaï ou Siam“.
[2]) *Adolf Bastian*, цитированное сочиненіе.

теперь подъ именемъ Крунгъ-Као, былъ столицей въ теченіе четырехъ слишкомъ столѣтій, съ 1350 до 1767 года, эпохи, въ которую барманская армія взяла его приступомъ и опустошила; онъ имѣлъ тогда въ числѣ своихъ жителей около 5.000 христіанъ, которые были уведены въ плѣнъ. Каждая колонія иностранцевъ, китайцевъ, аннамитовъ, малайцевъ, пегуанцевъ, „малабарцевъ", японцевъ, португальцевъ, имѣла свой особенный кварталъ, вокругъ овальнаго острова, заключавшаго собственно сіамскій городъ. Обширныя пространства покрыты развалинами и низкимъ кустарникомъ, надъ которымъ тамъ и сямъ возвышаются стѣны и куполы пагодъ, похожихъ, по архитектурѣ, на индусскіе храмы. Въ окрестностяхъ города, на сѣверной сторонѣ, одно изъ древнѣйшихъ зданій страны, Золотая Гора, еще поднимаетъ свою пирамиду на 120 метровъ надъ равниной; другіе памятники, менѣе высокіе, не менѣе прекрасны; цвѣты, обвивающіеся косынками вокругъ статуй, скатерти листвы, ниспадающія каскадами на изваяніяхъ и рѣзьбѣ, ліаны, протягивающія свою сѣть отъ колонны къ колоннѣ, пальмы и бамбуки, соперничающіе высотой съ куполами храмовъ, придаютъ руинамъ необыкновенно живописный и величественный видъ [1]). Раскопки, производимыя во многихъ мѣстахъ искателями кладовъ, перевернули всю почву, изрѣзавъ ее безчисленными рытвинами. Новый городъ расположенный на берегу рѣки и каналовъ, окружаетъ старую Аютію; но онъ продолжается далеко въ руслѣ Менама плавучими домами и магазинами, между которыми снуютъ суда всякой формы, отъ простой барки до канонирки; даже морскія джонки поднимаются вверхъ по рѣкѣ до береговъ Крунгъ-Као. Король имѣетъ богатые дворцы въ древней резиденціи своихъ предковъ въ окрестностяхъ. На сѣверѣ простираются джунгли, гдѣ живутъ въ дикомъ состояніи, какъ дикіе быки въ las Marismas или въ Камаргѣ, слоны, на которыхъ охотится самъ король, выѣзжая въ сопровожденіи цѣлой арміи егерей, загоняющихъ этихъ великановъ животнаго царства въ загородь изъ толстыхъ бревенъ, которая дѣлается ихъ временною тюрьмой. Тысячи рыболововъ приходятъ также каждый годъ изъ Банкока бросать свои сѣти въ воды Аютіи. Занимая выгодное мѣстоположеніе при сліяніи Менама и рѣкъ, которыя проходятъ одна мимо Лопбури (Нопбури), другая черезъ Мюангъ-Гомъ, или „королевства вѣтра", и передъ городомъ Петксабунъ, бывшая столица сдѣлалась необходимымъ складочнымъ мѣстомъ произведеній, происходящихъ изъ полуденной области Лаоса. Въ то же время этотъ городъ служитъ главнымъ этапомъ для пилигримовъ, отправляющихся на богомолье въ храмы горы Прабатъ и въ святилища холма Патави. Прабатскій настоятель есть неограниченный владѣтель территоріи, которая простирается вокругъ монастыря на разстояніе четырехъ часовъ ходьбы.

[1]) *Mouhot* „Travels in the Central Parts of Indo-China".

Нынѣшняя столица Сіамскаго королевства существуетъ всего только около ста лѣтъ, и, однако, уже болѣе полумилліона жителей толпятся внутри стѣнъ и каналовъ, образующихъ городскую ограду. Хотя носящій еще то же имя, какое онъ имѣлъ, какъ простая рыбачья деревушка, Банкокъ, или „деревня оливковыхъ деревьевъ“, есть теперь самый большой городъ Азіи между Калькуттой и Кантономъ на береговомъ протяженіи около 8.000 километровъ; нѣтъ города въ Европѣ, который представлялъ бы такой быстрый ростъ. Унаслѣдовавъ могущество Аютіи, Банкокъ принялъ также и оффиціальное наименованіе бывшей столицы: Си Аютіа мага, или „Великій королевскій городъ ангеловъ“. Всѣ города Индо Китая имѣютъ два или нѣсколько именъ, изъ которыхъ одно употребляется профанами, а другое—жрецами и учеными.

Собственно городъ, имѣющій около 14 километровъ въ окружности, расположенъ, километрахъ въ тридцати отъ моря, по лѣвому берегу Менама, который въ этомъ мѣстѣ описываетъ дугу, обращенную выпуклою стороной къ западу. Обширныя предмѣстья продолжаютъ столицу выше и ниже по рѣкѣ, и на правомъ берегу острова тоже застроены домами; все это городское поселеніе раскинулось на пространствѣ, по меньшей мѣрѣ, 40 квадр. километровъ. Многочисленные каналы перерѣзываютъ городъ во всѣхъ направленіяхъ, и только въ эти послѣдніе годы были открыты улицы, подобныя улицамъ европейскихъ городовъ, вдоль рѣки и въ сосѣдствѣ; до того времени сообщенія внутри города производились не иначе, какъ на лодкѣ. Издали эта „сіамская Венеція“, болѣе обширная и болѣе грандіозная по виду, чѣмъ итальянская, представляетъ чудную картину: надъ водами, безчисленными судами и густыми чащами листвы высоко поднимаются рѣзныя пирамиды пагодъ, сплошь покрытыя мозаиками, блистающими, какъ золото, подъ лучами яркаго солнца. На самой рѣкѣ видъ сіамской столицы не менѣе восхитителенъ: тысячи шаровидныхъ судовъ, или „балоновъ“, барокъ, кораблей стоятъ на якорѣ или разсѣкаютъ волны, уносимыя приливомъ, увлекаемыя бризой, приводимыя въ движеніе паромъ или веслами. На обѣихъ сторонахъ Менама крутые берега скрыты за непрерывнымъ рядомъ плотовъ и плавучихъ домовъ: не знаешь, гдѣ начинается твердая земля. Эти живописныя жилища рѣчнаго города, почти всѣ украшенныя рѣзьбой, живописью и золотыми листами, стоятъ на бамбуковыхъ постилкахъ, свободно передвигающихся, при помощи колецъ, по длинѣ четырехъ свай, вбитыхъ въ ложе рѣки; они поднимаются и опускаются, сообразно измѣненію уровня воды во время прилива и отлива. Когда вспыхнетъ пожаръ, каждый спѣшитъ перерѣзать прикрѣпленные къ берегу канаты и перевести свой домъ на приличное разстояніе; когда опасность миновала, рѣчное населеніе возвращается на обычныя мѣста якорной стоянки; въ этой подвижной части города торговыя мѣста отдаются въ

наемъ за очень дорогую плату, какъ мѣста этого рода на людныхъ улицахъ въ европейскихъ городахъ [1]).

Кварталы Банкока, находящіеся на твердой землѣ, не представляютъ уже, какъ это было еще въ половинѣ настоящаго столѣтія, кучекъ лачугъ, пріютившихся кругомъ пагодъ; теперь въ сосѣдствѣ порта выстроились дома европейской конструкціи, да и самый дворецъ королевскій—очень красивое зданіе въ итальянскомъ стилѣ, съ галлереей, перистилемъ и попарно стоящими колоннами, не имѣющее въ своей архитектурѣ ничего сіамскаго, кромѣ деталей орнаментаціи да тропическихъ растеній, сгруппированныхъ массивами на террасахъ и балконахъ. Главную достопримѣчательность Банкока все еще составляютъ его богатыя пагоды: одна изъ нихъ, храмъ Ксетюфона, заключаетъ въ себѣ позолоченное изваяніе Будды, которое одно наполняетъ собою внутреннее пространство святилища длиной слишкомъ 50 метровъ (70 аршинъ); въ другой красуется статуя изъ массивнаго золота; третья содержитъ изображеніе Будды изъ нефрита; всѣ храмы имѣютъ свои сокровища, драгоцѣнные каменья, благородные металлы въ издѣліяхъ, тонкія рѣзныя работы. Въ сосѣдствѣ пагодъ находятся костяки, или погребальницы, изъ которыхъ одна предназначена для тѣлъ покойниковъ, не имѣющихъ друзей, которые приняли бы на себя заботу о ихъ погребеніи; эти трупы выставляются на съѣденіе собакамъ и коршунамъ. Даже богатые сіамцы завѣщаютъ одну руку или ногу животнымъ, во исполненіе правилъ всеобщей любви и благотворительности, проповѣданныхъ „великимъ учителемъ“ Буддой.

Почти все движеніе торговаго обмѣна Сіама, обложенное таможенными пошлинами въ размѣрѣ 3 процентовъ со стоимости привозныхъ товаровъ, сосредоточено на банкокскомъ рынкѣ, и китайцы, послѣ короля и принцевъ, владѣльцевъ монополій, извлекаютъ наибольшіе барыши изъ этого обмѣна. Составляя едва ли не половину населенія сіамской столицы, желтолицые „сыны Гана“ не имѣютъ себѣ соперниковъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности и торговли; они захватили въ свои руки даже всю розничную и мелочную торговлю. Ихъ лавки и базары всегда снабжены въ изобиліи фаянсовою и фарфоровою посудой, шелковыми матеріями, металлическими издѣліями и всякаго рода китайскимъ и европейскимъ товаромъ, который они скупаютъ по дешевой цѣнѣ на публичныхъ торгахъ въ Гонконгѣ и Сингапурѣ, портахъ, съ которыми почти исключительно ведется внѣшняя торговля Банкока. Рисъ представляетъ, среднимъ числомъ, двѣ трети всего вывоза; въ обыкновенное время производство этого продукта много превышаетъ нужды мѣстнаго потребленія и позволяетъ снабжать имъ рынки Гонконга,

[1]) *Pallegoix; Lequeux; Thomson; Bastian; Garnier; Decugis; Harmand; Beauvoir.*

Сингапура, Батавіи, даже поставлять часть европейскаго ввоза; многочисленныя паровыя мельницы въ городѣ и его окрестностяхъ очищаютъ зерно, и для перевозки его организована правильная служба судовъ. Банкокъ отправляетъ заграницу также соленую рыбу, особенный родъ роснаго ладана, текъ и другое строевое и столярное дерево, перецъ, кунжутъ, скотъ. Британскій флагъ развѣвается на наибольшемъ числѣ судовъ, плавающихъ по Менаму; затѣмъ слѣдуютъ флаги сіамскій и германскій; непосредственная торговля Франціи съ страной Сіамъ совершенно ничтожна.

Движеніе банкокскаго порта въ 1879 году: 964 судна, вмѣстимостью 475.628 тоннъ.

Пароходовъ, вошедшихъ въ этотъ портъ въ 1880 году: 182, изъ нихъ 153 англійскихъ.

Парусныхъ судовъ: 265, въ томъ числѣ 138 сіамскихъ, 84 англійскихъ, 38 нѣмецкихъ, 5 французскихъ.

Внѣшняя торговля Банкока въ 1879 году:

Привозъ на	32.449.085 франк.
Вывозъ „	54.037.225 „
Сумма обмѣна . . .	86.486.310 франк.

Благодаря превосходству торговли Великобританіи, англійскій консулъ въ Банкокѣ не уступаетъ государю въ дѣйствительной власти; онъ считаетъ между подчиненными его вѣдѣнію не только своихъ соотечественниковъ, но также уроженцевъ Индустана и англійской Барманіи, китайцевъ изъ Гонконга и Сингапура, малайцевъ изъ другихъ британскихъ владѣній.

Ниже Банкока по теченію Менама, городъ Паклатъ, населенный, главнымъ образомъ, пегуанцами, и городъ Пакнамъ, гдѣ находится таможня, служатъ передовыми портами столицы и командуютъ надъ проходомъ судовъ своими крѣпостями и пастильными батареями. Нѣкогда голландцы, владѣвшіе устьемъ рѣки, тоже построили тамъ укрѣпленія, которымъ дали названіе Новаго Амстердама: и теперь еще видны кое-какіе остатки этихъ старинныхъ укрѣпленій, которыя англійскіе моряки окрестили именемъ Dutch Folly, что значитъ „голландская глупость“. Посредствомъ судоходныхъ каналовъ входъ Менама сообщается со всѣми портами области дельты, каковы Ташинъ и Меклонгъ. Этотъ послѣдній портъ, лежащій при устьѣ рѣки того же имени, населенъ китайскими купцами и солепромышленниками, огородниками, рыбаками, которые снабжаютъ своими продуктами рынки столицы; выше на той же рѣкѣ городъ Прапри (Рапри, Раджабури), расположенный у подошвы холмовъ, изобилующихъ оловянною рудой, населенъ, главнымъ образомъ, потомками плѣнниковъ, приведенныхъ изъ Камбоджи. На востокѣ дельты,

рѣка Хорайокъ, которая также соединена съ Менамомъ каналами естественными и искусственными, орошаетъ, въ своемъ нижнемъ теченіи, близъ города Петріу, плантаціи сахарнаго тростника, воздѣлываемыя китайцами, и впадаетъ въ Сіамскій заливъ, на сѣверѣ отъ города Бангпласой, одного изъ портовъ морскаго прибрежья, гдѣ рыбаки находятъ самый обильный уловъ рыбы. Шантабунъ, лежащій близъ границъ Камбоджи, на югъ отъ земли дикарей ксонгъ—тоже очень оживленный рыболовный портъ; его жители, китайцы, аннамиты, барманцы, отправляютъ заграницу лѣсъ, перецъ, драгоцѣнные камни. Въ 1878 и 1879 годахъ горячка добыванія драгоцѣнныхъ камней привлекла въ Шантабунскій округъ около 10.000 чужеземцевъ, почти исключительно барманцевъ, которые продавали свои сапфиры (синіе яхонты) и другіе самоцвѣтные камни негоціантамъ Рангуна, Пинанга, Калькутты; особый пароходъ совершалъ правильные рейсы между Банкокомъ и Шантабуномъ, для перевозки рудокоповъ и продовольствія. Морской берегъ, съ его лѣсистыми островками, съ его горами рѣзкихъ формъ, съ его бухточками и мысами, есть одинъ изъ самыхъ живописныхъ береговъ Индо Китая: высокая скала охраняетъ входъ въ Шантабунскую бухту, словно лежащій левъ, болѣе грозный, чѣмъ львы Бастіи и Санъ-Рафаеля въ Средиземномъ морѣ.

Къ востоку отъ Сіамскаго залива, у основанія полуострова Малакки, первый городъ, который представляется среди плантацій сахарнаго тростника, есть Печибури (Пексабури), лежащій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега моря, у подошвы холмовъ, имѣющихъ отъ 400 до 600 метровъ высоты; это главный городъ провинціи, перестроенный почти совершенно однимъ мандариномъ, по планамъ, привезеннымъ изъ Англіи [1]); дома мѣщанъ и ремесленниковъ—чисто англійскіе коттеджи, сплошь покрытые ползучими растеніями, а на сосѣднемъ холмѣ, въ пяти километрахъ отъ города, стоитъ королевскій дворецъ, построенный по образцу Виндзорскаго замка. По словамъ Шомбурка, пегуанцы болѣе многочисленны въ этомъ округѣ, чѣмъ во всякой другой части Мюангъ-Тая.

Города континентальнаго Сіама, населеніе которыхъ указано приблизительно путешественниками:

Государства Лаоса.		*Собственно Сіамъ.*	
Ксіенъ-Май, по Шомбурку	50.000 жит.	Банкокъ	600.000 жит.
Лахонъ, по Пальгуа	25.000 „	Аютіа (Крунгъ-Као)	50.000 „
Пре „ „	15.000 „	Нахонъ-Саванъ, по Бастіану	12.000 „
Лабонгъ „ „	12.000 „	Петріу, по Пальгуа	10.000 „

[1]) *J. Thomson* „Dix ans de voyages dans la Chine et l'Indo-Chine", trad. *Talandier* et *Vattemare*.

УЛИЦА ВЪ ГОРОДѢ БАНГКОКѢ.

Меклонгъ по Пальгуа .	10.000 жит.	Шаптабунъ по Пальгуа.	6.000 жит.
Паклатъ, „ „ .	7.000 „	Бангпласой „ „ .	6.500 „
Пакнамъ, „ „ .	7.000 „	Прапри (Раджабури) .	6.000 „
Коратъ, „ „ .	7.000 „	Пицилукъ	5.000 „

VI.

Восточный Индо-Китай, бассейны Меконга и Сонгъ-Коя,

восточный Сіамъ, Тонкинъ, южный Аннамъ, Камбоджа, французская Кохинхина.

Самый обширный бассейнъ Индо-Китая, бассейнъ Меконга, имѣетъ населеніе, далеко не самое многочисленное. Еще бо̀льшая часть этой области остается неизслѣдованною, и половина территоріи занята дикими племенами. Только въ сосѣдствѣ морскаго прибрежья, около середины историческаго пути, соединяющаго дельту Менама съ дельтой Меконга, существовавшія тамъ образованныя общества составляли нѣкогда націю въ настоящемъ смыслѣ слова, имѣвшую собственную цивилизацію и оставившую памятники своего могущества. Эта нація хмеровъ, или камбоджанъ, получила, конечно, изъ Индіи апостоловъ и просвѣтителей, которые преподали ей науки и искусства, также какъ миѳы и культы индусскаго народа; но теперь съ болѣе дальняго запада приходитъ то чужеземное вліяніе, которое оказываетъ свое дѣйствіе на населенія нижняго Меконга. Французы овладѣли областью дельты и даютъ починъ перемѣнамъ политическимъ, промышленнымъ, соціальнымъ, которыя постепенно совершаются въ странѣ. Эти пришельцы, понятно, должны были основать свой главный городъ по близости моря, очень далеко отъ естественнаго центра страны, и притягательная сила торговли группируетъ въ окружающихъ мѣстностяхъ жителей все болѣе и болѣе скученными массами. Тѣмъ не менѣе, населеніе французской Кохинхины уступаетъ числомъ населенію Аннама, на восточной отлогости горъ, окаймляющихъ берега Тихаго океана. Въ бассейнахъ Меконга и другихъ тонкинскихъ рѣкъ почва утилизируется всего лучше и города и мѣстечки наиболѣе сближены между собою по взаимному разстоянію; одинъ только Тонкинъ, хотя онъ составляетъ лишь около двадцатой части поверхности Индо-Китая, заключаетъ въ своихъ предѣлахъ, быть можетъ, половину общаго числа жителей.

Недостатокъ достовѣрныхъ свѣдѣній не позволяетъ исчислить населеніе Тонкина даже съ тою степенью приближенія, какая возможна для Барманіи, Сіама, полуострова Малакки: числа, даваемыя миссіонерами и путешественниками, разнятся болѣе, чѣмъ въ четыре раза, варьируя отъ 7 до 30 милліоновъ душъ. Легко понять, какъ при этомъ впадаютъ

въ невольныя преувеличенія. Изслѣдователи, проникающіе въ гористыя территоріи внутренности страны, еще нерасчищенныя подъ культуру и почти пустынныя, рѣдки въ сравненіи съ путешественниками, которые посѣщаютъ портовые города морскаго прибрежья, питаемые рыбною ловлей, и аллювіальныя зёмли, покрытыя рисовыми полями. Въ этой области, которая лишь отчасти отдѣлена естественными границами отъ Китайской имперіи, можно подумать, что находишься въ „Цвѣткѣ Середины", при видѣ многолюдныхъ городовъ и деревень, разсѣянныхъ въ равнинахъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Правда, что эта страна часто находилась подъ дѣйствительнымъ господствомъ государей центральнаго царства, да и въ наши дни еще король аннамскій релулярно посылаетъ пекинскому двору свою вассальную дань. Съ другой стороны, внутри края основались полу-независимыя княжества, а Франція пользуется надъ Аннамомъ фиктивнымъ протекторатомъ, который уже не разъ подавалъ поводъ къ дипломатическимъ компликаціямъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ близкомъ будущемъ столь неопредѣленный нынѣ политическій режимъ Тонкина приметъ болѣе точную форму. Эта страна слишкомъ важна по численности своего населенія, по своимъ экономическимъ рессурсамъ и по пути, который она открываетъ къ внутреннимъ провинціямъ Китая, чтобы она не вошла сама собою въ область европейской торговли; препятствія свободѣ торговыхъ сношеній идутъ лишь со стороны ея правителей.

Пространство и населеніе Аннама и государствъ по нижнему теченію Меконга:

	Пространство.	Вѣроятное населеніе.	Километрич. населеніе.
Тонкинъ и Кохинхина	440.500 кв. кил.	14.000.000 жит.(?)	34 жит.
Французская Кохинхина	59.456 „ „	1.900.000 „	32 „
Камбоджа	83.861 „ „	950.000 „	11 „
Всего . . .	583.817 „ „	16.850.000 „	29 „

На сѣверѣ отъ Тонкинскаго залива мысъ Паклунгъ указываетъ мореплавателямъ политическую границу Индо-Китая. Нганнанъ-кіангъ, или „рѣка Тихаго Юга", служитъ въ нижнемъ ея теченіи оффиціальною пограничною чертою между Китайскою имперіей и Аннамскимъ королевствомъ; но менѣе чѣмъ въ пятидесяти километрахъ во внутренности материка начинается область горъ, еще мало изслѣдованныхъ, которая соединяется съ плоскими возвышенностями китайскихъ провинцій Куангси и Юннана. Согласно старинной китайской политикѣ, этотъ поясъ границы

[1]) По заключенному недавно франко-китайскому мирному договору, окончательно признаются права Франціи на Аннамъ, которому отнынѣ предоставлено поддерживать дипломатическія сношенія не иначе, какъ черезъ посредство Франціи. *Примѣч. перев.*

составляетъ мархію, если не пустынную, то, по крайней мѣрѣ, запретную для подданныхъ. Имъ запрещено осушать, на этой полосѣ болота, расчищать лѣса подъ пашни, пролагать дороги черезъ горы; на пространствѣ около тридцати километровъ, мархія Тонкина не имѣетъ другихъ обитателей, кромѣ дикихъ племенъ, независимость которыхъ уважаютъ подъ условіемъ, чтобы они препятствовали цивилизованнымъ населеніямъ сѣвера и юга вступать въ сношенія между собою. Два главные прохода между Китайскою имперіей и областью дельты, Намъ-куанъ и Бьенъ-кюонгъ, защищены зубчатыми стѣнами и крѣпостцами. Впрочемъ, между двумя правительствами, китайскимъ и аннамскимъ, сюзереномъ и вассаломъ, поддерживаются наилучшія политическія отношенія [1]).

Гористая область провинціи Куангси продолжается второстепенными хребтами на берегахъ сѣвернаго Тонкина, и даже одна изъ этихъ отраслей горъ оканчивается вблизи моря массивомъ, высшая точка котораго достигаетъ 1.400 метровъ высоты. Часть морскаго прибрежья окаймлена обрывистыми утесами и разрѣзана на скалистые острова и островки, которымъ даютъ, и теперь еще совершенно справедливо, имя „Архипелага пиратовъ"; иногда это наименованіе присвояется спеціально двумъ островамъ Каотао, далѣе выдвинутымъ въ открытое море, чѣмъ другія земли той же группы. Эти островные массивы почти всѣ изрѣзаны съ наружной стороны крутыми береговыми утесами. Во внутренности острововъ открываются цирки или котловины; на первый взглядъ можно принять ихъ за кратеры вулкановъ, но въ дѣйствительности эти воронки образовались вслѣдствіе проваловъ почвы, такъ какъ горная порода тамъ известковая. Нѣкоторые изъ цирковъ имѣютъ сообщеніе съ моремъ и даютъ доступъ баркамъ; на окружности бухтъ открываются гроты, служившіе иногда притономъ морскимъ разбойникамъ. Террасы, господствующія надъ кругообразными бассейнами, покрыты засѣянными полями и плантаціями. Въ началѣ текущаго столѣтія китайскій флотъ высадилъ отрядъ войска, который разрушилъ до основанія всѣ дома, срубилъ деревья и увелъ всѣхъ жителей, чтобы положить конецъ морскому разбойничеству; но вскорѣ послѣ этой энергической мѣры сосѣднія моря были такъ же мало безопасны, какъ и прежде [2]).

Возвышенная страна китайской мархіи совершенно опредѣленно ограничена на югѣ пространствомъ аллювіальныхъ земель, гдѣ извиваются рукава Красной рѣки и впадающихъ въ нее притоковъ. Только нѣсколько скалистыхъ пригорковъ, остатки болѣе обширныхъ земель, смытыхъ моремъ, показываются на подобіе островковъ среди океана зелени. Высоты снова появляются на западѣ долины Красной рѣки.

---

[1]) *Dutreuil de-Rhins*, рукописныя замѣтки.
[2]) „Excursions et Reconnaissances", VII.

*

Горная цѣпь, примыкающая своею сѣверною оконечностью къ Юннанскому плоскогорью, на высотѣ (средней) 1.500 метровъ, тянется въ юго-восточномъ направленіи, оставляя, вѣроятно, раздѣльную линію между водами, спускающимися, съ одной стороны, къ Сонгъ-кою, съ другой— къ Меконгу; но она почти совсѣмъ неизвѣстна, видѣли только ея отроги, изобилующіе каменноугольными пластами и рудными мѣсторожденіями желѣза, олова, мѣди, золота и серебра; къ югу отъ пути, пройденнаго французскою экспедиціей подъ начальствомъ Дударъ-де-Лагре, до горъ Аннама въ собственномъ смыслѣ, ни одинъ новѣйшій изслѣдователь не переходилъ эту цѣпь. Ряды холмовъ, принадлежащихъ къ этой водораздѣльной возвышенности, поднимаются непосредственно на западѣ отъ рѣки Сонгъ-кой, отдѣленные одинъ отъ другого долинами притоковъ, изъ которыхъ одна, продолжающаяся на югѣ дельты, составляетъ естественную границу между двумя половинами Аннамской имперіи. Развѣтвленія главной цѣпи выдвигаютъ, черезъ довольно близкіе промежутки, свои конечныя скалы въ море, оставляя между своими мысами полукруглыя бухточки, бухты и даже, во многихъ мѣстахъ, глубокія гавани, окруженныя амфитеатромъ холмовъ. Не смотря на безчисленныя изсѣченія, морской берегъ представляетъ въ цѣломъ замѣчательно правильную кривую, обращенную выпуклостью къ открытому морю, какъ бы для того, чтобы уравновѣсить вогнутую кривую Тонкинскаго залива. Эта округлость морскаго прибрежья точнымъ образомъ соотвѣтствуетъ округлости, образуемой водораздѣльнымъ хребтомъ Аннама: параллелизмъ береговъ и горъ не менѣе поразителенъ въ этой области Индо-Китая, чѣмъ въ Индіи по сю сторону Ганга, вдоль Конкана и Малабара. По ту сторону горныхъ цѣпей, Меконгъ тоже слѣдуетъ, въ общемъ, направленію, параллельному морскому берегу и горамъ. Поясъ низменныхъ долинъ и невысокихъ холмовъ, раздѣляющій море и хребетъ горъ, имѣетъ незначительную ширину, отъ 15 до 50 километровъ, и поперечные выступы дѣлятъ эту береговую полосу земли на столько же особенныхъ долинъ, сообщающихся одна съ другою лишь черезъ берегъ или черезъ боковыя бреши. Рѣки, спускающіяся по аннамской покатости, текутъ перпендикулярно къ морскому берегу, и въ томъ же направленіи была построена, въ шестнадцатомъ столѣтіи, стѣна, раздѣлявшая нѣкогда два государства: на сѣверѣ, Тонкинъ, „Столицу Востока“, или Дангъ-Нгоай, „Внѣшнюю Дорогу“, на югѣ, Дангъ-Тронгъ, или „Внутреннюю Дорогу“. Имя Аннамъ, подъ которымъ извѣстна болѣе спеціально зона морскаго прибрежья, есть не что иное, какъ слово Нганнанъ, примѣняемое къ пограничной рѣкѣ; оно означаетъ „Тихій Югъ“ или „Миръ Юга“. Равнымъ образомъ и другія имена указываютъ на положеніе страны относительно Китая, родины цивилизаторовъ: таковы

наименованія Намъ-Вьетъ („Нужно пройти полдень"), Вьетъ-Намъ (за Полуднемъ), Натъ-Намъ (Полуденное Солнце) [1]).

Видимые съ моря, нѣкоторые изъ горныхъ гребней внутренности страны являются взорамъ покрытыми лѣсомъ, но большинство, особенно около полуденной оконечности цѣпи, представляютъ гранитныя массы безъ всякой растительности; періодическіе пожары, зажигаемые съ цѣлью прогнать хищныхъ звѣрей или прибавить новыя земли къ области культуры, истребили лѣса. Французскіе миссіонеры часто переходили хребетъ, или для того, чтобы идти обращать въ христіанскую вѣру дикарей западной покатости, или для того, чтобы избѣгнуть преслѣдованій кохинхинскихъ мандариновъ, и, благодаря этимъ путешествіямъ миссіонеровъ, теперь извѣстно, что во многихъ мѣстахъ открываются удобные проходы съ одного склона на другой. Однако, никакой документъ не оправдываетъ часто повторяемаго утвержденія, будто тамъ существуютъ судоходныя рѣки, раздѣляющіяся на двѣ вѣтви, которыя текутъ съ каждой стороны водораздѣльнаго порога. Одинъ только изъ изслѣдователей области горнаго хребта, французъ Гарманъ, издалъ карту путешествія, благополучно доведеннаго до конца, съ одного склона на другой). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ перешелъ гребень, на сѣверо-западѣ отъ Гюэ, столицы Аннама, порогъ имѣетъ всего только 250 метровъ высоты, но выступъ почвы снова поднимается съ той и другой стороны, и мало найдется странъ, которыя представляли бы болѣе рѣзкій контрастъ между двумя покатостями въ отношеніи количества атмосферныхъ осадковъ. Въ то время, какъ одинъ изъ склоновъ, именно западный, наводняется проливными дождями, приносимыми юго-западнымъ муссономъ, восточная отлогость купается въ сухомъ воздухѣ, подъ вѣчно голубымъ небомъ; эта рѣзкая противоположность тѣмъ поразительнѣе, что съ одной стороны простирается дикая страна, безъ городовъ и деревень, вездѣ покрытая лѣсами, а съ другой—разстилаются безлѣсныя равнины, покрытыя воздѣланными пространствами.

На Аннамскомъ побережьи, къ югу отъ города Гюэ, вырѣзъ берега, наиболѣе извѣстный мореплавателямъ, всего чаще упоминаемый въ политическихъ документахъ, есть бухта Кюа-ханъ, обозначаемая французами подъ именемъ Туранской (Туронской) бухты. Она окружена на сѣверѣ и на западѣ полукругомъ холмовъ, тогда какъ на юго-востокѣ острововидная скала, соединенная съ материкомъ песчаною косой, загибается впереди бухты и превращаетъ ее въ родъ внутренняго моря; кромѣ того, судоходный каналъ, проведенный въ низменныхъ земляхъ, соединяетъ бухту съ другою вырѣзкой прибрежья, Гой-анъ, бывшимъ портомъ Файфо, лежащимъ къ югу отъ Туранскаго мыса. Большое число

[1]) „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", janvier 1879.

другихъ бухтъ, которыя открываются на полуденномъ берегу Аннама, обращенномъ къ юго-востоку, имѣютъ подобное же образованіе, какъ и Туранская: это тоже бассейны, отдѣленные отъ моря островами, которые соединены съ континентомъ песчаными насыпями или низменными землями. Портъ Куи-ньонъ, или Бинь-динь, порты Кумонгъ, Суанъ-дай, Гонъ-хой, Бинь-гоа, Камъ-рань, слѣдуютъ одинъ за другимъ на этомъ берегу, къ несчастью лишенномъ удобныхъ сообщеній съ внутренностью страны и слишкомъ близкомъ къ границѣ, запертой кордономъ таможень. Большинство островковъ, окаймляющихъ прибрежье, состоитъ изъ простыхъ скалъ, выступающихъ изъ подъ воды; нѣкоторые островки, лежащіе на продолженіи Аннамскаго берега, но въ 100 и въ 150 километрахъ отъ него, въ открытомъ морѣ, принадлежатъ къ той же формаціи; самый замѣчательный изъ нихъ Пуло-Сесиръ-де-Маръ (т. е. „морской“ Пуло-Сесиръ), названный такъ первыми португальскими мореплавателями, въ отличіе отъ острова Пуло-Сесиръ-де-Терра („континентальный“ Пуло-Сесиръ), лежащаго очень близко отъ берега. Пуло-Сесиръ-де-Маръ— по-аннамски Кулао (островъ) Ту—ревниво оберегается аннамскимъ правительствомъ, которое присвоило монополію гнѣздъ ласточки саланганы, собираемыхъ на скалахъ, и голотурій (морскихъ кубышекъ), ловимыхъ въ окружающихъ водахъ.

Къ востоку отъ водораздѣльнаго хребта, до Меконга, возвышается нѣсколько независимыхъ массивовъ и развѣтвляются горныя цѣпи, изъ которыхъ иныя превышаютъ 2.000 метровъ. Таковъ, напримѣръ, массивъ Пусунгъ, боковые отроги котораго, господствующіе надъ Меконгомъ, заставляютъ его дѣлать крутые повороты. На югѣ отъ Пусунга обширное плоскогорье, высотой отъ 950 до 1.000 метровъ, занимаетъ кругообразное пространство, ограниченное на западѣ теченіемъ Меконга и окруженное съ сѣвера горами Донъ (Се-Донъ), съ востока и съ юго-востока горами Конгъ (Се-Конгъ). Эти возвышенности, которыя г. Торель называетъ Сараванскимъ плоскогорьемъ, по имени одного города того края, и которымъ г. Гарманъ даетъ названіе „плато Боловеновъ“, по имени живущихъ тамъ дикарей [1]), отчасти покрыты великолѣпными лѣсами, гдѣ хвойныя деревья, бѣлый букъ, каштанъ и дубъ перемѣшаны съ бамбуками, пальмами, древовидными папоротниками; въ другихъ мѣстахъ простираются болотистые бассейны, напоминающіе своею травяною растительностью луговыя пространства Франціи. Почва плоскогорья состоитъ изъ желѣзистой глины, залегающей на песчаникахъ; но горные потоки, бѣгущіе въ глубокихъ ущельяхъ, обнаружили свойство подпочвы, которая состоитъ изъ площадей лавы, изъ грудъ вулканическаго пепла и шлаковъ. Конусообразные пики, какъ, напримѣръ, пикъ Лагре (по

[1]) „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, sept. 1877.

имени изслѣдователя Дударъ-де-Лагре), возвышающіеся въ сосѣдствѣ нагорья, повидимому, были трубами, изъ которыхъ выходили пары этихъ очаговъ изверженія; встрѣчающіеся кое-гдѣ источники теплой воды тоже, кажется, слѣдуетъ признать за остатки вулканической дѣятельности. На западѣ отъ Меконга, горы Бассакъ, высшая вершина которыхъ достигаетъ 1.160 метровъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ составная часть того же массива, къ которому принадлежатъ восточныя горы. Къ югу отъ этой области, гдѣ цоколь возвышенной Кохинхины, доминируемый горными цѣпями или уединенными пиками, имѣетъ свою наибольшую ширину, главный хребетъ продолжается въ направленіи меридіана, затѣмъ поворачиваетъ къ юго-западу, параллельно морскому берегу, и оканчивается на границахъ французской Кохинхины крутыми скалистыми мысами. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ массивовъ, или *гномовъ*, около истоковъ рѣки Доннай, извѣстенъ подъ именемъ Тіонлай, и гранитная вершина его достигаетъ 1.000 метровъ высоты [1]). Далѣе, встрѣчаются только островные пригорки, связанные съ твердою землей аллювіальною косой, образовавшейся изъ рѣчныхъ наносовъ. Лѣсистый холмъ мыса св. Іакова (Сенъ-Жакъ), ограничивающій на востокѣ входъ въ рѣку Сайгонъ, есть одна изъ этихъ скалъ, принадлежащихъ къ материку лишь съ недавняго геологическаго періода. Острова, лежащіе въ морѣ, на большомъ разстояніи отъ берега, суть выступы подводнаго хребта, продолжающаго ось горныхъ цѣпей Аннама. Таковъ, напримѣръ, архипелагъ Пуло-Кондоръ, „островъ Тыквъ" или „островъ Пресмыкающихся": тамъ, въ самомъ дѣлѣ, встрѣчаются змѣи нѣсколькихъ видовъ, равно какъ черепахи.

На западѣ отъ кохинхинской дельты, въ полуденной Камбоджѣ, находятся неправильные массивы, частью вулканическіе, и разрѣзанные во всѣхъ направленіяхъ рѣками и рѣчками; массивы эти соединяются, посредствомъ хребта Пурсатъ и горы Прабатъ, съ Шантабунскими горными цѣпями и выдвигаются въ море въ видѣ высокихъ крутыхъ мысовъ, продолжаемыхъ въ морѣ скалистыми островами. Слоновая цѣпь, на западѣ отъ Кампота, оканчивается вершиной, имѣющей около 1.000 метровъ высоты; въ ноябрѣ съ этихъ горъ иногда спускается страшный вѣтеръ, въ родѣ французскаго мистраля, до такой степени сильный, что въ мѣстностяхъ, наиболѣе выставленныхъ его дѣйствію, не растетъ ни одного деревца. Жители опустошенной равнины ожидаютъ конца сезона, чтобы снова приняться за постройку своихъ соломенныхъ хижинъ, унесенныхъ вѣтромъ [2]).

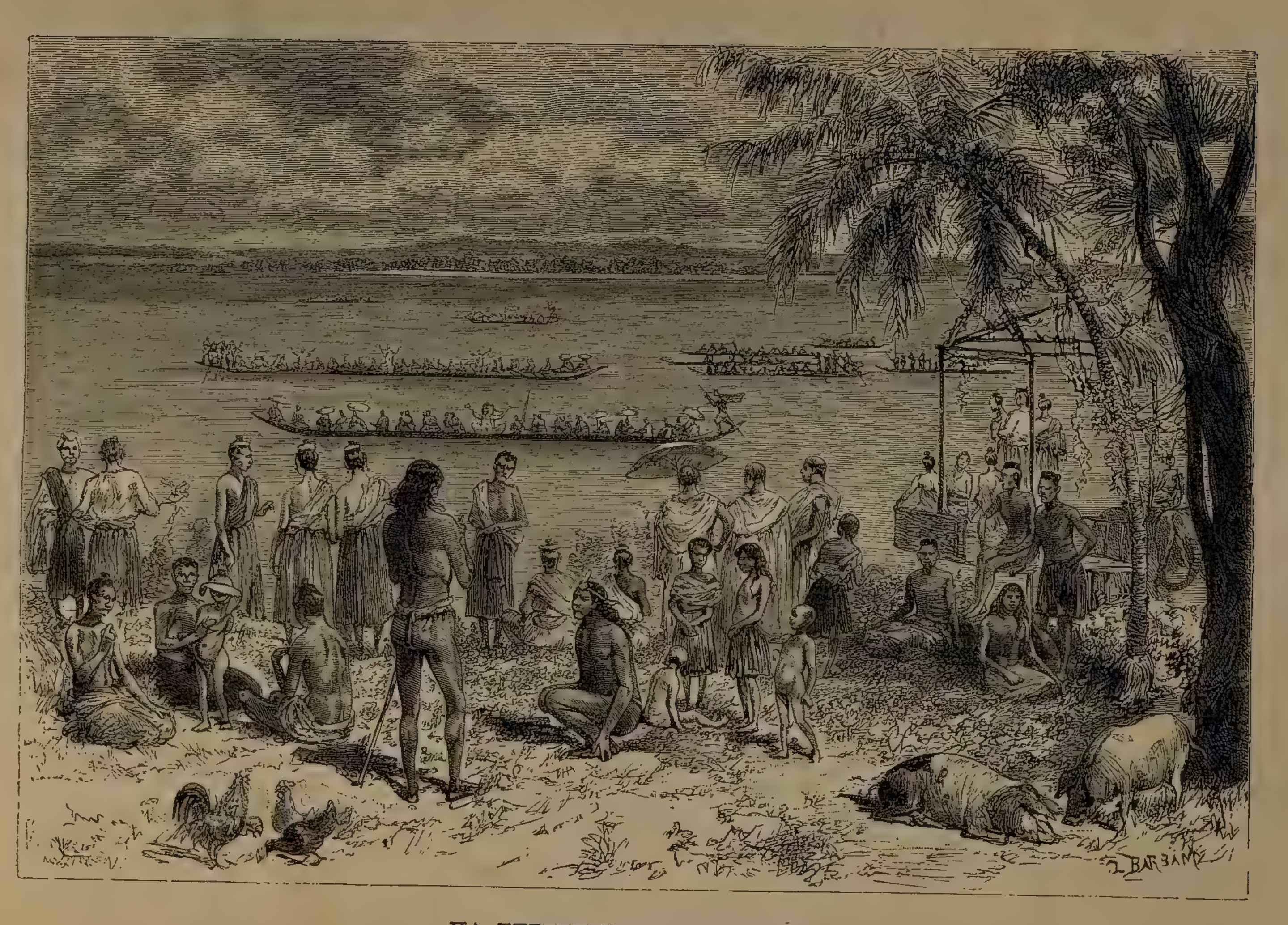
На восточномъ берегу страны Аннамъ одна только большая рѣка изливается въ море: это Гонъ-кіанъ (Готи-кіанъ) китайцевъ, Сонгъ-кой

[1]) *Neïs* et *Septans* „Excursions et Reconnaissances", X, 1881.
[2]) *Pavie* „Excursions et Reconnaissances", № 10, 1881.

(Сонгъ-кай, Сонгъ-ка, Сонгъ-та) аннамцевъ, „Красная“ рѣка французскихъ мореплавателей, которые первые изъ европейцевъ изслѣдовали ея теченіе. При выходѣ изъ китайской провинціи Юннана, т. е. въ 600 километрахъ отъ моря, считая по изгибамъ рѣки, Сонгъ-кой, имѣющій уже до 100 метровъ средней ширины, носитъ барки, и даже одинъ французскій негоціантъ, Дюпюи, поднялся вверхъ по теченію, въ 1871 году, до города Мангао, лежащаго въ 100 километрахъ выше. Эта рѣка течетъ прямо на юго-востокъ въ узкой долинѣ, затѣмъ принимаетъ въ себя справа другую рѣку, почти столь же значительную, Сонгъ-бо (Кимъ-тю-ха), верхніе притоки которой находятся, равнымъ образомъ, въ Китаѣ и по которой мелкія суда подпимаются даже до земли Лаосовъ; это „Черная рѣка“ французскихъ негоціантовъ: она, въ самомъ дѣлѣ, черная, по крайней мѣрѣ во всей нижней части своего теченія. Ущелья, открывающіяся въ гранитной массѣ, имѣютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 300 метровъ глубины; это трещины почвы, стѣны которыхъ соотвѣтствуютъ точнымъ образомъ отъ одного берега до другого, представляя совершенно одинаковое геологическое строеніе или связь и полосы углекислаго желѣза на равныхъ высотахъ. Въ разныхъ мѣстахъ, черезъ извѣстные промежутки, большіе камни, упавшіе съ нависшихъ стѣнъ, образуютъ пороги, гдѣ черная вода покрывается полосами бѣлой пѣны [1]). Почти удвоенный въ объемѣ этимъ притокомъ и сдѣлавшись внушительною рѣкой, но перерѣзанный тамъ и сямъ порогами, трудно проходимыми во время спада водъ, большой потокъ, извѣстный въ этомъ мѣстѣ подъ именемъ Тао, получаетъ свое наименованіе Сонгъ-кой (или, вѣрнѣе, Шонгъ-кай, „Великая рѣка“) лишь ниже сліянія его съ рѣкой, называемой Хамъ, Боде, Льеу, Ка, въ разныхъ частяхъ ея долины [2]); по одному изъ ея притоковъ иностранные изслѣдователи часто называютъ ее рѣкой „Прозрачной воды“; благодаря плодородію ея береговъ, она получила большую историческую важность и нѣкоторые писатели признавали ее за главную рѣку. Но самый видъ водъ, ниже соединенія, доказываетъ, что Сонгъ-кой беретъ верхъ силой теченія; чистая волна Боде теряется въ мутной водѣ сліянія, окрашивается, говоритъ легенда, кровью пораженнаго громомъ дракона [3]).

„Стволъ“ рѣки, между вѣтвями-притоками и верхнею извилиной (бифуркаціей) дельты, имѣетъ небольшую длину. Въ 150 километрахъ отъ моря воды раздѣляются: два главные рукава, Сонгъ-кой на сѣверѣ, Сонгъ-гатъ или Дай на югѣ, развѣтвляются, въ свою очередь, на многочисленные второстепенные рукава, и посредствомъ естественныхъ и искусственныхъ каналовъ превращаютъ всю дельту въ лабиринтъ острововъ

[1]) *Courlin* et *Villeroi d'Augis* „Excursions et Reconnaisances“, XI, 1882.
[2]) Карта Дютрейль-де-Рена.
[3]) *Romanet du Caillaud* „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, février 1880.

НА БЕРЕГУ РѢКИ МЕКОНГЪ.

мѣняющій свой видъ соотвѣтственно рѣчнымъ наводненіямъ и морскимъ размываніямъ. Два боковые рукава Сонгъ-коя, „рѣка Шелковичныхъ деревьевъ“ или „каналъ Пороговъ“, частью вырытый рукой человѣка [1]), и рѣка Кау-лю, соединяются на сѣверѣ съ другою дельтой, еще болѣе развѣтвленной, съ дельтой, образуемой рукавами рѣки Тай-Бинь, вытекающей, подъ именемъ Сонгъ-као, изъ озера Бабе, которое находится въ неизслѣдованной области границы. Фронтъ этой двойной дельты, обнимающій устья Сонгъ-коя и устья Тай-биня на сѣверѣ, развертываетъ свой неправильный полукругъ далеко за чертой нормальной линіи береговъ, и эта кривая, длиной около 150 километровъ, концентрична другой, гораздо болѣе обширной дугѣ, образуемой рѣчными наносами, которые отлагаются въ морѣ вдоль берега.

Главная рѣка восточнаго Индо-Китая, болѣе извѣстная прежде подъ именемъ Камбоджи, вообще обозначается въ наши дни названіемъ Меконгъ (Мейконгъ, Мехонгъ), которое примѣняется спеціально къ незначительной части ея теченія и которое, кажется, имѣетъ смыслъ „Матери-Рѣки“ или „Начальницы Водъ“, говоритъ Камоэнсъ („Mecom rio... Que capitao das aguas se interpreta...т. е. „рѣка Мекомъ“, имя которой значитъ: начальникъ водъ). Еще въ прошломъ столѣтіи на нее смотрѣли, какъ на рукавъ Ганга [2]): это была одна изъ священныхъ Гангъ, спускающихся изъ области горы Меру. Меконгъ есть потокъ, который подъ именемъ Ланцанъ-кіанга или Кинлонгъ-кіанга, т. е. „Рѣки Большаго Дракона“, беретъ начало въ одной изъ длинныхъ параллельныхъ долинъ восточнаго Тибета, между Кинша-кіангомъ или Янтсекіангомъ (Голубая рѣка) и Луцекіангомъ или Салуэномъ. Извѣстно, что Ланцанъ-кіангъ проходитъ въ страшныхъ ущельяхъ, самыхъ удивительныхъ, какія до сихъ поръ видѣли изслѣдователи Китая, и что черезъ него перекинуты во многихъ мѣстахъ летучіе мостики, качающіеся на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ надъ бѣгущимъ по дну ущелья потокомъ. На дорогѣ изъ Бамо въ китайскій городъ Тали-фу, уже много разъ пройденной европейскими путешественниками, черезъ Ланцанъ-кіангъ устроенъ висячій желѣзный мостъ: это, въ предѣлахъ Китая, самый южный пунктъ, гдѣ эту рѣку видѣли новѣйшіе изслѣдователи. Французская экспедиція 1866 года, подъ управленіемъ г. Дударъ-де-Лагре, встрѣтила Ланцанъ-кіангъ лишь въ 500 километрахъ ниже этого висячаго моста, уже на индо-китайской территоріи, въ Ксіенъ-Хонгѣ. Тамъ Ланцанъ является уже въ видѣ потока шириной отъ трехсотъ до четырехсотъ метровъ, который тихо катитъ свои воды между высокихъ крутыхъ береговъ, окаймленныхъ песчаными отмелями, и уровень котораго повышается, среднимъ

---

[1]) *Abel des Michels* „Discours d'ouverture du cours cochinchinois“, 1869.
[2]) *Engelbert Käpfer* „Histoire du Japon“.

числомъ, на 10 метровъ въ эпоху разливовъ; ниже русло его вдругъ съуживается между холмами, господствующими надъ обоими берегами. Въ этой части своего теченія Меконгъ носитъ только барки рыболововъ; какъ торговый путь, онъ почти безполезенъ. Въ 200 километрахъ ниже, на общей границѣ барманскаго Лаоса и Сіама, рѣка врѣзывается между скалъ и спускается быстринами и порогами, которые, въ сезонъ засухи, противополагаютъ судоходству непреодолимое препятствіе; на первомъ порогѣ, называемомъ Тангъ-Хо, извилистый фарватеръ, раздѣленный скалой на два рукава, имѣетъ всего только около тридцати метровъ въ ширину во время низкаго стоянія воды, тогда какъ въ эпоху разливовъ рѣчное русло занимаетъ пространство въ 600 метровъ отъ одного берега до другого. На второмъ порогѣ, Тангъ-Динъ, всѣ вóды соединяются въ одинъ каналъ отъ 40 до 50 метровъ шириной, который судовщики должны обходить волокомъ. Выше, одинъ изъ притоковъ Меконга—горячій ручей, вода котораго имѣетъ такую высокую температуру, что на берегахъ его не могутъ произростать никакія растенія [1]).

Едва вступивъ на территорію Сіамскаго государства, рѣка, которая въ этомъ мѣстѣ довольно близко подходитъ къ западному Менаму, вдругъ мѣняетъ направленіе; переставая течь на югъ, она дѣлаетъ рѣзкія уклоненія въ сторону между крутыми холмами, затѣмъ, на пространствѣ около 200 километровъ, извивается къ востоку, какъ бы направляясь къ Китайскому морю. Но новый уголъ долины въ изломѣ горъ опять возвращаетъ Меконгъ къ югу и юго-западу. У самаго этого поворота, притокъ, спускающійся съ горъ китайской границы, рѣка Намъ-Гу, смѣшиваетъ свою черную струю съ желтоватыми волнами главнаго потока. Какъ разъ напротивъ этого сліянія, на лѣвомъ берегу Меконга, высится отвѣсный утесъ, изрытый пещерами, у входа въ которыя виднѣются балюстрады буддійской капеллы; вершины сосѣднихъ мысовъ увѣнчаны обелисками, гробницами, статуями Будды. Въ мѣстѣ сліянія, высота главной рѣки надъ уровнемъ моря около 350 метровъ; но затѣмъ послѣдовательный рядъ пороговъ заставляетъ ее спуститься на гораздо болѣе низкій уровень; общее ея направленіе, въ этой части теченія, совпадаетъ съ осью Сіамскаго залива: долина указываетъ Банкокскую дорогу черезъ пониженіе, въ которомъ течетъ Менамъ-сакъ, или Сарабури. Долиной этой рѣки и долиной Намъ-Гу современемъ пройдетъ прямая дорога изъ Банкока въ Юнпанъ; начальникъ экспедиціи, посланной для изслѣдованія Меконга, думалъ-было проникнуть въ Китай путемъ, идущимъ по рѣкѣ Намъ-Гу.

Новый поворотъ отбрасываетъ Меконгъ въ восточномъ направленіи къ западному основанію Кохинхинскихъ горъ. Съ той и другой стороны

---

[1]) *Fr. Garnier* „Voyage d'exploration en Indo-Chine".

высятся холмы, запирая рѣку какъ бы въ ровъ, который въ самыхъ широкихъ мѣстахъ имѣетъ только 600 метровъ разстоянія между берегами; во время низкаго стоянія воды ширина Меконга уменьшается до 100, даже до 40 метровъ, но глубина его превышаетъ 100 метровъ; весь потокъ проходитъ въ этой разсѣлинѣ и съ каждой стороны ложе наводненія усѣяно валунами, принадлежащими къ разнообразнѣйшимъ формаціямъ и представляющими громадную геологическую коллекцію. Но это еще не послѣднія препятствія. Проходя песчаниковыя скалы, запирающія его воды въ крутыхъ берегахъ, выше впаденія большаго притока Се-Мунъ, Меконгъ спускается рядомъ пороговъ, или *кенгъ* (по Гарнье, это синонимъ словъ *тангъ*, употребляемаго въ верхнемъ Лаосѣ, и *танъ*, употребляемаго китайцами), равнаго которому, быть можетъ, нѣтъ ни на какой другой рѣкѣ Стараго или Новаго Свѣта. Повсюду рѣчное ложе представляетъ видъ чего-то недоконченнаго; открытое пространство между берегами вдругъ измѣняется, по ширинѣ, съ 300 до 50 метровъ: въ одномъ мѣстѣ воды, кажется, совсѣмъ прекращаютъ свое теченіе, какъ бы засыпаютъ въ огромномъ бассейнѣ; въ другомъ онѣ шумно низвергаются между скалами; островки, уединенныя каменныя глыбы, разсѣянные по рединѣ потока, свидѣтельствуютъ о совершенной водою работѣ размыванія. Очевидно, Меконгъ, вошедшій въ эту часть своего русла съ недавняго геологическаго періода—быть можетъ, въ эпоху вулканическихъ изверженій лавы и пепла, которыя образовали на востокѣ Боловенское плоскогорье—еще не имѣлъ времени регулировать свое теченіе, не успѣлъ вырыть себѣ дорогу, соотвѣтствующую объему его жидкой массы. На порогѣ Кенгъ-Каніенъ, воды, вдругъ сжатыя въ каналѣ шириной не болѣе 48 метровъ, то сталкиваются, то раздѣляются, образуя черезъ правильные промежутки времени, черезъ каждыя двѣ или три минуты, воронкообразныя углубленія въ нѣсколько метровъ въ діаметрѣ, которыя то наполняются набѣгающими волнами, то снова опоражниваются[1]). Понятно, какъ плаваніе на плотѣ или въ пирогѣ должно быть трудно и даже опасно по рѣчному руслу, столь неправильному, столь мало урегулированному, какимъ является еще эта часть теченія Меконга.

Хонгскіе катаракты, составляющіе границу средняго теченія рѣки черезъ холмы и горы, образованы запрудой изъ скалистыхъ острововъ и рядовъ камней, которая задерживаетъ воды Меконга и заставляетъ ихъ развѣтвляться на пространствѣ, превышающемъ въ ширину 20 километровъ. Нѣкоторые изъ рукавовъ этого архипелага пересыхаютъ въ сезонъ спада водъ; другіе до такой степени извилисты, что вода можетъ скользить

---

[1]) *Delaporte* „Voyage d'Exploration en Indo-Chine"; *L. de Carné* „L'Exploration de Mekong", „Revue des Deux Mondes", 15 juillet 1869.

тамъ безъ внезапныхъ паденій; но большинство перерѣзано порогами, изъ которыхъ одинъ имѣетъ 15 метровъ (21 аршинъ) вертикальной высоты. Нѣтъ двухъ водопадовъ, которые были бы похожи одинъ на другой; деревья, погружающія свои корни въ воду, пальмы, окаймляющія берега, скалы, покрытыя растительностью, отдаленные холмы, виднѣющіеся за лѣсами и воздѣланными полями, разнообразятъ до безконечности картину пороговъ и водопадовъ. Ниже соединенія Меконга и рѣки Аттопе, вытекающей изъ Аннамскихъ горъ, главная рѣка имѣетъ пороги въ одномъ изъ своихъ рукавовъ, между городами Стунгъ-Тренгъ и Сомборъ, но пароходы могли бы во всякое время года подниматься и спускаться по Меконгу черезъ восточный рукавъ. Бо̀льшая часть торговли между низовьемъ главной рѣки и Бассакомъ производится на бамбуковыхъ плотахъ, которые поднимаютъ грузы товаровъ до 20 тоннъ вѣсомъ.

Въ 300 километрахъ отъ моря, тамъ, гдѣ стоитъ городъ Пномъ-пень, нынѣшняя столица Камбоджи, рѣка дѣлится на двѣ вѣтви въ сезонъ разливовъ: съ этого мѣста и начинается дельта; но въ то время, какъ лѣвый рукавъ спускается на юго-западъ къ морю, правый теряется въ озерномъ резервуарѣ, Тонле-сапъ, или „Прѣсноводной Рѣкѣ“, называемомъ обыкновенно „Большимъ Озеромъ“. Двѣ вѣтви дельты, текущія въ противоположномъ одна другой направленіи, извиваются въ пониженіи почвы, которое нѣкогда было морскимъ заливомъ и которые цѣпью Пурсатъ, а также другими горными хребтами меньшей высоты и, на юго-востокѣ, нѣсколькими уединенными массивами, отдѣлено отъ Сіамскаго залива. Параллельная морю, эта водная линія, принадлежащая къ системѣ Меконга, есть не что̀ иное, какъ покинутый моремъ берегъ. На берегахъ Большаго Озера находятся залежи морской соли, которыя туземцы прежде разработывали, но потомъ забросили, по мѣрѣ того, какъ земля утрачивала свою соленость. Во̀ды, наполнявшія нѣкогда впадину залива, были мало-по-малу отдѣлены отъ моря Меконгомъ, который выдвигалъ передъ входомъ свой баръ, образовавшійся изъ осѣдающихъ на дно наносовъ. Кромѣ того, рѣчной разливъ, увлекаемый покатостью почвы къ озерной впадинѣ, превратилъ ее постепенно въ прѣсноводный бассейнъ [1]); однако, многіе морскіе виды и теперь еще живутъ въ этомъ озерѣ, морскія свиньи, скаты, морскіе коньки. По исчисленіямъ г. Буланжье, которыя, впрочемъ, кажется, сильно грѣшатъ преувеличеніемъ, озеро Тонле-сапъ, будто бы, еще во времена историческія, за восемь или десять вѣковъ до нынѣ живущаго поколѣнія, составляло часть моря, и не далѣе, какъ черезъ два столѣтія оно, будто бы, должно прекратить свое существованіе [2]). Китайскіе историческіе документы, относящіеся къ началу общепринятаго (христіанскаго)

[1]) *Ricard* „Excursions et Reconnaissances“, V, 1880.
[2]) „Excursions et Reconnaissances“, IX, 1881.

лѣтосчисленія, говорятъ о Большомъ Озерѣ, какъ о заливѣ, омывающемъ башни Банона, близь Баттамбанга [1]).

Смотря по временамъ года, на Тонле-сапъ происходитъ явленіе попеременнаго движенія жидкой массы между теченіемъ рѣки и озернымъ резервуаромъ. Въ періодъ наводненія, съ іюня до октября, потокъ, устремляющійся къ озеру и длина котораго около 115 километровъ, уноситъ излишекъ водъ рѣчнаго теченія: этотъ могучій потокъ шириною 500, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже 1.500 метровъ, и настолько глубокій, что по немъ могутъ плавать военные корабли, наполняетъ своими водами озерный резервуаръ; но въ сезонъ засухи имѣетъ мѣсто обратное движеніе жидкой массы, озеро опоражнивается мало-по-малу и потокъ направляется назадъ къ Меконгу, чтобы спуститься на юго-востокъ черезъ морскую вѣтвь. Наполненное, Большое Озеро простирается, по долинѣ, по меньшей мѣрѣ на 110 километровъ, а средняя ширина его около 25 километровъ, глубина, почти вездѣ одинаковая, отъ 12 до 14 метровъ; во время засухи бассейнъ, почти опорожненный, имѣетъ только нѣсколько дециметровъ воды, полтора метра въ самыхъ впалыхъ мѣстахъ, и берега его временно обсыхаютъ; онъ занимаетъ тогда площадь около 260 квадратныхъ километровъ, составляющую лишь шестую часть поверхности разлива. Можно считать слишкомъ въ 35 милліардовъ кубич. метровъ объемъ, приносимый въ резервуаръ разливомъ рѣки; на столько же уменьшаются размѣры наводненія въ области дельты. Изливаясь въ Тонле-сапъ, Меконгъ увлекаетъ также землистыя частицы, илъ и песокъ, которые постепенно повышаютъ дно и въ концѣ-концовъ возвысятъ его до уровня твердой земли; равнина, то обсыхающая, то болотистая, которая служитъ преддверіемъ озерному бассейну, носитъ у камбоджійцевъ очень вѣрное названіе Веаль-покъ, т. е. „Грязная равнина“. Небольшія рѣчки, или *прекъ*, берущія начало на востокѣ отъ Банкока и спускающіяся къ Большому Озеру, соединятся когда-нибудь въ одинъ рѣчной потокъ, паденіе котораго, повышенное осаждающимися наносами, не будетъ болѣе имѣть попеременнаго движенія; онъ превратится въ простой притокъ. Это попеременное движеніе потока дѣлаетъ теперь изъ Большаго Озера рыболовное водовмѣстилище. Миріады рыбъ, приносимыхъ разливомъ, остаются въ мелководномъ бассейнѣ послѣ отступленія водъ; цѣлыя тучи птицъ кружатся надъ кишащею массой рыбы; рыболововъ, хотя они собираются въ огромномъ количествѣ, оказывается недостаточно, чтобы эксплуатировать всѣ эти рыбныя банки, откуда сѣть никогда не вынимается пустою [2]): около 30.000 рыбаковъ, аннамцевъ, сіамцевъ, малайцевъ, хмеровъ, населяютъ воды озера во время рыболовнаго

---

[1]) *Dutreuil de Rhins*, рукописныя замѣтки.
[2]) *Aymonier* „Notice sur le Cambodge“.

сезона, и на берегахъ его основываются временныя деревни китайскихъ рыботорговцевъ. Камбоджане питаются преимущественно рыбой, и кромѣ того, вывозятъ ее въ Нижнюю Кохинхину, въ количествѣ отъ семи до восьми милліоновъ килограмовъ (отъ 420.000 до 480.000 пудовъ) [1]).

Ниже города Пномъ-пень, Меконгъ, сопровождаемый ложными рѣками, которыя мѣняютъ теченіе сообразно наводненіямъ, дѣлится на два рукава: на востокѣ Тьенъ-гіангъ, или „Передняя рѣка", на западѣ Ханъ-гіангъ, или „Задняя рѣка", которые текутъ почти параллельно на пространствѣ около 200 километровъ. Ханъ-гіангъ, или рѣка Бассакъ, почти прямолинейная, изливается въ Китайское море двумя *кса* (*сиа*), или протоками, тогда какъ восточная рѣка дѣлится на вѣтви, образующія второстепенную дельту, имѣющую измѣнчивое число устьевъ и соединяющуюся посредствомъ боковыхъ рукавовъ съ различными рѣками, которыя нѣкогда были развѣтвленіями Меконга: западный Вайко и восточный Вайко, соединяющіеся между городами Мито и Сайгономъ, рѣка Сайгонъ и Доннай (Донгъ-най), берущій начало въ Аннамскихъ горахъ, суть, въ своемъ нижнемъ теченіи, эти старые рукава, соединяющіеся съ главною рѣкой лишь посредствомъ сѣти потоковъ и рвовъ, вырытыхъ рукой человѣка. Точно также, на западѣ „Задней рѣки" равнина перерѣзана каналами, которые впадаютъ въ Сіамскій заливъ. Вся французская Кохинхина, за исключеніемъ сѣверо-восточныхъ холмовъ и нѣсколькихъ островныхъ пригорковъ, вокругъ которыхъ наносы оттѣснили вòды, принадлежитъ къ области дельты. Длинный полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Камбоджа (Мюй-ганъ или Онгъ-докъ), былъ весь отложенъ рѣчнымъ теченіемъ, но послѣднее взяло обратно бòльшую часть этихъ отложеній, передѣлывая свои берега; между крайними рукавами дельты разстояніе, вдоль морскаго фронта, не менѣе 600 километровъ; кромѣ того, линія отмелей, продолжающаяся передъ берегами, выдвигается въ море километровъ на пятьдесятъ. На какой изъ этихъ береговъ присталъ знаменитый португальскій поэтъ Камоэнсъ, поддерживаемый доской разбившагося корабля и державшій надъ волнами рукопись своей поэмы Луизіады?

Но дельта Меконга во многихъ частяхъ своего протяженія еще не вполнѣ отвоевала у моря занимаемое ею пространство. Какъ всѣ другія рѣки, часто заливающія прибрежныя мѣстности, Меконгъ поднялъ своими наносами уровень своихъ береговъ на значительную высоту надъ поверхностью равнинъ внутренности материка; вдоль рѣчнаго ложа, по краямъ выдѣляющихся изъ него боковыхъ рукавовъ и на окружности острововъ земля всего лучше обсохла, и здѣсь-то, разумѣется, прибрежные жители построили свои жилища, провели борозды въ почвѣ и посѣяли питательныя растенія. На нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ, внутри земель и

---

[1]) *Buchard* „Excursions et Reconnaissances", V, 1880.

на островахъ, болотистая почва, усѣянная озерами и прудами, непригодна для большинства культуръ; завоевать эту почву для земледѣлія можно было бы не иначе, какъ посредствомъ искусственной осушки, предпринятой въ большихъ размѣрахъ. Такъ-называемая „Тростниковая равнина“, занимающая на сѣверной сторонѣ передней рѣки столь обширное протяженіе, есть одна изъ этихъ земель, нѣкогда покрытыхъ моремъ, которыя теперь составляютъ часть континентальныхъ пространствъ, но гдѣ площади прѣсной воды, скрытыя подъ лѣсомъ тростника, застаиваются на почвѣ по нѣсколько мѣсяцевъ послѣ періода наводненій; туземцы могли обратить подъ пашню только окраины этихъ болотъ, по берегамъ рѣкъ, быстро утекающихъ во время спада водъ [1]). Даже на земляхъ, повидимому, обсохшихъ, часто бываетъ, что подъ поверхностнымъ слоемъ, отвердѣвшимъ вслѣдствіе испаренія, подпочва остается болотистою. Поверхность поддерживаетъ легкіе соломенные шалаши туземцевъ, но болѣе тяжелыя постройки неминуемо исчезли бы: слишкомъ глубокая закладка фундаментовъ пробила бы верхнюю, оказывающую сопротивленіе, кору, и строительные матеріалы увязли бы въ топкомъ болотѣ [2]). Нѣкоторые каналы окаймлены землями, до такой степени жидкими, что углубленіе ихъ при помощи землечерпальныхъ снарядовъ оказывается совершенно безполезною работой: вынутый илъ тотчасъ же замѣняется новою грязью, сочащеюся съ береговъ. Равнины перерѣзаны по всѣмъ направленіямъ извилистыми руслами, куда стекаютъ воды разлива Меконга и другихъ рѣкъ дельты. Нынѣшніе властители края оставили за этими потоками имена, данныя имъ первыми португальскими мореплавателями; лучше было бы употреблять французскія слова, какъ „ruisson“, „estey“, „bayou“, которыми пользуются жители Сентонжа, гасконцы, креолы Луизіаны.

Объемъ жидкой массы Меконга еще не былъ измѣренъ съ такою же точностью, какъ объемъ Иравадди, Миссисипи и большихъ рѣкъ Западной Европы. Въ Лахонѣ, въ странѣ Лаосъ, г. Делапортъ исчислилъ стокъ рѣки, или объемъ протекающей въ секунду воды, въ 1.350 кубич. метровъ, но тогда былъ конецъ сухаго времени года. Въ Бассакѣ, ниже впаденія притока Се-Мунъ, Френсисъ Гарнье нашелъ 9.000 кубич. метровъ, 5 декабря, въ то время, когда уровень воды уже понизился на 9 метровъ и средняя скорость теченія не превышала одного метра въ секунду. Вычисленіе дало ему слишкомъ 50.000 кубич. метровъ для стока во время большаго разлива; въ мѣстѣ бифуркаціи дельты стокъ, будто бы, достигаетъ 60.000 или 70.000 кубич. метровъ [3]); а по Буланжье, и эти огромныя числа еще ниже дѣйствительности [4]). Какъ бы то ни было,

[1]) *Silvestre* „Guide de l'explorateur dans le bassin du Cambodge“.
[2]) *Boulangier* „Revue scientifique et littéraire“, 1880.
[3]) „Voyage d'exploration en Indo-Chine“.
[4]) „Excursions et Reconnaissances“, IX, 1881.

средній объемъ протекающей въ секунду воды нужно считать не менѣе 12.000 кубич. метровъ. Такимъ образомъ, Меконгъ, по величинѣ, соперничаетъ съ Иравадди, хотя во всей верхней части его теченія цѣпи горъ задерживаютъ двойнымъ или тройнымъ валомъ движеніе дождливаго муссона; въ нижней области бассейна, къ югу отъ страны лаонцевъ, наибольшая часть облаковъ разрѣшается въ дождь на западной отлогости горъ Кохинхины. Вода въ Меконгѣ, мутная въ періодъ мелководья, становится желтою отъ ила въ мѣсяцы наводненія, и до большаго разстоянія въ морѣ потокъ, содержащій землистыя частицы, утратилъ свою прозрачность. При всѣхъ устьяхъ ударъ набѣгающей съ открытаго моря зыби о рѣчное теченіе заставляетъ послѣднее отлагать часть своего ила, вслѣдствіе чего при входѣ образуются банки. Обширный треугольный полуостровъ Камао, продолжающійся на юго-западѣ дельты, есть цѣликомъ „даръ рѣки"; медленный потокъ, окаймленный „водяными пальмами", заслоняющими видъ со всѣхъ сторонъ, развѣтвляется на тысячу каналовъ, и болота занимаютъ всѣ промежуточныя пространства: тамъ и сямъ залегаютъ небольшія озера, куда рыба удаляется въ несмѣтномъ множествѣ въ сухое время года. Только при высокомъ приливѣ корабли проникаютъ въ рѣку; самый низкій порогъ, Куа-тіе, можетъ быть переходимъ судами, имѣющими до 5 метровъ посадки въ водѣ. Въ эпоху разливовъ, морской приливъ, отражаемый рѣчнымъ теченіемъ и достигающій, среднимъ числомъ, высоты одного метра, поднимается по рѣкѣ лишь на незначительное разстояніе отъ устья; въ сезонъ мелководья, приливная волна распространяется вверхъ по теченію далеко за „Четыре рукава" у города Пномъ-пень, съ одной стороны до Хонскихъ пороговъ, съ другой—до бассейна Большаго Озера; измѣненіе уровня, производимое приливомъ въ этомъ резервуарѣ, составляетъ около дециметра [1]).

Заключенная на всемъ своемъ протяженіи въ предѣлахъ тропическаго пояса, Кохинхина есть страна жаровъ. Въ Тонкинѣ, гдѣ бываютъ сравнительно самые большіе холода, термометрическій столбъ ртути можетъ опускаться въ исключительныхъ случахъ до 7,6° Цельзія. Въ Гюэ, столицѣ Аннамскаго королевства, самая низкая температура, какую до сихъ поръ наблюдали, была, по Дютрейль-де-Рену, 17° стоградуснаго термометра, въ Сайгонѣ она не бываетъ ниже 18 градусовъ; но въ бассейнѣ Меконга, отдѣленномъ отъ моря Кохинхинскими горами, климатъ имѣетъ гораздо болѣе континентальный характеръ. Г. Харманъ отмѣтилъ тамъ, въ апрѣлѣ, температуру 8,6° и туземцы увѣряли, что такой холодъ у нихъ не рѣдкость [2]). Зато лѣтнія жары сильнѣе и тягостнѣе во внутренности материка, чѣмъ на морскомъ прибрежьи; онѣ также сильнѣе въ

[1]) *J. Moura* „Le Royaume du Cambodge".
[2]) „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", janvier 1879.

ТИПЫ ПЛЕМЕНИ МОЙ.

дельтѣ Сонгъ-коя, на сѣверѣ Кохинхины, нежели въ Сайгонѣ, въ нижнемъ бассейнѣ Меконга; разность между крайними температурами становится все значительнѣе, по мѣрѣ того, какъ поднимаешься съ юга къ сѣверу: въ то время, какъ въ Сайгонѣ амплитуда колебаній температуры составляетъ только отъ 8 до 9 градусовъ, въ Ганоѣ, въ Тонкинѣ, она превышаетъ 28 градусовъ.

Климатъ Тонкина и французской Кохинхины:

	Средняя температура года.	Самый теплый мѣсяцъ.	Самый холодный мѣсяцъ.	Разность.	Средняя дождя.
Ганой, подъ 21° с. ш. (2 года наблюд.)	23,5° Ц.	іюнь, 31,4°	январь, 14,3°	17,1°	1,802 метр.
Гюэ, подъ 16°30′ с. ш. (1 годъ наблюд.)	„	іюль, 34°	декабрь, 22,7°	11,3°	„
Сайгонъ, подъ 10°43′ с. ш. (7 лѣтъ набл.)	27,01°	апрѣль, 29,85°	февраль, 27,0°	2,85°	1,740 „

Какъ и въ Индіи по сю сторону Ганга, годъ дѣлится на два времени: сезонъ дождей и сезонъ засухи, но воздухъ всегда влаженъ; обыкновенно считаютъ еще третье время года—періодъ жаровъ, предшествующій юго-западному муссону. Перемѣны временъ года, по крайней мѣрѣ въ восточной Кохинхинѣ и особенно во впадинѣ Тонкинскаго залива, происходятъ не безъ рѣзкихъ воздушныхъ революцій. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда наступаетъ муссонъ, каждый вечеръ образуются кучи облаковъ, гдѣ гремитъ громъ и откуда льются потоки дождя, смѣшанные иногда съ небольшимъ количествомъ града. „Небо падаетъ", говорятъ тогда туземцы; ливень до такой степени обиленъ и продолжителенъ, „какъ будто цѣлое море льется изъ воздушныхъ пространствъ сквозь громадное рѣшето" [1]). Циклоны, которые иногда кружатся на берегахъ Аннама, при возобновленіи муссона разряжаются преимущественно къ концу года, въ октябрѣ и ноябрѣ. Мѣстное населеніе съ такою увѣренностью ожидаетъ предстоящаго бѣдствія, что когда замѣтитъ признаки, предвѣщающіе скорое появленіе урагана, то внутри домовъ жители спѣшатъ укрѣпить стѣны, подпирая ихъ толстыми бревнами; не смотря, однако, на эти подпорки, часто случается, что циклонъ срываетъ перегородки, и домъ уносится въ вихрѣ. Въ 1867 году только три церкви остались на мѣстѣ изъ трехсотъ, которыми миссіонеры владѣли въ краѣ [2]).

Въ одно и то же время жаркій и сырой, климатъ нижней Кохинхины есть одинъ изъ самыхъ опасныхъ, какимъ только можетъ подвергаться европеецъ; нигдѣ ему не приходится принимать больше предо-

[1]) *Combes* „Annales de la Propagation de la Foi", 1855.
[2]) *Cezon*, тотъ же сборникъ 1868 г.

сторожностей, чтобы преодолѣть трудности акклиматизаціи. Накожныя болѣзни, включая сюда проказу, нарывы и болѣзни внутренностей очень обыкновенны въ области низовья Меконга. „Кохинхинская діаррея“, отъ которой погибли тысячи солдатъ и моряковъ, порождается, повидимому, однимъ паразитомъ, *anguillula stercoralis*, который происходитъ, быть можетъ, изъ прѣсныхъ водъ и развивается сотнями тысячъ въ человѣческомъ тѣлѣ [1]). Даже, когда иностранцы, поселившіеся и прожившіе нѣсколько лѣтъ въ Кохинхинѣ, не страдаютъ никакою спеціальною болѣзнью, они дѣлаются анемиками (малокровными), и если не уѣдутъ обратно въ Европу, рискуютъ угаснуть отъ истощенія силъ, даже не кажась больными [2]). Однако, смертность между европейцами стала теперь гораздо менѣе сильна, чѣмъ въ первые годы оккупаціи, благодаря ассенированію городовъ и болѣе глубокому ознакомленію съ мѣстными болѣзнями и съ гигіеной, которой должно слѣдовать. Впрочемъ, по дѣйствующему уставу, пребываніе европейскихъ чиновниковъ ограничено двухлѣтнимъ срокомъ, такъ какъ третій годъ признанъ по опыту годомъ климатерическимъ, т. е. годомъ наибольшей опасности для жизни европейца [3]). Впрочемъ, тамошній климатъ представляетъ одну немаловажную выгоду: нѣтъ страны, гдѣ бы пораненія всякаго рода заживали быстрѣе и безъ лихорадки. Вообще говоря, климатъ гористыхъ мѣстностей гораздо здоровѣе; однако, большинство лѣсовъ нездорово: внизу господствуетъ болотная лихорадка, выше—лихорадка лѣсная, которая угрожаетъ аннамитамъ равнины столько же, какъ и европейцамъ [4]). До сихъ поръ французы еще не основали санитарныхъ городовъ на какомъ-нибудь горномъ плато; впрочемъ, вершины, достаточно высокія, чтобы можно было пользоваться тамъ укрѣпляющимъ горнымъ воздухомъ, не встрѣчаются въ предѣлахъ ихъ владѣній. Англичане нашли наиболѣе благопріятный поясъ для основанія своихъ санаторіевъ на высотѣ отъ 2.000 до 2.200 метровъ; но въ восточномъ Индо-Китаѣ мало горныхъ вершинъ, которыя достигали бы этой высоты. Г. Торель полагаетъ, что плоскогорье Сараванъ было бы, въ сосѣдствѣ французскихъ владѣній, наиболѣе удобною мѣстностью для основанія санитарнаго города.

Съ тѣхъ поръ, какъ французы утвердились въ нижней Кохинхинѣ, флора этой страны стала извѣстна и ботаническія изслѣдованія постепенно были распространены на Камбоджу, бассейнъ Меконга и горы Аннама. Слишкомъ 12.000 растительныхъ видовъ были обслѣдованы въ

---

[1]) *Normand*; *Wernich* „Geographisch-Medicinische Studien“; *Mahé* „Dictionnaire encyclopédique des sciences medicales“; *Ollivier* „Observations en Algérie, Chine et Cochinchine“.

[2]) *Bouillevaux* „L'Annam et le Cambodge“.

[3]) *Morice* „Revue d'Anthropologie“, 1875.

[4]) *Thorel*; *Mahé*; *Normand etc.*

восточномъ Индо-Китаѣ[1]). На берегу моря болотистыя пространства и затопленныя земли покрыты ризофорами (корнепусками), пандапами, пальмами каламами съ длиннымъ и гибкимъ стеблемъ, какъ у тростника. Между этою зоной морскаго прибрежья, флора которой еще не измѣнилась подъ вліяніемъ человѣка, и областью горъ, гдѣ дѣвственные лѣса еще сохранили безконечное разнообразіе своихъ типовъ, простираются рисовыя поля, сады, рощи кокосовыхъ и арековыхъ пальмъ, культивируемые аннамитами; эта область есть, вмѣстѣ съ полуостровомъ Малаккой, самая богатая страна Азіи по разнообразію и обилію плодовъ; въ этомъ отношеніи Индо-Китай далеко превосходитъ полуостровъ по сю сторону Ганга[2]). Равнины нижняго Меконга и восточная покатость водораздѣльной цѣпи Аннама и Тонкина во многихъ мѣстахъ совершенно лишились своей самопроизвольной флоры; употребляемая туземцами система культуры, состоящая въ выжиганіи лѣсовъ въ концѣ сухаго времени года, для того, чтобы бросить зерно въ пепелъ, имѣла слѣдствіемъ опустошеніе нѣкоторыхъ мѣстностей. Выше, въ поясѣ горъ Лаоса и земли Мой, заключенномъ между 500 и 1.500 метровъ высоты, тянутся дѣвственные лѣса, гдѣ растенія Гималаевъ, Китая, Японіи перемѣшаны съ индо-китайскими видами и гдѣ встрѣчаешь даже анемоны, фіалки, колокольчики, какъ въ Западной Европѣ. Тамъ растутъ деревья, наиболѣе цѣнимыя для построекъ и столярныхъ издѣлій, какъ-то: текъ, деревья желѣзное, лаковое, орлиное, изъ которыхъ послѣднее издаетъ, при горѣніи, восхитительный ароматъ; въ Аннамѣ употребленіе его присвоено исключительно королю и богамъ: его жгутъ только во дворцѣ и въ храмахъ. Равнымъ образомъ, одна разновидность корицы принадлежитъ исключительно государю; высоко цѣнимая въ тонкинской фармакопеѣ, она продается контрабанднымъ путемъ до сотни франковъ за унцію[3]). Ботаническій садъ въ Сайгонѣ обладаетъ большинствомъ растительныхъ видовъ, найденныхъ во внутреннихъ областяхъ; онъ заключаетъ всѣ лѣсныя породы Индо-Китая и сосѣднихъ странъ. Кромѣ того, промышленныя растенія тропическаго пояса, кофейное дерево, лавръ коричный, гвоздичникъ, мускатное дерево, индигоносница, перечникъ, сахарный тростникъ, деревья гуттаперчевое и каучуковое, хлопокъ, ваниль, джута представлены во всѣхъ ихъ разновидностяхъ; посаженныя въ этомъ саду деревья и растенія считаютъ десятками тысячъ. Не смотря на баснословное богатство ихъ флоры, аннамиты ограничиваются обыкновенно культурой небольшаго числа видовъ: рисъ, котораго здѣсь существуетъ около сорока разновидностей, составляетъ ихъ главное хлѣбное растеніе, а молодые побѣги

---

[1]) *Pierre* „Flore générale de l'Indo-Chine"; *E. Blanchard* „Réunion des Sociétés savantes en 1879".

[2]) *Otto Kunze* „Um die Erde".

[3]) *Theurel* „Annales de la Propagation de la Foi", 1868.

*

бамбука замѣняютъ имъ овощи; для выдѣлки цыновокъ, рѣшетокъ, веревокъ, корзинъ, даже сосудовъ и большинства предметовъ омеблированія, для постройки домовъ и барокъ имъ достаточно бамбука. Недавно во Франціи было много толковъ о кохинхинскомъ дикомъ виноградѣ, какъ могущемъ замѣнить виноградныя лозы, истребленныя филоксерой; но эта индо-китайская ліана даетъ лишь терпкіе плоды, изъ которыхъ получается отвратительный напитокъ.

Фауна Аннама сходна съ животнымъ царствомъ Передней Индіи. Она заключаетъ въ себѣ слона, носорога, дикаго буйвола, а также одинъ видъ быка, *дзинъ*, который, можетъ быть, есть то же самое, что̀ и животное, извѣстное у племени мишми подъ именемъ минутъ. „Владыка тигръ" рыскаетъ въ лѣсахъ Аннама, какъ и въ лѣсахъ центральной Индіи, гоняясь за оленями и козулями; аннамиты рѣдко нападаютъ на него прямо; они обыкновенно ловятъ его, устроивая западни— прикрытыя сверху вѣтками и хворостомъ глубокія ямы; но во французской Кохинхинѣ начинаютъ охотиться на тигра изъ засады, подстерегая его изъ шалашей, такъ какъ правительство выдаетъ премію за истребленіе кровожадныхъ звѣрей (число опасныхъ дикихъ животныхъ, убитыхъ во французской Кохинхинѣ въ 1880 году: 84 тигра, 22 пантеры, 17 дикихъ буйволовъ). Туземцы смотрятъ на тигра, какъ на бога, и носятъ его зубы въ видѣ амулетокъ; чтобы отвратить его гнѣвъ, жители округовъ, часто посѣщаемыхъ страшнымъ звѣремъ, прибиваютъ снаружи своихъ домовъ цвѣтныя бумаги, гдѣ написаны похвалы ему. Аннамиты приручаютъ слона, какъ это дѣлаютъ ихъ сосѣди, жители Камбоджи и Сіама, но употребляютъ его на работу рѣже; больше всего они пользуются для перевозки своихъ произведеній буйволомъ; они утилизируютъ также вола для обозовъ и даже для ѣзды. Лошади аннамскія малорослы и слабосильны, но теперь ихъ замѣняютъ болѣе сильными животными, привозимыми изъ Индіи и Австраліи. Кохинхинская собака— довольно независимое животное, мало заботящееся о своемъ хозяинѣ и рѣдко ласкаемое имъ. Въ сельскихъ мѣстностяхъ Тонкина, Аннама и Камбоджи каждый скотный дворъ заключаетъ въ себѣ не малое количество свиней, а птичьи дворы богаче курами, гусями и утками, чѣмъ большинство европейскихъ фермъ. Рыба тоже входитъ значительною долей въ составъ животной пищи аннамитовъ и камбоджійцевъ. Послѣдніе со страстью занимаются ловлей крокодиловъ, мясо которыхъ, особенно мясо хвоста, кажется имъ очень вкуснымъ. Равнымъ образомъ, гнилая рыба и питающіеся ею червяки, а также сырые кузнечики составляютъ лакомыя блюда у жителей страны[1]).

---

[1]) „Journal officiel de la République française", 16 septembre 1875.

Населенія, еще дикія, восточнаго Индо-Китая, оттѣсненныя на западѣ сіамцами и лаосцами, на востокѣ и югѣ аннамитами, на юго-западѣ камбоджійцами, живутъ только въ области лѣсовъ, на плоскогорьяхъ и въ долинахъ горъ. Большинство ихъ извѣстно подъ генерическимъ именемъ: это мюонгъ тонкинцевъ, ха сіамцевъ, пномъ камбоджійцевъ, мои аннамитовъ, лоло китайцевъ; на границахъ французской Кохинхины, около истоковъ Донная, они называютъ себя трао [1]). Г. Торель причисляетъ эти дикія племена къ большой семьѣ альфурусовъ Океаніи. Какъ бы то ни было, эти народцы, разсматриваемые въ ихъ совокупности, живутъ малочисленными группами, изолированными одна отъ другой, и лишь изрѣдка встрѣчаются между собою для торговаго обмѣна или для вооруженныхъ столкновеній; національное ихъ оружіе — лукъ, изъ котораго они пускаютъ отравленныя бамбуковыя стрѣлы на разстояніе свыше 100 метровъ; кромѣ того, они употребляютъ въ дѣло и топоры. Всѣ они земледѣльцы, но не имѣютъ другихъ полей, кромѣ прогалинъ, полученныхъ путемъ лѣснаго пожара; всѣ прибавляютъ къ урожаю продукты охоты и сбора плодовъ въ лѣсахъ; но передъ жатвою имъ часто случается терпѣть недостатокъ въ продовольствіи, и тогда они принимаются за пресмыкающихся, разныхъ мелкихъ звѣрьковъ, червей и предпринимаютъ воровскія экспедиціи. Вообще, племена восточнаго Индо-Китая, хотя непохожія другъ на друга во многихъ отношеніяхъ, имѣютъ общіе этнографическіе признаки: средній ростъ, смуглый цвѣтъ кожи, болѣе темный, чѣмъ у аннамита, менѣе черный, чѣмъ у индуса, сдавленный черепъ, округлое лицо, менѣе плоское, нежели у монголовъ, прямые и горизонтальные глаза, очень большой ротъ и огромныя челюсти. Борода у моевъ гуще, чѣмъ у аннамитовъ и китайцевъ; кромѣ того, они имѣютъ бакенбарды и торсъ слегка обросъ волосами. Выраженіе лица у нихъ кроткое, но оно рѣдко озаряется улыбкой: когда они хотятъ выказать радость, они раскрываютъ широко ротъ [2]).

По Комбу, всѣ дикари, которые живутъ въ обширной странѣ, простирающейся между Аннамомъ, Лаосомъ и Камбоджей, принадлежатъ къ одной и той же семьѣ; физіономія, черты, вѣрованія, нравы и обычаи сходны у всѣхъ племенъ, и хотя языки очень разнятся между собою, однако большая часть словаря во всѣхъ одинакова и синтаксисъ ихъ совершенно тожественъ. Эти нарѣчія нисколько не похожи на діалекты аннамитовъ: они отличаются очень простою конструкціей, плавнымъ и легкимъ произношеніемъ. Очень богатыя выраженіями, относящимися къ предметамъ и явленіямъ природы, къ земледѣльческимъ работамъ и къ торговлѣ, идіомы этихъ дикарей почти совсѣмъ не имѣютъ словъ,

---

[1]) *Neïs* et *Septans* „Excursions et Reconnaissances". X. 1881.
[2]) *Thorel* „Voyage d'Exploration en Indo-Chine".

обозначающихъ отвлеченныя понятія; за исключеніемъ говора мюонговъ Черной рѣки и нѣкоторыхъ другихъ племенъ Тонкина [1]), ни одинъ изъ этихъ языковъ не имѣетъ письма; оттого *лабааръ*, или „говорящая бумага", пользуется въ горахъ Аннама мистическимъ вліяніемъ, столь же могущественнымъ, какъ и у негровъ внутренней Африки [2]). Аннамиты и китайцы наперерывъ другъ передъ другомъ злоупотребляютъ простодушіемъ туземцевъ; они знаютъ, что изъ за удовольствія надѣть себѣ на шею ожерелье изъ зеленыхъ или красныхъ бусъ, дикари не задумаются пожертвовать будущностью женщинъ и дѣтей и заранѣе обрекутъ ихъ на рабство [3]): имя мои, въ Кохинхинѣ, еще недавно было синонимомъ невольника [4]), какъ имя ха въ странѣ Сіамъ. Во многихъ округахъ пояса, окружающаго территорію цивилизованныхъ аннамитовъ, ходятъ на охоту за дѣтьми, все равно, какъ пошли бы охотиться на оленя. Живя въ постоянномъ страхѣ, мои или трао изъ всѣхъ народцевъ, по большей части, чрезвычайно пугливы, но и имъ иногда случается въ стычкѣ убивать нападающихъ на нихъ людей. Въ этомъ случаѣ обычай племени трао требуетъ, чтобы тѣло убитаго врага было съѣдено сообща всѣми жителями деревни [5]).

Сѣверные дикари, вообще, цивилизованнѣе южныхъ, благодаря, безъ сомнѣнія, сосѣдству Китая, откуда промышленность, науки, искусства распространялись постепенно въ южномъ направленіи. Между этими образованными племенами одно изъ самыхъ замѣчательныхъ племя до или лава, которые живутъ къ западу отъ Меконга, въ горахъ, сосѣднихъ съ Юннаномъ; отличаясь торговымъ духомъ, они воздѣлываютъ различныя земледѣльческія произведенія для вывоза въ Китай, въ особенности хлопокъ; они регулярно спускаются съ горъ на рынки, и обращенные въ буддійскую вѣру, выказываютъ не меньшую религіозную ревность, чѣмъ лаонцы окрестныхъ мѣстностей. Къ востоку отъ Меконга живутъ тѣ племена, извѣстныя подъ именемъ „Тринадцати Мюонговъ", которыя отличаются знаніемъ письма; они имѣютъ силлабическую азбуку изъ 36 знаковъ, и употребляемая ими система счисленія состоитъ изъ девяти единицъ. Очень промышленныя, они ткутъ шелкъ, хлопокъ и другія прядильныя вещества, знаютъ также искусство крашенія тканей. Семьи ихъ очень многочисленны, но въ сосѣдствѣ равнинъ большинство дѣтей выкрадывается и обращается въ рабство китайскими бандитами [6]). Не къ этимъ ли мюонгамъ слѣдуетъ причислить нагамскихъ мео, которые, по словамъ миссіонера Фіота, насчитываютъ

---

[1]) *Courtin* et *Villeroi d'Augis* „Excursions et Reconnaissances", XI, 1881.
[2]) *Combes* „Annales de la Propagation de la Foi", 1855.
[3]) *Moty* „Excursions et Reconnaisances", IV, 1879.
[4]) *Silvestre*; *Henry*, тотъ же сборникъ, IV.
[5]) *Neïs* et *Septans*, цитированный мемуаръ.
[6]) *Courtin* et *Villeroi d'Augis*, цитированная статья.

не менѣе 6.000 домовъ въ многочисленныхъ селеніяхъ? Они одѣваются по китайской модѣ и даже говорятъ китайскимъ языкомъ, болѣе или менѣе испорченнымъ; религія ихъ состоитъ изъ культа предковъ. Тщательно избѣгая сношеній съ населеніями другого корня, они имѣютъ домашнихъ животныхъ различныхъ породъ и воздѣлываютъ даже овощи, которыя не встрѣчаются у ихъ сосѣдей и сѣмена которыхъ они отказываются давать посѣтителямъ.

На югѣ Тонкина различныя племена ха, извѣстныя подъ мѣстными названіями, какъ-то: со, суэ, пу-тай, бру и брао, гой и гай, темепъ, ягупъ, боловенъ, алакъ, те, тсу, прунъ, лове, титай[1]), занимаютъ лѣсныя прогалины и плоскогорья водораздѣльной области. Почти всѣ эти туземцы, столь же пугливые, какъ лѣсные звѣри, убѣгаютъ при приближеніи аннамитовъ, которые, впрочемъ, и сами боятся ихъ, какъ колдуновъ. Разсказываютъ объ одномъ народцѣ ха, что онъ обитаетъ въ двухъ деревняхъ, называемыхъ одна—„Готовое пламя“, другая—„Готовая вода“, и что этимъ людямъ стоитъ только сдѣлать знакъ, чтобы уничтожить своихъ враговъ пожаромъ или потопомъ. Также какъ средневѣковые географы, жители Камбоджи представляютъ себѣ обитателей этихъ малоизвѣстныхъ областей какими-то чудовищами, отличными отъ другихъ людей: по ихъ понятію, ха одного племени имѣютъ, будто бы, въ груди отверстіе въ родѣ клапана, который они открываютъ, чтобы чистить себѣ желудокъ съ помощью палки[2]).

Наиболѣе извѣстны изъ племенъ ха тѣ, которыя населяютъ водораздѣльную область между нижнимъ Меконгомъ и аннамитскою провинціей Бинь-динь, какъ-то: чанграй, гіарай, радехъ, банаръ, седангъ, стіенгъ. Между этими дикарями промышленностью особенно славятся гіараи, издѣлія которыхъ отличаются сравнительно наибольшимъ искусствомъ и лучшимъ вкусомъ: выдѣлываемыя ими ткани, очень тонкой работы, украшены прелестными узорами; вещи изъ хорошо закаленнаго желѣза имѣютъ изящную форму; мѣдные инструменты свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ промышленномъ развитіи. Что касается седанговъ, то можно сказать, что они составляютъ народъ кузнецовъ; по окончаніи полевыхъ работъ, жители семидесяти деревень принимаются за добываніе руды изъ многочисленныхъ залежей и выковываютъ земледѣльческія и другія орудія и оружіе, которыя и продаютъ своимъ сосѣдямъ, въ обмѣнъ на ткани и сельскія произведенія. Такимъ образомъ, между этими населеніями установилось раздѣленіе труда. Галанги собираютъ въ небольшомъ количествѣ блестки золота въ пескѣ своихъ рѣчекъ и продаютъ ихъ лаонцамъ; но главную статью торговли составляютъ невольники,

[1]) См. карту Дютрейль-дю-Рена.
[2]) *Adolf Bastian* „Geographische und Ethnologische Bilder“.

захватываемые въ плѣнъ въ войнахъ между отдѣльными племенами. Обычай родовой мести существуетъ у всѣхъ этихъ народцевъ. „Отмсти за себя! не сегодня, такъ завтра!“—таковъ любимый девизъ дикарей [1]).

Банары, или ба-хнары, родственные по языку своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, седангамъ, составляютъ, между населеніями страны, одно изъ тѣхъ, которыя всего лучше сохранили древнія преданія; въ то же время между туземцами нѣтъ народца, который былъ бы лучше изученъ европейцами. Миссіонеръ Комбъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ землѣ банаровъ, опредѣляетъ число ихъ въ 25.000 человѣкъ. Посреди ихъ деревень, которыхъ насчитываютъ около сотни, стоитъ большой общій домъ, гдѣ справляются празднества и религіозныя церемоніи и который могъ бы, въ случаѣ надобности, служить крѣпостью, благодаря солидности его постройки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—„мальчишникъ“, гдѣ молодые люди и холостяки проводятъ ночь. Дѣти, разлучаемыя съ матерью со дня отнятія отъ груди, воспитываются въ этихъ общественныхъ „дворцахъ“, болѣе обширныхъ и болѣе красивыхъ, чѣмъ большинство подобныхъ зданій у другихъ дикарей Индіи. Молодой человѣкъ признается за мужчину только послѣ того, какъ онъ заключитъ съ товарищемъ договоръ дружбы, опорожнивъ полную чашу ихъ смѣшанной крови [2]). Для ратификаціи мирныхъ трактатовъ соблюдаютъ подобныя же церемоніи; но въ этомъ случаѣ уполномоченными, смѣшивающими свою кровь, являются мужчина съ одной стороны, женщина—съ другой: миръ облекается въ форму брачнаго союза. Духъ общинной солидарности очень силенъ у банаровъ: никогда семья не станетъ пить приготовленное ею пальмовое вино или ѣсть добычу охоты, безъ того, чтобы не пригласить своихъ сосѣдей и не дать имъ такой же доли, какъ ея собственная; даже когда ребенокъ поймаетъ ящерицу или мышь, онъ непремѣнно подождетъ своихъ товарищей, чтобы сварить и съѣсть животное вмѣстѣ съ ними. Каждая деревня составляетъ маленькую республику, гдѣ старики являются естественными совѣтниками; но необходимо общее согласіе для того, чтобы то или другое рѣшеніе могло быть приведено въ исполненіе. Глава семействъ есть въ то же время великій жрецъ, „тотъ, который представляетъ воду демону“, но одинъ онъ не довольно могучъ, чтобы заклинать злыхъ духовъ, и долженъ прибѣгать къ содѣйствію чародѣекъ, которыя умѣютъ толковать полетъ и пѣніе птицъ, и главное, разоблачать замыслы и козни колдуній, или *денгъ*, которыя, даже во время ихъ сна, могутъ навлечь всякія напасти на племя [3]); избавляются отъ этихъ колдуній обыкновенно такимъ образомъ, что продаютъ

[1]) *Combes*, цитированная статья; *Dourisboure* „Les sauvages Ba-hnars“.
[2]) *Mouhot* „Travels in the Central parts of Indo-Chine“.
[3]) *Combes* „Annales de la Propagation de la Foi“ 1855; *A. Bastian* „Geographische und Ethnologische Bilder“.

КОРОЛЕВА КАМБОДЖИ.

ихъ въ рабство лаоцамъ. Обычай ордалій, или суда божьяго, особенно посредствомъ кипящаго дегтя, расплавленнаго олова, продолжительнаго пребыванія подъ водой, еще въ большомъ ходу у банаровъ. Подобно многимъ другимъ дикимъ народамъ, банары сжигаютъ вокругъ труповъ всѣ вещи, которыми пользовались покойники, дабы умершій не пришелъ безпокоить живущихъ, требуя отъ нихъ своей собственности. Не имѣя рабочаго скота, который позволялъ бы имъ глубоко распахивать землю, банары покидаютъ свои становища черезъ каждые три года, чтобы искать другой годной для культуры почвы, которую они огнемъ освобождаютъ отъ чащи мелкаго кустарника. Сѣмена риса, которыя они приносятъ со старыхъ полей на новыя, хранятся съ благоговѣйною заботливостью, и тотъ, кто вздумалъ бы продать ихъ, былъ бы тотчасъ же пораженъ смертью демонами. Первый рисъ новаго урожая съѣдается втихомолку, и во время этой важной операціи банары съ ужасомъ посмотрѣли бы на чужаго человѣка, проникающаго въ ихъ жилище. Они считаютъ въ году, какъ имѣющіе дѣйствительное существованіе, только восемь мѣсяцевъ земледѣлія; періодъ съ декабря до апрѣля, когда поля отдыхаютъ, считается какъ бы несуществующимъ [1]).

Самая многочисленная раса области, заключающейся между Меконгамъ и восточною покатостью Аннама—чанграи, укрѣпленныя деревни которыхъ разсѣяны на пространствѣ слишкомъ 400 километровъ къ сѣверу отъ французской Кохинхины. Они говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ малайскимъ идіомамъ, что объясняется вѣковыми торговыми сношеніями, которыя туземцы внутренности страны поддерживали нѣкогда съ юго-восточнымъ побережьемъ, очень часто посѣщаемымъ малайцами. Радехи (рде), обитающіе въ той же горной области, гдѣ и чанграи, на востокѣ и на сѣверѣ, отличаются отъ своихъ сосѣдей бѣлизною лица: черты ихъ напоминаютъ, говорятъ, черты европейцевъ; но, какъ большинство аборигеновъ Китая и Индо-Китая, они имѣютъ привычку вытягивать себѣ уши, такъ чтобы нижняя мочка висѣла надъ плечомъ. Они живутъ въ обширныхъ домахъ, гдѣ каждая семья имѣетъ свое отдѣльное пространство или свой квадратъ. Все населеніе деревни соединено въ одномъ строеніи, безъ наружной двери, доступномъ только посредствомъ высокихъ лѣстницъ, приставленныхъ къ стѣнѣ; такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ на оконечности Азіи зданія, похожія на постройки зуньевъ и другихъ народцевъ Новой Мехики и Аризоны. Также какъ банары, радехи мѣняютъ становище послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія, чтобы обратить новыя земли въ пашни; но ихъ религіозныя церемоніи отличаются отъ церемоній другихъ племенъ: они приносятъ жертвы тѣнямъ предковъ, рѣкамъ, священнымъ деревьямъ, и особенно камнямъ

[1]) *Ad. Bastian*, цитированное сочиненіе; „Zeitschrift für Ethnologie", I.

различныхъ формъ, воздвигнутымъ въ ихъ домахъ. Иногда нѣкоторые радехи спускаются съ горъ до рынковъ на Меконгѣ, куда они ходятъ обмѣнивать воскъ, слоновую кость и грубо сдѣланные сосуды. Всѣ эти племена искусны въ тканьѣ матерій, въ рѣзьбѣ на деревѣ, въ выдѣлкѣ глиняной посуды; наименѣе искусны изъ нихъ стіенги. Послѣдніе не имѣютъ промышленности въ собственномъ значеніи слова и приносятъ на аннамитскіе или камбоджійскіе рынки, для обмѣна на домашнюю утварь китайскаго производства, на ткани и рисъ, только продукты охоты или сбора плодовъ въ лѣсахъ [1]). Что касается трао, которые живутъ къ востоку отъ біенгоа и баріа, во французской Кохинхинѣ, то имъ, кажется, грозитъ опасность исчезнуть въ скоромъ времени съ лица земли, вслѣдствіе болѣзней и уменьшенія численности дѣтей. Принадлежа къ числу самыхъ маленькихъ между людьми, они едва предшествуютъ, по росту, лопарямъ (ростъ мужчинъ 1,555 метровъ, ростъ женщинъ 1,462 метра; среднее 1,508 метр.) [2]).

Кромѣ названныхъ народцевъ, въ этой странѣ есть племена, составляющія, повидимому, разсѣянныя обломки существовавшихъ нѣкогда цивилизованныхъ націй. Такъ, шамы (хіамъ, ціамъ или хой), разсѣянные въ юго-восточной области индо-китайскаго полуострова, преимущественно въ Камбоджѣ и на высокихъ плоскогорьяхъ главной цѣпи, между провинціями Бинь-Туанъ и Нга-Транъ, разсматриваются всѣми писателями, какъ потомки ціампойцевъ, или жителей Ціампы, постепенно оттѣсненныхъ аннамитами и китайцами. Государство Ціампа, повидимому, было нѣкогда могущественнѣйшею имперіей Загангскаго полуострова; по словамъ миссіонера Гагелина, этому царству принадлежало все континентальное пространство, заключающееся между теченіемъ Менама и Тонкинскимъ заливомъ; память о могуществѣ ціампойцевъ живетъ еще въ самомъ имени Кохинхина, въ которомъ находятся китайскіе знаки Ко-Ченъ-Чинъ, т. е. „бывшая Ціампа" [3]). Одна изъ первыхъ столицъ этого государства, лежащая близъ границы Тонкина и полуденной Кохинхины [4]), носила имя Ченъ-Чинъ. Но древнія шамскія надписи, которыя, быть можетъ, раскроютъ исторію націи, еще очень малоизвѣстны [5]). По общепринятому мнѣнію, шамы принадлежатъ къ малайской семьѣ; отличаясь отъ другихъ обитателей Индо-Китая, исключая, можетъ быть, чанграевъ, они живутъ особнякомъ въ лѣсахъ и строютъ себѣ, позади чащи бамбуковъ, образующей нѣчто въ родѣ занавѣса, хижины на очень высокихъ сваяхъ, сообщающіяся съ почвой только посредствомъ приставныхъ

---

[1]) *Morice* „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1875.
[2]) *Neïs* „Excursions et Reconnaissances", VI, 1880.
[3]) *Luro* „Le Pays d'Annam".
[4]) *Dutreuil de Rhins*, рукописныя замѣтки.
[5]) *Aymonier* „Académie des Inscriptions et Belles-Lettres", 9 déc. 1881.

лѣстницъ, убираемыхъ по вечерамъ. Шамы, вообще говоря, немного выше ростомъ, чѣмъ аннамиты, крѣпче сложены и сильнѣе; скулы у нихъ менѣе выдающіяся, лица менѣе плоскія, глаза болѣе открытые; они отличаются между всѣми азіатцами большою выпуклостью задней части тѣла: въ этомъ отношеніи ихъ женщины почти походятъ на готтентотокъ. Шамскій языкъ состоитъ, почти на треть, изъ малайскихъ словъ, къ которымъ примѣшаны нѣкоторыя аннамитскія и камбоджійскія выраженія; болѣе половины словаря не имѣетъ никакого сходства съ идіомами окружающаго населенія [1]). Хотя малочисленные, шамы дѣлятся на два класса и исповѣдуютъ двѣ различныя религіи. Тѣ, которые сохраняютъ свое этническое имя, не ѣдятъ мясо коровы и вообще питаютъ отвращеніе къ этому животному. Умершихъ они сжигаютъ, предварительно продержавъ и „прокормивъ" ихъ два или три мѣсяца, смотря по средствамъ; затѣмъ собираютъ пепелъ въ сосудъ, который зарываютъ въ землю, бѣдные просто подъ деревомъ, богатые въ мавзолеѣ. Классъ шамовъ, называемыхъ бахъ-ни, т. е. „люди религіи", происходитъ отъ прозелитовъ магометанства; бахъ-ни практикуютъ обрѣзаніе, не пьютъ крѣпкихъ напитковъ и съ ужасомъ смотрятъ на свинину, которая составляетъ главную животную пищу китайцевъ и аннамитовъ. Но многіе изъ ихъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ, какъ поклоненіе солнцу и лунѣ, употребленіе магической палочки, кровавыя жертвоприношенія, восходятъ, вѣроятно, къ эпохѣ, предшествовавшей обращенію въ магометанскую вѣру. Женщины класса бахъ-ни строго добродѣтельны, оттого раса остается чистою, безъ примѣси чужой крови; эти шамы сохраняютъ гордость, храбрость, совершенное прямодушіе—качества, которыми они такъ рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей аннамитовъ [2]). Другіе шамы, во многихъ мѣстностяхъ горной страны, живутъ въ добромъ согласіи съ дикарями, и частью даже смѣшались съ ними. Гг. Непсъ и Септансъ посѣтили деревни, жители которыхъ, шамы и трао, говорили безразлично на обоихъ языкахъ и практиковали одни и тѣ же обычаи [3]). Нѣкоторые шамы живутъ близь озера Тонле-сапъ, рядомъ съ малайцами, быть можетъ, ихъ единоплеменниками. Малайская или шамская хижина даетъ кровъ цѣлому роду, начиная отцомъ съ матерью и кончая правнуками; иногда такимъ образомъ до двадцати лицъ соединены въ одномъ жилищѣ.

Горы Камбоджи, на сѣверѣ и на югѣ Большаго Озера, населены дикарями, какъ и высоты Аннама. Самре, живущіе въ гористыхъ областяхъ между Тонле-сапъ и Сіамскимъ заливомъ, воздвигаютъ свои хижины на стволахъ деревьевъ, срубленныхъ на высотѣ 2 или 3 метровъ

---

[1]) *Morice* „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1875.

[2]) *Tabard* „Annales de la Propagation de la Foi", 1830; *Morice*, цитированная статья; *Bastian* „Die Völker des Oestlichen Asien".

[3]) „Excursions et Reconnaissances", X, 1881.

надъ уровнемъ почвы, и не знаютъ другихъ промысловъ, кромѣ звѣроловства и сбора лѣсныхъ плодовъ; они платятъ подати камедью и драгоцѣнными породами дерева. Куи, обитающіе въ сѣверной Камбоджѣ, всѣ кузнецы, подобно седангамъ: они превращаютъ красный желѣзнякъ, находимый ими въ большомъ количествѣ въ краѣ, въ чугунъ превосходнаго качества, далеко превосходящій металлъ, привозимый изъ Европы и гораздо выше цѣнимый камбоджійцами и аннамитами [1]). Племя пракъ, тоже бродящее въ лѣсахъ Камбоджи и увѣренное, что платимая имъ дань, состоящая изъ воска и камеди, обезпечиваетъ его отъ обращенія въ рабство, отличается отъ сосѣднихъ націй тѣмъ, что у него сохранились еще матріархальные нравы. По смерти родителей, имущество дѣлится поровну между дочерьми; сыновья же не наслѣдуютъ. Праки вообще народъ рослый и хорошо сложенный, но они уродуютъ себя, подрѣзывая верхніе передніе зубы до уровня десенъ и заостривая концы зубовъ нижней челюсти [2]); происхожденіе этого обычая они объясняютъ тѣмъ, что не хотятъ „походить на обезьянъ". Они носятъ также тяжелыя латунныя наручи, обвитыя вокругъ руки отъ локтя до кисти.

Камбоджійцы, или хмеры, какъ шамы,—раса, пришедшая въ упадокъ. Въ наши дни то, что уцѣлѣло отъ этой націи, раздѣлено между двумя королевствами: на западѣ, округа, которыхъ ручьи и рѣки спускаются къ озеру Топле-сапъ, присоединены къ Сіаму; на востокѣ, маленькое государство, заключающееся между Сіамскимъ моремъ и теченіемъ Меконга, между Большимъ Озеромъ и французскою Кохинхиной, состоитъ подъ „покровительствомъ" Франціи. Теперь самое большое только полтора милліона индивидуумовъ присвоиваютъ себѣ имя камбоджійцевъ, и чужеземцы живутъ въ большомъ числѣ среди нихъ. Но преданія, историческія документы, зданія равно свидѣтельствуютъ о политическомъ могуществѣ прежняго государства. Камбоджа имѣла свой періодъ преобладанія въ Индо-Китаѣ, и во время своего цвѣтущаго состоянія поддерживала постоянныя сношенія, съ одной стороны, съ полуостровомъ Передней Индіи, съ другой—съ островомъ Явой. Близь береговъ Большаго Озера находился одинъ изъ центровъ индусской цивилизаціи. Названія столицъ, имена королей Камбоджи и особенно скульптурныя произведенія и архитектурный стиль храмовъ, наконецъ, языкъ, имѣющій близкую связь съ идіомами арійскаго корня [3]), напоминаютъ вліяніе, которое оказывали послѣдовательно браманизмъ и буддизмъ на культуру жителей. Легенда, признаваемая въ Камбоджѣ за историческое сказаніе во всѣхъ ея подроб-

[1]) *Boulangier* „Excursions et Reconnaissances", X, 1881.

[2]) *Bouilleveaux* „L'Annam et le Cambodge"; *Harmand* „Bulletin de la Société d'Anthropologie".

[3]) *G. Janneau* „Manuel pratique de langue cambodgienne", Saigon, 1870; *Gaultier de Claubry* „Ethnographie de l'Annam".

ностяхъ, разсказываетъ, что одинъ индусскій государь, уроженецъ Индраспати (прежнее названіе Дели), переселился, за двадцать три столѣтія до нашего времени, въ бассейнъ Большаго Озера, съ десятью милліонами своихъ согражданъ. Нынѣшняя династія претендуетъ, съ своей стороны, на происхожденіе отъ одной фамиліи изъ Бенареса. Но самыя дѣятельныя сношенія, повидимому, существовали между Камбоджей и страной Ланка, или Цейлономъ, островомъ, которому общность религіи придавала, въ глазахъ камбоджійцевъ, почти священный характеръ. Когда хмеръ построитъ себѣ домъ, соблюдая всѣ предписанныя правила, для того, чтобы злой рокъ навсегда былъ устраненъ отъ него, когда онъ впуститъ туда домашняго кота, будущаго хранителя дома, и хочетъ самъ вступить въ свое жилище, то человѣкъ, стоящій па порогѣ двери, останавливаетъ его жестомъ, спрашивая: „откуда ты?"—„Я изъ Ланки,—отвѣчаетъ владѣлецъ,—я переплылъ море, моя барка разбилась, и очутившись безъ пріюта, я приношу то, что удалось спасти отъ кораблекрушенія; прихожу поселиться въ этомъ необитаемомъ домѣ" [1]). Такимъ образомъ, Ланка и Сѣверная Индія способствовали та и другая начаткамъ камбоджійской цивилизаціи и должны были оказывать, черезъ смѣшеніе посредствомъ брачныхъ союзовъ, значительное вліяніе на самую расу. Имя Камбоджи (Кампушеа, Кампокса) было отожествлено нѣкоторыми историками съ Камбоджей санскритской географіи, но ошибочно: Камбоджа есть „земля каммеповъ", сіамская передѣлка имени хмеръ [2]).

Различіе физическихъ чертъ незначительно между камбоджійцами и ихъ сосѣдями сіамцами; отличительный признакъ по преимуществу—это малая величина черепа: у хмерской женщины средняя вмѣстимость костяпаго ящика, говорятъ, па цѣлую четверть меньше объема черепа у китаянки [3]). Профиль лица, вообще, очень правильно очерченъ, носъ тонкій, также какъ и губы, лобъ широкій, взглядъ твердый; часто лица имѣютъ нѣчто повелительное, чего никогда не увидишь у аннамитовъ; кажется, что въ типахъ хмеровъ проглядываетъ слѣдъ индусской крови. Костюмъ, очень простой, какъ и одежда сіамцевъ, состоитъ лишь изъ передника лангути и шарфа, или изъ куртки съ металлическими пуговицами; люди высшаго класса стригутъ себѣ волосы въ формѣ щетки, по сіамской модѣ. Подобно большинству другихъ индо-китаянокъ, камбоджійскія женщины привѣшиваютъ себѣ къ ушамъ куски дерева или слоновой кости. Въ горахъ Пурсатъ, между Большимъ Озеромъ и Сіамскимъ заливомъ, туземныя племена, менѣе цивилизованныя, нежели камбоджійцы, жители равнины, принадлежатъ, какъ полагаютъ, къ той

[1]) *Moura* „Bulletin de la Société de Géographie commercials de Bordeaux", 17 juillet 1882.

[2]) *Aymonier* „Géographie du Cambodge".

[3]) *Mondière*; *Bordier* „Bulletin de la Société d'Anthropologie", août 1881.

же расѣ; у сіамцевъ они извѣстны подъ именемъ камменъ-донгъ, или хмеровъ-горцевъ. Всѣ путешественники согласно говорятъ, что камбоджійцы медлительны, апатичны, но терпѣливы, выносливы въ трудѣ и въ существѣ гораздо болѣе серьёзны, чѣмъ ихъ сосѣди, сіамцы или аннамиты; теперешняя приниженность камбоджійцевъ должна быть приписана нравамъ, развившимся у нихъ подъ вліяніемъ рабства [1]). Въ Кохинхинѣ и въ Сіамѣ боятся ихъ мстительнаго права и даже часто приписываютъ имъ дурной глазъ [2]). Ихъ религіозные обряды не составляютъ простой формальности, какъ обряды большинства другихъ индо-китайцевъ; бракъ у нихъ пользуется бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ у аннамитовъ: общественное мнѣніе осуждаетъ всякаго мужчину, который, достигнувъ извѣстнаго возраста, не женатъ и не бонза. Женщины вѣрны, но горды и ревнивы. Хотя аннамиты, въ качествѣ завоевателей, выказываютъ презрѣніе къ хмерамъ, но эти послѣдніе, которые еще съ гордостью говорятъ о Мага-Нокоръ, или „Большомъ царствѣ“, своихъ предковъ, смотрятъ на кохинхинцевъ, какъ на людей, принадлежащихъ къ низшей расѣ, и рѣдко случается, чтобы камбоджійка взяла себѣ мужемъ аннамита; почти всѣ метисы — камбоджійскаго происхожденія только по отцу, по матери же они аннамиты [3]). Хмеры очень любятъ музыку, пѣніе, поэзію: плавая по рѣкѣ, матросы распѣваютъ пѣсни звучнымъ голосомъ; на баркахъ мандариновъ раздаются звуки тамбуриновъ, гармоники, флажолета. Камбоджійцы обнаруживаютъ гораздо больше вкуса, чѣмъ аннамиты, въ постройкѣ домовъ и судовъ. На озерѣ Тонле-сапъ съ перваго взгляда узнаешь національность судовщиковъ по внѣшнему виду ихъ барокъ [4]).

Также какъ въ Сіамскомъ королевствѣ, сыновья богатыхъ воспитываются въ кумирняхъ, подъ руководствомъ талапуановъ; они должны приготовляться къ жизни заучиваньемъ на память молитвъ и благочестивыхъ изрѣченій; имъ обязательно быть монахами прежде, чѣмъ сдѣлаться людьми. Многоженство существуетъ только у вельможъ; они одни сохранили старинный обычай вступать въ бракъ со своими сведенными сестрами. Богатые имѣютъ также привычку держать умершихъ въ своихъ жилищахъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ предать ихъ сожженію; иные даже погребаютъ временно трупы, чтобы затѣмъ истребить вырытыя изъ могилы кости огнемъ, нѣсколько лѣтъ спустя [5]). Что касается бѣдняковъ, то они сжигаютъ своихъ покойниковъ тотчасъ же

---

[1]) *Bouilleveaux, Silvestre* etc.

[2]) *Morice* „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris“, 1875; *Lemire* „Cochinchine française et royaume de Cambodge“.

[3]) *Mandière* „Monographie de la femme de la Cochinchine“.

[4]) *Buchard* „Excursions et Reconnaissances“, V, 1880.

[5]) *Aymonier* „Géographie du Cambodge“.

послѣ кончины; время храненія мертвыхъ тѣлъ измѣряется степенью богатства семействъ. Буддійскіе монахи, или *люкъ-санги*, строгіе блюстители религіознаго устава, пользуются, вообще, большимъ уваженіемъ, и вліяніе ихъ значительно. Попытки обращенія туземцевъ въ христіанскую вѣру, сдѣланныя католическими миссіонерами, не имѣли до сихъ поръ никакого серьёзнаго результата. Хотя хмерское царство состоитъ

Камбоджскій принцъ.

подъ покровительствомъ французской республики, его политическія учрежденія нисколько не измѣнились. Король по прежнему является „неограниченнымъ властителемъ жизни и имущества“ всѣхъ своихъ подданныхъ. Онъ выбираетъ по своему усмотрѣнію мандариновъ, не заставляя ихъ проходить черезъ рядъ литературныхъ экзаменовъ, и созываетъ ихъ дважды въ годъ для исполненія церемоніи питья клятвенной

воды, въ которую погружена священная шпага; стражи, въ одно и то же время воины и жрецы, дежурятъ посмѣнно день и ночь передъ этимъ мечемъ, напѣвая безъ перерыва установленныя молитвы. Правосудіе, отправляемое судьями, которые сами себѣ платятъ жалованье штрафами и повинностями, налагаемыми или на тяжущихся и подсудимыхъ, продается тому, кто дороже дастъ; торговля, составляющая королевскую монополію, сдается на аренду алчнымъ китайскимъ откупщикамъ; этимъ и объясняется лѣность, въ которой упрекаютъ хмеровъ королевства. Понятно, что, при подобномъ режимѣ, камбоджійская раса, не смотря на всѣ ея хорошія природныя качества, должна была придти въ упадокъ. Рабство еще не отмѣнено, но съ 1877 года оно сдѣлалось менѣе тяжелымъ, исключая служителей пагодъ, которыхъ не коснулось это облегченіе; обыкновенные невольники получаютъ поденную плату, которая можетъ помочь ихъ освобожденію; они не считаются болѣе пожизненными рабами и переходятъ въ состояніе „наемниковъ“, служителей своихъ заимодавцевъ до полной уплаты долга. Что касается государственныхъ или казенныхъ невольниковъ, происходящихъ по большей части отъ лицъ, осужденныхъ за политическія преступленія, то они обязаны только служить въ теченіе трехъ мѣсяцевъ королю или мандарину; остальное время года они вольны уходить и уѣзжать куда угодно, воздѣлывать почву и заниматься торговлей въ свою пользу [1]). Въ Камбоджѣ индивидуальная собственность не существуетъ: всѣ земли составляютъ общинное достояніе, которое жители культивируютъ на правахъ земледѣльцевъ-исполовщиковъ [2]).

Господствующая нація, на восточной покатости горъ и въ нижней области Меконга—аннамиты. Гіао-ши (гіао-кіи),—таково имя, даваемое господствующей расѣ,—приближаются къ китайцамъ болѣе, чѣмъ всякій народъ Загангскаго полуострова; но происхожденіе ихъ неизвѣстно. Большинство писателей причисляетъ ихъ къ синическому (китайскому) корню; другіе предполагаютъ сродство аннамитовъ съ малайцами [3]); по Отто Кунце, гіао-ши—единоплеменники японцевъ; по словамъ его, многіе обычаи свидѣтельствуютъ объ общности расы этихъ двухъ народовъ [4]). Согласно преданію и исторіи, аннамиты постепенно распространились вдоль морскаго берега, по направленію съ сѣвера на югъ: долгое время заключенные въ предѣлахъ Тонкина, гдѣ они и теперь еще гораздо многочисленнѣе, чѣмъ во всей остальной Кохинхинѣ, аннамиты мало-по-малу одержали перевѣсъ надъ населеніями юга и оттѣснили ціампойцевъ внутрь страны; только въ половинѣ семнадцатаго столѣтія они

---

[1]) *Fourès* „Organisation politique du Cambodge“, „Excursions et Reconnaissances“, XIII, 1882.

[2]) *Villard* „Excursions et Reconnaissances“, vol. XII, 1882.

[3]) *Harmand* „Archives de médicine navale“.

[4]) „Um die Erde“.

ЖЕНЩИНЫ И СТАРШИНЫ АННАМИТСКОЙ ДЕРЕВНИ.

отвоевали нижній Меконгъ у хмеровъ. Эта область, составлявшая нѣкогда часть Камбоджи, справедливо обозначается нынѣ подъ именемъ французской Кохинхины, ибо большинство хмеровъ были оттуда прогнаны или истреблены; огромное большинство ея населенія состоитъ теперь изъ кохинхинцевъ; наконецъ, колоніи бѣглыхъ аннамитовъ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ мѣстахъ на западной покатости горъ, въ земляхъ моевъ и лаонцевъ; повсюду, гдѣ они являются уединенными группами, они дѣлаются родоначальниками и въ небольшое число лѣтъ образуютъ важный элементъ населенія.

Рядомъ съ камбоджійцами и моями, обладающими сильно развитыми мускулами, аннамиты не отличаются видною осанкой. Они малорослы, но пропорціонально сложены; тучность встрѣчается у нихъ гораздо рѣже, чѣмъ у китайцевъ. Недостатокъ физической силы они выкупаютъ гибкостью членовъ; особенно ноги у нихъ отличаются замѣчательною ловкостью: благодаря удаленію большихъ пальцевъ на ногѣ, указываемому самымъ именемъ гіао-ши, они легко подбираютъ предметы, находящіеся на землѣ или на полу, и поднимаютъ ихъ до высоты руки. Поступь ихъ свободная, непринужденная; но у женщихъ она кажется нѣсколько нескромною, по причинѣ косвеннаго положенія бедеръ и происходящаго отъ того качанія торса[1]). Что касается лица, то оно широкое и плоское, какъ лицо китайцевъ, и приближается больше къ формѣ ромба; вѣко также слегка болѣе скошенное[2]); смотря по воспитанію, мѣсту пребыванія, роду занятій, цвѣтъ кожи различный, измѣняясь отъ грязно-бѣлаго до шоколаднаго. Борода появляется поздно, и то только надъ губами и на подбородкѣ. Аннамиты быстро старѣются; въ пятьдесятъ лѣтъ человѣкъ уже выглядитъ совсѣмъ старикомъ[3]). Какъ мужчины, такъ и женщины, вообще менѣе различающіеся между собою, чѣмъ въ другихъ странахъ, чертами лица и голосомъ, носятъ длинные волосы, и собираютъ ихъ на верхушкѣ головы, такъ чтобы уши были открыты[4]). Костюмъ состоитъ, для обоихъ половъ, изъ широкихъ панталонъ и платья; мужчины не всегда ходятъ съ голою головой, какъ сіамцы; они носятъ шляпу въ формѣ конуса, тогда какъ женщины надѣваютъ на голову родъ круглаго подноса, очень легкаго, подъ которымъ ихъ маленькое лицо едва видно. Въ то время, какъ хмеры воздвигаютъ свои хижины по бòльшей части на курганахъ и песчаныхъ буграхъ, бывшихъ дюнахъ, кохинхинцы строютъ настоящіе озерные города на берегу воды или даже въ теченіи рѣкъ[5]).

¹) *Morice; Wernich; Mondière; Dutreuil de Rhins.*
²) *Mondière* „Monographie de la femme de la Cochinchine".
³) *Harmand* „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1863.
⁴) *Luro* „Le Pays d'Annam"; *Richard* „Revue maritime et coloniale"; *Pallu* „Expedition de Cochinchine"; *Thorel* „Voyage d'Exploration".
⁵) *Gaultier de Claubry* „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 3 fasc., 1882.

Аннамитъ кажется холоднымъ и рѣдко позволитъ себѣ унизиться до того, чтобы изъявлять удивленіе въ чему бы то ни было; онъ склоненъ къ критикѣ, охотно осмѣиваетъ высшихъ; онъ мститъ насмѣшками за вынужденную униженность въ отношеніи великихъ міра сего. Семья составляетъ для него своего рода предметъ культа: онъ почитаетъ родителей, совѣтуется съ женой во всякомъ дѣлѣ и предпріятіи, воспитываетъ дѣтей съ большою заботливостью. Онъ отличается большою природною кротостью и мягкостью характера. „Природа великодушна, мы должны подражать ей"—поговорка, очень употребительная въ аннамитскихъ семействахъ. Никогда онъ не вдастся въ постыдные споры и перебранки въ родѣ тѣхъ, какіе такъ часто вспыхиваютъ въ городахъ Запада. Мужество его не обнаруживается въ нападеніи; у него нѣтъ ни страсти къ приключеніямъ, ни любви къ борьбѣ, и онъ убѣгаетъ безъ стыда, когда не имѣетъ никакой серьёзной причины принять битву; но онъ обладаетъ силой сопротивленія, стойкостью и умѣетъ умирать такъ, что ни одинъ мускулъ на лицѣ не дрогнетъ. Онъ любитъ родную землю и покидаетъ ее лишь съ болью въ сердцѣ; однако, онъ отлучается на время, чтобы помочь нуждамъ своей семьи, и въ качествѣ торговца или судовщика, предпринимаетъ дальнія путешествія. Умъ его живой: аннамитскія дѣти учатся съ удивительною легкостью; очень любознательныя и понятливыя, они охотно пользуются представляющимися имъ случаями къ ученью. Благодаря новымъ школамъ, открытымъ теперь въ деревняхъ французской Кохинхины, едва ли найдется хоть одинъ туземецъ новаго поколѣнія, который не умѣлъ бы читать и писать латинскими буквами [1]). Буддисты по имени, аннамиты еще менѣе набожны, чѣмъ китайцы, и также какъ у „сыновъ Гана", мораль Конфуція проповѣдуется у нихъ большинствомъ „ученыхъ" только для того, чтобы скрыть насмѣшливый скептицизмъ подъ прекрасными нравственными правилами, переданными прошлыми вѣками. Какъ и въ Китаѣ, культъ силъ природы, культъ геніевъ и предковъ составляютъ здѣсь истинную религію, ту религію, которая вошла въ самую жизнь народа. Въ Тонкинѣ каждая деревня имѣетъ своего духа-покровителя, каждый духъ имѣетъ свой храмъ, и повсюду религіозные обряды различаются, смотря по качествамъ, приписываемымъ божествамъ, по опасностямъ, которыя надлежитъ устранить, по выгодамъ, которыя нужно получить. Первый католическій миссіонеръ въ Кохинхинѣ, доминиканецъ Діего Адварте, высадился на тонкинскій берегъ въ 1596 году, и правильная миссіонерская дѣятельность началась съ слѣдующаго столѣтія: католицизмъ пріобрѣлъ многочисленныхъ прозелитовъ въ народныхъ массахъ, такъ что около 1650 года миссіонеры насчитывали не менѣе 420.000 христіанъ въ Тонкинѣ [2]); но затѣмъ

[1]) *Morice* „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris", mars et mai 1875.
[2]) *Retord* „Annales de la Propagation de la Foi", 1856.

частыя преслѣдованія, вызвавшія даже вмѣшательство Испаніи и Франціи, заставили большинство обращенныхъ отречься отъ своей вѣры. Во французской Кохинхинѣ слишкомъ 50.000 аннамитовъ практикуютъ обряды католическаго вѣроисповѣданія; въ Тонкинѣ насчитывалось въ 1878 году до 71.000 христіанъ.

Иммиграція китайцевъ, которые группируются въ *банги*, или автономныя „конгрегаціи", способствуетъ изъ году въ годъ численному возростанію аннамитскаго населенія, ибо между этими пришельцами мало такихъ, которые являлись бы въ сопровожденіи женщинъ; они женятся на туземныхъ дѣвушкахъ, и потомки ихъ, извѣстные подъ именемъ минъ-гюонгъ, въ концѣ-концовъ вступаютъ въ материнскую расу: послѣ четвертаго поколѣнія, черты, полученныя ими отъ китайца, изглаживаются; впрочемъ, правительство причисляетъ всѣхъ дѣтей къ аннамитамъ [1]). Съ перваго взгляда легко отличить китайцевъ, недавно переселившихся въ край, отъ ихъ соплеменниковъ метисовъ: цвѣтъ кожи у нихъ болѣе желтоватый, лицо болѣе плоское, животъ менѣе вздутый. Вообще, мужчины гораздо болѣе уродливы, чѣмъ женщины, въ смѣшанной расѣ. Большія головы съ выдающимися скулами, худощавые члены, узкая грудь на толстомъ животѣ придаютъ имъ видъ довольно неуклюжій, но женщины отличаются изящнымъ бюстомъ [2]). Франко-аннамитскія помѣси, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, хорошо выносятъ тамошній климатъ, какъ и аннамо-китайскіе метисы, или мингъ-гюонги; дѣти, очень миловидныя, имѣютъ немного вздернутый носъ, каштановые волосы и цвѣтъ лица нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у туземцевъ [3]).

Какъ аннамиты оттѣсняютъ моевъ, такъ точно китайцы постепенно дѣлаютъ захваты среди аннамскаго населенія. Во внутренности страны рѣзкій контрастъ климата, который представляютъ умѣренное нагорье Юннана и тропическія долины индо-китайскихъ горныхъ цѣпей, затрудняетъ иммиграцію „дѣтей Гана". Вторженіе послѣднихъ происходитъ окольнымъ путемъ, черезъ морское прибрежье; при переходѣ съ береговъ Фокіена и Кюантуна къ берегамъ Аннама и Камбоджи акклиматизація легка, и здѣсь-то и совершается постепенно, шагъ за шагомъ, процессъ китайскаго завоеванія. Смѣшеніе китайцевъ и аннамитовъ черезъ браки, происходящее въ полуденной Кохинхинѣ путемъ мирнаго переселенія, продолжается въ сѣверной части Тонкина воинственными нашествіями. Шайки „Черныхъ флаговъ", овладѣвшія долиной рѣки Сонгъ-кой, на границахъ китайскихъ провинцій Юннана и Куангси, банды „Желтыхъ флаговъ", стерегущія тѣснины „Свѣтлой рѣки", состоятъ преимущественно изъ китайцевъ, которые, безъ сомнѣнія, мало-по-малу затеряются въ массѣ

[1]) *Villard* „Excursions et Reconnaissances", XI, 1882.
[2]) *Wernich* „Geographisch-medicinische Studien".
[3]) *Morice* „Bulletin de la Société d'Anthropologie", février 1875.

туземнаго населенія, какъ это случилось съ множествомъ другихъ шаекъ, которыя имъ предшествовали. Что̀ касается малайцевъ Кохинхины, которые почти всѣ—кучера и извозчики въ Сайгонѣ, земледѣльцы или лодочники въ окружающихъ провинціяхъ, то они гораздо менѣе смѣшиваются съ аннамитами, такъ какъ большинство изъ нихъ приходитъ въ край со своими семьями; на берегахъ Меконга и озера Топле-сапъ существуютъ многочисленныя малайскія колоніи, которыя основались тутъ, должно быть, въ глубокой древности, такъ какъ поселяне не имѣютъ никакого преданія о времени ихъ прибытія въ край. Индусскіе иммигранты, извѣстные вообще подъ именемъ малабарцевъ—даже тѣ, которые пришли не съ западнаго берега Индустана—тоже держатся особнякомъ отъ кохинхинскаго населенія. Моплахи представлены нѣсколькими семействами торговцевъ [1]).

По языку, также какъ и по происхожденію, аннамиты сродни китайцамъ. Ученый діалектъ, которымъ говорятъ еще при дворѣ въ Гюэ, есть чистое мандаринское парѣчіе, и для всѣхъ оффиціальныхъ документовъ пользуются китайскими письменными знаками; въ резиденціи Сайгонѣ употребляютъ одинаково какъ китайскіе знаки, такъ и произведенные отъ нихъ аннамитскіе. Обыкновенный или общенародный кохинхинскій языкъ, подобно кантонскому парѣчію и фокіенскому говору, состоитъ изъ односложныхъ словъ, которыя различаютъ одно отъ другого при помощи особеннаго пѣвучаго тона, измѣняемаго сообразно смыслу каждаго слова; въ аннамскомъ языкѣ существуютъ шесть такихъ интонацій—ровная, протяженная, острая, глухая, легкая и тяжелая [2]). Этотъ идіомъ такъ мало отличается отъ другихъ китайскихъ діалектовъ, что колонисты Срединной Имперіи, переселившіеся во французскую Кохинхину, оставляютъ свои областныя нарѣчія и говорятъ на сайгонскомъ языкѣ. Однако, въ аннамитскомъ идіомѣ существуетъ нѣкоторое число словъ, не встрѣчающихся въ китайскомъ словарѣ и принадлежащихъ, какъ полагаютъ, къ языку аборигеновъ, покоренныхъ народомъ гіао-ши. Во французской Кохинхинѣ образовался чудовищный „сабиръ" (смѣшанный жаргонъ), состоящій изъ словъ китайскихъ и аннамитскихъ, французскихъ и провансальскихъ, испанскихъ и португальскихъ, англійскихъ, латинскихъ, малайскихъ, соединенныхъ чисто механически, безъ всякой флексіи, и все болѣе и болѣе распространяется въ портахъ морскаго прибрежья. Алфавитъ, принятый во французскихъ школахъ, разнится отъ латинской азбуки лишь акцентами да нѣкоторыми различительными знаками, указывающими тоны. Аннамитская литература состоитъ, главнымъ образомъ, изъ народныхъ пѣсень и пословицъ.

---

[1]) *Gaultier de Claubry* „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 3-e fascicule 1882.

[2]) *Maratte* „Annales de la Propagation de la Foi", 1832; *Lemire*, „Cochinchine française et royaume du Cambodge"; *Le Grand de la Liraye*.

Политическія и соціальныя учрежденія Аннама сложились по китайскому образцу: простая провинція центральной имперіи въ теченіе слишкомъ тысячи лѣтъ, а теперь вассальное королевство, признающее надъ собою верховную власть богдыхана, Кохинхина не переставала тяготѣть и обращать взоры къ сѣверному государству, какъ къ идеалу, походить на который считалось достославнымъ. Изъ Китая она получила свое воспитаніе, свою литературу и театръ, свои религіозные обряды, законы, искусства и науки: право гражданства принадлежитъ уже заранѣе китайцамъ, которые приходятъ—въ числѣ, ограниченномъ волею государя—поселиться въ аннамской землѣ; въ нихъ видятъ старшихъ братьевъ, которые приходятъ сѣсть за столъ младшихъ братьевъ [1]); ихъ называютъ „господами“, и они дѣйствительно держатъ себя въ отношеніи туземцевъ, какъ господа: самый мелкій китайскій торгашъ гордо проходитъ передъ самымъ сановнымъ мандариномъ [2]). Аннамитскій глава семейства имѣетъ ту же роль, какъ и китайскій отецъ: политическій и религіозный глава всѣхъ своихъ семейныхъ, онъ является верховнымъ судьей и вершителемъ всѣхъ споровъ, возникающихъ между родственниками, и представитель судебной власти вмѣшивается только за тѣмъ, чтобы оказать ему свое содѣйствіе [3]). Аннамиты пытаются также подражать китайцамъ въ обрядностяхъ брака, хотя нравы обезпечиваютъ женщинѣ гораздо бо̀льшую свободу, чѣмъ въ Срединной имперіи: ноги у нея не уродуются, какъ у китаянокъ, и нигдѣ ее не держатъ затворницей въ женскомъ теремѣ [4]). Всѣ жители „Умиротвореннаго юга“ считаются равными передъ закономъ, какъ и обитатели „Цвѣтущаго царства“, и всѣмъ равно открытъ доступъ къ должностямъ государственной службы: по закону, одна только заслуга, подъ гарантіей публичныхъ экзаменовъ, даетъ право на поступленіе въ сословіе мандариновъ. Литературныя испытанія организованы по тому же образцу: какъ въ той, такъ и въ другой странѣ кандидаты помѣщаются въ отдѣльную ложу для составленія на заданную тему записки, которая должна обезпечить побѣдителямъ, вмѣстѣ съ степенью въ родѣ баккалавра, извѣстныя изъятія, привилегіи и право вступленія на службу въ присутственныя мѣста. Подобныя же, болѣе трудныя испытанія доставляютъ счастливымъ конкуррентамъ степень лиценціата или магистра, затѣмъ степень доктора. Послѣдній экзаменъ производится при королевскомъ дворѣ и даетъ избраннымъ важныя мѣста въ администраціи государства; но хотя „правило высшаго образованія“, въ силу котораго назначаются мандарины, состоитъ въ томъ, чтобы „обновлять людей и приводить ихъ къ совершенству“, сословіе аннамитскихъ чиновниковъ

[1]) *Le Grand de la Liraye* „Notes historiques sur la nation annamite“.
[2]) *Dutreuil de Rhins* „Le royaume d'Annam et les Annamites“.
[3]) *Villard* „Excursions et Reconnaissances“, XI, 1882.
[4]) *Tran-Nuang-Hanh* „Annales de l'Extrême Orient“, juin 1882.

не менѣе испорчено, чѣмъ китайское чиновничество. Не неся никакой отвѣтственности передъ народомъ и имѣя надобность искать только благоволенія повелителя, мандарины заботятся только о томъ, чтобы заручиться милостью „отца и матери десяти тысячъ народовъ", „августѣйшаго и святаго" императора, „Сына неба", и тѣмъ самымъ имъ обезпечены всѣ права, законныя и незаконныя. За исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, касающихся подробностей, правительство и администрація воспроизводятъ образецъ, представляемый „Великою и чистою имперіей", т. е. Китаемъ. Различныя отрасли государственнаго управленія распредѣлены между министерствами такимъ же образомъ, какъ и въ Китаѣ; мандарины имѣютъ подобныя же функціи, какъ и китайскіе сановники; аннамитскій сводъ законовъ воспроизводитъ почти всѣ постановленія китайскаго кодекса. Общины, или *лангъ*, происхожденіе которыхъ сходно съ происхожденіемъ китайской общины, пользуются, подобно послѣдней, самоуправленіемъ; онѣ управляются совѣтомъ нотаблей, свободны отъ всякой опеки центральной власти, имѣютъ собственную полицію и сами собираютъ налоги, за исправный взносъ которыхъ отвѣтствуютъ всѣ семейства, связанныя круговою порукой. Въ мѣстахъ колонизаціи, новыя группы возникаютъ путемъ частной иниціативы; общинники, получившіе въ пользованіе земли, съ обязательствомъ уплачивать налогъ, дѣлятъ между собой почву участками, обращающимися въ личную собственность, совокупность которыхъ составляетъ общину [1]); но муниципальные избиратели, пользующіеся правомъ голоса на выборахъ, начиная съ семнадцатилѣтняго возраста, состоятъ лишь изъ „внесенныхъ въ списки", т. е. изъ владѣльцевъ „очага" или „дыма". Аннамиты очень ревниво охраняютъ это право гражданства; торговые люди иностраннаго происхожденія вносятся въ списки избирателей только въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи.

Китайскому вліянію противодѣйствуетъ теперь другое, вліяніе Франціи, подготовленное въ прошломъ столѣтіи епископомъ Адраномъ и офицерами, построившими цитадели для императора Гіалонга. Владѣя съ 1862 года частью южной Кохинхины, французы удвоили пять лѣтъ спустя пространство этого владѣнія, и уже будучи „протекторами" короля Камбоджи, они подписали въ 1874 году политическій и торговый трактатъ съ королемъ аннамскимъ, обезпечивавшій имъ большія выгоды. Признавая за этимъ государемъ его „полную независимость въ отношеніи всякой иностранной державы", они обѣщали ему свою поддержку противъ всякаго нападенія; съ своей стороны, король аннамскій обязывался „согласовать свою внѣшнюю политику съ политикою Франціи". Въ то же время онъ открывалъ три приморскіе порта королевства иностранной торговлѣ и позволялъ европейскимъ судамъ подниматься по Красной рѣкѣ до

[1]) *Landes* „Excursions et Reconnaissances", V, 1880; *Villard*, цитированный мемуаръ.

границъ Юннана. До сихъ поръ „Черные флаги“, „Желтые флаги“ и „Пятицвѣтные флаги“, утвердившіеся на верховьяхъ этой рѣки, препятствовали судоходству, и движеніе торговаго обмѣна не переходило за черту портовъ морскаго прибрежья. Съ другой стороны, сношенія короля аннамскаго съ китайскимъ императоромъ продолжали сохранять характеръ отношеній вассала къ своему сюзерену. Франція могла дать силу заключенному ею трактату лишь посылкою флотиліи канонирокъ и высадкою войскъ на аннамскій берегъ. Слѣдовательно, было бы совершенно не точно говорить объ Аннамѣ, какъ о французскомъ владѣніи; эта страна могла бы принадлежать Франціи не иначе, какъ по „праву завоеванія“; достигнуть этого, впрочемъ, было бы нетрудно, судя по состоянію аннамитскихъ сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, и по различнымъ экспедиціямъ, во время которыхъ случалось, что нѣсколько сотъ человѣкъ легко овладѣвали тонкинскою дельтой, благодаря политическимъ раздорамъ, старательно поддерживаемымъ китайцами, и дурной администраціи мандариновъ [1]).

Аннамитская армія, по Буйльво, состоитъ изъ 80 полковъ, заключающихъ 40.000 человѣкъ.

Флотъ въ 1878 году, по Дютрейль-дю-Рену, состоялъ изъ 4 пароходовъ, данныхъ Франціей, 7 парусныхъ корветовъ и 300 джонокъ.

Экипажъ 16.000 человѣкъ, 1.400 пушекъ. Но какъ ни легко можетъ быть завоеваніе страны, которая не защищается, Франція не должна терять изъ виду, что между нею и ея колоніальнымъ владѣніемъ въ Индо-Китаѣ прямая дорога не принадлежитъ ей. Если вспыхнетъ морская война, то сообщенія будутъ прерваны между Марселью и французскими торговыми конторами Аннама, какъ они были бы прерваны также для Испаніи и для Голландіи, между Кадиксомъ и Манильей, между Амстердамомъ и Батавіей.

Хотя французы имѣютъ привычку говорить о Кохинхинѣ, какъ о своей „колоніи“, но въ дѣйствительности эта страна, какъ и англійская Индія, есть не болѣе, какъ завоеванная земля. Число европейцевъ, живущихъ въ Сайгонѣ и на нижнемъ Меконгѣ, не достигаетъ даже тысячи человѣкъ; французскихъ гражданъ насчитывается около 3.000, только благодаря присоединенію къ нимъ „ассимилированныхъ“ (сравненныхъ въ правахъ) туземцевъ.

Населеніе французской Кохинхины, исчисляемое приблизительно по расамъ, въ 1881 году:

Аннамитовъ . . .	1.700.000 жит.	Малайцевъ	4.500 жит.
Камбоджійцевъ . .	111.000 „	Другихъ племенъ . .	10.000 „
Китайцевъ . . .	60.000 „		

[1]) *Jean Dupuis* „Ouverture du Fleuve Rouge au commerce; les évènements du Tonkin“.

Французскихъ гражданъ Кохинхины въ 1881 году:

Европейцевъ	970
„Ассимилированныхъ“ (1.189 муж., 293 жен. и 315 дѣтей).	1.797
Всего . . .	2.706

Между иностранцами, пришедшими изъ Европы, французы составляютъ двѣ трети общаго числа; почти всѣ они чиновники или священники и пріѣзжаютъ въ Индо-Китай лишь на нѣсколько лѣтъ, посылаемые одни французскимъ правительствомъ, другіе—коллегіей Пропаганды. Ни одинъ французъ не занимается культурой почвы, развѣ только въ качествѣ высшаго руководителя на большихъ плантаціяхъ, а торговля находится почти всецѣло въ рукахъ китайцевъ. Также какъ въ портахъ Китая и Японіи, открытыхъ иностранной торговлѣ, желтолицые „сыны Гана“ служатъ посредниками во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Когда европейскій негоціантъ въ Сайгонѣ получитъ приказъ о покупкѣ товара, онъ отправляется на шолонскую биржу, чтобы адресоваться къ китайскимъ покупщикамъ, безъ посредства которыхъ ни одинъ туземецъ не согласился бы продать своихъ произведеній. И даже между этими европейскими купцами французы составляютъ меньшинство: наибо́льшая часть торговаго обмѣна французской Кохинхины производится англійскими судами.

Вассальный народъ долженъ былъ приспособиться къ новымъ законамъ, вступить въ новую политическую организацію, гдѣ французскія учрежденія смѣшались съ учрежденіями китайскаго мандаринства. Тѣмъ не менѣе, начало политической ассимиляціи сдѣлано, такъ какъ тѣ изъ аннамитовъ, которые отказываются отъ своего „личнаго устава“, чтобы совершенно перейти подъ управленіе французскихъ законовъ, зачисляются въ разрядъ гражданъ, какъ политическіе избиратели; многія общины, между прочимъ и городское общество столицы, избираютъ изъ своей среды, посредствомъ всеобщаго и прямаго голосованія, муниципальный совѣтъ, гдѣ, впрочемъ, численное большинство всегда принадлежитъ французамъ, природнымъ или натурализованнымъ. Префекты и су-префекты назначаются властью, а начальники кантоновъ „утверждаются“ ею въ должности. Съ 1880 года французскій уголовный кодексъ примѣняется, съ нѣкоторыми измѣненіями, ко всѣмъ туземцамъ. Аннамитскіе батальоны помогаютъ защитѣ колоніи, и волонтеры являются въ большомъ числѣ для несенія военной службы. Наибо́льшая часть бюджета идетъ на покрытіе расходовъ управленія; менѣе значительная часть употребляется на постройку дорогъ, мостовъ, каналовъ, на устройство телеграфовъ, равно какъ на основаніе и содержаніе школъ. Доходовъ французской Кохинхины не хватаетъ на оплату издержекъ оккупаціи, и излишекъ расходовъ можно считать, круглымъ числомъ, около 10.000.000 въ годъ. Установленіемъ монополій на опіумъ, рисовыя водки и игры,

ГЛАВНЫЙ ФАСАДЪ АНГКОРЪ-ВАТСКАГО ХРАМА.

французское правительство раздѣляетъ съ англичанами отвѣтственность въ отношеніи населеній крайняго Востока.

Бюджетъ французской Кохинхины въ 1882 году:

Колоніальный бюджетъ	4.990.000	франк.
Мѣстные бюджеты	16.868.000	„
Итого	21.858.000	„

Главные источники дохода:

Игры и опіумъ	4.280.000	франк.
Солеварни	3.428.000	„
Налоги на деревни	2.273.800	„
„ „ иностран. азіатцевъ	1.005.400	„

Главные расходы:

Управленіе военное и гражданское . . .	10.000.000	„
Публичныя работы	3.400.000	„

Въ барманскомъ и сіамскомъ Лаосѣ такъ называемые „города“ по верхнему теченію Меконга, основанные среди дикихъ или полуцивилизованныхъ населеній, суть не болѣе, какъ торжки, гдѣ нѣсколько хижинъ окружаютъ домъ губернатора и пагоду съ расположенными одна надъ другой соломенными крышами, съ рѣзными колоннами изъ тековаго дерева. Вблизи китайской границы, Ксіенгъ-Гонгъ (по Гарнье, *ксіенгъ*, въ сѣверномъ Лаосѣ, и *мюонгъ*, въ южномъ, означаютъ „главное мѣсто“), стоящій на правомъ берегу рѣки, выше разрушеннаго города, есть одно изъ этихъ торговыхъ мѣстечекъ, гдѣ постоянное пребываніе имѣетъ лишь небольшое число жителей; въ 1867 году, во время прохода французской экспедиціи, двѣнадцать провинцій, составляющихъ королевство Ксіенгъ-Гонгъ, были въ одно и то же время данниками Барманіи и Китая, и, вѣроятно, это двойное вассальство лаоскаго короля продолжается до сихъ поръ. Королевство Ксіенъ-Тонгъ, болѣе обширное, которое занимаетъ на западѣ часть гористой области, образующей водораздѣльную возвышенность между Меконгомъ и Салуэномъ, платитъ дань одной лишь Барманіи. Столица этого государства, посѣщенная, въ 1837 году, Макъ-Леодомъ и тридцать лѣтъ спустя Торелемъ и Лагре, представляетъ значительный городъ. Общее протяженіе городской ограды, заключающей внутри нѣсколько холмовъ, около 12 километровъ; четверть этого пространства занята жилищами, и слишкомъ двадцать пагодъ съ позолоченными крышами господствуютъ надъ другими зданіями, построенными изъ дерева, битой глины, плетенаго бамбука[1]). Мюонгъ-Іонгъ, бывшая столица, лежащая ближе къ Меконгу, заключаетъ въ

[1]) *Thorel* „Voyage d'exploration en Indo-Chine“.

своей оградѣ почти однѣ только руины. То же самое нужно сказать о Ксіенгъ-Сенѣ и Ксіенгъ-Гаѣ, въ сіамскомъ Лаосѣ; эти два города, разрушенные въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія, представляютъ теперь лишь груды развалинъ и мусора; кое-гдѣ, среди дикой травы, виднѣются еще статуи Будды.

Люангъ-Прабангъ, домà и пагоды котораго окаймляютъ восточный берегъ Меконга, близь одного изъ большихъ колѣнъ этой рѣки, ниже соединенія ея съ притокомъ Намъ-Гу и въ мѣстѣ сліянія съ рѣкой Намъ-Канъ, есть главное городское поселеніе Лаоса; городъ съ его предмѣстьями продолжается километровъ на десять, и его рынки, куда являются туземцы изъ всей центральной области Индо-Китая, очень оживленны и многолюдны; сотни судовъ стоятъ привязанныя у подошвы высокаго берега. Дворецъ перваго короля—въ Люангъ-Прабангѣ два государя, какъ и въ Сіамскомъ королевствѣ—самъ по себѣ составляетъ цѣлый городъ, съ особенною оградой, сообщающійся посредствомъ лѣстницы въ нѣсколько сотъ ступенекъ съ пагодой, которая вѣнчаетъ своею пирамидой вершину высокаго холма. Изъ всѣхъ королевствъ Лаоса, государство Люангъ-Прабангъ, бывшая имперія Ланъ-Гіанъ, есть самое могущественное, и вассальная зависимость его, въ отношеніи банкокскаго сюзерена, наименѣе тягостна. До возмущенія магометанъ въ Юннанѣ, это королевство было данникомъ Китая, также какъ и сіамскаго монарха. Въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ Люангъ-Прабанга скончался, въ 1861 году, изслѣдователь тѣхъ странъ Муотъ; шесть лѣтъ спустя, члены французской экспедиціи поставили ему надгробный памятникъ.

Городъ Ксіенгъ-Кангъ стоитъ близь большаго изгиба, который дѣлаетъ Меконгъ въ восточномъ направленіи, чтобы описать затѣмъ свою кривую, параллельную морскому берегу Аннама; онъ находится у выхода долины, черезъ которую легко добраться до одного изъ главныхъ восточныхъ притоковъ Менама: въ Ксіенгъ-Кангѣ будетъ, вѣроятно, оканчиваться современемъ прямая дорога или желѣзный путь, которые сдѣлаютъ Банкокъ портомъ верхняго Меконга. Слѣдовательно, какъ стратегическій и торговый пунктъ, этотъ городъ имѣетъ очень важное значеніе; онъ находился прежде на лѣвомъ берегу рѣки, но сіамское правительство, желая, чтобы, въ случаѣ возмущенія, лаоцы не могли взять рѣку за линію обороны, принудило жителей переселиться на правый берегъ; отсюда и имя Мюонгъ-Май, или „Новое главное мѣсто", которое даютъ часто этому городу. Ниже по теченію рѣки, всѣ другіе *мюонги* сіамской территоріи тоже должны были выстроиться на берегу, всего болѣе доступномъ банкокскимъ арміямъ. Вьенъ-Шанъ, на языкѣ пали Чандапури, или „Городъ луны", нѣкогда метрополія полуденнаго Лаоса, есть одинъ изъ этихъ городовъ, которые правительство

велѣло разрушить, какъ стоящіе на запретномъ берегу; теперь тамъ видны только остатки королевскаго дворца да кое-какіе фрагменты знаменитой пагоды, откуда извлекли на свѣтъ божій нефритовую статую Будды, составляющую нынѣ предметъ поклоненія въ одномъ святилищѣ Банкока. Въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія „Городъ луны" былъ посѣщенъ въ первый разъ европейцами. Голландецъ Ванъ-Вустгофъ пріѣзжалъ туда посломъ для заключенія союза, и разсказывалъ чудеса про націю и государя, которые приняли его съ почетомъ [1]). Вьенъ-Шанъ былъ замѣненъ, какъ главное мѣсто, городомъ Нонгъ-Кай, лежащимъ километрахъ въ сорока ниже по теченію. Это самый большой прибрежный городъ на Меконгѣ, между Люангъ-Прабангомъ и Пномъпеньхомъ, и торговля его настолько значительна, что китайцы и пегуанцы имѣютъ тамъ особенные кварталы; они привозятъ англійскіе и китайскіе товары, которые обмѣниваютъ на хлопокъ, шелкъ, табакъ, индиго, свинецъ, золотой песокъ, соль, добываемую изъ сосѣднихъ болотъ, воскъ, слоновую кость, росной ладанъ, корицу, отправляемые дикарями земли Пуонъ, близъ границы Тонкина.

Лахонъ, менѣе населенный, чѣмъ Нонгъ-Кай, имѣлъ нѣкогда значительную важность, которую онъ, по всей вѣроятности, рано или поздно снова пріобрѣтетъ, такъ какъ онъ находится въ томъ мѣстѣ Меконга, гдѣ эта рѣка всего ближе подходитъ къ Китайскому морю; разстояніе между ними всего только около 200 километровъ, и раздѣльные пороги не очень высоки. Путешественникъ Гарманъ уже изслѣдовалъ эту область [2]), гдѣ не малое число аннамитскихъ выходцевъ, пользуясь незначительною шириной гористыхъ округовъ, поселились вдали отъ своихъ мандариновъ. Лахонъ не имѣетъ другихъ промысловъ, кромѣ добыванія и обжиганія извести, доставляемой горами, которыя возвышаются надъ противоположнымъ берегомъ и въ которыхъ вырыты печи, почти такого же устройства, какъ печи этого рода, какія дѣлаютъ во Франціи [3]). Ниже по теченію слѣдуютъ одинъ за другимъ городки: Пномъ, прославившійся своею пагодой, Банъ-Мукъ, Кемаратъ, Пакмунъ; этотъ послѣдній стоитъ при сліяніи рѣки Мунъ или Се-Мунъ, ниже самыхъ опасныхъ пороговъ Меконга. Бассейнъ Муна не преминетъ сдѣлаться первоклассною торговою областью, благодаря дорогѣ, которую онъ открываетъ къ Банкоку, а также благодаря плодородію его равнинъ и минеральнымъ богатствамъ его горъ. Коратъ, главный этапъ между Банкокомъ и Меконгомъ, имѣетъ видъ настоящаго города; въ немъ есть отдѣльный китайскій кварталъ, населенный нѣсколькими сотнями негоціантовъ, которые снабжаютъ своими товарами весь сѣверъ Индо-Китая.

---

[1]) *Yule; Fr. Garnier; L. de Carné.*

[2]) „Bulletin de la Société de Geographie de Paris", janvier 1879.

[3]) *L. de-Carné* „Exploration du Mekong", „Revue des Deux Mondes" 15 juillet 1869.

Хмеры распространили свое владычество даже въ эту область Лаоса, ибо въ сосѣдствѣ найдены остатки буддійскаго храма, представляющаго тотъ же архитектурный стиль и тѣ же орнаменты, какъ и храмъ Ангкоръ, близь Большаго Озера [1]). За „королевствомъ“ Коратъ, ниже сліянія рѣки Си, проходящей мимо Шаянуна и его развалинъ, слѣдуетъ на востокѣ, въ томъ же бассейнѣ Мунъ, „королевство“ или, лучше сказать, сіамская провинція Убонъ. Важнѣйшій предметъ торговли главнаго города этой провинціи составляетъ соль, добываемая въ сосѣднихъ равнинахъ. Поселяне попеременно собираютъ то рисъ, то соль на одномъ и томъ же участкѣ земли. Дожди растворяютъ кристаллы соли, увлекаютъ соляныя частицы въ нижніе слои и тѣмъ дѣлаютъ возможною культуру риса на освобожденной отъ соли почвѣ; но тотчасъ же послѣ жатвы земля сильно высыхаетъ отъ дѣйствія жаровъ, и соль снова поднимается на поверхность, гдѣ и отлагается въ видѣ бѣлой пыли или налета; тогда достаточно вымести почву, промыть пыль, чтобы растворить соль и выпарить разсолъ [2]).

Бассакъ, Хонгъ, Стунгъ-Тренгъ, довольно важные торговые города, гдѣ обмѣниваются произведенія долины Аттопе и Боловенскаго нагорья, находятся еще въ предѣлахъ Сіамскаго королевства, отдѣленные отъ Камбоджи кордономъ таможенъ; оттого движеніе торговаго обмѣна, которое естественно должно бы было слѣдовать по главной рѣкѣ, отклоняется въ большой части къ западу черезъ поперечный, пересѣкающій эту рѣку, бассейнъ ея притока Се-Мунъ. Если бы можно было свободно пользоваться торговою дорогой, которую представляетъ Меконгъ до Хонскихъ пороговъ, то городъ Пномъ-пеньхъ, или городъ на „Четырехъ Рукавахъ“ (Quatre-Bras), какъ его называютъ французы, сдѣлался бы первоклассным складочнымъ мѣстомъ товаровъ. Выбранный столицей королевства Камбоджи, по причинѣ его превосходнаго стратегическаго положенія при пересѣченіи четырехъ рѣчныхъ путей, Пномъ-пеньхъ, или „Гора изобилія“ (Паномпингъ, Каломпе) или Намвамъ, „Пять золотыхъ устьевъ“, занимаетъ одно изъ тѣхъ счастливыхъ мѣстоположеній, гдѣ города должны естественно возникать и возрождаться послѣ постигшаго ихъ бѣдствія или разгрома. Когда Пномъ-пеньхъ былъ преданъ пламени сіамцами, онъ имѣлъ, говорятъ, 50.000 жителей; послѣ этой катастрофы онъ быстро возродился изъ пепла и снова занялъ первое мѣсто, по цифрѣ населенія, между Банкокомъ на западѣ и Сайгономъ на востокѣ. Окрестныя равнины усѣяны многочисленными деревнями, и теченіе рѣчнаго рукава, направляющееся къ Большому Озеру, окаймлено домами и садами вплоть до большаго села Кампонгъ-Ленгъ, лежащаго

[1]) *Mouhot* „Travels in the Central Parts of Indo-China“.

[2]) *De Lagrée* „Voyage d'exploration en Indo-Chine“; *L. de Carné* „Exploration du Mekong“.

километрахъ въ шестидесяти къ сѣверу, на восточномъ берегу рѣки. До Пномъ-пеньха столицей Камбоджи былъ городъ Удонгъ, или „Побѣдоносный", построенный въ небольшомъ разстояніи къ сѣверо-западу, на одномъ изъ притоковъ Меконга; онъ былъ покинутъ, какъ очень трудно доступный французскимъ канонеркамъ; король, опасаясь возстанія своего народа, хотѣлъ быть подъ непосредственною защитой иностранныхъ солдатъ [1]). Въ Камбоджѣ, какъ и въ Сіамѣ, королевскія резиденціи часто были перемѣщаемы. Пномъ-пеньхъ уже второй разъ столицей государства. Три города Удонгъ послѣдовательно смѣнились въ сосѣдствѣ одинъ другого. На сѣверѣ, городъ Ловекъ, который тоже былъ столицей и который человѣческія жертвоприношенія, говоритъ легенда, сдѣлали неодолимымъ, прекратилъ свое существованіе, но и теперь еще видны остатки тройнаго ряда его стѣнъ [2]). Какъ эти, такъ и другіе разрушенные города, находящіеся въ недалекомъ разстояніи отъ вершины дельты, свидѣтельствуютъ о важности, которую имѣла эта область во всѣ времена для торговаго обмѣна, и о войнахъ, которыя здѣсь велись изъ за обладанія богатыми рынками края. Нѣсколько земледѣльческихъ колоній шамовъ и малайцевъ магометанъ, происходящихъ отъ плѣнниковъ, разсѣяны въ разныхъ частяхъ страны; христіане, многочисленные среди мѣстнаго населенія, приписываютъ себѣ, по большей части, португальское происхожденіе. Между ними выбираются королевскіе тѣлохранители.

Естественный центръ королевства Камбоджи въ нынѣшнихъ его, незначительныхъ противъ прежняго времени, размѣрахъ составляетъ область Четырехъ Рукавовъ; но когда хмерское государство заключало въ себѣ, вмѣстѣ съ другими провинціями, всю поперечную низменность, соединяющую двѣ рѣки, Менамъ и Меконгъ, посредствомъ бассейна озера Тонлесапъ, естественная средина страны находилась на берегу озера и въ мѣстностяхъ, простирающихся на западъ къ Баттамбангу. Близь этого внутренняго моря стоялъ городъ Индра, прославленный преданіями и напоминаемый многочисленными руинами, разсѣянными въ лѣсахъ. Тамъ же, близь нынѣшняго города Сіемъ-рсапъ, находятся замѣчательнѣйшія развалины Камбоджи и всего Индо-Китая, ангкорскіе храмы и дворцы. Эти знаменитые памятники, слава хмерской архитектуры, были уже извѣстны католическимъ миссіонерамъ въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, и съ той эпохи они никогда не были совершенно забыты. Миссіонеръ Буйльво видѣлъ ихъ въ 1850 году, но вниманіе къ нимъ западнаго міра было серьёзно возбуждено лишь послѣ путешествія Мугота въ 1861 году; нѣсколько лѣтъ позднѣе ангкорскія руины были долго изслѣдуемы

[1]) *Fr. Garnier* „Voyage d'exploration en Indo-Chine".
[2]) *Adolf Bastian* „Reise durch Kambodja nach Cochinchina".

путешественникомъ де-Лагре и его товарищами, и съ тѣхъ поръ многіе другіе путешественники ѣздили изучать эти чудные остатки старины, которыхъ надписи и статуи раскроютъ современемъ страницу за страницей всю исторію Камбоджи. Потомки строителей забыли имена зодчихъ: они говорятъ, что „ангелы“ или „гиганты“ воздвигли эти стѣны и эти башни; другіе туземцы утверждаютъ, что эти удивительныя зданія „сами собою явились на свѣтъ“ [1]). Низведенные опять почти въ первобытное дикое состояніе подъ тяготѣющимъ надъ ними продолжительнымъ гнетомъ, который освящается этими великолѣпными храмами, символами слѣпой вѣры и безусловнаго повиновенія, камбоджійцы совершенно утратили художественное преданіе, и европейцы не могутъ достаточно надивиться при видѣ такихъ грандіозныхъ зданій въ мѣстности, гдѣ не ожидаешь найти ничего, кромѣ деревянныхъ хижинъ и шалашей изъ пальмовыхъ листьевъ [2]).

Ангкорскіе памятники, которые частью восходятъ къ десятому столѣтію и постройка которыхъ была, повидимому, вдругъ прервана въ четырнадцатомъ вѣкѣ, представляютъ собою особенную фазу буддійской религіи, относящуюся къ той эпохѣ, когда, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Индіи и Цейлона, миѳы о Брамѣ, Сивѣ, Вишну, Рамѣ смѣшивались съ миѳами „Великаго Ученія“: между статуями и барельефами, украшающими ангкорскіе памятники, есть много изваяній, изображающихъ Браму съ „четырьмя головами“, тримурти, лица и сцены изъ индусскихъ эпопей; встрѣчаются тамъ и слѣды культа змѣй: нага о семи головахъ составляетъ одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ мотивовъ тогдашняго религіознаго искусства [3]). Надписи храмовъ долгое время оставались непрочитанными; но, по счастью, многіе изъ этихъ эпиграфическихъ памятниковъ написаны на двухъ языкахъ: санскритъ, священный языкъ, былъ употребляемъ строителями на ряду съ вульгарнымъ идіомомъ. Благодаря этому обстоятельству, Кернъ въ Европѣ и Эймонье въ Камбоджѣ успѣли перевести различныя надписи, которыя констатируютъ вліяніе индійской цивилизаціи въ эту эпоху исторіи хмерскаго народа; самый древній изъ этихъ письменныхъ памятниковъ относится къ 667 году христіанскаго лѣтосчисленія [4]). Смѣшанныя традиціи индусской архитектуры также встрѣчаются въ храмахъ Камбоджи; но они слились тамъ въ гармоническое цѣлое: хмерское искусство, которое можно оцѣнить во Франціи по фрагментамъ, хранящимся въ музеѣ Делапорта, въ Компьенѣ, имѣетъ отнынѣ свое мѣсто между стилями, создавшими значительныя произведенія. Широкія подъѣздныя аллеи, обставленныя

[1]) *Mouchot*, цитированное сочиненіе.
[2]) *De Lagrée; Bastian; Delaporte; Aymonier; De Croizier; Bartet*, etc.
[3]) *Becker* „Der Schlangenmythus“, „Kosmos“, III, Juni 1879.
[4]) „Journal officiel de la République française“, 14 août 1882

по сторонамъ гигантами или фантастическими животными, лѣстницы, охраняемыя львами, террасы и галлереи, населенныя статуями, перистили, поддерживаемые узорчатыми столбами, стрѣльчатые своды, многоэтажныя пирамиды, сплошь убранныя скульптурными работами, расположенными въ формѣ вѣера, слѣдуютъ другъ за другомъ на необозримое пространство: простая дверь, колонна возбуждаютъ удивленіе тонкою отдѣлкой деталей, оригинальностью арабесокъ, и между тѣмъ, общее расположеніе цѣлаго отличается изумительною простотой; нигдѣ богатство орнаментаціи не переходитъ въ хаотическую путаницу, какъ это мы видимъ во многихъ памятникахъ Передней Индіи. Дикія травы, гирлянды ліанъ, даже цѣлые лѣса, которые овладѣли зданіями, пробиваясь между плитами и ступеньками, или обвиваясь вокругъ колоннъ и статуй, или обхватывая вѣтвями башни, еще болѣе увеличиваютъ красоту и живописность этихъ пустынныхъ храмовъ. Когда входишь по аллеѣ гигантовъ въ ограду собственно города, Ангкора Великаго, и когда увидишь башни, поднимающіяся надъ высокими городскими стѣнами и ихъ тріумфальными воротами, невольно проникаешься уваженіемъ къ хмерскому народу былыхъ временъ и надеждой на будущность его потомковъ.

Другія руины храмовъ, крѣпостей, городовъ встрѣчаются въ тысячѣ мѣстахъ въ области холмовъ, которая наполняетъ треугольное пространство, заключающееся между Меконгомъ и восточнымъ берегомъ Большаго Озера: тамъ каждое „высокое мѣсто“ имѣло на вершинѣ свой храмъ, и изслѣдователи Делапортъ, Раттъ, Эймонье видѣли великолѣпные остатки этихъ религіозныхъ зданій. Въ мѣстности, лежащей къ югу отъ озера, открыты другіе остатки старины, принадлежащіе болѣе древней цивилизаціи, различные предметы каменнаго вѣка, глиняныя издѣлія, стрѣлы, орудія изъ металла, смѣшанные съ костями людей и животныхъ [1]). Постепенное обсыханіе страны есть, вѣроятно, главная причина постепеннаго обезлюдненія тѣхъ мѣстъ: вòды удалились отъ Ангкора и сосѣднихъ городовъ, морской заливъ превратился въ озеро, а теперь мало-по-малу превращается въ болото [2]). Теперешнія группы жилищъ состоятъ изъ кучекъ хижинъ и озерныхъ городковъ, воздвигнутыхъ на бамбуковыхъ платформахъ и защищенныхъ отъ злыхъ духовъ солнечнымъ зонтикомъ, украшеннымъ цвѣтами и кокосовымъ орѣхомъ [3]).

Ниже Четырехъ Рукавовъ, нѣсколько торговыхъ городовъ или, вѣрнѣе сказать, нѣсколько собраній деревень, слѣдуютъ одно за другимъ по Задней рѣкѣ. Изъ этихъ поселеній, Шаудокъ, во французской Кохинхинѣ, имѣетъ ту выгоду, что находится въ прямомъ сообщеніи съ Сіамскимъ моремъ посредствомъ судоходнаго канала, который

[1]) *Moura; Noulet*, etc.
[2]) *Boulangier* „Excursions et Reconnaissances“, IX, 1881.
[3]) *Buchard*, тотъ же сборникъ.

проведенъ до Гатіена, окруженнаго перечными плантаціями; но этотъ каналъ, прорытіе котораго стоило жизни огромному множеству рабочихъ, можетъ служить лишь баркамъ незначительнаго водоуглубленія, и самый портъ, передъ которымъ аннамиты затопили, около половины текущаго столѣтія, громадныя каменныя глыбы, чтобы запереть проходъ сіамскому флоту [1]), доступенъ судамъ только въ часы прилива. Кампотъ, лежащій на сѣверо-западѣ, на камбоджійской территоріи, имѣетъ болѣе глубокую гавань, и мѣсто якорной стоянки тамъ лучше защищено отъ вѣтровъ, отгого этотъ портъ съ незапамятныхъ временъ посѣщается китайскими и малайскими мореплавателями; тамъ оканчивается кратчайшій путь изъ Удонга и Пномъ-пеньха къ Сіамскому заливу. Ниже Шаудока, близь Лонгъ-Ксюена, естественный потокъ или рукавъ открываетъ другую дорогу къ западному морю, но, какъ и шаудокскій каналъ, онъ доступенъ только мелкимъ судамъ туземцевъ.

Передняя рѣка проходитъ передъ городомъ Садекъ, затѣмъ, въ сосѣдствѣ Винь-Лонга, складочнаго торговаго пункта и укрѣпленнаго мѣста, она развѣтвляется на два рукава, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на другіе рукава, образуя второстепенную дельту. Мито, на сѣверномъ рукавѣ, есть главный городъ этой дельты; положеніе его представляетъ двойную выгоду, такъ какъ онъ стоитъ на берегу большой рѣки и сообщается съ Сайгономъ и дельтой Донная посредствомъ *рашъ*, или судоходнаго рукава, называемаго почтовымъ *арройо;* здѣсь производится торговый обмѣнъ между Сайгономъ и Меконгомъ; это рѣчной портъ главнаго города французской Кохинхины. Въ скоромъ времени эти два города будутъ соединены желѣзною дорогой. Какъ большинство торговыхъ городовъ Востока, Мито состоитъ изъ различныхъ частей — изъ квартала цитадели, вокругъ которой расположены дома европейцевъ, и изъ квартала туземцевъ и китайцевъ, передъ которымъ стоятъ на якорѣ джонки.

Сайгонъ, столица французскихъ владѣній и главный городъ Индо-Китая между Банкокомъ и Ганоемъ, лежитъ не на рукавѣ Меконга, но благодаря глубинѣ его фарватера, онъ сдѣлался портомъ этой рѣки: какъ Рангунъ и даже Калькутта, онъ соединенъ съ потокомъ долины, для которой онъ служитъ средоточіемъ торговли, лишь боковыми вѣтвями второстепенной дельты. Сайгонъ, называемый аннамитами Гіадинь, перешелъ во французское владѣніе въ 1859 году, и съ этой эпохи онъ принялъ въ нѣкоторыхъ кварталахъ, особенно вокругъ изящнаго губернаторскаго дворца, почти европейскую физіономію: плато, господствовавшее надъ городомъ на сѣверной сторонѣ, было частью срыто; болота, окаймлявшія рѣчные рукава, были засыпаны, каналы урегулированы и

[1]) *Boulangier* „Excursions et Reconnaissances", IX, 1881.

УСТЬЕ РѢКИ САЙГОНЪ.

углублены; лабиринтъ улицъ былъ замѣненъ шахматною доской широкихъ аллей или проспектовъ, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ; деревья и сады оживляютъ городъ своею зеленью. Центръ французскаго могущества на крайнемъ Востокѣ, Сайгонъ имѣетъ обширный арсеналъ, гдѣ работаютъ нѣсколько сотъ аннамитовъ, и цитадель, которую построили французскіе офицеры въ 1799 году для аннамскаго короля Гіалонга, была значительно увеличена. Какъ торговое мѣсто, этотъ городъ тоже пріобрѣлъ важное значеніе между портами Азіи; онъ ведетъ торговлю, главнымъ образомъ, съ Сингапуромъ. Торговое движеніе Сайгона въ 1877 году: привозъ 61.014.000 франк., вывозъ 60.420.000 франк.; вмѣстѣ 122.234.000 франк. Общая сумма оборотовъ внѣшней торговли въ 1880 году 155.105.000 франк.

Движеніе судоходства въ Сайгонѣ въ 1879 году: пароходовъ 549, парусныхъ судовъ 301, всего 850 судовъ, вмѣстимостью 700.000 тоннъ.

Китайскихъ джонокъ 251, аннамитскихъ барокъ 6.337; общее движеніе порта 7.438 судовъ и барокъ.

Доля англійскаго флага: 336 судовъ, вмѣстимостью 284.750 тоннъ.

Болѣе половины риса, собираемаго во французской Кохинхинѣ, вывозится по Сайгонской рѣкѣ. Площадь рисовыхъ полей въ этой колоніи въ 1878 году 493.000 гектара. Вывозъ риса въ 1879 году 284.120 тоннъ. Цѣнность 40.000.000 франк. Бо́льшая часть розничной торговли производится въ китайскомъ городскомъ поселеніи Шолонъ, или „Большой рынокъ", находящемся на юго-западѣ, на берегахъ китайскаго рукава (арройо) или Віамъ-бенъ-ге. Ассенированный, вымощенный, снабженный набережными и мостами, Шолонъ не походитъ больше на предмѣстье Кантона; но во многихъ кварталахъ балаганы и лари, сараи, домики на сваяхъ, суда всевозможной величины и формы, пестрая толпа въ разноцвѣтныхъ костюмахъ, толкающаяся на набережныхъ и въ баркахъ и джонкахъ, представляютъ чрезвычайно оживленную и живописную картину. Новые каналы, проводимые изъ Сайгона и Шолона къ Меконгу черезъ Вайко, позволятъ негоціантамъ получать непосредственно рисъ изъ Камбоджи и верхней Кохинхины. Между Сайгономъ и Шолономъ, на возвышеніяхъ почвы, продолжающихся на сѣверъ, разсѣяно множество мѣстъ погребенія, отъ которыхъ это плоскогорье получило названіе „равнины могилъ".

На сѣверо-востокѣ отъ Сайгона лежатъ городъ и крѣпость Бьенгоа, прикрывающіе французскія владѣнія со стороны горъ; окрестныя каменоломни доставляютъ строительный камень для Сайгона и булыжникъ для дорогъ равнины; на юго-востокѣ, плоскіе берега Баріа, близь мыса св. Іакова, даютъ бѣлую соль. Нѣсколько маленькихъ портовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ близь устьевъ Меконга, и Камао обѣщаетъ сдѣлаться однимъ изъ сборныхъ мѣстъ, наиболѣе посѣщаемыхъ барками, когда

полуостровъ этого имени покроется пашнями и плантаціями. Маленькій архипелагъ Пуло-Кондоръ тоже имѣетъ свою важность. Главный островъ населенъ освобожденными изъ заключенія преступниками.

Важнѣйшіе города Индо-Китая въ бассейнѣ Меконга:

Лаосъ и Сіамъ.		*Камбоджа.*	
Люангъ-Прабангъ (де-Лагре)	15.000 жит.	Пномъ-пеньхъ	30.000 жит.
Нонгъ-Кай	6.000 „	Сайгонъ	65.000 „
Коратъ (Муготъ)	6.000 „	Шолонъ	50.000 „
		Мито	15.000 „

Самое многолюдное городское поселеніе Аннамскаго королевства не резиденція, а главный городъ Тонкина, называемый въ просторѣчіи Ганой, по имени его провинціи, или иначе Кешо, т. е. „Рынокъ“ по преимуществу; оффиціальныя его наименованія Бакъ-тань, „Сѣверная цитадель“, по китайски Донгъ-кинь, „Восточная столица“. Расположенный на правомъ берегу Красной рѣки, по которой морскія джонки китайцевъ и пароходы, имѣющіе не болѣе 2 метровъ водоуглубленія, поднимаются во всякое время до его набережныхъ, этотъ городъ находится почти около центра обширной Тонкинской равнины и уже въ теченіе слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ мѣстныя произведенія и товары, привозимые съ верховьевъ рѣки и ея притоковъ, направляются къ его складамъ. По промышленности, искусствамъ, литературѣ, Ганой тоже первый городъ Аннама; это кохинхинскій „Парижъ“: оттуда и изъ сосѣдней деревни происходятъ рѣзная мёбель, лаковыя издѣлія, инкрустаціи на перламутрѣ, напоминающія японскую работу [1]). Большинство домовъ построено изъ кирпича и камня, улицы вымощены мраморными плитами; городъ окруженъ прекрасными бульварами, а также земляным валомъ, защищающимъ его отъ наводненій. Нѣсколько тысячъ китайцевъ, живущихъ въ отдѣльной части города, служатъ посредниками торговаго обмѣна между Ганоемъ и Срединною имперіей; они отправляютъ преимущественно товары европейскаго происхожденія и покупаютъ взамѣнъ олово и опіумъ.

Торговля Ганоя съ Юннаномъ по Красной рѣкѣ въ 1880 году (по свѣдѣніямъ, собраннымъ Кергарадекомъ):

Вывозъ	1.369.000 франк.
Привозъ	2.160.000 „
Вмѣстѣ	3.529.000 франк.

Обширная крѣпость Ганоя, ограда которой имѣетъ шесть километровъ въ окружности—французской конструкціи; она была построена,

[1]) *Kergaradec* „Excursions et Reconnaissances“, XI, 1882.

въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, Оливье и другими офицерами, состоявшими на службѣ у императора Гіалонга. Воздвигнутая французами, она была дважды взята ими, въ 1873 и въ 1882 годахъ; близъ цитадели и рѣки, на землѣ, уступленной Франціи, расположены зданія консульства и казармы немногочисленнаго гарнизона. Въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города, Френсисъ Гарнье и Бальни д'Аврикуръ, которые, во главѣ маленькаго отряда, такъ быстро завоевали дельту Тонкина, погибли, каждый отдѣльно, въ засадѣ.

Такая плодоносная страна должна имѣть большое число городскихъ поселеній, но европейцамъ пока извѣстны только прибрежные города по рѣкѣ Сонгъ-кой и города дельты. Сонгъ-тай, выше Ганоя по рѣкѣ—укрѣпленный городъ, окруженный, какъ и главный городъ, береговою плотиной, которая защищаетъ его отъ наводненій. Ниже по теченію, Намъ-динь, на южномъ рукавѣ дельты—очень оживленная пристань. Гайдзюонгъ, къ востоку отъ Ганоя, на рукавѣ Тай-бинь, тоже посѣщается джонками. Крѣпость его—одна изъ лучшихъ по занимаемой позиціи и одна изъ самыхъ сильныхъ въ Тонкинѣ. Бальни д'Аврикуръ и другіе храбрецы овладѣли ею, въ 1873 году, смѣлымъ, неожиданнымъ нападеніемъ. Въ сосѣдствѣ находятся залежи каменнаго угля. Морской портъ, открытый, по трактату 1874 года, иностранной торговлѣ, Гайфонгъ, лежащій у выхода сѣверной вѣтви дельты, доступенъ большимъ судамъ, имѣющимъ до 4 и даже до 5 метровъ водоуглубленія. Годовое движеніе торговаго обмѣна, который производится, съ одной стороны, съ Сайгономъ, съ другой—съ Гонконгомъ, состоитъ почти исключительно изъ товаровъ китайскаго происхожденія или предназначенныхъ въ Срединную имперію; еще недавно почти всѣ европейскіе торговые дома, которые принимали участіе въ этой торговлѣ, представляя около четырехъ-пятыхъ торговаго обмѣна Тонкина съ внѣшнимъ міромъ Гайфонга, состояли подъ управленіемъ англичанъ [1]).

Торговое движеніе Гайфонга въ 1880 г.:

Привозъ.	5.467.315 франк.
Вывозъ	7.507.523 „
Вмѣстѣ, по оффиц. заявленіямъ .	12.974.838 франк.

Дѣйствительная же цѣнность обмѣна простиралась до 20.000.000 франковъ.

Въ настоящее время пароходы, плавающіе подъ китайскимъ флагомъ, начинаютъ замѣнять собою британскія суда.

Доля различныхъ націй въ торговлѣ Гайфонга въ 1880 году:

Англійскій флагъ. .	35 процент.	Нѣмецкій флагъ. .	11 процент.
Китайскій „ . .	23,5 „	Голландскій „ . .	5,5 „
Американскій „ . .	20 „	Французскій „ . .	5 „

[1]) *Kergaradec* „Excursions et Reconnaissances", VIII.

Движеніе судовъ въ 1880 году:

Большихъ судовъ	253, вмѣстим.	114.200	тоннъ.
Китайскихъ джонокъ . . .	205 „	9.620	„
Всего . . .	458 судовъ	123.820	тоннъ.

Въ собственномъ Аннамѣ, къ югу отъ поперечной горной цѣпи, оканчивающейся на мысѣ Вунгъ-Хіуа и усаженной тамъ и сямъ стѣнами или валами старинныхъ укрѣпленій, большинство городовъ состоитъ изъ хижинъ, разсѣянныхъ на берегу рѣкъ и въ лѣсахъ, близь крѣпости, заключающей въ своей оградѣ присутственныя мѣста и жилища чиновниковъ. Деревни городскаго поселенія соединены лишь тропинками; во многихъ „городахъ", если бы не стоящій по серединѣ обширный навѣсъ, подъ которымъ собирается рынокъ, можно бы подумать, что находишься гдѣ-нибудь среди лѣса [1]). Подобные города часто подвергаются разрушенію; чтобы отстроить ихъ, достатотно возвести новую ограду, и хижины постепенно группируются въ сосѣдствѣ. На сѣверной сторонѣ рѣки Сонгъ-маа, ограничивающей южную часть тонкинской дельты, виднѣется одна изъ этихъ старинныхъ крѣпостей, Тей-Гіай, которая только-что сооруженная, была покинута, какъ принесшая несчастіе своимъ строителямъ. Немногіе памятники имѣютъ болѣе грандіозный видъ. Правильный квадратъ гранитныхъ стѣнъ заключаетъ внутри пространство, покрытое засѣянными полями; по серединѣ каждаго фаса ограды стоятъ высокія ворота со сводами; снаружи двѣ деревни пріютились у подножія стѣнъ заброшенной твердыни [2]).

Гюэ, Тюа-Тіенъ, или Пютюа, столица Аннама, походитъ на другіе города страны, отличаясь отъ нихъ только болѣе обширными размѣрами. Съ половины четырнадцатаго столѣтія она упоминается, какъ аннамитскій городъ, принадлежавшій ціампамъ. Цитадель, воздвигнутая въ началѣ настоящаго столѣтія, по повелѣнію императора Гіалонга, подъ руководствомъ французскихъ офицеровъ, заключаетъ въ себѣ казармы, артиллерійскіе парки, арсеналы, провіантскіе магазины, тюрьмы; это административный и военный центръ королевства. По срединѣ этого города-крѣпости, въ оградѣ, состоящей изъ простой стѣны, находятся королевскіе дворцы, входъ въ которые воспрещенъ профану. Торговая дѣятельность сосредоточена въ предмѣстьяхъ, гдѣ поселились китайскіе негоціанты, и около порта города, Тюанъ-Анъ, защищаемаго нѣсколькими фортами. Сюда приходятъ суда на якорную стоянку; но они никогда не находятъ на барѣ болѣе трехъ съ половиною метровъ воды; въ бурю этотъ порогъ совершенно непереходимъ, да и въ зимнее время рѣдко

[1]) *Luro* „Le Pays d'Annam".
[2]) *Theurel* „Annales de la Propagation de la Foi", 1868.

когда можно перейти через него (по Дютрейль-дю-Рену, приблизительная цѣнность торговли Гюэ около 3.000.000 франковъ). Въ силу трактатовъ, недавно построены въ Гюэ отель и дома для французскаго резидента и нѣсколькихъ чиновниковъ, получившихъ право пребыванія въ аннамской столицѣ. На одномъ изъ холмовъ, возвышающихся къ югу отъ города, блистаютъ позолоченныя крыши дворцовъ, служащихъ усыпальницей для королей, которыхъ хоронятъ вмѣстѣ съ драгоцѣнными вещами, металлами и дорогими камнями; одно изъ этихъ зданій принимаетъ въ себя бездѣтныхъ вдовъ покойнаго короля. Заключенныя въ этомъ дворцѣ, какъ въ монастырѣ, на всю остальную жизнь, онѣ обязаны приготовлять каждый день яства, которыя преподносятся ихъ умершему супругу. Въ окрестностяхъ столицы разведено нѣсколько плантацій кофейнаго дерева [1]).

Единственная большая дорога въ этой провинціи—это дорога изъ Гюэ въ Туранъ; перейдя перевалъ, называемый „Воротами облаковъ“, между двумя остроконечными пиками, она спускается на плоскій берегъ бухты, посѣщаемой изрѣдка судами, затѣмъ, за Тураномъ, продолжается худою дорогой, которая то идетъ вдоль моря, то взбирается на высокіе мысы. Почтовая служба организована только изъ Сайгона въ Ганой черезъ Гюэ, и на этомъ трактѣ учреждены почтовыя станціи для перемѣны лошадей, на разстояніяхъ, варьирующихъ отъ 12 до 22 километровъ [2]).

Въ южномъ Аннамѣ одинъ портъ, именно Куиньонъ или Квинонъ (Гіа или Тинъ-хай), открытъ иностранной торговлѣ; онъ отправляетъ преимущественно соль и грубыя шелковыя ткани. Цѣнность торговаго обмѣна въ Куиньонѣ въ 1880 году простиралась до 1.350.000 франк.; движеніе порта, по приходу иностранныхъ судовъ, въ томъ же году представляло вмѣстимость 24.000 тоннъ. Имя Куиньонъ принадлежитъ спеціально главному областному городу, означаемому обыкновенно подъ названіемъ Бинь-динь, какъ и самая провинція; онъ находится километрахъ въ двадцати къ западу отъ своего порта. Древній Куиньонъ, бывшій столицей народа ціампа, видѣнъ еще въ небольшомъ разстояніи отъ нынѣшняго города; въ настоящее время три деревни какъ бы затеряны среди его громадной ограды, имѣющей не менѣе 12 километровъ въ окружности [3]). На юго-западѣ, городъ Аншенъ, сильно укрѣпленный, составляетъ передовой постъ земледѣльческой культуры близь земли банаровъ; аннамиты не позволяютъ дикарямъ переходить за этотъ городъ внутрь страны [4]). Многочисленныя развалины, свидѣтели исчезнувшей цивилизаціи, разсѣяны въ лѣсахъ древняго царства Ціампа;

[1]) *Dutreuil de Rhins* „Le Royaume d'Annam et les Annamites“.
[2]) *Dutreuil de Rhins*, цитированное сочиненіе.
[3]) *Huyn de Verneville* „Excursions et Reconnaissances“, XI, 1882.
[4]) *Pellerin* „Annales de la Propagation de la Foi“, sept. 1850.

тамъ встрѣчаются также долмены и другіе мегалиты, подобные памятникамъ этого рода, находимымъ въ мѣстахъ обитанія древнихъ галловъ [1]).

Важнѣйшіе города Аннама съ приблизительною цифрой ихъ населенія:

Ганой или Кешо (по Люро)	130.000 жит.	Гайдзюонгъ (по Люро)	50.000 жит.
Гюэ (по Дютрейль-де-Рену)	60.000 „	Гакой	10.000 „
Намъ-динь (по Бульво)	50.000 „	Сонгъ-тай	8.000 „
		Туранъ (Дютрейль-де-Ренъ)	3.000 „

VII.

Полуостровъ Малакка.

АНГЛІЙСКІЯ ВЛАДѢНІЯ, ПОЛУОСТРОВНОЙ СІАМЪ, ПЕРАКЪ, ПАХАНГЪ, СЕЛАНГОРЪ, НЕГРИ-СЕМБИЛАНЪ, ДЖОХОРЪ.

Полуостровъ Малакка, на югѣ Сіама и Бирманіи, не есть особая естественная область: по своимъ горамъ и геологическому образованію, онъ составляетъ продолженіе горныхъ цѣпей, раздѣляющихъ бассейны Салуэна и Менама; его растительное и животное царства представляютъ, въ сравненіи съ флорой и фауной континентальнаго Индо-Китая, лишь незначительные контрасты, происходящіе отъ сосѣдства экватора; но населеніе около южной оконечности полуострова принадлежитъ къ расамъ, отличнымъ отъ тѣхъ, которыя доминируютъ въ индо-китайскихъ областяхъ, и положеніе его портовъ, въ самомъ углу азіатскаго материка, на проливѣ, которымъ должны проходить корабли, плавающіе между Индіей и Китаемъ, придали ему первостепенную важность въ исторіи торговыхъ сношеній и географическихъ изслѣдованій. Арабскіе купцы, затѣмъ европейцы, португальцы, голландцы, англичане послѣдовательно водворялись на краю этого важнаго морскаго пути. Въ настоящее время все западное прибрежье, между устьемъ Салуэна и перешейкомъ Кра, составляетъ часть англійской Барманіи; далѣе на югѣ, три черезполосныя владѣнія на территоріи Малакки тоже присоединены къ громадной колоніальной имперіи Великобританіи; кромѣ того, два острова, Пуло-Пинангъ и Сингапуръ, принадлежащіе англичанамъ, сторожатъ морское прибрежье, и оттуда-то и совершается постепенное завоеваніе внутренности полуострова для земледѣлія и торговли. Еще неизслѣдованная въ цѣломъ объемѣ, страна, тѣмъ не менѣе, уже на половину покорена: весь западный берегъ состоитъ подъ протекторатомъ Англіи, и многіе изъ маленькихъ султановъ, между которыми раздѣлена

[1]) *Adolf Bastian* „Geographische und Ethnologische Bilder“.

остальная часть территоріи, обязаны сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ приглашеніями, которыя присылаютъ имъ англійскіе губернаторы приморскаго края. Впрочемъ, если исчисленія, относящіяся къ туземному населенію, имѣютъ какую-нибудь цѣну, въ англійскихъ владѣніяхъ, хотя значительно уступающихъ по пространству независимымъ государствамъ и сіамскимъ провинціямъ, сгруппировано болѣе половины общаго числа жителей.

Пространство и населеніе полуострова Малакки (континентальной Малазіи):

	Пространство.	Населеніе въ 1881 г.	Километр. населеніе.
Англійскія владѣнія (Мерги, Тенассеримъ и *Straits settlements* или колоніи пролива)	78.093 кв. килом.	825.000 жит.	11 жит.
Сіамскія провинціи . . .	100.000 „ „	400.000 „	4 „
Независимыя государства.	82.099 „ „	300.000 „	3,6 „
Всего	250.192 кв. килом.	1.525.000 жит.	6,5 жит.

Горы, образующія остовъ полуострова Малакки, не составляютъ одной непрерывной цѣпи; раздѣленныя на неравные отрывки широкими рѣчными долинами, онѣ тянутся по направленію съ сѣвера на югъ или съ сѣверо-запада на юго-востокъ, или въ видѣ изолированныхъ кряжей, или въ видѣ параллельныхъ грядъ. Тамъ и сямъ, внѣ цѣпей или хребтовъ, высятся уединенныя горы, со всѣхъ сторонъ окруженныя низменными равнинами, и нѣкоторыя изъ этихъ отдѣльно стоящихъ горъ на столько высоки, что плывущіе на корабляхъ могутъ видѣть ихъ съ обоихъ морей. Обширные лѣса покрываютъ почти всю страну своею густою зеленью: поднимаясь по рѣкамъ, подъ сводомъ листвы переплетающихся деревъ, лодочники могутъ плыть по цѣлымъ днямъ, не встрѣчая прогалины, которая открыла бы ихъ взорамъ одну изъ безчисленныхъ горныхъ вершинъ полуострова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, горизонтъ проясняется: воды, разстилающіяся въ видѣ обширныхъ болотъ, не имѣютъ другой растительности, кромѣ тростника или лотосовъ; въ иныхъ мѣстахъ красноватые слои латерита тянутся на необозримое пространство, безъ деревьевъ или усѣянные кое-гдѣ только рѣдкими лѣсками и рощицами.

На югѣ отъ города Мульмейна, всѣ рѣки, за исключеніемъ нѣсколькихъ потоковъ, спускающихся прямо въ море, отличаются своимъ удивительнымъ параллелизмомъ съ морскимъ берегомъ и съ горными кряжами, которые продолжаются съ сѣверо-запада на юго-востокъ, образуя становой хребетъ полуострова Малакки. Мало найдется странъ, гдѣ продольныя долины имѣли бы такой замѣчательно правильный

характеръ; въ этомъ отношеніи онѣ походятъ на узкія рѣчныя борозды восточнаго Тибета; на разстояніи 1.000 километровъ, складки или повышенія и пониженія почвы представляютъ одно и то же образованіе. Рѣки, заключенныя между параллельными хребтами, получаютъ значительное протяженіе, хотя берутъ начало въ небольшомъ разстояніи отъ моря. Такъ, Мульмейнскій лиманъ принимаетъ въ себя длинную рѣку Аттаранъ, которая извивается съ юга на сѣверъ, идя на встрѣчу Салуэну. Тавойскій заливъ продолжаетъ рѣку того же имени (Тавой), длиною около 200 километровъ, которая течетъ съ сѣвера на югъ, отрѣзывая отъ остальной Барманіи узкій полуостровъ. Большая рѣка Тенассеримъ, еще болѣе любопытная, состоитъ изъ трехъ рѣчныхъ сегментовъ, текущихъ въ противоположныя стороны. Верхній потокъ, Бинъ, начало котораго на уединенной горѣ Міенгъ-Молеткатъ, возвышающейся слишкомъ на 2.000 метровъ надъ уровнемъ океана, изливается къ сѣверо-западу, параллельно Тавойскому лиману, затѣмъ уходитъ на востокъ черезъ ущелье и змѣится въ долинѣ, открывающейся на юго-востокъ и на югъ; въ Тенассеримѣ вторая брешь даетъ ему проходъ, и до впаденія въ море онъ снова принимаетъ сѣверо-западное направленіе. Такимъ образомъ, эта рѣка, которая беретъ начало километрахъ въ тридцати отъ моря, изливается въ него не прежде, какъ описавъ удлиненный овалъ около 500 километровъ. На югѣ отъ рѣки Тенассеримъ, двѣ рѣки Лайнія и Пакшанъ или Кра, составляющая полуденную границу англійской Барманіи, тоже слѣдуютъ, въ направленіи, противоположномъ одна другой, теченію, параллельному хребтовымъ горамъ полуострова и берегу Барманскаго моря. Самыя земли архипелага Мерги, окаймляющаго прибрежья Тенассерима на протяженіи около 400 километровъ, суть не что иное, какъ выступившіе изъ моря отрывки подводныхъ горныхъ хребтовъ, расположенныхъ нѣсколькими грядами, параллельными оси полустрова, и состоящихъ изъ тѣхъ же каменныхъ породъ, гранитовъ, порфировъ, конгломератовъ. Пусть поднятіе почвы выдвинетъ ихъ основаніе изъ волнъ барманскаго моря, и промежуточные проливы превратятся въ долины, гдѣ возникнутъ рѣки, текущія параллельно восточной землѣ.

Сѣверная кордильера Малаккскаго полуострова составляетъ естественную границу между барманскимъ прибрежьемъ, которымъ теперь владѣетъ Англія, и сіамскими владѣніями. Главное ея минеральное богатство состоитъ въ оловѣ, и китайцы открыли тамъ рудники, дѣятельно разработываемые; въ тѣхъ же горахъ, которымъ сіамцы даютъ названіе „Трехсотъ пиковъ“, собираютъ блестки золота. На югѣ отъ Тенассерима, горная цѣпь, тамъ и сямъ прерываемая глубокими брешами, продолжается въ видѣ параллельныхъ хребтовъ до самой оконечности полуострова Малакки.

ВИДЪ НА МАЛАКСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

Извѣстно, что одна изъ этихъ брешей цѣпи Трехсотъ пиковъ образована непосредственно на югѣ отъ англійской границы, рѣкой Пакшанъ или Кра, названной такъ по имени одной деревни на ея берегахъ, и рѣкой Чумпонгъ, притокомъ Сіамскаго залива. Далѣе на югѣ, вторая брешь открывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ полуостровъ и выступы его рельефа перемѣняютъ направленіе и круто поворачиваютъ къ юго-востоку: тамъ находится, безъ сомнѣнія, линія излома, которая продолжается далеко въ море, такъ какъ цѣпь Андаманскихъ островов и Суматра соотвѣтственно параллельны двумъ половинамъ Малайскаго полуострова. Наконецъ, далѣе на югѣ, въ землѣ Лигоръ полуостровъ снова съуживается между цѣпями островов, окаймляющими берегъ въ Малаккскомъ проливѣ, и извилистымъ рукавомъ, отдѣляющимъ островъ, или „пуло", Танталамъ отъ восточнаго прибрежья. Кажется, что въ эпоху наибольшаго развитія буддійской пропаганды путешествія между Южною Индіей и Камбоджей производились черезъ Лигорскій перешеекъ [1]). Но въ теченіе всего новаго періода исторіи перешеекъ Кра, болѣе узкій и болѣе близкій къ устью Менама, былъ гораздо чаще посѣщаемъ для перехода изъ одного моря въ другое; во многихъ экспедиціяхъ сіамскія войска избирали эту дорогу чтобы идти сражаться съ барманцами Тенассерима. По прямой линіи считаютъ всего только 45 километровъ отъ устья рѣки Чумпонгъ, впадающей въ Сіамское море, до сѣверной оконечности Пакшанскаго лимана, и, притомъ, проведена хорошая дорога черезъ порогъ, возвышающійся только отъ 25 до 30 метровъ надъ уровнемъ моря. Часто предлагали прорыть черезъ перешеекъ Кра каналъ большого судоходства, который сократилъ бы на 1.100 километровъ путешествіе изъ Калькутты въ Кантонъ, на 2.200 километровъ путешествіе изъ Мерги въ Банкокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство кораблей, которые теперь плывутъ на Сингапуръ или на Батавію въ своемъ переходѣ изъ Индіи въ Китай. пользовались бы судоходнымъ путемъ черезъ перешеекъ Кра, если бы каналъ, открытый между двумя морями, представлялъ достаточную глубину. По первоначальному проекту, принадлежащему Тремепгиру, предполагается углубить, съ помощью землечерпальныхъ машинъ, мелководныя части рѣки Пакшанъ до деревни Кра, затѣмъ, прорыть на востокѣ русло ручья, чтобы перейти порогъ по туннелю и оттуда спуститься къ Сіамскому заливу черезъ аллювіальныя земли, по которымъ протекаетъ рѣка Чумпонгъ. Шомбуркъ предлагалъ сдѣлать разрѣзъ перешейка гораздо южнѣе: по его проекту, Пакшаномъ можно было бы воспользоваться лишь въ южной части, гдѣ лиманъ вездѣ имѣетъ не менѣе 10 метровъ глубины, а оттуда водный путь направился бы на востокъ рѣкой Чаомъ, черезъ страну, рельефъ которой еще не совершенно извѣстенъ. Г. Делонкль,

[1]) *James Fergusson* „Royal Asiatic Society", June 1867.

также какъ г. Дрю, предпочитаетъ промежуточныя трассировки, по которымъ каналъ начинался бы отъ рѣки Пакшанъ, ниже пороговъ, и достигалъ бы восточной покатости въ мѣстечкѣ Тазанъ, па Таюнгѣ или верхнемъ теченіи Чумпонга [1]). Но прежде, чѣмъ можно будетъ приступить къ практическому осуществленію того или другого изъ этихъ проектовъ, необходимо изучить во всѣхъ подробностяхъ рельефъ и геологію мѣстностей, черезъ которыя придется вести каналъ, и убѣдиться, позволятъ ли глубины восточнаго берега вырыть портъ, доступный для судовъ большого водоизмѣщенія. Что касается западной оконечности будущаго пути, то она представляетъ всѣ удобства: глубокую якорную стоянку и совершенную защиту отъ вѣтровъ. Каковы бы, впрочемъ, ни были шансы исполненія для канала, несомнѣнно, что естественная трассировка желѣзной дороги большого движенія между двумя морями проходитъ гораздо сѣвернѣе, у самаго основанія полуострова, между городами Тавой и Банкокъ. На востокѣ англійской провинціи Уэллеслей и государства Перакъ, верхняя долина рѣки Перакъ, параллельная морскому берегу, тянется съ сѣвера на югъ, между двухъ небольшихъ цѣпей горъ, превышающихъ 1.000 метровъ нѣкоторыми своими пиками; даже одна изъ вершинъ, или *гунонгъ*, Улу-Тумулангъ, достигаетъ высоты 1.961 метра. Рѣка Канта, притокъ Перака, прерываетъ восточную цѣпь, тогда какъ другой хребетъ, называемый Ларутъ, постепенно понижаясь, пропадаетъ въ сосѣдствѣ моря; но на востокѣ отъ заливообразнаго устья Перака, уединенный массивъ поднимается своею высшею вершиной до высоты 1.982 метровъ: это Гунонгъ-Раджа, или „Царь-гора", которую сосѣднія вершины, по словамъ Дали, превышаютъ слишкомъ на 400 метровъ [2]). Гористая область, еще не вездѣ посѣщенная путешественниками, отдѣляетъ этотъ массивъ отъ другой группы пиковъ, еще неизмѣренныхъ, но которые, по мнѣнію г. Миклухи-Маклая, слѣдуетъ считать самыми высокими горами на Малайскомъ полуостровѣ. Рѣка Пагангъ, впадающая на востокѣ въ Китайское море, ограничиваетъ эти возвышенности съ южной стороны; далѣе разстилаются болотистыя равнины, занимающія бо̀льшую часть восточной покатости, тогда какъ вдоль западнаго берега, вплоть до сѣверныхъ окрестностей города Малакки, тянется горная цѣпь, достигающая въ самыхъ высокихъ точкахъ своихъ 1.000 и 2.000 метровъ [3]). Вершина, которой первые европейскіе мореплаватели, искавшіе повсюду гору, откуда Соломонъ получалъ свое золото, дали имя Офиръ, возвышается на 1.173 метра въ оси этой цѣпи, но стоитъ совершенно уединенная, подобно вулканическому конусу. Далѣе на югѣ встрѣчаются лишь простые холмы; однако, вершины, которыя виднѣются на сѣверо-западѣ

[1]) „Revue de Géographie", mars 1882; „Exploration", 9 et 16 mars 1882.
[2]) „Proceedings of the Geographical Society of London", july 1882.
[3]) „Proceedings of the Geographical Society of London", july 1882.

Сингапура и которыя носятъ названіе Гунонгъ, или „гора“ по преимуществу, достигаютъ еще высоты 600 метровъ. На востокѣ ряды высотъ продолжаются до самой оконечности континента, до мысовъ Джохоръ и Раменіа (Романія). Островъ Сингапуръ принадлежитъ къ тѣмъ же каменнымъ формаціямъ какъ и горныя цѣпи полуострова; въ геологическомъ отношеніи онъ составляетъ часть твердой земли; каналъ, отдѣляющій его отъ мыса Джохоръ и который называютъ „Старымъ проливомъ“, потому что онъ былъ предпочитаемъ моряками, боявшимися пускаться по волнамъ большого прохода, имѣетъ скорѣе видъ рѣки, нежели морскаго рукава. Онъ тянется извилинами во внутренности земель, на пространствѣ около 55 километровъ, при средней ширинѣ отъ 1.000 до 1.500 метровъ: это поперечная долина, пересѣкающая ось полуостровныхъ горъ.

Въ цѣломъ горы Малазіи состоятъ изъ гранитныхъ скалъ и песчаниковъ. Въ мѣстѣ соприкосновенія этихъ породъ съ конгломератами и глинами, которые тянутся вдоль основанія гористой области, поясъ аллювіальныхъ грязей, толщиною въ нѣсколько метровъ, прикрываетъ рудныя мѣсторожденія перемѣнной мощности, гдѣ китайскіе рудокопы собираютъ олово; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчные наносы, содержащіе руду, встрѣчали препятствія, потоки образовали водовороты и вода вырывала въ почвѣ углубленія, или „мѣшки“, откуда иногда извлекаютъ цѣлыя груды металла. Почти всѣ ручьи и рѣчки страны катятъ также золото въ своемъ крупномъ пескѣ. Хотя разработка рудныхъ залежей ведется систематически только въ англійскихъ владѣніяхъ, тѣмъ не менѣе, годовая добыча олова въ континентальной Малазіи превышаетъ, по цѣнности, 8 милліоновъ франковъ [1]); во многихъ внутреннихъ областяхъ, между прочимъ, въ Пахангѣ, ходячая монета состоитъ изъ оловянныхъ кружковъ съ оттиснєннымъ на нихъ королевскимъ штемпелемъ и съ дыркой по серединѣ, такъ что ихъ можно нанизывать на шнурокъ и носить при себѣ связками, какъ китайскія сапеки. Рѣдкость оловянныхъ рудныхъ мѣсторожденій въ остальныхъ странахъ земнаго шара обезпечиваетъ рудникамъ Малайскаго полуострова исключительную важность. Можетъ быть, именно въ сосѣдствѣ оловянныхъ рудниковъ Малакки и открылся бронзовый вѣкъ, ибо залежи этого металла, безъ котораго невозможно было бы приготовлять сплавъ, называемый бронзой, не существуютъ въ странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, гдѣ распространилось употребленіе бронзоваго оружія. Всѣ находки, сдѣланныя въ свайныхъ постройкахъ Европы, имѣютъ рукоятки, которыя могутъ годиться лишь для руки индусовъ или ихъ восточныхъ сосѣдей; средняя разность между этими рукоятками и рукоятками французскаго оружія превышаетъ 3 сантиметра. Различныя орудія, находимыя въ Восточной

---

[1]) *Barrington d'Almeida* „Journal of the Geographical Society of London“, 1876.

Азіи, и мотивы орнаментаціи, какъ, напримѣръ, знакъ креста, также свидѣтельствуютъ о торговыхъ сношеніяхъ, которыя производились въ первыя времена бронзоваго вѣка между Индіей и Западною Европою [1]).

Дожди, падающіе на склоны горъ Тенассерима и Малазіи, очень обильны, преимущественно на западной покатости, гдѣ скалы, часто размываемыя ливнями и изборожденныя рытвинами, всегда имѣютъ болѣе голый видъ, чѣмъ скалы восточной отлогости. Среднимъ числомъ, слой дождевой воды превышаетъ 3 метра въ годъ; дождь идетъ почти всякій день, съ ноября до мая, да и въ остальное время года нерѣдко случается, что вѣтеръ, съ какой бы стороны ни дулъ, приноситъ влажность; окруженный со всѣхъ сторонъ водами моря, полуостровъ купается своими горами въ атмосферѣ, насыщенной парами; тамъ не бываетъ ни одного дня, который былъ бы совершенно ясный [2]). Оттого и рѣки, спускающіяся съ горъ, очень полноводны въ сравненіи съ длиной ихъ теченія, и многія изъ нихъ, доступныя пароходамъ въ той части своего теченія, куда доходитъ морской проливъ, носятъ барки до самаго основанія горъ. Таковы рѣки Перакъ, Бернамъ, Селангоръ, Клангъ, Моаръ, на покатости Малаккскаго пролива, и рѣки Пахангъ и Индау, на покатости Китайскаго моря. Но теченіе всѣхъ этихъ рѣкъ прерывается порогами, переходъ черезъ которые часто бываетъ сопряженъ съ опасностью. Такъ, верхній Перакъ, „Серебряная рѣка“, спускается цѣлымъ рядомъ *джерамовъ*, или пороговъ (всѣхъ 55), которые судовщики стараются умилостивить разными приношеніями. Прежде, чѣмъ пуститься черезъ самые опасные проходы, они останавливаются, умоляютъ скалы, объясняютъ имъ въ подробности важность путешествія и бросаютъ имъ банановъ, орѣховъ бетеля, даже сухарь, когда ихъ сопровождаетъ бѣлый человѣкъ [3]).

Ручьи и рѣки Малазіи увлекаютъ въ своемъ илѣ обломки глинъ и латеритовъ и отлагаютъ ихъ на плоскихъ берегахъ въ видѣ болотистыхъ пространствъ, которыми мало-по-малу овладѣваютъ ризофоры (корнепуски), окаймляя прибрежье эшафодажемъ своихъ воздушныхъ корней. Всѣ мутныя воды, стекающія съ континента и съ островокъ и которыя море подбираетъ, чтобы затѣмъ метать ихъ въ видѣ волнъ противъ берега, очищаются въ этомъ лабиринтѣ растительности и постепенно повышаютъ болотистую почву прибрежья, прибавляя къ берегамъ наносъ за наносомъ, какъ слои, годовое наращеніе которыхъ окружаетъ стволы деревъ. Такимъ образомъ, островъ Пуло Пинангъ все болѣе и болѣе приближается къ твердой землѣ. Изученіе почвы доказываетъ, что проливъ имѣлъ нѣкогда около двадцати километровъ въ ширину; но Прай и другія рѣки, спускающіяся съ Ларутскихъ горъ, выдвинули свои

1) *Gabriel de Mortillet* „Revue d'Anthropologie“, 1875.
2) *Wernich* „Geographisch-medicinische Studien“.
3) *Daly*, цитированный мемуаръ.

берега въ ущербъ канала, оставивъ ему не болѣе трехъ километровъ въ самомъ узкомъ проходѣ: потокъ, сжатый между островомъ и материкомъ, вырылъ фарватеръ въ 25 метровъ глубины, но на сѣверѣ и на югѣ пролива обширныя отмели продолжаются далеко въ море [1]). На берегахъ Малаккскаго пролива вліяніе острова Суматры, протянувшагося параллельно западному берегу, производитъ обратное явленіе. И тамъ тоже рѣки и ручьи Малазіи приносятъ въ море большія количества грязи, но текучія вóды Суматры, которыя катятъ гораздо больше землистыхъ частицъ, берутъ перевѣсъ и образуютъ обширныя дельты впереди своихъ устьевъ. Теченіе пролива, отбрасываемое къ востоку наносами Суматры, задѣваетъ малайскій берегъ, увлекая илъ къ открытому морю: уравновѣшеніе борющихся силъ совершается, съ одной стороны, въ пользу отложенія наносовъ, съ другой—въ пользу размыванія береговъ. Такимъ образомъ, многія пространства малайскаго берега постепенно отступили внутрь материка; повсюду, гдѣ мысы омываютъ свои выступы въ морскихъ водахъ, они подтачиваются и размываются теченіемъ, которое уноситъ далеко ихъ обломки въ какую-нибудь защищенную бухточку. Не смотря на отступленіе береговъ въ полуденной части полуострова, есть много признаковъ поднятія почвы; малайцы показываютъ бывшіе островки на большомъ разстояніи отъ моря внутри материка, и на островѣ Сингапурѣ, на высотѣ 12 метровъ отъ нынѣшняго уровня моря, видѣнъ поднятый берегъ, заключающій въ себѣ остатки человѣческой промышленности.

Благодаря своему климату, обилію орошающихъ водъ и своимъ портамъ, лежащимъ вдоль океанскаго пути, по которому безпрестанно ходятъ корабли, полуостровъ Малакка обѣщаетъ въ близкомъ будущемъ давать торговлѣ массу самыхъ разнообразныхъ естественныхъ произведеній; путешественники насчитываютъ сотнями предметы торговаго обмѣна. Лѣса полуострова заключаютъ въ себѣ всѣ драгоцѣнныя древесныя породы Индіи и Малайскаго архипелага, а на воздѣлываемыхъ земляхъ, поясъ которыхъ мало-по-малу распространяется все далѣе отъ морскаго прибрежья къ высокимъ долинамъ, живутъ рядомъ другъ съ другомъ всѣ утилизируемыя растенія тропическаго и умѣреннаго поясовъ: рисъ, табакъ, маисъ, корни, дающіе маніоковую муку, деревья кофейное, перечное, чайное, какаовое, хинное, пальмы всякаго рода; континентальная Малазія можетъ сдѣлаться второю Явой по могуществу и правильности производства. Большіе дикіе звѣри, слонъ, носорогъ, вепрь, тигръ отступаютъ въ глубь лѣсовъ, по мѣрѣ того, какъ малайскіе или китайскіе поселенцы проводятъ сѣть своихъ тропинокъ, и быки пасутся тысячами головъ на саваннахъ, отвоеванныхъ у болотъ или лѣсовъ.

[1]) *Logan*, цитированный мемуаръ.

Карены и другіе нецивилизованные народцы, живущіе въ горахъ Тенассерима, граничатъ, съ одной стороны, съ барманцами и талайнами западнаго берега, съ другой—съ сіамцами восточнаго. Кромѣ того, существуетъ одно дикое населеніе, рѣдко приходящее въ соприкосновеніе съ цивилизованными обитателями морскаго побережья—это племя рыболововъ силонгъ или селонгъ, которые въ періодъ юго-западнаго муссона располагаются становищами въ шалашахъ на островахъ Мерги, а въ остальное время года живутъ въ своихъ ладьяхъ или на морскомъ берегу, убѣгая при появленіи всякаго чужого, хотя бы самаго маленькаго судна. Они, впрочемъ, очень малочисленны, всего какая-нибудь тысяча душъ, и говорятъ языкомъ, который еще не былъ изученъ [1]).

Дикія населенія полуостровной Малазіи представлены племенами, раздѣленными на безчисленное множество клановъ. Эти племена, извѣстныя подъ генерическими именами орангъ-бинуа, „люди почвы“, орангъ-утангъ, „люди лѣсовъ“, орангъ-букитъ, „люди горъ“, орангъ-убу, „люди рѣкъ“, орангъ-даратъ-ліаръ, „дикіе люди“, или просто орангъ-улонъ, „люди внутренности страны“, не носятъ особеннаго названія, отличающаго расу, и наименованія ихъ примѣняются, безъ сомнѣнія къ народцамъ различныхъ происхожденій, чистыхъ или смѣшанныхъ. Точно также орангъ-слатаръ, или „люди рѣкъ“, орангъ-лаутъ, орангъ-тамбура, или „люди моря“, далеко не принадлежатъ къ тому же самому этническому корню; случай приключеній, войнъ и союзовъ раздѣлилъ ихъ на группы, совершенно отличныя одна отъ другой.

Ужасъ, внушаемый „людьми земли“, или орангъ-бинуа, и еще болѣе жестокости, которымъ ихъ подвергали, породили странныя легенды у малайцевъ морскаго прибрежья. Эти послѣдніе совершенно серьёзно повторяли басню о людяхъ съ хвостомъ, утверждая даже, будто орангъ-бинуа обмакивали въ деревянное масло конечный пучекъ этого придатка и зажигали его въ видѣ факела, чтобы истреблять пожаромъ малайскія деревни [2]). Другіе бинуа, называемые гаргаси, по росказнямъ ихъ сосѣдей, имѣютъ лицо, вооруженное бивнями или клыками; иные, будто бы, покрыты шерстью, въ видѣ густаго мѣха; жители рѣки Текайнъ обладаютъ, будто бы, огромными ступнями, длиною въ полметра, и стремительно налетаютъ на лѣсную и полевую дичь, чтобы пожирать ее сырьемъ [3]).

Всего менѣе, повидимому, смѣшались съ малайцами тѣ туземцы внутренней части полуострова, которымъ даютъ спеціально названія семангъ или сакай; первые изъ нихъ живутъ на западной отлогости горъ, вторые во внутреннихъ долинахъ и на восточной покатости. Всѣ

[1]) *Helfer* „Gedruckte und Ungedruckte Schriften“.
[2]) *Hermann Moll* „The Oriental Islands“.
[3]) *Миклухо-Маклай* „Straits Branch of the Royal Asiatic Society“, № 2, dec. 1878.

путешественники, имѣвшіе случай посѣтить самангов и сакаевъ въ ихъ становищахъ и сравнивать ихъ съ папуасами Новой Гвинеи, не колеблясь признаютъ ихъ принадлежащими къ той же расѣ. Болѣе черные кожей, чѣмъ малайцы, они имѣютъ толстыя губы, приплюснутый носъ съ широкими ноздрями, курчавые волосы; они отличаются величиной ноги, которой три внѣшніе пальца обращены наружу; почти всѣ эти дикари, ведя существованіе, полное лишеній, малорослы и болѣзненны, и пропорція безплодныхъ женщинъ между ними значительна. Мужчины, весь костюмъ которыхъ состоитъ изъ передника, не носятъ никакихъ украшеній, даже не татуируются; женщины, болѣе кокетливыя, чертятъ себѣ кривую линію и маленькіе знаки на щекѣ, протыкаютъ мочку ушей и продѣваютъ въ перегородку ноздрей иглу дикобраза. Самые дикіе папуасы Малайскаго полуострова не имѣютъ даже жилья; они проводятъ ночь на верхушкѣ деревьевъ, и все ихъ имущество состоитъ въ ножѣ; у другихъ есть сарбаканъ, изъ котораго они пускаютъ стрѣлы, отравленныя сокомъ ядовитаго растенія упасъ. Они проскальзываютъ, какъ змѣи, сквозь лѣсную чащу, не ломая ни вѣтвей, ни ліанъ. По словамъ г. Миклухо-Маклая, нѣкоторыя племена сакаевъ выбираютъ себѣ начальника или царька, который, впрочемъ, по образу жизни, ничѣмъ не отличается отъ другихъ дикарей; когда такой раджа умираетъ, жена его можетъ заставить признать себя царицей. Браки совершаются безъ всякихъ церемоній или обрядовъ; у сакаевъ Паханга, мужчина долженъ завоевать невѣсту на бѣгѣ; онъ даетъ ей нѣкоторое упрежденіе, но если не догонитъ ее по сю сторону цѣли, то ему не дозволяется пытать счастья во второй разъ [1]). По свидѣтельству того же путешественника, нѣкоторыя племена имѣютъ форму общиннаго брака, очень примитивную, предшествующую даже той, которую представляютъ брачные союзы наировъ на Малабарскомъ берегу; каждая женщина принадлежитъ всему племени, хотя она все-таки считается связанною съ своимъ первымъ супругомъ. У этихъ бродячихъ семействъ ребёнокъ носитъ имя не матери, а того дерева, подъ которымъ онъ родился [2]).

Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и церемоніяхъ дикарей встрѣчаются слѣды вліянія индусскихъ религій и арабскаго магометанства, но основу ихъ культа составляютъ заклинанія духовъ; ихъ жрецы, или *поянги* практикуютъ родъ шаманства, какъ жрецы баттановъ и даяковъ на островахъ Суматра и Борнео [3]). Большинство бинуа говоритъ малайскимъ языкомъ; однако, нѣкоторое число стариковъ знаетъ лишь идіомъ своихъ предковъ, мало отличающійся отъ нарѣчія жителей Новой Гвинеи. Даже тѣ, которые употребляютъ малайскій языкъ, какъ обычную

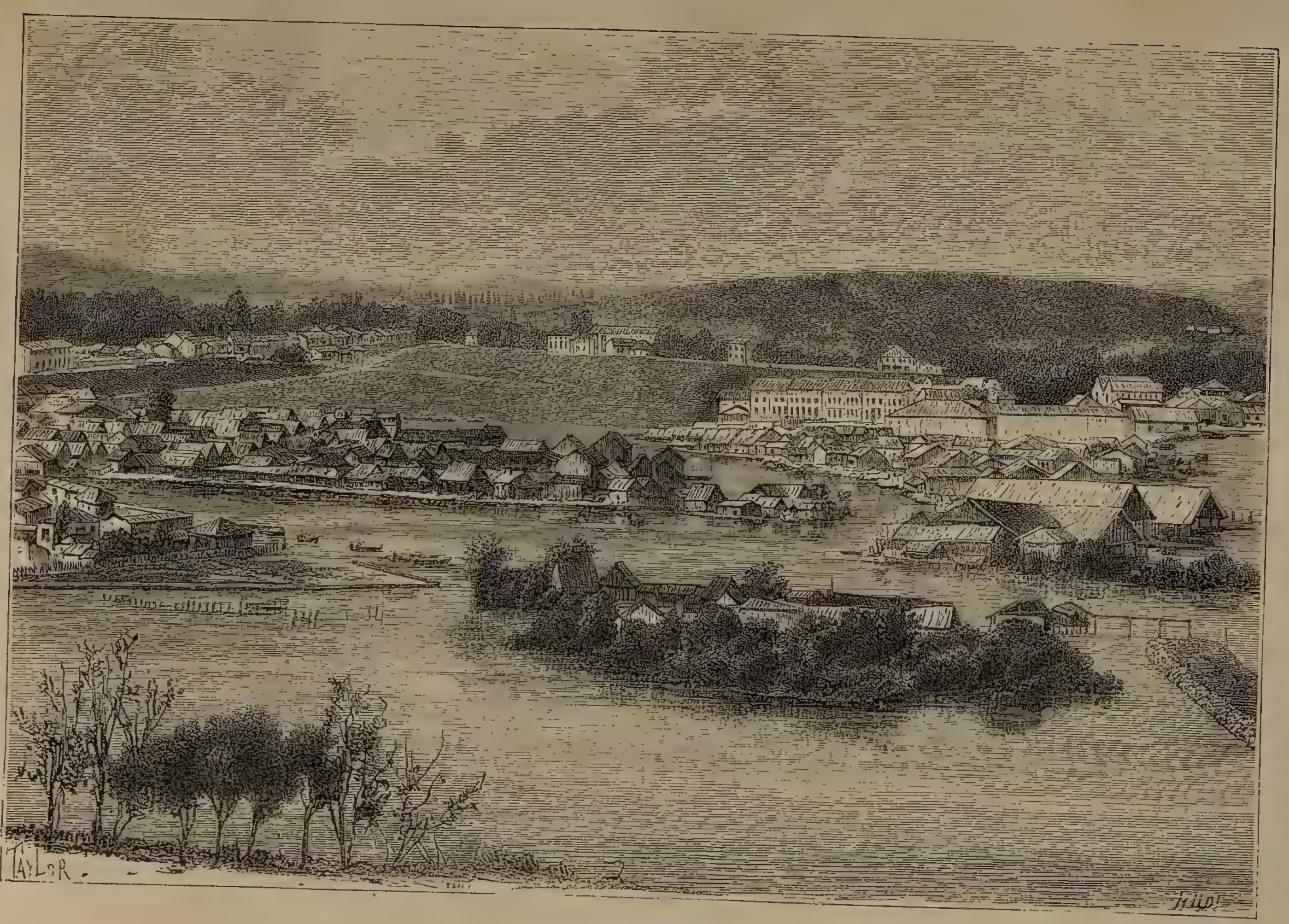
[1]) *Plaisant* „Annales de la Propagation de la Foi", nov. 1848.
[2]) *Pupier*, тотъ же сборникъ за 1826 годъ.
[3]) *Logan* „Journal of the Indian Archipelago", I.

рѣчь, сохранили въ своемъ словарѣ много словъ папуасскаго происхожденія. По общему вѣрованію, искатели камфоры могутъ разсчитывать на успѣхъ не иначе, какъ подъ условіемъ, если они говорятъ еще древнимъ языкомъ; когда же имъ случится произнести нечаянно малайское слово, то камфорное дерево мгновенно скрывается изъ глазъ, хотя бы оно было на такомъ разстояніи, что его можно было достать рукой. Малайскіе звѣроловы тоже стараются выучиться „камфорному языку“ и тѣмъ способствуютъ сохраненію его существованія [1]). Но расѣ угрожаетъ сильная опасность исчезновенія. Въ сосѣдствѣ становищъ дикарей, малайцы устроиваютъ засады, чтобы выкрадывать дѣтей и продавать ихъ въ рабство. Скоро останутся только такъ называемые „прирученные“ оранги, каковы, напримѣръ, джохорскіе якуны, бинуа, до такой степени измѣнившіеся вслѣдствіе скрещиванія съ китайцами и малайцами, что они уже утратили всѣ характеристическія черты туземца [2]).

Малайцы составляютъ основу населенія, внѣ большихъ городовъ, гдѣ преобладаютъ китайцы. Хотя имя ихъ, по Вету, имѣетъ первоначальный смыслъ „горцевъ“, однако, малайцы по большей части суть жители равнинъ и морскаго прибрежья; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже всѣ они, безъ исключенія, лодочники или моряки. Гдѣ искать центръ распространенія этихъ народцевъ, представители которыхъ разсѣяны отъ Мадагаскара до Океаніи? Пришли ли они съ азіатскаго континента, или ихъ первые предки, родоначальники, родились въ тѣхъ же архипелагахъ, гдѣ въ наши дни находится главная масса малайской расы? Мнѣнія по этому предмету раздѣлены и вопросъ остается открытымъ. Какъ бы то ни было, вѣроятно, что первоначальная ихъ родина не полуостровъ Малакка, такъ какъ ихъ собственныя преданія говорятъ, что они пришли изъ другого мѣста, и оттѣсненныя дикія племена они обозначаютъ именемъ „людей почвы“, или „аборигеновъ“. Индусское наименованіе „малайцы“, повидимому, примѣнялось въ началѣ къ жителямъ западнаго берега Суматры.

Въ физическомъ отношеніи, малайцы полуострова походятъ на малайцевъ острова Борнео. Они средняго роста, гибки и сильны; глаза у нихъ маленькіе, слегка скошенные; лицо широкое съ выдающимися скулами, волосы жесткіе и черные, борода рѣдкая, физіономія осмысленная, улыбка тонкая, взглядъ гордый. Ихъ повелители, голландцы или англичане, оклеветали ихъ. Они изображали ихъ, какъ людей кровожадныхъ и хитрыхъ, и именно жители Малаккскаго берега были описываемы, какъ наслѣдственные пираты, живущіе лишь обманомъ и грабежомъ. Безъ сомнѣнія, острова морскаго прибрежья часто служили

[1]) *Миклухо-Маклай*, цитированный мемуаръ.
[2]) *Logan*, цитированный мемуаръ; *Müller Peschel*, etc.

ВИДЪ СИНГАПУРА.

притономъ корсарамъ, особенно когда европейскія державы вооружали туземцевъ однихъ противъ другихъ; но главная масса населенія въ историческія времена всегда состояла изъ мирныхъ земледѣльцевъ. Англичане также часто квалифицировали малайцевъ пиратами, чтобы извинить предпринятые противъ нихъ походы, или оправдать присоединенія территорій; внутреннія таможни, учрежденныя при входахъ въ лиманы, при сліяніяхъ рѣкъ, на волокахъ и перевалахъ черезъ горы, были представляемы, какъ разбойничьи притоны. Но, въ нормальныхъ условіяхъ, малаецъ самый общежительный, самый миролюбивый изъ азіатцевъ, въ то же время, какъ одинъ изъ самыхъ мужественныхъ и самыхъ гордыхъ. Въ деревняхъ, каждый членъ общины самымъ добросовѣстнымъ образомъ уважаетъ права своего сосѣда; нигдѣ не существуетъ болѣе дѣйствительнаго равенства [1]). Нѣтъ человѣка, который лучше умѣлъ бы господствовать надъ своими страстями, спорить съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ своему собесѣднику, противорѣчить, щадя болѣе искусно самолюбіе другого, высказать ему упрёкъ съ бо̀льшею любезностью и безобидностью, облечь свою откровенность въ болѣе вѣжливую форму. Но онъ имѣетъ право ожидать и отъ другихъ того же, что̀ самъ даетъ имъ. Ласковое обращеніе привлекаетъ его сердце, тогда какъ надменное высокомѣріе, которымъ европейцы часто стараются возвеличить себя въ глазахъ туземца, порождаетъ у малайцевъ чувство ненависти, смѣшанное съ презрѣніемъ [2]). Однако, и у этихъ людей, умѣющихъ такъ хорошо сдерживать себя въ обыденной жизни, можетъ случиться, что страсти проявляются внезапною вспышкой. Когда малайцемъ овладѣваетъ ярость, ничто не въ состояніи удержать его: онъ бѣгаетъ, какъ безумный, поражая на смерть всякаго, кто попадется на глаза, до тѣхъ поръ, пока его не схватятъ и не убьютъ, какъ дикаго звѣря. Иногда это бѣшеное бѣганье, называемое *амокъ*, составляетъ также погребальную церемонію: предки требуютъ человѣческой крови, которую и проливаютъ, въ честь ихъ, преданные друзья, принося имъ въ жертву какъ свою собственную кровь, такъ и кровь другихъ [3]).

Прежде, чѣмъ сдѣлаться магометанами, малайцы были послѣдователями индусскихъ религій, и до сихъ поръ многія преданія, многія черты нравовъ напоминаютъ времена, когда они еще не вступали въ лоно ислама; у нихъ есть даже не мало суевѣрій, общихъ съ „людьми почвы“, которые обожаютъ добрыхъ духовъ и заклинаютъ злыхъ геніевъ. Многоженство встрѣчается у нихъ рѣже, нежели у другихъ магометанскихъ народовъ; оно практикуется только въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ достаточно богатъ, чтобы купить себѣ нѣсколькихъ супругъ. Древніе

[1]) *A. R. Wallace* „Malay Archipelago“; *Thomson*.
[2]) *Recte; Jukes* „Fly“, vol. II; *Logan* „Journal of the Indian Archipelago“, I.
[3]) *Elie Reclus* „Рукописныя замѣтки“.

обычаи материнства или главенства женщины имѣютъ еще силу закона въ бо́льшей части семействъ. Молодой человѣкъ не проситъ руки дѣвушки: матери принадлежитъ забота сыскать зятя и предложить ему свою дочь; женатый, онъ не имѣетъ никакого права на состояніе своей супруги и даже, если онъ не принесъ въ хозяйство приданаго, равнаго имуществу жены, дѣти принадлежатъ послѣдней, а его собственное достояніе переходитъ къ дѣтямъ его сестеръ. Въ общинной организаціи, достоинство начальника, которое въ принципѣ подлежитъ избранію, слѣдуетъ, вообще говоря, тому же порядку наслѣдованія: оно переходитъ не отъ отца къ сыну, но отъ дяди къ сыну его сестры. Глава общины, или *пангулу*, не имѣетъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какими пользуется староста въ великорусскомъ мірѣ или въ сербской задругѣ: онъ совѣтникъ и примиритель семействъ, или *суку*, которыя обработываютъ земельные участки общины.

Какъ господствующее населеніе полуострова, малайцы подвергаются большой опасности. Уже и теперь китайцы составляютъ болѣе трети жителей въ англійскихъ владѣніяхъ и, по всей вѣроятности, они пріобрѣтутъ тамъ численное большинство черезъ нѣсколько лѣтъ; они селятся также въ государствахъ независимыхъ и состоящихъ подъ покровительствомъ; но значительная пропорція этихъ иммигрантовъ, которые почти всѣ уроженцы южнаго Китая, женятся на малайкахъ, и дѣти ихъ, оставаясь китайцами, приспособляются къ нравамъ страны. Рудокопы, ремесленники, земледѣльцы, торговцы, посредники всякаго рода, „сыны Гана“ способны на всякія ремесла, и часто англичане опасались, какъ бы власть не перешла въ руки этихъ трудолюбивыхъ колонистовъ. Особенно боятся они тайныхъ китайскихъ обществъ, члены которыхъ даютъ клятву никогда не обращаться къ европейскимъ судьямъ и чиновникамъ и не признавать никакого авторитета, кромѣ авторитета своей ассоціаціи. Политика англичанъ состоитъ въ томъ, чтобы разъединять этихъ опасныхъ подданныхъ, раздѣляя ихъ на группы, враждебныя одна другой, и отчасти они успѣли въ этомъ, благодаря привлеченію на свою сторону богатыхъ китайцевъ, допускаемыхъ подъ разными титулами въ британскую администрацію. Естественная вражда малайцевъ къ китайцамъ служитъ другимъ средствомъ господства для англичанъ [1]). Полицейскія силы, организованныя ими въ горнозаводскихъ округахъ, гдѣ китайцы образуютъ большинство населенія, состоятъ изъ солдатъ сейховъ и гуркасовъ, набранныхъ изъ самыхъ преданныхъ полковъ.

Индусы малайскихъ государствъ и англійскихъ владѣній, называемыхъ *Straits Settlements*, дѣлятся на нѣсколько группъ, смотря по мѣсту ихъ происхожденія. Бенгальцы, которыхъ сразу можно узнать по ихъ

[1]) *Thomson* „Dix ans de Voyages dans la Chine et l'Indo-Chine“.

красному тюрбану и между которыми выбирають красивыхъ *мандуровъ*, нѣчто въ родѣ жандармовъ, шествующихъ впереди бѣлыхъ, въ знакъ уваженія, живутъ въ особыхъ кварталахъ, отдѣльно отъ малабарцевъ полуденной Индіи. Другіе выходцы изъ Индустана, клингъ, чинліа или телугу изъ Мадраса, присвоившіе монополію разныхъ ремеслъ, между прочимъ, профессію кучеровъ и извозчиковъ, и которые бѣгаютъ безъ устали весь день, вымазанные деревяннымъ масломъ, съ головы до ногъ, рядомъ со своими маленькими пони, также населяютъ отдѣльные кварталы. Наконецъ, нѣкоторые индусы обитаютъ въ лагерныхъ баракахъ: это несчастные куліи, „наемники", санталы, ораоны, коль, которые работаютъ на плантаціяхъ морскаго прибрежья, вольные по тексту ихъ контракта, но въ дѣйствительности рабы или крѣпостные. Арабы, армяне, нѣсколько сотень евреевъ, евразійцы, по бо̀льшей части португальскаго происхожденія, европейцы или орангъ-пути, т. е. „бѣлые люди", всѣ негоціанты, чиновники, плантаторы, еще болѣе увеличиваютъ разнообразіе физіономій и костюмовъ въ этомъ космополитическомъ народонаселеніи.

Жители англійскихъ владѣній *Straits Settlements* въ 1881 году:

Малайцевъ.	174.328	Евразійцевъ.	6.904
Китайцевъ	174.327	Европейцевъ и американцевъ.	1.656
Индусовъ и т. д. . . .	68.606	Евреевъ и армянъ . . .	516

Не смотря на свое положеніе въ сосѣдствѣ экватора, города англійской Малазіи принадлежатъ къ самымъ здоровымъ въ Индіи, къ тѣмъ городамъ, гдѣ европейскія семейства сохраняются и размножаются, продолжаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе [1]). Что̀ касается „португальцевъ" Пуло-Пинанга, Малакки, Сингапура, то они сдѣлались чернѣе малайцевъ, и только очень немногіе изъ нихъ напоминаютъ чертами Магеллановъ, Альбукерковъ, Кастро и Суза, которыхъ они считаютъ себя потомками. Одно племя якуновъ претендуетъ на такое же происхожденіе, и дѣйствительно между нимъ и малаккскими португальцами не замѣтно никакой разницы въ отношеніи роста, цвѣта кожи, формы лица [2]).

Порты западнаго берега полуострова, на югѣ отъ города Мульмейна ведутъ незначительную торговлю, но которая, безъ сомнѣнія, быстро возростетъ, какъ только хорошія дороги соединятъ Тавой и Мерги съ берегами Сіамскаго залива и когда недавно основанныя плантаціи сосѣднихъ холмовъ, гдѣ разведены кофейное дерево, чайный кустъ, хинное дерево, пряныя растенія, будутъ давать полный сборъ продуктовъ; земли раздаются участками, величиною отъ 4 до 2.400 гектаровъ.

---

[1]) *A. Clarke* „Proceedings of the Geographical Society of London", aug. 1882.
[2]) *Favre* „An account of the wild Tribes inhabiting the Malayan Peninsula".

Торговля г. Тавой въ теченіе фискальн. 1880—1881 г. 2.061.100 франк.
„ Мерги „ „ „ „ 24.50.000 „

Тенассеримъ, давшій свое имя одному изъ трехъ административныхъ дѣленій англійской Барманіи, есть простая деревня, которую посѣщаютъ, и то не безъ труда, суда небольшаго водоуглубленія. Прибрежные рыболовы, именно тавойскіе, держатъ одно домашнее животное, къ которому всѣ другіе люди, кромѣ этихъ туземцевъ, испытывали бы лишь чувство ужаса: это змѣя удавъ или боа. Они кормятъ его рисомъ и яйцами, какъ своихъ дѣтей, собакъ и кошекъ, которыя живутъ въ мирѣ и согласіи рядомъ другъ съ другомъ. Удавъ—неизбѣжный спутникъ рыбаковъ во всякой экспедиціи. Онъ свертывается въ клубокъ на днѣ барки, гдѣ и лежитъ неподвижно по цѣлымъ днямъ; но когда собирается буря, онъ поднимаетъ голову и, проскользнувъ черезъ бортъ, бросается въ море, чтобы плыть къ твердой землѣ; тогда моряки спѣшатъ натянуть паруса и слѣдуютъ за своимъ вожакомъ змѣемъ [1]).

На югѣ рѣки Пакшанъ, которой, быть можетъ, суждено сдѣлаться современемъ путемъ международнаго торговаго обмѣна, территорія полуострова принадлежитъ Сіамскому королевству или раджамъ данникамъ. Высокіе холмы показываютъ издали „колѣно“ полустрова, т. е. то самое мѣсто, гдѣ морской берегъ, протянувшійся съ сѣвера на югъ, мѣняетъ направленіе, поворачивая къ юго-востоку. Большой островъ, Ксалангъ, Салангъ, Цейлонъ или Джонкъ-Цейлонъ, продолжаетъ сѣверный берегъ, защищая на востокѣ большое число портовъ, гдѣ цѣлые флоты могли бы безопасно стоять на якорѣ между островками и рифами. Это имя Цейлонъ, кажется, напоминаетъ ошибочное понятіе, которое нѣкогда сложилось въ умѣ неопытныхъ моряковъ, смѣшивавшихъ индійскій островъ Тапробану съ землями Малайскаго архипелага [2]): здѣсь или въ сосѣдствѣ—можетъ быть, въ Панга или въ Кедахѣ—слѣдуетъ искать Калахъ арабскихъ мореплавателей, большой рынокъ, который первые комментаторы искали на островѣ Цейлонѣ, въ Пойнтъ-де-Галлѣ.

На восточномъ берегу, къ сѣверу отъ Сіамскаго залива, сіамскіе или малайскіе города имѣютъ въ настоящее время маловажное торговое значеніе. Населенія внутренности страны слишкомъ малочисленны, чтобы могли питать сколько-нибудь значительную торговлю; оловянные рудники слабо разработываются, залежи каменнаго угля были только обслѣдованы, и на дорогахъ или каналахъ, перерѣзывающихъ полуостровъ отъ моря до моря, не возникли еще города, которые охраняли бы ихъ приморскія оконечности. Города Лигоръ и Патани, на восточномъ берегу полуострова, вели нѣкогда довольно дѣятельную торговлю, пока Батавія, Сингапуръ,

---

[1]) *Shwaye Yoe* „The Burman“.
[2]) *Yule* „Cathay and the way thither“; „The Book of ser Marco Polo“.

Пинангъ не привлекли, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, въ свои порты главное движеніе торговаго обмѣна; голландцы основали контору въ Патани, и вскорѣ послѣ того тамъ поселились англичане. Но набѣги дикихъ племенъ изъ внутреннихъ областей заставили европейскихъ негоціантовъ покинуть край съ перваго года слѣдующаго столѣтія.

Пуло-Пинангъ, „Островъ Пальмъ арекъ“, принадлежитъ британскому правительству уже около ста лѣтъ; данный одному англійскому моряку, который женился на дочери кедахскаго раджи, онъ вошелъ, въ 1786 году, въ составъ колоніальной имперіи Англіи, и вскорѣ его новые владѣтели оцѣнили его, какъ санитарную станцію. Покрытая лѣсомъ гора, поднимающаяся въ сѣверной части острова, достигаетъ высоты 830 метровъ, и этой высоты достаточно, чтобы нормальное пониженіе температуры и чистота воздуха, безпрестанно обновляемаго вѣтромъ, образовали климатъ, совершенно отличный отъ климата индусскихъ береговъ. Гораздо ранѣе, чѣмъ были построены санитарные города на Гималаяхъ и Ниль-Гири, Пуло-Пинангъ, называемый также островомъ принца Валлійскаго, былъ посѣщаемъ калькуттскими и мадрасскими негоціантами и чиновниками, желавшими возстановить свое разстроенное здоровье. Снизу, когда смотришь на гору, видны послѣдовательныя зоны растительности, расположенныя ярусами по склонамъ надъ поясомъ пальмъ арекъ, который далъ свое имя острову; виллы показываются на выступахъ горы, во всѣхъ долинахъ, и между деревьями проглядываютъ дороги, извивающіяся въ лѣсу. Главный городъ, Танджонгъ малайцевъ, Джорджтаунъ англичанъ, сгруппировалъ свои дома у восточнаго основанія горы, на ближайшемъ къ твердой землѣ мысѣ. Разсказываютъ, что въ 1786 году, когда капитанъ Ляйтъ пришелъ взять во владѣніе островъ именемъ Англіи, онъ прибѣгъ къ слѣдующему оригинальному средству, чтобы заставить туземцевъ расчистить джунгль, гдѣ въ настоящее время стоитъ Джорджтаунъ: онъ велѣлъ зарядить свои пушки серебряными монетами и выпалилъ въ самую густую чащу лѣсной поросли, зная очень хорошо, что малайцы постараются расчистить почву до основанія, чтобы отыскать соблазнительные доллары [1]). Портъ, защищенный отъ вѣтровъ открытаго моря всею массой острова, доступенъ большимъ кораблямъ и ведетъ значительную торговлю оловомъ, перцемъ, кокосовымъ масломъ, индійскимъ тростникомъ; когда началась ачинская война, экспортъ Пуло-Пинанга увеличился вывозомъ продуктовъ и товаровъ, предназначенныхъ для голландскихъ войскъ. Годовая цѣнность внѣшней торговли этого острова простирается до 150.000.000 франковъ.

Населеніе малайское, китайское, индусское, которое водворилось на материкѣ напротивъ острова, въ англійской провинціи Уэллеслей,

---

¹) *Cameron* „Our Tropical possessions in Malayan India“.

почти все состоитъ изъ земледѣльцевъ и работаетъ на рисовыхъ поляхъ, плантаціяхъ сахарнаго тростника и въ „чайныхъ“ и „маніоковыхъ садахъ“. Города въ собственномъ смыслѣ встрѣчаются лишь въ государствѣ Перакъ, или „Серебряномъ“, заключающемъ въ себѣ почти весь бассейнъ рѣки этого имени, на востокѣ и на югѣ провинціи Уэллеслей. Столица этого государства, состоящаго подъ покровительствомъ Англіи, Квала-Кангса, лежитъ на берегу рѣки, внутри материка; но самое значительное городское поселеніе, гдѣ командуетъ англійскій резидентъ—это портъ Ларутъ, мѣсто вывоза оловянной руды, собираемой китайцами въ окружающей области. Между Ларутомъ и устьемъ Перака, островъ Дингингъ и отрывокъ территоріи, почти такой же большой, какъ провинція Уэллеслей, были присоединены къ колоніальной имперіи Великобританіи.

Городъ Селангоръ, лежащій при устьи рѣки того же имени, былъ недавно столицей государства; его смѣнилъ, въ качествѣ столицы, Клангъ, получившій это названіе отъ рѣки, орошающей его сады, и оставался главнымъ городомъ до 1870 года. Суда, имѣющія 4 метра водоуглубленія, поднимаются по рѣкѣ до самаго Кланга; пароходы меньшихъ размѣровъ проникаютъ на 30 километровъ дальше, до Дамасары, откуда выходитъ отличная колесная дорога, служащая для перевозки руды. Нѣкоторыя изъ горнопромышленныхъ компаній, между прочимъ, ампаганская, употребляютъ до тысячи рабочихъ въ одномъ рудникѣ и пользуются машинами, привезенными изъ Европы. Капиталисты выхлопотали себѣ во владѣніе обширныя зёмли въ Селангорѣ, для культуры тропическихъ растеній; одно изъ такихъ крупныхъ имѣній заключаетъ слишкомъ 800 гектаровъ подъ корнями маніока и располагаетъ усовершенствованными паровыми машинами. Центральнымъ рынкомъ для этихъ промышленниковъ служитъ городъ Квала-Лампуръ; выбранный англійскимъ резидентомъ столицею государства, состоящаго подъ покровительствомъ Великобританіи, онъ находился недавно подъ управленіемъ одного китайца [1]). На югѣ, государство Сунгей-Уджонгъ, тоже обогащенное своими оловянными рудниками и кофейными плантаціями, подчинено англійскому протекторату; но группа маленькихъ республикъ, лежащихъ на востокѣ и извѣстныхъ подъ именемъ Негри-Сембиланъ, или „Девяти государствъ“, избѣгла до сихъ поръ замаскированнаго присоединенія къ британскимъ владѣніямъ. Англичанамъ даже рѣдко удается проникать въ эту территорію; „куда пройдетъ игла, туда и нитка за нею послѣдуетъ“, говорятъ туземцы, въ предвидѣніи ожидающей ихъ въ близкомъ будущемъ участи. Что касается большого государства Пахангъ, названнаго такъ по имени полноводной рѣки, изливающейся въ Китайское море, то оно старается сохранить свою независимость, признавая двухъ соперничающихъ

[1]) *Daly* „Proceedings of the Geographical Society of London“, aug. 1882.

другъ съ другомъ сюзереновъ. Султанъ, или раджа, имѣющій резиденцію на лиманѣ рѣки Пахангъ, въ городѣ Пеканъ, выслушиваетъ съ уваженіемъ совѣты и указанія, передаваемые ему англійскимъ правительствомъ, но въ то же время объявляетъ себя вассаломъ короля сіамскаго, которому посылаетъ каждый годъ, какъ и его сосѣди, сѣверные государи, золотую вазу и серебряную розу.

Малакка, столица черезполоснаго владѣнія, состоящаго подъ непосредственнымъ управленіемъ Англіи, есть древнѣйшій городъ полуострова, которому онъ далъ свое имя. Онъ былъ столицею могущественнаго малайскаго царства, которое предписывало морскіе законы мореплавателямъ восточныхъ морей: „малайскій обычай", обнародованный въ 1276 г., до сихъ поръ еще служитъ закономъ, регулирующимъ отношенія и права̀ моряковъ въ водахъ Малазіи [1]). Завоеванный португальцами въ 1511 г., этотъ городъ принадлежалъ имъ въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, затѣмъ, какъ бо̀льшая часть другихъ португальскихъ владѣній въ Индіи, перешелъ въ руки голландцевъ, которые удерживали его за собою до 1824 года. Сдѣлавшись англійскимъ городомъ, Малакка сохранилъ свою мирную физіономію; каналъ раздѣляетъ его на двѣ части: въ одной живутъ европейцы и люди, состоящіе у нихъ въ услуженіи, а другая, торговая часть, населена малайцами и китайцами. На пространствѣ нѣсколькихъ километровъ, по берегу моря тянутся непрерывнымъ рядомъ дома̀, окруженные фруктовыми деревьями и садами; городъ сливается своею зеленью съ окружающими полями, обширною равниной, поросшей лѣсомъ кокосовыхъ пальмъ, надъ которыми виднѣются вдали синеватыя вершины горъ, расположенныхъ амфитеатромъ. Какъ городъ научный и литературный, Малакка уже не соперничаетъ болѣе съ Сингапуромъ, но прежде онъ былъ главнымъ центромъ умственнаго движенія въ Малазіи. Тамъ появились первыя англійскія изданія на крайнемъ Востокѣ: уже въ 1826 г. тамъ былъ основанъ журналъ „Malacca Observer and Chinese Chronicle"; тамъ же былъ напечатанъ первый, по времени, сборникъ въ этихъ странахъ подъ именемъ „Indo-Chinese Gleaner" [2]).

Сингапуръ, который до сихъ поръ сохраняетъ свое санскритское имя „Города львовъ", свидѣтельствующее о существованіи въ этой мѣстности древняго центра индусской цивилизаціи, имѣетъ, однако, какъ городъ, недавнее происхожденіе. Послѣ обратной уступки острова Явы голландцамъ, англійское правительство хотѣло пріобрѣсти, взамѣнъ этой колоніи, пунктъ въ одно и то же время стратегическій и торговый, который позволилъ бы ему вновь завоевать посредствомъ торговли, по крайней мѣрѣ, часть богатствъ, отошедшихъ обратно къ Голландіи.

---

[1]) *Th. Benfey* „Encyclopaedie von Ersch und Gruber".
[2]) *Henri Cordier* „London and China Express", febr. 3, 1882.

Островъ, такъ удобно пріютившійся въ бухтѣ континента, на крайнемъ углу полуострова, представлялъ всѣ выгоды, какъ мѣсто пристанища для кораблей. Стамфордъ Рафльсъ, бывшій губернаторъ Явы, снялъ въ аренду, а затѣмъ купилъ эту землю у Джохорскаго султана, и чтобы бороться противъ запретительной торговой системы голландцевъ, онъ открылъ новый портъ судамъ всѣхъ націй на правахъ порто-франко. Успѣхъ этой мѣры превзошелъ всѣ ожиданія: городъ быстро выросъ изъ топей прибрежья, и негоціанты стеклись со всѣхъ сторонъ, особенно китайцы, первые по умѣнью вести торговыя дѣла и по духу предпріимчивости.

Въ теченіе долгаго времени Сингапуръ пользовался монополіей торговли между Индіей и крайнимъ Востокомъ. Порты Китая, Кохинхины, Сіама были тогда закрыты мореплавателямъ; портъ Батавіи, не будучи безусловно запрещенъ европейской торговлѣ, былъ свободно открытъ только нидерландскимъ судамъ; равнымъ образомъ и другіе порты, принадлежащіе Голландіи, были закрыты фискальными ограниченіями. Напротивъ, входъ въ англійскій портъ былъ совершенно открытъ; корабли становились тамъ на якорь и выходили оттуда, не платя ни таможенныхъ пошлинъ, ни какихъ-либо другихъ налоговъ или сборовъ; городъ принадлежалъ всѣмъ: китайцы, индусы, малайцы и арабы селились тамъ безпрепятственно, пользуясь бо́льшею свободой, чѣмъ у себя на родинѣ. Рисъ, кофе, всѣ произведенія тропическихъ странъ находили въ этомъ городѣ корабли, отправляющіеся въ Европу. Теперь, когда моряки могутъ забирать грузы непосредственно въ портахъ Сіама, Кохинхины и Сондскихъ острововъ, Сингапуръ представляетъ только одну выгоду, но она очень важная—ту выгоду, которая ему обезпечиваетъ, въ отношеніи пересылки корреспонденціи, остановки пассажировъ и склада товаровъ, его несравненное положеніе на крайнемъ углу континента, при проливѣ, черезъ который производится сообщеніе между двумя океанами.

„Городъ львовъ“, гдѣ собрано свыше ста тысячъ жителей, принадлежащихъ ко всѣмъ расамъ Азіи, раскинулся на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ по берегу рейда и лимана, разрѣзывающаго южный берегъ. Какъ всѣ города Востока, населенные людьми различныхъ кастъ и національностей, Сингапуръ дѣлится на многочисленные кварталы: малайскій, китайскій, клингскій, малабарскій и т. д., которые всѣ различаются между собою родомъ постройки и промыслами жителей. Самый оживленный кварталъ прилегаетъ къ докамъ, огромнымъ бассейнамъ, куда входятъ корабли, имѣющіе болѣе 6 метровъ водоуглубленія; пароходы останавливаются у набережныхъ; въ рейдѣ качаются китайскія джонки, малайскія праго и суда и лодки всевозможныхъ формъ, управляемыя островитянами Сондскаго архипелага. Европейскіе и американскіе товары, индійскія ткани нагромождены въ складахъ и на набережныхъ,

вмѣстѣ съ произведеніями острововъ и сосѣдняго полуострова: пряностями всякаго рода, зерновыми хлѣбами, чаемъ, кофе, сахаромъ, маслами и камедями, кассіей, кашу, гутта-перчей. Эта громадная торговля переходитъ мало-по-малу въ руки китайскихъ посредниковъ, банкировъ или мелкихъ ростовщиковъ; они выдаютъ ссуды подъ стоимость грузовъ или туземнымъ морякамъ, или иностраннымъ судовладѣльцамъ, и скоро, въ той или иной формѣ, всѣ барыши отъ продажи попадаютъ въ ихъ карманы. Кругъ ихъ дѣятельности современемъ еще болѣе распространится, благодаря паровому парому, который въ близкомъ будущемъ соединитъ противоположные берега пролива, и джохорской желѣзной дорогѣ, которая, исходя изъ главнаго города вассальнаго государства, достигнетъ, рано или поздно, Малакки и другихъ городовъ западнаго поморья.

Торговое движеніе Сингапура въ 1879 году:

Цѣнность привоза	303.906.600	франк.
„ вывоза	265.951.350	„
Общая сумма . . .	569.857.950	франк.

Окрестности города усѣяны многочисленными *кампонгами*, малайскими и китайскими, а по бокамъ сосѣдняго холма извиваются аллеи парка, который въ то же время служитъ и ботаническимъ садомъ. Хотя населеніе содержится почти исключительно торговлей, островъ, однако, покрытъ плантаціями, которыя жители должны защищать отъ нападенія маленькихъ дикихъ свиней, наносящихъ большой вредъ посѣвамъ и насажденіямъ. Въ первыя времена колонизаціи тигры были очень опасны: чуя человѣчье мясо, они переправлялись черезъ проливъ вплавь и, какъ говорятъ, ежегодно пожирали до трехсотъ человѣческихъ жертвъ [1]), но благодаря большимъ преміямъ, платимымъ колоніальнымъ правительствомъ и негоціантами, и особенно благодаря распространенію земледѣлія, эти страшные сосѣди почти совершенно исчезли. Теперь европейцы могутъ безъ всякаго опасенія строить свои загородные дома въ самыхъ живописныхъ мѣстностяхъ. Склоны холмовъ, возвышающихся только на 100 до 150 метровъ, не поднимаются въ атмосферу, климатъ которой былъ бы чувствительно болѣе умѣренный, чѣмъ климатъ низменныхъ береговъ, но бриза дуетъ тамъ болѣе свободно, и съ высоты вершинъ можно любоваться видомъ моря и архипелаговъ, усѣянныхъ кораблями, которые плывутъ къ порту или удаляются отъ него, образуя на поверхности водъ безконечную сѣть взаимно пересѣкающихся бороздъ. Всѣ торговые пути Индійскаго и Тихаго океановъ сходятся къ этой конечной точкѣ Азіи.

---

[1]) *Martens* „Mittheilungen von Petermann“, 1864, № 6.

Населеніе главныхъ городовъ полуострова Малакки:

Сингапуръ	100.000	жит.
Джорджтаунъ	60.000	„
Малакка	20.000	„
Тавой, въ 1878 году	14.800	„
Мерги, въ 1877 году	10.750	„
Кедахъ, по Пальгуа	8.000	„
Панга, по Джемсу Лоу	8.000	„

АДМИНИСТРАТИВНЫЯ ДѢЛЕНІЯ ИНДІИ И ИНДО-КИТАЯ.

АНГЛІЙСКАЯ ИНДІЯ.

ПРОСТРАНСТВО И НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ.

По переписи 1872 г., пространство: 391.106 кв. километровъ. Населеніе: 238.928.971 жит. Километрическое населеніе (среднее число жителей на 1 квадр. километръ): 63.

(Подробности переписи 1881 года еще не были опубликованы во время выхода въ свѣтъ этой книги).

Названіе провинцій.	Квадр. километровъ.	Процентъ.	Народонаселеніе.	Процентъ.
I. ДѢЛЕНІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ.				
A. Президентство Бенгальское . .	2.118.763	56	152.484.294	64
B. „ Мадрасское . .	382.758	10	34.507.604	14
C. „ Бомбейское . .	506.179	14	25.189.309	10
D. Полунезависимыя государства.	783.436	20	26.747.764	11
II. ДѢЛЕНІЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ.				
A. Англійская администрація . .	2.348.429	62	190.840.893	80
B. Вассальныя государства . . .	659.241	18	21.340.314	9
C. Полунезависимыя государства.	783.436	20	26.747.764	11

III. РАСПРЕДѢЛЕНІЕ КИЛОМЕТРИЧЕСКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

A. Президентство Бенгальское . .	72	Англійская администрація	81
B. „ Мадрасское . .	90	Вассальныя государства	33
C. „ Бомбейское . .	50	Полунезависимыя государства. . .	34
D. Полунезависимыя государства .	34		

A. Бенгальское президентство.

Пространство: 2.118.733 квадр. километр. Народонаселеніе: 152 484.294 жит. Километрическое населеніе: 72.

I. Нижняя Бенгалія.

6 отдѣловъ, 27 округовъ. Пространство: 204.555 кв. килом. Населеніе: 34.277.342 жит. Километрическое населеніе: 167.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имѣющіе свыше 20.000 жителей. Имена.	Населеніе.
1. Отдѣлъ Кучъ-Бехаръ, 2 округа	10.722	513.377	47		
Дарджилингъ	3.196	94.712	30		
Джальпигори	7.526	418.665	56		

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имѣющіе свыше 20.000 жителей. Имена.	Населеніе.
2. Отдѣлъ Раджшахи, 7 округовъ	45.825	8.893.738	194	Муршидабадъ .	46.200
Мальдахъ (English-Bazar)	4.695	676.426	144	Баолеахъ . . .	22.300
Динаджпуръ. . . .	10.686	1.501.924	141		
Рангпуръ	9.002	2.149.972	239		
Муршидабадъ	6.677	1.353.626	203		
Раджшахи	5.786	1.310.329	227		
Богра.	3.887	689.467	177		
Патна	5.092	1.211.894	238		
3. Отдѣлъ Бардванъ, 5 округовъ	32.941	7.286.957	221	Хаурахъ	97.200
Бирбгумъ или Сури .	3.481	695.921	200	Хугли, Чинсурахъ	34.750
Бардванъ	9.124	2.034.745	223	Серампуръ . . .	24.450
Банкура	3.486	526.772	153	Бардванъ	32.300
Хугли, съ Хаурахомъ, предм. Калькутты .	3.688	1.488.556	404	Хульна	27.350
Миднапуръ	13.162	2.540.963	193	Миднапуръ . . .	31.500
				Чандракона. . .	21.300
4. Президентство, 5 округовъ	39.409	6.545.464	166	Калькутта, безъ Хаураха . . .	447.601
Калькутта.	21	679.300	—	Сантипуръ . . .	28.650
24 Парганы. . . .	7.221	2.009.348	306	Кишнагаръ . . .	26.750
Джессоръ.	9.474	2.044.021	219	Бархампуръ. . .	27.100
Сандербанъ	13.833	Ненаселенъ.	—		
Надія.	8 860	1.812.795	205		
5. Отдѣлъ Дакка, 4 окр.	40.456	7.592.932	182	Дакка. . . .	69 200
Майменсинхъ	16.298	2.349.917	144		
Дакка	7.503	1.852.993	247		
Фаридпуръ	3.874	1.012.589	261		
Бакарганджъ	12.781	2.377.433	186		
6. Отдѣлъ Джиттагонгъ, 4 округа	35 202	3.444.874	98	Джиттагонгъ. . .	20.600
Типперахъ или Кумиллахъ.	6.876	1.533.931	223		
Ноахали или Судграмъ	4.032	713.934	187		
Джиттагонгъ	6.470	1.127.402	174		
Джиттагонгъ-Гильзъ .	17.824	69.607	4		

II. Бехаръ.

2 отдѣла, 10 округовъ. Пространство: 109.855 кв. килом. Населеніе: 19.736.101 жит. Километрическое населеніе: 180.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имѣющіе свыше 20 000 жителей. Имена.	Населеніе.
1. Патна, 6 округовъ	61.463	13.122.743	214	Патна и Банкипуръ	158.900
Чампаранъ или Мотигари	9.145	1.440.815	158	Бехаръ	44.295
Сарунъ или Чарпа	6.874	2.063.860	300	Гайя	66.850
Тиргутъ или Музаффарпуръ	16.428	4.384.706	267	Джаханабадъ	21.020
				Аррахъ	39.400
Аррахъ или Шабахадъ	11.357	1.723.974	152	Музаффарпуръ	38.225
Гайя	12.219	1.949.750	160	Дарбханга	47.450
Патна	5.441	1.559.638	287	Чарпа	46.300
				Хаджипуръ	22.300
				Сасарамъ	21.020
2. Отдѣлъ Багальпуръ, 4 округа	48.391	6.613.358	137	Багальпуръ	69.700
Монгиръ	10.134	1.812.986	175	Монгиръ	59.698
Багальпуръ	11.206	1.826.290	163		
Пурніахъ	12.838	1.714.795	134		
Санталь-Парганасъ	14.213	1.259.287	88		

III. Чота-Нагпоръ.

1 отдѣлъ, 4 округа. Пространство: 73.766 кв. килом. Народонаселеніе: 3.419.591 жит. Километрическое населеніе: 47.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
Лохардага или Ранчи	31.193	1.237.123	40	Ранчи	12.100
Хазарибагъ	18.184	771.875	43	Хазарибагъ	11.050
Сингбхумъ или Чайбасса	11.662	415.023	36		
Манбхумъ или Пуруліа	12.727	995.570	78		

IV. Ориеса.

1 отдѣлъ, 4 округа. Пространство: 22.569 кв. килом. Населеніе 3.162.490 жит. Километрическое населеніе: 140.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имѣющіе свыше 20.000 жителей. Имена.	Населеніе.
Балассоръ	5.351	770.232	144	Каттакъ	50.900
Каттакъ	8.231	1.494.784	182	Пури	22.700
Пури	6.405	769.674	120		
Угулъ и Банки	2.582	127.800	49		

V. Ассамъ.

11 округовъ. Пространство: 139.481 кв. килом. Населеніе: 4.282.019 жит. Километрическое населеніе: 31.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
Гоальпара	11.481	444.761	39	Сайльгетъ . . .	16.850
Горы Гарро (Garro-Hills)	8.780	80.000	9	Гаошати	11.500
Хасіа и Джайнта . . .	15.780	141.838	9	Гоальпара . . .	6.050
Камрупъ	9.464	561.681	60		
Дорангъ	8.839	236.009	27		
Наугонгъ	9.448	256.390	27		
Сибсагаръ	6.249	296.589	47		
Лахимпуръ	8.245	121.267	15		
Горы Лахимпуръ (L. Hills)	21.608	100.000	—		
Горы Нага (N. Hills) .	12.696	68.918	5		
Сайльгетъ	13 941	1.719.539	120		
Качаръ	3.328	205.027	62		
Горы Качаръ	9.622	50.000	5		

VI. „Сѣверо-западныя" провинціи.

7 отдѣловъ, 35 округовъ. Пространство: 210.825 кв. килом. Населеніе: 30.781.204 жит. Километрическое населеніе: 146.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
1. Отдѣлъ Миратъ, 6 округовъ	28.829	4.977.173	173	Миратъ, городъ и кантонем. .	81.386
Дхера-Дунъ	2.644	116.945	44	Сахаранпуръ . .	40.680
Сахаранпуръ	5.742	884.017	154		

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Главные города. Населеніе.
Мозаффарнагаръ . . .	4.297	690.107	161		
Миратъ или Мирутъ. .	6.112	1.276.104	209		
Буланшаръ	4.947	936.667	189		
Алигаръ.	5.087	1.073.333	211		
2. Отдѣлъ Рогильхандъ, 6 округовъ	30.574	5.436.314	178	Барели	91.410
Биджнуръ.	4.929	737.153	149	Шахджаханпуръ.	72.150
Морадабадъ.	5.884	1.122.437	191	Морадабадъ. . .	62.420
Будаонъ	5.193	934.348	180	Самбгалъ	46.975
Барели	7.723	1.507.139	195	Амрога	34.900
Шахджахапуръ. . .	4.462	949.579	213	Будаонъ. . . .	33.325
Терай или Кашипуръ	2.383	185.658	78	Пилибгитъ . . .	29.850
				Чандауси	23.500
3. Отдѣлъ Агра, 6 округовъ	26.323	5.040.919	192	Агра	149.000
Муттра	4.175	887.689	213	Муттра	64.331
Агра	4.942	1.096.357	222	Бриндабанъ. .	20.350
Фаррухабадъ	4.519	918.860	204	Фаррухабадъ . .	65.440
Майнпури.	4.392	765.845	175	Майнпури. . . .	21.180
Этавахъ.	4.380	668.641	153	Этавахъ.	30.550
Этахъ.	3.915	703.527	180		
4. Отдѣлъ Джанси, 3 округа	13.123	934.934	72	Кальпи	15.850
Джалаунъ.	4.022	404.447	100		
Джанси.	4.058	317.826	78		
Лалитпуръ	5.043	212.661	42		
5. Отдѣлъ Аллахабадъ, 6 округовъ	34.762	5.468.955	157	Аллахабадъ . .	149.880
Каунпоръ.	6.053	1.156.055	191	Каунпоръ. . . .	113.600
Фатехпуръ	4.108	663.877	162	Банда.	27.915
Банда.	7.534	697.684	93	Джаонпуръ . .	38.325
Аллахабадъ	7.114	1.396.241	196		
Хамирпуръ	5.923	529.137	89		
Джаонпуръ	4.030	1.025.961	255		
6. Отдѣлъ Бенаресъ, 6 округовъ . . .	47.436	8.179.307	173	Бенаресъ . . .	175.178
Азимгаръ	6.643	1.531.482	231	Горакпуръ . . .	51.117
Мирзапуръ	13.512	1.015.826	75	Мирзапуръ . . .	67.274
Бенаресъ	2.579	794.039	308	Газипуръ	38.864
Газипуръ	5.615	1.345.570	240		
Горакпуръ	11.859	2.019.361	170		
Басти.	7.228	1.473.029	204		

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом	Главные города. Имена.	Населеніе.
7. Отдѣлъ Кумаонъ, 2 округа	29.778	743.602	25	Альмора	6.250
Кумаонъ или Альмора	15.539	433.314	28	Найни-таль	6.000
Гарваль или Сринагаръ	14.239	310.288	22		

VII. Аудъ.

4 отдѣла, 12 округовъ. Пространство: 62.137 кв. килом. Населеніе: 11.220.232 жит. (22.137, населеніе непостоянное). Километрическое населеніе: 181.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
1. Отдѣлъ Ситапуръ, 3 округа	19.652	2.598.933	132	Шахабадъ	19.475
Кехри	7.889	737.732	93	Хайрабадъ	15.675
Гардой	5.936	930.977	157		
Ситапуръ	5.827	930.224	159		
2. Отдѣлъ Лукнау, 2 округа	10.590	2.570.950	243	Лукнау	284.800
Уунау	3.494	724.949	207		
Лукнау	3.605	970.625	269		
Барабанки	3.491	875.376	207		
3 Отдѣлъ Файзабадъ, 3 округа	19.868	3.379.262	170	Файзабадъ, съ Аджодіа	45.300
Барайчъ	7.019	774.437	110		
Гонда	6.809	1.167.816	171		
Файзабадъ	6.040	1.437.009	237		
4. Отдѣлъ Рай-Барели, 3 округа	12.027	2.648.950	220	Рай-Барели	11.550
Рай-Барели	3.496	782.874	224		
Султанпуръ	4.066	930.023	229		
Партабгаръ	4.465	936.053	210		

VIII. Пенджабъ.

10 отдѣловъ, 32 округа. Пространство: 263.726 квадр. килом. Населеніе: 17.611.503.
Километрическое населеніе: 67.

Названія провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
1. Отдѣлъ Пешаверъ, 3 округа	20.116	1.035.789	52	Пешаверъ	53.430
Пешаверъ	4.996	523.152	105	Кантониръ-квартиры	22.700
Когатъ	7.350	145.419	20		
Хазара или Абботабадъ	7.770	367.218	47		
2. Отдѣлъ Дера-Джатъ, 3 округа	32.542	991.251	31	Дера-Гази-Ханъ	20.120
Дера-Измаилъ-ханъ	18.380	394.864	22		
Дера-Газп-ханъ	6.006	308.840	51		
Банну	8.156	287.547	55		
3. Отдѣлъ Равальпинди, 4 округа	43.316	2.197.397	51	Равальпинди	20.800
Равальпинди	16.099	711.256	44		
Джиламъ	10.126	500.998	49		
Гуджератъ	4.921	616.347	125		
Шахпуръ	12.170	368.796	30		
4. Отдѣлъ Мультанъ, 4 округа	52.295	1.474.574	28	Мультанъ	50.850
Мультанъ	15.231	471.563	31	Джхангъ	22.225
Джхангъ	14.793	348.027	24		
Монтгомери	14.434	359.437	25		
Музаффагаръ	7.837	295.547	38		
5. Отдѣлъ Амрицаръ, 3 округа	13.848	2.743.880	198	Амрицаръ	142.380
Амрицаръ	5.273	1.083.314	205	Батала	28.725
Сіалкотъ	5.102	1.005.004	197	Сіалкотъ	28.350
Гурдаспуръ	3.473	655.362	189		
6. Отдѣлъ Лагоръ, 3 округа	23.239	1.889.485	82	Лагоръ	128.450
Лагоръ	9.386	789.666	84	Гуджранвала	20 360
Фирозпуръ	6.972	549.243	79	Фирозпуръ	20.600
Гуджранвала	6.881	550.576	80		
7. Отдѣлъ Джалландаръ, 3 округа	34.547	2.477.536	79	Джаллапдаръ	45.600
Джаллапдаръ	3.452	794.764	230	Гошіарпуръ	21.320
Гошіарпуръ	5.403	938.890	174		
Кангра	22.692	743.882	38		

Названія провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
8. Отдѣлъ Амбала, 3 округа	10.373	1.652.728	159	Амбала	40.650
Амбала	6.806	1.035.488	152	Лудіана	40.000
Лудіана	3.520	583.245	166		
Симла	47	33.995	—		
9. Отдѣлъ Дели, 3 округа	14.490	1.916.428	133	Дели	160.550
Дели	3.178	608.850	192	Ревари	25.250
Гургаонъ	5.221	696.646	134	Карнуль	27.025
Карнуль	6.091	610.927	100	Панипатъ	25.275
10. Отдѣлъ Гиссаръ, 3 округа	21.960	1.232.435	36	Бивани	33.325
Гиссаръ	9.168	484.681	53		
Ротакъ	4.721	536.959	114		
Сирса	8.071	210.795	26		

IX. Центральныя провинціи.

4 отдѣла, 19 округовъ. Пространство: 220.045 кв. килом. Населеніе: 8.201.519 жит. Километрическое население: 37.

Названія провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
1. Отдѣлъ Нарбада, 3 округа	45.354	1.590.907	35	Бургампуръ	29.300
Нимаръ или Азиргаръ	8.650	211.176	68		
Гошангабадъ	10.935	440.186	40		
Нарсинпуръ	4.962	339.395	68		
Байтулъ	10 665	284.055	27		
Чиндвара	10.142	316.095	31		
2. Отдѣлъ Джабальпуръ, 5 округовъ	49.330	1.946 574	39	Джабальпуръ	35.188
Сагоръ	10.373	527.725	52	Сагоръ	45.655
Дамохъ	7.249	269.642	37		
Джабальпуръ	10.147	528.859	52		
Сеони	9.339	407.330	44		
Мандла	12.222	213.018	17		
3. Отдѣлъ Нагпуръ, 5 округовъ	62.971	2.332.201	37	Нагпуръ	84.440
Варда	6.161	354.720	57	Камти, кантониръ-квартиры.	48.830
Нагпуръ	9.671	631.109	65		
Бандара	10.158	564.813	55		

Названія провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города.	
				Имена.	Населеніе.
Балагатъ или Бурга	6.754	195.008	29		
Чанда. . . . . } Верхній Годавери .	30.227	586.551	19		
4. Отдѣлъ Читтисгаръ, 3 округа	62.390	2.331.837	37	Райпуръ	20.000
Райпуръ	30.781	1.093.405	36		
Биласпуръ	20.196	715.398	36		
Самбальпуръ	11.414	523.034	46		

X. Британская Барманія.

3 отдѣла, 17 округовъ. Пространство: 229.351 кв. килом. Населеніе 2.747.148 жит. Километрическое населеніе: 12.

Отдѣлы и округа.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города.	
				Имена.	Населеніе.
1. Отдѣлъ Арраканъ, 4 округа	37.621	484.363	13	Акіабъ	19.250
Акіабъ	13.822	276.671	20		
Арраканъ	3.142	8.790	3		
Рамри	11.160	144.177	13		
Сандовей	9.497	54.725	16		
2. Отдѣлъ Пегу, 6 округовъ	70.704	1.662.058	24	Рангунъ	32.000
Тайетъ-Міо	6.208	156.816	25	Бассейнъ	22.420
Промъ	7.477	274.872	37	Промъ	26.850
Міанунгъ	10.748	476.612	44		
Бассейнъ	20.890	322.689	15		
Рангунъ, городъ . . .	117	332.324	300		
Рангунъ, округъ . . .	25.264	98.745	4		
3. Отдѣлъ Тенассеримъ, 7 округовъ	121.026	600.727	5	Мульмейнъ . . .	46.475
Тонгу.	16.456	86.166	5	Татунгъ.	30.000
Шуэ-гьинъ	14.418	129.485	9		
Салуэнъ	12.033	26.117	2		
Амгерстъ	39.348	193.468	} 6		
Мульмейнъ, городъ	26	46.472			
Тавой.	18.647	71.827	4		
Мерги	20.098	47.192	2		

XI. Административныя дѣленія, состоящія подъ непосредственною властью генералъ-губернатора.

10 отдѣловъ, 28 округовъ. Пространство: 127.090 кв. килом. Населеніе: 7.771.321 жит. Километрическое населеніе: 60.

Названія областей или агентствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города, Имена.	Главные города, Населеніе.
A. Аджмиръ и Майвара.	6.890	316.032	46	Аджмиръ	31.583
B. Берaръ, 6 округовъ .	44.892	2.231.565	50	Амравати	23.500
Берaръ западный:				Каранджа . . .	22.800
Акола	8.795	649.134	74	Элличпуръ . . .	30.300
Мекаръ	7.803	353.436	45		
Берaръ восточный:					
Амравати	6.845	407.276	60		
Вунъ	14.270	477.361	34		
Элличпуръ. . . .	2.906	303.953	105		
Майльгатъ	4.273	40.405	9		
C. Майсуръ, 3 отдѣла, 6 округовъ	70.126	5.055.412	63	Майсуръ	57.800
1. Отдѣлъ Нагаръ, 3 округа	27.354	1.364.261	50		
Шимога.	9.834	498.976	51		
Кадуръ	5.941	333.925	46		
Читульдругъ	11.579	531.360	46		
2. Отдѣлъ Нандидругъ, 3 округа	23.560	2.079.547	88	Бангалоръ, городъ и кантонирт.-квартиры.	142.500
Тумкуръ	9.339	632.239	68		
Бангалоръ	7.547	828.354	110		
Коларъ	6.674	618.954	93		
3. Отдѣлъ Аштаграмъ, 2 округа	19.212	1.611.604	84	Майсуръ	57.800
Гасанъ	8.523	668.417	78		
Майсуръ съ Джелландуру.	10.689	943.187	88		
D. Кургъ, 6 округовъ. .	5.180	168.312	32	Меркара	32.132
Меркара	686	32.132	47		
Надиналькнадъ . . .	1.222	32.350	25		
Іеденалькнадъ. . . .	811	31.104	38		
Киггатнадъ	1.205	27.738	23		
Панджараджнатна. .	857	26.159	31		
Вельсавиршимъ . . .	400	18.829	47		

XII. Вассальныя государства.

Пространство: 455.333 квадр. килом. Народонаселеніе: 9.273.784 жит. Киллометрическое населеніе: 21.

Названія государствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Главные города. Населеніе.
1. Сиккимъ	6.589	50.000	8		
2. Кочъ-Бехаръ	3 385	532.565	157		
3. Типперахъ-Гильзъ. .	10.015	74.242	7		
4. Въ Чота-Нагпорѣ . .	39.934	405.980	10		
5. Въ Ориссѣ	39.333	1.155.509	24		
6. Въ „сѣверо-западныхъ" провинціяхъ . . .	13.273	657.013	50	Рампуръ.	68.300
Техри или Гарваль .	10.826	150.000	14		
Рампуръ	2.447	507.013	207		
7. Въ Пенджабѣ:					
(Кашмиръ и Джамму)	268.127	5.348.765	20	Сринагаръ. . . .	135.000
Наушара	3.900	111.888	29	Джамму	41.800
Миннаваръ	3.400	193.004	56		
Джамму.	2.450	206.827	84		
Сринагаръ	6.600	183.766	28		
Панчъ	4.000	77.566	19		
Ріаси	2.850	98.035	35		
Удампуръ	19.200	98.196	5		
Музафарабадъ. . . .	4.500	70.337	15		
Камраджъ.	4.800	79.276	16		
Различныя владѣнія.	126.795	416.083	3		
Гильгитъ	9.273	25.834	3		
Балтистанъ и др. . .	33.684	58.030	2		
Ладахъ	73.138	20.621	1/3		
Чамба.	8.329	130.000	15		
Государства по р. Сетледжъ:					
Манди	2.797	135.000	48		
Сукетъ	1.088	45.360	42		
Сирмуръ или Нахумъ	2.590	90.000	35		
Башаръ	6 630	90.000	14		
Различныя владѣнія .	8.503	371.342	44		

Названія государствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города — Имена.	Населеніе.
Государства по р. Сиргиндъ.					
Патіала	12.949	1.536.000	119	Патіала.	
Набха	2.082	227.150	109		
Джиндъ	2.551	189.475	77		
Различныя владѣнія	3.653	246.170	67		
Капуртала	1.549	253.293	164	Капуртала.	
Багавальпуръ	38.848	500.000	13	Багавальпуръ.	
8. Въ Центральныхъ провинціяхъ	74.677	1.049.710	14		
Хайрагаръ	2.435	122.264	50		
Нандгаонъ	2.341	148.454	63		
Райргаръ-Базгазъ	3.849	63.304	17		
Бамрахъ	5.149	53.613	10		
Патна	6.213	98.636	16		
Калаганди или Карудъ.	9.699	133.483	14		
Бастаръ	33.829	78.856	2		
Различныя владѣнія	11.152	351.100	31		

B. Мадрасское президентство.

Пространство: 382.758 квадр. километр. Народонаселеніе: 34.507.604 жит. Километрическое населеніе: 90.

Названія провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города — Имена.	Населеніе.
А. Земли подъ непосредственнымъ управленіемъ англичанъ.					
358.229 кв. килом.=92%. 31.281.177 жит.=91%. Километрическое населеніе: 87.					
1. Ганджамъ или Чикаколь / Деревни Малліахъ	21.530	1.366.903 / 153.185	71	Баргампуръ	21.650
2. Визаганатамъ	13.734	1.844.751	134	Визаганатамъ	32.200
Джайпуръ, горныя племена	33.775	314.448	9	Визіанаграмъ	22.600
3. Годавери	16.119	1.592.939	99		
4. Кистна	20.812	1.452.374	70	Масулипатамъ	36.188
5. Неллоръ	21.916	1.376.811	63	Неллоръ	29.920
6. Куддапахъ	21.670	1.351.194	62		
7. Баллари съ Сундуромъ	28.507	1.668.006	59	Баллари / Адони	51.750 / 22.720

Названія провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
8. Карнуль съ Банагапапалли	19.056	959.640	50	Карнуль	25.580
9. Мадрасъ, городъ . .	70	397.552		Мадрасъ . . .	406.120
10. Ченгальпатъ	7.130	938.184	170		
11. Аркотъ Сѣверн. или Читтуръ	18.489	2.015.278	109	Веллоръ	38.020
12. Аркотъ Южный съ Кудаллуромъ . . .	12.621	1.755.817	139	Кудалуръ . . .	40.950
13. Танджоръ	9.464	1.973.731	208	Танджоръ . . .	52.175
				Хумбаконамъ .	44.450
				Маяверамъ . .	22.580
				Негапатамъ. . .	48.525
14. Тричинаполи . . .	9.104	1.200.408	132	Тричинаполи .	76.550
15. Мадура	24.609	2.266.615	92	Мадура	52.000
16. Тиневелли или Паламкотта	13.405	1.693.959	126	Тиневелли . . .	21.060
17. Коимбатуръ	19.248	1.763.274	92	Коимбатуръ . .	35.300
18. Нильгири и Утакамудъ	1.940	49.501	25		
19. Салемъ	19.380	1.966.995	102	Салемъ	50.019
20. Малабаръ или Каликутъ	15.545	2.261.250	146	Каликутъ . . .	47.962
				Каннаноръ . .	31.358
				Пальгатъ . . .	31.200
				Теллинчери . . .	20.480
21. Южная Канара или Мангалоръ	10.106	918.362	91	Мангалоръ . .	29.700

В. Вассальныя государства.

24.529 кв. килом. = 8%, 3.226.427 жит. = 9%. Километрическое населеніе: 131.

	24.529	3.226.427	131		
Пудукота	3.574	316.695	88	Тривандрамъ .	57.600
Траванкоръ.	17.430	2.311.379	132	Аллеппи	29.920
Кошинъ	3.525	598.353	170		

C. Бомбейское президентство.

Пространство: 506.179 кв. килом. Населеніе: 25.189.309 жит. Километрическое населеніе: 50.

Отдѣлы и округа.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Главные города. Населеніе.
A. Области подъ непосредственнымъ управленіемъ англичанъ.					
326.800 кв. километр.=64%. 16.349.206 жит.=65%. Километрич. населеніе: 50.					
1. Отдѣлъ Декканъ, 9 округовъ	136.200	7.966.061	58		
Дарваръ	12.600	988.037	79	Дарваръ	27.150
				Губли	37.950
Бельгаомъ	11.893	938.750	79	Бельгаомъ . . .	26.950
Каладжи	14.752	816.037	55		
Шолапуръ	10.165	662.986	65	Шолапуръ . . .	53.400
Сатара	14.800	1.116.050	76	Сатара	24.500
Пуна	14.200	907.235	69	Пуна	100.050
Ахмеднагаръ	17.215	773.938	45	Ахмеднагаръ . .	32.850
Назикъ	14.200	734.386	52	Назикъ	21.850
Кандешъ (Дуліа) . .	26.319	1.028.642	39		
2. Отдѣлъ Конканъ, 5 округовъ	37.000	3.259.176	88		
Канара	10.968	398.406	36		
Ратнагири	11.650	1.019.136	86		
Колаба	3.838	350.405	91		
Бомбей (съ кантонниръ-квартирами войскъ).	49	644.405	15	Бомбей	773.200
Танна	10.494	847.424	81		
3. Отдѣлъ Гудзератъ, 5 округовъ	25.900	2.930.954	113		
Кантонниръ-квартиры военныя и гражданск.		120.432			
Суратъ	4.800	607.087	127	Суратъ	107.150
Баручъ	4.300	350.322	82	Баручъ	36.950
Каира	4.043	782.733	193	Наріадъ	24.550
Панчъ-Мегалъ . . .	4.483	240.743	54		
Ахмедабадъ	8.300	829.637	98	Ахмедабадъ . .	116.873
				Долка	20.854

Отдѣлы и округа.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
4. Отдѣлъ Синдъ, 5 округовъ	127.700	2.192.415	17		
Карачи	39.000	423.495	11	Карачи	53.725
Гайдерабадъ	23.446	721.947	31	Гайдерабадъ	41.150
Таръ и Паркаръ	32.967	180.761	5		
Шикарпуръ	26.400	776.227	30	Шикарпуръ	38.100
Верхній Синдъ	5.950	89.985	15		

Имена государствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
B. Вассальныя государства.					
179.379 кв. километр.=36%. 8.840.103 жит.=35%. Километр. населеніе: 50.					
Колапуръ	7.195	802.691	112	Баунагаръ	35.875
Санджели	2.320	223.663	96	Наванагаръ	34.700
Савантъ-вари	2.330	190.814	82	Джунагаръ	20.025
Раджипила	5.180	120.031	23		
Джунагаръ	9.842	380.921	39		
Нованагаръ, Галаръ	9.797	290.847	34		
Баунагаръ, Гохильваръ	7.210	403 754			
Различныя владѣнія	144.700	7.530.663	56		

D. Полунезависимыя государства.

Пространство: 783.436 кв. килом. Населеніе: 26.747.764 жит. Километрическое населеніе: 34.

Названія агентствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
A. Раджпутана	337.137	9.260.207	27	Джодпуръ	60.000
1. Агентство Марваръ	134.680	2.075.000	15	Палли	50.000
Джайсальмиръ	41.440	75.000	2	Нагаръ	40.000
Марваръ (Джодпуръ, Муллана, Годваръ).	93.240	2.000.000	21		
2. Агентство Джайпуръ.	101.650	2.295.000	22	Биканеръ	37.750
Биканеръ	62.150	300.000	5	Джайпуръ	137.830
Джайпуръ	39.500	1.995.000	50		
3. Агентство Альваръ	7.832	778.596	99	Альваръ	52.350

Названія агентствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Главные города. Населеніе.
4. Агентство Восточныхъ государствъ	10.250	1.060.611	106	Бартпуръ . . .	61.400
Бартпуръ	4.660	743.710	159		
Дольпуръ	2.330	192.841	83		
Караули	3.260	124.060	39		
5. Агентство Гараоти .	34 075	1.361.050	39		
Тонкъ	7.070	320.000	45		
Чапра	1.030	36.000	35		
Кишангаръ	1.875	105.000	56		
Бунди	5.950	224.000	39		
Котахъ	11.650	450.000	39		
Джаллаваръ	6.500	226.000	35		
6. Агентство Мейваръ .	40.350	1.635.000	40	Удайпуръ . . .	40.000
Удайпуръ	30.050	1.160.000	39		
Пратабгаръ	3.800	150.000	40		
Дунгарпуръ	2.600	175.000	77		
Бансвара	3.900	150.000	39		
7. Агентство Сероги . .	8.300	55.000	7		
B. Агентство Центральной Индіи	129.358	4.813.557	37	Гваліоръ	200.000
Гваліоръ	62.150	2.500.000	40		
Индоръ (съ гражданскими кантонпръ-квартирами) . . .	20.913	635.450	31		
Девасъ	6.671	121.809	18		
Бопалъ	22.722	1.022.778	50		
Мальва	4.356	241.900	53		
Бопаваръ	9.446	253.600	26		
Мауипуръ	2.600	32.020	13		
C. Агентство Бундальхандъ	27.366	1.278.000	47		
D. Агентство Багальхандъ	36.900	2.270.000	62		
Ревахъ	33.660	2.035.000	60		
Различныя владѣнія .	2.240	235.000	100		
E. Гайдарабадъ или владѣнія низама (19 округовъ или сиркаръ)	233.000	9.000.000	39	Гайдарабадъ . . Бидаръ	350.000 40.000
F. Маниипуръ	19.675	126.000	7		

Независимыя государства на склонѣ Гималаевъ.

Пространство: 234.000 кв. килом. Населеніе 3.215.000 жит. Километрическое населеніе: 14.

Названія странъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
Непалъ	147.000	3.000.000	20	Катманду	70.000
				Патанъ	60.000
				Батгаунъ	50.000
Бутанъ	35.200	100.000	3		
Племена на сѣверѣ Аннама	51.800	115.000	2	Товангъ.	

Португальскія владѣнія въ Индіи.

Пространство: 3.380 кв. килом. Населеніе: 444.987 жит. Километрическое населеніе: 135.

Названія странъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
Гоа, Бардезъ и т. д.	3.270	392.604	120	Маргаонъ	20.000
				Панджимъ	17.000
Островъ Діу, и т. д.	30	13.898	463	Діу	10.000
Дамаонъ и округъ	80	38.485	481	Дамаонъ	33.350

Французскія владѣнія въ Индіи.

Пространство: 509 кв. килом. Населеніе: 276.649 жит. Километрическое населеніе: 544.

Названія странъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
Пондишерри	291	150.039	516	Пондишерри	100.000
Шандернагоръ	9	21.819	2.320	Шандернагоръ	21.800
Карикаль	135	92.599	686	Карикаль	60.000
Маге	59	7.672	170		
Янаонъ	14	4.520	316		

Острова, зависящіе географически отъ англійской Индіи.

А. Цейлонъ.

7 округовъ. Пространство: 63.998 кв. килом. Населеніе (въ 1871 г.): 2.607.330 жит. Километрическое населеніе: 41.

Округа.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Главные города. Населеніе.
Центральный	14.944	606.076	400	Канди	19.000
Сѣверо-Центральный	10.284	58.419	6	Коломбо	114.900
Западный	8.663	837.468	96	Пуантъ-де-Галь	52.000
Сѣверо-Западный	7.845	279.421	36	Джафна	38.000
Южный	4.991	408.980	82		
Восточный	9.091	123.349	13		
Сѣверный	8.158	291.759	36		
Кокосовые острова	22	400	19		

В. Другіе острова.

Названія.	Пространство въ кв. килом.	Населеніе.	Жителей на 1 кв. килом.
Андаманъ	6.438	13.500	21
Никобаръ	1.878	600	3
Лакедивскіе и Миникой, обитаемое пространство	58	13.495	233
Малдивскіе, обитаемое пространство	900	150	184
Архипелагъ Чагосъ	192	689	3

ИНДО-КИТАЙ.

Независимая Барманія или Королевство Ава.

Пространство: 457.000 квадр. километр. Народонаселеніе: 4.000.000. Километрическое населеніе: 9.

Собственно королевство раздѣлено на провинціи или вице-королевства, главные города которыхъ почти такъ же часто мѣнялись, какъ и столица. Генри Юль насчитываетъ 15 „королевствъ“, изъ нихъ одно шанское, а остальныя лаоскія.

I. *На западъ отъ р. Салуэнъ.*

Мобье.
Мокъ-ме.
Моне.
Ніунгъ-шуэ.
Легіа.
Тейни.
Тибо.
Тунгъ-зе.
Момейтъ.

II. *На востокъ отъ р. Салуэнъ.*

Майнгленгъ-гьй.
Мюангъ-Тингъ.
Кайнгъ-ма.
Ліангъ-хунгъ.
Кіангъ-тунгъ.
Кіангъ-хенъ.

Королевство Сіамское.

Пространство: 880.339 квадр. килом. Народонаселеніе: 5.750.000 жит. Километрическое населеніе: 7.

Административное дѣленіе Сіама.

(Каждая провинція носитъ имя своего главнаго города).

I. *Центральныя провинціи.*

1. Талатъ-хуанъ (Нутабури).
2. Пакъ-третъ.
3. Самхокъ (Патумматани).
4. Крунгъ-као (Аютіа).
5. Ангъ-Тонгъ.
6. Муангъ-Промъ.
7. Муангъ-инъ.
8. Ксайнатъ.
9. Нахонъ-Саванъ.

II. *Сѣверныя провинціи.*

1. Сангъ-Халокъ.
2. Пицилукъ.
3. Кампенгъ-петъ.
4. Пиксай.
5. Рахейнъ.

III. *Восточныя провинціи.*

1. Петксабунъ.
2. Буасумъ.
3. Сарабури.
4. Нофабури.
5. Нахонъ-найокъ.
6. Пашимъ.
7. Кабинъ.
8. Сасонгъ.
9. Баттамбангъ.
10. Фанатранихомъ.

IV. *Западныя провинціи.*

1. Муангъ-Сингъ
2. Супаннабури.
3. Канчанабури (Пакъ-фрекъ).
4. Раджабури (Рапри).
5. Нахонъ-ксайси.
6. Сахонбури (Ташинъ).
7. Самутъ-сонгхрамъ (Меклонгъ).

V. *Южныя провинціи.*

1. Нахонъ-хуэнъ-ханъ (Паклатъ).
2. Самутапра-хонъ (Пакнамъ).
3. Ксалабури (Бангпласой).

4. Ражонгъ.
5. Шантабунъ.
6. Тунгъ-джай.
7. Печибури (Пипри).
8. Ксумпонъ.
9. Ксайжа.
10. Салангъ.

Каждая провинція управляется губернаторомъ, или *пхажа*, при содѣйствіи *балата* (товарищъ или помощникъ), *жокабата* (второй помощникъ) и двѣнадцати совѣтниковъ называемыхъ *кромаканами*.

Вассальныя государства

(по Пальгуа).

1. Тринганонъ.
2. Калантанъ.
3. Патани.
4. Кедахъ (Муангъ-Сай).
5. Лигоръ (Муангъ-Лахонъ или Наховъ-си-Тамаратъ).
6. Хмеръ (Кампхуксра, Камбоджа).
7. Коратъ (Нахонъ-Ракса-Сема).
8. Ксіенгъ-май.
9. Лабонгъ.
10. Лахонъ.
11. Пре.
12. Нанъ.
13. Люангъ-Прабангъ.
14. Муангъ-Ломъ.
15. Страна ксонговъ.
16. Страна кареновъ.
17. Страна племени лава.
18. Кромѣ того, существуетъ нѣсколько маленькихъ государствъ лаонскихъ и камбоджійскихъ.

Королевство Аннамское.

Пространство: 440.500 кв. килом. Вѣроятное населеніе: 14.000.000 жит. Километрическое населеніе: 32.

Двадцать пять провинцій.

I. *Тонкинъ, 13 провинцій.*

Каобангъ.
Лангсонъ.
Куангіенъ.
Ванъ-нинь.
Туенкуангъ.
Тайнгьенъ.
Бакнинь.
Гайдзюонгъ.
Гунгьенъ.
Ханой.
Намдинь.
Сонтай.
Нинь-бинь.

II. *Южная Кохинхина, 12 провинцій.*

Таньгоа.
Гатинь.
Нгеанъ.
Куангбинь.
Куангтри.
Куангдюкъ (Гюэ).
Куангнамъ (Туранъ).
Куангнгай.
Биньдинь (Куиньонъ).
Пюйенъ.
Нхатрангъ.
Биньтуанъ.

Королевство Камбоджа.

Пространство: 83.861 кв. километр. Народонаселеніе: 950.000 жит. Километрическое населеніе: 14.

57 провинцій, сгруппированныхъ въ 5 дей или земель (по Фуресу).

1. Земля Кампонгъ-Свай.
2. Земля Пурсатъ.
3. Земля Треангъ.
4. Земля Тбаунгъ-Хмумъ.
5. Земля Ваппомъ.

Французская Кохинхина.

Пространство: 59.456 кв. килом. Населеніе: 1.900.000 жит. Километрическое населеніе: 30.

4 области, 19 инспекцій или округовъ.

I. *Сайгонъ, 5 округовъ.*

1. Сайгонъ.
2. Тайнинь.
3. Туданмотъ.
4. Біенгоа.
5. Баріа.

II. *Мито, 4 округа.*

1. Мито.
2. Тананъ.
3. Гоконгъ.
4. Шолонъ.

III. *Винь-Лонгъ, 4 округа.*

1. Винь-Лонгъ.
2. Бентре.
3. Травинь.
4. Седекъ.

IV. *Бассакъ, 6 округовъ.*

1. Шодокъ.
2. Гатіенъ.
3. Лонгъ-Ксіенъ.
4. Рашгіа.
5. Канто.
6. Сокрангъ.

Англійскія владѣнія на полуостровѣ Малаккѣ.

Пространство: 3.742 кв. килом. Населеніе: 424.000 жит. Километрическое населеніе: 114.

1. Пуло-Пинангъ.
2. Провинція Уэллеслей.
3. Диндингъ.
4. Малакка.
5. Сингапуръ.

Государства, состоящія подъ покровительствомъ, или независимыя.

Пространство: 82.099 кв. килом. Населеніе: 300.000 жит. Километрическое населеніе: 36.

Перакъ.
Пахангъ.
Селангоръ.
Негри Сембиланъ.
Джохоръ.

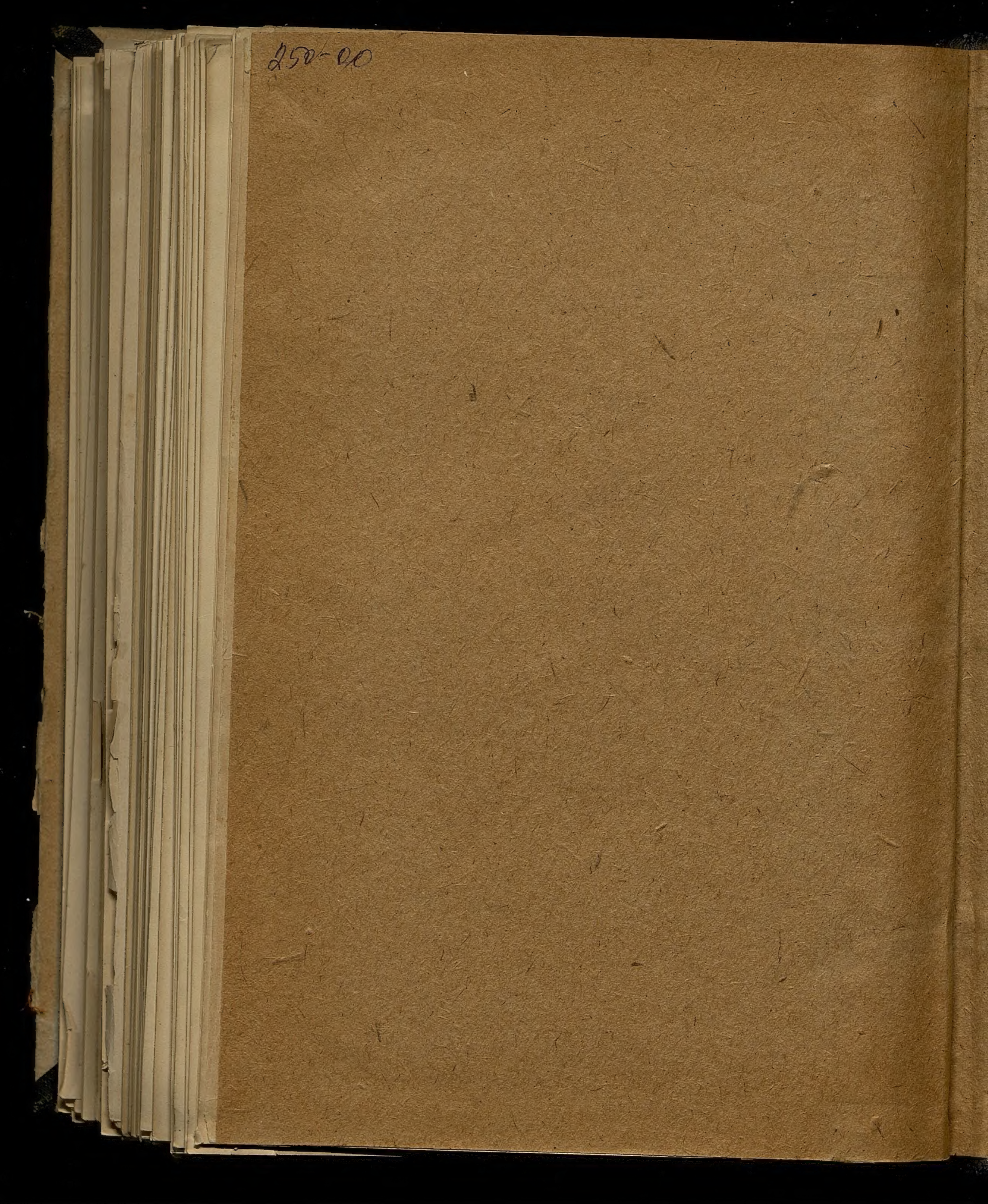
КОНЕЦЪ ВОСЬМАГО ТОМА.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

(Цифры означаютъ страницы).

>‡<

250-00

40р